

ЕНИСЕЙСКИЕ ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

ВЫПУСК IV

Сборник научных статей
студентов, аспирантов
и молодых ученых,
приуроченный к 65-летию
Юридического института
Сибирского федерального
университета

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
Юридический институт

ЕНИСЕЙСКИЕ ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

сборник научных статей студентов, аспирантов и молодых ученых,
приуроченный к 65-летию Юридического института
Сибирского федерального университета

Электронное научное издание

Красноярск
СФУ
2020

УДК 34
ББК 67.3
Е63

Редакционная коллегия:

Шишко И.В., д-р юрид. наук –
председатель редколлегии,
Анисимова Л.Ю., канд. ист. наук,
Гордеев Р.Н., канд. юрид. наук,
Дамм И.А., канд. юрид. наук,
Дробышевский С.А., д-р юрид. наук,
Журавлева И.А., канд. юрид. наук,
Качур Н.Ф., канд. юрид. наук,
Кондрашев А.А., д-р юрид. наук,

Любченко М.Я., канд. юрид. наук,
Мишина И.Д., канд. юрид. наук,
Москалев Г.Л., канд. юрид. наук,
Назаров А.Д., д-р юрид. наук,
Петрова Е.И., канд. юрид. наук,
Сахнова Т.В., д-р юрид. наук,
Сидорова Т.Ю., канд. юрид. наук,
Тарбагаев А.Н., д-р юрид. наук,
Тепляшин П.В., д-р юрид. наук

Е63 **Енисейские правовые чтения** : сб. науч. ст. студентов, аспирантов и молодых ученых, приуроченный к 65-летию ЮИ СФУ / отв. ред. Г.Л. Москалев, Р.Н. Гордеев. – Электрон. дан. – Красноярск: Общественный комитет по защите прав человека, 2020. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана.

ISBN 978-5-9500618-6-8

Представлены научные статьи студентов, аспирантов и молодых ученых Юридического института Сибирского федерального университета, а также других вузов России, Беларуси и Германии. Тематика секций сборника соответствует ключевым направлениям студенческой науки института в год его 65-летнего юбилея.

Предназначено для преподавателей и обучающихся юридических вузов, а также всех, кто интересуется актуальными проблемами права.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-9500618-6-8

9 785950 061868

УДК 34
ББК 67.3

© Сибирский федеральный университет, 2020
© Оформление. А.Д. Сафонов, 2020

Электронное научное издание

Подписано в свет 18.05.2020. Заказ № 7
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Красноярская региональная общественная организация
«Общественный комитет по защите прав человека»
660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА

© Е.А. Ануфриева

Научный руководитель: А.В. Пушкина

Сибирский федеральный университет

На сегодняшний день легальное определение земельного участка содержится в пункте 3 статьи 6 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ): «земельный участок как объект права собственности и иных предусмотренных настоящим Кодексом прав на землю является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи». Данный пункт введен Федеральным законом от 23.06.2014 года №171-ФЗ и вступил в силу с 1 марта 2015 года. Ранее понятие земельного участка содержалось в статье 11.1 ЗК РФ: «земельным участком является часть земной поверхности, границы которой определены в соответствии с федеральными законами».

Согласно приведенной статье 6 ЗК РФ к объектам земельных отношений относится также земля как природный объект и природный ресурс. В Кодексе определения «земли» нет, как отмечает Д.В.Козлов это связано с многозначностью данного термина, но при этом, исходя из смысла принципов земельного законодательства, земля должна рассматриваться как природный объект, природный ресурс и недвижимое имущество [4, с. 129]. Тем не менее, в иных нормах законодатель использует оба эти понятия, иногда смешивая их содержание. Возникает вопрос: как разграничить эти понятия правоприменителю?

Рассмотрим примеры. Статья 130 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) к недвижимым вещам относит земельные участки. Глава 17 ГК РФ обозначена как право собственности и другие вещные права на землю, однако положения главы используют именно термин земельный участок, следовательно, регулирование установления вещных прав осуществляется в отношении земельного участка, а не земли как природного объекта. В пп.1 пункта 1 статьи 1 ЗК РФ земля рассматривается как природный объект и одновременно как недвижимое имущество – объект права собственности и иных прав на землю. Статья 129 ГК РФ, посвященная оборотоспособности объектов гражданских прав, говорит о том, что земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться или переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах. В п. 3 статьи 209 ГК РФ говорится о владении, пользовании и распоряжении землей и другими природными ресурсами.

Также можно обратиться к дискуссии, которая ведется в литературе.

По мнению Д.В.Козлова к объектам гражданских прав могут относиться только земельные участки. Земля в целом как земельный фонд является объектом публичного права и составной частью территории РФ.

А.А. Иванов, рассуждая о содержании норм, закрепленных в п. 2 ст. 214 ГК РФ и п.1 ст.16 ЗК РФ, отмечает, что в них используется старая лексика советского земельного права, а именно термин «земля», а не «земельные участки». Современные законодательные акты, регулируя отношения по поводу объектов права собственности, почти всегда имеют в виду именно земельные участки [3, с. 38].

Д.А. Тоточенко полагает, что понятие «земля» понимается в ЗК РФ в двух значениях: как синоним земельного участка и как совокупность таких участков [6, с. 154].

Н.Ю. Чаплин считает, что гражданские правоотношения возникают не по поводу земли как природного ресурса, а по поводу земли, которая обладает определенными качествами, позволяющими назвать ее правовой категорией. В связи с этим автору видится целесообразным перенос законодательного определения земельных участков как объектов права собственности и иных вещных прав в ГК РФ [7, с. 158].

Г.Л. Землякова приходит к выводу, что применительно к имущественным отношениям термин «земли» может быть использован только в отношении публичной собственности [2, с. 57].

Можно сделать вывод, что четкого критерия разграничения понятий земля и земельный участок нет, а для установления содержания правовых положений необходимо определять смысл, закладываемый законодателем, в каждом конкретном случае, т.к. для правового регулирования общественных отношений крайне важно определить нормы, подлежащие применению.

В литературе высказана точка зрения, согласно которой необходимо на законодательном уровне закрепить два определения земельных участков – одно в ГК РФ, дав определение земельного участка как объекта недвижимости, а другое – в ЗК РФ, установив понятие земельного участка применительно к сфере действия земельного законодательства [1, с. 147]. Но, на мой взгляд, это излишне. Факт того, что имущественные отношения, связанные с земельными участками, регулируются одновременно ГК РФ и ЗК РФ не влечет необходимости в двух определениях, это может повлечь лишь дополнительную путаницу. Определение, закрепленное в настоящее время, отражает не только технические свойства земельного участка как объекта межевания: в последней части определения сделан акцент на гражданско-правовой аспект.

Возвращаясь к новому определению земельного участка. В нем речь идет фактически о любых признаках, позволяющих определить земельный участок в качестве индивидуально определенной вещи. Однако возникает вопрос, какие иные признаки кроме границ могут идентифицировать земельный участок?

Новую формулировку «характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи» Г.В. Савенко и А.А. Ялбулганов относят к «технической» части определения [5, с. 132]. Детализируется оно положениями Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 №218-ФЗ (далее – Закон о регистрации). Именно положения данного закона позволяют рассуждать о характеристиках, индивидуализирующих земельный участок.

По ч. 4 ст. 8 Закона о регистрации основными характеристиками земельного участка как объекта недвижимости являются: вид объекта недвижимости, кадастровый номер объекта недвижимости и дата его присвоения, описание местоположения, площадь. Средством индивидуализации любого объекта выступает, конечно же, кадастровый номер, он присваивается один раз, является уникальным во времени и пространстве на территории РФ. Но это скорее технический признак, нас же больше интересует описание местоположения земельного участка.

В ранее действующем законе, акцент был сделан на границы: «описание местоположения границ объекта недвижимости», сейчас этот элемент «ушел». Но на практике границы все равно остаются способом описания местоположения. Например, в решении АС Самарской области от 3 апреля 2015 г. по делу №А55-23366/2014 указано следующее: «уникальными характеристиками земельного участка являются его границы, местоположение которых в силу Закона о государственном кадастре устанавливается в соответствии с координатами...».

По ч. 8 ст. 22 Закона о регистрации, посвященной требованиям к межевому плану, местоположение границ земельного участка устанавливается посредством определения координат характерных точек таких границ, то есть точек изменения описания границ земельного участка и деления их на части. Данное положение и приведенный пример соответствуют идеальной ситуации, когда проведено межевание и в реестр внесены координаты земельного участка. Однако, на сегодняшний день не все земельные участки, поставленные на кадастровый учет, имеют границы. Полагаю, существование таких участков стало одной из причин изменения дефиниции «земельный участок».

Отсутствие в ЕГРН сведений о границах земельных участках обусловлено следующим. В России впервые постановка земельных участков на кадастровый учет с определением местоположения их границ начала осуществляться с появлением Федерального закона «О государственном кадастре недвижимости» от

24.07.2007 № 221-ФЗ. Участки, образованные до введения данного закона, отображаются на Публичной кадастровой карте как «ранее учтенные». На практике отсутствие границ, бесспорно, влечет множество проблем, например, споры с соседями при «наложении» границ, невозможность объединения земельных участков «без границ» и т.д. В ЕГРН о таких участках имеется информация об адресе, площади (примерная), правообладателе и т.д., но нет координат характерных точек (границ).

Еще одним индивидуализирующим признаком выступает площадь. Закон устанавливает зависимость площади земельного участка от установленных границ, так как площадь исчисляется, а границы устанавливаются. Не может быть обратной зависимости. В отношении не межеванных земельных участков площадь является лишь примерной.

Таким образом, можно сделать вывод, что индивидуализирующими признаками могут выступать: местоположение, площадь и границы земельного участка. Наилучший для практики вариант – это наличие одновременно всех признаков. Однако из-за отсутствия межевания у многих участков, индивидуализация возможна только с помощью иного описания местоположения земельного участка.

Список использованных источников:

1. Барциц Т.Ц. Понятие земельного участка в доктрине отечественного и зарубежного права» / Т.Ц. Барциц // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2017. – №2. – С. 147-153.

2. Землякова, Г.В. Земля и земельный участок как объекты земельных правоотношений: проблемы терминологии / Г.Л. Землякова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019 – №1. – С. 54-63.

3. Иванов А.А. О презумпции права государственной собственности на землю в России / А.А.Иванов // Закон. – 2016. – № 6. – С. 35-41.

4. Козлов, Д.В. Соотношение понятий «земля» и «земельный участок» в современном российском праве / Д.В. Козлов // Вопросы российского и международного права. – 2016. – № 2. – С. 127-139.

5. Савенко Г.В., Ялбулганов А.А. Земельные участки: образование, межевание и земельные иски (вторая половина XVIII – начало XXI в.) / Г. В. Савенко, А. А. Ялбулганов. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 269 с.

6. Тоточенко, Д.А. Понятие «земельный участок» и его соотношение со схожими терминами / Д.А. Тоточенко // Журнал российского права. – 2016. – № 11. – С. 152-159.

7. Чаплин, Н.Ю. Понятие и особенности земельного участка как объекта гражданских прав / Н.Ю. Чаплин // Журнал российского права. – 2018. – № 8. – С. 155-161.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ РЕШЕНИЙ СОБРАНИЙ

© **Д.К. Божкова**

Научный руководитель: Н.Ф. Качур

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В российском корпоративном праве до сих пор не сложилось единого мнения относительно правовой природы решений собраний. Между тем данная проблема имеет не только теоретическое значение, но практическое. Признавая или не признавая решения собраний сделками, можем ли мы по аналогии применять нормы о сделках, в том числе положения о последствиях недействительности сделок к решениям собраний?

В отношении правовой природы решений собраний есть несколько сложившихся подходов.

Сторонники так называемой «нормативной теории» отождествляют такое решение с источником права, то есть актом, который издается органами юридического лица. Такой подход можно встретить в работах С.Н. Касаткина[4], Л.А. Чеговадзе[6], И.С. Шиткиной [7]. Названные авторы обосновывают свою позицию тем, что решение органа юридического лица является локальным нормативным актом, и потому обязательным для исполнения участниками гражданско-правового сообщества. Другими словами, участники гражданско-правового сообщества при вступлении в него по своей воле приняли на себя бремя подчинения воли большинства, которая, в том числе, выражается в принятии внутренних документов [7, с. 13].

С данным подходом нельзя согласиться, потому что принимаемые собранием решения имеют обязательную силу только для участников общества и самого общества. Вместе с тем, необходимо отметить, что сфера действия нормативного акта выходит за пределы органа его принявшего и распространяется на неопределенный круг лиц.

Вторая группа авторов утверждает, что решение собрания является самостоятельным юридическим фактом, так как сам законодатель дает понять об «отличной» правовой природе сделок от правовой природы решений собраний. В частности, как отмечает В.В.Долинская, это проявляется в том, что положения о

решениях собраний помещены в отдельную главу Гражданского Кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), а не в главу 9 ГК РФ [2, с. 19]. Также, решения собраний выделены законодателем в качестве самостоятельного, наряду со сделками, основания возникновения гражданских прав и обязанностей (подп. 1 п. 1 ст. 8 ГК РФ). По мнению А.В. Ткача, признание недействительным решения собрания является отдельным способом защиты гражданских прав, закрепленным в ст. 12 ГК РФ вместе с таким способом защиты, как признание сделки недействительной и применения последствий ее недействительности [5, с. 104].

Кроме того, представители данного подхода ссылаются на то, что одним из условий действительности сделки является соответствие воли и волеизъявления. Несоответствие между истинными намерениями лица и его выражением вовне может служить основанием для признания сделки недействительной. Вместе тем, очень редко участники корпорации могут принять единогласно решение по вопросу повестки дня, и в случае, если кто-то из участников воздержался или голосовал против принятия решения, при наличии определенного кворума решение все равно может быть принято.

С представителями данного подхода вряд ли можно согласиться. Несмотря на выделение законодателем отдельной главы в ГК РФ о решениях собраний, можно заметить влияние общих положений ГК РФ о сделках на регламентацию решений собраний. В частности, в главе 9.1 ГК РФ недействительные решения собраний, так же как и недействительные сделки, делятся на оспоримые и ничтожные, несколько оснований недействительности решений собраний открыто пересекаются с основаниями недействительности сделок, предусмотренными § 2 главы 9 ГК РФ.

Сторонники следующего подхода относят решения собраний к сделкам. В частности Д.В. Новак, опираясь на Концепцию совершенствования общих положений ГК РФ, отмечает, что решение собрания как юридический акт, выражается в первую очередь в том, что он образуется даже в том случае, если против принятия решения голосовали некоторые лица, участвовавшие в его принятии [3]. То есть, в отличие от односторонних сделок или договоров (ст. 154 ГК РФ), для того чтобы решение собрания имело силу, не обязательно, чтобы воля была изъявлена всеми субъектами, которые имеют право принятия решения – участниками данного гражданско-правового сообщества.

Представители «сделочной теории» ссылаются на аргумент о том, что решение собрания, также как и сделка, достигает определенного правового результата и, кроме того, содержит направленную на этот результат волю субъектов. Понятие сделки, закрепленное в ст. 153 ГК РФ, в соответствии с которым сделки – это действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение

или прекращение гражданских прав и обязанностей, не содержит такого необходимого признака, как совпадение воли всех участников сделки[3].

С данным выводом можно согласиться, поскольку возможность принятия решения собранием против воли некоторых участников гражданско-правового сообщества, не противоречит сущности сделки. Помимо этого, в законе можно встретить положения, когда для совершения сделки не требуется согласия всех лиц. Например, п. 1 ст. 450 ГК РФ расторжение или изменение договора, заключенного между сторонами предпринимательской деятельности, может на основании соответствующих положений такого договора осуществляться по соглашению большинства его сторон. Но в отличие от решений собраний, данное положение само по себе не ставит под сомнение то, что это соглашение будет признаваться сделкой.

Как уже указывалось выше, практическое значение вопроса, рассматриваемого в данной статье, проявляется в возможности или не возможности применения общих положений о сделках, об их недействительности, равно и о применении последствий недействительности сделок, к решениям собраний в той части, в которой соответствующие отношения не регламентированы положениями главы 9.1 ГК РФ и специальными законами.

Отвечая на поставленный вопрос, отметим, что нормы главы 9.1 ГК РФ не содержат правил по некоторым вопросам, урегулированным нормами ГК РФ в отношении сделок, и могли бы оправданно применяться и к решениям собраний. Например, согласно ст. 157 ГК РФ возможно совершение сделок под отлагательным или отменительным условием.

Принятие решений собраний также возможно под условием. Например, общее собрание участников общества с ограниченной ответственностью может принять решение об одобрении совершения обществом той или иной сделки при условии государственной регистрации изменений в сведения о юридическом лице, содержащиеся в Едином государственном реестре юридических лиц (к примеру, при смене директора общества с ограниченной ответственностью).

Также, можно смело сказать о возможности применения к решениям собраний положений о некоторых основаниях недействительности сделок, например, о мнимых и притворных сделках (ст. 170 ГК РФ). Так, например, мнимым решением собрания будет являться принятое решение об избрании нового генерального директора юридического лица, но на самом деле полномочия единоличного исполнительного органа на протяжении длительного времени продолжает исполнять прежний генеральный директор, при этом «вновь избранный» генеральный директор об этом знает и не возражает.

Таким образом, законодатель, закрепляя в ГК РФ новую главу о решениях собраний, не дал четкого ответа на вопрос о правовой природе решений собраний. Главной задачей законодателя было восполнить пробелы в правовом регулировании решений, конечно, ее следует признать с успехом выполненной, так большинство вопросов, по которым ранее имелись такие пробелы, теперь решены в главе 9.1 ГК РФ.

Подводя итоги, следует признать более убедительной позицию тех авторов, которые отождествляют решения собраний со сделками. Распространение некоторых положений о сделках, о применении последствий недействительности сделок на решения собраний, позволит восполнить пробелы в законодательстве о решениях собраний. Тем не менее, рассматриваемый вопрос требует пристального внимания законодателя и правоприменителя, а также дальнейших доктринальных исследований.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Российской Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16.12.2019) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Долинская, В.В. Собрания и их решения в гражданском праве и праве корпораций / В.В. Долинская // Власть закона. – 2014. – № 3. – С. 15–24.
3. Карапетов, А.Г. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153 – 208 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, С.Л. Будылин, Р.С. Бевзенко, и др. / отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва, 2018. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (автор главы Д.В. Новак).
4. Касаткин, С.Н. Правовая природа согласия / С.Н. Касаткин // ДНК Права. – 2014. – № 1. – С. 24–27.
5. Ткач, А.В. Решение собрание как юридический факт / А.В. Ткач // Законы России: опыт, анализ, практика, – 2015. – № 7. – С. 102-107.
6. Чеговадзе, Л.А. О договорах и сделках как юридических фактах / Л. А. Чеговадзе // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 6. – С. 15–16.
7. Шиткина И.С. Локальное (внутреннее) нормотворчество в акционерном обществе // Налоги. – 2006. – № 14. – С. 11–16.

**ОБРАЩЕНИЕ В ДОХОД ГОСУДАРСТВА ИМУЩЕСТВА,
ПРИБРЕТЕННОГО С НАРУШЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ**

© С.В. Боричевский

**Научный руководитель: М.В. Кратенко
канд. юрид. наук**

Сибирский федеральный университет

Принудительное прекращение права собственности на имущество, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы (подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ), является относительно новым явлением в российском праве.

Предпосылкой появления данного основания прекращения права собственности можно считать речь президента РФ Д.А. Медведева в Послании Федеральному собранию 2011 года. Президент выразил мнение о необходимости контроля средств государственных служащих. Данный контроль позволяет выявить расхождение в доходах и расходах государственных служащих в целях противодействия коррупции. Другими словами, теперь государственные служащие предоставлять информацию о всех своих источниках дохода, а также информацию о расходах. В последующем был принят Федеральный закон № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Кроме того была принята поправка к п. 8 ст. 235 ГК РФ, которая и устанавливала прекращение права собственности на имущество, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы [1, с. 87].

По итогам обобщения судебной практики применения подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ можно выделить следующие особенности рассмотрения данной категории споров.

С иском в суд обычно обращается прокурор, действуя в интересах РФ. При этом судебное разбирательство проходит в рамках гражданского судопроизводства. Ответчиком в суде выступает лицо, в обязанности которого входит предоставление данных о своих доходах и расходах. В соответствии со ст. 2 Федерального закона № 230-ФЗ к таким лицам отнесены субъекты, занимающее (замещающее) государственные должности Российской Федерации, в отношении которых федеральными конституционными законами или федеральными законами не установлен иной порядок осуществления контроля за расходами; должности членов Совета директоров Центрального банка Российской Федерации;

государственные должности субъектов Российской Федерации; муниципальные должности; должности в иных организациях, созданных Российской Федерацией на основании федеральных законов, осуществление полномочий по которым влечет за собой обязанность представлять сведения о своих доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также депутаты субъекта РФ вне зависимости от того, осуществляет свою деятельность на постоянной основе, или же вместе с основной деятельностью. Кроме того, данные о расходах должны предоставлять супруги и несовершеннолетние дети лиц, занимающих (замещающих) вышеперечисленные должности [3].

Прокурор должен представить доказательства принадлежности спорного имущества кому-либо из ответчиков, приобретения его в отчетном периоде, доказательства, подтверждающие действительную стоимость имущества, факт превышения стоимости этого имущества по отношению к совокупному доходу ответчиков за три последних года, предшествовавших отчетному периоду, а также материалы, свидетельствующие о соблюдении при осуществлении контроля за расходами процедуры, установленной Федеральным законом № 230-ФЗ.

Суд оценивает предоставленные доказательства каждой из сторон в порядке установленным статьей 67 ГПК РФ, то есть с точки зрения относимости, допустимости и достаточности.

Ответчик, то есть государственный служащий, в отношении которого выявлено несоответствие его расходов и доходов, имеет право предоставлять любые доказательства, которые могут подтвердить законность происхождения средств, затраченных на покупку имущества. В качестве доказательств, например, могут использоваться свидетельские показания. Если же доказательством законности средств ответчика является гражданско-правовая сделка, то судья должен удостовериться в действительности данной сделки и получении по этой сделке средств на приобретение спорного имущества [2].

Другими словами, ответчик может попытаться уйти от ответственности, заключив с третьим лицом договор займа или дарения. Однако, если прокурор, используя статус истца в гражданском деле, получит информацию из налоговых органов, отделений Пенсионного фонда РФ об уровне дохода этих третьих лиц, то есть займодавцев и дарителей, и их доходы (за последние три года) не будут соответствовать сумме переданного имущества или денежной суммы, переданной по договору займа, такая сделка будет расцениваться судом как мнимая, следовательно, недействительной. Обратимся к примеру.

Прокурор обратился с иском в Куйбышевский районный суд г. Омска 08.09.2017. В своем иске просил обратить в доход Российской Федерации на основании п. 8 ст. 235 ГК РФ квартиру площадью 115 кв.м. и место в подземной

парковке, принадлежащие М.В. и М.Л. В обоснование иска прокурор указал, что 08.08.2017 от заместителя Председателя Правительства Омской области поступили документы о результатах осуществления контроля за соответствием расходов ответчика, которые не соответствуют сумме, за которую были приобретены вышеуказанные квартира и место в подземной парковке. Ответчик указывал на то, что средства на покупку были получены им по договору займа от 30.09.2012 от компании «И*****», находящейся за пределами Российской Федерации, по которому М.В. получил 1300000 евро под 7% годовых на 4 года. Оценив данное объяснение ответчиков в совокупности с другими доказательствами по делу, суд согласился с мнением прокурора о том, что ответчиками не представлено доказательств фактического исполнения договора займа с компанией «И*****». Из текста спорного договора займа следовало, что он подписан представителем займодавца – Б., который по условиям договора передает заемщику сумму займа в размере 1300000 евро. Однако из письменных пояснений самого М.В. следует, что указанный договор займа от имени займодавца Б. не подписывала, денежных средств М.В. она не передавала, денежные средства в размере 1300000 евро были получены М.В. от лиц, не имевших надлежащим образом удостоверенных полномочий действовать от имени компании «И*****». С учетом данных обстоятельств договор займа признан судом недействительным. И поскольку у ответчика больше не нашлось каких-либо иных приемлемых объяснений и допустимых доказательств происхождения средств на покупку недвижимости, квартира и парковочное место по решению суда подлежали обращению в доход государства [4].

Таким образом, можно прийти к выводу, что при доказывании ответчиком законности происхождения своих доходов ему необходимо понимать, что истец (прокурор), в свою очередь, может обратиться с запросами в различные государственные органы для проверки достоверности указанных данных. В случае признания судом соответствующих договоров мнимыми (ничтожными), они не будут приниматься во внимание в качестве подтверждения законности происхождения денежных средств.

Список использованных источников:

1. Исакова Н.А. Порядок обращения в доход государства имущества, в отношении которого в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции не представлены доказательства его приобретения на законные доходы // Ленинградский юридический журнал. 2015. №3 (41). С. 86-92.

2. Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 30 июня 2017. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».

3. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам: федеральный закон РФ от 3 декабря 2012 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 50.- Ст. 6953.

4. Решение Куйбышевского районного суда г. Омска от 20 ноября 2017 г. по делу № 2-3936/2017. Документ опубликован не был. Доступ из Интернет-ресурса Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗДЕЛА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛОГО ДОМА МЕЖДУ СОБСТВЕННИКАМИ ЕГО ДОЛЕЙ

© П.А. Горбачев

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

© С.Ю. Русанова

Российский государственный университет правосудия

В соответствии с ч. 7 ст. 41 Закона № 218-ФЗ «государственный кадастровый учет и государственная регистрация права собственности на помещение или помещения (в том числе жилые) в жилом доме (объекте индивидуального жилищного строительства) или в жилом строении не допускаются» [1].

В соответствии с ч. 39 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ: «объект индивидуального жилищного строительства – отдельно стоящее здание с количеством надземных этажей не более чем три, высотой не более двадцати метров, которое состоит из комнат и помещений вспомогательного использования, предназначенных для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с их проживанием в таком здании, и не предназначено для раздела на самостоятельные объекты недвижимости. Понятия «объект индивидуального жилищного строительства», «жилой дом» и «индивидуальный жилой дом» применяются в настоящем Кодексе, других федеральных законах и иных нормативных правовых актах Российской Федерации в одном значении, если иное не предусмотрено такими федеральными законами и нормативными правовыми актами Российской Федерации. При этом параметры, устанавливаемые к объектам индивидуального жилищного строительства настоящим Кодексом, в равной степени применяются к

жилым домам, индивидуальным жилым домам, если иное не предусмотрено такими федеральными законами и нормативными правовыми актами Российской Федерации» [2].

Однако, анализ судебной практики показывает, что суды, ссылаясь на ст. 252 ГК РФ, а так же учитывая экспертные заключения продолжают производить разделы жилых домов, что приводит в будущем к проблемам у разделяющихся сторон и неисполнимости решений. Судами не учитывается, что согласно п. 3 ст. 252 ГК РФ: «При недостижении участниками долевой собственности соглашения о способе и условиях раздела общего имущества или выдела доли одного из них участник долевой собственности вправе в судебном порядке требовать выдела в натуре своей доли из общего имущества. Если выдел доли в натуре не допускается законом или невозможен без несоразмерного ущерба имуществу, находящемуся в общей собственности, выделяющийся собственник имеет право на выплату ему стоимости его доли другими участниками долевой собственности» [3]. При этом, как мы указали выше, в Федеральном законе прямо указано о недопустимости образования помещений в жилом доме, а, следовательно, недопустимости выдела доли жилого дома в натуре.

Еще одной проблемой является то, что эксперты зачастую не являются специалистами в области права и предлагают варианты раздела жилого дома на помещения, при этом не учитывают следующие обстоятельства. Во-первых, жилой дом является объектом капитального строительства – зданием, это прямо указано в ч. 39 ст. 1 Градостроительного кодекса РФ [2]. Согласно п. 2 ст. 2 Федерального Закона от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (далее – Технический регламент): «здание – это результат строительства, представляющий собой объемную строительную систему, имеющую надземную и (или) подземную части, включающую в себя помещения, сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения и предназначенную для проживания и (или) деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных» [4]. Здание включает в себя не только помещение, но и конструктивные элементы (крыша стены фундамент и системы и сети). Владея собственностью доли здания, сторона владеет собственностью доли как помещений находящихся в этом здании, так и сетей инженерно-технического обеспечения, систем инженерно-технического обеспечения, строительных конструкций, конструктивных элементов здания, а так же обладает правами на земельный участок.

В соответствии с Градостроительным кодексом Российской Федерации, «помещение – это часть объекта капитального строительства (одна из составных частей здания), при этом объект капитального строительства – здание, строение,

сооружение, объекты, строительство которых не завершено, за исключением временных построек, киосков, навесов и других подобных построек» [2]. Таким образом, помещение в здании не является самостоятельным объектом капитального строительства, а является составной частью здания наряду с остальными помещениями, сетями инженерно-технического обеспечения, системами инженерно-технического обеспечения, строительными конструкциями, конструктивными элементами здания. Прекращение права долевой собственности на здание лишает собственника прав на его составные части, а так же права на участок.

Раздел здания на помещения не предусмотрен действующим законодательством, а так же программным комплексом Росреестра. При этом, прекращая права долевой собственности на здания и признавая права собственности сторон на помещения, суды оставляют без внимания и не определяют правовой режим остальных составных частей здания. Согласно п. 1 ст. 133 Гражданского Кодекса Российской Федерации: «...вещь, раздел которой в натуре невозможен без разрушения, повреждения вещи или изменения ее назначения и которая выступает в обороте как единый объект вещных прав, является неделимой вещью и в том случае, если она имеет составные части». Соответственно и судами не принимается во внимания что собственники дома, являющиеся в том числе собственниками и конструкций и коммуникаций фактически лишаются на них права [3].

Признавая право на какую либо совокупность помещений в жилом доме и прекращая право долевой собственности на сам жилой дом, суды не учитывают и отсутствие объектов недвижимости, и объектов права подлежащего регистрации.

Согласно абз. 3 ч. 1 ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации: «к недвижимым вещам относятся жилые и нежилые помещения, а также предназначенные для размещения транспортных средств части зданий или сооружений (машино-места), если границы таких помещений, частей зданий или сооружений описаны в установленном законодательством о государственном кадастровом учете порядке» [3]. Таким образом, до постановления на кадастровый учет помещения, на которое пытаются признать права лица в результате раздела жилого дома, данные помещения не являются объектами недвижимости, и не подлежат регистрации.

В соответствии с ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»: «...к основным сведениям об объекте недвижимости относятся характеристики объекта недвижимости, позволяющие определить такой объект недвижимости в качестве индивидуально-определенной вещи, а также характеристики, которые определяются и изменяются в результате образования земельных участков, уточнения местоположения границ земельных участков, строительства и реконструкции зданий, сооружений, помещений и машино-мест, перепланировки помещений» [1].

В кадастр недвижимости вносятся следующие основные сведения об объекте недвижимости: 1) вид объекта недвижимости (земельный участок, здание, сооружение, помещение и т.п.); 2) кадастровый номер объекта недвижимости и дата его присвоения. Проще говоря, без кадастрового номера, объект не является объектом недвижимости, а соответственно на него не может быть признано право подлежащее регистрации как на объект недвижимости. Таким образом, регистрация права на объект, не определенный в качестве индивидуально-определенной вещи и не являющийся недвижимой вещью будет невозможна, что повлечет неисполнимость решения суда в случае удовлетворения раздела жилого дома на помещения в нем.

В силу положений Закона № 218-ФЗ при «разделе объекта недвижимости образуются объекты недвижимости того же вида что был исходный объект недвижимости, но с собственными характеристиками, отличными от характеристик исходного объекта недвижимости, исходный объект недвижимости прекращает свое существование» [1]. С учетом пункта 5 Обзора судебной практики по делам, связанным с оспариванием отказа в осуществлении кадастрового учета, утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 ноября 2016 г., в целях раздела здания необходимо обеспечить физическую автономность и независимость образуемых в результате раздела зданий друг от друга. С учетом изложенного, раздел здания возможен только в отношении здания, а не помещения.

Таким образом, раздел жилого дома и образование помещений в доме не допускается, а решения о таких разделах противоречат действующему законодательству и являются неисполнимыми, такую позицию высказал Верховный Суд РФ в Кассационном определении от 20.02.2019г. по делу № 14-КГ18-54, поддерживая Управление Росреестра в отказе в постановке на учет и регистрации права собственности на квартиры в результате раздела жилого дома на основании определения Рамонского районного суда Воронежской области от 22 марта 2017 года.

Следует отметить, что, учитывая положения пункта 1 статьи 247 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 37 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 6/8, невозможность выдела доли из имущества, находящегося в долевой собственности, в натуре, в том числе и в случае, указанном в пункте 3 статьи 252 Гражданского кодекса Российской Федерации, не исключает права участника общей долевой собственности заявить требование об определении порядка пользования этим имуществом, если этот порядок не установлен соглашением сторон.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» от 13.07.2015 № 218-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182661/
2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2019) – [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_51040/
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) – [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
4. Федеральный закон «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» от 30.12.2009 № 384-ФЗ (последняя редакция) – [Электронный ресурс] // [Режим доступа]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_95720/

**К ВОПРОСУ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЧЛЕНОВ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ
ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**

© А.В. Довгополая

Научный руководитель: И.С. Богданова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В настоящее время в рамках вопроса ответственности членов органов управления юридических лиц особое место занимает ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ [3], закрепляющая требование о добросовестном поведении участников корпоративных отношений. Применение к действиям (бездействиям) участников корпоративных отношений требования добросовестности, как основания ответственности и отсутствие законодательного разъяснения его содержания на протяжении длительного времени порождают в судебной практике и в научной среде большое количество дискуссий.

Специальные законы, наряду с Гражданским кодексом РФ, устанавливают, что нарушение обязанности уполномоченных лиц «действовать *в интересах общества* добросовестно и разумно» является основанием для привлечения указанных лиц к ответственности. Важнейшим вопросом в этой связи является вопрос содержания добросовестного поведения, используемого в ст. 53.1 ГК РФ и в п. 3 ст. 1 ГК РФ, ст. 10 ГК РФ.

Понятие добросовестного поведения органов управления юридических лиц Гражданским кодексом РФ не раскрывается. В общегражданском смысле,

добросовестным поведением является поведение, ожидаемое от *любого участника гражданского оборота*, учитывающего права и законные интересы другой стороны [9]. Но содержание ст. 53.1 ГК РФ обязывает субъекта действовать в интересах общества, в то время как смысл требования добросовестности в рамках ст. 1 и 10 ГК РФ состоит в совершении действий, ожидаемых от каждого участника правоотношений.

Для того, чтобы установить разницу в приведенных случаях необходимо учитывать, что в российском законодательстве под термином «добросовестность» одновременно существуют два понятия: так называемые «объективная» и «субъективная» добросовестность. Под объективной добросовестностью следует понимать все то, что внешним образом отражает правоотношения, существует вне сознания человека, как, например, закрепленные законом критерии недобросовестного поведения. Объективная добросовестность не столько связана с чувственным осознанием лицом своих действий, сколько с соблюдением требований, определенных нормативными актами. Суть субъективной добросовестности, которую выделяют праведы, в целом сводится к внутреннему осознанию субъектом правоотношений характера своих действий. И в случае, если субъект правоотношений докажет, что осознанно не совершал действий против правил добросовестности, но негативные последствия наступили несмотря на это, считается, что его действия могут быть сформулированы как «не знал и не должен был знать» (например п. 2 ст. 174 ГК РФ) и в таком случае признается его субъективная добросовестность [2, с. 8-11]. Субъективная добросовестность, как указывают Е.А. Суханов и В.С. Ем, направлена в первую очередь на сохранение сложившихся правоотношений и равенство участников правоотношений [5, с. 17-19].

Но именно в рамках рассматриваемой ст. 53.1 ГК РФ речь идет о добросовестности в объективном смысле, что подтверждается в том числе указаниями, содержащимися в Постановлении Пленума ВАС РФ № 62 (далее – Пленум) [8]. Пленум (пп. 2-3) приводит обобщенный перечень явлений, которые могут свидетельствовать о противоправном поведении участников органов управления юридического лица – нарушении требований добросовестности и разумности. Таким образом Пленум фактически определяет ряд действий, соблюдение которых членами органов управления юридического лица свидетельствует о их добросовестности. Очевидно, что речь в данном случае идет только об объективной добросовестности, поскольку ни законом, ни Пленумом не усматривается зависимость применения мер ответственности от добросовестного *неведения* уполномоченного лица. Напротив, именно Пленумом закрепляется двойная объективная добросовестность: во-первых, в том содержании, в котором она представлена Постановлением Пленума Верховного суда № 25 (поведение, ожидаемое от *любого*

участника гражданского оборота), во-вторых, обязанность действовать в интересах юридического лица [1, с. 7-14]. Здесь соблюдение интереса юридического лица является показателем добросовестности действий руководителя.

Повышенная или двойная объективность фактически приводит к тому, что руководитель вынужден отвечать за любое нарушение добросовестности в любом ее проявлении, в связи с чем в судебной практике и возникают спорные ситуации, связанные с широким судебным усмотрением. Как отмечают О.В. Гутников [4, с. 16-17], Д.И. Степанов [11, с. 43-46] в своих работах, корень проблемы лежит в том, что и законом и Пленумом ВАС РФ критерии добросовестности и разумности поведения органов управления юридических лиц размыты, и их границы не установлены. Насколько обосновано отсутствие четких критериев поведения в том случае, если мы говорим об обязанности предпринимать действия, которые могут выражаться исключительно объективно? Закон и Пленум не связывают возможность освобождения от наказания органов управления в силу их субъективной добросовестности. Вопрос в таком случае решается иначе – путем установления доказанности/недоказанности совокупности фактов, свидетельствующих об объективном недобросовестном поведении и, в случае наличия фактов, подтверждающих нарушение органом принципов, он признается виновным.

Возможно ли в таком случае установить более четкие критерии добросовестного поведения? Предполагается, что наличие в законодательных актах конкретизированного содержания требования добросовестности значительно могло бы повлиять на судебную практику в части ее унификации, так как в настоящее время ни закон, ни акты толкования законодательства не содержат соответствующих положений. Так, ст. 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [10] и Кодекс корпоративного управления, рекомендованный изданием письма Банка России от 10 апреля 2014 года №06-52/2463 [7] устанавливают требование органам управления юридического лица действовать добросовестно и разумно *в интересах общества и его акционеров*, но содержание интересов общества и интересов акционеров также не уточняется. В целом, отсутствие конкретизации оценочных категорий позволяет судам определять их содержание относительно складывающихся конкретных правоотношений.

На самом деле конкретизированное определение каждого из понятий в принципе невозможно в связи с постоянным развитием рассматриваемых правоотношений. Речь в данном случае должна снова сводиться к учету судом всей совокупности представленных доказательств для оценки полноты действий органов управления, направленных на недопущение нарушений. Особенно это актуально в связи с тем, что Пленумом крайне специфично распределяется бремя доказывания: в случае, если истцу удастся доказать наличие убытков у юридического

лица, к которым привела недобросовестность руководителя, то бремя доказывания добросовестности перекладывается на руководителя [6, с. 19-23]. Все это опять же подтверждает тезис о том, что конкретизация содержания принципа добросовестности не имеет практического смысла, поскольку фактически добросовестность устанавливается из условий каждого конкретного судебного спора.

Таким образом, содержание добросовестности в рамках вопросов ответственности органов юридических лиц остается вопросом на который нет законодательного ответа. Единственное, что становится очевидно – это тот факт, что явление «добросовестность» в данном случае связано лишь с объективной стороной, исключаяющей какие-либо субъективные оценки. В действительности это, пожалуй, единственно верное решение в силу того, что субъективная оценка не может быть измерена в рамках деятельности юридического лица как «юридической фикции». Наполнение принципа добросовестности конкретным содержанием происходит в рамках каждого существующего юридического лица самостоятельно с учетом тех требований, которые к нему предъявляет закон и Пленум. И, исходя из вышесказанного, добросовестность в корпоративных отношениях представляется содержащей нечто большее, чем «соответствие интересам общества».

Список использованных источников:

1. Габов, А. В. Об ответственности членов органов управления юридических лиц / А. В. Габов // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 7. – С. 36 – 79.
2. Голубцов, В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности / В. Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. – 2019. – № 3. – С. 490 – 518.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. Ч. 1: федер. закон Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – ст. 3301.
4. Гутников, О. В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве / О. В. Гутников // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 4. – С. 4 – 30.
5. Ем, В. С., О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления / В. С. Ем, Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2019. – № 4. – С. 7 – 21.
6. Новак, Д. В. Добросовестность в корпоративном праве / А. В. Новак // Вестник гражданского права. – 2017. – № 2. – С. 13 – 23.
7. О Кодексе корпоративного управления: Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 // Вестник Банка России. – 2014. – № 40.

8. О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: пост. Пленума Высшего Арбитражного суда РФ от 30 июля. 2013 г. № 62 // «Экономика и жизнь» (Бухгалтерское приложение). – 2013. – № 34.

9. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: пост. Пленума Верховного суда РФ от 23 июня. 2015 г. № 25 // Российская газета. – 2015. – № 140.

10. Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон Российской Федерации от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – ст. 785.

11. Степанов, Д. И., Ответственность директора перед корпорацией за причиненные ей убытки в судебной практике / Д. И. Степанов, Ю. С. Михальчук. – Москва: Статут, 2018. – 207 с.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЗНАНИЯ ДЕЙСТВИЙ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ КРАЙНЕЙ НЕОБХОДИМОСТЬЮ

© И.Д. Касимова

Научный руководитель: И.С. Богданова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

На сегодняшний день в России сложилась непростая ситуация. Пандемия, которая охватила многие страны, привела в упадок все сферы жизни человека.

Больше всего под ударом оказались наиболее важные отношения, регулируемые правом. Возникают такие ситуации, которые невозможно урегулировать в сложившейся обстановке только потому, что это не предусмотрено законодательством. Чтобы как-то разрешить данные пробелы и нормализовать обстановку в стране, власти вводят определенные меры – режим повышенной готовности, чрезвычайной ситуации, при которых Правительством РФ, органами государственной власти субъектов РФ или органами местного самоуправления устанавливаются обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения, например, соблюдение режима самоизоляции.

Также Президентом РФ был издан Указ, в соответствии с которым были установлены на определенный период нерабочие дни с сохранением заработной платы, приостановлена (ограничена) деятельность находящихся на соответствующей территории отдельных организаций независимо от организационно-правовой формы и формы собственности, а также индивидуальных предпринимателей,

установлен особый порядок передвижения на соответствующей территории лиц и транспортных средств, за исключением транспортных средств, осуществляющих межрегиональные перевозки. На территориях субъектов РФ обеспечивается разработка и реализация комплекса ограничительных и иных мероприятий [2].

Указом Губернатора Красноярского края «Об ограничении посещения общественных мест гражданами (самоизоляции) на территории Красноярского края» в целях минимизации случаев распространения заболевания на территории края предприняты серьезные меры в отношении граждан, в частности, для них введен режим самоизоляции, дистанционное обучение в вузах и школах, установлен запрет нахождения на рабочих местах, ограничение случаев нахождения на улице [4]. Предпринятые меры привели к возникновению ряда вопросов, пока не имеющих удовлетворительного правового решения, например, в части исполнения заключенных договоров аренды недвижимого имущества в связи с невозможностью осуществления арендаторами предпринимательской деятельностью и своевременной оплаты арендной платы. Несомненно, что убытки, которые понесут граждане и юридические лица в связи со сложившейся в стране ситуацией, будут значительными, в связи с чем возникает вопрос о ее правовой квалификации.

Представляется, что рассматриваемую ситуацию можно квалифицировать как причинение вреда в состоянии крайней необходимости, поскольку перед государством предстаёт дилемма выбора между жизнью и здоровьем граждан и причинением им материального ущерба. Но недостаточность правовой регламентации возникших отношений не позволяет ответить на вопрос о том, подлежит ли возмещению причиненный ущерб и кто будет возмещать причиненный вред – государство, в результате правомерных действий которого был причинен ущерб физическим и юридическим лицам, или третьи лица, т.е. сами граждане, в интересах которых и действует государство.

В силу норм гражданского законодательства действия в состоянии крайней необходимости признаются способом самозащиты гражданских прав. Законодатель установил в ст.1067 Гражданского кодекса РФ положение, в силу которого «подлежит возмещению вред, причиненный в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, угрожающей самому причинителю вреда или другим лицам, если эта опасность при данных обстоятельствах не могла быть устранена иными средствами. Учитывая обстоятельства, при которых был причинен такой вред, суд может возложить обязанность его возмещения на третье лицо, в интересах которого действовал причинивший вред, либо освободить от возмещения вреда полностью или частично как это третье лицо, так и причинившего вред» [1]. Из ст.1067 ГК РФ следует, что субъектом ответственности признается лицо, причинившее вред правомерными действиями в целях устранения

какой-либо опасности, однако причинитель может действовать не только в своих интересах, но и в интересах третьих лиц.

Как разъяснено в п.13 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» от 26.01.2010 №1 [13], «суд учитывает обстоятельства, при которых был причинен такой вред, и в определённых случаях может возложить обязанность возмещения вреда не только на причинителя, но ещё и на третье лицо, в интересах которого был причинён вред по принципу долевой ответственности или же полностью или частично освободить от возмещения причинённого вреда». Из приведенного разъяснения следует, что при определённых обстоятельствах суд может смягчить ответственность причинителя вреда либо вообще освободить его от обязанности по возмещению причиненного ущерба.

Иное решение вопроса предложено законодателем применительно к последствиям совершения действий в состоянии крайней необходимости в уголовном праве. Так, в силу ст.39 Уголовного кодекса РФ «не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в состоянии крайней необходимости, то есть для устранения опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или иных лиц, охраняемым законом интересам общества или государства, если эта опасность не могла быть устранена иными средствами и при этом не было допущено превышения пределов крайней необходимости» [7]. Необходимо обратить внимание на тот факт, что в отличие от гражданского законодательства уголовное – полностью освобождает причинителя вреда от уголовной ответственности, поскольку крайняя необходимость признается обстоятельством, исключающим наступление уголовной ответственности.

Обращение к нормам уголовного права в контексте настоящей статьи является оправданным, поскольку институт крайней необходимости имеет межотраслевую природу. Так, еще проф. Н.С. Таганцев рассматривал состояние крайней необходимости с точки зрения обеих отраслей права и полагал, что оно представляет собой «... посягательство на правовую норму ради защиты также правоохраненного интереса от грозящей ему неотвратимой опасности, но с тем отличием от обороны, что при ней вред причиняется нападающему, а здесь третьим лицам, или даже заключается только в нарушении закона» [6].

В свою очередь, проф. Е.А. Суханов выделяет следующие «признаки крайней необходимости: 1) при таких действиях причиняется вред либо лицу, не связанному с созданием угрозы, либо лицу, связанному с этим. При крайней необходимости вред может быть причинен не только здоровью человека, его

собственности, но и государству, общественному порядку; 2) действия по устранению угрозы должны совершаться своевременно – с момента ее возникновения до ее прекращения; 3) угроза интересам защищаемого субъекта не могла быть устранена иначе как причинением вреда; 4) причиненный вред должен быть меньшим, чем предотвращенный» [5].

В целом состояние крайней необходимости можно интерпретировать как ситуацию, в которой лицо в целях самозащиты своих прав может реализовать субъективное право на причинение допустимого и, что самое главное, правомерного вреда интересам третьих лиц, общества или государства для устранения грозящей ему или третьим лицам опасности.

На основании изложенного, полагаем, что ответ на вопрос о возможности признания действий государства крайней необходимостью должен быть положительным, поскольку все признаки крайней необходимости присутствуют. Так, анализируемые действия государства направлены на защиту правоохраняемого интереса – здоровья и жизни граждан; убытки причиняются не только лицам, создающим угрозу заражения, но и абсолютно здоровым гражданам; действия по устранению риска распространения заболевания осуществляются своевременно – после объявления пандемии в стране и до ее окончания. Также очевидно, что размер причиняемого вреда значительно меньше предотвращаемого, так как жизнь человека является высшей ценностью в современном правовом государстве.

Вместе с тем, оценка предпринимаемых государством мер как единственно возможных в сложившейся ситуации требует осмысления.

Подводя итог вышеизложенному, следует прийти к выводу о том, что действия государства в условиях пандемии можно признать крайней необходимостью, поскольку государство действует в целях устранения опасности в интересах третьих лиц – граждан, которые, в свою очередь, обязаны соблюдать ограничения, установленные нормативными правовыми актами, а значит, можно сказать о том, что граждане страны обязаны содействовать своему государству для того, чтобы минимизировать количество заболевших и уменьшить возможный вред жизни и здоровью населения.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
2. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением

новой коронавирусной инфекции (COVID-19): указ Президента РФ от 02.04.2020 №239 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

3. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: постановление Пленума Верховного суда РФ от 26.01.2010 №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

4. Об ограничении посещения общественных мест гражданами (самоизоляции) на территории Красноярского края: указ Губернатора Красноярского края от 31.03.2020 №73-уг [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.krskstate.ru>

5. Суханов Е.А. Гражданское право: В 4 т. Том 1: Общая часть. 2008

6. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть общая: В 2 т. Т. 1. – М., 1994. – С. 213

7. Уголовный кодекс 1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

ЗАЩИТА ПРАВ КРЕДИТОРОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

© Т.М. Маилов, К.С. Никитина

Научный руководитель: С.В. Навальный

канд. юрид. наук

Красноярский государственный аграрный университет

Современный мир, существующий в рамках рыночной экономики и жесткой конкуренции неминуемо порождает обстоятельства, при которых субъекты предпринимательской деятельности не всегда могут выполнять в полном объеме взятые на себя обязательства, что приводит их к финансовому краху. При прохождении процедуры банкротства юридические лица сталкиваются со своими кредиторами, по отношению к которым они имеют обязательства финансового характера. В данной ситуации интересы частных лиц вступают в противоречие между собой, и, следовательно, должен существовать определенный законодательный механизм, который будет способствовать снижению напряжения между субъектами предпринимательской деятельности и выступать эффективным способом прохождения процедуры банкротства.

Полагаем, что можно согласиться с мнением В.А. Химичева, который указывает на то, что «следует констатировать, что на сегодня в правовом регулировании конкурсных отношений еще не достигнут справедливый баланс публичных и частных интересов, имеются многочисленные пробелы и противоречия, в формулировках правовых норм присутствуют неточности и неясности. Отмеченные недостатки не могли не сказаться

отрицательно на правовом положении кредиторов. Практика применения законодательства о несостоятельности выявила недостаточную защиту прав и интересов кредиторов. Действовавшие ранее и действующие в настоящее время нормы законодательства о банкротстве не позволяют кредиторам эффективно влиять на ход конкурсного процесса. В конечном итоге требования преобладающего большинства кредиторов оказываются неудовлетворенными, что свидетельствует о низкой эффективности правового регулирования конкурсных отношений» [5, с. 153]. Согласно ст. 2 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее по тексту ФЗ № 127), несостоятельность (банкротство) – это «признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [4].

При этом не все специалисты согласны с вышеобозначенным определением банкротства. Например, одна из точек зрения гласит, что банкротство – это «юридически определенное состояние неплатежеспособности юридического лица, при котором к его имуществу может быть предъявлено взыскание со стороны кредиторов» [1, с. 63]. Полагаем, что легальное определение, указанное в ФЗ № 127, достаточно подробно расписывает случаи, когда юридическое лицо не может удовлетворить требования, связанные с выплатой финансовых задолженностей. При этом теоретическое определение банкротства, предложенное О.В. Земсковой, кажется нам более практичным. В связи с этим думаем, что необходимо дать определение кредитора. Так, в ст. 2 ФЗ № 127 указано, что «кредиторы – лица, имеющие по отношению к должнику права требования по денежным обязательствам и иным обязательствам, об уплате обязательных платежей, о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору» [4]. Из этого определения видно, что понятие кредиторов относительно банкротства крайне обширно, и включает в себя большое количество субъектов.

Главная цель кредиторов при банкротстве – это защитить свои права и получить те средства, которые были бы им положены при нормальном функционировании предприятия-должника. В литературе можно встретить указания на то, что права кредиторов не являются защищенными в полной мере [2, с. 65].

Первая проблема состоит в том, что кредиторы, имея требования к предприятию-должнику, подавшему заявление о признании себя банкротом, не имеют право на получение возмещения до тех пор, пока не будет рассмотрено дело о признании юридического лица банкротом, а также еще и тем, что каждый кредитор, который имеет требование к должнику должен быть включен в специальный

реестр, в котором фиксируются все кредиторы и их требования относительно банкротящегося предприятия. Кроме того, существуют и очереди удовлетворения требований кредиторов, и, таким образом, может случиться, что требования не всех кредиторов будут удовлетворены исходя из имущественного положения должника. В качестве способа защиты прав и законных интересов таких кредиторов законодатель предоставляет им право на заявление возражений относительно требований прочих кредиторов, а также на возможность обжалования судебных решений. Указанный пробел, полагаем, в рамках законодательства урегулировать не представляется возможным в силу того, что мы рассматриваем отношения с участием субъектов предпринимательской деятельности, в которой ни один субъект не застрахован от рисков, связанных с осуществлением своей деятельности, и, следовательно, от несения подобных убытков в том числе.

В качестве еще одной проблемы, связанной с защитой прав кредиторов при банкротстве, является оспаривание подозрительных сделок должника, совершенных им в определенный период до подачи заявления о банкротстве. При этом нормы ФЗ № 127 указывают на соблюдение определенных условий, при полном исполнении которых указанные сделки могут быть признаны подозрительными и все, что должник передал, согласно указанным сделкам другой стороне, подлежит возврату в состав имущества должника и соответственно включению в конкурсную массу. Не оспаривая того, что в целом данный институт следует оценивать как положительный, способный пресекать попытки должника фиктивным образом сберечь имущество, укрыв его таким образом от кредиторов, следует отметить, что понятие «подозрительная сделка» в законе фактически не раскрыто. Перечислено несколько видов сделок, которые могут быть оспорены: совершенные в течении года до принятия заявления о признании банкротом или после такового, если они характеризуются неравноценным встречным исполнением от второй стороны сделки, или же сделки, совершенные в течении трех лет, предшествовавших подаче заявления, или после такового, если указанная сделка причинила вред имущественным правам кредиторов, но другая сторона должна знать о цели, которую преследовало предприятие-должник.

Следует заметить, что такие противоправные сделки могут быть заключены не только с третьими лицами, которые не являются кредиторами предприятия, но и с самими кредиторами. В такой ситуации законом не предусмотрено никаких особенных последствий по сути фиктивных сделок, заключаемых между должником и кредитором. Следует согласиться с мнением Е.Е. Карпухиной, которая считает «целесообразным конкретизировать последствия недействительности подозрительной сделки для другой стороны сделки, если в качестве нее выступает

один из кредиторов, в виде закрепления понижения очередности удовлетворения его требования» [2, с. 62].

Кроме того, можно отметить и следующий аспект «в п. 3 ст. 100 ФЗ № 127 иным образом определен круг лиц, обладающих правом заявить возражения относительно требований кредиторов, предъявленных в процедурах внешнего управления и конкурсного производства. Это внешний управляющий, представитель учредителей (участников) должника или представитель собственника имущества должника – унитарного предприятия, а также кредиторы, требования которых включены в реестр требований кредиторов. Непонятны причины, по которым законодатель исключил из числа лиц, имеющих право заявить возражения, кредиторов, предъявивших требования к должнику. Во-первых, на практике встречаются ситуации, когда кредитор предъявил требование к должнику в процедуре наблюдения, но в силу разных причин такое требование не рассмотрено на момент введения следующей процедуры банкротства. Во-вторых, если в отношении должника сразу вводится процедура конкурсного производства (например, должник является ликвидируемым), то на момент принятия решения о признании должника банкротом и открытия конкурсного производства вообще нет кредиторов, требования которых были бы включены в реестр (исключение – с заявлением о признании ликвидируемого должника банкротом обратился кредитор). Возникает ситуация, на которую уже обращалось внимание в юридической литературе, когда кредиторы, одновременно предъявившие требования к должнику, не имеют возможности заявить возражения друг против друга» [3].

Подводя итог работы, следует сказать, что кредитор в отношениях, связанных с банкротством, является стороной, права которой могут быть серьезно ущемлены. Это связано, в том числе с возможностью неполучения средств, которые при нормальной работе должника могли быть получены кредитором. Кроме того, кредиторы для того, чтобы доказать неправомерность некоторых действий предприятия-банкрота, должны провести серьезную работу и тщательно подойти к процессу доказывания обстоятельств, на которые они ссылаются, поскольку только при наличии законодательно определенных условий признания сделок недействительными, можно добиться их отмены и возврата в конкурсную массу переданного имущества по сделке. Думается, что, прежде всего, необходимо сформировать полный понятийный аппарат процедуры банкротства, а также предусмотреть некоторые правовые ограничения для недобросовестно действующих участников процедуры банкротства.

Список использованных источников:

1. Земскова, О.В. Губарьков, С.В. Понятие, причины и признаки банкротства //О.В. Земскова, С.В. Губарьков //Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 5–5.
2. Карпухина, Е. Е. Проблемы защиты прав кредиторов при банкротстве юридических лиц /Е.Е. Карпухина // Молодой ученый. 2019. № 8.
- 3 Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2005 год с комментариями//под ред. А.А. Иванова. М., Статут. 2010.
4. Федеральный закон от 26.10.2002№ 127-ФЗ (ред. от 01.04.2020) «О несостоятельности (банкротстве)»//КонсультантПлюс: Законодательство.
5. Химичев, В.А. Защита прав кредиторов при банкротстве //В.А. Химичев. М.: Волтерс Клувер. 2005.

**К ВОПРОСУ О НОТАРИАЛЬНОМ УДОСТОВЕРЕНИИ РЕШЕНИЙ
ОЧНЫХ СОБРАНИЙ ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ**

© Е.А. Маркова

Научный руководитель: Е.Н. Петрова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В Российской Федерации нотариальное удостоверение решений собраний обществ с ограниченной ответственностью (далее – ООО; Общество) как способ подтверждения принятия решения общим собранием участников Общества и состава присутствующих участников, впервые введен путем закрепления в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) статьи 67.1 (вступила в силу 1 сентября 2014 года).

По мнению И.С. Шиткиной, с которым нельзя не согласиться, данная норма направлена, прежде всего, на предотвращение злоупотреблений (например, фальсификаций протоколов недобросовестными участниками), а также выступает эффективным средством в борьбе с противоправным захватом юридических лиц [11, с. 352]. Нотариус, присутствуя на собрании, проверяет законность и правомерность принимаемого решения, волеизъявление всех участников собрания. В завершение нотариус изготавливает и выдает свидетельство об удостоверении факта принятия решения органом управления юридического лица, а также о составе участников (членов) этого органа, присутствовавших при принятии данного решения, которое,

стоит заметить, является самостоятельным юридическим документом, независимым от протокола общего собрания, и обладает всеми свойствами нотариального акта, включая его повышенную достоверность на случай спора в суде. Порядок действий нотариуса в данном случае установлен статьей 103.10 Основ законодательства о нотариате [6], Регламентом совершения нотариусами нотариальных действий [9] и Пособием по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения [3].

Обратимся к подпункту 3 пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ, в соответствии с которым «принятие общим собранием участников хозяйственного общества решения посредством очного голосования и состав участников общества, присутствовавших при его принятии, подтверждаются в отношении ООО путем нотариального удостоверения, если иной способ (подписание протокола всеми участниками или частью участников,... иным способом, не противоречащим закону) не предусмотрен уставом такого общества либо решением общего собрания участников общества, принятым участниками общества единогласно» [1]. Из него следует, что нотариальное подтверждение решений собраний не требуется в трёх случаях:

- при внесении изменений в устав с установлением иного способа подтверждения;
- при утверждении после 01 сентября 2019 года учредителями Общества устава, в котором сразу определен альтернативный способ подтверждения;
- при наличии решения об установлении альтернативного способа подтверждения, принятого всеми участниками Общества единогласно.

Последнее интерпретировалось на практике таким образом, что участники общего собрания могли договориться об альтернативном способе подтверждения решения собрания (к примеру, подписание протокола всеми участниками Общества) непосредственно на самом собрании, которое принималось участниками Общества единогласно. При этом суд, анализируя такой протокол внеочередного общего собрания участников Общества, признавал подтверждённым факт принятия решения подписанием протокола всеми участниками единогласно, без нотариального удостоверения [10].

Однако, 25 декабря 2019 года Президиум ВС РФ опубликовал «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах» (далее – Обзор), пункты 2 и 3 которого посвящены неожиданно новому толкованию подпункту 3 пункта 3 статьи 67.1 ГК РФ, что, несомненно, изменит уже сложившуюся практику. Так, из пункта 2 Обзора (в рамках статьи будем рассматривать только этот пункт) следует, что решение об установлении альтернативного способа подтверждения принятия решения общим собранием участников Общества, принятое участниками Общества единогласно, подлежит обязательному

нотариальному удостоверению [2]. Другими словами, участникам Общества необходимо сначала нотариально удостоверить некое решение, в содержании которого будет определён иной способ подтверждения решений на всех последующих собраниях, и только после этого возможно принятие решений без участия нотариуса. Стоит отметить, что Федеральная нотариальная палата РФ в письме от 15 января 2020 года поддержала указанную позицию суда [5].

Что касается внесения изменений в учредительный документ Общества, вопрос состоит в том, каким образом должна выглядеть формулировка, касающаяся выбора альтернативного способа подтверждения, должно ли в ней прямо отражаться указание на то, что «нотариальное удостоверение не требуется», или же достаточно, в частности, следующего: «принятие общим собранием участников Общества решения и состав участников, присутствовавших при его принятии, подтверждаются подписанием протокола всеми участниками собрания, если иное не предусмотрено действующим законодательством». Важность названного вопроса заключается в том, что от формулировки выбранного способа будет зависеть то, каковы будут последующие действия нотариуса, налоговой службы (например, отказ в регистрации изменений, внесенных в устав, по причине ненадлежащего способа подтверждения принятия общим собранием решения и др.). Вопрос, к сожалению, остаётся открытым.

Важно также обратить внимание на то, в каком году утверждён устав (редакция устава). Ведь, если учредительный документ Общества был принят в 2012 году, и в нем содержится указание на иной способ подтверждения факта принятия решения общим собранием и состав участников (подписание протокола всеми участниками), то альтернативный способ считается не выбранным и нотариальное удостоверение решений будет обязательным. В судебной практике объясняется это тем, что при принятии учредителями Общества устава, до введения в действие статьи 67.1 ГК РФ, учредители руководствовались положениями действующего на тот момент законодательства, и не могли предвидеть возникновение данной нормы в будущем, а следовательно, устав не может содержать волеизъявления участников Обществ, направленное на установление альтернативного способа подтверждения решений собраний [7;8].

Последствием несоблюдения требований законодательства о нотариальном удостоверении решения очного собрания и состава участников, при отсутствии закрепленного в уставе (решении) альтернативного способа подтверждения, является ничтожность применительно к пункту 3 статьи 163 ГК РФ. Именно об этом говорит абзац 3 пункта 107 постановления Пленума ВС РФ «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [4]. При этом нельзя не отметить, что несмотря на отсутствие

решения в гражданском законодательстве вопроса о правовой природе решений собраний, суд всё-таки распространяет действие статьи о последствиях несоблюдения нотариальной формы сделки на решения собраний, что, в свою очередь, составляет предмет уже отдельной дискуссии.

Таким образом, на сегодняшний день может возникнуть следующая проблема: множество решений Общих собраний, принятых после 25 декабря 2019 года, но не удостоверенных нотариально, могут оказаться ничтожными. Особенно это актуально с точки зрения последствий в отношении решений о смене руководителей и решений, связанных с изменениями в составе участников. Дальнейшие же действия непонятны, поскольку восполнить отсутствие нотариального удостоверения посредством применения пункта 1 статьи 165 ГК РФ будет невозможно, ибо восполнение судом отсутствующего нотариального удостоверения допускается только в прямо предусмотренных законом случаях [4].

Полагаем, что новая интерпретация указанного пункта с одной стороны, безусловно, повышает законность и достоверность принимаемых общим собранием ООО решений, а с другой стороны, порождает новые вопросы, требующего разъяснения.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс РФ (часть первая): федер. закон Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах [Электронный ресурс]: утв. Президиумом ВС РФ от 25 декабря 2019 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. О направлении пособия по удостоверению нотариусом принятия общим собранием участников хозяйственного общества решения и состава участников общества, присутствовавших при его принятии [Электронный ресурс]: письмо ФНП № 2405/03-16-3 от 01 сентября 2014 г // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума ВС РФ № 25 от 23 июня 2015 г. // Российская газета. 2015. № 140.

5. О применении некоторых положений обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019 [Электронный ресурс]: письмо ФНП

№ 121/03-16-3 от от 15 января 2020 г // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховным Советом РФ № 4462-1 от 11 февраля 1993 г. // Российская газета. 1993. № 49.

7. Постановление третьего арбитражного апелляционного суда г. Красноярск от 15 июня 2016 года № О3АП-2284/16 по делу № А33-19745/2015 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru>.

8. Постановление третьего арбитражного апелляционного суда г. Красноярск от 07 июня 2017 года № О3АП-2128/17 по делу № А69-3366/2015 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru>.

9. Регламент совершения нотариусами нотариальных действий, устанавливающий объем информации, необходимой нотариусу для совершения нотариальных действий, и способ ее фиксирования [Электронный ресурс]: утв. решением Правления ФНП № 10/17 от 28 августа 2017 г, приказом Минюста России № 156 от 30 августа 2017 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Решение Арбитражного суда Архангельской области от 26 ноября 2018 года по делу № А05-10249/2018 [Электронный ресурс] // Электронное правосудие. Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru>.

11. Шиткина, И.С. Корпоративное право: учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.; отв. ред. И.С. Шиткина. Москва: Статут. 2019. 476 с.

К ПРОБЛЕМЕ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ САМОВОЛЬНЫХ ПОСТРОЕК

© А.А. Муртазаева

Научный руководитель: З.Р. Бахриева

канд. юрид. наук

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Проблема признания права собственности на самовольные постройки приобрела достаточно широкие масштабы в судебной практике. При этом, с одной стороны, с точки зрения действующего гражданского законодательства легализация самовольных построек не представляется допустимой, поскольку п. 2 ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ) [2] прямо указывает на то, что «лицо, осуществившее самовольную постройку, не приобретает на нее право собственности», относя, таким образом, самовольную постройку к изъятым из оборота объектам, поскольку вполне логично, что лицо, которое возвело такую постройку, не вправе распоряжаться ею, любые сделки будут

признаны недействительными, что представляет достаточно серьезную проблему для гражданского оборота. Более того, запрещено даже использование самовольных построек.

С другой стороны, предусмотренная п. 3 ст. 222 ГК РФ возможность признания права собственности на самовольную постройку в судебном порядке в предусмотренных законом случаях позволяет сделать вывод о том, что легализация самовольных построек, все-таки, представляется возможной, но при этом законодателю необходимо устранить ряд правовых пробелов, в том числе, в определении конкретных обстоятельств и круга лиц, которые бы имели право на обращение суд с иском о признании права собственности, что также подтверждает необходимость специального исследования по данной теме.

Так, на первый взгляд, анализ правовой нормы – ст. 222 ГК РФ позволяет отметить отсутствие четких критериев и условий отнесения постройки к самовольной, однако, из правового положения – п. 1 ст. 222 ГК РФ следует, что под самовольной постройкой понимается здание, сооружение или другое строение, то есть, речь идет о такого рода объектах недвижимости, которые возведены на земельном участке, либо не предоставленном в установленном порядке, либо не допускающем строительства на нем данного объекта, либо, вообще, объекты самовольной постройки были созданы без получения на это необходимых в силу закона согласований, разрешений или с нарушением градостроительных и строительных норм и правил, действующих на дату их выявления.

В то же время, указанные критерии не представляются достаточными для признания указанных объектов в качестве самовольных построек в тех случаях, если собственник объекта не знал и не мог знать о действии указанных ограничений в отношении принадлежащего ему земельного участка. Здесь сам законодатель непоследователен и в том, что уже прямо признает лицо собственником такого объекта. Более того, не столько категорично решается и судьба самовольной постройки, поскольку кроме сноса за счет лица, соорудившего такую постройку, указывается совершенно другой вариант – приведение самовольной постройки в соответствие с параметрами, установленными правилами землепользования и застройки, документацией по планировке территории, или обязательными требованиями к параметрам постройки, предусмотренными законом.

При этом в ст. 222 ГК РФ также перечисляются лица, которым может предоставляться такое право: помимо лица, непосредственно осуществившего постройку, указывается лицо, в собственности, пожизненном наследуемом владении, постоянном (бессрочном) пользовании которого находится земельный участок, на котором возведена или создана самовольная постройка, или лицо, которому такой земельный участок, находящийся в государственной или

муниципальной собственности, предоставлен во временное владение и пользование. Как видим, подразумевается какое-либо право застройщика на земельный участок.

Не смотря на столь широкий перечень указанных субъектов, следует отметить, что удовлетворение иска о признании права собственности на самовольную постройку возможно только в том случае, если судом будет установлен факт, что лицо, создавшее такую постройку, предпринимало все меры для получения разрешения на строительство или ввода в эксплуатацию. Так, обращаясь к судебной практике, отметим, что рассматривая иски о признании права собственности, суд устанавливает, были ли допущены существенные нарушения норм и правил, создающих угрозу жизни и здоровью граждан. В то же время, устанавливается факт, что лицо предпринимало меры для легализации самовольной постройки [3].

При этом, исходя из того, что под понятие самовольной постройки подпадает любое недвижимое имущество, следует сделать вывод о том, что объект незавершенного строительства тоже можно признать самовольной постройкой. Следовательно, и на такой объект по аналогии можно признать право собственности. В таких случаях возникновение права собственности происходит по решению суда. И только получив решение о признании права собственности, застройщик вправе обратиться в Росреестр для того, чтобы оформить соответствующие документы.

Нельзя не отметить, что в юридической литературе предлагался иной порядок легализации самовольных построек, даже без обращения в суд. Так, по мнению В.А. Бетхер, необходим административный порядок с возложением соответствующих функций на органы, вводящие в эксплуатацию объекты недвижимости [1, с. 144].

С таким выводом можно было бы согласиться из-за того, что такой порядок, действительно, мог бы разгрузить работу суда.

Однако, необходимо учитывать и то, что на сегодняшний день участились случаи, когда органы государственной власти во внесудебном порядке активизировали свою деятельность по сносу построек, которые они считают незаконными. Считаем, что в целях недопустимости возможных нарушений закона со стороны должностных лиц таких органов существует необходимость закрепления правовой нормы о допустимости принятия решений о сносе таких объектов исключительно по решению суда, лишая правомочий органы местного самоуправления по таким вопросам.

В целом, на основе всего вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что тенденция, которая складывается на сегодняшний день такова, что снос самовольной постройки должен осуществляться только как крайняя мера в тех

случаях, когда нарушаются права и охраняемые законом интересы других лиц или создается угроза жизни и здоровью граждан.

Список использованных источников:

1. Бетхер, В.А. Иной порядок легализации самовольных построек: востребованная необходимость / В.А. Бетхер // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 1(46) – С. 140 – 146.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации: федеральный закон. Часть 1 от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 22.06.2017) // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (Дата обращения: 01.04.2020).

3. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 г. № 10/22 г. Москва (ред. от 23.06.2015) // [Электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_100466/ (Дата обращения: 01.04.2020).

УДАЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОЙ РЕПУТАЦИИ КОРПОРАЦИИ

© П.А. Овечкина

Научный руководитель: В.П. Богданов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Безупречная деловая репутация – явное конкурентное преимущество корпорации, формирующееся исходя из разных обстоятельств, в том числе из сведений, опубликованных в сети «Интернет». Поскольку любая информация, попадающая в данную сеть, распространяется почти моментально, угроза распространения не соответствующих действительности порочащих деловую репутацию сведений становится вероятной опасностью использования данного ресурса. Кроме того, сегодня существуют даже специальные организации, осуществляющие публикацию положительных или негативных отзывов о компании на разных сайтах по заказу. Поэтому велика вероятность того, что корпорация может столкнуться с недобросовестным поведением конкурентов, намеренно размещающих

негативные сведения о компании в сети, а также с общей склонностью публикации любой «шокирующей» информации о компании, которая столь интересна и ценна для потребителей и контрагентов, но не всегда при этом соответствует действительности.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации свидетельствует о тенденции увеличения количества исков о защите деловой репутации за 2015 – 2019 года. Так, в 2015 году арбитражными судами субъектов было рассмотрено в первой инстанции 669 дел о защите деловой репутации, в 2016 – 747, а в 2019 – уже 835, что подтверждает актуальность рассматриваемого вопроса и востребованность судебной защиты деловой репутации [5].

Законодательством предусмотрены специальные способы защиты деловой репутации корпорации, к числу которых относится удаление информации из сети «Интернет» (п.5 ст.152 ГК РФ).

Основаниями возникновения у корпорации права требования удаления информации в сети «Интернет» являются такие общие основания для защиты деловой репутации юридического лица как факт распространения сведений, порочащий характер распространенных сведений и несоответствие распространенных сведений действительности [1].

В литературе также выделяются следующие немаловажные основания – возможность идентификации оспариваемых сведений с конкретным юридическим лицом и распространение порочащих сведений третьим лицом [4, с. 108]. Так, если из анализа содержания распространенной информации суд придет к выводу об отсутствии сведений, позволяющих идентифицировать корпорацию (например, все наименования, товарные знаки, логотипы организации заштрихованы), то основание для защиты деловой репутации не возникает. Кроме того, порочащие, не соответствующие действительности сведения должны быть распространены именно третьим лицом в силу того обстоятельства, что распространение данных сведений лицом о самом себе не приводит к нарушению условий объективности формирования мнения об этом лице. Распространение информации лицом самим о себе находится в пределах поведения этого лица по формированию и поддержанию своей деловой репутации и не приводит к ее нарушению.

Однако для возникновения у корпорации права требовать именно удаления информации в сети «Интернет», помимо перечисленных общих оснований, должно присутствовать и такое особенное – доступность сведений в сети «Интернет», даже если они стали доступны после их первичного распространения посредством другого способа.

Важной особенностью рассматриваемого способа защиты является то, что он может применяться совместно с опровержением порочащих деловую репутацию сведений (п.1 ст. 152 ГК РФ). Данное обстоятельство существенно отличает его от такого способа защиты деловой репутации как удаление соответствующей информации (п. 4 ст. 152 ГК РФ), которое применяется одновременно с опровержением не может и, более того, применяется только если опровержение в полной мере не способно защитить деловую репутацию ввиду того, что распространенные сведения стали широко известны.

Истцами по делам об удалении не соответствующих действительности сведений, порочащих деловую репутацию корпорации и размещенных в сети «Интернет», являются организации, которые полагают, что распространенные сведения повлекли умаление их деловой репутации. При этом на корпорации возлагается обязанность по доказыванию факта распространения оспариваемых сведений ответчиком, а вместе с тем и того, что эти сведения порочат деловую репутацию организации.

Ответчиками же по искам рассматриваемой категории являются лица, которые осуществили непосредственное распространение оспариваемых сведений. Законодатель закрепил в ГК РФ презумпцию несоответствия действительности распространенных сведений, поэтому оспариваемые сведения признаются ложными, пока не будет доказано обратное. В силу п. 1 ст. 152 ГК РФ именно на ответчика возлагается бремя доказывания соответствия действительности сведений, которые были распространены.

Стоит отметить, что не всегда возможно установить непосредственного распространителя не соответствующих действительности порочащих сведений, например, если информация размещена анонимно на форуме Интернет-ресурса или если лицо зарегистрировано под псевдонимом. Тем не менее, это техническое осложнение не становится препятствием для защиты корпорацией своей деловой репутации. В таких случаях обязанность по удалению информации при ее распространении в сети «Интернет» и невозможности идентификации личности пользователя, разместившего ее, может быть возложена на владельца сайта или администратора.

Для установления надлежащего ответчика при распространении порочащих не соответствующих действительности сведений через сеть «Интернет» необходимо рассматривать существующую в сети схему отношений. В частности, субъектами таких отношений являются провайдеры и регистраторы сайтов, которые не могут быть ответчиками по рассматриваемой категории дел, поскольку их функции ограничены и не связаны с самим распространением. Так, регистраторы ответственны лишь за внесение имени в реестр, за выдачу наименования сайта.

Провайдеры, в свою очередь, занимаются предоставлением доступа к средствам, обеспечивающим хранение данных, которые необходимы уже для дальнейшего размещения информации.

Далее возникает вопрос о возможности администраторов и владельцев сайтов являться ответчиками по искам об удалении информации в сети «Интернет». Под администратором понимается пользователь, на имя которого зарегистрировано доменное имя в реестре [3]. Вопрос о возможности возложения обязанности по удалению информации в сети «Интернет» на администратора решается судами исходя из степени вовлечения данного субъекта в процедуры передачи, обработки, хранения, изменения и контроля информации, а также ее содержания. Так, если администратор сайта не влияет на содержание информации и ее целостность, не контролирует ее передачу, распространение и не выбирает получателя, то и надлежащим ответчиком по рассматриваемым делам данное лицо не признается.

Под владельцем сайта понимается лицо, которое самостоятельно и по своему усмотрению определяет порядок использования сайта, в том числе порядок размещения информации на таком сайте [2]. Владелец сайта, в свою очередь, не освобождается от обязанности по удалению сведений, признанных порочащими и не соответствующими действительности. При этом обязанность по удалению информации с электронного ресурса возникает у владельца сайта только при наличии судебного решения о возложении такой обязанности. Это означает, что при обыкновенном обращении корпорации, заинтересованной в защите деловой репутации, владелец сайта вправе не предпринимать никаких действий по удалению информации, поскольку у него объективно недостаточно возможностей для определения достоверности распространенной на его ресурсе третьими лицами информации.

Предположим ситуацию, когда владелец сайта на основании вступившего в законную силу решения суда удалил информацию, признанную судом не соответствующей действительности и порочащей деловую репутацию корпорации, тем самым исполнив возложенную обязанность, но после этого на данном ресурсе снова появляется информация аналогичного содержания. В таком случае возникает вопрос, потребует ли повторное обращение в суд в целях признания распространенной информации – порочащей или достаточно простого обращения к владельцу сайта? К тому же, как в решении суда тогда должна быть сформулирована обязанность об удалении информации, чтобы она имела длительный характер и распространялась на все случаи размещения аналогичной информации, которые могут возникнуть в будущем? Ответы на данные вопросы еще предстоит

выработать в научной литературе и правоприменительной практике, поскольку законодательно они никак не урегулированы.

Резюмируя рассмотрение особенностей такого способа защиты деловой репутации как удаление информации в сети «Интернет», хочется отметить важность вопроса определения надлежащего ответчика по данным делам и отсутствие регламентации законодателем и практикой высших судебных инстанций порядка действия при повторном размещении уже удаленной информации. Считаем, что регламентация такого порядка действий сделала бы защиту деловой репутации более эффективной и своевременной.

Список использованных источников:

1. О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Правила регистрации доменных имен в доменах .RU и .RF [Электронный ресурс] : утв. решением Координационного центра национального домена сети Интернет от 05.10.2011 № 2011-18/81 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Собко, Т. С. Право юридических лиц на гражданско-правовую защиту деловой репутации [Электронный ресурс] / Т. С. Собко // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2011. – № 3. – С. 107–109. – Режим доступа: <http://www.cyberleninka.ru>.

5. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс] // Данные судебной статистики. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru>

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА ДАРЕНИЯ

© Е.П. Олифиренко

Северо-Кавказская государственная академия

Российской цивилистикой уделено большое внимание изучению правовых проблем дарения. Данный вид договора являлся предметом исследования многих зарубежных и отечественных дореволюционных ученых-правоведов, что отчетливо прослеживается в научных работах ученых XIX – начала XX веков. Следует отметить, что в советское время отношение к дарению в законодательстве колебалось от безразличного к резко отрицательному, вследствие чего серьезных исследований в области заключения и исполнения договора дарения долгое время практически не проводилось [1, с.175-176]. Для российского гражданского законодательства договор дарения является традиционным и в настоящее время широко применяется в юридической практике. Значимость договора дарения постоянно возрастает, но вместе с тем, появляется и немало проблем, возникающих как в процессе применения правовых норм, регулирующих данный вид договоров, так и возникновением существенных различий в подходах цивилистов по базовым вопросам теории безвозмездности, а также отсутствием единообразия судебной практики в рассматриваемой сфере отношений [2, с. 70-71].

Несмотря на накопленный опыт научных изысканий данного вида правоотношений, требуется исследование новых аспектов указанного института, в том числе его антикоррупционной составляющей, что в нашей российской действительности является немаловажным. В условиях рыночной экономики резко возросла роль данного регулятора гражданских правоотношений как одного из способов возникновения права собственности у участников гражданских правоотношений.

Современные источники регламентации данного вида договорных отношений нашли отражение во второй части Гражданского кодекса Российской Федерации, что оказало существенное влияние на правовое регулирование отношений дарения, по сравнению с ранее действовавшими Гражданскими кодексами. Однако следует отметить, что несмотря на наличие множества новелл в регулировании договорных отношений и детальную регламентацию института дарения, значительное количество вопросов осталось нерешенными или их решение вызывает разногласия, что свидетельствует об актуальности исследуемой темы. Так, например, не стоит забывать, об обширности объектов, являющихся предметом договора дарения, причем очевидно, что предмет договора может оцениваться как с позиций стоимости, так и неимущественной ценности. Предметами дарения

могут быть как ценные бумаги, доли в уставном капитале, недвижимое имущество, так и ограниченно оборотоспособные объекты, такие как, наградное оружие, предметы, имеющие историческую и культурную ценность и т.п. [4, с. 54]. Однако, в обоих случаях правовое регулирование договорных отношений должно быть корректным и детальным, для того, чтобы не пострадали частные и публичные интересы участников гражданского оборота.

Передача имущества в дар приводит в действие правовые механизмы, на первый взгляд, не имеющие прямого отношения к договору участников гражданских правоотношений, что порождает сложность, противоречивость и возникновение правовых пробелов в законодательстве о дарении. Нельзя не отметить тот очевидный факт, что дарение, можно рассматривать как мнимую или притворную сделку в целях сокрытия имущества от налогообложения или конфискации, что порождает необходимость особого правового регулирования сделок, совершаемых между юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями.

Многие вопросы до сих пор остаются трудно решаемыми как с позиции правоприменения, так и взаимосвязи с другими законодательными актами, в частности уголовного законодательства. Весьма перспективным, на наш взгляд, представляется изучение межотраслевых связей института дарения и института взятки, что позволит выявить взаимосвязь между частноправовыми и публично-правовыми средствами правового регулирования. Кроме того, в целях недопущения использования дарения как средства вымогательства, мздоимства и укрепления криминала в сферах образования, здравоохранения и в различных слоях власти следует уделить повышенное внимание отдельным теоретическим разработкам дальнейшего совершенствования законодательства. Констатируем, что на сегодняшний момент в теоретическом плане тематика дарения остается недостаточно разработанной, что порождает значительные сложности в правоприменении. В частности, требует детального правового анализа складывающаяся на практике ситуация использования договора дарения как средства обхода закона, что обуславливает актуальность исследования дарения как вида безвозмездной сделки.

Договор дарения в гражданском обороте оказывает существенное влияние на регулирование отношений сторон, занимая достойное место среди договоров, направленных на передачу имущества в собственность участников гражданских правоотношений, что в целом оказало позитивное воздействие на развитие договорного права в России [3, с.153]. В частности, с введением в действие нового Гражданского кодекса РФ договор дарения претерпел существенные изменения, что отразилось как на увеличении количества статей, регулирующих применение договора, так и на придании договору консенсуального характера. Однако цивилистическая наука в области института дарения не располагает на данный момент

фундаментальными исследованиями, а имеющиеся работы не могут в полной мере отразить решения всех проблем в данной сфере.

Рассмотрев правовую сущность договора дарения как безвозмездной сделки и детально проанализировав его характерные квалифицирующие признаки, такие как безвозмездность, намерение одарить, уменьшение имущества дарителя, увеличение имущества одаряемого, согласие одаряемого на принятие дара, можно сделать вывод о значимости всей совокупности искомых признаков, а также о возникновении оснований недействительности договора дарения в случае отсутствия хотя бы одного из них.

В целях защиты прав и интересов участников гражданского оборота предлагается внести предложения по изменению и дополнению статьи 575 ГК РФ, в частности в пункт 1 статьи 575 ГК РФ о необходимости оставления возможности для малолетних совершать самостоятельно договоры дарения, охватываемые понятием «мелкие бытовые сделки», наложив запрет на «обычные подарки» их законными представителями от имени подопечных, включая и несовершеннолетних. Подобное положение исключило бы возможность уменьшения имущества подопечного.

В целях устранения коллизии между положения уголовного и гражданского законодательства, в частности статьей 290 УК РФ и подпунктами 2 и 3 статьи 575 ГК РФ, автор отмечает целесообразность уточнения положений законодательства о дарении должностным лицам и лицам, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, о запрете подарков, за исключением ситуаций, когда их дарение не связано с выполнением служебных обязанностей.

Считаем целесообразным отметить, что предпринимательская деятельность индивидуального предпринимателя должна подпадать под правила подпункта 4 ст. 575 ГК РФ. Такое правило уравнивает в правах участников предпринимательской деятельности и исключит неравенство сторон.

Учитывая особый характер п. 3 ст. 433 ГК РФ и правило п. 2 ст. 558 ГК РФ, считаем необходимым уточнить п. 3 ст. 574 ГК РФ дополнением о том, что договор дарения жилых помещений считается заключенным с момента государственной регистрации, что является исключением из общего правила.

Также необходимо законодательно обозначить срок государственной регистрации (3 месяца), по истечении которого достигнутое соглашение между сторонами должно считаться утратившим силу. Такое предложение не должно касаться договора дарения, по которому дар обещан. Это разгрузило бы деятельность судов и упорядочило бы процедуру государственной регистрации.

Определенные сложности для самого дарителя вызывает не точная формулировка п. 1 ст. 578 ГК РФ, указывая на ограниченный перечень оснований отмены

дарения. Считаем логически верным дать расширительное толкование данной правовой норме, включая любую явную неблагодарность одаряемого не только к самому дарителю или его близким родственникам, но и к его имуществу.

Следует подчеркнуть, что комплексный, всесторонний научный анализ гражданско-правовых норм, регулирующих договор дарения, а также обоснованные практические рекомендации по их применению и совершенствованию законодательства в этой сфере, позволяет выявить положительные и отрицательные стороны договора, что может существенно повлиять на стабилизацию гражданских правоотношений в целом.

Список использованных источников:

1. Артамонов, К.В. История развития законодательства о договоре дарения / К.В. Артамонов // Молодой ученый. – 2019. – № 13 (251). – С. 175-177.

2. Дарков, А.А. Анализ основных проблем, возникающих при применении правовых норм о договоре дарения / А.А. Дарков // Закон и право.- 2019. – № 02. – С.69-75.

3. Лукина, А.А., Гришина, Я.С. Договор дарения / А.А. Лукина, Я.С. Гришина // Вопросы науки и образования. – 2019. – № 24 (73). – С. 52-57.

4. Халбаева, Т.Н. Некоторые особенности существенных условий договора дарения / Т.Н. Халбаева // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – №5 (130). – С. 152-154.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЗАЩИТЫ ОРИГИНАЛЬНОГО КОНТЕНТА В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

© В.В. Поспелова, А.А. Хроколова

Научный руководитель: Т.А. Вепренцева

канд. ист. наук

Тульский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

Существует множество различных подходов к определению авторского права. Так, в объективном смысле авторское право – это институт гражданского права, который регулирует правоотношения в сфере создания, изменения, использования и сохранения научных, литературных, музыкальных, изобразительных и других произведений, являющихся результатом интеллектуальной, творческой деятельности человека (автора). Авторское право как наука прошло долгий и сложный путь на

этапах своего становления и развития. Первым примером защиты авторского права стало принятие 10 апреля 1710 года в Великобритании закона под названием «Статут королевы Анны», который закреплял права на книги, чертежи и карты за их создателями в течении 14 лет. Со временем срок защиты авторского права увеличился. На данный момент, согласно п. 1 ст. 1281 ГК РФ, «исключительное право на произведение действует в течение всей жизни автора и семидесяти лет, считая с 1 января года, следующего за годом смерти автора».

В России, помимо Гражданского кодекса РФ, авторское право регулируется целым рядом нормативных правовых актов. В первую очередь, источником норма авторского права является основной закон нашего государства – Конституция РФ. В ч. 1 ст. 44 закреплено, что каждому в Российской Федерации гарантируется свобода в творческой деятельности и преподавании, а интеллектуальная собственность охраняется законом. Также в 70 главе ГК РФ достаточно подробно раскрывается понятие авторского права и все вытекающие из этого определения позиции. Еще одним не менее важным источником являются международные всемирные конвенции, такие как Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. и Всемирная конвенция об авторском праве (Женева, 6 сентября 1952 г.), а также Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Рим, 26 октября 1961 г.), Соглашении о сотрудничестве в области охраны смежных и авторских прав стран СНГ, которое было подписано и принято в сентябре 1993 года, Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС/TRIPS) (заключено в г. Марракеше 15 апреля 1994 г.), Договор ВОИС по авторскому праву (Женева, 20 декабря 1996 г.) и многие другие [1, с. 42].

Интернет – это глобальная запутанная сеть, которая помогает людям искать нужную им информацию, общаться друг с другом, заниматься самообразованием и т. д. Но, к сожалению, из-за такого большого объема возможностей и низкого уровня правового регулирования интернет зачастую становится полем нарушения различных прав, в числе которых авторские и смежные права. На практике, возможен целый ряд ситуаций, связанных с особенностями защиты авторских прав в сети «Интернет»:

1) нарушитель известен и находится в стране, где проживает автор произведения, права которого нарушены. Это наиболее благоприятная ситуация для автора, так как он имеет потенциальную возможность предъявить иск к нарушителю авторского права;

2) нарушитель известен, и он проживает в другой стране, которая может относиться враждебно к государству, где проживает автор, чьи права нарушены. В данном случае ситуация более сложная, но тем не менее, согласно ст. 29 ГПК РФ,

автор, зная потенциального нарушителя, может обратиться в суд с иском о защите авторских прав по месту нахождения его имущества или по его последнему известному месту жительства в Российской Федерации;

3) нарушитель неизвестен. Это самая неблагоприятная ситуация для автора, так как фактически лишает его возможности обратиться в суд с иском о защите авторских прав [2, с. 117].

Насколько же важно защищать авторское право в целом и в сети «Интернет» в частности? Создавая свои произведения, писатели, поэты, композиторы, хореографы вкладывают в них частичку себя, у каждого из них существует свой неповторимый стиль. Задача механизма охраны авторского права заключается как раз в том, чтобы, во-первых, определить действительно ли в отдельном конкретном случае присутствует факт нарушения, а во-вторых, восстановить справедливость по отношению к автору и наказать нарушителя, чтобы впредь он не совершал подобных поступков.

К сожалению, сегодня как в России, так и за рубежом защита оригинального контента в сети «интернет» остается недостаточной. Примером может служить постоянно увеличивающееся число исков от создателей видео материалов, литературных произведений и игровых дизайнеров о плагиате их трудов.

Так, крупная американская игровая компания Riot Games подала иск о нарушении авторских прав на дизайн игры League of Legends в отношении игровой компании Moontoon Technologies, выпустившей мобильную игру Mobil Legends: Bang Bang. В качестве доказательств были приведены скопированные части игрового контента ответчика, которые, действительно, фактически в точности повторяют игровой контент истца. Данный случай плагиата нанес значительный ущерб Riot Games, т.к. они планировали выход мобильной версии своей игры, что в настоящее время, в связи с действиями Moontoon Technologies, не представляется возможным.

Проблема низкой степени защиты контента от плагиата в интернете сегодня преимущественно решается авторами самостоятельно. Существует ряд практических способов, которые помогут обнаружить факт плагиата.

Первый способ актуален для текста и заключается в проверке его через сервисы антиплагиата, которые указывают источники, на которых содержится похожая или идентичная информация.

Второй способ подходит для фото и иных графических изображений и реализуется через поисковые сервисы Google или Яндекс. Для проверки необходимо загрузить изображение в поисковую систему, которая найдет идентичные или минимально переработанные изображения на других ресурсах.

Третьим способом является проверка входящего трафика с внешних сайтов, что поможет определить количество переходов на конкретно взятый сайт со сторонних ресурсов.

Защита информации, как и поиск фактов плагиата, так же может реализовываться пользователями самостоятельно.

Одним из самых распространенных способов является программный. Он позволяет с помощью специальных программ закрыть доступ к копированию текста или изображений с сайта, однако этот способ не решает проблему рерайта (т.е. переписывания вручную).

Второй способ заключается в том, чтобы программным образом при заимствовании текста или изображения, ниже автоматически отображалась ссылка на первоисточник, на которую плагиаторы зачастую не обращают внимания.

Третий способ состоит в подтверждении авторства через специальные сервисы. Так, если загрузить контент в сервис Яндекс.Вебмастер, прежде, чем поместить его на сайт, то при появлении спорных ситуаций украденный контент будет быстро определен и удален.

Основным и самым простым способом защиты стоит считать обращение в компании, деятельность которых направлена на постоянную проверку различных сервисов и удаления плагиата контента заказчика.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что защита оригинального контента в сети «Интернет» является одной из приоритетных задач в сфере авторского права. На данный момент, как в нашей стране, так и в ряде других государств она не реализуется на должном уровне. Этот факт свидетельствует о необходимости модернизации законодательства в данной области.

Список использованных источников:

1. Новоселова Л. А. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 233 с.

2. Осипов М. Ю. Защита авторских прав в сети «Интернет»: основные особенности и проблемы // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12 (97). С. 116-122.

**ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЙ ЕДИНОЛИЧНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО
ОРГАНА ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА НЕСКОЛЬКИМ ЛИЦАМ:
НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ**

© А.С. Смакотина

**Научный руководитель: Н.Ф. Качур
канд. юрид. наук**

Сибирский федеральный университет

Институт единоличного исполнительного органа в связи с вступлением в силу 01.09.2014 новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации [2] (далее – ГК РФ) претерпел серьезные изменения. Особого внимания требуют некоторые спорные вопросы, касающиеся функционирования единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, представленного несколькими лицами.

Действующие редакции пункта 1 статьи 53 и пункта 3 статьи 65.3 ГК РФ дают возможность создания в хозяйственном обществе единоличного исполнительного органа по следующим вариантам: создание нескольких единоличных исполнительных *органов* или создание одного единоличного исполнительного органа, который представлен *несколькими лицами*. В качестве единоличного исполнительного органа хозяйственного общества может выступать как физическое лицо, так и юридическое лицо. При этом в случае, если в обществе создан один единоличный исполнительный орган, который представлен несколькими лицами, такие лица вправе действовать либо совместно, либо раздельно.

На практике такое нововведение породило спорные вопросы о том, как определить в каком порядке такие лица действуют, какими полномочиями наделен каждый из них и в каком порядке они несут ответственность.

Следует отметить, что деятельность хозяйственных обществ регулируется не только ГК РФ, но и специальными законами, а именно Федеральным законом от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [7] и Федеральным законом от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» [6]. Положения статей специальных законов, регулирующих деятельность единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, в действующих редакциях не соответствуют ГК РФ, а именно не содержат право хозяйственного общества создавать единоличный исполнительный орган, представленный несколькими лицами и, как следствие, и не позволяют ответить на обозначенные выше вопросы.

Множественность лиц, составляющих единоличный исполнительный орган хозяйственного общества, по сути, является аналогом принципов «двух ключей» или «четырёх глаз», существующих в зарубежных правовых порядках. В частности, такой институт закреплён в Законе Англии о компаниях 2006 г. [13], Законе об обществах с ограниченной ответственностью Германии от 20.04.1892 [14], Торговом уложении Германии от 10.05.1897 [15]. Следует отметить, что ещё до заимствования данного института субъекты хозяйственной деятельности в России предпринимали попытки наделения полномочиями единоличного исполнительного органа нескольких лиц, например, в ситуации, описанной в Определении ВАС РФ от 01.10.2013 № ВАС-13083/13 по делу № А33-9913/2012 [8], где суд отказал в указании в ЕГРЮЛ двух генеральных директоров.

Введение законодателем возможности хозяйственным обществам предоставлять полномочия единоличного исполнительного органа нескольким лицам получило неоднозначную оценку в теории. С одной стороны, наличие как минимум двух лиц, осуществляющих полномочия данного органа, позволяет уравновесить интересы всех участников общества, сделать хозяйственную деятельность более мобильной, профессиональной и быстрой, а также снизить возможность злоупотребления правами таким органом. В частности, Д.И. Текутьев пишет, что «данное нововведение следует признать положительным для практики, однако во избежание правовых рисков в случае формирования нескольких единоличных исполнительных органов корпорации рекомендуется закрепить в уставе порядок распределения полномочий между ними» [7].

С другой стороны, возникает опасность заключения взаимозаменяемых сделок, появления споров о компетенции между лицами, выполняющими функции единоличного исполнительного органа. Например, по мнению С.А. Киракосян и А.В. Бежан, такое нововведение удобно в применении, но опасно при недобросовестном использовании, а также создает дополнительные угрозы для стабильности сделок общества [3]. В теории также есть сторонники того, что множественность лиц, которым представлены полномочия единоличного исполнительного органа, схожа, по сути, с понятием коллегиального органа, в частности такую точку зрения поддерживает С.А. Сеницын [12].

За период существования исследуемого института, ответы на некоторые вопросы все же были даны. Например, в пункте 22 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» [11] суд указал, что исходя из пункта 3 статьи 65.3 ГК РФ уставом общества самостоятельно устанавливается механизм действия его единоличных исполнительных органов, а в случае отсутствия указания на это в уставе в целях защиты прав третьих лиц действует презумпция того, что каждое лицо,

уполномоченное выступать от имени общества, действует самостоятельно и полномочия каждого лица не ограничены определенной компетенцией, а охватываются всеми полномочиями, присущими единоличному исполнительному органу общества.

Данные положения не были однозначно восприняты юридическим сообществом. Так В.А. Белов пишет, что обязанности третьего лица по проверке учредительного документа юридического лица с целью выявления ограничений или разграничения полномочий единоличного исполнительного органа «в юридическом смысле слова ГК РФ не устанавливает, но ведь необходимость известного поведения совсем не обязательно обуславливается исполнением обязанности» [1]. Автор указывает, что «вступление в какие бы то ни было юридические отношения с юридическим лицом без уточнения вопроса не только о том, кто может выступать в гражданском обороте от его имени, но и о том, какие действия он в этих целях может совершать, является неразумным».

Шаг на пути к разрешению спорного вопроса об установлении порядка взаимодействия нескольких лиц, которым предоставлены полномочия единоличного исполнительного органа сделала ФНС России в Письме от 23.01.2020 № ПА-4-14/898@ [9], указав, что в ЕГРЮЛ помимо прочего будут размещаться сведения о том, совместно или раздельно друг от друга действуют лица, которым предоставлено право выступать от имени юридического лица. Такое правило «станет доступным после утверждения в установленном порядке изменений в формы заявлений, представляемых в регистрирующий орган при государственной регистрации юридических лиц» [9].

Свое толкование закона о привлечении к ответственности лиц, осуществляющих полномочия данного органа, дал Пленум ВС РФ в Постановлении от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве», где в пункте 8 сказано, что «если учредительным документом должника предусмотрено, что полномочия выступать от имени юридического лица предоставлены нескольким лицам (директорам), действующим совместно или независимо друг от друга, по общему правилу, указанные лица несут субсидиарную ответственность, предусмотренную статьей 61.12 Закона о банкротстве, солидарно» [10].

Что касается отсутствия упоминания в специальном законодательстве о множественности лиц, которым предоставлено право выступать от имени юридического лица, то очевидно, что в связи с отсутствием в статьях 53, 65.3 ГК отсылки к специальным законам, данные статьи должны действовать напрямую и до внесения изменения в такие законы.

На основании проведенного исследования можно сделать вывод, что, несмотря на то что обозначенный институт существует уже более пяти лет, спорные вопросы относительно его функционирования остаются как в теории, так и на практике. С учетом того, что практика российских судов по спорным вопросам к настоящему времени еще не сложилась, полагаем возможным использовать зарубежный опыт в толковании норм о множественности лиц, которым предоставлены полномочия единоличного исполнительного органа хозяйственного общества, в частности, возможные варианты разграничения полномочий лиц, которые выполняют функции единоличного исполнительного органа и порядок привлечения таких лиц к ответственности, как к гражданско-правовой, так и уголовной, и административной.

Список использованных источников:

1. Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 11. С. 53 – 90.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. Ч. 1 [Электронный ресурс] : федер. закон от 26.01.1996 № 51-ФЗ. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Киракосян С.А., Бежан А.В. Множественность единоличного исполнительного органа: новые возможности и новые риски // Юрист. 2016. № 6. С. 32 – 35.
6. «Об акционерных обществах» [Электронный ресурс] : федер. закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. «Об обществах с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] : федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Определение ВАС РФ от 01.10.2013 № ВАС-13083/13 по делу № А33-9913/2012 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
9. «Об образовании исполнительного органа ООО и о включении в ЕГРЮЛ сведений о нескольких лицах, имеющих право без доверенности действовать от имени юрлица» : письмо ФНС России от 23.01.2020 № ПА-4-14/898@) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
10. «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» : Постановление Пленума Верховного

Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

12. Сеницын С.А. Корпоративные правоотношения: содержание и особенности регулирования // Журнал российского права. 2015. № 6. С. 52 – 67.

13. Companies Act 2006 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://legislation.gov.uk/ukpga/2006/46/contents>.

14. Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://dejure.org/gesetze/GmbHG>.

15. Handelsgesetzbuch [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://dejure.org/gesetze/HGB>.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УВЕДОМЛЕНИЯ КРЕДИТОРОВ ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА-ДОЛЖНИКА

© В.А. Тоцкий

Научный руководитель: И.Д. Кузьмина

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Уведомление кредиторов о реорганизации юридического лица-должника является одним из видов законодательных гарантий прав кредиторов. Положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) об уведомлении кредиторов реорганизуемого юридического лица-должника подвергались неоднократному изменению, которые однако не устранили возникающие до сих пор вопросы в теории и на практике.

Первоначальная редакция п. 1 ст. 60 в ред. от 30.11.1994 [3] предусматривала обязанность реорганизуемого юридического лица-должника письменного уведомления об этом своих кредиторов, причем, без обозначения момента ее возникновения. Это давало возможность недобросовестному должнику сообщать кредитору о реорганизации на завершающем этапе, когда последний уже не успевал надлежащим образом отреагировать на такое уведомление. В ГК РФ в ред. от 30.12.2008 [4] было введено новое правило о публичном уведомлении кредиторов: юридическое лицо в течение трех рабочих дней после даты принятия решения о его реорганизации обязано в письменной форме сообщить в орган,

осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, о начале процедуры реорганизации с указанием формы реорганизации. После чего уведомление о реорганизации дважды с периодичностью один раз в месяц должно быть опубликовано в средствах массовой информации (далее – СМИ).

Указанная обязанность публичного уведомления о проведении процедуры реорганизации решила сразу несколько задач. Во-первых, позволила обеспечить интересы кредиторов юридического лица по обязательствам, возникшим до начала процедуры реорганизации: кредиторы имеют возможность определить дальнейшую судьбу обязательственных правоотношений, участниками которых они являются. Во-вторых, такое уведомление гарантирует также соблюдение интересов контрагентов юридического лица по обязательствам, которые могут возникнуть уже после начала реорганизации. В-третьих, именно публичное уведомление в наибольшей степени гарантирует кредиторам возможность получения нужной информации, исключая такие случайные факторы, как, например, отправка недобросовестным должником пустого конверта, либо ненадлежащее оказание услуг связи [1]. Но стоит отметить, что нововведение не решило все проблемы. Кредитор должен был самостоятельно отслеживать информацию о реорганизации юридического лица-должника. При этом сложно представить ситуацию, когда рабочий день сотрудников корпорации начинается с проверки информации о возможном начале процедуры реорганизации их контрагента. Однако сформулированные таким образом законодательные правила вынуждали это делать в целях минимизации рисков отсутствия необходимой информации [2]. Действующая редакция п. 1 ст. 60 ГК РФ [5] сохранила рассмотренное правило и дополнила его отсылочной нормой, в соответствии с которой законом может быть предусмотрена обязанность реорганизуемого юридического лица уведомить в письменной форме кредиторов о своей реорганизации. В то же время, ч. 2 ст. 13.1 ФЗ от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – ФЗ № 129) предлагает противоположный подход к решению этого вопроса: реорганизуемое юридическое лицо в течение пяти рабочих дней после даты направления уведомления о начале процедуры реорганизации в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц, в письменной форме уведомляет известных ему кредиторов о начале реорганизации, если иное не предусмотрено федеральными законами [9]. В законах об отдельных видах юридических лиц предлагаются различные подходы к решению вопроса о закреплении рассматриваемой обязанности реорганизуемого юридического лица: ряд из них прямо ее обозначают (п. 7 ст. 29 Федерального закона № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» (далее – ФЗ № 161) [10], ч. 8 ст. 13 Федерального закона № 215-ФЗ

«О жилищных накопительных кооперативах» (далее – ФЗ № 215) [11], п. 5 ст. 33 Федерального закона № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» (далее – ФЗ № 75) [12]); другие – не упоминают о ее существовании, например, Федеральный закон № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) [13]. Не отличается единообразием и законодательное решение относительно формы такого уведомления: в одних законах предусмотрена только письменная форма уведомления (например, п. 7 ст. 29 ФЗ № 161, ч. 8 ст. 13 ФЗ № 215), в других – письменная или электронная формы (например, ст. 23.5 Федерального закона № 395-1 «О банках и банковской деятельности» [8], п. 5 ст. 33 ФЗ № 75).

Кроме того, законодатель не раскрывает критерии «известности» кредитора. В настоящее время вопрос их определения остаётся спорным. Например, существует точка зрения, согласно которой под известными кредиторами следует понимать таких кредиторов, с которыми у реорганизуемого лица-должника подписан акт сверки задолженности. Именно такие кредиторы должны быть уведомлены письменно о проведенной реорганизации [7]. Согласно другой позиции – под «известными кредиторами» следует понимать всех кредиторов, о которых юридическое лицо знало или должно было знать, поскольку последний критерий («должно было знать») устанавливается исходя из требований нормального гражданского оборота и не связан с возможностями конкретного юридического лица [6]. Судебная практика вовсе не даёт ответа на этот вопрос, ограничиваясь ссылкой на ч. 2 ст. 13.1 ФЗ 129.

Такое состояние законодательства создает проблему для правоприменителя. Одни суды считают, что при реорганизации юридического лица, как следует из нормы ст. 13.1 ФЗ № 129, не только размещает соответствующую информацию в СМИ, но и обязано непосредственно уведомить каждого известного ей кредитора [14], другие – указывают на то, что обязанность по уведомлению кредиторов считается соблюденной в случае двукратного размещения информации о реорганизации в СМИ [15].

В связи с вышесказанным можно сделать вывод о том, что в законодательстве отсутствует единообразный подход к решению вопроса об обязанности уведомления кредиторов при реорганизации юридического лица-должника. В целях устранения этого недостатка, а также формирования единообразной судебной практики, необходимо изменить положения ст. 60 ГК РФ. Законодателю следует выбрать один из двух вариантов: либо закрепить обязанность письменного уведомления известных кредиторов для всех реорганизуемых юридических лиц, либо оставить только публичное уведомление в СМИ. В случае закрепления обязанности письменного уведомления известных кредиторов для всех

реорганизуемых юридических лиц законодателю необходимо решить ряд проблем: определить критерии «известности» кредиторов, последствия несоблюдения письменного уведомления кредиторов, а также форму этого уведомления.

Список использованных источников:

1. Аюшеева И.З. Защита прав кредиторов при реорганизации юридического лица: новеллы правового регулирования / И.З. Аюшеева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 6. – С. 46-50.
2. Белялова А.М. Механизм защиты прав кредиторов реорганизуемого юридического лица / А.М. Белялова // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – №7. – С. 44-48.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 30.11.1994) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 30.12.2008) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 16.12.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Кислицын Р.А. Способы судебной защиты нарушенных прав кредиторов при реорганизации хозяйственных обществ / Р.А. Кислицын // Вестник СПбГУ. Право. – 2012. – № 1. – С. 25-35.
7. Нуждин Т.А. Комбинированная реорганизация коммерческих организаций : монография / Т.А. Нуждин. – М.: Юстицинформ, 2018. – 262 с.
8. О банках и банковской деятельности [Электронный ресурс] : федер. закон от 02.12.1990 № 395-1-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
9. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс] : федер. закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (в ред. от 26.11.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
10. О государственных и муниципальных унитарных предприятиях [Электронный ресурс] : федер. закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (в ред. от 27.12.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

11. О жилищных накопительных кооперативах [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.12.2004 № 215-ФЗ (в ред. от 27.06.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

12. О негосударственных пенсионных фондах [Электронный ресурс] : федер. закон от 07.05.1998 № 75-ФЗ (в ред. от 18.03.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

13. Об обществах с ограниченной ответственностью [Электронный ресурс] : федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (в ред. от 04.11.2019) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

14. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 октября 2016 № Ф03-4171/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

15. Постановление суда Московского округа от 30.07.2015 № Ф05-7556/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

РАМОЧНЫЙ ДОГОВОР ИЛИ ДОГОВОР С ОТКРЫТЫМИ УСЛОВИЯМИ

© А.С. Фалилеева

Научный руководитель: С.Я. Сорокина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Результатом реформы обязательственного права в 2015 году стало легальное закрепление специальных договорных конструкции, в том числе рамочного договора. Данное законодательное решение было обусловлено широким применением данной конструкции на практике участниками предпринимательской деятельности для организации и осуществления длительных деловых отношений.

Определение в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) рамочного договора и договора с открытыми условиями как тождественных понятий критикуется многими отечественными цивилистами. Критика данного подхода связана с тем, что рамочный договор является организационным соглашением, а договор с открытыми условиями – имущественным [10, с. 118].

Разработчик теории организационных отношений О. А. Красавчиков полагал, что содержание организационных гражданско-правовых отношений составляют организационные действия, направленные на упорядочение организуемых отношений [8, с. 54]. Организационные договоры направлены на организацию товарообмена, т.е. установление взаимосвязей участников будущего

товарообмена [12, с. 132]. Так, рамочный договор имеет целью организацию имущественных отношений сторон, направлен на возникновение долгосрочных деловых связей сторон.

Имущественные договоры, наоборот, непосредственно оформляют акты товарообмена их участников и направлены на передачу или получение имущества (материальных и иных благ) [12, с. 132]. Следовательно, договор с открытыми условиями непосредственно порождает имущественные отношения, но отличается тем, что при заключении стороны оставляют часть условия договора открытыми для их уточнения в дальнейшем.

Для выяснения мотивов законодателя следует обратиться к положениям Проекта Концепции совершенствования общих положений обязательственного права России. Согласно п. 2.7.3 Концепции соглашение « между сторонами по общему правилу еще не порождает обязательства, поскольку полноценной сделкой указанное соглашение не является. В таком случае стороны обязуются в будущем заключить специальные соглашения». Ряд исследователей отмечают противоречивость данных положений в том, что если обязательство отсутствует, то и никаких обязанностей у сторон возникнуть не может [13, с. 71]. Однако представляется более верным, что разработчики концепции в этой части имели ввиду рамочное соглашение, заключение которого не влечёт возникновение имущественного обязательства.

Далее в Концепции речь идёт уже не о рамочном договоре, а о договоре с открытыми условиями. Об этом свидетельствуют положения, в которых соглашение рассматривается уже как заключённый договор, но с «открытыми», то есть подлежащими согласованию в будущем, условиями. Такое понимание совпадает с принципами УНИДРУА, согласно которым при намерении сторон заключить договор обстоятельство, что они умышленно оставили какое-то условие для согласования в ходе будущих переговоров, не является препятствием для возникновения договора (ст. 2.14)[1]. Непоследовательность разработчиков выразилась в том, что не было проведено разграничения между рамочным договором с организационным содержанием и имущественным договором с открытыми условиями, что отразилось на легальной дефиниции. В соответствии со ст. 429.1 ГК РФ рамочным договором (договором с открытыми условиями) признается договор, определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров на основании либо во исполнение рамочного договора. Данное определение приводит к смешению конструкции с неоднородным содержанием и не позволяет определить, какая из данных конструкции получила законодательное закрепление.

Е. Б. Подузова рамочным признаёт договор, по которому стороны обязуются заключить в будущем основной договор [10, с. 118]. Однако данный подход не соответствует специфике рамочного соглашения, заключение которого не предполагает возникновения у стороны обязанности заключить договор в будущем. Такая обязанность характерна для предварительного договора (ст. 429 ГК РФ). Формулировка «могут быть» означает, что стороны вправе, а не обязаны заключать договоры. К тому же в п. 2 ст. 429.1 ГК РФ указано, что стороны могут и вовсе не заключать отдельные договоры. Данное суждение нашло отражение в судебной практике. Арбитражные суды при разрешении конкретных дел исходят из того, что положения статьи 429.1 ГК РФ устанавливают необходимость урегулирования рамочным договором только общих условий обязательственных взаимоотношений сторон, при этом не требуя последующего обязательного заключения отдельных договоров [5].

Разграничение рамочного договора и договора с открытыми условиями имеет практическое значение. При этом в литературе предлагается следующий критерий разграничения – возможность исполнения обязательства без конкретизации общих условий отдельным соглашением [11, с. 38]. Если возможно исполнение без заключения дополнительного договора, то речь идёт о договоре с открытыми условиями. Обязательство по передаче имущества, выполнению работ и оказанию услуг возникает уже в момент заключения договора с открытыми условиями. Рамочный же договор не допускает исполнения без уточнения условий, поскольку направлен на организацию будущих имущественных отношений. Следовательно, рамочное соглашение не позволяет сторонам в отличие от договора с открытыми условиями требовать исполнения обязательства в натуре и привлечения к ответственности другую сторону за неисполнение договора, поскольку данное соглашение не порождает имущественных обязательств.

Такое понимание рамочного договора позволяет сделать вывод, что рамочный договор – это лишь организационная предпосылка, один из юридических фактов необходимых для возникновения обязательства между сторонами. Подтверждение данного подхода можно найти в судебной практике. Так, Президиумом ВАС РФ в ходе обобщения судебной практики было указано, что условия организационного (рамочного) соглашения являются частью заключенного договора [4]. После аналогичное положение было закреплено в Постановлении ВС РФ [3]. Таким образом, для возникновения обязательства необходим определённый юридический состав: заключение рамочного соглашения, определяющего общие условия, и отдельных договоров, конкретизирующих эти условия.

Не существует в цивилистической доктрине единого взгляда и на понимание общих условий рамочного соглашения. Н.В. Дельцова указывает на то, что при

заключении рамочного договора применяются и общие нормы, регулирующие заключение договора, в частности п. 1 ст. 432 ГК РФ. Рамочный договор должен содержать все существенные условия для признания его заключённым [7, с. 158].

Данная позиция представляется спорной и не учитывает специфику анализируемой договорной конструкции. Общие условия обязательственных отношений сторон могут быть конкретизированы и уточнены в последующем. Поэтому следует согласиться с суждением, в соответствии с которым недостижение сторонами согласия по существенным условиям не является основанием для признания рамочного договора незаключённым, так как данные условия подлежат конкретизации путём заключения отдельных договоров. Данный подход был поддержан судебной практикой. Так в одном из дел, рассматриваемых арбитражным судом, заключенный между сторонами договор не содержал условия о товаре и его количестве, а предусматривал неоднократную поставку товара по спецификациям. Суд квалифицировал договор как рамочный и указал на то, что наименование и количество товара должно определяться иными документами[6]. Последнее означает, что рамочный договор не может быть признан незаключённым при отсутствии в нём существенных условий договора.

Таким образом, закрепление в ГК РФ рамочного договора и договора с открытыми условиями как тождественных привело к смешению конструкций, не совпадающих по характеру порождаемых ими обязательств. Судебной практикой сделана попытка скорректировать данное противоречие, так правоприменительное воплощение получила конструкция рамочного договора, а договор с открытыми условиями же не получил широкого применения. Представляется необходимым разграничить в законодательстве названные договоры для устранения противоречивости в регулировании возникающих отношений с целью более эффективного правоприменения.

Список использованных источников:

1. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) // Закон. 1995. № 12.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

4. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными».

5. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 13.02.2019 № Ф10-6407/2018 по делу № А14-4146/2018.

6. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 19.09.2019 № 08АП-10092/2019, 08АП-10096/2019 по делу № А75-18228/2018.

7. Дельцова, Н.В. О рамочном договоре / Н.В. Дельцова // Вестник ВУиТ. – 2014. – № 4. – С. 156-161.

8. Красавчиков, О.А. Гражданские организационно-правовые отношения / О.А. Красавчиков // Наука. – 1966. – № 10. – С. 50-57.

9. Левушкин, А. Н. Специальные договорные конструкции: рамочный, опционный и абонентский договоры / А.Н. Левушкин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2. – С. 19-26.

10. Подузова, Е. Б. Рамочный договор (договор с открытыми условиями): первые итоги реформы гражданского права / Е.Б. Подузова // LEX RUSSICA. – 2017. – № 6. – С. 116-128.

11. Райников, А.С. Проблемы применения рамочных договоров (договоров с открытыми условиями) / А.С. Райников // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 3. С. 37-46.

12. Суханов, Е.А. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. II: Обязательственное право / Отв. ред. Е.А. Суханов. – Москва : Статут, 2011. – 1208 с.

13. Шнигер, Д. О. Рамочный договор как основание возникновения обязательства, или Критика концепции статьи 429¹ Гражданского кодекса Российской Федерации / Д. О. Шнигер // Журнал российского права. – 2016. – № 12. – С. 69-78.

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ СУДЕБНОЙ НЕУСТОЙКИ (АСТРЕНТА) К ДЕНЕЖНЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ

© И.А. Фунтусова

Научный руководитель: С.Я. Сорокина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В марте 2015 года в российском гражданском праве появился инструмент, заимствованный из французского права. Речь идет об астренте – неустойке за неисполнение должником обязательства, установленного судебным актом.

Под словом «*l'astreinte*» во французском праве понимается «денежное взыскание, налагаемое на должника в определенной сумме за каждый просроченный день (другую единицу времени), с целью понуждения его исполнить обязательство что-либо сделать угрозой значительного штрафа, способного увеличиваться» [6]. Изначально институт возник во Франции в начале XIX века благодаря практике французских судов как инструмент непрямого принуждения должника к исполнению имущественного обязательства что-либо дать или сделать [1, с. 240].

В современном российском праве институт астрента был впервые сформулирован Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации (далее – ВАС РФ) в Постановлении Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 года №22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта», наделившее арбитражные суды правом присуждения денежных средств при неисполнении судебного акта. Но в законодательстве данное право не было закреплено [8].

Вскоре в результате реформы гражданского законодательства была введена норма ст. 308.3 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которая позволяла присудить денежные средства на случай неисполнения судебного акта в размере, определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения [2].

При изучении вопроса о применении судебной неустойки (астрента) к денежным обязательствам следует определить и понятие денежного обязательства. О.А. Красавчиков понимал денежное обязательство как «особое гражданское правоотношение, в силу которого одно лицо (должник) обязано передать в пользу другого лица (кредитора) определенную денежную сумму, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения этой обязанности» [4, с. 243].

Положения статьи 308.3 ГК РФ не исключают применения судебной неустойки к денежным обязательствам, поскольку требование о взыскании долга квалифицируется как присуждение к исполнению обязанности в натуре (ст. 12 ГК РФ).

Однако судебная практика как в России, так и во Франции в отношении применимости к денежным требованиям института астрент складывается неоднозначно. Заслуживающим внимания в этой связи является Решение Кассационного Суда Франции от 17 апреля 1956 года. Так, вступившим в законную силу решением суда городу Марселю было предписано выплатить компенсацию собственникам конфискованного имущества. Поскольку требования судебного акта не исполнялись надлежащим образом, суд использовал конструкцию

предварительного «l'astreinte» на случай последующей задержки в выплате соответствующих платежей. Кассационный Суд указанное решение поддержал и отметил правомерность назначения «l'astreinte» за неисполнение денежных обязательств, в случае если у кредитора нет эффективного средства восстановления своего нарушенного права [3, с. 207].

Российская судебная практика также предпринимала попытку распространения судебной неустойки на денежные требования в виде процентов на присужденную сумму на случай неисполнения судебного акта. В частности, в пункте 2 Постановления Пленума ВАС РФ № 22 в редакции, которая действовала до 23 июня 2015 года, было предусмотрено, что с целью обеспечения своевременного исполнения судебного акта должником суд, удовлетворяя заявление о взыскании денежных средств, присуждает истцу проценты за пользование чужими денежными средствами на всю взыскиваемую сумму с момента вступления судебного акта в законную силу и до его фактического исполнения по ставке рефинансирования Банка России. Кроме того, в Постановлении предусматривалась возможность обратиться с заявлением о принятии судом дополнительного решения по вопросу начисления таких процентов, если ранее суд не рассмотрел вопрос о присуждении процентов на случай неисполнения судебного акта [8].

Возникновение указанного положения во многом было обусловлено позицией Президиума ВАС РФ, изложенной в Постановлении № 8711/12 от 12 марта 2013 года [9]. Суть спора заключалась в том, что муниципальное образование в течение длительного периода уклонялось от исполнения вступившего в законную силу решения суда о взыскании с него в пользу муниципального унитарного предприятия процентов, предусмотренных статьей 395 ГК РФ, в связи с неуплатой суммы долга, присужденного ранее вынесенным решением суда. Учитывая, что указанное решение в добровольном порядке муниципальным образованием не исполнялось, конкурсный управляющий унитарного предприятия обратился в суд с требованием о присуждении компенсации за нарушение права предприятия на исполнение названного судебного акта в разумный срок. Президиум ВАС РФ, подержав доводы истца, добавил, что взыскание компенсации не может быть признано эффективной мерой для принуждения муниципального образования к исполнению судебного акта, в связи с чем взыскиваемая сумма компенсации должна выплачиваться с учетом длительной задержки исполнения судебного акта. Президиум постановил взыскать с муниципального образования сверх суммы присужденной компенсации проценты годовых из расчета ставки рефинансирования, увеличенной при этом на 3%, с момента принятия постановления и до полной уплаты суммы компенсации [9]. Таким образом, практика ВАС РФ в отношении присуждения компенсации за нарушение права истца на исполнение

судебного акта была продемонстрирована и ранее на основе рассмотрения конкретных дел.

Суды восприняли такую практику позитивно и начали активно обращаться к указанным разъяснениям при разрешении споров. Более того, некоторые суды допустили интересную трактовку пункта 2 Постановления № 22, указав, что суды полномочны присуждать проценты за неисполнение денежного обязательства по собственной инициативе вне зависимости от заявления соответствующего требования истцом [7].

Однако ключевое значение для разрешения проблемы применения судебной неустойки к денежным требованиям имеет вопрос о том, не является ли такая мера излишней? В рамках пункта 3 статьи 395 ГК РФ предусмотрена возможность взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами на будущее время, то есть до момента фактической уплаты денежных средств кредитору, включая период после вынесения судом соответствующего решения. При этом денежные обязательства обеспечены исполнительным механизмом, который основан на положениях статьи 80 Федерального закона № 229-ФЗ: судебному приставу-исполнителю предоставлено право наложить арест на имущество должника в целях обеспечения исполнения требований исполнительного документа [5]. Иными словами, законодателем уже предусмотрен инструмент, позволяющий избежать недобросовестных действий должника по неисполнению судебного акта.

На основании вышеизложенных тезисов следует сделать вывод о том, что исключение денежных обязательств из сферы действия судебной неустойки не носит решающего значения в виду того, что уже предусмотрены исполнительный механизм и институт взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами.

Список использованных источников:

1. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. / Избранные труды по гражданскому праву. – Москва. – 2002.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) / Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 31.03.2019).
3. Кетц, Х., Цвайгерт, К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права // Договор. Неосновательное обогащение. Деликт. В 2-х томах: Перевод с немецкого. Т. 2 / Х. Кетц, К. Цвайгерт. – Москва, 1998.

4. Красавчиков, О.А. Советское гражданское право: Учебник / О. А. Красавчиков. – Москва, 1969. – 488 с.

5. Об исполнительном производстве: федер. закон от 02.10.2007. № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2007 г. № 41. Ст. 4849.

6. Пляниоль, М. Курс французского гражданского права: Ч. 1: Теория об обязательствах; Ч. 2: Договоры. Перевод с французского. Ч. 1-2: Вып. 1-6 / Пляниоль М.; Пер. и предисл.: Гартман В.Ю. Петроков: Изд. тип. С. Панского. – 1911.

7. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.06.2018 года по делу № А70-2044/2017 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru>

8. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru>

9. Постановление Президиума ВАС РФ от 12.03.2013 года № 8711/12 по делу № А12-14977/2010 [Электронный ресурс] URL: <http://www.consultant.ru>

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЛИЦ, ВХОДЯЩИХ В СОСТАВ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

© В.Н. Хачбулагян

Научный руководитель: М.В. Кратенко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Согласно п. 3 ст. 53 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) лицо, входящее в состав органов юридического лица, обязано действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно. Зачастую на практике возникают ситуации, когда руководители организаций не соблюдают эти предписания, поэтому законодательное закрепление норм об ответственности этих лиц необходимо.

О необходимости привлечения к ответственности руководителей юридических лиц писал еще Г. Ф. Шершеневич: «Как уполномоченные, члены правления подлежат ответственности за все совершенное ими вопреки закону, уставу и постановлениям общего собрания. Однако ответственность их не может ограничиться уклонением от данных им инструкций. Они стоят во главе торгового предприятия, управляют им на самых широких основах полномочия, и потому они не могут быть освобождены от ответственности за вред, причиняемый ими товариществу своим небрежным, невнимательным отношением к его делам» [3, с. 425].

Как утверждает И. С. Шиткина, «с развитием корпоративных форм предпринимательства в России институт ответственности членов органов управления хозяйственных обществ применяется все более активно. Разделение функций собственности и управления повышает требования к профессиональным управляющим; усложнение предпринимательского оборота создает почву для возможных злоупотреблений ... значительно возросло количество споров по вопросам привлечения к ответственности членов органов управления хозяйственных обществ» [4, с. 3].

В 2014 году в ходе реформы гражданского законодательства были внесены изменения в нормы об ответственности лиц, входящих в органы управления. Изменения произошли в связи с тем, что в старой редакции нормы ГК РФ закрепляли ограниченные возможности по привлечению лиц к ответственности за свои недобросовестные действия, связанные с управлением. В частности, в вышеупомянутом п. 3 ст. 53 ГК РФ содержались лишь нормы об ответственности лиц, которые выступают в гражданском обороте от имени юридического лица.

Помимо ответственности перед юридическим лицом выделяется также ответственность по обязательствам юридического лица. Для этого вида ответственности общей нормой является ст. 56 ГК РФ: участники (учредители) юридического лица, а также собственник его имущества или иные лица не должны отвечать по долгам юридического лица, равно как и юридическое лицо не должно отвечать по долгам своих участников (собственника имущества), за исключением случаев, установленных законом [2, с. 103].

На наш взгляд, следует различать «внутреннюю» и «внешнюю» ответственность руководящих лиц. Внутренняя ответственность заключается в обязательствах руководителя перед самим юридическим лицом и его участниками, внешняя – перед третьими лицами (кредиторами юридического лица).

Внутреннюю ответственность целесообразно определить как ответственность в корпоративных отношениях, поскольку она возникает на основе участия в юридическом лице и его управлении, в силу подчиненности деятельности руководителя учредительным документам юридического лица.

Внешняя ответственность руководителя предопределяется характером обязательств юридического лица перед третьими лицами (договорные, налоговые и пр.).

В силу повышенной актуальности исследуемой темы необходимо исследовать правовую природу различных видов ответственности лиц, входящих в органы управления юридических лиц.

Обратимся к сущности внутренней (корпоративной) ответственности. В теории и на практике возникает вопрос об отнесении этого вида ответственности к договорной, деликтной, либо к самостоятельному виду ответственности.

Существует мнение, что ответственность членов органов юридического лица является деликтной. Однако данную позицию можно опровергнуть, ссылаясь на то, что ответственность наступает за нарушение корпоративных обязанностей, которые закреплены в учредительном документе юридического лица. Корпоративные отношения между членами органов управления и юридическим лицом являются относительными, основанными на содержании учредительного документа и на согласии определенных лиц войти в состав органов юридического лица. Поэтому, несмотря на отсутствие гражданско-правового договора, ответственность этих лиц не может считаться деликтной, поскольку ее основанием является нарушение корпоративных обязанностей, вытекающих из принятых корпоративных актов.

Не останавливаясь на отграничении ответственности по корпоративным обязательствам от договорной и деликтной ответственности, О. В. Гутников в рамках корпоративной ответственности выделяет ответственность по ст. 53.1 ГК РФ: «...ответственность по ст. 53.1 ГК РФ имеет отличия как от договорной и деликтной ответственности, так и от ответственности участников перед корпорацией за иные корпоративные правонарушения» [1, с. 58].

Прежде всего, такая ответственность наступает не за нарушение всеобщей обязанности не причинять вреда другому лицу (деликтная ответственность), и не за нарушение договорной обязанности (договорная ответственность), а за нарушение специальной корпоративной фидуциарной обязанности действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно.

Таким образом, на наш взгляд, следует говорить о корпоративной ответственности (ответственности за нарушение корпоративных обязанностей), которая отличается как от ответственности за нарушение обязательств (договорной ответственности), так и от ответственности за деликт и является особым видом гражданско-правовой ответственности.

Что касается правовой природы внешней ответственности лиц, входящих в органы управления юридического лица, необходимо определять сущность этого вида ответственности в зависимости от характера и отраслевой принадлежности правоотношений между юридическим лицом и его кредиторами. Но независимо от вышеуказанных обстоятельств общей чертой для внешней ответственности в целом будет субсидиарный характер ответственности руководящих лиц по обязательствам юридического лица. Иное противоречило бы сущности юридического лица как самостоятельного субъекта гражданских правоотношений.

Законодательство и правоприменительная практика допускают в некоторых случаях возможность привлечения к ответственности лиц, входящих в органы управления юридического лица, по налоговым обязательствам юридического лица (вследствие неуплаты или неполной уплаты налоговых платежей). Однако и в этих случаях привлечение к ответственности руководителя ограничено рядом условий, сформулированных в постановлении Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) по делу Г. Г. Ахмадеевой [5]:

1) переложение налоговой обязанности юридического лица возможно лишь с учетом причастности физического лица к хозяйственной деятельности организации и влияния на ее действия, так как размер налоговой обязанности организации рассчитывается исходя из показателей ее предпринимательской деятельности, принадлежащего ей имущества, *обособленного от имущества ее учредителей и участников* (абз. 2 п. 3);

2) в рассматриваемых случаях между причинителем вреда – физическим лицом, совершившим действия, которые повлекли невозможность реализации налоговых обязанностей непосредственно налогоплательщиком и потерпевшим – публично-правовым образованием возникают и гражданские правоотношения, то есть не исключается возможность привлечения физических лиц помимо административной или уголовной ответственности и к деликтной ответственности (абз. 4 п. 3);

3) возмещение физическим лицом вреда, причиненного неуплатой организацией налога в бюджет или сокрытием денежных средств организации, в случае привлечения его к уголовной ответственности может иметь место только при соблюдении установленных законом условий привлечения к гражданско-правовой ответственности и только при подтверждении окончательной невозможности исполнения налоговых обязанностей организацией-налогоплательщиком (абз. 3 п. 3.4).

Таким образом, возложение на руководящих лиц ответственности по обязательствам юридического лица перед кредиторами (внешняя ответственность) является исключением из общего правила об обособленном имуществе и самостоятельной ответственности организации (ст. 56 ГК РФ).

Список использованных источников:

1. Гутников, О.В. Корпоративная ответственность участников коммерческих корпораций: проблемы и перспективы развития / О. В. Гутников // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 1.

2. Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве // Проблемы современной цивилистики: Сборник статей. – М.: Статут, 2013.

3. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права Т. 1: Введение. Торговые деятели. – Москва. – 2003.

4. Шиткина, И. С. Гражданско-правовая ответственность членов органов управления хозяйственного общества: классическая доктрина и тенденции правоприменения / И. С. Шиткина // Хозяйство и право. – 2013. – № 3.

5. По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева [Электронный ресурс] : Пост. Конституционного Суда РФ от 08.12.2017 № 39-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

ОЦЕНКА СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ В СПОРАХ О ПРИМЕНЕНИИ ПОСЛЕДСТВИЙ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ НЕДОСТОВЕРНЫХ ЗАВЕРЕНИЙ

© К.Е. Шиховцова

Научный руководитель: М.В. Кратенко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

С 2015 года у участников гражданского оборота появилась возможность обращения за судебной защитой в случае, если они положились на недостоверные заверения своего контрагента или третьего лица относительно предлагаемого к заключению договора или его исполнения.

Согласно ст. 431.2 ГК РФ сторона, которая при заключении договора либо до или после его заключения, предоставила другой стороне недостоверные заверения об обстоятельствах, имеющих значение для заключения договора, его исполнения или прекращения, обязана возместить другой стороне по ее требованию убытки, причиненные недостоверностью таких заверений, или уплатить предусмотренную договором неустойку [1].

При решении вопроса о наличии или отсутствии оснований для применения ответственности за предоставление недостоверных заверений суд исследует не только объективные факты (наличие или отсутствие самого факта предоставления

заверений), но и вопросы субъективного восприятия сторонами складывающихся взаимоотношений.

К вопросам субъективной стороны, имеющим значение для применения норм о последствиях недостоверных заверениях, можно отнести:

1) субъективное отношение контрагента к полученным заверениям: будет ли он полагаться на данную информацию при решении вопроса о заключении договора и определении его условий;

2) вина лица, предоставляющего заверения;

3) осведомленность лица, полагающегося на заверения, об их недостоверности, и проявление таким лицом должной осмотрительности.

Рассмотрим в отдельности каждый из перечисленных элементов, а также их влияние на ответственность за недостоверные заверения.

1) Восприятие контрагентом заверений в качестве информации, имеющей значение для заключения и исполнения договора.

Особенностью регулирования института заверений об обстоятельствах в российском праве является зависимость последствий предоставления недостоверной информации от наличия у стороны, предоставляющей заверения, уверенности в том, что другая сторона будет основывать свои действия на предоставленной информации (абз. 3 п. 1 ст. 431.2 ГК РФ).

Так, в рамках дела № А41-21587/14 судом рассматривалось заявление о взыскании с конкурсного управляющего убытков, вызванных тем, что победитель торгов не смог зарегистрировать договор купли-продажи с третьим лицом в связи с наличием арестов на имущество. Суд отказал в удовлетворении заявления, указав, что для применения ст. 431.2 ГК РФ необходимо установить, что конкурсный управляющий, предоставляя информацию об отсутствии арестов, исходил из того, что победитель торгов будет полагаться на данную информацию, однако, данные обстоятельства не доказаны [5].

В силу абз. 2 п. 4 ст. 431.2 ГК РФ в случае, если заверения предоставляются в рамках осуществления сторонами предпринимательской деятельности, в связи с корпоративным договором, либо договором об отчуждении акций или долей в уставном капитале хозяйственного общества, презюмируется знание (осведомленность) стороны, предоставляющей заверения, о значимости данной информации для другой стороны.

2) Вина лица, предоставившего недостоверные заверения.

Особенностям учета вины лица, предоставившего недостоверные заверения, посвящен п. 4 ст. 431.2 ГК РФ. Данный пункт предусматривает возможность привлечения к ответственности за недостоверные заверения без учета вины в случаях если заверения предоставляются при осуществлении предпринимательской

деятельности, а равно и в связи с корпоративным договором либо договором об отчуждении акций или долей в уставном капитале. Безвиновный характер ответственности предпринимателей и сторон договоров, опосредующих корпоративные отношения, также был подтвержден Верховным Судом РФ в п. 35 постановления Пленума от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» [6].

В иных случаях ответственность наступает только при наличии вины в действиях лица, предоставившего недостоверные заверения.

Устанавливая режим безвиновной ответственности предпринимателей и лиц, указанных в п. 4 ст. 431.2 ГК РФ, законодатель предусмотрел возможность изменить соглашением сторон это правило и предусмотреть освобождение лица, предоставляющего недостоверные заверения, от ответственности, если он не знал о недостоверности данных им заверений.

Например, ООО «Премьер Ойл» (покупатель) и ПАО «АФК Система» (продавец) в договоре купли-продажи акций АО «СГ-трейдинг» предусмотрели, что заверения и гарантии продавца в отношении АО «СГ-трейдинг», предоставляемые по договору, ограничиваются знанием продавца об АО «СГ-трейдинг» в рамках осуществления своих прав и обязанностей как акционера АО «СГ-трейдинг» в рамках действующего законодательства и учредительных документов [4].

Ответственность лица, предоставившего заверение, может быть ограничена в пределах, установленных п. 4 ст. 401 ГК РФ, то есть нельзя ограничить ответственность за предоставление заведомо ложных сведений (умышленные действия).

Необходимо учитывать, что заверения могут быть предоставлены не только контрагентом, но и третьим лицом, которое обладает правомерным интересом в том, чтобы между сторонами был заключен, исполнен или прекращен договор, с которым связано заверение. Данное лицо также несет ответственность перед пострадавшей стороной за недостоверность заверений.

3) Осведомленность потерпевшей стороны о недостоверности заверений.

В п. 35 Постановления № 49 от 25.12.2018 Верховный Суд РФ разъяснил, что лицо, предоставившее заведомо недостоверные заверения, не может в обоснование освобождения от ответственности ссылаться на то, что полагавшаяся на заверения сторона договора являлась неосмотрительной и сама не выявила их недостоверность.

Анализ судебной практики по спорам о применении последствий предоставления недостоверных заверений позволяет сделать вывод, что суды еще не выработали единой позиции по вопросу о необходимости учета осмотрительности лица, которому предоставляются заверения об обстоятельствах.

Некоторые суды принимают во внимание данное обстоятельство. Например, Арбитражный суд Московского округа в постановлении от 06.12.2018 по делу А40-86763/2018 разрешая иск покупателя о недействительности договора купли-продажи акций в связи с введением его в заблуждение, указал, что истец не доказал, что проявляя должную степень осмотрительности, заботливости и внимательности, действуя разумно и добросовестно, был лишен возможности до заключения договоров купли-продажи долей, оценить реальную стоимость приобретаемых долей. Однако сделать вывод о том, что именно данное обстоятельство послужило основанием для отказа в иске нельзя, поскольку суд также пришел к выводу, что отсутствует сам факт введения в заблуждение другой стороны (недоверности заверений).

В постановлении Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.10.2017 по делу № А63-1976/2017 также указано на необходимость проявления истцом должной осмотрительности путем запроса у контрагента сведения и документов о наличии и состоянии имущества, а также возможности получения информации из общедоступных источников.

В то же время другие суды придерживаются обратной позиции – об отсутствии у стороны, полагающейся на полученные заверения, обязанности по проверке достоверности данной информации (постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.02.2018 по делу А56-17306/2017, решение Арбитражного суда Свердловской области от 30.10.2017 по делу А60-38056/2017).

В научной литературе в основном поддерживается позиция о том, что сторона, которая полагается на предоставляемые ей заверения, не обязана осуществлять проверку информации – в силу принципа добросовестности (п. 3 ст. 307 ГК РФ) [2]. С этим следует согласиться с той лишь оговоркой, что в случае, если потерпевший доподлинно знал о недоверности полученной информации, но все равно принял их в качестве заверений, его действия не могут считаться добросовестными, и ему может быть отказано в применении последствий недоверности заверений (п. 2 ст. 10 ГК РФ) [3].

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : фед. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – ст. 3301
2. Карапетов, А.Г. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ / А.Г. Карапетов // Закон. – 2015. – № 6. – С. 43-56.

3. Новак Д.В. Институт заверений об обстоятельствах в ст. 431.2 ГК РФ // О договорах: Сборник статей к юбилею В.В. Витрянского / Сост. С.В. Сарбаш. М.: Статут, 2017. С. 123-125

4. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 19.09.2019 по делу А40-72733/19 [Электронный ресурс] // Банк решений арбитражных судов. – Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru>.

5. Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 20.07.2017 по делу № А41-21587/14 [Электронный ресурс] // Банк решений арбитражных судов. – Режим доступа: <http://ras.arbitr.ru>.

6. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 49 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

НАСЛЕДОВАНИЕ ПЕРЕЖИВШИМ СУПРУГОМ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

© П.А. Шляга

Научный руководитель: С.Я. Сорокина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Правоотношения по наследованию доли в обществе с ограниченной ответственностью (далее – ООО) являются сложными, поскольку регулируются различными нормами права. Это нормы наследственного и корпоративного права. Однако ситуация усложняется, когда переживший супруг наследует долю. К выше-названным нормам присоединяются нормы семейного права. В соответствии со ст. 34 Семейного кодекса Российской Федерации доля в уставном капитале ООО, если она внесена в период брака, является совместной собственностью супругов. Следовательно, семейное право устанавливает состав объектов совместной собственности и их правовой режим, а корпоративным правом регулируется порядок вступления участников в состав ООО, а также вопросы управления обществом.

Исследуя вопрос наследования супругом доли в ООО, необходимо обратиться к понятию доли. Согласно наиболее распространенному подходу доля в ООО это совокупность прав и обязанностей участника общества. Сторонником такой точки зрения является Л.А.Новоселова, которая утверждает, что доля в ООО это «совокупность имущественных (корпоративных и связанных с ними) прав и

обязанностей участника общества, объем которых определяется в зависимости от размера вклада участника» [4, с. 4]. Указанная позиция также подкрепляется правоприменительной практикой. Например, Методические рекомендации по теме «О наследовании долей в уставном капитале ООО» от 29.05.2010 содержат положение о том, что «доля участника в уставном капитале ООО представляет собой способ закрепления за лицом определенного объема имущественных и неимущественных прав и обязанностей участника общества» [1]. Такое понимание доли представляется наиболее обоснованным и практико – ориентированным.

Право на долю в ООО переживший супруг может получить по двум основаниям. Первым основанием является выдел доли пережившему супругу как части совместной собственности. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ) принадлежащее пережившему супругу право наследования не лишает его прав на долю в совместно нажитом имуществе. Вторым основанием является получение доли в порядке наследования, так как супруг относится к наследникам первой очереди.

Для того чтобы, получить право на долю по первому основанию, переживший супруг должен обратиться к нотариусу с заявлением. Нотариус выдает такому супругу свидетельство о праве собственности на долю в совместно нажитом имуществе. «Если переживший супруг не изъявил желания получить свидетельство о праве собственности, то доля его в совместно нажитом имуществе включается в наследственную массу» [4, с. 2]. Следовательно, объектом наследования будет все имущество наследодателя, что нарушает интересы пережившего супруга.

При этом не урегулирован порядок вхождения пережившего супруга в состав участников ООО, в случае получения им свидетельства о праве собственности на долю. Право на долю в ООО у пережившего супруга возникает в результате открытия наследства, однако не относится к наследованию доли. Этот случай не указан в ст.21 ФЗ «Об ООО» в качестве особо основания для защиты общества от посторонних лиц. Судебная практика в случае перехода доли в ООО пережившему супругу пользуется аналогией закона, применяя правила о наследовании долей в ООО к отношениям вхождения пережившего супруга в состав участников ООО. Например, «ВАС РФ, пересматривая дело в порядке надзора, указал, что для того, чтобы переживший супруг стал членом общества, ему необходимо получить согласия от остальных участников общества. Притом что в рассматриваемом деле устав общества предусматривал согласия остальных участников для вхождения наследников в состав общества» [5, с. 47].

Практику, по которой пережившему супругу отказывают в принятии его в корпорацию со ссылкой на положения устава о необходимости получения согласия от участников при наследовании доли, нельзя назвать основательной,

поскольку переживший супруг является особым субъектом и отличается от наследника или иного лица, приобретшего долю в результате отчуждения. Супруг получает свои права на долю в результате выдела доли из совместно нажитого имущества. Данное право уже принадлежит супругу, а не переходит к нему в результате правопреемства.

Если применять положения о наследовании доли в ООО к отношениям получения пережившим супругом доли в ООО, то участником общества он будет считаться с момента открытия наследства. Согласно ГК РФ принятое наследство принадлежит наследнику с момента открытия наследства вне зависимости от момента государственной регистрации прав на наследуемое имущество. С открытия наследства и до момента выдачи свидетельства возникает проблема временной неопределенности состава участников ООО. До истечения срока на принятие наследства и соблюдения всех процедур, необходимых для приобретения статуса участника общества, предусмотренных корпоративным законодательством, переживший супруг не будет участником ООО. «Он приобретет этот статус впоследствии, хотя и обратной силой – с момента открытия наследства» [2].

Проблема заключается в том, что такая временная неопределенность может нарушать интересы, как наследников, так и общества. С одной стороны принятие оставшимися участниками любых управленческих решений, например, избрание директора, может нарушить права наследников, а с другой стороны, непринятие таких решений может затормозить деятельность самого общества. Президиум ВАС РФ попытался решить эту проблему. В Постановлении от 27.03.2012 № 12653/11 Президиум ВАС РФ указывает, что «наследники и иные заинтересованные лица должны в разумный срок с момента открытия наследства обратиться к нотариусу с заявлением о принятии мер по управлению наследуемой долей в уставном капитале ООО. Общество, в свою очередь, не должно принимать никаких действий, затрагивающих права и законные интересы наследников до истечения такого срока. Если наследники и иные заинтересованные лица не обратятся к нотариусу в разумный срок, то общество вправе совершать действия, необходимые для своего функционирования, например, избрать директора, без участия такого доверительного управляющего» [3]. Данное постановление можно рассматривать, как попытку найти консенсус между интересами наследников и обеспечением продолжения дальнейшей деятельности общества.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы:

1. Необходимо внести изменения в действующий ФЗ «Об ООО» в части порядка перехода пережившему супругу прав участия в обществе, указав, что положения о наследовании долей в ООО применяются и в отношении пережившего супруга участника общества.

2. В попытке найти компромисс между интересами наследников и ООО в период временной неопределенности состава участников общества, Президиум ВАС РФ в своем Постановлении от 27.03.2012 № 12653/11 предоставляет возможность самим наследникам защитить свои права путем инициирования доверительного управления долей умершего. При этом обществу остается лишь ждать действий со стороны наследников и воздержаться от принятия каких-либо управленческих решений.

Список использованных источников:

1. Методические рекомендации по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью» [Электронный ресурс] : утв. на заседании координац.-метод. совета нотар. палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28–29 мая 2010 г. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Павлов Андрей С какого момента наследники доли в ООО приобретают права управления обществом? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2012/9/14/s_kakogo_momenta_nasledniki_doli_v_ooo_priobretayut_prava_upravleniya_obshhestvom.

3. Постановление Президиума ВАС РФ от 27 марта 2012 г. по делу № 12653/11 // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Ремизова А.В. Наследование доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью пережившим супругом // Наследственное право. 2012. № 4. С. 38 – 42.

5. Стражевич, Ю. Н. Правовые проблемы определения наследственных прав пережившего супруга на долю в уставном капитале ООО / Ю. Н. Стражевич, О. И. Босык // Вестник Омской юридической академии. – 2015. – № 3 (28). – С. 45-48.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ

© М.Е. Щупакова

Научный руководитель: Н.В. Ростовцева

канд. юрид. наук

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Согласно п. 4 ст. 1118 ГК РФ [1] завещание может быть совершено гражданами, состоящими между собой в момент его совершения в браке. Согласно п. 5 ст. 1118 ГК РФ завещание является односторонней сделкой, никаких оговорок для

совместного завещания не сделано. Путем грамматического и систематического толкования можно сделать вывод, что совместное завещание также является односторонней сделкой. Однако будет ли такой вывод верным?

Сделочная природа совместного завещания не вызывает сомнений, но необходимо выяснить, является ли оно односторонней сделкой или договором.

По мнению Поварова Ю.С. [9, с. 33-36] из текста ГК РФ вытекает, что совместное завещание является односторонней сделкой. Однако, как считает автор, это неверно, и в совместном завещании следует различать внутренние и внешние аспекты взаимодействия между его участниками. И лишь внешний аспект – отношения супругов и иных лиц – можно рассматривать как одностороннюю сделку, так как принципиальный момент здесь – выражение воли супругами. И наличие двоих лиц не препятствует пониманию внешнего аспекта совместного завещания как односторонней сделки, так как для совершения односторонней сделки требуется волеизъявление одной стороны, а не одного лица. Следовательно, автор считает допустимым рассматривать супругов как одну сторону сделки. Применительно к двусторонним сделкам никаких вопросов не возникает, ни у кого не вызывает сомнений, что существует сделки с множественностью лиц на стороне должника или кредитора.

Но возможно ли существование односторонней сделки с множественностью лиц? По мнению Карапетова А.Г [6, с.57], для совершения односторонней сделки достаточно волеизъявления одного лица, т.е. сторона и означает одно лицо. Алексеев также указывает, что одностороннюю сделку совершает один участник [3, с. 57]. Но отдельно вопрос о возможности множественности лиц авторами не рассматривался, поэтому никаких аргументов в пользу такого вывода они не указывали. Крашенинников Е.А. и Байгушева Ю.В. полагают, что в состав волеизъявления односторонней сделки могут входить волеизъявления нескольких лиц [7, с. 30-50]. Авторы ссылаются на немецкое право, в котором существует совместный акт (*Gesamtakt*), под которым понимается сделка, состоящая из намерений нескольких лиц.

На наш взгляд, следует признать возможность существования односторонней сделки с множественностью лиц по аналогии с многосторонними сделками, кроме того, из текста ГК РФ нельзя сделать вывод о наличии запрета совершать одностороннюю сделку нескольким лицам.

Итак, несмотря на наличие волеизъявлений супругов, на первом этапе совместное завещание можно считать односторонней сделкой. Но в этом случае возникает проблема соотношения с принципом свободы завещания. Каждый из супругов может отменить совместное завещание или совершить последующее завещание, очевидно, в этом случае ни о какой направленности волеизъявлений

речи не идет. Получается, что совершение совместного завещания – односторонняя сделка, а его отмена – нет, что вряд ли возможно.

Перейдем к сторонникам договорной концепции совместного завещания. Эрделевский А.М. [11, с. 14-16] приводит уже обсуждавшийся аргумент – невозможность совершения односторонней сделки. Как было показано, препятствием это не является. Блинков О.Е. полагает совместное завещание договором, потому что в основе совместного завещания лежит соглашение супругов, также как соглашение сторон является основой договора [4, с. 3-7]. Если совместное завещание является договором, то и его изменение или расторжение должны происходить по обоюдному согласию супругов. Автор считает, что предусмотренная ГК РФ возможность отмены совместного завещания одним из супругов противоречит конструкции совместного завещания, совершать совместное завещание имеет смысл только тогда, когда супруги хотят ограничить свою волю распоряжаться имуществом и совершать иные действия на случай смерти, в противном случае можно обойтись «обычным» завещанием.

С другой стороны, как отмечают Петров Е.Ю. и Ренц И.Г., совместное завещание основано на доверии, близости между супругами, и с течением времени взгляды супругов относительно судьбы их имущества после смерти могут измениться, но совершенно необязательно, чтобы брак при этом прекращался [8, с. 44-50]. Поэтому запрет одному из супругов отменить совместное завещание является слишком жестким ограничением его прав. Такой же позиции придерживается и Ярошенко К.Б., считающая, что совместное завещание не должно лишать завещателя возможности свободно распоряжаться своим имуществом [12, с. 35]. На наш взгляд, смысл совместного завещания не в возможности создания ограничения права распорядиться своим имуществом, а в возможности наиболее полно учитывать волю завещателей. Кроме того, следует считаться с тем, что в ГК РФ закреплена именно такая модель совместного завещания. Но нельзя не заметить, что это может сказаться на популярности совместных завещаний. В некоторых случаях, вероятно, супруги заинтересованы в невозможности так просто отменить совместное завещание. Учитывая, что и наследственный договор, по сути, не связывает наследодателя никакими обязанностями [5, с. 32-37] (ведь он может в любой момент отказаться в одностороннем порядке от договора и может совершать сделки с имуществом, являющимся предметом наследственного договора), получается, что в российском наследственном праве отсутствует возможность сколько-нибудь серьезно ограничить волю наследодателя.

Понимание совместного завещания и как односторонней сделки, и как договора противоречит возможности изменить или отменить совместное завещание в одностороннем порядке. Поэтому можно предложить еще один вариант

понимания правовой природы совместного завещания как совокупности односторонних волеизъявлений.

В Германии совместное завещание вовсе не обязательно предполагает односторонность воли супругов. Совместное завещание представляет собой документ, в котором содержатся два самостоятельных волеизъявления. И только в том случае, когда есть признаки, свидетельствующие о взаимности волеизъявления (например, указание на распоряжение другого супруга), можно говорить о совместном завещании как о совместном акте [10, с. 78]. Согласно ст. 2270 ГГУ [2] наличие взаимосвязанных распоряжений презюмируется, когда есть основания полагать, что распоряжение одного супруга не было бы сделано без распоряжения другого. И только при наличии взаимосвязанных распоряжений супруг в одностороннем порядке не может отменить совместное завещание, в остальных случаях отмена в одностороннем порядке возможна. Также существуют механизмы, позволяющие защитить права супруга в случае отмены совместного завещания другим супругом. Например, оговорка, вследствие которой переживший супруг при вступлении в новый брак будет обязан заплатить определенную денежную сумму третьему лицу [14, s. 143].

Понятие совместного завещания в немецком праве не единообразно, термин «совместное завещание» объединяет три разных явления: совместное завещание, в котором содержатся волеизъявления супругов, не связанные между собой; совместное завещание, которое содержит согласованные между собой волеизъявления супругов, но может быть свободно изменено одним из супругов; совместное завещание, содержащее взаимосвязанные распоряжения [13, s. 1409].

Согласно ГК РФ супруги, совершая совместное завещание, определяют последствия смерти каждого из них по обоюдному усмотрению, т.е. их волеизъявления связаны между собой. Исходя из этого, наиболее похожа на российское совместное завещание вторая модель немецкого совместного завещания.

Таким образом, по нашему мнению, теория, которая позволяет наиболее полным образом объяснить все особенности совместного завещания, исходит из понимания совместного завещания как совокупности двух односторонних сделок. Ни односторонняя сделка, ни договор не охватывают полностью конструкцию совместного завещания. Кроме того, концепция совместного завещания не лишена некоторой противоречивости и, возможно, потребуется внести изменения в ГК РФ, направленные на совершенствование института совместного завещания.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 03.12.2001, № 49, ст. 4552.
2. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. – 4-е изд., перераб.- М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII – XIX, 1 – 715.
3. Алексеев С.С. Односторонние сделки в механизме гражданско-правового регулирования // Теоретические проблемы гражданского права: Сборник научных трудов. Вып. 13. Свердловск, 1970.
4. Блинков О.Е. О совместном завещании супругов в российском наследственном праве: быть или не быть? // Наследственное право. 2015. № 3.
5. Будылин С.Л. Договор с покойником. Реформа наследственного права России и зарубежный опыт // Закон. 2017. № 6.
6. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос. 2018.
7. Крашенинников Е.А., Байгушева Ю.В. Односторонние и многосторонние сделки // Вестник ВАС РФ. 2012. № 7.
8. Петров Е.Ю., Ренц И.Г. Развитие российского наследственного права // Закон. 2017. № 6.
9. Поваров Ю.С. Проблемы сделочной интерпретации совместного завещания супругов // Нотариус. 2019. № 5.
10. Путинцева Е.П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия. М.: Статут, 2016.
11. Эрделевский А.М. О новых институтах наследственного права // СПС КонсультантПлюс. 2018.
12. Ярошенко К. Новое законодательство о наследовании // Хозяйство и право. 2002. № 2.
13. Lange H., Kuchinke K. Erbrecht: Ein Lehrbuch. : C.H. Beck, 2001.
14. Meier-Kraut A. Zur Wiederverheirungsklausel in gemeinschaftlichen Testament mit // NJW. 1992.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА**

**К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАННОСТИ РАСКРЫТИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

© М.С. Аракелян

Научный руководитель: М.Я. Любченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Раскрытие доказательств считается институтом общего права, воспринятым в судопроизводстве стран континентального права. Прообразом российского института раскрытия доказательств послужили характерные для англосаксонского процессуального права институты раскрытия доказательств и обмена состязательными бумагами [1].

Вопрос о необходимости введения института раскрытия доказательств в российский гражданский процесс обсуждался в юридической литературе задолго до принятия современных процессуальных кодексов. Необходимость законодательного закрепления обязанности раскрытия обосновывалась тем, что заблаговременное ознакомление лиц, участвующих в деле, с имеющимися доказательствами, чему и способствует институт раскрытия доказательств, влияет на полноту судебного исследования и на продолжительность процесса по разрешению спора в судебных органах.

В рамках подготовки ГПК РФ 2002 г. от Московского областного суда было получено предложение о введении в ГПК РФ нормы, обязывающей истца представить все документы, на которых основывается его иск, при подаче искового заявления, а ответчика – не позднее дня, назначенного для явки в суд [2]. Ставропольский краевой суд в письме от 1 июля 1993 г. № 01-11 и Отдел юстиции Администрации Вологодской области в письме от 8 сентября 1993 г. № 01-05/1094 предложили ввести в гражданское процессуальное законодательство норму, согласно которой истец был бы обязан представить имеющиеся у него доказательства, на которых основан его иск, или сведения о них при подаче искового заявления. Ответчика предлагалось обязать представить документы, на которых основаны его возражения против иска, без указания конкретного срока представления. При этом предлагалось закрепить за лицами, участвующими в деле, право просить суд об отсрочке представления документов, если они не имели возможности своевременно получить их по причинам, от них независящим [2].

На необходимость введения в новый ГПК РФ нормы, предоставляющей судье право устанавливать предельный срок представления лицами, участвующими в деле, доказательств, по истечении которого дело будет рассматриваться с учетом

имеющихся доказательств, в целях обеспечения соблюдения сроков рассмотрения и разрешения гражданских дел, указывала и Администрация Президента РФ в письме от 10 августа 1996 г. № А4-6739Пк [2].

В экспертном заключении зарубежных юристов (Франция) на проект ГПК РФ также указывалось на необходимость введения отдельных элементов раскрытия доказательств. Так, в экспертном заключении было высказано мнение о том, что новый ГПК РФ должен содержать норму, оговаривающую условия и сроки вручения процессуальных документов участникам процесса. При этом документы, дополняющие исковое заявление в процессе рассмотрения дела, в обязательном порядке должны быть вручены противной стороне [2].

Однако при подготовке и принятии ГПК РФ вышеприведенные предложения и замечания законодателем учтены не были.

Федеральным законом от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ [3] в ст. 56 ГПК РФ введена ч. 3, где указано, что каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которое оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено ГПК РФ. Введение института раскрытия доказательств, как отмечает И.В. Решетникова, стало шагом на пути развития состязательности отечественного гражданского процесса [4]. Развитие института раскрытия доказательств повышает управляемость и предсказуемость процесса и направлено на повышение эффективности судопроизводства в целом.

Так, новой нормой в гражданский процесс вводится обязанность раскрытия доказательств. Аналогичная данной норма и прежде была закреплена в АПК РФ. Так, согласно ч. 3 ст. 65 АПК РФ каждое лицо, участвующее в деле, должно раскрыть доказательства, на которое оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, до начала судебного заседания или в пределах срока, установленного судом, если иное не установлено АПК РФ.

Однако, несмотря на наличие в процессуальном законодательстве понятия раскрытие доказательств, его признаки в законодательстве не приводятся. Более того, как утверждается в юридической литературе, в настоящее время на законодательном уровне закреплены лишь отдельные элементы раскрытия доказательств [5]. Отсутствие единого механизма раскрытия доказательств в процессуальном законодательстве снижает эффективность доказательственной деятельности и не способствует решению задач гражданского и арбитражного судопроизводства. Закрепление в законодательстве норм о раскрытии доказательств, как утверждает О.В. Баулин, представляет собой важный шаг в развитии состязательных начал

судопроизводства, перекладывающий бремя доказывания на участников процесса, повышая тем самым их роль в процессе [6].

Разъяснение содержания обязанности раскрытия доказательств содержится в Постановлении Пленума ВАС РФ от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству» [7]. Под раскрытием доказательств Пленум ВАС РФ понимает представление лицом, участвующим в деле, по своей инициативе и по предложению суда другим лицам, участвующим в деле, и суду всех имеющихся у него доказательств, на основании которых могут быть установлены обстоятельства, обосновывающие его требования и возражения. При этом раскрытие доказательств предполагает не только их представление, обмен состязательными бумагами, но и их обозначение, сопровождающееся ходатайством об истребовании судом необходимого доказательства.

Следует упомянуть, что в специальной литературе существует мнение о том, что формулировка законодателя, помещающая срок раскрытия доказательств в зависимость от пределов, устанавливаемых судом, неточна, поскольку создает возможность стороне приобщить материалы дела без предварительного ознакомления с ними других лиц [8].

Как представляется нам, то, что в российском законодательстве не установлено конкретных сроков раскрытия доказательств, является противоречащим основному назначению этого процессуального института. Раскрытие доказательств характерно, в первую очередь, англосаксонскому процессу. Основы процессуального института раскрытия доказательств заложили английские суды справедливости, которые по соответствующим ходатайствам начали обязывать стороны до судебного заседания называть источники информации о фактах дела [9]. В Англии и США целью обмена состязательными бумагами является информирование противоположной стороны и суда о сути спора, которое позволяет определить предмет доказывания и правовую позицию сторон на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, что позволяет сторонам подготовиться к слушанию дела и собрать необходимые доказательства. Требование о раскрытии доказательств в целом направлено на устранение эффекта неожиданности для сторон в процессе рассмотрения дела, что также позволяет судить о том, что осуществляться оно должно на стадии подготовки дела к судебному разбирательству [10].

Таким образом, нормативное регулирование института раскрытия доказательств должно быть дополнено нормой, ограничивающей его досудебной стадией подготовки дела, в таком случае этот процессуальный институт будет способствовать соблюдению принципа состязательности и процессуальной экономии.

Список использованных источников:

1. Филатова М.А. Импорт и экспорт гражданского процессуального права в глобальном контексте: Коллоквиум Международной ассоциации процессуального права в Киото (Япония), 20-22 сентября 2006 года / Филатова М.А. // Российский ежегодник гражданского и арбитражного права. – 2006. – № 5. – С. 756-766.
2. Путь к закону (исходные документы, пояснительные записки, материалы конференций, вариант проекта ГПК, новый ГПК РФ) / Под ред. М.К. Треушникова. – М.: Издательский дом «Городец», 2004. – 1024 с.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 49.
4. Решетникова И.В. Перспективы развития гражданского процессуального законодательства / Решетникова И.В. // Журнал российского права. – 2004. – № 11. – С.15-19.
5. Кайзер Ю.В. Раскрытие доказательств в гражданском и арбитражном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15. / Кайзер Юлия Валерьевна. – Екатеринбург, 2012. – 265 с.
6. Баулин О.В. Раскрытие доказательств в новом процессуальном законодательстве / О.В. Баулин // «Законодательство». – 2006. – № 4. – С.72-75.
7. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2006 г. № 65 «О подготовке дела к судебному разбирательству». – «Вестник ВАС РФ». – 2007. – № 4.
8. Попов Д.В. Институт раскрытия доказательств в гражданском процессе / Попов Д.В. // Молодой ученый. – 2019. – № 21. – С. 382-384.
9. Пучинский В.К. Гражданский процесс зарубежных стран. / под ред. В.В. Безбаха. – М.: Зерцало, 2008. – 506 с.
10. Решетникова И.В. Доказательственное право Англии и США. – Екатеринбург: Изд-во УргЮА, 1997. – 240 с.

ИНСТИТУТ МЕДИАЦИИ: ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ

© С.Ш. Атакулова

Научный руководитель: А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

Институт медиации начал использоваться в Российской Федерации около десяти лет назад. 7 июля 2010 года Государственной Думой были приняты два

Федерального закона: «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». На тот момент институт медиации уже имел широкое распространение за рубежом, особенно в государствах континентальной Европы. Если углубиться в историю создания данной примирительной процедуры в современном ее понимании, то можно прийти к выводу, что свои истоки она берет в Соединенных Штатах Америки во второй половине двадцатого века.

Под термином «медиация» понимается процедура примирения конфликтующих сторон путем их вступления в добровольные переговоры с помощью третьей стороны – посредника (медиатора), оказывающего содействие для урегулирования спора. В настоящее время медиацию можно рассматривать в качестве альтернативного, довольно распространенного в современных условиях способа урегулирования конфликтов [9].

В ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации сказано, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». Соответственно можно сделать вывод, о том, что возможность альтернативного разрешения споров предусмотрена данной статьей [3].

В ч. 1 ст. 138 и в п. 9 ч. 2 ст. 153 АПК РФ содержится обязанность арбитражного суда предпринять все необходимые меры для примирения сторон, а также оказания содействия сторонам в урегулировании спора. Таким образом, судья разъясняет конфликтующим сторонам возможность обращения к процедуре медиации на любой стадии процесса в целях скорейшего разрешения спора. В результате реализации данного права стало возможным отложение разбирательства дела до окончания процедуры медиации, а в случае достижения сторонами мирового соглашения в рамках процедуры медиации – прекращение производства по делу или отказом истца от иска, либо вынесение решения в пользу истца в случае признания иска ответчиком [5].

Медиация обладает целым рядом достоинств, которые выделяют ее от других видов примирительных процедур:

1. добровольность использования;
2. процесс разрешения спора медиатором является более простым и неформальным, чем судебное разбирательство;
3. конфиденциальный характер;
4. медиативное соглашение – продукт обоюдного взаимодействия сторон;

5. экономичность процедуры (предусмотрено возвращение от 70% госпошлины в суде первой инстанции, 50% – в апелляционной, 30% – в кассационной. Законодателем предусмотрено также нотариальное удостоверение медиативных соглашений, обладающее силой исполнительного листа [7];

6. быстрота разрешения спора. Так, в ст. 13 ФЗ №193-ФЗ определен срок проведения процедуры медиации. По общему правилу он не должен превышать 60 дней, если спор передан на рассмотрение в суд и 180 дней, если медиация проводится до обращения в суд [6]. Из-за сильной нагрузки, рассмотрение дела в суде может длиться месяцами, в особо сложных случаях даже годами;

7. высокий процент исполнимости как следствие добровольного волеизъявления сторон, но в тоже время обязательность их исполнения обеспечивается закреплением результатов процедуры медиации в виде гражданско-правового договора. Согласно статистике, в 85 % случаях, если стороны прибегают к помощи медиатора, они достигают взаимного соглашения, а в 91 % случаев достигнутое сторонами соглашение выполняется [9];

8. использование процедуры медиации позволяет снизить уровень нагрузки, возлагаемой на судей, что благоприятно влияет на всю судебную систему в целом;

9. медиатор не ищет кто прав, а кто виноват в споре. Он стремится найти наиболее приемлемый для обеих сторон вариант решения конфликта. Медиатор во время процедуры выступает скорее как психолог, чем юрист.

Несмотря на множество достоинств медиации, данная примирительная процедура не обладает большой востребованностью в нашем государстве. Об этом свидетельствуют статистические данные Верховного Суда Российской Федерации. Так, за 2011–2017 гг. примирительные процедуры с участием медиаторов использовались крайне редко – при рассмотрении всего лишь около 0,008% дел судами общей юрисдикции и при рассмотрении около 0,002% дел арбитражными судами [2]. Конечно, можно списать это на сравнительно недавнее внедрение института, однако, на мой взгляд, дело обстоит иначе.

Главным недостатком данной согласительной процедуры является ограниченная сфера дел, в ходе которых может быть применена процедура медиации. Так, привлечение медиатора возможно только в том случае, если спор возник из гражданских, трудовых, экономических и семейных отношений. Помимо этого, не предусмотрена ответственность и конкретные санкции к медиатору за раскрытие информации, полученной им в ходе процедуры медиации. В ч. 5.1. ст. 56 АПК РФ содержатся лишь размытые указания, что медиатор не может быть допрошен об обстоятельствах, которые стали ему известны в связи с осуществлением своих

обязанностей. В данном случае пострадавшее лицо может лишь предъявить иск о причинении вреда распространением конфиденциальных сведений [8].

К недостаткам можно отнести и отсутствие обязательных стендов, расположенных в зданиях суда, содержащих информацию о сущности института медиации и списка медиаторов в данном регионе. В связи с этим многие физические и юридические лица не имеют достаточных знаний о процедуре медиации и соответственно опасаются ее применять [1]. Также, ст. 15 ФЗ №193-ФЗ не относит к обязательным требованиям наличие высшего юридического образования у медиатора. На мой взгляд, деятельность медиатора тесно соприкасается с юриспруденцией и без соответствующих знаний он не сможет должным образом оценить проблему и, тем самым, эффективно помочь сторонам прийти к согласию.

Федеральный закон о медиации не содержит возможность отвода и самоотвода медиатора, что, несомненно, снижает действенность и плодотворность процедуры. Кроме того, данный закон не регламентирует право на заявление отвода и самоотвода медиатору.

Для того чтобы решить проблемы, связанные с процедурой медиации, законодателю необходимо принять целый комплекс мер.

Янчар Н. В. наряду с возможностью создания саморегулируемых организаций медиаторов предлагает законодательно закрепить возможность создания комиссии или совета медиаторов с исключительно рекомендательно-совещательным характером. Главными задачами данного органа будут анализ практики профессиональных медиаторов, выявление причин, по которым стороны не смогли прийти к согласию, а также выявление оснований, по которым спор в итоге был передан в суд, и вместе с тем дача рекомендаций по вопросам проведения процедуры медиации [10].

Рехтина И. В. считает, что для наиболее эффективного использования института медиации, необходимо придать медиативному соглашению силу итогового акта, подлежащего принудительному исполнению посредством закрепления в АПК РФ отдельного производства о признании и приведении в исполнение медиативного соглашения (по аналогии с производством по делам о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решений третейского суда (§ 2 гл. 30 АПК РФ) [8].

За разглашение конфиденциальной информации, к которой медиатор получил доступ в ходе примирения сторон необходимо ввести четко регламентированную юридическую ответственность.

Нужно внести положение в ФЗ № 193-ФЗ об отводе и самоотводе медиатора. В качестве примера можно взять опыт законодательства Республики Казахстан [4]. Также дополнить ФЗ № 193-ФЗ нормой, закрепляющей конкретный порядок

применения процедуры медиации. То есть четко обозначить стадии, этапы и сроки проведения данного способа альтернативного решения спора.

Таким образом, законодатель должен принять все необходимые меры для популяризации института медиации в Российской Федерации. Всестороннее развитие и внедрение данной примирительной процедуры позволит существенно снизить уровень нагрузки судов, а также ускорить процесс разрешения спорных ситуаций.

Список использованных источников:

1. Борецкая Л. Р. Институт медиации: современное состояние и практика применения сторонами в цивилистическом процессе // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки, 2019. – №3. – С.243 – 248.

2. ВС предлагает усовершенствовать процедуру примирения сторон [Электронный ресурс] / 2018. – Режим доступа: <http://vsrf.ru>.

3. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.)// Российская газета от 25 декабря 1993 г. – № 237.

4. О медиации: Закон Республики Казахстан от 28.01.2011 № 401-IV [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://online.zakon.kz>.

5. Нагорная М. С. Современное состояние и перспективы развития института медиации в судопроизводстве Российской Федерации // Управление в современных системах, 2019. – №1 (21). – С.31 – 34.

6. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. – № 31. – Ст. 4162.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ// Собрание законодательства РФ, 2018. – №49(1 ч.). – Ст. 7523.

8. Рехтина И. В. Основные черты медиации в России как альтернативного способа разрешения споров // МНИЖ. 2014. – №7 – 1 (26). – С/94 – 96.

9. Тихонова Е. В. Понятие и сущность медиативного способа разрешения споров в России// Фундаментальные и прикладные исследования: проблемы и результаты, 2014. – №12. – С.233 – 236.

10. Янчар Н. В. Примирительные процедуры как одно из направлений совершенствования арбитражного процессуального законодательства Российской Федерации // Царскосельские чтения, 2014. – №XVIII. – С. 61- 66

**ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРИРОДУ ИНСТИТУТА
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СОУЧАСТИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ**

© Д.В. Белан

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Несмотря на длительную историю изучения института процессуального соучастия в гражданском процессуальном праве России, до сих пор не выработано единого подхода к вопросу о природе данного института. В свою очередь, определив, производно ли соучастие от особенностей защищаемого материального права или имеет собственные процессуальные признаки, можно значительно упростить определение вида соучастия – обязательного или факультативного – в каждом конкретном случае рассмотрения исковых заявлений судом.

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. является первым кодифицированным актом гражданского процессуального законодательства России. Именно закрепление в ст. 15 Устава возможности процессуального соучастия [1] стало посылкой для изучения данного института дореволюционными учеными. Одной из крупнейших работ о процессуальном соучастии до сих пор остается опубликованная в 1891 г. докторская диссертация Е.А. Нефедьева, носящая название «К учению о сущности гражданского процесса. Соучастие в гражданском процессе».

В своей работе профессор Нефедьев провел сравнительный анализ институтов соучастия по немецкому и французскому праву. Профессор писал о том, что «термин соучастие (*Streitgenossenschaft*) в немецком процессе обозначает не сам факт соединения лиц, а соединение субъектов, предъявляющих такие требования, которые обладают определенной связью, особыми однородными отношениями, существующими до процесса. Для соединения лиц в процессе необходимы были условия, которые возникли еще до возбуждения дела и лежали в свойствах прав и обязанностей, составляющих предмет рассмотрения суда» [2].

Современные немецкие ученые также утверждают, что в первую очередь концепция процессуального соучастия состоит в том, чтобы сохранить и защитить права за участником материальных правоотношений, который по различным причинам не был привлечен в судебное разбирательство. Такой взгляд на смысл и назначение процессуального соучастия носит название «теория защиты» [3].

Иного мнения по поводу природы отношений между соучастниками придерживаются французские правоведы. Если в немецкой доктрине отношения между соучастниками считается следствием материально-правовых отношений,

то в основе французского права – принцип неделимости (единства) процесса. Следствием такого подхода будет появление иного основания для отношения соучастников – их положения в процессе независимо от связывающих их материально-правовых отношений. Целью соучастия во французском праве будет уменьшение количества дел и издержек производства, сокращения времени и труда, предупреждения постановлений решений, противоречащих одно другому (избежание «судебного скандала») [2].

По мнению Е. А. Нефедьева, отечественная конструкция процессуального соучастия в большей степени тяготеет к французскому процессуальному соучастию, нежели к немецкому. Е. В. Васьяковский склонялся к такому же выводу, понимая под соучастием соединение в одном производстве несколько исков между разными лицами. Признаками соучастия он называл «наличность нескольких исковых требований и наличие нескольких субъектов процесса» [4].

Напротив, А.Х. Гольмстен объяснял соучастие «материально-правовой необходимостью – «вследствие привождения новых исков», что близко немецкой теории *Streitgenossenschaft* («товарищество в споре») [5].

Таким образом, еще в дореволюционный период мнения о природе института процессуального соучастия разделились на две группы. Один подход предполагал производность соучастия от особенностей защищаемого материального права, второй – наличие собственные процессуальных признаков соучастия и признания его институтом процессуальным.

В советский период в отечественной процессуальной доктрине существовало три подхода к данному вопросу. Первый, материально-правовой, поддерживали такие ученые, как К.С. Юдельсон и А.Б. Монахов.

К. С. Юдельсон связывал возможность соучастия с материальными правоотношениями. Он сводил структуру сторон при процессуальном соучастии к структуре долевых и солидарных обязательств.[6]

А. Б. Монахова писал о том, что «соучастниками могут быть только лица, связанные общим правом или общей обязанностью».[7] Ученый считает отличительным признаком именно общность материальных прав (обязанностей) соистцов (соответчиков), которая позволяет отличить соучастие от иных процессуальных институтов, предполагающих множественность лиц.

Второй подход рассматривал соучастие как субъективное соединение исков, решаемое как сторонами, так и судом.

Так, например, М. С. Шакарян полагала, что «нельзя считать соучастие чисто процессуальным институтом, поскольку его основания коренятся в материальных правоотношениях, как и основания многих других институтов процессуального

права. Это – одно из частных проявлений связи между материальным и процессуальным правом» [8].

И, наконец, третий подход предполагал соучастие как исключительно процессуальный институт, не требующий материально-правовых оснований. Такого подхода придерживался Д.И. Полумордвинов.[9]

Разногласия ученых о природе соучастия существуют до сих пор. Действующим ГПК [10] институт соучастия регламентируется в ст. 40 «Участие в деле нескольких истцов или ответчиков». Стоит отметить наличие в ней процессуального признака соучастия: предъявление в суд иска совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам (ч. 1 ст. 40 ГПК).

Т.В. Сахнова отмечает, что «для возникновения процессуального соучастия имеют значение два критерия: объективный – природа спорного материального правоотношения, и субъективный – осознание заинтересованным лицом своего интереса, выраженного в материально-правовых требованиях» [11].

Определить принадлежность правовых норм к материальной или процессуальной отрасли права можно в зависимости от характера регулируемых этой нормой общественных отношений. Нормы о соучастии регулируют отношения, складывающиеся в ходе осуществления правосудия по гражданским делам – процессуальные отношения. Значит, можно сделать вывод о том, что институт процессуального соучастия регулирует процессуальные отношения и является институтом *процессуального* права. Материально-правовые отношения служат лишь предпосылками для возникновения отношений иного рода – возникающих между судом как органом правосудия и другими участниками процесса.

Список использованных источников:

1. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на которых они основаны / Издание Государственной канцелярии. Часть первая. – СПб, 1866. – 764 с.
2. Нефедьев, Е.А. К учению о сущности гражданского процесса: Соучастие в гражданском процессе. Соучастие по немецкому и французскому праву / Е.А. Нефедьев. – Казань: Типография Университета, 1891. – 231 с.
3. Monika Dirksen-Schwanenland. Die Auswirkungen der notwendigen Streitgenossenschaft. Hamburg, 1995.
4. Васьковский, Е.В. Учебник гражданского процесса / Е.В. Васьковский. – Москва: МГУ им. Ломоносова, 2003. – 624 с.

5. Гольмстен, А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / Гольмстен А.Х.; под ред.: Попова Ю.А., Треушников М.К. – Краснодар: Изд-во КГАУ, 2004. – 484 с.

6. Юдельсон, К.С. Советский гражданский процесс. Учебник / К.С. Юдельсон – М.: Госюриздат, 1956. – 439 с.

7. Монахов, А.Б. Актуальные вопросы соучастия в советском гражданском процессе / А.Б. Монахов: автореферат дисс. ... канд.юрид.наук. – Москва, 1986. – 26 с.

8. Шакарян, М.С. Соучастие по советскому гражданскому процессуальному праву / М.С. Шакарян – М., 1975. – 191 с.

9. Полумордвинов, Д.И. Законная сила судебного решения / Д.И. Полумордвинов – Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1964. – 191 с.

10. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 13.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532

11. Сахнова, Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – 784 с.

ПРОБЛЕМА НАЗНАЧЕНИЯ ФИНАНСОВОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО И КОНСТИТУЦИОННАЯ ГАРАНТИЯ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНИНА

© К.А. Васильева

Научный руководитель: А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

На сегодняшний день неплатежеспособность – достаточно распространенное явление, с которым сталкиваются как юридические, так и физические лица. Для устранения такого состояния активно применяется процедура банкротства, которая с недавнего времени стала возможна не только для организаций, но и для обычных граждан. В связи с этим законодательство в данной области ещё не совершенно, процедура неоднозначна и вызывает споры. Поэтому в статье анализируются отдельные положения Федерального закона от 26.10.2002 № 127 – ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), в частности, поднимается проблема назначения финансового управляющего в процедуре банкротства физических лиц [1].

Порядок осуществления процедуры банкротства регулируется вышеупомянутым федеральным законом. Для начала стоит обратиться к ст. 2 Закона о банкротстве, где раскрывается понятие финансового управляющего. Таковым

является арбитражный управляющий, утвержденный арбитражным судом для участия в деле о банкротстве гражданина. Стоит заметить, что в соответствии с п. 1 ст. 213.9 этого же закона участие финансового управляющего в деле о банкротстве гражданина является обязательным. Что касается процедуры выбора арбитражного управляющего – она одинакова для всех: заявитель вправе предложить только саморегулируемую организацию арбитражных управляющих, но не конкретную кандидатуру финансового управляющего. На данный факт обращает внимание и Верховный суд РФ, отмечая, что если в заявлении указаны данные об определенном человеке, оно подлежит оставлению без движения [2]. С одной стороны, всё это кажется вполне разумным, однако уже на данном этапе неплатежеспособное физическое лицо сталкивается с рядом проблем.

Саморегулируемые организации не способны представить в арбитражный суд кандидатуру арбитражного управляющего по причине того, что последние отказываются, а заставить их работать с должником – гражданином никто не имеет права. Соответственно, у арбитражных судов возникает проблема в утверждении кандидатуры финансового управляющего. В целом такая плачевная практика и действия (бездействия) арбитражных управляющих вполне объяснимы. Многие считают, что соотношение доходов, расходов и рисков в сравнении с объемом выполняемой работы, объективно неравнозначны.

В настоящее время, с учетом проведенных в 2016 году изменений вознаграждение финансового управляющего включает в себя: денежные выплаты в размере 25 тысяч рублей; процент, который финансовый управляющий получает от реализации имущества должника.[3] Однако не всё так хорошо, как кажется на первый взгляд. В большинстве случаев у физического лица отсутствует имущество, а от указанной суммы финансовый управляющий должен уплатить налог в размере 13% [4]. На деле указанная сумма действительно не способна покрыть затраты управляющего, именно по этой причине они отказываются работать, что влечет прекращение дела о банкротстве.

Стоит также обратить внимание на ст. 14.13 КоАП, которой предусмотрена большая ответственность за нарушения, а именно: штраф или за повторное нарушение – дисквалификация на срок до трех лет [5]. Возможно, что и этот фактор оказывает негативное воздействие, и управляющие не хотят вести процедуры банкротства граждан из-за большой ответственности.

В практике нередки случаи, когда финансовый управляющий отказывается вести какое-либо дело. В связи с этим суды сталкиваются с вопросом, применимо ли положение п.9 ст. 45 Закона о банкротстве, где регламентируется, что арбитражный суд прекращает производство по делу в случае, если кандидатура арбитражного управляющего не представлена в течение трех месяцев с даты, когда

арбитражный управляющий должен быть утвержден. С учетом особенности банкротства физических лиц, целью которого является освобождение граждан от долгов, которые они не способны выплатить, представленная норма вряд ли должна применяться в таком случае.

Как известно, существует конституционно закрепленная гарантия на судебную защиту прав и свобод каждого гражданина Российской Федерации [6]. Из чего следует, что реализация права гражданина на судебную защиту не может непосредственно зависеть от наличия или отсутствия желания членов саморегулируемой организации арбитражных управляющих работать финансовым управляющим и проводить процедуру банкротства. Соответственно, никто не может лишать гражданина – должника использовать предоставленную государством возможность избавиться от долгового бремени. Таким образом, даже при непредставлении саморегулируемыми организациями кандидатуры финансового управляющего, суд должен ставить вопрос о замене саморегулируемой организации в порядке, определенном ст. 45 Закона о банкротстве, а не прекращать производство по делу.

Все процедуры несостоятельности в отношении граждан осуществляются под контролем суда, который, в свою очередь, должен принимать решения непосредственно по вопросу, касающегося утверждения арбитражного управляющего. И поскольку закрепленное право на банкротство физического лица не может осуществляться гражданином без участия финансового управляющего, суд занимает активную позицию в решении данной задачи. Это означает, что с согласия гражданина суд направляет запросы в несколько саморегулируемых организаций одновременно, либо при необходимости в каждую из их числа. Далее, при получении ответов с указанием претендентов из нескольких организаций, суд утверждает того финансового управляющего, чья кандидатура поступила в суд первой и отсутствуют препятствия, установленные Законом о банкротстве.

Проводя все процедуры по поиску и утверждению финансового управляющего, можно не уложиться в отведенный срок – три месяца, в течение которых кандидатура арбитражного управляющего должна быть утверждена.

Таким образом, общие положения п. 9 ст. 45 Закона о банкротстве об основании прекращения производства по делу о несостоятельности, как непредставление суду кандидатуры управляющего в трехмесячный срок носит организационный характер, а его истечение не может являться основанием для прекращения производства по делу [7].

Конечно, в Законе о банкротстве на сегодняшний день достаточно много несовершенств, кроме того, недостаточно проработана и правоприменительная практика. Трудность возникает и в том, что гражданин не способен

самостоятельно, не прибегая к помощи финансового управляющего, провести процедуру банкротства. Связано это с тем, что, прежде всего, сама по себе процедура является сложной, кроме того, требует дополнительных затрат, профессиональных знаний и соответствующей квалификации. Иной процедуры банкротства гражданина, кроме судебной, действующее законодательство не предусматривает.

Говоря о путях искоренения проблемы назначения финансового управляющего в процедуре банкротства физических лиц, одним из главных и стимулирующих решений, несомненно, может послужить повышение размера вознаграждения и смягчение ответственности. Но, проводя аналогию с уголовным процессуальным правом, вполне эффективным и, прежде всего, гарантированным социальным инструментом защиты, могло бы быть предоставление услуг финансового управляющего физическому лицу-должнику, как подозреваемому предоставляются услуги адвоката за счет средств государства. Однако, во избежание злоупотреблений и в целях сохранения государственного бюджета, неплохо было бы предусмотреть возможность рассрочки платежа за оказанные финансовым управляющим услуги.

Список использованных источников:

1. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон Российской Федерации от 26 окт. 2002 г. № 67-ФЗ // СЗ РФ от 28 октября 2002 г. – № 43. – ст. 4190.
2. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 окт. 2015 г. №45 // СЗ РФ от 31 декабря 2015 г. – №45.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 03 июля. 2016 г. № 360-ФЗ // СЗ РФ от 04 июля 2016 г. – № 27, – ст. 4293.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 04.06.2018) // СЗ РФ от 07 августа 2000 г. – № 32. – ст. 3340.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // СЗ РФ от 07 января 2002 г. – № 1. – ст. 1.
6. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993г.// СЗ РФ. – 2014. – № 31. – ст. 4398.

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29 апреля 2019 г. №305-ЭС17-22504 – Режим доступа: <https://legalacts.ru>.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ В СУД В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ РФ

© И.В. Володин

Научный руководитель: О.М. Решетникова

Сибирский федеральный университет

Предпосылки права на обращение в суд как правовая категория известны достаточно давно и понимаются как обстоятельства, обуславливающие возникновение права на обращение в суд. Наиболее распространённой и общепризнанной является классификация предпосылок на общие и специальные, предложенная советским правоведом М. А. Гурвичем [3]. На сегодняшний день интересным видится сравнительный анализ предпосылок права на обращение в суд по ГПК РФ и АПК РФ.

В ГПК РФ предпосылки права на обращения в суд можно выявить путем анализа содержания статей 22, 36 и 134. Несмотря на название статьи 22 ГПК РФ «Подсудность гражданских дел», на мой взгляд, ее необходимо рассматривать и в контексте подведомственности как компетенции суда общей юрисдикции. В статье 36 ГПК РФ законодатель определяет процессуальную правоспособность истца и ответчика и это также является одной из важнейших предпосылок права на обращение в суд, ведь если у лица отсутствует правоспособность, то и право на обращение в суд за защитой возникнуть не может [2]. Относительно данных предпосылок наиболее обоснованной видится позиция профессора В. В. Яркова согласно которой данные обстоятельства необходимо рассматривать в совокупности, так как «правоспособность определяет субъекта способного обратиться за защитой нарушенного права, а подведомственность указывает на пределы осуществления данного права между органами судебной власти» [8]. Данные предпосылки в литературе рассматриваются как положительные, и в связи с их наличием связывают возникновение права на иск в процессуальном смысле [5].

Каждый пункт части 1 статьи 134 ГПК РФ включает в себя одну либо несколько предпосылок права на обращение в суд. Если разделять предпосылки на положительные и отрицательные через установление причины отказа, то пункт 1 включает в себя четыре отрицательные предпосылки, а именно:

1) заявление подлежит рассмотрению в порядке другого судопроизводства (в данной предпосылке затрагивается именно вопрос подсудности, в отличие от следующего, который направлен на подведомственность);

2) заявление не подлежит рассмотрению в судах;

3) заявление предъявлено в защиту прав, свобод или законных интересов другого лица государственным органом, органом местного самоуправления, организацией или гражданином, которым не предоставлено такое право;

4) заявление, подано от своего имени, и в нем оспариваются акты, которые не затрагивают права, свободы или законные интересы заявителя.

В рамках анализа данной нормы выделяют как предпосылку и правовой характер требования. Так Д. А. Туманов и С. А. Алехина указывают на наличие правовой неопределенности и необходимость прямого указания данной предпосылки указывая на то, что без нее часть процессуальных категорий теряют значение [7]. Объединяющим фактором предпосылок, указанных в данном пункте, является отсутствие соответствующего полномочия суда принять исковое заявление к производству.

Пункты 2 и 3 части 1 вышеупомянутой статьи ГПК РФ включают в себя предпосылки, основанные на тождестве дел. Субъект может лишь один раз получить защиту своего нарушенного при конкретных обстоятельствах блага, и, исходя из этого положения, если уже имеется решение суда по данному делу, то право субъекта на обращение в суд и право на судебную защиту – реализованы, а суд откажет в принятии искового заявления. Различия же данных предпосылок сводится к итоговому решению и субъекту, издавшему его. Так в п. 2 субъектом, издавшим решение, будет выступать суд общей юрисдикции, а итогом разбирательства будет являться тождественное решение суда или определение суда о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска или утверждением мирового соглашения сторон. В п. 3 части 1 статьи 134 ГПК РФ субъектом будет являться третейский суд, а итогом разбирательства его тождественное решение. Но законодатель в рамках данной нормы вводит исключение: если суд отказал в выдаче исполнительного листа, то субъект не получил надлежащую защиту своего нарушенного права и ее необходимо обеспечить.

Необходимо упомянуть и специальные предпосылки, которые закон устанавливает для определенных категорий дел. Так, например, статья 17 Семейного кодекса РФ ограничивает право супруга самостоятельно возбуждать дело о расторжении брака во время беременности жены или в течение года после рождения ребенка без ее согласия. Специальные предпосылки являются индивидуальными, но все предназначены для защиты прав субъектов. В приведенном примере защищаются интересы матери и ребенка, так как интерес двух и более лиц,

а также семьи материнства и детства имеют приоритет над частным интересом мужа [4].

Предпосылки права на обращения в суд в АПК РФ указываются в статьях 34, 43 и 127.1[1]. Статья 34 АПК РФ закрепляет вопрос подведомственности дел как судебной компетенции арбитражного суда, данная предпосылка будет отличаться только внутренним содержанием от статьи 22 ГПК РФ, в то время как принцип действия изменяться не будет.

Статья 43 АПК РФ, определяющая правоспособность и дееспособность лица, также видоизменяет свое внутреннее содержание исходя из особенностей арбитражного процесса, предоставляя право на обращение в суд гражданам и организациям, являющимся субъектами предпринимательской деятельности, но мы снова приходим к выводу, что данная предпосылка работает точно также, но для другого круга лиц.

Анализируя статью 127.1 АПК РФ, мы сразу обращаем внимание на то, что п.1 ч.1 данной статьи обладает меньшим количеством предпосылок, а именно – отсутствуют предпосылки, связанные с защитой прав свобод и законных интересов другого лица, субъектом у которого отсутствует право на это, а также с оспариванием акта, не затрагивающего права свободы и законные интересы заявителя. Остальные предпосылки не претерпевают изменения в сравнении с ГПК РФ. Предпосылки, указанные в п.2 и п.3 данной статьи АПК РФ, также основываются на тождестве исков и однократной защите нарушенного при определенных обстоятельствах права. Так п. 2 конкретизирует круг судов, чьи решения будут являться основанием к отказу в принятии искового заявления и, как можно заметить, отводится особое место компетентному суду иностранного государства. Исходя из смысла нормы при ситуации, в которой тождественный иск уже был рассмотрен в иностранном суде, арбитражный суд должен будет оценить соответствие решение иностранного суда статье 244 АПК РФ. В пункте 3 ст. 127.1 вводится дополнительная предпосылка относительно п. 3 ст. 134 ГПК РФ, а именно – отмена арбитражным судом решения третейского суда, ставшего обязательным для сторон.

Также часть 2 статьи 127.1 АПК РФ значительно отличается от ГПК РФ. На мой взгляд в данной норме содержится две предпосылки, которые также связаны с тождеством исков. В данной части задействованы две правовые категории, а именно нормативно-правовой акт и акт, содержащий разъяснение законодательства и обладающий нормативными свойствами. Анализируя данную норму, мы приходим к выводу о том, что предпосылкой для отказа в принятии иска об оспаривании нормативно правового акта является вступившее в законную силу решение арбитражного суда или суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному

делу, проверившего по тем же основаниям соответствие оспариваемого нормативного правового акта иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу. А основанием для отказа в принятии искового заявления об оспаривании акта, содержащего разъяснение законодательства с нормативными свойствами, является проверка акта по тем же основаниям.

Подводя итог анализа предпосылок гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства, можно сделать вывод о том, что, несмотря на смежность рассматриваемых процессов и видимый базис схожих предпосылок имеются и отличия, основанные на собственных институтах. Концепция единого ГПК предполагает унификацию института отказа в принятии иска, но она не раскрывает особенностей процесса говоря лишь о модернизации предпосылки подведомственности и устранении предпосылок, связанных с заявлением, в котором не затрагиваются права, свободы или законные интересы заявителя, а также отсутствует право субъекта на подачу иска в защиту другого лица. В этом контексте правильным видится выделение специфических предпосылок, например, связанных с решением иностранных судов в отдельные нормы с сохранением их первоначального смысла либо кардинальная их переработка и включение в одну норму, объединяющую все основания отказа в принятии искового заявления.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [Текст]: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – С. 3012.
2. Гражданский процессуальный кодекс [Текст]: федеральный закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – С. 4532.
3. Гурвич, М. А. Право на иск / М.А. Гурвич. – Москва: Л., 1949. – 214 с.
4. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – С. 4398.
5. Мусин, В. А. Гражданский процесс: учебник / В.А. Мусин, Н.А. Чечина, Д.М. Чечота. – Москва: ПБОЮЛ Гриженко, 2001. – 544 с.
6. Туманов, Д. А. К вопросу о правовом характере спора и правоспособности как предпосылках права на предъявление иска / Д.А. Туманов, С.А. Алехина // Журнал российского права. – 2009. – №12. – С. 95–105.
7. Ярков В. В. Гражданский процесс: учебник / В.В. Ярков. – Москва: Инфотропик Медиа, 2014. – 784 с.

НАСЛЕДСТВЕННЫЙ ДОГОВОР КАК ОСНОВАНИЕ НАСЛЕДОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© П.И. Дмитриева

Научный руководитель: Е.Б. Тарбагаева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Институт наследственного договора, введённый с 1 июня 2019 года [1], является одной из значимых новелл частного права. Особенность данного института обусловлена тем, что наследственный договор не только никогда не имел легального закрепления в российском наследственном праве, но и не являлся предметом исследования отечественной цивилистики. И в настоящее время ставится под сомнение допустимость такого договора, его несоответствие традициям российского частного права [2].

Вместе с тем наследственный договор отвечает естественным стремлениям участников гражданского оборота – как интересу потенциального наследодателя получить гарантии ожидаемого поведения будущего наследника, так и желанию наследника достоверно знать, от кого и какое наследство ему причитается. Однако до введения норм о наследственном договоре любое оформление гражданском передачи своего имущества лицу после смерти способом, находившимся за пределами наследования по закону либо по завещанию, представляло собой обход закона с однозначными гражданско-правовыми последствиями такого недобросовестного поведения [6, с. 22].

Максимального эффекта от внедрения в практику наследственного договора следует ожидать только при качественной и продуманной нормативной регламентации этого института. Однако действующее законодательство не даёт однозначных ответов на вопросы, возникающие в практике, и нуждается в толковании. Выявление места и роли наследственного договора в наследственном праве, уяснение предложенной законодателем модели возможно путём соотношения с традиционной формой распоряжения на случай смерти – завещанием (ч. 1 ст. 1118 ГК РФ).

Под наследственным договором понимается договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию (ст. 1140.1 ГК РФ). Легальной дефиниции завещания в законе не содержится. Из закреплённых в главе 62 ГК РФ признаков следует, что завещание представляет

собой одностороннюю сделку, содержащую личное распоряжение физического лица на случай смерти по поводу принадлежащего ему имущества или имущественных прав, а в случаях, предусмотренных законом, иные распоряжения, совершенную в установленной законом форме [3].

Наследственный договор имеет двойственную правовую природу. С одной стороны, это соглашение, с другой – распоряжение на случай смерти [4].

Правовые последствия по завещанию возникают с момента смерти наследодателя. Наследственные договоры создают правовые последствия с момента их заключения. Возможные наследники по договору достоверно знают о своих правах и обязанностях на случай смерти наследодателя, наследники по завещанию ограничены положениями о тайне завещания [5]. Основанием возникновения права собственности на имущество наследодателя по наследственному договору является его смерть или объявление умершим. Право собственности на имущество по наследственному договору переходит к приобретателю непосредственно после смерти наследодателя без совершения каких-либо дополнительных действий, связанных с принятием наследства. Для недвижимого имущества требуется лишь осуществить государственную регистрацию перехода прав на него, что значительно упрощает процедуру принятия наследства [4]. Право собственности на наследственное имущество на основании завещания возникает после смерти наследодателя, когда завещание и обретает юридическую силу, а его оформление в виде получения свидетельства о праве на наследство у нотариуса возможно после истечения 6-месячного срока, что создаёт определённые барьеры в гражданском обороте.

Наследственный договор должен быть составлен в письменной форме, подписан сторонами, нотариально удостоверен. В случае уклонения одной из сторон от нотариального удостоверения наследственного договора положения ст. 165 ГК РФ не применяются (п. 7 ст. 1140.1 ГК РФ). Это усиливает диспозитивность и свободу воли лиц, пожелавших распорядиться имуществом именно посредством заключения наследственного договора, и, как следствие, невозможность понуждения к совершению такой сделки. Кроме того, закреплены: запрет на закрытый наследственный договор под страхом ничтожности (п. 5 ст. 1126 ГК РФ), запрет на оформление договора в чрезвычайных обстоятельствах, запрет на удостоверение наследственных договоров лицами, приравненными к нотариусу (п. 5 ст. 1127 ГК РФ) [4]. Завещание в силу п. 1 ст. 1124 ГК РФ должно быть составлено в письменной форме и удостоверено нотариусом. Несоблюдение правил о письменной форме завещания и его удостоверении влечёт за собой его недействительность.

Закон предусматривает приоритет договорных отношений перед завещаниями. Наследственный договор отменяет действие совершённого до его

заклучения совместного завещания супругов. В то же время по общему правилу к наследственному договору применяются правила ГК РФ о завещании, в частности условия об обязательной доле в наследстве, о недостойных наследниках и др. [5].

Для наследственного договора действует общий порядок прекращения обязательства. Более того, от исполнения наследственного договора каждая из сторон вправе отказаться в любой момент, соблюдая лишь нотариальную форму такого отказа. Отмена завещания осуществляется завещателем в любое время после его совершения, чьё-либо согласие не требуется.

Важной отличительной особенностью наследственного договора является презумпция его возмездного характера путём определения условий, при которых возможно получение наследственного имущества. Однако в регламентации данных гарантий имеется существенный пробел, заключающийся в возможности совершения наследодателем любых сделок в отношении принадлежащего ему имущества, даже если такое распоряжение лишит лицо, которое может быть призвано к наследованию, прав на имущество (п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ). Указанное положение нивелирует возможность применения норм ст. 1140.1 ГК РФ, трансформируя наследственный договор в завещание, о содержании которого достоверно и официально осведомлены наследники. Такая защита свободы распоряжения на случай смерти представляется чрезмерной, поскольку законом установлены достаточные гарантии сохранения свободы волеизъявления собственника имущества: добровольное заключение договора и его безусловное одностороннее расторжение. Возможность распоряжения имуществом, являющимся предметом наследственного договора, надлежит рассматривать в качестве способа обхода возмещения убытков, связанных с исполнением договора (п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ). В зарубежных правовых порядках (в законодательстве Германии, Австрии, Венгрии) сделки, причиняющие вред наследнику по договору, прямо запрещены [4].

Таким образом, в целях совершенствования правового регулирования разумным представляется исключение п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ.

Несмотря на наличие у действующей конструкции ряда критических недостатков наследственный договор привнёс позитивные изменения в регламентацию наследственных отношений. Он удовлетворяет естественный интерес наследников достоверно знать о распоряжении наследодателя на случай смерти, что влечёт предупреждение конфликтов и оспаривание завещаний после смерти наследодателя, когда его истинную волю установить практически невозможно; позволяет определить условия, при исполнении которых наследственное имущество переходит в собственность наследника; значительно упрощает процесс правопреемства.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: ФЗ РФ от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
2. Экспертное заключение по проекту Федерального закона № 801269-6 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
3. Нотариальное право [Электронный ресурс]: учебник / Б.М. Гонгалов, Т.И. Зайцева, И.Г. Медведев и др.; под ред. В.В. Яркова. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Статут, 2017 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
4. Крашенинников П.В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Статут, 2019. [Электронный ресурс]: / П.В. Крашенинников // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Логинова К.Ю. Наследственный договор – правовые механизмы применения в действующем законодательстве Российской Федерации // Наследственное право. 2019. № 1. С. 12 – 15.
6. Путинцева Е.П. Распоряжения на случай смерти по законодательству Российской Федерации и Федеративной Республики Германия [Электронный ресурс]: / Е.П. Путинцева // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

**К ВОПРОСУ О НЕЗАВИСИМОСТИ АРБИТРАЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ
КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОМУ ПРИНЦИПУ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА**

© Е.С. Евдюнина

Научный руководитель: А.В. Ковалева
Сибирский федеральный университет

Одними из участников арбитражного процесса являются арбитражные заседатели, которые согласно п.1 и 2 ст.19 АПК РФ привлекаются к осуществлению правосудия в арбитражных судах, тем самым осуществляя судебную власть [1]. Институт арбитражных заседателей сочетает профессиональный элемент в правосудии, так как в качестве арбитражных заседателей могут выступать лица,

которые имеют определенную профессиональную квалификацию и опыт предпринимательской деятельности, и элемент народного представительства.

Согласно п 4. ст. 1 ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» от 30.05.2001г. арбитражные заседатели принимают участие в рассмотрении дела и принятии решения наравне с профессиональными судьями [2]. Следует отметить, что данное положение отсутствует в ст. 19 АПК РФ. Помимо этого в Определении Конституционного суда от 19.10.2010 № 1342-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Востокгеофизика» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 60 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» арбитражные заседатели названы судьями, действующими на непрофессиональной основе [3]. Также следует обратить внимание на то, что как АПК РФ, так и ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации», предусматривают, что при осуществлении правосудия, то есть рассмотрении дела, арбитражные заседатели пользуются правами и несут обязанности судьи. Таким образом, закон уравнивает статус арбитражного заседателя со статусом судьи. Но необходимо отметить, что ст. 5 АПК РФ, устанавливающая независимость судей не упоминает о независимости арбитражных заседателей при осуществлении правосудия [1].

Независимость арбитражных заседателей устанавливаются п. 2 ст. 5 ФЗ «О судебной системе Российской Федерации» и ст. 7 ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации». Отсутствие в АПК РФ гарантии независимости арбитражных заседателей некоторым авторам критикуется, так как Арбитражный процессуальный кодекс, по их мнению, как кодифицированный нормативно-правовой акт, должен содержать все общие положения, принципы, а также основные гарантии, связанные с осуществлением правосудия в арбитражном процессе [6].

Гарантии независимости арбитражных заседателей можно классифицировать на две группы: гарантии, связанные с осуществлением правосудия и гарантии, обусловленные трудовой деятельностью арбитражных заседателей. Первая группа в свою очередь делится на два подвида: статусные гарантии и гарантии процессуальной независимости [7].

Гарантии процессуальной независимости и статусные гарантии имеют различие в том, что первые приобретаются арбитражными заседателями с момента наделения их полномочиями по осуществлению правосудия и не распространяются на членов семьи. Таким образом, к статусным гарантиям относятся такие гарантии, как неприкосновенность личности, тайна переписки и иной корреспонденции, неприкосновенность занимаемых жилых и служебных помещений и

иные гарантии, предусмотренные п. 1 ст. 7 ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации»[2].

К гарантиям процессуальной независимости арбитражных заседателей относятся порядок формирования состава суда с участием арбитражных заседателей, институт отвода и самоотвода и процессуальный порядок принятия решения, исключающий присутствие лиц, не входящих в состав суда.

К гарантиям, обусловленным трудовой деятельностью ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» относит учет времени исполнения арбитражным заседателем полномочий по осуществлению правосудия при исчислении ему всех видах трудового стажа, сохранение среднего заработка по основному месту работы, а также ряд гарантий предусмотренных Трудовым кодексом РФ[2].

По мнению Сергунина К. Н., ещё одна трудовая гарантия закрепляется в ст. 6 ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации», а именно выплата компенсационного вознаграждения арбитражному заседателю пропорционально количеству рабочих дней, в течение которых он участвовал в отправлении правосудия [6].

Независимость арбитражных заседателей, по мнению Орловой К. А. представляется возможным выделить в отдельный принцип арбитражного процесса в виду следующих причин [4]. Во-первых, независимости арбитражных заседателей, как принцип арбитражного процесса, тесно связана с объективностью и беспристрастностью судопроизводства в силу того, что участие арбитражных заседателей в отправлении правосудия представляет собой одну из форм общественного контроля за судебной властью. Некоторыми авторами в качестве особого признака принципа права называется тяжесть последствий, наступающих при нарушении данного принципа. Исходя из этого, представляется возможным назвать независимость арбитражных заседателей самостоятельным принципом арбитражного процесса в силу того, что нарушение принципа независимости арбитражных заседателей может привести к таким последствиям как отвод арбитражного заседателя либо отмене судебного решения. Ст. 21 АПК РФ устанавливает случаи, в которых арбитражный заседатель подлежит отводу, иными словами, те случаи, в которых арбитражный заседатель утрачивает свою беспристрастность от внешних и внутренних факторов. Однако дальнейшее участие арбитражного заседателя, подлежащего отводу, в рассмотрении дела может привести к отмене решения арбитражного суда на основании пп. 1 п.4 ст. 270 АПК РФ, а именно рассмотрения дела арбитражным судом в незаконном составе.

Однако, несмотря на это, возникают следующие вопросы: есть ли основание считать принцип независимости арбитражного заседателя самостоятельным принципом права и есть ли необходимость в таком принципе?

Чтобы ответить на данные вопросы, следует обратиться к ФЗ «О судебной системе», который устанавливает, что судьи, присяжные и арбитражные заседатели независимы и подчиняются только Конституции РФ и закону [5]. Так как арбитражные заседатели привлекаются к осуществлению правосудия наравне с судьями, тем самым закон уравнивает статус арбитражного заседателя и профессионального судьи, из этого следует, что гарантии независимости судей распространяются и на арбитражных заседателей несмотря на то, что АПК РФ не закрепляет такого положения. Но следует отметить, что не все гарантии независимости судей распространяются на арбитражных заседателей.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что независимость арбитражных заседателей не следует считать отдельным принципом арбитражного процесса в силу того, что его содержание охватывается принципом независимости судей. На основании мер, предусмотренных российским законодательством, обеспечивающих реализацию принципа независимости судей в арбитражном процессе достигается и беспристрастность арбитражного заседателя как от внешнего влияния, оказываемого на него, так и от его внутренней заинтересованности.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // СЗ РФ. — 2002. — № 30. — С.3912.
2. Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации от 30.05.2001 г. №70-ФЗ (ред. от 28.11.2018) // СЗ РФ. — 2001. — № 23. — С.2288.
3. Определение Конституционного суда от 19.10.2010 №1342-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Востокгеофизика» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 60 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» / Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 15.03.2020).
4. Орлова. К. А. Современные проблемы реализации правового статуса арбитражных заседателей при отправлении правосудия / К. А. Орлова // Юридические записки. — 2013. — №1. — С. 136.

5. О судебной системе Российской Федерации от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (в ред. 30.10.2018) // СЗ РФ. — 1997. — № 1. — С.1.

6. Сергунин, К. Н. О некоторых вопросах обеспечения гарантий независимости присяжных и арбитражных заседателей в Российской Федерации / К. Н. Сергунин // Молодой ученый. — 2018. — № 28. — С. 48.

7. Шкалова, Н. В. Участие арбитражных заседателей в арбитражном процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Н. В. Шкалова. — Москва, 2017. — 37с.

О ПРОБЛЕМЕ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ ВО ВРЕМЯ ЭПИДЕМИИ COVID-19

© Ю.О. Ерёмин

Научный руководитель: М.Я. Любченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В связи с эпидемией коронавируса становится актуальной проблема непрерывного правосудия. Государства стараются найти баланс между интересами общества и личности. Так, в Верховном суде Великобритании слушания проводятся в режиме видеоконференц-связи (далее – ВКС). Аналогичная практика существует в Италии, в Международном коммерческом арбитраже [12]. В целях недопущения распространения инфекции Верховный суд РФ принял постановление, в котором рекомендовал всем «судам при наличии технической возможности инициировать рассмотрение дел путём использования систем ВКС [8]». Первым такое заседание в мессенджере WhatsApp провёл суд в Свердловской области, который рассматривал дело об административном правонарушении [6]. В Верховном суде РФ 21 апреля 2020 г. впервые было проведено 6 судебных заседаний с использованием технологии веб-конференции Винтео. Верховный суд подчеркнул, что значимость ВКС не ограничивается нивелированием ограничений в период пандемии [2].

Заметим, что данная ситуация не нова и в доктрине получила название «революция парадигмального типа», которая характеризуется деритуализацией и делокализацией правосудия (*delocalization of justice*) [13]. Однако считаем, что подход законодателя о дистанционной работе судов требует серьёзного анализа с точки зрения его соответствия сущностным характеристикам правосудия как особой деятельности судов по защите нарушенного или оспоренного права, выражающимся, прежде всего, в принципах цивилистического процесса.

В доктрине общепризнано, что принципы представляют собой основополагающие идеи, составляющие идеологический и нормативный фундамент отрасли права [4, с. 33]. Планируемый переход, несомненно, актуализирует вопрос о реализации принципов цивилистического процесса, который требует серьезного научного осмысления.

Рассмотрим на примере дистанционной работы судов реализацию принципа гласности судебного разбирательства. Согласно ст. 10 ГПК РФ гласность предусматривает рассмотрение дел в судебном заседании с возможностью свободного доступа любого заинтересованного лица [5]. ЕСПЧ констатировал, что цель, преследуемая п. 1 ст. 6 ЕКПЧ, обеспечить публичный контроль за судебной властью и тем самым гарантировать справедливое судебное разбирательство – вполне достигается, по крайней мере, в том, что касается кассационного производства, путем депонирования решения; это делает общедоступным его полный текст в той же мере, как и публичное его оглашение, тем более что последнее нередко ограничивается только постановляющей частью [15]. Так, согласно ст. 15 ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в РФ» тексты судебных актов, за исключением приговоров и судебных актов арбитражных судов, размещаются в сети «Интернет» [9]. Именно в этом И.В. Решетникова видит реализацию принципа гласности в данном случае [11, с. 20].

В.В. Момотов считает, что гласность правосудия в период действия ограничительных мер обеспечивается обязательной публикацией судебных актов в Интернете, правом сторон осуществлять аудиофиксацию судебного разбирательства, для которой не требуется разрешения судьи. Нельзя забывать и о получении сторонами копии судебного решения, возможности с разрешения суда осуществлять видеозапись судебного процесса [3]. Но как быть с тем, что проведение судебных заседаний в Skype, Zoom и других платформах не предусматривает подключение к конференции лиц, не являющихся участниками процесса. Мы полагаем, что отсутствие возможности свободного доступа любого заинтересованного лица к онлайн-трансляции судебного заседания означает, что принцип гласности в данной ситуации не реализуется.

Гарантией реализации права на защиту является доступность правосудия. В соответствии с п. 1 ст. 6 ЕКПЧ это означает возможность практически пользоваться процессуальными гарантиями справедливого судебного разбирательства [14]. Таким образом, ЕСПЧ под доступом к правосудию понимает беспрепятственную возможность рассмотрения любого дела в суде. Но участниками гражданского судопроизводства являются граждане, которые могут не владеть навыками работы с информационными технологиями либо не иметь технической возможности организации ВКС. Также может возникнуть проблема нарушения равенства сторон,

когда участниками являются люди из разных слоев социальной стратификации: лица, которые могут позволить себе пользоваться наилучшими доступными технологиями, и малообеспеченные граждане, у которых нет возможности пользоваться такими технологиями вовсе. В этом случае считаем, что стороны не могут практически пользоваться предоставленными правами, а, следовательно, переход судов полностью на дистанционную работу может ограничивать право на доступ к суду.

Хотелось бы отметить следующую проблему введения дистанционной работы судов – проблема проверки личности участников процесса. Суд устанавливает личность на основании личного исследования документа, удостоверяющего личность: паспорт, служебное удостоверение, что при системе ВКС невозможно [7].

Следующая проблема, которую мы выявили – исследование письменных и вещественных доказательств. Согласно ст. 157 ГПК РФ суд при рассмотрении дела обязан непосредственно исследовать доказательства по делу [5]. Если в арбитражном процессе при использовании ВКС возможно представлять письменные доказательства только при наличии технической возможности (специальная скан-камера, находящаяся в суде, содействующем организации ВКС) и при незамедлительной отправке такого доказательства в суд, рассматривающий дело, судом, организующим ВКС, то при использовании иных ресурсов без контроля суда представление письменных и вещественных доказательств исключается [10].

Но нельзя не отметить и положительные моменты нового формата проведения судебных заседаний. Так, М.А. Большунов к условиям доступности правосудия относит расположение суда [1]. Действительно, зачастую участникам процесса приходится тратить значительные денежные средства и время, чтобы лично участвовать в судебном заседании. Но бывают ситуации, когда стороны не могут добраться до зала заседания в связи с отсутствием транспортного сообщения, болезни и других жизненных ситуаций [6]. Возможность участвовать удалённо в судебном заседании посредством ВКС может решить эти проблемы.

Считаем, что рекомендации Верховного Суда по переходу судов на дистанционную работу в период пандемии COVID-19 можно рассмотреть как хорошую перспективу в дальнейшем. Кризис показал, что такая система может работать при её усовершенствовании. Мы предлагаем нормативно закрепить возможность подключения «по ссылке» к судебному заседанию любого заинтересованного лица, заранее прошедшего идентификацию на сайте суда. Также предлагаем закрепить за судом и сторонами право выбора, как проводить заседание по делу: традиционным способом или с помощью системы ВКС. Мы придерживаемся позиции В.В. Момотова, высказанной на Петербургском Международном Юридическом Форуме 9 ½: Законы коронавируса, что коммуникация сторон с судом

играет важное значение при проведении судебных заседаний в традиционном формате и видеосвязь никогда не сможет это заменить.

Список использованных источников:

1. Большунов М.А. Условия обеспечения права на доступ к правосудию / М.А. Большунов // Вопросы экономики и права. – Москва, 2013. – № 11. – С. 31–34.
2. Веб-конференция в Верховном суде Российской Федерации // Верховный суд РФ. – 22 апреля 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28863/. Дата обращения: 23 апреля 2020 г.
3. Выступление председателя Совета судей РФ В.В. Момотова на сессии ПМЮФ «Судебная защита в пандемии» 11 апреля 2020 года // Совет судей РФ. – 13 апреля 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ssrf.ru/news/lienta-novostiei/37523>. Дата обращения: 13 апреля 2020 г.
4. Гражданский процесс: Учебник / М.К. Треушников. – Москва: Статут, 2014. – 480 с.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон № 138-ФЗ от 14.11.2002 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 46. – 4532 с.
6. Науменко Е. Споры через Skype и Zoom: как работают суды при коронавирусе / Е. Науменко // Право.ru. – 03 апреля 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/authors/139/>. Дата обращения: 04 апреля 2020 г.
7. О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 13 от 26 июня 2008. // Российская газета. – 2008. – № 140.
8. О приостановлении личного приема граждан в судах: Постановление Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ № 821 от 08 апреля 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>. Дата обращения: 09 апреля 2020 г.
9. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации: Федеральный закон № 262-ФЗ от 22.12.2008 // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52. – 6217 с.
10. Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций): Постановление Пленума ВАС РФ № 100 от 25 декабря 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/>. Дата обращения: 28 марта 2020 г.

11. Решетникова И.В. Деперсонафикация судебных актов и гласность судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 8. С. 19 – 25.

12. Суды мира во время пандемии // Верховный суд РФ. – 09 апреля 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsr.ru/press_center/news/28842/. Дата обращения: 10 апреля 2020 г.

13. Cadiet L. Introduction to French Civil Justice System and Civil Procedural Law // *Ritsumeikan Law Review*. № 28. 2011. P. 389.

14. *Golder v. the United Kingdom* (app. № 4451/70): Judgment of the European Court of Human Rights. 21 February 1975 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/>. Дата обращения: 10 марта 2020 г.

15. *Pretto and Others v. Italy* (app. № 7984/77): Judgment of the European Court of Human Rights. 08 December 1983 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://hudoc.echr.coe.int/>. Дата обращения: 06 марта 2020 г.

О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

© Г.Н. Жулакашвили

Научный руководитель: М.Я. Любченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Несмотря на многолетнюю историю существования и практику применения мирового соглашения, понятие и сущность данной примирительной процедуры дискуссионные, что может вызвать некоторые практические затруднения урегулирования споров, чем и обосновывается актуальность проблемы. Указанное обстоятельство вызвало в доктрине права разногласия, вследствие которых сложились три основных точки зрения. Согласно первой точке зрения, мировое соглашение есть категория исключительно процессуальная и состоящая из действий процессуального характера, результатом которых является осуществление процессуального полномочия [2, с. 254]. Вторая точка зрения базируется на утверждении о том, что мировое соглашение представляет собой специфическую разновидность гражданско-правовых сделок [4, с. 52]. Третья точка зрения, балансируя между двумя другим, развивает подход о двойственной природе мирового соглашения, наделяя его как процессуальными, так и материальными признаками и определяя его как процессуальное соглашение, обладающее гражданско-правовым основанием [3, с. 255; 8, с. 11; 12, с. 238].

Еще большие затруднения в понимание природы и сущности мирового соглашения вносит неоднозначность судебного толкования, порождающая

формально-логическую неясность. Так, в определении Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 г. № 1-О указано, что «мировое соглашение представляет собой соглашение сторон о прекращении спора на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок, что является одним из процессуальных средств защиты субъективных прав».

При этом, используя разные по своей полноте и значению термины, ВАС РФ в своем постановлении № 50 от 18.07.2014 г. «О примирении сторон в арбитражном процессе» указывает, что «мировое соглашение представляет собой соглашение сторон, то есть сделку, вследствие чего к этому соглашению, являющемуся одним из средств защиты субъективных прав, помимо норм процессуального права, подлежат применению нормы гражданского права о договорах, в том числе правила о свободе договора... Таким соглашением, если оно утверждено арбитражным судом, стороны прекращают спор (полностью или в части) на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок» [10].

Системный анализ приведенных позиций высших судебных инстанций, на наш взгляд, позволяет утверждать, что суды придерживаются точки зрения о двойственной природе мирового соглашения.

Интересное мнение было высказано судьей ВАС РФ В.С. Сарбашом, воспринимающим его как гражданско-правовой договор, подлежащий утверждению судом (особое мнение к постановлению Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/10). Это аргументировалось тем, что мировое соглашение имеет договорную природу и к нему применяются наравне с процессуальным законодательством нормы гражданского права о договорах, с изменениями, вытекающими из обстоятельств, а также способностью мирового соглашения обладать признаками как известного гражданскому законодательству договора, так и быть уникальным, беспрецедентным. В итоге В.С. Сарбаш определил мировое соглашение как договор констатации (признания), отсутствующий в российском гражданском законодательстве, но не противоречащий ему и направленный на устранение неопределенности в отношениях сторон как в части права, так и в части фактов [1].

Принимая во внимание все вышеописанное, автор приходит к выводу о том, что мировое соглашение носит двойственную природу и представляет собой институт процессуального права, в основе которого лежит мировая сделка как особый вид непоименованного гражданско-правового договора.

Неоднозначное понимание сущности мирового соглашения порождает в практике следующие проблемные вопросы.

Во-первых, допустимо ли заключение мирового соглашения в делах из публичных правоотношений?

Камнем преткновения этого общепринято считался императивный метод регулирования, не позволяющий сторонам действовать по своему усмотрению и вертикальное построение отношений, при которых взаимные уступки спорящих сторон не дозволены [7, с. 91].

Однако с принятием КАС РФ и нововведениями, отразившимися в нем, данный вопрос получил иное решение. Так, согласно ст. 137 КАС РФ стороны могут урегулировать спор, заключив соглашение о примирении сторон.

Употребление сходной правовой конструкции в КАС РФ дает основание предполагать наличие у сторон возможности одинаково участвовать в формировании условий соглашения о примирении, ограничиваясь тем, что примирение сторон должно затрагивать только их права и обязанности как субъектов спорных публичных правоотношений и возможно в случае допустимости взаимных уступок сторон. Но и тут обнаруживаются вполне оправданные противоречия, так как характер публично-правовых отношений в принципе не подразумевает компромиссных договоренностей между сторонами и реализация подобного рода соглашений, например, в делах об оспаривании нормативно-правового акта, не имеет никакого значения, в связи с тем, что незаконность акта императивно предусматривает его отмену и иного быть не может. Следовательно, заключение мирового соглашения в делах из публичных правоотношений недопустимо.

Во-вторых, воспринимая мировое соглашение как сделку сторон, предсказуемо возникает вопрос о возможности оспаривания этой сделки путем предъявления соответствующего иска.

На этот вопрос Постановлением Пленума ВАС РФ «О примирении сторон в арбитражном процессе» был дан следующий ответ — оспаривание утвержденного судом мирового соглашения возможно только посредством оспаривания (путем подачи жалобы) судебного акта, которым оно было утверждено. То есть обособленное оспаривание мирового соглашения не допускается.

Однако в судебной практике по делам о банкротстве существуют примеры иного толкования.

Так Определением суда общей юрисдикции от 28.12.2015 по делу № 2-4111/2015 было утверждено мировое соглашение, по условиям которого кредитор обращает взыскание на квартиру должника, находящуюся в залоге, путем оставления ее за собой. Переход права собственности на квартиру к кредитору подтвержден регистрирующим органом после возбуждения в отношении должника дела о банкротстве. Ссылаясь на ст. 61.3 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» и указывая на то, что оспаривается непосредственно исполнение мирового соглашения, финансовый управляющий обратился с заявлением в арбитражный суд. Суд первой инстанции отказал в признании сделки недействительной. Он

исходил из того, что оставление кредитором квартиры за собой предусмотрено утвержденным судом мировым соглашением, оспаривание которого без объявления соответствующего судебного акта невозможно. Это решение апелляция и кассация оставили в силе. Финансовый управляющий обратился с жалобой в Верховый Суд.

В своем Определении от 19.04.2019 № 307-ЭС18-10383(3) по делу № А56-61896/2016 ВС РФ отметил, что кредиторы, предъявившие требования к должнику в рамках дела о банкротстве до регистрации перехода права собственности на отчужденное должником недвижимое имущество, должны находиться в равном положении с кредитором, заключившим соглашение об отступном [9]. Суд также указал, что в рассматриваемом случае исполнение мирового соглашения привело, по мнению финансового управляющего, к преимущественному удовлетворению требований общества перед другими кредиторами должника, в связи с чем могло быть оспорено по правилам гл. III.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [11].

Таким образом, оспаривание мирового соглашения без оспаривания судебного акта, которым оно было утверждено, возможно только в рамках процедуры банкротства и только в случаях, предусмотренных главой III.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Подводя итог, следует отметить, что описанные в работе проблемы применения мирового соглашения не являются исчерпывающими. Данная примирительная процедура соответствует современным условиям развития гражданско-правовых отношений и гражданского судопроизводства, которым и ограничивается. В силу этого как в доктрине, так и в практике остаются неразрешенные вопросы.

Список использованных источников:

1. Пост. Президиума ВАС РФ от 22.03.2011 № 13903/10 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 7.
2. Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс. М., 1952.
3. Анненков К. Опыт комментария к Уставу гражданского судопроизводства. Т. VI. СПб., 1887.
4. Анохин К. Судебные мировые сделки // Советская юстиция. 1959. № 9.
5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ РФ от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (с послед. изм.) // СЗ РФ. 2002 г. № 30. Ст. 3012.
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: ФЗ РФ от 08.03.2015 № 21-ФЗ (с послед. изм.) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.

7. Кузбагаров А.Н. К вопросу о примирении сторон по конфликтам, возникающим из публично-правовых отношений // Вестник Саратовской государственной академии права. 2009. № 2 (66).

8. Лазарев С.В. Мирное соглашение в гражданском судопроизводстве. Екатеринбург, 2006.

9. Определ. Верховного Суда РФ от 19.04.2019 № 307-ЭС18-10383(3) // [Документ не опубликован] СПС КонсультантПлюс.

10. О примирении сторон в арбитражном процессе: Пост. Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

11. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Пост. Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 3.

12. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. М., 2014.

13. О несостоятельности (банкротстве): Ф3 РФ от 26.10.2002 № 127-ФЗ (с послед. изм.) // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ЭСТОППЕЛЯ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

© М.В. Зиновьева, А.О. Кулакова

Научный руководитель: М.Я. Любченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Эстоппель берет свое начало в английском общем праве и активно используется в международной судебной-арбитражной практике [4, с. 1]. В российской судебной практике данный принцип появился сравнительно недавно.

В доктрине эстоппель понимается как запрет вести себя в противоречии со своим предшествующим поведением (заявлениями, утверждениями, обещаниями, фактическим поведением и даже бездействием) в тех случаях, когда такое поведение не связывает эту сторону и не принуждает к последовательности, но предшествующее поведение сформировало у другой стороны доверие и разумные ожидания и, их подрыв в результате непоследовательности приведет к явной несправедливости. [6, с. 745]

На наш взгляд, данное определение является наиболее точным и полностью отражает сущность принципа. Из определения можно выделить 3 условия применения эстоппеля: 1) Возникновение доверия у другой стороны должно быть вменяемо лицу, которому противопоставляется эстоппель; 2) Возникновение

обоснованного доверия у добросовестной стороны; 3) Явная несправедливость подрыва доверия. [6, с. 747]

Важно обратить внимание на то, что само по себе противоречивое поведение не запрещено. Право блокируется из-за явной несправедливости, которая в определенных ситуациях возникает вследствие такого поведения. [6, с. 747]

По своей сущности эстоппель является частным выражением принципа добросовестности, применение которого не зависит от воли сторон. При наличии ряда условий суд на основании правила эстоппель может отказать в защите такого права по п.1 ст.10 ГК [1], усмотрев злоупотребление правом. Эстоппель является частным случаем применения запрета на злоупотребление правом и защищает обоснованное доверие [6, с. 805].

Всё вышесказанное относится к понятию и сущности эстоппеля в материальном праве. Однако эстоппель применяется российскими судами и в процессуальном праве.

Вопрос о том, насколько в процессуальном праве в целом уместно применение эстоппеля, заслуживает отдельного обсуждения.

Рассмотрим применение принципа российским судом на примере п. 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.06.2012 № 13 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции», который, по своему смыслу, закрепляет так называемый «процессуальный» эстоппель.[5].

Согласно данной правовой позиции дело может быть передано на рассмотрение по подсудности в суд первой инстанции, если на нарушение правил подсудности указано в апелляционных жалобе, представлении и суд апелляционной инстанции установит, что лицо, подавшее жалобу, или прокурор, принесший представление, **заявляли в суде первой инстанции ходатайство о неподсудности** дела этому суду <...>.

Вместе с тем, суждение о том, что все люди знают законодательство своей страны, на практике часто не подтверждается. Из этого следует, что среднестатистический гражданин, не зная о том, что данному суду это дело неподсудно, подает иск, далее участвует в разбирательстве дела по существу, после вынесения судом решения, узнает, что данному суду это дело не было подсудно, подает апелляционную жалобу с надеждой на новое рассмотрение дела, на реализацию своего права, закрепленного в п. 1 ст. 47 Конституции РФ [3] и в итоге получает отказ, обоснованный тем, что данный гражданин должен был сам заявлять об этом в суде первой инстанции. Имеется ли в поведении данного гражданина противоречивое поведение? Возникло ли у второй стороны доверие, вмененное ей первой стороной? Просматривается ли несправедливость, возникшая в

результате действий гражданина? Нужна ли защита доверившейся добросовестной стороне в этом случае? И главный вопрос, эстоппель ли это?

Если думать, что гражданин прекрасно знал о том, что данное дело неподсудно данному суду, но все же подал иск, активно участвовал в разбирательстве, после вынесения решения подал апелляционную жалобу, обосновывая тем, что дело данному суду неподсудно, то противоречивое поведение налицо. По сути, поведение будет считаться противоречивым, даже если гражданин не знал о том, что данное дело данному суду неподсудно. Но противоречивое поведение, как уже было сказано, само по себе не наказывается.

Лицо, подавшее апелляционную жалобу, хочет осуществить свое конституционное право, и, если разбирательство пройдет заново, это никак не отразится на справедливости уже принятого судебного решения. Так как суд, которому данное дело было неподсудно вершил правосудие и разбирал дело по существу. Суд, которому данное дело подсудно будет делать тоже самое. Поэтому вопрос о несправедливости разрешается сам. Соответственно, если в результате действий гражданина несправедливости не возникает, защита второй стороне не требуется. Отсутствие даже одного из трех условий значит, что эстоппелем это назвать нельзя.

Что касается доверия второй стороны, по смыслу Пленума ей было вменено то, что первая сторона согласна на разбирательство в данном суде, однако потом это доверие оказалось подорванным фактом подачи апелляционной жалобы с требованием об отмене решения по мотиву неподсудности. На наш взгляд, не корректно в данном случае говорить о подрыве доверия, ведущем к несправедливости, хотя бы потому что, как мы выяснили выше, к несправедливости это не ведет,

Если же рассматривать данный пример с другой стороны и считать, что сторона знала обо всем с самого начала, желала и хотела построить свое поведение таким образом, чтобы у нее была возможность подать апелляционную жалобу. То есть, по сути, сторона хотела подстраховаться, реализовывала возможность, при которой будет иметь 2 попытки на судебное разбирательство, то в действиях данной стороны налицо злоупотребление правом. Опять же вопрос, почему ВС РФ говорит об эстоппеле, если за злоупотребление правом в процессуальном законодательстве предусмотрены конкретные санкции? Например, взыскание компенсации за потерю времени (ст. 99 ГПК РФ [2]). Данный вопрос остается открытым.

Можем ли мы говорить в данном случае о каком-то трансформированном эстоппеле? Мы полагаем что нет.

В связи с вышеперечисленным возникает еще один вопрос. В п. 2 ст. 135 ГПК [2] предусмотрено, что судья возвращает исковое заявление в случае, если дело неподсудно данному суду общей юрисдикции или подсудно арбитражному суду. Так почему судья не вернул исковое заявления на этапе возбуждения гражданского судопроизводства? Этот вопрос так же остается открытым.

Из данных примеров мы делаем вывод, что применение эстоппеля в традиционном понимании в процессе не допустимо в связи с отсутствием необходимых для его применения элементов. Более того, все процессуальные действия опосредуются судом, являющимся обязательным субъектом любого процессуального отношения; следовательно, само по себе поведение стороны, даже и противоречивое, не может причинить процессуальному оппоненту вред.

Суды в данном случае блокируют непоследовательность, не анализируя вопрос о том, успело ли сформироваться у другой стороны некое разумное доверие. Может показаться, что здесь суды реагируют на саму непоследовательность и противоречивость процессуального поведения. А это значит, что речь идет не совсем об эстоппеле в его материальном смысле, а о каком-то связывающем процессуальном соглашении, просто правильном понимании стандарта доказывания или некой специфической процессуальной доктрине.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая: ФЗ РФ от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. 18.04.2018) // СЗ РФ. — 1996. — № 5. — Ст. 410.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации. ФЗ РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. 03.04.2018) // СЗ РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с послед. изм.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
4. Михайлова Е. О. Правило эстоппель: материальный и процессуальный аспекты // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2016. — № 5 (май). URL: <http://e-koncept.ru/2016/16104.htm>.
5. О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции: Пост. Пленума ВС РФ от 19.06.2012 № 13 // БВС РФ. 2012. № 9.
6. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание] / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — Москва: М-Логос, 2020. — 1469 с.

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСЕЙ
В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ**

© Д.Е. Иванченко

Научный руководитель: М.Я. Любченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

С принятием в 2002 году гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) в число самостоятельных доказательств были включены аудио- и видеозаписи. Это увеличило возможности участников процесса по защите своих прав, ведь зачастую такие записи становятся едва ли не единственным доказательством, позволяющим добросовестной стороне подтвердить свою позицию в суде [3].

В соответствии с ч. 1 ст. 67 ГПК РФ суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению. На практике суды нередко отказывают в приобщении к материалам дела аудио- или видеозаписей, ссылаясь на их недопустимость, или же признают недопустимыми в самом процессе. Такие проблемы возникают из-за специфики данного вида доказательств. Во-первых, их получение может повлечь за собой нарушение неприкосновенности частной жизни граждан. Во-вторых, записи могут быть легко сфальсифицированы при помощи технических средств.

Оживленные дискуссии вызывает вопрос, является ли допустимым доказательством запись, произведенная тайно, без согласия второй стороны. В соответствии с ч. 2 ст. 55 ГПК доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда. Долгое время считалось, что полученные скрытым образом аудио- и видеозаписи нарушают право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23 Конституции РФ; ч. 8 ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации») и потому являются недопустимыми [1].

Преломило ход дискуссий по данному вопросу Определение Верховного Суда РФ от 14.04.2015 № 33-КГ15-6 [8]. Суд указал, что осуществление без согласия второго лица видеозаписи не являлось нарушением запрета на получение сведений о частной жизни, поскольку информация, полученная в ходе записи, касалась договорных отношений. В 2016 году Суд подтвердил свою позицию в аналогичном деле, указав, что «запись телефонного разговора была произведена одним из лиц, участвовавших в разговоре, и касалась обстоятельств, связанных с договорными отношениями между сторонами» [9]. Таким образом, использование

одной из сторон в гражданско-правовом споре аудиозаписи разговора с другой стороной, сделанной без предварительного предупреждения последней, не противоречит правилам ГПК РФ. Однако судам необходимо обеспечивать баланс между субъективными правами человека и необходимостью выяснения обстоятельств дела. Как справедливо отметил М.З. Шварц, межличностное общение, в отличие от договорного, имеет определенную степень доверия, которую закон считает необходимым защитить. Поэтому доказательства, полученные в ходе личного разговора без согласия стороны, могут быть признаны недопустимыми [14].

Другим проблемным вопросом использования аудио- и видеозаписей в гражданском процессе является проверка их достоверности. Технический прогресс не только позволил людям осуществлять цифровые записи, но и открыл большие возможности для их фальсификации. Множество технических приемов позволяют изменять записи, искажать их содержание. Это достигается путем монтажа с последующей перезаписью на исходный носитель; подделка аудиозаписей может сопровождаться синтезированием голоса. В связи с этим возникает вопрос, исследуются ли в судебном заседании записи на предмет подделки и каков механизм исключения подложных материалов из числа доказательств.

Ст. 77 ГПК РФ устанавливает сведения, которые лицо должно указать при представлении аудио- и видеозаписей. К таковым относятся данные о том, когда, кем и в каких условиях осуществлялись записи. Этим трем обстоятельствам суды придают значение при оценке доказательств на предмет допустимости. Непредставление лицом информации, например, о записывающем устройстве не является основанием для признания доказательств недопустимыми [10]. Также нельзя признать недопустимыми копии аудио- и видеозаписей. Однако на лицо, представляющее такие копии, ложится обязанность обеспечить возможность сравнения их с оригиналом [13].

ГПК РФ не устанавливает обязанности лица, представляющего записи, доказать их достоверность. Проведение экспертизы также необязательно для того, чтобы они имели доказательственное значение [6]. Обусловлено это состязательной природой гражданского процесса и ч.1 ст. 56 ГПК РФ, в соответствии с которой каждая сторона доказывает те обстоятельства, на которых она обосновывает свое требование или возражение. Если противоположная сторона не согласна с представляемыми записями и считает их сфальсифицированными, то именно на эту сторону ложится обязанность доказать обстоятельства, на которых обосновано это несогласие. В случае, если сторона не высказывает возражений или не доказывает их, суд принимает доказательство и рассматривает как достоверное с подобной формулировкой: «заявления о фальсификации в порядке в порядке статьи 182,186 ГПК РФ стороной не сделано» [12].

Статья 186 ГПК РФ, в свою очередь, является процессуальным инструментом защиты стороны от представленных против неё подложных аудио- и видеозаписей. В соответствии с ней в случае заявления о том, что имеющееся в деле доказательство является подложным, суд может для проверки этого заявления назначить экспертизу или предложить сторонам представить иные доказательства. Как правило, в ситуациях оспаривания суд назначает фонографическую экспертизу или экспертизу по установлению подлинности и аутентичности видеозаписи. Вопросы, разрешаемые экспертами, касаются проверки подлинности аудиозаписей и принадлежности голоса тому или иному лицу [2].

Но на предъявлении возражения роль стороны по доказыванию факта подлога не заканчивается. Лицо также должно активно способствовать достижению целей экспертизы, не уклоняться от необходимых мероприятий. В противном случае, в соответствии с ч. 3 ст. 79 ГПК РФ факт фальсификации записи будет опровергнут. Так по делу № 2-2944/2017 ответчик указывал, что представленная истцом аудиозапись смонтирована. Судом была назначена фоноскопическая экспертиза, по результатам которой аудиозапись признана аутентичной. Разрешить вопрос о принадлежности голоса не удалось, поскольку ответчик не явился в назначенное время для отобрания у него образцов голоса. Суд посчитал, что таким образом ответчик своим правом на предоставление доказательств не воспользовался, что также подтверждает обстоятельства совершения им указанных в иске действий [11].

На данный момент в ГПК РФ недостаточно подробно урегулированы вопросы использования аудио- и видеозаписей в качестве доказательств в процессе. Размытость норм материального права не позволяют однозначно определять, не противоречат ли собранные доказательства закону и могут ли они признаваться допустимыми по смыслу ч. 2 ст. 55 ГПК РФ. Это приводит к абсолютно противоположным судебным решениям.

По вопросу проверки достоверности аудио- и видеозаписей автором сделан следующий вывод. Сторона, представляющая такое доказательство, не должна доказывать его достоверность, на ней лежит лишь обязанность выполнить формальные требования, установленные ст. 77 ГПК РФ. Как правило, суд назначает экспертизу только в том случае, если противоположная сторона заявит о том, что запись сфальсифицирована и объяснит, с чем она связывает такие подозрения.

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение СК по гражданским делам Тверского областного суда от 16 февраля 2016 г. по делу № 33-798/2016 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

2. Галяшина, Е. И. Фонограммы как доказательства по гражданским делам [Электронный ресурс] / Е. И. Галяшина, В. Н. Галяшин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 1. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

3. Герасимов, А. В. Допустимость скрытой аудиозаписи в качестве доказательства в гражданском судопроизводстве [Электронный ресурс] / А. В. Герасимов, Д. Б. Данилов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/>.

4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

6. Крашенинников, П. В. Статья: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] / П. В. Крашенинников, О. А. Рузакова // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 6. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

7. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс] : федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 апреля 2015 г. № 33-КГ15-6 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

9. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 6 декабря 2016 г. № 35-КГ16-18 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

10. Решение Дзержинского районного суда г. Волгограда № 2-6267/2014 2-8/2015 2-8/2015(2-6267/2014;~М-5564/2014 М-5564/2014 от 25 декабря 2014 г. по делу № 2-8/15 [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – Режим доступа: <https://sudact.ru/>.

11. Решение Кировского районного суда Санкт-Петербурга № 2-2944/2017 2-2944/2017 ~ М-1659/2017 М-1659/2017 от 7 августа 2017 г. по делу № 2-2944/2017 [Электронный ресурс] // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – Режим доступа: <https://sudact.ru/>.

12. Решение Центрального районного суда г. Омска № 2-5868/2014 2-5868/2014~М-5908/2014 М-5908/2014 от 27 ноября 2014 г. по делу № 2-5868/2014

[Электронный ресурс] // Интернет-ресурс Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт). – Режим доступа: <https://sudact.ru/>.

13. Шварц, М. З. К вопросу о тайне личной коммуникации в контексте правил доказывания в гражданском судопроизводстве [Электронный ресурс] / М. З. Шварц // Закон. – 2018. – № 4. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

ОБРАЩЕНИЕ ПРОКУРОРА В ЗАЩИТУ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© А.В. Кравцов

Научный руководитель: О.М. Решетникова

Сибирский федеральный университет

Одной из форм участия прокурора в гражданском деле является обращение в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц. Главной особенностью является то, что прокурор инициирует возбуждение гражданского дела от своего имени, но только в целях защиты прав, свобод и законных интересов других лиц. Сам прокурор, выступая в защиту других лиц, пользуется всеми процессуальными правами истца. Но, тем не менее, существует дискуссия в отношении статуса прокурора в гражданском процессе. Например, М. С. Шакарян в своем учебнике называла прокурора процессуальным истцом [6, с. 177]. Однако прокурор не может распоряжаться предметом спора. Согласно ч.2 ст. 45 ГПК РФ прокурор несет все процессуальные обязанности, за исключением того, что к нему не может быть предъявлен встречный иск, а также прокурор не несет обязанностей по уплате судебных расходов.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации на сегодняшний день сужен круг лиц в отношении, которых прокурор может принимать участие в процессе. Т. В. Сахнова в своих исследованиях выделяет главную функцию прокурора в процессе – компенсационную, которая является элементом гарантии судебной защиты: «Концепция современного ГПК такова, что участие в гражданском процессе прокурора и субъектов ст. 46 в защиту «чужих» интересов обусловлено в первую очередь компенсационной функцией, необходимостью гарантировать судебную защиту публичных интересов, а также интереса безгласного» [4, с. 281-287]. Согласно ч.1 ст. 45 ГПК РФ прокурор может выступать в защиту интересов граждан, неопределенного круга лиц, публичных образований (Российская Федерация и её субъекты, муниципальные образования). На современном этапе акцент в процессуальной деятельности прокуроров смещен в сторону защиты интересов публичных, а также интересов государства [4, с. 281-287].

В судебной практике можно встретить разбирательства, когда прокурор выступает в защиту интересов Российской Федерации, как субъект ч. 1 ст. 45 ГПК РФ, но на деле Российская Федерация не является пострадавшей стороной, и защита ее интересов не требуется. Так, определением Касимовского городского суда было отказано в принятии искового заявления Военного прокурора Тверского гарнизона в интересах ФГУ «402 Военный госпиталь МВО» о взыскании денежных средств, затраченных на лечение потерпевшего от преступных действий [2]. В обосновании своих действий прокурор указывает, что военнослужащий М находился на стационарном лечении по поводу телесных повреждений, которые были нанесены ему другим военнослужащим – Щ. Военнослужащий Щ. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного УК РФ. Прокурор считает, что преступными действиями ответчика причинен ущерб государству в виде излишних затрат.

Не согласившись с определением об отказе в принятии заявления, Военный прокурор Тверского гарнизона в представлении, поданном в Судебную коллегия по гражданским делам Рязанского областного суда, просит отменить определение судьи, считая его незаконным. В обосновании представления было указано следующее. Имущество Вооруженных сил Российской Федерации является федеральной собственностью, поэтому прокурор выступил в защиту интересов Российской Федерации.

Проанализировав доводы прокурора, коллегия пришла к выводу, что иск, предъявленный в интересах Российской Федерации, не соответствует форме и содержанию искового заявления. Так, согласно ч.3 ст.131 ГПК РФ прокурор обязан был указать какое право было нарушено и сослаться на закон, который предусматривает данный способ защиты. Из данного искового заявления усматривается, что прокурор просит взыскать денежную сумму в пользу ФГУ «402 Военный госпиталь МВО», а не в пользу Вооруженных сил Российской Федерации. Также Судебной коллегией по гражданским делам Рязанского областного суда было установлено, что «402 Военный госпиталь МВО» является юридическим лицом и не лишен возможности от своего имени обращаться за защитой своих прав в суд [3]. И в соответствии с п.1 ч.1 ст. 134 ГПК РФ – «...заявление предъявлено в защиту прав, свобод или законных интересов другого лица государственным органом, органом местного самоуправления, организацией или гражданином, которым настоящим Кодексом или другими федеральными законами не предоставлено такое право» [1].

Представляется, что применение в данном случае норма ст. 134 ГПК РФ судом нуждается в обосновании. Указанное положение закона направлено на ограничение действий по возбуждению процесса лицами, не обладающими

специальной процессуальной правоспособностью (субъектов ст. 46 ГПК РФ). Так как прокурор обладает общей компетенцией, то и характер его процессуальной правоспособности – общий. Поэтому ему дано право обращаться в защиту чужого интереса, независимо от сферы отношений, где произошло нарушение прав и интересов других лиц. Ограничения его действий проистекают из положений ст. 45 ГПК РФ. Соответственно, при отказе в принятии заявления прокурора суд должен применять в совокупности ст. 45 и ст.134 ГПК РФ.

В приведенном примере судебной практики предметом процесса является материальное правоотношение – обязательство о возмещении денежных средств, которые были затрачены ФГУ «402 Военный госпиталь МВО» на лечение военнослужащего М, пострадавшего от неправомерных действий гражданина Щ. Соответственно предметом судебной защиты по этому иску являются права и интересы ФГУ «402 Военный госпиталь МВО».

Однако прокурор, инициирующий процесс в рассматриваемом примере, полагал иначе. Свое обращение он связывал с защитой именно государственных интересов. Исковые требования были заявлены к гражданину Щ. Прокурор основываясь на том, что госпиталь является частью Вооруженных сил Российской Федерации, считал, что выступил в защиту интересов РФ, реализуя тем самым свою прямую функцию – гарантировать судебную защиту публичных интересов [4, с. 281-287], выступая «законным представителем» государства [5, с. 78]. Следует отметить, что в науке гражданского процессуального права оценка статуса прокурора как «законного представителя государственных интересов» получила поддержку. Суть этого подхода в следующем. При обращении в защиту государственных интересов, прокурор является защитником – «законным (в силу закона о Прокуратуре) представителем государства» [5, с. 78]. В судах государственный интерес защищается прежде всего и более всего прокуратурой, представлять государство в суде — одна из основных должностных обязанностей прокуратуры. Прокурор — законный представитель государства — когда он возбуждает дела и вступает в начавшийся процесс для защиты государственного интереса (п. 3 ст. 35 Закона о прокуратуре) [5, с. 78].

Возвращаясь к исследуемому примеру судебной практики обращения прокурора в защиту государственных интересов, отметим важность правильной квалификации предмета защиты. ФГУ «402 Военный госпиталь МВО» является юридическим лицом, которому передано право оперативного управления. В данном случае прокурор выступил не в защиту интереса государства, а в защиту интереса отдельного юридического лица. Но, исходя, из положений ч. 1 ст. 45 ГПК РФ прокурор может выступать в защиту интереса других лиц только в том случае, если лица лишены возможности самостоятельно защищать нарушенные права.

Госпиталь не был лишен такого права, поэтому Судебная коллегия по гражданским делам Рязанского областного суда определение судьи Касимовского городского суда Рязанской области об отказе в принятии заявления прокурора оставила без изменения, а представление Военного прокурора Тверского гарнизона – без удовлетворения [3].

Рассмотренный выше пример судебной практики не является единственным, известно немало случаев безосновательного обращения прокурора, основанного на ошибочной квалификации предмета процесса и предмета защиты. Обращение прокурора опосредует реализацию права на судебную защиту и всегда должно быть обоснованным, законным и квалифицированным. Только в этом случае можно говорить о достижении целей правосудия – защиты государственных интересов посредством института участия прокурора в гражданском процессе РФ.

Список использованных источников:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Российской Федерации от 14 ноя. 2002 г. №138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – 18 ноя.
2. Обзор судебной практики по делам, связанным с обращениями прокурора в суд общей юрисдикции в порядке ст. 45 ГПК РФ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – Режим доступа: <http://www.garant.ru>
3. Определение Рязанского областного суда от 12.12.2007 г. по делу № 33-1692 // [Электронный ресурс]: <https://base.garant.ru/6973166/>
4. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса: учебник / Т. В. Сахнова. – Москва: Статут. 2014. – 784 с.
5. Чечина, Н. А. Гражданский процесс: учебник / Н. А. Чечина, В. А. Мусин, Д. М. Чечот. – Москва: Проспект, 1998. – 368 с.
6. Шакарян, М. С. Гражданское процессуальное право: учебник / М. С. Шакарян. – Москва: Проспект. 2010. – 580 с.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

© Л.В. Кухаренко

Научный руководитель: А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

В настоящее время многие участники коммерческих отношений перешли на современный «электронный документооборот», который, как правило, предполагает ведение практически всей документации экономического субъекта, применяемой в рамках его хозяйственной деятельности, непосредственно в электронном виде. Иными словами, арбитражные суды, стороны и другие участники арбитражного процесса довольно часто сталкиваются с электронными доказательствами как средствами доказывания, среди которых особое место занимают электронные документы и электронные сообщения.

Следует отметить, что возможность представления участниками арбитражного процесса различных электронных документов соответственно в качестве доказательств по делу, которое рассматривается арбитражным судом, урегулирована положениями действующего АПК РФ [1]. Наряду с традиционными видами доказательств, представленных как письменными, так и вещественными доказательствами, заключениями, которые непосредственно дают эксперты, а также объяснениями самих участвующих в процессе рассмотрения дела лиц, различными свидетельскими показаниями, консультациями компетентных специалистов, действующий АПК РФ указывает на записи (то есть ауди- и видео-), документы и материалы иного рода.

На наш взгляд, заслуживает внимания в исследуемом контексте позиция С. В. Куклина, который указывает, что «открытый перечень форм и видов доказательств в арбитражном процессе отвечает потребностям времени, особенно с развитием телекоммуникационных технологий и электронного документооборота в сфере предпринимательства» [4, с. 10], с чем безусловно достаточно трудно не согласиться. Невзирая на вышеизложенное, сама правовая природа электронных доказательств в современном процессе доказывания определенного обстоятельства порождает целый ряд проблем, которые непосредственно связаны с фрагментарным правовым урегулированием рассматриваемого правового института и соответственно отсутствием единообразного подхода к решению рассматриваемой проблеме в материалах судебной практики.

Так, в ряде судебных актов арбитражные суды отказывали в признании допустимыми доказательств, представленных в электронной форме, которые не

были подписаны электронной цифровой подписью. В то же время в судебно-арбитражной практике встречаются и диаметрально противоположные подходы к определению допустимости электронных доказательств. Так, в постановлении ФАС Дальневосточного округа от 05.08.2014 г. № Ф03-3226/2014 по делу № А73-12821/2013 отмечается: «...своевременность направления результата работ подтверждена электронной перепиской сторон, что согласуется с условиями договора» [7]. Приведенные позиции арбитражных судов свидетельствуют о том, что в настоящее время в рамках разрешения коммерческих споров отсутствует единый подход к определению правового режима электронных доказательств.

В качестве одной из значимых проблем безусловно является то, что действующее в настоящее время арбитражно-процессуальное законодательство России вовсе не содержит легального определения самого понятия «электронное доказательство», всего лишь указывая, как правило, на то, что те документы, которые получены при помощи факсимильной, электронной либо же иной связи, в том числе и с применением информационно-телекоммуникационной глобальной сети «Интернет», а также документы, в которых стоит электронная подпись в порядке, регламентированном российским законодательством, допускаются в качестве письменных доказательств в тех случаях и порядке, которые указаны в АПК РФ, других федеральных законах, иных нормативных правовых актах либо же договорах.

В правовой доктрине имеется огромное количество позиций, касающихся того, что следует понимать под понятием «электронные доказательства». Обобщая правовые позиции различных авторов, которые занимались исследованием данной правовой категории, следует определить, что под электронным доказательством следует понимать сведения о фактах, имеющих определенное значение с целью правильного рассмотрения в суде дела по существу, выполненные непосредственно в цифровой и (или) другой аналогичной форме [2, с. 115].

Кроме того, другим немаловажным, на наш взгляд, проблемным вопросом считается то, что действующее отечественное законодательство вовсе не содержит каких-либо критериев определения достоверности и правил допустимости собственно электронных доказательств. Основной проблемой в вопросе представления электронной переписки как определенного вида доказательств в процессе рассмотрения спора считается вопрос достоверного установления авторства сообщений. Оно может происходить, исходя из целого ряда формальных признаков (то есть атрибутов самого сообщения), а также из имеющихся договоренностей сторон, существующей практики делового оборота между ними и в целом всей совокупности сопутствующих данной переписке фактических обстоятельств.

Однако же, в материалах судебной практики зачастую встречаются решения, в которых арбитражные суды все же признают электронные переписки в качестве недопустимых доказательств, так как подобные сообщения, которые представлены в подтверждение того либо иного фактического обстоятельства, не скреплены электронной подписью [6]. Подобный излишне формализованный подход арбитражного суда непосредственно к оценке электронной переписки в качестве доказательства видится, на наш взгляд, спорным. Безусловно, электронная подпись дает нам возможность произвести идентификацию автора данного документа, тем не менее, использование электронной подписи, как правило, связано с определенными дополнительными затратами (как финансового плана, так и временного), иными словами, можно говорить, прежде всего, о наличии своего рода «входных барьеров».

Следует отметить, что по мнению Е. Р. Россинской в процессе исследования электронного доказательства, следует, прежде всего, установить: каким именно образом был изготовлен электронный документ, который содержит информацию, материальный объект, посредством которого он собственно был создан, иными словами его технические характеристики; информация о том, вносились ли какие-либо изменения в данный документ непосредственно после его подписания; а также данные о лице, которые подписали рассматриваемый документ, и данные о самом авторе текста исследуемого документа [5, с. 186].

Между тем, к электронным доказательствам принято относить и сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, выполненные в форме цифровой, звуковой и видеозаписи. В этом отношении интересны исследования М. В. Горелова по поводу использования аудио- и видеозаписи в качестве средства доказывания в арбитражном процессе [3, с. 59]. Автор верно отмечает, что в рамках арбитражного процесса судьи зачастую используют такие средства доказывания, однако в действующем АПК РФ недостаточно описан порядок их применения. При этом суды при работе с подобными доказательствами ориентируются на сложившийся процессуальный обычай, на основании которого аудио- и видеозаписи исследуются в рамках судебного заседания следующим образом, а именно к материалам дела приобщается «расшифровка» текста аудио- либо видеозаписи.

На основании вышесказанного можно сделать вывод, что электронный документооборот из-за своей определенной специфики безусловно требует особого правового урегулирования в рамках современного арбитражного судопроизводства. Рассмотренные в данной статье проблемные вопросы использования электронных доказательств в арбитражном процессе могут быть устранены посредством модернизации и эффективного усовершенствования, действующего в настоящий момент арбитражно-процессуального законодательства России.

Прежде всего, на наш взгляд, необходимо регламентировать в действующем АПК РФ особенности правового режима электронных доказательств, а также определить легальное определение рассматриваемого понятия. Наряду с этим, в практике самих коммерческих отношений необходимо еще на стадии заключения договора четко регламентировать все особенности применения электронных доказательств при возникновении разногласий между сторонами исходного материального правоотношения. Иными словами, на наш взгляд, во избежание каких-либо возможных затруднений, которые связаны с представлением и дальнейшим исследованием электронных доказательств, необходимо включать в сам текст договора дополнительно специальную оговорку, согласно которой стороны взаимно признают сообщения, а также договоры и другие электронные данные, которыми они непосредственно обмениваются в рамках их взаимоотношений, в качестве доказательств, на которые они в дальнейшем имеют право ссылаться при возникновении спора.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс РФ [Электронный ресурс]: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ ред. от 28.12.2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://consultant.ru>.
2. Гонтарь, Н.Н. Особенности использования электронных документов как доказательств в арбитражном процессе / Н.Н. Гонтарь // Проблемы судопроизводства в суде первой инстанции по гражданским, арбитражным и административным делам. – 2019. – С. 115-118.
3. Горелов, М.В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: Вопросы теории и практики: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Горелов М.В. – Екатеринбург, 2005. – 185 с.
4. Куклин, С.В. Правовое мышление в юридической науке и практике: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Куклин С.В. – Екатеринбург, 2018. – 25 с.
5. Россинская, Е. Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): Учебник / Е. Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; Под ред. Е.Р. Россинской – 2-е изд., перераб и доп. – Москва: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 368 с.
6. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.08.2018 № Ф09-3352/18 по делу № А60-39331/20175 [Электронный ресурс] // Картотека арбитражных дел. – Режим доступа: <http://kad.arbitr.ru/>.

7. Постановление ФАС Дальневосточного округа от 05.08.2014 г. № Ф03-3226/2014 по делу № А73-12821/2013 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

**К НЕКОТОРЫМ ВОПРОСАМ О СВОЙСТВЕ ПРЕЮДИЦИАЛЬНОСТИ
В КОНТЕКСТЕ СУБЪЕКТИВНЫХ ПРЕДЕЛОВ ЗАКОННОЙ СИЛЫ
СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ**

© А.С. Лещинский

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В соответствии с частью 1 статьи 61 ГПК РФ обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу, обязательны для суда. Указанные обстоятельства не доказываются вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица [2].

Аналогичное правило закреплено в части 2 статьи 69 АПК РФ, в соответствии с которым, обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица [1].

Формулировки данных положений позволяют констатировать, что преюдициальность распространяется на всех лиц, участвовавших в деле, однако на практике и в учебной литературе возникает ряд дискуссий, причиной которых являются различное толкование данных формулировок и различное понимание преюдициальности.

Так, некоторые ученые обращают внимание на ситуацию, когда в последующий процесс оказываются привлечены и иные, новые участники, не входившие в первоначальный круг сторон. В этой связи возникает вопрос о том, будет ли распространяться преюдициальность на лиц, участвовавших в ранее рассмотренном деле, несмотря на несовпадение всего круга участников процесса во втором деле.

Описанная ситуация можно возникнуть, например, когда рассматривается дело по иску лица об оспаривании договора, по которому ранее в судебном порядке были взысканы денежные средства и установлены обстоятельства, свидетельствующие о действительности указанного договора.

Пленум Высшего арбитражного суда по этому поводу указывает, установленные по ранее рассмотренному делу обстоятельства с участием одних лиц, не имеют преюдициального значения для других лиц, участвующих в новом деле [3, п. 5].

Данное положение по сути указывает на то, что для лиц, участвовавших в ранее рассмотренном деле, эти обстоятельства будут иметь преюдициальное значение. Тогда мы приходим к ситуации, когда в одном процессе одновременно существуют лица, которые могут оспаривать обстоятельства и лица, которые такой возможности лишены. На первый взгляд, такое положение может показаться несправедливым с точки зрения принципа состязательности.

Аналогичной позиции придерживается К.Н. Мальченко, которая указывает, что запрет на оспаривание установленных в ранее рассмотренном деле касается только лиц, которые в этом деле участвовали, даже с появлением новых участников, то есть автор говорит о трансформации преюдициальности, когда она распространяется выборочно на определенных лиц [7, с. 54].

Другой точки зрения придерживаются С.Ф. Афанасьев и М.С. Борисов. По мнению авторов, когда в новом процессе участвуют лица, которые не были привлечены к участию в первоначальном процессе, то в таком случае преюдициальность не будет распространяться и на лиц, которые ранее участвовали в деле, поскольку в новом процессе участвует более широкий круг лиц, а не «те же лица» [6, с. 19].

Подливает масло в огонь формулировка части 3 статьи 69 АПК РФ, согласно которой решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному делу имеет преюдициальное значение для арбитражного суда, рассматривающего дело, по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле.

Становится непонятным логика законодателя, что он имел в виду под обстоятельствами «имеющими отношения к лицам, участвующим в деле»? Значит ли это что нет необходимости в полном тождестве лиц для применения преюдициальности?

Так, на довод лица о том, что обстоятельства установленные вступившем в законную силу решением районного суда не имеют преюдициального значения, поскольку он не являлся участником процесса при рассмотрении первоначального иска, суд апелляционной инстанции указал, что часть 3 статьи 69 АПК РФ не содержит указание на идентичность участвующих в деле лиц, и имеет значение связь участника арбитражного процесса с обстоятельствами, установленными решением суда общей юрисдикции, а не само его участие в этом процессе [5].

Для разрешения данных разногласий необходимо рассмотреть специфику действия свойства преюдициальности в пределах законной силы судебного решения, поскольку сама по себе преюдициальность не имеет самостоятельных пределов, а отражает одну из сущностных сторон судебного решения [8, с. 508] и проявляется в невозможности оспаривать в другом гражданском процессе установленные судом факты и правоотношения (ч.2 ст.209 ГПК РФ). Поэтому, как уже было сказано, считаем необходимым рассмотреть круг лиц, на которых распространяется преюдициальность сквозь призму пределов законной силы судебного решения.

Круг субъектов, на которых распространяется законная сила определяется предметом судебного решения, который соотносим с материальным правоотношением, освобожденным этим решением от спорности. Освобождение от спорности означает снятие судом неопределенности в правах и обязанностях сторон этого правоотношения. Таким образом, именно стороны материального правоотношения претерпевают правовые последствия вступления судебного решения в законную силу. Нет сомнений в том, что суд также решает вопрос о правах и обязанностях третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования. Следовательно, субъектами на которых распространяется законная сила судебного решения являются стороны, третьи лица, заявляющие самостоятельные требования, а также их правопреемники. Поскольку как было указано выше, преюдициальность действует в пределах законной силы, то она распространяется на этих же субъектов.

Исходя из изложенного логично предположить, что при появлении новых лиц в другом процессе, преюдициальность будет распространяться только на лиц, участвовавших в ранее рассмотренном деле, в противном случае, распространение преюдициальности на новых участников процесса противоречило бы сущности законной силы судебного решения, пределы которой не подлежат расширительному толкованию, поскольку такое толкование безосновательно ограничивает это лицо в доказывании.

Кроме того, необходимо иметь в виду, что субъективные пределы законной силы определяются во взаимосвязи с объективными пределами, поскольку только в совокупности можно установить пределы регулирующего воздействия судебного решения на материальные правоотношения [8, с. 510].

Изложенная позиция, в соответствии с которой привлеченные лица не связываются преюдициальностью находит свое отражение в судебной практике.

Так, судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ отменяя постановление суда апелляционной инстанции пришла к выводу, что преюдициальность установленных вступившем в законную силу решением суда

обстоятельств, возможна только для дел с участием тех же лиц. При этом коллегия указала на возможность лиц, не привлеченных к участию в ранее рассмотренном деле оспаривать обстоятельства, установленные судом по ранее вынесенному решению, на том основании, что для этих лиц обстоятельства, установленные предыдущим решением, обладать преюдициальным значением не будут [4].

Несомненно, указанная позиция разрешает возникшую дискуссию, однако, в таком случае наделение лица, не участвовавшего в ранее рассмотренном деле правом доказывания наличия или отсутствия обстоятельств, установленных решением суда вступившем в законную силу нарушает принцип состязательности и равноправия сторон, поскольку иные лица (учувствовавшие в ранее рассмотренном деле) таким правом не обладают.

На наш взгляд, выход из сложившейся ситуации кроется в недопустимости выборочного применения преюдициальности по отношению к участникам одного дела. Преюдициальность применяется только тогда, когда круг лиц, участвующих во втором деле, полностью тождественен кругу лиц, участвовавших при рассмотрении спора в первоначальном процессе.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ РФ от 24 июля 2002 г. № 95–ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – №30. (с послед. изм).
2. Афанасьев С.Ф., Борисов М.С. К вопросу о связи обязательности и преюдициальности судебного решения, вступившего в законную силу // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2014. – № 7. – С. 15–20.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ РФ от 14 ноября 2002 г. № 138–ФЗ// СЗ РФ. – 2002. – №46. (с послед. изм).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 10 июля 2017 г. по делу № 19-КГ17-17 [Электронный ресурс] // СПС «Консультант-Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 08.12.2019)
5. О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в суде первой инстанции: Пост. Пленума ВАС РФ от 31 окт. 1996 г. №13 (с послед. изм.) // Вестник ВАС РФ. 2005. №12. (с послед. изм.)
6. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 18 августа 2015 № 12АП-6556/2015 по делу № А12-8347/2015 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 17.03.2019)

7. Мальченко К.Н. Преюдиция судебных постановлений в гражданском судопроизводстве/ К.Н. Мальченко: Дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2015. – 186 с.

8. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. – М.: Статут. – 2014. – 784 с.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)

© Р.Р. Мамедов

Научный руководитель: А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

История института банкротства в отечественном законодательстве уже перешагнула тысячелетний рубеж. Предпосылками возникновения данного института и развития его на разных этапах общества, как правильно заметил В. Ф. Попондопуло, являются объективные потребности общества, в частности в обеспечении стабильности гражданского оборота [10, с. 8]. Уже при раннефеодальной эпохе лицо, которое не смогло расплатиться по своим долгам с кредиторами, могло быть казнено или же быть обращено в рабство. Так, например, в положениях ст. 68 и 69 Русской Правды содержатся правила о персональной ответственности должника, продаже в долговое рабство виновного должника и реструктуризации задолженности в случае невиновного банкротства [4, с. 427].

За многовековой период развития этого института наблюдался постепенный переход от личной неимущественной к имущественной ответственности должника. Появление в качестве субъектов рынка, помимо физических лиц, юридических лиц, способствовало тому, что процедура банкротства стала проводится в отношении вышеупомянутых субъектов.

Особенность института несостоятельности в дореволюционной России состояла в том, что несостоятельность была дифференцирована на торговую и неторговую. Впервые это было зафиксировано в Уставе о банкротах от 19 декабря 1800 года [12, с. 169]. Также понятие банкротства по Уставу о банкротах 1800 г. близко к современной трактовке категории несостоятельности. Кроме того, появилось понятие в Уставе Судопроизводства Торгового 1905 года появились юридические лица как субъекты банкротства. Также впервые появилась дифференциация несостоятельности в зависимости от степени вины [5, с. 135].

На сегодняшний момент потребность в данном институте ничуть не уменьшилась, а только наоборот возросла в связи с быстро растущей конкуренцией в

условиях современных рыночных отношений и необходимостью достижения баланса интересов должников и кредиторов.

Поскольку данный институт проистекает из экономических отношений, законодатель отнес данную категорию дел к компетенции арбитражных судов. Дела о банкротстве были отнесены к исключительной компетенции арбитражных судов задолго до принятия АПК РФ 1995 г. [1]. Следует заметить, в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации данной категории дел посвящена отдельная глава. Как отмечает, В. Ф. Попондопуло: «ключевой составляющей частью законодательства о несостоятельности (банкротстве) являются процессуальные нормы, регламентирующие порядок возбуждения и рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве)» [10, с. 10].

В научном мире существует долгая дискуссия относительно правовой природы процедур, применяемых в делах о банкротстве. Некоторые авторы приравнивают их к классическим видам производства – особому либо исковому. Например, одни ученые определяют банкротство, как разновидность особого производства. Например, К.М. Арсланов и Р.Т. Мифтахутдинов в Учебнике по арбитражному процессу дела о несостоятельности (банкротстве) субъектов частного права (граждан и организаций) определяют как «разновидность дел особого производства, подведомственных арбитражному суду...» [2, с. 313]. В качестве аргументов, подтверждающих данную позицию, авторы приводят ст. 4 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации», п. 1 ч. 1 ст. 33 АПК РФ, ст. 6 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве). В свою очередь другие сторонники данного подхода, также придерживаются мнения о том, что в основе процедуры банкротства нет спора о материальном праве, как и при особом производстве. В частности, А. В. Попов относит дела о банкротстве к делам особого производства. «Статья 32 Закона о банкротстве определяет порядок рассмотрения дел о банкротстве, из которого следует, что такие дела относятся к группе дел особого производства: все дела о несостоятельности (банкротстве) рассматриваются только арбитражными судами. Следовательно, дела о несостоятельности (банкротстве) носят заявительный характер» [9, с. 56]. Далее он пишет, что дела о несостоятельности стоит признать разновидностью особого производства, поскольку в них отсутствует спор о праве. Для того, чтобы дело было возбуждено, необходимо наличие невозможности получения от должника причитающихся платежей при наличии предусмотренных законодательством признаков банкротства. Причем защита интересов заявителей осуществляется посредством установления юридического факта, а именно признания должника банкротом» [9, с. 56]. С такой точкой зрения солидарен и Конституционный суд Российской Федерации, в частности в Постановлении КС РФ от 12.03.2001 № 4-П устанавливается: «В делах о

несостоятельности (банкротстве) арбитражные суды устанавливают юридический факт неплатежеспособности должника, что влечет возникновение обязательств должника по платежам своим кредиторам, требования по которым удовлетворяются по особым правилам конкурсного производства. В случаях же признания платежеспособности должника эти требования удовлетворяются в исковом порядке» [8].

Другие авторы поддерживают точку зрения о том, что банкротство является разновидностью искового производства. Например, И. П. Бакланова, в своем диссертационном исследовании «Особое производство в арбитражном процессе» пишет: «Несмотря на то, что в данном случае арбитражный суд действительно констатирует определенное юридическое состояние, правовой факт — несостоятельность должника, тем не менее, для данного вида судопроизводства характерно не только это обстоятельство» [3, с. 13]. Реализация субъективного права кредитора находится в прямой зависимости от того, будет ли установлен в суде факт несостоятельности должника. Если суд признает таковым должника, то, соответственно, реализация вышеназванного права кредитора произойдет на стадии конкурсного производства. Однако при обратной ситуации, когда суд откажет в признании банкротом должника, требования кредиторов удовлетворяются в общем порядке. Также возможна ситуация, когда в рамках данного дела будет суд рассматривать и гражданско-правовые споры и административно-правовые.

Третья точка зрения заключается в том, что банкротство является самостоятельным видом производства. В частности, И. В. Зуева солидарна с данной точкой зрения, утверждая, что это подтверждается выделением законодателем рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве) в отдельную главу АПК РФ [6, с. 45].

Учитывая изложенную аргументацию, а также особенности рассматриваемой категории дел, с последней точкой зрения можно согласиться, ибо нельзя с полной уверенностью отнести дела о несостоятельности к классическим видам производства. Также стоит заметить, что данные отношения регулируются не только правилами Арбитражного процессуального кодекса РФ, но и Федеральным законом о банкротстве [7].

Между тем, в наибольшей степени правильным представляется подход, выработанный Т.В. Сахновой и Т.П. Шишмаревой, согласно которому, в делах о несостоятельности (банкротстве) следует выделять триаду процедур различной природы: 1) материально-правовой (наблюдение, финансовое оздоровление, внешнее управление, конкурсное производство); 2) процессуальной; 3) связанных с осуществлением функции судебного контроля. В рамках данного подхода обосновывается идея о «формировании процесса о несостоятельности (банкротстве) как подвида цивилистического процесса» [11, с. 54].

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 05 мая 1995 года № 70-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 19. Ст. 1709 (утратил силу)
2. Арсланов, К. М. Мифтахутдинов Р. Т. Особое производство в арбитражном процессе [Текст] / К. М. Арсланов, Р. Т. Мифтахутдинов // Арбитражный процесс: учебник / Статут. – Москва, 20010. – Гл. 14. – С. 309-316.
3. Бакланова И. П. Особое производство в арбитражном процессе [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук (12.00.04) / Бакланова Ирина Петровна; – Екатеринбург, 1999. – 31 с.
4. Греков Б.Д. Правда Русская: учебное пособие [Текст]: / Б.Д. Греков; Академии Наук СССР Москва-Ленинград. – Москва, 1940. – 505 с.
5. Добровольский А.А. Устав судопроизводства торгового. С разъяснениями [Текст] / А.А. Добровольский. – Санкт-Петербург: Тип. т-ва Обществ. польза, 1905. – 374 с.
6. Зуева И. В. Судопроизводство по делам о несостоятельности (банкротстве) [Текст] / И. В. Зуева // Вестник Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа. – 2005. – № 2.
7. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.19.2002 № 127-ФЗ ред. от 27.12.2019 // СЗ РФ от 28 октября 2002 г. № 43. Ст. 4190.
8. Постановление Конституционного Суда РФ [Электронный ресурс]: от 12.03.2001 г. по делу № 4-П // Официальный портал «ГАРАНТ.РУ информационно-правовой отдел». – режим доступа: <http://www.garant.ru/>.
9. Попов А. В. Особенности судебного процесса по делам о банкротстве [Текст] / А.В. Попов // Судебно-арбитражная практика Московского региона. Вопросы правоприменения. – 2004. – № 3.
10. Попондопуло В.Ф., Слепченко Е.В. Производство по делам о банкротстве в арбитражном суде [Текст] / В.Ф. Попондопуло, Е.В. Слепченко –Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2004. – 460 с.
11. Сахнова Т.В., Шишмарева Т.П. [Текст] / Л.А. Баданина //О судебных процедурах в цивилистическом процессе, или к вопросу о дифференциации процессуальной формы // Теоретические и практические проблемы гражданского, арбитражного процесса и исполнительного производства: Сб. науч. статей. – СПб., 2005.

12. Скоробогатов А.В. Правовое регулирование банкротства в России во второй половине XVIII в [Текст] / А. В. Скоробогатов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2012. – №2.

ОТЛИЧИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ СРОКОВ ОТ СРОКОВ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРАВА

© М.Г. Манукян

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Сроки являются неотъемлемой частью правоприменительной деятельности государства и его должностных лиц. Исключением не является и судебная деятельность, которая является логически последовательной, протекающей во времени. Следовательно, сроки можно рассматривать, как элементы юридической формы, представленные в процессе различными характеристиками. [1, с. 427-430].

Следует обратить внимание, термин «срок» широко используется как в процессуальном, так и в материальном праве, в связи с чем следует указать отличительные особенности процессуальных сроков от сроков, характерных для материально-правовых отношений.

Главной задачей процессуальных сроков является установление промежутков времени именно для совершения процессуальных действий. По своей природе процессуальные сроки не влияют непосредственно на содержание спорного материально-правового отношения.

Ярким примером, отражающим различную природу процессуальных сроков и сроков материального права, служит срок исковой давности.

В ст. 195 ГК РФ срок исковой давности определен как срок для защиты права по иску лица, право которого нарушено.

По своей природе срок исковой давности представляет собой срок, до истечения которого лицо может претендовать на судебную защиту нарушенного права. При этом даже истечение срока исковой давности не препятствует обращению в суд, так как его истечение не влияет на возможность обращения за судебной защитой. По действующему российскому законодательству истечение срока исковой давности не влечет прекращения материального права и не влияет на возможность его реализации в рамках регулятивных (беспорных) материальных правоотношениях.

Между тем, согласно абз. 2 п. 2 ст. 199 ГК РФ истечение срока исковой давности, о применении которой заявлено стороной в споре, является основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

В этой связи следует согласиться с мнением Д.А. Грибкова, который указывает на то, что институт исковой давности имеет как материально-правовое, так и процессуальное значение. По мнению автора процессуальное значение срока исковой давности заключается в том, что он оказывает влияние на движение процесса и развитие гражданских процессуальных отношений, в частности, исковая давность выступает одновременно как материально-правовой срок, так и процессуальное средство защиты против иска. Вывод о том, что срок исковой давности является процессуальным средством защиты против иска исходит из того, что действие исковой давности на движение процесс невозможно вне рамок юридического состава, который включает в себя два элемента: фактическое истечение срока исковой давности, а также заявления ответчиком специальных возражений о пропуске исковой давности в порядке осуществления защиты по иску [2, с. 15].

Если обратиться к первоисточнику, то в Римском праве исковая давность означала погашение возможности процессуальной защиты права вследствие того, что в течение определенного времени такая защита не была осуществлена заинтересованным лицом [3, с. 192].

Такой подход к пониманию исковой давности в Римском праве был сформирован под влиянием формулы *actio-ius*, согласно которой иск первичен по отношению к праву [4, с. 11-26].

Можно сделать вывод, что в концепции Римского права срок исковой давности имел определенные процессуальные эффекты – его истечение могло быть положено в основание *exceptio* ответчика [5, с. 159].

Этот подход был сохранен в континентальном праве в последующем.

Так, например, в случае подачи искового заявления за пределами срока исковой давности, оно будет принято судом к рассмотрению, при этом ответчик может заявить о пропуске исковой давности, что будет являться процессуальным средством защиты против иска, и данное обстоятельство подтвердиться, то в удовлетворении искового заявления судом будет отказано.

Следует обратить внимание, что ключевым отличием, позволяющим разграничить процессуальные и материально-правовые сроки, является то, что процессуальные сроки не влияют на состояние субъективного материального права и предмет процесса. Однако, как уже было сказано ранее, по истечении срока исковой давности субъективное право не прекращает своего существования, но лишается возможности судебной защиты.

С учетом изложенных характеристик можно сделать вывод, что процессуальный срок представляет собой промежуток либо момент времени, установленный гражданским процессуальным законодательством, или в предусмотренных законом случаях судом, при рассмотрении гражданского дела, необходимый для реализации задач гражданского судопроизводства.

Регулирование процессуальных отношений – главное предназначение процессуальных сроков, предопределяющее их функцию в цивилистической процессуальной форме и одновременно – ее закономерностями обусловленную.

Список использованных источников:

1. Распопова Э.М. О природе процессуальных сроков // Вестник Белгородского университета потребительской кооперации – Белгород, 2006. № 4 (20).
2. Грибков Д.А. Исковая давность и сроки обращения в суд в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009.
3. Фаршатов И.А. Исковая давность. Законодательство: теория и практика. – М., 2004.
4. Сахнова Т.В. Актуальные парадигмы цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2016. № 2.
5. Гарсия Гарридо М.Х. Римское частное право: казусы, иски, институты. Перевод с испанского / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М., 2005.

**ПРОБЛЕМЫ СОБЛЮДЕНИЯ ПРЕТЕНЗИОННОГО ПОРЯДКА
ПРИ ОБРАЩЕНИИ В АРБИТРАЖНЫЙ СУД**

© Д.А. Машинская

Научный руководитель: А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

Важность и значимость досудебного порядка рассмотрения и разрешения спора, вытекающего из экономических отношений, определяется тем, что стороны обладают возможностью по обоюдному согласию урегулировать спор, не обращаясь с иском в арбитражный суд. Более того, претензионный порядок снижает нагрузку на арбитражные суды, освобождая суд от необходимости вмешиваться в экономический конфликт, который может быть урегулирован сторонами самостоятельно. Несмотря на изменения, внесенные в претензионный порядок рассмотрения экономических споров Федеральными законами от 01.07.2017 г. № 147-ФЗ и от 28.11.2018 г. № 451-ФЗ, существует немало проблем правового и

организационного характера, которые препятствуют в полной мере воспользоваться сторонами своим правом регулировать спорные вопросы до обращения в арбитражный суд.

С 1 июня 2016 года досудебный претензионный порядок урегулирования споров, возникших из гражданских правоотношений, стал обязательным условием в арбитражном процессе (подп. «б» п. 1 ст. 1 Федерального закона от 2 марта 2016 г. № 47-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»). Иными словами, если стороны не подтвердят, что до судебного разбирательства ими были приняты меры по урегулированию конфликта, то суд, по общему правилу, не будет рассматривать спор (ч. 5 ст. 4 АПК РФ).

С 2017 года круг разбирательств, при которых претензионный порядок обязателен был конкретизирован: к ним отнесли гражданско-правовые споры о взыскании денежных средств по требованиям, вытекающим из договоров, сделок или из-за неосновательного обогащения. В то же время введение обязательного претензионного порядка вызвало дискуссии. Это объясняется тем, что защита некоторых прав может быть осуществлена только судом, и претензия контрагенту не разрешает спор. К таким спорам можно отнести: споры о признании сделок недействительными, о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда и др.

В научной литературе определяется, что претензионный порядок представляет собой «установленную законодательством или соглашением сторон разновидность предварительного внесудебного порядка урегулирования спора, который возник из отношения частноправового характера» [9, с. 23].

Р.Ю. Банников полагает, что «претензионный порядок представляет собой установленную федеральным законом или предусмотренная договором сторон несудебную процедуру, соблюдение которой в рамках материального правоотношения является необходимым условием реализации права на предъявление иска, а также последующего рассмотрения и разрешения спора судом» [7, с. 6].

Согласно п. 8 ч. 2 ст. 125 АПК РФ арбитражный суд вправе принять к своему производству исковое заявление, если в нем четко указываются сведения о соблюдении истцом претензионного или иного досудебного порядка. Тем самым, по общему правилу арбитражный суд может возбудить производство в арбитражном суде, если истец приложит к исковому заявлению соответствующую претензию как отдельный документ, а также иные документы, которые подтверждают, что претензия была вручена или отправлена ответчику. Несоблюдение претензионного порядка влечёт наступлений неблагоприятных последствий. Если истец не приложил к исковому заявлению документы, подтверждающие соблюдение

обязательного претензионного срока, это влечёт оставление искового заявления без движения, так как нарушается установленная форма исковых заявлений (п. 5 ч. 1 ст. 129 АПК РФ). Если несоблюдение претензионного порядка обнаружено после возбуждения производства по делу, суд оставит заявление без рассмотрения (п. 2 ч. 1 ст. 148 АПК РФ).

Следовательно, несоблюдение претензионного срока влечёт за собой увеличение сроков рассмотрения дела. Следует отметить, что государственная пошлина либо возвращается истцу, либо засчитывается при повторном предъявлении иска.

Арбитражные суды указывают на некоторые важные моменты претензионного порядка, например, необходимо отправлять претензию, если контрагент направляет встречный иск о взыскании денежных средств [3]. Однако если возместить убытки должен арбитражный управляющий, то претензию направлять не обязательно [4]. При этом, если управляющий собирается оспорить сделку, он обязан предложить контрагенту должника вернуть полученные денежные средства. Но, это не относится к претензионному порядку урегулирования споров [5].

В настоящее время арбитражные суды также сталкиваются с большим числом исковых заявлений по спорам, по которым законом или соглашением сторон предусмотрена обязательное досудебное урегулирование спора. Чтобы снизить судебную нагрузку и исключить те споры, которые в принципе могут быть разрешены без обращения в арбитражный суд, требуется законодательно определить, что понимается под несоблюдением претензионного порядка. Между тем, в АПК РФ нет четких критериев, определяющих несоблюдение претензионного порядка. Как нам представляется, под несоблюдением претензионного порядка должно пониматься также нарушение определенных принципов, включая добросовестное исполнение участниками гражданско-правовых отношений своих обязанностей.

Для разрешения претензионного спора законом предусмотрен срок, равный 30 дням. Этот срок является завышенным, поскольку добросовестная сторона приобретает определенные риски, связанные со злоупотреблением со стороны контрагента. Например, за этот срок другая сторона, которой претензия направлена, может выполнить действия, препятствующие дальнейшему судебному разбирательству, например, действия по выводу или продаже имущества и т.д. Представляется, что срок для добровольного урегулирования спора в претензионном порядке необходимо сократить вдвое – до 15 дней с момента получения или направления претензии. За этот срок добросовестный контрагент имеет реальную возможность удовлетворить требования лица, направившего претензию.

На практике определенные сложности возникают с тем, как четко и понятно

составить претензию. В деле № А40-134126/2018 [2] заявителю постановили вернуть иск, так как был нарушен обязательный досудебный порядок урегулирования спора. В результате суды разъяснили, что отправленный акт не является претензией. А в деле № А40-121534/2017 [6] суды также не признали соблюдением претензионного порядка обращение, в котором истец предлагал установить контрагенту новую арендную ставку. Суды пришли к выводу, что это является обычной деловой перепиской. В этой связи для предотвращения подобных случаев требуется разработать рекомендуемую форму претензии. Следует также согласиться с предложением С. Е. Демичева [8], который предлагает нормативное закрепление требований к претензии, как к процессуальному документу (по аналогии с исковым заявлением). Итак, правовое регулирование претензионного порядка в арбитражном процессе в настоящее время требует более детальной и четкой регламентации. Требуется нормативное определение понятия «несоблюдение претензионного порядка», сокращение сроков для разрешения спора в досудебном порядке с одного месяца до 15 суток, нормативное закрепление в АПК РФ требования к форме и содержанию претензии.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – №30. – Ст. 3012.
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.10.2018 г. №Ф05-18544/2018 по делу № А40-134126/2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=306281#05926403551231378> (дата обращения: 08.04.2020).
3. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.01.2018 года № Ф07-14937/2017 по делу № А66-3732/2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru/41260168/> (дата обращения: 08.04.2020).
4. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.03.2018 года № Ф04-378/2018 по делу № А02-2047/2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 08.04.2020).
5. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.03.2018 год № Ф04-6329/2017 по делу № А27-1961/2016. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AZS&n=146807#07076299041616259> (дата обращения: 08.04.2020).
6. Решение Арбитражного Суда города Москвы от 19 февраля 2018 г. по

делу №А40-121534/2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/A1Y6q3flogVI/> (дата обращения: 08.04.2020).

7. Банников, Р. Ю. Досудебный порядок урегулирования в системе предпосылок и условий реализации (осуществления) права на предъявление иска в суд: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Р.Ю. Банников. – Воронеж, 2010. – 32 с.

8. Демичев, С. Е. Претензионный порядок в законодательстве Российской Федерации: проблемы и пути их решения / С. Е. Демичев // Молодой ученый. – 2019. – № 23 (261). – С. 451-454.

9. Кириченко, С. В. Претензионный порядок урегулирования спора в арбитражном процессе: проблемы применения и направления развития / С.В. Кириченко, А.Б. Шумилина // Юрист– Правоведъ. – 2017. – № 20. – С. 23-27.

ПРЕЮДИЦИЯ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

© М.С. Мурзина

Научный руководитель: А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

Преюдиция происходит от латинского слова *praejudicium*, что означает предварительное решение [9]. В разные периоды римского права преюдиция понималась как разновидность правовых явлений, а также правовая норма, определяющая влияние окончательного судебного решения на любой судебный процесс по одному и тому же предмету – *res iudicata*, а также предварительное решение, направленное на установление отношений, от которых будет зависеть решение другого вопроса. Преюдиция имела важное значение в римском праве, о чем свидетельствует указание Ульпиана: «*Si qui praeiudicio pronuntietur esse libertus*» («если презумпция делается против кого-либо (раба), он объявляется свободным») (Ulp. Копать. 2.4.8.1). В позднеримском праве преюдиция приобрела значение «предубеждения» [10].

Закон не определяет понятие преюдиция, но его можно найти в судебной практике. Так, Федеральный арбитражный суд Уральского округа в своем постановлении от 21 мая 2008 года [8] определил преюдиция как «установление судом конкретных фактов, которые зафиксированы в мотивировочной части судебного акта и не подлежат повторному судебному формированию в последующем производстве по другому спору между теми же лицами». По мнению Арбитражного суда кассационной инстанции, презумпция предусматривает не только «отсутствие необходимости многократно доказывать факты, изложенные в судебном акте», но и «запрет на их опровержение» [11].

Единственным способом опровержения (преодоления) преюдиции является пересмотр судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам. Как указал Конституционный Суд в своем постановлении от 29 сентября 2015 года [4], признание «предопределенности судебного решения» направлено на «обеспечение стабильности и объективности судебных решений, исключение возможной коллизии судебных решений» предполагает, что «факты, установленные судом по делу до их опровержения, принимаются другим судом по другому делу в том же или ином производстве, если они имеют значение для других вещей.»

В целом следует понимать, что все суды, рассматривающие дело, должны принимать факты без проверки и доказательств, а обстоятельства должны быть юридически обоснованными в ходе судебного разбирательства. лица [1].

В соответствии с пунктом 2,3,4,5 статьи 69 АПК РФ не требует доказательств, не только вступившие в законную силу в судебные акты Арбитражного суда, но и ранее принятых судами общей юрисдикции решений. дело (п. 4 ст. 61 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Объективными границами презумпции является наличие в новом деле тех же фактов, которые были установлены в первоначальном деле. Субъективными пределами презумпции являются наличие одних и тех же лиц, участвующих в деле, или их правопреемников в первоначальном и последующих процессах [5].

Содержание резолютивной части судебного акта является общеобязательным для всех государственных органов, юридических и физических лиц. презумпция в первую очередь касается фактов, установленных в мотивационной части судебного акта. На практике часто возникает путаница между презумпцией и общим обязательным характером судебного акта. Обязательные к исполнению судебные решения не лишают заинтересованных лиц, не участвовавших в деле, права на обращение в суд, если их права и законные интересы нарушены решением суда.

Следующая особенность судебной практики состоит в том, что досудебное значение имеют только факты материального содержания, а не те факты, установление которых имеет процессуальное значение [11].

На сегодняшний день мы должны выделить так называемую презумпцию судебного усмотрения. Следует особо отметить, что такое различие не должно умалять существенного значения института предрассудков. Судебные решения, переоцениваемые судом по фактам, должны носить исключительный характер, подлежать определению (например, изменение действующей правовой базы, развитие правоприменительной практики судов). В этом контексте судам необходимо выработать единый подход к пониманию правовой оценки обстоятельств конкретного дела. [4]

Например, первым вопросом, подлежащим разрешению, является соотношение того факта, который был установлен в мотивировочной части судебного решения, а также его последующая правовая оценка.

Кроме того, целесообразно и установление наиболее четкого понимания объективных пределов досудебных действий судебных актов (в данном контексте имеется в виду: имеют ли досудебную силу обстоятельства, не являющиеся предметом доказывания по конкретному делу; все обстоятельства, изложенные в мотивировочной части судебного решения, должны рассматриваться как имеющие досудебное действие). Если вышеупомянутые правовые пробелы будут восполнены в ближайшее время, то, по мнению Э. С. и Д. В. Лично нельзя полностью исключать, что следующим актуальным вопросом науки процессуального права в России (в частности, Арбитражного процессуального права) станет «вопрос о полном отказе от института предубеждения»[12].

В судебной практике существуют различные толкования статьи 69 АПК РФ. Например, в Постановлении Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 2 апреля 2013 года [7] говорится, что часть 2 статьи 69 АПК предусматривает «преюдиция», установленную вступившим в законную силу решением суда. Седьмой арбитражный суд в своем постановлении от 28 августа 2015 года [6] истолковал это положение следующим образом: «доводы заявителя о том, что статья 69 ГПК предусматривает преюдиция, а суд при рассмотрении второго дела делает обоснованные выводы, которые могут быть иными, основаны на ошибочном толковании закона».

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица. При этом свойством преюдиции обладают обстоятельства, составляющие фактическую основу ранее вынесенного по другому делу и вступившего в законную силу решения, когда эти обстоятельства имеют юридическое значение для разрешения спора, возникшего позднее. Под обстоятельствами, которые могут быть установленными, следует понимать обстоятельства, имеющие правовое значение. Правовое значение обстоятельств выявляется и устанавливается в результате правовой оценки доказательств, их существования и смысла.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 12.11.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 46. – Ст. 6420.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 17.10.2019) // Собрание законодательства РФ. – 2019. – № 42. – Ст. 5808.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 26.07.2019) // Собрание законодательства РФ. – № 30. – Ст. 4099.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сентября 2015 г. № 2060-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Росагролизинг» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 2 статьи 22 Федерального закона «О финансовой аренде (лизинге)», пунктом 2 статьи 670 Гражданского кодекса Российской Федерации и частью 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=440897#08741834004641562> (29.03.2020)
5. Постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 6 августа 2015 г. № С01-561/2015 по делу № СИП-982/2014. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=15672#005687188584991354> (29.03.2020)
6. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28 августа 2015 года по делу № А67-1112/2015. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS007&n=91473#0704690807153014> (29.03.2020)
7. Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 2 апреля 2013 по делу № А78-7510/2012. (дата обращения 29.03.2020)
8. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 21 мая 2008 г. № Ф09-3637/08-С2 по делу № А71-41/04. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.lawmix.ru/ural/29767> (дата обращения 29.03.2020)
9. Блажеев В. В. Гражданский процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. Блажеев В. В., Укусова Е. Е. Москва: Проспект, 2015. – 736 с.
10. Крицкая С.Ю. Преюдиция в российском и римском праве // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – № 3 (9). – С. 128-137.

11. Куклина М.В. Преюдиция в арбитражном процессуальном праве Отечественная юриспруденция. – 2015.- № 1.- С. 1-2.

12. Пергунова Е.С., Гончаров Д.В. Актуальные проблемы преюдиции в арбитражном процессе / Е.С. Пергунова, Д.В. Гончаров // Научно-образовательный потенциал молодёжи в решении актуальных проблем XXI века. 2017. – № 6.- С. 270-273.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА СУБЪЕКТОВ ИСКА В ЗАЩИТУ ПРАВ И ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕСОВ ГРУППЫ ЛИЦ

© А.А. Надольская

Научный руководитель: М.Я. Любченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одной из главных новелл гражданского процессуального законодательства в 2019 г. стало ведение в ГПК РФ главы 22.3 «О рассмотрении дел о защите прав и законных интересов группы лиц». Данная разновидность группового иска не является новым для цивилистического процесса. Ещё в 2009 г. в АПК РФ была введена аналогичная глава 28.1. Однако, за 10 лет своего существования, такой иск не стал популярным в арбитражном процессе ввиду многих проблемных аспектов, к числу которых относятся, в частности, проблемы при формализации субъектов группового процесса [1]. Как отмечает Д.А. Туманов, при введении частного группового иска в ГПК РФ, законодателем всё же не были устранены предыдущие ошибки, содержащиеся в главе 28.1 АПК РФ [6]. Рассмотрим некоторые аспекты, касающиеся статуса субъектов группового процесса.

Анализируя главу 22.3 ГПК РФ, выделяется три категории субъектов. В первую очередь, статья 244.20 ГПК РФ выделяет субъекта, который имеет право на обращение в суд в защиту группы лиц. Этим лицом может быть гражданин или организация, которые являются членами данной группы. Далее выделяются лица, которые присоединились к требованию лица, инициирующего групповой иск (ст. 244.23 ГПК РФ), и, соответственно, лица, не присоединившиеся к требованиям (ч.2 ст.224.27 ГПК РФ).

Ключевой фигурой в производстве выступает истец-представитель, указанный в исковом заявлении. Это может быть, как лицо, которое непосредственно инициировало процесс, так и лицо, которому было поручено введение дела участниками группы [4]. Процессуальный статус такого субъекта не ясен. Его нельзя отнести к классическому понимаю представителя (гл. 5 ГПК РФ), так как

истец-представитель, являясь таким же членом группы, права которой были нарушены, обладает личной материально-правовой и процессуальной заинтересованностью в исходе в деле. Однако, он имеет полномочия на представление интересов всех членов группы, которые были переданы ему не по доверенности, а на основании заявления о присоединении к требованию о защите группы лиц, что существенно снижает издержки заинтересованных лиц, требования которых могут исчисляться небольшими суммами [4].

Такое лицо наделяется всеми процессуальными правами и несёт все процессуальные обязанности истца, тем самым становится полноценной стороной в процессе, а, значит, приобретает статус лица, участвующего в деле (ч.2 ст. 244.22 ГПК РФ).

Лица, присоединившиеся к требованиям группы, имеют незначительные возможности за контролем над распоряжением истцом — представителем их распорядительных прав — замена в случае его отказа от иска или по решению большинства членов группы (ст. 244.24 ГПК РФ). Однако в отношении других распорядительных прав, таких как права на заключение мирового соглашения, изменения предмета иска, увеличения или уменьшения размера исковых требований, закон не устанавливает никаких процедур. Непонятно, почему отказ от иска имеет приоритет над другими распорядительными правами, имея специальную процедуру по согласованию данного процессуального действия с группой, когда осуществление любого распорядительного права непосредственно затрагивает права и законные интересы участников группы. Следовательно, чтобы избежать злоупотребления со стороны истца — представителя, необходимо предусмотреть механизм согласования процессуальных действий для всех распорядительных прав.

Следующим субъектом являются лица, которые присоединились к требованиям группы. Стать таким участником возможно на любой стадии судебного производства до начала судебных прений. Как уже говорилось, законодатель ограничил распорядительные права данных лиц, установив опосредованный контроль за истцом — представителем, и наделил их лишь некоторыми процессуальными правами: знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии; ходатайствовать в суде о замене истца — представителя; присутствовать в судебном заседании; отказаться от поданного им заявления о присоединении к требованию группы. Ранее по поводу последнего права ввелось множество дискуссий, так как глава 28.1 АПК РФ не содержала такой нормы. Но несмотря на то, что отказ лица от поданного заявления может негативно сказываться на соблюдении количественного критерия при выделении группы лиц, лишая лица такого права, на мой взгляд, неправильно с точки зрения принципа диспозитивности процесса. В случае, если лицо отказывается от присоединения, то для него предусмотрена возможность обратиться с

самостоятельным иском к этому же ответчику. Но, анализируя ст. 244.25 ГПК РФ, такой иск менее приоритетный при рассмотрении судом, чем групповой. На мой взгляд, такая процедура индивидуального иска неэффективна и нарушает механизм реализации права на судебную защиту. Так как, учитывая срок рассмотрения группового иска (минимум—8 месяцев), который, по моему мнению, является спорным с точки зрения разумного срока судопроизводства, процесс получения решения по индивидуальному иску будет довольно затянутым.

Ч.2 ст. 244.23 ГПК РФ предусматривает возможность присоединившемуся лицу не согласиться с групповыми требованиями и участвовать в процессе как третье лицо, не заявляющее самостоятельные требования. Нельзя не согласиться с мнением Д.А. Туманова в том, что это размывает устоявшееся понимание о третьих лицах и противоречит положениям гражданского процессуального [6]. Во-первых, такое лицо непосредственно, в отличие от третьих лиц без самостоятельных требований, имеет не только процессуальную, но и материальную заинтересованность в исходе дела. Во-вторых, такое лицо подпадая по ч.1 ст.244.20 ГПК РФ, является непосредственным субъектом спорного правоотношения, что также не соотносится с понятием третьего лица, не заявляющих самостоятельного требования. Поэтому абсолютно неправильно предоставлять такой процессуальный статус данным лицам.

Возможность обжалования состоявшихся по делу судебных актов также не урегулирована. Право на обжалование судебного решения является элементов неотъемлемого конституционного права на судебную защиту. Очевидно, что такое право есть у истца-представителя, но данный субъект может и не воспользоваться им, а главой 23.3 ГПК РФ такая возможность прямо не предусмотрена для участников группы. Распространять на основании ст. 34 ГПК РФ право на обжалование в отношении лиц, присоединившихся к требованиям, неправильно. Члены группы, за исключением истца—представителя, не являются ни сторонами в процессе, ни иными лицами, участвующими в деле. Однако, такое положение противоречит тому, что в случае, если группа не будет установлена из-за отсутствия минимального количества лиц, то все те, кто желали присоединиться к групповым требованиям, смогут обратиться самостоятельно за защитой своего права, как соистцы, и будут иметь полноценный процессуальный статус истцов. Получается, что существенных отличий между соистцами и лицами, присоединившимися к требованиям группы, нет, а, значит, ограничивать таких лиц в процессуальных правах абсурдно.

К тому же, неясным остаётся вопрос о распространении на всех членов группы преюдициального значения фактов, указанных в решении суда. Неправильно, распространять преюдициальную силу решения суда и лишать лиц, присоединившихся к требованиям группы, права на обжалование этого акта, если

лицо, по сути, не участвовало в процессе, как полноправный участник, то есть у него не было возможности полноценно защищать свои интересы. Это несопоставимо с общей идеей осуществления правосудия.

Последним субъектом являются лица, которые по каким-либо причинам не присоединились к требованиям, хотя подпадают под критерии группы. Такие члены группы не имеют никаких процессуальных прав, кроме как права на присоединение к требованиям. Также не предусмотрена возможность выйти из числа группы, в отличие от американской модели классового иска, и нет возможности обжаловать определение суда о подготовке дела к судебному рассмотрению, в случаях, например, когда лицо полагает, что в состав группы включено было ошибочно и оно не нуждается в судебной защите [2]. По мнению учёных, этот факт даёт возможность рассматривать дело в отношении лица, которое никаким образом не может повлиять на судьбу принадлежащего ему права, что, безусловно, не согласуется с идеей правосудия [1]. Но даже, если лицо не присоединится, согласно ч.2 ст.224.27 ГПК РФ, решение суда будет иметь преюдициальное значение для него. Мне кажется, предоставление такого неопределённого и противоречивого статуса таким субъектам, это нарушение принципа диспозитивности гражданского процесса. Лицо самостоятельно должно решать стоит ли ему быть участником в деле, даже в том случае, когда опосредованно в отношении его прав будет вынесено решение. К тому же, в дальнейшем, это может составить препятствия при обращении с самостоятельным иском, в виде необходимости сначала обжаловать преюдициальность фактов при несогласии с решением суда.

Таким образом, введение частного группового иска в гражданское процессуальное законодательство, безусловно, является нужным с точки зрения изменения специфики гражданских правоотношений. Но, к сожалению, несмотря на негативный опыт в арбитражном процессе, законодатель не устранил ряд ранее уже известных недостатков и противоречий, касающихся процессуального статуса всех участников группы лиц. Как и некоторые учёные, считаю, что такие нормы нарушают принципы диспозитивности, состязательности и равноправия, которые являются основоположными в гражданском судопроизводстве [1]. Поэтому об эффективности такого средства защиты говорить пока невозможно, так как многие проблемы ещё существуют.

Список использованных источников:

1. Алехина, С. А., Туманов, Д. А. Проблемы защиты интересов группы лиц в арбитражном процессе // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010.– № 1.– С. 38– 43.

2. Вялых, Е. А. Процессуальный статус лиц, присоединившихся к групповому иску // Правовая наука и реформа юридического образования. – 2013. – №1. – С. 56-60.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ РФ от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ (с послед. изм.) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Долганичев, В. В. Новый групповой иск в России: краткий обзор // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 11. – С. 14 –19.
5. Ярков, В. [и др.] Групповые иски в цивилистическом процессе России // Закон. – 2019. – № 8. – С. 24 – 43.

АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСИ КАК СУДЕБНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

© В.В. Осипов

Научный руководитель: О.М. Решетникова

Сибирский федеральный университет

В соответствии со ст. 55 ГПК РФ [7] в качестве средств доказывания могут выступать аудио- и видеозаписи. В ст. 77 ГПК РФ предусматривается их применение как самостоятельных средств доказывания.

К сожалению, отсутствует законодательное понятие аудио- и видеозаписи. С позиции одних ученых, аудиозапись представляет собой материальный носитель, который содержит звуковую информацию, зафиксированную звукозаписывающим способом. Видеозапись представляет собой материальный носитель, который содержит информацию изобразительного и звукового характера, зафиксированную видеозаписывающим способом [6, с. 115].

На наш взгляд более полно эти категории определяет С.А. Короткий: аудиозапись – это зафиксированная на специальном носителе информация, выраженная в непрерывном во времени совмещении звуков, имеющая значение при рассмотрении определенного гражданского дела, и полученная в порядке, урегулированным ГПК РФ. Под видеозаписью С.А. Короткий предлагает понимать зафиксированную на специальном носителе информацию, выраженную в результатах непрерывной аудио- и видеозаписи, которая отображает имеющие значение при рассмотрении определенного гражданского дела, и полученную в порядке, урегулированным ГПК РФ» [10, с. 29].

Таким образом, аудио- или видеозапись — это отображенная на разных материально-технических носителях определенная звуковая либо визуальная информация, имеющая отношение к гражданскому делу. При оценке аудио- и

видеозаписей в качестве доказательств у суда имеется возможность практически полного восстановления реальности именно в том виде, в каком она существовала в прошлом, но обязательно учитывать возможности технического средства.

В соответствии со ст. 77 ГПК РФ аудио- и видеозаписи могут быть представлены на электронном или ином носителе. В качестве носителя аудио- и видеозаписи могут выступать только специальные устройства согласно действующему законодательству.

Анализ практической деятельности судов [3, 5] позволяет сделать вывод о том, что, аудио- и видеозаписи продолжительное время со стороны судов отвергались, признавались недопустимыми вследствие их противоречия ч. 1 ст. 23 Конституции РФ [1] и п. 8 ст. 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» [13]. Однако, многие авторы, например, Ю.В. Кайзер, В.А. Колбина и другие – высказывались против такой судебной практики, считая, что это ограничивает право стороны гражданского спора в представлении аудио- и видеозаписей как допустимого доказательства, особенно если они являются единственными доказательствами, которое доступно сторонам, и вместе с заключением эксперта об установлении принадлежности голосов на записи и отсутствии фальсифицирующих признаков, записи в большинстве случаев могут являться основой для справедливого разрешения гражданского дела [8, с. 129].

Со временем судебная практика изменилась, положительным шагом явились принятые ВС РФ решения. Так, в одном из своих определений, ВС РФ, отменяя определение Ленинградского областного суда, указал, что апелляционной инстанцией были нарушены положения процессуального права, неверно посчитав представленную ответчиком видеозапись недопустимыми доказательствами вследствие нарушения при их получении права другой стороны по рассматриваемому гражданскому делу на неприкосновенность частной жизни [11].

В случае предоставления аудио- и видеозаписей как доказательств, лицо, предоставляющее данные доказательства или ходатайствующее об их истребовании, указывает обстоятельства, при которых были произведены вышеупомянутые аудио- и видеозаписи, а именно: когда, кем и в каких условиях они производились. Других требований ст. 77 ГПК РФ не содержит. Следовательно, ст. 77 ГПК РФ указывает на прямую обязанность лица доказать факт получения аудио- и видеозаписи из указанных им источников.

Вместе с тем, нормы ст. 77 ГПК РФ судами трактуются неоднозначно, что порождает вынесение противоречивых судебных решений по аналогичным делам, где в качестве доказательств фигурируют сведения, которые изложены на аудио- и видео-средствах.

Так, по делу №33–5396 Алтайский краевой суд вынес определение, в соответствии с которым в качестве допустимого доказательства признал предоставленную истцом аудиозапись, несмотря на отсутствие в ней сведений, указанных ст. 77 ГПК РФ. Суд указал, что истцом предоставлены пояснения относительно обстоятельств получения данного доказательства, что соответствует ст. 77 ГПК РФ [1].

По другому делу суд указал, что в случае отсутствия в представленной аудиозаписи сведений, из которых можно было бы удостовериться во времени, месте и условиях, при которых была произведена запись, информации относительно выполнявшего ее лица, указанных стороной, представившей данную аудиозапись, доказательство не соответствует требованиям допустимости [4].

Как верно отмечают М.Ю. Порохов и А.Н. Порохова, принимая во внимание положение части 3 ст. 67 ГПК РФ, которым закреплена обязанность суда по оценке относимости, допустимости и достоверности каждого из представляемых сторонами доказательств, следует акцентировать внимание на необходимости совершения судом действий, направленных на проверку действительности предоставляемых сторонами сведений, содержащих информацию об источниках и обстоятельствах самостоятельного получения доказательств [12, с. 260].

Достоверность представляемой стороной информации может быть подтверждена путем проведения специального исследования с получением заключения эксперта, допроса свидетелей судом, а также представления дополнительных пояснений лицами, участвующими в деле. Однако каждая из сторон, занимая определенную правовую позицию в деле, будет стремиться подтвердить только те факты, которые указывают на состоятельность ее доводов. Так, стороной, предоставившей аудио- или видеозапись, в обоснование своих доводов или возражений по делу, будут даны пояснения, подтверждающие содержание представляемого доказательства. Оппонентом же, напротив, будут представлены объяснения противоположного содержания, соответствующие его возражениям [12, с. 260].

Таким образом, суд вправе назначить экспертизу, однако при наличии у судьи любых обоснованных сомнений в подлинности доказательства он обязан применить указанную статью ГПК РФ, так как суд не обладает специальными знаниями для более глубокого исследования аудио- и видеозаписей.

Статьей 35 ГПК РФ предусмотрено добросовестное исполнение процессуальных обязанностей и осуществление процессуальных прав сторонами, что подразумевает также создание условий для своевременного разрешения дела по существу. Нередко указанные требования законодательства нарушаются участниками процесса по разным обстоятельствам. При необходимости в назначении экспертного исследования существует возможность затягивания процесса стороной, предоставившей сомнительное доказательство.

Наличие в аудио- и (или) видеозаписи сведений о ее источнике исключило бы необходимость в проведении дополнительных исследований для исполнения судом предусмотренной законом обязанности [12, с. 264].

С.А. Короткий считает целесообразным конкретизировать нормы ГПК РФ относительно порядка предоставления в качестве доказательств аудио- и (или) видеозаписей, для чего предлагает изложить статью 77 ГПК РФ в иной редакции [10, с. 29].

Полагаю, что с его мнением следует согласиться, так как такое содержание указанной статьи позволит устранить существующие проблемы применения гражданского законодательства.

Посредством данных изменения будут в наибольшей степени полно установлены критерии допустимости аудио- и (или) видеозаписей в качестве доказательств, с помощью которых судами будет осуществляться оценка достоверности только тех доказательств, которые соответствуют определенным требованиям, с помощью чего будет обеспечен баланс прав и обязанностей сторон по гражданскому делу.

В целом анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время при рассмотрении гражданских дел часто используются аудио- и видеозаписи в качестве доказательств. Широкое использование этих доказательств в практике рассмотрения гражданских дел не отменяет тот факт, что получение, предоставление и исследование в суде данных аудио- и видеозаписей должно осуществляться в строгом соответствии с действующим законодательством, с учетом установленных им гарантий в отношении охраняемых законом прав, свобод и законных интересов сторон.

Аудио- и видеозаписи, предоставляемые суду лицами, участвующими в деле, должны строго соответствовать требованиям, предъявляемым ГПК РФ к доказательствам с точки зрения их допустимости, относимости и достоверности. Только на этой основе суд может сделать вывод о возможности и необходимости использования таких записей в качестве судебных доказательств и положить их в основу выводов об обстоятельствах дела в судебном решении.

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 09.07.2013 по делу №33–5396/13 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс, 2020. Законодательство.
2. Апелляционное определение Верховного суда Республики Хакасия от 03 апреля 2015 г. по делу №33–587/2015 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс, 2020. Законодательство

3. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 июля 2016 г. по делу № 33-28432 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс, 2020. Законодательство.
4. Апелляционное определение Томского областного суда от 06.08.2013 по делу №33–2152/2013 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс, 2020. Законодательство.
5. Апелляционное определение Ханты-Мансийского автономного округа от 24 мая 2016 г. по делу № 33-3472/2016 [Электронный ресурс] // СПС Консультант Плюс, 2020. Законодательство.
6. Гражданский процесс [Текст]: учебник / под ред. М. К. Треушникова. – М.: Статут, 2014. – 960 с.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ в ред. от 30.03.2020 [Текст] // СПС Консультант Плюс, 2020. Законодательство.
8. Кайзер, Ю.В. К вопросу о соотношении правила допустимости доказательств, принципа состязательности и достижения истины по делу в гражданском судопроизводстве [Текст] / Ю.В. Кайзер, В.А. Колбина // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2018. – № 2 (55). – С. 128–134.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с посл. изм и доп.) [Текст] // СЗ РФ. – 04.08.2014. – № 31. – ст. 4398.
10. Короткий, С.А. Аудио- и видеозаписи как средства доказывания в гражданском процессе [Текст]: дисс... канд. юр. наук / С.А. Короткий. – М., 2010. – 156 с.
11. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2015 г. по делу № 33-КГ15-6 // СПС Консультант Плюс, 2020. Законодательство, 2020. Законодательство.
12. Порохов, М.Ю. Вопросы допустимости аудио- и видеозаписей как доказательств по гражданским делам / М.Ю. Порохов, А.Н. Порохова // Проблемы реализации норм, регулирующих доказывание и доказательства в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве [Текст]: сб. статей по материалам Международной научно-практической конференции. – М., – 2015. – С. 259-265.
13. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ в ред. от 03.04.2020 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [Текст] // Рос. газета. – 2006.- № 165. – 29 июля.

НЕСОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПА ГЛАСНОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛА КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОТМЕНЫ СУДЕБНОГО АКТА

© Н.Д. Петряков

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Судопроизводство в Российской Федерации осуществляется в соответствии с определенными руководящими началами, закрепленными в действующем законодательстве, называемыми правовыми принципами. Одним из основополагающих принципов судопроизводства признается принцип гласности процесса, являющийся конституционным принципом и, одновременно, отраслевым.

На территории Российской Федерации, в соответствии с ч. 1 ст. 123 Конституции РФ разбирательство дел во всех судах осуществляется в открытом порядке, слушание дела в закрытом судебном заседании допускается лишь в случаях, предусмотренных федеральным законом. Данное положение соответствует общепризнанным принципам и нормам международного права, закрепленным в международных договорах с участием России, например, в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В цивилистическом процессе принцип гласности нормативно закреплен в соответствующих источниках права: ст. 10 ГПК РФ, ст. 11 АПК РФ, ст. 11 КАС РФ.

Гласность в той или иной форме является одним из древнейших процессуальных принципов, но, несмотря на историческое прошлое, в современном цивилистическом процессе ведутся дискуссии относительно необходимости сохранения гласности в качестве правового принципа. Существует ряд мнений, что в силу того, что важнейшим значением гласности является воспитательное, на что особо обращалось внимание составителями Судебных уставов и законодателями советского периода, в современных условиях, отличающихся отсутствием единства взглядов и общей идеологии, принцип гласности не нужен, а возлагать на суд воспитательную обязанность непоследовательно. [8, с. 87].

Однако большинство процессуалистов видят данную точку зрения ошибочной. По мнению И.А. Приходько толкование значения процессуального принципа гласности только в качестве воспитательного является неоправданно узким. [8, с. 87]. Э.М. Мурадян до принятия ГПК РФ 14 ноября 2002 года отмечала, что важнейшей задачей перед законодателем стоит сохранение всех действующих принципов гражданского процесса. При этом автор видит в гласности, открытости, публичности процесса проявление демократизма в гражданском судопроизводстве.

[3, с. 41]. В.М. Ахмедов отмечал, что гласность, реализуемая в виде открытого судебного заседания, публичного оглашения правовых актов и других проявлений сдерживает вынесение незаконных судебных решений. [2, с. 78]. Д.А. Фурсов, поддерживая данную точку зрения, выделяет помимо воспитательной еще три основные функции принципа гласности: гласность гарантирует независимость судей, обеспечивает их подчинение только Конституции Российской Федерации и Федеральным законам, создает условия установления фактических обстоятельств дела, приводящих к достижению истины в процессе, а также выполняет функцию содействия общественному контролю за правильным отправлением правосудия. [9, с. 334].

Гласность способствует реализации основных принципов цивилистического процесса, таких как состязательность и диспозитивность, благодаря которым стороны имеют право открыто отстаивать свои права и интересы. Также гласность обеспечивает процедурность процесса и является гарантией правильного осуществления всех процессуальных процедур со стороны присутствующих при рассмотрении дела лиц. Соблюдение принципа гласности является общеобязательным правилом и на основании изложенного должно гарантироваться нормами права. Данный вопрос является проблемным в отечественной цивилистике, в частности, ученые ведут дискуссии по поводу достаточности существующих в законе гарантий обеспечения гласности в процессе и их эффективности. Одной из таких гарантий гласности является отмена судебного акта, принятого в рамках закрытого процесса в суде первой инстанции, если установлена безосновательность проведения закрытого процесса.

Гарантии реализации гласности в арбитражном процессе установлены законом. В п. 26 Постановления Пленума ВАС № 61 разъясняется, что рассмотрение судебного спора в открытом судебном заседании при наличии оснований для рассмотрения дела в закрытом судебном заседании само по себе не является основанием для отмены соответствующего судебного акта в соответствии с ч. 3 ст. 270 и ч. 3 ст. 288 АПК РФ. Для отмены такого судебного акта суд апелляционной или кассационной инстанции должен установить, что указанное нарушение привело или могло привести к принятию неправильного судебного решения. Если в апелляционной или кассационной жалобе в качестве основания, по которому лицо обжалует судебный акт указано на неправомерность рассмотрения арбитражным судом дела в закрытом судебном заседании, и соответствующие доводы признаны арбитражным судом обоснованными, суд отменяет судебный акт в порядке ч. 4 ст. 270, ч. 4 ст. 288 АПК РФ, ввиду несоблюдения принципа гласности. Как видно из содержания данной нормы только в том случае судебный акт подлежит отмене, если будет доказано, что несоблюдение гласности послужило

причиной принятия незаконного решения. Гарантия гласности в данном случае неабсолютная. Решение суда вышестоящей инстанции мотивируется конкретными обстоятельствами дела.

В качестве примера стоит привести следующее судебное решение: Арбитражный суд Северо-Западного округа, рассмотрев кассационную жалобу о признании незаконными действий конкурсного управляющего по необоснованному расходованию денежных средств должника на выплату заработной платы лицам, не являющимся работниками этого должника, а также уволенным сотрудникам, неприятию мер по расторжению трудовых договоров с рядом лиц, шире истолковал п. 15 и 26 Постановления Пленума ВАС № 61, отметив, что нарушение внепроцессуального порядка реализации гласности в закрытом процессе, в виде публикации судебного акта в сети Интернет, также должно приводить к отмене судебного акта, гарантируя соблюдение принципа гласности. При этом из разъяснений суда кассационной инстанции не следует того, что он, принимая решение, исходил из того, явилось ли или могло ли явиться несоблюдение гласности в данном случае причиной принятия незаконного судебного акта. [6].

В гражданском процессе соблюдение требований гласности также гарантировано нормами права. В соответствии с п. 23 Постановления Пленума ВС РФ от 13.12.2012 № 35 несоблюдение требований о гласности судопроизводства на основании статьи 10 ГПК РФ в ходе судебного разбирательства свидетельствует о нарушении судом норм процессуального права и является основанием для отмены судебных постановлений в соответствии с пунктом 4 части 1 и части 3 статьи 330 ГПК РФ, если такое нарушение привело или могло привести к принятию незаконного и (или) необоснованного решения.

Например, Президиум Хабаровского краевого суда установил, что в ходе рассмотрения дела суд первой инстанции не вынес мотивированное определение о рассмотрении дела в закрытом порядке, также настоящее дело не относится к категориям дел, перечисленным в части 2 статьи 10 ГПК РФ, следовательно, дело было рассмотрено в закрытом порядке безосновательно, что нарушает принцип гласности. Суд кассационной инстанции постановлением от 09.09.2019 № 44г-147/2019 отменил решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции, направил дело на новое рассмотрение. [7].

В другом примере Свердловский областной суд определением от 02.03.2018 по делу № 33-2984/2018 отказал заявителю в удовлетворении требований, в том числе ввиду нарушения принципа гласности процесса, так как факт несоблюдения гласности, выраженный в отказе осуществления видеозаписи процесса, не явился причиной принятия неправомерного решения судом первой инстанции. [1].

Отмена судебных решений является важной обеспечительной гарантией принципа гласности в цивилистическом процессе. Она не обладает абсолютным характером, не любое отступление от принципа гласности немедленно ведет к отмене судебного акта. Необходимым условием является нарушение порядка судопроизводства, ввиду нарушения принципа гласности, которое приводит к вынесению неправомерного решения. Оценка данного обстоятельства осуществляется по усмотрению суда на основании фактических обстоятельств дела. Возможность отмены судебных актов в связи с нарушением гласности является важной гарантией данного принципа. В этом раскрывается сущность принципа гласности. Важно, чтобы гласность не была чрезмерной, чтобы гласность применялась по правилу «не навреди». Гласность выступает важной гарантией правосудия и не должна служить ему во вред.

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 02.03.2018 по делу № 33-2984/2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Ахмедов В.М. Принцип гласности в гражданском процессе / В.М. Ахмедов // Закон и право. – 2019. – № 1.
3. Мурадян Э.М. О принципах гражданского судопроизводства / Э.М. Мурадян // Новый индекс. – 2000.
4. Об обеспечении гласности в арбитражном процессе: Пост. Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. № 61 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2012. – № 12.
5. Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов: Пост. Пленума ВС РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 3.
6. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.04.2017 № Ф04-9855/2013 по делу № А81-2738/2012 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
7. Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 09.09.2019 № 44г-147/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы / И.А. Приходько. – СПб.: Изд. Дом СПб. гос. ун-та. – 2005.

9. Фурсов Д.А. Предмет, система и основные принципы арбитражного процессуального права / Д.А. Фурсов. – М. – 2000.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

© А.Д. Подлесный

Научный руководитель: А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

В современной России одной из приоритетных задач развития процессуального законодательства является рост доступности правосудия, его оптимизация, информатизация и упрощение судопроизводства. Посредством проведения судебных реформ государство стремится выполнить эту задачу и сделать отечественное судопроизводство более эффективным и доступным [6].

Современное развитие арбитражного процесса отличается наличием двух противоположных тенденций. С одной стороны, отрасли процессуального права сближаются, многие процессуально-правовые институты унифицируются. С другой стороны, отмечается дифференциация процессуальной формы, создание различных видов производств в зависимости от характера заявленных требований. Так, наравне с традиционными (в науке их принято называть ординарными) производствами (исковое производство, особое и производство, возникающее из административных и публичных правоотношений) созданы также приказное (для бесспорных требований, не превышающих 500 тыс. рублей), упрощенное (рассмотрение дела происходит без вызова сторон, по материалам, представленным сторонами) с учетом изменений, внесенных №451-ФЗ [12] и иные производства.

Первая модель упрощенного производства появилась в АПК 2002 г. [2]. Сначала этот институт активно использовался, но постепенно суды перестали применять соответствующие нормы АПК по причине несовершенства работы почтовой службы. В результате несвоевременной доставки почтовой корреспонденции суд не получал возражения ответчика по поводу рассмотрения дела в упрощенной форме вовремя, т.е. до проведения судебного разбирательства. Первые месяцы применения новой модели упрощенного производства показали, что около 40% дел в судах первой инстанции рассматривается по указанным правилам [9, с. 93]. Вторая модель (2012 г.) стала воистину революционной – до этих аналогов в российской правовой практике не было [7, с. 153]. Подробнее о ее особенностях мы поговорим чуть позже.

Между тем, вопрос правового положения института упрощенного производства в отечественной правовой науке по-прежнему остается дискуссионным. Ученые-правоведы разделились на два лагеря: сторонники первой позиции считают упрощенное производство разновидностью искового производства, а сторонники второй позиции причисляют изучаемый институт к самостоятельному виду производства.

Так В.М. Иванов писал, что упрощенное производство «совершенно не имеет притязания на место независимого вида судопроизводства наряду с исковым, особым или производством, вытекающим из административных правоотношений, а только является определенным подвидом искового производства или производства» [3].

По мнению А. В. Юдина исковая форма защиты права является единственной в арбитражном процессе. Автор исходил из буквального толкования норм закона, ссылаясь на содержание статьи АПК РФ о том, что соответствующие дела должны рассматриваться по общим правилам искового производства. Таким образом, выделение упрощенного производства в самостоятельную процессуальную форму ученый считал невозможным [13, с. 22]. Однако позже А.В. Юдин все же изменил свое мнение и стал рассматривать упрощенное производство в качестве самостоятельного вида арбитражного судопроизводства [4, с. 11].

Н.В. Сивак провела более детальное исследование института упрощенного производства. В своем исследовании автор также высказывает мнение, что упрощенное производство не является самостоятельным видом судопроизводства. Тем не менее, Н.В. Сивак отмечает, что упрощенное производство включает в себя несколько характерных черт искового производства. В итоге автор делает вывод, что по своей сути упрощенное производство является подвидом искового производства, рождающемся в исковом производстве в связи с существованием возможности упрощения гражданской процессуальной формы [10].

Как уже упоминалось выше, существуют и ученые, выделяющие упрощенное производство в качестве самостоятельного вида производства. Глава 29 была включена в раздел, регулирующий особенности производства в арбитражном суде по отдельным категориям дел. Таким образом, исходя из структурного размещения в тексте кодекса норм, входящих в раздел IV АПК РФ, у исследователей возникла гипотеза о законодательном противопоставлении упрощенного производства исковому производству. Так, например, С.Л. Дегтярев отмечал, что упрощенное производство – это новый вид производства в арбитражном процессе [1, с. 446]. Однако, как справедливо отметила Е.А. Трещева, фактически автор признает упрощенное производство разновидностью искового производства, поскольку оперирует терминами, понятиями, применимыми только к исковому производству (например, исковое заявление) [11, с. 268].

При всем многообразии мнений авторов относительно института упрощенного производства, на современном этапе вышеперечисленные точки зрения более не актуальны, так как данные научные работы появились на свет в период действия редакции главы 29 АПК РФ, которая на сегодняшний день устарела в связи с принятием Федерального закона от 25.06.2012 г. № 86-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с совершенствованием упрощенного производства». Данный нормативный акт значительно усовершенствовал порядок рассмотрения арбитражными судами дел в порядке упрощенного производства. Если ранее, при буквальном толковании АПК РФ, можно было сделать однозначный вывод о том, что упрощенное производство может иметь место только по требованиям искового характера, то теперь в упрощенном производстве могут быть рассмотрены как дела искового производства (пункт 1 части 1 статьи 227 АПК РФ), так и дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений (пункты 2-5 части 1 статьи 227 АПК РФ). При этом дела упрощенного производства рассматриваются по общим правилам искового производства с особенностями, предусмотренными главой 29 АПК РФ [2].

Таким образом, революционность новой модели упрощенного производства заключается в том, что это специальный порядок, установленный законом для рассмотрения определенных категорий, дел и обладающий чертами именно упрощенной модели:

1) процедуры рассмотрения дела усечены: не производятся вызов лиц, участвующих в деле, их извещение, судебное заседание. Соответственно, многие нормы АПК не применяются (о протоколировании судебных актов, отложении судебного разбирательства, перерыве в судебном заседании, объявлении судебного решения и т.д.). Решение по делу выносится судьей по общему правилу в резолютивной форме (в случае подачи соответствующего заявления либо апелляционной жалобы составляется мотивировочная часть); рассмотрение дела осуществляется судьей единолично исключительно по материалам, представленным сторонами, в результате чего имеет место письменный процесс как исключение из принципа устности судопроизводства. В связи с новеллой, внесенной Федеральным законом №451-ФЗ, рассмотрение полученных кассационных жалоб на вынесенные судом первой инстанции решения и постановления арбитражных судов апелляционных инстанций в отношении дел, рассмотренных в упрощенном порядке, происходит без вызова участвующих сторон в единоличном порядке;

2) доказательства, другие документы, поступившие в суд по истечении срока, установленного судом, не рассматриваются судом и возвращаются соответствующему лицу. Это изменение в духе состязательного процесса,

соответствующее позиции современного процессуального законодательства по увеличению ответственности сторон за свое поведение;

3) сохранение состязательности процесса даже при его «усечении». Состязательность проявляется, например, в обязанности сторон направлять друг другу и в суд доказательства, заявления, ходатайства;

4) выделяются определенные категории дел, которые могут быть рассмотрены в упрощенном порядке. В итоге упрощенное производство – это не санкция в отношении не явившихся сторон (коим выступает заочное производство в гражданском процессе), а специально созданная упрощенная процедура для определенных категорий дел, отнесенных законом к данному виду производства или переданных для упрощенного разбирательства сторонами по делу;

5) это первый в России вид процесса, который можно отнести к электронному: стороны подают заявления, знакомятся с материалами дела через Интернет в режиме ограниченного допуска, представляют доказательства в суд в электронной форме, изготовленное судебное решение размещается в сети Интернет и т.д.;

6) упрощенное производство одновременно является и ускоренным: установленный укороченный срок рассмотрения дела, вступления в законную силу решения, изготовленного в резолютивной форме, не применяется продление срока рассмотрения дела [7, с. 153-154].

В итоге можно сделать вывод, что упрощенное производство — это специальная процедура рассмотрения дел, подведомственных арбитражным судам. Упрощенное производство обусловлено наличием объективной возможности упрощения в некоторых случаях процессуальной формы. Характерной чертой данной процедуры является упрощение обычного процессуального порядка: устное и непосредственное состязание сторон заменяется рассмотрением письменных материалов.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процесс: учебник / отв. ред. В.В. Ярков. М., 2003. 448 с. (автор главы – С. Л. Дегтярев).
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // «Российская газета», № 137 от 27 июля 2002 г.
3. Иванов В. М. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе в России и Германии. // Законность и правопорядок в современном обществе. 2015. № 24. С. 32-39.

4. Мехедова В. В., Юдин А. В. Рассмотрение арбитражным судом дел в порядке упрощенного производства. С. 9-16.

5. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве: Пост. Пленума ВС РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 // Российская газета. – 2017. – № 88.

6. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 – 2020 годы»: Пост. Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2013 г. № 1 ст. 13.

7. Особенности арбитражного производства: учебно-практическое пособие / О.В. Абознова, Ю.В. Аверков, Н.Г. Беляева и др.; под ред. И.В. Решетниковой. Москва: Юстиция, 2019. 218 с.

8. Ретунская М.С. Упрощенное производство в арбитражном процессе Российской Федерации. Томск, 2017. 86 с.

9. Решетникова И.В. Упрощенное производство. Концептуальный подход // Закон. 2013. № 4. С. 93-98.

10. Сивак Н.В. Упрощенное производство в арбитражном процессе: автореферат дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 2009. 26 с.

11. Трещева, Е.А. Субъекты арбитражного процесса: дисс. ... докт. юр. наук / Е.А. Трещева. М., 2009. 565 с.

12. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.11.2018 № 451-ФЗ // «Российская газета», № 272, 04.12.2018.

13. Юдин А.В. Особое производство в арбитражном процессе. Самара: Самарский университет, 2003. 210 с.

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ КАК ПРИМИРИТЕЛЬНАЯ ПРОЦЕДУРА

© А.Д. Пузырева

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Мировое соглашение, имеющее более чем полуторазековую историю развития в отечественном законодательстве, с принятием в 2002 году АПК РФ приобрело новые черты, выразившиеся в изменении законодательного подхода к правовой природе мирового соглашения. Актуальность вопроса о сущности мирового соглашения также обусловлена последними новеллами в законодательстве,

а именно введением в действие Федеральных законов от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ и от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ, которыми был реформирован институт примирительных процедур. В связи с чем указанная тема обладает научной новизной и заслуживает детального изучения.

Современные процессуальные кодексы не содержат понятия мирового соглашения, однако его можно найти, обратившись к судебной практике.

В пункте 9 Постановления Пленума ВАС РФ «О примирении сторон в арбитражном процессе» указано, что мировое соглашение представляет собой соглашение сторон, то есть сделку, вследствие чего к этому соглашению, являющемуся одним из средств защиты субъективных прав, помимо норм процессуального права, подлежат применению нормы гражданского права о договорах, в том числе правила о свободе договора (статья 421 Гражданского кодекса Российской Федерации) [5].

Однако указанное понимание является не единственным. В доктрине была сформулирована противоположная точка зрения, которой, в частности, придерживается Н.С. Зверева. По ее мнению, мировое соглашение относится к примирительным процедурам. Указанная позиция объясняется тем, что при заключении мирового соглашения стороны самостоятельно приходят к взаимоприемлемому урегулированию имеющихся разногласий и конфликта мирным путем, что влечет за собой ликвидацию спора и прекращение производства по делу без вынесения решения суда [4, с. 126].

Процедурное понимание мирового соглашения отражено и в диссертационном исследовании О.С. Черниковой, в котором под мировым соглашением понимается основная процедура урегулирования экономических споров в системе примирительных процедур между ее участниками, основанная на их добровольности и взаимных уступках, направленная на примирение и регулирование конфликтов в предпринимательской и иной экономической деятельности [8, с. 11].

Рассматриваемый подход отражен и в процессуальном законодательстве, однако такое понимание было не всегда, в связи с чем следует обратиться к истории реформирования процедуры мирового соглашения.

Согласно ч. 2 ст. 138 АПК РФ (в ред. от 27 июля 2010 года) стороны могут урегулировать спор, заключив мировое соглашение или применяя другие примирительные процедуры, в том числе процедуру медиации, если это не противоречит федеральному закону [1]. Таким образом, законодатель, рассматривая способы самостоятельного урегулирования спора, называет мировое соглашение примирительной процедурой. Кроме того, статьи 139, 141 и 142 АПК РФ посвящены таким этапам процедуры мирового соглашения как заключение, утверждение и исполнение.

Если обратиться к нормам ГПК РФ до введения в действие Федерального закона от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ, то в кодексе отсутствовали какие-либо указания на правовую природу мирового соглашения. Также в ГПК РФ не было отдельных норм, посвященных реализации процедуры мирового соглашения [2].

Таким образом, нормы АПК РФ до введения в действие Федерального закона от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ содержали детальную регламентацию заключения мирового соглашения, а также называли мировое соглашение примирительной процедурой, что кардинальным образом отличалось от нормативного регулирования мирового соглашения, изложенного в ГПК РФ, в котором был отражен институциональный подход к правовой природе мирового соглашения.

С введением в действие Федерального закона от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ нормы АПК РФ и ГПК РФ были унифицированы, и ныне действующие редакции процессуальных кодексов понимают мировое соглашение как результат примирительных процедур, а не как саму примирительную процедуру (ч. 1 ст. 138.6 АПК РФ, ч. 1 ст. 153.7 ГПК РФ). Однако предложенное законодателем регулирование, которое отражает четкую регламентацию мирового соглашения, позволяет сделать вывод о признании процедурной природы мирового соглашения.

Понимая мировое соглашение как примирительную процедуру, следует определить ее место в системе примирительных процедур.

По мнению Т.В. Сахновой, мировое соглашение является судебной процессуальной примирительной процедурой [7, с. 13].

И.Ю. Захарьяшева называет следующие признаки судебной процедуры, во-первых, нормативное закрепление именно в отдельных статьях, во-вторых, применение участниками спорного правоотношения под контролем или при участии суда, за некоторым исключением, и, в-третьих, в определенных случаях они влекут обязательные юридические последствия, так как суд может придать примирительной процедуре, оформленной в предусмотренной законом форме, властно-обязательный характер [1, с. 11].

Если проанализировать нормы, посвященные мировому соглашению (на примере АПК РФ), то мировое соглашение соответствует всем указанным признакам: 1) закрепление в отдельных статьях: заключение мирового соглашения (ст. 139 АПК РФ), утверждение (ст. 141 АПК РФ), исполнение (ст. 142 АПК РФ); 2) контрольные полномочия суда проявляются, в частности, на этапе утверждения мирового соглашения, о чем свидетельствует ч. 6 ст. 141 АПК РФ – арбитражный суд не утверждает мировое соглашение, если оно противоречит закону или нарушает права и законные интересы других лиц; 3) властно-обязательный характер проявляется в возможности принудительного исполнения, если сторона не исполнила мировое соглашение добровольно (ч. 2 ст. 142 АПК РФ).

Кроме того, другой существенной характеристикой процедуры мирового соглашения является ее процессуальный характер, то есть соответствие гражданской процессуальной форме [7, с. 14]. При этом, под гражданской процессуальной формой понимается система установленных процессуальным законодательством правил, регламентирующих порядок осуществления правосудия по гражданским делам, а также порядок деятельности каждого участника гражданского процесса, осуществляемой с целью защиты прав и законных интересов [6, с. 64].

Если обратиться к нормам АПК РФ для выявления указанных правил, то ст. 139 АПК РФ, посвященная заключению мирового соглашения, содержит правила, адресованные лицам, которые могут заключать мировое соглашение. Статья 141 АПК РФ, определяющая порядок утверждения мирового соглашения, содержит правила, регламентирующие порядок действия суда.

Однако изложенному в процессуальных кодексах процедурному подходу к пониманию мирового соглашения противоречит норма, согласно которой третьи лица, заявляющие самостоятельные требования относительно предмета спора, вправе участвовать в заключении мирового соглашения в качестве стороны, а также третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, вправе выступать участниками мирового соглашения в случаях, если они приобретают права либо на них возлагаются обязанности по условиям данного соглашения (ч. 1 ст. 139 АПК РФ, ч. 1 ст. 153.8 ГПК РФ).

Указанный подход законодателя нельзя назвать правильным, так как подобное понимание может существовать в рамках материально-правового подхода к правовой природе мирового соглашения, в соответствии с которым мировое соглашение представляет собой сделку, следовательно, к нему может быть применен принцип свободы договора. Однако согласно с процедурным пониманием, изложенным в АПК РФ и ГПК РФ, подобная норма противоречит общей идеи мирового соглашения.

Таким образом, новеллы АПК РФ и ГПК РФ, введенные Федеральным законом от 26 июля 2019 года № 197-ФЗ, изменили традиционное понимание мирового соглашения как института, которое развивалось в дореволюционной и советской доктринах. Современное нормативное регулирование мирового соглашения, а также последние принятые Федеральные законы в области реформирования ГПК РФ свидетельствуют о процедурной правовой природе мирового соглашения, что отражается в детальном регулировании юридически значимых действий, составляющих этапы процедуры мирового соглашения.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года №138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — №46.
3. Захарьяцева, И. Ю. Примирительные процедуры в арбитражном процессуальном законодательстве Российской Федерации: Концептуальные основы и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Захарьяцева Иветта Юрьевна. — Саратов, 2005. — 26 с.
4. Зверева, Н.С. Взаимодействие альтернативных методов урегулирования споров и гражданского судопроизводства в праве России и Франции / Н.С. Зверева: под ред. В.В. Яркова. — М.: Статут, 2017. — 384 с.
5. О примирении сторон в арбитражном процессе: постановление Пленума ВАС РФ // Вестник экономического правосудия РФ. — 2014. — № 9.
6. Сахнова, Т.В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2014. — 783 с.
7. Сахнова, Т.В. Процедурность цивилистического процесса: методология будущего / Т.В. Сахнова // Вестник гражданского процесса. — 2012. — № 1. — С. 9-24.
8. Черникова, О.С. Мировое соглашение как процедура в арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Черникова Ольга Сергеевна. — Саратов, 2006. — 26 с.

**ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УПРОЩЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ**

© **Д.А. Рязанова**

Научный руководитель: А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

Развитие в АПК РФ института упрощенного производства обусловлено естественным стремлением государства оптимизировать, ускорить, упростить судопроизводство, что, с одной стороны, представляется логичным и неизбежным шагом с учетом огромном нагрузки на судебную систему, с другой стороны, вызывает сомнения расширение применения упрощенного производства в арбитражных судах, поскольку на практике применение упрощенной процедуры не всегда способствует

объективному, полному и обстоятельному исследованию обстоятельств экономического спора. Само по себе снижение нагрузки на арбитражные суды не является основной причиной введения упрощенного производства. Причиной введения данного производства является обстоятельство, что арбитражному суду нет необходимости использовать частично ресурсы и правила искового производства в случаях, если: требования истца имеют прямой характер требования истца признаются ответчиком, иск заявлен на относительно небольшую сумму.

Между тем, в литературе отмечается, что «институт упрощенного производства является главным компонентом снижения загруженности судов, которые в среднем, в зависимости от региона, рассматривают огромное количество самых различных гражданских, административных и прочих дел в год» [3, с. 17]. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2019 году в порядке упрощенного производства была рассмотрено 670771 дело [13].

Главный признак упрощенного судопроизводства – отсутствие вызова в судебное заседание. При этом, достаточно лишь предъявления иска, который признается ответчиком. (ч. 1 ст. 228 АПК РФ [1]) При этом, бесспорными являются требования, в основе которых находятся документы, которые подтверждают имущественные обязательства ответчика и невыполнение им данных обязательств и которые признаны ответчиком [4, с. 113].

Основным отличием упрощенного производства от приказного является то, что решение по итогам упрощенного производства не является само по себе исполнительным листом, который выдается отдельно в соответствии с общими правилами. Если в приказном производстве отсутствует спор между сторонами, то упрощенное производство не исключает спорного характера. Упрощенное производство лишает каждую сторону возможности того, чтобы принимать активное участие в рассмотрении дела [2, с. 248].

В 2019 году в главу 29 АПК РФ были внесены принципиальные изменения, касающиеся упрощенного производства. Эти изменения заключались в изменении цены иска по тем делам, которые рассматриваются в упрощенном порядке (ст. 227 АПК РФ). Данные изменения направлены на сокращение нагрузки на арбитражные суды. Некоторые дела были изъяты из состава дела, рассматриваемых в порядке упрощенного производства (подп. 4 п. 1 ст. 227 АПК РФ).

В литературе отмечается, что эти изменения также направлены на то, чтобы разгрузить суды [12, с. 37]. По мнению П.В. Кириловых в реформировании упрощенного производства в арбитражном процессе отчетливо прослеживается тенденция по унификации с упрощенным производством в гражданском процессе [4, с. 421]. Между тем, как отмечает А.В. Таталина, инициатор процесса для рассмотрения дела в упрощенном порядке должен тщательно подготовиться, в том

числе, собрать необходимую доказательственную базу, подкрепить свои доводы правовыми аргументами [12, с. 38]. Также важно не упустить сроки ответа на претензию. В целом в литературе преобладает позитивная оценка внесенных изменений в порядок упрощенного производства.

Несмотря на упрощенность процесса в арбитражных судах, остаются нерешенными проблемы как общетеоретического, так и прикладного характера.

Во-первых, правовая природа упрощенного производства в арбитражном процессе не до конца определена. Обусловлено это, скорее всего, тем, что упрощенное производство является институтом арбитражного процесса, который находится на стадии своего становления. До сих пор идут споры о месте упрощенного производства в системе механизмов судопроизводства: одни авторы (В.В. Ярков [5, с. 254], Н.В. Сивак [10, с. 211], В.Н. Самсонов [11, с. 18-21].) рассматривают упрощенное производство как разновидность искового производства, а другие (Ю.А. Кондюрина [6, с.175-178]) считают его самостоятельным видом отправления правосудия.

Аналогичное мнение на правовую природу упрощенного производства можно встретить в судебной практике. Например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.10.2019 № 305-ЭС19-6722 по делу №А40-212163/2018 [7] указано, что «...упрощенное производство представляет собой специальный порядок рассмотрения дела, предполагающий применение сокращенных сроков судопроизводства, необходимость представления письменных доказательств и документов, невозможность совершения лицами, участвующими в деле, ряда процессуальных действий, предусмотренных процессуальным законодательством, а также специальную процедуру обжалования принятых по делу судебных актов».

Представляется, что упрощенное производство не следует выделять в самостоятельный вид производства, а нужно считать разновидностью искового производства. В пользу данной точки зрения свидетельствует тот факт, что с небольшими изменениями упрощенное производство в арбитражных судах ведется по правилам искового производства [10, с 25]. Более того, в упрощенном производстве нет собственного предмета, который включал бы группу однородных дел. Важно также отметить, что упрощенные механизмы разрешения экономических споров в той или степени применяются и в административном судопроизводстве вне арбитражного процесса и в особом производстве. В пользу данной точки зрения свидетельствует позиция Верховного Суда РФ, высказанная в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 г. № 10 [8]. Пленум ВС РФ в указанном постановлении разъяснил, что «что упрощенное производство представляет

собой специальный порядок рассмотрения дел, предусмотренный главой 21.1 ГПК РФ и главой 29 АПК РФ».

Во-вторых, вызывают затруднение применение в упрощенном производстве принципов арбитражного процесса, в частности, принцип гласности. В литературе указывается, что «упрощенная форма судопроизводства представляет собой письменный процесс, в котором состязательность реализуется посредством представления документов в обоснование своей позиции. В таком формате устность не предполагается в принципе» [9, с. 27]. Гласный характер процесса предполагает, что любое заинтересованное лицо будет иметь возможность доступа к процессуальным действиям как слушатель. Однако упрощенное производство характеризуется письменным рассмотрением дела без присутствия сторон или иных заинтересованных лиц, что несколько сужает реализацию принципа гласности. В этой связи нужно согласиться с точкой зрения Ю.А. Кондюрина о том, что применительно к упрощенному порядку гласность реализуется посредством размещения судебных актов в открытом доступе в сети Интернет [6, с. 176].

В заключении можно сделать вывод о том, что упрощенный порядок разрешения экономических споров в арбитражных судах, несомненно, востребован, однако в процессуальной науке окончательно не решен вопрос о сущности упрощенного производства. Следует признать его особой формой искового производства, поскольку собственного предмета у него нет, а производится он по правилам искового производства, что нашло отражение в ч. 1 ст. 226 АПК РФ.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 г. № 95–ФЗ (ред. от 02.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 4. – Ст. 226.
2. Едакова Я.С. Актуальные проблемы упрощенного производства в арбитражном процессе // Молодой ученый. – 2017. – №49. – С. 247–250.
3. Коршунов Н.М. Арбитражный процесс / Н.М. Коршунов, А.Н. Лабыгин, Ю.Л. Мареев. – М.: МПСИ, МОДЭК, 2018. – 96 с.
4. Кириловых П.В. Актуальные вопросы регулирования упрощенного производства в арбитражном процессе // Изд-во Вятского гос. ун-та. – 2019. – №6 (33). – С.420-426.
5. Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / Уральский гос. юрид. ун-т; под ред. д.ю.н., проф. В. В. Яркова. – 4-е изд., испр. и перераб. – М.: Статут, 2020. – С.254.

6. Кондюрина Ю.А. Некоторые проблемы упрощенного производства // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2014. – № 3 (40). – С. 175-178.

7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 17.10.2019 № 305-ЭС19-6722 по делу №А40-212163/2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-17102019-n-305-es19-6722-podelu-n-a40-2121632018/><https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rf-ot-17102019-n-305-es19-6722-podelu-n-a40-2121632018/> (дата обращения 03.04.2020).

8. О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 г. № 10. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/15981/> (дата обращения 03.04.2020).

9. Переверзев А.В., Дребезгов Д.А. Некоторые проблемы рассмотрения дел в порядке упрощенного производства // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2018. – № 4.

10. Сивак Н.В. Упрощенное производство в арбитражном процессе: монография. – М.: Проспект, 2011. – 211 с.

11. Самсонов Н.В. О рассмотрении гражданских дел в упрощенном порядке // Арбитражный и гражданский процесс. – 2016. – № 7. – С. 18 – 21.

12. Таталина А.В. Особенности упрощенного производства в арбитражном процессе // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. XXIV междунар. науч.-практ. конф. № 7(23). – Новосибирск: СибАК, 2019. – С. 37-41.

13. Данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5257> (дата обращения: 25.04.2020).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕХНОЛОГИИ РАСПРЕДЕЛЕННОГО РЕЕСТРА (БЛОКЧЕЙН) В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ И БЛОКЧЕЙН-АРБИТРАЖ

© А.А. Сорокин

Научный руководитель: М.Я. Любченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Начало XXI века характеризуется бурным развитием цифровых технологий, которые становятся неотъемлемой частью нашей повседневной жизни. Юриспруденция не составляет исключения. В связи с этим стоит рассмотреть возможность использования технологии блокчейна в цивилистическом процессе.

Блокчейн – это децентрализованная распределенная база данных, которая содержит информацию обо всех подтвержденных транзакциях, совершенных в отношении определенного актива, в основе функционирования которой лежат криптографические алгоритмы. Данная технология имеет следующие преимущества: 1) децентрализация – вся информация, находящаяся в базе данных, распределена между всеми участниками системы; 2) повышенная безопасность, так как при транзакциях используется особый метод шифрования; 3) невозможность изменения данных блокчейна задним числом; 4) оперативность за счет автоматизированного обмена данными, в котором отсутствует человеческий фактор; 5) прозрачность, поскольку все действия в рамках блокчейна документируются и доступны для ознакомления всем участникам системы [5, с. 96].

Каким же образом возможно использовать данную технологию в цивилистическом процессе? Рассмотрим несколько вариантов.

Технология блокчейн как доказательство в судебном процессе.

Согласно ст. 71 ГПК РФ и ст. 75 АПК РФ электронный документ признается письменным доказательством при соблюдении определенных требований. Сведения, содержащиеся в блокчейне, могут рассматриваться в качестве электронного документа, подписанного усиленной неквалифицированной подписью, а значит, должны приниматься судом как доказательства.

Кроме того, информация о совершенных транзакциях или об условиях смарт-контракта, внесенная в систему блокчейн, обладает почти абсолютной достоверностью. В этом смысле информация из системы блокчейн по уровню надежности можно приравнять к государственным реестрам или нотариальному удостоверению (хотя система блокчейн более совершенна). Поэтому, на наш взгляд, имеет смысл ввести презумпцию достоверности информации, которая содержится в системе блокчейн, пока иное не будет доказано сторонами.

Основной проблемой использования блокчейн как доказательства в судебном процессе является трудность его исследования. Согласно п. 1 ст. 67 ГПК РФ суд непосредственно исследует имеющиеся в деле доказательства. Аналогичное положение содержится и в п. 1 ст. 71 АПК РФ. Сложность заключается в том, что информация в системе блокчейн представлена в виде программного кода. Судья просто не сможет понять и оценить то, что зашифровано в данном коде. Казалось бы, на помощь суду может прийти эксперт, который преобразует код в обычную и легко воспринимаемую информацию, но суд должен сам исследовать данное доказательство, не привлекая для этого эксперта. Думается, что данную проблему можно решить разными путями. Первое решение заключается в том, чтобы дать судьям определенное количество знаний о технологии блокчейн, которое помогло бы им непосредственно исследовать сам программный код, однако данный вариант маловероятен. Второй вариант заключается в совершенствовании самого кода до такого состояния, когда его можно будет преобразовать без всяких специальных знаний в обычную информацию. Третьим решением проблемы будет создание специального программного обеспечения по преобразованию кода в информацию.

Таким образом, информация, содержащаяся в блокчейне, может быть признана письменным доказательством. При этом целесообразно ввести презумпцию достоверности данной информации. Однако следует учитывать то, что существуют проблемы по непосредственному исследованию судом сведений, содержащихся в блокчейне.

Использование технологии блокчейн в арбитраже (третейском разбирательстве).

Гражданский оборот активно развивается в сети Интернет. Одним из факторов развития оборота в последние годы является появление смарт-контрактов, которые основаны на технологии блокчейн. Развитие данного договора послужило стимулом для создания особого арбитража, который бы быстро и относительно дешево разрешал споры, возникающие при использовании конструкции смарт-контракта.

Всего можно выделить две модели арбитража, которые используют технологию блокчейн.

Первую модель можно рассмотреть на примере арбитража под названием «Kleros». Данный арбитраж существует в виде децентрализованного протокола. Особенности данного арбитража заключаются в следующем: 1) стороны не выбирают арбитров, а лишь указывают их количество и специализацию; 2) арбитры остаются анонимными; 3) арбитры не являются профессионалами, а выбираются случайным образом программой при наличии токенов; 4) в смарт-контракте

заранее указываются опции, которые арбитры путем голосования могут выбрать для решения спора; 5) после принятия решения арбитрами, происходит автоматическое исполнение решения [1, с. 162].

Менее «радикальной» моделью построения децентрализованного арбитража является площадка под названием «CodeLegit».

Она построена по образцу Международного Коммерческого Арбитража, но с использованием технологии блокчейн. Данный арбитраж имеет следующие особенности: 1) арбитраж имеет свод правил, разработанный на основе ЮНИСТРАЛ, согласно которому осуществляется разрешение спора; 2) стороны в смарт-контракте прописывают арбитражную оговорку (arbitration library); 3) стороны могут сами выбирать арбитров; 4) арбитр должен обладать знаниями как о праве, так и о работе технологии блокчейн; 5) арбитры разрешают спор по существу и выносят решение, которое сразу же исполняется [1, с. 164].

Преимуществами блокчейн-арбитража являются: 1) высокая скорость разрешения споров; 2) процесс проходит полностью в виртуальном пространстве и на основе технологии блокчейн; 3) низкие издержки рассмотрения дела; 4) почти мгновенное исполнение решения.

Можно выделить следующие недостатки данных арбитражей: 1) споры могут рассматриваться только при условии, если договоры заключены в форме смарт-контракта; 2) спорным является вопрос о том, подпадают ли решения таких арбитражей под Нью-Йоркскую конвенцию о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.

На практике технология блокчейн уже используется судом. Первопроходцем стал Суд по интеллектуальным правам (СИП), который впервые разместил первые транзакции об изменении состава правообладателей в блокчейн-сети IPChain [4]. На данный момент активнее всего использует данную технологию Китай. Созданный Китаем интернет-суд специализируется на спорах по вопросам, связанным с Интернетом и цифровыми данными. В своей работе он использует технологию блокчейн [2]. Кроме того, ВС КНР опубликовал новые правила, где сказано, что суды, которые рассматривают дела, связанные с Интернетом, должны признавать цифровые данные, представленные в качестве доказательств, если стороны собирают и хранят эти данные в блокчейне с цифровыми подписями, надежными временными отметками, а также проверкой хэш-уровня, и могут доказать законность используемой технологии [3].

Таким образом, технология блокчейн так или иначе затронет цивилистический процесс. По нашему мнению, это скорее позитивное явление, так как блокчейн имеет очевидные плюсы, а именно безопасность, прозрачность, оперативность и др. Однако есть и определенные издержки, связанные с использованием

данной технологии, например, невозможность изменения информации, внесенной в блокчейн; потребность в специальных знаниях для работы с блокчейном и другие.

Список использованных источников:

1. Засемкова, О. Ф. Разрешение споров с помощью технологии блокчейн / О. Ф. Засемкова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 4 (101). – С. 160-167.

2. Интернет-суды Китая используют блокчейн и ИИ для вынесения решений // PLATFORMA-ONLINE.RU: портал для поиска адвоката и получения инвестиций в судебные процессы. Код доступа: <https://platforma-online.ru/media/detail/inter-net-sudy-kitaya-ispolzuyut-blokcheyn-i-ii-dlya-vyneseniya-resheniy/>.

3. Положение о некоторых вопросах в судебных делах по интернет-суду: Правовая интерпретация Верховного Народного Суда от 3 сент. 2018 г. № 18. Код доступа: <http://www.court.gov.cn/zixun-xiangqing-116981.html>.

4. Российский суд впервые использовал платформу блокчейн в делопроизводстве // TASS.RU: российское государственное информационное агентство федерального уровня. 2018. Код доступа: <https://tass.ru/obschestvo/5865776>.

5. Савельев, А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94-117.

ПРОБЛЕМАТИКА ФИНАНСИРОВАНИЯ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

© В.Я. Струков

Научный руководитель: А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

В настоящей статье поднимается проблема вознаграждения и оплаты расходов финансового управляющего в процедуре банкротства физических лиц. Данный вопрос весьма актуален на сегодняшний день. Большинство специалистов, работающих в сфере банкротства, а именно финансовые управляющие, сталкивались с таким законодательным «пробелом» как отсутствие денежных средств для финансирования процедуры банкротства физических лиц.

Следовательно, в статье будут раскрываться положения: о финансировании процедуры банкротства (расходов и (или) вознаграждения данной процедуры); и

какие последствия возникают в случае отсутствия денежных средств. Автором предпринята попытка найти механизмы, которые позволят устранить в законодательстве данный недочет.

В соответствии с п. 1 и 2 ст. 213.9 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее ФЗ №127) процедура банкротства проходит с назначением субъекта, именуемого финансовый управляющий. Назначением данного лица является обязательным требованиям предусмотренным законом о несостоятельности (банкротстве), который утверждается арбитражным судом в установленном порядке.

Начать рассуждение нужно со ст. 20.7 ФЗ №127, которая регламентирует, что расходы на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, осуществляются за счет средств должника, если иное не предусмотрено настоящим Федеральным законом. Расходы, которые несет должник, перечислены в п. 2 данной статьи.

Помимо расходов, которые оплачиваются должником, необходимо отметить, что в соответствии с п. 1-3 ст. 20.7 и п. 3-4 ст. 213.9 ФЗ №127 финансовый управляющий имеет право на получение вознаграждения и суммы процентов, установленных ст. 20.6 с учетом особенностей, предусмотренных ст. 213.9 ФЗ №127 в деле о банкротстве. Сумма вознаграждения является строго фиксированной, и она составляет двадцать пять тысяч рублей. Оплачивается она одновременно за проведение процедуры, применяемой в деле о банкротстве (реструктуризация долгов гражданина и реализация имущества должника).

Далее рассмотрим положение физического лица, в случае отсутствия у него средств для финансирования процедуры банкротства. Обратимся к абз. 7 ст. 57 ФЗ №127, которая говорит о последствии данной ситуации: «Арбитражный суд прекращает производство по делу о банкротстве в случае: отсутствия средств, достаточных для возмещения судебных расходов на проведение процедур, применяемых в деле о банкротстве, в том числе расходов на выплату вознаграждения арбитражному управляющему».

Теперь перейдем к проблеме, которой посвящена данная статья. Существует ситуация, которая ставит физическое лицо в положение не имеющего законодательного решения. Заключается она в том, что в отношении физического лица прекращена процедура банкротства по основанию, приведенному выше, и у лица отсутствуют финансовые возможности для оплаты расходов и (или) вознаграждения финансового управляющего.

В действующем законодательстве существуют лишь одно положение, которое частично решает эту проблему,

Данное положение предусмотрено ст. 39 ФЗ №127, действие которой связано с ситуацией, когда процедура банкротства возбуждается по заявлению

кредитора (кредиторов). Данный пример проецирует такую процедуру банкротства, при которой все финансирование согласно ст. 59 ФЗ №127 осуществляется заявителем, то есть кредитором (кредиторами). У физического лица нет средств к финансированию, но так как процедура возбуждается по заявлению кредитора, то на последнего и распространяется действия по оплате расходов и вознаграждения, что дает должнику возможность беспрепятственного проведения в отношении него процедуры банкротства. Но такая ситуация не всегда имеет место быть, так как физическое лицо может начать процедуру по собственному заявлению в соответствии со ст. 213.4 ФЗ №127, что исключает обязанность кредитора по финансированию процедуры банкротства. При этом необходимо отметить, что при данной ситуации право конкурсных кредиторов на финансировании процедуры банкротства сохраняется (в условиях последующего отсутствия денежных средств у должника).

Другой подход к решению данной проблемы, но напрямую ее не регулирующий, выработан судебной практикой и содержится в определении судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 23.01.2017 г. по делу № 304. В данном определении установлено, что арбитражный суд первой инстанции рассматривал дело о банкротстве гражданина, в котором у физического лица не было имущества для его реализации и средств, необходимых для оплаты соответствующих предусмотренных законодательством расходов. Как следствие должник обратился за помощью третьих лиц для оплаты расходов, но арбитражный суд кассационной инстанции посчитал, что денежные средства на указанные цели (полностью либо в части) не могут быть предоставлены должнику третьим лицом, не являющимся кредитором. Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ указала обратное, что закон о банкротстве не содержит положений, запрещающих гражданину – должнику прибегать к помощи третьих лиц при отыскании источников финансирования процедуры собственного банкротства. А из этого следует, что у физического лица есть возможность обратиться за финансированием к третьим лицам, чтобы провести процедуру банкротства надлежащим образом. Но у должника может не быть третьих лиц, которые бы смогли обеспечить финансирование процедуры банкротства.

Теперь рассмотрим третий вариант решения проблемы. Для начала стоит обратить внимание на следующую норму законодательства, а именно на ст. 227 ФЗ №127, которая регламентирует следующее положение: «В случаях, если гражданин – должник или руководитель должника – юридического лица, фактически прекратившего свою деятельность, отсутствует или установить место их нахождения не представляется возможным, заявление о признании отсутствующего должника банкротом может быть подано конкурсным кредитором, уполномоченным

органом независимо от размера кредиторской задолженности». Также обратимся к Постановлению Правительства РФ от 21 октября 2004 г. № 573 «О порядке и условиях финансирования процедур банкротства отсутствующих должников», в пп. «а» п. 2 которого в качестве заявителя, иницилирующего процедуры банкротства отсутствующего должника, определен федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный в соответствии с ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» Правительством Российской Федерации представлять в делах о банкротстве и в процедурах банкротства требования об уплате обязательных платежей и требования Российской Федерации по денежным обязательствам, а также установлено, что финансирование указанных процедур в отношении отсутствующего должника осуществляется в соответствии со сметой расходов уполномоченного органа за счет средств, выделенных ему из федерального бюджета.

Следовательно, финансирование процедур банкротства отсутствующих должников осуществляется за счет бюджетных средств. Предложение по решению проблемы финансирования процедур банкротства физических лиц состоит в следующем. В случаях, при которых у физического лица недостаточно имущества и (или) присутствуют признаки неплатежеспособности, то государство (в лице соответствующих федеральных органов исполнительной власти) могло бы выделять денежные средства из федерального бюджета для обеспечения процедуры банкротства должник – физического лица. Для подтверждения неплатежеспособности физического лица (недостаточности имущества) в целях получения финансирования процедур банкротства в его отношении со стороны государства, должнику необходимо в обязательном порядке предоставить соответствующие документы. Также целесообразно будет нормативно закрепить право регресса федерального органа исполнительной власти к указанным физическим лицам после проведения в их отношении процедур банкротства, что будет заключаться в возврате средств выделенных государством для финансирования процедуры банкротства в течение определенного срока после ее окончания и официального трудоустройства физического лица. Государство может создать благоприятные условия возврата физическими лицами указанных средств (например, по частям с наименьшими суммами, так как физическому лицу необходим период финансового восстановления после данной процедуры).

Конечно, найдутся те, кто сможет этим воспользоваться в своих корыстных целях, но, как минимум, появиться регулирование данной проблемы, не решенной на сегодняшний день.

Таким образом, в Российской практике по сей день складывается ситуация, при которой физическое лицо действительно не в состоянии профинансировать в отношении себя процедуру банкротства. Связано это, отчасти, с финансовой

безграмотностью и (или) отсутствием у лица правосознания. Люди зачастую заключают договоры займа, кредитные договоры и т.д., не задумываясь, а смогут ли они исполнить свои обязательства. Также, возможно, подобное связано с низким уровнем заработной платы у значительной части населения РФ. Тем не менее, физическое лицо с правовой точки зрения является «слабой» стороной, по сравнению с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями. Поэтому необходимо государству стараться поддерживать должников, а именно физических лиц, в подобных ситуациях.

Также необходимо учитывать основную социальную функцию института банкротства физических лиц, который несет в себе реабилитирующий характер для граждан, оказавшихся в тяжелой финансовой ситуации.

Список использованных источников:

1. О несостоятельности (банкротстве) [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.19.2002 № 127-ФЗ ред. от 27.12.2019 // СЗ РФ от 28 октября 2002 г. № 43. Ст. 4190.

2. Определение судебной коллегии Верховного суда РФ [Электронный ресурс]: от 23.01.2017 г. по экономическим спорам по делу № 304-ЭС16-14541 // Официальный портал «ГАРАНТ.РУ информационно-правовой отдел». – режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

3. «О порядке и условиях финансирования процедур банкротства отсутствующих должников» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства РФ от 21 октября 2004 г. № 573 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

ПРОБЛЕМЫ НОТАРИАЛЬНОГО УДОСТОВЕРЕНИЯ РЕШЕНИЙ ОБЩИХ СОБРАНИЙ ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

© Е.А. Тихонов

Научный руководитель: Е.Б. Тарбагаева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Федеральным законом от 7 мая 2013 № 100-ФЗ [1] в Гражданский кодекс РФ включена глава 9.1, устанавливающая основные требования к решениям собраний и основания их недействительности.

Следующим важным этапом в правом регулировании решений общих собраний ООО стало введение нотариального удостоверения решений собраний ООО [2]. Пунктом 3 статьи 67.1 ГК РФ предусмотрено, что принятие общим собранием участников общества принимается путем нотариального удостоверения, если уставом ООО не закреплено альтернативного способа принятия решения [3]. В статью 17 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» был добавлен третий пункт, который устанавливает, что принятые общим собранием участников ООО решения об увеличении уставного капитала и составе участников общества, находящиеся при принятии такого решения должны быть нотариально удостоверены [6].

Некоторое время проблемный характер имел вопрос о том, в рамках какой нотариальной процедуры должно осуществляться данное нотариальное удостоверение, что именно должен удостоверить нотариус – само решение либо соблюдение процедуры проведения общего собрания. Эта проблема получила разрешение включением в Основы законодательства о нотариате главы XX.3, в статью 103.10 которой содержится указание на обстоятельства и юридические факты, которые должен проверить нотариус для удостоверения факта принятия решения собрания, а также установлен перечень документов, необходимых для осуществления данного юридического действия.

Потребность введения нотариального удостоверения факта принятия решений была вызвана, на наш взгляд, не до конца решенной на том момент проблемой достоверности сведений, вносимых в единый реестр юридических лиц [4]. Прежде всего, законодатель мог преследовать следующие цели: дополнительная гарантия достоверности записей внесенные в реестр юридических лиц, предотвращение подделки протоколов общих собраний ООО, сокращение количества рассматриваемых в судах корпоративных споров, а также создание дополнительного механизма защиты прав и законных интересов участников ООО [5].

Однако, несмотря на наличие нормативной базы, регулирующей процедуры нотариального контроля в области принятия соответствующих решений, суды, нотариусы и представители науки продолжают сталкиваться с рядом вопросом, касающихся данного института.

Актуален до сих пор вопрос о допустимости нотариального удостоверения факта принятия решений заочных собраний ООО. Ещё в 2014 году ФНП высказала отрицательную позицию по поводу нотариального удостоверения заочных решений собраний ООО, так как исходя из буквального толкования п.3 ст. 67.1 ГК РФ нотариус должен лично присутствовать в месте проведения собрания [7].

Как представляется, толкование, предложенное Федеральной нотариальной палатой, имеет формальный характер и, на первый взгляд, существенно

ограничивает меры нотариального контроля в области корпоративных отношений. Однако нотариальная практика пошла по пути свидетельствования подлинности подписи директора ООО на протоколе о результатах проведения заочного собрания. При этом директор общества должен предоставить нотариусу Устав ООО, в котором должны быть детально изложены положения о принятии заочного решения. К ним в первую очередь относятся положения о: способе проведения (например, проведение собрания через скайп, обмен сообщениями по электронной почте); уполномоченном на подсчет голосов и подведения итогов голосования лице; способе уведомления участников ООО о проведении заочного собрания общества и другие положения, которые защищают права и законные интересы участников общества.

В литературе предлагается и другой вариант решения проблемы нотариального контроля за принятием заочных решений. Допускается возможность выдачи свидетельства о проведении заочного собрания, но тогда директор ООО должен ознакомить нотариуса с уведомлениями каждого участника ООО о проведении заочного собрания. Если же собрание происходит по скайпу, директор обязан включить нотариуса в видеоконференцию, чтобы нотариус мог удаленно наблюдать за собранием. В этом случае нотариус будет удостоверять лишь факт принятия заочного решения, так как достоверность состава участников такого собрания установить будет проблематично.

К числу значимых, но до сих пор спорных вопросов действительности (законности) решений собраний ООО относится и вопрос о возможности альтернативного способа их принятия. Это вопрос о том, как наиболее оптимально прописать в уставе ООО альтернативный способ принятия решения собрания, чтобы избежать отказа в регистрации устава или в принятии изменений, и последующего признания решения собрания ООО ничтожным. В соответствии с п.3 ст.67.1 ГК РФ помимо нотариального удостоверения решений собраний ООО, законодатель предусмотрел, что может быть и другой способ принятия решения, который должен быть предусмотрен уставом ООО. Директора ООО понимают, что, если устав будет содержать иной способ принятия решения собрания ООО, то есть риски того, что такой способ могут признать недопустимым и в дальнейшем признать такое решение ничтожным. Каким образом минимизировать риски? Как наиболее оптимально прописать в уставе ООО такой способ? Для ответа на этот вопрос обратимся к судебной практике оспаривания решений, принятых альтернативным нотариальному удостоверению способом.

Главное, о чем свидетельствует судебная практика, это то, что альтернативный способ удостоверения в уставе должен быть установлен конкретно. Например, указание лишь на безнотариальную форму не означает установление иного

способа удостоверения [8], а указание на ведение протокола исполнительным органом расценено судом как регулирование лишь организации ведения протокола общего собрания, а не как установление способа удостоверения решений общего собрания участников [9].

Кроме того, важное правило было разъяснено Президиумом Верховного Суда в Обзоре судебной практики от 25 декабря 2019 года: альтернативный способ принятия решения должен быть нотариально удостоверен [10].

На наш взгляд, приемлемая формулировка альтернативного способа должна исключать зависимость принятия решения от интересов конкретных лиц общества (противоречивость во мнениях может привести к не подписанию такими лицами решения, что заблокирует возможность распоряжаться активами компании). Необходимо выбирать такой способ, чтобы достоверность факта принятия какого-либо решения собрания могла устоять в судебных и иных органах (минимизация его оспаривания третьими лицами).

Таким образом, альтернативный способ принятия решений собраний должен отвечать следующим критериям: детализированность, ответственный за принятия такого решения должен быть максимально независим, достоверность факта принятия решения собрания должна быть максимально доказуема в случае оспаривания. Лучше всего было бы назначить конкретное лицо (например, председателя собрания), занимающее высокую должность (генеральный директор или директор) в обществе и закрепить возможность его замещения заместителем, в случае каких-либо форс мажоров. Стоит отметить, что и такой способ принятия решений может вызвать ряд проблем в дальнейшем, поэтому целесообразно внести правило о нотариальном удостоверении решения собраний ООО, касающиеся наиболее важных решений (например, о реорганизации и ликвидации общества, о избрании нового директора, о изменении состава коллегиального органа).

Список использованных источников:

1. Федеральный закон «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] :от 7 мая 2013 г. № 100-ФЗ [ред. от 28.12.2016]. – прикладная прогр. Гарант, 2017.
2. Федеральный закон «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»

[Электронный ресурс] : от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ [ред. от 03.07.2016]. – прикладная прогр. Гарант, 2017.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая [Электронный ресурс] : от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ [ред. от 16.12.2019 г.]. – прикладная прогр. Гарант, 2017.

4. Гусейнов, Т.А. Проблемы нотариального удостоверения решений собраний, [Текст] // Т.А. Гусейнов. – М.: Закон, 2014. – № 11.

5. Шиткина, И.С. Соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном праве [Текст] // И.С. Шиткина. – М.: Сборник статей, Статут, 2017. – 192 с.

6. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части обеспечения достоверности сведений, представляемых при государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [Электронный ресурс] : от 30 марта 2015 г. № 67-ФЗ. – прикладная прогр. Гарант, 2017.

7. Письмо Федеральной нотариальной палаты «Об удостоверении нотариусом принятия решения общим собранием участников хозяйственного общества» [Электронный ресурс] : от 1 сентября 2014 г. № 2405/03-16-З. – прикладная прогр. Гарант, 2017.

8. Постановление Пятого Арбитражного Апелляционного Суда [Электронный ресурс]: от 09.02.2018 г. № 05АП-9217/17. – прикладная прогр. Гарант, 2017.

9. Постановление Пятого Арбитражного Апелляционного Суда [Электронный ресурс]: от 27.02.2017 г. № 05АП-8626/16. – прикладная прогр. Гарант, 2017.

10. Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах Президиума Верховного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 25 декабря 2019 г. – прикладная прогр. Гарант, 2017.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ МЕДИАЦИИ

© Е.Л. Трифонова

Научный руководитель: Т.В. Сахнова

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В современном мире цифровизация значительно облегчает деятельность как государственных органов, так и граждан, а также упрощает процесс взаимодействия граждан и органов власти.

В настоящее время в Российской Федерации законодателем производится активное внедрение информационных технологий в судебную систему, о чем свидетельствует создание ГАС «Правосудие» и «Мой арбитр» в рамках развития Концепции развития информатизации судов [1].

Формирование медиации в качестве правового института в Российской Федерации начало происходить с момента вступления в законную силу Федерального закона № 193-ФЗ от 27 июля 2010 года «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредников (процедуре медиации)» [2]. Поскольку медиация в Российской правовой системе существует относительно недавно, многими научными деятелями выдвигаются теории о необходимости её доработки.

В связи с активной цифровизацией судебной системы считаю, что процедуру медиации ожидает аналогичная перспектива. На основании чего, следует учитывать и использовать опыт внедрения автоматизированных систем в судебную систему при добавлении цифровых технологий в процедуру медиации.

Вероятнее всего, необходимо будет создать систему, схожую с ГАС «Правосудие», только адаптированную для проведения процедуры медиации. Считаю, что данная система должна быть создана государством. Существуют позиции, что система может быть создана сообществом медиаторов или отдельных саморегулируемых организаций медиаторов, однако, эта позиция может быть признана несостоятельной ввиду того, что существует риск монополизации медиативных услуг одним СРО медиаторов, а также появляется большой риск утечки личной информации лиц, обратившихся за помощью медиаторов, и меньшая возможность контролировать государственным органам деятельность медиаторов.

Электронный формат процедуры медиации включает в себя все стадии, от выражения желания сторон решить свой спор в медиативном порядке до медиативного соглашения. При создании информационной системы для проведения процедуры медиации предполагается, что в данной системе медиатором будет создаваться и рассматриваться «электронное» дело, в которое соглашение о проведении процедуры медиации и все документы, необходимые для медиативного соглашения, будут подаваться только в цифровом формате, а сама процедура медиации будет проводится полностью при помощи видео-конференц-связи с осуществлением видеозаписи разбирательства[3].

Разумно также установить определенный алгоритм осуществления процедуры медиации в информационной системе. Примерный алгоритм разработал Алиев Т.Т., которая достаточно полно позволяет осуществить подготовку и проведение процедуры медиации:

1) стороны должны зарегистрироваться в системе и программе, требуемой для проведения процедуры медиации в цифровом режиме;

2) стороны обращаются к медиатору, предоставляют приглашения о проведении процедуры медиации, предоставляют свои данные и разъясняют суть дела;

3) медиатор информирует участника о времени начала процедуры медиации. Данный пункт необходим для того, чтобы избежать несвоевременной авторизации участника, из-за чего медиация может отложиться;

4) во время проведения процедуры медиации медиатор связывается по видео-конференц-связи со всеми участниками;

5) медиатор информирует участника о завершении процедуры. Это условие необходимо для того, чтобы участник мог выйти из электронной системы только после уведомления о том, что разбирательство завершено. Поскольку в ином случае, если потребуется вновь провести опрос данного участника, он (участник) может быть не авторизован и связь с ним будет невозможна, что может привести к увеличению сроков медиации.

6) медиативное соглашение направляется на электронную почту всем участникам процедуры [4].

При цифровизации процедуры медиации необходимо, чтобы каждый участник процесса обладал определенным уровнем владения техническими средствами. В связи с этим, необходимо будет создать курсы, по результатам которых оценивалось бы умение медиаторов пользоваться цифровой системой медиации.

Как уже ранее отмечалось, при осуществлении цифровизации процедуры медиации следует учитывать опыт, полученный при создании автоматизированных систем в судебную систему. Это сможет значительно повысить качество информационной системы и снизить сроки её создания.

Концепция развития информатизации суда является одним из основных нормативных актов, которые в настоящее время регулируют внедрение цифровизации в систему правосудия. При фрагментарной реализации установленных задач в программе «Электронное правосудие» было установлено несколько проблем.

Одной из таких проблем, на которые стоит обратить внимание, является тот факт, что все данные, представленные сторонами в процессе судебного разбирательства, анализируются и подлежат отражению в решении суда, которое публикуется в сети «Интернет» без согласия участников процесса [5]. Поскольку доступ к просмотру решений неограничен, присутствует возможность злоупотребления третьими лицами полученными сведениями.

Это является прямым нарушением права, закрепленного Конституцией Российской Федерации, на тайну частной жизни. Кроме того, ст. 5 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» устанавливает конфиденциальность информации, относящейся к процедуре медиации.

Во избежание появления такого рода проблемы при цифровизации процедуры медиации следует установить ограниченный доступ к полной версии медиативного соглашения лицам, которые не принимали участие в процедуре. Однако, часть медиативного соглашения, в которой отсутствуют личные данные, необходимо оставлять в открытом доступе, поскольку оно может являться важной при анализе практики процедуры медиации.

Необходимость внедрения цифровых технологий в процедуру медиации является очевидной поскольку перевод процедуры медиации полностью в электронный формат позволит существенно снизить затраты при рассмотрении дела, повысить эффективность и максимально уменьшить сроки рассмотрения дела.

Кроме того, цифровизация процедуры медиации существенно увеличит спрос на данный вид примирительных процедур, поскольку у лиц будет отсутствовать необходимость выезжать из своего населенного пункта для разрешения существующего спора. Также решится проблема отсутствия медиаторов в удаленных населенных пунктах, поскольку процедура медиации сможет осуществляться из любой точки мира, при наличии интернета.

Помимо того, существует мнение, что система электронного правосудия способна не только значительно упростить гражданам доступ к правосудию, но и повысить эффективность работы судебной системы, поскольку увеличение количества дел, решенных с помощью процедур медиации, снизит объем дел, необходимых для рассмотрения судом, что позволит судьям более детально изучать каждое поступившее дело [6].

Список использованных источников:

1. Концепция развития информатизации судов до 2020 года // Президиум Совета судей РФ. 2015. № 439.
2. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон Российской Федерации от 27 июля 2010 г. (в посл. ред.) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
3. Ельчанинова Н.Б. Перспективы внедрения электронного правосудия: правовые проблемы обеспечения информационной безопасности / Н.Б. Ельчанинова – М. // Общество: политика, экономика, право. – 2017. – №. 7. – С.23-24.

4. Алиев Т.Т. Перспективы цифровизации процедуры медиации / Т.Т. Алиев. – Санкт-Петербург // Сборник материалов Международной научно-практической конференции 26-27 апреля 2019 года. – 2019. – № 1. – С. 9-12.

5. Свиридова М. В. «Электронное правосудие» как поиск механизмов обеспечения современной российской демократии: проблемы и противоречия законодательства / М.В. Свиридова – М. // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – №. 2 (81). – С. 5-9.

6. Артемова Д.И., Медведева Е.А. Проблемы доступности правосудия в Российской Федерации / Д.И. Артемова – Пенза // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – №. 3. – С. 44-48.

К ВОПРОСУ О ФАКУЛЬТАТИВНЫХ СТАДИЯХ НОТАРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

© Н.А. Тришин

Научный руководитель: Е.Б. Тарбагаева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Нотариальное производство как юридически регламентированная деятельность складывается из определенных стадий, образующих в совокупности единое процессуальное целое.

Большинство авторов считает, что нотариальное производство состоит из трех обязательных стадий: возбуждение нотариального производства; установление юридического состава, необходимого для совершения нотариального действия (рассмотрение заявления по существу); совершение нотариального действия. [4, 6]

Некоторые ученые выделяют факультативные стадии нотариального производства.

Например, Игорь Геннадьевич Черемных рассматривает обжалование совершенных нотариальных действий или отказа в их совершении как отдельную стадию нотариального производства. [5, с. 162]

На наш взгляд, данная позиция достаточно спорна по следующим основаниям.

Заинтересованное лицо, считающее неправильным совершенное нотариальное действие или отказ в совершении нотариального действия, вправе подать об этом жалобу в районный суд по месту нахождения государственной нотариальной конторы (нотариуса, занимающегося частной практикой). [2]

Закон предусматривает рассмотрение дел по заявлениям о совершенных нотариальных действиях или об отказе в их совершении только в порядке особого производства. Суд устанавливает и оценивает нотариальное действие (отказ в его совершении) как юридический факт, порождающий правовые последствия для сторон нотариального производства.

Суд обязан в полном объеме проверить законность и обоснованность совершенного нотариального действия, а равно правомерность отказа в его совершении. [3, с. 224]

При удовлетворении заявления суд своим решением или отменяет совершенное нотариальное действие, или обязывает его совершить. В резолютивной части решения в случае отмены нотариального действия следует указать, какое конкретное действие, когда и кем совершенное, отменяется; при удовлетворении заявления об отказе в совершении нотариального действия – какое именно нотариальное действие и кем должно быть совершено.

Так как суд наделен полномочием обязать нотариуса совершить нотариальное действие, либо отменить незаконное нотариальное действие (лишить такое нотариальное действие юридических последствий), с некоторой долей условности, можно сделать вывод о том, что суд повторно рассматривает по существу заявление о совершении нотариального действия.

Однако предметом нотариального производства выступают отношения, складывающиеся между нотариусом и другими участниками такого производства в ходе совершения нотариального действия. В ходе реализации трех обязательных стадий нотариус и другие субъекты нотариального производства подчинены обязательной процедуре, которая урегулирована нормами нотариального права. Суд же в ходе особого производства подчинен нормам гражданского процесса, его задача – вынесение законного и обоснованного судебного акта. При этом следует отметить, что в случае рассмотрения дела по существу мотивировочная часть судебного решения всегда будет содержать ссылки на нормы, регулирующие процедуру нотариального производства. Это вытекает из обязанности суда проверить законность и обоснованность действий нотариуса, совершившего или отказавшего в совершении нотариального действия.

Более того, суд является органом судебной власти, наделенный исключительным полномочием осуществлять правосудие. Правосудие представляет собой особую форму правоприменения, направленную на рассмотрение и разрешение судом различных категорий юридических дел. Поэтому суд как субъект правоотношений является центральным элементом судебной ветви власти. [1] Нотариат никак нельзя отнести ни к одной из ветвей власти, предусмотренных Конституцией РФ. Это происходит по причине двойственной природы нотариата,

а также специфических свойств «нотариального действия» как центрального правового явления в деятельности нотариуса. Несмотря на наличие полномочий совершать нотариальные действия у некоторых органов публичной власти, в сущности, только нотариус является специальным субъектом, который в силу своего назначения, наличия специальных знаний и соответствующей квалификации имеет право совершать нотариальные действия в отношении обратившихся лиц.

Также стоит отметить, что нотариус в ходе особого производства не будет обладать статусом субъекта нотариального производства, наделенного полномочием совершить нотариальное действие. Он будет являться лицом, участвующим в деле, обладающим всеми процессуальными правами, в частности, правом в установленный законом срок обжаловать принятое по заявлению решение суда в суды проверочных инстанций.

Поэтому, в случае квалификации судебного обжалования совершенных нотариальных действий или отказа в их совершении как стадии нотариального производства будет происходить подмена обязательного субъекта такого производства – нотариуса, что не совсем корректно.

Некоторые ученые выделяют такую стадию нотариального производства как исполнение нотариального акта. [4, с. 160] С таким мнением можно согласиться частично.

Нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации [2].

В то же время, для достижения целей некоторых нотариальных действий деятельности нотариуса по их совершению не всегда достаточно. Поэтому, законодатель наделил некоторые нотариальные акты статусом исполнительного документа, который может быть принудительно исполнен.

В настоящее время федеральный закон «Об исполнительном производстве» включает в перечень исполнительных документов следующие нотариальные акты: нотариально удостоверенные соглашения об уплате алиментов или их нотариально засвидетельствованные копии; нотариально удостоверенные медиативные соглашения или их нотариально засвидетельствованные копии; исполнительная надпись нотариуса.

Как правило, нотариальные акты не нуждаются в принудительном исполнении, в этом нет необходимости, нужный эффект достигается авторитетностью нотариального акта для физических и юридических лиц. [4, с. 159] Однако вышеперечисленные нотариальные действия предполагают какое-либо имущественное исполнение должника перед кредитором. Поэтому, цель такого нотариального

достигнута только в случае фактического имущественного предоставления должника в пользу кредитора. Для защиты кредитора от недобросовестного поведения должника вполне логично наличие легальной возможности принудительно исполнить нотариальный акт как гарантии такого исполнения.

В то же время, какого-либо участия в принудительном исполнении такого акта нотариус не принимает, у него отсутствуют какие-либо контрольные полномочия по отношению к такому исполнению (как например у суда при принудительном исполнении судебного акта). Служба судебных приставов, кредитные организации ни законом, ни доктриной не относятся к лицам, содействующим совершению нотариального действия.

Поэтому можно сделать вывод о том, что исполнение нотариального акта можно признавать стадией нотариального производства только с точки зрения достижения целей некоторых нотариальных действий. Такая стадия будет факультативной и применимой только к тем нотариальным актам, принудительное исполнение которых обусловлено их правовой природой.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года (в послед. ред.): Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Основы законодательства о нотариате: Закон РФ от 11.02.1993 № 4462-1 утв. ВС РФ (в послед. ред): Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Треушников М.К. Гражданский процесс / М.К. Треушников. — М.: Статут, 2014
4. Борисова Е.А. Правовые основы нотариальной деятельности в Российской Федерации: Учебник / Е.А. Борисова. – М.: Юстицинформ, 2016.
5. Черемных И.Г. Теоретические основы независимого нотариата в России Москва / И.Г. Борисова. – М.: Буквоед, 2006.
6. Ярков В.В. Нотариальное право/ В.В. Ярков. – М.: Статут, 2017.

К ВОПРОСУ О ВЗЫСКАНИИ СУДЕБНОЙ НЕУСТОЙКИ (АСТРЕНТА) АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ

© И.А. Фунтусова

Научный руководитель: А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

Под словом «*l'astreinte*» (фр. *l'astreinte*; от лат. *adstringere* — принуждение) во французском праве понимается «денежное взыскание, налагаемое на должника в определенной денежной сумме за каждый просроченный день, с целью понуждения его исполнить обязательство что-либо сделать угрозой значительного штрафа, способного увеличиваться» [5]. Основой формирования данного инструмента непрямого принуждения должника к исполнению имущественного обязательства что-либо дать или сделать, послужила практика французских судов начала XIX века [1, с. 240].

В отечественной практике аналог астрента получил свое первое воплощение в виде конструкции, сформулированной Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации (далее – ВАС РФ) в Постановлении Пленума ВАС РФ от 4 апреля 2014 года №22, как судебная неустойка, позволяющая арбитражным судам присуждать денежные средства при неисполнении судебного акта [9]. Вскоре, в результате ряда реформ законодательства, данное право судов возымело свое нормативное закрепление: были введены нормы ст. 308.3 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ) и ч. 4 ст. 174 Арбитражного процессуального Кодекса РФ (далее – АПК РФ), позволившие присудить истцу денежные средства на случай неисполнения судебного акта, в размере, «определяемом судом на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения» [3].

Цель судебной неустойки — стимулирование должника к исполнению обязательства, возникшего из судебного акта. Данный инструмент носит характер ограниченного действия. Судебная неустойка не присуждается автоматически, истец должен попросить об этом суд. Она применяется не ко всем требованиям. Кроме того, ее размер определяется судом на основе указанных выше принципов, таким образом точно спрогнозировать сумму неустойки практически невозможно.

На данном этапе следует рассмотреть вопрос о том, на какие моменты суды обращают внимание при присуждении судебной неустойки. Первое, судебная неустойка — это требование дополнительного характера, которое не может существовать без основного и в случае прекращения последнего, прекращается и судебная неустойка. Примечательным в этой связи является Постановление

Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15 сентября 2017 № Ф03-3133/2017 по делу № А51-11296/2004 [7]. Так, во вступившем в законную силу решении указано, что данная мера ответственности обладает «побудительной функцией, пока существует правоотношение в материальном смысле». В то же время кассационная инстанция признала, что в процессуальном плане не имеется оснований для «применения санкции в виде судебной неустойки», как механизма стимулирования должника исполнить свою обязанность, ввиду отсутствия самого договора в рассматриваемом случае.

Следующее, на что стоит обратить внимание, является отношение судов к «прогрессивной шкале» судебной неустойки. Суть данной шкалы заключается в следующем: с ростом периода неисполнения решения суда должником возрастает и сумма судебной неустойки, например, за первую неделю неисполнения – 6 000 рублей, вторую – 12 000 рублей и далее по нарастающей. К такой шкале суды относятся достаточно позитивно, однако к кратному увеличению неустойки – отрицательно. В данном случае стоит рассмотреть Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 сентября 2017 № Ф05-6521/2016 по делу № А40-179487/2015, где суд, удовлетворяя кассационную жалобу, указал, что «установленный судом первой инстанции размер неустойки по прошествии времени увеличивается чрезмерно», в связи с чем, суду следовало выбрать один из следующих вариантов: а) установить ее в меньшем размере; б) установить максимальную сумму увеличения [8]. Данная ситуация является следствием несоблюдения принципов определения размера судебной неустойки. В соответствии с п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 года № 7 размер астрента определяется судом «на основе принципов справедливости, соразмерности и недопустимости извлечения выгоды из незаконного или недобросовестного поведения» [10].

Следующей тенденцией судов при применении судебной неустойки является отказ от «прогрессивной шкалы» в пользу фиксированной ставки. Как пример в Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18 августа 2017 № Ф01-3010/2017 по делу № А82-4752/2013 суд, учитывая принципы, которые указаны выше, пришел к выводу о необходимости взыскания судебной неустойки, уменьшив её размер до 15 000 рублей за каждый месяц неисполнения судебного акта [6].

Также стоит добавить, что не так давно практика Верховного Суда РФ продемонстрировала недопустимость ретроспективного взыскания судебной неустойки. Это значит, что подача истцом заявления о взыскании астрента через некоторое время после вынесения судебного решения об исполнении обязательства в натуре взыскание астрента за период, который предшествовал моменту

рассмотрения судом вопроса о его взыскании, не допускается. Поскольку такое взыскание вступало бы в противоречие с целью астрента, а именно – «стимулирования должника к совершению определенных действий или воздержанию от них» [4].

Анализ практики арбитражных судов в отношении применения ст. 308.3 ГК РФ и ст. 174 АПК РФ о судебной неустойке позволяет выделить в качестве общей тенденции судов применять данный институт с учетом ряда особенностей, в частности к таковым можно отнести: характер основного требования, порядок начисления судебной неустойки и так далее. В целом, такой инструмент, судя по историческому опыту, безусловно, необходим для экономического стимула исполнения решения суда. И на данный момент, как показывает практика, он действует эффективно.

Список использованных источников:

1. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. / Избранные труды по гражданскому праву. — Москва. — 2002.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2002. — № 30. — Ст. 3012.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Определение Верховного Суда РФ от 19.10.2018 г. по делу № А51-10729/2017 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru>
5. Пляниоль, М. Курс французского гражданского права: Ч. 1: Теория об обязательствах; Ч. 2: Договоры. Перевод с французского. Ч. 1-2: Вып. 1-6 / Пляниоль М.; Пер. и предисл.: Гартман В.Ю. Петроков: Изд. тип. С. Панского. — 1911.
6. Постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 18.08.2017 № Ф01-3010/2017 по делу № А82-4752/2013 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru>
7. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.09.2017 № Ф03-3133/2017 по делу № А51-11296/2004 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru>
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.09.2017 № Ф05-6521/2016 по делу № А40-179487/2015 [Электронный ресурс] URL: <http://sudact.ru>
9. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за

неисполнение судебного акта» // КонсультантПлюс. ВерсияПроф [Электронный ресурс]. – Электрон. дан.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. – 2016. – № 70.

ПРЕЮДИЦИАЛЬНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА КАК ФАКТЫ И ПРАВООТНОШЕНИЯ

© Д.С. Холявко

Научный руководитель: М.Я. Любченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В настоящее время справедливо утверждать, что современная научная полемика, существующая в сфере гражданского судопроизводства, наряду с иными институтами цивилистического процесса уделяет пристальное внимание правовому явлению преюдициальности, закрепленному в тексте закона в качестве одного из оснований освобождения от доказывания. В свою очередь, научное сообщество традиционно исследует преюдициальность с позиции свойства законной силы судебного решения. Вопрос о существовании законной силы и её свойств у иных судебных актов является дискуссионным. В рамках настоящей статьи главным является тезис о том, что свойством преюдициальности наделены лишь те судебные акты, которые обладают законной силой, а именно содержат в себе *res iudicata* (разрешение спора по существу) и выносятся государственным органом – судом – в особой процессуальной форме [6]. К таким судебным актам мы предлагаем относить судебное решение, а также определения и постановления суда, принятые по результатам обжалования и проверки в инстанционном порядке.

Соответственно, преюдициальность представляет собой свойство законной силы судебного решения, которое заключается в освобождении лиц, участвовавших в предыдущем деле, от обязанности доказывания в последующем процессе уже установленных судом обстоятельств, а также в запрете их оспаривания. Указанные лица всегда охватываются субъективными пределами законной силы, то есть составляют субъективный состав спорного материального правоотношения, которое было разрешено судом. Установленные судом обстоятельства, закрепленные в мотивировочной части судебного решения, в свою очередь, составляют объективные пределы законной силы. Последние определяются

непосредственно через предмет решения суда, который представляет собой установленное и разрешенное судом материальное правоотношение, существующее между сторонами.

Общеизвестно, что основой для возникновения, изменения или прекращения материального правоотношения являются юридические факты. Такие юридические факты поименованы законодателем в части 2 статьи 61 ГПК РФ как «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным постановлением по ранее рассмотренному делу» [2] и обязательные для суда. Данные обстоятельства не должны доказываться вновь и не подлежат оспариванию при рассмотрении другого дела, в котором участвуют те же лица.

Особого внимания также заслуживает норма части 2 статьи 209 ГПК РФ, не имеющая аналогов в тексте иных процессуальных кодексов. В норме указано, что после вступления в законную силу решения суда стороны, другие лица, участвующие в деле, их правопреемники не могут заявлять в суде те же иски, требования, на том же основании, а также оспаривать в другом гражданском процессе установленные судом факты и правоотношения [2].

Неопределенность законодателя в отношении применения категории «обстоятельств», которую он использует для определения преюдициальности, провоцирует возникновение следующего фундаментального вопроса: что есть преюдициальные обстоятельства – факт или факт и правоотношение?

В настоящее время доминирующий подход в судебной практике к определению категории «обстоятельства» через «факты» и «правоотношения» содержится в Постановлении от 25.07.2011 № 3318/11, в котором Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ указал, что правовые выводы не могут рассматриваться в качестве обстоятельств, не требующих доказывания [5]. Конституционный Суд РФ также поддержал арбитражную практику, определив категорию «обстоятельств» исключительно как факты, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, которые не доказываются вновь при разрешении арбитражным судом другого спора, в котором участвуют те же лица [4]. В то же время, суды общей юрисдикции, несмотря на содержание статьи 209 ГПК РФ, до недавнего времени аналогично применяли нормы о преюдициальности без учета преюдициальности правоотношений, установленных судом [1].

В опровержение указанной позиции справедливо отметить, что в ходе судебного разбирательства суды устанавливают не факты, а юридические факты, которые не существуют отдельно от их правовой оценки. Так, факт договора не существует вне факта его действительности или заключенности. Следовательно, если правовая оценка факта не будет иметь преюдициального значения, то

становится проблематично определить, какой конкретно факт будет установлен при решении вопроса при заключенности договора. По мнению К.Н. Мальченко «обстоятельства, в совокупности подтверждающие достоверность и допустимость представленных доказательств, позволят лишь установить, что стороны предприняли действия для заключения договора, однако чтобы сказать, что договор заключен в соответствии с требованиями закона, нужна правовая оценка, которая может быть изменчива в зависимости от рассматриваемых дел» [3].

Необходимо также учитывать, что функция доказывания фактических обстоятельств возложена законом на субъектов процесса, в то время как правовая оценка фактических обстоятельств отнесена к компетенции суда. Так, предмет доказывания, действительно, составляют факты материально-правовой природы, подлежащие доказыванию и обосновывающие требования и возражения сторон, на которые указывает норма материального права, а также, по мнению Т.В. Сахновой, факты процессуального отвода [6].

Однако роль суда в определении таких фактов не является главенствующей; она ограничена частью 2 статьи 56 ГПК, в соответствии с которой суд выносит на обсуждение обстоятельства, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались [2]. В остальных случаях предмет доказывания формируется сторонами; более того, преюдициальные факты в его состав не входят, поскольку стороны освобождены от их доказывания в силу части 2 статьи 61 ГПК РФ.

Следовательно, для учета роли суда при квалификации обстоятельства, заявленного сторонами, логично было бы обратиться к предмету судебного познания. Так, в ходе судебного познания судом устанавливаются не только факты материально-правовой природы, входящие одновременно и в предмет доказывания, но и факты, не подлежащие доказыванию (освобожденные от доказывания, в том числе и преюдициальные факты). Из указанного положения усматривается, что объективные пределы законной силы решения суда не могут ограничиваться предметом доказывания.

Именно суд рассматривает и разрешает материально-правовой спор по существу и выносит судебное решение, акт правосудия. В мотивировочной части судебного решения суд отражает обстоятельства, установленные судом (часть 4 статьи 198 ГПК РФ) [2], делая вывод о существующем между сторонами правоотношении. Следует помнить о том, что мотивировочная часть судебного решения состоит из двух оснований: фактического и правового; они существуют одновременно, и позволяют суду верно квалифицировать материальное правоотношение, составляющее предмет процесса.

Таким образом, противоречия между частью 2 статьи 61 ГПК РФ и частью 2 статьи 209 ГПК РФ не установлено; в первом случае речь идет о формировании

предмета доказывания для субъектов процесса – указанные обстоятельства (преюдициальные факты) не доказываются вновь, а отсутствие указание на категории «правоотношений» объясняется тем положением, что стороны не обязаны и не в состоянии осуществить какую-либо юридическую квалификацию сложившихся фактов.

Во втором случае речь идет о законной силе решения суда и его объективных пределах; установленные законом факты и правоотношения (закрепленные в мотивировочной части судебного решения) не подлежат оспариванию. Данное положение обеспечивает действие принципа правовой определенности, поскольку наличие двух судебных решений с противоположными правовыми выводами относительно одних и тех же фактов негативно отражается как на единообразии судебной практики, так и на уверенности граждан в эффективности судебной формы защиты субъективных прав и законных интересов.

Соответственно, преюдициальные обстоятельства необходимо определять как факты и правоотношения. Вопрос об отсутствии коррелирующих норм в АПК РФ и КАС РФ остается открытым. Учитывая единство цивилистического процесса, целесообразно было бы ожидать от законодателя дублирования нормы части 2 статьи 209 ГПК РФ в иные процессуальные кодексы Российской Федерации.

Таким образом, действие свойства преюдициальности в объективных пределах законной силы судебного решения представляет собой запрет, адресованный суду и лицам, участвующим в деле и их правопреемникам, оспаривать и давать иную правовую оценку в последующем гражданском процессе тем материально-правовым фактам и правоотношениям, которые были установлены и подтверждены судом в первоначальном процессе.

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение Омского областного суда от 12 авг. 2015 г. по делу № 33-5303/2015 // [Электронный ресурс] СПС «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 06.04.2020).
2. Гражданский процессуальный Российской Федерации.: ФЗ РВ от 14 дек. 2002 г. № 138-ФЗ (с послед. изм.) // СЗ РФ. 2002 г. №46. Ст. 4532.
3. Мальченко К.Н. Преюдиция судебных постановлений в гражданском судопроизводстве/ К.Н. Мальченко: Дис. ... канд. юрид. наук – Саратов, 2015. – 186 с.
4. По запросу о конституционности части 2 статьи 69 АПК РФ в части положения об отсутствии необходимости доказывать обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, в котором участвуют те же лица: Определение КС РФ от 06

нояб. 2014 г. № 2528-О // [Электронный ресурс] Официальный сайт Конституционного Суда РФ. Режим доступа: <http://www.ksrf.ru/> (дата обращения: 06.04.2020)

5. Постановление Президиума ВАС РФ от 25 июля 2011 г. № 3318/11 по делу № А40-111672/09-113-880 // [Документ не опубликован] СПС «КонсультантПлюс».

6. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса/ Т.В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М: Статут, 2014. – 784 с.

О ПОНЯТИИ И ЗНАЧЕНИИ ЭЛЕМЕНТОВ ИСКА

© О.В. Чайка

Научный руководитель: М.Я. Любченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

На протяжении многих столетий внимание ученых-процессуалистов сосредоточено на понятии иска, его сущности и элементах. Профессор Е. А. Нефедьев писал: «Выяснение сущности иска важно <...> не только для науки, но и для практики» [6, с. 3-4].

На сегодняшний день в цивилистическом процессе существует ряд проблем, так или иначе связанных с элементами иска. Проблема, связанная с критериями идентификации исков, является одной из самых острых. В разных правовых системах существуют свои средства, позволяющие индивидуализировать иск. На первый взгляд может показаться, что в этом нет ничего удивительного. Однако отсутствие единства в данном вопросе неизбежно приводит к тому, что в национальных судах и арбитражах разных государств параллельно могут рассматриваться тождественные иски.

В российском цивилистическом процессе тождественность исков рассматривается иначе по сравнению с законодательством и судебной практикой ряда других стран.

Профессор А. Х. Гольмстен писал о том, что спорные отношения тождественны, если тождественны их элементы: субъекты, объекты и юридическая связь субъекта с объектом (права и обязанности). Причем тождество последнего элемента «имеется при тождестве основания возникновения права и его вещественного субстрата» [4, с. 67]. Советский правовед, профессор М. А. Гурвич соглашался с указанием ВС РСФСР на то, что «не допускается предъявление вторичного иска теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям» [5, с. 72]. Отсюда можно сделать вывод о том, что в советской процессуальной доктрине и практике тождество исков определялось как абсолютное сходство по предмету,

основанию и сторонам. Современные процессуалисты Г. Л. Осокина и Т. В. Сахнова в своих работах поддерживают точку зрения Марка Аркадьевича [7, с. 125] [9, с. 345]. Таким образом, в отечественном цивилистическом процессе средствами, индивидуализирующими иск, то есть позволяющими определить тождественность, выступают предмет, основание, стороны иска.

В отличие от ряда других стран в российском законодательстве и судебной практике тождество исков понимается в предельно узком и формальном смысле. К примеру, в практике Швейцарии нельзя заявить в разных процессах иск из договора и иск из деликта, если оба иска основаны на аналогичных фактах [10, с. 71].

В праве ЕС и некоторых европейских стран иски, вытекающие из одного и того же спорного правоотношения, но предусматривающие разные способы защиты, будут признаны тождественными [3, с. 259]. В то время как по законодательству РФ в такой ситуации предмет исков не является тождественным, следовательно, отсутствует тождество исков.

Как пишет Ю.А. Борисова, «в Англии и США иски признаются тождественными при наличии тождества основания» [2, с. 15].

Вышеизложенные примеры демонстрируют то, что в соответствии с подходом ряда стран к критериям идентификации иска большее число исков будут признаны тождественными по сравнению с подходом, господствующим в РФ. В силу того, что юрисдикционные органы различных стран по-разному определяют тождество исков, различаются и последствия.

Рассматриваемая проблема неразрывно связана с конфликтом юрисдикций. На наш взгляд, в целях эффективного разрешения конфликта юрисдикций необходимо закрепить на международном уровне единые для всех государств критерии идентификации исков для разрешения дел с иностранным элементом.

Еще одним актуальным вопросом цивилистического процесса, связанным с элементами иска, является вопрос о наличии у суда полномочий на переквалификацию исковых требований.

В п. 3 Постановления Пленума ВС РФ и Пленума ВАС РФ от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» указано, что «если суд придет к выводу о том, что избранный способ защиты права <...> не может обеспечить его восстановление <...> суд должен определить, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежат применению при разрешении дела» [11]. Аналогичное разъяснение, но уже в отношении любых способов защиты прав, а не только вещных, содержится в п. 9 ПП ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» [12].

Данные правовые позиции высших судов хотя формально и не противоречат положениям процессуальных кодексов, однако на практике породили ситуацию, при которой обязанность суда *«определить, из какого правоотношения возник спор и какие нормы права подлежат применению при разрешении дела»* стала интерпретироваться как возможность суда изменить указанный истцом способ защиты, если он, по мнению суда, является ошибочным.

Так, Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа в своем постановлении указал, что истец хотя и свободен в выборе способа защиты нарушенного права, но он должен соответствовать содержанию нарушенного права и характеру нарушения; поскольку истцом способ защиты права не может в полной мере обеспечить его восстановление, суду следовало самостоятельно квалифицировать допущенное нарушение, установить правильный вид неустойки, выяснить, подлежит ли взысканию в этом случае пеня, определить ее размер (в пределах цены иска) [15].

ВС РФ в своих определениях неоднократно занимал позицию, согласно которой суды обладают полномочиями на переквалификацию исковых требований (определение от 21.06.2018) [13].

Однако ВС РФ высказывал также противоположное мнение, в соответствии с которым *«суд не вправе самостоятельно изменять предмет или основание иска, вправе принять решение только по заявленным требованиям и может выйти за их пределы лишь в тех случаях, когда это предусмотрено действующим законодательством»* [14].

Позиции ученых-юристов по рассматриваемой в данной работе проблеме так же не являются однозначными.

В. А. Белов, анализируя п. 9 ПП ВС РФ от 23.06.2015 № 25, пишет о том, что *«суд сам должен сформулировать и удовлетворить требования, которые... никто не предъявлял!»* По мнению профессора, такие действия суда могут расцениваться как нарушение принципов равенства сторон перед законом и судом и состязательности процесса [1].

В то же время примечательно суждение профессора И. В. Решетниковой, которая утверждает, что в случае принятия судом решения вместо истца о том, какой способ защиты следовало избрать для наиболее эффективной защиты интересов сторон, *«ничьи интересы не страдают. Если истец категорически против такого развития ситуации, ему никто не мешает отказаться от заявленного требования»* [8].

На наш взгляд, практика по изменению судом предмета искового заявления по собственной инициативе нарушает основополагающие принципы цивилистического процесса. В частности, не соблюдается принцип равенства сторон перед законом и

судом, поскольку суд, осуществляя переквалификацию исковых требований, отдает предпочтение истцу, ставит его в преимущественное положение. В результате ответчик вынужден возражать не против позиции истца, а против позиции самого суда, который, по сути, подменил собой истца. В таком случае можно говорить об отсутствии объективности и беспристрастности суда. Нарушение принципа состязательности заключается в том, что ответчик, не зная о том, какими в результате будут требования истца, лишается возможности качественно подготовить возражения против иска. Осуществляя вместо истца окончательный выбор способа защиты права, суд нарушает принцип диспозитивности.

Список использованных источников:

1. Белов, В. А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? / В. А. Белов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 11. – С. 53-90.
2. Борисова, Ю. А. Тождество в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Борисова Юлия Андреевна. – Москва, 2009. – 26 с.
3. Гетьман-Павлова, И. В. Принцип *lis pendens* в международном гражданском процессе: проблемы идентичности исков и сторон / И. В. Гетьман-Павлова, М. А. Филатова // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 2. – С. 239-263.
4. Гольмстен, А. Х. Принцип тождества в гражданском процессе / А. Х. Гольмстен. – Санкт-Петербург: Типография Правительствующего Сената, 1884 г. – 270 с.
5. Гурвич, М. А. Право на иск / М. А. Гурвич. – Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1949 г. – 215 с.
6. Нефедьев, Е. А. Учение об иске / Е. А. Нефедьев. – Казань: Типография Императорского университета, 1895 г. – 44 с.
7. Осокина, Г. Л. Иск (теория и практика) / Г. Л. Осокина. – М.: Городец, 2000. – 192 с.
8. Решетникова, И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное / И. В. Решетникова. – М.: Статут, 2019. – 510 с.
9. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. – М.: Статут, 2014. – 784 с.
10. Светланов, А. Г. Международный гражданский процесс: современные тенденции / А. Г. Светланов. – М.: Тон – Острожье, 2002. – 182 с.
11. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: Пост. Пленума ВС РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 // ПГ. № 109.

12. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Пост. Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 // РГ. № 140.

13. Определение Верховного Суда РФ от 21 июня 2018 г. по делу № № 303-ЭС14-4717 (4) [Документ не опубликован]. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

14. Определение Верховного Суда РФ от 25 дек. 2018 г. по делу № 16-КГ18-44 [Документ не опубликован]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.01.2019 по делу № А33-32413/2017 // [Документ не опубликован]. Доступ СПС «КонсультантПлюс».

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

© Е.В. Ягупова

Научный руководитель: А.В. Ковалева

Сибирский федеральный университет

Участие прокурора в арбитражном процессе направлено на защиту публичных интересов. Особый статус прокурора в арбитражном процессе всегда вызывал немало вопросов. В соответствии с п.3 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» участие прокурора в рассмотрении дел арбитражными судами осуществляется в соответствии с процессуальным законодательством [4]. Законодатель отнес прокурора к числу участвующих в деле лиц. Сравнительно недавно преобладающей являлась точка зрения о том, что прокурор является одной из сторон в процессе или, иначе говоря, «особым истцом». Так, приверженцами точки зрения о том, что в гражданском и арбитражном процессе прокурор- это истец в процессуальном смысле, являлись: В.Н. Аргунов [2], В. В. Янков [8], Г. Л. Осокина [5]. Обозначение проблемы определения правового положения прокурора в действующем арбитражном процессуальном законодательстве вызвано так называемым «несовершенством юридической терминологии» [7]. Проявляется это в использовании термина «иск» в ст. 52 АПК, регулирующей участие в деле прокурора. Объясняется это тем, что иск как бы инициирует возбуждение дела, что в свою очередь не может являться основным фактором, в соответствии с которым каждого субъекта, возбуждающего дело, можно было бы считать стороной. Нет необходимости отождествлять правовое положение прокурора с истцом в процессе, так как у них разные функции и задачи, объем процессуальных прав и обязанностей.

В АПК предусмотрены две формы участия прокурора в арбитражном процессе. Первая – возбуждение дела. У прокурора существует так называемый «особый интерес» к возбуждению дела, определяемый его должностным положением и необходимостью защиты публично-правовых интересов в арбитражном суде» [6]. Основания возбуждения прокурором дела предусмотрены АПК (в частности ч.1 ст.52 АПК) [1]. Имеющим большое значение актом, который регламентирует полномочия прокурора в арбитражном процессе, является Постановление Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012г. № 15, п. 1 которого устанавливает, что судам поручено рассматривать заявления прокурора, направляемые в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 202 АПК РФ и ч. 1 ст. 207 АПК РФ [3].

Анализ действующего законодательства, позволяет отметить несовершенство законодательного урегулирования данной формы участия прокурора в арбитражном процессе, а также наличие проблем применения ст. 52 АПК на практике.

В частности, ст. 52 и ст. 198 АПК РФ предусматривают право на обращение в арбитражный суд с заявлением о признании ненормативного правового акта недействительным. В п. 2 ст. 198 АПК РФ говорится о том, что прокурор «вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, незаконными решений и действий (бездействия) органов, осуществляющих публичные полномочия, должностных лиц, если полагает, что оспариваемый ненормативный правовой акт, решение и действие (бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают права и законные интересы граждан, организаций, иных лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности» [1].

В свою очередь, п.3. Постановления Пленума ВАС РФ от 23 марта 2012 № 15 [3] несколько уменьшает право обращения прокурора в суд с данным требованием, говоря о том, что он обращается если полагает, что оспариваемый акт нарушает права и законные интересы неопределенного круга лиц или иные публичные интересы, а «если при рассмотрении заявления прокурора об оспаривании ненормативного правового акта арбитражный суд установит, что оно предъявлено в интересах конкретного лица (лиц), в отношении которого акт принят, суд со ссылкой на п. 1 ст. 150 АПК РФ прекращает производство по делу об оспаривании ненормативного правового акта» [3]. То есть, интересы конкретного лица в арбитражном процессе при рассмотрении дел данной категории прокурор защищать не вправе.

В связи с этим можно выделить проблему защиты в арбитражном процессе прав и законных интересов лиц, не имеющих возможности самим обратиться в

арбитражный суд за защитой прав и охраняемых законом интересов. В отличие от гражданского процессуального законодательства АПК РФ не содержит подобной нормы. Между тем, субъектный состав, предусмотренный и ч.2 ст.27 АПК РФ, значительно расширен по сравнению с АПК 1992,1995гг. и, соответственно, изменено его значение как критерия отнесения к компетенции арбитражных судов.

Актуально это может быть при рассмотрении арбитражным судом споров между акционерными обществами и акционерами. Как правило, акционеры являются обычными гражданами, которые просто не имеют возможности самостоятельно отстоять свои интересы. И тут, конечно, ощутимыми становится различие подхода законодателя в ГПК РФ и АПК РФ: в последнем отсутствует норма, позволяющая прокурору возбудить дело в защиту прав и интересов гражданина, если последний в силу уважительных причин сам не может обратиться в суд за защитой своего нарушенного права.

Вторая форма участия прокурора в арбитражном процессе заключается во вступлении в дело, рассматриваемое арбитражным судом, на любой стадии арбитражного процесса с процессуальными правами и обязанностями лица, участвующего в деле, в целях обеспечения законности. Причем вступить в уже начавшийся процесс прокурор вправе только по определенным категориям дел, которые указаны в ч.1 ст.52 АПК РФ. При этом АПК РФ не определяет механизм вступления прокурора в дело.

В ч.5 ст.52 АПК РФ указано, что прокурор вступает в дело «в целях обеспечения законности» [1]. Под законностью при рассмотрении дел арбитражным судом понимается правильность применения законов и иных нормативных правовых актов, а также соблюдение всеми судьями арбитражных судов правил, установленных законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах (ст. 6 АПК РФ) [1]. Таким образом, главной целью прокурора, который вступает в процесс, является то, чтобы наблюдать за правильностью применения судом норм материального права и соблюдением как судьями, так и иными участниками процесса норм процессуального права, чтобы в итоге было вынесено законное и обоснованное решение. Хотя и правовая позиция прокурора по делу не является обязательной для суда, однако она выполняет роль дополнительной профессиональной точки зрения.

Также внимания заслуживает и следующий момент. Вопреки тому, что действующее законодательство о судопроизводстве в арбитражных судах не упоминает о такой форме участия прокурора, как дача заключения, вступление прокурора в начатый процесс по своему содержанию является смежным по отношению именно к этой форме. «Единоеобразие законодательства, регулирующего гражданское и арбитражное судопроизводство по одним и тем же вопросам, предполагает,

что прокурор, вступая в процесс, должен обладать правом давать заключение по делу, обеспечивая законность рассмотрения дела арбитражным судом» [7].

Участие прокурора в арбитражном процессе проявляется в двух формах – инициирование процесса, где, безусловно, превалирует защита публичных интересов, и вступление в процесс с целью обеспечения законности, которое возможно по ограниченному кругу дел. Основной проблемой участия прокурора в арбитражном процессе, на наш взгляд, является отсутствие подробного и непротиворечивого регулирования рассматриваемого института. Позволило бы частично устранить эту проблему недоурегулированности, в частности, добавление некоторых положений, касающихся, например, второй формы участия прокурора в процессе. Эти положения могут касаться как регламентированной АПК РФ процедуры вступления прокурора в процесс, закрепления обязанности участия прокурора для дачи заключения по делу, а также его обязательной письменной формы. Высказанные соображения, на наш взгляд, полезны не только в теоретическом плане, но и могут быть учтены в повседневной правоприменительной практике.

Список использованных источников:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012 (с последн. измен.).
2. Аргунов В. Н. Участие прокурора в гражданском процессе // Вестник МГУ, 1991. – № 2. – С 24-28.
3. О некоторых вопросах участия прокурора в арбитражном процессе: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.03.2012 № 15 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 53. – Ст. 7609 (с последн. измен.).
5. Осокина Г. Л. Иск прокурора в гражданском судопроизводстве / Г.Л. Осокина: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1980.
6. Отческая Т.И. Процессуальные аспекты участия прокурора в арбитражном процессе // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 2. – С.123-124.
7. Трещева Е.А. Статус прокурора в арбитражном процессе нуждается в совершенствовании // Lex russica. – 2015. – № 10. – С. 25-26.
8. Яркв В.В. Арбитражный процесс: учебник // Волтерс Клувер. – 2003. – С. 129—130.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ
И ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ**

EINFLUSSNAHME DER ELEKTRONISCHEN AUFENTHALTSÜBERWACHUNG IN DER BEWÄHRUNGSHILFE

© A. Brünjes, J. Werning
Betreuerin: Dr. O. Siegmunt
Universität Vechta

Im Wintersemester 2019/2020 wurde an der Universität Vechta im Rahmen des Moduls „Soziale Arbeit und Kriminologie“ ein Forschungsprojekt durchgeführt. Es wurde untersucht, inwiefern das sozialarbeiterische Handeln in der Bewährungshilfe durch den Zwangskontext der elektronischen Aufenthaltsüberwachung (EAÜ) eingeschränkt wird. Hierbei wurde zunächst angenommen, dass die Beziehung zwischen Sozialarbeiter*innen und Klient*innen mit EAÜ durch den daraus entstehenden Zwangskontext negativ beeinflusst wird. Außerdem wurde die Hypothese aufgestellt, dass auch die Persönlichkeit und das soziale Leben des/der Klient*in durch die EAÜ Einschränkungen erfährt.

Um dies zu untersuchen wurde ein Sozialarbeiter-Klient-Gespann aus Niedersachsen, bestehend aus einem Justizsozialarbeiter des Ambulanten Justizsozialdienstes (AJSD) und dessen Klienten mit EAÜ-Erfahrung, mithilfe eines leitfadengestützten Experteninterview befragt. Die Themen dieser Befragungen erstreckten sich von der EAÜ im Allgemeinen über das soziale Leben des Klienten bis hin zur Beziehung zwischen Klient und Sozialarbeiter. Sie lieferten einen umfassenden Einblick in die Arbeit mit EAÜ-Träger*innen. Ausgewertet wurden die Experteninterviews anhand einer qualitativen Inhaltsanalyse, wobei der transkribierte Inhalt mithilfe eines Kategoriensystems analysiert wurde. Dabei wurden vier Kategorien gebildet:

1. Zwang.
2. Einschränkungen.
3. Beziehung zwischen Sozialarbeiter und Klient.
4. Kontakte außerhalb der Führungsaufsicht.

Die Kategorie „Zwang“ umfasst die Zwänge, die dem interviewten Klienten während seiner Zeit mit EAÜ auferlegt wurden und beschäftigt sich damit, was passierte, als der Klient die EAÜ vorsätzlich entfernte. Die Kategorie „Einschränkungen“ umfasst zunächst solche Einschränkungen, welche durch das physische Objekt am Fußgelenk des Klienten entstanden. Teil dieser Einschränkungen sind erlebte Stigmatisierung, welche der Klient beispielsweise im Alltag, sowie bei der Wohnungs- und Arbeitssuche erlebt hat. Der resultierende Umgang des Klienten mit diesen Erlebnissen wird ebenso thematisiert. In die Kategorie „Beziehung zwischen Sozialarbeiter und Klient“ fließen der Habitus des Sozialarbeiters, die gegenseitigen Erwartungen

aneinander, die Kontaktgestaltung, sowie die Vertrauensbeziehung ein. Kategorie vier „Kontakte außerhalb der Führungsaufsicht“ schließt all die Kontakte des Klienten außerhalb der Sozialarbeiter-Klient-Beziehung ein und enthält Aufschlüsse über die Qualität dieser Kontakte. Nachfolgend wurden diese Kategorien literaturbasiert ausgewertet und die Ergebnisse zur Beantwortung der Forschungsfrage hinzugezogen.

Zusammenfassend sind folgende Ergebnisse entstanden: Die EAÜ trägt auf verschiedene Weise indirekt zu einer Erschwerung der Zusammenarbeit zwischen Sozialarbeiter und Klient bei. Es entsteht eine hohe Belastung durch den Zwangskontext. Mit dem Tragen der EAÜ entwickelten sich viele Begleiterscheinungen, welche negativen Einfluss auf das Leben des Klienten haben. Durch empfundene Einschränkungen entsteht Reaktanz, welche bei dem interviewten Klienten zu Rebellion führte [3, S. 50f]. Besonders im Wohnungs- und Arbeitsmarkt wurden dem Klienten viele Türen verschlossen. Die nach Haftentlassungen anstehende Resozialisierung wird für EAÜ-Träger*innen zudem erschwert [1, S. 30]. Sie werden durch das Gerät der EAÜ mit zusätzlicher Stigmatisierung konfrontiert. Träger*innen einer EAÜ erfahren Ausgrenzung und werden auf das Merkmal „Träger*in einer elektronischen Fußfessel“ reduziert [5, S. 21]. Abgrenzung zum Stigma „Straftäter*in“ ist künftig schwer oder nicht mehr möglich [5, S. 23]. Es entstehen beispielsweise Barrieren, welche Einfluss auf die Handlungsfähigkeit innerhalb der Arbeitsbeziehung haben. Im Falle der befragten Experten wirkte sich die EAÜ nicht nur auf die Handlungsfähigkeit des Klienten, sondern auch auf die des Sozialarbeiters aus. Bemühungen, den Klienten in den Arbeitsmarkt einzubinden oder andere Maßnahmen wahrzunehmen, wurden durch die Stigmatisierung verwehrt [6, S. 34-36]. Kontakte außerhalb der Arbeitsbeziehung zum Bewährungshelfer brechen ab oder werden aus Angst vor Ablehnung gar nicht erst gesucht [2, S. 499; 6, S. 42]. Die Beziehung zum Sozialarbeiter scheint in einem solchen Fall an Bedeutung zu gewinnen. Resignation als letzte Folge der EAÜ nimmt erneut Einfluss auf den Resozialisierungsprozess und erschwert dem/der Sozialarbeiter*in wiederum eine erfolgreiche Hilfestellung [4, S. 228]. Trotz vieler, erlebter Problematiken und Rückschläge fungiert die entwickelte Vertrauensbeziehung zwischen dem Sozialarbeiter und dem Klienten als Basis, welche auch nach Entfernen der EAÜ das Kennzeichen der Beziehung ist.

Bezugnehmend auf zukünftige Forschungen ist eine stärkere Transparenz und eine Abnahme der Stigmatisierung gegenüber der Justiz besonders gegenüber Haftentlassenen, Straftäter*innen und Klient*innen wünschenswert. Es ist anzunehmen, dass eine erhöhte Informiertheit der Gesellschaft dazu beitragen könnte, eine bessere Inklusion zu ermöglichen. Sofern weniger Stigmatisierung und mehr Verständnis und Gemeinschaftsgefühl entwickelt werden können, besteht die Hoffnung, dass jegliche Resozialisierung einen besseren Verlauf nehmen würde. Weiterhin ist vorstellbar, dass ein wachsendes pädagogisches Angebot in Form von Wohngruppen für Haftentlassene

und Straftäter*innen eine Hilfe für die Bewährungshilfe, sowie den Resozialisierungsprozess darstellen könnten.

Die Ergebnisse der durchgeführten Studie sind keinesfalls repräsentativ für die Gesamtheit. Sie beschreiben die Abbildung einer subjektiven Wahrnehmung anhand einer Klient-Sozialarbeiter-Beziehung. Sie schafft jedoch neue Blickwinkel, welche neue Forschungsfragen aufkommen lässt.

Literaturverzeichnis:

1. Cornel, H. (2009): Zum Begriff der Resozialisation. In: H. Cornel, Kawamura-R., B. Maelicke und B. R. Sonnen (Hg.): Resozialisation. Handbuch. Baden-Baden: Nomos, S. 27–60.
2. Kawamura-Reindl, G. (2009): Hilfen für Angehörige Inhaftierter. In: H. Cornel, Kawamura-R., B. Maelicke und B. R. Sonnen (Hg.): Resozialisation. Handbuch. Baden-Baden: Nomos, S. 499–508.
3. Kähler, A.; Zobrist, P. (2013): Soziale Arbeit in Zwangskontexten. Wie unerwünschte Hilfe erfolgreich sein kann. 2. Aufl. München: Ernst-Reinhardt.
4. Lamek, S. (2013): Theorien abweichenden Verhaltens I: "Klassische" Ansätze. Eine Einführung für Soziologen, Psychologen, Juristen, Journalisten und Sozialarbeiter. 9. Aufl. Paderborn: Wilhelm Fink.
5. Nass, G. (1981): Zur Psychogenese der Stigmatisierung. In: W. T. Haesler (Hg.): Stigmatisierung durch Strafverfahren und Strafvollzug. Diessenhofen: Rügger, S. 15–32.
6. Pickl, V. (1981): Stigmatisierung durch Strafverfahren und Strafvollzug. In: W. T. Haesler (Hg.): Stigmatisierung durch Strafverfahren und Strafvollzug. Diessenhofen: Rügger, S. 33–50.

GEFAHREN IN DEN SOZIALEN MEDIEN AM BEISPIEL CYBERMOBBING

© L. Meyer

Betreuerin: Dr. O. Siegmunt

Universität Vechta

Die sozialen Medien bieten ein großes Spektrum sich mit anderen NutzerInnen weltweit zu vernetzen. Sie können sich über bestimmte Thematiken austauschen und Informationen, die beispielsweise bei Wikipedia gegeben sind, immer wieder aktualisieren, auf die alle NutzerInnen mit Internetanschluss zugreifen können. Es birgt aber auch Gefahren, beispielsweise Cybermobbing oder auch Fake-News, wie sie jetzt

häufig, bedingt durch den Corona-Virus, über Facebook, YouTube oder Telegram für NutzerInnen zugänglich gemacht werden.

Definition und Zahlen zu sozialen Medien

Das Internet und insbesondere die sozialen Medien dienen ihren NutzerInnen allgemein gehalten zum Austausch und Weiterentwicklung von Informationen. Alle NutzerInnen können auf diese Informationen zurückgreifen und diese ändern. Beispielsweise wenn es neue Erkenntnisse für wissenschaftliche Bereiche gibt, können diese in Onlinezyklopädien aktualisiert werden. So ähnlich ist es auch auf Plattformen wie YouTube, Instagram oder Facebook. Haben normale Homepages einen starren und nicht beeinflussbaren Informationsfluss, wenn NutzerInnen auf diese keinen Zugriff haben, so können die sozialen Medien von der NutzerInnen selbst gestaltet werden. Sei es durch individuelle Videos auf YouTube, Hashtags und Fotos auf Instagram oder Gruppen bei Facebook. Hier können allesamt ihren Präferenzen individuell gestalten und so in Kontakt mit anderen kommen [1].

In Zahlen schlägt sich das wie folgt nieder: Insgesamt benutzen circa 4,4 Milliarden Menschen das Internet beziehungsweise haben einen Zugang dafür, 3,5 Milliarden davon benutzen soziale Medien. Durchschnittlich sind sie täglich 142 Minuten in den sozialen Medien aktiv und haben für die verschiedenen Plattformen 7,6 Accounts. Alle 6,4 Sekunden gibt neue NutzerInnen in den sozialen Medien. Täglich werden über die verschiedenen Messenger-Dienste über 60 Milliarden Nachrichten verschickt [4].

Cybermobbing

Cybermobbing ist in den letzten Jahren stets ein präsender Begleiter der sozialen Medien und wird nach wie vor oftmals gegen Personen(-gruppen) verwendet. Dabei werden NutzerInnen via technische Kommunikationsmittel belästigt, genötigt oder auch beleidigt. Zumeist sind es immer wiederkehrende Schikanen in Chatrooms oder Gruppen in den sozialen Medien. Es müssen insgesamt vier Kriterien erfüllt sein, damit die Form des Cybermobbings vorliegt. Zum einen müsste das Mobbing in einer regelmäßigen, sich wiederholenden Form vorkommen, die Absicht des Mobbings soll für eine Person verletzend sein und es müssen ein Kräfteungleichgewicht sowie eine Hilflosigkeit vorliegen [2]. Formen des Cybermobbings sind unter anderem Flaming, Harassment, Denigration, Impersonation, Outing, Exclusion, Happy Slapping, Cyber Grooming, Cyberstalking oder auch Cybertherads. Die subjektiven Motive für Cybermobbing sind umfangreich. Zum einen kann die einzelne Person Angst haben, selbst von Mobbing betroffen zu werden oder hat Verlustängste für die Zugehörigkeit einer bestimmten Statusgruppe. Das Mobbing kann auch dazu dienen, eigene Komplexe dahingehend zu kompensieren, dass kein Gefühl der eigenen Minderwertigkeit besteht [2]. Infolgedessen wird Cybermobbing präferiert, um in der eigenen Clique das Ansehen zu steigern. Auch werden dabei die Machtverhältnisse mit der Videokamera festgehalten

und gelten als Trophäe. Die TäterInnen sind zumeist Menschen, die eine positive Einstellung zur Gewalt haben, kein Schuldbewusstsein für die anderen zeigen und die Ernsthaftigkeit nicht erkennen, in ihrer Art sehr impulsiv und dominant und verfügen selbst über ein starkes Selbstvertrauen. Die Geschlechter sind ausgeglichen. Cybermobbing gibt es oftmals unter SchülerInnen, die ihren sozialen Status ausbauen wollen und sich dafür Personen heraussuchen, die ohnehin nicht den größten Stellenwert genießen. SchülerInnen setzen Cybermobbing aber auch gezielt gegen LehrerInnen ein, um sich an diesen für eine schlechte Note zu rächen oder weil ihnen die Person insgesamt diesen nicht zusagt [2]. Das gleiche Phänomen gibt es aber auch bei Erwachsenen. Hierbei entsteht oftmals ein Mobbing aus der Konkurrenz für einen besseren Arbeitsplatz oder einen besseren Ruf innerhalb der Firma. Zudem können auch Unternehmen eine Form des Mobbings erfahren. Dieses gilt beispielsweise für schlechte Bewertungen im Internet. Hierbei werden dann Lügen über die Firmen verbreitet oder ein Restaurant bekommt eine schlechte Bewertung [2].

Wie groß die Fallzahl des Mobbings bereits ist, zeigt eine Studie des medienpädagogischen Forschungsverbund Südwest. Hierbei wurden 1.200 Jugendliche befragt, ob sie in den sozialen Medien schon einmal das Opfer von Mobbingattacken wurden. Insgesamt haben diese Frage 37% mit "Ja" beantwortet. Dabei war der betroffene Personenkreis der Mädchen höher. Oftmals begannen Mobbingfälle im Alter zwischen 12 und 13, am häufigsten aber zwischen 16 und 19 Jahren [3]. Um zu erkennen, ob eine Person aus dem nahen Umfeld als Opfer betroffen ist, kann darauf geachtet werden, ob diese ihr eigenes Verhalten immer mehr ändert und sich verbarrikadiert. Des Weiteren können auch körperliche Probleme entstehen, die Person ist im Gegensatz zu vorher nicht mehr so sehr im Internet und in sozialen Netzwerken aktiv oder schließt schnell Internetseiten, wenn Eltern oder Freunde das Zimmer betreten. Die Opfer sind zumeist Menschen, die nicht stereotypischen Normen entsprechen. Das heißt, dass sie oftmals kleiner und schwächer, dicker oder aggressiver als andere sind. Zudem sind sie oftmals schüchtern, haben eine geistige oder körperliche Beeinträchtigung oder gehören einer ethnischen Minderheit an. Sie reagieren oftmals sehr wütend, können aber auch Essstörungen, Angst oder Depressionen entwickeln, die manchmal den Suizid fördern können. Langzeitfolgeschäden sind psychisch sowie physisch können hierbei ebenso auftreten [2].

Fazit: Mögliche Maßnahmen und Gesetzeslage

In einigen Staaten gibt es bereits Gesetzestexte und Kooperationen mit den InhaberInnen der sozialen Medien, um Cybermobbing entgegenwirken zu können. In Deutschland werden dafür folgende Gesetzestexte aktiv benutzt: Gewaltdarstellung, Beleidigung, üble Nachrede, Verleumdung, Verletzung der Vertraulichkeit des Wortes, Verletzung des höchstpersönlichen Lebensbereichs durch Bildaufnahmen, Straftaten

gegen die persönliche Freiheit, Verletzung des Allgemeinen Persönlichkeitsrechts, Recht am eigenen Namen, Recht am eigenen Bild und Wirtschaftlicher Ruf [2].

Mögliche Sofortmaßnahmen beziehungsweise langanhaltende Maßnahmen sind es, dass die betroffenen Personen sich zügig melden, damit während des Mobbingprozesses eingegriffen werden kann. So können betroffenen Personen Anlaufstellen aufgezeigt werden, um direkt intervenieren zu können, um psychische Schäden zu verhindern oder direkt in die Konfrontation mit dem Täter zu gehen. Hierbei könnten die TäterInnen in die Lage der betroffenen Person hineinversetzt werden, mit dem Ziel für Verständnis und Mitgefühl. Auch können Möglichkeiten aufgezeigt werden, die TäterInnen strafrechtlich verfolgen zu können [2].

Kurz zusammengefasst lässt sich erläutern, dass die technischen Voraussetzungen keine großen Hürden sein müssen, um gezielt Personen oder Gruppen mobben zu können. Mit Blick auf die Zukunft sollte es noch leichter werden. Um den technischen Fortschritt „entgegenzukommen“ ist es wichtig, dass die Aufklärung für Cybermobbing und deren Folgen ausgeweitet wird. Auch wäre es mindestens eine Überlegung wert, die Gesetzestexte dementsprechend anzupassen und so möglichen Verwechslungen und Grauzonen zuvorzukommen. Bei allen möglichen Maßnahmen ist es dennoch am wichtigsten, dass sich betroffene Personen selbstständig melden, damit Maßnahmen ergriffen werden, dass Mobbing zu beenden oder der geschädigten Person insofern zu helfen, dass keine Folgeschäden, psychischer sowie physischer Natur, entstehen können.

Literaturverzeichnis:

1. Böker, K.H., Demuth, U., Thannheiser, A., Werner, N. (2013): Social Media – Soziale Medien? Neue Handlungsfelder für Interessenvertretungen. Hans Böckler-Stiftung: Düsseldorf.
2. Cybermobbing. URL: <http://www.cybermobbing-hilfe.de> (Stand: 08.04.2020).
3. Feierabend, S., Plankenhorn, T., Rathgeb, T. (2017): JIM 2017 Jugend, Information, (Multi-) Media. Basisstudie zum Medienumgang 12- bis 19-Jähriger in Deutschland. Medienpädagogischer Forschungsverbund Südwest (mpfs): Stuttgart.
4. Smith, K. (2019): 126 interessante Social Media Zahlen und Statistiken. URL: <https://www.brandwatch.com/de/blog/interessante-social-media-zahlen-und-statistiken/> (Stand: 08.04.2020).

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ФОРМА ПРОФИЛАКТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

© А.Р. Анциферова, Е.А. Карпухин

Научный руководитель: П.В. Тепляшин

д-р юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД России

Ключевой идеей Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1] выступает нормативное закрепление правовых основ действия системы профилактики правонарушений. Этим обусловлено рамочное регулирование нормативно-правового действия системы профилактики правонарушений, объединяющей региональные системы и имеющей разные уровни (федеральный, субъектный, ведомственный и муниципальный).

Также рамочный характер и особенности предмета регулирования ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» обусловлены тем, что соответствующий предмет относится к сфере совместного ведения РФ и субъектов, а также «нецелесообразностью и недемократичностью» детализации на федеральном уровне действия региональных систем профилактики правонарушений, формирование которых, по мнению законодателя, в основном завершено [7, с. 13].

Одним из средств профилактики, в соответствии с федеральным законодательством, является ресоциализация. Подтверждением тому является закрепление ее в качестве средства профилактики в ст. 25 главы 3 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Существует несколько подходов к определению этого термина. В первую очередь, необходимо отметить нормативное определение. Так, по ст. 25 ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», ресоциализацией называются социально-экономические, педагогические, нормативно-правовые меры, принимаемые субъектами профилактики правонарушений согласно их компетенции и участниками профилактики правонарушений, для возвращения в общество лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы или подвергшихся другим уголовно-правовым мерам.

Н.А. Крайнова отмечает, что ресоциализация – это восстановление лица как социализированного члена общества, вследствие применения к нему правовых, социально-организационных, психолого-педагогических, воспитательных и других мер на разных этапах осуществления уголовного наказания для профилактики совершения новых преступлений [2].

На наш взгляд, определение Н.А. Крайновой более глубокое, чем нормативное. В своем определении она подчеркивает, что ресоциализация – не просто комплекс мер, а именно сам процесс восстановления лица. Ведь полноценному возвращению лица в общество способствуют не только меры, предпринимаемые государством, но и его собственное осознание и желание восстановиться в социуме.

В научной среде возникают дискуссии по поводу того, является ли термин «исправление» синонимом «ресоциализации» или это два разных понятия, а также по поводу того, стоит ли перед ними одинаковая цель – профилактика совершения новых преступлений. Ряд ученых приравнивают ресоциализацию к исправлению [4, с. 123]. Однако большая часть специалистов считает, что понятие ресоциализации более обширно. Например, М.С. Рыбак утверждает, что исправление осужденного – это только средство ресоциализации, под которой следует понимать «всестороннюю организаторскую и воспитательную деятельность по осуществлению целей наказания, социализацию осужденного, восстановление потерянных социальных контактов, подготовку к жизни на свободе. Таким образом, ресоциализация – это целенаправленное перерождение преступного элемента в законопослушного человека» [5, с. 39]. При этом, по его мнению, цели профилактики совершения преступлений в дальнейшем перед исправлением не стоит. Данную позицию поддерживает и В.Ю. Авраменко, который говорит о том, что ресоциализация характеризует изменения в человеке, происходящие под воздействием разных факторов, вследствие которых лицо превращается в социализированного члена общества. По его мнению, ресоциализация протекает длительно, а исправление – один из ее этапов [6, с. 82].

Следует согласиться с большинством теоретиков, так как исправление направлено на то, чтобы у осужденного сформировалось уважительное отношение к обществу и закону. Но исправление не реализует меры по профилактике совершения преступлений в дальнейшем, поскольку даже исправившийся человек под влиянием различных обстоятельств может совершить новое. А ресоциализация направлена именно на профилактику: ее цель – минимизировать обстоятельства, под влиянием которых человек может снова стать преступником.

Так, ресоциализация лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, – это основной элемент предупреждения рецидивов. В этой связи государство должно быть заинтересовано в том, чтобы отбывшие наказание граждане стали вести нормальный образ жизни и не совершали новых преступлений.

На свободе бывшие осужденные сталкиваются с множеством трудностей: разлад в семье, отсутствие жилья, препятствия при трудоустройстве. Нежелание принять нормальные социальные ценности, неспособность противостоять

трудностям объективно подталкивает к алкоголизму, наркомании, а также к совершению новых преступлений. Кроме того, отбывшие длительное заключение лица, попадая на свободу, оказываются в непривычной обстановке, чувствуя бессилие и отсутствие поддержки, совершают новые преступления из побуждений попасть обратно в тюрьму, где не нужно будет думать о том, как заработать денег, где найти работу и жилье.

В целях осуществления мер ресоциализации в учреждениях ФСИН действуют более 400 кафе для свиданий осужденных с родственниками; активно практикуется выезд осужденных за пределы исправительных учреждений по бытовым и семейным обстоятельствам.

В последнее время заметно усовершенствовалась и государственная политика по постпенитенциарной ресоциализации: в службу занятости ежегодно обращается около 30 тысяч освободившихся из мест лишения свободы граждан, и уровень их успешного трудоустройства составляет 80%. Также многие бывшие заключенные проходят курсы по востребованным профессиям, предоставляемые службой занятости (курсы электриков, водителей разных категорий и т.д.) [10]. Помимо этого, существуют и частные организации, оказывающие психологическую помощь лицам, освободившимся из мест лишения свободы, и их родственникам. Это также является важным этапом профилактики рецидивов преступлений, поскольку большинство рецидивов совершаются под влиянием негативного психологического состояния ввиду разрыва социальных связей, отсутствия психологической поддержки.

Отдельного внимания заслуживает ресоциализация наркопотребителей. На сегодняшний день в РФ управленческая и организационно-административная базы систем ресоциализации наркопотребителей формируются медленно. Одновременно с этим почти во всех государствах-членах Организации Договора о коллективной безопасности [8] нет системных нормативно-правовых предпосылок по масштабному действию унифицированных национальных систем реабилитации как нового вида деятельности государств.

Начальник психологической службы ГУФСИН О.В. Самофалова отмечает, что лишь 6–10 % наркопотребителей, освободившись из мест лишения свободы, уходят в ремиссию и возвращаются к обычной жизни [9].

Для повышения эффективности ресоциализации наркопотребителей представляется целесообразным создание единого механизма финансирования деятельности организаций, оказывающих услуги в этой сфере. Следует также обеспечить участие в системе ресоциализации органов социальной защиты для того, чтобы они организовывали реабилитацию без лечения, контролировали и поддерживали деятельность негосударственных реабилитационных центров.

Продолжается разработка организационно-управленческого механизма координации системы межгосударственной ресоциализации наркопотребителей [11, с. 155].

Таким образом, значение ресоциализации состоит в решении сложных задач приспособления гражданина к жизни в обществе, заглаживанию вреда, нанесенного им обществу, улучшении психологического состояния. Целью ресоциализации является предупреждение дальнейшего совершения преступлений лицами, уже отбывшими наказание. Особое внимание следует уделить ресоциализации наркопотребителей, так как именно эта категория правонарушителей на сегодняшний день является одной из самых многочисленных и склонных к рецидивам.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (последняя редакция) // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://consultant.ru>
2. Крайнова Н.А. Проблемы ресоциализации неоднократно судимых лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Владивосток, 2002. – 23 с.
3. Предов Т. Ресоциализация преступников-рецидивистов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1978. – 211 с.
4. Стурова М. П. Педагогика социальной реабилитации осужденных: поиски и находки // Наказание: законность, справедливость, гуманизм: материалы науч.-практ. конф. – Рязань: РВШ МВД РФ, 1994. – С. 123–127.
5. Рыбак М. С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. – Саратов, 2004. – 130 с.
6. Авраменко В.Ю. Ресоциализация заключенного как социально-педагогическая цель работы с ним в исправительном учреждении // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 1. – С. 82–85.
7. Миронов А.В. О правовых коллизиях в положениях федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 6. – С. 13–17.
8. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) — военно-политический союз, созданный несколькими государствами Евразии (в разное время организация объединяла от 6 до 9 государств) на основе Договора о коллективной безопасности (ДКБ), подписанного 15 мая 1992 г. – URL: <http://www.odkb-csto.org/structure> (дата обращения: 24.03.2020).

9. Ресоциализация наркоманов в местах лишения свободы невозможна без участия психологов // УФСИН России по Рязанской области. – URL: http://www.62.fsin.su/news/detail.php?ELEMENT_ID=245814 (дата обращения: 25.03.2020).

10. Ресоциализация осужденных: обмен опытом и новые подходы // Сайт Общественной палаты Российской Федерации. – URL: <https://www.oprf.ru/press/news/2019/newsitem/50917> (дата обращения: 31.03.2020).

11. Тепляшин П.В. Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex Russica. – 2017. – № 10. – С. 155–161.

ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ ОБУЧЕНИЯ ДЕТЕЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОЧЕВЫХ ШКОЛАХ И ШКОЛАХ-ИНТЕРНАТАХ

© Р.В. Буров

Научный руководитель: И.Н. Толстикова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Проблемы развития образования коренных малочисленных народов Российской Федерации сегодня имеют особую остроту и характер, поскольку именно образование детей этнических групп является ключом к дальнейшему сохранению традиционного образа жизни, языка, знаний и культуры таких народов.

Одна из актуальных проблем образования этнических групп России – выбор направления:

1) Образование направлено на традиционные занятия народов (оленоводство, рыболовство, ремесло и так далее).

2) Образование направлено на получение современных профессий.

Так, на сегодняшний день существуют разные типы школ для детей коренных малочисленных народов – школы-интернаты и кочевые школы. Рассмотрим их достоинства и недостатки более подробно.

В школе-интернат, образование ориентировано на получение современных профессий, дети коренных народов учатся писать, считать, читать на равне со всеми детьми Российской Федерации, приобретают навыки, которые не связаны с их традиционным образом жизни, а также формируются как личность [1, с. 143]. Однако, необходимо обратить внимание, что обучение в школе-интернате ведется только на национальном языке существует даже, так называемый нулевой

класс, где ребенок коренного народа, попадая в школу-интернат, обучается русскому языку. Родители не могут на эту ситуацию повлиять, поскольку интернат, как правило, отделен от родителей, тайги, традиционного образа жизни, что является еще одним недостатком данного типа школы. Все это приводит к тому, что дети перестают слушаться родителей, отрицательно относятся к традициям, культуре и языку коренных народов, приобретают дурные привычки. Так, родители коренных малочисленных народов отдают предпочтение кочевым школам или забирают детей из школ-интернатов до окончания обучения.

Второй тип школы – кочевые. Кочевые школы направлены на сохранение традиционного образа жизни коренных народов, на передачу культуры кочевых народов из поколения в поколение, на сохранение родного языка. Однако, ребенок не имеет возможности общаться со своими сверстниками, ему недоступны культурные и спортивные мероприятия, играющие большую роль в формировании личности. В условиях кочевого образа жизни у детей рано формируются трудовые навыки, культура природопользования, физическая выносливость, умение выживать в экстремальных условиях. Вместе с тем, недостаточно развиваются такие качества, как коммуникативность, конкурентоспособность, умение сотрудничать в большом коллективе, противостоять негативным влияниям социального характера, жить с людьми других культур и языков, в отличие от школ-интернатов.

Уполномоченный по правам коренных малочисленных народов в Красноярском крае С.Я. Пальчин считает, что кочевые школы для детей коренных народов – это не выход, потому что «Уровень знаний, которые дети получают в кочевых школах, приемлем разве что для дошкольника. Там можно научиться читать и писать, не более. Моя принципиальная позиция – дети должны учиться в школах-интернатах, где для этого есть необходимые условия» [3].

На мой взгляд, сегодня, борьба между кочевыми школами и школами-интернатами продолжается. Так, на территории Эвенкийского муниципального района одни из поселков, например, поселок Тура, являются приверженцами школы-интернат, другие (поселок Суринда) кочевых школ, а в некоторых поселках такого района вообще отсутствуют образовательные учреждения (поселок Мируга) [4].

Важно отметить, что на современном этапе идут исследования о сочетании и взаимодействии этих двух типов школ. Ведь организация системы обучения и воспитания детей малочисленных народов требует учета специфических особенностей их жизнедеятельности. В связи с этим, требуется разработка новых образовательных стратегий, стандартов, специальных программ. Так, например, Губернатор Югры Наталья Комарова в рамках панельной дискуссии «Лучшие практики и проекты в сфере образования для детей коренных народов», которая проходила во время международного арктического форума в Санкт-Петербурге 10

апреля 2019 года, представила участникам новый региональный проект интеграции цифрового и традиционного образования – «Мобильная электронная школа». Он предусматривает возможность получения образования в школе и удаленно. В Республике Саха (Якутия) в разработку специальных школьных образовательных программ закладывается инклюзивный характер образования, внедряются современные информационно-коммуникационные технологии: осуществляется дистанционное обучение, что крайне важно для детей коренных народов, которые проживают в труднодоступных местностях, удаленных от экономических центров [2]. Однако, в большинстве регионов Российской Федерации такие программы и стратегии еще не разработаны.

Таким образом, в настоящее время, недостатки кочевых школ и школ-интернатов еще актуальны. Системе образования Российской Федерации необходимо совершенствовать и повышать качество школьного образования для детей коренных малочисленных народов, с учетом всех специфических особенностей этнических групп, путем заимствования опыта других регионов, введения новых информационно-коммуникационных технологий.

Список использованных источников:

1. Малышева Е.В., Набок И.Л. Образование коренных малочисленных народов Арктики: проблемы и перспективы развития // Общество. Среда. Развитие. – 2015. – №1. – С. 139–144.
2. О проекте стратегии социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]: Постановл. правит. от 26.12.2016 № 455. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/444958940>.
3. Пальчин С.Я. Малочисленным коренным народам на севере Красноярского края может угрожать тотальная безграмотность [Электронный ресурс]: Новости информационно-аналитического портала «Центр Льва Гумилева». – Режим доступа: <https://www.gumilev-center.ru/>.
4. Эвенкия [Электронный ресурс]: Официальный сайт органов МСУ Эвенкийского муниципального района. – Режим доступа: <http://www.evenkya.ru/>.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КАК ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ МЕРА ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ, ПРИМЕНЯЕМАЯ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© К.И. Быкова

Научный руководитель: Е.А. Акунченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

С начала XXI века в России снизилось количество подростков, осужденных за совершение преступлений. Установлено, что повлияла на это произошедшая гуманизация в уголовной сфере в отношении подростков.

Предупреждение выступает одной из наиболее мягких мер воспитательного воздействия на несовершеннолетнего. Предупреждение в качестве меры воспитательного воздействия активно применяется как в России, так и на территориях стран, входивших в состав СССР, а также в Германии, Испании, Египте, Судане, Таиланде и Чили.

По мнению многих ученых, данная мера принадлежит к мерам, которые для несовершеннолетнего лица являются более лояльными по сравнению с остальными мерами принуждения, содержащимися в Уголовном кодексе Российской Федерации. Рассматриваемая мера дает возможность правоприменителю использовать ее как самостоятельно, так и совместно с другими мерами. Как правило, самостоятельно данная мера будет применима при совершении лицом преступления, относящегося к преступным деяниям небольшой тяжести. В остальных случаях эта мера применяется наряду с указанными в статье 90 УК РФ мерами воспитательного воздействия. Так, Х. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 166 УК РФ (неправомерное завладение автомобилем без цели хищения). Находясь во дворе <...>, под предлогом «посидеть в автомобиле» выпросил ключи от автомобиля ВАЗ-2110, принадлежащего П. Самовольно уехал на автомобиле, но впоследствии был задержан сотрудниками полиции. Х. впервые совершил преступление средней тяжести, полностью раскаялся в содеянном, обязался впредь не совершать противоправных деяний, является инвалидом с детства. На основании указанного выше, суд постановил: применить меру воспитательного воздействия к Х. в виде предупреждения [1].

Предупреждение подростка выступает в качестве ситуативной беседы, а также актом вспомогательного действия для несовершеннолетнего преступника для осознания им противоправности своего поведения. Данная мера подразумевает добровольное осознание необходимости соблюдения установленного порядка и правил общежития.

Применение указанной меры преследует цель – указать на правовую и морально-этическую оценку совершенного несовершеннолетним преступления, на основании чего оказать психологическое воздействие на подростка. Суть предупредительной меры состоит в том, что после совершения подростком преступного деяния с ним проводится работа в форме беседы работниками правоохранительных структур. Один из важнейших аспектов воздействия на подростка данной меры предупреждения – это то, что нарушитель закона должен оценить и физическое назначение данной меры, и возможность исправиться без изоляции от общества [2, с. 113]. От этого будет зависеть эффективность реализации рассматриваемой меры. Представляется, что было бы правильнее предусмотреть применение данной меры в качестве самостоятельной к несовершеннолетнему только за впервые совершенное преступление.

Нормативной регламентации по процедуре проведения предупредительной беседы законодатель не предусматривает. Так, в практической деятельности обычно при проведении беседы сотрудник правоохранительных органов разъясняет несовершеннолетнему все возможные варианты развития событий в результате его деяния и возможные последствия в виде уголовной ответственности и уголовного наказания. Во время разговора с несовершеннолетним необходимо удостовериться, что он осознает опасность совершенного им деяния и то, о чем его предупредили.

Убедиться в этом возможно с помощью подписания документа, в котором сотрудник, проводивший беседу, и несовершеннолетний подросток оставят свои подписи. Подписание несовершеннолетним данного документа возложит на него дополнительную обязанность по его соблюдению, а, следовательно, и соблюдение того, в связи с чем была проведена беседа. Поэтому считаю, что для того, чтобы данная мера была грамотно реализована, необходимо разработать Инструкцию, которой будет руководствоваться сотрудник ПДН при реализации рассмотренной принудительной меры воспитательного воздействия.

Таким образом, предупреждение по своему иерархическому нахождению в части 2 статьи 90 УК РФ соответствует действительному положению как мера воспитательного воздействия наряду с другими, так как она выступает наиболее мягкой мерой и в большинстве случаев применяется вместе с другими мерами воспитательного воздействия.

Список использованных источников:

1. Постановление Ленинского районного суда г. Махачкалы от 20 февраля 2019 г. по делу № 1-142/2019 // Справочная правовая система «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Антонян, Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения / Е.А. Антонян // Lex russica. – 2018. – № 9. – С. 112–118.

ПРОБЛЕМА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© К.А. Васильева

Научный руководитель: С.И. Гутник

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Стремительное развитие информационных технологий открыло новые возможности совершения преступлений. При использовании сети Интернет преступник имеет в большинстве случаев не только свободный доступ к персональным данным потерпевшего, но и возможность инициации непосредственного общения с ним, отправки аудио и видеоматериалов, а также вредоносных ссылок.

Несовершеннолетние при отсутствии должного контроля со стороны взрослых часто используют сеть Интернет, посещая различные сайты, в частности такие как «VK», «Instagram», «Twitter» и др., которые дают возможность общаться с неограниченным кругом людей в силу их относительно простого в использовании интерфейса. В виртуальном мире дети могут также подвергаться опасности, как и в реальном. Фондом развития Интернет и факультет психологии МГУ им. М.В. Ломоносова проведено исследование под названием «Дети России онлайн», по результатам которого было определено, что средний возраст детей, начинающих пользоваться глобальной сетью, составляет 9–10 лет [1], что говорит, по нашему мнению, о достаточно ранней подверженности несовершеннолетних всевозможным киберугрозам со стороны злоумышленников.

Противодействие киберпреступности против несовершеннолетних является одной из приоритетных задач государства. По словам Президента Российской Федерации В.В. Путина, высказанным на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации 26 февраля 2020 года, «в поле постоянного внимания должно находиться и интернет-пространство, в котором продолжают действовать разного рода радикальные группы, пропагандирующие уголовную субкультуру, склоняющие подростков к самоубийствам, совершению правонарушений. Работа по их выявлению должна вестись постоянно, а организаторы и подстрекатели – нести заслуженное наказание» [2].

Следует отметить, что процесс противодействия киберпреступности осложнен рядом факторов. В первую очередь, это экстерриториальный характер киберпреступлений, который представляется одной из наиболее значимых проблем противодействия такого рода преступлениям. Согласно ч. 1 ст. 11 УК РФ лицо, совершившее преступление на территории РФ, подлежит уголовной ответственности по УК РФ. При этом в силу ч. 1 ст. 12 УК РФ граждане РФ и постоянно проживающие в РФ лица без гражданства, совершившие вне ее пределов преступление против интересов, охраняемых УК РФ, подлежат уголовной ответственности в соответствии с УК РФ при отсутствии решения иностранного суда по этому преступлению.

Однако необходимо учитывать, что нормы уголовных законов в других государствах с подобными положениями могут не совпадать и могут быть диаметрально противоположными. Следовательно, у лиц, совершающих преступления в отношении несовершеннолетних посредством доступа к компьютерной информации, может быть возможность уйти от наказания, например, путем изменения юрисдикции. Данная проблема обозначается в литературе применительно ко всем компьютерным преступлениям.

Высказывается мнение, что необходима унификация внутригосударственного законодательства разных стран, создания международных соглашений, которые бы имели юридическую силу на территории всех государств-участников таких соглашений [3, с. 16]. Полагаем, что с данным мнением следует согласиться, поскольку разрозненность правовых норм не позволяет своевременно и эффективно привлекать к ответственности лиц, виновных в совершении преступлений против несовершеннолетних.

Сегодня основным международно-правовым документом, регламентирующим вопросы межнационального сотрудничества в борьбе с киберпреступностью является Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации. В указанном международном соглашении сформулированы принципы по обеспечению мер по борьбе с киберпреступлениями на национальном и международном уровнях. Следует отметить, что в 2005 году было издано Распоряжение Президента РФ «О подписании Конвенции о киберпреступности». В Распоряжении содержались положения, в соответствии с которыми Российская Федерация участвует в Конвенции, но только в том случае, пункт «b» ст. 32 Конвенции будет пересмотрен [4]. В рассматриваемом пункте содержится правило, в соответствии с которым предусматривается возможность доступа и получения через компьютерную систему следственными органами одной договаривающейся Стороны к хранящимся на территории другой Стороны цифровым данным, если имеется добровольное согласие лица, которое имеет законные полномочия по раскрытию

этих данных. Однако данное правило со стороны России пересмотрено не было. В соответствии с Распоряжением Президента РФ от 2008 года предыдущее распоряжение о ратификации рассматриваемой Конвенции утратило силу [5]. Таким образом, Конвенция на сегодняшний день Российской Федерацией не ратифицирована, что представляется нам неэффективным. Оспариваемый пункт, на наш взгляд, преследовал цель по охране неприкосновенности частной жизни, право на которую гарантировано, в том числе, и Конституцией РФ.

На уровне Содружества Независимых Государств в 2001 году было заключено Соглашение по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, в соответствии с которым «стороны будут в соответствии с настоящим Соглашением, национальным законодательством и другими международными договорами, участниками которых они являются, сотрудничать в целях обеспечения эффективного предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений в сфере компьютерной информации» [6] Российская Федерация ратифицировала данное Соглашение, приняв Федеральный закон от 01.10.2008 № 164-ФЗ, со следующим положением «Российская Федерация оставляет за собой право отказать в исполнении запроса полностью или частично, если исполнение запроса может нанести ущерб ее суверенитету или безопасности» [7]. Полагаем, что указанная оговорка принята с целью обеспечить интересы безопасности Российской Федерации.

Видится, что на данный момент возникла необходимость создания международного органа, основной функцией которого было бы обеспечение необходимых условий для противодействия киберпреступности, в том числе, и против несовершеннолетних. Учеными предлагается создание такого органа при ООН, так называемый КиберООН [8, с. 52]. Вероятно, создание такого органа будет прогрессивным в обеспечении разрешения проблемы международного сотрудничества по борьбе с киберпреступлениями. В нем должно иметься несколько подразделений, к примеру: научно-аналитический уровень, исполняющий функции такие которые были бы характерны для аналогичных органов на национальном уровне. Исполняющий орган может быть создан, по нашему мнению, на международном, региональном и на национальном уровне. Региональный уровень позволит, в случае киберагрессии, вовремя включиться в противодействие, национальный уровень позволит наравне с местными национальными представителями включать в расследование региональных и международных представителей КиберООН [9, с. 34]. Мы полагаем, что в рамках такой организации должна быть создана и такая, которая была бы посвящена борьбе с преступлениями в отношении несовершеннолетних.

В случае киберагрессии КиберООН должен создать комиссию для расследования конкретного случая киберпреступления. Выводы комиссии с соответствующими доказательствами должны направляться в международные юрисдикционные органы.

Хотим отметить, что невозможно эффективно согласовывать деятельность правоохранительных органов в борьбе с киберпреступностью через государственные границы и различные правовые системы. Для противодействия такому виду преступности необходимы особые механизмы, которые будут эффективны только на базе межгосударственного партнерства.

Список использованных источников:

1. Дети России онлайн: риски и безопасность. Результаты международного проекта EU Kids Online II в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://detionline.com>

2. Вячеслав Володин принял участие в расширенном заседании коллегии МВД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/47879/>

3. Згадзай О.Э. Предупреждение киберпреступности. Проблемы и решения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2011. – № 4.

4. Распоряжение Президента РФ от 15.11.2005 № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // СЗ РФ. – 2005. – № 47. – Ст. 4929.

5. Распоряжение Президента РФ от 22.03.2008 № 144-рп «О признании утратившим силу Распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // СЗ РФ. – 2008. – № 13. – Ст. 1295.

6. Соглашение о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации // СЗ РФ. – 2009. – № 13. – Ст. 1460.

7. Федеральный закон от 01.10.2008 № 164-ФЗ «О ратификации Соглашения о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации» // СЗ РФ. – 2008. – № 40. – Ст. 4499.

8. Бутусова Л.И. К вопросу о киберпреступности в международном праве // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 2. – С. 48–52.

9. Булай Ю.Г., Булай Р.И. Профилактика и противодействие киберпреступности, а также международным киберугрозам // Академическая мысль. – 2017. – № 1. – С. 31–35.

**УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ ПОСРЕДСТВОМ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**

© М.С. Викторова

Научный руководитель: С.И. Гутник

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В настоящее время существует проблема, которая возникает из-за того, что несовершеннолетние все больше времени проводят в интернете и социальных сетях, что оказывает негативное влияние на их физическое и психическое здоровье [1]. Как показывает практика, все чаще появляются случаи, когда несовершеннолетние становятся потерпевшими от действий лиц, использующих интернет-технологии, поскольку дети в силу их психофизиологической несформированности подвержены негативному влиянию и являются самым уязвимым звеном в обществе [2]. Весьма распространенной целью негативного воздействия со стороны злоумышленников на несовершеннолетних является доведение до самоубийства.

Необходимо отметить, что в законодательстве Российской Федерации до 2017 года наблюдалось отсутствие нормативных положений, предусматривающих уголовную ответственность за преступления, связанные с доведением до самоубийства посредством социальных сетей. Уголовная ответственность за данные деяния была введена в соответствии с Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» (далее – Закон № 120-ФЗ) [3]. Уголовное законодательство было дополнено следующими статьями:

– ст. 110.1 (склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства);

– ст. 110.2 (организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства).

Изменениям подверглась и статья 110 УК РФ, посвященная доведению до самоубийства. Указанная норма была дополнена частью второй, в которой в качестве квалифицирующего признака появилось деяние, совершенное в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая

сеть Интернет) [4]. Как показывает изучение событий, предшествовавших появлению данных законодательных положений, участились случаи массового доведения несовершеннолетних до самоубийств. По мнению Я.Э. Красковского и Н.А. Яшина, причиной нововведений в УК РФ послужило массовое распространение в сети Интернет «групп смерти» и «суицидальных игр» [5]. Мы также придерживаемся данной позиции, поскольку в настоящее время преимущественно в Интернете содержится информация, которая не может быть усвоена ребенком. Несовершеннолетнее лицо не может разграничить действия, которые могут причинить вред его жизни и здоровью, чем и пользуются злоумышленники. Например, игра «Синий кит», ставшая популярной в социальной сети Вконтакте, является одной из многочисленных игр, публикующих депрессивные и шокирующие материалы: фотографии, аудио- и видеозаписи, короткие демотивирующие тексты. Данная игра представляет большую опасность, поскольку характеризуется тем, что целью преступников является доведение до самоубийства несовершеннолетнего лица, при этом форма такого доведения продолжается оставаться игровой, в силу чего несовершеннолетний не различает грани между игровым началом и реальной угрозой для его жизни.

Изучение санкций ч. 2 ст. 110 УК РФ, ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2 УК РФ показывает, что они являются весьма серьезными и варьируются от принудительных работ на срок до четырех лет до лишения свободы на срок до пятнадцати лет с ограничением свободы и лишениями специальных прав в отношении осужденного [6].

Однако несмотря на строгость мер уголовной ответственности, предусмотренных за совершение подобного рода преступлений, это не имеет предупредительного эффекта, поскольку преступления продолжают совершаться, а несовершеннолетние все также подвергаются негативному воздействию посредством «групп смерти» и «суицидальных игр».

Основываясь на информации, полученной из Государственной автоматизированной системы «Правосудие» (ГАС «Правосудие»), которая содержит всю действующую судебную практику на территории Российской Федерации, с 2017 года до настоящего времени крайне мало вынесенных судебных решений по данной категории дел [7]. Полагаем, данное обстоятельство является следствием того, что рассматриваемые преступления характеризуются высокой степенью латентности. Доказать вину подозреваемых или обвиняемых крайне сложно, как и прямую причинную связь между совершенными создателями опасных групп в социальных сетях действиями и наступившими последствиями в виде смерти несовершеннолетних.

Представляется, что решить данную проблему можно путем законодательного закрепления более точных квалифицирующих признаков, которые способствовали

бы раскрытию этой категории латентных преступлений, направленных против личности, а именно против жизни и здоровья несовершеннолетних лиц, а также разъяснений и толкований данных норм. Более детальное регулирование данных вопросов будет способствовать более эффективному правоприменению и реальному привлечению виновных лиц к ответственности.

Список использованных источников:

1. Асманова Л.Р. Влияние социальных сетей на сознание подростков // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6–1. – С. 74.
2. Пантюхина Г.А. К проблеме расследования уголовных дел, связанных с суицидальными действиями несовершеннолетних с использованием социальных сетей // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2017. – № 2/2. – Том 9.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 07 июня 2017 г. № 120-ФЗ // СЗ РФ. – 2017. – № 24. – Ст. 3489.
4. Авдеева Е.В. Новеллизация российского законодательства в сфере уголовно-правового обеспечения права на жизнь // Российская юстиция. – 2017. – № 11. – С. 18–21.
5. Красковский Я.Э., Яшин Н.А. К вопросу о криминологической обусловленности уголовной ответственности за преступления, связанные с суицидом // Современное право. – 2019. – № 6.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

**ЛИЧНОСТЬ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРЕСТУПНИКА:
ПОНЯТИЕ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ТИПОЛОГИЗАЦИЯ**

© П.О. Кочетова

Научный руководитель: П.В. Тепляшин

д-р юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД России

Разработка мер предупреждения преступлений становится возможной, когда установлены характерные черты личности преступника, его мотивы, причины совершения преступления и механизм преступного поведения. Для целей настоящей

статьи, в первую очередь, приведем дефиницию политического преступника, данную П.А. Кабановым: это «совокупность социально значимых свойств личности, образовавшихся в процессе ее общественной либо политической деятельности и обуславливающих использование ею для достижения политических целей средств, порицаемых с позиции действующего национального и/или международного уголовного законодательства». Автор подразумевает под «политическими целями» в избирательном процессе – получение, сохранение, распределение или утрату власти [4, с. 239]. Однако, как нам представляется, в том, что деятельность направлена на достижение вышеназванных целей – нет ничего противоправного. Это желаемый результат, который изменит жизнь общества, государства, а для достижения такой благой, высокой цели все средства хороши.

Нам думается, что, поскольку политическая цель представляет собой идеальный результат будущего, то она не должна достигаться противоправными методами, и в том числе, не должна быть априори искаженной каким – либо образом. Поэтому, говоря об электоральных преступлениях, стоит акцентировать внимание на том, что политические цели при их совершении искажаются.

На основе уже имеющихся выводов, сделаем попытку самостоятельно дать определение этому понятию. Личность электорального преступника – это совокупность социально значимых свойств личности, обуславливающих использование ею противоправных средств в период избирательной кампании, и направленных на достижение искаженных политических целей, причиняющих вред конституционным правам и свободам человека и гражданина, а также подрывающие основы конституционного строя в стране.

В криминологии принято объединять преступников в группы по тем или иным признакам. Такие обобщения становятся возможны благодаря методам классификации и типологизации. Благодаря методу типологизации возможно определить схожие образы личности и выделить типы или модели преступников, а также глубже проанализировать мотивы и причины совершения преступления. Чаще всего типы выделяются по мотиву, характеру направленности и степени общественной опасности деяний. В свою очередь, классификация разделяет преступников на группы по иным основаниям, чаще всего на социально – демографические и правовые.

Отличие двух этих методов, как утверждает Ю.М. Антонян, состоит в том, что классификация описывает личность, а типология – объясняет ее поведение [2, с. 20].

До сих пор в научной литературе личность электорального преступника не подвергалась целенаправленному и полному изучению. Обобщив материалы исследований, касающихся преступной личности в целом, а также личности политического преступника, приведем свою типологию электоральных преступников.

По характеру направленности преступной деятельности П.А. Кабанов и А.П. Свигузова выделяют электоральных экстремистов (те, кто используют насильственные способы – взрывы избирательных участков, поджоги и пр.) и электоральных мошенников (не использующие насильственные методы, совершающие электоральное злоупотребление властью, электоральные коррупционные преступления, массово-коммуникативные электоральные преступления) [5, с. 13].

По степени общественной опасности мы выделим следующие типы личностей электорального преступника:

1. Особо опасный – представляет наибольшую угрозу. Таковыми можно признать электоральных экстремистов (и террористов), выбирающих опасные способы совершения преступлений, ведущих к тяжким последствиям. Кроме того, это могут быть и электоральные мошенники, использующие административный ресурс, благодаря которым достигаются наиболее серьезные цели, способные изменить результаты выборов и, соответственно, политическую ситуацию в стране [1, с. 12]. Как правило они занимают руководящие должности в преступной группировке и склонны совершать такие преступления повторно.

2. Опасный (злостный) – такие преступники также представляют угрозу, однако последствия совершенных ими преступлений менее тяжкие. Представляется, что такие преступники действуют в собственных интересах или в интересах иного лица за вознаграждение. Это члены избирательной комиссии, представители кандидата.

3. Ситуационный – это такой тип электорального преступника, который не представляет большой общественной опасности в связи с тем, что выполняет, как правило, второстепенные роли [3, с. 60]. Примером таких преступников могут выступать избиратели, прибывшие на избирательный участок, которым предложили проголосовать за какого – либо кандидата за уплату определенной суммы, и они согласились в связи с неблагоприятной жизненной (финансовой) ситуацией.

Как уже было сказано, классификация, как правило, основывается на двух группах признаков. В первую группу относят половозрастные особенности, уровень образования, социальное и семейное положение, род деятельности, место жительства; во вторую группу входят характер и степень общественной опасности деяния, совершение преступления впервые либо повторно, единолично или в составе группы лиц, вина.

В процессе исследования данного вопроса мы изучили более 100 решений судов общей юрисдикции, а также статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, которые позволяют утверждать следующее: в большинстве случаев преступления против избирательных прав граждан совершаются лицами в возрасте от 30 до 49 лет, при этом в

основном – женщинами. В 2017 году 23 человека были осужденные за такие преступления, из них в 78 % случаев оказались женщины. За аналогичный период в 2018 году были вынесены судебные приговоры в отношении 26 человек, в 85 % – в отношении женщин.

В большинстве случаев у таких лиц имеется высшее (55 %) или среднее специальное (40 %) образование.

Проведенный анализ позволяет также утверждать, что 18% всех осужденных – лица, занимающие должности в коммерческой или иной организации, а также 18 % являются государственными или муниципальными служащими.

В 51 % случаев преступления совершаются в сельской местности, а в 10 % – на территории административных центров субъектов Российской Федерации.

Как правило, такие деяния совершаются с умышленной формой вины, а также в составе группы лиц, в том числе – в организованной группе.

Для предупреждения и пресечения преступлений против избирательных прав граждан необходима индивидуальная профилактическая работа с каждым осужденным за совершение такого преступления и постановка их на специальный учет, которые позволят установить причины и условия совершения преступления, собрать данные о мотивах и обстоятельствах совершения преступления, а также охарактеризовать структуру и динамику электоральной преступности.

Ряд электоральных преступлений носит коррупционный характер. Помимо мер профилактического, стимулирующего и восстановительного характера, учеными высказываются мнения, что значительная роль отводится санкциям, предусмотренным за коррупционные преступления [6, с. 215]. Проанализировав санкции статей 141–142.2 УК РФ, мы заметили особенность, проявляющуюся в том, что за совершение таких преступлений с использованием должностного или служебного положения не всегда предусмотрено наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что является, на наш взгляд, существенным упущением. Такой вид наказания должен быть предусмотрен как для членов избирательных комиссий, кандидата и его уполномоченных представителей, так и для иных граждан, использующих должностное или служебное положение, совершающих деяния против избирательных прав граждан. Это поможет сократить количество совершаемых электоральных преступлений с использованием административного ресурса в будущем.

Типологизация и классификация позволяют обосновать новые квалифицирующие признаки электоральных преступлений. В частности, выделенные нами типы личности позволяют обосновать квалифицирующие признаки преступлений и внести изменения в уголовное законодательство путем введения новой статьи и отнести ее к категории тяжких преступлений: «Статья 142.3 УК РФ. Совершение

преступлений, предусмотренных ст. ст. 141–142.2 настоящего Кодекса лицом, имеющим неснятую или непогашенную судимость за ранее совершенное преступление против избирательных прав граждан».

Список использованных источников:

1. Акунченко, Е.А. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупционной преступности в избирательном процессе Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Акунченко Евгений Андреевич. – Красноярск, 2018. – 272 с.

2. Антонян, Ю.М. Психология преступника и расследования преступлений / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. – М.: Юрист, 1996. – 336 с.

3. Кабанов, П. А. Типология и классификация как методы научного познания политических преступников в современной российской политической криминологии / П.А. Кабанов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – №3. – С. 56–64.

4. Кабанов, П.А. Криминологическая концепция личности политического преступника / П.А. Кабанов // Юридические исследования. – 2013. – № 3. – С. 239–257.

5. Кабанов, П.А. Электоральная преступность в России: понятие, сущность, причины, предупреждение : лекция / П.А. Кабанов, А.П. Свигузова. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2005. – 76 с.

6. Тепляшин, П.В. Наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к осужденным за коррупционные преступления: отечественный и зарубежные тренды / П.В. Тепляшин // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования: сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – Красноярск: СФУ, 2019. – С. 214–219.

**ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ ОСУЖДЕННОГО
КАК КАТЕГОРИЯ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА**

© Н.Е. Кременецкая, Д.М. Подковальников

Научный руководитель: П.В. Тепляшин

д-р юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД России

В области уголовно-исполнительного права и уголовного права широко применяются категории общественной опасности для осужденных.

Своеобразие личности осужденного проявляется прежде всего в его духовном облике: характере, способностях, интересах, отношениях, отношениях, которые формируются и проявляются в деятельности человека. На их развитие в значительной степени влияет микроокружение (косвенное и прямое окружение), в котором происходит личная жизнедеятельность. В то же время практически невозможно полностью согласиться с мнением отечественных и зарубежных криминологов и психологов о том, что лица, отбывающие наказание за преступление, обладают особыми качествами, в частности психологией, что делает их непохожими на законопослушных людей. Наука доказала, что «нет криминальной психологии, нет криминальной наследственности».

Невозможно свести понятие «преступная личность» только к влиянию на ее социальную среду, на всю социальную функцию, которую она выполняет в местах лишения свободы. Было бы неправильно сравнивать общество с психологическим, потому что социальное воздействие проходит через психологическое воздействие, которое, в свою очередь, является результатом прошлых социальных влияний. Именно поэтому в русской психологии считается классическим подход известного психолога Рубинштейна «личность – это совокупность внутренних условий, через которые проходят внешние причины».

Таким образом, подход к проблеме личности осужденного в психологии включает в себя социальное, психологическое и физическое единство.

Следует отметить, что законодатель заложил общественную опасность как признак правонарушения, так как преступность делится на виды на основе субъективного восприятия субъектом института вины, особенностей личности виновного при наложении наказания. Несмотря на столь значительную уголовно-правовую роль, общественная опасность пока не нашла официального определения.

В то же время существование различных понятий общественной опасности актуализируется, а не устраняется рассматриваемая проблема. С научной точки зрения невозможно проиллюстрировать наличие системного подхода к определению понятия общественной опасности, значения ее основных характеристик в формировании и реализации ключевых уголовно-правовых институтов. Указанные обстоятельства свидетельствуют о высоком исследовательском потенциале заявленной темы. Среди наиболее известных теорий общественной опасности, которые по праву можно считать классическими, анализируемая категория относится к материальным особенностям преступления.

Теоретическая модель общественной опасности как материального признака преступления раскрывает положительные локальные и противоречивые аспекты. Трудно усомниться в том, отражает ли общественная опасность вредность соответствующего поведения. Любое преступное нарушение подрывает один из

правоотношений, обеспечивающий существование и развитие значимых интересов безопасности человека, общества, государства, мира и человечества[3, с. 75].

Уголовный закон является основанием для определения вида исправительного учреждения (ст. 58 УК РФ). В зависимости от категории преступления, определяемой по характеру и степени общественной опасности, различают различные виды содержания наказания (ч. 1 ст. 56 УК РФ), которые проявляются в отбывании наказания (ст. 87 УИК РФ), когда заключенный определяется по количеству посещений, посылок и т.д. В зависимости от категории преступлений законодатель выносит приговор, по истечении которого преступник может быть освобожден досрочно (ст. 79, 80 УК РФ) в установленные сроки. В случае изменения обстоятельств (ст. 80.1 УК РФ) отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам с детьми до 14 лет также может быть наказана в соответствии с общественной опасностью преступления.

Таким образом, общественная опасность преступлений представляется универсальной категорией уголовного права, которая служит основанием криминализации деяний, привлечения виновного к уголовной ответственности, категоризации преступлений, критерием индивидуализации наказания, освобождения от него и т. д.

Но главное – это связь общественной опасности с поведением человека, которое ее порождает. Не поведение определяется человеком, а человек определяется поведением. В науке уголовного права утвердилась идея о том, что общественная опасность личности преступника обуславливается общественной опасностью преступления. Здесь уместно вспомнить слова К. Маркса: «Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом». В основе данной идеи лежит юридическая догма, характерная для классической школы уголовного права. В объективном деянии как бы заложен гарант от его произвольного толкования, что свойственно для характеристики личности.

Общественная опасность преступлений, а не личности осужденного также служит основой для определения многих норм и институтов уголовно-исполнительного права. Например, она является основанием:

- направления осужденного для отбывания наказания за пределы территории субъекта РФ (осужденные по ст. 126, ч. 2 и 3 ст. 127-1, ст. 206, 208-211, 275 УК РФ и др.);
- установления за поведением осужденного оперативного и профилактического контроля во время отбывания им наказания ст. 163, 210, 212, 321 УК РФ и др.);
- раздельного содержания в ИУ одного вида различных категорий осужденных (осужденных при опасном и особо опасном рецидиве, осужденных к пожизненному лишению свободы и др.) – ст. 80 УИК РФ;

- предоставления выезда осужденным за пределы ИУ (ч. 6 ст. 97 УИК РФ);
- передвижения без конвоя за пределами ИУ (ч. 2 ст. 96 УИК РФ);
- определения условий отбывания наказания в зависимости от вида ИУ (ст. 78 УИК РФ) и др.

Особое внимание необходимо уделить мерам предупреждения преступности среди правонарушителей, предусмотренным нормами уголовного права (защита правонарушителей, надзор за правонарушителями, проведение обысков и др.). Для тех, кто совершает преступления определенного характера и определенной степени риска, эти положения применяются к правонарушителям. Учитывая, что они могут совершать новые и опасные преступления, так как личность человека связана с совершенными им преступлениями. Эти меры пресечения, как представляется, считаются уголовно наказуемыми независимо от характера последнего и характера приговора. Они действуют в форме последующего общественного контроля за поведением правонарушителя, поскольку основания для их применения вытекают из общественной опасности преступления, в котором они были совершены, а также из решения суда при определении вида наказания, количества наказаний и вида наказания. Все это регулируется законом и применяется к правонарушителям независимо от характера и направленности посткомиссионного акта.

Таким образом, общественная опасность преступления, совершенного конкретным человеком, предопределяет систему уголовного права и отчасти – уголовно-исполнительного права. Иначе говоря, объектом, несущим в себе свойство общественной опасности, является поведение индивидуума, а не его личность. Однако если вещи называть своими именами, то должно быть наоборот – система уголовного права призвана противодействовать личности, которая совершает деяние, а не деянию, которое совершает личность. В частности, на это обратили внимание в юридической литературе. Например, И. Гонтарь отмечает «Именно личность, основу которой образует сознание, предстает объектом воздействия всей системы уголовного права, и только на сознание личности, а не на ее поведение как свойство этой личности, уже производное от сознания, может воздействовать и воздействует институт наказания. Деяние, поведение служит только показателем общественной опасности индивида». Установленное значение общественной опасности в отрасли уголовного права может послужить основой для дальнейшего развития теории общественной опасности, а также решения частных вопросов, касающихся взаимообусловленности признаков преступления, обоснования природы вредоносных поступков, не обладающих свойствами общественной опасности, отграничения преступления от иного правонарушения, механизма установления малозначительности деяния.

Список использованных источников:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Алферов, Ю.А. Личность осужденного / Ю.А. Алферов. – М., 1990.
4. Бартол, К. Психология криминального поведения / К. Бартол. – М., 2003.
5. Герасимов, А.М. Общественная опасность и ее значение в отрасли уголовного права / А.М. Герасимов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2018. – № 4 (123). – С. 136–143.
6. Петрушенков, А.Н. Проблемы реализации общественной опасности преступления в особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации / А.Н. Петрушенков // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – № 2. – С. 75–83.
7. Смирнов, А.М. Отражение общественной опасности деяния в российском уголовном законодательстве / А.М. Смирнов // Дневник науки. – 2018. – № 10 (22). – С. 60–65.
8. Хамтаху, Р.Ш. Трактровка общественной опасности в советском уголовном праве довоенного периода / Р.Ш. Хамтаху // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 1 (68). – С. 51–54.
9. Хмелевская, Т.А. Законодательная градация уголовно-противоправных деяний по признаку общественной опасности / Т.А. Хмелевская // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2018. – № 37. – С. 139–143.

**ПРОФИЛАКТИКА ВЛИЯНИЯ
КРИМИНАЛЬНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ АУЕ НА ПОДРОСТКОВ**

© С.Х. Кужугет

Научный руководитель: Е.А. Акунченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В настоящее время актуальна проблема криминальной субкультуры АУЕ, которая получила распространение практически во всех регионах России. Как отмечает В.Ф. Пирожков, криминальная субкультура несовершеннолетних обладает своими особенностями. Поскольку до 18 лет (до указанного возраста это несовершеннолетние) личность находится еще в стадии формирования, у нее сильна

потребность в самоутверждении перед своими сверстниками. Подростки постоянно стремятся доказывать всем (да и себе) свою значимость, умение за себя постоять. Это часто приводит к особой жесткости при совершении ими противоправных действий. Несовершеннолетним присуща устойчивость неформальных связей как со сверстниками, так и с взрослыми преступниками, которые всячески поддерживают их антиобщественное поведение [1, с. 98]. Подростки, в силу своего недостаточного опыта и юношеского максимализма, подвержены влиянию криминальной субкультуры.

Впервые аббревиатура АУЕ (арестанское уркаганское единство) прозвучала в 2010 году во время беспорядков в Белореченской воспитательной колонии в Краснодарском крае, а уже через 7 лет о романтизации данного мировоззрения и вымогательствах в пользу уголовных авторитетов в подростковой среде начали говорить на федеральном уровне. Проблема приобрела такое значение, что 8 декабря 2016 года на заседании совета по развитию гражданского общества и правам человека его ответственный секретарь Я.В. Лантратова сообщила президенту РФ В.В. Путину о насаждении в школах и интернатах уголовной идеологии и назвала ее «проблемой национальной безопасности», указав, что «АУЕ действует в 18 регионах, а онлайн-телеканал (YouTube) с АУЕ-тематикой, рассчитанной, прежде всего, на подростков, достигает 20,5 млн просмотров» [2]. Это говорит о многочисленности вовлеченных в данное явление подростков, а также о плодотворной почве для его роста. Помимо сказанного, отдельное движение представляет собой субкультуру в Интернете, где подростки, никак не связанные с пенитенциарными заведениями, зачастую из благополучных семей, романтизируют криминальную субкультуру, воспринимают ее «элементы» как игру, пытаются перенимать жаргон и т. д.

Общественную опасность, которую представляет данная субкультура, можно увидеть на конкретных примерах: в Саратове 3 июня 2018 года в торговом центре несовершеннолетние напали толпой на посетителей, используя перцовый баллон, и кричали «АУЕ», но охранники бездействовали, на поведение и нецензурную лексику никак не реагировали [3]. В Нижнем Новгороде в июле 2019 года подростки группировки АУЕ воровали в магазинах, нападали на прохожих и даже стреляли из травматического пистолета [4]. В августе 2018 года приверженцы криминальной субкультуры АУЕ в Санкт-Петербурге за несколько часов избили 16 граждан [5]. Данные примеры свидетельствуют о том, что подростки из субкультуры АУЕ могут напасть абсолютно на каждого человека, будь то это их учитель или пожилая беспомощная бабушка. Прослеживается отсутствие моральных ценностей у этих подростков, а безнаказанность их действий стимулирует повторные беспорядки.

Еще один пример: в городе Хилок Забайкальского края в ночь на 2 февраля 2016 года толпа несовершеннолетних группировки АУЕ напала на полицейский

участок с камнями и металлическими палками. Несколько подростков из местного детского дома-интерната решили силой освободить своего друга из полицейского участка, куда он попал за нарушение общественного порядка и нападение на сотрудника полиции. Полицейские отбили штурм, но участок был поврежден – все окна разбиты, вывески оторваны, полицейские машины на стоянке повреждены [6]. Государство является гарантом безопасности и защиты для граждан, полиция как государственный орган власти защищает жизнь, права и свободы, охраняет общественный порядок и противодействует преступности. Нападение на сотрудников полиции – это вызов всему обществу, прежде всего государству.

Тем самым указанные факты доказывают необходимость разработки эффективных мер профилактики влияния криминальной субкультуры на подростков. Как отмечал профессор Н.В. Щедрин, ресурсное обеспечение предупредительной деятельности включает: нормативно-правовое, материальное и финансовое, организационное, кадровое, научное, информационно-аналитическое, пропагандистское обеспечение и разъяснительную работу [7, с. 40]. Соответственно, можно выделить следующие виды ресурсов системы предупреждения распространения криминальной субкультуры АУЕ на несовершеннолетних.

Информационные меры:

– запретить распространение информации о субкультуре АУЕ в средствах массовой информации.

Нормативно-правовые меры:

– совершенствование нормативно-правовой базы, то есть принятие законопроекта «О мерах противодействия криминальной субкультуре среди подростков». Полагаем, что будет создан межведомственный регламент, а этот закон будет регулировать деятельность, мероприятия, проводимые для профилактики, сроки реализации этих мероприятий;

– внесение поправок в федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а именно в пункт 2 статьи 5 добавить «формирование привлекательности криминального образа поведения».

Воспитательные меры:

– проведение классных часов, профилактических бесед по противодействию криминальной субкультуре с учащимися совместно с психологами и инспекторами ПДН на различные темы (например, «Как не попасть под влияние криминальной субкультуры»);

– проведение в образовательных учреждениях родительских собраний на тему «АУЕ – предотвращение и искоренение» совместно с сотрудниками ПДН и психологами;

– развитие патриотического воспитания среди учащихся. Как отмечал президент РФ В.В. Путин, «у нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» [8]. Для этого можно привлечь подростков во вступающие в детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия»;

– привлечение в образовательные учреждения спортсменов для пропаганды здорового образа жизни, ветеранов боевых действий, сотрудников правоохранительных органов для мотивирования несовершеннолетних на законопослушное поведение;

– использование в работе с семьями, в которых несовершеннолетние стали участниками криминальной субкультуры АУЕ, ресурсов общественных организаций, таких как «Союз отцов»;

– вовлечение несовершеннолетних в спортивную, культурную жизнь на бесплатной основе, потому что большинство спортивных и культурных центров предоставляют платные услуги, и не всем подросткам доступен платный социально приемлемый досуг, из-за чего они уходят в криминальную сферу.

Организационные меры:

– создание в каждом образовательном учреждении школьных отрядов «Юных друзей полиции», которые будут проводить мероприятия по законопослушному поведению, это движение может противостоять насаждаемой криминальной субкультуре среди подростков;

– создание специализированных классов на базе образовательных учреждений. Это поможет позиционированию деятельности правоохранительных органов, чтобы у подростков сформировался образ престижности этих профессий, появилось желание работать в такой сфере, а не принимать участие в деятельности представителей криминальной субкультуры;

– развитие ювенальной службы, особенно в субъектах, где распространена криминальная субкультура.

Экономические меры:

– финансовые вложения в инфраструктуру небольших городов и населенных пунктов, так как в некоторых из них нет ни спортивных, ни культурных центров.

Таким образом, следует особое внимание обратить на влияние средств массовой информации, поскольку через социальные сети происходит романтизация криминальной культуры у подростков. Этот романтический образ криминальной жизни дезориентирует несовершеннолетних в выборе жизненного пути. Для противодействия распространению и влиянию криминальной субкультуры на подростков необходима комплексная и системная работа, которая будет строиться на принципах, описанных в созданном межведомственном регламенте. Основным

направлением данной работы должно стать позитивное воздействие на семью несовершеннолетнего, его окружение, а также реализация воспитательных и патриотических мер в образовательных учреждениях.

Список использованных источников:

1. Пирожков, В.Ф. Криминальная психология. Психология подростковой преступности : учебник / В.Ф. Пирожков. – М.: Ось-89, 1998. – 98 с.
2. Тарасов, А. Страна из трех букв: кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство [Электронный ресурс] / А. Тарасов // Новая газета. – 2017. – Режим доступа: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/16>.
3. Репортаж о детях в торговом центре «Победа Плаза» г. Саратов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=O6vWdi4Bva8>.
4. Дети «АУЕ» держали в страхе целый район Нижнего Новгорода [Электронный ресурс] // Новости Рен.тв. – Режим доступа: <https://ren.tv/news/v-rossii/441511-deti-aue-derzhali-v-strakhe-tselyi-raion-nizhnego-novgoroda>.
5. Банда «АУЕ» подростков за несколько часов избила 16 петербуржцев [Электронный ресурс] // Сайт российской ежедневной общественно-политической газеты. – Режим доступа: <https://www.spb.kp.ru/daily/26870/3917250>.
6. О разгуле «АУЕ» в Забайкальском крае [Электронный ресурс] // Московское бюро по правам человека. – Режим доступа: <http://pravorf.org/index.php/news/2014-o-razgule-aue-v-zabajkalskom-krae>.
7. Щедрин, Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности : учеб. пособие / Н.В. Щедрин. – Красноярск: КГУ, 1999. – 40 с.
8. В.В. Путин назвал единственно возможную для России национальную идею [Электронный ресурс] // РБК. – 2016. – Режим доступа: <http://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7>.

К ВОПРОСУ О СМЕРТНОЙ КАЗНИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© А.Д. Лукашеева, В.А. Мажинский
Научный руководитель: В.В. Кострыкина
Сибирский федеральный университет

В 1991 г. Россия провозгласила себя правовым, демократическим и социальным государством, одним из стремлений которого является полная отмена смертной казни. В связи с вступлением в Совет Европы Россией был подписан протокол

№ 6 от 22 ноября 1984 г. к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., запрещающей применение высшей меры наказания в мирное время, однако этот протокол так и не был ратифицирован, но это не препятствует признанию его существенным элементом правового регулирования права на жизнь [1].

Согласно статье 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры являются составной частью правовой системы России. И как следствие из этого, существует точка зрения, что смертная казнь в России не сопоставима с международно-правовыми стандартами, однако эту точку зрения можно оспорить.

Так, статья 6 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что право на жизнь – это неотъемлемое право каждого человека, однако в этой же статье указывается на то, что в странах, где смертная казнь не отменена, она может применяться за самые тяжкие преступления в соответствии с законом, действовавшим на момент совершения преступления и не противоречащим указанному пакту.

К числу стран, в которых смертная казнь не отменена, относится и Россия, в данный момент в соответствии со статьей 20 Конституции РФ «смертная казнь вплоть до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей» [2, с. 9]. В настоящее время Уголовный кодекс РФ предусматривает смертную казнь как один из видов наказания за пять составов преступлений, предусмотренных УК РФ. Однако все эти статьи предусматривают альтернативные наказания – лишение свободы на определенный срок или пожизненное заключение.

Также, следует обратить внимание на то, что последний смертный приговор в РФ был вынесен 2 августа 1996 года, тогда был расстрелян Сергей Головкин, убивший 11 мальчиков. Однако к снятию моратория на смертную казнь в России за последние два десятка лет возвращались неоднократно. Так, в марте 2015 года Госдума рассмотрела и отклонила законопроект Романа Худякова (ЛДПР), предлагавшего ввести смертную казнь не только за терроризм, но еще и за склонение к употреблению наркотиков, если это привело к смерти двух и более лиц. С требованием вернуть смертную казнь регулярно выступает лидер ЛДПР Владимир Жириновский, аналогичный пункт прописан в партийной программе. В ноябре 2015 года, после крушения российского самолета в Египте, лидер «Справедливой России» Сергей Миронов потребовал расстреливать за терроризм, при этом он предлагал разрешить спецслужбам исполнять приговор и за пределами страны.

В мае 2016 года призыв вернуть смертную казнь звучал в Госдуме при обсуждении усиления ответственности за терроризм и экстремизм. Помимо снятия моратория на смертную казнь в качестве эффективных мер также называлась конфискация имущества у обвиняемых в совершении этих преступлений [3].

Таким образом, наказание в виде смертной казни не приводится в исполнение с 1996 года и не назначается судами, на основании Указа Президента РФ от 16 мая 1996 г. «О поэтапном сокращении смертной казни в связи с восхождением России в Совет Европы» и на основании постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П [4, с. 115-116]. Обращаем внимание на то, что в названном документе ничего не говорится об отмене смертной казни или наложении моратория на ее исполнение и назначение. Кроме того, указанное нами Постановление Конституционного Суда говорит о том, что наказание в виде смертной казни назначаться не может до введения в действие федерального закона, обеспечивающего на всей территории РФ каждому обвиняемому за совершение преступления, наказанием за которое предусмотрена смертная казнь, право на рассмотрение его дела с участием присяжных заседателей. Последним субъектом, в котором начал функционировать суд с участием присяжных заседателей, является Чеченская Республика. С 1 января 2010 года смертная казнь, как исключительная мера наказания, должна назначаться и применяться на всей территории РФ в соответствии с нормами Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов. Именно так, и не как иначе, следует толковать Постановление Конституционного Суда № 3-П. Кроме того, Указ Президента является подзаконным актом, следовательно, имеет меньшую юридическую силу, чем кодифицированные федеральные законы (УК РФ, УИК РФ). Также следует отметить, что и сама Конституция не содержит прямого запрета на применение смертной казни.

Согласно статистическим данным, в августе 1999 г. на вопрос: «Как вы относитесь к смертной казни?» 68% ответили, что положительно. В январе 2017 г. 32% проголосовали за восстановление смертной казни в порядке 90-х годов; 12% – за применение. Таким образом, видим, что с начала 2000-х годов по настоящее время количество сторонников смертной казни заметно уменьшилось.

В завершение рассмотрения вопроса о применении смертной казни в РФ хотелось бы привести мнения политиков и юристов.

«Я предлагаю отменить мораторий на смертную казнь в отношении педофилов, приговоренных к пожизненному заключению, кто совершает особо тяжкие преступления против детей. Я уверен, что тех, кто убивает детей, нет смысла держать в тюрьме, так как они никогда не раскаются. Любой другой, кто будет совершать подобные преступления, будет знать: он не будет 30-50 лет сидеть и ждать, когда умрет, а понесет достойное наказание» (Р. Шлегель) [5, с. 32].

«Введение высшей меры наказания могло бы способствовать предотвращению преступлений, повлекших за собой массовую гибель людей. Отмена моратория на смертную казнь в России может привести к исключению страны из Совета Европы. Однако безопасность наших граждан дороже, чем членство в политической организации» (В.В. Жириновский) [6, с. 262].

Хотелось по этому поводу привести слова главы Следственного комитета РФ Александра Бастрыкина: «Я за смертную казнь. Это мнение основано на моем личном опыте. Я видел людей, которые переступят через все, кроме собственной жизни, и, может быть, это кого-то остановит» [6, с. 262].

Таким образом, делаем вывод, что смертная казнь в нашей стране не отменена, и имеет место в законе нашей страны, но не применяется в связи со сложившимся конституционно-правовым режимом, с учетом международно-правовой тенденции и обязательств, взятых на себя Российской Федерацией, а также в связи со сложившимися в обществе устойчивыми гарантиями прав человека не быть подвергнутым смертной казни.

Список использованных источников:

1. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р // СПС КонсультантПлюс.
2. Конституция Российской Федерации. – Ростов н/Д : Феникс, 2019. – 63 с.
3. 20 лет без смертной казни. [Электронный ресурс] : «Газета.ru». – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru>.
4. Коняев С.А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в моратории на применение смертной казни // Конституционные чтения. – 2011. – № 5. – С. 114–127.
5. Побегайло Э.Ф. О преступности в России и проблеме смертной казни // Вестник Московского университета. Сер. 18 Социология и политология. – 2010. – № 3. – С. 24–39.
6. Казурова Н.А., Курбатов А.Д. К вопросу о внесении изменений законодательства о применении смертной казни // Инновационные подходы в решении проблем современного общества. – 2018. – С. 257–265.

РОЛЬ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ОБЩЕСТВЕ НЕТЕРПИМОСТИ К КОРРУПЦИОННОМУ ПОВЕДЕНИЮ

© Н.Д. Мешкова

Научный руководитель: И.А. Дамм

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Безопасность является базовой потребностью человека, а потому ее обеспечение входит в число приоритетных задач любого государства. Антикоррупционная безопасность – неотъемлемая часть безопасности, поскольку деструктивная сущность коррупции сопровождает мировую цивилизацию на протяжении всей истории, что позволило ей превратиться в транснациональное явление, способное поставить под угрозу не только национальную, но и международную безопасность.

Вопросы обеспечения антикоррупционной безопасности несовершеннолетних, как особо уязвимой социально-демографической группы людей, к сожалению, не часто становятся предметом научных дискуссий. Несмотря на это, стоит акцентировать внимание на важность и значимость работы в этом направлении, поскольку от того, какие жизненные ценности и принципы несовершеннолетние усвоят сейчас, зависит вектор развития всего общества в будущем.

Важно отметить – успех антикоррупционной деятельности зависит не только от работы правоохранительных органов и проводимой государством антикоррупционной политики, но и от ряда других факторов, к которым можно отнести уровень правовой культуры и правосознания граждан, масштабы организации антикоррупционного просвещения, развитие системы антикоррупционных стандартов поведения для обучающихся и др.

В целях повышения эффективности противодействия коррупции важно сформировать антикоррупционное мировоззрение у подрастающего поколения. Следует обратить внимание – у взрослой личности изменить мировоззрение представляется проблематичным, в то время как несовершеннолетние являются более подходящим объектом для работы в этом направлении.

Изучение социально-психологических особенностей несовершеннолетних имеет важное значение в системе предупреждения коррупции, поскольку именно психоэмоциональные особенности у подростков способствуют формированию коррупционных моделей поведения.

Несовершеннолетним свойственна переменчивость и спонтанность, они склонны быстро изменять свои социальные установки и ценности. Ввиду отсутствия собственного жизненного опыта дети с легкостью перенимают и копируют

модели девиантного поведения у старших. Если процесс взросления происходит с использованием социального опыта, основанного на положительном или лояльном отношении к коррупционным проявлениям и коррупционному поведению, то подростки привыкают к коррупции и воспринимают это явление как норму. При возникновении серьезных жизненных трудностей, такие люди будут готовы к вступлению в коррупционные отношения [1].

Коррупция, возникающая в среде несовершеннолетних, имеет свои особенности. В частности, сферой существования коррупции, где несовершеннолетние наиболее подвержены негативному влиянию, является образование. Объясняется это следующим – на указанный законодателем возрастной период, под который подходят несовершеннолетние граждане (граждане РФ до 18 лет), значительный временной промежуток занимает период их обучения.

Парадоксальным является то, что сфера образования обладает ресурсами как для передачи негативного социального опыта, так и для формирования антикоррупционной модели поведения, поскольку положения ст. 13.3 Федерального закона «О противодействии коррупции» [5] обязывают образовательные организации принимать меры по предупреждению коррупции. В соответствии с п. 1 ст. 6 этого же законодательного акта устанавливается первоочередная мера по профилактике коррупции: «формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению».

Система предупредительных мер, в свою очередь, включает в себя инструменты, способствующие удержанию коррупции на социально терпимом уровне [3]. Как правило, такими инструментами являются: антикоррупционное просвещение, антикоррупционное информирование, антикоррупционное консультирование, антикоррупционное образование, антикоррупционная реклама и антикоррупционная пропаганда [4, с. 67].

Общеобразовательные организации играют важную роль в процессе социализации несовершеннолетних, подбирая эффективные механизмы передачи накопленного социального опыта подрастающему поколению, помогая им не только в формировании устойчивых ценностных ориентаций и других компонентов культуры, но и в выборе приемлемой для жизни в социуме модели поведения. В рамках осуществляемой деятельности было бы правильно и уместно использовать средства антикоррупционного просвещения.

Антикоррупционное просвещение позволяет привить антикоррупционную культуру, без которой невозможно сформировать правопослушную модель поведения. В процессе образовательной деятельности несовершеннолетние должны овладеть базовыми знаниями антикоррупционного законодательства, которые

позволят им не только правильно идентифицировать коррупцию в их повседневной жизни, но и выработать социально приемлемую модель поведения.

Психологические особенности интересующей нас социально-демографической группы людей (слабая концентрация внимания, низкий уровень логического запоминания, рассеянность, сниженный уровень кратковременной памяти и др.) порождают необходимость использования в просветительской деятельности средств наглядной антикоррупционной агитации и пропаганды, к которым можно отнести: тематические видеоролики и плакаты, создаваемые с целью распространения антикоррупционных идей и взглядов.

Важным является и то, что восприятие несовершеннолетними феномена коррупции в значительной мере зависит от деятельности СМИ и позиции лидеров мнения (в т.ч. блогеров) в сети Интернет, что указывает на перспективность использования данного канала для пропаганды антикоррупционных моделей поведения и социально приемлемых путей достижения молодежью желаемой цели в результате антикоррупционной социализации [2].

Стоит согласиться и с тем, что в последнее время набирают популярность интерактивные методики обучения, которые в обязательном порядке должны применяться и в целях антикоррупционного просвещения. Поскольку эффективность просвещения зависит от степени вовлеченности несовершеннолетних в рабочий процесс, важно организовать процесс просвещения с использованием игровых технологий. Так, в работе с подростками возможно использовать в просветительских целях деловые и интеллектуальные игры, тренинги и решение кейсов, направленных на разрушение сложившихся коррупциогенных стереотипов и формирование антикоррупционных моделей поведения.

Таким образом, для проведения комплексной антикоррупционной политики, направленной в первую очередь на предупреждение коррупции, необходимо проводить системную работу с несовершеннолетними гражданами, учитывая при этом их социально-психологические особенности.

Список использованных источников:

1. Акунченко, Е.А. К вопросу об организационно-правовых основах антикоррупционного просвещения в сфере образования / Е.А. Акунченко // Наука и школа. – 2017. – № 1. – С. 20–23.
2. Афаунов, А.З. Молодежь и проблема коррупции в современном российском обществе: социологический анализ / А.З. Афаунов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 4. – С. 15–18.

3. Мешкова, Н.Д. Анतिकоррупционное консультирование студентов в системе антикоррупционного просвещения / Н.Д. Мешкова // Актуальные проблемы антикоррупционного просвещения и антикоррупционного образования : сборник научных статей по материалам II Сибирского антикоррупционного форума. – Красноярск, 2018. – С. 65–71.

4. Основы антикоррупционного просвещения в сфере образования: учеб. пособие / Е.А. Акунченко, П.А. Вырва, И.А. Дамм [и др.]; под ред. И.А. Дамм, Н.В. Щедрина. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 200 с.

5. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 52. – Ч. 1. – Ст. 6228.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИКОВ

© Д.В. Пасько, М.А. Седов

Научный руководитель: П.В. Тепляшин

д-р юрид. наук

Красноярский государственный аграрный университет

Растущее использование новых цифровых технологий и возможностей Интернета во всех аспектах повседневной жизни привело к своего рода оцифровке различных преступлений, которые, хотя и не связаны с киберпреступностью, распространяются по всему миру благодаря этим цифровым технологиям. Как отмечает П.В. Тепляшин «продолжает расширяться практика использования в криминальных целях информационных технологий, дающих возможность уходить от мониторинга и идентификации источника информации (в частности, программы шифрования и анонимной работы в Internet-пространстве, технологии "блокчейн", использование криптовалюты для оплаты оказываемых криминальных услуг)» [4, с. 94].

Эпоха Интернета, где все знают, как пользоваться популярными сервисами, действительно предоставляет большое поле для хранения и обработки информации о запрещенных предметах. Существуют разделы Интернета, которые известные поисковые системы не могут обнаружить, в то время как большая часть информации, которая существует в сети DeepWeb, преднамеренно публикуется там. Эта скрытая часть Интернета называется Darknet (Даркнет).

Используя специализированное программное обеспечение, такое как браузер TOR, чтобы скрыть свою деятельность и обеспечить анонимность, преступники могут осуществлять незаконные действия в Darknet, включая продажу

наркотиков и психотропных веществ, оружия и других материалов, запрещенных в мире.

Эта скрытая преступная деятельность впервые привлекла внимание общественности в 2013 году, когда Федеральное бюро расследований США прекратило незаконные операции на недавно эксплуатируемой платформе SilkRoad (Шелковый путь), действовавшей в Даркнете, используя сложные инструменты шифрования и анонимизации для доступа и связи для реализации незаконного трафика запрещенных продуктов и услуг.

Затем, в 2017 году, при участии правоохранительных органов из более чем 30 стран, аналогичные виртуальные черные рынки AlphaBay и Hansa были закрыты, однако активность на пяти других крупных рынках Darknet возросла на 28 % согласно исследованию Cyberint для BBC [3].

В то же время было бы неправильно полагать, что криптовалюты используют только наркоторговцы, мошенники или террористы. Согласно общероссийскому исследованию, проведенному в июне 2017 года Национальным агентством финансовых исследований (НАФИ), 28 % россиян знают криптовалюты. Среди них 39 % отмечают прибыльность покупки криптовалюты и надежность подметили 29 % опрошенных [1].

Виртуальная валюта в России используется на разных этапах движения доходов от незаконной продажи наркотиков, говорится в отчете Федеральной службы финансового надзора о национальной оценке рисков отмыывания денег (2017-2018 гг.). «В 2017 году были установлены факты использования криптовалюты Биткойн в финансовой структуре незаконного оборота наркотиков на территории 23 субъектов Российской Федерации» [2], – говорится в документе.

В частности, в докладе говорится, что криптовалюта может быть использована для оплаты наркотиков, для выплаты вознаграждений закладчикам, контрабандистам наркотиков и работникам лабораторий, а также для легализации доходов, полученных преступным путем и при распределении средств среди ленов организованных преступных групп.

Росфинмониторинг отмечает, что популярность такого способа оплаты при совершении преступлений обусловлена анонимностью операций с криптовалютами.

По данным на начало 2019 г., только на русскоговорящем ресурсе «Гидра» (Hydra) занимаются продажей каннабиса около 1,5 тыс. сервисов, стимуляторов – 1,3 тыс., экстази – 500, каннабиоидов – 200 сервисов и т. д.¹

---

¹ URL: <http://www.inhope.org/tns/resources/statistics-and-infographics/statistics-and-infographics/> (дата обращения: 19.03.2020).

К сожалению, в настоящее время глобальная статистика незаконного оборота наркотиков с использованием цифровой валюты не ведется, но, по мнению экспертов, криптовалюта является средством платежа в 95 % случаев².

В то же время в развитии так называемого теневого Интернета наблюдаются принципиально новые криминологические тенденции: прогрессивная спецификация отдельных криминальных служб и улучшение их технологических характеристик, монополизация рынка с разделением основных игроков на национальном и глобальном уровнях.

Можно сделать вывод, что, несмотря на единичные усилия представителей правоохранительных органов, отсутствие систематической профилактической работы приводит к тому, что некоторые криминальные сервисы возобновляют свою работу после аварийной остановки и даже впоследствии повышают свою прибыльность [5]. В то же время нельзя не отметить небольшое уменьшение количества традиционных веб-сайтов в связи с объективным увеличением количества криминальных методов для дистанционной продажи наркотиков с использованием криптовалюты.

Существуют устойчивые методы продажи психоактивных веществ с использованием теневых интернет-сервисов. Администратор сервиса Darknet традиционно работает с комиссией за каждую транзакцию, осуществляемую с его помощью, и в то же время получает от продавца фиксированную сумму (обычно исчисляемую в биткойнах). Поскольку бизнес растет, его центр интересов формируется с одновременной специализацией людей, вовлеченных в преступные режимы и схемы. Появляются новые криминальные профессии такие как как координаторы (администраторы нескольких отделов одновременно), эскроу (гаранты сделки), гроверы (производители наркотиков), кладмены, трафаретчики (люди, которые размещают рекламу на асфальте), перевозчики, дропы (посредники, принимающие товары или перевод криптовалюты) и т. д.

Таким образом, есть основания полагать, что в настоящее время нелегальная продажа наркотиков поступает в теневой Интернет и узаконивается путем углубления специализации сайтов, расширения списка криминальных профессий и использования криптовалюты в качестве основного средства платежа.

Чтобы предотвратить развитие крипто-преступности, важно разработать модель правового регулирования оборота, в которой бы одновременно решались две задачи: предотвращение совершения корыстных преступлений и поддержка инновационного развития экономики России.

---

² URL: <https://www.globaldrugsurvey.com/> (дата обращения: 19.03.2020).

Определенные приоритетные области должны быть определены для правового регулирования новых финансовых инструментов при обеспечении безопасности участников рынка:

- включение криптовалюты в перечень объектов гражданских прав (статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации) с одновременным определением пределов безопасности при использовании моделей коллективного инвестирования (краудфандинг) в специализированных нормативных правовых актах;
- введение обязательной идентификации для владельцев цифровых активов и других лиц, вовлеченных в их оборот;
- определение критериев и правовых норм по предупреждению отмывания доходов, полученных преступным путем, в том числе с использованием криптовалюты;
- введение уголовной и административной ответственности за нарушение стандартов использования криптоинструментов;
- создание международной базы данных людей, вовлеченных в незаконный оборот и использование цифровых финансовых активов, в контексте используемых технологий и криптовалютных организаций;
- определение модели налогового администрирования для криптовалют и других цифровых активов и т. д.;
- введение лицензий на профессиональную деятельность, связанную с созданием и оборотом новых цифровых активов.

Только комплексные меры могут стать эффективным средством в борьбе с новым вызовом времени: киберпреступностью, в том числе наркоторговли с использованием криптовалюты.

Список использованных источников:

1. Криптовалюты: еще не деньги будущего, но уже модное явление. URL: <https://nafi.ru/analytics/> (дата обращения: 17.03.2020).
2. Официальный сайт Росфинмониторинга. URL: <http://www.fedsfm.ru/nationalocenka/> (дата обращения: 17.03.2020).
3. Отключение площадок AlphaBay и Hansa привело к росту активности рынков в даркнете. URL: <https://www.securitylab.ru/news/487661.php> (дата обращения: 17.03.2020).
4. Тепляшин П.В. Тенденции преступности в Сибирском федеральном округе (глубина анализа 6 лет) // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIV международной научно-

практической конференции (6-7 июня 2019 г.). Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2019. С. 92-94.

5. Finklea K. Identity Theft: Trends and Issues [Electronic resource] // Congressional Research Service. 2014. Jan. 16. 31 p. URL: <https://fas.org/sgp/crs/misc/R40599.pdf>.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ОПТИМИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДОМАШНЕМУ НАСИЛИЮ В ОТНОШЕНИИ ЖЕНЩИН

© Н.В. Савинцева, Е.В. Шаргина

Научный руководитель: П.В. Тепляшин

д-р юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД России

Права женщин являются неотъемлемой частью международного законодательства в области прав человека. Насилие, применяемое в отношении женщин, является прямым нарушением этих прав. Основным документом, непосредственно затрагивающим права женщин, является Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года). Стоит отметить, что в данном международном документе, ратифицированном Российской Федерацией, не упоминается о насилии в отношении женщин. Однако, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, уполномоченный интерпретировать Конвенцию и осуществлять надзор за выполнением взятых на себя обязательств государствами участниками, разъяснил в своей рекомендации общего характера № 19 (1992 г.), что понятие дискриминации включает в себя и проблему насилия в отношении женщин [4].

Статья 16 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин обязывает Российскую Федерацию приминать все соответствующие меры для ликвидации дискриминации в отношении женщин во всех вопросах, касающихся брака и семейных отношений. Осуществление данных целей предполагает устранение любых форм насилия (публичная и частная сфера), а также сексуального и других видов рабства. В большинстве случаев насилию подвергаются представительницы слабого пола. Наличие такого гендерного дисбаланса стало определяющим фактором в создании специализированной квалифицированной помощи и поддержки, адресованной представительницам женского

пола, уже пережившим насилие, а также находящимся в потенциально опасной ситуации [3, с. 16].

Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, которая была принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года, в ст. 1 определяет «насилие в отношении женщин», как любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб, или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни [1, с. 1].

Часто любую домашнюю агрессию принято воспринимать в качестве «дела семьи», не требующего стороннего вмешательства. Согласно проведенному исследованию, опубликованному ВОЗ 25,4% женщин в Европе и Центральной Азии на протяжении всей своей жизни были подвергнуты физическому или сексуальному насилию со стороны своего партнера или иного лица [7]. Отечественными исследователями также отмечается сложность ситуации с насильственной преступностью, а также преступлениями против половой свободы и половой неприкосновенности [6, с. 122].

По нашему мнению, причинами совершения насильственных действий в отношении женщин как со стороны интимного партнера, так и со стороны иного лица служат: низкий уровень социальной грамотности, жестокое обращение в детстве, наблюдаемое ребенком в раннем возрасте домашнее насилие в отношении матери, сестры, трудности общения между партнерами, ощущение превосходства над женщинами (возможность доминировать) и др.

Насилие в отношении лиц женского пола несет в себе и определенные негативные последствия для здоровья каждой из них. Такие неправомерные действия приводят женщин к кратковременным, а в некоторых случаях и, длительным проблемам здоровья, заражениям инфекциями, передающимся половым путем (ВИЧ, СПИД), нежелательной беременности, депрессиям, а также самоубийствам

Особое значение необходимо предавать моделированию партнерских отношений, которые будут основаны на наличии взаимоуважения между мужчиной и женщиной. Строить партнерское взаимодействие необходимо в детстве, поэтому фокусировка осуществляется на одном их направлении первичной профилактики проблем, касающихся основных гендерных аспектов воспитания, а также максимально активной социализации подрастающего поколения [1].

Стоит обратить внимание, что средствами массовой информации насилие и агрессивные действия часто представляются в контексте неотъемлемой части мужественности и гендерной идентичности. Для противостояния насилию нужно уделять внимание созданию новой культуры взаимоуважения с формированием

у подростков уважения и желания пресекать акты насилия. Особого внимания требует психотерапевтическая работа, проводимая в образовательных учреждениях разного типа. Целесообразным является возможность осуществлять обучение несовершеннолетних и взрослых, разрешать конфликтные ситуации посредством неагрессивных и ненасильственных способов.

Профилактика преступлений, связанных с половой неприкосновенностью лиц, не достигших совершеннолетия, требует разработки программы специальных тренингов, которые направлены на формирование способности активно противостоять противоправным действиям, появление уверенности в отстаиваемых правах. Получение девочками-подростками информации о данной сфере жизни из интернета и от сверстников крайне негативно сказывается на подрастающем поколении, достаточно часто формирует порнографическую зависимость, промискуитет и различные сексуальные расстройства [2].

В настоящее время, на фоне особого воздействия целого ряда социально-экономических факторов, количество случаев домашнего насилия в отношении женщин приобрело значительные размеры. Данную проблему в условиях современных реалий целесообразно отнести к категории ситуаций, имеющих довольно сложный междисциплинарный характер. Именно по этой причине для оптимизации мер противодействия актам домашнего или семейного насилия важно использовать не только психологические, но и правовые механизмы. По нашему мнению, основную сложность в вопросах выработки наиболее действенных мер представляет отсутствие в уголовном законодательстве самого понятия семейного (домашнего) насилия.

Проводя анализ самых распространенных на сегодняшний день первопричин, а также наиболее важных условий всех совершаемых в стране и за рубежом тяжких внутрисемейных преступлений, непосредственно связанных с насилием, нельзя не обращать внимание на увеличение агрессии и учащение случаев проявления жестокости. В ст. 18 проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации» перечислены формы, в которых необходимо проводить профилактическое воздействие, к таковым относятся: правовое просвещение и правовое информирование, профилактическая беседа, профилактический учет, профилактический контроль, помощь в социальной адаптации лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию, социальная реабилитация лиц, подвергшихся семейно-бытовому насилию, специализированные психологические программы, защитное предписание, судебное защитное предписание. Считаю справедливым, отметить, что для профилактики бытового насилия следует обращать внимание на социальный климат семей с детьми. Дети, растущие в семьях, где имеет место насилие, могут страдать от целого ряда

расстройств, быть замкнутыми в себе, что в дальнейшем повышает риск совершения насильственных действий ими, как пример подражания модели семьи, в которой они воспитывались. В настоящее время наиболее часто встречающимися и широко распространенными видами домашнего насилия являются побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью, относящиеся к делам так называемого частного обвинения, это приводит к тому, что пострадавшие остаются без надежной защиты и помощи со стороны государства, в таких случаях женщины вынуждены самостоятельно защищать свои права, не имея при этом юридического образования [5, с. 18]. Данное положение противоречит ст. 2 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, требующую от государства обеспечения с помощью компетентных национальных судов и других государственных учреждений эффективной защиты женщин против любого акта дискриминации. Таким образом, предлагаем внести поправки в действующие нормативные правовые акты, а именно: исключить преступления, совершаемые в семье из дел частного обвинения и перевести их в категорию дел публичного обвинения, ввести в ст. ст. 115 и 116 УК РФ квалифицированные составы, закрепляющие более суровые наказания за общественно опасное деяние, совершенное в отношении родственника или бывшего родственника.

Список использованных источников:

1. Декларация об искоренении насилия в отношении женщин : принята резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1993 года. [Электронный ресурс] : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/violence.shtml (дата обращения : 22.03.2020).
2. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года. [Электронный ресурс] : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 20.03.2020).
3. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СПС КонсультантПлюс.
4. Насилие в отношении женщин в России альтернативный Доклад о выполнении в Российской Федерации Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Москва, 2010. [Электронный ресурс] : <http://www.cdep.ru/mps/4/ch4/Alter%202.pdf> (дата обращения: 22.03.2020).
5. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ [Электронный ресурс] :

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 02.03.2020).

6. Тепляшин П.В. Основные тенденции преступности в Сибирском федеральном округе // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXIII международной научно-практической конференции (24-25 мая 2018 г.). В 2 т. Том I. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2018. С. 121-124.

7. Усиление роли системы здравоохранения в реагировании на гендерное насилие в восточной Европе и центральной Азии. Сборник материалов [Электронный ресурс] : <https://eeca.unfpa.org/sites/default/files/pub-pdf/WAVE-UNFPA-Report-RU.pdf> (дата обращения: 25.03.2020).

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© В.А. Сухоносова

Научный руководитель: Е.А. Акунченко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Семья – один из важнейших социальных институтов. Согласно Конституции Российской Федерации, семья, материнство и детство находятся под защитой государства [1]. В соответствии с этим, в отечественном законодательстве существует множество норм, посвященных определению правовой стороны отношений в семье.

В.Б. Исаков понимает под правовым режимом относительно устойчивое взаимодействие некоторого социального объекта (явления, процесса или системы) с другими объектами, обеспечивающее достижение определенных целей [цит. по 7]. С.С. Алексеев утверждает, что правовой режим – это порядок регулирования, который выражен в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обя-зываний, создающих особую направленность правового регулирования [5].

То есть, под правовым режимом понимается законодательно закрепленное положение о направленном на достижение общей цели взаимодействии тех или иных субъектов правоотношений, заключающемся в их взаимных обязательствах друг перед другом, а также ограничениях, существующих в таких правоотношениях. Таким образом, субъекты права должны быть связаны какими-либо общими целями, обеспечиваемыми правовым режимом их отношений. С целью определения правового

режима детско-родительских отношений необходимо дать дефиницию данного понятия.

Согласно О.А. Карабановой, детско-родительские отношения составляют важнейшую подсистему отношений семьи как целостной системы и могут рассматриваться как непрерывные, длительные и опосредованные возрастными особенностями ребенка и родителя отношения [6]. То есть, детско-родительскими являются такие отношения, которые возникают между ребенком и его родителями, и входят в систему семейных отношений.

Таким образом, правовой режим детско-родительских отношений представляет собой совокупность взаимных прав, обязанностей и ограничений детей и родителей, направленных на достижение общей цели. При этом целью детско-родительских отношений является защита родителями прав и законных интересов своих детей, а также их первичная социализация.

Рассмотрим основные элементы правового режима детско-родительских отношений – взаимные права, обязанности и ограничения в правах сторон этих отношений.

Права и обязанности родителей и детей по отношению друг к другу содержатся в Семейном кодексе Российской Федерации [3]. Несовершеннолетние дети не имеют законодательно установленных обязанностей по отношению к своим родителям, однако, перечень их прав, обеспечиваемых родителями, довольно обширен. К таковым, согласно Семейному кодексу, относятся:

а) право жить и воспитываться в семье, закрепленное в ст. 54 СК РФ, которое раскрывается в правах знать своих родителей, получать от них заботу, проживать с ними на одной территории, воспитываться ими, а также в праве на положительный микроклимат в семье;

б) право на общение со своими родителями и другими родственниками, закрепленное в ст. 55 СК РФ, подразумевает, что ребенок имеет это право вне зависимости от отношений между родителями, от того, проживают ли они совместно, однако, данное право может быть ограничено в случае, когда такое общение противоречит интересам ребенка и может навредить его психическому или физическому развитию;

в) право ребенка на защиту, закрепленное в ст. 56 СК РФ, напрямую соотносится с обязанностью родителей защищать права и законные интересы своих детей, выраженное в ст. 64, но, одновременно с этим, ст. 56 содержит положения о праве ребенка на защиту от злоупотреблений со стороны родителей, то есть, по сути, защищает от них же;

г) право выражать свое мнение касается решения вопросов, напрямую относящихся к интересам ребенка. Согласно положениям ст. 57 СК РФ, в спорных ситуациях в суде обязательно следует учитывать мнение ребенка, достигшего 10 лет;

д) право на получение содержания от своих родителей, которое закреплено в ст. 60 СК РФ, под содержанием в данном случае понимается материальное удовлетворение нужд ребенка, а также выплата алиментов в случаях, установленных законом.

Правам детей корреспондируют обязанности родителей, помимо этих обязанностей, родители имеют и другие:

а) обязанность воспитывать своих детей, которая, согласно п. 1 ст. 63 СК РФ, является также правом родителей;

б) обязанность обеспечить получение ребенком общего образования, установленная в п. 2 ст. 63 СК РФ, при этом родители имеют право выбора условий и места получения данного образования детьми с учетом мнения последних.

Родители также имеют следующие права:

а) право на установление места жительства ребенка при раздельном проживании родителей, установленное в п. 3 ст. 65 СК РФ, при этом родитель, не проживающий с ребенком, не должен быть ущемлен в родительских правах;

б) право родителя, не проживающего совместно с ребенком, на получение информации о своем ребенке из воспитательных учреждений и других организаций, в которых находится его ребенок, если это не угрожает жизни, правам и интересам самого ребенка, что закрепляется п. 4 ст. 66 СК РФ;

в) право требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя без законных на то обстоятельств, закрепленное в ст. 68 СК РФ, если нахождение с биологическими родителями не способно нанести больший вред ребенку;

г) право оспаривать и/или устанавливать свое отцовство/материнство согласно нормам ст. 52 СК РФ.

Права и обязанности несовершеннолетних родителей отличаются от прав и обязанностей совершеннолетних родителей. В ст. 62 СК РФ определены следующие права данной категории: на совместное проживание с ребенком; на участие в воспитании ребенка; на признание и оспаривание своего отцовства/материнства и, по достижении 14 лет, право на установление отцовства в отношении своих детей в судебном порядке. При этом родители, не достигшие возраста шестнадцати лет, не вправе самостоятельно осуществлять родительские права, и их ребенку назначается опекун.

Относительно взаимных ограничений, составляющих правовой режим детско-родительских отношений, следует сказать, что несовершеннолетние дети не имеют правовых ограничений в своих семейных правах, поскольку являются

субъектом правовой защиты. Однако, по отношению к родителям в законодательстве Российской Федерации установлены следующие нормы, сдерживающие их возможное противоправное поведение в отношении своих детей:

а) ст. 69 и 73 СК РФ предусмотрено лишение родительских прав или ограничение в них, если родители не исполняют своих родительских обязанностей, либо злоупотребляют правами.

б) ст. 5.35 КоАП РФ закрепляет ответственность родителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних [2]. При этом, часть 2 указанной статьи предполагает ответственность родителей за нарушение прав и интересов детей, которое выражается в препятствии общению ребенка с другими родственниками.

в) ст. 156 УК РФ предусматривает наказание родителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, сопряженное с жестоким обращением с ним [4].

Следовательно, ограничение родительских прав закреплено в нормативно-правовых актах Российской Федерации, при этом, аналогичных норм для детей не существует. Это обусловлено в первую очередь тем, что дети не имеют законодательно установленных обязанностей в отношении родителей, а также нуждаются в большей защите государства ввиду возраста и несамостоятельности.

Таким образом, правовой режим детско-родительских отношений в Российской Федерации определяется в основном положениями Семейного кодекса. Дифференциация правового режима таких отношений основывается на возрасте родителей, то есть, права и обязанности совершеннолетних и несовершеннолетних родителей неидентичны.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] : принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Алексеев, С.С. Теория права / С.С. Алексеев. – М.: Издательство БЕК, 1995. – 320 с.

6. Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : учебное пособие / О.А. Карабанова. – М.: Гардарики, 2005. – 320 с.

7. Матузов, Н.И. Правовая система и личность : монография / Н. И. Матузов. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1987. – 294 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНОСТРАННОГО ПРАВА
И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ**

**УДОСТОВЕРЕНИЕ РОССИЙСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ
В СООТВЕТСТВИИ С ГААГСКОЙ КОНВЕНЦИЕЙ 1961 ГОДА, ОТМЕНЯЮЩЕЙ ТРЕБОВАНИЕ
ЛЕГАЛИЗАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ: ПРАКТИЧЕСКИЕ
СЛОЖНОСТИ ПРОСТАВЛЕНИЯ АПОСТИЛЯ**

© С.Е. Захарова

Научный руководитель: В.В. Терешкова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В соответствии с международными договорами, регулирующими вопросы гражданского процесса, документы, составленные на территории одного государства, признаются действительными на территории другого государства при условии легализации – их официального подтверждения в порядке, установленном национальным законодательством. Признание действительности таких документов в пределах юрисдикции других государств имеет две стороны: признание документа как такового по своему характеру (*inter se*) и с позиций формы, достоверности, подлинности [1].

Документы должны быть надлежащим образом удостоверены. В числе способов удостоверения консульская легализация и проставление апостиля.

По общему правилу, если международным договором не предусмотрено иное, под легализацией официальных документов понимают именно консульскую легализацию. По мнению исследователей, данный вид легализации рассматривается как один из видов административных услуг [2]. Практика свидетельствует, что такая процедура является довольно громоздкой и длительной, поскольку консульские учреждения страны представления документа часто предъявляют свои требования. Нередко возникают ситуации, когда в стране происхождения документа могут вообще отсутствовать консульства, так как между государствами не установлены дипломатические отношения.

С целью упрощения процедуры легализации иностранных документов 5 октября 1961 года в Гааге была подписана Конвенция, отменяющая требования легализации иностранных официальных документов (далее – Гаагская конвенция), которая ввела в международное право понятие «апостиль» и вступила в силу для России 31 мая 1992 года [3]. Исходя из содержания данной Конвенции, на документах, совершенных компетентными органами одного государства и предназначенных для использования на территории другого государства, проставляется

специальный штамп «апостиль», не требующий дополнительного заверения и придающий документу юридическую силу на территории другого государства.

Законодательством Российской Федерации установлен перечень уполномоченных органов, к компетенции которых отнесено проставление апостиля на официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории России. Одним из таких компетентных органов является Министерство юстиции Российской Федерации и его территориальные подразделения.

При проставлении апостиля распространенной проблемой, с которой на практике сталкивается территориальный орган юстиции, является не знание граждан, в какой компетентный орган могут быть представлены соответствующие официальные российские документы. Постановлением Правительства РФ от 30.05.2016 № 479 «О компетентных органах, уполномоченных на проставление апостиля в Российской Федерации» (далее – Постановление № 479) для каждого органа установлен определенный перечень документов, на которых данные компетентные органы уполномочены проставлять апостиль. Однако в Постановлении № 479 не предусмотрен перечень документов, которые подлежат представлению в Минюст России и его территориальные органы. В пункте дана отсылка к статье 5 Федерального закона от 28.11.2015 № 330-ФЗ «О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 330-ФЗ), в которой представлен общий перечень документов, на которых возможно проставление апостиля.

В связи с неясностью формулировки и толкования у граждан возникает вопрос, возможно ли апостилирование копии, снятой с официального российского документа, и какой орган уполномочен проставить на ней апостиль. В данном случае необходимо руководствоваться нормой, содержащейся в пункте 2 статьи 5 Федерального закона № 330-ФЗ. В пункте указано, что в качестве российских официальных документов также рассматриваются документы, оформленные нотариусами Российской Федерации при совершении нотариальных действий. Таким образом, нотариально удостоверенная копия официального российского документа рассматривается как самостоятельный официальный российский документ.

Множество споров на практике вызывает вопрос возможности проставления апостиля на копии документа, выданного органом записи актов гражданского состояния иностранного государства. По общему правилу данные официальные документы не являются российскими, в связи с чем, орган юстиции отказывает в проставлении апостиля. Однако в случае если копия сделана с документа,

выданного в государстве, входившем в состав СССР до даты его распада, официальный документ считается российским.

Практическую сложность представляет вопрос будет ли апостилированный документ принят к рассмотрению в государстве предъявления. Согласно статье 1 Гагской конвенции, Конвенция распространяет свое действие на официальные документы, которые были совершены на территории одного из договаривающихся государств и должны быть представлены на территории другого договаривающегося государства. В связи с этим предполагается, что все государства-участники Гагской конвенции принимают к рассмотрению иностранные документы при условии их легализации в порядке, установленном национальным законодательством.

Однако правоотношения государств базируются не только на нормах, но и на принципах международного права, поэтому помимо Гагской конвенции 1961 г государства руководствуются нормами иных международных договоров, заключенных между ними. На данный момент большинство государств, граничащих с Российской Федерацией, установили особый порядок сношений. Согласно этому порядку для документов, выданных на территории договаривающейся стороны, не требуется их легализация для предъявления в государстве-участнике соответствующего договора.

В то же время некоторые государства не соблюдают обоюдную договоренность о признании иностранных документов легальными на своей территории. Например, Израиль, Латвия и Греция не принимают российские официальные документы без их легализации на территории Российской Федерации. В связи с тем, что практика применения государствами положений двусторонних договоров о правовой помощи регулярно меняется, перечень таких государств не является исчерпывающим. Информацию о необходимости апостилирования документа для предъявления в том или ином иностранном государстве гражданин может получить непосредственно в учреждении государственного органа, уполномоченного на проставление апостиля.

Одним из способов взаимодействия между государствами помимо легализации иностранных документов также является оказание международной правовой помощи. В связи с этим большим практическим интересом обладает вопрос возможности оказания правовой помощи посредством проставления апостиля.

Отношения между государствами по оказанию правовой помощи регулируются международными договорами о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, а также конвенциями и протоколами к ним. Международными договорами определяются компетентные органы,

уполномоченные оказывать друг другу правовую помощь, а также порядок сношений данных компетентных органов.

В ситуации, когда между государствами не заключен международный договор о правовой помощи (например, между Российской Федерацией и Великобританией), отношения по оказанию правовой помощи напрямую не урегулированы, правовых оснований для направления запросов о международной правовой помощи не предусмотрено. Соответственно, защита прав физических лиц оказывается практически невозможна.

На практике этот вопрос может разрешиться с помощью апостилирования нотариально заверенного запроса физического лица. В данном случае гражданин оформляет у нотариуса запрос о получении необходимых сведений в соответствующем государстве, который он впоследствии апостилирует и представляет в государство предъявления. Подобный запрос соответствует требованиям к формам нотариальных документов, а также требованиям к российским официальным документам, установленным статьей 5 Федерального закона № 330-ФЗ. Такой документ не является запросом о международной правовой помощи в установленном формате, поэтому отсутствие международного договора не препятствует его направлению.

Несмотря на унификацию правил проставления апостиля в рамках Гагской Конвенции 1961 года процедура проставления апостиля на российских официальных документах, которые должны быть представлены в государственные органы за пределами территории Российской Федерации, вызывает множество сложностей. Орган юстиции разрешает спорные вопросы, опираясь на лучшие национальные практики и рекомендации Гагской Конференции по международному частному праву.

Список использованных источников:

1. Военушкина Е.А. Действительность документов об актах гражданского состояния на территории иностранных государств // Теория и практика общественного развития. 2012. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deystvitelnost-dokumentov-ob-aktah-grazhdanskogo-sostoyaniya-na-territorii-inostrannyh-gosudarstv>.
2. Дёмкина А.С. Использование информационных технологий в сфере легализации документов для действия за границей // Вопросы современной юриспруденции. 2013. №28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-informatsionnyh-tehnologiy-v-sfere-legalizatsii-dokumentov-dlya-deystviya-za-granitsey>.

3. Швец С.В. Легализация и перевод иностранных документов в судопроизводстве // Наука и современность. 2012. №15-4. URL.:<https://cyberleninka.ru/article/n/legalizatsiya-i-perevod-inostrannyh-dokumentov-v-sudoproizvodstve>.

HEUTIGES URHEBERRECHT DEUTSCHLANDS: RECHTSQUELLEN, GRUNDLEGENDE VORSCHRIFTEN, PROBLEM DES WISSENSCHAFTLICHEN PLAGIATS

© A.W. Pastuschtschik
Betreuerin: N.W. Zbankowa
dr. für Psychologie
Sibirische Föderal Universität

In der zweiten Hälfte des 20. Jahrhunderts fand in der ganzen Welt eine echte „Informationsrevolution“ statt. Unter den Bedingungen der Beschleunigung des wissenschaftlich-technischen Fortschritts und mit der Entwicklung globaler Kommunikationsnetze erhielten viele Menschen freien Zugang zu wissenschaftlichen Werken, Werken der Literatur, Malerei, Musik und anderem geistigen Eigentum. Die Zahl der Verstöße in diesem Bereich stiegen um ein Vielfaches. Dies erfordert eine verstärkte gesetzliche Regelung der Beziehungen, die sich aus der Schaffung und Nutzung von geistigem Eigentum ergeben.

Der erste Versuch des Deutschlands die Vorschriften im Bereich des Urheberrechts zu vereinbaren, war die Unterzeichnung in Jahr 1886 der Berner Übereinkunft zum Schutz von Werken der Literatur und Kunst. Obwohl sie über hundert Jahren unterzeichnet wurde, hat dieses völkerrechtliche Übereinkommen heute eine große Bedeutung. Später wurden weitere wichtige Urkunde in dem Bereich des Völkerrechts erlassen, wie zum Beispiel das Welturheberrechtsabkommen (1952), das Übereinkommen zum Schutz der Hersteller von Tonträgern gegen die unerlaubte Vervielfältigung ihrer Tonträger (1971) und andere. Um seine Ausführung zu kontrollieren, funktioniert die Weltorganisation für geistiges Eigentum. Allerdings bemerken viele Wissenschaftler die Unterschiede zwischen dem angloamerikanischen Urheberrecht und dem Konzept des Urheberrechts in Kontinentaleuropa. Zum Beispiel sagt Professor D. D. Jumaschew, dass in ersten Fall eine große kommerzielle Ausrichtung existiert, aber in zweiten Fall die Absolutheit und Unveräußerlichkeit der Rechte des Urhebers [4].

Das Urheberrecht der Europäischen Union wird durch neun Richtlinien vertreten, die auf die Einheitlichkeit und Harmonisierung des Urheberrechts in den EU-Mitgliedstaaten gerichtet sind. Einen großen Einfluss auf die Entwicklung des deutschen Urheberrechts haben auch die Urteile des Europäischen Gerichtshofs [2].

Art. 73 des deutschen Grundgesetzes bezieht das Urheberrecht zum Bereich der ausschließlichen Gesetzgebung des Bundes [4]. Also sind die 16 Länder nicht berechtigt, in diesem Bereich eine eigene gesetzliche Regelung festzulegen. Seit dem 9. September 1965 gilt in Deutschland das spezielle Urheberrechtsgesetz (UrhG).

Objekte des Urheberrechts sind gemäß § 2 UrhG schriftliche Werke, Musik -, Tanz -, Filmmusik Werke; Werke der bildenden Kunst, Architektur; Projekte, Zeichnungen, Skizzen. Sie können materiell oder immateriell sein, aber alle sind die Ergebnisse der kreativen, intellektuellen Tätigkeit ihres Urhebers. Auch zu solchen Objekten gehören die Übersetzungen und andere Bearbeitungen im Sinne des §3 UrhG.[3] Urheberrechtsgesetz schützt auch die Sammelwerke, Datenbankwerke und gleichsetzt sie mit Objekten intellektueller Tätigkeit.

Das Subjekt des Urheberrechts ist der Urheber. Art. 7 UrhG definiert: "Der Autor ist der Schöpfer des Werkes" [3]. Der Schöpfer der Arbeit kann nur eine Einzelperson sein. Wenn das Werk von mehreren Urhebers verfasst wird, handelt es sich um eine Miturheber (Art. 8 UrhG). In Deutschland gilt die Vermutung der Urheberschaft, wonach jeder, der auf dem Originalwerk oder in Kopien davon als Urheber angegeben ist, vom Urheber anerkannt wird, sofern nicht anders nachgewiesen.

Der Inhalt des Urheberrechts liegt darin, dass der Urheber gemäß Art.11 UrhG, wenn er sein Werk nicht selbst verwenden möchte, ein solches Recht durch eine vertragliche Vereinbarung auf eine andere Person übertragen kann. Das Nutzungsrecht kann gemäß Art.31 UrhG als einfaches, ausschließliches oder mit räumlichen, zeitlichen oder inhaltlichen Beschränkungen übertragen werden [3]. Im ersten Fall bedeutet dies, dass der neue Inhaber das ihm gewährte Recht den Dritten übertragen kann. Im zweiten Fall ist die Verwendung nur mit den Vertragsbedingungen zulässig.

Ein wichtiger Punkt ist die Dauer des Urheberrechts. Diese Frist ist in Art. 65 UrhG geregelt. Das Urheberrecht bleibt während des gesamten Lebens des Urhebers sowie für siebenzig Jahre nach seinem Tod erhalten. Wenn das Werk anonym veröffentlicht wird, beginnt diese Frist mit dem Zeitpunkt der Erstellung des Werks. Ähnliche Fristen sind zum Beispiel in Russland oder Frankreich. Gemäß Art.28 UrhG, kann die Ausübung des Urheberrechts durch Testament übertragen werden [3].

Das Problem der illegalen wissenschaftlichen Entlehnungen ist heute in Deutschland besonders aktuell. Eines der vielen Beispiele ist der Fall, wenn der Bundesminister der Verteidigung Karl-Theodor zu Guttenberg im Jahr 2011 aufgrund von Plagiatswürfen seinen Dienst verließ. In seiner Dissertation wurden etwa 76 Prozent des geliehenen Textes ohne ordnungsgemäßen Bezug zu den Originalurhebers gefunden.

Illegales Kopieren (Plagiat) ist eine rechtswidrige Handlung, die vom UrhG verboten ist. Art. 106 UrhG begründet die Haftung für diese Handlung: Freiheitsstrafe bis zu drei Jahren oder Geldstrafe. Diese Sanktion scheint ziemlich beeindruckend. Im

Vergleich dazu ist das Plagiat in der Russland gemäß Art.146 I des StGB nur dann strafbar, wenn diese Handlung dem Inhaber des Urheberrechts großen Schaden zugefügt hat. Im Art.146 gibt es keine Freiheitsstrafe [7]. Die rechtlichen Konsequenzen der Aufdeckung von Plagiaten wirken sich auch auf die Arbeitsbeziehungen aus. Zum Beispiel können die Arbeitsverhältnisse gemäß Art.626 BGB ohne Anspruch auf Entschädigung gekündigt werden [1]. Außerdem können auch negative soziale Konsequenzen sein.

Ein solches Phänomen wie das Plagiat ist schon vor langer Zeit aufgetreten, aber mit dem Aufkommen der Computertechnologie, mit der Sie Text in wenigen Sekunden "kopieren" können, hat die Zahl der Entlehnungen zugenommen. Prof. Volker Ribble ist mit dieser Erklärung einverstanden. Er sagt, dass nicht nur die Studenten, sondern auch die Professoren das machen können. Er bemerkt auch, dass die Inexistenz der eigenen Ideen des Urhebers und ihre mangelnde persönliche Verantwortung für die Werke eine große Bedeutung haben. Die Frage der persönlichen Verantwortung hängt mehr mit den ethischen Eigenschaften des Urhebers zusammen [6].

Viele deutsche Universitäten haben ihre eigenen Regeln und Maßnahmen zur Bekämpfung der wissenschaftlichen Entlehnungen. So wird beispielsweise an der Universität Regensburg bei der Einreichung oder Verteidigung der Werke, wenn der Lehrstuhl das Plagiat findet, verliert dieser Student die neue Möglichkeit das Werk zu schützen. Er hat auch keinen Anspruch auf eine Zertifikate. Für Kandidaten und Doktoraten werden besondere Regeln in Deutschland festgelegt. Alle Dissertationen müssen in Buchform veröffentlicht werden.

Auf der Grundlage des Vorstehenden können wir den Schluss ziehen, dass es in Deutschland heute trotz der recht detaillierten gesetzlichen Regelung der Rechtsbeziehungen im Bereich des Urheberrechts separate Probleme in diesem Rechtsbereich gibt. Die Existierung hinreichend eindrucksvoller Sanktionen ist kein Hindernis für rechtswidrige Handlungen, wie zum Beispiel die illegale Entlehnungen vor fremden Werken ganz oder teilweise. Daher scheint es durchaus richtig zu sein, dass das deutsche Urheberrecht von einzelnen Institutionen reformiert werden muss, um die rechtswidrige Handlungen rechtzeitig aufzudecken und ihre Zahl zu verringern.

Literaturverzeichnis:

1. Bürgerliches Gesetzbuch [Elektronischer Zugang] // URL : <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/index.html>.
2. Chanina, K. W. Das Urheberrecht der Europäischen Union / K. W. Chanina // RUDN Zeitung, Rechtswissenschaft. – 2003. – № 1. – S. 108-118.

3. Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (Urheberrechtsgesetz) vom 9. September 1965 [Elektronischer Zugang] // URL : https://www.gesetze-im-internet.de/urhg/inhalts_bersicht.html.

4. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland [Elektronischer Zugang] // URL : <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/index.html>.

5. Jumaschew, Ju. M. Aktueller Stand des Urheberrechts in Deutschland [Text] / Ju. M. Jumaschew, E. W. Postnikowa // Zeitschrift des ausländischen Rechts und der Rechtsvergleichung. – 2017. – № 3. – S. 55-62.

6. Rieble, V. Das Wissenschaftsplagiat – Vom Versagen eines Systems. [Text] : Vittorio Klostermann GmbH.. – Frankfurt/Main 2010. – ISBN 978-3-465-04101-6.

7. Strafgesetzbuch der Russischen Föderation [Elektronischer Zugang] // URL : <http://www.consultant.ru>.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

GREEN BONDS OVERVIEW. HOW “GREEN” IS RUSSIA?

© A.A. Barinova

Scientific adviser: Yu.I.Dzis

Candidate of Science (Political Science)

Siberian Federal University

Following climate agreement in Paris, global attention has shifted to how countries will achieve their nationally determined contributions. To accomplish the stated objectives, governments are to make full use of private sector capacity by unlocking a larger flux of investment in low-carbon green infrastructure since public green investment banks can help accelerate the shift to low-carbon investment at the national and sub-national levels [1]. Considering a key role of the banks in a society and state’s economy as well as facing the tendency of nature-conservation ends in most countries’ policies it’s vital for the banking to “go green” too.

United Nations Environment Programme Finance Initiative (UNEP FI) has recently issued Principles for Responsible Banking with supporting framework documents. It is to provide a single framework for the further development of sustainable banking industry. In doing so, the Principles set out the banking industry’s role and responsibility in shaping a sustainable future and in aligning the banking sector with the objectives of the UN Sustainable Development Goals and the 2015 Paris Climate Agreement [2]. These principals encourage banks to increase positive impacts while reducing negative impacts by setting and publishing targets. While the allocation of capital, banks are to bear the consequences of its business sentiment for both society and ecology. This means the call for responsible and conscious capital’s deployment as well as double-check the alignment of banks’ targets, investment portfolios and particular transactions with SDGs. In practice, this will require that they introduce projects’ public utility and eco-friendliness KIPs. Moreover, the principals invoke stakeholders to build up cooperation with the banking “to achieve society’s goals”. Also, it calls for transparency, effective governance and a culture of responsibility.

Definitely, in the light of that, the green bonds issue is quite significant. Climate bonds, also known as green bonds, are fixed-income financial instruments linked in some way to climate change or nature preservation solutions. What is noteworthy is that such bonds are a relatively new asset class, but they are growing rapidly. The very first fixed income product among socially responsible investments was issued by the European Investment Bank in 2007 to fund renewable energy and energy-efficient projects. Then in 2008, The World Bank was first to issue a labeled “green bond”. As concerns the rapid growth, from 2015 to 2016 the Climate Bonds Initiative report claims

that there was a 92% increase in green bonds issuance to \$92 billion [3]. In 2019 the world record was set: 257.7 billion and 51% growth compared with 2018. According to the report of Climate Bonds Initiative, USA, China and France continue as top-ranked countries; together they make up 44% of global insurance [4].

So why would countries on earth make “green investment portfolios”? First of all, green bonds assist to attract strategic investors who are concerned to have environmentally responsible firms in the portfolio of investments. Furthermore, green bonds enable companies to diversify and enhance the structure of banks’ loan portfolios. In comparison with conventional bonds, green may have more favorable terms for price and urgency. Since this is a highly specialized product that is of interest to investors as investments in socially responsible companies, the cost of «green» bonds may be lower. At the same time, such bonds allow attracting long-term financing, since investors understand that «green» projects of companies require time to develop, and are ready to wait. Third, green bonds increase the prestige of both the company and the Bank that is involved in the process of organizing its issue. In this case, green bonds are a good tool for improving the image and reputation in terms of ESG components (environmental, social and governmental standards). Often, the issue of «green» bonds is supported by the state — for example, they may provide preferential taxation. In particular, «green» bonds may be of interest to companies that are not indirectly involved in environmental projects, but at the same time have a significant impact on the environment — companies engaged in metallurgy, construction, real estate, etc. Banks are often reproached for lending to companies that harm the environment, so participating in the issue of green bonds can be an excellent solution to maintain the image of a responsible financial institution.

Russia’s green bond market is still tiny against the global “green” market. Thus, to finance environmental and social projects a sector has been set up by the Moscow Exchange on August 12th, 2019. Moscow Exchange has highlighted several areas that may have green bonds: renewable energy technologies; prevention of environmental pollution; clean transportation; water and wastewater management; climate change adaptation. Vital to admit that the government of the Russian Federation is in the interest of the development of this market, so the government decree was issued which provides for benefits for issuing green bonds businesses. So that the government should reimburse 70% on coupon-bearing bonds. If the company purchases Russian industrial equipment, 90% is to be refunded.

Companies today follow the concept of responsible production; thus, they invest heavily in minimizing harmful emissions, upgrading equipment, and replacing it with more energy-efficient units. Although, in the pursuit of further development of domestic investment in green bonds, it’s crucial to have a “major player” in the market, who

will declare his commitment to “green” products and procedures implementation as strategic. In Russia Sberbank is driver-to-be, in this regard, Central Bank of the Russian Federation, as its stakeholder, firstly should undertake to elaborate early-stage financing of the sectors and implementing relevant experiences to develop the bank.

References:

1. Dharish David, Anbumozhi Venkatachalam. A comparative study on the role of public-private partnerships and green investment banks in boosting low-carbon investments Asian Development Bank Institute, 2018.

2. ‘Principles for Responsible Banking’ and their supporting framework released following six-month consultative process — Endorsed by more than 100+ financial institutions ahead of their 22 September global launch // United Nations Environment Finance Initiative (UNEP FI). 2019.

3. Climate Bonds 2016 Highlights: The big issuers: The big numbers: The trends that count and a 2017 forecast // Climate Bonds Initiative [Электронный ресурс]. URL: <https://www.climatebonds.net/2017/01/climate-bonds-2016-highlights-big-issuers-big-numbers-trends-count-and-2017-forecast> (дата обращения: 13.03.2020).

4. 2019 Green Bond Market Summary // Climate Bonds Initiative [Электронный ресурс]. URL: <https://www.climatebonds.net/resources/reports/2019-green-bond-market-summary> (дата обращения: 13.03.2020).

RENEWABLE ENERGY USE: THE ROLE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

© A.D. Buyda, E.A. Sidorova

Scientific adviser: Yu.I. Dzis

Candidate of Science (Political Science)

Siberian Federal University

The population of our planet increases annually, as a consequence, the pressure on the energy sector is steadily rising. And conventional sources will not be able to meet our needs in the future. So, we should think about renewable sources of energy. And artificial intelligence may help significantly in improving their use.

Firstly, we should identify the problems which the energy sector faces:

- the majority of companies don't cut emissions fast enough;
- from 60 to 80 percent of coal, oil and gas reserves of publicly listed companies could be classified as unburnable in a 2-degree world;

- the development of large conventional sources projects requires major investments, as a result, the growth of economic protectionism takes place;

- the unpredictability of geopolitical landscape – many states can refuse the supplies of conventional sources.

Thus, it is clear that the world community should focus on the renewable energy sector. But here there are some unresolved issues as well:

- the weather challenge – especially, this problem is significant for wind and solar energy;

- the climate change;

- there are not effective ways to supply the renewable sources.

Taking this into consideration, one may pose a question: “How can Artificial Intelligence (AI) technologies improve the state of affairs in this sphere and the reliability of renewable energy and modernize the overall grid?”

1. Weather Forecast

AI is helping to develop software and models for weather change predictions.

2. Smart, Centralized Control Centers

The energy grid can be interconnected with devices and sensors to collect a large amount of data. When coupled with AI, this data can give new insights to the grid operators for better control operations. It offers flexibility to the energy suppliers to cleverly adjust the supply with demand.

3. Smart Grid with Intelligent Storage

This smart grid will be able to analyze a vast amount of data collected from several sensors and make timely decisions on energy allocation.

This will also help microgrids to efficiently manage the local energy needs while continuing the power exchange with the main grid.

4. Integration of microgrids

AI can help with the integration of microgrids and managing distributed energy. When the community-level renewable energy generation units are added to the primary grid, it becomes hard to balance the energy flow within the grid.

The AI-powered control system can play a vital role in solving the quality and congestion issues.

5. Improved Safety and Reliability

It can help to understand the energy consumption patterns, identify the energy leakage and health of the devices. For example, the AI-powered predictive analysis can collect the data from wind turbine sensors to monitor wear and tear. The system will monitor the overall health of the equipment and alert the operator when the maintenance is needed.

Nowadays there are a number of companies that are using AI to improve renewable energy operations:

1. Xcel Energy

One of the largest energy providers, Xcel is deploying AI technology in Colorado to address the weather forecasting challenges. Xcel uses the AI-based data mining methods of the National Center for Atmospheric Research to generate detailed weather reports with high accuracy. It's one of the best examples of AI in energy management.

The AI system collects data from local satellites, weather stations, and wind farms to perform the analysis. The algorithms are designed to identify data patterns and make predictions.

2. General Electric

From giant wind turbines to hydro generators, General Electric has developed many parts of the current energy infrastructure. General Electric has built a software called Predix that uses the power of AI to make predictions on machine health.

Predix collects data from different sensors from the equipment and performs in-depth analysis to predict failure in the machine before it happens. The software has helped GE build a sustainable and reliable grid of renewable energy.

3. PowerScout

This Oakland, California-based startup uses AI and machine learning to improve consumer education and drive more business. PowerScout uses industry data and AI to demonstrate potential savings on power costs.

AI has helped the company reduce costs on customer acquisition. PowerScout's AI platform gathers data from more than 100 billion data points that are connected to 45 million households.

It collects data from several sources and predicts whether or not a given household will be investing in solar energy. It has also helped solar installers to focus their marketing efforts on the most likely buyers, thus improving the chances of revenue.

4. Google and DeepMind were able to improve efficiency by 20 percent, using their neural network with the weather forecast and turbine data. Additionally, AI helped to reduce the amount of energy required to cool Google's data centers by 40 percent.

Overall, we may say that the interface between Artificial Intelligence and renewable energy is an excellent combo. Technological advancements are radically changing our understanding of these two. Though their integration is still in starting days, we can hope for a resilient and Smart Grid. It will definitely open new opportunities while developing its sustainability towards a better future.

References:

1. AI: A Promising Progression for Renewable Energy Sector [Электронный ресурс] – 2019 – Режим доступа: <https://hackernoon.com/ai-a-promising-progression-for-renewable-energy-sector-44ad174ba40c>.

2. Can artificial intelligence in the energy sector help solve the climate crisis? [Электронный ресурс] – 2019 – Режим доступа: <https://www.dw.com/en/can-artificial-intelligence-in-the-energy-sector-help-solve-the-climate-crisis/a-48669209>.

3. Hennick, Calvin. Improve Their Use of Renewable Energy [Электронный ресурс] / Calvin Hennick. – Режим доступа: <https://biztechmagazine.com/article/2020/01/how-utilities-deploy-ai-improve-their-use-renewable-energy/>.

4. Georgiou, Michael. The Role of AI Technology in Improving the Renewable Energy Sector [Электронный ресурс] / Michael Georgiou. – Режим доступа: <https://www.imaginnovation.net/blog/artificial-intelligence-in-renewable-energy/>.

5. S. Rao, Anand. How ‘responsible AI’ can boost sustainable development [Электронный ресурс] / Anand S. Rao. – Режим доступа: <https://news.itu.int/socially-responsible-ai/>.

6. Tugend, Alina. The Challenges for the Energy Industry [Электронный ресурс] / Alina Tugend. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/2017/10/15/business/energy-environment/challenges-for-the-energy-industry.html>.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND WORLD AFFAIRS: MONOPOLY, DUOPOLY OR MULTIPOLARITY?

© O.V. Gributskaya

Scientific adviser: Yu.I.Dzis

Candidate of Science (Political Science)

Siberian Federal University

We live in the era of a real technological revolution. Humanity is witnessing the development of the artificial intelligence (AI), which has become the subject of vociferous disputes. AI facilitates many areas of our lives, allows us to carry out sophisticated tasks without human intervention. AI technologies, created in many countries of the world, already allow them to undertake the work that previously seemed infeasible without human intervention. For example, in April 2019, the issue of Esquire magazine was released in Singapore in which a robot named AI Squire wrote an editorial letter and five texts [7]. This is a real challenge to the profession of journalist. Likewise, Cambridge University in the UK is developing plans to launch a supercomputer using AI

technology worth 10 million pounds for business [4, p. 8]. However, there is a fear that AI will be able to surpass the human mind and become uncontrollable or will lead to another world arms or technological race.

To begin with, it is important to understand what the artificial intelligence is. The International Terminological Dictionary of Artificial Intelligence defines it as «a field of knowledge that considers the development of technologies that allow computing systems to act in a way that resembles reasonable behavior, including human behavior» [8, p. 13]. Generally speaking, AI refers to a computer programme, an algorithm that can solve problems that an adult's brain can solve. In addition, AI is divided into weak and strong. Weak AI is understood as an algorithm which is able to solve highly specialized problems (for example, playing chess or Go), while a strong AI is able to do the adult people's actions (such as making logical conclusions and planning actions) [3, p. 6].

The leaders in AI development are the United States and China. The USA, possessing not only military and economic, but also technological preponderance, declares its desire to maintain its leadership in the era of AI development because it «has demonstrated great value in strengthening of national security and economic development», the White House summit «Artificial Intelligence for American Industry» summarized in 2018 [9].

Correspondingly, Chinese People's Republic introduced a new-generation artificial intelligence development plan in 2017. Chinese strategy is divided into 3 parts:

- it is necessary to achieve important progress in development of the AI theories and technologies and bring them to the global level by 2020;
- it is necessary to make AI the main driving force of industrial modernization and economic transformation in China, as well as create laws and ethical standards for AI by 2025;
- China should become the world's leading AI innovation centre by 2030 [5, p. 5-6].

As a consequence, we can say that a new specific feature of international relations in the 21 century can be a rivalry for the cutting edge AI technologies. Researchers identify two possible scenarios for the development of this situation:

- AI-neocolonialism in relations between the countries leading in AI technologies and countries lagging behind in its development;
- AI-arms race between the countries leading in development of AI-technologies [3, p. 23].

If we compare the level of development of new technologies in the USA and China, we can conclude that the United States leads in the field of biotechnology, nanotechnology, in the field of cloud data processing, as well as in the field of robotics. In

comparison, China stays one jump ahead of the United States in the development of drones equipped with AI, as well as in the development of exascale computing (the field of creating supercomputers with huge performance) [3, p. 34]. Moreover, there is a situation of the parity between the USA and China in the field of development of AI technologies, which is called the «duopoly» [3, p. 36]. At the same time, China sets itself the goal of achieving the absolute leadership in this sphere, so the United States seeks to impede strengthening of China. In particular, the American side talks about the following areas of Chinese AI development policy obtained by dishonest means:

- the use of protectionist measures to save Chinese market from imports and AI competition;
- illegal purchasing of intellectual property in the field of AI through theft, cyber espionage, violation of the U.S. export laws;
- coercion of the U.S. companies to transfer AI technology to Chinese companies;
- pumping out valuable information directly from the primary sources of scientific innovative ideas (universities, laboratories, research centers) [3, p. 36-37].

«There are Chinese world leading companies in the field of speech recognition, natural language processing, including SenseTime, Unisound, iFLYTEK and Face», said Zheng Nan, director of the Institute of Artificial Intelligence and Robotics of Xi'an University [10]. On the other hand, China is still lagging behind in the formation of key AI technological tools: for example, most of the world's leading AI-enabled computing chips are manufactured by the US companies such as Nvidia, Intel, Apple, Google and Advanced Micro Devices [10].

One may pose a question: “If the main struggle for the development of AI technology occurs between the U.S. and China, can we talk about the bipolarity of international relations in this area?” We believe that the answer is “No”. Nowadays some countries are quite successful in developing this sphere of their economy. In 2017, Canada became the first state which adopted an official AI development strategy. Following Canada, such documents were published in 17 countries of the world in 2017-2018, such as Singapore, Taiwan, South Korea, Japan, the United Kingdom, the UAE. 9 of the 18 AI development programs are fully funded and determine the direction for the development of new technologies, and 9 other strategies highlight goals, underlying their future policies [6]. At the same time, these states emit large amounts of money for development of these technologies: for instance, South Korea announced the allocation of almost \$ 2 billion at the July 2018 exchange rate, as well as the UK – \$ 1.24 billion [6]. Furthermore, the national military programs of a number of countries are formed on the basis of AI: for example, the National Strategy for the Development of India's AI and the Roadmap for the Development of AI to ensure the defense and security of India [3, p. 31].

Consequently, based on this research, we can say that nowadays the field of artificial intelligence is not the subject of confrontation of only two strong actors of international relations – the United States and China. A large number of countries have joined this race for the development of new technologies, allocate large funds for new projects and elaborate national strategies in the field of AI.

References:

1. Искусственный интеллект в международных отношениях: эпоха «цифровой дипломатии» [Электронный ресурс] / Я. Лисоволик // Российский совет по международным делам (РСМД). – 12.02.2020. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/iskusstvennyu-intellekt-v-mezhdunarodnykh-otnosheniyakh-epokha-tsifrovoy-diplomatii/> (дата обращения: 23.03.2020)

2. Искусственный интеллект и безопасность: что во благо, а что во зло? [Электронный ресурс] / Международная жизнь. – 21.10.2019. – Режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/24219> (дата обращения: 23.03.2020)

3. Международные и социальные последствия использования технологий искусственного интеллекта. Рабочая тетрадь № 44 [Электронный ресурс] / С. В. Карелов [и др.] // Российский совет по международным делам (РСМД). – Москва: НП РСМД, 2018. – 60 с. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/papers/AI-Paper44-Rus.pdf> (дата обращения: 12.03.2020)

4. Шелюбская, Н. В. Развитие цифровой экономики в Великобритании [Электронный ресурс] / Н. В. Шелюбская // Мировое и национальное хозяйство. – 2018. – № 4 (46). – 9 с. – Режим доступа: <https://mirec.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/the-united-kingdom-digital-economy-development.pdf> (дата обращения: 14.03.2020)

5. A Next Generation Artificial Intelligence Development Plan [Электронный ресурс] / State Council of the People's Republic of China. – 08.07.2020. – 28 p. – Режим доступа: <https://cick.ru/MSAS6> (дата обращения: 12.03.2020)

6. Building an AI World: Report on National and Regional AI Strategies [Электронный ресурс] / Т. Dutton // CIFAR. – 06.12.2018. – Режим доступа: <https://www.cifar.ca/cifarnews/2018/12/06/building-an-ai-world-report-on-national-and-regional-ai-strategies> (дата обращения: 13.03.2020)

7. Esquire в Сингапуре выпустил написанный ИИ-ботом журнал [Электронный ресурс] / Интернет-портал VC.ru. – 13.05.2020. – Режим доступа: <https://vc.ru/media/67074-esquire-v-singapore-vypustil-napisannyi-ii-botom-zhurnal> (дата обращения: 14.03.2020)

8. Raynor, William J. The International Dictionary of Artificial Intelligence [Электронный ресурс] / William J. Raynor // The Glenlake Publishing Company, Ltd., 1999. – 318 p. – Режим доступа: <https://clck.ru/MS8Fb> (дата обращения: 12.03.2020)

9. Summary of the 2018 White House Summit on Artificial Intelligence for American Industry [Электронный ресурс] / The White House Office of Science and Technology Policy. – 10.05.2018. – 15 p. – Режим доступа: <https://clck.ru/MT6P8> (дата обращения: 13.03.2020)

10. Will China Overtake the U.S. in Artificial Intelligence Research? [Электронный ресурс] / S. O'Meara // Nature magazine. – 24.08.2019. – Режим доступа: <https://www.scientificamerican.com/article/will-china-overtake-the-u-s-in-artificial-intelligence-research/> (дата обращения: 12.03.2020)

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЯХ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© Н.В. Ващенко

Научный руководитель: И.А. Кузьмин

канд. юрид. наук

Иркутский юридический институт (филиал)

Университета прокуратуры РФ

В настоящее время можно говорить о тесном взаимодействии и взаимозависимости государств, поскольку ни одно государство не может существовать и развиваться изолированно от мирового сообщества. Международно-правовая ответственность позволяет регулировать поведение государств в процессе их взаимодействия и, тем самым, способствует поддержанию правопорядка в мировом сообществе.

В науке не сложилось единого мнения относительно понимания международной ответственности, что связано с дискуссией о дефиниции юридической ответственности в целом.

С точки зрения Г. М. Гуры, международно-правовая ответственность – это «юридические последствия, наступающие для субъекта международного права, нарушившего нормы международного права и свои международные обязательства». [1, С. 155-159]

В. А. Мазов определял международно-правовую ответственность как совокупность международных отношений, однако причиной возникновения таких отношений он видел не только правонарушение, но и ущерб, который одно государство причиняет другому в результате правомерной деятельности. [4, С. 10]

Аналогичной точки зрения придерживается И. И. Лукашук. [3, С. 63] Такая трактовка значительно расширяет сферу ответственности.

Стоит отметить, что международно-правовая ответственность обладает рядом особенностей, отличающих ее от остальных институтов ответственности:

1. субъектами международно-правовой ответственности являются государства и международные организации;
2. основанием для ответственности служит совершение международно-противоправного деяния;
3. нормы международного права закреплены в международно-правовых актах;
4. как правило, международно-правовая ответственность реализуется в добровольной форме, однако возможно применение мер принуждения.

Как и любой институт ответственности, международно-правовая ответственность преследует определенные цели.

К. В. Шундиков определяет юридическую цель как «идеально предполагаемую и гарантированную государством модель какого-либо социального процесса, к достижению которой при помощи юридических средств стремятся субъекты правотворческой и правореализаторской деятельности». [8, С. 11]

Системность – важнейший признак права, поэтому цели, стоящие перед правом в целом, могут пересекаться или совпадать с целями юридической ответственности, которые, в свою очередь, могут совпадать с целями ее видов (отраслей).

А. С. Шабуров утверждает, что «цели юридической ответственности – конкретное проявление общих целей права». [6, С. 419] Автор выделяет три цели: закрепление, регулирование и охрана общественных отношений. По мнению И. А. Кузьмина, двумя основными целями в праве являются «обеспечение фактического действия норм права, а также защита государства, общества и личности от социально-вредных деяний». [2, С. 87] Наличие социально-вредных деяний (правонарушений) ведет к дестабилизации международных отношений, нарушает порядок в международном сообществе, что может стать причиной неотвратимых последствий. Поэтому вполне обоснованно, что международно-правовая ответственность ставит своей целью оградить государства и международное сообщество в целом от деяний, которые угрожают их мирному сосуществованию.

Наиболее важные цели международного права, как системы права в целом, закреплены в Уставе ООН. К ним относится поддержание международного мира и безопасности, а также развитие дружественных отношений между нациями. [7, Ст. 1] В идеале предполагается, что деятельность государств должна выражаться в

их правомерном поведении и ориентироваться на укрепление международного правопорядка.

В свою очередь, М. В. Кешнер попытался сформулировать цели конкретно международно-правовой ответственности. Он выделяет три основные цели: превентивную, обеспечительную и компенсационную (восстановительную). [5, С. 247]

Превентивная цель заключается в недопущении совершения международно-противоправных деяний, сдерживании потенциальных нарушителей.

Обеспечительная цель ориентирует субъекты международно-правовых отношений на добросовестное исполнение своих обязательств, соблюдение норм международного права.

Компенсационная (восстановительная) цель направлена на восстановление нарушенных прав, возмещение морального и материального вреда.

Зачастую, многие авторы отождествляют цели и функции юридической ответственности – говоря о целях ответственности, они фактически имеют в виду ее функции. Цель – идеально предполагаемый результат деятельности, т. е. то, к чему стремится законодатель и правоприменитель. Функции же, обеспечивают достижение этого результата. На наш взгляд, выделенные М. В. Кешнером превентивная и компенсационная цели, в большей степени являются функциями международно-правовой ответственности. Что касается обеспечительной цели, то она имеет место быть, так как обеспечение соблюдения норм права является целью права в целом. Однако следует отметить, что международно-правовая ответственность преследует цель обеспечить не только следование субъектов нормам международного права, но и добросовестное исполнение ими своих обязательств.

На наш взгляд, все вышеперечисленные цели (обеспечение соблюдения норм международного права, поддержание международного мира и безопасности, защита мирового сообщества от социально вредных деяний) направлены на упорядочение общественных отношений, реализацию участниками этих отношений социальных норм. Исходя из этого, представляется возможным сделать вывод, что цель международно-правовой ответственности заключается в охране международного правопорядка.

Примером привлечения государства к международно-правовой ответственности может служить дело «Евгений Иванов против Российской Федерации». Гражданин РФ Е. В. Иванов, который был осужден по ч. 4 ст. 111 УК РФ, обратился в ЕСПЧ с жалобой о нарушении судом РФ требований пункта 1 и подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Е. Иванов в своей жалобе ссылался на нарушение его прав со стороны суда, которые

выражались в использовании показаний свидетелей, которых он не имел возможности допросить, а также в отказе суда в допросе свидетеля. ЕСПЧ удовлетворил жалобу Иванова и постановил, что Россия обязана в течение трех месяцев выплатить заявителю 2000 евро в качестве компенсации морального вреда.

Проведя анализ вышеперечисленных точек зрения, можно сделать следующие выводы:

1. под международно-правовой ответственностью следует понимать обязанность претерпеть негативные последствия, которые наступают в отношении субъекта международных правоотношений в случае нарушения им норм международного права и своих международных обязательств;

2. основной целью международно-правовой ответственности является охрана международного правопорядка.

Список использованных источников:

1. Гура, Г. М. Международно – правовая ответственность государства как юридическое средство обеспечения соблюдения норм международного права / Г. М. Гура // Территория науки. – 2015. – № 3. – С. 155-159.

2. Кузьмин, И. А. Юридическая ответственность и ее реализация : учебное пособие / И. А. Кузьмин. – Иркутск : ИГУ, 2013. – 219 с.

3. Лукашук, И. И. Право международной ответственности / И. И. Лукашук; Рос. акад. наук, Институт государства и права. – Москва : Волтерс Клувер, 2004. – 404 с.

4. Мазов, В. А. Ответственность в международном праве: Проблемы кодификации и прогрессивного развития норм и принципов международно-правовой ответственности / В. А. Мазов. – Москва : Юридическая литература, 1979. – 151 с.

5. Международное право: учебник для бакалавров / М. Н. Копылов, А. Х. Абашидзе, А. И. Абдуллин [и др.] ; под ред. Р. М. Валеева, Г. М. Курдюкова. – Москва : Статут, 2017. – 496 с.

6. Теория государства и права : учебник для юридических вузов и факультетов / под редакцией В. М. Корельского и В.Д. Перевалова. – Москва : НОРМА, 1997. – 552 с.

7. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс] : принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 // Официальный интернет-портал правовой информации. – М., 2005–2020. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102010084&rdk=&backlink=1> (02.04.2020).

8. Шундииков, К. В. Цели и средства в праве : общетеоретический аспект : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01. – Саратов, 1999. – 24 с.

ОБЩАЯ ВИЗОВАЯ ПОЛИТИКА ЕС В КОНТЕКСТЕ ПОПРАВОК К ВИЗОВОМУ КОДЕКСУ

© Т.Э. Денисова

Научный руководитель: В.Ю. Слепак

канд. юрид. наук

*Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина*

В рамках общей иммиграционной политики, направленной на формирование европейского пространства свободы, безопасности и правосудия, ЕС ставит цель обеспечить «эффективное управление миграционными потоками» из стран, не входящих в его состав (третьих стран). Законодательное регулирование данного вопроса осуществляется посредством источников вторичного права ЕС, а также национальных иммиграционных законов. Так, порядок пересечения границ и основы общей визовой политики установлены регламентами – Шенгенским кодексом о границах [1] и Визовым кодексом [2] соответственно. Со 2 февраля 2020 г. введены в действие поправки к Визовому кодексу. Каковы причины их принятия? Что изменилось для заявителей, граждан третьих стран, обращающихся за визами? Как вступившие в силу изменения могут повлиять на развитие общей визовой и иммиграционной политики ЕС?

Визовый кодекс ЕС был издан в 2009 г. в форме регламента, т.е. общеобязательного нормативного акта прямого действия, не нуждающегося в трансформации в национальное законодательство. Предложения относительно внесения изменений в Визовый кодекс высказывались и рассматривались на протяжении нескольких лет. Поправки были опубликованы в Официальном журнале ЕС в июле 2019 года [3], вступили в силу по истечении 20 дней после их официального опубликования (т.е. с 1 августа 2019 года). Наконец, через 6 месяцев после введения поправок в действие – 2 февраля 2020 г. они начали применяться.

Непосредственными причинами нововведений явились: усиление миграционного давления в ЕС; возрастание террористической угрозы; необходимость развития взаимодействия с третьими странами в вопросах реадмиссии нелегальных мигрантов [8].

Следует упомянуть, что законодательство ЕС по вопросам общей визовой политики регламентирует только краткосрочное пребывание на территории государств-членов продолжительностью не более 90 дней на протяжении любого периода в 180 дней в то время, как долгосрочное пребывание гармонизировано в рамках общей иммиграционной политики.

Итак, можно выделить два ключевых направления визовой политики:

1. Установление визового/ безвизового порядка въезда на территорию Шенгенского пространства;
2. Установление порядка и условий выдачи виз для краткосрочного пребывания [9].

Решения Суда ЕС по делам, связанным с общевизовой политикой ЕС, дают основания полагать, что не только законодательные акты, но и правоприменительная практика способствует формированию европейского пространства свободы, безопасности и правосудия. Она носит унифицированный и системный характер. Создаются прецеденты в отношении многих аспектов и, в частности, таких актуальных, как нелегальная миграция [4], депортация [5], реадмиссия [6] и т.д. Поправки к Визовому кодексу призваны устранить пробелы и неточности в этих и некоторых других вопросах.

В соответствии с новой редакцией Визового кодекса, институты ЕС увязывают сотрудничество в области реадмиссии с положительным решением других вопросов с европейской стороны: предоставление финансовой помощи и иных льгот третьим странам, в том числе и России, упрощение визового режима [10], возможность перехода к безвизовому. Такой вектор развития общей визовой политики ЕС, по всей вероятности, благоприятно отразится на регулировании миграционного потока.

Относительно других изменений, предусмотренных в Визовом кодексе, следует выделить аспект, касающийся выдачи многократных виз. Путешественники, совершающие частые поездки в Европу и имеющие положительную визовую историю, смогут получать многократные визы, срок действия которых будет постепенно увеличиваться с одного года до 5 лет. «Положительная визовая история» предполагает отсутствие нарушений условий предыдущих виз, в частности по целям и срокам визитов. Именно поэтому предусмотрено ужесточение проверок по всем базам данных и создание «общего хранилища идентификационных данных» (CIR) в привязке к конкретным лицам.

Неурегулированным остался вопрос, касающийся приложений к вступившим в силу поправкам: на данный момент времени (март 2020 г.) они ещё не разработаны, что не умаляет их значимости. Речь идёт о таких приложениях как, например, «гармонизированный формуляр ходатайства», «порядок заполнения визовой марки» и т.д. Сегодня заявители и консульства по-прежнему руководствуются приложениями к Визовому кодексу от 13 июля 2009 г.

В заключение хотелось бы отметить, что принятие поправок к Визовому кодексу – важный этап в совершенствовании законодательства в области общей визовой и иммиграционной политики ЕС. Новые вызовы, такие как участвовавшие

террористические акты, возрастающий миграционный кризис, требуют адаптации к современным реалиям, а проведение грамотной визовой политики – не только гарантия защиты от въезда нежелательных лиц и способ создания комфортных условий для посещения стран Шенгенского пространства законопослушными гражданами, но и ценный политический инструмент, позволяющий выстраивать взаимовыгодные отношения с третьими странами.

Список использованных источников:

1. Regulation (EU) 2016/399 of the European Parliament and of the Council of 9 March 2016 on a Union Code on the rules governing the movement of persons across borders (Schengen Borders Code), (OJ L 77, 23.3.2016, p. 1–52).
2. Regulation (EC) No 810/2009 of the European Parliament and of the Council of 13 July 2009 establishing a Community Code on Visas (Visa Code), (OJ L 243, 15.9.2009, p. 1–58).
3. Regulation (EU) 2019/1155 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 amending Regulation (EC) No 810/2009 establishing a Community Code on Visas (Visa Code), (OJ L 188, 12.7.2019, p. 25–54).
4. Case C-341/18 Staatssecretaris van Justitie en Veiligheid (Enrôlement des marins dans le port de Rotterdam) [2020] ECLI:EU:C:2020:76.
5. Case C-18/19 Stadt Frankfurt am Main [2020] ECLI:EU:C:2020:130.
6. Case C-357/09 PPU Kadzoev [2009] ECLI:EU:C:2009:741.
7. Войников В.В., Корнеев О.В. (2013) Проблемы и перспективы безвизового диалога России и ЕС //Балтийский регион, №3 (17). С. 20-37.
8. Войников В.В. (2017) Европейское пространство свободы, безопасности и правосудия и миграционный кризис в Европе// Современная Европа, №2. С. 43-54.
9. Войников В.В. (2018) Правовые аспекты визовой политики ЕС// Современная Европа, №4. С. 79-89.
10. Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.–(Международная миграция населения: Россия и современный мир; Вып. 3).
11. Четвериков А.О. Миграционное право Европейского союза: учебник/ отв.ред. С.Ю. Кашкин. – Москва: Проспект, 2018.-368 с.
12. Право Европейского союза : учебник для академического бакалавриата / С. Ю. Кашкин, П. А. Калиниченко, А. О. Четвериков ; под ред. С. Ю. Кашкина. — 4-е изд., перераб. и доп., 2017.

13. Россия- ЕС: упрощение и либерализация визового режима. Современное состояние и дальнейшие перспективы / под ред. Петера Ван Элсуwege. Сентябрь 2013 // <https://www.hse.ru/news/community/100348995.html> (дата обращения: 13.03.2020).

КОНЦЕПЦИЯ «FOOD SAFETY» В ПРАКТИКЕ ВСЕМИРНОЙ ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

© М.Ю. Дмитриева

Научный руководитель: Д.С. Боклан

д-р юрид. наук

Высшая школа экономики

Концепция «Food safety» или «безопасность пищевых продуктов» используется в качестве самостоятельной научной дисциплины, описывающей обработку, приготовление и хранение продуктов питания таким образом, чтобы предотвратить возможные пищевые заболевания. Данная концепция включает в себя ряд процедур, которые следует соблюдать, чтобы избежать потенциальных опасностей для здоровья. Таким образом, безопасность пищевых продуктов часто пересекается с защитой продуктов питания, чтобы предотвратить вред для потребителей. Поставки безопасных пищевых продуктов поддерживают национальную экономику, торговлю и туризм, способствуют продовольственной безопасности и безопасности питания, а также поддерживают устойчивое развитие.

Доступ к достаточному количеству безопасной и питательной пищи является ключом к поддержанию жизни и укреплению здоровья. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ) небезопасная пища, содержащая вредные бактерии, вирусы, паразиты или химические вещества, вызывает более 200 разновидностей заболеваний – от диареи до рака. Данные проблемы возлагают большую ответственность на производителей и поставщиков пищевых продуктов за обеспечение безопасности пищевых продуктов.

Термин «безопасность пищевых продуктов» описывает все методы, которые используются для обеспечения безопасности продуктов. Безопасность пищевых продуктов зависит от совместных усилий всех, кто участвует в цепи поставок. На протяжении всей цепи поставок: от фермеров и производителей до предприятий розничной торговли и общественного питания действуют законодательные и контрольные меры для снижения риска пищевых заболеваний.

Безопасность пищевых продуктов является основой достижения целей в области устойчивого развития, в частности ЦУР № 1 «Ликвидация нищеты», ЦУР №

3 «Хорошее здоровье и благополучие», ЦУР № 8 «Достойная работа и экономический рост», ЦУР № 12 «Ответственное потребление и производство», ЦУР № 17 «Партнерство в интересах устойчивого развития». Концепция «Food safety» или «безопасность пищевых продуктов» в рамках Всемирной торговой организации находит свое отражение в санитарных и фитосанитарных мерах.

Государства вынуждены реагировать на вспышки инфекций путем введения санитарных и фитосанитарных мер. Для целей соглашения СФС санитарные и фитосанитарные меры определяются как любые применяемые меры, направленные на:

- защиту жизни человека или животных от рисков, связанных с добавками, загрязнителями, токсинами или болезнетворными организмами в их пище;
- защиту человеческой жизни от болезней, переносимых растениями или животными;
- защиту животных или растений от вредителей, болезней или болезнетворных организмов;
- предотвращение или ограничение ущерба, наносимого государству в результате проникновения, укоренения или распространения вредителей .

СФС меры должны соответствовать нескольким критериям.

1. Научная обоснованность (статья 2.2 соглашения по СФС).

Научный анализ побеждает протекционизм, замаскированный под охрану здоровья, и подвергает фантомным рискам. Обоснование научного подхода и его применимости к введенным мерам одна из самых сложных задач, возникающих в процессе доказывания в спорах в рамках соглашения по СФС. Предусмотренное в статье 2.2 соглашения обязательство не применять СФС меры без достаточных научных доказательств требует наличия рациональной или объективной связи между СФС мерой и научными доказательствами. Апелляционный орган ВТО решил, что вопрос о том, существует ли рациональная взаимосвязь между СФС мерой и научными доказательствами, должен решаться на индивидуальной основе и будет зависеть от конкретных обстоятельств дела, включая характеристики рассматриваемой меры, а также качество и количество научных доказательств . Кроме того, меры должны применяться только в той степени, в какой это необходимо для защиты жизни и здоровья человека, животных или растений. Данные меры также не должны произвольно или неоправданно устанавливать дискриминацию между странами, где преобладают одинаковые или сходные условия.

2. Запрет дискриминации.

В соответствии со статьей 2.3 соглашения по СФС санитарные или фитосанитарные меры должны быть недискриминационными и запрещать скрытые ограничения международной торговли. Государства-члены обеспечивают, чтобы

любые санитарные или фитосанитарные меры не допускали произвольной или неоправданной дискриминации между государствами – членами в тех случаях, когда преобладают идентичные или сходные условия, в том числе между их собственной территорией и территорией других государств-членов. Санитарные и фитосанитарные меры не должны применяться таким образом, который создает замаскированное ограничение международной торговли. До сих пор требование недискриминации привлекало гораздо меньше внимания, чем требование научных доказательств.

3. Эквивалентность.

Признание эквивалентности – это вариант управления рисками, который облегчает торговлю путем предварительного утверждения определенных видов экспорта как группы, а не отгрузки по отгрузке. Признание происходит после того, как импортирующая юрисдикция получает гарантию того, что риски безопасности или другие ее проблемы устраняются с помощью регулирующих мер экспортирующей юрисдикции, которые отличаются, но которые тем не менее обеспечивают эквивалентную защиту. Каждая импортирующая юрисдикция определяет уровень риска и соответствующий вариант управления рисками (соответствующий уровень защиты и применяемые меры). При этом она принимает решения и делает выбор, в результате которого принимаются меры, которые могут отличаться от решений и мер правительств в других юрисдикциях. Успешные переговоры об эквивалентности приводят к заключению двустороннего соглашения или обмену письмами, в которых признается эквивалентность. Соглашение освобождает экспортера от необходимости доказывать соответствие каждого импортируемого продукта.

4. Оценка риска.

Страны должны разработать меры СФС на основе соответствующей оценки фактических связанных с ними рисков и, если потребуется, сообщить, какие факторы они приняли во внимание, какие процедуры оценки они использовали и какой уровень риска они сочли приемлемым. В кейсе «US – Animals» (2015) ОРС заявил, что проверка меры в отношении требуемой оценки риска затрагивает следующие вопросы: была ли проведена оценка риска; соответствует ли оценка риска обстоятельствам; основывается ли оценка риска на научных данных; меры импортирующей страны-члена основаны на оценке рисков.

При применении санитарных и фитосанитарных мер возникает множество законотворческих проблем и пробелов в регулировании данной сферы. Основная цель соглашения по СФС заключается в сохранении суверенного права любого правительства обеспечивать тот уровень охраны здоровья, который оно считает необходимым, но при этом гарантировать, чтобы эти суверенные права не

использовались в протекционистских целях и не создавали ненужных барьеров для международной торговли.

Санитарные и фитосанитарные меры по самой своей природе могут привести к ограничению торговли. Государства признают тот факт, что некоторые торговые ограничения могут быть необходимы для обеспечения продовольственной безопасности и охраны здоровья животных и растений, однако, государства часто используют санитарные и фитосанитарные меры для защиты отечественных производителей от экономической конкуренции. Санитарные или фитосанитарные ограничения, которые на самом деле не всегда целесообразны с точки зрения обеспечения безопасности здоровья, могут быть очень эффективным протекционистским средством, а в силу его технической сложности доказывания – труднопреодолимым барьером для оспаривания.

Наличие этих многочисленных и потенциально противоречивых целей хорошо отражено в наблюдении Апелляционного органа, который характеризовал Соглашение СФС, как воплощающее «тонкий и тщательно согласованный баланс ... между общими, но иногда конкурирующими интересами, способствует развитию международной торговли и защите жизни и здоровья людей».

АРБИТРАБЕЛЬНОСТЬ КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОММЕРЧЕСКОМ АРБИТРАЖЕ

© А.С. Дубова

Научный руководитель: Т.Ю. Сидорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

На протяжении последних нескольких лет арбитраж в России получает новое звучание с формированием проарбитражного подхода в обществе и судебной практике.

Компании, работающие на международном рынке по экспорту или импорту, так или иначе, сталкиваются со спорами и конфликтами в качестве участников международных коммерческих сделок. Возникает вопрос улаживания правовых шероховатостей, возникающих между сторонами спора. Участниками внешнеэкономических сделок являются лица разной государственной принадлежности: иностранные фирмы и организации, желающих вынесения справедливого правосудного решения. Международный коммерческий арбитраж (далее – МКА) – является институтом рассмотрения как раз таких споров. Негосударственные, (третейские) коммерческие арбитражные суды, специально предназначены для

рассмотрения международных споров, главной целью которых является рассмотрение и разрешение международного коммерческого спора по существу. По итогу разрешения выносится решение, обязательное для исполнения сторон.

Международный коммерческий арбитраж является негосударственной структурой, о чем становится понятно из названия, и является общественной организацией, учреждаемой в соответствии с национальным законодательством. Указанный институт рассматривает частно-правовые споры хозяйственных споров, в том числе корпоративных. Выбор сторон договорных отношений в пользу Международного коммерческого арбитража обусловлен множеством прагматических и практических причин, к которым Гари Борн относит эффективность арбитража в целом (*more efficient*), экономность по времени (*more expeditious*), более глубокие экспертные знания (*more expert*), беспристрастность рассмотрения (*more even-handed*) и эффективность исполнения (*more enforceable*) [1, с.201-207]. В силу указанных причин бизнесмены, а также государства (так как они могут быть стороной спора) все чаще прибегают в коммерческих договорах к оговоркам о разрешении споров в Международном коммерческом арбитраже.

В случае принятия решения о рассмотрении сторонами возникающих дел в международном коммерческом арбитраже обращение в суды общей юрисдикции исключается, и рассмотрение ведет независимый арбитр, предварительно избранный для таких споров сторонами. Однако, по вынесенному решению о полной изоляции данного вида рассмотрения сложно говорить, так как процессуальные действия по исполнению таких решений встречают сложности во внутреннем правоприменении по вопросам осуществления принудительных мер по решению или по исполнению самого арбитражного решения.

Допустимость передачи корпоративных споров на разрешение международного коммерческого арбитража в теории права известна как арбитрабельность.

В теории права арбитрабельность рассматривается в широком и узком смысле. В узком смысле арбитрабельность принято считать те категории споров, которые стороны имеют право передать на рассмотрение арбитражного суда. В широком смысле ученые в арбитрабельности видят вопросы, которые связаны оговоркой в соглашении, принимаемой участниками. Однако, данный подход встречает многочисленную критику среди правоведов.

Эффективность арбитража, как метода разрешения корпоративных споров, продиктована высокими требованиями ее участников: в желании сократить сроки рассмотрения спора, уменьшить расходы на рассмотрение спора, соблюсти вопросы, связанные с коммерческой тайной, возможностью выбора арбитра, места

рассмотрения, языка рассмотрения и т.д. Все эти составляющие обуславливают выбор участников в сторону Международного коммерческого арбитража.

По мнению Е.А. Куделича, арбитрабельность корпоративных споров в международном коммерческом арбитраже обусловлена концепцией императивных и сверхимперативных норм. Данная позиция строится на фундаментальных правовых началах, которыми наделяются данные нормы. К ним автор относит: обязательность, универсальность, публичную значимость, что составляет публичный порядок государства [2, с.94].

Арбитрабельность корпоративных споров зависит как от характера спора и от возможности его рассмотрения в МКА, так и от субъектов этого спора, решающихся на заключение арбитражного соглашения. Одним из острых вопросов, возникавших в практике до 2018 года, был вопрос передачи корпоративных закупок на арбитражное рассмотрение. Все это сопровождалось либо отменой решений по такому роду споров, либо отсутствием исполнения. Суды ссылались на неарбитрабельность данного вида споров, и на отсутствие публичного элемента.

Однако в 2018 году в этом споре была поставлена точка. Касательно арбитрабельности корпоративных споров интерес представляет обобщение судебной практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей, проведенное Верховным Судом Российской Федерации в конце 2018 года. Согласно пункту 16 данного Обзора Верховный суд РФ прямо признает споры из корпоративных закупок, согласно Федеральному закону от 18.07.2011 г. № 223-ФЗ, арбитрабельными.

Международный коммерческий арбитраж в России регулируется Законом РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже» («Закон о МКА»), который в целом основан на положениях Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже (в ред. 2016 года), хотя и отличается от него в некоторых аспектах (например, в положениях, описывающих сферу его применения). 1 сентября 2016 года вступили изменения к Закону о МКА.

Законом о международном коммерческом арбитраже был регламентирован круг возможных споров, передающихся в арбитраж. Часть 2 ст. 1 Закона о МКА относит к данным спорам два вида: 1) возникающие по вопросу внешнеэкономической деятельности, в случае нахождения коммерческой организации за границей и 2) иностранные компании, находящиеся на территории РФ, но имеющие иностранные инвестиции.

После принятия изменений в законодательстве, вступивших в силу 29 марта 2019 года, следует отметить, что в отношении корпоративных споров появилось

три категории споров: споры, вообще не передаваемые в арбитраж, споры с соблюдением четырех условий арбитрабельности и споры, условием арбитрабельности которых является их администрирование ПДАУ. Также следует обратить внимание на возможность двойственного толкования требований к арбитражному соглашению участников юридического лица. Как отмечает Аиткулов, что достаточной судебной практики по данным спорам еще нет, и многие вопросы остаются нерешенными [3].

Процедурно, договариваясь о возможном рассмотрении споров в международном коммерческом арбитраже, субъекты спора могут сами установить процедуру названия арбитра или нескольких арбитров. В регламенте каждого международного арбитража установлена своя процедура, при которой каждая сторона выбирает арбитра, а председательствующего арбитра назначает МКАС при Торгово-промышленной палате РФ. Помимо прочего, каждая из сторон выбирает запасного арбитра.

В корпоративных спорах, часто, делая оговорку в соглашении о разбирательстве дела в арбитраже, сторонами допускалась ошибка в названии арбитража – отсутствовали слова «международный коммерческий». В этом случае, наличие ошибки не является поводом для отмены его решения, так как если арбитраж в данном месте один и ошибка в названии не приводит к путанице, принятому уже к производству делу не может быть отказано в рассмотрении и не повод для отказа государственного суда в приведении в исполнение решения этого арбитража (постановление Президиума ВАС РФ от 22.09.09 № 5604/09).

Следует отметить о правилах арбитража корпоративных споров (ПАКС) и проблемах их применения. В течение долгого времени вопрос арбитрабельности корпоративных споров был обсуждаемым учеными и практиками, приводились плюсы и минусы данного вида рассмотрения споров. Корпоративные споры часто становились предметом разбирательства иностранного арбитража, так как возводились невидимые барьеры. Отсутствие четкого регулирования данной сферы была вынужденным поводом «выносить бизнесменами сор из избы». Все изменилось со структурированием законодательства в этой сфере и вынесением Обзора Верховного Суда. Поправки в законодательство были очень своевременными и прямо допустили разрешение корпоративных споров третейскими судами.

До сих пор остаются проблемы в ограничении арбитрабельности споров для стратегических хозяйственных обществ, указанных в Федеральном законе от 29.04.2008 № 57-ФЗ, а также из Федерального закона от 27.12.2018 № 531-ФЗ исключено требование о том, чтобы все участники юридического лица выразили согласие на третейское разбирательство при передаче споров из корпоративных

договоров в арбитраж. Однако другие требования, в том числе требование о применении ПАКС, сохранились.

Другим уточняющим вопросом в разрешении корпоративных споров является вопрос процессуальных прав третьих лиц. Из практики рассмотрения споров с участием третьих лиц, заявивших свои права на справедливое судебное разбирательство связано решение Европейского суда «Suda v. Czech Republic (ECHR 1643/06)» от 2009 года, где на основании п. 1 ст. 6 ЕКПЧ решение было пересмотрено.

Подводя итог, следует сказать, что рассмотрение корпоративных споров в международном коммерческом арбитраже, несомненно, имеет свои преимущества для участников, в частности, – конфиденциальность, скорость рассмотрения, возможность выбора арбитра и т.д. Хотя некоторые вопросы арбитрабельности таких споров в рамках остаются неурегулированными, в целом корпоративные отношения относятся к числу арбитрабельных.

Список использованных источников:

1. Горленко, А. Компании отдают предпочтение международному арбитражу потому, что, хоть он и дорогостоящ, альтернативы еще дороже [Интервью с Г. Борном] // Закон. – 2019. – № 5. – С. 201 – 207.
2. Куделич, Е.А. Арбитрабельность: в поисках баланса между частной автономией и публичным порядком / Е.А. Куделич // Закон. – 2014. – № 4. – С. 94.
3. Тимур Аиткулов, партнер Clifford Chance, член правления Арбитражной Ассоциации // VI Ежегодная конференция Арбитражной Ассоциации

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОСТАВЛЕНИЯ АПОСТИЛЯ НА РОССИЙСКИХ ОФИЦИАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТАХ, ПОДЛЕЖАЩИХ ВЫВОЗУ ЗА ПРЕДЕЛЫ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© С.Е. Захарова

Научный руководитель: В.В. Терешкова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В соответствии с общепризнанными нормами международного права документы, составленные на территории одного государства, признаются действительными на территории другого государства при условии легализации – их официального подтверждения в порядке, установленном национальным

законодательством. Признание действительности таких документов в пределах юрисдикции других государств имеет две стороны: признание документа как такового по своему характеру (*inter se*) и с позиций формы, достоверности, подлинности [1].

В настоящее время существует два основных способа легализации документов: консульская легализация и проставление апостиля.

По общему правилу, если международным договором не предусмотрено иное, под легализацией официальных документов понимают именно консульскую легализацию. По мнению исследователей данный вид легализации рассматривается как один из видов административных услуг [2]. Считается, что такая процедура является довольно затруднительной и долгой, поскольку консульские учреждения страны представления документа часто предъявляют свои требования. Нередко возникают ситуации, когда в стране происхождения документа могут вообще отсутствовать консульства, так как между государствами не установлены дипломатические отношения.

С целью упрощения процедуры легализации иностранных документов 5 октября 1961 года в Гааге рядом государств была подписана Конвенция, отменяющая требования легализации иностранных официальных документов (далее – Гаагская конвенция), которая ввела в международное право понятие «апостиль» и вступила в силу для России 31 мая 1992 года [3]. Исходя из содержания данной Конвенции, на документах, совершенных компетентными органами одного государства и предназначенных для использования на территории другого государства, проставляется специальный штамп «апостиль», не требующий дополнительного заверения и придающий документу юридическую силу на территории другого государства.

Целью данной работы является установление возникающих на практике проблемных вопросов в связи с процедурой проставления апостиля на официальных российских документах и определение способов их разрешения в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Объектом исследования послужило законодательство Российской Федерации и международные правоотношения, складывающиеся в сфере проставления апостиля и оказания международной правовой помощи.

Законодательством Российской Федерации установлен перечень уполномоченных органов, к компетенции которых отнесено проставление апостиля на официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории России. В связи с тем, что я являюсь специалистом Управления Министерства юстиции Российской Федерации по Красноярскому краю, мною будут затронуты проблемные

вопросы, с которыми непосредственно сталкивается на практике территориальный орган юстиции.

Первой распространенной проблемой является непонимание граждан, в какой компетентный орган могут быть представлены соответствующие официальные российские документы. Постановлением Правительства РФ от 30.05.2016 № 479 «О компетентных органах, уполномоченных на проставление апостиля в Российской Федерации» (далее – Постановление) для каждого органа установлен определенный перечень документов, на которых данные компетентные органы уполномочены проставлять апостиль. Однако в Постановлении не приведен перечень документов, которые подлежат представлению в Минюст России и его территориальные органы. В пункте дана отсылка к статье 5 Федерального закона от 28.11.2015 № 330-ФЗ «О проставлении апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 330-ФЗ), в которой представлен общий перечень документов, на которых возможно проставление апостиля.

В связи с неясностью трактовки у граждан возникает вопрос, возможно ли апостилирование копии, снятой с официального российского документа, и какой орган уполномочен проставить на ней апостиль. В данном случае необходимо руководствоваться нормой, содержащейся в пункте 2 статьи 5 Федерального закона

№ 330-ФЗ. В пункте указано, что в качестве российских официальных документов также рассматриваются документы, оформленные нотариусами Российской Федерации при совершении нотариальных действий. Таким образом, нотариально удостоверенная копия официального российского документа может рассматриваться как самостоятельный официальный российский документ.

Кроме того множество споров на практике вызывает вопрос возможности проставления апостиля на копии документа, выданного органом записи актов гражданского состояния иностранного государства. По общему правилу данные официальные документы не являются российскими, в связи с чем орган юстиции отказывает в проставлении апостиля. Однако в случае если копия сделана с документа, выданного в государстве, входившем в состав Союза Советских Социалистических Республик до даты его распада, официальный документ считается российским.

Не менее затруднительно на практике в некоторых случаях определить, будет ли апостилированный документ принят к рассмотрению в государстве предъявления. Согласно статье 1 Гаагской конвенции, Конвенция распространяет свое действие на официальные документы, которые были совершены на территории одного из договаривающихся государств и должны быть представлены на территории другого договаривающегося государства. В связи с этим предполагается,

что все государства-участники Гаагской конвенции принимают к рассмотрению иностранные документы при условии их легализации в порядке, установленном национальным законодательством.

Однако правоотношения государств базируются не только на нормах, но и на принципах международного права, поэтому помимо Гаагской конвенции государства руководствуются нормами договоров, заключенных между ними. На данный момент большинство государств, граничащих с Российской Федерацией, установили особый порядок сношений. Согласно этому порядку для документов, выданных на территории договаривающейся стороны, не требуется их легализация для предъявления в государстве-участнике соответствующего договора.

В то же время некоторые государства не соблюдают обоюдную договоренность о признании иностранных документов легальными на своей территории. В том числе Израиль, Латвия и Греция не принимают российские официальные документы без их легализации на территории Российской Федерации. В связи с тем, что практика применения государствами положений двусторонних договоров о правовой помощи регулярно меняется, перечень таких государств не является исчерпывающим. Информацию о необходимости апостилирования документа для предъявления в том или ином иностранном государстве гражданин может получить непосредственно в учреждении государственного органа, уполномоченного на проставление апостиля.

Одним из способов взаимодействия между государствами помимо легализации иностранных документов также является оказание международной правовой помощи. В связи с этим большим практическим интересом обладает вопрос возможности оказания правовой помощи посредством проставления апостиля.

Отношения между государствами по оказанию правовой помощи регулируются международными договорами о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, а также конвенциями и протоколами к ним. Международными договорами определяются компетентные органы, уполномоченные оказывать друг другу правовую помощь, а также порядок сношений данных компетентных органов.

В то же время возможно возникновение случаев, когда международные договоры о правовой помощи между государствами не заключены, что можно наблюдать в случае с Российской Федерацией и Великобританией. Между данными государствами отношения по оказанию правовой помощи напрямую не урегулированы, правовых оснований для направления запросов о международной правовой помощи не предусмотрено. Соответственно, защита прав физических лиц оказывается невозможна.

На практике такой проблемный вопрос может разрешиться с помощью апостилирования нотариально заверенного запроса физического лица. В данном случае гражданин оформляет у нотариуса запрос о получении необходимых сведений в соответствующем государстве, который он впоследствии апостилирует и представляет в государство предъявления. Подобный запрос соответствует требованиям к формам нотариальных документов, а также требованиям к российским официальным документам, установленным статьей 5 Федерального закона № 330-ФЗ. В то же время такой документ не является запросом о международной правовой помощи в установленном формате, поэтому отсутствие международного договора не препятствует его направлению.

Таким образом, на практике возникает множество проблемных вопросов в сфере правового регулирования процедуры проставления апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории Российской Федерации. Несмотря на то, что правовая база существует как на уровне национального законодательства, так и на международном уровне, ежедневно возникают новые спорные вопросы, на которые затруднительно найти прямые однозначные ответы.

Список использованных источников:

1. Военушкина Е.А. Действительность документов об актах гражданского состояния на территории иностранных государств // Теория и практика общественного развития. 2012. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/deystvitelnost-dokumentov-ob-aktah-grazhdanskogo-sostoyaniya-na-territorii-inostrannyh-gosudarstv>.

2. Дёмкина А.С. Использование информационных технологий в сфере легализации документов для действия за границей // Вопросы современной юриспруденции. 2013. №28. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-informatsionnyh-tehnologiy-v-sfere-legalizatsii-dokumentov-dlya-deystviya-za-granitsey>.

3. Швец С.В. Легализация и перевод иностранных документов в судопроизводстве // Наука и современность. 2012. №15-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/legalizatsiya-i-perevod-inostrannyh-dokumentov-v-sudoproizvodstve>.

**ПРАВОСУБЪЕКТНОСТЬ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ В ДОКТРИНЕ
МЕЖДУНАРОДНОГО И НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА**

© Д.А. Злотникова

Научный руководитель: В.Н. Лисица

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В доктрине международного права существуют различные точки зрения относительно того, являются ли транснациональные корпорации (ТНК) субъектами международного права. Они оказывают большое влияние на внутреннюю и внешнюю политику государства, а также на мировую экономику в целом. Как правило, их деятельность ведется за рамками юрисдикции отдельного государства, что представляет затруднительным осуществление контроля со стороны одного государства. Кроме того, ТНК даются льготы и иные меры государственной поддержки их деятельности в принимающих государствах.

Говоря о правосубъектности ТНК в рамках национального права, необходимо сперва дать определение понятию «транснациональная корпорация». Является ли ТНК юридическим лицом или юридически множественным образованием?

По этому вопросу нет единого мнения. Многие ученые в сфере права рассматривают понятие ТНК через совокупность признаков. Так, В.В. Наталухи уверен, что ТНК – это «экономически и организационно единое, но юридически множественное образование, находящееся под эффективным контролем группы или отдельных частных владельцев его капитала и ведущее производственную и связанную с ней иную хозяйственную деятельность в нескольких странах» [1, С. 20]. Анализируя организационное единство юридического лица можно также привести высказывание Ф. Джессопа: «Многонациональное предприятие – это политический и экономический факт, которое включает разные правовые формы и механизмы, а оно само, как отдельное юридическое учреждение, не существует» [2, С. 422]. Опираясь на вышеприведенные тезисы, ТНК не соответствуют признаку организационного единства юридических лиц, то есть единое юридическое оформление отсутствует.

Согласно другому подходу, выраженному в определении Н.К. Франсиса, ТНК – это «частнокапиталистическая (материнская) компания, являющаяся субъектом права государства базирования и имеющая отделения (дочерние компании и филиалы) в других государствах, которые в свою очередь представляют собой субъекты права данных государств» [3, С. 7], можно заметить, что, по сути, ТНК

представляет собой материнскую компанию, а имеющиеся отделения не входят в нее.

Таким образом, исходя из первого определения, можно сделать вывод, что в ТНК не является самостоятельным юридическим лицом и не обладает правосубъектностью. Однако если исходить из второго определения и представлять ТНК в качестве материнской компании и отдельных ее дочерних компаний и филиалов, то каждое будет являться отдельным юридическим лицом и обладать правосубъектностью. На наш взгляд, это не совсем корректно, так как ТНК необходимо рассматривать в совокупности всех ее составляющих.

В доктрине международного права ведутся споры относительно того, что понимается под международной правосубъектностью. Одни придерживаются концепции исключительной международной правосубъектности государства. Согласно этой позиции, субъект международного права должен соответствовать трем критериям: иметь способность заключать международные соглашения, устанавливать дипломатические связи и приносить международные претензии [4]. Данный подход является ограничительным в связи с прогрессом международного права, для которого на сегодняшний день характерно разнообразие субъектов. Кроме того, некоторые авторы полагают, что международное право вследствие своих особенностей должно иметь свое понятие, субъекта, которое обладала бы следующими характерными признаками: суверенитет, способность создавать нормы международного права и автономию воли [5, С.488].

Вторая концепция более сдержанная, построенная на подходе общей теории права, и устанавливает лишь один критерий: способность иметь права и нести обязанности по международному праву [6, с. 355 -356]. Г. В. Игнатенко, одно из первых в отечественной науке признал множественность субъектов международного права, отказавшись от таких ранее обязательных признаков субъекта права как суверенитет и способность создавать нормы международного права.

Третья концепция, по сути, представляет собой множественность субъектов международного права. Теоретической основой для такой концепции послужила позиция Международного суда ООН, выраженная в его заключении 1949 года «О возмещении ущерба, понесенного на службе ООН». Международный суд ООН отметил, что ООН обладает международной правосубъектностью, то есть, на примере ООН, международный суд установил, что международная организация может являться субъектом международного права, правомочна обладать международными правами и обязанностями и обладает правомочием осуществлять свои права путем предъявления международных требований против правительства, в целях получения причитающейся компенсации за ущерб, нанесенный ООН и потерпевшему или уполномоченному им лицу.

В большинстве случаев в доктрине международного права выделяют такие субъекты, как государства, государственно-подобные образования, международные организации и народы и нации, борющиеся за самоопределение [7, С. 69]. Однако из-за необходимости эффективного регулирования деятельности ТНК, а также из-за большого политического и экономического влияния и надобности твердого закрепления ответственности ТНК на международном уровне, в доктрине международного права ставится вопрос о признании транснациональных корпораций самостоятельными субъектами, обладающими международной правосубъектностью.

Анализируя критерии отнесения к субъекту международного права на основании концепций, приведенных выше, в доктрине появились сторонники двух противоположных теории. Первая группа ученых правоведов считает, что ТНК еще не достигли настолько глобального влияния, чтобы признать их субъектами международного права. Кроме того, наделение ТНК международной правосубъектностью снизит влияние власти государств, что приведет к подрыву их доминирующего положения в международном праве. Большинство ученых не признают публичную правосубъектность ТНК, считая, что для признания правосубъектности субъект должен не только обладать правоспособностью, дееспособностью и деликтоспособностью, но и осуществлять нормотворческую деятельность.

В то же время можно встретить и другой подход. Так, У. Фридмэн же считает, что ТНК являются полноправными субъектами международного права. Профессор И.И. Лукашук утверждает, что в настоящее время основы правового статуса ТНК определяются общими нормами международного права, а не нормами международного частного права [8, С. 221.]. Кроме того, заслуженный юрист РФ, К. А. Бекашев же уверен, что в XXI веке наряду с расширением объема правосубъектности индивидов будет признана правосубъектность транснациональных корпораций [9, С. 82].

По нашему мнению, ТНК по своим признакам все же не удовлетворяют в полной мере основным критериям отнесения их к субъектам международного права. Кроме того, в настоящее время деятельность ТНК в основном регулируется нормами международного «мягкого права» и нормами национального права, а не нормами международного публичного права, в связи с чем правовой статус ТНК остается неопределенным и вопрос о наделении ТНК публичной правосубъектностью является несколько противоречивым. Однако нельзя не заметить, что признание ТНК самостоятельными субъектами международного права приобретает все больше сторонников, нежели противников.

Список использованных источников:

1. Наталуха, В.В. Международный частный бизнес и государство / В.В. Наталуха / М.: Международные отношения, 1985. – 192 с.
2. Манукян, М.А. Правосубъектность транснациональных корпораций (ТНК) в международном частном праве / М.А. Манукян / «Актуальные проблемы Российского права». 2008. № 4 – 419 – 424 с.
3. Франсис, Н.К. Международноправовые национальные нормы, регулирующие деятельность транснациональных корпораций: автореф. дисс. ... к.ю.н. / Н.К. Франсис / М.: 1984 – С.7
4. Гигинейшвили, М. Т. Правосубъектность транснациональных корпораций // Общество: политика, экономика, право. 2018. №6 (59). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-transnatsionalnyh-korporatsiy> (дата обращения: 08.04.2020).
5. Киселев, С.Г. Право: учебник для бакалавров / С.Г. Киселев / — М: Издательство Юрайт, 2015. — 632 с.
6. Алексеев, С.С. Теория государства и права. Учебник / С.С. Алексеев, П.Т. Васильков, И.Я. Дюрягин, В.Б. Исаков, В.М. Корельский, В.И. Леушин, В.Д. Перевалов, Р.К. Русинов, А.Ф. Черданцев, А.С. Шабуров / — М.: 1985. – 480 с.
7. Международное право: учебник / ответ. ред. Г.В. Игнатенко, О.И. Тиунов / 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Юр.Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2019. – 752 с.
8. Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть.: учебник для студентов юридических факультетов и вузов. – Изд. 3-е, перераб. и доп. / — М: ВолтерсКлувер, 2005. – 517 с.
9. Меленина, М. А. К вопросу об особенностях признания международной правосубъектности транснациональных корпораций / М.А. Меленина / «Молодой ученый». 2019. № 11 (249) – 81 – 84 с.

МУСОРНАЯ РЕФОРМА В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ОПЫТЕ

© П.Д. Рузанова

Научный руководитель: Э.А. Павельева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Современные угрозы безопасности включают в себя проблемы из разных сфер человеческой жизни. Бурное научно-техническое развитие, которое с одной

стороны делает жизнь человека намного комфортнее и легче, с другой стороны с каждым днем вносит новые пункты в список угроз и усугубляет текущие проблемы для всего человечества.

Экологические проблемы, которые начали зарождаться с развитием индустриального общества, как никогда остро стоят на повестке в мировом сообществе. На первый взгляд человек преодолевает дальние расстояния на личном автомобиле, самолете или поезде, его рацион состоит из разнообразных блюд, а за его здоровьем следит целая армия врачей, составляющих единую систему здравоохранения. Однако на самом деле каждый из нас постоянно сталкивается с серьезными рисками, о которых мы можем даже не подозревать. Человечество стало потреблять намного больше, тем самым оставляя после себя больше отходов, то есть мусора, который наносит колоссальный вред экологии. Уникальность мусорной проблемы в том, что она довольно новая и не имеет универсального решения. Невозможно запретить людям выбрасывать мусор или перейти на товары, которые не оставили бы после себя отходов, в обоих случаях это радикальные меры.

Именно с этим связано активное развитие Зеленой теории. Такие важные аспекты данной, как экологическая безопасность, устойчивое развитие, а также экологическое правосудие побуждают правительства государств начать принимать решительные меры. Все больше стран начинают замечать мусорную проблему и искать пути по ее решению. Данный вопрос довольно сложный и требует весомых усилий, так как стал обсуждаться совсем недавно. Более того, многие люди до сих пор не замечают экологические проблемы и не готовы пожертвовать своим благополучием во имя устойчивого развития для будущих поколений. Однако есть государства, которые добились значительных и успешных результатов в реализации мусорной реформы.

Утилизация мусора в Японии основывается на принципе отдельного сбора отходов. В основном японцы сортируют бытовые отходы дома. Сортированный мусор собирается в общественных местах с помощью урн и пакетов. После сбора мусор попадает в сортировочные центры, откуда его распределяют по направлениям. Часть идет на мусоросжигательные заводы, которые оборудованы современной системой плазменной газификации, часть отправляется на переработку, часть — на захоронение. Твердые бытовые отходы при плазменной газификации обрабатываются потоком плазмы температурой 1 200 °C и выше, при этом не образуются смолы, а токсичные отходы разрушаются. Переработанный пепел используется в строительстве. Сами заводы важны и с точки зрения производства электроэнергии: каждый из них перерабатывает тепло в электричество. Самое главное, что в японцах с детства воспитывают культуру обращения с отходами, за

счёт этого Японии удалось достичь успеха в реализации мусорной реформы — около 90% мусора утилизируется. В 2018 году каждый житель страны оставляет в среднем на 191 грамм отходов меньше, чем 10 лет назад. Однако вопрос с токсичными отходами в Японии не решен, они не утилизируются — их вывозят к соседям на Филиппины. [1]

Опыт Литвы также оказался успешен, на данный момент в стране действуют 65 предприятий по переработке отходов и 11 полигонов-свалок. В 2016 году 48% бытовых отходов направлялось на переработку. Часть переработанных материалов используется для производства новых продуктов. Другая часть сырья экспортируется за рубеж. Более того, 42% жителей Литвы уже сортируют мусор. В городах Литвы установлены отдельные контейнеры для сбора разных видов отходов — всего в стране установлено 5670 контейнеров для отдельного сбора мусора. Кроме того, в Литве запрещены бесплатные пластиковые пакеты-майки. [2]

В данный момент Швеция пришла к классической модели, где переработка составляет всего лишь 50%, несмотря на то, что Швеция закупает мусор у соседних государств. Страна вынуждена это делать по причине требований нормативов ЕС по переработке. Более того, данные меры направлены на поддержание работы мусоросжигательных заводов и попытки достичь уровня переработки собственных отходов в 65% к 2030 г. [3] Может показаться на первый взгляд, что Швеция наладила переработку мусора до 100% и избавилась от свалок, а теперь помогает другим странам, закупая у них мусор, однако это не так, и государство стало заложником условий Европейского союза. [4]

В России 29 декабря 2014 года Президент РФ подписал поправки в закон об отходах. Были введены современные европейские положения, которые подразумевают иерархию обращения отходов: сначала предотвращение, потом повторное использование и переработка, а потом уже все остальное. После того как эти поправки вступили в силу 1 января 2015 года, все субъекты Федерации должны были идти и исполнять установленные приоритеты. Однако все сразу же пошло не по плану, которого по сути не было. Основная ошибка России в сфере обращения отходов — неправильное целеполагание и непродуманность плана действий. Не было подготовлено достаточно мест для накопления отходов, а также специальных контейнеров, для отдельного сбора отходов. Следуя поправкам, решением данного вопроса должны заниматься муниципалитеты, однако дефицит бюджета в органах местного самоуправления не позволял оборудовать достаточно площадок. Также в отличие от Японии, например, в россиянах абсолютно не воспитана культура распоряжения с мусором. Это порождает то, что люди не умеют и не хотят распределять мусор, а также платить за вывоз мусора. В январе 2019 за услугу оператора заплатили 38% процентов жителей, в феврале — 50%, в

марте — 55%. [5] И самое главное, не было отрегулировано, как мусор будет перерабатываться и распределяться по заводам в соответствии его виду. В циркулярной экономике нет места для сжигания мусора, потому что оно навсегда выводит огромное количество ресурсов из оборота. Сжигание трансформирует отходы в токсичную и непригодную к переработке золу. Нельзя обсуждать проекты по сжиганию, пока регулятор не покажет, что все мыслимые способы снизить объем образования отходов в стране использованы. Но это невозможно, потому что во всех территориальных схемах заложен рост образования отходов на ближайшие 10 лет. Россия пока не готова к реализации закона о мусорной реформе, однако ситуация показывает, что население и госструктура может начать подготовку к ней. Пока не будет достигнут практически 100-процентный охват населения инфраструктурой по раздельному сбору мусора, невозможно реализовывать дальнейший план переработки. [4]

Более того, в России 2500 перерабатывающих предприятий, от маленьких и узкоспециализированных линий до больших комбинатов. Какие-то остались ещё из СССР, какие-то — абсолютно новые. В масштабах нашей страны, конечно, это не так много, однако даже они загружены не полностью, так как не налажена система раздельного сбора мусора, его распределения и правильной перевозки. У правительства еще есть время наладить стабильную работу данных заводов и в долгосрочном будущем реализовать успешную переработку мусора по всей стране. [6]

Подводя итоги, можно сказать, что в данный момент мусорный вопрос в мире остается подвешенным. Государства и международные организации пытаются построить план по решению данного вопроса, пока в океанах все еще дрейфуют огромные мусорные острова. Пока не понятно, будут ли принятые меры успешны и помогут ли снизить вред мусора для природы и человека, но ясно точно, что проблема должна решаться с бытового уровня. Если человек изначально будет воспитан на безопасное и правильное отношение к отходам, а государство в последующем освоит переработку как по полочкам разложенных отходов, то мусорная реформа сможет работать на благо общества.

Список использованных источников:

1. «Самая тяжелая ситуация на севере и в сёлах»: в Красноярске обсудили проблемы «мусорной реформы» [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://newslab.ru/news/898836?keepThis=true&TB_iframe=true&height=500&width=1100&caption=Лаборатория+новостей+-+Новости — свободный (дата обращения: 09.04.2020)

2. В одном «Ядрово» от Калифорнии <https://novayagazeta.ru/articles/2019/04/21/80308-v-odnom-yadrovo-ot-kalifornii>— свободный (дата обращения: 09.04.2020)

3. Еще 40 лет назад Япония захлебывалась мусором, а сегодня там чище, чем в Европе. Рассказываем, как им это удалось [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.adme.ru/svoboda-kultura/esche-40-let-nazad-yaponiya-zahlebyvalas-musorom-a-segodnya-tam-chishe-chem-v-evrope-rasskazyvaem-kak-im-eto-udalos-1867565/> — свободный (дата обращения: 09.04.2020)

4. Мусор сам себя не вынесет удалось [Электронный ресурс] Информационное агентство Новая Газета — Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/baltnwes/musor-sam-sebia-ne-vyneset-5c08dd3bbfd94d00ada6ab39> — свободный (дата обращения: 09.04.2020)

5. Неприятная правда о шведской “революции” в переработке отходов [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://zen.yandex.ru/media/zerowaste_ru/napriiatnaia-pravda-o-shvedskoi-revoliucii-v-pererabotke-othodov-5b8f4887462dca00ab352546?utm_source=serp — свободный (дата обращения: 09.04.2020)

6. Сколько в России перерабатывающих заводов? [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/rsbornsk/skolko-v-rossii-pererabatyvaiuschih-zavodov-5ca370f818430d00b31eca45> — свободный (дата обращения: 09.04.2020)

К ВОПРОСУ О ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ УБЕЖИЩЕ

© М.И. Сушко

Научный руководитель: Е.С. Корнева

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Право на убежище представляет собой, с одной стороны, субъективное право человека на убежище. Юридическим основанием этого права является ст. 14 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой каждый человек имеет право искать убежище от преследования в других странах и пользоваться этим убежищем [1].

С другой стороны, право на убежище подразумевает правомочие государства (вытекающее из его суверенитета) предоставить человеку, который подвергается преследованию по политическим, религиозным, национальным, расовым и иным мотивам, право укрыться в помещении на территории, находящейся под его юрисдикцией (помимо собственно государственной территории к таким

территориям относятся помещения дипломатического представительства, консульского учреждения, иных представительств, приравненных по статусу к дипломатическому, так называемые квазитерритории). Так, например, в резолюции Института международного права, принятой в 1950 году, убежище определяется как защита, которую государство предоставляет на своей территории или в каком-либо другом месте, находящемся под контролем его органов, лицу, прибывающему в поисках её (защиты. – прим. автора) [2].

Вопрос о признании либо непризнании дипломатического убежища до сих пор вызывает полемику [3]. Лишь в ряде стран Латинской Америки он решён в пользу предоставления дипломатического убежища в соответствии с Гаванской конвенцией 1928 года. Согласно ст. 1 Гаванской конвенции 1928 г. институт убежища распространяется на дипломатические представительства, военные корабли, лагеря и самолёты [4].

Вместе с тем такая практика в научных кругах не вызывает одобрения. Ученые (Содиков Ш. Д., Блищенко И. П., Лукашук И. И., Галенская Л. Н., Шустер Л. и др.) ссылаются на ст. 3 (функции дипломатического представительства) и пункт 3 ст. 41 (условия использования помещения представительства) Венской конвенции о дипломатических сношениях 1961 года (далее – Конвенция 1961 года [5]). Опираясь на данные нормы, ученые делают вывод, что предоставление дипломатического убежища является невозможным в силу того, что предоставление дипломатического убежища не названо в числе функций дипломатического представительства, а помещения представительства не должны использоваться в целях, не совместимых с функциями представительства, предусмотренными Конвенцией 1961 года или другими нормами общего международного права, или же какими-либо специальными соглашениями, действующими между аккредитуемым государством и государством пребывания.

С нашей точки зрения, подобные суждения нельзя назвать достаточно аргументированными. То, что предоставление дипломатического убежища прямо не названо в числе функций дипломатического представительства, не означает, что использование помещений представительств для предоставления дипломатического убежища несовместимо или противоречит названным функциям. К тому же нельзя исключить вероятность предоставления дипломатического убежища лицу, ищущему убежище, которое владеет информацией, затрагивающей интересы аккредитуемого государства, а при таких обстоятельствах диппредставительство уже действует в пределах функций, предусмотренных Конвенцией 1951 года.

Нельзя согласиться с высказываемым в литературе мнением, что институт дипломатического убежища противоречит двум основным принципам международного права – принципу невмешательства в дела, входящие во внутреннюю

компетенцию государства, а также принципу суверенного равенства государств. Некоторые ученые (Лукашук И. И., Блищенко И. П., Шустер Л. и др.) считают, что предоставление дипломатического убежища одним государством нарушает суверенные права другого государства. Предоставление убежища на территории дипломатического представительства, по нашему убеждению, не нарушает суверенные права ни государства пребывания дипломатического представительства, так как на территорию дипломатических представительств юрисдикция государства пребывания не распространяется, ни каких-либо других государств, требующих выдачи такого лица. Дело в том, что институт экстрадиции в международном уголовном праве предусматривает право на отказ в выдаче лица. Так, согласно ст. 3 Европейской конвенции о выдаче 1957 года, в экстрадиции может быть отказано по гуманистическим соображениям; по политическим соображениям; если есть основания полагать, что лицо будет подвержено пыткам; если предусмотрены минимальные гарантии прав человека; если есть основания полагать, что преследование ведётся по религиозным или расовым мотивам, и др. [6]. Так почему же предоставление дипломатического убежища и «невыдача» лица государству пребывания либо другим государствам, требующим принятия такой меры, признается недопустимым?

В завершении хочется отметить следующее. Нельзя игнорировать тот факт, что институт дипломатического убежища имеет длительную историю. Равно, как и тот факт, что в отдельно взятом регионе данный институт получил нормативное оформление, в то время как в других регионах и на уровне мирового сообщества в целом подобных соглашений принято не было. Означает ли это, что предоставление/непредоставление дипломатического убежища является скорее политическим актом? В условиях, когда в мире сохраняется, несмотря на принятые меры, дискриминация, когда периодически вспыхивают военные конфликты и государственные перевороты, когда в отношениях «личность-общество-государство» превалирует государственный интерес, такой институт как дипломатическое убежище не только не должен запрещаться, но, с нашей точки зрения, имеет все основания для признания, наряду с территориальным убежищем, как гарантирующий права человека институт.

Список использованных источников:

1. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. Декларации. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Дата доступа: 08.03.2020.

2. Резолюция об убежище в международном публичном праве [Электронный ресурс] // Институт международного права. Публикации и работы. Резолюции. – Режим доступа: https://www.idi-iil.org/app/uploads/2017/06/1950_bath_01_fr.pdf – Дата доступа: 14.03.2020.

3. Battjes, H. European Asylum Law and International Law (Immigration and Asylum Law and Policy in Europe) [Electronic resource] / H. Battjes // ZLibrary. – Mode of access: en.b-ok.org/book/861376/c38ab0. – Date of access: 14.03.2020.

4. The UN Refugee Agency. Question of Diplomatic Asylum: Report of the Secretary-General [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.unhcr.org/refworld/type,LEGHIST,,,3ae68bf10,0.html>. – Date of access: 06.04.2020.

5. Венская конвенция о дипломатических сношениях [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. Конвенции. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml. – Дата доступа: 14.03.2020.

6. Европейская конвенция о выдаче ETS № 024 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1902174>. – Дата доступа: 06.04.2020.

ПОНЯТИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ЦЕННЫХ БУМАГ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

© Я. Файз

Научный руководитель: В.П. Талимончик

д-р юрид. наук

Санкт-Петербургский государственный университет

Активность всемирного кредитного рынка неразрывно связана с мировым рынком ценных бумаг. Их корреляция особенно возрастает в связи с направленностью к секьютизации – вытеснению классических форм кредита выпуском ценных бумаг. В исследовательской литературе не выделяют вышеуказанный сектор международного финансового рынка, соотнося его с рынком депозитного капитала. Тем не менее, международный рынок ценных бумаг функционирует, и доказательством этому служит нахождение его производных компонентов системы (первичный рынок межгосударственного уровня, мировой вторичный; международный фондовый и внебиржевой рынки ценных бумаг), довольно развитый международный инструментальный рынок (евроакции, международные и иностранные облигации, евровекселя, международные депозитные сертификаты и др.). Его участниками являются участники мирового экономического рынка.

Международный рынок ценных бумаг – структура финансово-экономических отношений по поводу эмиссии, купли – продажи ценных бумаг и их производных на международном экономическом рынке. Главная функция международного рынка ценных бумаг – распределение незанятых денежных резервов в соответствии с нуждами мирового рынка [4]. Новейший этап функционирования международного финансово-экономического рынка обуславливается увеличением роли и значения рынка ценных бумаг. Международный рынок ценных бумаг, являясь одним из сегментов финансово-экономического рынка и будучи отображением реального производительного процесса в всемирном масштабе, в то же время живет относительно независимой жизнью, подчиненной своим определённым тенденциям. Он оказывает огромное обратное влияние на процессы производства как на общенациональном, так и на мировом уровне.

Таким образом, всемирный рынок ценных бумаг – это тираж ценных бумаг, отражённый в так называемых валютах и воплощаемый эмитентами вне парадигм какого-либо общенационального регулирования эмиссий. В наиболее широком плане международный рынок ценных бумаг рассматривается как взаимосвязь конкретно международных эмиссий и зарубежных эмиссий, т. е. тиража ценных бумаг зарубежными эмитентами на общенациональном, рынке иных стран [6, с. 351].

Совершенствование компьютерных структур послужило основанием совершенствованию цифрового сегмента аукционов на рынке ценных бумаг. Исходной точкой в становлении цифровой торговли принято считать 1971 год, в котором на рынке США возникла биржа NASDAQ с кардинально новыми технологиями (все участники объединены в целостную цифровую сеть).

К середине 90-х годов торговля акциями через Интернет в США и Европе стала обычным явлением. Появилось понятие «Интернет Трейдинг» (internet trading) – способ доступа к торгам на фондовой, валютной или товарной бирже с применением интернета как средства связи. Данная методика позволяет брокеру автоматически обслуживать большое, но ограниченное число клиентов, перенаправляя информацию об их заявках напрямую в торговую структуру биржи. Клиенты интернет-трейдинга – это люди, обладающие финансовыми средствами и желающие их расположить на рынке ценных бумаг.

В последующем появились системы интернет-трейдинга, обеспечивающие возможности субброкерства. Все крупные Интернет-брокеры обеспечивают особый пакет функций для высококвалифицированных участников биржевого рынка из регионов, позволяющий обслуживать через интернет-системы своих покупателей, сформировывать дилинговые центры и т. д. [5, с. 338].

Значит, огромное значение обретают электронные ценные бумаги и документы. Определимся с данными понятиями. В классическом понимании под ценной бумагой понимается документ – вещь, который владеет конкретной ценностью в силу засвидетельствованных им с соблюдением установленной конфигурации и реквизитов имущественных прав. Между тем по смыслу под бездокументарной ценной бумагой понимается не традиционная ценная бумага – документ, а сам комплекс общегражданских прав, который ценная бумага обязана удостоверить.

В силу ст. 11 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», ст. 3 ФЗ «Об электронной цифровой подписи» под электронным документом считается электронное донесение, подписанное компьютерной цифровой подписью или другим аналогом самоличной подписи; информация в цифровом документе должна быть продемонстрирована в электронно-цифровой форме [1].

В 2006 г. Гагская конференция по международному частному праву приняла Конвенцию о праве. Конвенция регулирует вопросы, касающиеся ценных бумаг, которые находятся во владении посредника. Под определение «ценные бумаги» подпадают акции, облигации, паи инвестиционных фондов, биржевые финансовые фьючерсы и опционы, деривативы, коммерческие бумаги, warrants и депозитарные расписки [7].

Таким образом, присущие обыкновенному исполненному на бумажном носителе документу атрибуты в виде закрепления в нем соответствующей информации и наличия подписи с соответствующими особенностями типичны и для электронного документа. Закрепление цифрового документа не на бумажном, а на другом носителе не может иметь в данном случае первостепенного значения.

Традиционные ценные бумаги – это документы, засвидетельствующие конкретные права. Электронные ценные бумаги в настоящее время – это сами права, лишенные документа, на котором они закреплены. Так, можно зафиксировать, что под цифровой ценной бумагой понимается цифровой документ, свидетельствующий с соблюдением установленной формы и неизменных реквизитов земельные права, выполнение или передача которых вероятны только при его предъявлении. Передача вышеуказанных бездокументарных ценных бумаг от собственника собственнику, а также предоставление их обязанному лицу будет реализоваться путем применения средств электронно-компьютерной техники [3, с. 102].

Цифровые ценные бумаги, с одной стороны, можно представить, как итог эволюции медийных технологий (информационно-технический подход, иначе его можно назвать «технологическим», если отчасти абстрагироваться от

информационной составляющей). С иной же стороны, их можно представить, как компонент эволюции денежно-финансовых отношений (методологический экономический подход). Такое видение проблемы кажется нам целесообразным. В рамках информационно-технологического подхода можно отследить эволюцию «классических» денег и связанных с ними финансово-экономических инструментов (включая ценные бумаги) как макроэволюцию физических предметов, как эволюцию носителей стоимости или носителей информации о стоимости, как эволюцию коммуникационных потоков, эволюцию средств связи, применяемых в финансовой сфере

К исследованиям в данном ключе с некоторой осмотрительностью можно отнести и исследования, посвященные макроэволюции расчетов с применением денег и близких к ним механизмов. В методологическом ключе, в рамках определения эволюции денежно-финансовых отношений, важным предстаёт описание во долговременных рамках сущности, свойств, функций цифровых денег, изложение экономических законов, с ними связанных. Эволюция данных финансово-экономических категорий и законов, будучи изложенной с методологической точки зрения, даст нам новые способности и в социально-институциональном плане. При этом, если говорить о функциях, то ценные бумаги утрачивают часть функций классических денег (обретая взамен новые, собственные, своеобразные), а при переходе к цифровым деньгам часть утерянных ранее функций возвращается, более того, цифровые деньги обретают новые свойства и функции [2, с. 13].

Итак, совершенствование вычислительной техники и информатики, повлекшее всеобщую переориентацию информационных массивов в электронной формат, имеет итогом качественное переустройство финансово-экономической и социокультурной среды обитания человека.

Исключительное значение инновационное совершенствование общества приняло в последние годы в эру виртуализации, интернетизации и облачных технологий. В последнее время возникли новые инструменты, которые обеспечивают возможности осуществления транзакций и операций с ценными бумагами и валютой с применением мобильных приложений одним кликом. Прогрессивные технологии модифицируются и применяются все более широкими массами населения, что приводит к позитивному видоизменению ситуации в экономике.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (последняя редакция) [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 26.03.20).

2. Бабаев, Д. Б. Электронные деньги и ценные бумаги: эволюционный аспект / Д. Б. Бабаев // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2015. – №4(44). – С. 9-17.

3. Балабин, М. А. Использование электронного документа в бездокументарных ценных бумагах / М. А. Балабин // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сборник статей. – Томск: Издательство ТГУ, 2015. – С. 101-103.

4. Добродомова, С. В. Международные финансовые отношения [Электронный ресурс] / С. В. Добродомова. – Н. Новгород: ВВАГС, 2010. – Режим доступа: <https://economuch.com/kniga-ekonomika-mirovaya/mejdunarodnyie-finansovye-otnosheniya.html> (дата обращения 26.03.20).

5. Новиков, А. С. Система электронных торгов на рынке ценных бумаг / А. С. Новиков // Актуальные проблемы теории и практики развития экономики региона: Материалы 2-й межвузовской студенческой научно-практической конференции (21 апреля 2015 г.). – Калуга: Алькор Паблшерс, 2015. – С. 336-339.

6. Щербакова, Н. С. Особенности функционирования международного рынка ценных бумаг / Н. С. Щербакова // Современные научные исследования: теория, методология, практика. – 2013. – №3. – С. 349-361.

7. Convention of 5 July 2006 on the Law Applicable to Certain Rights in Respect of Securities held with an Intermediary. – URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=72> (date of appeal 27.03.20).

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИЗНЕСА**

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

© Ю.А. Авакян

Научный руководитель: С.В. Староватова

Сибирский федеральный университет

В современном мире цифровых технологий возможности ведения предпринимательской деятельности расширяются. Возраст лиц, желающих заниматься ею все чаще молодеет, появляются и новые сферы приносящей доход деятельности. Так, Даниил В. и Юрий К. из Подольска начали зарабатывать в 13 лет, они создали канал на YouTube, где осуществляли обзоры товаров из Китая [9]; Максим В. с 15 лет осуществляет торговлю товарами при помощи Интернет сервиса Rocketstore.me; Тимур К. из Санкт-Петербурга создал проект Vortex Sport для проведение спортивных состязаний по различным спортивным дисциплинам [10]; Савва О. из Сан-Франциско в 10 лет спроектировал прототип новой игровой консоли; Дмитрий В. из Иркутска создал Интернет сервис для поиска экскурсоводов; Ирек М. из Альметьевска реализует поделки школьников через социальные сети и собственный сайт [11]. Мы привели незначительную часть примеров осуществления предпринимательской деятельности несовершеннолетними, которые ведут ее как самостоятельно без активного участия их родителей, так и включенных в предпринимательскую деятельность родителей или их законных представителей. По данным за 2019 года доля открывших и зарегистрировавших свой бизнес несовершеннолетних составляет порядка 18% [10]. Эта цифра в жизни реально выше, т.к. часть несовершеннолетних занимаются предпринимательской деятельностью без регистрации. В предпринимательской деятельности несовершеннолетних есть положительные и отрицательные стороны. Плюсами можно считать свободный график работы, возможность работать в команде в качестве руководителя, реализовывать свой интеллектуальный потенциал, приобретать навыки зарабатывать и разумно обращаться со своими доходами, неограниченные возможности для творчества, в том числе и технические. К минусам же можно отнести отсутствие четкой законодательной определенности регулирования вопросов осуществления деятельности несовершеннолетними, невозможность привлечения несовершеннолетнего к различным видам ответственности в силу их возраста.

Рассмотрим некоторые из проблемных вопросов, один из них – это статус несовершеннолетнего предпринимателя. В соответствии с абз. 3 п. 1 ст. 2 ГК РФ предпринимательской «...является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от

пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг» [1]. В соответствии с п. «з» ч. 1 ст. 22.1 «...несовершеннолетний, может заниматься предпринимательской деятельностью при наличии ряда обстоятельств: согласие законных представителей, наличие зарегистрированного брака, трудовая деятельность по договору [5]. Анализ приведенных норм позволяет сделать вывод, что возраст этого субъекта прямо не обозначен в законе, но можно предположить, что будет располагаться в таких возрастных категориях: до 14 лет, 14–16, 16–18.

Представители первой категории лиц, это малолетние, которые не могут самостоятельно, без специального разрешения родителей вести предпринимательскую деятельность и отвечать по своим обязательствам. Так, в ч. 1 ст. 51 прямо указано, что «...права и обязанности несовершеннолетнего в возрасте до четырнадцати лет осуществляет в исполнительном производстве его законный представитель» [6]. Гражданско-правовая и иные виды ответственности на деятельность малолетних не распространяется, так в соответствии с п.1 ст. 1073 ГК РФ за вред, причиненный малолетним лицом, отвечают его родители или иные лица [1]. Таким образом, можно сделать вывод, что малолетние при осуществлении предпринимательской деятельности – это лица, которые только реализуют свой творчески потенциал и идеи, а все остальные действия, связанные с этой деятельностью, осуществляют их законные представители.

Представители второй категории лиц имеют более широкий круг полномочий. Так, лицо являясь по исполнительному документу взыскателем или должником, осуществляет свои права и исполняет обязанности в присутствии или с согласия в письменной форме своего законного представителя [6]. Несовершеннолетний (14-18 лет), «...причинивший вред в таком состоянии, когда он не мог понимать значение своих действий или руководить ими, не отвечает за причиненный им вред». В соответствии с п.1 ст. 1078 ГК РФ при «...причинении вреда жизни или здоровью потерпевшего, суд может возложить обязанность по возмещению вреда полностью или частично на причинителя вреда» [1]. Законодатель допускает переложение ответственности на лиц, которые в момент причинения вреда были неделиктоспособными, что является усилением начал справедливости в гражданско-правовом регулировании общественных отношений [8]. Во всех остальных случаях, когда предпринимательская деятельность осуществляется несовершеннолетним законные представители несут дополнительную ответственность за действия несовершеннолетнего, отвечая своим имуществом и доходами, если имущества и доходов несовершеннолетнего окажется недостаточным для возмещения вреда.

Лица в возрасте от 16 до 18 лет имеют возможность стать эмансипированной личностью, а их законные представители во исполнение п. 2 ст. 27 ГК прекращают нести ответственность по обязательствам эмансипированного [1]. Проблемным является то, что указанные в законе обстоятельства могут быть отозваны или прекращены, соответственно основания признать несовершеннолетнего эмансипированной личностью будут исчерпаны, а судебный акт или нотариально-заверенное разрешение родителей будет иметь юридическую силу. Интересным представляется положение о привлечении для участия в исполнительном производстве законного представителя несовершеннолетнего и иных лиц [6]. Анализ правовых норм свидетельствует о том, что в некоторых правовых ситуациях даже если лицо эмансипировано, его законные представители будут участвовать в них, только в каком качестве законодатель не указывает. Для полного урегулирования вопроса о правовом статусе несовершеннолетнего необходимо внести в ГК РФ ряд соответствующих изменений относительно их возраста, прав и обязанностей, мер ответственности.

Лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность обязаны зарегистрироваться в установленном законом порядке [5], указание на возраст в законе отсутствует, следовательно он не берется во внимание, норма адресована всем в том числе и несовершеннолетним. Проблемным является вопрос о привлечении несовершеннолетнего к различным видам ответственности если это требование закона не выполнено. Так, ст. 14.1 КоАП РФ и ст. 171 УК РФ предусматривают ряд таких мер, но ответственность по этим статьям наступает только по достижению определенного возраста. Согласно ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ «...административной ответственности подлежит лицо, достигшее 16 лет», по ч. 2 ст. 2.3 «...указанное лицо может быть освобождено от административной ответственности с применением к нему меры воздействия», ст. 4.2 «...несовершеннолетие является смягчающим обстоятельством» [3], лицо «...может быть привлечено к налоговой ответственности» [2], «...достигшее ко времени совершения преступления 16 возраста», в соответствии с п. «б» ч.1 ст. 61 УК РФ «...несовершеннолетие виновного» является смягчающим обстоятельством, по ст. 171 УК РФ возможно привлечь лицо «...только в случае совершения его организованной группой, либо если эта деятельность сопряжена с извлечением дохода в особо крупном размере» [4]. Ключевым на наш взгляд в вопросе привлечения к является словосочетание «может быть», решение о привлечении к ответственности принимается соответствующим органом, но практика показывает, что несовершеннолетний избегает ответственности т.к. такой судебной практики мы не встретили. можно сделать вывод, что лицо, не достигшее возраста 18 лет, реально не привлекается ни к административной, ни к уголовной ответственности.

Еще одним проблемным вопросом является выбор сферы предпринимательской деятельности несовершеннолетним. Он не имеет возможности заниматься продажей алкогольной или табачной продукцией, поскольку для того, чтобы ее продавать, ему нужно владеть – быть собственником [7]. Законодательством налагается запрет на продажу такой продукции несовершеннолетним. Закупка такой продукции возможна лишь законными представителями несовершеннолетнего, но это не решает вопроса с владением, т.к. приобретается она для несовершеннолетнего. В связи с этим остается открытым вопрос о влиянии на его нравственное, физическое воспитание участие в алкогольном или табачном бизнесе. Единственным на наш взгляд верным законодательным решением этого вопроса будет закрепление закрытого перечня видов деятельности, которые не может осуществлять несовершеннолетний предприниматель.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 18 мар. 2019 г., с изм. от 03 июл. 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

1. 2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31 июля. 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 01.04.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01 апр. 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 07 апр. 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федеральный закон от 08 авг. 2001 г. № 129-ФЗ (ред. от 26 нояб. 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. -№ 33 (часть 1). – Ст. 3431.

5. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 02 окт. 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 02 дек. 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 41. – Ст. 4849.

6. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: федеральный закон от 22 нояб. 1995 г. № 171-ФЗ (ред. от 27 дек. 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 48. – Ст. 4553.

7. Какие сделки могут совершать несовершеннолетние? [Электронный ресурс]. // Азбука права: электрон. журн. 2020. – Режим доступа: <https://student1.consultant.ru>.
8. Как 14-летний школьник создал бизнес с выручкой в миллион [Электронный ресурс]. // Rusbase. – Режим доступа: <https://rb.ru/longread/youngrussians/>.
9. Как строят бизнес несовершеннолетние [Электронный ресурс]. // Журнал Российская бизнес компания. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru>.
10. Количество ИП в России впервые превысило число компаний [Электронный ресурс]. // VC.ru – интернет-издание о бизнесе... – Режим доступа: <https://vc.ru/finance>.

РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ФОРМ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

© К.А. Алиев

Научный руководитель: О.Е. Деревягина

Сибирский федеральный университет

5 января 2016 г. вступили в силу положения новой главы 2.1 Федерального закона «О защите конкуренции» от 26.07.2006 г. (далее по тексту – Федеральный закон №135-ФЗ), содержащие детализированные запреты на различные формы недобросовестной конкуренции[1].

Проанализируем нормы о недобросовестной конкуренции до и после вступления изменений в Федеральный закон №135-ФЗ, а так же судебную практику, поскольку до вступления изменений в главе 2.1, одни и те же действия хозяйствующих субъектов квалифицировались по-разному.

До 5 января 2016 года в статье 14 Федерального закона №135-ФЗ перечислялись формы недобросовестной конкуренции в частности: распространение ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту либо нанести ущерб его деловой репутации; введение в заблуждение в отношении характера, способа и места производства, потребительских свойств, качества и количества товара или в отношении его производителей; некорректное сравнение хозяйствующим субъектом производимых или реализуемых им товаров с товарами, производимыми или реализуемыми другими хозяйствующими субъектами; продажа, обмен или иное введение в оборот товара, если при этом незаконно использовались результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ, услуг; незаконное

получение, использование, разглашение информации, составляющей коммерческую, служебную или иную охраняемую законом тайну.

Так же в ч.2 ст.14 Федерального закона №135-ФЗ отдельно выделялась форма недобросовестной конкуренции, связанная с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации продукции, работ или услуг.

Действующая редакция главы 2.1 предусматривает 7 форм недобросовестной конкуренции, которые распределены по разным статьям: с. 14.1 по 14.7.

А так же статья 14.8, которая предусматривает иные формы недобросовестной конкуренции, иными словами, делает перечень форм недобросовестной конкуренций открытым.

Данные изменения были внесены вследствие двойственной правоприменительной практики, относительно квалификации правонарушений в области недобросовестной конкуренции.

Примером может послужить дело о приобретении и использовании исключительных прав на товарный знак VASHERON.

ФАС России обвинила ООО «Торговый альянс ВАШЕРОН» в нарушении ч. 2 ст. 14 Федерального закона №135-ФЗ. Дело было возбуждено по заявлению компании «Вашерон & Константин», правообладателя товарного знака VACHERON CONSTANTIN (Решение ФАС России от 17.03.2013 по делу № 08/27562/13). Заявитель указал, что ответчик, зарегистрировав свой товарный знак в отношении кожаных товаров, пользовался известностью и репутацией бренда заявителя — производителя часов премиум-класса[2].

Примечательно, что заявитель и ответчик не были конкурентами, хотя обычно это необходимое условие дел о недобросовестной конкуренции. Тем не менее, ФАС России указала, что приобретение и использование товарного знака VASHERON давало необоснованные преимущества ответчику перед его конкурентами, поскольку привлекало внимание к товарам благодаря репутации бренда VACHERON CONSTANTIN. Позицию антимонопольной службы впоследствии поддержал Суд по интеллектуальным правам (Решение от 21.03.2014 и Постановление от 04.07.2014 по делу № СИП-363/2013) [3].

При этом, если взглянуть на судебную практику, связанную с использованием исключительных прав на товарный знак, можно заметить уже иную квалификацию. Например, когда подобные деяния квалифицировались по п.4 ч.1 ст. 14 Федерального закона №135-ФЗ[4].

На наш взгляд, данная проблема так или иначе способствовала изменению главы 2.1. Казалось бы, изменения, которые были внесены в главу 2.1 Федерального

закона №135-ФЗ, должны были исправить данную проблему в правоприменительной практике, но анализ решений антимонопольных органов показывает обратное.

На данный момент существует две статьи: статья 14.6. которая предусматривает запрет на недобросовестную конкуренцию, связанную с созданием смешения и статья 14.4. в которой говорится о запрете на недобросовестную конкуренцию, связанную с приобретением и использованием исключительного права на средства индивидуализации юридического лица, средства индивидуализации товаров, работ или услуг. Судебная практика, а так же практика решений антимонопольной службы на 2019 года говорит нам о том, что судебные разбирательства, связанные с незаконным использованием исключительных прав, например, на товарный знак, могут квалифицироваться как по статье 14.6, так и по статье 14.4. Федерального закона №135-ФЗ.

В первом случае Ставропольская ФАС России вынесла постановление о признании ООО «ИнструментСнаб» виновным в совершении нарушения статьи 14.6 Федерального закона №135-ФЗ. Из материалов дела можно сделать вывод, что нарушения ООО «ИнструментСнаб» антимонопольного законодательства, выражаются в незаконном использовании товарного знака АО «СтИЗ»[5].

Во втором случае Курская УФАС России от 17.01.2017 г. по делу № 03-05/50-2016 признала действия ООО «Агротехнологии» по приобретению и использованию исключительного права на средства индивидуализации товаров (товарные знаки) «ГУАПСИНПЛЮС» и «ТРИХОФИТПЛЮС», нарушающими ч. 1 ст. 14.4 Федерального закона №135-ФЗ. Позиция УФАС заключалась в том, что ООО «Агротехнологии», регистрируя товарные знаки, сходные до степени смешения с наименованиями известных препаратов, преследовало цель не индивидуализации своих товаров, а намеревалось воспользоваться чужой репутацией и узнаваемостью таких коммерческих обозначений, как «Трихофит» и «Гуапсин»[6].

Эти два примера наглядно показывают, как одно и то же деяние возможно квалифицировать по-разному. Для правильной квалификации нарушений форм недобросовестной конкуренции, связанных с использованием товарного знака, нужно разграничивать квалифицирующие признаки в ст. 14.6 и 14.4 Федерального закона №135-ФЗ. Квалифицирующие признаки деяния, предусмотренного ст. 14.6 следующие: деяние совершено в форме незаконного использования товарного знака, а так же товарный знак должен быть хозяйствующего субъекта-конкурента. В ст. 14.4 же квалифицирующими признаками является: деяние может быть совершенно как в форме незаконного использования товарного знака, так и в форме приобретения чужого товарного знака и, в отличии от ст. 14.6, в данной статье неважно, являлся ли это товарный знак субъекта-конкурента.

В итоге, можно сказать о том, что изменения, которые были внесены в главу 2.1. Федеральный закон №135-ФЗ 5 января 2016 года не повлияли должным образом на правоприменительную практику и та двойственность, которая существовала до изменений, остается и в некоторых судебных решениях ФАС в настоящем времени. На наш взгляд, ФАС России должна прийти к единообразию по вопросу квалификации. Иначе изменения гл. 2.1 так и не найдут положительного эффекта.

Список использованных источников:

1. О защите конкуренции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ в ред. от 01.04.2020 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 09.04.2020).

2. Решение федеральной антимонопольной службы России от 17.03.2013 г. по делу № 08/27562/13 // Правовой сервер «Судакт» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sudact.ru/> (дата обращения 01.04.2020).

3. Решение суда по интеллектуальным правам от 21.03.2014 по делу № СИП-363/2013 // Правовой сервер «Судакт» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sudact.ru/> (дата обращения 01.04.2020).

4. Решение Арбитражного суда от 29 декабря 2014 г. по делу № А76-12844/2014/ Правовой сервер «Судакт» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sudact.ru/> (дата обращения 24.04.2020).

5. Решение Арбитражного суда от 1 октября 2019 г. по делу № А63-10810/2019/ Правовой сервер «Судакт» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sudact.ru/> (дата обращения 02.04.2020).

6. Решение Арбитражного суда от 19 мая 2017г. по делу № А35-615/2017/ Правовой сервер «Судакт» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sudact.ru/> (дата обращения 03.04.2020).

**ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
О ЗАКУПКАХ ТОВАРОВ (РАБОТ, УСЛУГ) ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ**

© Д.Ю. Горелик, А.А. Уставщикова

Научный руководитель: Л.С. Булгакова

*Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

Основным способ формирования имущественного комплекса государственных и муниципальных учреждений, унитарных предприятий и иных организационных форм является система закупок товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд. Приобретение осуществляется путем использования конкурентного способа определения поставщика на заключение государственного контракта или путем закупки у единственного поставщика. Данная процедура носит название – государственные закупки.

Одной из основных целей осуществления закупок заказчиками – образовательными организациями, подведомственными соответствующим органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, является достижение целей и реализация мероприятий, предусмотренных региональными целевыми программами развития образования, разработка и реализация которых предусмотрена Законом об образовании (ст. 8). В силу того, что объем денежных средств, выделяемых бюджетами соответствующих уровней, на нужды образования достаточно велик, то данная сфера подвержена коррупционным рискам. По данным Национального рейтинга прозрачности закупок с учетом инфляции потери государственного сектора в рамках государственных закупок за период 2018 составили порядка 86,47 млрд. рублей. Для предотвращения нарушений в данной сфере государственным органам необходимо предпринимать своевременные профилактические меры, так как нарушение в объемах закупок ведет к нарушению порядка реализации государственных функций. Особое внимание уделяется закупкам в сфере образования по причине исключительной важности данного вида государственной деятельности для общества. В пункте 1 статьи 26 Всеобщей декларации прав человека указано, что каждый человек имеет право на получение образования, а начальное и общее должны предоставляться бесплатно. Вместе с тем в подпункте «е» пункта 2 статьи 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах закреплено положение о развитии сети школ всех ступеней. В этой связи особенно важным инструментом обеспечения конституционного права на образование следует считать

прокурорский надзор, так как при осуществлении надзора за соблюдением порядка проведения государственных закупок в сфере образовательной деятельности меры прокурорского реагирования являются наиболее эффективными в силу отстраненности прокуратуры от процесса образования и от процесса проведения закупок, что и обеспечивает независимость работы органов надзора.

Основная задача, поставленная перед прокуратурой в рамках надзора за исполнением законодательства о закупках товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд в сфере образования – обеспечение соблюдения поднадзорными органами и организациями выше указанных принципов. Прокурорский надзор производится в отношении заказчиков, контрактных служб и контрактных управляющих, закупочных комиссий, уполномоченных органов, уполномоченных учреждений и специализированных организаций, операторов электронных площадок. В подпункте 2 пункта 2 приказа Генерального прокурора от 29 августа 2014 г. № 454 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции» (далее-Приказ Генерального прокурора № 454) указано, что прокурорам всех уровней необходимо регулярно принимать исчерпывающие меры превентивного характера, направленные на обеспечение прозрачности, эффективности и результативности закупочной деятельности.

Первым этапом в комплексе мер противодействия является выявление коррупциогенных факторов. Для сбора информации работники прокуратуры используют плановые проверки, мониторинг муниципальных актов, проверки на основании заявлений граждан, материалов, предоставленных контрольными органами. Особенность коррупционных деяний проявляется в заинтересованности обеих сторон в конфиденциальном характере соглашения. Кроме того, такого рода деяния порождают возможность предъявления коллективной ответственности в случае выявления их правоохранительными органами, что усугубляет их положение. По этим причинам у сторон-участниц коррупционного правонарушения отсутствует мотивация для предоставления информации в правоохранительные органы. Таким образом, данные о противоправном деянии могут поступить в прокуратуру исключительно из внешних источников. Для увеличения количества потенциальных источников информации необходимо использовать различные способы мотивирования. Согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» указывается, что освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица). Лица, сообщившие о

коррупционных правонарушениях, освобождаются от уголовной ответственности. Таким образом, потенциальные правонарушители получают значительные привилегии при предоставлении информации. Формирование правоприменительной практики в данном направлении и более широкое применение положений п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» позволит облегчить выявление противоправных деяний коррупционного характера.

Исключительно важно использовать описанные выше методы при осуществлении надзора за конкурсными комиссиями. Согласно ст. 39 ФЗ №44, комиссии создаются в целях определения поставщиков, подведения итогов и определения победителей закупок. Частыми нарушениями в сфере комиссий являются нарушения положений п.6 ст.39 ФЗ №44. Как было указано ранее, комиссия обеспечивает определение лучшего предложения из представленных. Личная заинтересованность приводит к выбору поставщика без учета его предложений, качества проведенных работ и иных факторов, что приводит к некачественным итогам работы. К примеру, прокурорской практике известны факты, когда при размещении муниципального заказа член котировочной комиссии, представитель покупателя и победитель по котировочным заявкам на поставку товаров для обеспечения оказания образовательных услуг являлись одним лицом.

Особенностью государственного заказа для осуществления образовательных услуг также является наличие большого числа ограничений в самих работах, например нарушение требований СанПиН 2.4.1. 3049-13, СанПиН 2.4.2.2821-10 влечет административную ответственность. Высокие требования санитарно-эпидемиологических норм обусловлены тем, что большая часть лиц, использующих закупленные объекты, являются несовершеннолетними и тем, что указанные объекты потребляются массово в рамках учебных заведений. В подтверждение тезиса об особой опасности нарушения требований СанПиН является отравление десятков детей в детских садах Юго-Восточного округа Москвы в 2018 году. Питание в учреждения поставляли фирма «Конкорд» и компания «ВИТО-1». Многие дети были госпитализированы в тяжелом состоянии, некоторые попали в реанимацию. В материалах прокурорской проверки указано, что причиной групповой заболеваемости послужило употребление в пищу контаминированного продукта. Роль прокурорского надзора в данной сфере правоотношений заключается не только в пресечении, но и в предупреждении противоправных деяний. В описанном выше случае прокурорские работники смогли выявить нарушения только после наступления последствий.

Подводя итоги, следует отметить, что на сегодняшний день система закупок товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд в сфере образования является основополагающим механизмом приобретения материальных благ для нужд учреждений, ведомств и иных организаций управления. Прокуратура часто становится единственным органом, который имеет реальную возможность пресечь или предупредить противоправные деяния. Поэтому надзор за государственными, муниципальными закупками в сфере образования является одним из наиболее важных направлений работы надзорного органа, что также отмечено в подпункте 6 пункта 5 приказа Генерального прокурора РФ № 454 , где регламентировано, что прокурорам необходимо обеспечить социальную направленность надзорной деятельности путем усиления надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции в сфере образования.

Список использованных источников:

1. Предварительные данные об исполнении расходов федерального бюджета на реализацию национальных проектов на 1 января 2020 года // Минфин России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: predvaritelnye_dannye_ob_ispolnenii_raskhodov_federalnogo_byudzhetna_na_ryealizatsiyu_natsionalnykh_proektov_na_1_yvarya_2020_goda
2. Рейтинг прозрачности. НРПЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://1b718c8b-916a-464e-b594-ac6aba0cfce4.filesusr.com/ugd/68d124_284c1519cf574c44abe1da8c363c610c.pdf
3. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. № 67.
4. Суд в Москве обязал «Конкорд» выплатить компенсации родителям отравившихся детей // Deutsche Welle [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/a-51077646>

НАЛОГОВАЯ ТАЙНА

© М.В. Горюнова

Научный руководитель: Е.А. Вакулина

Сибирский федеральный университет

В ст. 57 Конституции РФ говорится о том, что каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы. При их уплате действует принцип свободы информации, суть которого заключается в том, что налогоплательщики имеют право получать бесплатно от налоговых органов информацию по конкретному перечню вопросов: о законодательстве о налогах и сборах, о действующих налогах и сборах и др. В то же время, та информация, которая доступна налоговым органам о налогоплательщике, является конфиденциальной (не вся, об этом поговорим ниже) и может быть использована лишь ограниченным кругом лиц, только в соответствии с законом.

Всю информацию, которую получают налоговые органы о налогоплательщике можно разделить на две группы: в первую входит та информация, которая является общедоступной (имя, фамилия лица налогоплательщика), а во вторую – информация, так называемого «ограниченного доступа», получение которой возможно лишь определенными органами (должностными лицами) в установленном законом порядке.

Ко второй группе относится рассматриваемый в данной статье институт налоговой тайны, который нашел свое отражение в ст. 102 Налогового Кодекса (далее – НК РФ).

Для начала необходимо разобраться, что подразумевается под термином «тайна». Крутова Я. А. говорит о том, что тайной в теории налогового права является информация, признаваемая федеральным законодательством конфиденциальной в целях защиты прав и интересов лица, общества и государства, соответствующая установленным законом условиям охраноспособности [5]. А. И. Белишко считает, что «тайна» с правовой точки зрения это специальный правовой режим как доступа и хранения, так и использования определенной совокупности конфиденциальной информации, за нарушение которого должна быть предусмотрена юридическая ответственность [4].

Из вышеперечисленных определений можно прийти к выводу, что ключевым здесь является то, что далеко не каждое лицо имеет к этой информации равный доступ, а в случае нарушения этого порядка или разглашения такой информации лицо может быть привлечено к ответственности.

Само определение налоговой тайны закреплено в ч. 1 ст. 102 НК РФ. Под налоговой тайной законодатель понимает любые полученные налоговым органом, органами внутренних дел, следственными органами, органом государственного внебюджетного фонда и таможенным органом сведения о налогоплательщике, плательщике страховых взносов [1].

Законодатель установил особый порядок предоставления такой информации, а также ограничил круг лиц, которые могут её получать.

В ст. 102 НК РФ перечислены органы, которые имеют доступ к налоговой тайне. К ним относят: налоговые органы, органы внутренних дел, следственные органы, органы государственного внебюджетного фонда и таможенные органы. На первый взгляд, таких органов не так уж и много. Но, если мы обратимся к Приказу МВД РФ от 11 января 2012 г. № 17 «Об утверждении Перечня должностных лиц системы МВД России, пользующихся правом доступа к сведениям, составляющим налоговую тайну» [3], то увидим следующее – только лишь в структуре МВД около 150 должностей имеют право доступа к сведениям, составляющим налоговую тайну. В это число входят, к примеру, главный эксперт отдела и др. Хотя перечень органов, закрепленных в ст. 102 ГК РФ, имеющих доступ к данной информации, довольно небольшой, существуют специальные нормативные акты, которые конкретизируют данное положение.

В случае распространения сведения, составляющих налоговую тайну, данные лица подлежат ответственности: административной, уголовной или материальной.

Интересным является то, что под разглашением понимается действие или бездействие, в результате которых информация, составляющая налоговую тайну в любой возможной форме (устной, письменной, иной форме, в том числе с использованием технических средств) становится известной третьим лицам без согласия обладателя такой информации [6]. Как мы можем заметить, законодатель по форме ее распространения не делает никаких ограничений.

В то же время, законодатель чётко регламентировал процедуру предоставления органами таких сведений третьим лицам. Например, в приказе МНС РФ от 03.03.2003 № БГ-3-28/96 «Об утверждении Порядка доступа к конфиденциальной информации налоговых органов» [2], четко определен порядок действий, соблюдение которого является обязательным для обратившихся лиц:

1. Необходимо направить запрос на предоставление конфиденциальной информации, оформленный надлежащим образом. Он обязательно должен быть в письменном виде. Также установлены способы доставки такого запроса в органы.

2. Должностному лицу необходимо поставить подпись, которая свидетельствует о его праве направлять запросы в налоговые органы.

3. Основанием для рассмотрения запроса в налоговом органе является ссылка на норму федерального закона, устанавливающую право пользователя на получение конфиденциальной информации.

4. Также необходимо обосновать цель запроса, которую преследует должностное лицо.

Немаловажным является и то, что любое отклонение от формы или содержания запроса – не подлежат исполнению налоговыми органами. Этот факт подтверждает то, что доступ к информации, составляющей налоговую тайну налогоплательщика, значительно затруднен.

Несмотря на то, что законодатель закрепил круг лиц, которые могут иметь доступ к сведениям, составляющих налоговую тайну, а также регламентировал ответственность последних при нарушении нормы (ст. 102 НК РФ), открытым остается вопрос по поводу того, какие же сведения входят в налоговую тайну.

Вопрос этот по сей день является дискуссионным. Законодатель в ст. 102 НК РФ определил лишь перечень тех вопросов, которые не будут являться налоговой тайной, но нигде даже в общем виде не упомянул о той информации, которая будет охватываться понятием налоговой тайны.

В связи с этим, можно выделить две наиболее популярные точки зрения по данному вопросу. Согласно первой, к той информации, которая охватывается понятием «налоговая тайна» можно отнести те сведения, которые не перечисляются в п. 1 ст. 102 НК РФ. К примеру, Сивова М. А. считает, что сюда можно отнести любую информацию о производственных процессах, проходящих в компании, о партнерах организации и условиях сделок. Также, под данными, составляющими налоговую тайну, понимаются и сведения, полученные в рамках проведения налоговых проверок, данные, полученные от органов, выдающих лицензии, учреждений соцзащиты, медицинских и образовательных учреждений, нотариальных контор и банков. Основывается подобное мнение на ст. 85 НК РФ, в которой законодатель закрепил обязанность органов (например, органов, осуществляющих регистрацию организаций, индивидуальных предпринимателей, физических лиц и др.) сообщать определенного вида информацию в налоговые органы. Следовательно, по мнению Сивовой М. А., ее разглашение запрещено.

Согласно второй точки зрения, которую придерживаются, в частности, Крутова Я. А., Очаковский В. А., Корицина Т.Е., к данным, относящимся к налоговой тайне, относятся:

1. Данные первичной документации (кассовые ордера, накладные, квитанции);

2. Документы о движении фондов, денежных средств и других активов;
3. Финансовые документы, которые не подлежат раскрытию и опубликованию;
4. Личная информация работников;
5. Объекты интеллектуальной собственности;

В полной мере согласиться с какой-то одной из вышеперечисленных точек зрения невозможно. Безусловно, сторонники этих мнений опираются и ссылаются при аргументации своих взглядов на практику, но им необходимо конкретизировать эти положения.

К примеру, Сивова М. А. говорит, что понятием налоговой тайны охватывается «любая информация о производственных процессах, проходящих в компании», но, по идее, под производственными процессами понимается совокупность всех действий людей и орудий труда, необходимых на данном предприятии для изготовления продукции. Следовательно, ремонт оборудования/хранение товаров – это тоже производственный процесс, который не может и не должен составлять налоговую тайну. Это скорее можно отнести к коммерческой тайне.

Что касается второй точки зрения. Личная информация работников – так же достаточно широкое понятие, куда можно отнести и ФИО конкретного человека. Но, как мы уже знаем, эта информация является общедоступной, поэтому необходимо выделить исключения. Что касается объектов интеллектуальной собственности, то открытым остается вопрос, с какого момента они составляют налоговую тайну. Чёткого ответа законодатель не дает, поэтому есть лишь предположения, что «сведения о сущности изобретения, полезной модели, промышленного образца до официальной публикации и информации о них», что является аморфным.

Таким образом, для того, чтобы урегулировать данный вопрос, законодателю необходимо всё же принять отдельный акт, в котором бы были определены и конкретизированы сведения, охватываемые понятием налоговой тайны.

Список использованных источников:

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28 янв. 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

2. Об утверждении Порядка доступа к конфиденциальной информации налоговых органов [Электронный ресурс]: приказ МНС РФ от 3 март. 2003 г. № БГ-3-28/96 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Об утверждении Перечня должностных лиц системы МВД России, пользующихся правом доступа к сведениям, составляющим налоговую тайну [Электронный ресурс]: приказ МВД РФ от 11 янв. 2012 г. № 17 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Белишко, И.А. Правовой режим налоговой тайны / И.А. Белишко // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. – 2013. – № 3.

5. Крутова, Я.А. Налоговая тайна и ее обеспечение / Я.А. Крутова, В.А. Очаковский, Т.Е. Корытина // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2018. – № 1.

6. Шеховцева, Е.В. Налоговая тайна: правовой режим охраны / Е.В. Шеховцева // Ленинградский юридический журнал. – 2013.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРИНЦИПОВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

© Л.В. Кухаренко

Научный руководитель: С.В. Староватова

Сибирский федеральный университет

Институт предпринимательства в Российской Федерации является неотъемлемым элементом рыночной системы страны. Однако предпринимательское право в настоящее время до сих пор не кодифицировано в отличие от ряда других отраслей. На наш взгляд, основополагающие начала в любой отрасли имеют важное фундаментальное значение. В связи с этим отрасль, не имеющая основополагающих начал обречена на множество проблем, прежде всего, в регулировании правовых отношений. Проявлением этому служит то, что на пути развития бизнеса в нашей стране появляется масса преград, в частности, бюрократические барьеры, отсутствие предпринимательской инфраструктуры, сложности в привлечении инвестиций, отсутствие эффективных технологий, рост теневого бизнеса и т.д.

Правовые принципы являются продуктом теоретического осмысления, как правило, деюро объективного установления реализации правовых норм или правового закрепления желаемых практик. Принцип выступает как конечный результат идеологического развития теории. Как отмечает Копнин: «Принцип указывает на степень обобщения, достигнутого в данной теории, которая выражает идею в заостренной односторонней форме» [9, с. 281].

Принимая во внимание текущую трактовку, обратимся к системе принципов предпринимательского права в интерпретации ученых. Так, В.В. Лаптев полагает, что принципами предпринимательской деятельности следует считать: свободу

предпринимательской деятельности; юридическое равенство во всех формах, используемых в предпринимательской деятельности; свободу конкуренции и ограничение монополистической деятельности; сочетание частных и общественных интересов в предпринимательском праве; регулирование предпринимательской деятельности в стране [11, с. 8-17]. При этом автор выделяет прибыль как принцип предпринимательской деятельности, который не имеет официального законодательного закрепления, и многие из ученых правоведов рассматривают его как цель предпринимательства, а не как принцип, имеющий юридическую основу [7, с. 12].

В.С. Мартемьянов сокращает список принципов и выделяет в качестве таковых: экономическую свободу; защиту экономических интересов хозяйствующих субъектов и поощрение предпринимательства в хозяйствовании в экономике; государственное воздействие на отношения в народном хозяйстве преимущественно на основе применения экономических мер и методов; конкуренцию и защиту от монополизма; законность [12, с. 6-9]. Аналогичную позицию разделяют В.С. Анохин, О.М. Олейник, которые включили данные принципы в свои труды [8, с. 211, 5, с. 22-37, 13, с. 507].

На наш взгляд, принципы предпринимательского права можно сконструировать, рассмотрев Конституцию РФ, нормативно-правовые акты, принятые высшими органами государственной власти, а также решения КС РФ. Проанализировав Гражданский кодекс РФ, Федеральные законы, затрагивающие область предпринимательского права, нам удалось выявить следующие специальные принципы: открытости и прозрачности; свободы предпринимательства; обеспечения конкуренции; единства контрактной системы в сфере закупок; свободы договора; неприкосновенности и юридического равенства всех форм собственности. Рассмотрим только некоторые из них.

Свобода предпринимательства, на наш взгляд, наиболее важный принцип предпринимательского права. Он закреплен в статьях 8 и 34 Конституции РФ [1].

Вместе с тем свобода предпринимательства не абсолютна, как это подчеркивают нормы Конституции РФ, ограничения могут быть наложены в рамках соблюдения общественных интересов. Одна из форм такого ограничения – лицензирование отдельных видов предпринимательской деятельности.

С принятием ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», «прессинг» инспекционных проверок снизился, но в то же время, если частные компании признаются инспекционными органами нарушающими требования законодательства, то предприниматель обязан доказывать

свою правоту [6, с. 553-557]. Это подтверждает не абсолютный характер свободы предпринимательства.

В свою очередь, принцип свободы договора, содержание которого раскрывается в статье 421 ГК РФ [2], представляет собой право субъекта самостоятельно решать, заключать договор или отказаться от его заключения. Единого мнения о содержании принципа свободы договора нет. Например, одни авторы рассматривают свободу выбора контрагента как самостоятельную составляющую принципа свободы договора [10, с. 24]. Другие утверждают, что свобода выбора партнера входит в право заключения договора [4, с. 36-37]. На наш взгляд, в качестве самостоятельного элемента содержания принципа свободы следует выделить свободу выбора контрагента договора в силу важности данного этапа в формировании договорных отношений и их исключительности. На практике фигура контрагента имеет большое значение. Он предопределяет судьбу тех или иных договорных отношений, и минимизирует возможность неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств.

Такой позиции придерживается Арбитражная коллегия Верховного суда РФ, которая подчеркивает важность выбора контрагентов, особенно в сфере бизнеса [3]. При принятии решений о заключении договора принцип свободы договора основывается на потребностях сторон, свободе выбора партнера по договору, функционировании организации, а также конкурентоспособности и, следовательно, субъекте гражданских правоотношений – юридических лицах и индивидуальных предпринимателях – этот аргумент серьезно зависит от выбора другой стороны, решения Арбитражного суда.

Как и другие правовые принципы, свобода гражданско-правовых договоров не может быть неограниченной. Согласно п. 2 ст. 2 Гражданского Кодекса, ограничение гражданских прав может быть реализовано в двух случаях: а) ограничение может быть введено только федеральным законом; б) оно действует только на основании объема и оснований, установленных законом, то есть в поддержку конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, национальной обороны.

Кроме того, ГК РФ закрепляет несколько договорных конструкций, позволяющих учитывать специфику хозяйственного договора и применять специальную правовую систему. К ним относятся государственные контракты, соглашения о присоединении, предварительные соглашения. В каждом из этих случаев пределы рассматриваемого принципа определяются потребностями оборота товаров для нужд граждан и имеют свои особенности.

Таким образом, субъекты, вступающие в договорные отношения, вправе действовать только по своему усмотрению и осуществлять свои права без учета

прав и интересов других лиц (контрагентов). Но в то же время, ограничивая возможности и действия одного субъекта, государство тем самым защищает интересы другого субъекта.

В заключение необходимо отметить, что сегодня задача качественного и поступательного развития малого и среднего бизнеса, возведена в ранг важных общегосударственных задач [7, с. 341], а для этого надо сделать на порядок эффективнее политику поддержки малого и среднего предпринимательства, самое главное сделать прозрачным соблюдение принципа свободы предпринимательской деятельности.

В целом следует отметить, что малый и средний бизнес необходимо избавить от бюрократических барьеров, вывести его из «тени» и сделать государственный контроль максимально прозрачным. Возможно это, на наш взгляд, при помощи создания «Основ законодательства о предпринимательстве», где будут закреплены все принципы, на котором основывается предпринимательское право. Данный документ позволит гармонизировать законодательство и, собрать воедино весь комплекс норм, регулирующих нормативно-правовые отношения в области предпринимательской деятельности, исключая НПА создающие коллизии.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 фев. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июл. 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 18 июл. 2019г.) // Собрание законодательства РФ, 05 дек. 1994 г. – № 32. – Ст. 3301.

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 28 апр. 2016 г. № 305-ЭС14-5119 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Танага, А.Н. Принцип свободы договора в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Танага Андрей Николаевич. – Краснодар, 2001. – 226 с.

5. Дедов, Д.И. Общеправовой принцип соразмерности и ограничение свободы предпринимательства / Д. И. Дедов // Вестник Московского ун-та. 2002. – № 6.

6. Зеко, Л.Ю. Свобода предпринимательства в Российской Федерации. Государственно-правовой аспект / Л.Ю. Зеко // Молодой ученый. – 2016. – № 4.

7. Проблемы реализации принципов права в предпринимательской деятельности: монография, коллектив авторов / МГУ имени М.В. Ломоносова, РАН-ХиГС при Президенте РФ // отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2016.

8. Анохин, В.С. Предпринимательское право: учебник / В.С. Анохин. – Москва: ВЛАДОС, 2003.

9. Копнин, П. В. Диалектика как логика и теория познания: учебник / П. В. Копнин. – М.: Наука, 1973.

10. Попондопуло, В.Ф. Коммерческое право: учебник / В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевская. – СПб., 1998.

11. Лаптев, В.В. Предпринимательское право: понятие и субъекты: учебник / В.В. Лаптев. – М.: Волтерс Клувер, 2004.

12. Мартемьянов, В.С. Хозяйственное право. Общие положения: Курс лекций. – Т. 1. – М., 1994.

13. Олейник, О.М. Предпринимательское (хозяйственное) право: Учеб. В 2 т. / О.М. Олейник. – М.: Юрист, 1999.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© Р.Р. Мамедов

Научный руководитель: С.В. Староватова

Сибирский федеральный университет

Товарный знак – охраняемые законом результаты интеллектуальной деятельности. Им является всякое обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц (индивидуальных предпринимателей), за которыми признается исключительное право на его использование, подтверждаемое свидетельством на товарный знак. Роль товарных знаков в современных рыночных отношениях велика. Производителю он помогает индивидуализировать свой товар среди огромной мириады аналогичных товаров других производителей, а для потребителя выступает в качестве своеобразного ориентира при выборе необходимого для него товара. В настоящее время существует ряд проблем, связанных с правовым регулированием товарных знаков. В частности проблема его правовой охраны, приобретения и осуществления исключительных прав на него. Анализ

содержания статей 1225 и 1252 Гражданского кодекса РФ позволяет разобраться в этом вопросе.

Так, статья 1225 ГК РФ относит к объектам интеллектуальной собственности, наряду с товарными знаками, коммерческие обозначения. Статья же 1252 ГК РФ устанавливает возможность совпадения коммерческого обозначения и товарного знака – «...они могут оказаться тождественными или сходными до степени смешения». В этом случае то средство индивидуализации, исключительное право на которое возникло ранее имеет преимущество перед другим. Владелец такого исключительного права может требовать признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку своего конкурента, либо полного или частичного запрета на использование указанного коммерческого обозначения им[1].

Как утверждает М.А. Торчинова, – «...включение данных положений в часть четвертую ГК РФ представляется весьма спорным. Вызывает серьезное сомнение предоставление возможности признать правовую охрану товарного знака, зарегистрированного для использования на территории всей РФ даже если владелец вывески в состоянии доказать использование коммерческого обозначения до момента регистрации товарного знака»[9 с. 16]. Действительно можно согласиться с позицией автора, особенно учитывая предназначения товарных знаков и коммерческих обозначений. Первое средство индивидуализации – служит для индивидуализации товара, а коммерческое обозначение – индивидуализирует предпринимателя. Для устранения этих противоречий необходимо ориентироваться на то, что эти средства индивидуализации имеют различное предназначение и исключить из статьи 1525 ГК преимущественное право защиты ранее зарегистрированного средства индивидуализации.

До 2015 года оставался нерешенным вопрос о создании нормативных критериев определения сходства или тождества товарных знаков. Эта проблема была решена с принятием приказа Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков»[2]. В приказе установлены такие критерии как визуальные, звуковые, текстовые и т.д. Арбитражный суд Алтайского края при принятии решения по делу № А03-22404/2018 от 06.06.2019 применил указанные в приказе критерии[4]. Так, при разрешении спора между ООО «Стройпродукт» и ООО «Гурман» о прекращении использования товарного знака «Гурман» ООО «Гурман» в названии магазина и взыскании с виновного компенсации за незаконное использование товарного знака. При решении вопроса о сходстве товарных знаков суд оценивал их

обозначения с позиции потребителя и его интересов. Воспользовавшись положениями п. 13 информационного письма Президиума ВАС РФ (ныне Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ) от 13.12.2007 № 122 суд решил, что «...вопрос о сходстве до степени смешения товарного знака является вопросом факта и по общему правилу может быть решен без проведения экспертизы»[5]. Арбитражный суд Алтайского края, сравнил словесные обозначение «Гурман» со словесными обозначениями «Гурман» и пришел к выводу, что они идентичны по графическим (визуальным) признакам, проверять их сходство по звуковым (фонетическим) и смысловым (семантическим) признакам, как по отдельности, так и в совокупности не было необходимости. Арбитражный суд удовлетворил искивые требования ООО «Стройпродукт» в полном объеме и обязал ООО «Гурман», прекратить использование товарного знака «Гурман» и назначил выплату компенсации в пользу ООО «Стройпродукт» в размере 500 000 руб.[6].

С более сложной задачей столкнулся Московский областной суд при решении спора об использовании товарного знака «ГУРМАНЪ», принадлежащий ИП Пашков Р.А., товарного знака «Рублевский «ГУРМАН»» используемый ООО «Мясоперерабатывающий завод «Рублевский», товарных знаков «РУБЛЕВСКИЙ ГУРМАН», «ГУРМАН» используемых ООО МПЗ «Москворецкий» в своей деятельности. Истец при сравнении товарных знаков с другими средствами индивидуализации усмотрел наличие возможности введения потребителя в заблуждение и формирования у него ложных представлений о качестве товара, его изготовителе, месте изготовления. Суд счел, что словесный элемент «РУБЛЕВСКИЙ ГУРМАН» и товарный знак № 213841 «Гурманъ» не могут быть признаны фонетически сходными за счет различного звучания сочетания слов «РУБЛЕВСКИЙ ГУРМАН» и слова «Гурман», а также за счет отчетливо произносимого начального элемента «РУБЛЕВСКИЙ» и в исковых требованиях отказал[7]. Решить вопрос о тождественности коммерческого обозначения и товарного знака возможно исключив из статьи 1525 ГК РФ преимущественное право защиты ранее зарегистрированного средства индивидуализации.

Проблемным с точки зрения правовой охраны является исчерпание исключительного товарного знака. Статья 1487 ГК РФ, устанавливает: «...не является нарушением исключительного права на товарный знак использование его иными лицами в отношении товаров, которые были введены в гражданский оборот на территории РФ непосредственно правообладателем или с его согласия»[1]. По мнению А.В. Попова и А.О. Матасовой данное положение лишает правообладателя права препятствовать использованию товарного знака по отношению к товарам, которые были правомерно введены им самим или с его согласия в гражданский оборот[8 с. 323]. Так, правообладатель товарного знака «КАМАЗ»

обнаружил, что юридическое лицо в каталоге по продаже техники и запчастей к ней без его прямого разрешения использует комбинированное обозначение товарного знака «КАМАЗ». На первый взгляд действия ответчика нарушают исключительное право на товарный знак и подпадают под действие ст. 1515 ГК РФ. Суд, однако, не согласился с доводами истца и принял за основу своего решения позицию ответчика, аргументируя ее тем, что ответчик приобретал технику, а также запасные части правообладателя добросовестно, данные товары были введены в гражданский оборот законно и с согласия правообладателя[4]. Решение суда было бы иным, если бы ответчик осуществлял кроме продажи техники и деталей к ней услуги по их замене.

Отсутствие разграничения судами ответственности в случае параллельного импорта и реализации контрафактной продукции на территории России – это еще одна проблема исследуемого вопроса. Так, Конституционный Суд РФ на основе системного толкования ст.ст. 1252, 1484 и 1487 ГК РФ частично разрешил этот вопрос, указав, что можно относить к контрафактным как поддельную продукцию, так и товар, снабженный законным товарным знаком, но импортированный в РФ без согласия правообладателя. Статьей 1515 ГК РФ не предопределяется возможность применения одинаковых мер гражданско-правовой ответственности к импортеру, ввозящему на территорию РФ поддельные или недоброкачественные товары; не получившему разрешения на ввоз в РФ товара, на законных основаниях выпущенного в оборот в другой стране; не получившего согласия правообладателя товарного знака[3]. Для окончательного решения возникшей проблемы в правоприменительной практике необходимо закрепить в статье 1487 ГК РФ положение о недопустимости применения одинаковых мер ответственности к лицам, совершающим различные правонарушения в этой сфере.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федеральный закон от 30 нояб. 2006 г. № 127-ФЗ (ред. от 27 дек. 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – № 52 (1 ч.). – Ст. 5496.
2. Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков... [Электронный ресурс]: приказ Минэкономразвития России от 20 июл. 2015 г. № 482 (ред. от 12 март. 2018 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.

3. По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статьи 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 ГК РФ в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 13 фев. 2018 г. № 8-П. // Официальный портал «ГАРАНТ.РУ информационно-правовой отдел». – Режим доступа: <http://www.garant.ru/>.

4. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22 авг. 2016 г. № 19АП-3826/2016 по делу № А35-8325/2015. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online>.

5. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел, связанных с применением законодательства об интеллектуальной собственности» [Электронный ресурс]: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 13 дек. 2007 г. № 122 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Определение Арбитражного суда Алтайского края от 19 февр. 2015 г. по делу № А03-14310/2013 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/i7T6yEpUiAgD/>.

7. Решение Арбитражного суда Московской области от 30 апр. 2014 г. по делу № А41-57871/2013 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/sqeWBHxkhM1K/>.

8. Попова, А.В. Некоторые проблемы защиты товарного знака / А. В. Попова, А.О. Матасова. // Молодой ученый. – 2019. – № 4 (242). – С. 322-323.

9. Торчинова, М.А. Актуальные проблемы защиты прав на товарные знаки / М.А. Торчинова // Журнал российского права. – 2013. – № 4. – С. 15-18.

НЕДОБРОСОВЕСТНАЯ РЕКЛАМА ПРОДАЖИ ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ КАК ВИД НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

© А.Д. Мантуровская

Научный руководитель: О.Е. Деревягина

Сибирский федеральный университет

Реклама, в соответствии со статьей 3 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» [3] представляет собой информацию, распространенную любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованную неопределенному кругу лиц и направленную на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

Кроме этого, правовое регулирование распространения достоверной информации содержится в Федеральном законе от 27.06.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], согласно которому, одним из принципов правового регулирования отношений в сфере информации, информационных технологий и защиты информации является достоверность информации. Объектами рекламирования могут выступать товары, средства индивидуализации юридического лица и (или) товара, изготовитель или продавец товара, результаты интеллектуальной деятельности либо мероприятие, на привлечение внимания к которым направлена реклама.

В настоящее время реклама лекарственных средств и медицинских препаратов является одной из наиболее актуальных форм распространения товаров среди потребителей. Нельзя не отметить то, что рекламопроизводители, создавая рекламное предложение, нередко вводят потребителя в заблуждение, рекламируя препарат, как эффективный способ излечения от различных заболеваний без необходимости обращения к специалисту.

Понятие «лекарственное средство» представляет собой химические вещества природного или синтетического происхождения, или сочетания веществ, употребляемые для лечения, предупреждения или диагностики заболеваний человека и животных.

Запреты на недобросовестную конкуренцию закреплены в статьях 14.1 – 14.7 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [1].

Для признания действий какого-либо субъекта недобросовестной конкуренцией необходимо одновременное выполнение следующих условий:

1. противоречие законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости;
2. направленность на приобретение преимуществ перед конкурентом;
3. причинение или возможность причинения убытков другим хозяйствующим субъектам-конкурентам либо их нанесение или возможность нанесения вреда их деловой репутации [4].

По мнению УФАС России, на практике основными формами недобросовестной конкуренции в сфере распространения лекарственных средств, являются [8]:

1. Недобросовестная конкуренция путем дискредитации (*ст. 14.1 ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»*);
2. Недобросовестная конкуренция путем введения в заблуждение (*ст. 14.2 ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»*);
3. Недобросовестная конкуренция, связанная с созданием смешения (*ст. 14.6 ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»*).

Недобросовестная конкуренция путем дискредитации представляет собой представление ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации [8].

Одним из примеров искажения информации отражен в Решении Арбитражного суда города Москвы от 14.04.2015 года по делу № А40-28618/2015 [5], где предметом спора послужило распространение рекламы о недостоверной цене и наличии препарата в определенной аптеке. Так, посредством раздачи информационных листов была осуществлена реклама ряда лекарственных средств, продающихся в конкретной аптеке. По итогам осуществления проверок, УФАС России установило, что цены, указанные в рекламе, не соответствуют действительности, а также отсутствуют указания на противопоказания препаратов, в связи с чем, реклама была признана незаконной.

Одним из примеров недобросовестной конкуренции путем введения в заблуждения (*ст. 14.2 ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»*) является выстраивание некоторыми организациями различных маркетинговых стратегий по продаже препаратов и лекарственных средств при помощи сети Интернет и СМИ. При этом не все препараты обладают лекарственными свойствами и направлены на излечение населения от различных заболеваний. Интернет-мошенники в рекламе своих псевдопрепаратов используют имена и предполагаемые интервью известных врачей без их ведома и без их согласия. Данная деятельность противоречит требованиям статьи 5 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе», а значит, является недостоверной и имеет все признаки недобросовестной конкуренции.

Кроме этого, организации часто размещают рекламные объявления, которые косвенно рекомендуют использование их продуктов под видом лекарственных средств, поскольку они, по их мнению, обладают целебными свойствами (хотя на самом деле лекарства не имеют подобных свойств) [7], а также вводят потребителей в заблуждение в отношении цены товара.

Наиболее ярким примером подобного поведения является Решение Арбитражного суда Хабаровской области по делу № А73-9687/2018 [6], где аптечная организация на входной группе разместила рекламное объявление: «minicen.ru наша главная цель низкая цена!». По данному факту УФАС России была проведена проверка, эти сведения были признаны недостоверными, после чего организации было вынесено постановление о назначении административного наказания по статье 14.3 КоАП РФ за нарушение рекламопроизводителем законодательства о рекламе. Также, организации было запрещено размещение рекламы о возможности приобретения товаров в аптеках по другим адресам в отсутствие части

существенной информации об отличии цен в аптеках по разным адресам. Решением Арбитражного суда Хабаровской области от 28.12.2018 года решение УФАС России было оставлено в силе.

Недобросовестная конкуренция, связанная с созданием смешения (*ст. 14.6 ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»*), представляет собой копирование и имитацию товарных знаков и внешнего вида упаковки. Так, производитель товара «Натуркоксинум» заимствовал у производителя товара «Оциллококцинум» внешний вид упаковки и лечебные свойства препарата, в связи с чем, производитель второго препарата был вынужден обратиться в антимонопольный орган с требованием о наличии в данной деятельности признаков недобросовестной конкуренции в соответствии со статьей 14.6 ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [5].

Изменения в ФЗ от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», вступившие в силу в 2016 году, должны были привести к единообразию судебной практики, а также обеспечению большей правовой защиты интересов хозяйствующих субъектов в отношении ряда неохраняемых результатов интеллектуальной деятельности (*например, стиля упаковки, этикетки, фирменного стиля и т.д.*). Однако, антимонопольные органы зачастую «путают» составы, предусмотренные по статьями 14.2 и 14.6 названного закона.

Данные составы являются смежными, и, несмотря на то, что законодателем приняты все возможные меры для правильной квалификации деяний (а именно, Письмо ФАС России от 22 августа 2018 года № АД/66643/18 «По вопросу о разграничении применения статей 14.2 и 14.6 Закона о защите конкуренции»; «Обзор по вопросам судебной практики, возникающим при рассмотрении дел о защите конкуренции и дел об административных правонарушениях в указанной сфере» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016), судебная практика является противоречивой и не имеет единообразного подхода. У правоприменителя, при выявлении вышеуказанных правонарушений, возникает сложность, поскольку недобросовестная конкуренция в форме смешения обычно вменяется вместе с недобросовестной конкуренцией в форме распространения ложных, неточных сведений о товаре конкурента, либо о конкуренте.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время в России и за рубежом данная проблема является весьма актуальной, поскольку создание смешения и распространение ложных, неточных сведений о товаре конкурента, либо о конкуренте, является «популярной» формой недобросовестной конкуренции среди хозяйствующих субъектов и привлекает участников рынка своей сверхприбыльностью.

Список использованных источников:

1. О защите конкуренции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ в ред. от 01.04.2020 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: [http:// www.consultant.ru/](http://www.consultant.ru/) (дата обращения 09.04.2020).
2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс»– Режим доступа: [http:// www.consultant.ru/](http://www.consultant.ru/) (дата обращения 09.04.2020).
3. О рекламе [Электронный ресурс]: федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». — Режим доступа: [http:// www.consultant.ru/](http://www.consultant.ru/) (дата обращения 09.04.2020).
4. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.01.2016 № 17АП-18286/2015-АК по делу № А60-40028/2015 [Электронный ресурс] // Правовой сервер «Кадарбитр» – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/33d739b5-de7a-4251-a024-5f24bfb4bfbfb/398b4942-bb17-4175-b926-b3ed6fb223bf/A60-40028-2015_20160128_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True
5. Решение Арбитражного суда города Москвы от 14.04.2015 года по делу № А40-28618/2015 [Электронный ресурс] // Правовой сервер «Кадарбитр» – Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5ceb3cf3-5ac3-4334-a060-fa7aca3a0e38/9047936b-f1c2-407b-84c0-a4f7bde2673d/A40-28618-015_20150414_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True
6. Решение Арбитражного суда Хабаровской области от 28.12.2018 по делу № А73-9687/2018 [Электронный ресурс] // Правовой сервер «Кадарбитр»– Режим доступа: http://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/473ac221-0d60-49a0-89f8-27b0359fdd96/704bf72a-5cf5-4400-ae77-4d5e0123a163/A73-9687-2018_20181228_Reshenie.pdf?isAddStamp=True
7. Замолоцких, И.О. Влияние пропаганды и агитации на общественное мнение [Электронный ресурс] / И.О. Замолоцких, В.В. Субботин. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-propagandy-i-agitatsii-na-obschestvennoe-mnenie/viewer>
8. Слярова, Я.В. Недобросовестная конкуренция на фармацевтическом и смежных рынках: правовые подходы и правоприменительная практика [Электронный ресурс] / Я. В.Слярова. // Материалы для специалистов антимонопольных органов. – Режим доступа: <https://fas.gov.ru/p/presentations/432>

КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ НЕДОБРОСОВЕСТОЙ КОНКУРЕНЦИИ ПУТЕМ ДИСКРЕДИТАЦИИ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© О.П. Петренко

Научный руководитель: О.Е. Деревягина

Сибирский федеральный университет

Дискредитация – это форма недобросовестной конкуренции, заключающаяся в распространении ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации. Актуальность исследования заключается в анализе признаков данного нарушения, необходимости для составления доказательственной базы, определения механизмов защиты, направленных на восстановление положения хозяйствующего субъекта на товарном рынке.

Впервые запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации был введен п. 3 ст. 10.bis Парижской Конвенцией по охране промышленной собственности 1883 г. После этого ряд стран стал разрабатывать специальное законодательство, посвященное защите конкуренции, Россия в том числе. В 2006 году был принят Федеральный Закон № 135 – ФЗ «О защите конкуренции» (далее – ЗоЗК), закрепляющий в главе 2.1 статье 14.1 запрет на недобросовестную конкуренцию путем дискредитации.

Нарушение антимонопольного законодательства в виде акта дискредитации ведет к наступлению административной и гражданско-правовой ответственности, но для этого необходимо доказать совокупность квалифицирующих признаков.

Первый признак – распространение информации, то есть любые действия, в результате которых информация стала известна третьим лицам (хотя бы одному). Такая информация напрямую способна оказать влияние на конкуренцию, т.е. непосредственно предоставить лицу, распространившему её, преимущества над конкурентами [2]. Информация может быть распространена любым способом – будь это публичное выступление, статья в СМИ, направление писем от имени организации, в том числе электронная переписка и т.д.;

Второй признак – недостоверность информации в виде ложности, неточности, искаженности. Как указано в разъяснительном письме ФАС «О применении четвертого антимонопольного пакета», ложность – полное несоответствие информации действительному положению дел. Неточность толкуется, как распространение хозяйствующим субъектом информации о своём конкуренте не в полном объеме, что не позволяет всесторонне ее воспринять, получить исчерпывающе

верное представление об излагаемых фактах, действиях или событиях применительно к данному хозяйствующему субъекту. Искаженность выражается в интерпретации хозяйствующим субъектом информации о существующем или состоявшемся факте, действии, событии применительно к хозяйствующему субъекту – конкуренту в такой форме, которая приведет к ее неверному, негативному восприятию третьими лицами, включая потребителей.

Так, например, ЗАО «Мясная галерея» с 2012 года является производителем продукции под торговой маркой «Бульмени», на упаковке которой присутствует обозначение «Бульон внутри». Конкурент – ООО «Фабрика уральские пельмени» распространил на упаковке своей продукции (пельмени) надпись «Мясо вместо бульона внутри!», «То чувство, когда съел мясо вместо бульона!». Антимонопольным органом подобные действия были признаны дискредитирующими, т.к. они могут способствовать формированию негативного отношения потребителей к продукции ввиду искажения потребительских свойств товара конкурента, как содержащего бульон вместо мяса. Такие действия способны оказать влияние на конкуренцию, то есть непосредственно предоставить лицу, распространившему информацию, преимущества над конкурентом и причинить ему вред [4].

Дискредитация может существенным образом препятствовать хозяйствующему субъекту в осуществлении предпринимательской деятельности. Поэтому третий признак данной формы недобросовестной конкуренции – вред, выраженный в виде причинения убытков или ущерба деловой репутации конкурента.

Убытки трактуются в соответствии с положениями п. 2 ст. 15 ГК РФ, то есть расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода) [1]. Использование такого определения позволяет отнести к убыткам возможность потери части потребителей от дискредитирующих утверждений конкурента.

В отношении понимания ущерба деловой репутации необходимо обратиться к Определению Верховного Суда РФ от 26.10.2015 по делу № А56-17708/2014. Деловая репутация складывается как из профессиональной репутации самой организации, так и репутации ее руководителей. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» отмечается, что для юридического лица деловая репутация является одним из важнейших условий продуктивной работы.

Дискредитация имеет деликтную природу. Следовательно, юридическое лицо, чье право на деловую репутацию нарушено действиями по распространению сведений, порочащих такую репутацию, вправе требовать восстановления своего права при доказанности общих условий деликтной ответственности. Такими являются наличие противоправного деяния со стороны ответчика, неблагоприятные последствий этих действий для истца, причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением неблагоприятных последствий на стороне истца [3]. В соответствии с п. 2 ст. 1064 ГК РФ наличие вины ответчика презюмируется.

Возникает вопрос, должен ли заявитель при обращении в антимонопольный орган доказывать факт распространения сведений и их порочащий характер, и обязана ли другая сторона доказывать соответствие действительности распространенных сведений?

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 39 ЗоЗК в заявлении должны быть только указания на признаки нарушения антимонопольного законодательства. Ответчик по делу в ходе разбирательства вправе приводить свои доводы по всем возникающим в ходе рассмотрения дела вопросам, возражать против ходатайств, доводов других лиц, участвующих в деле. А вот обязанность доказать несоответствие действительности распространенных сведений как основание принятия решения возложена на антимонопольный орган, поскольку действует презумпция невиновности лица в отношении, которого ведется производство, способное повлечь административную ответственность. В свою очередь, антимонопольный орган, доказывая или опровергая наличие дискредитации, использует такие методы как: анализ спорного материала; проведение экспертиз; консультация с экспертами; направление запросов; изучение требований, стандартов к товару, являющемуся объектом дискредитирующей информации.

При рассмотрении данной категории дел следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые, являясь выражением субъективного мнения и взглядов хозяйствующего субъекта, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Для того, чтобы определить является ли спорная информация оценочным суждением, проводится словесно – контекстный анализ текста публикации.

Таким образом, дискредитация как форма недобросовестной конкуренции имеет свои характерные признаки, установление которых в действиях хозяйствующего субъекта – конкурента, позволяют сделать вывод о наличии акта недобросовестной конкуренции путем дискредитации и привлечении к юридической ответственности. Важной задачей для правоприменителя при квалификации

действий в качестве указанной формы недобросовестной конкуренции является оценка информации. А именно, соответствуют ли действительному положению дел распространенные сведения о хозяйствующем субъекте, способны ли они оказать преимущества в конкурентной борьбе, причинить имущественный вред и ущерб деловой репутации.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. В 4 ч. Ч. 1. [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ ред. от 29.12.2017 п. 2 ст. 15 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

2. О применении статьи 14.1 Федерального закона «О защите конкуренции» (План методической помощи на 2018 год, пункт 8) [Электронный ресурс]: письмо ФАС России от 28.06.2018 № АД/48621/18 пункт 1 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

3. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.07.2012 № 17528/11 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

4. Предупреждение по делу № 01-04/2020 от 17.01.2020 [Электронный ресурс]: дело Челябинское УФАС России // База решений ФАС. – Режим доступа: <https://br.fas.gov.ru/?text=&type=2>

ОБ ОПЫТЕ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМЫ АНТИМОНОПОЛЬНОГО КОМПЛЕКСА

© М.А. Романцова

Научный руководитель: О.Е. Деревягина

Сибирский федеральный университет

Одной из базовых ценностей современного российского общества является свобода предпринимательской деятельности, которая гарантируется Конституцией Российской Федерации и обеспечивается антимонопольным законодательством.

В современном мире антимонопольное законодательство и проводимая на его основе антимонопольная политика являются одним из важнейших средств государственного регулирования экономики. Базовыми целями данного свода правовых норм являются: развитие и защита конкуренции, контроль над

деятельностью хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение на рынке, контроль за процессом концентрации производства и централизации капитала, контроль над ценообразованием и т.д.[1].

Иными словами, это комплекс мер, направленный на сохранение и создание благоприятных условий для развития бизнес-сообщества, поддержку адекватного состояния экономики страны. Между тем правоприменительная практика антимонопольного законодательства характеризуется следующими тенденциями: наличие оборотных, фиксированных штрафов и уголовной ответственности за антиконкурентное поведение, рост числа антимонопольных разбирательств. Такие тенденции в целом должны мотивировать компании к принятию превентивных мер в части нарушений антимонопольного законодательства, в том числе в отношении непреднамеренных нарушений. Одним из инструментов предупреждения и снижения антимонопольных рисков для компаний является разработка и внедрение антимонопольного комплаенса.

Целью антимонопольного комплаенса для компаний является снижение вероятности антимонопольного нарушения посредством снижения риска произвола исполнителя и, как следствие, риска антимонопольных санкций[3].

Важно, что это определение данного понятия дано в принятой ФАС России Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования на период 2013–2024 гг. Согласно этому документу совершенствование антимонопольного законодательства и практики его применения направлено на развитие и совершенствование институтов, предупреждающих правонарушения в сфере защиты конкуренции. Акцент в данном направлении сделан на разработку и применение норм, стимулирующих введение комплаенса.

По мнению заместителя руководителя ФАС России С. А. Пузыревского, «внедрение в компании антимонопольного комплаенса способно, с одной стороны, повысить уровень знаний предпринимателей о возможных рисках и способах их устранения, а с другой — снизить административную ответственность в том случае, если такой риск все же наступил». Таким образом, переход на риск-ориентированный подход позволит обеспечить развитие антимонопольного комплаенса. Соответствующее положение содержится в разработанном ведомством законопроекте с поправками в Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции».

Посредством комплаенс контроля более тщательно происходит проверка контрагентов, большее внимание уделяется условиям договора, происходит оценка рисков и их предотвращение. Таким образом, можно сказать, что комплаенс является эффективным средством для предотвращения антиконкурентных действий[2].

На этапе внедрения антимонопольного комплаенса в работу организации возникают проблемы, которые необходимо решить на законодательном уровне:

1) определение на законодательном уровне понятия и признаков антимонопольного комплаенса;

2) установление позитивных правовых последствий для использующих его хозяйствующих субъектов;

3) формирование основных (минимальных) требований к содержанию внутренних процедур;

4) определение механизмов проверки соответствия используемой компанией комплаенс-системы установленным требованиям (стандартам).

В связи с многочисленными дискуссиями о пользе антимонопольного комплаенса встает вопрос: «Есть ли положительный опыт внедрения данного процесса?»

В настоящее время существует положительный опыт внедрения системы крупными хозяйствующими субъектами. Так, программу антимонопольного комплаенса разработали в ПАО «МТС» [6]. Для этой цели внедрена внутрифирменная антимонопольная политика, представляющая собой комплекс основополагающих принципов и правил, направленных на недопущение и предотвращение нарушений антимонопольного законодательства.

Политика ПАО «МТС» направлена на соблюдение требований антимонопольного законодательства и ставит перед собой следующие цели:

– выражение приверженности Компании принципам законности, прозрачности ведения коммерческой деятельности и социальной ответственности Компании;

– изложение основополагающих принципов и правил, направленных на недопущение и предотвращение нарушений антимонопольного законодательства (как со стороны Компании, так и по отношению к ней);

– обеспечение наличия дополнительных гарантий недискриминационного сотрудничества компании со всеми контрагентами и клиентами, применяемых единообразно на всей территории России;

– обеспечение осведомленности сотрудников об общих требованиях антимонопольного законодательства, об ответственности за их нарушение, а также о существующих в Компании механизмах, обеспечивающих его соблюдение;

– установление правил и определение круга мер, направленных на совершенствование корпоративной культуры компании, внедрение, развитие и соблюдение лучших практик корпоративного управления, а также стандартов и принципов делового поведения.

Настоящий документ регламентирует деятельность всех подразделений и должностных лиц ПАО «МТС» [5].

Еще одним ярким примером внедрения комплаенса служит подписание соглашения о сотрудничестве между филиалом Учебно-методического центра ФАС России и пивоваренной компании «Балтика». По мнению вице-президента по правовым вопросам региона Восточная Европа компании «Балтика» А. Л. Рогачевского, антимонопольный комплаенс является важной частью стратегии, которая позволяет эффективно вести бизнес [4].

Полагаем, что внедрение данной системы и эффективное ее продвижение внутри компании позволит достичь следующих положительных результатов как в деятельности самих хозяйствующих субъектов, так и в работе антимонопольных органов. Во-первых, активные меры по предупреждению нарушений антимонопольного законодательства посредством механизмов внутрифирменного мониторинга и контроля за соблюдением норм конкурентного права позволят снизить число антиконкурентных действий. Во-вторых, существует возможность ослабления степени наказания для компании при наличии реально действующей корпоративной политики антимонопольного комплаенса. В-третьих, комплаенс-система как особая корпоративная идеология может выступать в качестве средства пропаганды, направленного на продвижение требований по соответствию внутренним нормативам компании и нормам антимонопольного законодательства. В-четвертых, это возможность снятия административной нагрузки на антимонопольный орган за счет сокращения количества нарушений и, как следствие, юридических разбирательств по ним.

Список использованных источников:

1. Апрецова, Н. Г. Риск в предпринимательской деятельности / Н.Г Апрецова // Приложение к журналу «Предпринимательское право». – 2012. – № 2. – С. 34-35.
2. Все о compliance-управление рисками в современной компании 2013 [Электронный ресурс] // Комплаенс за рубежом. – 2013 – Режим доступа: <http://www.complianceblog.ru>
3. Ермакова, Н. А. Комплаенс-контроль в системе внутреннего контроля корпораций / Н. А. Ермакова // Международный бухгалтерский учет. – 2014. – № 3 (297). – С. 19-21.
4. Ершова, И.В. Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике /И. В. Ершова // lexRussia. – 2014. – Т.XCVI. №2. – С. 160-163.

5. Малыхин, Д.В. Особенности организации комплаенс-контроля в российских банках [Электронный ресурс] / Д. В. Малыхин // Внутренний контроль в кредитной организации. – 2009. – №2. – Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/bux/26031>.

6. Осипов, А. В. Некоторые аспекты этимологии термина «комплаенс-контроль» в банковском праве / А.В. Осипов // Банковское право. – 2006. – № 6. – С.112-113.

**АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ВОПРОСАМ РЕАЛИЗАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 27.11.2018 № 422-ФЗ (РЕД. ОТ 01.04.2020)
«О ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО УСТАНОВЛЕНИЮ СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЛОГОВОГО РЕЖИМА «НАЛОГ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД»**

© М.А. Солдатова

Научный руководитель: С.В. Староватова

Сибирский федеральный университет

С начала 2019 до конца 2028 года на территории Российской Федерации проходит эксперимент по установлению специального налогового режима для отдельной категории субъектов предпринимательской деятельности. Так, Федеральная налоговая служба начала учет граждан, оказывающих услуги физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд [5] с применением интернет сервисов и мобильного приложения «Мой налог». В законе о проведении эксперимента не дано понятия «самозанятый», его суть и содержание раскрываются в различных нормативно-правовых актах. Одним из них является Налоговый кодекс РФ. Через специальный режим налогообложения – налог на профессиональный доход в нем дается описание лиц, которые могут осуществлять данную деятельность – это физические лица, индивидуальные предприниматели, местом ведения деятельности которых является территория любого из субъектов Российской Федерации, включенных в эксперимент [4]. Налоговым же кодексом установлены и виды услуг, оказываемых «самозанятыми» гражданами. К ним относятся: уход за детьми, больными лицами, лицами, достигшими возраста 80 лет, репетиторство, уборка жилых помещений, ведение домашнего хозяйства [2] и многое другое. Согласно новому закону на сегодняшний день конкретного перечня по видам разрешенной деятельности нет и это позволяет проявлять самозанятым свои творческие и предпринимательские способности в различных сферах, при этом действует общий запрет на осуществление незаконных видов деятельности, например проведение азартных игр на дому, занятие проституцией,

розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей продукции, производство лекарственных средств; культивирование растений, используемых для производства наркотических средств и психотропных веществ и т.п. за нарушение которого наступает административная или уголовная ответственность.

Эксперимент на территории России идет второй год, в нем принимают участие уже 23 субъекта РФ и в декабре 2019 года появились первые судебные решения с участием самозанятых о возмещении компенсации морального вреда потерпевшим по уголовным делам, о признании незаконным отказа государственного учреждения в возврате излишне уплаченных страховых взносов и др. Анализ судебных решений, где участниками правовых отношений являются самозанятые, позволил выявить следующие проблемы: отсутствие четкой регламентации правового статуса самозанятых, разграничение его с правовым статусом индивидуального предпринимателя, использование работодателями этого института для сокрытия налогов и иных неналоговых отчислений, проблемы с привлечением к ответственности лиц, не соблюдающих установленных для этого режим.

Судья Сахалинского областного суда рассмотрел апелляционное постановление в отношении гражданина Б.А.А., виновного в неуплате без уважительных причин средств на содержание несовершеннолетнего. В апелляционной жалобе осужденный Б.А.А. не согласился с приговором, считая его несправедливым и вынесенным с нарушением уголовно-процессуального закона. В ней он указал на то, что алименты он исправно выплачивал до 2012 года, до его незаконного увольнения с работы, в 2019 году он зарегистрировался в качестве «самозанятого», стал оказывать услуги массажа, доход от которых является непостоянным и непредсказуемым, и в среднем составил 5000 рублей в месяц. Дознаватель на стадии предварительного расследования инкриминировал ему доход в размере 45000 рублей в месяц, с чем гражданин Б.А.А. не согласился. Суд ходатайство Б.А.А. не удовлетворил, а в мотивировочной части решения пояснил, что «...ссылка Багаева А.А. на свой статус как «самозанятого» гражданина не может рассматриваться как отступление от принципа равенства всех перед законом» [7].

Еще одно судебное решение, касающееся статуса самозанятого, было вынесено Ставропольским краевым судом. В апелляционном определении которого было отказано в удовлетворении исковых требований гражданина З.В.В. По существу дела суд установил, что несовершеннолетней Д.Е.М, потерпевшей по уголовному делу был причинен моральный вред и назначил выплату по его компенсации в размере 500000 руб. Гражданин З.В.В., в судебном заседании заявил ходатайство об учете его правового статуса при определении размера компенсации морального вреда, т.к. он «...является безработным, фактически самозанятым с непостоянным доходом», «...взыскиваемая с него сумма завышена»,

«...преступление совершил не он, а его сын», «преступление относится к категории небольшой тяжести», «...извинение потерпевшей стороне принесены», «виновный раскаялся» [6]. Изучив материалы дела, судебная коллегия не нашла оснований для удовлетворения жалобы и отмены судебного решения, указав, что «...доводы жалобы о тяжелом материальном положении ответчика не являются основанием для изменения решения, кроме того, указанные доводы не основаны на доказательствах». Гражданин З.В.В. считает, что при назначении размера морального вреда, суд не учел существенных обстоятельств его положения, чем нарушил принцип равенства субъектов предпринимательской деятельности [1] при назначении наказания. С его позицией можно согласиться, т.к. существуют и другие решения судов, где берется в расчет нестабильное материальное положение при назначении компенсации или выплат в отношении работающего по трудовому договору гражданину, членов его семьи. Так, в решении Мотовилихинский районный суд учел материальное положение ответчика, и снизил размер компенсации морального вреда до 100 тысяч рублей [9].

Определяя наказание гражданке Д.Л.И. Тимашевский районный суд, учел обстоятельства и характер совершенного ею административного правонарушения, личность виновной, ее раскаяние в содеянном и полное признание вины и назначил ей наказание в виде штрафа с применением ч.2, ч.2.2, ст. 4.1 КоАП РФ [8] в размере менее минимального размера штрафа, предусмотренного ч. 1 ст. 14.17.1 КоАП РФ [3].

В анализируемом случае гражданка Д.Л.И. не скрывала о том, что она осуществляла незаконную предпринимательскую деятельность продавая спиртосодержащую продукцию, без регистрации, но в судебном решении нет ни единого упоминания об ответственности ее как самозанятой. Эта ситуация объясняется отсутствием в КоАП РФ специальных мер ответственности такой категории лиц, следовательно и привлечение самозанятых к административной ответственности за сокрытие от государства получаемых доходов невозможно. Например, самозанятый не проводит расчет с клиентом через приложение «Мой налог», об этом становится известно налоговой службе, привлечь таких лиц можно к ответственности если они отнесены к категории индивидуальных предпринимателей, а не как самозанятым [11].

Появившийся в сфере предпринимательской деятельности новый субъект нуждается в поддержке государства и общества. М. Жубрин, судья ВС РФ считает: «...работник находится в социально незащищенном положении. Он лишен возможности пользоваться такими правами и гарантиями, как право на обязательное соцстрахование, на безопасные условия труда, на оплачиваемый отпуск, выходные и праздничные дни» [10]. Этим незащищенным положением пользуются

некоторые работодатели, вынуждая своих работников заключать вместо трудового договора гражданско-правовой договор и регистрироваться в качестве «фиктивного» самозанятого, с целью сокрытия налоговых и неналоговых платежей. Со стороны государства необходимо сформировать законодательную основу для осуществления деятельности этой категорией лиц, предоставить льготное кредитование, поручительство по банковским кредитам и т.п. Поддержка же общества может проявляться в создание обществ по защите прав самозанятых, их профессиональных союзов, саморегулируемых организаций по различным отраслям. Нуждаются в четкой законодательной регламентации понятие «самозанятый», элементы его правового статуса, не только права и обязанности, но еще и гарантии его подкрепляющие, ответственность самозанятого, что позволит правоприменителю соблюдать права и свободы граждан, а так же защитить их от произвольного нарушения при решении.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 16 дек. 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 01.04.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01 апр. 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
4. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ (ред. от 01 апр. 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 49 (1 ч.). – Ст. 7494.
5. О постановке на учет самозанятых граждан [Электронный ресурс]: информация ФНС России по состоянию на 11 мая 2017 г. Документ в данном виде опубликован не был. // Официальный интернет сайт налоговой инспекции. – Режим доступа: <https://www.nalog.ru>.
6. Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 31 июля 2019 г. по делу № 33-5778/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/>.

7. Апелляционное постановление Сахалинского областного суда от 23 окт. 2019 г. По делу № 22-1464/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/>.

8. Постановление Тимашевского районного суда Краснодарского края от 29 сент. 2019 г. № 5-284/2019 по делу № 5-284/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. Административные правонарушения. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/>.

9. Решении Мотовилихинского районного суда г. Перми от 7 авг. 2019 г. по делу № 2-2723/2019 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru/arbitral/doc/>.

10. Кучинский, Ю. Верховный суд определит правовой статус самозанятых граждан [Электронный ресурс] // НТВ – новости. – Режим доступа: <https://www.ntv.ru/novosti/2024101/>

11. Чакински, А. О чем говорит первая практика споров по самозанятым после принятия закона? [Электронный ресурс] / А. Чакински // Управление персоналом. – 2019. – № 19. – Режим доступа: <https://www.top-personal.ru/issue.html?5697>.

ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИЕ ПОЗНАНИЕ И ПРАКТИКА

**ПОЗИТИВНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

© А.А. Астальцев

Научный руководитель: И.Д. Мишина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Более сотни лет учёные-правоведы изучают юридическую ответственность. В юриспруденции юридическая ответственность зачастую рассматривается только в негативном (ретроспективном) аспекте и связана с наказанием за уже совершенное деяние. Позитивная (проспективная) юридическая ответственность, которая представляет собой юридическую обязанность соблюдать и исполнять требования, предусмотренные нормой права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов [5, с. 311], зачастую игнорируется правоведами [2]. Возникает вопрос, насколько оправдано подобное ограниченное толкование понятия юридической ответственности? Целесообразно ли включать в содержание юридической ответственности позитивную юридическую ответственность?

Для начала следует определиться с тем, что же представляет собой негативная юридическая ответственность, и чем она отличается от позитивной юридической ответственности. Понятие юридической ответственности в ретроспективном смысле предполагает обязанность лица претерпевать лишения личного, организационного либо имущественного характера, которые предусмотрены санкцией юридической нормы [1, с. 367]. В случае же позитивной юридической ответственности на лицо тоже возлагается обязанность, но эта обязанность отличается от обязанности в негативной юридической ответственности. В негативной юридической ответственности лицо обязано претерпевать лишения, которые являются проявлением дополнительной юридической обязанности по отношению к основной юридической обязанности действовать правомерно. В случае же позитивной юридической ответственности юридическая обязанность является не дополнительной, а является основной в силу закона. Однако, по нашему мнению, в отличие от негативной юридической обязанности эта обязанность не является конкретной, она предполагает добросовестные, творческие и систематические действия лица по исполнению той или иной обязанности.

Сторонниками позитивной юридической ответственности являются: В.Н. Тарбагаев, Н.И. Матузов, А.С. Бондарев, Д.А. Липинский, Р.Л. Хачатуров [8]. Позитивная юридическая ответственность представляет собой ответственность за будущее правомерное поведение субъектов [3, с. 1]. Как отмечает Н. И. Матузов,

«позитивная ответственность, в отличие от негативной, не временная и не принудительная, а постоянная (перманентная), добровольная и глубоко осознанная ответственность личности за свое поведение в настоящем и будущем, за надлежащее исполнение своих юридических обязанностей и гражданского долга» [6, с. 208].

Представляется, что позитивная юридическая ответственность государств представлена в международном праве. Ее сущность состоит в исполнении обязанности всех субъектов международно-правовых отношений действовать таким образом, чтобы нормы и принципы международного права претворялись в жизнь. Устав ООН в своих статьях закрепляет, что члены ООН «возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности» и «несут или принимают на себя ответственность за управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления» [9]. Это означает, что государства-члены ООН добровольно принимают на себя такие обязанности, как обеспечение мирного взаимодействия между государствами и управление территориями, народы которых не достигли еще полного самоуправления, и обязуются их исполнять теми способами, которые считают возможными. Таким образом, государства сами в силу своих возможностей могут в той или иной степени исполнять эти обязанности, так определённые требования по их исполнению отсутствуют и не являются необходимыми в силу сущности позитивной обязанности. Главное в позитивной ответственности государств заключается в том, что она представляет собой взаимную ответственность всех государств, носит постоянный характер и выражается в правомерном поведении, направленном на поддержание и укрепление международной безопасности и мира.

Наличие позитивной юридической ответственности находит своё отражение и в национальном праве Российской Федерации. Например, в статье 53 Конституции Российской Федерации указано, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [4]. Данное положение Конституции РФ устанавливает следующее: государство обязуется выстраивать свою деятельность таким образом, чтобы признавать, соблюдать и защищать права и свободы граждан. Государство берёт ответственность за действия, которые только будут им совершаться. Перечень того, как государство может исполнять данную позитивную обязанность, обширный. Важными в данном вопросе являются как судебные так и несудебные формы обеспечения и защиты прав и свобод человека, к которым относятся деятельность общественных организаций, третейского суда, медиация, деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, возможность обращаться к международным средствам судебной и несудебной

защиты. Государство не только берет на себя ответственность за признание, соблюдение, защиту, а также за создание условий для субъектов прав и свобод действовать в рамках своих возможностей.

Представляется, что позитивная юридическая ответственность представлена в Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Часть 7 статьи 28 Федерального закона № 273-ФЗ закрепляет положение, согласно которому образовательная организация несёт ответственность за «качество образования своих выпускников» [7]. Это означает, что принимая на себя данную обязанность, образовательная организация может добровольно предпринимать те или иные действия, которые приводят к улучшению качества образования выпускников. Например, в одних школах производится деление на профильные классы, в других – вводится система, в которой ученики выбирают количество учебных часов для того или иного предмета, достаточное для качественного усвоения материала и сдачи единого государственного экзамена. Неотъемлемой составляющей образования детей является участие родителей в их обучении. Статьи 43,44 Федерального закона № 273-ФЗ закрепляют перечень обязанностей родителей, составляющий основу позитивной юридической ответственности. Например, родители обязаны «заложить основы физического, нравственного и интеллектуального развития личности ребенка» [7]. Данное положение означает, что родители имеют право самостоятельно определять то, как они будут исполнять эту обязанность, в каком возможном объёме они смогут участвовать в том, чтобы заложить основы развития ребёнка. Например, одни родители отправят ребёнка в музыкальную школу, спортивную секцию, другие – будут заниматься им самостоятельно, развивая в нём те или иные навыки. Таким образом, закон обязывает лиц совершать те или иные действия для развития ребёнка, закрепляет то, что родители и различные образовательные организации не должны соизмерять собственное поведение, руководствуясь лишь только нормами, закрепляющими наказание за неисполнение тех или иных предписаний.

Таким образом, можно сделать вывод, что, во-первых, позитивная и негативная юридическая ответственность предполагают наличие обязанности лица. Во-вторых, в негативной юридической ответственности обязанность носит дополнительный и обязательный характер, в позитивной – основной и добровольный. В-третьих, анализ международных норм и национального законодательства позволяет утверждать, что позитивная и негативная юридическая ответственность есть формы реализации юридической ответственности в целом. Данные формы реализации ответственности являются различными аспектами одного и того же цельного явления – юридическая ответственность. В-четвертых, представляется необходимым закрепить на законодательном уровне позитивную юридическую

ответственность как одну из форм реализации юридической ответственности. Подобное законодательное закрепление позволит субъектам права более сознательно подходить к вопросам внутреннего долга и ответственности за свои действия, будет способствовать развитию правового государства.

Список использованных источников:

1. Алексеев С.С., Архипов С.И. Теория государства и права. – М.: Норма, 2005. – 496 с.

2. Захаров Дмитрий Евгеньевич О позитивной юридической ответственности // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2018. №4, С. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pozitivnoy-yuridicheskoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 09.04.2020); Самощенко и. С., Фарушкин М. Х. Ответственность по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1971. С. 43.

3. Захаров Дмитрий Евгеньевич О позитивной юридической ответственности // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2018. №4 С. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pozitivnoy-yuridicheskoy-otvetstvennosti> (дата обращения: 09.04.2020).

4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Липинский, Д.А. Теория государства и права: учебник / Д.А. Липинский, Р.Л. Хачатуров. – Москва: Директ-Медиа, 2013. – 561 с. – Режим доступа: по подписке. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=221652> (дата обращения: 10.04.2020).

6. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 1987. 293 с.

7. Об образовании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Тарбагаев А. И. Ответственность в уголовном праве: дис.... докт. юрид. наук в виде научного доклада, выполняющего также функции автореферата: 12.00.08. СПб., 1994. – Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/book/book.asp?bookID=47962>.

9. Устав ООН: офиц. текст [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 09.04.2020).

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ НОРМАТИВНЫХ И ПРАВОВЫХ ОБОБЩЕНИЙ

© В.О. Выборова

Научный руководитель: И.Д. Мишина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Исследование ученых-правоведов о сущности и природе правовых норм является одним из ключевых, центральных, значимых в теории права. Большинство теоретиков, говоря о праве, подразумевают под ним юридические нормы, тем самым, ставя норму права на вершину нормативной регуляции.

Вместе с тем, в систему нормативно-регулятивных средств входят наряду с нормами права и правовые обобщения. Однако в научной литературе господствует точка зрения, в соответствии с которой правовых обобщений и вовсе не существует, это всего лишь нетипичные нормы права.

Одним из первых на существование такого правового явления, как правовые обобщения, обратил внимание С. С. Алексеев. Так, в одной из своих работ он писал: «Каждое нормативное предписание, в особенности сформулированное при помощи абстрактного способа изложения, содержит определенный обобщающий момент. Для правовой же общности характерно известное единство нормативных обобщений» [8, с. 45]. Помимо С. С. Алексеева особый вклад в развитие исследования о правовых обобщениях внесли и такие авторы, как Н. Н. Вопленко, В. М. Шафиров, Я. В. Марченко.

Однако примечателен тот факт, что в юридической литературе встречаются самые разнообразные наименования данных нормативно-регулятивных средств: «нормативные обобщения» [9], «общие правовые предписания» [7], «нормативные предписания» [8, с. 45], «законодательные обобщения» [6, с. 25].

Но до сих пор учеными не рассматривался вопрос о соотношении понятий «нормативные обобщения» и «правовые обобщения». Предполагается, что доминирующим является мнение, в соответствии с которым нормативные и правовые обобщения тождественны.

Прежде чем перейти к разграничению понятий нормативных и правовых обобщений, представляется целесообразным коротко остановиться на понятии правовых обобщений.

Так, правовые обобщения можно определить как нормативно-регулятивные средства, обладающие высокой степенью абстракции, интеллектуально-волевым содержанием и выполняющие непосредственное регулирующее воздействие на общественные отношения. К правовым обобщениям относятся цели, задачи, принципы в праве, правовые дефиниции, правовые презумпции, правовые фикции, правовые декларации, правовые аксиомы и др. Исчерпывающего перечня правовых обобщений не существуют.

К основным признакам правовых обобщений можно отнести следующее:

- 1) правовые обобщения являются самостоятельным регулятором общественных отношений;
- 2) правовые обобщения обладают высокой степенью абстракции;
- 3) правовые обобщения отличаются отсутствием трехэлементной структуры нормы права;
- 4) правовые обобщения находят свое отражение не только во внешнем выражении права (формальных источниках права);
- 5) правовые обобщения характеризуются наличием интеллектуально-волевого содержания;
- б) правовые обобщения способны ранжироваться между собой по степени абстракции.

Стоит отметить, немаловажным признаком всех нормативно-регулятивных средств является закрепление последних в источниках права. В связи с этим, обобщения находят свое выражение не только в текстах нормативных правовых актов, но и в иных правовых актах, в том числе интерпретационных.

Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ)» [2] можно встретить несколько правовых дефиниций: «осуществление служебной деятельности», «особая жестокость», «общеопасный способ убийства», «убийство, совершенное группой лиц» и т.п.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» [3] раскрывается понятие морального вреда, что по своей сущности является детализацией статьи 151 Гражданского кодекса РФ.

Помимо дефиниций в правовых актах объективируются и принципы права. Например, принцип равноправия участников закупки, закрепленный в Федеральном законе от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными

видами юридических лиц», наполняется содержанием и отражается в пункте 6 Обзора судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [4]. В этом же Обзоре судебной практики раскрывается принцип информационной обеспеченности закупки.

В Определении Верховного Суда РФ от 16.09.2016 № 305-КГ16-6003 находит свое отражение цель правовой нормы, а именно пункта 2 статьи 45 НК РФ – «противодействие избежания налогообложения в тех исключительных случаях, когда действия налогоплательщика и других лиц носят согласованный (зависимый друг от друга) характер и приводят к невозможности исполнения обязанности по уплате налогов их плательщиком, в том числе при отсутствии взаимозависимости, предусмотренной статьей 105.1 Налогового кодекса» [5].

Правовые презумпции аналогично иным правовым обобщениям также находят свое отражение в правовых актах. Например, в определении Конституционного суда РФ раскрываются презумпция добросовестности законодателя и его приверженности общим правовым принципам, презумпция добросовестности и разумности действий конституционных органов [1].

Вышеперечисленные примеры правовых обобщений свидетельствуют о том, что зачастую судебное толкование выходит за рамки уяснения воли и смысла правовых норм, заложенных законодателем, и создает правовые обобщения. Вместе с тем, правовые обобщения получают свое закрепление в интерпретационных актах, регулируя, тем самым, общественные отношения.

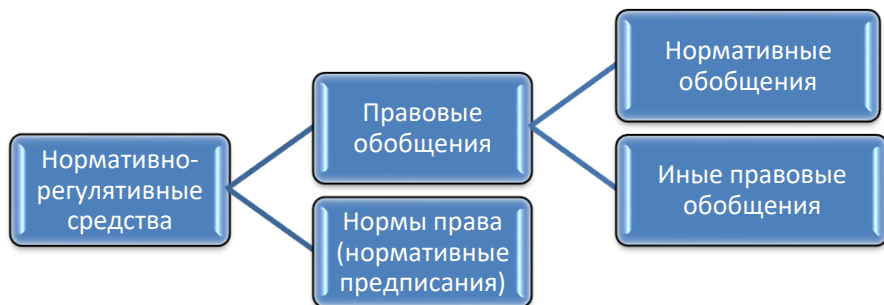

Схема 1 – Система нормативно-регулятивных средств

Всё вышесказанное наличествует о существовании правовых обобщений, которые закрепляются не только в нормативных правовых актах, но и в иных правовых актах, что дает все основания в системе нормативно-регулятивных средств

выделять правовые обобщения. Нормативные же обобщения следует рассматривать как составную часть правовых обобщений.

Таким образом, схему нормативно-регулятивных средств можно представить следующим образом (схема 1 – «Система нормативно-регулятивных средств»).

Список использованных источников:

1. По ходатайству Министерства Российской Федерации по налогам и сборам о разъяснении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 октября 1998 года по делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 11 Закона Российской Федерации «Об основах налоговой системы в Российской Федерации» [Электронный ресурс] : Определение Конституционного Суда РФ от 25.07.2001 № 138-О. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. О судебной практике по делам об убийстве (ст.105 УК РФ) [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 ред. от 03.03.2015. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 № 10 ред. от 06.02.2007. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» [Электронный ресурс] : утв. Президиумом ВС РФ 16.05.2018. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Определение Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] : от 16.09.2016 № 305-КГ16-6003. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права: Нормы права и правоотношения : Курс лекций: Учебное пособие. Вып. 2 / Алексеев С. С.; ред.: Петрищева Г. И. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – 226 с.

7. Марченко, Я. В. Нормативно-регулятивные средства в системе права / Я. В. Марченко // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. – Режим доступа: <https://elibrary.ru>.

8. Петров, Д. Е. Интеграция права и унификация законодательства: вопросы соотношения / Д. Е. Петров // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – Сер. Теория и история государства и права. – 2014. – № 6. – С. 44–49.

9. Шафиров, В. М. Норма права и нормативные обобщения [Электронный ресурс] / В. М. Шафиров // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. – Режим доступа: <https://elibrary.ru>.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ И ПРАВОНАРУШЕНИЕ

© И.Л. Овчинников

Научный руководитель: И.Д. Мишина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет.

Злоупотребление правом – это явление недостаточно изученное, поэтому отсутствие в некоторых отраслях права норм о запрещении злоупотребления правом и недопонимание сущности и значения порой ведут к ошибкам, которые допускают юристы при обосновании своих позиций в суде [1, с. 5].

Злоупотребление правом играет роль системообразующего узла, исследование которого позволяет научному познанию проникнуть в сущность отношений, регулируемых различными отраслями права.

Отсутствие единого понимания понятия злоупотребления правом влечет разные толкования вопроса о соотношении понятия злоупотребления правом со смежными правовыми понятиями, например, с понятием правонарушения.

В повседневной жизни участились случаи злоупотребления субъективными правами в силу существования множества субъективных юридических прав. Невозможно назвать одну причину роста таких злоупотреблений: с одной стороны, это может быть следствием низкой правовой грамотности населения, а с другой, наоборот, говорит о способности субъекта, знающего свое право, использовать предоставленные законом возможности для удовлетворения личных интересов в ущерб интересам других лиц или общественным и государственным интересам [4, с. 3].

Злоупотребление правом понимается как действие управомоченного субъекта по реализации принадлежащего ему права, совершаемое в рамках предоставленных законами возможностей, результаты которого выходят за установленные пределы осуществления права управомоченного субъекта.

Правонарушение – противоправное, виновное, общественно-опасное деяние вменяемого лица, причиняющее вред интересам людей, общества и государства, влекущее юридическую ответственность.

Злоупотребление правом имеет признаки, отличающие его от правонарушения.

Во-первых, при совершении правонарушения лицо несет ответственность за нарушение установленных правом правил поведения. В рамках злоупотребления правом лицо может нарушить право, а может и не нарушить право, но при этом такой субъект будет действовать вопреки целям и задачам субъективного права, возможно, при этом могут быть нарушены нравственные, моральные уклады общества и в данном случае будет отсутствовать юридическая ответственность. Совершение правонарушения влечет возникновение юридической ответственности и впоследствии применение мер юридической ответственности. В общей теории права меры юридической ответственности понимаются как особый вид принуждения, который связан с возложением на правонарушителя юридической обязанности как следствия совершения им правонарушения, которая содержательно представляет собой лишения или ограничения его субъективных прав, правового статуса и т.д. А злоупотребление правом, главным образом, злоупотребление гражданско-процессуальными субъективными правами не всегда влечет юридическую ответственность. Например, множество ходатайств о перенесении судебных заседаний со стороны ответчика или истца, с целью затянуть судебный процесс, тем самым успеть осуществить какое-либо действие, раздобыть и оформить доказательственную базу своих интересов или по другим причинам. В данном случае для стороны не предусмотрена юридическая ответственность, однако имеет место злоупотребление субъективным правом.

Во-вторых, злоупотребить правом можно только при наличии у субъекта определенного набора прав, то есть, если нет у человека субъективных гражданских прав, то злоупотребить он ими не может. Но совершить правонарушение можно и при отсутствии личного субъективного гражданского права или прав.

В-третьих, злоупотребление субъективным правом — это всегда нарушение или посягательство на нарушение законных интересов иных лиц (частных интересов), тогда как при правонарушении этот признак не является обязательным — нарушение закона может посягать и на публичные интересы. Очевидно, это демонстрирует пример с проездом светофора на красный сигнал: правонарушение в данном случае считается совершенным, однако факт наличия нарушения законных интересов конкретного лица отсутствует, поскольку имеет место интерес общественный, так как обязанность соблюдения правил поведения на дороге обусловлена необходимостью защиты жизни и здоровья как пешеходов, так и водителей транспортных средств.

А.А. Малиновский разделяет злоупотребление правом на две основные группы – правомерное и противоправное злоупотребление. Примером правомерного злоупотребления автор приводит ситуацию, когда водитель движется на автомобиле по городу со скоростью 20 км/ч, не нарушая правил ПДД и не посягая на чьи-либо права и интересы, но тем самым он создает помехи и ограничивает в движении другие транспортные средства, которые едут и могут ехать на этом участке дороги 60 км/ч [7, с. 72]. Другим примером может быть случай с обращением с жалобой гражданина в государственные органы, не имеющей под собой оснований, имеющей целью не защиту прав и законных интересов, а причинение неудобств другому лицу. В данном случае лицо не нарушает правовых норм, и не понесет юридическую ответственность. Но при этом он действует «во зло», вопреки тем целям и задачам, в соответствии с которыми лица наделены правом обращения в государственные органы. В данном случае субъект действует умышленно с намерением причинить неудобства другому лицу. Исходя из классификации злоупотреблений правом, предложенной А.А. Малиновским, в случае противоправного злоупотребления правом действия субъекта будут расцениваться как нарушение нормы права. Например, это продажа алкоголя несовершеннолетнему лицу, за что предусмотрена административная ответственность в соответствии с КОАП РФ [5].

Таким образом, при правомерном злоупотреблении правовая норма не нарушается, в случае противоправного злоупотребления правом, то есть совершения правонарушения, нарушение нормы права имеет место быть.

Многие исследователи проблемы злоупотребления правом считают, что злоупотребление представляет собой особый вид правонарушения. В полной мере отождествлять злоупотребление правом и правонарушение нецелесообразно, так как теряется самостоятельность и особенность института злоупотребления правом [3, с. 18-19]. Интересна точка зрения Т.С. Яценко, которая не отождествляет понятие злоупотребление правом и правонарушение, но при этом считает, что шикана (злоупотребление правом в гражданских правоотношениях) является правонарушением [2; 8, с. 11; с. 4]. Она утверждает, что шикана имеет признак противоправности в силу нарушения лицом обязанности не совершать действий по реализации своего права, направленных на причинение вреда другому лицу, что следует из положения Гражданского кодекса РФ.

Таким образом, злоупотребление правом является особым сложным правовым явлением и представляет такую форму поведения субъекта, которая заключается в недобросовестном осуществлении лицом своего права, явно не соответствующего общим целям и задачам законодательства, а также принципам морали, нравственности, которое при нарушении определенных норм и правил,

установленных государством переходит в категорию правонарушения. Следуя из этого, можно назвать два вида злоупотребления правом: во-первых, не характеризующееся явной противоправностью; во-вторых, характеризующееся явной противоправностью, то есть относящееся к разряду правонарушений. Первое выражается в социально вредном поведении управомоченного лица, опирающегося на принадлежащее ему субъективное право, а второе выражается в выходе лица за пределы установленного законом объема субъективного права. В заключение, следует согласиться с суждением В.И. Крусса: «Признаками злоупотреблений правом отмечены разнообразные и одновременно унифицируемые деяния, наблюдающиеся, по сути, во всех сферах правового регулирования как российской, так и иностранных правовых систем, в глобальной практике международных отношений» [6, с. 17-18].

Список использованных источников:

1. Бармина, О.Н. Злоупотребление правом : монография / О.Н. Бармина. – Киров : Радуга-ПРЕСС, 2015. – 83 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон Рос. Федерации от 30 нояб. 1994 г. № 51 – ФЗ : (ред. от 16 декабря 2019 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – ст. 3301.
3. Грибанов, В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В.П. Грибанов. – Москва, 1972. – 284 с.
4. Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Дурново Наталья Александровна. – Нижний Новгород, 2006. – 27 с.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Красс, В.И. Конституционное правопонимание и злоупотребление правом // Вестник РГГУ. – 2011. – № 8. – С. 13-20.
7. Малиновский, А.А. Злоупотребление правом: теоретические аспекты // Журнал российского права. 1998. – С. 70-75.
8. Яценко, Т.С. Шикана как правовая категория в гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Яценко Т.С. – Ростов-на-Дону, 2001. – 27 с.

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ИНОСТРАННЫЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ
В ГОРОДЕ КРАСНОЯРСКЕ НА ТЕРРИТОРИИ ВОЕННОГО ГОРОДКА
С 1908 ПО 1922 ГОД: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

© В.В. Осипов

**Научный руководитель: С.А. Дробышевский
д-р юрид. наук**

Сибирский федеральный университет

В конце XIX века Красноярская Городская Дума бесплатно отвела военному ведомству 100 десятин земли (более ста гектаров) на левом берегу Енисея, в четырех километрах от черты города (сейчас это район улиц Армейской, Краснодарской, Малиновского), о чём говорится в документе «Обзор хозяйства г. Красноярска за октябрь 1908» [1]. Это было начало истории Военного городка.

В 1908г. при голосовании было принято решение, военному ведомству было выделено безвозмездно место под казармы 8-й дивизии в районе сегодняшнего Военного городка. Он был построен, по типовому проекту военного ведомства. Подобные военные городки можно, сегодня, встретить в Новосибирске, Иркутске и за Уралом [2]. В возведении некоторых зданий, складов, мастерских, принимал участие замечательный архитектор В.А.Соколовский В 1914 г-1915г. Он приспособлял имеющиеся здания для размещения военнопленных офицеров, а в 20-ые гг. проектировал приспособление артиллерийских складов под лазареты.

Началась Первая мировая война. В 1915г. в Енисейскую губернию начали поступать военнопленные: австрийцы, немцы, венгры, словаки, румыны, итальянцы, турки. В утвержденных в октябре 1914 года Николаем II «Положениях о военнопленных», русское правительство брало на себя обязательство придерживаться принципов Гаагской конвенции 1907 года о гуманном обращении с пленными [3]. Но не все было так безоблачно. В 1916г. в плену в Военном городке, содержалось уже 13 000 человек. Жизнь военнопленных была сложной. Так, зимой в 1915-1916гг. командующим войсками Иркутского военного округа были осмотрены команды военнопленных Красноярского и Ачинского гарнизонов. Вскрылось множество беспорядков, халатность в исполнении обязанностей коменданта Военного городка Красноярска. Помещения военнопленных нижних чинов, были очень грязными, в некоторых из них температура зимой была около 6 градусов. Офицеры жили только в казармах, спали на кроватях, имели чистое белье. От русского правительства они получали «кормовое довольствие» от 50 до 125 рублей в месяц. Военнопленные имели право получать посылки и письма, а

также денежные переводы из дома, о чём писали «Енисейские губернские ведомости» сентября 1915 г. [4]

В то же период разрасталась революционная борьба. Временному Правительству во главе с А.Ф. Керенским не удалось изолировать от нее военнопленных. Большевицкие листовки проникали всюду. В лагере пленные подверглись агитации, как красных, так и белых, некоторые даже записались в отряды Красной гвардии. К началу 1919 г. в лагерях Военного городка находилось около 8 тысяч военнопленных, преимущественно венгров и немцев.

Созданная в январе 1919 г. в Военном городке подпольная партийная организация составила план борьбы с Колчаком: планировали арестовать офицеров, захватить склады с оружием, вступить в город, захватить власть. События происходили в ночь с 29 по 30 июля 1919 года. Восстало два полка, к ним примкнули военнопленные венгры. Колчаковское командование было начеку и приняло меры против восставших. На подавление восстания были брошены казаки и верные Колчаку воинские части В. О. Каппеля. В результате казни погибло 700 большевиков [5].

Недалеко от казарм Военного городка в парке на улице Metallургов стоит памятник – фигура солдата, на постаменте выбиты слова «Вечная память борцам революции и солдатам 31-го Сибирского стрелкового полка, расстрелянным белогвардейцами в 1919 году», это братская могила там покоится прах более 600 казненных революционных солдат. Данный памятник был открыт 15 ноября 1947 года, скульптор Георгий Дмитриевич Лавров.

Известно, что на русском фронте находилось в Первую мировую войну около 2 млн. солдат Австро-Венгрии. К началу 1919 года в городе Красноярске в лагерях военного городка находилось около 8 тысяч военнопленных, преимущественно венгров и немцев. 8 января 1919 года, там была создана подпольная организация венгерских коммунистов. Когда в ночь на 30 июля 1919 года восстали 3-й и 31-й сибирские полки, к восставшим примкнули и венгерские интернационалисты. В результате 40 венгерских коммунистов были расстреляны. Им посвящён памятник на улице Малиновского.

В январе 1920 года в Красноярск прибывают части Красной армии, в Военном городке размещаются партизаны Кравченко и Щетинкина [6]. В Красноярск пришла советская власть. Война продолжалась. «В 1920 в военном городке в плен было взято 24 тысячи солдат, 613 офицеров, 20 генералов», – об этом писала газета «Красноярский рабочий» 26 января 1920 года. Всего же в период боёв за Красноярск в плен было взято около 60 тысяч человек.

В 1920 году на территории Военного городка, формируется первый Красноярский концентрационный лагерь общего типа. Советские концентрационные

лагеря, были, одной из составных частей репрессивной политики большевиков. Заключение в них являлось наиболее мягким приговором для «контрреволюционных элементов». Об этом говорится в монографии Ю.А. Реент «Исправительно-трудовая система Советской России в довоенный период» [7]. Окончательное организационное оформление лагерей с целью изоляции и подавления противников большевизма состоялось в апреле 1919 года после принятия декрета ВЦИК РСФСР «О лагерях принудительных работ» и последовавшего за ним постановления, в котором указывалось, что расходы, связанные с содержанием осуждённых, должны окупаться их трудом [12]. Лагерь находился в ведении подотдела общественных повинностей и принудительных работ отдела Управления СибРевКома. Осуждать к заключению в лагерь имели право: Следственная комиссия 5-ой армии, Особый отдел и ВЧК 5-ой армии, начальники милиции и даже товарищеские суды. Первыми обитателями концлагеря стали белогвардейцы. Впоследствии, он стал местом лишения свободы для граждан.

В фондах Красноярского Краевого Государственного архива хранится около 2000 дел на тех, кто находился в Красноярском концентрационном лагере [8].

Лагерь был переполнен заключенными, 40 тысяч солдат и офицеров колчаковской армии закончили свой боевой путь в Красноярске. По документам проходят заключённые за участие в бандах Семёнова, Решетникова, Ситникова и др. [9] Впоследствии заключали в концлагерь, например, за не законное хранение оружия, за агитацию против советской власти, за кражи, за должностные преступления [10]. Дело Марии Бочкаревой, создателя и командира первого в России женского военного батальона, было передано в распоряжение Особого отдела ВЧК 5-армии в Красноярске. На основании резолюции, председателя ЧК по Сибири И. Павлуновского и секретаря Омскгубчека И. Шимановского 16 мая 1920 она была расстреляна в Красноярске за агитацию против советской власти. На обложке уголовного дела была сделана, синим карандашом приписка: «Исполнено пост. 16 мая». [11]

К вопросу о том, где хоронили заключенных. Есть предположение председателя Краевого общества «Мемориал» А.А. Бабия, что местом для захоронения являлась братская могила на стыке Ястынского поля и оврага Коровий Лог. Во время проведения земляных работ были обнаружены массовые захоронения умерших. Это место расположено в 1,5 км от лагеря. Везти хоронить дальше – не было возможности [13].

В заключение следует отметить, что военнопленные Первой мировой войны не истреблялись, а находились на территории Сибири в лагерях для военнопленных, до окончания Первой мировой войны и были отправлены домой. Что касается противостояния белого и красного движений, то обе стороны содержали

пленных русских военнослужащих в концентрационных лагерях, Военный городок полностью показал это на своей истории. Считаю, необходимым подчеркнуть, что сегодняшняя Россия в лице многонационального народа не должна разделяться и винить в прошлых ошибках современную власть. Потомки не должны повторять ошибок предков.

Великолепный по своей красоте комплекс зданий из красного кирпича Военного городка города Красноярск, с прекрасной кладкой, построенный в период Первой мировой войны, должен быть сохранен в память о тех военнопленных офицерах Первой мировой войны и Отечественных военнослужащих. Столетние здания Военного городка нуждаются в реставрации и восстановлении!

Список использованных источников:

1. Обзор хозяйства г. Красноярск за октябрь 1908. Красноярск, 1909.
2. Еремин И.А. Военнопленные Первой мировой войны в Западной Сибири // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310. № 1.
3. Комарова Т.С. Енисейская губерния в годы Первой мировой войны. Красноярск, 2007.
4. Енисейские губернские ведомости, выпуск 69, сентябрь 1915.
5. Гergiлева, А.И. Восстание в военном городке Красноярск в 1919 г. / А.И. Гergiлева // Красноярский край – 70 лет исторического пути. Материалы V краеведческих чтений, Красноярск, ноябрь 2004 г. – Красноярск, 2005. – С. 216-220.
6. Военный городок Красноярск в истории страны в XX веке [Электронный ресурс]: сб. работ, посвященный исследованию Красноярского края. – Режим доступа: <https://kraevushka.livejournal.com/507065.html>
7. Этих дней не смолкнет слава: воспоминания участников гражданской войны / колл. авторов. М., 1958.
8. Реент, Ю.А. Исправительно-трудовая система Советской России в довоенный период (1921-1940 гг.): монография / Ю.А. Реент, А.В. Жигалев. – М.: РГ-Пресс, 2018. – 192 с.
9. Островская И.В. Оставить эти концентрационные лагеря для...господ // Военно-исторический журнал. 2011. № 8.
10. Р1743. Опись 1, протокол №.403 от 04.05.1920: Красноярский Краевой государственный архив.
11. Заключение особого отдела 5-й армии по делу Марии Бочкаревой: следователь Поболотин. На основании резолюции, председателя ЧК по Сибири Ивана Павлуновского и секретаря Омскгубчека Исака Шимановского 16 мая 1920 – Бочкареву М.Л. расстрелять Красноярск, 15.05.1920 год.

12. Иванов Г.М. История ГУЛАГа, 1918-1958: соц. Эконом и полит прав аспекты. М.: Наука, 2006.

13. Красноярское общество «Мемориал». А. Шекшеев. Режим доступа: <http://www.memorial.krsk.ru/Public/10/20120614.html>

УЧАСТИЕ И РОЛЬ НОТАРИУСА ПРИ УДОСТОВЕРЕНИИ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

© Н.В. Очередыко

Научный руководитель: С.А. Бердникова

канд. истор. наук

Сибирский федеральный университет

Согласно ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. Постановлением Верховного Совета РФ 11 февраля 1993 г. № 4463-1) нотариат в России призван обеспечивать в соответствии с Конституцией РФ, конституциями республик в составе Российской Федерации, данными Основами защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации [3]. При этом нотариальные действия в Российской Федерации совершают в соответствии с Основами нотариусы, работающие в государственной нотариальной конторе или занимающиеся частной практикой. Однако основная часть нотариусов России работает в сфере небюджетного нотариата.

Нотариальные действия в России могут совершаться не только нотариусами. В случае отсутствия в населенном пункте нотариуса соответственно глава местной администрации поселения и специально уполномоченное должностное лицо местного самоуправления поселения или глава местной администрации муниципального района и специально уполномоченное должностное лицо местного самоуправления муниципального района имеют право совершать ряд нотариальных действий для лиц, зарегистрированных по месту жительства или месту пребывания в данных населенных пунктах [3]. Нотариальные действия от имени Российской Федерации на территории других государств совершают должностные лица консульских учреждений Российской Федерации, уполномоченные на совершение этих действий. Однако у этих лиц, как правило, более ограниченная компетенция либо более ограниченный масштаб деятельности.

Таким образом, нотариальную деятельность в основном в современной России осуществляют специально уполномоченные на это лица – нотариусы, работающие в сфере небюджетного нотариата. С одной стороны, они совершают

нотариальные действия от имени государства, в рамках публично-правовых полномочий, переданных им в силу закона. Поэтому нотариус действует в рамках правил и процедур, которые определены законом, в силу чего данной работе присуща необходимость соблюдения формальностей и правовых процедур. С другой стороны, нотариус в системе латинского нотариата по общему правилу, включая Россию, не является государственным служащим и, как следствие, самостоятельно организует свою работу и несет уголовную, административную, имущественную и иную ответственность за последствия своих действий и допущенные им нарушения закона.

Практическая деятельность нотариуса заключается в подготовке проектов нотариальных актов, удостоверении сделок и свидетельствовании фактов, совершении иных нотариальных действий, даче консультаций и советов. Цена ошибки нотариуса при даче советов может быть очень велика, а в целом ряде случаев последствия ее могут быть необратимыми, например, при неправильной правовой помощи при составлении завещания. Поэтому можно констатировать, что нотариат в эпоху усложняющихся законодательства и правовых процедур из предмета, воспринимавшегося как носящий юридико-технический характер, постепенно превращается в целую науку нотариального права, знание основ которой необходимо для любого юриста, работающего в сфере гражданского оборота.

Нотариат играет важную роль в защите прав и законных интересов граждан в сфере семейных отношений. Несмотря на личностный характер родственных и брачно-семейных отношений, целый ряд прав и обязанностей их сторон, прежде всего имущественных, зачастую требуют четкой регламентации в специальных документах, подкрепленных возможностью судебной защиты принудительного исполнения. Прежде всего речь идет об удостоверении брачного договора.

Статьей 53 Основ законодательства РФ о нотариате брачный договор отнесен к сделкам, удостоверяемым в нотариальном порядке [3]. Определение термина «брачный договор» содержится в статье 40 Семейного кодекса РФ [4].

Брачный договор заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению [4]. Нотариальное заверение брачного договора служит дополнительной гарантией того, что интересы каждой из сторон будут при подписании соблюдены. Несоблюдение нотариальной формы брачного договора влечет его недействительность, такой договор считается ничтожным.

Согласно статье 54 Основ законодательства о нотариате, прежде чем провести удостоверение брачного договора, нотариус обязан разъяснить будущим супругам смысл и значение представленного ими проекта такой специфической сделки и проверить, соответствует ли ее содержание действительным намерениям сторон [3]. Брачный договор нотариус удостоверяет по особой процедуре –

разъясняет смысл и значение договора, правовые последствия его заключения, чтобы юридическая неосведомленность граждан не могла быть использована им во вред. Например, в случае избрания супругами режима раздельности в отношении нажитого ими имущества нотариусу надлежит уведомить их о том, какие правовые последствия может иметь в будущем избранный ими имущественный режим: договорный режим раздельности принципиально изменит объем наследственной массы в случае смерти одного из супругов, в результате чего переживший супруг лишится права на получение супружеской доли. В обязательном порядке нотариус разъясняет нормы ст. 256 «Общая собственность супругов» ГК РФ, ст. 40 «Брачный договор», ст. 41 «Заключение брачного договора», ст. 42 «Содержание брачного договора», ст. 43 «Изменение и расторжение брачного договора», ст. 44 «Признание брачного договора недействительным» СК РФ.

Текст договора должен быть написан ясно и четко, относящиеся к содержанию договора числа и сроки обозначены хотя бы один раз словами. Фамилии, имена, отчества граждан, адреса и места жительства должны быть написаны полностью [3]. Эти правила установлены для того, чтобы исключить разночтения и различные толкования положений договора.

Договор должен быть скреплен подписями заключивших его лиц. Если по уважительной причине (вследствие физического недостатка, болезни, неграмотности) гражданин не может осуществить подпись собственноручно, то по его просьбе договор может быть подписан другим лицом. При этом подпись последнего должна быть засвидетельствована нотариусом либо другим должностным лицом, имеющим право осуществлять такое нотариальное действие, с указанием причин, в силу которых совершающий договор не мог подписать собственноручно [1].

Для удостоверения брачного договора граждане вправе обратиться к любому нотариусу, работающему в системе государственного нотариата или занимающемуся частной практикой. Нотариус может оказать помощь в составлении брачного договора.

Нотариальная форма сделки выражается в совершении нотариусом удостоверительной надписи на самом документе. Удостоверенный таким образом документ, изготовленный, как правило, на бумажном носителе, «усиливает» юридическую значимость письменной формы сделки, вызывает больше доверия и определенным образом «возвышает» его над иными доказательствами. Участие нотариуса в совершении сделок обеспечивает их юридическую чистоту, соответствие документов воле участвующих в сделке лиц и самой сделке придает им исключительную прочность.

Таким образом, письменная форма сделки, удостоверенная нотариусом, порождает документ, свидетельствующий о добросовестном и разумном поведении участников совершенной сделки при ее совершении, имеющий неоспоримую ценность с целью защиты прав и законных интересов его обладателя.

Нотариус, помощник нотариуса, работники нотариальной конторы обязаны сохранять в тайне сведения, которые содержатся в брачном договоре и которые стали им известны в связи с совершением нотариальных действий, и несут ответственность за их разглашение. Не допускается разглашение самого факта обращения гражданина к нотариусу. Для сохранения тайны нотариального действия в момент его совершения не должны присутствовать посторонние лица.

Нотариус, умышленно разгласивший сведения о совершенном нотариальном действии, обязан по решению суда возместить причиненный ущерб [3]. Если же нотариус разгласил доверенные ему сведения публично из корыстной или иной личной заинтересованности, то он может быть привлечен к уголовной ответственности [5].

Исполнительная сила нотариального акта служит эффективным механизмом защиты прав его участников и является, безусловно, необходимой для развития гражданского оборота, обеспечивая предупреждение правовых конфликтов [2].

И, все-таки, для чего законодатель закрепил обязательное участие нотариуса в удостоверении брачного договора? Представляется, что, в первую очередь, это сделано для удобства самих участников сделки. Перед нотариусом стоит задача оказать комплексную помощь обратившимся лицам на равных условиях, у него есть полномочия по сбору всех необходимых для совершения нотариального действия документов, по проверке достоверности всего фактического состава путем активных действий. Тем самым граждане освобождаются от необходимости к органам власти и различным организациям для сбора документов. Нотариус, по своей сути, творец сделки, он выявляет волю сторон договора, разъясняет права и последствия совершаемой сделки, тем самым оберегая обратившихся лиц от принятия ими неправильного решения.

Нотариус обеспечивает равную правовую защиту сторон брачного договора независимо от их статуса, интересов, имущественного положения и иных факторов.

Благодаря юридически правильному и полному составлению документа, проверке дееспособности супругов и нотариальному заверению брачного контракта, можно рассчитывать на прозрачность процесса заключения договора и надежность регулирования отношений между супругами.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть 1 от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 28.03.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Загоруйко, И.И. Исполнительная сила нотариального акта по законодательству Российской Федерации // Нотариус. 2013. № 4.
3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. 21.07.2014) // Российская газета. 1993. 13 марта.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (в ред. 04.11.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.
5. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 06.12.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

**О НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ ФОРМЫ ПРАВОВОГО АКТА НА ПРИМЕРЕ РЕШЕНИЯ
О ПЕРЕВОДЕ ЗЕМЕЛЬ ИЛИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В СОСТАВЕ ТАКИХ ЗЕМЕЛЬ
ИЗ ОДНОЙ КАТЕГОРИИ В ДРУГУЮ**

© О.А. Павлова

Научный руководитель: С.А. Дробышевский

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Правовой документ фиксирует на определенном источнике информацию, обладающую свойствами уникальности и валидности, а также влияющую на правовое регулирование. В классификации правовых документов можно выделить: нормативные документы; интерпретационные акты; документы, фиксирующие юридические факты; документы, содержащие решения индивидуального характера [2, 76-81].

Для целей настоящей статьи рассмотрим подробнее признаки нормативного правового акта, являющегося ведущей формой нормативных документов. Нормативным правовым актам свойственно: издание его уполномоченным субъектом в пределах своей компетенции с соблюдением установленной процедуры; закрепление в таком акте его целей и задач, на решение которых этот акт направлен; нормативность (действует неопределенный период времени для неопределенного круга лиц, неоднократно в применении); письменная форма [1, с. 65-67]. Верховный суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в своем постановлении от

25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» в качестве признаков называет издание нормативного правового акта в установленном порядке управомоченным органом или должностным лицом; наличие в нем правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение, направленных на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Для нормативного правового акта на практическом уровне сложились правила юридической техники, к примеру, такие как форма его принятия в зависимости

от субъекта правотворчества, а также необходимость официального опубликования и зависимый от этого момент вступления в силу нормативного правового акта. Иная форма документа установлена для ненормативного правового акта, кроме того, его официальное опубликование не является обязательным и не влияет на вступление в силу правового акта.

На практике встречаются правовые акты, в которых как формулируются юридические нормы, так и даются индивидуальные предписания по их реализации. Такие акты можно именовать смешанными.

Рассмотрим случаи наличия смешанности в правовых актах на примере принятия решений о переводе земель или земельных участков в составе таких земель из одной категории в другую (далее – перевод земель) уполномоченными органами субъектов РФ.

Правовое регулирование отношений, возникающих в связи с переводом земель осуществляется в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации (далее – ЗК РФ), Федеральным законом от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (далее – Закон № 172-ФЗ), иными федеральными законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами РФ, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов РФ.

Согласно указанным источникам права установлен порядок перевода земель. Так, статьей 2 Закона № 172-ФЗ регламентирован состав и порядок подготовки документов заявителем, который обращается в орган государственной власти или орган местного самоуправления с ходатайством о переводе земель. По результатам рассмотрения ходатайства о переводе земель уполномоченным органом принимается акт о переводе либо акт об отказе в переводе. Из указанного следует, что уполномоченный орган по ходатайству определенного субъекта принимает акт о переводе, содержащий необходимые сведения, в том числе

категорию земель, перевод в которую осуществляется. Данное обстоятельство означает изменение правового режима использования таких земель и, следовательно, подразумевает изменение совокупности норм, регулирующих отношения по использованию таких участков, применяющихся неоднократно и действующих неопределенно во времени, а также в отношении неопределенного круга лиц.

По этому поводу ВС РФ в определении от 01.10.2014 № 91-АПГ 14-1 сделаны выводы о том, что перевод земель в соответствии со статьей 8 ЗК РФ является прерогативой публичных органов власти, которые, осуществляя такой перевод, определяют не конкретного их пользователя и правила пользования землей этим пользователем, а назначение земель как важнейшей части природных ресурсов и окружающей природной среды, а также осуществляют контроль за правовым режимом в зависимости от их целевого использования. Перевод земель – это установление порядка, условий, предела эксплуатации земель для конкретных целей в соответствии с категориями земель. Осуществление перевода земель влечет правовые последствия в виде изменения правового режима использования земель (правил эксплуатации, гражданского оборота, охраны и т.д.). Таким образом, суд без сомнения по содержанию относит акт о переводе к нормативным правовым актам. Вместе с тем, Законом № 172-ФЗ закреплено право обжаловать акт о переводе в судебном порядке, однако носитель такого права не назван, что также подтверждает, что акт о переводе действует в отношении неопределенного круга лиц, то есть порождает такие правовые последствия, которые потенциально действуют в отношении каждого субъекта.

Для примера в распоряжении Правительства Красноярского края от 23.01.2020 № 38-р, являющимся по своему содержанию актом о переводе, в преамбуле в качестве правовых оснований принятия правового акта указано ходатайство АО «Таймырнефтегаз» – конкретного субъекта. Актом о переводе земельный участок переводится из одной категории земель в другую, что неоспоримо, как указано выше, означает изменение правового режима, и влечет правовые последствия не только для заявителя, но и для иных потенциальных пользователей земельного участка. Вместе с тем, указанное распоряжение подлежит официальному опубликованию и вступает в силу в день, следующий за днем его официального опубликования.

В субъектах РФ сложилась различная практика принятия актов о переводе. К примеру, в Ленинградской области, акт о переводе также принимается в форме распоряжения. Так, в распоряжении Правительства Ленинградской области от 02.04.2020 № 254-р помимо положения о переводе земельного участка, содержится положение о возложении контроля за исполнением распоряжения на должностное лицо. Таким образом, отсутствуют пункты о вступлении в силу, а

также об опубликовании, однако на официальном сайте данное распоряжение размещено в день его подписания, что делает его доступным для ознакомления.

Обратимся к практике регионов, где акты о переводе принимаются в форме постановления. В постановлении Правительства Московской области от 11.11.2019 № 814/38 дополнительно закреплена рекомендация правообладателю земельного участка совершить действия, направленные на изменение вида разрешенного использования земельного участка, а также дано поручение должностному лицу об официальном опубликовании постановления, определен контролирующий субъект. Последние положения избыточны, поскольку указанный правовой документ по своему содержанию подлежит официальному опубликованию. В постановлении Администрации Курской области от 30.04.2019 № 385-ра дополнительно указано, что постановление вступает в силу со дня его подписания и подлежит опубликованию. Представляется, что вступление в силу может происходить ранее опубликования, в связи с чем возникает временной период, когда лица, чьи права может затрагивать данный акт, не осведомлены о его принятии. И, наконец, подвергнуто анализу постановление Правительства Иркутской области от 05.02.2020 № 61-пп, где помимо положения о переводе, закреплено положение об опубликовании постановления в официальных источниках, однако не указан момент вступления его в силу.

Результатом осуществления органом исполнительной власти субъекта РФ перевода земель является нормативный правовой акт, принятый в форме постановления указанного органа. Данной точки зрения придерживается ВС РФ в сложившейся судебной практике рассмотрения дел по оспариванию актов о переводе. Помимо обязательных для акта о переводе сведений, постановление должно содержать положения о вступлении в силу правового акта в прямой зависимости от его официального опубликования. В проанализированных правовых документах отсутствует «эталонный» нормативный правовой акт, поскольку в каждом из них присутствуют несовершенства юридической техники. Это проявляется в следующем. В тех ситуациях, где орган публичной власти должен принять как нормативный, так и ненормативный правовой акт, это должны быть отдельные правовые документы. Лишь при этом условии адресатам права будут понятны соответствующие предписания публичной власти.

В настоящее время на практическом уровне существует неопределенность в вопросе о форме правового документа акта о переводе, его юридической технике. Между тем, однозначность и юридическая чистота правовых документов способна существенно повысить эффективность правотворческой, правоприменительной и правореализационной деятельности.

Список использованных источников:

1. Дробышевский С.А., Данцева Т.Н. Формальные источники права: монография. – М.: Норма, 2018. – 160 с.
2. Юридическая техника: учебник / Т.В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
4. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 01.10.2014 № 91-АПГ14-1 «Об отмене решения Псковского областного суда от 19.05.2014 и удовлетворении заявления о признании недействующими приказов № 655 и № 656 от 28.06.2013 Государственного комитета Псковской области по имущественным отношениям о переводе земельных участков из состава земель одной категории в другую для строительства мусороперерабатывающего комплекса» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

МЕСТО И РОЛЬ ПОЛИТИКИ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

© А.Е. Тользак

Научный руководитель: И.А. Кузьмин

канд. юрид. наук

*Иркутский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации*

В настоящее время политика и право являются тесно взаимосвязанными понятиями. Связь между ними установилась в момент происхождения государства, и постепенно данный механизм изменялся и совершенствовался на протяжении времени. Однако возникает вопрос, каково соотношение между основными составляющими государства – политикой и правом вкупе с его воздействием на данный момент?

Сначала рассмотрим явление правового воздействия и его механизм. В науке в настоящее время сложилось несколько подходов к определению понятия правового воздействия. Некоторые ученые, например, Н. Г. Александров и В. В. Лазарев, ошибочно ставили знак равенства между категориями правового

регулирования и правового воздействия. Однако большинство теоретиков разграничивают данные понятия, определяя второе как более широкое. Так, С. А. Комаров под правовым воздействием понимает «результативное, нормативно-организационное влияние на общественные отношения как специальной системы собственно правовых средств, так и иных правовых явлений (правосознания, правовой культуры, правовых принципов, правотворческого процесса, правовой политики)» [4 с. 464]. Подобной позиции придерживаются и другие учёные.

Далее остановимся на его формах. К формам правового воздействия относятся: специально-юридическое воздействие права, или правовое регулирование; ценностно-ориентационное, или воспитательное, воздействие права, которое заключается в формировании принципов, установок, правового сознания как у отдельных граждан, так и у всего общества; информационное воздействие, суть которого определяется через передачу информации населению о правовых аспектах, моделях поведения, изменениях в законодательстве и т.д.; воздействие на социально-массовые процессы такие, как миграция и демография, которые право не может урегулировать в силу объективных законов развития общества, а может только воздействовать в том русле, в котором его направляет государство.

Механизм правового воздействия включает в себя следующие элементы: во-первых, это основные юридические средства: нормы права, правоотношения, акты реализации субъективных прав и обязанностей, акты применения норм права, – и примыкающие к ним вспомогательные правовые средства – т.е. речь идёт о механизме правового регулирования; во-вторых, это система общесоциальных правовых явлений, которые оказывают воздействие на поведение людей и на их сознание, правовую культуру, принципы и установки. На основании этого дадим следующее определение. Механизм правового воздействия – это совокупность правовых средств и общесоциальных юридических явлений, которые участвуют в процессе воздействия права на социум с целью создания и обеспечения общественного порядка и формирования правовой культуры и сознания у населения.

Далее следует обратиться к понятию политики. В современной политологии можно встретить совершенно разнообразные толкования данного термина – от сферы общества до стратегии деятельности по управлению государством [2]. Однако теоретики не стремятся дать какое-то определённое значение понятию политика, признавая полисемичность (многозначность) этого слова. В нашем исследовании, т.к. оно связано с механизмом правового воздействия, под политикой будем понимать область управления и взаимодействия между государством и обществом.

К определению соотношения политики и права в настоящее время сложилось несколько подходов. Во-первых, это этатистский, который подразумевает верховенство политики над правом. Во-вторых, с позиций представителей школы естественного права признается приоритет права по отношению к политике. Однако большинство ученых придерживаются интегративного подхода, который объединяет в себе два предыдущих. Согласно данной точке зрения, между политикой и правом не существует однозначных причинно-следственных связей, эти категории взаимообусловлены, между ними сложился характер двухсторонней зависимости, т.е. как политика может влиять на механизм права, так и наоборот, право оказывает воздействие на политику.

Воздействие политики на право в настоящее время в большей мере выражается в правотворческой деятельности, поскольку посредством политических деятелей определяется необходимость юридической регламентации тех или иных отношений, и именно государственные органы уполномочены устанавливать, санкционировать, изменять или отменять правовые нормы, тем самым оказывая влияние на всю систему в целом. Важное значение в данном контексте имеет положение о том, что право это государственная, политическая воля, возведённая в закон, поскольку именно государство и политика облекает правовые нормы в юридическую форму и придает им общеобязательный характер. Также стоит сказать о важности толкования норм права, поскольку именно в них отражена истинная политическая воля, т.е. то, что законодатель действительно хочет урегулировать данным правовым актом.

Помимо правотворческой деятельности роль политики и государства заключается в обеспечении реализации и защиты прав, для чего создаются специальные механизмы в виде правоприменительных и правоохранительных органов. Данные процессы опять же обусловлены политической волей, поэтому далее необходимо изложить сущность данного понятия.

Под политической волей некоторые понимают «форму проявления политической активности, включающая в себя политическое сознание и поведение субъекта политики», которая направлена на реализацию интересов и потребностей, непосредственно связанных с притязанием на власть, её укреплением и удержанием [3]. Другие же настаивают на выделение двух сторон понимания политической воли – позитивной и негативной [1]. В первом случае подразумевается свобода воли, или как называл её Кант «разумная воля», которая выражается в объективности решений, основанных на ценностных представлениях общества, и согласовании с ним проводимой политики, в концентрации усилий для достижения социально необходимых целей и в осознанности выбранного курса развития, который будет способствовать прогрессу и процветанию государства. Во втором

акцентируется внимание на политической воле, как на сильной воле, которая проявляется в неограниченности действий, субъективности решений и волюнтаризме, произволе со стороны политических деятелей, а порою отрицанию интересов и потребностей населения и реализации собственных, что приводит к социально-экономическому регрессу. Однако не исключается вариант, когда с помощью сильной воли достигаются положительные результаты, в истории имеется достаточно примеров, подтверждающих это. Например, политика Петра Великого.

В настоящее время в современных развитых государствах в силу распространённости принципов демократии, равенства всех перед законом превалирует позитивная политическая воля, однако это не исключает использования властных полномочий и права в корыстных целях. Стоит заметить, что это не происходит в таком виде и масштабах, поскольку, во-первых, политическая воля ограничена рамками закона, а во-вторых, получить управленческую должность может далеко не каждый, что опять же закреплено в праве. Данные положения отражают влияние права на политику.

Помимо ограничения политической воли с помощью правового механизма, стоит сказать о таком институте демократии, как политическое лобби, который не ограничивает волю в прямом смысле этого слова, но оказывает на неё весомое давление. А. В. Малько в своих работах отмечает, что данное явление имеет как положительный, так и отрицательный аспект. По его словам, в силу развитости многообразия интересов общества различные корпорации, профессиональные ассоциации, общественные организации и социальные группы пытаются привлечь к себе внимание государственных органов для реализации каких-то своих интересов и решения определённых проблем. В этом смысле лоббизм «есть форма законного влияния на управленческие решения» властей с целью удовлетворения потребностей социальных структур [5]. Отрицательный смысл лоббизма проявляется тогда, когда данные решения принимаются исключительно в корыстных интересах узкой группы лиц в ущерб другим. Тогда такой лоббизм напоминает явление коррупции, что негативно отражается на обществе.

Влияние права на политику также проявляется в том, что оно узаконивает политическую деятельность государства и обеспечивает дозволенность мер принудительного и охранительного характера, определяет состав государственных органов и регламентирует их деятельность, закрепляет круг полномочий, фиксирует границы, в которых государству позволено осуществлять свою деятельность, а также посредством права осуществляются взаимоотношения между несколькими государствами, политическими деятелями и населением.

Подводя итог, хочется отметить, что с учётом процесса последующей демократизации место и роль политики в механизме правового воздействия может изменяться, а соотношение влияния права на политику и политики на право в ближайшее время будет находиться в динамике. В дальнейшем в связи с развитием права и правовой системы государств и увеличением его приоритета возможно снижение такого фактора, как использование власти в своих корыстных целях, и устранение негативного аспекта у демократического института – политического лобби. Однако акты злоупотребления правом, равно как и правонарушения, свойственны человеческой природе и зачастую имеют в своей основе политический интерес, действие которого необходимо исключить, либо минимизировать правовыми средствами.

Список использованных источников:

1. Баев, В. Г. Политическая воля в системе эффективного государственного управления / В. Г. Баев, В. В. Никулин, С. В. Мещерякова // Современное право. – 2017. – № 3. – С. 5-11.
2. Верниченко, М. А. О политике как науке: основные понятия и закономерности / М. А. Верниченко // Вестник ГУУ. – 2014. – № 7. – С. 21–31.
3. Жовтун, Д.Т. Политическая воля в государственном управлении / Д. Т. Жовтун // Социология власти. – 2012. №2. – С. 20-29.
4. Комаров, С. А. Общая теория государства и права : учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 9–е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 506 с.
5. Малько, А. В. Лоббизм и право / А. В. Малько. //Правоведение. –1995. – № 2. – С. 18-28.

ГЕНДЕРНАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ ИЛИ ЗАБОТА О ЗДОРОВЬЕ?

© С.А. Чойропова

Научный руководитель: А.А. Петров

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В ст. 19 Конституции РФ закрепляется положение, гарантирующее запрет проявления дискриминации на основании пола, и прямо предусматривается, что мужчины и женщины обладают равными правами, свободами и возможностями их осуществления. Но *de facto* равноправие мужчины и женщины не

обеспечивается должным образом, поскольку некоторые нормативные правовые акты, регулирующие трудовые правоотношения, могут быть оценены как потенциально способствующие проявлению дискриминации.

Настоящий материал посвящен вопросу гендерной дискриминации женщин сквозь призму ограничения права на выбор профессии. Так, например, постановление Правительства РФ от 25.02.2000 № 162 «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с тяжелыми вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» [2] закрепляет перечень тяжелых работ, где запрещено привлечение женского труда (в списке поименованы подземные работы, горные работы, работы, проводимые в химических производствах и др.). Вместе с тем в примечании к указанному постановлению Правительства РФ зафиксировано, что при создании безопасных условий труда работодатель имеет право взять на работу женщин. Одной из причин установления государством перечня тяжелых работ, запрещающих применение труда женщин является особая забота о здоровье, связанного со стереотипом об особой роли женщин в социальной жизни (рождение и воспитание детей), тогда как с позиций женщин, у которых стоят иные жизненные задачи, установление такого рода ограничений может восприниматься как дискриминационные ограничения прав.

Решение излагаемой дилеммы следует начать искать с анализа общих положений, закрепленных в Конституции РФ, в которых гарантируется равенство прав и свобод человека гражданина (ч. 2 ст. 19), указывается, что каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ч. 1 ст. 37) [1]. Поэтому, буквально воспринимая указанные принципы, чтобы добиться равноправия полов *de jure* и чтобы каждый человек независимо от пола смог самостоятельно выбирать свой род деятельности, следует отменить указанное Постановление Правительства РФ как противоречащее Конституции.

Обращаясь к судебной практике можно привести один пример. Будучи дипломированным техником-судоводителем, Светлана Медведева не смогла устроиться по профессии из-за того, что данная профессия входила в список запрещенных. Она обратилась в Самарский районный суд г. Самары с требованием приема на работу по соответствующей профессии. Но суд не согласился с заявленными исковыми требованиями, обосновав свою позицию тем, что рабочее место моториста-рулевого по параметрам шума не соответствует требованиям руководящих документов и относится к категории класса 3.2., то есть к вредным условиям труда [3]. Затем Медведева подала жалобу в комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин ООН, который признал факт дискриминации, и дал рекомендацию о пересмотре Россией законов, регламентирующих доступ

женщин к профессиям [4]. Со ссылкой на принятое Комитетом по ликвидации дискриминации в отношении женщин мнение истица обратилась в Самарский районный суд с требованием о пересмотре решения Самарского районного от 20 августа 2012 г. в связи с вновь открывшимися обстоятельствами, но в удовлетворении заявления ей было отказано. Суд указал, что мнение Комитета не может повлечь отмену судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам, а апелляционным определением Самарского областного суда определение районного суда было оставлено без изменения. Однако затем Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что согласно ч. 1 ст. 392 ГПК РФ судебные постановления, вступившие в законную силу, могут быть пересмотрены по вновь открывшимся обстоятельствам и отменила решения суда первой и апелляционной инстанций, а дело было направлено на новое рассмотрение в Самарский районный суд. [5]. Решением от 15 сентября 2017 года Самарский районный суд, рассмотрев гражданское дело по иску С. В. Медведевой к обществу с ограниченной ответственностью «Самарское речное пассажирское предприятие» частично удовлетворил требования истца, признал решение ООО «Самарское речное пассажирское предприятие» об отказе в заключении с Медведевой С. В. трудового договора по мотиву запрета применения труда женщин нарушающим запрет дискриминации женщин в сфере труда по признаку пола и принципам международного права, нормативно закрепленным в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин [6]. Указанный пример из судебной практики позволяет предположить, что постановление Правительства «Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с тяжелыми вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается применение труда женщин» может быть оценено как дискриминирующее женщин в выборе профессии, однако до сих пор указанное постановление не было оспорено в порядке абстрактного нормоконтроля в Конституционный Суд РФ.

В конечном итоге можно сказать, что любая забота о женщинах не должна иметь дискриминирующие оттенки. Необходимо отменить все законодательные акты, содержащие признаки дискриминации. Работодатель, со своей стороны должен проинформировать работника о возможных рисках для жизни и здоровья.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Об утверждении перечня тяжелых работ и работ с тяжелыми вредными или опасными условиями труда, при выполнении которых запрещается

применение труда женщин: постановление Правительства РФ от 25.02.2000 г. № 162 // Собрание законодательства. – 2000. – № 10. – Ст. 1130.

3. Решение Самарского районного суда г. Самары по делу № 2-2613/2012 https://samarskysam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=12766878&_uid=&_deloid=1540005&_caseType=&_new=0&_doc=1&srv_num=1

4. Committee on the Elimination of Discrimination against Women. Svetlana Medvedeva v. Russia. Communication no. 60/2013, Views of 25 February 2016. UN Doc. CEDAW/C/63/D/60/2013

5. http://www.supcourt.ru/stor_pdf.php?id=1566432.

6. https://samarskysam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=110808954&_deloid=1540005&_caseType=0&_new=0&srv_num=1.

ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА НА ПРАВО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XV-XVII ВВ.

© А.В. Шадрина

Научный руководитель: А.А. Габов

Сибирский федеральный университет

Вопросы формирования права, его отдельных институтов, отраслей в частности, напрямую связаны с развитием государства и общества, и прежде всего с активным сотрудничеством с другими государствами. Необходимость международного взаимодействия требует пристального внимания к правовым институтам. С одной стороны, такие изменения могут быть важными и необходимыми, с другой – влекут перемены не только для отдельных частных лиц, но и для всего общества, способствуют появлению наиболее эффективных в правоприменении норм, полученных в результате заимствования отдельной юридической практики, системы правопорядка, изменению структуры и содержания издаваемых законодательных актов.

Данная работа посвящена рецепции иностранных источников права и их роли в законодательстве Московского государства XV-XVII вв.

Категория «источник права» – базовый научно-правовой термин, отражающий наиболее существенные связи и процессы реальной действительности, и поэтому до настоящего времени так не утративший своей спорности. Анализ и обзор научной литературы об источниках права позволяет прийти к утверждению: общезначимого и точного определения понятия «источник права» до сих пор не выработано [7, с. 48-54].

Причины этого, по нашему мнению, состоят в следующем. Во-первых, в многозначности и многогранности самого термина «источник права». В каждом новом исследовании учёные хотели привнести что-то новое и актуальное в определение данного понятия, опираясь на все предшествующие достоверные материалы. Во-вторых, система источников права должна излагаться по-разному с учётом специфики изучаемой эпохи, исходя из внутреннего развития страны, её культурных, социальных и политических характеристик. В-третьих, дефиниция источников права зависит от конкретного исторического промежутка, степени влияния процессов, происходящих в соседних государствах, уровня сотрудничества и взаимодействия.

Актуальность нашей работы состоит в том, что законодательные акты как отечественного, так и зарубежного происхождения XV-XVII вв., сохранившиеся до нашего времени, несут огромную историко-правовую информацию. Именно на основе этих данных мы можем узнать: какой была структура сословий, государственное устройство и структура права, и дальнейшее воздействие их на историю Московского государства.

Главной целью исследования является анализ влияния таких иностранных источников права на систему законодательства Московского государства XV-XVII вв., как Литовский статут, Эклога, Прохирон и Эпанагога.

Весьма важным для исследования стала оценка значимости и места, которое было отведено источникам византийского права в системе русского права XV-XVII вв., ведь как мы знаем их отдельные православные идеи, ценности, нормы наше государство унаследовало ещё со времён Древней Руси [3, с. 50-52].

Другой первостепенной задачей оказалось выявить роль и степень влияния литовского права в системе законодательных актов в период Московского государства XV-XVII вв., оставившего свой след как во внутреннем содержании, так и в плане юридико-технических свойств [6, с.16-17].

Весьма важным и интересным в научной историографии остаётся проблема роли рецепции права Литовского государства в актах систематизации российского законодательства на протяжении XV-XVII вв.

Чтобы подойти к главной проблеме необходимо также сказать об историческом исследовании и оценить развитие источников государственного права, установленных и признанных в русском государстве. Период, охватывающий XV-XVII вв. стал для русской юриспруденции временем образования новой правовой системы. И выразилось это в том, что на смену существовавшему длительное время правовому обычаю приходят законодательные акты, исходящие от княжеской власти, центральных и местных органов – это жалованные, указные, тарханные грамоты и т.д. В XVI в. возрастает значение приговоров Боярской думы в

финансовой, военной и уголовной сферах. В XVII в. на базе приказной практики составлялись указные книги Разбойного, Поместного, Земского и иных приказов. Появляются новые сложные формы законодательства, так называемые общерусские кодексы: Судебник 1497 г., Судебники 1550 г., 1589 и 1606 гг., Стоглав 1551, Соборное уложение 1649 г. [2, с.255-268].

Переходя к вопросу об иностранных источниках права в обозначенный период, мы попытаемся сперва уяснить, что под собой подразумевает понятие рецепция в праве, изучив некоторые теоретические позиции различных ученых. На основе этих положений, мы приходим к выводу о том, что под рецепцией права понимается добровольное, неограниченное временем заимствование и приспособление иностранного нормативно-правового материала к условиям существования национального права [8, с.6-7].

В дальнейшем, проводя сравнительное исследование Соборного Уложения 1649 г. и византийского законодательства, мы можем сделать вывод о том, что последнее было одним из основных источников Уложения, и что нормы византийской Эклоги и Прохирона нашли своё отражение в уголовных, гражданских законах и законах о судопроизводстве Уложения 1649 года. В данный крупный законодательный акт вошли только такие начала византийского права, которые уже раньше были усвоены и восприняты сознанием народа и не шли в разрез с действительной жизнью [6, с.18-19]. Поэтому можно утверждать, что заимствования производились с определенным выбором и не представляли собой простое заимствование статей византийских источников, наоборот, они подверглись в Уложении в некоторой степени существенной переработке, т.е. рецепции в вышеуказанном смысле.

Как было ранее отмечено, на формирование общерусского права большое влияние оказывало иностранное законодательство, особенно законодательная практика соседнего русским землям Великого Литовского княжества. Наиболее ярким примером литовского законодательства является Литовский Статут 1529 г., составленный по распоряжению литовских князей и написанный на западном диалекте русского языка [2, с. 268].

Источниками Литовского Статута стали литовское и польское законодательство, римское и немецкое право, судебная практика, в том числе и русское обычное право, что позволяет говорить о двусторонней взаимной рецепции. Литовский Статут, впрочем, как и все другие памятники средневекового права, представлял собой сборник правовых норм, несистематизированных по отраслям. Однако этот сборник подвергся достаточно серьёзной переработке в области кодификации, законодатель одним из первых разделил текст на определенные разделы, каждый из которых представлял собой самостоятельный закон. Литовский

Статут содержал в себе нормы государственного, уголовного, гражданского и процессуального права. Впервые упомянул значение Литовского статута как одного из источников права в уголовно-правовой отрасли, относительно воинских, государственных и частных преступлений, ученый В.А. Линовский [5, с.17-18]. Другие учёные рассматривают роль такого иностранного источника как магдебургское городское право на правовую систему Западной Руси [1, с.6-8]. Существовавшие в тот период тесные связи между Московским государством и Литвой значительно благоприятствовали заметному влиянию законодательства Великого княжества на правовую систему Московского царства и правосознание народа. В частности, свидетельством может послужить и то, что, Великое княжество Литовское значительно быстрее набирало темпы в развитии правовой системы, здесь, в отличие от Москвы, по-прежнему отдающей первенствующую роль волеизъявлениям царя, судей, правовому обычаю, приоритет отдавался в большей степени писаным источникам права, т. е. нормативным правовым актам [4, Л.XLVII]. Немаловажную роль в этом сыграло и изобретение книгопечатания, теперь юридические документы Великого княжества Литовского теперь издавались на русском языке в печатном виде. Благодаря этому литовское законодательство получило еще более широкую знаменитость в Московском государстве и стало важным источником в сфере систематизации всего русского законодательства.

Итак, обзор важнейших источников права, как отечественного, так и иностранного происхождения, которые действовали в период XV-XVII вв. на территории русского государства, позволяет нам сделать вывод о том, что они послужили системообразующим фактором для всего русского законодательства. Эволюция техники создания правовых актов в России в это время отражала прогресс государственно-правовых институтов и в целом соответствовала потребностям регулирования отношений в обществе. Расширение и совершенствование приемов, средств, методов юридического и технического арсенала, за счёт рецепции отдельных норм византийского и литовского законодательства, благоприятно сказывались на качестве правовых актов в отношении их внутреннего содержания и внешнего оформления, способствовали эффективности правоприменения.

Список использованных источников:

1. Антонович, В. Предисловие Архив Юго-западной России, издаваемый временной комиссией для разбора древних актов, высочайше учрежденную при Киевском Военном, Подольском и Волынском генерал-губернаторе : Ч. 5 : Т. 1 : Акты о городах (1432 – 1798). – Киев : Унив. тип., 1869. – 636 с.

2. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005 — 800 с.
3. Калачов, Н.В. О значении Кормчей в системе древнего русского права / Соч. Н. Калачова, д. чл. Имп. О-ва истории и древностей рос. при Моск. ун-те. — Москва : Унив. тип., 1850. — 160 с.
4. Ключевский, В.О. Курс русской истории[Электронный ресурс] Лекция XLVII Режим доступа: <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/kluch/kluch47> (дата обращения – 02.04.20)
5. Линовский, В.А. Исследование начал уголовного права, изложенных в Уложении царя Алексея Михайловича / Соч. проф. Ришельев. лицея Владимира Линовского — Одесса, 1847. — 267 с.
6. Маньков, А.Г. Уложение 1649 года. Кодекс феодального права России: монография — Ленинград, 1980 — 267 с.
7. Марченко, М.Н. Источники права: учеб. пособие / М.Н. Марченко. — М.: Проспект, 2015. — 759 с.
8. Рыбаков В.А. Преемственность в развитии права (теоретико-исторический аспект) Монография / В.А.Рыбаков. Омск: «Издательский дом «Наука», 2007 — 345 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ
И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ**

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И В СРЕДНЕЙ АЗИИ

© Л. Баасанжаргал

Научный руководитель: Л.Ю. Анисимова

канд. ист. наук

Сибирский федеральный университет

Семья – это группа людей, связанная отношениями брака, родительства, родства, совместного ведения домашнего хозяйства. Семья как основная ячейка общества выполняет социальную, экономическую, воспитательную функции, играет особую роль в жизни людей, в удовлетворении духовных потребностей, обеспечении первичной социализации. В развитых демократических странах неблагоприятные тенденции в развитии общественных процессов привели к формированию семейной политики как самостоятельного направления в социальной политике [2]. В мире накоплен значительный опыт в развитии различных направлений и мер семейной политики.

Современные политико-экономические условия и социально-демографические процессы ставят новые серьезные проблемы перед Россией. Вступив в 1996 году в Совет Европы и подписав в сентябре 2000 г. Европейскую социальную хартию, Российская Федерация (РФ) тем самым выразила готовность следовать положениям Европейского кодекса социального обеспечения [2]. Изучение опыта стран ЕС, в которых сложились и активно развиваются различные направления в области социальной поддержки семьи, анализ позитивного и негативного в этом опыте, могут помочь в решении многих проблем, которые уже имеются в РФ или возникнут в недалеком будущем. Концепции и программы демографического развития России должны учитывать достижения современной мировой науки и практики, накопившие большой опыт методологических разработок и огромный фактический материал для изучения и анализа проблем семейной политики в отдельных странах, регионах и мире в целом.

После распада СССР демократические и экономические условия изменились, в России происходила переоценка государственной семейной политики. Внимание к семье получило отражение в Конституции, Семейном кодексе, в Концепции государственной семейной политики, в отраслевом законодательстве России. Принимались меры по законодательному закреплению семейных прав граждан (пособия на ребенка, налоговые, различные льготы и т.д.) [2]. В этих актах прослеживается идеология приоритета интересов семьи и личности, государства и его институтов, которые не подменяют семью, а разделяют с ней ответственность за создание условий ее формирования.

В Китае государственная семейная политика относится к социальной политике, направленной на защиту стабильности семьи и поддержку молодых семей. Новая государственная семейная политика направлена на разрешение существующих серьезных общественных проблем в китайском обществе, вызванных последовательным проведением кампании в течение 35 лет по ограничению рождаемости «в одной семье один ребенок». В последние годы в Китае больше становится пожилых, чем молодых людей. Новая политика не так эффективна, потому что молодые люди хотят иметь только одного ребенка [1]. Девушки стремятся получить высшее образование, иметь самостоятельные доходы, быть независимыми от мужчин. Эти факторы влияют на рождаемость.

Государственная семейная политика Монголии, по мнению исследователей, в настоящее время неудовлетворительна. Монголия – древнее государство, для которого характерной чертой была многодетность. В современных условиях снизились темпы рождаемости, увеличилось число разводов, экономика тоже резко упала. Но страна успешно сотрудничает на взаимно-выгодных условиях, как с Германией и Америкой, так и с Японией, Кореей и Китаем, с целью получения положительного опыта. С 2000 г. государство Монголии реализует различные программы с целью увеличения рождаемости [4]. Например: пособия и льготы на детей, Орден материнской славы первой и второй степеней, пособия для молодых семей и т.д. Но проблема низкой рождаемости остается актуальной.

Также семейная политика в Японии направлена на увеличение рождаемости. Низкая рождаемость приводит к быстрому старению населения и сокращению доли молодых людей. Причинами сокращения рождаемости в Японии являются социальные проблемы, в частности, проблема совмещения воспитания детей с работой. Из-за этого трудоспособные женщины сидят дома, чтобы ухаживать за ребенком. Поэтому государственные меры направлены на оказание помощи молодым семьям по уходу за ребенком. Первые пособия по уходу за ребенком были введены в 1972 году. Японская семейная политика в начале XX века была не сформирована.

В настоящее время в Индии, по сравнению с Монголией, Японией и Китаем, почти половина населения является молодежью и детьми. Традиционно семья в Индии составляет пять человек. Демографический взрыв осложняет решение социально-экономических задач по сокращению бедности. В стране ежегодно строится около 9 тысяч школ и 4 тысяч детских садов. В 1951 году в Индии началась программа планирования семьи, целью которой являлось снижение рождаемости [5].

В Корее нет концепции семейной политики, но исследователи, ученые и законодатели осознают ее важность. В Корее существует министерство по вопросам

гендерного равенства и семей, которое занимается государственной политикой по следующим направлениям:

- сокращение домашнего насилия;
- предотвращение торговли людьми (защита их прав);
- защита прав женщин;
- повышение статуса женщин;
- уход за ребенком и т.п.

Семья в Корее исторически имеет первостепенное значение в жизни населения. Так, если в период 1995–2000 годов количество разводов было на самом низком уровне – 6 %, то за минувшие десять лет количество разводов резко возросло до 11 %. Типовыми причинами разводов являются – измена, отсутствие взаимопонимания. Несмотря на высокое количество разводов, 90 % корейских детей растет в полных семьях. В Корее развод считается позором. Во второй брак вступить женщине почти невозможно. Семейная, супружеская верность у корейцев обязательна только для женщин. Впрочем, измена каралась мужьями мягко.

В настоящее время семья в России переживает сложный этап своего развития, обусловленный общим кризисом общества во всех сферах. Благополучие многих семей пошатнулось, родительские узы ослабли. Затраты на воспитание детей в семейном бюджете значительно возросли, но, в основном, расходуются на питание, одежду, секции, кружки, школьные предметы. Семье не хватает средств на развитие ребенка: на книги, досуговые деятельности и т.д. [3].

Престижность семьи в ее традиционном виде в обществе в последние годы значительно снизилась. Наблюдается снижение числа браков, роли семьи в выполнении репродуктивной функции.

Таким образом, в Японии, в Китае, в Индии возникла проблема со снижением прироста детей и осознавая важность сохранения как можно высокого процента трудоспособного населения, правительство, вероятнее всего, пойдет на введение ряда стимулирующих экономических мер в демографической политике, подталкивая новые пары к рождению детей. В России семейная политика направлена на решение таких задач, как создание условий для выполнения репродуктивных, экономических, социокультурных и жизнеобеспечивающих функций, содействие адаптации семьи.

Список использованных источников:

1. Куприянова, Ю. А. Новая демографическая политика в Китае: «Одна семья – два ребенка» [Электронный ресурс] / Ю. А. Куприянова. – Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – Режим доступа: [http:// superleninka.ru/](http://superleninka.ru/)

2. Воронов, А. Н. Семейная политика современной России [Электронный ресурс] / А. Н. Воронов. – Санкт-Петербург. Общественные науки. – 2016. – Режим доступа: [http:// cyberleninka.ru/](http://cyberleninka.ru/)

3. Порсева, Е. А. Основные проблемы, возникающие в ходе реализации государственной семейной политики [Электронный ресурс] / Е. А. Порсева. – Санкт-Петербург. Общественные науки. – 2019. – Режим доступа: <http:// cyberleninka.ru/>

4. Наранбат, Г. Семейная политика Монголия в начале XXI века. [Электронный ресурс] / Г. Наранбат. – Улан-батор. Общественные науки. – 2017. – Режим доступа: <http://www.num.edu.mn/> (на монгольском языке)

5. Галбадрах, Д. Современные семейные проблемы в Средней Азии [Электронный ресурс] / Д. Галбадрах. – Улан-батор. Общественные науки. – 2018. – Режим доступа: <http://www.num.edu.mn/> (на монгольском языке)

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ С ОСУЖДЕННЫМИ ЖЕНЩИНАМИ, ИМЕЮЩИМИ ДЕТЕЙ

© С.Е. Бородулина

Научный руководитель: Л.М. Сафиулина

Сибирский федеральный университет

Актуальность социальной работы с осужденными женщинами, которые имеют детей, определена тем, что осуждение и изоляция ставит их в довольно тяжёлое положение, при котором могут возникать различные нестабильные состояния, вызывающие негативные эмоции и последствия. В исправительном учреждении отбывая наказание осужденные женщины, находятся в изоляции от своих детей, что приводит к негативным последствиям. Осужденные женщины теряют навыки и умения воспитания детей после освобождения, а дети без заботы своих матерей отстают в психическом и физическом развитии от тех детей, которые непрерывно находились с матерями. Тем самым, реализация социальной работы чрезвычайно необходима, в особенности для осужденных матерей, которые имеют специфические социальные, психологические, психофизиологические и иные характеристики свойственные женщинам.

Социальная работа с осужденными представляет собой компонент многоуровневого комплекса государственной поддержки граждан в трудных жизненных ситуациях. Как отмечают И. Ю. Арзамаскина и Е. А. Буланова, оказание социальной помощи, поддержки и защиты осужденных в целях их исправления и ресоциализации в момент исполнения уголовного наказания, а также последующей адаптации в обществе после освобождения крайне необходима при работе с

осужденными женщинами в исправительном учреждении [3, с. 79]. П. Д. Павленок конкретизирует, что цель социальной работы с осужденными заключается непосредственно в формировании различного рода предпосылок для исправления и ресоциализации осужденных и их дальнейшей качественной адаптации после освобождения из исправительного учреждения [8, с. 112]. Таким образом, реализуя социальную работу на этапе отбывания наказания, решаются такие важнейшие задачи как: формирование основы для исправления личности осужденного, дальнейшей адаптации в обществе после отбытия наказания, помощь в ресоциализации осужденных. Социальная работа проводится непосредственным образом для всех осужденных граждан, отбывающих наказание в исправительном учреждении.

Профессиональная деятельность специалистов по социальной работе и иных работников исправительного учреждения базируется, в первую очередь, на Уголовно-исполнительном кодексе РФ [1], а также в работе с осужденными используется Приказ Минюста России «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» № 262 от 30.12.2005 г [2]. В настоящее время ведётся поиск более эффективной модели такой деятельности, возникают новые формы организации социальной работы с осужденными.

Стоит отметить, что социальная работа направлена, прежде всего, на особые категории осужденных, имеющих острую необходимость в проведении такой деятельности. К одной из таких категорий относятся осужденные женщины, в особенности те, которые имеют детей. Специфика социальной работы с осужденными женщинами, имеющими детей обусловлена тем, что женщины находясь в исправительном учреждении, часто находятся в разлуке со своими детьми. Для одной категории женщин дети являются лишь средством, т.е. родив в колонии, осужденные женщины пользуются этим – проживают в лучших условиях, чем остальные осужденные. К детям такие осужденные относятся эмоционально холодно, у них нет привязанности к ним, нет материнских чувств, не понимают, как правильно заботиться о ребенке. Другая категория осужденных женщин – это те женщины, которые имеют детей на воле и не могут в полной мере с ними взаимодействовать, так как женщина и ребенок находят в изоляции друг от друга.

Осужденные женщины имеют особые характерные черты личности, поэтому для них важно подобрать подходящую программу социальной работы, которая позволит эффективным образом взаимодействовать с ними.

В социальной работе с осужденными женщинами важно учитывать, что зачастую их убеждения и мотивация поведения имеют тесную связь с какими-либо семейными или бытовыми проблемами. Именно поэтому значительное

внимание уделяется различным социально-демографическим и личностным характеристикам осужденных (к примеру, семейное положение, наличие детей, отношение к свойственной лишь для них социальной роли – деторождению и воспитанию детей). В результате этого особое значение приобретает сохранение положительных связей с семьями и детьми осужденных. Несомненно, данные связи позволяют сохранять положительное психическое и эмоциональное состояние женщин.

Поскольку осужденные женщины обладают достаточно специфическими психологическими особенностями, им оказывается непрерывная психологическая помощь в снятии стресса и тревожности, помощь в решении внутренних конфликтов и иных имеющихся проблем психологического характера. Кроме того, для женщин, которые имеют детей, формируются различные условия для общения с детьми, что является особо важным фактором для их положительного состояния.

Главным признаком, который выделяет осужденных матерей из всех женщин, заключенных в исправительном учреждении, является наличие у них детей. М. А. Галугузова отмечает, что материнство представляет собой особое состояние женщины в период вынашивания ребёнка, родов, кормления, а также осознание имеющейся сильной родственной связи с детьми. Данное состояние предполагает чувства любви и заботы к своему ребёнку, способность к рефлексии на физические и психические состояния ребёнка, а также удовлетворение его основных потребностей и полноценное воспитание [9, с. 92]. Кроме того, важно отметить, что возможность для матери видеть своего ребенка и иметь с ним физический контакт, считается главным условием исправления осужденной женщины. Данная возможность представляет собой дополнительную мотивацию к условно-досрочному освобождению женщины. Тем самым, для осужденных женщин, имеющих детей, проводятся различные возможные мероприятия во время праздничных дней (например, День матери), при которых им удаётся побыть вместе со своими детьми.

Однако отбывание наказания в исправительных учреждениях зачастую оказывает и негативное воздействие на состояние осужденной женщины-матери. К примеру, прекращение социальных отношений, проявление изолированности по отношению к людям и собственно себе, отсутствие поддержки и заботы от близких людей могут стать существенной причиной для проявления безразличия к своему ребёнку. Даже не осознавая этого, мать считает своего ребенка дополнительной обузой, значительным образом усугубляющей тяжёлое состояние женщины и всей сложившейся ситуации. Вследствие этого возникает острая

необходимость в индивидуальной социальной и психологической работе с осужденной женщиной.

Зачастую дети осужденных женщин проживают у их родственников, т.е. родители мамы, сестра, брат и т.д. являются временными опекунами или попечителями для детей, назначенные органом опеки и попечительства. В некоторых случаях детей направляют в детские дома или под опеку посторонним людям. Это происходит вследствие того, что осужденная женщина не имеет должных условий для полноценного общения и контакта со своим ребёнком, либо обладает тяжёлым психическим состоянием, при котором не может находиться рядом с ребёнком.

С. Н. Емельянов подчеркивает, что специалисты по социальной работе для изменения ситуации с осужденными женщинами, которые имеют детей, должны на регулярной основе проводить деятельность, направленную непосредственно на следующие моменты:

- желание осужденной женщины оставаться матерью;
- полноценную заботу о своем ребёнке после отбытия наказания в исправительном учреждении и воспитание должного уровня [4, с. 34].

П. А. Ледях указывает, что для качественного и эффективного выполнения социальной работы с осужденными женщинами в условиях исправительного учреждения необходимо предусматривать следующее:

1. формирование необходимых условий для поддержания нормального психического и эмоционального состояния осужденной женщины-матери;
2. разработка комплекса непрерывных социальных и межличностных контактов с ребенком, членами семьи;
3. проведение консультаций со специалистами в области психологии, социальными работниками, педагогами и педиатрами;
4. при учёте гендерных характеристик воспитательный процесс складывается, прежде всего, на формировании так называемого женского начала и основ материнства, а также на организации полноценной подготовки и обучения осужденных матерей;
5. разработка особых рекомендаций в целях расширения использования на практике возможности совместного проживания осужденной матери с ребенком до достижения им трёхлетнего возраста;
6. предоставление преимущественного права на высокооплачиваемую работу, трудовое и жилищное устройство после освобождения из исправительного учреждения, а также иных важных социальных прав [5, с. 19].

Тем самым, вышеперечисленные моменты работы с осужденными женщинами, которые имеют детей, существенным образом помогают матерям

оставаться в положительном психическом и эмоциональном состоянии. Такая оказываемая для осужденных женщин социальная помощь буквально дает им возможность для нового уровня своей жизнедеятельности, которую они смогут построить при завершении своего отбывания в исправительном учреждении. Кроме того, данная социальная поддержка оказывает положительное воздействие на положение осужденных женщин.

Стоит также рассмотреть заключительный этап во время отбывания наказания в исправительном учреждении, а именно подготовку к освобождению. Во всех таких учреждениях работает школа по подготовке осужденных к освобождению, главная задача которой заключается непосредственно в исключении преступных намерений и вовлечение в обыденную жизнь освобождающихся граждан [6, с. 21]. Для этого за несколько месяцев до освобождения с осужденными женщинами проводится эффективная работа по разным направлениям при учёте их индивидуальных характеристик в зависимости от социального положения, возраста и др. Социальные работники помогают в поиске работы и места жительства (если отсутствует постоянное), подготавливают женщин к сложностям вне исправительного учреждения, читают лекции, показывают различные фильмы и т.д. Женщин подготавливают к полноценному материнству, обучают их к правильному обращению с детьми. Кроме того, женщин обучают адаптации к жизни матери вне исправительного учреждения, в котором они отбывают наказание.

Таким образом, социальная работа с осужденными женщинами, имеющими детей, является необходимой в их исправительном процессе. Именно такая деятельность с женщинами позволит им сделать правильные выводы, произвести работу над собой, научиться обращаться со своими детьми и воспитать их должным образом.

Список использованных источников:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ ред. от 26.07.2019. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940/a51d218c545cfd1fa2dd a577bcca2aabb33bb927/.

2. Приказ Минюста России «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы» [Электронный ресурс]: федер. закон от 30.12.2005 № 262 ред. от 21.07.2016. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-miniusta-rf-ot-30122005-n-262/>.

3. Арзамаскина, И. Ю. Об особенностях воспитательной работы, проводимой с осужденными женщинами / И. Ю. Арзамаскина, Е. А. Буланова // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 15.

4. Емельянов, С. Н. Организационные и правовые проблемы обеспечения безопасности исправительного обеспечения / С. Н. Емельянов // Вестник Владимирского юридического института. – 2016. – № 2.

5. Ледах, П. А. Социальная работа с осужденными: актуальные вопросы теории и практики / П. А. Ледах // Государство и право. – 2016. – № 8.

6. Лелик, Н. Б. К вопросу о реализации законных интересов осужденных женщин в исправительных колониях / Н. Б. Лелик // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 10.

7. Онищенко, И. С. Международные стандарты в сфере исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, имеющих малолетних детей / И. С. Онищенко // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2017. – № 10.

8. Павленок, П. Д. Основы социальной работы: учебник / П. Д. Павленок. – Москва: ИНФРА-М, 2015. – 534 с.

9. Галугузова, М. А. Социальная работа с осужденными: учебник / В. И. Жукова, М. А. Галугузовой. – Москва: Академия, 2002. – 180 с.

ОДИНОКОЕ ОТЦОВСТВО КАК НОВЫЙ ТИП РОДИТЕЛЬСТВА

© К.С. Голобурдина

Научный руководитель: А.Б. Федулова

канд. философ. наук

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Преобразования, происходящие в современном обществе, повлияли на институт семьи, который в настоящее время переживает серьезные изменения. Происходит трансформация в сфере семейных отношений, переосмысление традиционного гендерного порядка в сфере семьи и брака, меняются общепринятые семейные ценности и установки. Распространенной социальной нормой считается малодетность. Меняются ценности, предпочтения и поведение современных людей. Люди становятся эгоцентричными, направляют свои усилия на улучшение социального статуса и имущественного положения. Семья утрачивает ценность, поскольку современная личность, ощущая свою значимость и независимость, зачастую не готова заводить семью.

Вместе с этим появляются и становятся более распространенными новые стратегии родительства, а также расширяется спектр родительских и супружеских

практик [6,7]. Исследователи выделяют: сознательное (ответственное) родительство; гиперответственное или интенсивное материнство (большее давление на молодую мать, чем мать молодой матери); отставленное (отложение) родительство; традиционное родительство (на биологическом родстве); социальное родительство (современное аталычество, приемные семьи, суррогатное родительство); одинокое родительство (монородительство); родительство, как результат индивидуально выбора – отказ от рождения (движение «child-free» (свобода от детей)); материнство (ответственное и неответственное); отцовство (ответственное и неответственное); девиантное материнство (подростковая беременность и отказничество) и другие [7].

Новые поведенческие практики в сфере супружества, родительства и родства приводят к изменению семейных ролей и обязанностей, размыванию границ между традиционно мужскими и женскими функциями. Помимо этого, меняются и лидерские позиции в семье, так мужчина не всегда является главой семьи, а женщина выполняет не только хозяйственную работу.

В силу нестабильности современного семейного образа жизни приоритеты семьи сдвигаются в сторону материальных ценностей. Эмоциональная связь и поддержка уходят на второй план, семья становится дисфункциональной. Кроме того, трансформация института семьи в современном обществе сопровождается высоким числом разводов, устойчивым увеличением неполных семей, в том числе отцовских.

Так, по данным переписи населения 2010 года, число одиноких отцовских семей составляло 17% от общего числа домохозяйств [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Это означает появление новых моделей отцовства, таких как, нерезидентские отцы, отцы-одиночки и т.д. [1]. Актуальность проблемы одинокого отцовства обусловлена усложнением социальных обстоятельств, изменением содержательного характера современной семьи и отцовства.

Исследователи выделяют следующие причины появления отцовских семей:

1. мужчины в основном становятся отцами-одиночками в связи с гибелью жены. Если это произошло внезапно, процесс адаптации продолжается длительное время – до пяти и более лет;
2. распространенным является случай, когда отцу приходится воспитывать ребенка в одиночестве вследствие развода, если мать ребенка не собирается брать на себя ответственность по выполнению родительских обязанностей;
3. причиной одинокого отцовства может быть асоциальное поведение матери (алкоголизм и наркомания, другие аддикции), что ведет к ограничению ее в родительских правах;

4. мужчинам иногда приходится самостоятельно растить детей в то время, когда их жены отбывают наказание в местах заключения [2].

Как показывают исследования последних десятилетий, неполные отцовские семьи относятся к категории наиболее уязвимых, наряду с семьями,отягощенными наличием инвалидов, пенсионеров и т.д. Но, несмотря на повышенный интерес к проблеме одинокого отцовства, данная семья слабо представлена в отечественных исследованиях, вопрос о социальной поддержке данной семье только начинает подниматься.

Существует ряд проблем, которые затрудняют обеспечение социальной поддержки отцов-одиночек в нашей стране. В законодательстве РФ не указаны четкие условия, при которых мужчина становится отцом-одиночкой, и, соответственно, нет юридического понятия «отец-одиночка» и категории «одинокое отцовство» наряду с категорией «одинокое материнство». При этом чаще всего одинокий отец является им неофициально, и возможности для назначения мер социальной поддержки оказываются ограниченными. Это становится препятствием для семей, которые образованы в результате ухода матери ребенка из семьи, для одноподдетных отцовских семей, для семей, которые не являются малообеспеченными, но испытывают материальные трудности [3].

Серьезной проблемой являются индивидуальные психологические особенности отцов-одиночек, которые препятствуют их обращению в социальные учреждения из-за боязни показаться слабым, несамостоятельным. И, безусловно, экономическое положение такой семьи отягощается, поскольку отцу необходимо выполнять функции обоих родителей, к выполнению которых он совершенно не был готов.

На основе исследования И.О. Шевченко [4], которая занималась изучением повседневных практик и проблем одиноких отцов, можно сказать, что чаще всего быт и повседневные заботы отцов-одиночек не представляются реальной проблемой, потому что изначально, будучи отцом в полной семье, мужчина имел опыт ведения домашних дел. На основе опроса 80 отцов-одиночек были выявлены основные тенденции в поведении одиноких отцов: отцы жертвуют своей работой, либо подбирают работу с гибкой занятостью; дети в таких семьях обладают большей самостоятельностью и свободой выбора; отцы – пользователи Интернета обладают большей информированностью о бытовых вещах, касающихся воспитания детей [4].

На всех этапах жизненного цикла отцовской семьи актуальными остаются вопросы в сфере воспитания детей (особенно девочек), проблема совмещения одиноким отцом своих профессиональных и родительских обязанностей [5]. Наличие этих трудностей в неполных семьях формирует естественную потребность в их преодолении, а также дальнейшей профилактике.

В настоящее время, государство не в полной мере ориентировано на неполные семьи, и соответственно, система социальной защиты предоставляет для отцовских семей незначительные возможности и ресурсы в решении проблем. Как правило, мужчины указывают на: 1) незначительность помощи; 2) недостаток правовых знаний и информированности об услугах (многие отцы не знают о том, на что могли бы претендовать); 3) нежелание быть зависимыми от государственных пособий (невзирая на наличие финансовых трудностей, вопрос о возможности обращения за государственной поддержкой вызывал у одиноких отцов открытый протест) [1].

В результате, складывается двойственная ситуация, когда с одной стороны государство осуществляет меры поддержки, но процедура их получения сложна, либо недоступна для одиноких отцов. С другой стороны нежелание, либо плохая осведомленность отцов-одиночек о полагающихся им мерах поддержки, что является препятствием для получения помощи.

Таким образом, под влиянием вышеперечисленных причин появления неполных отцовских семей, трансформации семейных ролей и поведенческих установок формируется новая модель родительства, определяющая способность мужчин брать на себя новые обязанности, связанные с выполнением роли одинокого отца. Можно говорить об эволюционировании отцовства как социального феномена [5].

Следовательно, одинокое отцовство необходимо рассматривать как важный элемент семейной системы, и понимать отцовство как индивидуальную социальную практику и сложное явление, которое подвергается различным факторам воздействия. Актуальность представляют исследования психологических черт и характеристик одиноких отцовских семей, которые в дальнейшем могут способствовать разработке специальных программ психолого-педагогической работы с данной категорией семей. Стоит поощрять отцовские инициативы по созданию групп помощи и самопомощи одиноким отцам, группы по обмену опытом. Следует работать над программами помощи неполным отцовским семьям, совершенствованием базы учреждений, а также законодательным закреплением социально-правового статуса одинокой отцовской семьи.

Список использованных источников:

1. Егорова, Н.Ю., Янак, А.Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. №2 (34). С.42-46.

2. Стасенко, О.В. Одинокое отцовство в современном обществе: причины возникновения и основные проблемы // Женщина в российском обществе. 2010. №3 (3). С. 78-82.

3. Шелуханова, Л.В. Роль отца в инвестировании социального капитала в развитие ребенка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. №3(47). С.109-115.

4. Шевченко, И.О. Одинокое отцы в России: повседневные практики и проблемы // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. №4(126). С. 163-172.

5. Рожкова, О.Е. Трансформация отцовства как социального института // Российское общество: история и современность: сборник научных работ студентов и аспирантов. Екатеринбург, 2014. Вып. 8. С. 52-56.

6. Шахова, И.А. Трансформация ценностей института семьи в современной России // Вестник Амурского государственного университета. 2014. №64. С. 107-110.

7. Федулова, А.Б. Социальные практики современного родительства как «вызов обществу будущего» // Сила слабых: гендерные аспекты взаимопомощи и лидерства в прошлом и настоящем. Материалы Десятой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 7-10 сентября 2017 г., Архангельск; В 3-х томах / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, Т.И. Трошина. М.: ИЭА РАН, 2017. Т.1. С.292-295.

ЮВЕНАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РОССИИ: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

© В.С. Гурьянова

Научный руководитель: Л.Ю. Анисимова

канд. ист. наук

Сибирский федеральный университет

В современном уголовном законодательстве несовершеннолетние правонарушители являются специальным субъектом уголовного преследования и характеризуются более мягкими условиями наступления уголовной ответственности. В то же время, само наказание характеризуется карательными мерами воздействия на несовершеннолетнего, целями которых, согласно ст. 43 УК РФ [7], являются исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. На сегодняшний день в Российской Федерации к наказанию осуждено 37 953 несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом, из них ранее были судимы – 3520 чел. или 9 % от общего числа осужденных несовершеннолетних. [5]. Исходя из этого, встает вопрос о необходимости применения дополнительных мер

системы уголовного преследования в отношении несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом. Наиболее предпочтительным вариантом решения сложившейся ситуации является применение ювенальных технологий в отношении несовершеннолетних лиц, совершивших правонарушение.

Н.А. Никитина [3] дает понятие ювенальным технологиям – это упорядоченная совокупность действий, основанная на последовательной полипредметной кооперации специалистов по возвращению несовершеннолетнего, попавшего в сферу деятельности правосудия о несовершеннолетних, в норму взросления, включающая в себя действия по диагностике проблемы, выбору способов решения (разработка технологии решения), само решение проблемы и его оценку, применяемая в некоторых случаях принудительно. Автор разграничивает понятия ювенальная юстиция и ювенальные технологии, что является немаловажным, так как сферы применения данных понятий несколько различаются. Также, необходимо отметить то, что в данном понятии устанавливается цель ювенальных технологий – это возвращение несовершеннолетнего в норму взросления.

О. В. Чиркун понимает назначением ювенальных технологий в целях и задачах, которым они служат. Как выше было указано основной целью применения ювенальных технологий является возврат подростка в норму взросления. Для достижения данной цели необходимо выполнение следующих задач:

- 1) содействие в исправлении ситуации, когда несовершеннолетний оказался в конфликте с законом в досудебном порядке;
- 2) профилактика девиантного, в том числе и делинквентного, поведения, в особенности в среде детей, находящихся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении;
- 3) вторичная профилактика после исполнения решения суда;
- 4) принятие мер по адаптации и ресоциализации;
- 5) и другие [8].

Анализируя вышеупомянутые положения с уверенностью можно говорить о том, что ювенальные технологии — это самостоятельная область социальных технологий, которая предусматривает всесторонний охват профилактической деятельности в отношении несовершеннолетних, находящихся в группе риска криминализации, как в случае правонарушения, так и до его осуществления.

Первыми нормативно – правовыми актами, закрепляющими основные принципы ювенальных технологий в России, стали акты Организации Объединенных Наций (далее ООН) – Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних от 29.11.1985 г. [2], Конвенция о правах ребенка от 20.11.1989, которая была ратифицирована СССР

15.09.1990 г. [1], и Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних от 14.12.1990 г. [6].

Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних или так называемые Пекинские правила [2] устанавливают систему основных принципов и целей деятельности по осуществлению правосудия над несовершеннолетним. Их основной целью, согласно правилу 5.1, является обеспечение благополучия несовершеннолетнего, совершившего правонарушение. Благополучие само по себе содержит все аспекты жизни человека, а для несовершеннолетнего дополняется обеспечением условий для нормального развития, как в физическом, так и в социальном и психологическом плане.

Конвенция о правах ребенка [1] зафиксировала перечень прав детей, которые обязаны охранять страны и в ней содержится первые признаки ювенальных технологий. Данный акт устанавливает требования к правосудию в отношении ребенка, в частности ст. 40 п.1 закрепляет право несовершеннолетних, переступивших черту закона на обращение, которое способствует развитию у ребенка чувства достоинства и значимости, укрепляет в нем уважение к правам человека и основным свободам других и при котором учитывается возраст ребенка и желательность содействия его реинтеграции и выполнению им полезной роли в обществе. Данный тезис из статьи подтверждает присутствие признаков ювенальных технологий. Так, можно заметить то, что возможно основные идеи ювенальных технологий как раз и вытекают из статей данного акта, провозглашающих права несовершеннолетних правонарушителей.

Нормы в отношении несовершеннолетних правонарушителей, установленные в данных актах нашли отражение в российских нормативно-правовых актах, таких как УК РФ, УПК РФ и других нормативно – правовых актах РФ. В УК РФ глава 14 регламентирует наступление уголовной ответственности несовершеннолетних. Она характеризуется более мягкими условиями наступления наказания, а также ограниченными видами наказания и, в частности, такой вид наказания как принудительные меры воспитательного характера (ст. 90, 91) [7]. Данный вид наказания, точно также как и другие преследует цель – исправление осужденного, но исполнение наказания реализуется в несколько другой форме – предупреждения и состоящее в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений.

Руководящие принципы ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних – Эр-Риядские руководящие принципы [6] – устанавливают основополагающие начала осуществления профилактики правонарушений среди лиц, не достигших совершеннолетия. В данном акте указывается необходимость

проведения государственной политики в области профилактики правонарушений несовершеннолетними, называется необходимость создания механизмов социальной защиты, как самих несовершеннолетних, так и их семей.

Данные принципы нашли отражение в Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4], который также является основным нормативно – правовым актом Российской Федерации, затрагивающий сущность ювенальных технологий, но не прямо регламентирующий их. Так например, в статье 1 пункте 7 указывается, что индивидуальная профилактическая работа – деятельность по своевременному выявлению несовершеннолетних и семей, находящихся в социально опасном положении, а также по их социально-педагогической реабилитации и (или) предупреждению совершения ими правонарушений и антиобщественных действий. Соотнеся это понятие с понятием ювенальных технологий можно прийти к выводу о том, что они сходятся в целях – реабилитация несовершеннолетних, вступивших в конфликт с законом с учетом всех сторон жизни несовершеннолетнего и его семьи. Структурные элементы понятий соотносятся в последовательности деятельности – это выявление и устранение причин и условий неблагополучия несовершеннолетнего и их семей и соответственно проведение ряда реабилитационных мероприятий.

Делая выводы о Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4], приходит понимание, что проблема правонарушений несовершеннолетних, а также защита прав этой социальной группы, является важной и актуальной. Законодатель дает четкое определение направлений профилактической работы, устанавливает ответственные органы, а также группы лиц, тем самым ставя приоритет прав и гарантий несовершеннолетних, которые попали в социально – опасное положение.

Говоря о ювенальных технологиях, прежде всего, необходимо сделать акцент на том, что они имеют своей целью восстановление нормы взросления несовершеннолетнего, вступившего в конфликт с законом. Оформляясь как социальная технология, ювенальные технологии они находят свое отражение в нормативно – правовых актах нашего государства, хоть и прямого упоминания о них нет.

Список использованных источников:

1. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]: резолюция Ген. Ассамблеи ООН № 44/25 от 20.11.1989 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] : резолюция Ген. Ассамблеи 40/33 от 29.12.1985 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Никитина Н.А. О понятии «Ювенальная технология» / Н.А. Никитина // Теория и практика общественного развития. – 2013. – №3.

4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : федер. закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ ред. от 26.07.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Портал правовой статистики генеральной прокуратуры РФ [Электронный ресурс] : база данных – Режим доступа: <http://crimestat.ru/>

6. Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних [Электронный ресурс] : резолюция Ген. Ассамблеи 45/112 от 14.12.1990 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 07.04.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Чиркун О. В. Ювенальные технологии в профилактике правонарушений несовершеннолетних / О. В. Чиркун // Ярославский педагогический вестник. – 2013. – №2. С. – 15.

НЕБЛАГОПОЛУЧНАЯ СЕМЬЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО СИРОТСТВА

© Ю.О. Зимонина

Научный руководитель: Л.Ю. Анисимова

канд. ист. наук

Сибирский федеральный университет

С каждым годом увеличивается количество детей из неблагополучных семей. Причинами неблагополучия являются: десоциализация родителей, алкоголизм и наркомания родителей и другие деградирующие причины вследствие которых могут отобрать ребенка из семьи.

Как правило, эти дети не умеют общаться, взаимодействовать с другими, им трудно понимать людей, регулировать дистанцию в отношениях друг с другом и со взрослыми, из-за чего возникают различные проблемы и сложности, которые

нередко носят конфликтный и проблематичный характер. Они испытывают недоверие, руководствуются негативными мотивами, сближение с другими им порой кажется угрожающим, как преддверие катастрофы. Некоторых детей не покидает предчувствие, что их предадут, обидят, сделают им больно. Возможно, это одна из причин своеобразного избегания конфликтов, поиска средств самозащиты.

Семейное неблагополучие является актуальной проблемой на сегодняшний день.

В настоящее время достаточно много наук, занимающихся вопросами семьи и детства – это социология, психология, педагогика, демография, этика. И каждая из них выделяет понятие «неблагополучная семья».

Отечественные учёные (М.А. Галагузова, Т.И. Шульга, В.М. Целуйко) рассматривают неблагополучную семью как семью с низким социальным статусом, в которой ребенок испытывает дискомфорт, где игнорируются семейные ценности и наблюдается социальная неустроенность.

В психологии выделяют следующие основные факторы семейного неблагополучия:

1. Социально-экономические; 2. Социально-культурные факторы; 3. Демографический фактор; 4. Медико-биологические факторы; 5. Психологические факторы.

Для выявления и коррекции семейного неблагополучия используется система методов, таких как «метод социальной работы», «педагогический метод», «социально-педагогический метод» и «психологический метод» [7]. Для начала специалисту, работающему с проблемной семьей, необходимо решить, какую форму работы выбрать конкретно с этой семьей. Ведь главное – это не отправить ребенка в специализированное учреждение, а сохранить семью и помочь ей преодолеть трудную жизненную ситуацию. Чтобы выбрать наиболее оптимальное решение, специалисту нужно обратиться к критериям и показателям, которые определяют категорию детей, нуждающихся в помощи, и перечень необходимых направлений деятельности специалиста. Выделяя различные виды работы с неблагополучной семьей, специалист должен учитывать, что, прежде всего, нужно уделять внимание взрослым, воздействуя на них через работу с детьми [1].

М.А. Галагузова, Ю.В. Василькова под «социальными сиротами» понимают несовершеннолетних, которые имеют биологических родителей, но те по каким-то причинам не занимаются воспитанием и содержанием ребенка и не заботятся о нем.

На сегодняшний день решение вопроса социального сиротства очень важно для российского общества. Идеологический, экономический и политический кризисы в стране заставляют многих родителей в отчаянии прибегать к алкоголю,

наркотикам и разного рода зависимостям, нередко прибегая к жестокому обращению с детьми. Таким образом, появляется огромное количество обстоятельств, создающих угрозу жизни и здоровью ребенка.

Семья, не принимающая помощь и не желающая исправлять семейные дефекты, это семья, в которой ребенок зачастую находится в стрессовом состоянии, социально дезадаптирован и не имеет права на полноценное развитие. Мониторинг семей и выявление среди них неблагополучных происходит не вовремя. Своевременность выявления детей, нуждающихся в государственной помощи и поддержке, а также семей группы риска снижает процент детей, попадающих в государственные учреждения, и повышает шансы ребенка на то, что он останется в кровной семье, которой окажут необходимую помощь, чтобы она стала благополучной и выполняла все предназначенные ей функции.

Численность детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся под надзором в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составляет 42066 человека.

Мы провели опрос «Взаимоотношение в семье», в котором приняло 50 участников. Среди которых 20 мужчин и 30 женщин. Они учатся или работают. Неблагополучной семьей, по их мнению, считается та семья, в которой происходит дисфункция воспитательной сферы и где детей бьют. Также респонденты говорили, что в их семьях редко случаются конфликты, если конфликты всё же случаются, то случаются по причине непонимания друг друга членами семьи. На вопрос как можно помочь неблагополучным семьям, они отвечали, что нужно усилить межведомственный контроль за такими семьями.

Таким образом, чтобы сократить число сирот, необходимо усилить работу с неблагополучными семьями.

Список использованных источников:

1. Галагузова, М.А. Социальная педагогика. Учебник для вузов. / М.А. Галагузова – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2009. – 166 с.
2. Шульга, Т.И. Работа с неблагополучной семьей. Учебное пособие. / Т.И. Шульга – М.: Дрофа, 2005. – 254 с.
3. Олиференко, Л.Я. Социально – педагогическая поддержка детей группы риска / Л.Я. Олиференко. – М.: Издательский центр «Академия», 2008 – 256 с.
4. Целуйко В.М. Психология неблагополучной семьи: Книга для педагогов и родителей. / В.М. Целуйко – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2006. – 272с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ: АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИИ

© Д.Г. Сырокваш

Научный руководитель: Н.А. Гончаревич

Сибирский федеральный университет

Термин «выгорание» появился на фоне все шире разворачивающегося и трагичающего множество областей научных знаний изучения стресса. Впервые его употребил психиатр Герберт Фройденбергер в 1974 году по отношению к волонтерам, с которыми он работал. Фройденбергер заметил у них постепенное эмоциональное истощение и потерю мотивации спустя около года активного волонтерства [8]. В результате он описал феномен выгорания как особое состояние психически здоровых людей, которые находятся в тесном, интенсивном общении с людьми как объектами своего труда, при оказании профессиональной помощи в условиях насыщенной эмоциональной атмосферы [5]. Таким образом, группа социономических профессий выделяется в особую категорию подверженных выгоранию в силу интенсивности взаимодействия работника и клиента и эмоциональных условий этого взаимодействия.

После Г. Фройденбергера выгоранию было посвящено множество исследований. Данная тема активно разрабатывалась в американских социологических и психологических школах. Фактически одновременно с Фройденбергером работала Кристина Маслак и ее коллеги. Их исследование было посвящено эмоциональному возбуждению и стратегиям борьбы с ним. В результате командой ученых под руководством К. Маслак были описаны защитные стратегии психики, ставшие позднее симптомами выгорания [6].

Вскоре после исследований Маслак и Фройденбергера появилось множество публикаций о выгорании от различных авторов, так или иначе связанных с социальной сферой. Так как изучение феномена на тот момент только зарождалось, каждый по-своему описывал его содержание и трактовал смысл. В связи с этим возникла путаница в определении механизмов формирования, развития и манифестации выгорания, появлялись новые теории и модели, искажавшие результаты эмпирических исследований или противоречившие им. По словам самой К. Маслак исследования, проводившиеся в то время, не являются надежными источниками информации из-за несоответствия методологии [8]. Это означает, что полученные по первым исследованиям данные не были репрезентативны и обоснованы. Они требовали уточнения и проверки достоверности результатов, в связи с чем не могли быть использованы как валидные и надежные

источники. Тем не менее, они положили начало масштабному изучению феномена выгорания во многих областях науки – от медицины до социологии.

Несмотря на то, что название у феномена появилось только в 70-е годы прошлого века, существуют свидетельства того, что известен науке он был достаточно давно. Зачастую фиксировались его внешние проявления, которые трактовались как частные случаи различных психических состояний. Например, А. П. Чехов в своих рассказах «Ионыч» и «Палата №6» описал выгорание у врачей, точно воспроизведя динамику и симптоматику. Еще задолго до того, как термин «выгорание» стал использоваться в работах отечественных психологов, его суть была зафиксирована российскими авторами в таких терминах, как феномен «отравления людьми», синдром «болезни общения» у медицинских работников, феномен «излетанности» у летчиков и др. [3]. Выгорание, таким образом, не является проблемой исключительно последних десятилетий. Вероятнее всего, вместе с ускорением темпов производительности и развитием науки он стал больше привлекать к себе внимания, что и послужило причиной выделения в отдельную категорию среди иных состояний психики.

В его зарубежной трактовке отечественные ученые впервые обратили внимание на выгорание в 1990-х годах после использования данного термина в своих работах Т. В. Форманюк. В дальнейшем широкое исследование провел В. В. Бойко, который разработал модель, легшую в основу его методики по выявлению выгорания. В. В. Бойко описывает его как динамический процесс, включающий последовательную смену фаз и симптомов. Помимо этого, ученый выделил факторы формирования выгорания, разделив их на внешние и внутренние [1]. Согласно определению В. В. Бойко, выгорание – это используемый личностью механизм психологической защиты, проявляющийся через частичное или полное исключение эмоционального реагирования в ответ на психотравмирующее воздействие [7]. Исходя из понимания автора, выгорание носит черты стереотипного поведения, которое помогает человеку экономно расходовать психоэмоциональные ресурсы. Несмотря на то, что его можно рассматривать как естественный и положительный механизм защиты, он существенно отражается на профессиональной деятельности в негативном ключе.

Одним из значительных российских ученых, занимавшимся изучением выгорания является В. Е. Орел, определяющий его как дезадапционный феномен, т.е. в процессе его развития происходит своеобразная интегративная реакция субъекта – его дезадаптация в профессиональной деятельности [4]. Такой подход позволяет рассмотреть выгорание в процессе становления личности как профессионала на разных этапах приспособления к профессии. Это дает возможность

проанализировать трудности, встречающиеся в трудовой деятельности с позиции их устранения как дезадаптирующих факторов.

Также В. Е. Орел в работе «Синдром психического выгорания личности» проанализировал множество работ других авторов и определил два подхода к феномену выгорания – процессуальный и результативный [4]. К первому подходу относятся ученые, трактующие его как процесс со своими стадиями или фазами. К ним принадлежит и сам автор. В рамках второго подхода выгорание рассматривается как некое состояние, имеющее в своем составе определенные компоненты или характеристики и сформированные под воздействием различных стрессоров, негативных факторов.

Таким образом, единого мнения относительно трактовки выгорания на данный момент не существует. Единственный способ интегрировать два разных подхода можно с точки зрения одного из принципов отечественной психиатрии – единства процесса и результата любой психической деятельности. Исходя из данного принципа выгорание можно охарактеризовать как особое психическое состояние, являющееся результатом происходящих с психикой изменений.

Согласно определению Всемирной организации здравоохранения выгорание – это синдром, признаваемый результатом хронического стресса на рабочем месте, который не был успешно преодолен [2]. Нужно обратить внимание, что ВОЗ специально указывает, что выгорание относится только к профессиональной деятельности и не может рассматриваться в контексте иных сфер жизни. Для него не существует клинического лечения и рекомендации по профилактике и борьбе с данным состоянием, как правило, основываются на психологических исследованиях.

Относительно употребления таких понятий как «психическое выгорание», «эмоциональное выгорание» и «профессиональное выгорание» разными авторами выражается своя точка зрения на данный вопрос. Некоторые исследователи утверждают, что термины тождественны и их вариации обусловлены личной трактовкой изначально английского термина «burnout». Анализ современных исследований, проведенный Т. Г. Неруш, говорит о разности определений. Согласно ему психическое выгорание – более широкое понятие, чем профессиональное, так как оно может быть вызвано различными причинами – личностными, семейными, профессиональными и затрагивает эмоциональную, интеллектуальную и мотивационно-потребностную сферы, а также волевой механизм. Профессиональное выгорание является вариантом психического. Понятие «эмоциональное выгорание» употребляется в случае, когда акцент делается на эмоциональной составляющей выгорания и говорит о том, что подверглась негативному воздействию только эмоциональная сфера психики [3]. Необходимо обратить внимание

на то, что приведенные выводы Т. Г. Неруш находятся в противоречии с ВОЗ. Она отмечает наличие выгорания в разных сферах жизни, в то время как ВОЗ специально указывают, что оно возможно только в рамках профессиональной деятельности. Будем учитывать, что выгорание, возникшее в личной жизни, является малоизученным и не доказанным феноменом и может относиться к психологическим проблемам иного рода. Также в зарубежной психологии не существует такого разделения и используется один термин.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что феномен выгорания является актуальной темой для исследования на протяжении многих лет. Несмотря на то, что его признаки были описаны гораздо раньше появления названия, единого мнения относительно симптоматики нет. Тем не менее, выгорание специалиста по социальной работе, как и иных представителей помогающих профессий, представляет собой особый риск, обусловленный тем, что «выгоревший» специалист не способен оказать помощь клиентам должным образом. В связи с этим было решено провести анкетирование специалистов молодежных центров г. Красноярска. В результате анкетирования с помощью опросника поведения и переживания, связанного с работой (AVEM) будет разработан комплекс рекомендаций для профилактики выгорания.

Список использованных источников:

1. Князев, В. Н. Современное состояние проблемы эмоционального выгорания в психологической науке / В. Н. Князев, К. А. Ремизова // Вестник университета. – 2017. – № 5. – С. 181–189.
2. Международная классификация болезней: «профессиональный синдром» эмоционального выгорания [Электронный ресурс] : Всемирная организация здравоохранения. – Режим доступа: https://www.who.int/mental_health/evidence/burn-out/ru/
3. Неруш, Т. Г. Основные этапы изучения феномена выгорания / Т. Г. Неруш // Известия Саратовского университета. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 454–458.
4. Орел, В. Е. Синдром психического выгорания личности : монография / В. Е. Орел. – Ярославль : Институт психологии РАН, 2005. – 450 с.
5. Полянский, А. И. Синдром выгорания как феномен в современной науке / А. И. Полянский, Л. И. Быковская // Горизонты гуманитарного знания. – 2018. – № 5. – С. 81–92.
6. Рытенкова, Ю. Н. Эмоциональное выгорание как психологическая проблема: методологический аспект / Ю. Н. Рытенкова // Наука и образование сегодня. – 2018. – № 2. – С. 82–84.

7. Социально-психологические и психофизиологические особенности адаптации личности к изменяющимся факторам окружающей среды : сб. статей. – Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2017. – 157 с.

8. Professional burnout: recent developments in theory and research : monography / Edited by Wilmar B. Schaufeli, Christina Maslach, Tadeusz Marek. – Washington : Taylor & Francis, 2017. – Pages 297.

АКТУАЛЬНОСТЬ ВНЕСЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЙ В ДОЛЖНОСТНУЮ ИНСТРУКЦИЮ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

© М.О. Ткач

Научный руководитель: А.Б. Федулова

канд. философ. наук

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Сегодня назрела необходимость оптимизации системы оказания помощи семье и детям, находящимся в трудной жизненной ситуации. Традиционная практика социальной работы с семьей постепенно теряет свою эффективность в силу недостаточного материального и кадрового обеспечения учреждений, загруженности специалистов документосопровождением процесса реабилитации семьи, отсутствием отлаженного межведомственного взаимодействия между органами и службами [5]. С каждым годом социальная ситуация в России усугубляется, специалисты по социальной работе не справляются с большим количеством поступающей информации.

Российские социологи, исследовав тенденции социального развития современного общества, пришли к выводу, что в последние годы отмечается рост семейного неблагополучия. Чаще всего семьи не готовы к самостоятельному решению своих проблем. Тяжелая материальная ситуация сказывается на увеличении количества семей, находящихся в трудной жизненной ситуации и социально опасном положении. Согласно статистике в Архангельской области на 1 января 2019 года на учете в государственных учреждениях социального обслуживания семьи и детей состоит 1631 семья, находящаяся в социально опасном положении, в которых проживают 3231 ребенок (на 1 января 2018 года состояло 1620 семей, в которых проживало 3017 детей).

В настоящее время социальные учреждения работают по профессиональному стандарту «Специалист по социальной работе», который имеет широкий уровень направленности на разные семьи [1, 2, 3, 4]. В практике работы с семьей недостаточно представлена профилактическая работа, которая должна

способствовать раннему выявлению обстоятельств и причин социальных отклонений в семье, а также предупреждению и уменьшению их последствий. Важно скорректировать проблему семьи и сделать так, чтобы люди научились самостоятельно преодолевать свои временные трудности. Привлечение ресурсов семьи в профилактическую работу социальных служб позволит семье нести ответственность за решение проблем и тем самым обеспечить социальную безопасность семьи и каждого ее члена, а также повысить эффективность действующей практики социальной работы [5].

В декабре 2019 года было проведено исследование с целью, получить качественные данные об удовлетворенности трудовой деятельностью специалистов по социальной работе ГБКУ АО «Архангельский центр помощи семье и детям». При проведении экспертного интервью в качестве респондентов было отобрано 7 человек. Критериями для их отбора выступили компетентность, авторитетность в своей профессиональной деятельности, значимый практический опыт трудовой деятельности и трудовой стаж.

Таблица 1 – Оценка удовлетворенности специалистов

Удовлетворенность	Абсолютно не удовлетворен (0-20 %)	Низкая удовлетворенность (30-40 %)	Средний уровень удовлетворенности (50-60 %)	Удовлетворенность выше среднего уровня (70-80 %)	Высокий уровень удовлетворенности (90-100 %)
Рабочим местом	14,3 %	14,3 %	42,8 %	14,3 %	14,3 %
Графиком работы	-	-	-	14,3 %	85,7 %
Уровнем зарплаты	14,3 %	14,3 %	57,1 %	14,3 %	-
Организацией рабочего процесса	-	28,6 %	28,6 %	42,8 %	-
Корпоративной культурой	14,3 %	14,3 %	28,6 %	42,8 %	-
Уровнем взаимоотношений с руководителем	-	-	14,3 %	28,6 %	57,1 %
Уровнем взаимоотношений с коллегами	-	-	-	28,6 %	71,4 %

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что оценка удовлетворенности трудовой деятельностью у специалистов не идентична. Графиком работы и взаимоотношениями с руководителем и коллегами все респонденты удовлетворены, однако почти все опрашиваемые специалисты не удовлетворены уровнем заработной платы. Удовлетворенность рабочим местом в основном

имеет средний уровень, но некоторые респонденты полностью не удовлетворены организацией рабочего пространства. Это демонстрирует проблему материально-технического оснащения отделений центра: много устаревшей техники, ремонт или обновление оборудования крайне затруднительно, так как не хватает финансирования.

Анализ показал, что существуют трудности в работе социальных учреждений. Все респонденты отметили наличие в трудовой деятельности большого объема отчетности и бумажной работы. Межведомственное взаимодействие затруднено или отсутствует. Деятельность осуществляется по старой системе социального обслуживания, что осложняет организацию рабочего процесса. Передача информации, в основном, осуществляется через услуги почтовой связи, что существенно затрудняет работу.

По результатам проведенного исследования были сформулированы рекомендации, которые необходимо учесть при разработке/доработке должностной инструкции:

- социальные учреждения работают, ориентируясь на федеральное и региональное законодательство (должностная инструкция связана с двумя Федеральными законами № 442-ФЗ, № 120-ФЗ и Постановлением правительства Архангельской области № 373-пп), поэтому необходимо прописать единый методологический и профессиональный подход в оказании услуг семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации;
- большая часть семей и детей попадают в сферу внимания специалистов в период поздней стадии кризиса, что осложняет применение технологий социальной работы, поэтому необходимо включить (в рамках программы по запланированным выездам с целью тестирования подростков в школах г. Архангельска) обязательное выявление семей с детьми, которые нуждаются в социальной помощи;
- создать программный комплекс для автоматизации документооборота между органами системы профилактики региона на российской операционной системе РЕД ОС (по типу программного комплекса Катарсис: Соцзащита);
- обеспечить подготовку, переподготовку и повышение квалификации специалистов социальной сферы по направлению подготовки «Социальная работа» в соответствии с требованиями профессионального стандарта «Специалист по работе с семьей».

Таким образом, разработанные практические рекомендации по изменению должностной инструкции будут способствовать улучшению работы социальных учреждений. Введение более узкой специальности «Специалист по работе с семьей» может изменить социальную ситуацию и позволит снизить количество

семей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Правильно сформулированные трудовые обязанности специалиста помогут улучшить и обновить систему выявления, профилактики и коррекции временных трудностей клиентов и их семей.

Список использованных источников:

1. Волошина, И.А., Зайцева, О.М., Гончарова, А.А. Применение профессиональных стандартов специалистов сферы социального обслуживания // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9. № 3. С. 129-138.

2. Иванова, А.Д., Муругова, О.В. Реализация профессиональных стандартов и развитие профессиональных компетенций работников социальной службы // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 3. С. 184–196.

3. Забродин, Ю.М. Профессиональные стандарты работников социальной сферы, имеющие межведомственный характер – их роль в повышении качества профессионального труда // Электронный журнал: Психологическая наука и образование. 2016. Т. 1. № 1. С. 119-129.

4. Шульга, Т.И. Реализация профессиональных стандартов межведомственной профессии (на примере специалиста по работе с семьей) // Электронный журнал: Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9. № 3. С. 139-148.

5. Федулова, А.Б. Восстановительные технологии социальной работы как важное условие сохранения и обеспечения безопасности семьи (на примере Архангельской области) // [Электронный научный журнал «Арктика и Север». 2019. № 36]. Режим доступа: http://www.arcticandnorth.ru/article_index_years.php?ELEMENT_ID=338196

ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ЖИЗНЕУСТРОЙСТВА СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С РАССТРОЙСТВОМ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА

© В.В. Янова

Научный руководитель: Т.В. Коробицина

д-р мед. наук

Сибирский федеральный университет

Расстройства аутистического спектра (РАС) – это группа нейropsychиатрических нарушений, которые выражаются в трудностях коммуникации, социального взаимодействия и стереотипности поведения [8, с. 20], причем такие расстройства носят гетерогенный характер, и поведенческие проявления заболевания крайне разнообразны [2, с. 37]. РАС может диагностироваться как у интеллектуально

одарённых, так и умственно отсталых, как у людей, которые всё время избегают общения, так и у тех, кто постоянно находится в социальном взаимодействии, пытаясь включиться в него всеми возможными способами. Есть люди, демонстрирующие агрессию и аутоагрессию, а есть беспроблемные и спокойные, есть те, кто постоянно ищет тактильного контакта и те, кто его избегает. Расстройство аутистического спектра диагностируется в раннем возрасте и сопровождает человека на протяжении всей его жизни, однако государство создаёт платформу для поддержки больных детей с аутизмом, в то время как все более актуальным становится вопрос о жизнеустройстве совершеннолетних людей с РАС.

С наступлением совершеннолетия у аутиста сохраняются те же сложности, которые были ему свойственны в пубертате. Трудно получить образование, устроиться на работу, велика вероятность стать жертвой буллинга в коллективе, или мошеннических действий преступников. По данным Ю.Л. Гусак, только 4–12% людей с РАС готовы к самостоятельной жизни, 80% продолжают жить под опекой родителей, чувствуя себя при этом одинокими, и не имеют друзей [3, с. 80]. Поскольку взрослость – самый продолжительный период жизни, Т.В. Фурьева считает, что усилия специалистов и родителей должны быть направлены на реализацию потенциала людей с аутизмом во взрослой жизни [9, с. 44], так как отсутствие такой возможности приводит к потере полученных ранее навыков, к личностной и интеллектуальной деградации.

В настоящее время практика разрешения проблем взрослых аутистов в России находится только на этапе становления, и требуется соответствующая нормативно-правовая база для защиты их прав. До принятия Конвенции ООН о правах инвалидов люди с РАС признавались недееспособными и помещались в психоневрологические интернаты [5, с. 92]. Ратификация Конвенции потребовала пересмотреть отношение к инвалидам по психическому заболеванию, стали приниматься законы, имеющие отношение к устройству взрослой жизни людей с инвалидностью, в том числе аутистов, однако развитие законодательства в данной сфере – это нелёгкий процесс [9, с. 44], требующий длительного времени.

Существенная проблема больных с РАС, достигших совершеннолетия, – смена диагноза аутизма на диагноз шизофрении или умственной отсталости [1, с. 42], что означает изменение подхода к лечению и реабилитации. Аутист может быть лишен права на необходимые коррекционные, реабилитационные мероприятия, получение образования, трудоустройство и т.д. Диагноз традиционно изменялся в связи с тем, что РАС отсутствовали в реестре «взрослых» диагнозов, а также имелись определенные межведомственные разногласия [6, с. 44]. На сегодняшний день приказом Росстата от 30.06.2014 № 459 «Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством здравоохранения

Российской Федерации федерального статистического наблюдения в сфере здравоохранения» аутизм включён в реестр взрослых диагнозов [6, с. 45], что позволяет проводить статистический учёт взрослых людей с РАС и оставлять инвалидность после совершеннолетия. Однако на практике врачи продолжают изменять установленный ранее больному диагноз. При получении инвалидности возникают проблемы взаимодействия МСЭК и врачей–психиатров, поскольку недостаточность знаний о заболевании, о сложностях его диагностики, формальный подход к оценке состояния человека приводит к постановке неверных диагнозов и даче рекомендаций, не способствующих развитию личности. Важно отметить, что человек с РАС, достигший успехов в социализации и обучении, при незнакомых людях, в новой обстановке может замкнуться и не продемонстрировать комиссии свои достижения, как следствие, диагноз и индивидуальная программа реабилитации (ИПР) могут не соответствовать реальному состоянию здоровья больного.

А.В. Иванова отмечает, что после смены диагноза, закончив школу, аутисты попадают в дома интернаты смешанного типа или психоневрологические пансионаты, где никакая работа с ними не ведётся [4, с. 146]. Психоневрологические пансионаты ориентированы скорее на медикаментозное лечение и подавление активности аутичных людей, нежели развитие их личности. В интернате поддерживаются основные бытовые навыки (уборка, работа на кухне и т.д.), развития новых не происходит, перед человеком с РАС не ставятся более сложные задачи, замедляется процесс его социализации и даже происходит регресс. Использование психотропных препаратов вместо педагогических методов приводит к еще большему ограничению жизнедеятельности больного с РАС.

Принятие Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» от 28 декабря 2013 г № 442-ФЗ позволило привлекать к оказанию социальных услуг негосударственные организации. Это должно было расширить количество поставщиков социальных услуг и создать конкуренцию, однако стали появляться вопросы финансирования некоммерческих организаций, низких тарифных ставок и задержки возмещения затрат. В сфере помощи больным с РАС большинство некоммерческих организаций созданы родителями таких людей, и без поддержки государства бремя расходов ложится на плечи семей аутистов, которые и так находятся в сложном финансовом положении [5, с. 93]. Государство поддерживает проекты НКО через систему грантов и субсидий, но жизнеустройство взрослых аутистов требует достаточно больших финансовых затрат и размер выделяемых государством средств не покрывает расходы НКО.

Проблема трудоустройства взрослых людей с РАС также является актуальной. За рубежом успешно реализуется поддерживаемое трудоустройство,

которое позволяет людям с РАС чувствовать себя полноценным членом общества (программа затратная и требующая квалифицированных специалистов для сопровождения). Согласно Федеральному закону «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 24.11.1995 № 181, аутистам, получившим инвалидность, также предоставляются гарантии трудовой занятости, но, несмотря на большое количество исследований о трудоспособности аутистов, на практике сохраняются стереотипы о неэффективности их труда. Кроме того, отсутствие производственных и финансовых возможностей у работодателей не позволяет им организовать необходимые условия для работников с РАС [7, с. 164]. В настоящее время разрабатываются пилотные проекты на базе НКО по трудоустройству людей с РАС, которые также требуют финансирования. Если учесть, что материальное обеспечение аутиста осуществляется только за счёт пособий, пенсий и других небольших денежных выплат, которые ему предусмотрены, причем далеко не все взрослые с РАС могут получить инвалидность, становится очевидным, что не могут быть покрыты даже стандартные, не говоря уже о специфических потребностях аутиста.

В целом, принятые нормативно-правовые акты способствуют развитию социального законодательства, однако отсутствие целенаправленного финансирования со стороны государства, квалифицированных специалистов для работы с этой категорией больных ограничивают формирование системы жизнеустройства взрослых людей с РАС, которые практически не имеют возможности реализовать себя. Поддержка аутичных людей должна продолжаться и после достижения ими совершеннолетия, а пилотные проекты, направленные на устройство взрослой жизни аутистов, должны получить распространение в регионах России.

Список использованных источников:

1. Бородина, Л.Г. Смена диагноза РАС после 18-ти лет: мнение психиатра / Л.Г. Бородина // Аутизм и нарушения развития. – 2015. – № 3. – С. 41–45.
2. Введение в тематику расстройств аутистического спектра (РАС): исторический контекст, классификации, манифестации, эпидемиология / Е.Л. Григоренко // Расстройства аутистического спектра. Вводный курс : учеб. пособие для студентов. – М., 2018. – Гл. 1. – С. 22–50.
3. Гусак, Ю.Л. Изучение опыта успешной социализации инвалидов молодого возраста от 18 лет и старше с расстройствами аутистического спектра за рубежом и в регионах Российской Федерации / Ю.Л. Гусак // Социальное обслуживание семей и детей. – 2019. – Вып. 17: Социальное обслуживание граждан пожилого возраста и инвалидов трудоспособного возраста. – С. 77–86.

4. Иванова, А.В. Социальное сопровождение выпускников коррекционных школ, имеющих заболевание аутизм / А.В. Иванова // Актуальные вопросы современной медицины. – 2017. – № 1. – С. 145–148.

5. Маркевич, А.Н. Актуальные вопросы и формы устройства взрослой жизни людей с ментальными нарушениями, в частности с расстройствами аутистического спектра / А.Н. Маркевич // Сибирский вестник специального образования. – 2016. – № 1–2. – С. 92–97.

6. Морозов, С.А. К вопросу о смене диагноза аутизм: мнение специалиста / С.А. Морозов // Аутизм и нарушения развития. – 2015. – № 3. – С. 43–45.

7. Пашкова, Г.Г. Проблема занятости и трудоустройства инвалидов в Российской Федерации / Г.Г. Пашкова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 29 – С. 162–173.

8. Раббани, Н. Расстройства аутистического спектра: в поисках биомаркеров крови / Н. Раббани // Аутизм и нарушения развития. – 2019. – № 1. – С. 15–23.

9. Фуряева, Т.В. Моделирование сопровождаемого проживания молодых людей с РАС как условие создание новой социальной инклюзивной практики / Т.В. Фуряева, А.Н. Маркевич // Научно-педагогическое обозрение. – 2017. – № 6. – С. 43–49.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ДЕЗЕРТИРСТВО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© И.Е. Абрамова

Научный руководитель: Е.В. Кобзева

канд. юрид. наук

Саратовская государственная юридическая академия

Великая Отечественная война стала периодом массового уклонения граждан от воинской службы, что являлось серьезной проблемой для органов правоохранительной деятельности. В соответствии с законодательством дезертирство – умышленное самовольное оставление воинской части или места службы либо неявка на военную службу с целью уклонения от нее. Ст. 193 Уголовного кодекса РСФСР [9] устанавливала за данное преступление, совершенное в военное время, абсолютно определенную санкцию – высшую меру социальной защиты (расстрел с конфискацией имущества).

Уже на период с 22 июня по конец 1941 г. дезертирство из Красной армии достигло существенных размеров. Было задержано более 710 тысяч дезертировоенно-служащих и более 71 тысячи уклонистов от мобилизации [4].

УК РСФСР 1926 г. за самовольную отлучку из воинской части больше суток предусматривал лишение свободы на срок от 5 до 10 лет, а в условиях военного времени – расстрел (ст. 193-7). Но и во время войны наказание могло быть мягче – если часть находилась глубоко в тылу. Приказом НКО СССР от 28 июля 1942 г. № 227 «Ни шагу назад!» было приказано отправлять преступников в штрафные батальоны, где они могут «искупить кровью свои преступления перед Родиной» [1, с. 74-75].

В соответствии со ст. 58-16 УК РСФСР переход на сторону противника рассматривался как измена родине и карался во время войны расстрелом. Перебежчики, которые смогли добраться до окопов немцев, чаще всего расстреливались.

В случаях, когда дезертирство не имело злостного характера, Верховный Суд в первые месяцы войны принимал решение о смягчении наказания, полагая, что применение высшей меры противоречило бы интересам обороны страны. Так, постановление Пленума Верховного Суда СССР от 22 апреля 1942 г. № 8/м/1/у «О возможности и порядке применения примечания 2 к ст. 28 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик по делам о дезертирстве в военное время» предоставило судам право карать дезертиров при наличии смягчающих обстоятельств (явка с повинной, раскаяние т.п.) длительным сроком тюремного заключения с отсрочкой исполнения приговоров до окончания военных действий и направлением осужденных в действующую армию [7, с. 213].

Кроме того, ответственность по ст. 58-1б УК РСФСР (измена Родине, наказываемая расстрелом с конфискацией всего имущества) также распространялась и на родственников дезертиров [8, с. 280]. К совершеннолетним членам его семьи применялось наказание в виде лишения свободы на срок от 5 до 10 лет с конфискацией всего имущества, если они знали об измене или помогли в ее совершении (ст. 58-1в). Близкие совершеннолетние родственники изменника, которые проживали совместно с ним или находились на его иждивении к моменту совершения преступления, лишались избирательных прав и ссылались в отдаленные районы Сибири на пять лет. Это наказание они несли даже, если не способствовали или не знали об измене.

На органы НКВД была возложена обязанность по организации борьбы с дезертирством военнослужащих и военнообязанных. Директива НКВД СССР от 6 декабря 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с дезертирством» приказывала наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей лично заняться работой в данном направлении [3, с. 9-16].

Простые жители городов и деревень в свою очередь зачастую не только не осуждали дезертиров, но и помогали их укрывать, проявляя жалость и сочувствие. Совместное указание НКВД и прокуратуры СССР от 17 февраля 1942 г. № 29/А/48 [5, с. 160, 161] предусматривало повышение мер уголовной ответственности для пособников и укрывателей. Они привлекались к расстрелу с конфискацией имущества по ст. 193-7б (самовольная отлучка свыше суток), введенной в УК РСФСР.

На основании Директивы Главного военного прокурора от 18 октября 1943 г. дезертиры, которые добровольно явились в органы местной власти или были в составе банды, но не совершали тяжких преступлений, направлялись в штрафные части без привлечения к уголовной ответственности [2].

Так, в начале войны, когда в войсках наблюдались панические настроения, неуверенность в собственных силах и страх перед противником, дезертирство имело значительные масштабы [6, с. 226]. Оно являлось самостоятельным тяжким преступлением, которое подрывало оборонную мощь страны. Победное наступление Красной армии, совместные действия государственных органов, а также разработанная нормативно-правовая база способствовали уменьшению дезертирства.

Список использованных источников:

1. Военно-исторический журнал. 1988. № 8. С. 74-75.
2. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 4. Т. 2. Л. 327.

3. Гусак В.А. Дезертирство из Красной Армии как социальная основа преступности в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2008. № 8 (108). С. 9-16.

4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 9478. Он. 1. Д. 1. Л. 14.

5. Из разъяснения НКВД и Прокуратуры СССР от 07.05.1942 № 194/17/11692/с о порядке выполнения директивы НКВД и Прокурора СССР от 29.04.1942 № 185 // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 160, 161.

6. Лысенков С.Г. Организационно-правовые меры борьбы с дезертирством военнослужащих в период Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: матер. междунар. науч.-теор. конф. СПб., 2004. Ч. 2. С. 226.

7. Советское право в период Великой Отечественной войны / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юрид. изд-во, 1948. В 2 т. Ч. 2: Уголовное право; Уголовный процесс / авт. М.М. Исаев, Б.С. Утевский, Д.С. Карев. 1948. 213 с.

8. Уголовный кодекс РСФСР: комментарий / под ред. и с предисл. И.Т. Голякова. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 280 с.

9. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757374> (дата обращения: 19.03.2020).

ПОНЯТИЕ «ПЫТКА» В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

© Ю.Г. Асташкова

Научный руководитель: А.С. Мирончик

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одним из основополагающих, абсолютных прав человека является право на свободу от пыток. Данное право закреплено как в международном праве, например в статье 5 Всеобщей декларации прав человека, статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, так и в национальном законодательстве, в частности в пункте 2 статьи 21 Конституции Российской Федерации.

Соблюдается ли право не подвергаться пыткам? К сожалению, не в полной мере. Подтверждением тому могут служить обращения граждан РФ в Европейский суд по правам человека, Комитет ООН против пыток, а также в различные

правозащитные организации, в том числе Фонд «Общественный вердикт», «Комитет против пыток», «Агора» и т.п.

Недобросовестные сотрудники правоохранительных органов в целях раскрытия и расследования преступления иногда могут прибегнуть к такому запрещенному методу получения информации, как пытка, например, как это было в делах «Михеев против России» (г. Нижний Новгород) и «Шерстобитов против России» (г. Красноярск), рассмотренных Европейским судом. Однако пытки могут применяться не только на стадии предварительного расследования, но и в период исполнения, отбывания наказания. Так, в настоящее время в судах г. Ярославля рассматривается группа уголовных дел в отношении сотрудников ФСИН, избивавших заключенных в исправительных колониях, объединенная под общим наименованием «Ярославское дело».

В постановлениях об отказе в возбуждении уголовных дел по вышеупомянутым случаям указывается на применение сотрудниками правоохранительных органов, ФСИН физической силы и (или) специальных средств в рамках и пределах, установленных федеральным законом. Годами адвокаты и правозащитные организации добиваются расследований случаев применения пыток и привлечения виновных к ответственности, которые начинаются только после широкой огласки в средствах массовой информации. В чем же кроется причина того, что грань между пыткой и законным применением физической силы, спецсредств столь размыта? По нашему мнению, отчасти ввиду некорректного законодательного закрепления понятия «пытка».

Конституция РФ, гарантируя, что никто не должен подвергаться пыткам, не содержит легального определения. Слово «пытка» встречается в Уголовном кодексе РФ трижды: дважды в качестве квалифицирующего обстоятельства (пункт «д» части 2 статьи 117, часть 2 статьи 302) и в примечании к статье 117, где указано: «Под пыткой в настоящей статье и других статьях УК РФ понимается *причинение физических или нравственных страданий в целях понуждения к даче показаний или иным действиям, противоречащим воле человека, а также в целях наказания либо в иных целях*» [1]. Содержательно из данного понятия можно выделить 2 признака:

- 1) действие – причинение физических или нравственных страданий;
- 2) цель:
  - а) понуждение к даче показаний;
  - б) понуждение к иным действиям, противоречащим воле человека;
  - в) наказание;
  - г) иная цель.

Иное определение можно найти в Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в статье 1 которой «пытка» означает *любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от 3-его лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или 3-е лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или 3-е лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия. В это определение не включаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно* [2]. Выделим признаки конвенционного понятия:

1) действие – любое действие, которым лицу причиняется сильная боль, физическое или нравственное страдание;

2) форма вины – умысел;

3) цель:

а) получение сведений или признаний;

б) наказание за совершенное действие или действие, в совершении которого лицо подозревается;

в) запугивание;

г) принуждение;

д) дискриминация.

4) субъект – государственное должностное лицо либо иное лицо, выступающее в официальном качестве, или действующее по подстрекательству, с ведома или молчаливого согласия государственного должностного лица либо лица, выступающего в официальном качестве.

Проанализировав конвенционное и российское понятие «пытка», можно сделать вывод о несоответствии указанных понятий друг другу, прежде всего по объему. Во-первых, в российском праве пытка не связана с субъектом, ее применяющим, в отличие от конвенционного понятия, где пытка рассматривается исключительно как должностное преступление. Во-вторых, в конвенционном понятии пытка способна причинить не только физические и нравственные страдания, но и сильную боль. В связи с этим, хочется отметить, что квалифицирующее обстоятельство «с применением пытки» в силу части 1 статьи 117 УК РФ может быть вменено только в том случае, когда у жертвы отсутствуют признаки тяжкого или средней тяжести вреда здоровью. В-третьих, российское понятие «пытка» по цели

ее применения носит чрезмерно абстрактный и открытый характер, тогда как в конвенционном понятии указаны четко определенные цели, в том числе запугивание и дискриминация, не нашедшие отражения в примечании к статье 117 УК РФ. И наконец, в соответствии с конвенционным понятием пытка может быть направлена не на саму жертву, а на третье лицо, например близкого родственника или супруга, посредством причинения сильной боли, физических или нравственных страданий жертве, что также не учтено в российском понятии «пытка».

В большинстве своем, понятие «пытка», приведенное в примечании к статье 117 УК РФ, воспринимается как данность и содержание его не обсуждается. Однако встречается и критика данного понятия. Например, Васильев С.В. указывает, что согласно российскому определению «пытка» и ввиду отсутствия концепции «command responsibility», в России за пределами уголовной ответственности остаются ситуации бездействия начальствующих должностных лиц, выразившиеся в попустительстве пыток, совершаемых с их ведома или молчаливого согласия, но при отсутствии прямого приказа или распоряжения с их стороны [3].

О необходимости корректировки российского понятия «пытка» в соответствии с конвенционным понятием говорят и представители Совета по правам человека при Президенте РФ, в частности Федотов М.А. (председатель СПЧ до 2019 г.) и Калгпин И.А. (член СПЧ, председатель межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток») [4], указывая на ненадлежащим образом исполненное международное обязательство Российской Федерации по криминализации состава пыток.

По нашему мнению, понятие «пытка» приведенное в примечании к статье 117 УК РФ, носит чрезмерно абстрактный характер и не содержит существенных признаков, перечисляя лишь цели, для достижения которых пытка может быть использована. В связи с этим в пункте «д» части 2 статьи 117 УК РФ целесообразно заменить квалифицирующее обстоятельство «с применением пытки» на иное, более свойственное преступлениям против жизни и здоровья, но сходное по смыслу обстоятельство – «с особой жестокостью».

Где же тогда место понятия «пытки» в российском уголовном праве? Поскольку в соответствии с Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания пытка является, прежде всего, должностным преступлением, то в главу 30 УК РФ необходимо ввести отдельную статью, предусматривающую уголовную ответственность за применение пыток. В данной статье, в свою очередь, должно содержаться следующее определение: *«Под пыткой в настоящей в настоящей статье и других статьях УК РФ понимается любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное,*

чтобы получить от него или от 3-его лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или 3-е лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или 3-е лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера».

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 01.04.2020) // СПС «Консультант-Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>;

2. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания [Электронный ресурс] : принята резолюцией № 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1984 // СПС «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>;

3. Васильев, С.В. Пытки и их криминализация в международном и российском уголовном праве [Электронный ресурс] / С.В.Васильев // Материалы международной научно-практической конференции 16-17 октября 2003 г. Часть III. – Уфа: БашГУ, 2004. – Режим доступа: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/ufa20041/vasilev.htm>;

4. Пытки требуют статьи [Электронный ресурс] / А.Курилова // Коммерсантъ, 2019. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3868416>.

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ХАЛАТНОСТИ

© С.Ш. Атакулова

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Согласно статистическим данным, халатность — самое распространенное должностное преступление (по выборочным исследованиям, составляет около 50 % в общей структуре должностной преступности). В связи с этим у правоприменителя возникает необходимость правильно квалифицировать данное преступное деяние, что поможет снизить количество неосновательно возбужденных дел по ст. 293 УК РФ, осуждения лиц, а также расширительного толкования сущности и сферы применения данной нормы права.

Субъективная сторона халатности как преступления с материальным составом включает в себя отношение должностного лица к бездействию и его общественно опасным последствиям. Отношение виновного к неисполнению

обязанностей может быть различным. В первом случае должностное лицо может иметь намерение, осознанно не исполнять свои обязанности, во втором – забыть о необходимости совершить те или иные действия по службе, другими словами не осознавать, что нарушает возложенные на него обязанности [7]. Кроме этого, должностное лицо может осознавать неисполнение возложенной на него обязанности и по-разному относиться к возможным общественно-опасным последствиям, во-первых, относиться к ним безразлично либо сознательно их допускать, а во-вторых, может рассчитывать на их не наступление или на возможность их предотвращения.

Законодатель определяет в ч.1 ст. 293 УК РФ халатность как «неисполнение или ненадлежащее исполнение должностным лицом своих обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе либо обязанностей по должности, если это повлекло причинение крупного ущерба или существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства».

Анализ данной диспозиции позволяет выявить ряд проблем в законодательном построении уголовно-правовой нормы, одной из которых является описание субъективной стороны халатности.

Б. В. Здравомыслов, высказывает мнение о том, что субъективная сторона халатности может быть выражена только в неосторожной форме вины. Анализ судебной практики, также свидетельствует о приверженности большинства судей данной позиции [2].

Противоположного мнения придерживается М. А. Тыняная. Она считает, что при буквальном толковании положений ст. 293 УК РФ, халатность может быть совершена как в форме прямого, так и косвенного умысла [8].

Такая позиция возникла вследствие игнорирования законодателем положений ч.2 ст. 24 УК РФ: «деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса». Анализ диспозиции ст. 293 УК РФ не позволяет обнаружить указаний на неосторожную форму вины, что позволяет прийти к выводу о возможности совершения данного деяния как умышленно, так и неосторожно.

Существует и третья точка зрения относительно субъективной стороны халатности. Так, Н. С. Лейкина в своей работе говорит о возможности существования двойной формы вины. Например, должностное лицо, не имея желания исполнять свои обязанности надлежащим образом, безответственно относится к ним. Таким образом, виновный умышленно недобросовестно относится к выполнению своих обязанностей и неосторожно к последствиям (существенному вреду) [1].

Данная теоретическая дискуссия вызывает сложности в правоприменении, в отграничении состава халатности от смежных уголовно-правовых норм. В частности при сопоставлении халатности и злоупотребления должностными полномочиями можно обнаружить совпадение большинства признаков этих составов преступлений. Так, идентичными являются объекты посягательства, частично совпадает общественно-опасное деяние (в форме бездействия), схожим является общественно-опасное последствие (в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан, организаций или государства). И только по субъективной стороне, возможно, осуществить разграничение.

Так, если исходить из представления о халатности как о преступлении исключительно с неосторожной формой вины, разграничение ее с умышленными должностными преступлениями, необходимо осуществлять по признакам субъективной стороны [6].

В то же время вина, как признак субъективной стороны, определяется через отношение виновного к общественно-опасным последствиям. При анализе юридической конструкции ч.1 ст. 293 УК РФ, можно сделать вывод, что последствия данного состава преступления являются аналогичными по отношению к умышленным должностным преступлениям (ч.1 ст. 285, ч.1 ст. 286 УК РФ и др.) в рамках существенного нарушения прав и законных интересов.

В основном составе халатности законодатель указывает два вида последствий – «существенное нарушение...» и «крупный ущерб». Понятие «существенное нарушение...» дается в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [5] и фактически должно быть применимо к идентичным дефинициям.

В науке уголовного права традиционно считается, что понятие «существенного вреда» включает в себя материальную и нематериальную составляющие. Однако, в ст. 293 УК РФ, перечисленные выше последствия, являются альтернативными друг другу. Таким образом, законодатель вычленил из понятия «существенный вред» его материальную часть – «крупный ущерб». М. Н. Каплин и С. Д. Бражник считают, что стоимостное выражение крупного ущерба по ст. 293 УК должно быть соотносимо со стоимостным выражением существенного нарушения по иным статьям гл. 30 УК, поскольку законодатель уравнивал между собой данные последствия [3].

В связи, с чем возникает вопрос, возможно ли полное совпадение данных последствий, при отсутствии в уголовном законодательстве общих неосторожных составов, предусматривающих ответственность за причинение вреда

конституционным правам, или причинения вреда здоровью меньшего, чем тяжкий или крупный?

В. Н. Шиханов отмечает, что причинение тяжкого вреда здоровью в ст. 293 УК РФ является квалифицированным видом халатности (ч. 2 ст. 293) и полагает, что причинение средней тяжести вреда здоровью, а также и лёгкого вреда предусмотрено в основном составе халатности, т. е. в неквалифицированном (ч. 1 ст. 293 УК РФ)[9].

На наш взгляд данные суждения противоречат законодательному подходу в конструировании неосторожных деяний. Анализ общих неосторожных деяний позволяет говорить о том, что ответственность за неосторожность предусматривается уголовным законодательством только при наступлении смерти, тяжкого вреда здоровью или крупного ущерба. Соответственно за меньший ущерб уголовной ответственности не должно быть. Данные деяния не обладают общественной опасностью и должны рассматриваться в рамках гражданско-правовых деликтов.

Итак, проанализировав все вышеперечисленные факты, можно сделать вывод о несоответствии формы и содержания ст. 293 УК РФ. Именно по этой причине правоприменитель зачастую сталкивается с проблемой разграничения данного состава преступления. Для того чтобы обеспечить правильную квалификацию халатности, законодатель должен внести изменения в юридическую конструкцию ст. 293 УК РФ:

Во-первых, законодатель должен указать в диспозиции ст. 293 УК РФ форму вины и тем самым разрешить существующую дискуссию;

Во-вторых, необходимо отказаться от дефиниции «существенное нарушение...» в рамках диспозиции халатности, так как данное понятие имеет отношение только к умышленной форме вины;

В-третьих, соглашаясь с суждением В. А. Кочерга [4], предлагаем дифференцировать ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью и смерти, поскольку они не обладают тождественной общественной опасностью.

Список использованных источников:

1. Беляев, Н. А. Курс советского уголовного права / Н. А. Беляев, Н. С. Лейкина, В. К. Глистин. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. Т.4. – 556 с.
2. Здравомыслов, Б. В. Должностные преступления : понятие и квалификация / Б. В. Здравомыслов. – Москва : Юрид. лит., 1975. – 166 с.
3. Каплин, М. Н. Существенный вред как признак превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) [Электронный ресурс] / М. Н. Каплин, С. Д. Бражник // АВБСР. – 2015. – №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>

4. Кочерга, В. А. Последствия халатности: уголовно-правовой анализ [Электронный ресурс] / В. А. Кочерга // Теория и практика общественного развития. – 2016. – №5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>

5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 г. Москва «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [Электронный ресурс] – // СПС «Гарант». – Режим доступа: <https://base.garant.ru>

6. Степанова, М. А. Особенности квалификации и отграничения халатности от смежных составов преступлений [Электронный ресурс] / М. А. Степанова, Е. В. Царев // ППД. – 2011. – №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>

7. Тыняная, М. А. Отграничение халатности от других должностных преступлений [Электронный ресурс] / М. А. Тыняная // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. – 2016. – №1 (19). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>

8. Тыняная, М. А. Проблемы уголовно-правовой оценки субъективных признаков в составе халатности [Электронный ресурс] / М. А. Тыняная // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2011. – №349. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>

9. Шиханов, В. Н. Актуальные вопросы применения ст. 293 УК РФ (халатность) [Электронный ресурс] / В. Н. Шиханов // Сибирский юридический вестник. – 2017. – №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ИМУЩЕСТВЕННЫЙ УЩЕРБ КАК ПРИЗНАК СТ. 205 УК РФ

© Э.М. Байрамова

Научный руководитель: Г.Л. Москалев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одним из возможных видов тяжких последствий п. «в» ч. 2 ст. 205 УК РФ является «значительный имущественный ущерб». В ч. 1 ст. 205 УК РФ говорится о создании опасности причинения такого ущерба. В связи с этим, необходимо понимать, что законодатель вкладывает в указанную формулировку и какова доктринальная интерпретация этого понятия.

Официальное толкование отражено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности», а именно в п. 7, который гласит, что «при решении вопроса о значительности ущерба следует исходить из стоимости уничтоженного имущества или затрат на восстановление поврежденного имущества, значимости этого имущества для

потерпевшего, например в зависимости от рода его деятельности или материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или иным владельцем уничтоженного либо поврежденного имущества» [11].

Вариативны позиции ученых во вопросу содержания рассматриваемой категории. Например, Е. Г. Ляхов солидарен с высшим судебным органом, и считает, что значительность ущерба устанавливается с учетом имущественного положения потерпевшего, т. е. следует учитывать стоимость уничтоженного имущества, его количество и значение для потерпевшего [8, с. 35]. Г. В. Овчинникова определяет содержание «значительного имущественного ущерба» согласно примечанию к ст. 158 УК РФ [10, с. 19]. Однако к толкованию ст. 205 УК РФ использование данного примечания невозможно. В рассматриваемой статье понятие значительного имущественного ущерба не связано определенной стоимостью. В связи с этим, В. И. Радченко отметит: «определяющим является установление, насколько уничтожение и повреждение этого имущества либо угроза такого уничтожения или повреждения способны повлиять на сознание населения или на действия органов власти» [4, с. 523]. Автор считает, что это возможно и при сравнительно ограниченной ценности имущества и зависит от того, насколько устрашающим является способ уничтожения [4, с. 524].

По мнению А.Г. Безверхова при оценке имущественного ущерба, причиненного террористическим актом, следует сравнивать размер стоимости уничтоженного имущества с имущественным положением потерпевшего (общий доход, который может в себя включать заработную плату, пенсию и пр.) и влияющим на него семейным (наличие на его попечении детей, нетрудоспособных родителей) и служебным положением жертвы (род деятельности и профессия), ее возрастом (молодой или пожилой человек), состоянием здоровья (например, наличие у потерпевшего нетрудоспособности) и «нуждаемостью» потерпевшего в потерянной вещи. При этом учитывая, что все указанные фактические обстоятельства дела сопоставляются с мнением потерпевшей стороны о значимости для нее уничтоженного (поврежденного) в результате террористического акта. Определяя стоимость такого имущества, следует исходить из рыночных, розничных, оптовых или иных цен на момент совершения преступления, в зависимости от обстоятельств приобретения его собственником. Когда потерпевший затрудняется определить его стоимость (например, покупал его давно, имущество ему было подарено), или же в иных случаях при невозможности установления цены, стоимость имущества определяется на основании заключения экспертов [2, с. 7].

С точки зрения Г. Ф. Байрака данный признак не способствует стабильности судебно-следственной практики, и в итоге, позволяет работникам правоохранительных

органов манипулировать показателями, характеризующими рост либо снижение случаев террористических актов, следовательно, и их раскрываемости [1, с. 28].

Между тем, отметим, что в рассматриваемом вопросе имеет место и влияние международных актов. Пп. «б» п. 1 ч. 1 ст. 1 Шанхайской конвенции «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 года, которую Россия ратифицировала без оговорок и заявлений [12], указывает при раскрытии понятия терроризм, а террористический акт – одна из форм его практического проявления, такую его форму как «любое другое деяние, направленное на то, чтобы... нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту» [9]. Для российского уголовного законодательства вышеуказанная формулировка аналогична «значительному имущественному ущербу». Поскольку Россия обязана выполнять, взятые на себя международные обязательства, то этим и объясняется наличие «значительного имущественного ущерба» в ст. 205 УК РФ.

Также стоит подчеркнуть, что ряд ученых указывают на необходимость исключения «значительного имущественного ущерба» из положений ст. 205 УК РФ, поскольку он не отражает подлинную общественную опасность терроризирования либо не представляет чрезвычайной общественной опасности [3, с.18], а также санкционирует неоправданную свободу правоприменительного усмотрения [6, с.15] и полностью охватываются понятием «иных тяжких последствий» [5, с. 11]. Однако стоит помнить, в ст. 205 УК РФ «значительный имущественный ущерб» – это составной элемент категории «террористический акт», наряду с понятием «иных тяжких последствий», а поэтому и не может быть охвачен, поглощен другими в силу своей автономности. Вследствие этого, «исключить «значительный имущественный ущерб» из положений ст. 205 УК РФ не представляется возможным» [7, с. 96].

Таким образом, исследовав категорию «значительный имущественный ущерб» в ст. 205 УК РФ, можно прийти к выводу о том, что это оценочная категория, связанная с самим потерпевшим. Анализируемый квалифицирующий признак террористического акта может быть инкриминирован виновному лишь в случае реального причинения значительного материального ущерба. И, несмотря на то, что Пленум Верховного Суда РФ своим толкованием задал абстрактные ориентиры и критерии, большинство ученых утверждают об их недостаточности для правоприменителей при решении вопроса о наличии такого последствия.

Список использованных источников:

1. Байрак, Г. Ф. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с терроризмом [Электронный ресурс]: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Байрак Г.

Ф. – Краснодар, 2003. – 222 с. – Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovye-i-kriminologicheskie-problemy-borby-s-terrorizmom>.

2. Безверхов, А. Г. О некоторых вопросах квалификации преступлений террористической направленности / А.Г. Безверхов // Уголовное право. – 2013. – № 1. – С. 4-11.

3. Ивлиев, С. М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С. М. Ивлиев. – Москва, 2008. – 27 с.

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : монография / отв. ред. В. М. Лебедев. – 13-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2013. – 1359 с.

5. Комарова, М. А. Терроризм в уголовном праве России: автореф. дис. ...канд. юрид. наук :12.00.08 / М. А. Комарова. – Москва, 2003. – 25 с.

6. Коновалова, А. Б. Террористический акт в форме угрозы и заведомо ложное сообщение об акте терроризма как проявления информационного терроризирования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Б. Коновалов. – Москва, 2008. – 26 с.

7. Кудрявцев, В. Л. Квалифицирующие и особо квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ «Террористический акт» / В. Л. Кудрявцев // Вестник Южно-Уральского профессионального института. – 2013. – № 3. – С. 94-102.

8. Ляхов, Е. Г. Терроризм: национальный, региональный и международный контроль: монография/ Е. Г. Ляхов, А. В. Попов. – Ростов н/Д: РЮИ МВД России, 2011. – 436 с.

9. О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс] : Шанхайская конвенция от 15.06.2001 // Справочно-правовая система «Консультант плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

10. Овчинникова, Г. В. Терроризм: учеб. пособие / Г. В. Овчинникова; под. общ. ред.: Б. В. Волженкина. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – 36 с.

11. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности [Электронный ресурс] : пост. Пленума Верховного суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

12. О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [Электронный ресурс] : федер. закон от 10.01.2003 № 3-

ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА НЕСООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ (СТ. 205.6 УК РФ)

© Н.В. Балезина

Научный руководитель: Н.В. Качина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Норма, устанавливающая ответственность за несообщение о преступлении, для российского уголовного права является новой лишь отчасти, поскольку аналогичный состав под названием «Недонесение» уже был известен советскому уголовному праву. Очевидно, что появление в уголовном законе данной нормы не могло не вызвать острых дискуссий среди правоведов относительно целесообразности и обоснованности возрождения этого состава преступления, относительно качества юридической техники, а также относительно содержания уголовно-правовой характеристики состава. Среди наиболее дискуссионных вопросов оказались проблемы определения субъекта несообщения о преступлении.

Формулировка ст. 205.6 УК РФ дает основание для вывода о том, что субъект несообщения о преступлении является общим. Вместе с тем, при криминализации несообщения о преступлении законодатель посчитал целесообразным установить пониженный возраст уголовной ответственности для данного деяния. Субъектом этого преступления является лица, достигшие 14-летнего возраста. Однако тщательный системный анализ норм уголовного закона и общепринятых положений в теории уголовного права позволяет говорить о несостоятельности подобного решения законодателя, проявляющейся в следующем.

В теории уголовного права общепризнано, что основным критерием для формирования перечня ч. 2 ст. 20 УК РФ выступает возможность осознания несовершеннолетними к моменту достижения 14-летнего возраста социальной опасности содержащихся в нем деяний, а также прогнозировать наступление социально опасных последствий. Справедливость указанной позиции подтверждается и психологами [5, с.15]. Очевидно, что осознание общественной опасности несообщения о преступлении обусловлено осознанием со стороны лица опасности самих тех преступных деяний, о которых лицо обязано сообщить уполномоченным органам. Однако не все преступления, несообщение о которых образует состав, предусмотренный ст. 205.6 УК РФ, влекут уголовную ответственность с 14-летнего

возраста. Не указаны в ч. 2 ст. 20 УК РФ, а потому влекут уголовную ответственность по достижении 16-летнего возраста деяния, предусмотренные ст.ст. 205.1, 205.2, 220, 221, 278, 279 УК РФ, а также ч. 1 ст. 205.4 и ч. 1 ст. 205.5, ч. 1 ст. 208 УК РФ. Выходит, что уголовная ответственность за совершение преступления наступает по достижению 16 лет, а восприятие его признаков должно быть доступно уже с 14 лет. На наш взгляд, неразумно предполагать полное осознание причастности к преступлению, за которое ответственность наступает с более позднего возраста. Поэтому считаем необходимым поддержать точку зрения М.С. Кириенко, который указал, что «такое законодательное решение нарушает взаимосвязь Общей и Особенной части УК РФ и является недопустимым» [6]. Полагаем, что системности уголовного законодательства и его принципам будет соответствовать законодательное решение об исключении ст. 205.6 УК РФ из перечня, содержащегося в ч. 2 ст. 20 УК РФ, и о повышении возраста уголовной ответственности за несообщение о преступлении с 14 лет до 16.

Необходимо обратить внимание, что в соответствии с примечанием к ст. 205.6 круг субъектов данного преступления ограничен за счет исключения из него супруга или близких родственников лица, готовящего, совершающего или совершившего хотя бы одно из преступлений, указанных в диспозиции статьи. На сегодняшний день ряд специалистов предлагает расширить этот перечень, включив в него священнослужителей, которым стало известно о преступлении во время исповеди, и адвокатов, получивших аналогичные сведения в ходе выполнения своих профессиональных обязанностей по оказанию юридической помощи [7, 8].

Исповедь в христианстве означает покаяние в грехах перед священнослужителем как представителем Бога, а с позиции церкви преступление всегда рассматривалось как грех. Следовательно, сведения о подготовке или совершении исповедовавшимся преступления, указанного в ст. 205.6 УК РФ, могут стать предметом тайны исповеди. Здесь вступают в противоречие каноничное требование свято хранить тайну исповеди и обязанность священнослужителя по ст. 205.6 УК РФ сообщить о преступлении. В силу особого значения религии для становления духовности и нравственности России, необходимости признания и уважения религиозных чувств верующих в российском законодательстве тайна исповеди гарантирована ч. 7 ст. 3 Федерального закона от 26 сентября 1997 года № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях» [1], а ч. 3 ст. 56 УПК РФ устанавливает императивное требование, согласно которому священнослужитель не подлежит допросу в качестве свидетеля по обстоятельствам, ставших ему известными из исповеди. Но прежде всего священнослужители руководствуются каноничными правилами. Позиция Русской Православной Церкви по отношению к информации о намерениях лица совершить преступление такова, что священнослужитель даже

в целях помощи правоохранительным органам не может нарушать тайну исповеди. Одновременно он обязан призвать исповедуемого отказаться от его намерений. Если же призыв к покаянию не подействовал, «заботясь о сохранности тайны имени исповедовавшегося и других обстоятельств, способных открыть его личность, – предупредить тех, чьей жизни угрожает опасность» [9]. Таким образом, священнослужителям каноническими нормами предписывается обязанность осуществлять активные меры по предотвращению готовящихся опасных деяний, при этом, священнослужитель в любом случае обязан хранить тайну исповеди, включая обстоятельства, способные открыть личность исповедовавшегося. Поэтому считаем правильным присоединиться к точке зрения о включении священнослужителей в круг лиц, не подлежащих уголовной ответственности по ст. 205.6 УК РФ, если они не сообщили о преступлении, ставшем им известным во время исповеди.

Адвокаты также могут стать обладателями сведений о подготовке или совершении преступлений в результате выполнения своих профессиональных обязанностей, поскольку федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» относит к адвокатской тайне любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю [2], и, прежде всего, сами отношения адвоката и его подзащитного вовлечены в уголовную сферу и предполагают доверительное общение между ними. Адвокатской тайне посвящена также ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката [3]. В соответствии с положениями названных актов полученные сведения адвокат может использовать без согласия клиента только для защиты по возбужденному против доверителя уголовному делу. Срок хранения тайны не ограничен во времени, и освободить адвоката от этой обязанности может только доверитель. Соблюдение профессиональной тайны является безусловным приоритетом деятельности адвоката, поскольку адвокатская тайна обеспечивает иммунитет доверителя, предоставленный последнему Конституцией РФ (ст. 51). Ч. 3 ст. 56 УПК РФ также гарантирует адвокатам свидетельский иммунитет по обстоятельствам, ставшим известными в результате оказания юридической помощи либо в связи с обращением за ней.

Вместе с тем, по смыслу закона, ст. 205.6 УК РФ содержит перечень преступлений именно террористической направленности, т.е. тех, которые относятся к непосредственным проявлениям терроризма или чаще всего сопровождают акты терроризма, создавая благоприятные условия для террористической деятельности [8]. Подавляющее большинство из них относится к преступлениям тяжким и особо тяжким. Логично предположить, что несообщение о готовящемся преступлении является более общественно опасным по сравнению с несообщением о

совершенном преступлении. В то время как для священнослужителей отношение к информации о намерении совершить преступление урегулировано церковными правилами, для адвокатов этот вопрос остается открытым. Вопрос абсолютности адвокатской тайны является весьма дискуссионным, необходимость пересмотра этого вопроса отмечается самим адвокатским сообществом [4, С. 141-142; 10]. Адвокат является человеком, наделенным юридическими знаниями, и неприятие мер к предотвращению конкретных готовящихся преступлений ставит его вне законопослушной части общества. Само понятие адвокатской тайны возникло и существует в интересах общества, значит, и степень ее охраны должна соотноситься с теми же интересами общества.

Признавая безусловную важность адвокатской тайны как основы доверительного общения адвоката с клиентом и как гарантии права на защиту, но одновременно исходя из повышенной опасности для общественной безопасности несообщения о преступлениях, предусмотренных в ст. 205.6 УК РФ, представляется возможным допустить уголовную ответственность для адвоката по указанной статье в случае, если предметом адвокатской тайны станут сведения о лице, осуществляющем подготовку преступления террористической направленности. Адвокат может быть освобожден от уголовной ответственности за несообщение сведений о лице, осуществляющим подготовку хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 205.6 УК РФ, если им были предприняты все возможные меры, направленные на предотвращение этого преступления. Если же адвокату становится известно о факте совершенного преступления, он не вправе сообщать кому-либо сведения о нем. Даже если подобный поступок и имеет общественную пользу, пользу для интересов правосудия, адвокат все же при таких обстоятельствах будет выступать как помощник карательных органов государства и действовать в явном противоречии с принципами и природой института адвокатуры [4, С. 142-144].

Список использованных источников:

1. О свободе совести и о религиозных объединениях [Электронный ресурс]: федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ ред. от 02.12.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Об адвокатской деятельности и адвокатуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ ред. от 02.12.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Кодекс профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс]: Принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003 ред. от 20.04.2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Барщевский, М.Ю. Адвокатская этика [Текст] / М.Ю. Барщевский – М.: Профобразование, 2000. – 311 с.

5. Ситковская, О.Д. Уголовный кодекс Российской Федерации: психологический комментарий [Текст] / О.Д. Ситковская. – М.: Волтерс Клувер, 2009. – 180 с.

6. Кириенко, М.С. Несообщение о преступлении: старый состав в новых условиях [Электронный ресурс] / М.С. Кириенко // Адвокат. – 2016. – № 7. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Пархоменко, Л.В. Актуальные вопросы наступления уголовной ответственности за несообщение о преступлении [Электронный ресурс] / Л.В. Пархоменко // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. – 2016. – № 3. Режим доступа: <https://elibrary.ru>.

8. Сичкаренко, А.Ю. Несообщение о преступлении: уголовно-правовая характеристика [Электронный ресурс] / А.Ю. Сичкаренко // Уголовное право. – 2016. – № 6. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]: приняты 13-16.08.2000 Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 17.03.2020).

10. О пределах обязанности адвоката хранить профессиональную тайну [Электронный ресурс] // Адвокатская газета. – Режим доступа: <http://old.advgazeta.ru/rubrics/8/326> (дата обращения: 31.03.2020).

СУБЪЕКТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 150 УК РФ

© А.А. Барабаш

Научный руководитель: А.Н. Тарбагаев

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Анализ признаков субъекта преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, имеет важное практическое значение, поскольку от его правильного определения зависит точная квалификация преступления.

Рассматриваемая уголовно — правовая норма устанавливает ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в совершение притупления путем обещаний, обмана, угроз или иным способом, совершенное лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста.

Из положений Общей части УК РФ, предусмотренных ст. 19 УК РФ следует, что субъектом преступления является физическое лицо, вменяемое и достигшее возраста уголовной ответственности. Гражданство лица значения не имеет [8, с. 139]. Кроме того, УК РФ не разграничивает уголовную ответственность в зависимости от пола виновного, его расы, языка, религии, происхождения, имущественного положения и т.д. Потому можно сделать вывод, что в ст. 19 УК РФ дано понятие общего субъекта преступления.

Наряду с общим субъектом преступления в уголовном праве выделяется так же и специальный субъект преступления, который помимо признаков общего субъекта преступления, обладает специальным признаками, которые обязательно указываются в статьях Особенной части УК РФ. Признаки специального субъекта преступления условно можно разделить на три группы: 1) признаки, которые характеризуют социальную роль и правовое положение субъекта преступления (профессия, должностное положение лица, отношение к военной службе); 2) признаки, характеризующие физические свойства субъекта преступления (возраст, пол); 3) признаки, которые характеризуют взаимоотношения субъекта преступления с потерпевшим (родственные отношения).

Так, субъектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 150 УК РФ является физическое лицо, вменяемое, достигшее восемнадцатилетнего возраста, то есть субъект данного преступления специальный, так как в указанном составе преступления предусмотрен дополнительный признак, характеризующий физическое свойство лица (повышенный возраст). Кроме того, исходя из указанного положения следует, что для привлечения лица к уголовной ответственности по указанной статье, необходимо устанавливать возраст виновного лица. Самым простым путем установления возраста является его установление на основании паспорта, амбулаторной карты из медицинского учреждения или свидетельства о рождении. Притом лицо считается достигшим того или иного возраста не в день своего рождения, а с нуля часом следующих суток. Если возраст невозможно установить с помощью документов, ввиду того, что они отсутствуют, то в таком случае возраст устанавливается судебно-медицинской экспертизой. В таком случае днем рождения считается 31 декабря минимального года, который указан в заключении [9]. Также справедливо заметить и то, что разница в возрасте несовершеннолетнего потерпевшего и совершеннолетнего виновного в составе преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ значения не имеет.

Так, районным судом П. Была осуждена по ч. 1 ст. 150 УК РФ и «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Преступление совершено при следующих обстоятельствах П., являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста, находясь в гостях у несовершеннолетнего Т., предложила ему совершить хищение продуктов из складского помещения магазина, обещая при этом похищенное имущество продать и получить за него денежные средства, на что Т. согласился. В этот же день они проникли в складское помещение и совершили хищение, после чего распорядившись похищенным по своему усмотрению [7].

Теперь предположим, что несовершеннолетний вступает в брак до достижения им восемнадцатилетнего возраста (ст. 13 СК РФ) или происходит процедура эмансипации (ст. 27 ГК РФ), то есть несовершеннолетний до достижения им восемнадцатилетнего возраста становится полностью дееспособным. Возникает вопрос – возможно ли привлечь такое лицо к уголовной ответственности по ст. 150 УК РФ, если оно вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления? При ответе на данный вопрос стоит также обратиться к положениям Общей части УК РФ. Так, ст. 1 УК РФ указывает на то, что уголовное законодательство РФ состоит из УК РФ. То есть именно только данный нормативно-правовой акт может устанавливать принципы уголовного права, общие основания уголовной ответственности, определять какие общественно опасные деяния будут признаваться преступлениями, устанавливать наказания за них. Также только УК РФ может предусматривать условия освобождения от уголовной ответственности и наказания, основания и порядок применения принудительных мер медицинского характера. Поэтому лицо, вступившее в брак до достижения им восемнадцатилетнего возраста, а также лицо, ставшее полностью дееспособным по решению органа опеки и попечительства или в силу объявления его таковым судом (эмансипация), не может быть субъектом преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, так как ответственность по указанной статье наступает с восемнадцати лет. И не может быть никаких отступлений от положений уголовного закона, пока они не будут включены в текст УК РФ.

В ч. 2 ст. 150 УК РФ предусмотрена повышенная уголовная ответственность родителя, педагогического работника и иных лиц, на которых законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних, в случае совершения ими этих преступлений [1].

Из указанного положения следует, что субъект преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 150 УК РФ еще более специальный, в нем есть указание на признак, относящийся к характеру взаимоотношений виновного и потерпевшего.

Родителями являются лица, записанные в книге записей о рождении (свидетельстве о рождении) в качестве отца и матери несовершеннолетнего [4, с. 330].

Помимо кровных родителей (в том числе отца, признанного родителем согласно ст. 49 СК РФ), уголовную ответственность по данной статье несут мачеха, отчим, приемные родители. При этом ответственность родителей наступает только в том случае, если они вовлекают в совершение преступления своего ребенка, а вовлечение в совершение преступления чужого ребенка не влечет для них ответственности по ч. 2 ст. 150 УК РФ. Не влекут уголовной ответственности по ч. 2 ст. 150 УК РФ действия родителей, по вовлечению несовершеннолетнего в совершение преступления, если они лишены родительских прав [2, с. 668]. Районным судом А. была осуждена по ч. 2 ст. 150 УК РФ и п. «а», «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Преступление совершено при следующих обстоятельствах А., являясь лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста и матерью несовершеннолетнего Б, что подтверждается записью актов гражданского состояния. Находясь в квартире со своим несовершеннолетним сыном предложила ему совершить хищение денежных средств В. и Г., пообещав купить сыну игрушек, на что последний дал свое согласие [6].

Педагогическим работником признается физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) образовательной деятельности (например, воспитатель детского дома, учитель в школе, тренер) [5].

Под иными лицами понимаются любые фактические воспитатели несовершеннолетнего – опекун, попечитель, дедушка, бабушка, совершеннолетние братья и сестры. Стоит сделать оговорку, что уголовная ответственность в таких случаях может наступить при условии, что у несовершеннолетнего отсутствуют родители или они лишены родительских прав, а законом на них возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетних [3].

Список использованных источников:

1. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. / отв. ред. В.В. Бриллиантов. – т. 1, 2-е изд. – Проспект, 2015. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».

2. Коробеев, А.И. Полный курс уголовного права в 5 т. / Под ред. докт.юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А. И. Коробеева. Т. 2 : Преступления против личности. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 682 с.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.В. Лебедев. – 13-е изд., перераб. и доп. – Юрайт, 2013. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант плюс».

4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации отв. Ред. А.И. Рарог. – 12е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2019. – 944 с.

5. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 31 декабря 2012 №273-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2012.№53. – Ст.7598.

6. Приговор Пригородного районного суда г. Нижнего Тагила №1-86/2019 от 24 апреля 2019 г. по делу №1-86/2019. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <https://sudact.ru>.

7. Приговор Мотыгинского районного суда Красноярского края №1-23/2019 от 11 апреля 2019 г. по делу №1-23/2019. [Электронный ресурс] // Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <https://sudact.ru>.

8. Уголовное право. Общая часть : учебник для бакалавров / отв. Ред. А.Н. Тарбагаев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва. : Проспект, 2016. – 448.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. №1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – №4. 2011.

О ПОНЯТИИ ОШИБКИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© И.С. Бебриш

Научный руководитель: В.В.Питецкий

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одной из основных задач науки уголовного права, как и любой иной, относящейся к отраслевой группе юридических наук, можно назвать совершенствование и развитие действующего государственного законодательства. Уголовный кодекс Российской Федерации в ст. 5 закрепляет принцип вины, прямо указывающий на вину как на обязательное условие уголовной ответственности и исключаящий такую ответственность за невиновное причинение вреда. А также принцип справедливости (ч.1 ст. 6 УК РФ), обязывающий применять к лицу только справедливые меры, то есть учитывающие характер и степень общественной опасности деяния, обстоятельства его совершения и личность виновного. Названные принципы подчёркивают крайне высокую важность анализа субъективной стороны преступления, так как речь идёт о выяснении формы и степени вины, либо её отсутствии.

В связи с вышесказанным особого внимания требуют ситуации, когда в вопросе определения вины возникают спорные или неоднозначные моменты. Безусловно, таким моментом можно считать наличие в деянии субъекта преступления признаков уголовно-правовой ошибки.

Придерживаясь позиции субъективного вменения, как правоприменитель, так и исследователь обязаны подвергнуть исчерпывающей оценке все представления лица о характере совершенного деяния и его общественной опасности, как истинные, так и ложные. «Ошибка лица при совершении им преступления влияет на содержание, форму, степень и объем вины. В силу этого она определяет границы субъективного вменения при рассмотрении каждого уголовного дела, она определяет квалификацию содеянного, применение многих институтов уголовного права, пределы уголовной ответственности и наказания» – пишут В.А. Якушин и В.В. Назаров [10, с. 1]. Исследуя понятие вины, подходим к необходимости рассмотреть понятие ошибки.

В теории уголовного права явление ошибки известно давно, и возможная сложность заключается не в недостатке определений, а в отсутствии консенсуса между авторами тех из них, что уже достаточно научно обоснованы. При этом мысль, что «ошибка представляет собой заблуждение» характерна для большинства авторов работ, дискуссионными остаются более частные вопросы. Как подчёркивают В.А. Якушин и В.В. Назаров: «...даже среди тех ученых, которые понимают под ошибкой в уголовном праве своеобразный вид заблуждения, нет единства мнений о том, относительно каких обстоятельств существует это заблуждение» [10, с. 8].

Можно выделить отдельные, наиболее распространённые в научной литературе позиции. Так, В.Ф. Кириченко считает, что ошибка — это неправильное представление лица в отношении общественной опасности производимого им деяния и тех обстоятельств, которые являются существенными. П.С. Дагель, В.Я. Таций, Б.С. Утевский определяют ошибку как неправильное представление лица о фактических или юридических признаках или свойствах совершаемого деяния и его последствий [цитируется по: 5, с. 78-80]. М.Б. Фаткуллина под ошибкой понимает неверное знание, полученное под влиянием заблуждения лица о юридических или фактических обстоятельствах совершаемого деяния [цитируется по: 6, с. 115]. А.И. Рарог, Г.А. Есаков, Л.В. Иногамова-Хегай неправильную оценку юридической сущности или последствий совершаемого деяния определяют как юридическую ошибку, в свою очередь, фактическая ошибка – это неправильное представление лица о фактических обстоятельствах. [4, с. 162-170].

В связи со сказанным выше можно прийти к выводу, что единого научного определения ошибки в теории уголовного права не выработано. Однако более

серьезная проблема заключается в том, что в Уголовном кодексе Российской Федерации, закрепление понятия ошибки в каком-либо виде отсутствует. В то время как ряд учёных обоснованно утверждает, что добавление в УК статей, к примеру, о квалификации ряда деяний с возможностью учёта фактической или юридической ошибки может существенно способствовать совершенствованию уголовного законодательства. Например, В.И. Акимочкин в выводах своей статьи о мнимой обороне обоснованно рекомендует следующее: «...в целях устранения возникающих противоречий при квалификации действий субъекта в случае причинения им вреда в ситуации мнимой обороны предлагается дополнить ст. 37 УК РФ ч. 2.2 и изложить ее в следующей редакции: «2.2. Действия лица, причинившего вред в состоянии мнимой обороны, то есть когда общественно опасное посягательство отсутствовало в реальной действительности, оцениваются по правилам фактической ошибки» [1, с. 330-334].

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 г. «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»[7] в некоторой степени способствовало закреплению понятия, здесь были прописаны слова «ошибочно полагало», однако, несмотря на важность разъяснения высшей судебной инстанции, включение уточнения непосредственно в статью УК РФ представляется более эффективным.

Так, З.Г. Алиев полагает, что в уголовный закон должна быть введена норма нижеследующего содержания: «Деяние лица, добросовестно заблуждавшегося относительно наличия уголовно-правовых запретов, общественная опасность которых не является очевидной, исключает уголовную ответственность ввиду отсутствия вины» [2, с.7].

Представляется убедительной точка зрения Д.А.Дорогина, доказывающего в статье «Разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность»(2019), что, несмотря на общее правило – «незнание закона не освобождает от ответственности» или презумпцию знания закона, в отдельных случаях такого рода юридическая ошибка исключает наличие субъективной стороны преступления и доказывает отсутствие вины. Возможность включения такого вывода в Уголовный кодекс в виде статьи может также вызывать дискуссионный интерес [3, с. 74-85].

Кроме того, показательный пример включения в статью уголовного закона упоминания об ошибке (а также закрепления понятия мнимой обороны) демонстрирует ст. 30 Уголовного кодекса Латвийской Республики [8], где определено, что оборона считается мнимой в том случае, когда не было реального нападения, но лицо по ошибке считало, что такое нападение совершается. В случаях, когда

обстоятельства происшествия давали основание для предположения, что совершается реальное нападение, а лицо, применившее средства обороны, не сознавало ошибочности такого предположения, к тому же оно не могло и не должно было сознавать его ошибочность, действия этого лица расцениваются как необходимая оборона. В ч. 4 данной статьи определено, что лицо, причинившее мнимому нападавшему вред, соответствующий признакам преступного деяния, и не осознававшее мнимость нападения, хотя при конкретных обстоятельствах оно должно было и могло сознавать его мнимость, подлежит ответственности за данное деяние, как за совершенное по неосторожности.

По какому бы пути ни реализовывалась уголовная политика государства, науке уголовного права следует постоянно искать новые возможности для развития и совершенствования законодательства. Кодификация явления ошибки в тех статьях уголовного закона, где это представляется наиболее необходимым, может в достаточной мере поспособствовать такому развитию, выраженному в более полном и непротиворечивом следовании принципам вины и справедливости.

Список использованных источников:

1. Акимочкин В.И. К вопросу о мнимой обороне и фактической ошибке в уголовном праве / В.И. Акимочкин // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27(1-4), № 3. С. 330-334.

2. Алиев З.Г. Ошибка как особое обстоятельство оценки поведения субъекта преступления и ее уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2007. 22 с.

3. Дорогин Д.А. Разновидности юридической ошибки, исключающей уголовную ответственность / Д.А. Дорогин // Lex Russica. – 2019. - № 8 (153). С. 74-85.

4. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник для бакалавров / Г.А. Есаков, Л.В. Иногамова-Хегай, А.И. Рарог. - М.: Проспект, 2016. 496 с.

5. Молчанов Д.И. Актуальные проблемы уголовного права. Общая часть: учеб. пособие / Д.И. Молчанов, А.И. Рарог. М.: Проспект, 2015. 152 с.

6. Плотников А.И. Объективное и субъективное в преступлении: монография / А.И. Плотников. – М.: Проспект, 2011. 240 с.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 г. Москва «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

8. Уголовный кодекс Латвийской Республики. Науч ред. и вступ. статья канд. юрид. наук Л.И. Лукашова и канд. юрид. наук Э А Саркисовой. Перевод с

латышского канд. юрид. наук А.И. Лукашова. Спб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. 313 с.

9. Якушин В.А. Ошибка в уголовном праве и ее влияние на пределы субъективного вменения (теоретические аспекты) / В.А. Якушин, В.В. Назаров. – Ульяновск: УлГУ, 1997. 62 с.

ПРОБЛЕМАТИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ГОМЕОПАТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В РОССИИ

© И.А. Бойко

Научный руководитель: Т.К. Бойко

Тульский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

Современный российский фармакологический рынок изобилует различными препаратами. В одном сегменте лекарственных средств может помещаться до сотни различных наименований со схожим механизмом действия и, нередко, одним и тем же действующим веществом. Зачастую друг от друга лекарства отличаются только названием и одним или двумя вспомогательными веществами.

В целом ассортимент удовлетворяет потребности практически любой категории населения.

Однако ряд граждан с достаточно устойчивой позицией относительно вреда и пользы медицинских препаратов предпочитает пользоваться лекарствами альтернативной формы действия. В частности, гомеопатическими средствами.

Гомеопатия есть разновидность альтернативной медицины. В ней используются разведённые практически до полного отсутствия в готовом препарате вещества. Главный принцип гомеопатии: подобное лечится подобным. То есть, технически, препарат должен иметь действие, сходное с симптомами того заболевания, которое он лечит. Кроме того, большой акцент делается на так называемой «памяти воды»: в молекулах воды, якобы, сохраняется память об исходном растворённом веществе. Между тем, учитывая количество этой воды, вероятность нахождения хотя бы одной молекулы препарата в готовом растворе практически нулевая.

Врачи-гомеопаты являются весьма востребованными среди населения, а сегмент гомеопатических средств в продаже весьма обширен. Основным местом распространения классических гомеопатических препаратов, требующих многократного разведения, являются интернет-площадки. Однако препараты со

сходной концентрацией действующего вещества, пусть и выпускаемые сразу в классической форме таблеток, широко продаются и в обычных аптеках.

Более того, реклама таких средств часто транслируется на телевидении и в сети Интернет. Но проблемой является даже не сам факт существования такой рекламы, а форма подачи информации в ней.

Гомеопатические средства преподносятся как препараты с реальным ощутимым эффектом, причём рекомендуются для применения они в основном в случаях инфекционных заболеваний.

В 2017 году Комиссией по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований Российской Академии Наук был выпущен меморандум, в котором гомеопатия признавалась лженаукой. Против её применения выступает также Всемирная Организация Здравоохранения, предостерегающая от использования, по крайней мере в качестве основного средства лечения, гомеопатических препаратов.

Тем не менее, несмотря на рекомендации компетентных организаций, рекламные кампании и компании-производители гомеопатических средств продолжают позиционировать эти средства как эффективные.

Косвенным методом защиты потребителя является требование, изложенное в ч. 6 ст. 46 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ (ред. от 03.04.2020) «Об обращении лекарственных средств»: «На вторичную (потребительскую) упаковку гомеопатических лекарственных препаратов должна наноситься надпись: «“Гомеопатический”» [1].

Таким образом, потребитель с одной стороны предупреждён о том, что эффективность средства вызывает вопросы (если он знает, что значит «гомеопатический»), с другой — вызывает вопрос само существование таких средств в продаже.

Любое лекарственное средство в России должно пройти клинические испытания и иметь доказанную эффективность и соответствовать требованиям фармакопеи, чтобы поступить в продажу.

Статья 238.1 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает ответственность за производство, сбыт и ввоз на территорию РФ недоброкачественных лекарственных средств [2], к которым, на основании статьи 4 ФЗ «Об обращении лекарственных средств», относятся препараты, «не соответствующие требованиям фармакопейной статьи либо в случае ее отсутствия требованиям нормативной документации или нормативного документа».

Но как может быть фармакопейная статья у препарата, действие которого достигается в лучшем случае благодаря эффекту плацебо?

Фактически, действующее вещество как таковое в гомеопатических средствах отсутствует. А заявленные действующие вещества сами по себе имеют сомнительную эффективность. Например, одно из популярных средств создаётся из «вытяжки печени утки».

Следует понимать, что среди показаний к применению таких средств, в том числе, онкологические заболевания и иные серьёзные расстройства, которые нередко представляют проблему даже для доказательной медицины. Тем не менее, их применение и назначение абсолютно законно, поскольку лекарства проходят процедуру лицензирования.

Отсюда мы получаем законодательный парадокс: вещества без доказанной эффективности свободно регистрируются на территории Российской Федерации и поступают, в том числе, в аптеки. В законодательстве Российской Федерации, при этом, дано достаточно чёткое определение «недоброкачественного» препарата, которому гомеопатические средства полностью соответствуют в силу невозможности адекватного прохождения ими клинических испытаний. Если же лекарственное средство всё же получило фармакопейную статью, оно не будет соответствовать ей на практике. То есть такие препараты будут подпадать под санкции статьи 238.1 УК РФ. Однако к настоящему моменту гомеопатический ассортимент не только не уменьшился, но и расширился, пополнился новыми наименованиями.

Известно, что после издания меморандума РАН директора нескольких компаний, выпускающих гомеопатические средства, подали иски к Академии, которые были отклонены. То есть в судебной практике признана истинность ненаучной природы гомеопатии.

Правовая коллизия эта сложна для разбора. Очевидно, что все гомеопатические средства не являются доброкачественными и не обладают заявленным эффектом, однако максимум применённых санкций — обязательство о маркировке потребительской упаковки. Представляется, что продажа таких средств должна быть ограничена хотя бы на основании указанной статьи УК, а также требований ФЗ «Об обороте лекарственных средств», поскольку осложнения заболеваний, вызванные использованием неэффективных средств, могут нести опасность для здоровья и жизни граждан.

Список использованных источников:

1. Об обращении лекарственных средств : Федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ // Российская газета. — 2010. — № 5157.

2. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996. № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Российская газета. — 2010. — № 2974.

**КВАЛИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ МИРА
И БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА**

© В.С. Буданова

Научный руководитель: Т.К. Бойко

Тульский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

Ответственность за правонарушения против мира и безопасности человечества регулируется одними из самых сложных и жестких в плане санкций статей Уголовного кодекса РФ. Агрессивные войны, производство оружия широкомасштабного разрушения, уничтожение индивидов иной касты или нации, разрушение растительности и экосистемы — все это способно причинить многочисленный ущерб всему человечеству.

Глава 34 УК РФ, в которой обобщены составы преступлений против мира и безопасности человечества, отражает межгосударственно-правовые определения о деяниях, небезопасных для всего мирового сообщества.

Международные правонарушения посягают на мир и целостность народов, на интересы всех граждан на земле.

Не считая этой типологии преступлений, можем также указать на наличие преступлений транснационального характера, которые не обладают столь высокой степенью общественной угрозы, но посягают на полноправные отношения между государствами, наносят ущерб их мирному сосуществованию и причиняют ощутимый вред гражданам и корпорациям других стран (например, распространение наркотиков).

Эти две категории — транснациональные преступления, а также преступления международного характера входят в систему межгосударственного уголовного права, представляющего собой взаимосвязь норм, сформированных в процессе согласования различными государствами.

Таким образом, параметрам анализируемой главы присуща следующая особенность: преступления, сформулированные в ней, носят конвенциональный характер: надлежащие уголовно-правовые моратории вытекают из международно-правовых соглашений страны.

Большинство конвенций, которые регламентируют международные преступления, вынуждают государства, которые их ратифицировали, ввести специальные нормы о наказании правонарушителей в свое национальное уголовное судопроизводство.

Современное международное право подчёркивает особую значимость субъективной уголовной ответственности физических лиц за преступления против мира и безопасности человечества.

Если преступные действия лиц связаны с преступной деятельностью государств, последние должны нести международную ответственность, а физические лица — уголовную. Субъект, совершивший преступление на основании приказа своего правительства, а также властей, не освобождается от уголовной ответственности. Официальный статус ни в коей мере не может быть причиной освобождения лица от уголовной ответственности.

Следует иметь в виду, что все без исключения преступления против мира, а также безопасности человечества не обязаны регулироваться политикой соответствующих стран. Источниками нормативных актов об ответственности за преступления этой группы в международном праве являются: Устав Международного военного трибунала по делу главных военных преступников в Германии, ответственных за начало Второй мировой войны, а также Устава Токийского Военного трибунала. Понятие преступлений против человечества эти регламенты не содержат, но они определяют основания уголовной ответственности за такие действия и их типологию.

По окончании Второй мировой войны был учрежден Международный военный трибунал для суда над военными преступниками (Нюрнбергский международный военный трибунал).

В Уставе Международного военного трибунала были установлены основания уголовной ответственности за межгосударственные преступления, а в ст. 6 Устава все они классифицировались на три группы: совершение преступлений против мира, военные преступления, преступления против человечества.

К преступлениям против мира отнесены планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений или участие в общем плане или заговоре, нацеленных на выполнение таких действий.

Военными преступлениями признавались деяния, подразумевающиеся несоблюдением законов и обычаев; проведение войн; убийства, истязания или увод в рабство гражданского населения оккупированных территорий; убийства или истязания военнопленных или лиц, находящихся в море; убийства заложников; ограбления общественной или частной собственности; бессмысленное разрушение городов и деревень и др.

Преступления против человечества — это убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым,

религиозным мотивам с целью осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего законодательства страны, и где бы они не были совершены.

Указанная классификация международных преступлений была воспроизведена в Уставе Токийского международного военного трибунала (1946 г.), а Генеральная Ассамблея ООН в декабре 1946 г. утвердила нормы международного права Устава, реализованные в приговорах трибунала как общепризнанные.

Очевидно, что перечень интернациональных правонарушений значительно расширен, в том числе из-за введения в него преступлений международного характера, что представляется крайне дискуссионным.

Что же касается систематического и массового нарушения прав человека, при всей значимости этой проблемы для международного сообщества, данное понятие, с одной стороны, считается неясным в юридическом смысле, а с другой — охватывается многочисленными составами преступлений против личности.

После изучения проекта Кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества в ходе своей 48-й сессии Комиссия международного уголовного права приняла существенно обновленный текст проекта. Его Особенная часть включает нормы об ответственности за следующие преступления:

- агрессию;
- геноцид;
- преступления против человечности;
- преступления против персонала ООН и связанного с ней персонала;
- военные преступления (включая причинение обширного, долговременного и серьезного ущерба природной среде).

Главные преступления против мира и человечности (включая военные преступления) вошли в юрисдикцию Международных трибуналов «ad hoc» (лат. — только для особого случая), сформированных Советом Безопасности ООН в 1993 и 1994 гг. в Гааге по военным преступлениям и геноциду на территории бывшей Югославии и Руанды и Специального суда по Сьерра-Леоне (2002 г.).

Реакцией на особую угрозу преступлений против мира и безопасности человечества, стало принятие в 1968 г. Конвенции о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества. Отсутствие сроков давности за данные преступления доказано в Статуте Международного уголовного суда, принятого на Римской дипломатической конференции 17 июля 1998 г.

С объективной стороны посягательства, закрепленные в гл. 34 УК РФ, реализуются только в интенсивном поведении — действии; большинство составов

сконструировано по типу формальных, включающих в качестве обязательного признака только действие, однако есть и материальный состав (экоцид – ст. 358), и материально-формальные (например, применение запрещенных средств и методов ведения войны – ст. 356).

Субъект преступления — общий, т.е. лицо, достигшее 16-летнего возраста, однако, как рационально подчёркивается в литературе, при совершении отдельных преступлений предусматривается повышенный возраст ответственности или наличие специального субъекта (высших должностных лиц государства, руководителей вооруженных сил, родов войск).

С субъективной стороны все деяния гл. 34 УК РФ предполагают только умышленную форму вины.

Во взаимозависимости от непосредственного объекта изложенные в главе преступления разделяются на два вида: 1) против мира и мирного сосуществования государств (ст. 353–356, 359–360); 2) против безопасности человечества (ст. 357–358).

Вопрос о классификации международных преступлений относится к числу дискуссионных, поэтому в учебной и научной литературе представлены и иные классификации.

Таким образом, планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны в соответствии с общеизвестными нормами международного права рассматриваются в качестве преступлений против мира. Это связано с тем, что они ведут к нарушению мирного существования народов и государств, непредсказуемым человеческим жертвам и необоснованным материальным затратам, невероятным страданиям мирного населения, в том числе женщин и детей, разрушению или уничтожению народно-хозяйственных объектов, архитектурных памятников и культурных ценностей.

Список использованных источников:

1. Кудрявцев, В. Н. Международное уголовное право. М. : «Юристь», 2009. 540 с.
2. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (Принят в г. Лондоне 08.08.1945). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901737883> (дата обращения: 01.04.2020). — Текст : электронный.
3. Устав Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока (принят в г. Токио 19.01.1946). URL: <http://docs.cntd.ru/document/902053853> (дата обращения: 04.04.2020). — Текст : электронный.

4. Наумов, А. В. Преступления против мира и безопасности человечества и преступления международного характера. // Государство и право. — 2009. — № 6. — С. 12–18.

5. Устав Организации Объединенных Наций // Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. — М. : «Юристъ», 1990.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ РАЗГРАНИЧЕНИЕ НАСИЛЬСТВЕННОГО ГРАБЕЖА ОТ РАЗБОЯ

© Н.С. Волкова

Научный руководитель: Н.А. Вербицкая

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Многие составы преступлений, содержащиеся в главе 21 УК РФ, имеют некоторые схожие признаки объективной стороны, поэтому для правильной квалификации необходимо их разграничивать. В данной статье постараемся поподробнее рассмотреть вопросы отграничения состава преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, от разбоя – ч.1 ст. 162 УК РФ.

Главным отличием вышеупомянутых составов является характер применяемого насилия: при грабеже насилие не должно быть опасным для жизни и здоровья человека; в случае же разбоя применяются насилие, опасное для жизни или здоровья потерпевшего лица.

Несмотря на то, что в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» содержится разъяснение по поводу того, какой вид насилия относится к опасному для жизни и здоровья, а какой не относится к таковому, в практической деятельности возникают определенные сложности при их разграничении, связанные с тем, что зачастую невозможно оценить характер насилия, а также субъективное отношение к нему как потерпевшего, так и преступника. Особенно остро стоит проблема оценки характера насилия в случаях, когда последствия в виде вреда здоровью определенной степени тяжести не наступили. [2]

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» содержится определение вреда неопасного для жизни и здоровья и в данном определении имеется указание на ограничение свободы путем связывания рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др. [1]. Однако, нельзя утверждать, что такие действия не могут привести к тяжким последствиям в силу тех или иных обстоятельств. Челябинова З.М.

справедливо на этот счет подмечает: «физическое насилие при грабеже может выразиться также в связывании потерпевшего лица, в затыкании ему рта, в удержании его или насильственной изоляции в каком-либо помещении. Но если к действиям виновного, направленным на завладение имуществом путем грабежа, присоединяются какие-либо внешние факторы, создающие опасность для жизни и здоровья потерпевшего и данное обстоятельство осознавал виновный, совершенное должно рассматриваться как разбой» [7].

Важным элементом данных преступлений, помимо насилия, выступает также угроза его применения. Проблемным является вопрос, связанный с определением характера таковой угрозы. Поскольку в данном случае приходится оценивать степень не фактически причиненного вреда, а лишь возможного, предполагаемого.

Верховный Суд РФ разъясняет, что под угрозой понимается совершение каких-либо демонстративных действий, свидетельствующих о намерении применить физическое насилие. Угроза применения насилия может выражаться в устной форме, а также конкретными конклюдентными действиями.

Угроза причинить физическое насилие при завладении чужим имуществом может и не быть реальной в объективном смысле этого слова. Тем не менее, и в этих случаях, если потерпевший воспринимает угрозу, хотя бы и мнимую, как реальную, совершенные виновным действия необходимо квалифицировать в соответствии с характером этой угрозы [5].

Более сложным является отграничение насильственного грабежа от разбоя, когда психическое насилие при завладении чужим имуществом выражается виновным неопределенно. Преступник в этих случаях прямо не высказывает намерения убить потерпевшего, причинить ему тяжкие телесные повреждения либо же применить к нему любое другое насилие, опасное для жизни или здоровья, не демонстрирует перед потерпевшим оружие или иные предметы, объективно его заменяющие [6]. В таком случае, прежде всего, необходимо учитывать главное – субъективное восприятие потерпевшим характера применяемой виновным угрозы. Однако, такое субъективное представление потерпевшего может быть нередко неадекватным реальному содержанию угрозы, выраженной неопределенно в той или иной форме. Поэтому суд должен в таких случаях всесторонне проанализировать конкретную обстановку совершения преступления, учесть объективный характер действий виновного и все другие фактические обстоятельства по делу.

Несмотря на четкое указание закона о характере насилия при грабеже, в судебной практике и до настоящего времени зачастую можно встретить примеры переквалификации грабежа в разбой.

Некоторые авторы, такие как В. В. Векленко и Е. Н. Бархатова, предлагают исключить из Особенной части Уголовного кодекса РФ насильственный грабеж, а совершение данного деяния квалифицировать как разбой. Они полагают, что разделение составов насильственного грабежа и разбоя по степени интенсивности воздействия на человека является логически ошибочным [4].

Поддерживая данную позицию, М. В. Бавсун указывает на избыточное количество смежных составов преступлений, что, по его мнению, порождает проблемы, связанные с их разграничением [3].

Разграничение насилия в рассмотренных составах преступления по степени опасности усложняет практику, лучшим чему доказательством является число переквалифицированных дел, а следовательно такое разделение является попросту неэффективным.

На мой взгляд, проблему нужно решить тем, что всякое применение насилия с целью немедленного изъятия чужого имущества необходимо приравнивать к разбойному нападению. Иными словами, деяния, предусмотренные ныне п. «г» ч.2 ст. 161 УК РФ следует в дальнейшем квалифицировать по ч.1 ст.162 УК РФ. В связи с этим, необходимо внести изменения в формулировку санкции ч.1 ст. 162 УК РФ и изложить ее в следующей редакции: «Разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия либо с угрозой применения насилия...».

Список использованных источников:

1. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Аккаева, Х.А. Некоторые вопросы отграничения грабежа от смежных составов преступлений / Х.А. Аккаева, Л.А. Геляхова // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2018. – № 4. – С. 276-279.

3. Бавсун, М. В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: современное состояние и перспективы развития / М.В. Бавсун // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 6. — С. 3–7.

4. Бархатова, Е. Н. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации / Е.Н. Бархатова, В.В. Векленко // Современное право. — 2013. — № 7. — С. 134–137.

5. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юристъ, 2011. – 496 с.

6. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / Под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рагога, А.И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Инфра-М, Контракт, 2011. – 560 с.

7. Челябинова, З.М. Уголовно-правовая характеристика насилия в грабеже и разбое / З.М. Челябинова // Гуманитарные исследования. – 2014. – № 4 (52). – С. 138-143.

СУБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 4 СТ. 122 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ

© А.В. Газенкамф

Научный руководитель: Т.В. Долголенко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

На сегодняшний день наблюдается значительный рост ВИЧ-инфекции. По состоянию на 30 июня 2019 г. общее число зарегистрированных случаев ВИЧ-инфекции в иммунном блоке среди граждан Российской Федерации составило 1 376 907 (по предварительным данным) [5]. За прошедшее десятилетие число инфицированных людей почти удвоилось. Поэтому болезнь, вызванная заражением вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекция), представляет угрозу жизни и здоровью не только отдельного гражданина, но и всего человечества в целом.

Что касается ответственности за создание угрозы другому лицу, инфицированному ВИЧ, то ответственность дифференцируется в зависимости от исполнителя преступления. Медицинский персонал несет ответственность по части 4 статьи 122 УК РФ. Медицинский работник согласно ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» это физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые(должностные) обязанности которого, входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность.[1]

Несмотря на то, что случаи заражения ВИЧ-инфекцией в медицинских учреждениях встречаются регулярно, а в УК РФ имеется специальная норма, предусматривающая ответственность медицинских работников, по вине которых произошло заражение, статистика привлечения к ответственности по ч. 4 ст. 122 УК

РФ остается низкой. По ч.4 ст.122 УК РФ за 20 лет (1997-2018 г.) осуждено всего 4 человека[4], т.е. эта норма практически не действует.

Очевидно, что приведенные выше данные не сопоставимы с потоком жалоб и гражданских исков, подаваемых пациентами и их родственниками, некоторые из которых удовлетворены. В настоящее время в связи с этим обстоятельством обсуждается вопрос о целесообразности обращения в арбитражные суды с жалобами на медицинские учреждения и их урегулирования с помощью посредничества.

Так, Балашихинский городской суд Московской области взыскал с ответчика – ГБУЗ МО «МОПЦ» 10 000 000 рублей и 40 000 судебных расходов.

Истцы – родители малолетнего ребенка, который находясь на лечении в ГБУЗ МО «МОПЦ», был заражен ВИЧ и гепатитом С.. Как выяснило следствие, заражение произошло по халатности медицинского персонала. В интересах потерпевших адвокаты использовали материалы уголовного дела в качестве доказательной базы по гражданскому иску. Гражданский иск был подан в Балашихинский городской суд. Требования – взыскание денежной компенсации, достаточной для поддержания здоровья ребенка (в обоснование требований – были приведены положительные примеры лечения гепатита С некоторых европейских клиник). Наверное, впервые в практике российского судопроизводства, Балашихинский суд взыскал компенсацию морального вреда, т.е. иск был удовлетворен практически в полном объеме [7].

В большинстве случаев речь идет об установленных преступлениях, связанных с причинением вреда потерпевшему в результате ненадлежащего выполнения им своих профессиональных обязанностей медицинским работником, о принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с отсутствием доказательств совершения преступления или о приостановлении дела в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности.

Например, заявитель оказывал медицинские услуги гражданину Яндринскому С.П. с 13 августа по 22 сентября 2006 года по договору № 00003813 от 31.08.2006 г. о предоставлении возмездных услуг. 7 сентября 2006 года Яндринскому С.П. была сделана операция. Во время операции С.П. Яндринскому было сделано переливание АФС (свежезамороженной плазмы) от донора А.А. Иващенко и эритроцитарной массы от донора Т.Ю. Скоропистьева. В результате переливания крови во время операции 07.09.2006 г. Яндринский был инфицирован ВИЧ и гепатитом С, о чем он узнал в ноябре 2006 г. [6].

Медицинские работники, выполняющие свои профессиональные обязанности ненадлежащим образом, склонны упускать из виду возможность заражения ВИЧ-инфекцией и ожидать профилактики этих последствий. Это тот случай, когда

менеджер пункта сдачи крови, который не сверял лицо с файлом компьютерного вируса, а просто поверил донору, который утверждал, что не является ВИЧ-положительным, надеется, что кровь все равно будет проверена на ВИЧ, на анти-тела к гепатиту В и С, на сифилис, чтобы не было инфекции.

Так, в 2011 году три пациентки проходили процедуры иммунизации лимфоцитами, пытаясь вылечиться от бесплодия, в одной из клиник г. Екатеринбурга, в результате ненадлежащего исполнения врачом-гинекологом своих профессиональных обязанностей, были заражены ВИЧ-инфекцией. В октябре 2012 года по данному факту ГСУ ГУ МВД по Свердловской области было возбуждено уголовное дело, в результате которого гинекологу Я. было предъявлено обвинение, а дело передано для рассмотрения в Кировский районный суд г. Екатеринбурга. По версии следствия по делу о заражении ВИЧ-инфекцией врач-гинеколог привлекла в качестве донора одну из медсестер, которая в то время работала в клинике и не знала, что заражена этой инфекцией. Однако из ее инфицированной крови была сделана взвесь лимфоцитов, которую в последующем и ввели трем пострадавшим женщинам. Более того, в ходе предварительного расследования было установлено, что в клинике отсутствует лицензия на забор крови, а также не проводилось исследование образцов крови.

Кировский районный суд г.Екатеринбурга признал виновной врача- гинеколога «*клиники» Я. В совершении преступления, предусмотренного ч.4 ст. 122 УК РФ, подсудимую приговорили к 4 годам лишения свободы. Однако, в суде было объявлено, что Я. от наказания освобождается по амнистии.[9]

По поводу субъективной стороны ч. 4 ст. 122 УК РФ большинство авторов также как и Волков К.А. и Чучаев А.И. полагают, что субъективная сторона имеет выражение в виде неосторожной формы вины: легкомыслия и небрежности. При не исполнении надлежащим образом своих установленных обязанностей, работником медицинского персонала может быть предвидена возможность заражения ВИЧ-инфекцией от совершенного им действия/бездействия, но самонадеянно рассчитывают на предотвращение последствия в виде заражения ВИЧ-инфекцией (легкомыслие).[2, с. 1-5]. Лицо не может предвидеть возможность заражения других лиц инфекцией от совершения своего действия/бездействия в ходе несоответствующего исполнения своих установленных обязанностей, но при особом внимании и предусмотрительности к совершению действий лицо могло, и должно было предвидеть такие последствия (небрежность). При наличии прямого или косвенного умысла, совершенное деяние в зависимости от тяжести наступившего вреда здоровью, будет квалифицировано ст. 111, 112, 115 УК РФ, а не ст. 122 УК РФ.[3, с.74-77].

Но в то же время нельзя, не отметить и то, что формулировка «Заражение лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» требует уточнения, указания на конкретную форму вины. Такая определенность будет способствовать большей эффективности применения данной нормы, общему и специальному предупреждению преступлений данного вида.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 1.11.2011 № 323-ФЗ (ред.от 27.12.2019, с изм. От 13.01.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации (с изм. и доп., вступ. В силу с 08.01.2020. // Собрание законодательства РФ», 28.11.2011, № 48, Ст.2 п.13.

2. Волков К.А. Заражение ВИЧ-инфекцией // Российский следователь. – 2017. – № 13. – С. 1-5.

3. Подройкина И.А. К вопросу о принципах уголовного наказания // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 12 (55). С. 74-77.

4. Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ. [Электронный ресурс] // Судебные и Нормативные акты РФ – Режим доступа: <http://www.cdep.ru>

5. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. [Электронный ресурс] // Судебные и Нормативные акты РФ – Режим доступа: <http://rosпотребнадзор.ru/activities/statistical-mate..> (дата обращения 13.03.2020).

6. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 29 авг. 2012 г. по делу № А56-18158/2011. Доступ из справ.правовой системы «Консультант-Плюс».

7. Решение апелляционной инстанции Московского областного суда [Электронный ресурс] // Судебные и Нормативные акты РФ – Режим доступа: <https://pravorub.ru/articles/70291.html>

8. Суд вынес приговор по громкому делу о заражении ВИЧ-инфекцией трех пациенток элитной «Преображенской клиники» в Екатеринбурге [Электронный ресурс] интернет-газета Znak.com.- Екатеринбург, 2014. – Режим доступа: <http://www.znak.com/svrld/news/24-1-4/1033601.html>

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ АНАЛИЗ СТАТЬИ 210.1 УК РФ

© Д.С. Глухман

Научный руководитель: С.И. Бушмин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В начале 2019 году была внесена законодательная инициатива об ужесточении ответственности для лиц из числа криминальных авторитетов. Так, 1 апреля 2019 года был принят Федеральный закон № 46 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». После вступления в законную силу законопроекта было возбуждено первое уголовное дело в отношении «вора в законе» в Томской области – Толи Томского. На данный момент, в Российской Федерации возбуждено около семи уголовных дел.

В пояснительно записке к законопроекту указано, что, занимая высшее положение в преступной иерархии лицо имеет множество преступных связей, что и позволяет им избежать уголовной ответственности, в чём и заключается их специфика. Доказать факт того, что лицо занимает положения вор в законе весьма проблематично, так как информация носит оперативно-розыскной характер, лица подозреваемые в занятии высшего положения в преступной иерархии, как и их соратники по «криминальному ремеслу», предпочитают данную информацию скрывать от органов следствия, чтобы не усугубить своё положение. На практике, лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, привлекают только за конкретные преступления: вымогательства, разбои, и т.п., которые по сравнению с преступлениями об организованной преступности являются менее тяжкими [3, с. 52-56]. Из анализа пояснительной записки следует, что законодатель понимает под занятием высшего положение опасное состояние лица, и уголовная ответственность наступает не за совершение действий (бездействий), а именно за занимаемое положение лица в преступной иерархии, за то что то или иное лицо в преступных кругах коронован как вор в законе. Внесение данной статьи, согласно пояснительной записке, мотивированно необходимостью привлечения лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, так, уголовная ответственность наступает не за совершение преступного действия, а за сам факт состояния личности, которая обусловлена его общественной опасностью [7]. Исходя из пояснительной записки, признак общественной опасности преступного деяния присутствует в составе статьи 210.1 УК РФ: Лидеры преступных сообществ координируют преступные действия, создают устойчивые преступные

связи между различными организованными группами, координируют раздел сфер преступного влияния и т.п. в связи с этим представляют наибольшую общественную опасность [7]. Таким образом в части 9 УК РФ, противоречий не имеется.

Лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, имеют уголовно-правовое и криминалистическое значение.

Так в отечественном уголовном праве нет понятий вор в законе, «смотрящий» они являются научными. В.Г. Гриб под «ворами в законе» понимает: – «профессиональных преступников, признанные лидеры преступного мира, пользующиеся авторитетом и властью, имеющие, большой криминальный опыт и посвященные в это звание «сходкой» за приверженность нормам и традициям, утвердившимся в воровском сообществе». Так воры в законе не признают правовое государство и его порядки, а только сложившееся воровские обычаи. Они могут возглавлять преступные формирования как бандитской, так и экономической направленности, ведут активную работу по организации преступной деятельности, консолидации криминальных структур, налаживанию связей между ними и др. После коронации вор наделяется кругом специальных функций в их числе: разбор конфликтов, создание и укрепление воровских семей, проведение воровских «сходок», контроль за сбором «общака» и его распределение и т. п. [2, с. 154].

А.А. Мухин к лицам занимающих высшее положение на ряду с ворами в законе относит бандитских авторитетов, то есть тех, кто является приближенными к лицам из числа воров в законе. Бандитский авторитет, стоит ниже по статусу относительно вора в законе, он выполняет две функции организационную и координирующую, которая направлена на дачу указаний членам преступного сообщества. Таким образом, бандитский авторитет способствует преступной деятельности вора в законе, непосредственно выполняя указания последнего [4, с. 27].

В свою очередь А.Н. Волобуев вообще относит воров в законе к «группе обеспечения безопасности». К задачам этих лиц, входит реализация решений преступного сообщества; контроль за деятельностью; выполнение функций разрешение конфликтов между группировками или отдельными их членами; охрана лиц, которые занимают высшее положение в преступной иерархии; пропаганда преступной идеологии; легализация преступно нажитых ценностей и др. [1, с. 16-17]. А.Н. Волобуев не указывает кто относится к элитарной группе в преступной иерархии.

В науке также существуют понятия «смотрящий», «положенец», «авторитет», их различия слабо отражены в науке. В.В. Тюлегинов считает: «положенец», «авторитет» – специфические криминальные звания, «смотрящий» – это в первую очередь «криминальная должность». Эти должности могут быть различными:

«смотрящий» за городом, «смотрящий» за «общаком», и т. д» [9, с. 18]. Если вор в законе является ответственным за участок, то его звание звучит так: вор в законе, смотрящий за колонией.

Таким образом в науке уголовного права и криминалистике нет единого подхода к пониманию такого субъекта как лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии. Нельзя сказать однозначно можно ли вора в законе считать лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, и могут ли данные понятия быть идентичными.

В Грузии существуют положения о лицах, занимающих высшее положение в преступном сообществе, законодатель приравнивает их к вора в законе. Согласно Закону Грузии «Об организованной преступности и рэкете», под «вором в законе» понимается лицо, которое в любой форме осуществляет управление или (и) организацию воровским сообществом или с использованием методов деятельности «воровского сообщества» осуществляет управление или (и) организацию определенной группы лиц [6]. Данное определение характеризует личность преступника через конкретные признаки объективной стороны данного состава.

Возникает вторая проблема, в диспозиции статьи 210.1 УК РФ, законодатель понимает «занятие», как состояние личности или конкретное действие.

Исходя из положений уголовного закона, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, подлежит уголовной ответственности за активные действия связанные с реализацией деятельности преступного сообщества. В.И. Гладких считает, что статья 210.1 УК РФ противоречит статье 8 УК РФ, так как отсутствует общественная опасность, и вследствие этого ответственность за преступление не может наступать только за то, что в преступном мире тот или иной человек признан как преступный авторитет, в добавок законодательного определения данной дефиниции не существует [3].

Появляются две проблемные ситуации к пониманию «занял», лицо в данный момент времени заняло высшее положение в преступной иерархии, или оно уже занимает такое положение. В таком случае, в силу ч. 1 ст. 10 УК РФ уголовное преследование в рамках новой статьи не возможно в отношении воров в законе, эмигрировавшие из Грузии, так и в отношении всех прочих лидеров преступного мира, добившиеся признания своего статуса до начала действия новой статьи.

Но в этом случае возникает проблема другого характера. Ведь лицо, имеющее авторитет в преступной среде, не утрачивает его ни в моменты предъявления обвинения, ни после отбывания наказания. Государство не имеет механизма способного лишить подозреваемого, обвиняемого или подсудимого его положения в преступной иерархии. Если мы признаем преступление, наказуемое по ст. 210.1 УК РФ, продолжаемым, то непременно должны прийти к выводу, что

обвиняемый продолжит его совершение в период следствия, суда, отбывания наказания и даже после освобождения. В случае если, лидер преступного мира сам не примет меры для утраты своего статуса, он будет являться злостного рецидивиста. Возникает проблема повторного привлечения лица к уголовной ответственности за одно и тоже деяние. Полагаем, что лицо, сохранившее после осуждения высшее положение в преступной иерархии, не должно повторно нести ответственность по ст. 210.1 УК РФ в отсутствие достоверных данных о дальнейшем использовании своего статуса в преступных целях.

Если ответственность наступает за конкретные действия, то возникает проблема разграничения статей 210.1 УК РФ и ч. 4 ст. 210 УК РФ так как они содержат одинаковые дефиниции. Из судебной практики следует, что суды одинаково трактуют понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» с «ворами в законе». В апелляционном определении ВС РФ по делу Чкадау суд исследовал вопрос о значении дефиниции «вор в законе», которое имело значение для установления фактических данных дела. Судом исследовались также показания подозреваемого Чкадау о криминальной иерархии преступного сообщества, в следствии чего суд пришёл к выводу, что под дефиницией «вор в законе» следует понимать, лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, на основании чего обладает авторитетом в криминальном мире со всеми его представителями, находящимися ниже его самого [8].

Так как ст. 210.1 УК РФ и ч. 4 ст. 210 УК РФ имеют схожее понятие лица, то стоит обратиться к ПП ВС РФ от 12.07.2012 года № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» в пункте 24 даётся разъяснение субъект «данное лицо надлежит понимать через его конкретные действия по созданию или по руководству преступным сообществом, либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе [5]. Так законодатель предусмотрел, что на основании ч.4 ст. 210 УК РФ уголовная ответственность лица, наступает за конкретные действия, а на основании ст. 210.1 УК РФ за само состояние лица, то есть обладание высшим статусом в преступной иерархии.

Резюмируя сказанное, положения статьи 210.1 УК РФ до конца не регламентированы в УК РФ. На наш взгляд, законодателю целесообразно бы было в качестве примечания или в диспозиции самой статьи определить, кто непосредственно является лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии. Так мы предлагаем ввести в уголовный кодекс Российской Федерации

следующее определение лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии: «лицо, обладающее статусом руководителя в преступном сообществе или группе, занимающееся руководством преступным сообществом или преступными группами, осуществляющее в любой форме управление организованной группой или группами». Под «занятием», предлагаем понимать: «обладание статусом или приобретении статуса в настоящий момент времени».

Список использованных источников:

1. Волобуев А.Н. Организованная преступность в СССР: Проблемы борьбы с организованной преступностью/ А.Н. Волобуев. – Москва: сб. науч. тр, 1990. – С. 16-17.
2. Гриб В.Г. Характеристика и особенности личности лидеров участников преступных сообществ, действующих в экономике и других сферах: правотворчество и правоприменительный процесс в современной России / В.Г. Гриб // Москва: МФПА. – 2007. – 154 с.
3. Гладких И.В. Одолеет ли новый закон воров в законе? / Гладких И.В. // Российский следователь. – 2019. №5. – С. 52-56.
4. Мухин А.А. Российская организованная преступность и власть. История взаимоотношений / А.А. Мухина // Москва: ЦПИ, 2003. – С. 8 – 27.
5. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) и участие в нём (ней) [Электронный ресурс]: пост. ВС РФ от 10. июня. 2010 № 12. // Справочная правовая система «Консультант Плюс» – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Об организованной преступности и рэкете [Электронный ресурс]: закон Грузии от 20. дек. 2005 №2150. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge>.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности [Электронный ресурс]: пояснительная записка к законопроекту от 14. фев. 2019 № Пр-206. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
8. Определение апелляционной судебной коллегии по уголовным делам : опр. ВС РФ от 29. май. 2018. № № 51-АПУ18-4. / Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
9. Тулегенов В.В. Криминологическая сущность понятия «смотрящий» / В.В. Тулегенов // Вестник Пермского института ФСИН России. – 2013. № 1. – С. 18.

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТА МОШЕННИЧЕСТВА
В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

© В.Е. Дерменев

Научный руководитель: А.С. Мирончик

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одним из основных элементов состава преступления признается его субъект. Под ним понимается физическое лицо, вменяемое и достигшее возраста уголовной ответственности, предусмотренного действующим уголовным законодательством [8,с.138]. Относительно субъекта предпринимательского мошенничества нет единого понимания всех его конструктивных признаков, позволяющих квалифицировать то или иное деяние по ч. 5 – 7 ст. 159 УК РФ. Соответственно, в данной работе мы обратим внимание спорные моменты, вызывающие наибольшее количество вопросов как законодательного, так и правоприменительного плана.

В диспозиции ч. 5 ст. 159 УК РФ отсутствует прямое указание на то, что субъект предпринимательского мошенничества является специальным. Но по справедливому замечанию авторов он является таковым [2,с.43]. Это объясняется наличием специфических черт, без которых квалификация деяния как предпринимательское мошенничество невозможно. Следует обратить внимание на то, что совершение данного преступления возможно исключительно в сфере предпринимательской деятельности.

Определение предпринимательской деятельности содержится в п. 1 ст. 2 ГК РФ. Именно сфера предпринимательских отношений и создает признаки специального субъекта рассматриваемого состава.

Первое на что следует обратить внимание – особенности статуса субъекта предпринимательского мошенничества. Согласно ст. 2 ГК РФ предпринимательская деятельность подлежит государственной регистрации. Особенность данной процедуры состоит в том, с момента внесения записи о регистрации в ЕГРИП у индивидуального предпринимателя появляется право- и дееспособность. Соответственно, возникает возможность заключения сделок и совершения иных юридически значимых действий от своего имени. Аналогичная процедура касается и коммерческих организаций. Значимость данного признака трудно переоценить. В примечании 4 к ст. 159 УК РФ указано, что сторонами по договору могут быть только индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. Это же положение уточнила высшая судебная инстанция в п. 11 Постановления

Пленума № 48 [4] указав, что одним из основополагающих признаков рассматриваемого состава будет совершение преступления индивидуальным предпринимателем или членом органа управления коммерческой организации. Затрудняет решение вопроса то, что в законодательстве отсутствуют указанные понятия. Вместе с тем, судебный орган не разделяет признаки потерпевшего и виновного лица (сторон по договору), указывая лишь на их статус. Это подтверждается примерами из судебной практики, в которых квалификация деяния осуществляется по совокупности с общим составом мошенничества, если одна из сторон не обладает указанными признаками субъекта предпринимательской деятельности[6],[7].

Следует отметить, что Пленум ВС РФ и Уголовный кодекс РФ ориентирует нас на формальный подход к выяснению, имеется ли рассматриваемый признак у лица, совершившего преступное посягательство. Соответственно, мы приходим к выводу о том, что субъектом предпринимательского мошенничества может быть только лицо, законно осуществляющее свою деятельность и преследующее цель законного извлечения прибыли. Следовательно, нельзя относить к субъектам предпринимательского мошенничества по данному признаку ИП и «фирмы-однодневки», изначально созданные для совершения преступных посягательств, а не законного извлечения прибыли[3, с. 109].

Развитие общественных отношений в сфере бизнеса создают новые формы деятельности граждан по извлечению прибыли. Помимо общеизвестных форм, таких как ИП или юридическое лицо, создаются и новые, например, так называемые «самозанятые» граждане. Несмотря на активное общественное обсуждение, в законодательстве Российской Федерации отсутствует данное понятие. Вполне закономерно, что вопрос о правовой природе такой формы занятости является актуальным для изучения в настоящий момент.

В связи с принятием Федерального закона от 26.07.2017 № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» осуществлено легальное выделение в гражданском правообороте в качестве самостоятельной группы субъектов предпринимательской деятельности граждан, не зарегистрированных в качестве индивидуальных предпринимателей, но осуществляющих деятельность по извлечению прибыли. Аналогичного подхода придерживается Конституционный суд РФ в одном из своих Постановлений: «...отсутствие государственной регистрации само по себе не означает, что деятельность гражданина не может быть квалифицирована в качестве предпринимательской, если по своей сути она является таковой»[8]. Исходя из указанного, мы можем отметить расхождение понимания предпринимательской деятельности, так как КС РФ, а также гражданское законодательство используют сущностный подход к пониманию предпринимательской деятельности. В таких условиях

«самозанятые» граждане подпадают под рассматриваемый признак и могут являться субъектом предпринимательского мошенничества. Соответственно, в литературе таких лиц подразделяют на два вида: лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без статуса индивидуального предпринимателя нарушение закона, а также лиц, правомерно осуществляющих предпринимательскую деятельность, не зарегистрированных в качестве индивидуального предпринимателя «самозанятые» [1, с. 70]. В работе нас интересует именно вторая категория граждан.

Правовой базой для рассматриваемой категории занятости служит Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход». Именно там законодатель предъявляет ряд условий для установления специального налогового режима для рассматриваемой категории лиц. Из ст. 4 указанного закона можно отметить, что к плательщикам налога на профессиональный доход относятся лица, реализующие товары и услуги, на которые не требуется специального разрешения или лицензирования видов деятельности. Также у лица должны отсутствовать работники по трудовому договору, и ряд иных условий.

Однако, государство предпринимало попытки формализовать понятие «самозанятый». В 2017 году Правительством РФ внесен законопроект [9] об изменениях ст. 2 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1991 года № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации». В нем предполагалось выделить критерии «самозанятого»: физические лица, осуществляющие деятельность исключительно на личном трудовом участии; не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей; достигшие 16-летнего возраста; представившие уведомления об осуществлении указанной деятельности в налоговый орган в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

Следовательно, мы приходим к выводу, что «самозанятые» подходят под сущностное понимание лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность. Как уже было отмечено ранее, гражданское законодательство и Конституционный Суд РФ придерживаются именно этого подхода.

Несмотря на схожесть «самозанятых» с индивидуальными предпринимателями, следует придерживаться формального подхода к пониманию индивидуального предпринимателя, как субъекта мошенничества в сфере предпринимательской деятельности. Это объяснимо по следующим причинам. Во-первых, статус ИП предполагает наличие индивидуализирующих признаков и прохождение государственной регистрации, которые позволяют контрагенту в условиях рыночной экономики заключать сделки с меньшей вероятностью их неблагоприятного исхода. Во-вторых, отсутствует четкая классификация данных лиц, которая

обозначает разрешенные виды деятельности для «самозанятых». В целом, данный институт гражданского права не прошел своего полного становления для использования его в уголовном праве.

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, отсутствие законодательного определения субъекта мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (индивидуальный предприниматель и член органа управления коммерческой организации) вносит неопределенность в понимании категорий лиц, подлежащих ответственности за данное преступление. Это требует закрепления понятия (или признаков) данных лиц в уголовном или ином законодательстве в целях последующего правоприменения. Во-вторых, основываясь на формальном подходе, новую категорию субъектов предпринимательской деятельности («самозанятые») нельзя отнести к субъектам совершения предпринимательского мошенничества.

Список использованных источников:

1. Бондаренко Д.В. Самозанятые лица как субъекты предпринимательской деятельности // Право и политика. – 2018. – № 5. – С. 62 – 74.
2. Веремеенко, М.В. Субъект мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 1 (15). – С. 39-45.
3. Мошенничество в сфере предпринимательской деятельности (ч.ч. 5 – 7 ст. 159 УК РФ): проблемы уголовно- правовой регламентации и квалификации: монография / под ред. докт. юрид. Наук, проф. А.Н. Тарбагаева. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 192 с. (с. 109)
4. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 04.12.2017 г.) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.12.2012 № 34-П «По делу о проверке конституционности положений ... в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
6. Приговор Железнодорожного районного суда г. Красноярск по делу 1-269/2017 от 20.09.2017 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://geldor--krk.sudrf.ru>

7. Приговор Октябрьского районного суда г. Санкт-Петербурга по делу № 1-345/2018 от 25.12.2018 г. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://bsr.sudrf.ru>

8. Уголовное право. Общая часть: учебник/ под ред. А.Н. Тарбагаева. – М.: Проспект, 2015. – 448 с.

9. Федеральный портал нормативно-правовых актов [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=66723>

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ ВИНЫ ПРИ ДОВЕДЕНИИ ДО САМОУБИЙСТВА

© А.В. Дядина

Научный руководитель: Т.В. Долголенко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

По данным доклада, опубликованного в 2019 г. Всемирной организацией здравоохранения, по числу самоубийств на душу населения Россия превышает среднемировые показатели в 2,5 раза (26,5 случая на 100 тыс. человек – против 10,5, уступая Лесото и Гайане (28,9 и 30,2 соответственно)). В общей сложности в 2016 г. в России покончили с собой 44673 человека [10]. Согласно статистическим данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат) в результате самоубийств в России за 2017 г. умерли 20,2 тыс. человек, за 2018 г. умерли 18,2 тыс. человек [11]. Таким образом, наблюдается снижение смертности от самоубийств.

Важно то, что есть люди, которые подвергаются воздействию других людей, вследствие чего принимают решение совершить самоубийство. Статья 110 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за доведение до самоубийства.

Согласно статическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в России в 2016 г. по ст. 110 УК РФ было осуждено 10 человек, в 2017 г. – 13 человек, в 2018 г. – 16 человек [5]. Таким образом, на федеральном уровне доля лиц, осужденных за данное общественно опасное деяние, невелика, существенного возрастания привлечения к уголовной ответственности лиц за данное преступление не наблюдается. Одной из причин сложившейся ситуации является наличие дискуссионных вопросов относительно состава преступления.

Так, поскольку в диспозиции ст. 110 УК РФ не определена форма вины, дискуссионным является вопрос о форме вины при доведении до самоубийства, и в юридической литературе имеется несколько точек зрения по данному вопросу.

Существует мнение, согласно которому данное преступление может быть совершено с косвенным умыслом, то есть когда лицо осознает общественную опасность своих действий (бездействия), предвидит возможность наступления общественно опасных последствий (самоубийство или покушение на него), не желает, но сознательно допускает их или относится к ним безразлично. Сторонники данной точки зрения утверждают, что при наличии прямого умысла будет образовываться такой состав преступления, как убийство (ст. 105 УК РФ). Н.И. Загородников отметил, что «данное преступление может быть совершено с любой формой вины, но умысел может быть исключительно косвенным, так как при наличии у виновного прямого умысла на доведение до самоубийства совершенное надлежит рассматривать как убийство особым способом» [6, с. 233].

Противоположенное мнение заключается в том, что доведение до самоубийства возможно с прямым умыслом, когда виновный осознает, что своими действиями (угрозами, жестоким обращением и т.д.) в отношении потерпевшего создает повод для его самоубийства, предвидит возможность или неизбежность лишения им себя жизни и желает наступления такого последствия. Р.З. Авакян отметил, что «при доведении до самоубийства потерпевший сам принимает решение расстаться с жизнью и сам же приводит его в исполнение, руководимый сознанием и волей. Исходя из этого, доведение до самоубийства возможно с любым видом умысла, где при прямом — виновный предвидит возможность самоубийства и желает наступления смерти потерпевшего, а при косвенном — сознательно допускает тот же результат» [1, с. 71-72].

Ряд авторов полагают, что возможна неосторожная форма вины, причем только в виде небрежности. Ю.А. Уколова указывает, что «при небрежности субъект преступления не имеет цель привести потерпевшего в состояние, когда у последнего появится решимость покончить жизнь самоубийством, но при должной и необходимой внимательности и предусмотрительности должен и мог предвидеть, что созданная им подобная стрессовая ситуация вызовет у человека подобную реакцию» [12, с. 18].

Имеются сторонники позиции, согласно которой доведение до самоубийства возможно с любой формой вины: поскольку в диспозиции ст. 110 УК РФ отсутствует специальное указание на форму вины, данное преступление может быть совершено как умышленно, так и по неосторожности [4, с. 46].

На указанную позицию существует следующее возражение. В соответствии с ч. 2 ст. 24 УК РФ деяние, совершенное только по неосторожности, признается преступлением лишь в случае, когда это специально предусмотрено соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Возможность совершения доведения до самоубийства с любой формой вины невозможна, поскольку в ст. 110 УК РФ

отсутствует прямое указание на неосторожную форму вины. В данном случае ответственность исключается, поскольку содеянное не будет содержать состава преступления, хотя допускается сама возможность доведения до самоубийства по неосторожности [2, с. 101]. Данный вывод представляется как основанный на неверном толковании норм материального права, поскольку согласно ст. 24 УК РФ в составе преступления, предусматривающем только неосторожную вину, должно быть прямое указание на это, а в составах преступлений, в которых отсутствует прямое указание о неосторожной вине, имеется ввиду как умысел, так и неосторожность, если сам характер описания не исключает неосторожности.

Крылова Н.Е. указывает, что «включение законодателем квалифицирующих признаков, связанных с заведомостью, публичным характером действий, групповыми способами совершения рассматриваемого преступления, делает невозможным его реализацию с неосторожной формой вины, а с учетом того, что в доктрине уголовного права подвергается сомнению возможность соучастия с косвенным умыслом, поскольку направленность на достижение общего результата означает отсутствие безразличного отношения к его наступлению, может быть и вовсе поставлен вопрос о совершении этого преступления только с прямым умыслом» [7, с. 79].

В литературе часто упоминается решение Президиума Московского городского суда от 04.04.2002 г. по делу Кузина, которое содержится в Бюллетени Верховного Суда РФ № 4 2003 г., согласно которому за доведение до самоубийства подлежит лицо, совершившее это преступление с прямым или косвенным умыслом [3]. С учетом данной позиции Верховного суда РФ, выраженной сравнительно давно, правоприменительная практика в основном стоит на аналогичной позиции.

Вместе с этим в судебной практике нет единого мнения относительно формы вины при доведении до самоубийства.

Так, в обвинительном приговоре по ч. 1 ст. 110 УК РФ, вынесенном в Ленинском районном суде г. Краснодара 16.05.2019 г., было установлено, что в результате длительной психотравмирующей ситуации, вызванной действиями подсудимого, выразившимися в систематических угрозах, жестоком обращении и систематическом унижении человеческого достоинства потерпевшей, последняя решила лишиться себя жизни и бросилась с общего балкона 3 этажа жилого дома [9]. Суд указал, что преступление совершено умышленно с косвенным умыслом.

Отличительным является обвинительный приговор по ст. 110 УК РФ, вынесенный Абинским районным судом Краснодарского края 27.02.2012 г., в котором суд указал, что подсудимый не предвидел возможности самоубийства потерпевшей, но по обстоятельствам дела и, учитывая личность потерпевшей, должен и

мог предвидеть, что его угрозы, жестокое обращение и систематическое унижение потерпевшей приведут к покушению на самоубийство потерпевшей [8]. Судом была установлена неосторожная форма вины в виде небрежности. Вместе с тем, согласно материалам дела потерпевшая неоднократно пыталась покончить жизнь самоубийством, одну из попыток суицида предотвратил обвиняемый, что исключает умысел и указывает на то, что он рассчитывал на самостоятельное предотвращение общественно опасных последствий, что указывает на неосторожную форму вины в виде легкомыслия.

Подводя итог, стоит отметить, что наиболее убедительным представляется мнение о том, что субъективная сторона может быть выражена как в форме умысла, так и в форме неосторожности. При доведении до самоубийства бесспорно может быть косвенный умысел, а также не исключен прямой умысел, так как виновный доводит лицо до самоубийства намеренно, то есть предвидит, что его активные действия создают возможность (неизбежность) самоубийства потерпевшего, и он желает такого исхода. Что касается неосторожности, то форма вины может быть выражена как в виде легкомыслия, так и в виде небрежности. Представляется, что вопрос о форме вины должен быть решен на законодательном уровне.

Список использованных источников:

1. Авакян, Р. З. Доведение до самоубийства как уголовно наказуемое деяние / Р. З. Авакян. – Ереван : Издательство АН АрмССР, 1971. – 131 с.
2. Борзенков, Г. Н. Квалификация преступлений против жизни и здоровья / Г. Н. Борзенков. – Москва : ИКД Зерцало-М, 2006. – 144 с.
3. Бюллетень № 4 2003 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа: <http://vs.pf/files/10276>.
4. Воронин, Ю. А. Установление субъективной стороны преступления в процессе квалификации доведения до самоубийства / Ю. А. Воронин, В. В. Лалац // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 7. – С. 44-48.
5. Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. – Режим доступа: <https://www.cdep.ru/index.php?id=79>.
6. Загородников, Н. И. Преступления против жизни по советскому уголовному праву / Н. И. Загородников. – Москва : Госюриздат, 1961. – 278 с.
7. Крылова, Н. Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации:

оценка законодательных новелл / Н. Е. Крылова // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 75-82.

8. Приговор № 1–29/2012 от 27 февраля 2012 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/z97XTHFwiSUZ>.

9. Приговор № 1–67/2019 от 16 мая 2019 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/UTEdQXqKjrdu>.

10. Россия – в тройке лидеров по числу самоубийств [Электронный ресурс] // Би-би-си. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-49636376>.

11. Статистика смертности по данным Росстат [Электронный ресурс] // Росстат. Федеральная статистика. – Режим доступа: <https://rosinfostat.ru/smernost>.

12. Уколова, Ю. А. Форма вины при доведении до самоубийства / Ю. А. Уколова // Российский следователь. – 2007. – № 12. – С. 18–21.

ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ УБИЙСТВА С КОСВЕННЫМ УМЫСЛОМ И УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ, ПОВЛЕКШЕГО ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ СМЕРТЬ ЧЕЛОВЕКА

© Ю.А. Зайковская

Научный руководитель: В.В. Питецкий

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего и убийство с косвенным умыслом имеют различные правовые последствия, но на практике возникают сложности с их разграничением.

Статистика показывает большое количество зарегистрированных преступлений по ч. 4 ст. 111 УК РФ на фоне общего числа преступлений, связанных с умышленным причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ). Например, в 2019 г. было зарегистрировано 21465 преступлений, квалифицированных как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, из них 4139 – по ч. 4 ст. 111 УК РФ [6, 12]. И хотя количество преступлений со смертельным исходом в последние годы снижалось, только за первые два месяца 2020 г. (732) данные указывают на возможное увеличение преступлений ч. 4 ст. 111 УК РФ [6]. Убийств и покушений на убийство в 2019 г. было зарегистрировано 7 948 [12]. При этом по оценкам

ученых минимум в 33,1 % случаев трудности возникают в отграничении ч. 4 ст. 111 и ч. 1 ст. 105 УК РФ [5].

Результаты опросов судей также показывают сложность в разграничении указанных составов [13]. Практика отражает чрезмерную «гуманность» по делам об убийствах или фактическую маскировку умышленных убийств их квалификацией по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Хотя критерии установлены Верховным Судом РФ, правоприменители не могут прийти к единому мнению при учете критериев. Ошибки отмечаются, когда учитывается время смерти, нанесение ударов в жизненно важные органы и т. д.

В соответствии с п. 3 постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 г. № 1 при решении вопроса о направленности умысла следует исходить из совокупности обстоятельств: способ и орудие преступления; количество, характер и локализация телесных повреждений; предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения [7]. Но на практике учитываются далеко не все критерии.

В постановлении Президиума Красноярского краевого суда № 4у-143/2018 от 26 июня 2018 года, суд в обоснование косвенного умысла на убийство привел лишь нанесение одного удара ножом в область живота, от которого через некоторое время наступила смерть [9]. Но совершенно не принял во внимание, что удар был нанесен К. Г. В. в ходе конфликта с целью пресечь дальнейшее развитие конфликтной ситуации и во избежание возможных негативных последствий для обвиняемой; отсутствии иных ударов; также без учета последующего поведения, когда К. Г. В. сразу приняла меры к вызову скорой помощи и полиции. Поэтому действия К. Г. В. были переквалифицированы с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ.

С другой стороны нередко суды указывают на обстоятельства, которые приводят адвокаты в попытке переквалифицировать с ч. 1 ст. 105 УК РФ на ч. 4 ст. 111 УК РФ, как на не имеющие значения для установления умысла. Например, в Апелляционном определении от 15 октября 2019 г. по делу № 2-25/19 Верховный Суд РФ указал, что наступление смерти через какой-либо промежуток времени не имеет значения для квалификации умышленного убийства [1]. В другом определении суд также отметил, что время и место смерти через непродолжительное время в больнице, на квалификацию не влияют (в обоснование косвенного умысла суд учел в тоже время нанесение удара ножом с длинной клинка не менее 7 сантиметров в область груди) [2].

В тоже время, как отмечается в литературе, следственные органы и суды часто придерживаются правила: если смерть наступает вскоре после причинения тяжкого вреда, деяния квалифицируются как умышленное убийство, а если

проходит продолжительное время, то, как умышленное причинение тяжкого вреда[4]. Однако, как справедливо полагает Г. Н. Борзенков, такое отношение безосновательно [3, с. 193].

Отмечаются также случаи квалификации убийства при нанесении не менее 20 ударов в голову, в то время как ч. 4 ст. 111 УК РФ – при жестоком забивании потерпевшего насмерть с последующим закапыванием трупа в землю, нанесения удара ножом в шею, скидывания в глубокую горную реку [13].

«Достаточную очевидность» правоприменительная практика показывает также при квалификации убийства в результате учета различного рода проникающих ранений черепа, грудной клетки и живота, в то время как для уверенной квалификации по ч. 4 ст. 111 УК РФ на практике обращается внимание на единичный удар кулаком в область шеи, множественные удары руками и ногами в разные части тела и т. п. [8]. В любом случае для правильной квалификации нельзя основываться на одном «очевидном» критерии, важно принимать во внимание всю совокупность сведений.

В научной литературе нередко поднимается вопрос о причинах ошибок правоприменителей. Одни связывают их с разным по времени наступлением смерти, другие – с низким профессиональным уровнем правоприменителей и потому устойчиво-неверным подходом к квалификации преступлений (склонных «подгонять» мотивацию), третьи – по причине неполноты собранных доказательств [11, 13, 8].

Рассмотрим, как в таком случае решить проблему правильной квалификации.

Во-первых, в настоящее время Верховный Суд РФ уже привел перечень критериев. Но они отражают не все факторы. На практике при оценке умысла особую роль могут играть физическое состояние потерпевшего, его возраст (к примеру, нанесение ударов больному человеку, маленькому ребенку может иметь умысел на убийство, в то время как физически развитому мужчине – лишь на причинение вреда здоровью). Возможность предвидения смерти также устанавливается применительно к конкретному лицу с учетом психологических особенностей, жизненного опыта и т. п.

Во-вторых, хотя критерии для разграничения и определены Пленумом Верховного Суда РФ, это не меняет того, что единообразная практика отсутствует. Некоторые исследователи предлагают в связи с этим более детально регламентировать особенности разграничения [10].

В связи с более полной регламентацией, действительно, было бы целесообразно объяснить необходимость не только использования всех установленных обстоятельств, но указать на обязательную необходимость их получения для

определения умысла, дабы исключить ошибки из-за неполноты собранных доказательств. К тому же, учитывая критерии разграничения без какого-либо приоритета в совокупности, тем не менее, начинать исследование всех обстоятельств можно было бы с выяснения отношения виновного к смерти потерпевшего, чтобы определить не «направленность умысла», как гласит сейчас разъяснение Пленум Верховного Суда РФ, а охватывалось ли вообще умыслом лица причинение смерти.

В итоге проблемы разграничения составов и предупреждения ошибок при квалификации требует особого внимания. В первую очередь правоприменителям следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного. С целью совершенствования их деятельности – дополнить учитываемые критерии для разграничения составов характеристиками потерпевшего: возраст, физическое состояние, психологические особенности, жизненный опыт; более детально регламентировать особенности критериев и обязательность их учета для определения, охватывалось ли умыслом лица причинение смерти на уровне постановления Пленума Верховного суда РФ.

Список использованных источников:

1 Апелляционное определение Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] : от 15 октября 2019 г. по делу № 2-25/19. – Режим доступа : <http://sudact.ru/vsrf/doc/B3ltL6R4rpa/> (дата обращения: 31.03.2020).

2 Апелляционное определение Верховного Суда РФ [Электронный ресурс] : от 11 сентября 2019 г. по делу № 2-09/19. – Режим доступа : <http://sudact.ru/vsrf/doc/Z0Nxn6XXBixF/> (дата обращения: 31.03.2020).

3 Борзенков, Г. Н. Преступления против жизни и здоровья: закон и правоприменительная практика [Текст] : учебно-практическое пособие / Г. Н. Борзенков. – М. : Зерцало-М, 2013. – 255 с.

4 Волошин, П. Разграничение в судебной практике убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего причинение смерти по неосторожности [Текст] / П. Волошин // Уголовное право, 2011. – № 3. – С. 8-11.

5 Заказчиков, В. В. Отграничение преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, от смежных составов преступлений: проблемы судебной практики [Текст] / В. В. Заказчиков // Отечественная юриспруденция, 2016. Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27053608> (дата обращения: 31.03.2020).

6 Зарегистрировано преступлений по ч. 4, ст. 111 УК РФ [Электронный ресурс] // Портал Правовой статистики Генеральной прокуратуры РФ. – Режим доступа : http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 31.03.2020).

7 О судебной практике по делам об убийстве : постановление Пленума ВС РФ от 27.01.1999 г. № 1 [ред. от 03.03.2015 г.]. – прикладная прогр. Гарант, 2020.

8 Павалаки, А. Проблемы разграничения убийств со смежными видами преступлений [Текст] / А. Павалаки // Молодой ученый, 2016. – № 9. – С. 875-879. – Режим доступа : <https://moluch.ru/archive/113/29099/> (дата обращения: 31.03.2020).

9 Постановление Президиума Красноярского краевого суда № 4у-143/2018 от 26.06.18 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://kraevoy.krk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=219 (дата обращения: 31.03.2020).

10 Полянская, Е. А. Критерии отграничения убийства от причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего [Текст] / Е. А. Полянская // Вестник молодых ученых СГЭУ, 2017. – № 1. – С. 195-199. – Режим доступа : <https://elibrary.ru/item.asp?id=29237836> (дата обращения: 31.03.2020).

11 Сапожникова, К. А. Проблемы отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего от убийства [Текст] / К. А. Сапожникова // Отечественная юриспруденция, 2017. – Режим доступа : <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29113499> (дата обращения: 30.03.2020).

12 Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел. – Режим доступа : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/> (дата обращения: 31.03.2020).

13 Стешич, Е. С., Корецкий, Д. А. Теоретические и практические проблемы разграничения неосторожности и косвенного умысла в преступлениях, связанных с убийством [Текст] // WSCHODNIOEUROPEJSKIE CZASOPISMO NAUKOWE, 2016. – № 4. – Т. 7. – С. 180-185.

**ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 116 УК РФ**

© Н.В. Золотой

Научный руководитель: Т.В. Долголенко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В теории уголовного права общепринятым является тот факт, что точность и полнота квалификации позволяет дать общественно-опасному деянию соответствующую юридическую оценку, которая бы отражала принцип законности,

справедливости и, что немаловажно, гарантировала бы вынесение справедливого решения суда. Обстоятельствами, с которыми может столкнуться правоприменитель при определении правильной квалификации преступления, являются: оценочный характер дефиниций, которые излагаются законодателем в диспозиции статей Особенной части УК; наличие конкуренции при определении квалифицирующих признаков состава преступления; наличие смежных составов, где объективная сторона деяния имеет общие черты с другими составами и иное.

Вышеуказанные проблемы возникают, в частности, при квалификации побоев. Так, в соответствие с настоящей редакцией уголовного закона, уголовная ответственность за побои предусмотрена ст. 116 и 116.1 УК РФ [8]. 3 июля 2016 года были внесены существенные изменения Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс и Уголовно–процессуальный кодекс РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности». Как известно, побои стали частично декриминализованы. Кроме того, 7 февраля 2017 года побои в отношении близких родственников, были переведены в административные правонарушения [2]. Таким образом, на данный момент, юридически-значимыми признаками, указывающими на состав ст. 116 УК РФ являются: совершение побоев из хулиганских побуждений, по мотивам политической расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы. Кроме того, действует административная преюдиция ст. 116.1 УК РФ [8].

Одной из основных проблем квалификации является отсутствие четкого определения побоев в диспозиции ст. 116 УК РФ. Что в свою очередь является одной из основных причин ошибочной квалификации преступлений, как, умышленное причинение легкого вреда здоровью, истязание, угроза убийством или причинением тяжкого вреда. По мнению ряда ученых-юристов, в области уголовного права (А.В. Бриллиантова, Г.Д. Долженкова и Э.Н. Жевлакова) считается, что побои – это действия, характеризующие многократным нанесением ударов не менее трех раз [1, с. 284]. Так, Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 11 января 2007 г. № 18-Д06-114 прекращено уголовное дело в отношении А., действия которого были квалифицированы по ч.1 ст. 116 УК РФ за нанесение одного удара по руке потерпевшей. Суд обосновал своё решение тем, что, согласно закону, с объективной стороны побои представляют собой нанесение неоднократных ударов. Нанесение одного удара не может расцениваться как побои [6]. Несмотря на это, в научной литературе встречаются иные точки зрения.

Следующей проблемой для правильной квалификации является наличие сразу нескольких оценочных понятий, а именно: «иные насильственные

действия», «физическая боль», «хулиганские побуждения», «мотивы политической расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы». Постановления ПВС РФ №45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», а также в ПВС РФ №11 «О судебной практики по уголовным делам экстремистской направленности» [3] отчасти раскрывают данные понятия.

Кроме того, обратим внимание на неопределенность понятия «иные насильственные действия». А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова и Э.Н. Жевлаков к иным насильственным действиям относят причинение боли посредством щипания, сечением, причинение небольших повреждений на теле (порез, ссадины) и другие аналогичные действия [1, с. 286]. Б.М. Гонгало, П.В. Крашенинников и Л.Ю. Михеева под физическим насилием понимают причинение физического вреда, которое по своему характеру схоже с нанесением ударов, побоев, причинения ранений на поверхности тела. Возникает вопрос разновидности объективной стороны преступления: возможно ли считать насильственным воздействием, когда лицу причиняется психический вред (угроза, оказание психического давления)? В юридической практике встречаются случаи, когда на лицо оказывали воздействием, в ходе которого потерпевший чувствовал нравственные страдания, которые, как известно, могут в дальнейшем выразиться в конкретные физические заболевания. Стоит отметить, что в уголовном праве выделяются различные формы выражения насилия, в том числе насилие, выраженное в демонстрации оружия, оскорбительные жесты, словесное или письменное высказывание, причиняющие вполне конкретный вред здоровью[5].

Так, в отделе полиции №8 МУ МВД России «Красноярское» рассматривался вопрос относительно дачи юридической оценки действиям гражданина Р., когда последний неоднократно словесно воздействовал на гражданина К., при том, не испытывая корыстной или иной личной заинтересованности. В действиях Р. не усматривались признаки другого преступления, а потому вопрос о способе исключения. Действия Р. были самостоятельными, строились на отсутствии личной неприязни гражданина К. По итогу, неоднократное психическое воздействие Р. привело к тому, что у гражданина К. на фоне психосоматики вновь открылось хроническое заболевание, которое привело к физическим страданиям, но не связанное с легким, средним или тяжким вредом здоровью. Действия Р. были квалифицированы по ст. 116 УК по признаку «причинение иных насильственных действий, повлекших физические страдания и боль». Но при этом следовало указать на наличие хулиганских побуждений.

Обращаясь к проблеме разграничения смежных составов, обратим внимание на совершение хулиганства, предусмотренного ч.1 ст.213 УК РФ и совершение побоев при наличии обязательного признака – «хулиганские побуждения». Согласно п.1 ППВС № 45 хулиганством признается грубое нарушение общественного порядка, выраженное в явном неуважении к обществу. При решении вопроса о наличии в действиях подсудимого грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, судам следует учитывать способ, время, место их совершения, а также их интенсивность, продолжительность и другие обстоятельства. Такие действия могут быть совершены как в отношении конкретного человека, так и в отношении неопределенного круга лиц. Явное неуважение лица к обществу выражается в умышленном нарушении общепризнанных норм и правил поведения, продиктованном желанием виновного противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное отношение к ним. Кроме того, согласно пункту 12 вышеуказанного постановления под уголовно наказуемыми деяниями, совершенными из хулиганских побуждений, следует понимать умышленные действия, направленные против личности человека и его имущества, которые совершены без какого-либо повода или с использованием «незначительного повода» [4].

Таким образом, для разрешения проблем, связанных с конкуренцией между совершением «побоев», «хулиганства», а также иными составами, связанными с причинением насилия в отношении человека, не связанного с причинением легкого вреда здоровью, среднего, или тяжкого вреда, необходимо учесть следующие обстоятельства:

1. «Насильственные действия» – любые действия, способные причинить физический вред здоровью человека, а равно причинение психического вреда путем морально-нравственного воздействия, демонстрации оружия, словесных и письменных оскорблениях;

2. Побои, а равно насильственные действия, имеют кратковременный характер, не имеют последствий, связанных со ст. 111,112,115 УК РФ, а также не имеют признака систематичности (ст.117 УК РФ);

3. Побои, совершенные из хулиганских побуждений характеризуются умышленными действиями, направленными против личности человека, которые совершены без какого-либо повода или с использованием незначительного повода.

4. Следует внести изменения в законодательстве в части раскрытия дефиниции – побои и насильственные действия. Изменения в диспозиции Особенной части Уголовного кодекса РФ позволят дать правильную юридическую оценку совершенного преступления.

Список использованных источников:

1. Бриллиантов А.В., Долженкова Г.Д., Жевлаков Э.Н., Пудовочкин Ю.Е. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / А.В. Бриллиантов – Москва, 2015. – 543 с.

2. О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru.ru>.

3. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru.ru>.

4. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru.ru>.

5. Определение Верховного Суда РФ от 31.05.2017 №59-УД17-4 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru.ru>.

6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ от 11 января 2007 г. № 18-Д06-114 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru.ru>.

7. Приговор Суда первой инстанции №2 Аткарского района Саратовской области [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru.ru>.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020). [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ Ч. 2 СТ. 213 УК РФ

© К.В. Капаева

Научный руководитель: Р.Н. Гордеев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В ч. 2 ст. 213 УК РФ предусмотрен такой квалифицирующий признак, как хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка. В указанной части статьи законодатель описывает квалифицирующий признак, используя три дефиниции: «представитель власти», «лицо, исполняющее обязанности по охране общественного порядка», «иные лица, пресекающие нарушения общественного порядка».

На наш взгляд такая конструкция квалифицирующего признака является излишне сложной и терминологически перегруженной, создающей проблему толкования и правоприменения.

Так, в примечании к ст. 318 УК РФ «Применение насилия в отношении представителя власти» указано, что «представителем власти в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса признается должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости». В постановлении Пленума ВС РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностными полномочиями», в п. 3 указывается, что к лицам, исполняющим функции представителя власти, следует также относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти. Исходя из содержания, как мы можем заметить, понятие «представитель власти» имеет расширительное толкование. К представителю власти относятся должностные лица и правоохранительных, и контролирующих органов, и, от части, органов законодательной, исполнительной, судебной власти. Но такое законодательное толкование понятия представителя власти подвергается критике.

С.В. Мурин, например, считает, что это слишком широкое понятие, и говорит о том, что не всех должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов следует признавать таковыми. Также С.В. Мурин говорит о том, что «главный бухгалтер и сотрудники тыловых подразделений МВД РФ относятся к

должностным лицам, но не исполняют функции представителя власти» [3]. Таким образом, принадлежность к какому-либо перечисленному органу ещё не наделяет лицо статусом представителя власти, для этого необходимо иметь распорядительные полномочия в отношении широкого круга лиц.

В пункте 10 постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2007 № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» к лицам, исполняющим обязанности по охране общественного порядка, относит военнослужащих лиц; лиц, которые занимаются частной детективной и охранной деятельностью; должностных лиц органов местного самоуправления, которые по специальному полномочию органа местного самоуправления осуществляют функции по охране общественного порядка. Под исполнением обязанностей по охране общественного порядка следует понимать «несение лицом постовой или патрульной службы на улицах и в других общественных местах, поддержание порядка во время проведения демонстраций, митингов, массовых зрелищных, спортивных и иных мероприятий, при ликвидации последствий стихийных бедствий и тому подобное». В указанном пункте дается пояснение, что под иными лицами, пресекающими нарушение общественного порядка, следует понимать лиц, хотя и не наделенных какими-либо полномочиями, но участвующие в пресекающих действиях по собственной воле, инициативе.

Не смотря на существование официальных разъяснений данных категорий, в российской судебной практике есть примеры, когда понятия «представитель власти» и «иное лицо, осуществляющее обязанности по охране общественного порядка или пресекающее нарушение общественного порядка» смешиваются. Квалификация содеянного преступления осуществляется по необходимой части статьи, но с использованием другогоотягчающего признака, в связи с чем возникает вопрос к подобной конструкции квалифицирующего признака данной уголовно-правовой нормы.

Например, в приговоре Яковлевского районного суда Белгородской области по уголовному делу № 1-23/2012 приводится следующее. Петров совершил хулиганство, с применением предмета, используемого в качестве оружия, связанное с сопротивлением представителю власти. В 15 часу на автомобиле, принадлежащем администрации, к магазину подъехал глава администрации Иванов. В данный момент возле магазина находился припаркованный автомобиль, принадлежащий Петрову. Иванов, являясь главой администрации сельского поселения и должностным лицом органа местного самоуправления, подошел к автомобилю Петрова и сделал замечание по поводу нахождения в состоянии алкогольного опьянения, и попросил не управлять автомобилем в состоянии алкогольного

опьянения. Петров, заведомо зная, что Иванов является главой администрации, на данное замечание выразился в адрес последнего нецензурной бранью..., достал из своего автомобиля фрагмент пластиковой трубки с находящимся внутри металлическим стержнем, используя данный предмет в качестве оружия, подошел к Иванову и умышленно нанес ему не менее трех ударов по голове и телу, чем причинил последнему повреждения.

При квалификации преступления, суд в приговоре указывает следующую формулировку: «действия подсудимого Петрова суд квалифицирует по ч. 2 ст. 213 УК РФ – хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное с применением предмета, используемого в качестве оружия, связанное с сопротивлением представителю власти» [7].

В выше рассмотренном официальном толковании понятия «представитель власти» о должностных лицах органов местного самоуправления ничего не говорится, подобные упоминания имеются в разъяснении понятия «иное лицо, исполняющее обязанности по охране общественного порядка».

Указанного главу администрации муниципального образования все же следует отнести к лицам, исполняющим обязанности по охране общественного порядка. В соответствии со ст. 6 Федерального закона от 10.12.1995 № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения», органы местного самоуправления наделяются полномочиями в области обеспечения безопасности дорожного движения отдельно от органов исполнительной власти РФ, органов исполнительной власти субъектов РФ. В ст. 34 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» указано, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти [1].

В РФ действует принцип разделение властей. Органы местного самоуправления не относятся к какой-либо ветви власти. В примечании к ст. 318 УК РФ и в постановлении Пленума ВС РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностными полномочиями» представитель власти раскрывается именно через три ветви. Поэтому, должностные лица местного самоуправления не могут являться представителем власти.

Безусловно, теория уголовного права и правоприменение в области уголовного права, констатируют, что дефиниция «представитель власти», во избежание расширительного толкования, требует законодательного совершенствования, подробной единой регламентации, закрепления и разъяснения для единообразного применения в статьях особенной части УК РФ, но применительно к ч.2 ст. 213

УК РФ проблема видится в другом – в чрезмерном наполнении квалифицирующего признака схожими терминами.

Уголовный закон должен быть точен, ясен, доступен и логичен. Еще Ш.Л. Монтескье в работе «О духе законов» указывал, что законы «предназначены для людей посредственных и содержат в себе не искусство логики, а здоровые понятия простого отца семейства» [4].

Понятие «лицо, исполняющее обязанности по охране общественного порядка» охватывает понятие «представитель власти». Во избежание неясности при толковании и терминологической перегруженности ч. 2 ст. 213 УК РФ, в заключение, мы предлагаем исключить из указанной части статьи дефиницию «представитель власти», изложить понятие «лицо, исполняющее обязанности по охране общественного порядка» в следующей редакции – это должностное лицо правоохранительного или контролирующего органа, а также иное должностное лицо, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости, а также, военнослужащие лица, лица, которые занимаются частной детективной и охранной деятельностью, должностные лица органов местного самоуправления, которые по специальному полномочию органа местного самоуправления осуществляют функции по охране общественного порядка. Понятие «иные лица, пресекающие нарушения общественного порядка» необходимо оставить в имеющейся редакции.

Список использованных источников:

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. Закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ ред. от 28.12.2016. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

2. Кузмин, А.В. Хулиганство, связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка: проблемы законодательной регламентации и квалификации / А.В. Кузмин, А.В. Точка // Общество и право. – 2013. – № 4 (46). – С. 97-99.

3. Мурин, С.В. Представитель власти в современном уголовном праве России / С.В. Мурин // Вестник удмуртского университета. – 2016. – № 3. – С. 113-116.

4. Монтескье, Ш.Л., О духе законов // [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru/>

5. Павлов, В.Г. К вопросу о субъективной стороне хулиганства / В.Г. Павлов // Вестник Санкт-Петербургской Юридической академии – Издательство: Санкт-Петербургская юридическая академия. – 2016. – № 1 (30). – С. 99-103.

6. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

7. Приговор Яковлевского районного суда Белгородской области по уголовному делу № 1-23/2012 // [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>

УБИЙСТВО ПО НАЙМУ – УБИЙСТВО ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППОЙ?

© Р.Р. Китиа

Научный руководитель: П.Л. Сурихин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В юридической науке сложился дифференцированный подход при квалификации действий заказчика убийства. В зависимости от характера и степени участия в совершении убийства, его рассматривают как организатора, подстрекателя или пособника преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ [1, с. 130-136; 2, с. 47- 49; 3, с. 13-16].

Суды в своем большинстве при квалификации действий нанимателя, оценивают его участие в совершенном преступлении как роль организатора, так и пособника или подстрекателя, т.е. аналогично подходу в науке. В непосредственно проанализированных судебных решениях наниматель чаще всего выступал организатором преступления, который выполнял ряд характерных действий, для признания его таковым: организация убийства; выбор соучастников; распределение ролей; подготовка и планирование деятельности; дача указаний, касаясь потерпевшего и т.д. [4;5;6]. Характерный пример: у А. на почве личной неприязни возник преступный умысел, направленный на убийство своего брата В. Не желая лично участвовать в убийстве В. и опасаясь привлечения к уголовной ответственности, А. выступая в качестве организатора совершения преступления, решил приискать соучастника, наняв лицо, способное за материальное вознаграждение убить его родного брата и создать ему условия для совершения преступления. С этой целью он совершил все зависящие от него действия, направленные на убийство В. по найму, организовал это преступление, путем уговоров, просьб и обещаний выплаты материального вознаграждения, приискал исполнителя его совершения – С., создал условия для его совершения посредством предоставления информации о маршруте передвижения потерпевшего, времени выхода из дома,

внешнем виде В., руководя его исполнением, определив время и место совершения преступления, его способ, а также меры по сокрытию следов преступления [7].

Особенность субъекта рассматриваемого преступления, как видно из фактов, описанных выше, заключается в его, если так можно выразится, «множественности» – субъектов всегда минимум двое: наниматель и наёмник, связь между которыми неразрывна, они не существуют друг без друга, а именно: наемник должен быть нанят нанимателем за вознаграждение для причинения смерти другому конкретному человеку, что само по себе предполагает высокую степень организации отношений.

Ввиду выявленных обстоятельств перед нами встает вопрос о истинности принятой квалификации совместной деятельности соучастников убийства по найму. В этой ситуации, когда наниматель и наемник действуют как единое целое при реализации преступного замысла, усматриваются признаки организованной группы, а соответственно действия каждого соучастника могут быть квалифицированы без ссылки на ст. 33 УК РФ. Попытаемся разобраться.

В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ организованной группе присущи следующие обязательные признаки: численность соучастников, устойчивость, цель объединения [8]. Пленум ВС РФ данные признаки толкует следующим образом: численность соучастников два и более, устойчивость, как планирование преступления, подготовка орудий и средств, распределение ролей, цель объединения – умысел на совершения одного или нескольких убийств [9].

Проанализировав конкретную практику судов, можно прийти к выводу, что для того чтобы признать группу организованной, она должна отвечать следующим необходимым признакам: численность (2 и более), устойчивость, общая цель (наличие умысла на совершения убийства), распределение ролей. А также в ряде случаев дополнительным признакам, таким как: планирование, подготовка орудий преступлений, высокая степень внутренней организации, сплоченность и единство интересов участников [10;11;12].

В теории уголовного права мнения по части квалификации организованной группы в основном совпадают. Например, Р. Р. Галиакбаров под организованной группой понимает «объединение двух или более лиц, предварительно соорганизовавшихся для совершения одного или нескольких преступлений» [13, с. 47-49]. В.В. Зенин и И.Л. Кругликов считают, что для признания группы организованной необходимо, чтобы ей были присущи следующие признаки: высокая степень организованности, устойчивость, сплоченность членов группы, распределение ролей, своеобразная «специализация» преступников, входящих в ее состав [14, с. 13-16]. Н.Ф. Кузнецова указывает на такие необходимые признаки организованной группы, как:

«устойчивость; объединенность с целью совершения одного или нескольких преступлений» [15, с. 76].

Для того, чтобы понять можно ли квалифицировать действия нанимателя и наемника, как соучастие в организованной группе, нам достаточно сравнить характерные фактические признаки отношений рассматриваемых соучастников убийства по найму и признаки организованной группы законодательные, в том смысле как их понимают в судебной практике, обусловленной научными изысканиями.

Для убийства по найму необходимо участие минимум двух человек: нанимателя и исполнителя, так же, как и для признания группы организованной.

Между нанимателем и наемником существует тесная взаимосвязь, они не могут существовать друг без друга, также у них присутствует высокая согласованность действий, тщательная подготовка к преступлению, планирование действий, все это может нам говорить о таком признаке, как устойчивость, который является одним из обязательных признаков организованной группы.

Наниматель и наемник заранее объединяются с целью совершения особо тяжкого преступления (квалифицированного убийства), что, в своей части, с избытком свидетельствует о деятельности участников организованной группы.

Можно привести признак распределения ролей, когда в убийстве по найму задействуют иных лиц, для того чтобы облегчить совершение преступления, скрыть следы преступления, приобрести орудия преступления и т.п., что тоже свойственно для организованной группы.

Для убийства по найму характерна особая подготовка и планирование деятельности, например, поиск орудий и средств преступления, слежка за потерпевшим, за маршрутом его передвижения, выбор наиболее благоприятного времени и места для совершения преступления. Все перечисленное так же применимо для организованной группы.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что соучастие нанимателя и наемника в совершении преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, обладает признаками организованной группы, а соответственно действия каждого, согласно сложившейся практики ВС РФ, требуют квалификации как действия соисполнителя преступления.

Список использованных источников:

1. Бродневская, Я.В. Соотношение убийств, совершаемых по найму, и иных посягательств на жизнь человека / Я.В. Бродневская // Журнал российского права. –2009. – №11. – С. 130–136.

2. Галиакбаров, Р.Р. Квалификация преступлений по признаку их совершения

организованной группой / Р.Р. Галиакбаров // Российская юстиция. – 2000. – № 4. – С. 47 – 49.

3. Зенин, В.В., Кругликов, И.Л. Совершение преступления организованной группой какотячающее ответственность обстоятельство / В.В. Зенин, И.Л. Кругликов // Советская юстиция. – 1981. – №2. – С.13 – 16.

4. Красавцев, В.А. Убийство по найму: вопросы теории и практики / В.А. Красавцев // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. – 2007. – № 6. – С. 45 – 47.

5. О судебной практике по делам об убийстве [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного суда от 27.01.1996 № 14–ФЗ ред. от 03.03.2015. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Постановление Президиум Ставропольского краевого суда от 7 августа 2019 года по делу № 1-191/12 [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <http://sudact.ru>.

7. Решение Смоленского областного суда от 24 мая 2018 года по делу № 2-5/2018 [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <http://sudact.ru>.

8. Решение Калужского районного суда от 23 августа 2019 года по делу № 1-763/2019 [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <http://sudact.ru>.

9. Решение Фрунзенского районного суда от 8 июня 2017 года по делу № 1-74/2017 [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <http://sudact.ru>.

10. Решение Воткинского районного суда от 2 июля 2015 года по делу № 1-248/2015 [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <http://sudact.ru>.

11. Решение Моршанского районного суда от 19 мая 2017 года по делу № 1-27/2017 [Электронный ресурс] // Официальный сайт «Судебные и нормативные акты РФ». – Режим доступа: <http://sudact.ru>.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 64-ФЗ ред. от 27.12.2018. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

13. Уголовный кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий / науч. ред. Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. М., 1997. С. 76.

14. Хмелева, А. В. Убийство по найму: результаты обобщения следственной практики / А. В. Хмелева. // Российский следователь. – 2015. – № 18. – С. 11–14.

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ПОНЯТИЙ ЖЕСТОКОСТИ, ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ И ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

© И.А. Киюцина

Научный руководитель: В.В. Питецкий

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Проблема соотношения понятий жестокости, жестокого обращения и особой жестокости не является новой в теории уголовного права и правоприменительной практике, но актуальность ее сохранилась. Это и не удивительно, поскольку в действующем УК РФ определения данных понятий отсутствуют, что позволяет отнести их к категории оценочных. В связи в доктрине уголовного права и среди правоприменителей нет единой позиции в данном вопросе, что порождает потребность в разработке единой концепции соотношения понятий жестокости, жестокого обращения и особой жестокости, поскольку это необходимо для правильной квалификации преступлений и осуществления справедливого правосудия.

Понятие жестокости, как и понятия жестокого обращения и особой жестокости, связано с насилием. Однако далеко не всякое насилие можно считать проявлением жестокости, поскольку его негативные последствия могут быть разными по силе проявления. На наш взгляд, о жестокости можно говорить в тех случаях, когда лицо, подвергшееся насилию, испытывает не просто болевые ощущения слабого или умеренного характера, а интенсивные, длительные, причиняющие страдания. Но важно отметить, что потерпевший может испытывать страдания не только от действий, но и от бездействия. Например, отсутствие со стороны родителей заботы о ребенке также можно признать жестокостью, поскольку дети не в состоянии позаботиться о себе самостоятельно. Таким образом, полагаем, что жестокость представляет собой умышленные действия или бездействие виновного, направленные на причинение потерпевшему физических или психических страданий.

Понятие особой жестокости используется в качестве обстоятельства, отягчающего наказания (ст. 63 УК РФ), либо как квалифицирующий признак тяжких и особо тяжких преступлений против личности (ст. 105, 111, 112, 131, 132 УК РФ).

Официальное толкование понятия особой жестокости дается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». В приведенных Постановлениях термин раскрывается примерно одинаково и

связывается как со способом совершения преступления, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении особой жестокости. Но обстоятельства, которые свидетельствуют об особой жестокости для убийств и для насильственных половых преступлений несколько разнятся, что обусловлено спецификой этих преступлений.

Так в Постановлении Пленума № 16 разъясняется, что особая жестокость может выражаться в пытках, истязании, глумлении над потерпевшим, причинение ему особых страданий в процессе совершения преступления, совершение таких преступлений в присутствии его близких, в способе подавления сопротивления, вызывающем у потерпевшего тяжелые физические или нравственные страдания [7]. В Постановлении Пленума № 1 Верховный Суд РФ приводит примерный перечень действий, которые способны причинить потерпевшему особые страдания: нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т.д [6]. Однако в толковании особой жестокости в насильственных половых преступлениях подобный перечень не приводится. Таким образом, разъяснения Верховного Суда РФ содержат в себе лишь примерный перечень признаков, характеризующих особую жестокость.

В доктрине уголовного права особая жестокость определяется по-разному. Например, Н.В. Кузьмина определяет особую жестокость через различные виды действий, такие как «пытки, мучения, истязания и иное воздействие на человека, причиняющее прижизненные страдания физическому или психическому состоянию потерпевшего или иным лицам» [4 с. 224]. В свою очередь Р.М. Раджабов под особой жестокостью понимает «умышленные, «излишние», не обусловленные целью совершения преступления приемы, сопряженные с физическим и (или) психическим насилием, направленные на причинение потерпевшему или его близким особых мучений или страданий» [9 с. 135]. Иной, можно сказать, альтернативной позиции придерживается А.Г. Меньшикова, утверждающая, что определение особой жестокости через мучения, истязание, глумление, садизм неверно, поскольку эти акты поведения могут совершаться самостоятельно и при этом не являться проявлениями особой жестокости [5 с. 9]. При этом автор отмечает, что одной из отличительных черт особой жестокости являются особые страдания [1 с. 58]. Поэтому пытки, глумление, истязание могут считаться особой жестокостью только в том случае, если они причиняют потерпевшему особые страдания [5 с. 9]. Необходимо разобраться, что же следует понимать под особыми страданиями. Отвечая на данный вопрос, считаем возможным определить особые страдания, как излишние мучения или страдания, которые не обусловлены основной целью и сущностью совершаемого виновным преступления, а становятся для потерпевшего чрезмерными и

приводят к увеличению вреда, который причиняется основному объекту преступного деяния. Далее перейдем к рассмотрению понятия жестокого обращения, используя грамматическое толкования.

Поскольку о понятии жестокости мы говорили ранее, а производное от него слово «жестокое» определенно имеет схожее значение, обратим внимание на слово «обращение», которое в толковых словарях определяется, например, как проявление отношения к кому-либо или чему-либо в поведении, в поступках; как действия, поступки по отношению к кому-либо или как отношение, действия, поступки по отношению к кому-нибудь [11]. То есть обращаясь с кем-то каким-то определенным образом, мы выражаем свое отношение к этому лицу, что принимает форму соответствующей модели поведения, которое также может проявляться в форме действий или бездействия. В случае жестокого обращения, это приводит к физическим или психическим страданиям потерпевшего.

Таким образом, в общей форме жестокое обращение также, как и жестокость, представляет собой умышленные действия или бездействие виновного, причиняющие физические или психические страдания потерпевшему. Но чем обусловлена позиция законодателя, определяющего подобные действия не как жестокость, а как жестокое обращение? Мы предполагаем, что этим законодатель подчеркивает специальные объекты, воздействие на которые может быть осуществлено в форме жестокого обращения.

Так жестокое обращение с несовершеннолетним (ст. 156 УК РФ) представляет собой «линию поведения виновного, выражающуюся как в его активных действиях (например, лишение свободы, нанесение побоев, избиение и др.), так и в бездействии (непредоставлении пищи, одежды и т.д.), приносящих физическое или душевное страдание к потерпевшему» [2 с. 337]; жестокое обращение с животными (ст. 245 УК РФ) проявляется в «причинении им боли, физических страданий в результате их систематического избиения, оставления без пищи и воды на длительное время, использования для ненаучных опытов, использования в различных схватках, охоты негуманными способами и т.п. [3]; жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением (ст. 356 УК РФ) связано с пытками, бесчеловечным обращением, причинением тяжелых страданий (может осуществляться в том числе и бездействием), нанесением увечий, причинением серьезного вреда здоровью, проведением биологических экспериментов и т.д. [3].

Как мы видим, в зависимости от объекта жестокого обращения, содержание понятия несколько изменяется, подстраиваясь под его специфические особенности, а действия, связанные с жестоким обращением относительно каждого объекта, выделены в самостоятельные составы преступлений. Это, на наш взгляд, и стало причиной внесения в УК РФ понятия жестокого обращения.

Возвращаясь к вопросу о соотношении описанных нами понятий сделаем следующий вывод: понятие жестокости является родовым по отношению к понятиям жестокого обращения и особой жестокости, поскольку жестокое обращение связано с причинением страданий определенным объектам, а особая жестокость по своей сути является специфической, более тяжелой формой жестокости, характеризующейся способом и обстановкой совершения преступления, а также особыми страданиями как результатом.

Список использованных источников:

1. Казаченко, И.Я., Меньшикова, А.Г. Особые страдания как характеристика особой жестокости при совершении преступления // Российский юридический журнал, – 2018. – № 5. – С. 56-59.

2. Комментарий к УК РФ / под ред. С.В. Дьякова, Н.Г. Кадникова. – М. : Юриспруденция, 2015. – 1035 с.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации [Электронный ресурс] : отв. ред. В.М. Лебедев, 2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Кузьмина, Н.В. Особая жестокость при совершении преступления: понятие и особенности квалификации // Вестн. КГУ, – 2019. – № 2. – С. 222-224.

5. Меньшикова, А.Г. Особая жестокость: медицинские и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Г. Меньшикова. – Екатеринбург, 2015. – 28 с.

6. О судебной практике по делам об убийства (ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 ред. от 03.03.2015 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 г. № 16 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Теньков, А.А., Кривохатко А.А. Особая жестокость – обоснование судебно-медицинскими критериями при половых преступлениях // Закон и право, – 2019, – № 6. – С. 134-139.

9. Glosum [Электронный ресурс] : сборник словарей. – Режим доступа: <https://glosum.ru/Значение-слова-Обращение> [дата обращения 01.04.2020].

**ПРИНУЖДЕНИЕ К ДАЧЕ ПОКАЗАНИЙ:
ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ СОУЧАСТИЯ**

© П.Д. Климатов

**Научный руководитель: П.Л. Сурихин
канд. юрид. наук**

Сибирский федеральный университет

Общие проблемы квалификации соучастия при принуждении к даче показаний являются известными и отчасти разрешенными на уровне уголовного законодательства. Тем не менее, отдельные вопросы соучастия, когда принуждение при совершении преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, осуществляется иным лицом с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, осуществляющего дознание, остаются на сегодня одними из наиболее острых и неразрешенными как в законе, так и теории уголовного права.

В 2003 г. законодателем в ст. 302 УК РФ был расширен круг лиц, которые признаются субъектами принуждения к даче показаний – теперь субъектом данного преступления может быть любое лицо, если оно незаконно применяет принуждение к участникам уголовного процесса с ведома или молчаливого согласия лица, осуществляющего предварительное расследование (следователя или дознавателя).

Как указывает А.А. Калашников данное дополнение было направлено на приведение законодательства в соответствии с нормами международного права, а именно в соответствии с положениями ст. 1 Конвенции против пыток и других жестоких мер, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания: помимо публичного должностного лица или лица, выступающего в официальном качестве, субъектом совершаемой пытки может быть также иное частное лицо, действующее по подстрекательству вышеуказанных лиц. Ученый также указывает, что в российской правовой действительности ни следователя, ни дознавателя нельзя признать пособником, организатором или подстрекателем, тем более, исполнителем в подобной ситуации. Таким образом, лица, осуществляющие предварительное расследование, и с ведома или молчаливого согласия которых осуществляется данное преступление, не подлежат уголовной ответственности в качестве соучастников [1, с. 81].

В соответствии со ст. 32 УК РФ соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления. Понятия исполнителя, подстрекателя, пособника и организатора сформулированы таким образом, что при совершении преступления они вносят соответствующий вклад в совершаемое посягательство в зависимости от роли:

исполнитель непосредственно осуществляет объективную сторону, организатор – организовывает или руководит исполнением, подстрекатель – склоняет к совершению преступления разными способами, пособник – содействует.

«С ведома или молчаливого согласия» – один из явных субъективных признаков соучастия, то есть признак общего умысла всех соучастников на совершение ими умышленного преступления. Следователь в соответствии с нормами УПК РФ (ч.1 ст. 11) обязан обеспечивать возможность реализации прав участниками уголовного судопроизводства. Соответственно при совершении преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, следователь не просто осуществляет незаконное бездействие (позволяет оказывать принуждение к участникам уголовного процесса, скрывая данный факт от контролирующих и надзирающих органов), но при этом иногда даже руководит или подстрекает к принуждению.

Судебная практика в ситуациях, когда принуждение к даче показаний осуществляется с молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание, очень скудна, но анализ обнаруженных судебных актов в общем-то весьма наглядно демонстрирует тенденциозность ошибки квалификации соучастия в рассматриваемой ситуации.

В Кассационном определении Верховного Суда РФ от 30.03.2007 № 9-007-3 [2] рассматривалось дело со следующими обстоятельствами: участковый уполномоченный отделения милиции А. и оперуполномоченный милиции Ш. с молчаливого согласия следователя РОВД Б., проводившего расследование соответствующего уголовного дела, принуждали троих свидетелей дать нужные показания по поводу хищения: к свидетелям применялось физическое насилие. Одному из свидетелей оперуполномоченным были нанесены физические повреждения несовместимые с жизнью, в результате которых он скончался.

Действия следователя и оперативных работников по данному делу были квалифицированы как простое соучастие (соисполнители) ст. 302 ч. 2 УК РФ, а действия оперуполномоченного Ш. также по ст. 111 ч. 4 УК РФ как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

В другом уголовном деле по ст. 302 УК РФ, которое также дошло до уровня Верховного Суда РФ, осужденным был только сотрудник милиции, при этом об обвинении следователя ничего не указано. Фабула дела следующая: начальник криминальной полиции, который не является лицом, осуществляющим предварительное расследование и, соответственно, не обладающий полномочиями по осуществлению расследования уголовного дела, с ведома следователя осуществлял принуждение к потерпевшему по уголовному делу, чтобы последний дал ложные показания, на основании которых уголовное дело могло быть прекращено.

В данной ситуации осужден был лишь только сотрудник милиции, хотя в судебном приговоре и было установлено, что сотрудник милиции действовал с ведома и молчаливого согласия старшего следователя [3].

Еще одно дело о принуждении к даче показаний рассматривалось Кировским районным судом г. Казани. Обстоятельства дела следующие: оперуполномоченные признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий с применением насилия или с угрозой его применения) и ч. 2 ст. 302 УК РФ. При проведении оперативно-розыскных мероприятий оперуполномоченные прибыли на домашний адрес к свидетелю и потребовали последнего проехать в отдел полиции. В последствие полицейские применили к свидетелю физическое насилие, встав ногами на руки свидетеля, и стали высказывать ему угрозы о применении в отношении него и его семьи физического насилия. В результате примененного насилия свидетель согласился дать показания, которые от него требовали сотрудник полиции. Затем, в отделе полиции во время допроса следователем мужчина отказался от показаний, после чего, когда следователь вышла из помещения, сотрудники полиции снова избили свидетеля [4].

В научной литературе [5, с. 415] под субъектом принуждения к даче показаний понимаются следующие лица: 1) следователь, дознаватель, лица, осуществляющие их полномочия (руководитель следственного органа, начальник органа или подразделения дознания); 2) иные лица, действующие с ведома или молчаливого согласия следователя или дознавателя (в частности, оперативные сотрудники правоохранительных органов, сотрудники мест содержания подозреваемых и обвиняемых под стражей).

А.В. Бриллиантов указывает, что для наличия состава преступления у следователя или дознавателя (при совершении его иными лицами), предусмотренного ст. 302 УК РФ, необходимо, чтобы следователь или дознаватель были осведомлены о применении принуждения к другим лицам с целью дачи необходимых показаний. При такой ситуации действия следователя или лица, производящего дознание, необходимо квалифицировать как соучастие в принуждении к даче показаний [6, с. 334].

Таким образом, при квалификации действий лиц, осуществляющих предварительное расследование и с ведома или молчаливого согласия, которых происходит принуждение, необходимо понимать, что данными лицами вносится соответствующий вклад в преступный результат совершаемого деяния, соответственно, действия данных лиц подлежат квалификации в качестве организатора, подстрекателя или пособника в данном преступлении в зависимости от характера и степени их участия в совершаемом деянии.

Список использованных источников:

1. Преступления против правосудия / А.Н. Александров, Ю.И. Антонов, А.В. Галахова и др.; под ред. А.В. Галаховой. М.: НОРМА, 2005. 416 с // электронный доступ КонсультантПлюс;
2. Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2007 № 9-007-3 // СПС КонсультантПлюс.
3. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.02.2012 № 12-О12-5 // СПС КонсультантПлюс.
4. Приговор Кировского районного суда города Казани от 14.06.2013 по делу № 1-100/2013 [Электронный ресурс]: <https://sudrf.ru/>.
5. Уголовное право России. Особенная часть. Учебник / под ред. Бурлакова В.Н., Лукьянова В.В., Щепелькова В.Ф. // СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014 – 765 с.
6. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 2 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, Г.Д. Долженкова, Э.Н. Жевлаков и др.; под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд. М.: Проспект, 2015. Т. 2. 704 с // электронный доступ КонсультантПлюс.

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ СКЛОНЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА

© Д.П. Кулешова

Научный руководитель: Н.В. Качина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одной из проблем применения нормы об ответственности за склонение к самоубийству является неоднозначное толкование способов совершения данного преступления. Согласно формулировке ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, склонение лица к совершению самоубийства должно осуществляться путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом. Кроме того, что для оценки деяния как склонения к совершению самоубийства, необходимо установить отсутствие признаков доведения до самоубийства.

Рассмотрим более подробно каждый из перечисленных в ч. 1 ст. 110 УК РФ способов. Уговор заключается во внушении потерпевшему мысли о том, что он имеет какой-либо прямой или косвенный материальный, моральный или другой интерес в совершении самоубийства. Практически уговор – это просьба совершить самоубийство, но заявленная более настойчиво. Уговоры же совершаются неоднократно. В уголовно-правовой доктрине уговор рассматривается как

убеждение в необходимости совершить преступление [1, с. 224]. Уговоры обычно воздействуют на эмоциональную сферу потерпевшего. При уговорах его сознание подвергается систематическому психическому воздействию с целью внушить ему решимость совершить самоубийство и преодолеть мотивы, удерживающие его от совершения суицида.

Следующим способом воздействия на волю потерпевшего является предложение. Исходя из определений, данных в словарях русского языка, «предложить» означает высказать мысль о чем-нибудь как о возможном; представить на обсуждение как возможное [2]. Применительно к рассматриваемому составу преступления предложение совершить самоубийство означает высказанную преступником мысль, идею совершения самоубийства, адресованную потерпевшему. Стоит отметить, что законодатель прямо не устанавливает необходимость неоднократности таких деяний, как, например, в ст. 110 УК РФ – систематическое унижение человеческого достоинства, в связи с чем возникает вполне справедливый вопрос: достаточно ли одного такого предложения для наличия состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110.1 УК РФ? Вместе с тем, в статье данное деяние употребляется во множественном числе, а именно – «склонение к совершению самоубийства путем предложений». Таким образом, по нашему мнению, предложение должно носить неоднократный характер. Думается, такая формулировка связана с тем, что однократно сделанное предложение о совершении самоубийства вряд ли способно оказать определяющее воздействие на волю лица, которому данное предложение адресовано.

Однако следует учитывать степень воздействия однократно высказанного предложения на волю и сознание потерпевшего, а также возникновение у него решимости в результате этого предложения совершить суицид. То есть, если предложение все же оказало влияние на психику потерпевшего, например, в силу особенностей его характера, и привело к появлению стремления совершить самоубийство, справедливо признать, что в действиях лица, совершившего такое предложение присутствует состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 110 УК РФ, несмотря на то, что оно было сделано однократно. Но в таком случае это не предложения, а иной способ совершения данного преступления.

Следующим признаком склонения к совершению самоубийства является подкуп. В юридической литературе данный термин иногда исследуют применительно к таким криминальным проявлениями, как взяточничество, коммерческий подкуп. В Общей части Уголовного кодекса данный термин употребляется законодателем при определении понятия подстрекателя как разновидности соучастника преступления (ч. 4 ст. 33) [3, с. 137]. Указание на этот термин можно встретить в ст. 204 УК РФ, исходя из смысла которой в самом общем виде подкуп

понимается как передача лицу денег, ценных бумаг, иного имущества, оказание ему услуг имущественного характера, предоставление иных имущественных прав за совершение действий (бездействия). Исходя из изложенного, термином «подкуп» можно обозначить любое склонение к совершению самоубийства путем обещания материальных выгод – передачи денежных средств или имущества, освобождения от имущественных обязательств, обещание выгодной сделки и т.п.

Еще одним способом склонения к совершению самоубийства, указанным в диспозиции ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, является обман. Как указывает Ю. Ю. Малышева, под обманом в уголовно-правовом смысле следует понимать сообщение ложных сведений или сокрытие фактов, направленное на введение другого лица в заблуждение и склонение последнего к совершению действия (бездействия) в интересах обманщика [4, с. 80]. Обман может выражаться во введении в заблуждение или в использовании ошибки потерпевшего. Следовательно, осуществление склонения к совершению самоубийства путем обмана возможно в, так называемой, активной форме – когда преступник вводит потерпевшего в заблуждение, а также в пассивной форме – когда обман заключается в умолчании об обстоятельствах, относительно которых потерпевший заблуждается, однако преступнику это известно.

Как видно, в ч. 1 ст. 110. 1 УК РФ законодатель оставил перечень способов, с помощью которых возможно склонение к совершению самоубийства, открытым. Соответственно, склонение к совершению самоубийства возможно и любым другим способом, помимо перечисленных в законе. В таком случае, необходимо критерии, при наличии которых какой-либо способ будет попадать под действие рассматриваемой статьи? Единственное требование, установленное законодателем – это отсутствие в деянии признаков доведения до самоубийства. К примеру, в качестве иного способа склонения к совершению самоубийства можно рассматривать требование, а также приказ. В данном случае под требованием следует понимать выраженную в решительной, категорической форме просьбу, распоряжение. Приказ как способ склонения к совершению самоубийства представляет собой акт властного повеления лица в отношении другого лица, то есть потерпевшего. На наш взгляд, осуществление данного способа возможно не только в рамках служебных отношений, в данном случае речь идет о приказе в «широком смысле», к примеру, когда субъект, который отдает приказ имеет какой-либо авторитет, влияние на лицо, которому приказ адресован в силу родственных, дружеских и иных социальных взаимоотношений. То есть, если приказ оказал решающее влияние на возникновение у потерпевшего желания или решимости совершить самоубийство, содеянное следует рассматривать как склонение к совершению самоубийства.

Особый интерес представляет такой способ как шантаж. В толковом словаре дано следующее значение слова «шантаж»: неблагоприятные или преступные действия (угроза разоблачения, разглашения компрометирующих сведений) с целью вымогательства, а также вообще угроза, запугивание чем-нибудь с целью создать выгодную для себя обстановку [2]. Следовательно, шантаж рассматривается как разновидность угрозы и, на наш взгляд, охватывается составом доведения до самоубийства. Данная позиция подтверждается и правоприменительной практикой. Так, судом был вынесен обвинительный приговор по ст. 110 УК РФ в отношении подсудимого, который довел потерпевшую до самоубийства путем угроз. Угрозы со стороны подсудимого заключались в следующем: подсудимый «шантажировал потерпевшую тем, что он заберет у них общую дочь» [5]. Таким образом, шантаж, осуществляемый с целью склонить лицо к совершению самоубийства, необходимо квалифицировать как доведение до самоубийства путем угроз, что соответствует этимологическому значению данного слова, а также подтверждается правоприменительной практикой.

При изучении возможных способов склонения к совершению самоубийства возникает еще один важный вопрос – как следует квалифицировать деяние, если лицо доводит потерпевшего до самоубийства, осуществляя унижение человеческого достоинства потерпевшего, но не систематически? Или, к примеру, лицо обращается с потерпевшим аморально, грубо, но не жестоко? Очевидно, что при отсутствии установленных в законе признаков систематичности или жестокости, содеянное не может быть квалифицировано по ст. 110 УК РФ. Однако будет ли здесь иметь место состав склонения к совершению самоубийства?

На наш взгляд, в качестве главного критерия, который имеет определяющее значение при квалификации деяния как склонения к совершению самоубийства следует рассматривать возможность такого деяния оказать воздействие на волю потерпевшего, то есть, на принятие им решения о совершении суицида. Следовательно, в качестве иного способа склонения к совершению самоубийства можно рассматривать любой способ, который имеет указанный выше признак и не является способом доведения до самоубийства. То есть, если лицо совершило однократное действие, направленное на унижение достоинства потерпевшего, обращалось с потерпевшим грубо или аморально или совершило иные действия, которые привели к возникновению у него стремления совершить суицид, такие действия можно рассматривать как склонение к совершению самоубийства при наличии всех других признаков состава преступления: совершаться путем активных действий, иметь возможность оказывать такое воздействие на волю потерпевшего, которое способно привести к возникновению у потерпевшего решения совершить суицид.

Список использованных источников:

1. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. А. Н. Тарбагаева. – Москва: Проспект, 2015. – 448 с.
2. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова – Москва : Азбуковник, 2000. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org> (дата обращения: 31.03.2020).
3. Кашин, О. В. Подкуп как уголовно-правовой феномен: к постановке проблемы [Электронный ресурс] / О. В. Кашин // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 4 (87). – С. 136–139. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/podkup-kak-ugolovno-pravovoy-fenomen-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 31.03.2020).
4. Малышева, Ю. Ю. Преступления, совершаемые путем обмана по Уголовному кодексу России: понятие и виды [Электронный ресурс] / Ю. Ю. Малышева // Бизнес в законе. – 2011. – №3. – С. 79–81. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prestupleniya-sovershaemye-putyom-obmana-po-ugolovnomu-kodeksu-rossii-ponyatie-i-vidy> (дата обращения: 31.03.2020).
5. Приговор Городищенского районного суда Волгоградской области по делу № 1-156/2017 от 1 сент. 2017 г. [Электронный ресурс] // – Режим доступа: <https://rospravosudie.com>.

**РЕЦИДИВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ И НАСТУПЛЕНИЕ ТЯЖКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ
В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ОБСТОЯТЕЛЬСТВА,
ОТЯГЧАЮЩИЕ НАКАЗАНИЕ**

© О.В. Лебедева

Научный руководитель: К.А. Долгополов

канд. юрид. наук

Ростовский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

Феномен уголовного наказания, его сущность и задачи со времен Цезаре Беккария остается в центре внимания научной мысли, законодательной и правоприменительной практики. Идут дискуссии о роли уголовного наказания в противодействии преступным проявлениям, его эффективности в механизме формирования карательной политики государства. Назначение наказания является одним из наиболее важных институтов российского уголовного права. Правильное решение целого ряда его проблем имеет большое практическое значение для

осуществления успешной борьбы с преступностью. Именно этим обуславливается интерес, проявляемый к институту назначения наказания со стороны как теоретиков уголовного права, так и практических работников. От того, насколько законным, справедливым и обоснованным будет назначенное лицу наказание, во многом зависит достижение целей, поставленных перед уголовным законодательством.

Происходящие в России социально-экономические и политические преобразования в условиях роста преступности продолжают востребовать научно-обоснованные своевременные законодательные решения, единообразное понимание и применение норм действующего законодательства. Реализация принципа справедливости в сфере применения уголовного Законодательства основывается на дифференцированном применении мер уголовно-правового характера, что должно находить отражение не только при квалификации преступления, но и при индивидуализации наказания за его совершение. Существенную роль в индивидуализации наказания играют отягчающие его. В законе им отведено далеко не последнее место, обусловленное их приоритетным значением. Однако в Общей части УК РФ не дано понятия обстоятельств, отягчающих наказание, не определено является ли перечень таких обстоятельств исчерпывающим, каким образом должно влиять наличие этих обстоятельств на вид и размер назначаемого судом наказания.

Подлежит осмыслению и новое обозначение законодателем отягчающих обстоятельств как обстоятельств, отягчающих наказание, а не как это было ранее в статье 39 УК РСФСР 1960 г. – «обстоятельств, отягчающих ответственность». Наводит на размышление и правило, сформулированное в ч. 2 ст. 63 УК РФ: «Если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания». Рассмотрение различных аспектов этой нормы позволит внести ясность в спорные вопросы об отличительных признаках обстоятельств, отягчающих наказание, и обстоятельств, учитываемых в качестве квалифицирующих признаков состава преступления и иных обстоятельств, перечисленных в статье 60 УК РФ, которые также могут нести на себе функцию усиления наказания. Традиционной остается проблема разрешения вопроса о целесообразности существования закрытого перечня отягчающих обстоятельств. К ней примыкает проблема механизма реализации норм об учете отягчающих обстоятельств с точки зрения реализации принципа справедливости.

Первым в списке отягчающих наказание обстоятельств в УК РФ в настоящее время значится только рецидив преступлений (п. «а» ч. 1 ст. 63). Согласно изменениям и дополнениям, внесенным в УК РФ от 8 декабря 2003 г. ст. 16 УК РФ «Неоднократность преступлений» признана утратившей силу. Как отмечает Комитет

Совета Федерации по правовым и судебным вопросам, данное законодательное решение «представляется весьма удачным, поскольку позволит уйти от несправедливости при квалификации и назначении наказания лицам, которые совершили оконченное и неоконченное преступление». При этом совокупность преступлений признается просто совершение двух или более преступлений. Таким образом, законодатель отошел от различия понятий «неоднократность преступлений» и «совокупность преступлений», признав совокупностью преступлений совершение двух или более любых преступлений. Соответствующие изменения внесены и в статьи Особенной части УК РФ.

Соответственно неоднократность преступлений перестала быть обстоятельством, отягчающим наказание, в Общей части УК РФ. Исключена как квалифицирующий признак из статей Особенной части УК РФ.

Изучение материалов уголовных дел показало лишь, что рецидив преступлений является самым распространенным отягчающим обстоятельством. Нередко суды в приговорах ссылаются на такие отягчающие обстоятельства, как «ранее судим», «имеет судимость».

Так, Промышленный районный суд г. Ставрополя, мотивируя избираемую меру наказания подсудимой К., избобличенной в незаконном приобщении и хранении, без цели сбыта, наркотических средств в крупном размере, указал приговоре, что она совершила преступление, имея непогашенную судимость, что свидетельствует о ее нежелании встать на путь исправительный путь. В этом случае совершение умышленного преступления подсудимой, имеющей непогашенную судимость за ранее совершенное умышленное (кражу), образует рецидив преступлений.

В литературе отягчающее действие данного фактора традиционно связывается с личностным аспектом. При рецидиве преступлений наказание повышается ввиду «более значительной опасности виновного, упорно не желающего вести законопослушный образ жизни даже после применения к нему мер уголовно-правового характера.

Думается, такой подход слишком упрощен. При рецидиве преступлений возрастает опасность вновь содеянного. Основанием ухудшения уголовно – правового статуса при рецидиве преступлений выступает сам криминальный поступок. В частности, об этом свидетельствует непосредственно уголовный закон. Во-первых, согласно ч. 1 ст. 18 УК РФ, под рецидивом понимается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление, т. е. характеристика содеянного. Во-вторых, ч. 1 ст. 68 УК РФ предписывает при назначении наказания при рецидиве преступлений учитывать число, характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений,

обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений. Таким образом, специфика избрания меры принуждения рецидивисту также восходит, прежде всего, к уголовно-значимым актам его поведения, оставляя в рамках общих правил судебной пенализации особенности его личности (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Исследование практики показывает – суды не всегда выясняют наличие в действиях виновного рецидива преступлений, хотя это обстоятельство имеет существенное значение для решения вопроса о назначении меры наказания и вида исправительной колонии.

К усиливающим обстоятельствам УК РФ справедливо относит наступление тяжких последствий в результате совершения преступления (п. «б» ч. 1 ст. 63) Существенное повышение данным фактором общественной опасности деяния, детерминирующее его отягчающее действие, не вызывает сомнений. В литературе многие ученые акцентируют внимание на последствиях преступления как одном из ведущих и определяющих его опасность признаков. Чем они существеннее, тем значительнее негативная оценка деяния и хуже пенализационный статус осужденного.

Список использованных источников:

1. Долгополов К.А., Проблемы совершенствования норм о видах соучастников / К.А. Долгополов // Право и политика. 2013. -№8. – С. 1027-1031.
2. Долгополов К.А. К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства/ К.А. Долгополов, А.Р. Саруханян // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2014. – №3. – С. 68-85

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ЦЕЛИ «ДЕСТАБИЛИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ» ПРИ СОВЕРШЕНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО АКТА

© А.А. Мельников

Научный руководитель: Н.В. Качина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Как известно, одной из целей террористического акта, то есть достижением желаемого террористами результата, является дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций. Но возникает вопрос – что

понимать под дестабилизацией деятельности органов власти или международных организаций?

Пленум Верховного Суда в своем постановлении от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» не дал такого разъяснения, а лишь указал, что при решении вопроса о направленности умысла виновного лица на дестабилизацию деятельности органов власти следует исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать, в частности, время, место, способ, обстановку, орудия и средства совершения преступления, характер и размер последствий, а также предшествующее преступлению и последующее поведение виновного [7].

Стоит отметить, что под органом государственной власти (или, как заявляют некоторые ученые-правоведы, органом государства) понимается структурный элемент механизма государства, обладающий властными полномочиями в определенных областях и сферах государственной деятельности [9].

В энциклопедическом словаре указано, что дестабилизация – это нарушение устойчивого хода, течения какого-либо процесса, обстановки или общества [3]. Соответственно, есть основания полагать, что если действия террористов приводят к какому-либо изменению порядка управления жизнедеятельностью на определенной территории (города, региона, государства), то фактически они могут считаться проявлением дестабилизации.

В уголовно-правовой литературе практически не встречается развернутого определения данному термину в контексте анализа статьи 205 УК РФ. Вместе с тем, в уголовно-правовой литературе можно встретить некоторые разъяснения этого субъективного признака террористического акта. Например, Д.А. Ковлагина понимает под дестабилизацией в контексте целей террористического акта «направленность действий лица против порядка и устойчивости» [5, с. 47].

Данная формулировка является не совсем полной, поскольку при таком подходе остается не ясным, о каком именно порядке и о чьей устойчивости идет речь. В правоприменительной деятельности сформировался некоторый подход к толкованию данного понятия. В частности, среди руководителей различных ведомств распространено мнение, что под дестабилизацией следует понимать преступную деятельность террористов против сотрудников органов государственной власти или их имущества. По их мнению, последовательные и преднамеренные убийства глав администрации района или населенного пункта также приводят к дестабилизации деятельности учреждения как органа власти [10, с. 2]. Соответственно, непосредственные посягательства на сотрудников органов государственной власти (в том числе, предполагается и муниципальная власть), может

свидетельствовать о цели террористов – дестабилизировать деятельность органов власти.

Можно предположить, что в случае совершения террористического акта, негативно влияющего на физическое и моральное состояние гражданского населения (не имеющего отношения к органам управления), данное событие вынуждает органы власти действовать в условиях неопределенности и по непроработанному ранее сценарию – что можно считать дестабилизацией их деятельности.

В качестве примера следует рассмотреть дело двадцатилетней давности. Четверо виновных лиц-военнослужащих, находящихся на гауптвахте, убили матроса-караульного, забрали его автомат, а после неудачной попытки угона самолета совершили захват заложников с предъявлением к властям требований о предоставлении оружия и самолета, угрозой расстрела заложников и созданием угрозы для жизни людей путем взрыва канистр с бензином [4].

Исходя из имеющейся информации, преступниками было совершено несколько действий, ведущих к дестабилизации деятельности органов власти. Во-первых, первоначально преступниками был убит еще один военнослужащий, было похищено его оружие, а также угнан грузовик. Поскольку начальник гарнизона осуществляет прямое руководство в рамках подчиненной ему территории, эта ситуация является нестандартной и, как следствие, дестабилизирующей обстановку гарнизона. Во-вторых, террористы предъявили к прибывшему на место командованию требования – оружие, боеприпасы и беспрепятственный вылет на самолете в Дагестан, угрожая при этом причинением смерти заложникам. Захват учебного заведения, хоть и не являющегося органом власти, представляет собой общественно опасное деяние – а значит, обстоятельством, вынуждающим местную власть действовать в режиме нештатной ситуации. К этому можно добавить то, что к противодействию терроризму была подключена контртеррористическая группа управления ФСБ по Мурманской области, действующих по приказу вышестоящего начальства – что свидетельствует о том, что о нестабильности обстановки были проинформированы и федеральные органы власти.

В связи с этим становится неясным, почему захват заложников, угроза их расстрела и взрыв канистр с огнеопасным веществом были признаны Верховным Судом действиями, «не соответствующими цели нарушить общественную безопасность и влияющими на принятие решений органами власти» [6, п. 6].

Террористическая деятельность может быть направлена не только на учреждения государственной власти как таковой, но и на другие организации, не связанные с управленческой деятельностью. В частности, большинство террористических актов двух последних десятилетий совершено в местах массового скопления людей – например, в 2004 году террористами была захвачена школа в

Беслане. Данный террористический акт вынудил прибыть на место преступления не только группы сил специального назначения, и но главу государства вместе с представителями правительства. Деятельность органов власти была дестабилизирована в результате действий террористов и, совершая данные действия, террористы очевидно преследовали именно такую цель.

Еще до внесения изменений в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 судебные инстанции раскрывали в своих приговорах понятие «дестабилизация деятельности органов власти» более объемно, а не только как преступную деятельность террористов против сотрудников органов государственной власти или их имущества [8].

Например, в 2016 году лицо было признано виновным в совершении преступления, предусмотренного статьей 205 УК РФ. Коллегия Верховного суда, рассматривая апелляционную жалобу, отказала в ее удовлетворении на том основании, что демонстрация муляжа взрывного устройства и высказывания угрозы совершения взрыва, устрашающие население и создающие опасность гибели человека, вызвали комплекс контртеррористических мероприятий и привлечение различных служб.

Исходя из вышесказанного, есть основания предположить, что Верховный Суд усматривает цель террористического акта в виде дестабилизации органов власти и в том случае, когда непосредственное воздействие на органы власти отсутствует, но террористическая деятельность требует вмешательства различных служб для предотвращения террористического акта, чем и нарушается порядок деятельности органов власти, то есть дестабилизация их деятельности [1]. Верховный Суд дополняет эту позицию тем, что подготовка лиц к совершению поджогов и взрывов путем использования взрывных устройств на избирательных участках и в иных многолюдных местах с целью устрашения населения и срыва выборов Президента РФ также может свидетельствовать о цели дестабилизации деятельности органов власти [2].

Если учитывать все изложенное, можно сделать следующий вывод: дестабилизация деятельности органов власти подразумевает под собой не только воздействие непосредственно на данные органы, но и формирование в результате преступных действий обстоятельств, отличающихся от нормальных и вынуждающих правоохранительные и иные органы действовать в условиях нештатной ситуации.

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2017 г. № 201-АПУ17-

45 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2019 г. № 203-АПУ19-16 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Большой Энциклопедический словарь. 2009. [Электронный ресурс] // «Словари и энциклопедии на Академике». – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/>

4. Заложники на Новой Земле. Матросы-террористы собирались в Дагестан. [Электронный ресурс] // Сайт «Коммерсантъ». – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru>.

5. Ковлагина Д.А. Проблемы дифференциации ответственности за заведомо ложное сообщение об акте терроризма // Уголовное право. – 2019. – № 6. – С. 46-50.

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2000 года. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 ноября 2016 г. № 41 г. Москва «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Справка по итогам изучения судебной практики Ульяновской области по уголовным делам о преступлениях террористической и экстремистской направленности [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

9. Теория государства и права: Конспект лекций / Сост. Б.М. Емельянов, С.А. Правкин. – М.: Московский институт экономики, менеджмента и права; 2004. [Электронный ресурс] // Портал «Юристъ». – Режим доступа: <https://lawbook.online>.

10. Террор потеряет инкогнито // Московский комсомолец. – 2014. – №6. – С.1-4.

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ НОВЫХ ПОЛОЖЕНИЙ
ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПЛЕНУМА «О СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ ПО ДЕЛАМ
О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ И ОБ ИНЫХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ»
В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 291.1 УК РФ**

© Е.Е. Мокина

**Научный руководитель: Н.В. Качина
канд. юрид. наук**

Сибирский федеральный университет

У правоприменителей и теоретиков права традиционно возникают дискуссии в отношении применения норм об ответственности за посредничество во взяточничестве. 24 декабря 2019 года Пленум Верховного Суда РФ принял постановление № 59, которым внес изменения в постановление от 9 июля 2013 г. № 24 “О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях” [4]. Дополнительные разъяснения, данные Верховным Судом, призваны разрешить некоторые существующие противоречия и привести правоприменительную практику к единообразию.

В первом абзаце п. 13.2 Верховный Суд указывает, что под посредничеством во взяточничестве понимается не только непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взятополучателя, но также и иное содействие в достижении или реализации соглашения между коррупционерами о даче-получении взятки [5].

Данное разъяснение соответствует существующей в юридической науке позиции, согласно которой посредничество во взяточничестве возможно в двух видах – в виде физического посредничества и интеллектуального [8, с. 41]. Физическому посредничеству соответствует непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взятополучателя, а интеллектуальному – иное содействие в достижении или реализации коррупционного соглашения. Новое разъяснение адресовано правоприменителям, которые иногда затрудняются отличить покушение на посредничество во взяточничестве от оконченного состава преступления.

Так, судья Арбитражного суда Свердловской области решил предложить представителю АО предоставить денежное вознаграждение за признание незаконным решения налогового органа о привлечении АО к ответственности. В то же время судья предложил Г. выступить в роли посредника при передаче взятки представителем АО, на что Г. ответил согласием. Действия Г. были квалифицированы как покушение на непосредственную передачу предмета взятки

должностному лицу по поручению взяткодателя в особо крупном размере. Суд обосновал свое решение тем, что Г. не успел передать взятку взяткополучателю по независящим от него обстоятельствам в связи с задержанием и пресечением его действий сотрудниками УФСБ. Однако суд не учел, что в действиях Г. усматриваются признаки интеллектуального посредничества во взяточничестве. А именно, Г. вел переговоры с взяткодателем и взяткополучателем о возможности использования судьей своих служебных полномочий для признания незаконным решения налогового органа, подготавливал встречу между указанными лицами, решал вопросы организационного характера, касающиеся передачи взятки (устанавливал дату, время, место и способ передачи взятки и др.) [6].

Описанные выше действия были направлены на достижение и реализацию соглашения между судьей и представителем АО о даче-получении взятки, что является интеллектуальным видом посредничества. Согласно абзацу 2 п. 13.2 постановления, посредничество в виде иного способствования в достижении или реализации соглашения является окончанным преступлением с момента выполнения действий подобного рода [5]. Значит, в действиях Г. содержатся признаки окончанного состава преступления.

Указанный пример иллюстрирует, что у правоприменителей до внесения указанных изменений возникали проблемы с пониманием того, что интеллектуальное посредничество имеет определенную специфику и свой момент окончания. Появление дополнительного разъяснения Пленума Верховного Суда о различных видах посредничества во взяточничестве и о моменте их окончания должно способствовать изменению судебной практики – например, действия Г. из рассмотренного выше приговора должны быть квалифицированы как окончанное посредничество во взяточничестве в особо крупном размере, а не как покушение на данное преступление.

Как отмечалось выше, новая редакция постановления Пленума в абз. 2 п. 13.2 указывает, что посредничество во взяточничестве в виде иного способствования достижению или реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем признается окончанным преступлением «с момента выполнения посредником одного из этих действий», при этом сами достижение или реализация соглашения между коррупционерами не оказывает влияния на признание интеллектуального посредничества окончанным преступлением [5]. Это пояснение призвано положить конец спорам о моменте окончания интеллектуального посредничества.

В научной литературе высказывалась точка зрения, согласно которой посреднические действия, выраженные в форме способствования достижению соглашения между взяткодателем и взяткополучателем, представляют собой

оконченное преступление в момент, когда удалось достигнуть подобного соглашения между обеими сторонами [7, с. 64]. В свете нового уточнения постановления становится ясным, что получение согласия и от взяточдателя, и от взяточполучателя является излишним требованием для определения момента окончания посреднических действий. Достижение или реализация соглашения в случае интеллектуального посредничества являются лишь целью действий посредника, то есть тем, во что он должен привнести определенный вклад, а не событием или последствием, наличие которого обязательно для установления факта преступления. Кроме того, исходя из законодательной формулировки, посредник должен способствовать в достижении соглашения взяточдателю или взяточполучателю, и очевидно необязательно обоим лицам сразу.

В соответствии с третьим абзацем п. 13.2 рассматриваемого постановления, физическое посредничество во взяточничестве считается оконченным в момент получения взятки посредником, если взяточполучатель и лицо, оказывающее посреднические услуги, договорились о том, что переданные взяточдателем ценности остаются у посредника [5]. Таким образом, Верховный Суд раскрыл еще одну ситуацию, характеризующую момент окончания физического посредничества. До внесения данного разъяснения в постановление Пленума считалось, что оно окончено в момент полного или частичного получения взятки должностным лицом.

Данный подход высшего судебного органа можно считать обоснованным с практической точки зрения. Возможна ситуация, когда предмет взятки остается у посредника до востребования взяточполучателем для сокрытия факта передачи взятки должностному лицу. При этом посредник выполняет действия, характеризующие физическое посредничество, а именно непосредственно принимает ценности от взяточдателя для последующей передачи их взяточполучателю; получение ценностей должностным лицом имеет место, но зависит от самого взяточполучателя (например, когда он сочтет, что подозрения о его участии в даче-получении взятки отсутствуют). Поскольку взяточполучатель может долго откладывать получение ценностей от посредника, возникает необходимость решения вопроса о привлечении последнего к ответственности. Новое разъяснение Пленума разрешает данную проблему.

Значимым изменением в постановлении Пленума является п. 13.3, согласно которому, в случаях, когда сумма предмета взятки не достигает двадцати пяти тысяч рублей (значительного размера), посредник не может нести ответственность как соучастник в даче или получении взятки, мелком взяточничестве со ссылкой на статью 33 УК РФ [5]. Поскольку значительный размер взятки является составообразующим признаком посредничества, его недостижение означает, что

действия фактического посредника не являются преступными. Такая точка зрения находит поддержку в юридической науке [3, с. 65]. Кроме того, Верховный Суд ранее отмечал, что отсутствие взятки в значительном размере означает и отсутствие состава преступления [2].

Решение декриминализовать посредничество во взяточничестве в незначительном размере подтверждается действиями законодателя, который намеренно не установил за это деяние ответственности в качестве основного состава посредничества, как это было сделано для составов получения и дачи взятки. Кроме того, привлечение лица к уголовной ответственности на основании ч. 5 ст. 33 и ст.ст. 290 или 291 в случаях физического посредничества может означать применение уголовного закона по аналогии, что противоречит принципу законности. Объясняется это тем, что фактическая передача взятки не попадает под определение пособничества, если исходить из буквального толкования нормы ч. 5 ст. 33 УК РФ [1, с. 47].

Представляется, что Верховный Суд РФ сделал правильный шаг в направлении установления единообразного понимания сущности норм, предусмотренных ст. 291.1 УК РФ, и предоставил решение нескольких спорных вопросов, касающихся применения норм об ответственности за посредничество во взяточничестве. Новые разъяснения являются разумными и согласованными с теоретической и практической точек зрения.

Список использованных источников:

1. Егиян, А.М. Посредничество во взяточничестве – преобразованный вид пособничества / А.М. Егиян // *Academy*. – 2016. – № 2. – С. 46 – 49.
2. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2013 № 24-О13-1 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
3. Никонов, П. В. Посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ): анализ некоторых проблем правоприменения / П. В. Никонов // *Сибирский юридический вестник*. – 2015. – № 2. – С. 63 – 69.
4. О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 59 «// *Российская газета*. – 2019. – 31 декабря.

5. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // Российская газета. – 2013. – 17 июля.

6. Приговор № 1-63/2019 1-663/2018 от 28 июня 2019 г. по делу № 1-63/2019 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru/regular/doc/LoKDUYHPsSrQ/>.

7. Ткачев, И.О. Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве / И.О. Ткачев // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 64 – 70.

8. Яни, П.С. Физическое посредничество во взяточничестве / П.С. Яни // Законность. – 2014. – № 11. – С. 41 – 45.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА И ПРИНУЖДЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ СДЕЛКИ ИЛИ К ОТКАЗУ ОТ ЕЕ СОВЕРШЕНИЯ

© М.А. Обмётко

Научный руководитель: А.С. Мирончик

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В настоящее время достаточно сложным и актуальным вопросом является проблема разграничения вымогательства (ст.163 УК РФ) и принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения (ст.179 УК РФ).

Следует отметить, что у данных деяний имеется общий родовый объект – отношения в сфере экономики. Однако в статье 179 УК РФ видовым объектом выступают общественные отношения в сфере экономической деятельности, а основным непосредственным объектом являются общественные отношения в сфере заключения сделки. Дополнительным объектом при принуждении к совершению сделки или отказу от нее могут выступать здоровье. А при вымогательстве видовым объектом выступает собственность в экономическом и правовом смысле. Непосредственным – отношения собственности, а также иные имущественные отношения. Дополнительным объектом при вымогательстве могут выступать честь, деловая репутация и здоровье.

Объективная сторона рассматриваемых преступлений очень схожа. При вымогательстве объективная сторона состоит в требовании, соединенной с угрозой. Требование состоит в том, чтобы потерпевшее лицо передало имущество, не принадлежащее виновному, либо право на имущество или совершило другие действия имущественного характера. Охарактеризовать требования можно

следующим образом: 1. Оно представляет собой ничто иное, как передачу информации, информационное воздействие на сознание потерпевшего [2]. 2. Требование должно выдвигаться в отношении имущества, права на имущество либо других действий имущественного характера. Всё вышеперечисленное является предметом вымогательства согласно п. 2-3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)»: к предмету вымогательства по смыслу статьи 163 УК РФ относится, в частности, чужое (то есть не принадлежащее виновному на праве собственности) имущество, а именно вещи, включая наличные денежные средства, документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права, в том числе права требования и исключительные права. Под правом на имущество, с передачей которого могут быть связаны требования при вымогательстве, в статье 163 УК РФ понимается удостоверенная в документах возможность осуществлять правомочия собственника или законного владельца в отношении определенного имущества. К другим действиям имущественного характера, на совершение которых направлено требование при вымогательстве, относятся действия, не связанные непосредственно с переходом права собственности или других вещных прав (в частности, производство работ или оказание услуг, являющихся возмездными в обычных условиях гражданского оборота; исполнение потерпевшим за виновного обязательств) [4]. 2. Требование должно быть незаконно. Иначе это не будет образовывать состава вымогательства, а действия лица, при наличии всех необходимых признаков, будет квалифицироваться по иной статье Особенной части УК РФ (например, ст.ст.119, 330 и т.д.).

Требование неразрывно с угрозой. Исходя из ч.1 ст.163 УК РФ, угроза может состоять, во-первых, в применении насилия. Здесь возможно угрожать любым видом насилия, как опасным, так и не опасным для жизни и здоровья. Возможно также угроза убийством.

Угроза уничтожением или повреждением чужого имущества имеет место тогда, когда происходит запугивание потерпевшего причинением вреда чужому имуществу, при котором имущество или вообще не может быть восстановлено, или же его восстановление экономически нецелесообразно (уничтожение имущества), или восстановление первоначального вида имущества потребует значительных материальных затрат (повреждение имущества).

Под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, согласно п.12 Пленума № 56, необходимо понимать запугивание потерпевшего тем, что станут известны другому лицу (другим лицам) сведения, порочащие их честь, достоинство или подрывающие репутацию (например, данные о

совершении правонарушения, аморального поступка). При этом не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой распространения которых совершается вымогательство.

Под угрозой распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких, относятся, в частности, любые сведения, составляющие охраняемую законом тайну (абзац 2 пункта 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56).

Объективная сторона ст.179 УК РФ имеет определенное сходство со ст.163 УК РФ: включает такие же угрозы, кроме угрозы распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. Есть так же отличие в требовании: ст.179 УК РФ устанавливает границы требования: совершить сделку или отказать от её совершения. Таким образом, здесь можно найти отличие в форме поведения, ст. 179 имеет пассивную форму поведения: отказать от совершения сделки.

Важное условие, вытекающее из законодательного закрепления в ч.1 ст.179 УК РФ, что квалификация деяния как принуждение к совершению сделки или отказу от её совершения возможна лишь при отсутствии признаков вымогательства.

Норма, закрепленная в 179 УК РФ, по своему характеру, является бланкетной, поэтому есть необходимость выяснить, что является сделкой. Согласно ст. 153 ГК РФ, под сделкой понимаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. Соответственно, можно сделать вывод, что и ст.163 УК РФ, и ст. 179 УК РФ заставляют потерпевшее лицо придерживаться определенного юридически значимого поведения: передать имущество, заключить какой-либо договор, передать права на имущества, отказать от совершения сделки и т.п. В гражданском законодательстве (ст. 421 ГК РФ) закреплено, что Граждане и юридические лица свободны при заключении договора. Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена настоящим Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством.

Можно выделить следующее отличие: норма про вымогательство закрепляет возможность совершения сделок только имущественного характера. Принуждение к совершению сделки или к отказу от её совершения не устанавливает таких «границ», т.е. можно принуждать (либо принуждать отказать) к совершению сделки как имущественного, так и неимущественного характера.

Исследователи уголовного права выделяют такой критерий для разграничения вымогательства и принуждения к совершению сделки или к отказу от её

совершения, как возмездность сделки. При вымогательстве сделка заключается безвозмездно [1, с. 693], либо имеет частичную возмездность, а при принуждении сделка может быть полностью возмездной, но другая сторона договора является той, с которой потерпевшее лицо не хотело бы заключать или не должно было, либо сделка имеет условия, не устраивающие потерпевшего. Подтверждение этому можно найти в судебной практике. Так, Сайфудинов Р.Р. потребовал от потерпевших №1 и №2 безвозмездно передать право собственности на принадлежащие им доли в квартире стоимостью одной второй доли 500000 рублей, либо передать денежные средства. Органами предварительного следствия Сайфудинову Р.Р. предъявлено обвинение по ч. 1 ст. 179 УК РФ. Суд указал, что ч.1 ст.179 УК РФ вменена излишне, так как данные действия охватываются п. «г» ч.2 ст.163 УК РФ, ввиду того, что если требования виновного направлены на извлечение имущественной выгоды и причинение имущественного ущерба потерпевшему от этой сделки, то деяние необходимо квалифицировать по ст. 163 УК РФ. Судом установлено, что требования Сайфудинова Р.Р. к потерпевшим были направлены к заключению безвозмездной для потерпевших сделки, так как потерпевшие денежные средства не получили [5].

По нашему мнению, стоит согласиться с данной позицией, так как виновное лицо хочет заключить сделку в её гражданско-правовом понимании, а при вымогательстве виновное лицо, в первую очередь, преследует корыстные цели. Это следующее отличие: при вымогательстве в субъективной стороне имеется корыстная цель, а при принуждении к совершению сделки виновное лицо преследует цель заключить сделку в соответствии с её пониманием в гражданском праве, а только потом, может, преследовать корыстную цель. Кроме этого, сделки могут быть совершены в отношении следующих объектов: нематериальные блага, информация [6, с. 378].

Предмет вымогательства указывался выше. Предметом же статьи 179 УК РФ является сделка в гражданско-правовом значении [3, с. 93].

Таким образом, полагаем, что составы преступлений, содержащиеся в ст. 163 УК РФ и ст. 179 УК РФ, следует разграничивать по следующим критериям: во-первых, объект преступного посягательства. Во-вторых, по возмездности либо безвозмездности сделки. В-третьих, по цели преступного посягательства: корыстная цель выступает главенствующей либо имеется первостепенная цель на совершение сделки в гражданско-правовом смысле. В-четвертых, предметом ст.179 УК РФ является сделка, в статье 163 УК РФ это обозначено как совершение действий имущественного характера. Если же идёт посягательство на имущество или право на имущество, то квалифицировать по ст. 179 УК РФ невозможно.

Список использованных источников:

1. Бойцов, А. И. Преступления против собственности. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. – 755 с
2. Мирончик А.С., Сулопаров А.В. Вымогательство как преступление информационного характера и его разграничение с разбоем. //Современное право, 2020, №1.
3. Мирончик, А.С. Преступление против собственности : учеб. пособие / А.С. Мирончик, А.А. Боровков. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2019. – 132 с.
4. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 // Консультант-Плюс – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190790
5. Приговор Лаишевского районного суда Республики Татарстан №1-4/2018 от 05.07.2018 по делу №1-4/2018 – Доступ из ГАС «Правосудие». – Режим доступа: <https://sudrf.ru>, (дата обращения 10.04.2020 г.). – Загл. с экрана.
6. Радченко, В.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Отв.ред. Радченко В.И. – М., 2000. – 862 с.

**ПОНЯТИЕ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ И ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ
СТ. 234 УК РФ «НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩИХ
И ЯДОВИТЫХ ВЕЩЕСТВ В ЦЕЛЯХ СБЫТА»**

© А.А. Петрова

Научный руководитель: А.Н. Тарбагаев

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одним из предметов преступлений предусмотренных главой 25 УК РФ «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» выступают ядовитые и сильнодействующие вещества, а также оборудование для их переработки или изготовления. Однако, в отличие от психотропных веществ, наркотических средств и их аналогов, они не получили правового определения. В действующем законодательстве России определение сильнодействующих и ядовитых веществ отсутствует. Лишь исходя из содержания ч. 1 ст. 234 УК РФ и постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»

можно сделать вывод, что предметом преступления, предусмотренного ст. 234 УК РФ, признаются сильнодействующие и ядовитые вещества, не являющиеся наркотическими средствами или психотропными веществами. В связи с отсутствием нормы, четко устанавливающей определение сильнодействующего и ядовитого вещества, в юридической литературе по данному вопросу встречаются различные точки зрения. Одни авторы такие, например как О.А. Буркина и С.О. Теплоухова [2, с. 55] говорят о том, что формально-юридического понятия названного в ст. 234 УК РФ достаточно. А, например, М.Г. Ермаков считает, что необходимо правовое понятие сильнодействующих и ядовитых веществ данное не путем исключения [3, с. 62-63].

К сильнодействующим веществам относятся такие вещества, которые опасны для здоровья и жизни не только при наличии медицинских противопоказаний, но и в случае приема их в значительных дозах. Сильнодействующие вещества – это преимущественно снотворные или обезболивающие препараты, которые потребляются без медицинских показаний (клофелин, эфир для наркоза и т. д.). Они могут вызвать состояние зависимости, галлюцинации или нарушения моторной функции либо мышления, восприятия, поведения, оказывать депрессивное, стимулирующее воздействие на центральную нервную систему и т.д. [1].

К ядовитым веществам относятся такие вещества, которые при их употреблении различными способами орально, внутривенно, подкожно, внутримышечно оказывают тяжелое отравление, способное причинить тяжкий вред здоровью, а также есть реальная возможность летального исхода [4]. Например, пчелиный яд очищенный, таллий и его соли, ангидрид уксусной кислоты, цианистый кальций, змеиный яд, спирт технический и пищевой, которые не предназначен для производства алкогольной продукции, этиловый, синтетический и т.д. На основании этого можно сделать вывод, что ядовитыми веществами являются такие химические соединения, которые отличаются высокой токсичностью, т.е. способные в минимальных количествах вызвать тяжелые нарушения жизнедеятельности организма или его гибель.

Уголовная ответственность по ст. 234 УК РФ наступает только после того, как указанные вещества будут включены в установленном законом порядке в соответствующие Списки. В этом заключается отличие преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, потому что в ст. 234 УК РФ не указывается на возможность привлечения к ответственности за противоправные действия с аналогами данных веществ. Законодатель не учитывает случаи, когда появляются не обозначенные в Списках сильнодействующие или ядовитые вещества, которые повторяют свойства этих предметов, либо абсолютно новые вещества до их включения в указанный список.

Рассматривая данное в ч. 1 ст. 234 УК РФ понятие ядовитых и сильнодействующих веществ в качестве предмета преступления предусмотренного ст. 234 УК РФ Е.Г.Шмелева считает необходимым определять его при помощи таких признаков как:

- медицинского: эти вещества оказывают особое воздействие на центральную нервную систему человека (угнетают или стимулируют передачу нервного возбуждения, вызывают эйфорию, галлюцинацию, возбуждение, снотворный эффект и т.д.)

- социального: эти вещества не являются предметом повседневного массового потребления, однако наличие реальной угрозы широкого распространения совершения запрещенных действий, а также возможность негативного воздействия на жизнь, психическое или физическое здоровье отдельного человека, а также группы лиц привело к их запрету

- правового: эти вещества отнесены к специальной группе ядовитых или сильнодействующих веществ, содержащихся в утвержденных Правительством Списках соответствующих веществ [5, с. 15].

Следовательно, правильное определение предмета преступного посяательства позволит избежать ошибок в практической деятельности правоприменительных органов и тем самым не будут незаконно возбуждены уголовные дела и привлечены невинные лица к уголовной ответственности.

Поэтому предлагаю под сильнодействующими веществами понимать вещества синтетического происхождения, включенные в Список сильнодействующих веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, оборот которых в Российской Федерации ограничен. Под ядовитыми веществами – вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Список ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, оборот которых в Российской Федерации запрещен.

Список использованных источников:

1. Большой юридический словарь [Электронный ресурс] // под. ред. А.Я. Сухарев, В.Е. Крутских, А.Я. Сухарева. – Москва: Инфра-М, 2003. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/lower/18196> (дата обращения: 17.02.2020).
2. Буркина О. А., Теплоухова С.О. Незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ с целью сбыта // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2015. Вып. 1.

3. Ермаков М.Г. Свойства сильнодействующих и ядовитых веществ (ст. 234 УК РФ) [Электронный ресурс] // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoystva-silnodeystvuyuschih-i-yadovityh-veschestv-st-234-uk-rf> (дата обращения: 15.02.2020).

4. Словарь-справочник уголовного права [Электронный ресурс] // М.: Норма – Инфра-М. Т. А. Лесниевски-Костарева. 2000. URL: https://criminal_law.academic.ru (дата обращения: 14.02.2020).

5. Шмелева Е. Г. Незаконный оборот сильнодействующих или ядовитых веществ в целях сбыта: уголовно-правовые и криминологические аспекты ;дис... канд. юрид. наук : 12.00.08 // Шмелева Екатерина Геннадьевна: Тюмень.:2008г.

ПРИЗНАКИ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА (НА ПРИМЕРЕ НЕКОТОРЫХ ФОРМ ХИЩЕНИЯ)

© К.Д. Пичев

Научный руководитель: М.А. Безматерных
Сибирский федеральный университет

Институт добровольного отказа является одним из важнейших институтов уголовного права. Вопрос о правовой природе добровольного отказа является дискуссионным. Мы склонны считать, что добровольный отказ является основанием для исключения уголовной ответственности в отношении того деяния, на совершение которого был направлен умысел субъекта. Как отмечал в свое время И.С. Тишкевич, в случаях добровольного отказа лицо, уже совершившее некоторые действия, направленные на осуществление преступного намерения, по собственному побуждению отказывается от продолжения начатого преступления. Совершенные действия при этом теряют характер приготовления или покушения и уже не могут быть признаны начатым, неоконченным преступлением [7, с. 217].

В ст. 31 УК РФ закреплены условия добровольного отказа для лица, выполняющего объективную сторону преступления в одиночку (части 1-3 УК РФ) и особенности добровольного отказа соучастников преступления (части 4-5 УК РФ).

Согласно ч. 1 ст.31 УК РФ добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца.

Прекращение лицом действий по реализации умысла на совершение преступления может быть признано добровольным отказом только в случае, если в

реально совершенном деянии еще не содержится признаков состава оконченного преступления.

Возможность добровольного отказа от совершения преступления зависит от конструкции состава преступления. Так, например, кража является преступлением с материальным составом. Она считается оконченной в момент, когда имущество изъято и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распорядиться по своему усмотрению [3]. Соответственно добровольный отказ от кражи возможен до этого момента.

Так, например, Беловский районный суд Кемеровской области признал С. М. Н. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Согласно обстоятельствам дела С.М.Н., проникнув ночью во двор ФИО 1, похитил кобылу, принадлежащую этому лицу. С.М.Н. надеялся впоследствии продать данное животное и на вырученные деньги организовать свою свадьбу с ФИО 2. С.М.Н. продать кобылу не смог. Под угрозами ФИО 2, отказавшейся проживать с ним совместно, пока он не вернет кобылу ее отцу, С.М.Н. вернул животное владельцу. Защитник С.М.Н. просила учесть последующие действия виновного по возврату похищенного имущества, добровольным отказом от преступления. Однако, суд не придавал значения данным доводам, в том числе, указав на то, что кража, совершенная С. М.Н. является оконченным преступлением, и он реально пользовался и распорядился похищенным имуществом по своему усмотрению [6].

Таким образом, суд не признал действия С.М.Н. по возврату похищенного имущества добровольным отказом в связи с тем, что они были совершены после окончания посягательства.

При добровольном отказе лицо прекращает реализацию преступного умысла на совершение преступления по своей собственной воле, а не вынужденно. Наличие внешних обстоятельств, препятствующих доведению начатого преступления до конца, является признаком неоконченного преступления. Так, если лицо, пытающееся совершить кражу, оставит попытку по изъятию имущества после обнаружения факта хищения или бросит уже изъятое имущество на месте обнаружения, содеянное им следует квалифицировать как покушение на кражу, а не добровольный отказ.

Прекращение преступления будет добровольным только в том случае, если лицо сознавало возможность его завершения. Например, приговор Сухоложского городского суда, согласно которому Х. был оправдан по ч. 3 ст. 30 и ч. 1 ст. 161 УК РФ в связи добровольным отказом, был отменен судебной коллегией по уголовным делам Свердловского областного суда. Судебная коллегия вполне справедливо усомнилась в наличии признаков добровольного отказа в действиях Х. Как видно из материалов дела, Х. бежал с похищенной ковровой дорожкой со второго

этажа магазина, затем по улице. Все это время за ним гналась продавец и требовала вернуть вещь. Он бросил похищенное тогда, когда понял, что прохожие могут задержать его и распорядиться похищенным он не сможет [4].

Для добровольного отказа важен сам факт осознания лицом возможности доведения преступления до конца, а не наличие ее в объективной действительности. Если субъект считает, что он может довести начатое до конца, а в действительности такой возможности нет, о чем ему не было известно, то данный отказ все равно признается добровольным [2, с. 61].

Добровольный отказ от доведения преступления до конца возможен при условии, что этот отказ окончателен. Окончателюность отказа означает, что лицо полностью и окончательно отказывается от совершения преступления, а не просто приостанавливает свою деятельность на время. В понимании А.И. Орловой признак окончательности отказа не включает отказ от совершения в будущем всех похожих на не доведенное до конца преступление, а также отказ от доведения преступления до конца по мотивам достижения того же результата не преступным путем [5, с. 12].

Можно привести пример, когда действия лица, прекратившего совершение преступления, не были признаны добровольным отказом в связи с отсутствием признака окончательности. Согласно обстоятельствам дела П., находясь на территории садового сообщества, проник в садовый дом. Там он искал материальные ценности, намереваясь их тайно похитить. Не обнаружив ничего ценного, П. покинул данный дом. Спустя некоторое время, он совместно с Г. проник в другой садовый дом. Там они были застигнуты хозяином и вынуждены были сбежать с места преступления, не успев захватить с собой вещи. Действия П. и Г. квалифицированы судом первой инстанции по ч. 3 ст. 30 и п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. В апелляционной жалобе П. указал, что суд первой инстанции мог применить к нему положения статьи 31 УК РФ. Апелляционным судом жалоба П. была оставлена без удовлетворения, а приговор без изменения. При этом суд указал, что в первом эпизоде совершения преступления П. не отказался от совершения преступления при наличии возможности его продолжить, а не нашел тех вещей, кражу которых он намеревался совершить. Суд также указал, что последующие действия П., выразившиеся в очередном покушении на совершение аналогичного преступления, свидетельствуют о том, что он не отказался от совершения кражи, а продолжил искать удовлетворяющий его объект посягательства. То есть, по фактическим обстоятельствам настоящего дела, не усматривается окончательного отказа от совершения преступления, как того требует ч. 2 ст. 31 УК РФ [1].

Рассмотренные признаки добровольного отказа следует применять в отношении лиц, действующих в одиночку. Как правило, исполнитель преступления также может добровольно отказаться от доведения его до конца, просто

прекратив начатую преступную деятельность. Для лиц, выполняющих в преступлении иные функции (организаторы, подстрекатели, пособники), закон устанавливает некоторые дополнительные критерии и правила.

Список использованных источников:

1. Апелляционное постановление № 10-3614/2019 от 15 июля 2019 г. по делу № 10-3614/2019 : Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 15.07. 2019. № 10-3614/2019 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». – Режим доступа: <https://sudact.ru>.

2. Иванов В. Понятие добровольного отказа от начатой преступной деятельности // Правоведение. 1992. № 1. С. 60-63.

3. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 2.

4. Определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 8 июня 2007 г., дело № 22-5816/2007 (URL: <http://www.ekbobsud.ru>)

5. Орлова, А.И. Добровольный отказ от преступления: проблемы теории и практики [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук (12.00.08) / Орлова Александра Ивановна; ЮИ СФУ. – Красноярск, 2007. – 20 с.

6. Приговор № 1-108/2018 1-9/2019 от 27 сентября 2019 г. по делу № 1-108/2018 : приговор Беловского районного суда г. Белово от 27.09.2019 № 1-108/2018 1-9/2019 // Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации». – Режим доступа: <https://sudact.ru>.

7. Тишкевич, И.С. Приготовление и покушение по советскому уголовному праву (понятие и наказуемость) [Текст] / И.С. Тишкевич – Москва: Государственное издательство юридической литературы, 1958. – 258 с.

ПОНЯТИЕ ЛИЦА, ЗАНИМАЮЩЕГО ВЫСШЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕСТУПНОЙ ИЕРАРХИИ (Ч. 4 СТ. 210, СТ. 210.1 УК РФ)

© Д.С. Рукомасов

Научный руководитель: В.В. Питецкий

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, является квалифицирующим признаком такого преступления, как преступное сообщество.

Причины наличия данного признака и введения новеллы в виде статьи 210.1 в УК РФ Федеральным законом от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ объясняются тем, что лидеры преступных сообществ представляют наибольшую общественную опасность, а также тем что на практике оказалось довольно проблематично доказать указанное в ч.4 ст. 210 УК РФ одновременное занятие высшего положения в преступной иерархии и выполнений действий предусмотренных ч.1 ст. 210 УК РФ. В связи с этим законодатель решил криминализировать сам статус «лица, занимающее высшее положение в преступной иерархии». Однако, в УК РФ отсутствует определение данного признака. Постановление Пленума ВС РФ от 10 июня 2010 г. № 12 в п.24 даёт следующее разъяснение: «...решая вопрос о субъекте преступления, указанного в части 4 статьи 210 УК РФ, судам надлежит устанавливать занимаемое этим лицом положение в преступной иерархии, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией) либо по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами либо по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе (преступной организации). О лидерстве такого лица в преступной иерархии может свидетельствовать и наличие связей с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п....» [1]. Тем не менее, в доктрине сложилась позиция, согласно которой в указанном разъяснении Пленума отсутствуют четкие критерии определения рассматриваемого статуса [3].

В преступной иерархии выделяют «воров в законе», «положенцев» и «смотрящих». Ключевыми различиями между ними является то, что титул «вора в законе» присваивается «сходкой» «воров в законе» и является пожизненным, в то время как «положенцы» и «смотрящие» назначаются «ворами в законе» и, соответственно, их место в преступной иерархии может с течением времени изменяться [4, с. 52].

В связи с этим нужно рассмотреть, как оценивают суды данные статусы с учетом разъяснения Пленума ВС РФ. Так, в приговоре № 1-339/2016 от 21 ноября 2016 г. суд следующим образом охарактеризовал рассматриваемый статус: Особое положение в структуре преступного сообщества (организации) занимало лицо по имени «***», занимающее высшее положение в преступной иерархии, которое координировало преступные действия и преступные доходы преступного сообщества (преступной организации), получая большую долю преступных доходов, осуществляло руководство структурным подразделением, осуществляющим приобретение и передачу через тайник-закладку наркотического

средства – героин, для последующей реализации, руководило структурным подразделением, состоящим из «группы бойцов», оказывающим силовую поддержку при возникновении конфликтных ситуаций, а также при необходимости физического воздействия на участников преступного сообщества, совместно с другим лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство, распределяло денежные средства, полученные преступным путем, определяя сумму вознаграждения участникам преступного сообщества (преступной организации) [6].

В приговоре № 2-135/2012 от 24 марта 2016 г. было оглашено показание свидетеля из которого следует, что он был знаком с «вором в законе» К., умершим в начале <данные изъяты> года. В Кузбассе также есть «вор в законе» «Б.Б.Б.» – А.А.А. В начале <данные изъяты> года К. назначил «положенцем» в г.Новокузнецке Киндлиба А. по прозвищу «О.». Киндлиб А., будучи «положенцем», мог от имени «вора в законе» К. – «Л.», разрешать спорные вопросы – конфликты, между преступными группировками, действующими на территории г.Новокузнецка, этим правом обладает «положенец», назначенный «вором в законе», также Киндлиб собирал деньги на воров в общую кассу, так называемый «общак» и на «грев» тюрем [7]. Действия Киндлиба А. были квалифицированы по ч.1 ст.210, то есть его изначально не рассматривали как лицо занимающее высшее положение, хотя если сравнить его действия с критериями Пленума ВС РФ, то можно сказать, что он координировал и создавал устойчивые связи между различными самостоятельно действующими организованными группами, а также разделял преступные доходы.

В приговоре № 1-42/2017 1-44/2017 от 15 июня 2017 г. рассматривается статус «смотрящего»: Ханахмедов Р.З. в период с начала июля 2014 года до 27 февраля 2015 года, согласно отведенной ему иным лицом преступной роли, являлся так называемым «смотрящим за организацией и проведением азартных игр между осужденными» и выполнял следующие функции: обеспечивал сохранность денежных средств структурного подразделения преступного сообщества, а также их распределение, расходование по указанию или с уведомления руководителя преступной группы; организовывал и вел учеты по проведению азартных игр; организовывал и сам лично вымогал денежные средства с осужденных под предлогом сбора карточного долга, после чего передавал часть денежных средств, полученных в качестве выигрыша иному лицу на пополнение так называемого «воровского общака»; по указанию руководителя структурного подразделения применял насилие к осужденным в целях корыстно-насильственного хищения чужого имущества и к нарушающим «воровские понятия» [8].

Из рассмотренных примеров можно сделать следующий вывод. Объём «полномочий» и власти у «воров в законе» может быть незначительно больше чем у «положенцев» и «смотрящих». В связи с этим критерии определения статуса лица, занимаемого высшее положение в преступной иерархии указанные в постановлении Пленума ВС РФ от 10 июня 2010 г. № 12 в п.24 трудно применимы, так как указанные критерии не конкретизированы и имеют общий характер.

В Уголовном кодексе Республики Казахстан данный вопрос решается несколько иначе [2]. В ч.5 ст. 263 УК Казахстана сформулирован следующий признак: «Деяния, предусмотренные частями первой, второй или третьей настоящей статьи, совершенные лицом, занимающим лидирующее положение среди руководителей организованных групп (преступных организаций)» Данному понятию даётся следующее определение: лицо, занимающее лидирующее положение, – лицо, наделенное руководителями организованных групп (преступных организаций) полномочиями по координации преступных действий, либо лицо, за которым члены группы признают право брать на себя наиболее ответственные решения, затрагивающие их интересы и определяющие направление и характер их преступной деятельности. Характеризуя данный признак, лица занимающее лидирующее положение, можно сказать, что он содержит критерии характеризующие статусы лиц в преступной иерархии.

Лицо, наделенное руководителями организованных групп (преступных организаций) полномочиями по координации преступных действий – по своей сути характеризует назначение «воров в законе» в ходе так называемых сходок. Лицо, за которым члены группы признают право брать на себя наиболее ответственные решения, затрагивающие их интересы и определяющие направление и характер их преступной деятельности; – такое разъяснение характеризует функции «положенцев» и «смотрящих».

В связи с этим, можно прийти к следующему выводу. Учеными поддерживается позиция, согласно которой вор в законе возглавляет так называемую преступную иерархию. [4, с.54] Постановление Пленума ВС РФ от 10 июня 2010 г. № 12 в п.24 даёт критерии для определения лица занимающего высшее положение в преступной иерархии, но как видно из практики, становится понятно, что с помощью данных критериев может быть довольно проблематично определить высшее положение. Для решения данной проблемы некоторыми авторами предлагается указать функции вора в законе, в качестве критериев определения высшего положения, но таким образом будут игнорироваться иные лица не являющимися ворами в законе, общественная опасность которых будет незначительно меньше, чем у воров в законе в силу объёма их полномочий и функций [5, с.85].

Таким образом, по моему мнению, такой признак как лицо занимающее лидирующее положение сформулированный в УК Казахстана, обладает более четкими критериями и позволяет охватить не только воров в законе, но и иных лиц, которые своими действиями показывают свое высокое положение в преступной иерархии. В связи с этим, предлагаю заменить в законе признак высшего положения на лидирующее положение.

Список использованных источников:

1. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) [Электронный ресурс] : постановление Пленума ВС РФ от 10.06.2010 № 12 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 03.07.2014 № 226-V [Электронный ресурс]. — URL: http://online.zakon.kz/m/Document/?doc_id=31575252

3. Агильдин, В. В. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации / В. В. Агильдин, С. Е. Ловцевич, А. А. Лохова. // Молодой ученый. 2019. № 24 (262). С. 165-169.

4. Григорьев Д.А. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? / Д.А. Григорьев, В.И. Морозов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4(30). С. 50-58.

5. Гришко А.В., Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210 уголовного кодекса Российской Федерации) / А.В. Гришко // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 84-88.

6. Приговор Октябрьского районного суда г. Самары от 21 ноября 2016 г. № 1-339-2016 [Электронный ресурс]: // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru/>

7. Приговор Кемеровского областного суда от 23 марта 2016 № 2-135/ 2012 [Электронный ресурс]: // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru/>.

8. Приговор Теучежского районного суда от 15 июня 2017 № 1-42/ 2017 [Электронный ресурс]: // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <http://sudact.ru/>.

ИМУЩЕСТВО, НАХОДЯЩЕЕСЯ В ОБЩЕЙ СОВМЕСТНОЙ И ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ, КАК ПРЕДМЕТ ХИЩЕНИЯ

© К.О. Савченко

Научный руководитель: А.С. Мирончик

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Помимо индивидуальной собственности на объекты гражданских прав, существует общая собственность, которая согласно п. 1 ст. 244 ГК РФ означает принадлежность имущества двум или нескольким лицам [3]. В отношении имущества, принадлежащего лицам на праве общей собственности, ни в законе, ни в разъяснениях Пленума ВС РФ не решен вопрос о том, может ли оно являться предметом хищения в случаях, когда посягательство происходит между сособственниками.

В силу п. 2 ст. 244 ГК РФ, если определены доли каждого из собственников в праве общей собственности, имущество принадлежит лицам на праве долевой собственности; если доли не определены – на праве совместной собственности [3].

Среди ученых вопрос о возможности признания имущества, находящегося в общей совместной собственности, как предмета хищения в случае посягательства на него сособственника решен практически однозначно. Большинство считают невозможным в этом случае квалификации таких действий как хищения в виду отсутствия обязательного признака предмета, а именно юридического. Однако соответствующий вопрос об имуществе в общей долевой собственности не имеет единого решения в научных трудах. Является ли чужим имуществом доля одного из участников долевой собственности для других ее участников?

Как указывают А.В. Бриллиантов и И.А. Клепицкий, юридический признак предмета хищения означает, что имущество должно быть чужим, т.е. не принадлежащим лицу на праве собственности, поэтому нельзя похитить собственное имущество, в т.ч. то, которое находится в общей собственности. Ни один из участников общей собственности не может похитить такое имущество; если же один из сособственников неправомерно распорядился им и причинил этим существенный вред другим сособственникам, он может быть привлечен к ответственности за самоуправство (ст. 330 УК РФ) [4, с. 475].

Н.А. Лопашенко [5, с. 34] и В.С. Комиссаров [10, с. 191-192] поддерживают рассмотренную точку зрения, отмечая, что лицо обладает в отношении имущества в общей совместной или долевой собственности всем комплексом прав собственника.

Указанные мнения справедливы, т.к. лицо действительно не может относиться к имуществу, которое ему принадлежит на праве общей собственности, как

к чужому, оно обладает в отношении него правомочиями владения, пользования и распоряжения (в разных объемах). Это касается и общего имущества в долевой собственности.

А.И. Бойцов присоединяется к вышеуказанной позиции. Интересны его дополнения о долях. В отношении общей совместной собственности автор отмечает, что доли ее участников существуют только в потенции, реализуемой при разделе общей собственности или выделе из нее [1, с. 202]. Он также отрицает возможность изъятия «чужой» доли в праве общей долевой собственности на имущество одним из сособственников, т.к. сособственники исходя из ст. 246 ГК РФ не могут самостоятельно распоряжаться имуществом, находящимся в общей долевой собственности. Ученый указывает, что доля сособственника не локализуется в какой-то конкретной части общего имущества, а простирается на все имущество в целом [1, с. 203].

На наш взгляд, утверждения ученого верны. При совместной собственности доли вовсе не определены, их определение осуществляется при разделе общего имущества и выделе из него долей согласно ст.ст. 252, 254 ГК РФ. При долевой собственности доли не существуют физически, представляют собой доли в праве, а не доли в имуществе, соответственно, ни один из сособственников не может узнать, какая конкретно часть имущества принадлежит ему, до процедур раздела или выдела.

В.В. Хилюта дополняет точку зрения о совместной собственности тем, что при распоряжении таким имуществом одним из сособственников в гражданском праве закрепляется презумпция согласия остальных сособственников на совершение сделки (п.п. 2,3 ст. 253 ГК РФ), в связи с чем самовольное распоряжение общим имуществом одним из сособственников не является хищением [13, с. 176].

Данный вывод справедлив, т.к. при распоряжении имуществом в совместной собственности одним из сособственников его действия будут восприниматься как распоряжение от лица всех участников, при несогласии они могут защититься с помощью гражданско-правового способа, закрепленного в п. 3 ст. 253 ГК РФ.

В отношении долевой собственности В.В. Хилюта придерживается противоположного мнения. Он выделяет собственные и чужие доли имущества: первые составляют свою часть имущества, вторые – принадлежат сособственникам. Как указывает автор, у сособственников отсутствует право самостоятельно распоряжаться общим имуществом по собственному усмотрению, и такое имущество для них является чужим, поэтому изъятие и отчуждение доли имущества другого лица является нарушением его права собственности и должно образовывать хищение чужого имущества (предметом хищения является чужая доля имущества в общей долевой собственности) [13, с. 177].

М.В. Фролов выделяет в отношении долевой собственности две фигуры собственников: общего собственника, воля которого распространяется на всю вещь, и отдельных сособственников, правомочных по собственному усмотрению владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащей им долей. Для последних вся вещь и ее часть в пределах превышения собственной доли являются чужими [11, с. 10, 22, 28].

Е.В. Герасимова [2, с. 17] и А.В. Хабаров [12, с. 8, 17] поддерживают рассмотренную точку зрения, объясняя это тем, что доля в праве общей собственности является относительно самостоятельным объектом гражданских прав.

Представляется, что позиции В.В. Хилюты, М.В. Фролова, Е.В. Герасимовой и А.В. Хабарова не верны. Бесспорно, участники долевой собственности не могут самовольно распоряжаться общим имуществом, но согласно п. 1 ст. 246 ГК РФ распоряжение таковым должно осуществляться по соглашению всех участников [3], следовательно, все сособственники связаны друг с другом, в чем проявляется суть отношений общей собственности. Относительно распоряжения собственной долей необходимо отметить, что в силу п. 2 ст. 246 ГК РФ участник долевой собственности может по своему усмотрению распорядиться ею, но с соблюдением при возмездном отчуждении правил о преимущественном праве покупки остальных сособственников (ст. 250 ГК РФ) [3], что говорит об отсутствии полной свободы распоряжения собственной долей. Кроме того, в соответствии с п. 1 ст. 247 ГК РФ порядок владения и пользования указанным имуществом также определяется соглашением, при недостижении согласия – в порядке, устанавливаемом судом [3]. К тому же, не может быть чужих долей, т.к. российский законодатель в гл. 16 ГК РФ рассматривает долю в праве, которая не существует в натуре и не имеет эквивалента в виде части общего имущества до его раздела или выдела из него доли, что было рассмотрено выше.

Подводя итог, отметим, что имущество, находящееся в общей совместной и долевой собственности, не может быть признано предметом хищения, но может выступать в качестве предмета других составов преступления. Рассмотренная проблема решается путем толкования положений гражданского законодательства об общей собственности. Принятый подход подтверждается правоприменительной практикой: постановлением Московского областного суда от 19 июня 2014 г. по делу № 22-3587/2014 [9], постановлением мирового судьи судебного участка №43 г. Николаевска-на-Амуре и Николаевского района Хабаровского края от 14 апреля 2016 г. по делу № 1-63/2016 [7], постановлением мирового судьи судебного участка №49 Березниковского городского округа Пермского края от 17 октября 2016 г. по делу № 1-73/2016 [8], обзором кассационной практики

Судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда за апрель – октябрь 2005 г.[6].

Список использованных источников:

1. Бойцов, А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. – СПб. : Юридический Центр-Пресс, 2002. – 775 с.
2. Герасимова, Е.В. Юридический признак предмета хищения / Е.В. Герасимова // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2009. – 6. – С. 15-19.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 : федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с послед. изм.) // СЗ РФ. – 05.12.94. – № 32. – Ст. 3301.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) : в 2 т. Т. 1 / Под ред. А.В. Бриллиантова. – М. : Проспект, 2015. – 704 с.
5. Лопашенко, Н.А. Посягательства на собственность : Монография / Н.А. Лопашенко. – М. : Норма: Инфра-М, 2012. – 528 с.
6. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по гражданским делам Самарского областного суда за апрель – октябрь 2005 г. [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.04.2020).
7. Постановление мирового судьи судебного участка №43 г. Николаевска-на-Амуре и Николаевского района Хабаровского края от 14 апреля 2016 г. по делу № 1-63/2016 [Электронный ресурс] // «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт). – Режим доступа: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 12.04.2020).
8. Постановление мирового судьи судебного участка №49 Березниковского городского округа Пермского края от 17 октября 2016 г. по делу № 1-73/2016 [Электронный ресурс] // «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт). – Режим доступа: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 12.04.2020).
9. Постановление Московского областного суда от 19 июня 2014 г. по делу № 22-3587/2014 [Электронный ресурс] // «Судебные и нормативные акты РФ» (СудАкт). – Режим доступа: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 12.04.2020).
10. Российское уголовное право. Особенная часть : Учебник для вузов / Под ред. В.С. Комиссарова. – СПб. : Питер, 2008. – 720 с.
11. Фролов, М.В. Имущество как предмет хищения: единство и дифференциация гражданско-правового и уголовно-правового моментов понятия / М.В. Фролов : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 29 с.

12. Хабаров, А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования / А.В. Хабаров : Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тюмень, 1999. – 25 с.

13. Хилюта, В.В. Толкование гражданского законодательства при установлении юридического признака предмета хищения / В.В. Хилюта // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2. – С. 175-178.

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ В ЗАРУБЕЖНОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

© М.М. Сидиропуло

Научный руководитель: К.А. Долгополов

канд. юрид. наук

Ростовский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

Уголовное право России ограничивает минимальный возраст уголовной ответственности 14 годами. Малолетние, не достигшие 14 –летнего возраста, не подлежат уголовной ответственности [1].

Уголовный кодекс Франции от 22 июля 1992 года предусматривает трехчленную категоризацию деяний: преступления, проступки и правонарушения. Соответственно трехчленной категоризации деяний в Уголовном кодексе Франции предусмотрены три вида уголовных наказаний: уголовные, исправительные и полицейские.

Система наказаний включает два вида лишения свободы: заточение и заключение, которые могут быть срочными и пожизненными, штраф и разнообразные виды лишения прав.

В Уголовном кодексе Франции отсутствует норма о возрасте уголовной ответственности и об особенностях наказания несовершеннолетних правонарушителей, хотя в нем и содержится положение о том, что в специальном нормативном акте определены условия, при которых лицам старше 13 лет может быть назначено наказание (ст. 122-8) [2].

Таким нормативным актом является Ордонанс № 45-174 от 2 февраля 1945 г. о несовершеннолетних правонарушителях. Ордонанс устанавливает специальный правовой режим ответственности несовершеннолетних, в основе которого

лежит презумпция уголовной ответственности лиц, не достигших 18 летнего возраста.

Так, согласно ст. 8 Ордонанса судья по делам несовершеннолетних принимает все возможные способы расследования для достижения истины и получения сведений о личности несовершеннолетнего, которые могли бы способствовать его перевоспитанию. С этой целью он проводит «общественный опрос» для получения информации о материальной и нравственной ситуации в семье, о характере и прошлом несовершеннолетнего, посещениях школы, его поведении в школе, об условиях, в которых он жил и учился. Судья может также вынести решение о медицинском либо медико – психологическом обследовании подростка, о его помещении в приемный центр или в центр наблюдения.

После того, как сведения о несовершеннолетии собраны, судья должен путем вынесения специального постановления либо объявить о прекращении дела, либо передать последнее в трибунал по делам несовершеннолетних или следственному судье.

Возможность привлечения к уголовной ответственности и характер наказания зависит от возрастной группы несовершеннолетнего. В уголовном праве Франции признается существование трех таких групп.

Первая группа объединяет несовершеннолетних лиц, не достигших 13-летнего возраста. Лицам указанной группы не может быть назначено наказание[3].

При рассмотрении дела о правонарушении несовершеннолетнего данной возрастной группы судья имеет право прекратить дело либо передать его в трибунал по делам несовершеннолетних или следственному судье. Вместе с тем судья вправе дать наставления или применить воспитательные меры (абз. 19 ст. 8 Ордонанса).

Во вторую группу входят несовершеннолетние в возрасте от 13 до 16 лет. К ним также может быть применена презумпция уголовной неответственности с назначением какой-либо воспитательной меры, в соответствии со ст. 16 Ордонанса.

Вместе с тем, учитывая более старший возраст лиц данной группы и наличие большей способности к пониманию значения своих действий, для них предусмотрена возможность отклонения презумпции уголовной неответственности. Несовершеннолетний, достигший 13-летнего возраста, может быть осужден к какому-нибудь наказанию, «если обстоятельства дела и личность правонарушителя этого требуют» (абз. 2 ст. 2 и ст.18 Ордонанса). Однако применение наказания к таким несовершеннолетним имеет определенные особенности. Так, им не могут быть назначены вообще: запрещение пребывания на французской территории, штраф-дни, лишение политических, гражданских и семейных прав, запрещение

занимать публичную должность и ряд других. Не могут применяться и положения Уголовного кодекса Франции о периоде надежности.

Кроме того, предусмотренные для взрослых наказания, в случае их назначения несовершеннолетним этой группы, назначаются только в сокращенном виде. Если законом предусмотрено пожизненное лишение свободы, несовершеннолетнему не может быть назначено лишение свободы на срок более 20 лет. Наказание в виде штрафа не назначается на сумму, превышающую половину размера штрафа, предусмотренного в санкции статьи, или более 50 тыс. франков.

В третью группу входят несовершеннолетние в возрасте от 16 до 18 лет. Как и подростки второй группы, они могут воспользоваться презумпцией уголовной неотвечтвенности, а также могут быть признаны виновными и осуждены. Однако действие такого смягчающего обстоятельства, как несовершеннолетие, для лиц рассматриваемой группы факультативно.

Список использованных источников:

1. Зырянов В.Н., К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних/ В.Н. Зырянов, К.А. Долгополов // . – Закон и право.- 2013.- №7.
2. Уголовное законодательство зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии, Японии) / под ред. И. Д. Козочкина. – М.,2009.
3. Долгополов К.А., Назначение наказаний несовершеннолетним по уголовному законодательству Франции и Германии / К.А. Долгополов // Вестник Сев-КавГТИ.- Выпуск 8.- 2008.
4. Долгополов К.А., Назначение наказаний несовершеннолетним по уголовному законодательству Франции и Германии / К.А. Долгополов // Вестник Сев-КавГТИ.- Выпуск 8.- 2008.
5. Долгополов К.А., Назначение наказания несовершеннолетним при совокупности преступлений и приговоров / К.А. Долгополов // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. – №2.
6. Долгополов К.А. Назначение обязательных и исправительных работ по уголовному праву России / К.А. Долгополов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2011. № 4 (19).
7. Долгополов К.А., Проблемы совершенствования норм о видах соучастников / К.А. Долгополов // Право и политика. 2013. -№8.
8. Долгополов К.А. К вопросу о санкциях уголовно-правовых норм, регламентирующих ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства/ К.А. Долгополов, А.Р. Саруханян // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2014. – №3.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БУКМЕКЕРСКИХ КОНТОР В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

© Е.А. Смолина

Научный руководитель: А.Н. Тарбагаев

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Правовое регулирование деятельности по организации и проведению азартных онлайн-игр на территории Российской Федерации – проблема, актуальная со времен появления сети «интернет». Особенно сложно оказывать законодательное влияние на деятельность букмекерских контор в сети «интернет».

Из-за различного рода нарушений Роскомнадзор блокировал сайты почти всех незаконных букмекерских контор, но несмотря на это, выход был найден быстро. Например, букмекерская контора «Марафон» уже через несколько дней после блокировки сайта, разработала программу для персонального компьютера, с помощью которой можно беспрепятственно делать ставки и пользоваться функциями сайта [8]. Появление таких альтернативных адресов или точных копий сайта доступных по разным URL, называется зеркалом веб-сайта.

Сама по себе, букмекерская контора – это организация, которая принимает ставки на различные исходы спортивных событий по заданному коэффициенту на основе своего экспертного мнения. То есть, игрок, делая ставку, изначально знает, какую сумму он получит в случае выигрыша, так как коэффициент заранее обозначен букмекером. Свою прибыль букмекер получает за счет проигрышей большинства участников пари, в диапазоне от 5 до 15% от пула ставок.

Согласно Федеральному закону от 21.07.2014 г. № 222-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты РФ и отдельные законодательные акты РФ»», легальный букмекер должен иметь ряд лицензий, в частности: лицензию на осуществление деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах и свидетельство о членстве в саморегулируемой организации букмекеров (СРО) [4, ст. 93]. Технические средства, используемые для организации игр, должны быть размещены на территории Российской Федерации и находиться в собственности организатора.

Официальные сайты легальных букмекеров расположены на домене .ru или .рф. Единственное исключение, это новая доменная зона .bet., функционирующая с 3 марта 2016 года, примером которой является букмекерская контора Олимп.bet.

Работая с легальными букмекерскими конторами, беттор – человек, который заключает пари в букмекерской конторе, при осуществлении выплаты выигрыша клиенту, обязан удержать налог на доходы физических лиц в размере 13%. Налог вычитается из разницы между суммой выплачиваемого выигрыша и суммой сделанной интерактивной ставки (из чистой прибыли).

Вести работу с легальными букмекерскими конторами могут только совершеннолетние граждане Российской Федерации, проходя регистрацию на сайте в сети «интернет». Участнику необходимо идентифицировать личность, т.е. предоставить букмекеру свои паспортные данные.

Несмотря на сложную процедуру легализации букмекерских контор и пристальное внимание законодателя, в деятельности организаторов букмекерского рынка постоянно возникают проблемы по организации и проведению азартных игр.

Одной из таких проблем является применение каждым букмекером одного доменного имени при приёме интерактивных ставок. Согласно ФЗ № 244, интерактивная ставка – это денежные средства, в том числе электронные денежные средства, передаваемые с использованием электронных средств платежа, в том числе посредством информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», а также средств связи, включая средства подвижной связи, центром учета переводов интерактивных ставок букмекерских контор или тотализаторов организатору азартных игр в букмекерской конторе или тотализаторе по поручениям участников данных видов азартных игр и служащие условием участия в азартной игре в соответствии с правилами, установленными таким организатором азартных игр [5, ст. 4]. Применение одного доменного имени даёт возможность идентифицировать сайт в сети «интернет». Такой принцип вероятно способен уменьшить число маркетинговых инструментов для пиара услуг организаторов азартных игр. Для продуктивного использования интерактивных ставок необходимо обезопасить рынок от нелегальных букмекеров.

Еще одна проблема букмекерского бизнеса касается правовой регламентации, так называемой, интерактивной ставки – единственного легального с точки зрения российского законодательства способа приема букмекерских ставок онлайн. В соответствии с ФЗ № 244-ФЗ, интерактивные ставки могут приниматься только через центр учета переводов интерактивных ставок (ЦУПИС). Попытка введения другим путем таких ставок, позволяет проводить онлайн-игры, например, играть в «виртуальный футбол», действующий по принципу генератора случайных чисел. Беттеры, которые делают ставки на спорт у нелегальных в России букмекеров, знают, что такие компании предлагают упрощенную процедуру регистрации без идентификации и иногда даже не просят предъявлять паспорт для проверки данных. Для множества нелегальных букмекерских контор это приносит

существенную выгоду и увеличивает приток несовершеннолетних игроков. По подсчетам издания «Рейтинг букмекеров», на конец 2019 года 51% игроков делают онлайн-ставки у легальных букмекеров и 49% играют в зарубежных нелегальных конторах [7].

После внесения поправок в марте 2019 года в Положение «О лицензировании деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах» букмекерские конторы могут работать на территории только тех субъектов Российской Федерации, чьи региональные законы это разрешают. Букмекерам придётся закрыть пункты приёма ставок на территориях, где действует запрет. Кроме того, изменения коснулись и статьи 171.2 УК РФ, уголовная ответственность наступает за организацию и проведение без лицензии азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах вне игровой зоны, в том числе с использованием сети «Интернет». Новая редакция ст. 14.1.1 КоАП РФ теперь вводит новый состав правонарушения (ч. 4 ст. 14.1.1.) в виде «Осуществления деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах с грубым нарушением условий, предусмотренных лицензией».

Данные запреты могут повлечь за собой увеличение числа нелегальных букмекерских контор в сети «Интернет», что усложнит процесс доказывания преступлений в сфере незаконной организации и проведения азартных игр.

Наличие пробелов в законодательстве, связанном с регулированием деятельности букмекерского бизнеса в Российской Федерации, является лазейкой для совершения противоправных действий. Законодательное регулирование в сфере противодействия незаконной азартной деятельности нуждается в совершенствовании для того, чтобы правоприменитель мог грамотнее использовать уголовно-правовую норму при определении и квалификации данных деяний, тем самым, совершая меньшее число ошибок на практике.

Список использованных источников:

1. Изюмова, Е.С. Проблемы организации азартных игр в сети «Интернет» / Е.С. Изюмова // Вопросы права в современном мире: материалы междунар. заочной науч.-практ. конф. – Новосибирск: 2013. – С.12-19.
2. Квалификация преступлений в сфере экономики: курс лекций / под общ. ред. В.И. Гладких. – Москва: 2014. – 336 с.
3. Наметкин, Д.В., Серкова, Т.В. Выявление, раскрытие и расследование преступлений в сфере незаконной организации и проведения азартных игр с использованием игрового оборудования и информационно-телекоммуникационной сети

Интернет / Д.В. Наметкин, Т.В. Серкова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 6. – С.38-40

4. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] : федер.закон от 21.06.2014 № 222-ФЗ ред. от // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 29.12.2006. № 244-ФЗ ред. от 27.12.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. О лицензировании деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах (вместе с «Положением о лицензировании деятельности по организации и проведению азартных игр в букмекерских конторах и тотализаторах») [Электронный ресурс] : Постановление Правительства РФ от 26.12.2011 № 1130 ред. от 21.03.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Сетевое издание «Рейтинг Букмекеров» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bookmaker-ratings.ru>

8. Спортивные новости «Sports.ru» [Электронный ресурс] : издание – Режим доступа: <https://www.sports.ru>

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ В ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 282 УК РФ

© Л.В. Терновой

Научный руководитель: С.И. Бушмин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Понятия «социальная группа» либо «принадлежность к какой-либо социальной группе» встречаются во многих статьях Уголовного кодекса РФ, в том числе в статье 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Однако ни в уголовном законе, ни в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ эти понятия не раскрываются. В связи с этим правоприменитель сталкивается с отсутствием четких критериев для отнесения лиц к той или иной социальной группе, что исключает единообразный подход в толковании

данного термина, несмотря на тот факт, что Конституционный Суд Российской Федерации не нашел неопределенности в использовании термина «социальная группа» в диспозиции части 1 статьи 282 УК РФ и счел эту норму закона соответствующей Конституции РФ [5].

А.В. Жеребченко считает, что любые не названные в диспозиции ст. 282 УК РФ признаки могут служить основанием для выделения социальных групп [3, с. 173]. Ю.Е. Пудовочкин дополняет эту позицию, говоря о том, что принадлежность человека к социальной группе определяется социальными, но не биологическими критериями. В качестве таковых могут выступать формальные или неформальные, связанные личностными или безличными отношениями объединения людей, имеющих общие интересы (политические партии, возрастные слои, профессиональные группы и т.д.) [1]. Как справедливо утверждает З.Л. Шагапсоев, под социальной нельзя считать криминальную группу лиц, так как она асоциальна по своей природе, поскольку ее члены намеренно нарушают установленные обществом законы [10, с. 147-148].

Другие авторы придерживаются ограничительного толкования понятия «социальная группа». Так А.Г. Хлебушкин полагает, что критериями для выделения социальных групп могут выступать признаки, закрепленные в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ: имущественное и должностное положение, место жительства, убеждения, принадлежность к общественным объединениям [9]. Я.Ю. Васильева считает, что понятие социальной группы в рамках экстремистских преступлений должно трактоваться ограничительно, поэтому защите подлежат прежде всего «социально слабые» группы населения: пенсионеры, инвалиды, сироты [2, с. 101].

В судебной практике, при оценке одинаковой группы людей имеет место различное применение уголовного закона. Так, по приговору Ленинского районного суда г. Ульяновска М. признана виновной в совершении действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды в отношении социальной группы – представителей государственной власти. Согласно тексту листовок, распространяемых М., представителям российской власти приписывается осуществление политики, противоречащей интересам России и угрожающей жизням её граждан, то есть враждебные действия и намерения. Социально значимым критерием, который позволил суду выделить представителей государственной власти, как социальную группу, стал критерий должностного положения. Напротив, Судебная коллегия по уголовным делам Краснодарского краевого суда, отменяя приговор суда первой инстанции, указала, что представители органов власти (правоохранительные органы, в том числе сотрудники ФСБ) не являются представителями социальной группы [8].

На данный момент Европейский суд по правам человека коммуницировал 12 дел, в которых оспаривается применение антиэкстремистского законодательства РФ. Знаковым является Постановление ЕСПЧ от 28 августа 2019 года дело № 10692/09 «Савва Терентьев против Российской Федерации». Заявитель был осужден российским судом за разжигание розни по отношению к социальной группе «полицейские», за то что на странице в социальной сети призывал сжигать в печах нечестных полицейских.

Европейский суд особо подчеркнул, что положения уголовного законодательства, направленные против высказываний, разжигающих ненависть либо вражду должны четко и точно определять состав соответствующих преступлений и подлежать узкому толкованию во избежание возникновения ситуации, когда государство слишком широко использует свое усмотрение по уголовному преследованию за совершение подобных преступлений. ЕСПЧ отмечает, что полиция будучи правоохранительным органом, вряд ли может рассматриваться как незащищенное меньшинство или группа и поэтому не нуждается в особой защите в контексте ст. 282 УК РФ. Также в силу того, что милиция является частью сил безопасности государства, она должна проявлять особенно высокую терпимость к оскорбительным высказываниям. Помимо этого пределы допустимой критики в отношении государственных служащих при осуществлении ими официальных полномочий шире, чем в отношении обычных граждан. ЕСПЧ дает критерии отнесения социальной группы, при наличии которых ее можно рассматривать как подпадающую под защиту ст. 282 УК РФ. В такие группы попадают прежде всего незащищенные меньшинства, которые имеют историю угнетения и неравенства или сталкиваются с глубоко укоренившимися предрассудками, враждебностью и дискриминацией, или уязвимые по какой-то другой причине, и поэтому в принципе нуждающиеся в повышенной защите от нападений и оскорблений [7, с. 75].

Сотрудники полиции и иных правоохранительных органов, представители власти по аналогии с должностными лицами (политиками) не являются социальными группами, подпадающими под охрану статьи 282 УК РФ, поскольку характер их деятельности и функций предполагает риск подверженности негативной реакции со стороны общества. Принимая их на себя добровольно они выражают готовность ожидать, в определенных случаях, проявление к ним вражды. Критика этих социальных групп служит «для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий» [6].

Термин социальная группа может иметь несколько значений. В широком смысле под социальной группой можно рассматривать любые группы, составляющие социум. В узком – это совокупность человеческих индивидов, объединенных социальными (небиологическими) признаками. Теоретически этот список

неисчерпаем, поскольку можно выделить тысячи групп людей, объединенных в связи с их профессиональной принадлежностью, взглядами и убеждениями (политическими и идеологическими), хобби и т.д.

Представляется, что понятие социальной группы не должно трактоваться ограничительно. При выделении социальных групп необходимо использовать уже имеющиеся в ч. 2 ст. 19 Конституции РФ признаки. Таким образом, в контексте ч. 1 ст. 282 УК РФ в число объективно социально значимых признаков, которые могут выступать основой для выделения социальных групп, входят следующие: имущественное и должностное положение человека, место жительства, политические убеждения, принадлежность к общественным объединениям. Но и этот список признаков не ограничен, так как из толкования ст. 19 Конституции следует, что существуют и другие. Однако не всего группы образуемые на основе этих социально значимых признаков подпадают под защиту ст. 282 УК РФ.

Правоприменителю, прежде всего судам и следственным органам, при определении того, является ли какая-либо группа людей социальной группой необходимо установить следующие характеристики такой группы: 1) индивиды объективно отличаются в каком-то аспекте от других лиц 2) члены группы осознают свою принадлежность к группе и взаимодействуют между собой 3) не относящиеся к группе люди идентифицируют представителей социальной группы как членов этой группы 4) члены группы в какой-то степени солидарны между собой [4, с. 137].

Решая вопрос отнесения социальной группы к числу тех, которые подпадают под защиту ст. 282 УК РФ, правоприменитель должен руководствоваться одним из следующих критериев: 1) социальная группа должна попадать в категорию незащищенных меньшинств, что предполагает наличие в обществе предрассудков, враждебности или дискриминационного отношения к членам данной группы (например, ЛГБТ) 2) социальная группа уязвима по какой-либо другой причине, в связи с чем нуждается в повышенной защите государства (например: ветераны, инвалиды, пенсионеры, сироты) 3) наличие международно-правовых конвенций или внутренних нормативно-правовых актов, устанавливающих для этой группы социальную защиту, обусловленную незащищенным положением в обществе.

Список использованных источников:

1. Бриллиантов, А. В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (под общ. ред. А. В. Бриллиантова) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Васильева, Я.Ю. Некоторые вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности / Я.Ю. Васильева / Сибирский юридический вестник. – 2014. – № 4. – С. 96-102.

3. Жеребченко, А. В. К вопросу о признаках возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства / А. В. Жеребченко // Прикладная юридическая психология. – 2014. – № 4. – С. 167-174.

4. Кондаков, А. Являются ли ЛГБТ социальной группой? Социологические критерии понятия для судебных интерпретаций / А. Кондаков / Сравнительное конституционное обозрение. – 2017. № 6. – С. 131-144.

5. Определение Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2010 г. № 564-О-О [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 ред. от 20.09.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

7. Постановление ЕСПЧ от 28 августа 2018 г. «Дело «Савва Терентьев против Российской Федерации»» (жалоба № 10692/09) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. Российское издание. 2018. № 10. С. 70-87.

8. Приговор Ленинского районного суда г. Ульяновска от 06.02.2018 по делу № 1-279/2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sudact.ru>.

9. Хлебушкин А.Г. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

10. Шхагапсоев, З.Л. Дефиниция социальной группы в преступлениях экстремистской направленности / З.Л. Шхагапсоев / Общество и право. – 2011. – № 5. – С. 143-150.

О СУБЪЕКТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО Ч. 1 СТ. 131 УК РФ

© Т.А. Федорова

Научный руководитель: А.П. Севастьянов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Субъект преступления – необходимый элемент для образования состава преступления. Соответственно, анализ субъекта преступления, в данном случае

предусмотренного ч.1 ст.131 УК РФ имеет значение и требует рассмотрения некоторых аспектов.

Актуальность данной темы объясняется спецификой вопросов о признаках половых преступлений, которые находят себя среди теории уголовного права, а также в правоприменительной практике в ходе реализации норм уголовного закона РФ, предусматривающие ответственность на преступные посягательства на половую свободу и половую неприкосновенность личности. Один из таких вопросов касается определения пола субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 131 УК РФ, а точнее, является ли субъект данного преступления специальным?

Положения главы 4 УК РФ устанавливают, что субъектом преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее установленного уголовным законом возраста. Перечисленные признаки общие и обязательны для образования любого состава преступления. Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности – не исключение.[5]

Общепринятой позицией относительно признаков субъекта ч.1 ст. 131 УК РФ является мнение, согласно которому субъектом изнасилования является физическое вменяемое лицо мужского пола, достигшее возраста четырнадцать лет. Среди признаков субъекта изнасилования примечателен такой признак, как пол. В связи с этим среди теоретиков возникают вопросы, специальный субъект или общий?

Говоря о понятии и сущности изнасилования, предполагается совершение полового сношения мужчины и женщины, совершаемое в естественной форме либо против воли потерпевшей. Половое сношение совершается путем применения насилия, угроз применения насилия либо путем использования беспомощного состояния. Такой признак как половое сношение является обязательной составляющей объективной стороны, что соответственно необходимо для образования состава преступления. [4]

Из данного положения следует, что если потерпевшей данного преступления может быть только лицо женского пола, следовательно, совершить половое сношение (в естественной форме) в отношении нее может только мужчина.

Однако объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 131 УК РФ, составляет не только половое сношение, но и один из альтернативных признаков, один из которых обязательно должен быть применен, такие как 1) применение насилия 2) угроза применения насилия к потерпевшей или к другим лицам 3) использование беспомощного состояния потерпевшей. Приведенные действия могут быть выполнены женщиной, то есть если она применит насилие или угрозу его применения, либо приведет потерпевшую в беспомощное состояние для подавления сопротивления в целях облегчения совершения

полового сношения. Таким образом женщина будет признана соисполнителем преступления. Также, лицо женского пола может быть признано организатором, подстрекателем или пособником.

При таком решении вопроса не имеется противоречий общим положениям уголовного закона о соучастии со специальным субъектом (исполнителем). В частности ч. 4 ст. 34 УК РФ говорит об исключении соисполнительства со стороны лиц, которые не наделены специальными признаками в преступлениях, где наличие этих признаков прямо указано в статье Особенной части УК РФ. Так как ст. 131 УК РФ не дает нам указаний относительно исполнителя преступления, соисполнителем мы можем признать и женщину. [3, с. 526]

Однако имеются и противоположные точки зрения касательно общности (специальности) субъекта изнасилования.

Так, по утверждению И.М. Тяжковой, «субъект изнасилования – специальный. Это может быть лицо мужского пола. При групповом изнасиловании соисполнителями по ст.131 УК РФ могут быть привлечены и лица женского пола, достигшие возраста четырнадцать лет». [1]

Но приведенная позиция противоречит положениям ч.3 ст.34 УК РФ, так как лица, которые не являются специальными субъектами (женщина) не могут быть признаны соисполнителями.

Соответственно обоснованно мнение, согласно которому лицо женского пола может выступать только соучастников, поскольку биологически не способна совершить половое сношение с потерпевшей.

«Данная точка зрения соответствует исторической подоплеке института уголовной ответственности за изнасилование, получившее свое развитие именно в ходе развития цивилизованных обществ, когда государство регулировало наиболее значимые взаимоотношения между людьми, которые различны по полу, по физическим данным, тем самым уравнивая членов общества в своем социальном «весе» в отношениях между собой». [1]

Уголовным законом предусмотрено, что изнасилованием признается половое сношение, определяемым как естественное совокупление мужчины и женщины в традиционной анатомической форме. Не будут признаваться половым сношением любые иные действия, которые направлены на удовлетворение половых потребностей, и будут подлежать квалификации по иным статьям главы 18 УК РФ.

Таким образом, подводя итоги рассмотрения проблемы, мы подтверждаем общепринятую точку зрения о том, что субъект преступления, предусмотренного ч.1 ст. 131 УК РФ – физическое вменяемое лицо мужского пола, достигшее возраста четырнадцать лет. Субъект является общим несмотря на указание в формулировке на мужской пол, поскольку часть объективной стороны, также

являющейся обязательной для образования состава преступления, может выполнить и лицо женского пола.

Также необходимо отметить, что уголовный закон, конкретно состав изнасилования направлен на охрану половой свободы и половой неприкосновенности женщины от физически более сильного мужчины. И только мужчиной может быть совершен половой акт, результатом которого может быть зачатие плода у женщины.

Список использованных источников:

1. Гавриленков, С.А. Пол лица, как обязательный признак, характеризующий специального субъекта изнасилования / С.А. Гавриленков // Актуальные вопросы современной науки. – 2010.

2. Мотин, А.В. Уголовно-правовая характеристика субъекта преступлений, предусмотренных статьями 131-135 УК РФ / А.В. Мотин // Отечественная юриспруденция. – 2017.

3. Полный курс уголовного права: в 5 т. / Под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ А.И. Коробеева. Т2.: Преступления против личности. – СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. – 682 с.

4. Уголовное право России. Части общая и Особенная : учебник / М.П. Журавлев, А.В. Наумов, С.И. Никулин { и др. }; под ред. А. И. Рарога. – 9-е изд., перераб. И доп. – Москва : Проспект, 2017. – 896 с.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации / [Электронный ресурс]: федер. закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ ред. от 01.04.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

ПОНЯТИЕ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ ОБОСНОВАННОГО РИСКА

© К.В. Фокина

Научный руководитель: В.В. Питецкий

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Обоснованный риск в российском уголовном законе закрепляется в качестве одного из обстоятельств, исключающих преступность деяния. В случае признания риска обоснованным лицо не подлежит уголовной ответственности, а его действия не являются преступными. Норма уголовного закона об обоснованном риске дает право на причинение вреда охраняемым уголовным законом

интересам в определенных случаях, поэтому обоснованный риск – это проявление правомерного причинения вреда.

Риск – это неотъемлемый элемент развития практически всех сфер жизни и прогресса общества и государства в целом. Зачастую бывает невозможно улучшить, модернизировать жизнь общества средствами, не связанными с вероятностью наступления неблагоприятных последствий. Научные, технические, медицинские изобретения требуют их апробации и экспериментальной проверки. С риском человек сталкивается и в бытовой сфере. В связи с этим уголовный закон разрешает в определенных случаях причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам. А именно, согласно ст. 2 УК РФ, в качестве таких интересов могут быть права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и безопасность, окружающая среда и др. ценности, которые являются объектом уголовно – правовой охраны[4]. Право на обоснованный риск имеет любой гражданин, безотносительно к его профессиональной принадлежности.

Норма об обоснованном риске была включена в Уголовный кодекс РФ 1996 года, однако вплоть до настоящего времени актуальность проблем правового регулирования и применения обоснованного риска сохраняется. За всю историю существования данной нормы она практически не применялась. На практике зачастую вызывает трудности разграничение обоснованного риска с иными обстоятельствами, исключающими преступность деяния, не существует также единства мнений по поводу формы вины[1].

Вопрос об обоснованном риске является малоизученным на уровне доктрины, а также недостаточно проработан на законодательном уровне. Данное обстоятельство делает исследуемое явление практически мертвой нормой, что подтверждается судебной практикой в виде критически малого количества дел с применением нормы об обоснованном риске. Детальная проработка проблемы даст платформу для оживления нормы на практике.

В рамках настоящего исследования более детально будет рассмотрена следующая проблема – отсутствие закрепленного понятия превышения пределов обоснованного риска в уголовном законодательстве Российской Федерации.

Исходя из системного толкования остальных обстоятельств, исключающих преступность деяния, которые имеют понятие превышения пределов, уголовную ответственность влечет только умышленное превышение пределов. Если имеет место неосторожная форма вины, то уголовная ответственность не наступает. Это обстоятельство имеет решающее значение в вопросе об освобождении лица от ответственности. Таким образом, я полагаю, при превышении пределов обоснованного риска, как при остальных обстоятельствах, исключающих преступность, ответственность может наступать или не наступать в зависимости от формы вины.

Если превышение пределов по неосторожности дает возможность освобождения лица от ответственности, то такое положение с необходимостью должно быть закреплено в уголовном законодательстве. Как уже было указано, в Уголовном кодексе РФ понятие превышения пределов обоснованного риска не закреплено, что представляет проблему, однако в юридической литературе его можно встретить.

Под превышением пределов обоснованного риска понимается неосторожное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в условиях достижения общественно полезной цели, когда лицом не были предприняты возможные меры, объективно способные в данной конкретной ситуации предупредить наступление вредных последствий [3].

Согласно другой точке зрения, под превышением пределов обоснованного риска понимается совершение деяния при нарушении условий обоснованного риска, когда лицо ошиблось и, несмотря на принятые им меры и вопреки его расчетам, наступивший вред оказался значительно большим, чем он мог бы быть [2].

Ни та, ни другая позиция не отражает содержание исследуемого явления полностью. В первом случае автор указывает на то, что лицом не были предприняты возможные меры, объективно способные в данной конкретной ситуации предупредить наступление вредных последствий. С этим утверждением стоит не согласиться по нескольким причинам. Во-первых, что касается объективных мер, нет единства мнений по поводу того, исходя из каких критериев, объективных или субъективных, должна оцениваться достаточность мер. Если опираться на субъективный критерий, то риск признается обоснованным, если лицо считало предпринятые им меры достаточными. В данной ситуации лицо осознает возможность и размер вредных последствий, но предпринимает все необходимые к тому меры, чтобы вред не наступил или был минимальным и считает, что предпринимаемые им меры способны предотвратить причинение вреда. В соответствии с объективным критерием принятие объективно необходимых мер должно полностью исключать возможность причинения вреда, однако в ситуации риска вероятность наступления вреда всегда сохраняется, к тому же в подавляющем большинстве случаев принять все объективно необходимые меры не представляется возможным.

Во-вторых, если данные меры предприняты не были, то не может идти речи о превышении пределов, т. к. лицо, допустившее риск, обязано предпринять достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам. Если оно таких мер не принимает, риск не признается обоснованным и уголовная ответственность наступает на общих основаниях. Таким образом, автор описывает ситуацию простого несоблюдения условий обоснованного риска и неправомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Вторая позиция учитывает, что лицо предприняло меры, направленные на предотвращение вреда, что верно, поскольку это условие необходимо, но она не отражает форму вины. К тому же, я считаю, из данного определения необходимо исключить указание на ошибку лица, т.к. последствия могут быть вызваны не только ошибкой. Следующее положение, которое вызывает вопросы, связано с указанием автора на то, что наступивший вред оказался значительно большим, чем он мог бы быть. Данная формулировка весьма размыта, она слишком расширяет понятие, т. к. как могло бы быть никому точно неизвестно, необходим конкретный сравнительный ориентир.

По моему мнению, определение превышения пределов должно включать в себя указание на форму вины. По поводу формы вины при обоснованном риске ведутся дискуссии, но я считаю, что при данном обстоятельстве имеет место только неосторожность. Прямой умысел исключен, т. к. при нем исчезает «разумный риск». Косвенный умысел также быть не может, поскольку он требует предвидения возможности наступления общественно опасных последствий. Как указано в законе: «лицо, допустившее риск, должно предпринять достаточные меры для предотвращения вреда охраняемым уголовным законом интересам». Принятие таких мер исключает допущение лица о наступлении последствий (ст. 25 УК РФ), поскольку оно считает, что приняло все достаточные меры. При наличии умышленного отношения к наступлению последствий нарушается иное обязательное условие правомерности обоснованного риска, риск становится необоснованным.

Таким образом понятие превышения пределов обоснованного риска можно сформулировать следующим образом. Превышение пределов обоснованного риска — это неосторожное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам в условиях достижения общественно полезной цели, когда в результате действий лица, направленных на достижение этой цели был причинен вред явно более значительный, чем предполагаемый или реальный полезный эффект от достигаемой цели.

Список использованных источников:

1. Гарбатович, Д.А. Проблемы применения нормы об обоснованном риске / Д.А. Гарбатович // Уголовное право. – 2013. – № 2.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под общ. ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. – М.: Норма : ИНФРА-М., 1998. – 88 с.
3. Михайлов, В.И. Обоснованный риск в уголовном праве / В.И. Михайлов // Законодательство. – 2001. – № 7.

4. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ ред. от 01.04.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ

© С.А. Хамидуллин

Научный руководитель: Э.Д. Шайдуллина

канд. юрид. наук

Казанский юридический институт МВД России

На современном этапе формирования и реализации уголовной политики в теории и в практике возникают вопросы о принадлежности криптовалюты к какому-либо правоотношению. В связи с этим возникают правовые проблемы в реализации уголовно-правового механизма защиты граждан и государственного строя, от преступных посягательств, связанных с жизнью, здоровьем личности, общественной безопасностью, государственной целостностью и суверенитетом страны.

Криминогенный интерес к криптовалюте обусловлен отсутствием контроля по их обороту со стороны правоохранительных, судебных и налоговых органов, ввиду чего надзор за операциями практически невозможен. Это обусловлено тем, что передача криптовалюты необратима, так как заблокировать или отменить транзакцию без приватного ключа посторонним лицам не представляется возможным.

28 января 2018 года Министерство финансов РФ внёс в Государственную Думу РФ проект федерального закона №419059-7 «О цифровых финансовых активах», который, на данный момент, подготовлен ко второму чтению. Кроме того, недавно был принят Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ, который внёс понятие цифровых прав в ГК РФ. Из этого следует, что уполномоченные органы, представляющие интересы государства, решили выступить с законодательной инициативой для определения понятия и правовой природы криптовалюты в системе финансово-экономических отношений.

Однако существует проблема его практической реализации, в связи с противоречивостью с иными нормативно-правовыми актами РФ. Например, данная проблема выражается в несоответствии проекта федерального закона требованиям Центрального Банка РФ в области обмена криптовалют на национальную и иностранную валюту.

В связи с этим, в правоприменительной практике возникают вопросы при определении правового статуса криптовалют в системе национального законодательства, что прослеживается в судебной практике.

Из этого следует, что отсутствие определенности юридического статуса виртуального финансового актива и отсутствие ограничений её оборота в телекоммуникационной сети Интернет, вызывает высокий интерес её использования в криминальной среде в качестве платежного средства.

Рассмотрим уголовно-правовые проблемы, связанные с транзакциями криптовалюты в телекоммуникационной сети Интернет. Центральной из них является проблема легальной неразрешенности вопроса о месте криптовалюты в системе уголовного права. При юридической оценке общественно опасных деяний, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ, у правоприменителей часто возникают проблемы при квалификации преступлений с использованием электронных денежных единиц. Она заключается в сложности их определения по отношению к признакам составов преступлений, в частности, её признанию в качестве средства совершения общественно опасных деяний либо предмета, на которое направлено преступное посягательство. Анализ судебной практики указывает на то, что наиболее перспективной точкой зрения в данном случае является определение криптовалюты в качестве средства совершения преступления.

В пример следует привести приговор Ялтинского суда Республики Крым и железнодорожного районного суда г. Хабаровска [1]. В данном деле преступное сообщество осуществляло сбыт в виде закладок наркотических веществ в потайных местах. Привлеченные в преступное сообщество специалисты создали сайт в даркнете, через который осуществлялись расчеты с закладчиками и потребителями с помощью электронных средств расчета, в частности, с помощью Биткойнов.

Следует обратить внимание, что в описательной части приговора виртуальный финансовый актив в виде Биткойна использовалась в качестве средства платежа, тем самым суд указывает на то, что она является средством совершения преступления.

Таким образом, при квалификации преступлений, следует рассматривать криптовалюту в качестве средства совершения преступления.

Проблемы возникают не только в теории уголовного права, при юридической оценке общественно опасных деяний, но и в процессуальной деятельности лиц, осуществляющих уголовное преследование. Одна из них выражается в затруднении определения правоприменителем факта наличия криптовалюты у того или иного лица.

Таким образом, любое лицо может втайне от следствия держать биткойн-кошелек и пользоваться им в противоправных целях.

Однако операции с криптовалютами не остаются полностью анонимными. По входящему и исходящему трафику возможно определить подозрительные ip-адреса, через которые могут осуществляться транзакции с участием виртуальной валютной системы. Но, к сожалению, данный метод на практике применяется редко, ввиду высоких затрат материальных ресурсов.

Таким образом, негативные обременения, наложенные на криптовалюту в связи с нарушением законодательства РФ, со стороны органов предварительного расследования, не всегда удается применить, ввиду отсутствия контроля и надзора за их транзакциями.

Резюмируя вышеизложенное явствует, что нахождение виртуальной валютной системы вне правового поля вызывает колоссальный интерес в криминальной среде. По нашему мнению, для устранения правового пробела правоохранительным органам необходимо начать сотрудничество с корпорациями, разрабатывающими Биткойн кошельки для получения базы данных покупателей, чтобы появилась возможность идентифицировать лицо, использующего электронную валютную систему в преступных целях.

Список использованных источников:

1. Дело № 1-337/2017: приговор Ялтинского суда Республики Крым и железнодорожного районного суда г. Хабаровска № 1-337/2017 от 17 августа 2017 г. // Режим доступа: URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fgchbvws7ExX> (дата обращения 15.10.2019)

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ОСКОРБЛЕНИЕ» В СОСТАВАХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

© А.С. Шахова

Научный руководитель: А.Н. Тарбагаев

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Государственная власть является одним из важнейших объектов уголовно-правовой охраны. Некоторые институты государственной власти требуют особой защиты и уважения. Несколько глав УК РФ содержат в себе составы преступлений, связанные с оскорблением тех или иных должностных лиц, представителей власти, а также иных лиц, указанных в качестве потерпевших в диспозициях статей. Ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду» и ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя

власти» предусматривают уголовно-наказуемое оскорбление, однако не раскрывают, какие деяния следует квалифицировать как оскорбление.

В данной статье будет рассмотрено оскорбление путем использования языковой формы, то есть словесное, так именно такие деяния вызывают большинство проблем при их квалификации.

Согласно словарю С. И. Ожегова «оскорбить» значит тяжело обидеть, унижить кого-либо.[1] Д.Н Ушаков определяет смысл слова «оскорбить» как «крайне унижить, обидеть, причинить моральный ущерб, боль кому-чему-н.»[2]

Единственный нормативно-правовой акт, содержащий разъяснение «оскорбления», это КоАП РФ. В статье 5.61 указано: «Оскорбление, то есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Причем, важно отметить, данная норма перекечевала из уголовного права. Ранее действовавшая ст. 130 УК РФ «Оскорбление» дословно совпадает с содержанием ныне действующей административной нормы. Не стоит забывать о том, что ст. 130 УК РФ являлась общей по отношению к специальным нормам – ст. 297 и ст. 319 УК РФ. Поэтому, понятие «оскорбление» в том смысле, в котором оно существовало ранее в ст. 130 УК РФ, может быть применимо для определения признаков объективной стороны как ст. 297 УК РФ, так и ст. 319 УК РФ. Однако достаточно ли этого? В ст. 297 УК РФ и ст. 319 УК РФ признаки состава указаны в общем виде и не раскрываются. Это касается и «неприличной формы» совершения преступления.

Такие авторы как, И.М. Тяжкова, К.Ф. Амиров, Б.В. Сидоров, К.Н. Харисов и некоторые другие полагают, что для состава ст. 297 УК РФ указание на неприличную форму было бы излишним: «нельзя исключить наличия этого состава преступления и в тех случаях, когда унижительная оценка квалификации и других профессиональных качеств судьи, способностей присяжного заседателя или, например, государственного обвинителя была выражена во вполне приличных словах и действиях виновного».[3] Аналогичная точка зрения высказывается и относительно ст. 319 УК РФ.

Понятие неприличной формы можно рассматривать в нескольких аспектах. С обыденной, или бытовой, точки зрения под неприличной формой выражений или действий понимают такие выражения или действия, которые противоречили бы общепринятым правилам поведения, нормам морали в обществе, правилам хорошего тона и воспитания. Однако, очевидно, что такая обыденная трактовка очень широка и неприменима в области уголовного права, так как не всякие неприличные деяния в понимании общества могут являться уголовно-наказуемыми. Например, по мнению общества, неприлично было бы явиться на судебное заседание в растрепанном виде, но очевидно, что такой поступок не будет проявлением неуважения к суду в уголовно-правовом смысле, хотя и нарушает

определенные этические нормы. Тем более, само по себе отнесение выражения или поведения к неприличному или, наоборот, приличному зависит от различных ситуаций, от обстановки, времени, места, от воспитания и культуры конкретного индивида. Как известно, что для одного человека является вполне допустимым, то для другого крайне неприемлемо. К тому же, нельзя ставить оценку приличия в зависимость от конкретных обстоятельств. Именно поэтому необходимы другие критерии отнесения выражений и действий к приличным или неприличным. Попробуем отыскать такие критерии в такой науке как лингвистика.

С точки зрения лингвистики, лексика русского языка делится на нормативную и ненормативную. Нормативная лексика- лексика, на использование которой нет запрета, которая отвечает как языковым нормам, так и морально-нравственным. Ненормативная лексика- это лексика отклоняющаяся от речевой нормы. Ненормативная лексика включает в себя такие виды лексики как грубая и нецензурная лексика. Ненормативная лексика исключена моральным запретом общества из публичного употребления. Понятия неприличной лексики в лингвистике нет, но многие ученые, относят именно ненормативную лексику к неприличной, ставя между ними знак равенства.

Придерживаясь лингвистической позиции деления выражений на нормативные и ненормативные, мы выяснили, что грубые и нецензурные выражения и представляют собой неприличную языковую форму, о которой упоминается в законодательстве, а также судебная практика единогласно признает их «неуважением к суду». Но вернемся к вопросу о квалификации деяний оскорбительных, но не являющееся грубым или нецензурным словестным выражением, то есть не имеющим неприличной формы? Как быть, если оскорбление явно имеет место, но не выражено в неприличной форме, а высказано с помощью нормативной лексики?

Разграничивая высказывания, оскорбительные по содержанию и по форме, И.А.Стернин пишет: «Если оскорбительное по содержанию выражение имеет литературную или разговорную форму выражения, эта форма не может быть признана неприличной, она остается в разряде нормативной лексики. В этом случае может оскорблять содержание, но не форма. Использование нормативной лексики в негативных высказываниях не подлежит правовому регулированию».[4]

По нашему мнению, для составов ст. 297 УК РФ и ст. 319 УК РФ требование лишь неприличной формы излишне. Мы придерживаемся такой позиции, что оскорбление в суде или оскорбление представителя власти нельзя сравнивать с обычным бытовым оскорблением, за которое сейчас установлена ответственность в КоАП РФ и где существует обязательное требование неприличной формы оскорбления. Оскорбительной не всегда можно признать только лексическую

форму, как в грубых и нецензурных выражениях. У выражения есть две составляющие- это форма и содержание, то есть смысл, который несет в себе определенное выражение и как оно отражается в сознании человека. Слово может быть допустимо в речи по форме, относиться к нормативной лексике, но оно само по себе, по своему содержанию, будет иметь негативную окраску, или являться, по сути, негативной информацией.

«Негативная информация – это сведения, которые содержат отрицательную характеристику лица – юридического или физического – с точки зрения здравого смысла, морали, («неписаного закона») или с правовой точки зрения (в той мере, в которой это может понимать любой дееспособный гражданин, не имея специальных познаний в области юриспруденции» [5]

Важно определять в данном составе не приличную или неприличную форму, а оскорбительную характеристику. Оскорбительные слова определяются лингвистами как слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую характеристику человека, подчеркивающую его отрицательные свойства. Такие слова – оскорбительны, но не являются неприемлемыми или непристойными.

Судебная практика придерживается такого же пути решения данного вопроса.

Согласно Приговору Звениговского районного суда Республики Марий Эл № 1-68/2015 от 28 августа 2015 г. Петров Ю.В. совершил неуважения к суду, выразившееся в оскорблении судьи. Петров Ю.В. в ходе судебного заседания высказал в адрес К., являющегося председательствующим в судебном заседании, оскорбления: «Вы на этом деле сделали свое преступление по ст. 305 УК РФ, черное дело. Вы преступник», «Делаете на этом свои черные дела», «Преступник, Вас нужно сажать в тюрьму», явившиеся оскорбительными. Согласно заключению эксперта-лингвиста следует, что высказанное Петровым Ю.В. в ходе судебного заседания в адрес судьи К., характеризуют деятельность судьи К. как антиобщественную, приписывают ему негативную характеристику, в высказываниях не использованы сведения выраженные в неприличной форме, но являются оскорбительными.[6]

Также, согласно Приговору Калининского районного суда Санкт-Петербурга № 1-1196/2017 Никифоров М.Ю. совершил оскорбление представителя власти.

Никифоров М.Ю. в ответ на законные требования участкового уполномоченного полиции К. проследовать в отдел полиции для дачи объяснений, сознавая, что К. является представителем власти, оскорбил К. словами оскорбительного характера, в связи с исполнением им (К.) своих должностных обязанностей, а именно называл его продажным сотрудником полиции, защищающим интересы

лиц неславянской наружности, а также высказал в его адрес иные выражения оскорбительного характера.[7]

Таким образом, изучив различные точки зрения на проблему квалификации словестного оскорбления лиц, указанных в ст. 297 УК РФ, и представителей власти (ст. 319 УК РФ), а также проанализировав судебную практику, мы пришли к выводу, что оскорбление может быть как в приличной словесной языковой форме, так и в неприличной форме. Главное, чтобы выражение по форме или содержанию имело оскорбительную негативную характеристику. В связи, с отсутствием законодательной дефиниции оскорбления, полагаем, что необходимо принять специальное Постановление Пленума Верховного Суда РФ, детально разъясняющее проблемные вопросы, возникающие при квалификации уголовно-наказуемого оскорбления в ст. 297 УК РФ и ст. 319 УК РФ.

Список использованных источников:

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 15. -М., 1984.
2. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Под ред.Д. Н. Ушакова. М.: «Гос. ин-т Сов. энцикл.», ОГИЗ., Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940.
3. Амиров, К.Ф., Сидоров Б.В., Харисов К.Н. Ответственность за преступное вмешательство в деятельность лиц, осуществляющих правосудие и уголовное преследование: проблемы теории и законотворчества / под общ. ред.Б.В. Сидорова. – Казань, 2003.
4. Стернин, И.А. Неприличная форма высказывания в лингвокриминалистическом анализе текста /И.А. Стернин//Юрислингвистика,2011.
5. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой 3 репутации. Изд. 3. М., 2002.
6. Приговор Звениговского районного суда Республики Марий Эл [Электронный ресурс] : приговор Звениговского районного суда Республики Марий Эл от 28 августа 2015 г. № 1-68/2015 // Судебная практика. – Режим доступа: <http://sud-praktika.ru>.
7. Приговор Калининского районного суда Санкт-Петербурга[Электронный ресурс]: приговор Калининского районного суда Санкт-Петербурга от 03 ноября 2017 г. № 1-1196/2017 // Судебная практика.- Режим доступа: <http://sud-praktika.ru>.

**КВАЛИФИЦИРУЮЩИЕ ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 110 УК РФ**

© Е.А. Шихова

Научный руководитель: Т.В. Долголенко

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Суицид в настоящее время представляется одним из самых распространённых опасных социальных явлений. Статья 110 УК РФ закрепляет уголовную ответственность за доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство. В данном случае, исходя из понятия самоубийства [2, с. 33], причинение смерти другому человеку осуществляется посредством действий самого потерпевшего. Согласно статистическим данным Судебного департамента Верховного Суда РФ, за 2019 г. по ст. 110 УК РФ было осуждено 19 человек, из них 10 по ч.2 ст. 110 УК РФ.

Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» от 07.06.2017 № 120-ФЗ статья 110 Уголовного закона была дополнена частью второй, содержащей ряд квалифицирующих признаков. Данная мера стала вынужденной в связи с распространением так называемых «групп смерти», увеличением несовершеннолетних жертв, совершивших суицид под влиянием социальных сетей, СМИ. Помимо необходимых изменений в части усиления ответственности за побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению, законодатель ввел также и ряд других квалифицирующих обстоятельств, о недостаточности которых, указывало ученое сообщество.

Так к отягчающим обстоятельствам доведения до самоубийства на данный момент относятся совершение деяния:

- а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;
- б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;
- в) в отношении двух или более лиц;
- г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;

д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет).

Введение данных квалифицирующих признаков является криминологически обоснованным: дифференциация ответственности в зависимости от свойств потерпевшего в данном случае являлась необходимой [6, с. 36]. Однако, в силу того, что часть первую статьи законодатель оставил без изменений, введение части второй добавило к имеющимся спорным аспектам квалификации ряд новых.

Сохраняет свою актуальность традиционный вопрос квалификации, связанный с формами вины. На практике уже встречаются случаи привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 110 УК РФ при неосторожной форме вины. Правоприменитель в данном случае указывает, что виновный выполнял объективную сторону преступления, не предвидя общественно-опасных последствий своих действий в виде доведения до самоубийства, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия [7].

Введение же части второй, содержащей указания на такие признаки как заведомость, публичный характер действий и групповые способы совершения преступления делает невозможным его реализацию с неосторожной формой вины. По крайней мере, в случае совершения преступления группой лиц по предварительному сговору или организованной группой мы можем говорить только о прямом умысле: «направленность на достижение общего результата означает отсутствие безразличного отношения к его наступлению» [3, с. 78]. Иное бы входило в противоречие с общими положениями теории уголовного права.

Наличие достаточно высоких санкций также может указывать на сомнительность возможности совершения преступления по неосторожности [3, с. 79]. Федеральным законом от 29.07.2017 № 248-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» срок лишения свободы за совершение преступления при отягчающих обстоятельствах был повышен. Деяние наказывается лишением свободы на срок от 8 до 15 лет, с возможностью назначения трех альтернативных дополнительных наказаний.

Относительно квалифицирующего обстоятельства п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ существует целый ряд спорных аспектов: во-первых, исследователями предлагается распространить признак заведомости и на совершение преступления в отношении несовершеннолетнего. На практике, действия виновного бывают заранее нацелены именно на эту возрастную категорию, осознание же виновным факта несовершеннолетия потерпевшего значительно повышает общественную опасность деяния; во-вторых спорным является возраст несовершеннолетнего потерпевшего, т.к. в каждом конкретном случае необходимо устанавливать мог ли

потерпевший осознавать значение принятого решения о совершении суицида [4, с. 112].

Важно рассмотреть также признак беспомощности. Как уже указывалось ранее, потерпевшим при совершении рассматриваемого преступления, может быть только лицо способное на самостоятельное и добровольное принятие решения о совершении самоубийства. Если рассматривать беспомощность в общепринятом смысле, то введение данного квалифицирующего признака заставит правоприменителя вменять ст. 110 УК РФ во всех случаях, когда потерпевший сам лишает себя жизни [5, с. 93].

Однако судебная практика шла по пути квалификации деяний как убийства в случаях, когда потерпевший страдает психическим расстройством и не может отдавать отчет в своих действиях, а также в случаях, когда потерпевший не достиг 12-ти лет, т.е. находится в беспомощном состоянии в силу возраста [5, с. 93]. В литературе также высказывается точка зрения, что квалификация деяния в данном случае как убийства возможна только при умышленной форме вины (п. «в», ч. 2 ст. 105 УК РФ), в ином случае деяние следует квалифицировать по п. «а» ч. 2 ст. 110 УК РФ [5, с. 94].

Следовательно, применительно к п. «а» ч.2 ст. 110 УК РФ нужно рассматривать физический, а не психический характер беспомощности. Беспомощными лицами могут быть признаны: престарелые, тяжелобольные, инвалиды, лица, имеющие различные физические или психические недостатки, в силу которых указанные лица не могут принять меры к самосохранению и оказать сопротивление преступнику [3, с. 78]. Кроме того, как убийство следует квалифицировать деяние и в тех случаях, «когда степень на психику потерпевшего оказывается настолько сильной, что им утрачивается способность осознавать свои действия и руководить ими» [1, с. 35].

Можно отметить, что существует и точка зрения, согласно которой квалифицирующие признаки, заключающиеся в свойствах потерпевшего, не могут оцениваться как равные по степени общественной опасности. Так предлагается, такие свойства, как малолетство и старость потерпевшего оставить в рамках части второй рассматриваемой статьи, а для свойств беспомощности, зависимости и беременности предусмотреть ответственность в части 3 статьи [6, с. 37].

Уголовно-правовая оценка доведения до самоубийства двух и более лиц также выделяется в литературе как спорная. Так, Н.Е. Крылова в своих работах указывает, что таким образом законодатель отождествил убийство нескольких потерпевших как единичное преступление, совершаемое с единым умыслом, с убийством нескольких лиц без такового, т.е. по существу – с реальной совокупности преступлений. По мнению автора на практике это вызовет новые сложности,

т.к. законодательная конструкция предусматривает ответственность также и за доведение до покушения на самоубийство, в силу этого разные ситуации будут квалифицироваться одинаково [3, с. 77]. Здесь можно отметить, что в литературе высказывается предложение дифференцировать ответственность за доведение до попытки самоубийства, предусмотрев её в части 1 ст. 110 УК РФ и ответственность за доведение до самоубийства, в случае наступления последствий в виде смерти потерпевшего, предусмотрев её в части второй [4, с. 110].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что введение квалифицирующих обстоятельств ч.2 ст. 110 УК РФ было необходимым, но в силу сложности основного состава преступления эффективный механизм реализации на практике данных норм не выработан. Право на жизнь является главным из благ, защита которого одна из основных задач государства. Для решения этой задачи необходимо иметь четкий инструментарий, правовую регламентацию, способную разрешить возникающие на практике сложности. Для этого необходима дальнейшее усовершенствование уголовного закона, предусматривающего ответственность за доведение до самоубийства.

Список использованных источников:

1. Авешникова А.А. Об уголовной ответственности за склонение несовершеннолетних к самоубийству // Российский следователь. 2019. № 1. С. 33 – 37.
2. Долголенко Т.В., Староватова С.В. Актуальные проблемы применения Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» от 07.06.2017 № 120-ФЗ // Енисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей по материалам XI Всероссийской научно-практической конференции. 2018. С. 29 – 34.
3. Крылова Н.Е. Ответственность за доведение до самоубийства и причастность к самоубийству другого лица по уголовному праву Российской Федерации: оценка законодательных новелл // Уголовное право. 2018. № 1. С. 75 – 82.
4. Новикова, Т.А. Развитие Российского уголовного законодательства об ответственности за доведение до самоубийства // Синергия наук. 2019. № 39. С. 100-113.
5. Тюнин В.И., Огарь Т.А. Доведение до самоубийства и сопряженные с ним преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (77). С.91-97.

6. Хатуев В.Б. Доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство: становление, состояние и проблемы уголовно-правовой регламентации в российском уголовном законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 27 – 40.

7. Приговор Октябрьского районный суд г. Ставрополя № 1-390/2018 от 19 ноября 2018 г. по делу № 1-390/2018 // СПС «Судакт».

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

**СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ПОДХОДЫ ИРАКСКИХ И РОССИЙСКИХ ЗАКОНОДАТЕЛЕЙ И ПРАКТИКОВ**

© Ф.А. Абдулкарим, С.А. Масарновская
Научный руководитель: А.Д. Назаров
д-р юрид. наук
Сибирский федеральный университет

В Ираке, как, собственно, и в России, успешное выполнение назначения уголовного судопроизводства связано с уровнем имеющихся доказательств. Одним из эффективных и объективных способов доказывания [1, с. 267], используемым для собирания новых и проверки существующих доказательств [2, с. 2], является экспертиза. Экспертиза – это, прежде всего, исследование, которое проводят лица, специализирующиеся в вопросах, не знакомых участникам процесса в технической или научной областях, и подготовленные на их основе конкретные выводы [3, с. 9].

Судья обращается к эксперту для внесения ясности в вопросы, требующих узких научных и технических познаний, которыми он не может обладать, в случае возникновения соответствующих трудностей при отправлении правосудия [5, с. 138]. Эксперт считается помощником судебной власти [4, с. 83]. При этом, если судья вынес решение, не разбираясь в «деталях» исследуемых обстоятельств, без использования заключения эксперта в возникшем спорном вопросе, данное решение будет несправедливым, ошибочным и неадекватным [6, с. 45]. Таким образом, иракское законодательство (в целом – как и российское) позволяет судье использовать соответствующие специальные знания людей в научных и технических областях с целью правильного понимания обстоятельств дела и разрешения спора [7, с. 3]. Следует отметить, что использование помощи эксперта отнесено законодательством Ирака только к компетенции суда, если не предусмотрено иное [2, с. 30]. При этом не допускается назначение судом двух экспертов, поскольку их мнения могут противоречить друг другу [5, с. 40–45]. Согласно же российского законодательства судебная экспертиза назначается не только судом, но и органом следствия (дознания) в рамках предварительного расследования. При этом положениями УПК России предусмотрено производство комиссионной экспертизы в составе не менее, чем двух экспертов (ст. 200 УПК РФ), а также возможно назначение комплексной судебной экспертизы, в производстве которой участвует несколько экспертов (ст. 201 УПК РФ).

Условия, при которых возможно обращение за помощью к эксперту, законодателем Ирака не определены. Однако с учетом судебной практики страны можно выделить следующие наиболее важные условия для ее назначения: наличие иска (заявления) о привлечении эксперта; возникновение затруднений

научного и технического характера при исследовании доказательств у суда; трудности в определенных вопросах, выходящие за рамки знаний и понимание судьи; решение судьи прибегнуть к помощи эксперта. Окончательное решение об использовании экспертов остается за судьей. Судья может по своему усмотрению принять решение о проведении экспертизы либо отказаться от её проведения. Отказ от проведения экспертизы возможен в случае отсутствия её значения для разрешения дела, а также при преднамеренном затягивании процесса участниками судебного процесса. Если говорить о требованиях, предусмотренных российским законодательством к производству судебной экспертизы в ходе судебного следствия, то здесь необходимо отметить возможность производства данного судебного действия как по ходатайству сторон, так и по инициативе суда.

Учитывая важную роль экспертизы, законодательство Ирака [8] предъявляет определенные требования к эксперту: наличие диплома по конкретной специальности; поведение и репутация должны заслуживать доверия; отсутствие судимости; отсутствие сведений об исключении из реестра экспертов; гражданство Ирака. Те граждане, которые соответствуют требованиям законодательства и образовательной квалификации, регистрируются в реестре экспертов. Профессиональные и квалификационные требования, предъявляемые к эксперту на территории Российской Федерации, закреплены в положениях Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Здесь делается акцент на наличие гражданства РФ, соответствующего образования и уровня квалификации. Личностные данные эксперта положениями закона не закреплены. Экспертно-квалификационными комиссиями принимается решение о наличии у соответствующего эксперта права самостоятельного производства судебной экспертизы.

Необходимо отметить, что требование, касающееся гражданства, препятствует работе экспертов в иракской судебной сфере. Оно вызывает трудности в работе суда особенно в тех случаях, когда отсутствуют необходимые специалисты на территории Ирака (например, в области нанотехнологий и иностранных инвестиций), и требуется привлечение иностранного эксперта. Также законодательство Ирака пренебрегло требованием к эксперту о наличии у него определенного периода практики в соответствующей научной (технической) области, свидетельствующей об уровне его подготовки как специалиста. Заключение эксперта является доказательством, которое подлежит оценке судом [9, с. 9]. При этом ученые-правоведы отмечают, что иракский суд вправе принять во внимание только часть заключения эксперта, в котором он убежден.

Рассматривая уголовное судопроизводство в России необходимо отметить, что заключения экспертов, полученные в ходе предварительного расследования,

судом используются, как правило, в качестве неоспоримого доказательства («научный приговор»). Компетентность экспертов и правильность выводов судебно-медицинских экспертиз, зачастую, не вызывают сомнений у суда. Однако в практике встречаются случаи неполноты заключений эксперта, что обычно восполняется путем допроса в судебном заседании непосредственно эксперта (этот допрос является продолжением экспертизы) и, в редких случаях, назначением дополнительной экспертизы. Также следует обратить внимание, что сформировалась позиция судов, согласно которой ознакомление обвиняемого с постановлениями о назначении экспертиз после их проведения, не является существенным нарушением уголовно-процессуального закона, не влечет за собой нарушение права обвиняемого (подсудимого) на защиту. Все это свидетельствует о необходимости дополнительной законодательной доработки положений ст. 198 УПК РФ.

Определяя роль и место судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, необходимо обратиться к положениям Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», согласно которого судебная экспертиза определена как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом судом, судьей, органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Производство судебной экспертизы позволяет правильно определить уголовно-правовую квалификацию преступного деяния. Например, по преступлениям в сфере незаконного оборота наркотических средств, против жизни и здоровья и т. д. Так, апелляционным определением Красноярского краевого суда от 25.10.2018 г. был отменен приговор, которым лицо было осуждено по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ, материалы уголовного дела направлены на новое рассмотрение, поскольку по делу не была проведена судебно-медицинская экспертиза для проверки всех обстоятельств, что могло повлиять на квалификацию совершенного преступления [10]. Также нельзя оставлять без внимания необходимость проведения экспертизы в рамках уголовного дела для определения вменяемости обвиняемого (подозреваемого). Если обратиться к анализу судебной практики Красноярского края, оставление без внимания судом психического состояния подсудимого являлось неоднократным основанием для отмены судом апелляционной и кассационной инстанции приговора, постановленного в особом порядке [11].

Вполне обоснованно разъяснение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» о необходимости наиболее полного использования достижений науки и техники в целях

всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Значение судебной экспертизы в рамках уголовного судопроизводства России и Ирака представляет важное значение во всех случаях, когда для разрешения возникших в ходе судебного разбирательства вопросов требуется проведение исследования с использованием специальных знаний. В настоящий период времени все больше преступлений совершается в области компьютерных технологий, информационной безопасности и т. п. Поэтому очень важно совершенствовать производство судебной экспертизы, внедрять новые технологии и методы экспертного исследования.

Список использованных источников:

1. Джамал Аль-Килани. Доказательства определяются как: установление доказательств в суде в соответствии с методами, установленными законом, для существования инцидента правовые последствия. Свидетельство осмотра и экспертизы в области юриспруденции и права [Электронный ресурс] / Джамал Аль-Килани // Университетский научно-исследовательский журнал по гуманитарным наукам. – 2002. –Т. 16, № 1. – С. 267. URL: https://journals.najah.edu/media/journals/full_texts/proof-through-checking-and-expertise-fiqh-and-law.pdf

2. Али Авад Хассан. Экспертизы работы по гражданским и уголовным делам [Электронный ресурс] / Али Авад Хассан – Александрия: Дар Аль-Фикр Аль-Джамиа, 2002, С.7. URL: https://pmb.univ-saida.dz/budspopac/index.php?lvl=notice_display&id=7109

3. Али аль-Хадиди. Эксперты работы по гражданским и коммерческим вопросам [Электронный ресурс] / Али аль-Хадиди – Мансура: Дар ан-Нахда, 1993. – С. 9. URL: https://books.google.ru/books/about/الم_المسائل_في_الخبرة.html?id=LZDGQgAACAAJ&redir_esc=y

4. Абдель Салам Бухуш. Дисциплинарная ответственность судебного эксперта(сравнительное исследование) [Электронный ресурс] / Абдель Салам Бухуш // Опубликовано в Интернете исследование. – 2017. – С. 83. /URL: <https://www.cnej.ma/actualite/18/fiche>

5. Ахмед Сайед Махмуд. Процедурная система судебного эксперта по гражданским и коммерческим статьям в соответствии с египетским и кувейтским законами [Электронный ресурс] / Ахмед Сайед Махмуд // Большой журнал, Юридический книжный дом. – 2007. – С. 138. URL: https://books.google.ru/books/about/للخبر_الإجرائي_النظام.html?id=GrevPgAACAAJ&redir_esc=y

6. Абдель Насер Мухаммад Шнайюр. Свидетельство по эксперте между исламской судебной системой и международным правом и его современными приложениями (сравнительное исследование) [Электронный ресурс] / Абдель Насер Мухаммад Шнайюр. – Первое издание, Джордан, Дар аль-Нафеес для публикации и распространения, 2005. – С. 58. URL: https://books.google.ru/books/about/بين_بالخبرة_الثبات_.html?id=ila4cQAACAAJ&redir_esc=y

7. Омар Имад Абдель Монеим. Эксперт по гражданским и коммерческим материалам [Электронный ресурс] / Омар Имад Абдель Монеим. 2017. – С. 3./ URL: <http://www.nufooz.com/ar/media/get/other/>

8. Закон экспертов перед судебной системой № 163 // Иракский информационный бюллетень. – 1964. – № 1029. – часть 1. – 8 с. – URL: <http://iraql.d.hjc.iq:8080/LoadLawBook.aspx?page=1&SC=&BookID=7189>

9. Назих Наим Шалал. Статусы экспертизы и экспертов. Сравнительное исследование через юриспруденцию, усердие и юридические тексты [Электронный ресурс] / Назих Наим Шалал – Первое издание, Бейрут, правовое публикации «Аль-Халаби», 2005. – С 81. – URL:<http://www.philadelphia.edu.jo/newlibrary/2014-11-24-13-12-11/580-2014-11-23-15-59-31/91051-61872>

10. Судебное делопроизводство Красноярского краевого суда[Электронный ресурс] / URL : https://kraevoy--krk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=9342919&case_uid=02227348-d892-4e67-a3b6-3ae68c3f8d89&delo_id=4&new=4

11. Справки, обзоры судебной практики Красноярского краевого суда [Электронный ресурс] / URL: http://kraevoy.krk.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&rid=4

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ВЕДОМСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ И ЕГО ВЗАИМООТНОШЕНИЕ С ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬЮ СЛЕДОВАТЕЛЯ

© С.А. Алексеев

Научный руководитель: А.Д. Назаров

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Уголовное судопроизводство, а именно стадия предварительного расследования, наделена одним очень существенным отличием от гражданского, арбитражного и иных судопроизводств – это имеющееся у органов полномочие в определенных случаях ограничивать фундаментальные права и свободы, предусмотренные

Конституцией, например, право на неприкосновенность жилища, тайну переписки и т. д. Разумеется, при таком количестве законных возможностей вмешиваться в нормальный порядок реализации декларированных прав и свобод, есть риск, что следователи, начнут неправильно их использовать, и, что еще хуже – будут ими злоупотреблять. Отсюда возникает необходимость в осуществлении контроля, надзора над следователем, для того чтобы он как можно меньше совершал ошибок при производстве следствия, вел его более корректно и профессионально. Не будем забывать, что следователь является человеком, и ему свойственно ошибаться как и всем нам. К сожалению, при осуществлении контроля, который мы рассмотрим далее, теряется как таковая самостоятельность следователя при производстве следствия. То есть, мы видим несоответствие положений УПК РФ о процессуальной самостоятельности следователя с тем, что происходит на практике. В этой работе мы рассмотрим только один вид процессуального контроля – контроль руководителя следственного органа над следователем, или как его еще называют – ведомственный контроль.

А. Д. Назаров определяет момент возникновения ведомственного процессуального контроля, осуществляемого начальником следственного отдела, с 60-х годов прошлого столетия [7, с. 113]. Связано это, в первую очередь, с принятием УПК РСФСР 1960 года. Именно в нем на тогда еще начальника следственного отдела возлагался ведомственный контроль над действиями следователей, связанными с раскрытием и расследованием преступления [4, с. 3]. В дальнейшем с принятием УПК РФ данная фигура сохранилась, и помимо изменения названия на руководителя следственного органа приобрела некоторые дополнительные полномочия в отличие от своего «предшественника».

В соответствии со статьей 5 УПК РФ, руководитель следственного органа это – должностное лицо, возглавляющее соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель [1, с. 5]. Полномочия руководителя следственного органа перечислены в статье 39 УПК РФ и к таковым относятся: поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю с обязательным указанием оснований такой передачи, создавать следственную группу, изменять ее состав либо принимать уголовное дело к своему производству; проверять материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя и т. д. Мы сделали вывод, что самыми часто встречающимися контрольными полномочиями являются: поручать производство предварительного следствия следователю либо нескольким следователям, изымать уголовное дело у следователя и передавать его другому следователю, отменять незаконные или

необоснованные постановления следователя [1, с. 39].

Исходя из смысла закона, руководитель следственного органа обладает обширным объемом полномочий по контролю за следователем, однако сам контроль необходимо делить на 2 категории: процессуальный контроль – то есть тот контроль, который регламентирован УПК, и иной «внепроцессуальный» контроль, в том числе тот, который выходит за рамки регулирования закона и заключается в наличии авторитета у руководителя следственного органа перед следователем за счет, в первую очередь, его более высокой («вышестоящей») должности. Непроцессуальными (не предусмотренными УПК РФ) являются также административные полномочия (административный контроль) руководителя следственного органа. А все вместе – процессуальный, непроцессуальный и административный контроль – и есть ведомственный контроль.

В ситуациях, предусмотренных УПК РФ, мы не увидим отсутствия самостоятельности следователя, так как существует институт обжалования решения руководителя следственного органа. Данные решения могут быть обжалованы руководителю вышестоящего следственного органа, однако на деле все обстоит иначе. Во-первых, само обжалование не приостанавливает исполнения данных указаний за исключением случаев, когда указания касаются изъятия уголовного дела и передачи его другому следователю, привлечения лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления, объема обвинения, избрания меры пресечения, производства следственных действий, которые допускаются только по судебному решению, а также направления дела в суд или его прекращения.

А во-вторых, нужно иметь характер и смелость, чтобы обжаловать решение своего руководителя: не каждый следователь сможет работать после такого обжалования под начальством того же руководителя. Поэтому большинство следователей (в первую очередь – молодых) не будут заниматься сутяжничеством, потому что это, во-первых, может не увенчаться успехом (этот исход наиболее вероятен), а во-вторых, может повлечь серьезные последствия для отношений между следователем и его руководителем. Данный вывод подтверждается статистикой.

Профессором С. А. Шейфером и его коллегами был проведен опрос по поводу обжалования следователями решения руководителя следственного органа вышестоящему прокурору (ст. ст. 30 и 38 УПК РФ). Оказалось, что 81,1 % следователей не знакомы с данной практикой, 11,9 % знали только о единичном случае такого обжалования, 6,3 % сказали о 2 и более случаях, и только 0,3 % рассказали о 5 случаях такого обжалования [2, С. 60]. Можно сказать, что институт обжалования решения руководителя следственного органа не очень развит и востребован на практике.

Не стоит думать, что руководитель следственного органа не должен участвовать в решении процессуальных вопросов, стоящих перед следователем и осуществлять только административно-хозяйственные полномочия, о чем говорил И. В. Чернышев, который придерживается мнения о необходимости снижения полномочий и функций руководителя следственного органа, сведя их к функциям административно-хозяйственным, предлагая дать следователю возможность самому решать вопросы о сроках предварительного следствия, полноте и объеме следственных действий, а вопросы, связанные со следственными действиями, которые затрагивают конституционные права и свободы человека, решать через суд самостоятельно без вмешательства руководителя следственного органа [8, с. 8-10].

Мы с этим мнением не согласны, так как руководитель следственного органа является более опытным специалистом в предварительном следствии – можно сказать, что выступает наставником для следователя, помогая ему принимать те или иные решения. Но нельзя допустить того, чтобы подобное наставничество приводило к полному руководству следствием вместо следователя. Конечно, не все решения следователь принимает только с согласия руководителя. Существуют и те решения, которые он принимает самостоятельно. Это могут быть решения о времени допроса, очной ставки и других следственных и иных процессуальных действий; выборе места проведения этих действий и другие организационные вопросы. Во всем остальном работа следователя ведомственно контролируется

Таким образом, на данный момент мы видим ситуацию симбиоза «следователь–руководитель следственного органа», в котором следователь субординационно подчиняется решениям последнего, а поэтому говорить о процессуальной самостоятельности следователя приходится с определенной долей условности.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : фед. закон от 18.12.2001 №174-ФЗ в ред. 01.04.2019 . // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
2. Быков В. М. О процессуальной самостоятельности следователя в Российском уголовном процессе / В. М. Быков // Российская юстиция. – 2017. – № 8. С. 59–61.
3. Венеев Д. А. Независимость следователя: реальность или фикция? / Д. А. Венеев // Российский следователь. – 2016. – № 9. С. 10–12.
4. Муцалаханов М. М. Процессуальный контроль руководителя следственного органа за законностью выполнения следователем процессуальных обязанностей / М. М. Муцалханов // Юрист-Правоведь. – 2013. – № 1. С. 46.

5. Манова Н. А. Становление института ведомственного руководства за деятельностью следователя в Российском уголовном процессе (уставы уголовного судопроизводства и действующее законодательство) / Н. А. Манова // Legal Concept. – 2015. – № 1. – С. 34–40.

6. Минаева С. А. К вопросу процессуального контроля руководителя следственного органа в стадии возбуждения дела / С. А. Минаева // Труды академии управления МВД России. – 2013. – № 3. С. 122–125.

7. Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса: учебное пособие / А. Д. Назаров. – Красноярск, 2000. 245 с.

8. Чернышев И. В. Вопросы независимости следователя в ходе предварительного следствия / И. В. Чернышев // Российский следователь. – 2013. – № 6. С. 8–10.

ПРАВО НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ПОЧТОВЫХ, ТЕЛЕГРАФНЫХ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ В СВЕТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕСПЧ

© А.В. Баженов

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений закреплено в п. 1 ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция), устанавливающей право каждого на уважение личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции. Изъятие из этого права допустимо при наличии трёх обстоятельств. Такое изъятие должно быть 1) предусмотрено законом; 2) необходимым в демократическом обществе; 3) преследовать защиту публичного интереса (национальная безопасность, общественный порядок, экономическое благосостояние страны, предотвращение беспорядков или преступлений, охрана здоровья или нравственности, защита прав и свобод других лиц) [1]. Несоблюдение хотя бы одного из названных критериев является основанием для признания вмешательства со стороны публичной власти. Так, в деле «Анатолий Тарасов против России» Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) применил указанные критерии, посчитав нарушением права на уважение корреспонденции осуществлённое сотрудницей исправительной колонии вскрытие письма и изъятие части приложенных материалов, направленных секретариатом ЕСПЧ [10]. Такое вмешательство прямо запрещено УПК РФ, а, следовательно, в установлении других критериев не было необходимости.

Аналогичную позицию суд занял в деле «Быков против России», указав, что вмешательство в право заявителя на уважение его личной жизни не было «предусмотрено законом», и потому не требуется определять, было ли оно необходимым в демократическом обществе для защиты одной из публичных целей. По обстоятельствам дела сотрудниками милиции в отношении заявителя были осуществлены прослушивание и запись переговоров с использованием радиопередающего устройства. По мнению российских властей, проведение указанных действия в рамках оперативного эксперимента не требовало получения судебного разрешения в силу того, что такой вид прослушивания в отличие от прослушивания телефонных переговоров не предусмотрен в абзаце 2 ч. 1 ст. 8 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон об ОРД). В свою очередь, ЕСПЧ указал, что критерий «предусмотрено законом» означает не только соответствие национальному закону, но прежде всего, затрагивает качество закона, в котором должны быть адекватно отражены обстоятельства и условия, при которых публичные органы вправе прибегнуть к негласным операциям [3]. С учетом природы и степени вмешательства суд заключил, что прослушивание переговоров с помощью радиопередатчика было идентично прослушиванию телефонных разговоров.

Как видно, ЕСПЧ очень широко толкует положения ст. 8 в части «уважения личной жизни» и «уважения корреспонденции». Так, в деле «Магомедов против России» суд признал, что нарушением ст. 8 является также непредоставление доступа к решению суда, санкционировавшего прослушивание и запись телефонных переговоров в рамках уголовного дела в связи с несоблюдением баланса интересов обвиняемого и государственного органа обвинения [8]. В другом деле заявителя узнали о проведении прослушивания в ходе уголовного разбирательства, когда перехваченный материал был использован в качестве доказательства. Суд указал, что непредоставление копии судебного решения санкционировавшего прослушку телефонных переговоров представляет собой нарушение права на уважение корреспонденции по смыслу Конвенции, поскольку властями не доказано, что вмешательство было необходимым в демократическом обществе и пропорциональным [6]. В деле «Моисеев против России» ЕСПЧ отметил, что сфера применения ст. 8 распространяется и на случаи цензуры корреспонденции лиц, находящихся в СИЗО [9]. Нарушением Конвенции признается такая цензура переписки, при которой не определены пределы усмотрения, способы его реализации, отсутствует разграничение корреспонденции на категории, а также меры правовой защиты от произвольного вмешательства государства.

Право на уважение корреспонденции считается нарушенным и в случае, когда законодательство в области скрытых оперативно-розыскных мер не отвечает

минимальным гарантиям. Так, в делах «Класс и другие против Германии» [7], «Вебер и Саравия против Германии» [3], «Кеннеди против Соединённого королевства» [4] ЕСПЧ признал, что законодательство Германии и Великобритании в этой области содержат минимальные гарантии: отражён характер правонарушений, приводящий к вынесению санкции о прослушивании переговоров; определены категории лиц, подвергаемых прослушиванию и предел его продолжительности; установлены порядок изучения, использования и хранения полученных сведений; меры предосторожности, которые необходимо предпринимать при передаче информации другим сторонам; а также обстоятельства, при которых такие записи могут или должны быть стерты.

В отношении России указанная правовая позиция использована в деле «Роман Захаров против Российской Федерации», в котором заявитель оспаривал возможность прослушивания ФСБ России телефонных переговоров без предварительного судебного разрешения [5]. ЕСПЧ отметил несоответствие российского законодательства критериям, выработанным в его практике, а также указал ключевые проблемы в правовом регулировании, повлиявшие на признание нарушения конвенции. Так, Закон об ОРД не содержит обстоятельства, при которых допустимо прослушивание телефонных переговоров в целях предотвращения угрозы публичным интересам, а также не предусматривает основания прекращения такой меры. По мнению судей ЕСПЧ, законодательством не предусмотрена процедура записи и учета прослушиваемой информации, вследствие чего невозможно установить факт внесудебного проведения прослушивания. Наряду с этим отсутствуют гарантии уведомления прослушиваемого лица после прекращения оперативно-розыскного мероприятия и эффективная возможность получения информации о прослушивании, не предусмотрены и меры против скрытого наблюдения в тех случаях, когда уголовное дело не было возбуждено в отношении прослушиваемого лица. Обращая внимание на необходимость надзора за разрешением на прослушивание, суд отметил, что ни УПК РФ, ни Закон об ОРД не обязывают судей убедиться в наличии «обоснованного подозрения» или применения проверки «необходимости» и «пропорциональности». Российские суды не уведомляются о результатах прослушивания, не осуществляют надзор за соблюдением требований решения о прослушивании. Тем самым ЕСПЧ не только признал нарушение ст. 8 Конвенции, но и указал на системные проблемы российского законодательства.

Анализ практики ЕСПЧ в части права на уважение корреспонденции свидетельствует о широкой сфере применения положений Конвенции в сфере уголовно-процессуальных отношений, а также о путях совершенствования национального законодательства в области защиты прав человека при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий.

Список использованных источников:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 с изм. от 13.05.2004 // КонсультантПлюс: справ.-прав. система. URL: <http://www.consultant.ru>.
2. Постановление ЕСПЧ от 18.02.2010 по делу «Быков против Российской Федерации» [Tarasov v. Russian Federation]. Жалоба № 3950/02.
3. Постановление ЕСПЧ от 29.06.2006 по делу «Вебер и Саравия против Российской Федерации» [Weber and Saravia v Germany]. Жалоба №54934/00.
4. Постановление ЕСПЧ от 18.05.2010 по делу «Кеннеди против Соединенного Королевства» [Kennedy v. United Kingdom]. Жалоба № 26839/05.
5. Постановление ЕСПЧ по делу «Захаров против Российской Федерации» [Zakharov v. Russian Federation]. Жалоба №676/09.
6. Постановление ЕСПЧ от 07.11.2017 по делу «Зубков и другие против Российской Федерации» [Zubkov and others v. Russian Federation]. Жалоба №29431/05.
7. Постановление ЕСПЧ от 06.09.1978 по делу «Класс и другие против Германии» [Klass and others v. Germany]. Жалоба № 5029/71.
8. Постановление ЕСПЧ от 20.12.2016 по делу «Магомедов против Российской Федерации» [Magomedov v. Russian Federation]. Жалоба № 20933/08.
9. Постановление ЕСПЧ от 09.10.2008 по делу «Моисеев против Российской Федерации» [Moiseyev v. Russian Federation]. Жалоба № 62936/00.
10. Постановление ЕСПЧ от 10.03.2009 по делу «Тарасов против Российской Федерации» [Vykov v. Russian Federation]. Жалоба № 4378/02.

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОДОЗРЕВАЕМОМУ И ОБВИНЯЕМОМУ ПРАВА НА ЗАЩИТУ
В СВЕТЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ ЕСПЧ**

© Р.Е. Бореева, А.В. Пастущик

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Принцип обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту тесно связан с важнейшими демократическими ценностями, является необходимым условием справедливого правосудия.[11] Свое закрепление данный принцип находит прежде всего в Конвенции о защите прав человека и основных

свобод 1950 г.(далее – Конвенция), Конституции РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК). При реализации принципа должны учитываться правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и практика Европейского Суда по правам человека.

Конвенция излагает наиболее полное содержание принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту в рамках права на справедливое судебное разбирательство. В соответствии с пп.(с) п.3 ст.6 Конвенции, каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет право защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для платы услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия.[1] Если в Конвенции указано на то, что такое право возникает только у обвиняемого, то ст.16 и 47 УПК говорят, что использование данного права возможно и на других стадиях уголовного судопроизводства.[13] Здесь же представляется необходимым отметить положение ст.48 Конституции РФ о том, что каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении уголовного преступления вправе обратиться за помощью адвоката (защитника) непосредственно с момента задержания, заключения под стражу, либо с момента предъявления соответствующего обвинения.[2] Соответственно, правом на защиту можно воспользоваться на разных стадиях уголовного судопроизводства. Более того, практика ЕСПЧ показывает, что сам суд не толкует пп.с п.3 ст.6 Конвенции буквально. В Постановлении по делу “Пищальников против РФ” [8] ЕСПЧ придерживается такой позиции, что неоказание юридической помощи лицу на начальных стадиях затрагивает право на защиту такого лица и оказывает влияние на справедливость судебного разбирательства.

Традиционно в доктрине выделяют пять составляющих принципа, исходя из его формулировки, представленной в пп.(с) п.3 ст.6 Конвенции [1] : право защищать себя лично; право защищать себя посредством выбранного защитника; обязанность государства назначить защитника, когда того требуют интересы правосудия; право на пользоваться услугами назначенного защитника бесплатно в случае недостатка средств на его оплату; предоставление подозреваемому (обвиняемому) и его защитнику достаточных возможностей для осуществления защиты.[12] ЕСПЧ выделяет внутри этих признаков отдельные аспекты, которые наиболее часто подвергаются нарушениям либо неверному толкованию.

ЕСПЧ обращает внимание на то, что право защищать себя лично предполагает обладание лицом пониманием сути конкретного судебного разбирательства. ЕСПЧ отмечает, что реализация данного права должна быть эффективной. Лицо может выразить свою позицию, сообщить факты, на которых основывается его защита. В деле “Тимергалиев против РФ” заявитель обладал слабым слухом и не

был обеспечен слуховым аппаратом, вследствие чего не мог полноценно слышать и понимать происходящее.[9] ЕСПЧ указал, что право обвиняемого на эффективное участие в суде включает в себя не только право быть представленным, но также и право слышать и следовать за ходом процесса. Это подразумевается составительностью процесса и гарантиями пп. (с) п.3 ст.6 Конвенции.[2]

Если лицо не желает защищать себя лично, то оно имеет право воспользоваться услугами выбранного им самим или назначенного государством защитника.

Необходимо обратить внимание, что право воспользоваться услугами выбранного им самим защитника небезотносительно. Выбор личности защитника может быть ограничен, если того требуют интересы правосудия. Для иллюстрации данного положения обратимся к делу “Майзит против РФ”. [5] Суд первой инстанции отклонил ходатайство о привлечении в качестве защитников матери и сестры обвиняемого, обосновав это тем, что из-за неудовлетворительного состояния здоровья и профессиональной занятости мать и сестра не смогли бы в эффективно участвовать в судебных заседаниях. ЕСПЧ согласился, что такие усмотрения имели большее значение, чем воля заявителя, а, соответственно, имели место быть в данном случае.

26 июня 2008 г. ЕСПЧ было вынесено постановление по делу «Шулепов против РФ». [10] Согласно обстоятельствам дела Шулепов, обвиняемый в убийстве и краже, не был представлен защитником в суде кассационной инстанции. Суд установил, что на всех стадиях судопроизводства обвиняемый должен быть обеспечен защитником, даже если он знал, что нужно было заявить об его участии и не сделал этого. Шулепов не отказывался от защитника, а значит суд должен был сам предоставить его. На это же ЕСПЧ позднее указал в постановлении по делу “Мисюкевич против РФ”. [6] В соответствии с п.5 ч.1 ст.51 УПК РФ, если лицо обвиняется в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок свыше пятнадцати лет лишения свободы, то участие защитника в уголовном судопроизводстве является обязательным.[3] Также в этом постановлении ЕСПЧ формулирует критерии для определения необходимости назначения защитника: сложность конкретного дела, тяжесть наказания, способность обвиняемого адекватно воспринимать без защитника обстоятельства дела и уголовно-процессуальных действий.

В постановлении “Круассан (Croissant) против Германии” ЕСПЧ указывает на такой важный аспект, как бесплатность назначения защитника.[4] Центральными при решении данного вопроса выступают интересы правосудия. Учет мнения самого лица, которому назначается защитник, имеет значение, поскольку после вынесения приговора государство имеет право взыскать с осужденного расходы, понесенные на обеспечение защиты.

Возможности или условия для обеспечения реализации эффективной правовой защиты должны быть достаточными. К такому выводу приходит ЕСПЧ в постановлении по делу «Моисеев против РФ».[7] В соответствии с обстоятельствами дела, адвокаты подсудимого Моисеева могли контактировать с ним только тогда, когда орган, в котором находилось дело, выдавал специальное разрешение только на одну беседу. В ст. 18 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» говорится, что разрешения на свидания могут выдаваться только родственникам, про адвокатов ничего не сказано.[3] Для предоставления свидания с защитником достаточно предъявления удостоверения и ордера. Стоит отметить, что следственный изолятор находился в ведении органа, осуществлявшего расследование, тем самым следствие всегда было «на шаг впереди». Адвокат не мог беспрепятственно общаться с клиентом, его помощь неэффективна.

Право на защиту рассматривается ЕСПЧ вместе с правом на справедливое судебное разбирательство. В это право по его представлению должны включаться: право лица знать, в чем оно обвиняется; ему должно быть предоставлено время для подготовки защиты; своевременное и строго конфиденциальное общение подзащитного и адвоката; право на доступ к материалам уголовного дела. Вопрос нарушения права на защиту по каждому делу изучается в аспекте общего права на справедливое судебное разбирательство в совокупности с обстоятельствами дела и особенностями личности подозреваемого (обвиняемого). В решениях ЕСПЧ можно увидеть, что это право должно обеспечиваться не формально, а реально и эффективно.

Список использованных источников:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru>.
2. Конституция Российской Федерации [Текст]. – М : Проспект, 2019. – 39 с.
3. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15.07.1995 г. № 103-ФЗ [Текст]. – СЗ РФ, 2019. – № 40. – ст. 5488.
4. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25.09.1992 г. “Круассан (Croissant) против Германии” по жалобе № 13611/88 // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru>.
5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 20.01.2005 г. “Майзит против РФ” по жалобе № 63378/00 // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru>.

6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 30.04.2015 г. «Мисюкевич против РФ» по жалобе № 63053/09 // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru>.

7. Постановление Европейского Суда по правам человека от 09.10.2008 г. «Моисеев против РФ» по жалобе № 62936/00 // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru>.

8. Постановление Европейского Суда по правам человека от 24.09.2009 г. «Пищальников против РФ» по жалобе № 7025/04 // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru>.

9. Постановление Европейского Суда по правам человека от 14.10.2008 г. «Тимергалиев против РФ» по жалобе № 40631/02 // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru>.

10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 26.06.2008 г. «Шулепов против РФ» по жалобе № 15435/03 // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru>.

11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru>.

12. Трубникова, Т. В. Право на справедливое судебное разбирательство правовые позиции Европейского Суда по правам человека и их реализация в уголовном процессе Российской Федерации: Учеб. пособие. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. – 296 с.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ [Текст]. – М : Проспект, 2019. – 384 с.

**ПРАВОМЕРНОСТЬ ОТНЕСЕНИЯ ПРЕДНАМЕРЕННЫХ НЕЗАКОННЫХ ДЕЙСТВИЙ
ЛИЦА, ВЕДУЩЕГО РАССЛЕДОВАНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ,
К СЛЕДСТВЕННЫМ ОШИБКАМ**

© Н.В. Борисенков

Научный руководитель: А.Д. Назаров

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Любую деятельность человека сопровождают ошибки. При этом, чем сложнее и разностороннее его деятельность, тем выше риск допустить ту или иную ошибку. Деятельность человека в сфере юриспруденции не только одна из

древнейших в истории, но и одна из самых трудных и неоднозначных. Возможность разного толкования одной и той же правовой нормы порождает немалое количество ошибок в деятельности юристов. Но наиболее тяжкие последствия допущения ошибки наступают при их совершении в области предварительного расследования, поскольку на кону стоят судьбы людей, вовлеченных в производство по уголовному делу.

В юридической науке выработано некоторое количество определений понятия «следственная ошибка».

Так, например, коллективом авторов НИИ Генеральной прокуратуры РФ дано следующее определение следственным ошибкам – «незаконные и необоснованные действия следователя по привлечению к уголовной ответственности и заключению под стражу граждан, приостановлению, прекращению, передаче прокурору с обвинительным заключением для направления в суд уголовных дел, которые по ошибочному представлению следователя являлись правомерными и якобы были направлены на обеспечение задач уголовного судопроизводства» [1, с. 7–8].

А. Д. Бойков в качестве следственной ошибки понимает «любое незаконное или необоснованное решение, вызванное неправильным действием или бездействием» [2, с. 14–15]. А. Д. Назаров определяет их как «ошибки, допущенные должностными лицами, производящими предварительное расследование по уголовным делам – следователями, лицами, производящими дознание, и приравненными к процессуальному статусу указанных лиц иными должностными лицами, ведущими уголовный процесс» [3, с. 9]. При этом автором критикуется позиция В. И. Власова, который считает, что следственные ошибки – «это любые непреднамеренные нарушения закона, недостатки и упущения, допущенные при возбуждении уголовных дел, всякая неправильность в процессуальной деятельности, в том числе и мыслительном процессе компетентного лица, носителя соответствующих прав и обязанностей» [4, с. 63].

А. Д. Назаров указывает, что «приведенное выше определение не включает в себя, к примеру, преднамеренных, но не преступных нарушений следователем законов, что также в конечном итоге приводит к следственным ошибкам» [5, с. 11].

Из вышеуказанных определений видно, что авторы из НИИ Генеральной прокуратуры РФ и В. И. Власов сходятся во мнении, что под следственной ошибкой может пониматься результат незаконных действий следователя только при условии отсутствия преднамеренности.

В свою очередь позиции А. Д. Назарова, и А. Д. Бойкова сходятся в том, что это любые незаконные действия лица, ведущего предварительное расследование, в т. ч. и преднамеренные.

Сравним две вышеуказанные позиции с точки зрения соответствия этимологии слова «ошибка».

Так, французский философ Андре Конт-Спонвиль в своей работе «Философский словарь» указывает: «Свойство ошибки в том, что ее принимают за истину. Именно этим ошибка отличается от лжи (мы можем понять, что нам лгут, но не в состоянии понять, что сами ошибаемся). Поэтому ошибка всегда бывает невольной. Ошибка – это не просто ложная идея, это ложная идея, принимаемая за истинную» [6, с. 411].

В толковом словаре русского языка под редакцией Ю. В.Алабугиной ошибка определяется как «неправильность в какой-нибудь работе, суждении, поступке; оплошность, просчёт, погрешность» [7, с. 330]. Как видно из указанного определения, для более полного понимания сущности ошибки приводятся синонимы – «оплошность, просчёт, погрешность» которые, несомненно, имеют случайную или непреднамеренную природу.

Более того, чтобы избежать «авторских фильтров» при определении понятия «ошибка», обратимся к народной мудрости, которая как никто другой сможет передать истинный и изначальный смысл слова «ошибка».

«Ошибка в фальшь не ставится – ошибка не считается преднамеренным обманом» [8, с. 223].

Таким образом, становится ясно, что все-таки в понимание ошибки некорректно включать преднамеренные неправильные действия лица, в т. ч. и действия должностного лица, ведущего расследование по уголовному делу.

Правильное определение данного понятия чрезвычайно важно на практике, поскольку это имеет ключевое значение в виде тех последствий, которые ожидают следователя за его незаконные действия в процессе производства по уголовному делу.

Как известно, взыскание или наказание, будь то дисциплинарное, административное или уголовное, строго варьируется от формы вины – умышленной или неосторожной. Форма вины в виде неосторожности считается менее опасной формой девиантного поведения субъекта по причине «порока» интеллектуального или волевого признака умысла.

Ошибка в случае с предварительным расследованием, несомненно, связана с заблуждением следователя относительно правильности и законности производимых им действий.

Автором статьи предлагается введение в юридическую науку нового термина – «следственное нарушение», которые бы определялись как преднамеренное (умышленное) действие должностного лица, ведущего предварительное расследование по уголовному делу, направленное на отступление от предписанного

законом правила поведения такого субъекта при производстве по уголовному делу.

Разведение понятий «следственная ошибка» и «следственное нарушение» позволит более детально сфокусироваться на природе каждого из указанных явлений, и разработать комплекс идей и мер, направленных на борьбу с данными порочными явлениями уголовной процессуальной практики.

Список использованных источников:

1. Исаенко В. Н., Исмакаев Л. П., Лазарева В. А., Лет А. А., Махов В. Н., Радутная К. С., Соловьев А. Б., Токарева М. Е., Шейфер С. А. Характер, причины и способы устранения ошибок в стадии предварительного следствия: Методическое пособие, Изд-во ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, Москва, 1991. – 69 с.

2. Бойков А. Д. Вопросы укрепления законности и повышения эффективности уголовного судопроизводства в свете решений XXVII съезда КПСС / А. Д. Бойко // Вопросы укрепления законности и устранения следственных ошибок в уголовном судопроизводстве: Сборник научных трудов. Москва, 1988. – 71 с.

3. Назаров А. Д. Следственные ошибки в досудебных стадиях уголовного процесса / А. Д. Назаров: Учебное пособие. Краснояр. гос.ун-т. Красноярск, 2000. – 256 с.

4. Власов В. И. Расследование преступлений. Проблемы качества / В. И. Власов, Изд-во Саратов. ун-та, 1988. – 199 с.

5. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 400 с.

6. Андре Конт-Спонвиль. Философский словарь, Изд-во Этерна, 2012. – 752 с.

7. Алабугина Ю. В. Толковый словарь русского языка / Ю. В. Алабугина, Изд-во АСТ, Москва, 2016. – 639 с.

8. Михельсон М. И. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов / М. И. Михельсон, Типография Императорской академии наук, Санкт-Петербург, 1896. – 598 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© А.О. Гантман

Научный руководитель: Т.К. Бойко

Тульский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

Уголовно-процессуальная деятельность в российском уголовном процессе начинается со стадии возбуждения уголовного дела. Однако между множеством ученых, правоведов, юристов ведется оживленная дискуссия по поводу необходимости данной стадии в уголовном процессе Российской Федерации.

Для начала необходимо понять, что из себя представляет стадия возбуждения уголовного дела. Стадия возбуждения уголовного дела – это предназначенная для установления признаков преступления или обстоятельств, исключающих производство по делу, уголовно-процессуальная деятельность уполномоченных субъектов по приему, регистрации и проверке информации о преступлениях, завершающаяся решением о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении уголовного дела [10].

Именно на данной стадии и определяется возможность начать производство по делу. Главными задачами стадии возбуждения уголовного дела являются установление признаков состава преступления или же обстоятельств, которые все исключают производство по делу.

Возбуждать уголовное дело могут: руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель. А вот прокурор не имеет права возбуждать уголовные дела или давать свое согласие на их возбуждение. Однако существует исключение. Такое согласие нужно, если идет речь о возбуждении дознавателем уголовного дела частного, а также частно-публичного обвинения, когда преступление совершено по отношению к лицу, которое не может защищать свои права и законные интересы в силу зависимого или же беспомощного состояния, а также по иным причинам.

Что касается поводов и основания для возбуждения уголовного дела, то они указаны в ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса РФ. К поводам относятся:

- 1) заявление о преступлении;
- 2) явка с повинной;
- 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников;

4) постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании.

Основание для возбуждения уголовного дела – наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления.

Разобравшись с основными понятиями и особенностями, представляется целесообразным перейти к рассмотрению спорного вопроса о необходимости существования в российском уголовном процессе такой стадии, как возбуждение уголовного дела.

А. П. Попов пишет: «Наделение этапа возбуждения уголовного дела статусом самостоятельной стадии уголовного процесса не имеет под собой теоретических (в том числе исторических и географических) и прагматических оснований» [8]. С. П. Сереброва считает, что стадия возбуждения уголовного дела – служебный, скользящий акт досудебного производства, т. е. вся суть данной стадии заключается только в вынесении постановления о возбуждении уголовного дела [9].

Л. М. Володина утверждает, что существование стадии возбуждения уголовного дела препятствует более оперативному проведению расследования преступления, а также влечет к утрате доказательств [4, с. 10]. Также В. Е. Гущев говорит о том, что с постепенным накоплением практики правоприменения становится все очевиднее впечатление о формальности возбуждения уголовного дела как самостоятельной стадии уголовного процесса [5, С. 160].

Ученые, которые являются сторонниками упразднения стадии возбуждения уголовного дела, аргументируют свою точку зрения в основном тем, что на данном этапе уголовного процесса происходят многочисленные нарушения закона. Такой довод вовсе не является обосновательным. Так, например, согласно данным статистической информации Генеральной Прокуратуры РФ за январь – декабрь 2019 года было отменено 14 022 постановлений следователей и дознавателей о возбуждении уголовного дела, а также 2 035 927 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела [1].

Причинами такой ситуации может служить множество факторов, однако главенствующей причиной таких нарушений большинство авторов признают недостаточное, а также несовершенное правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела [3, с. 99].

Также сторонники ликвидации данной стадии часто ссылаются на Дорожную карту дальнейшего реформирования органов внутренних дел РФ. В ней говорится о том, что возможно рассмотрение такой процессуальной модели, в которой по поступившему заявлению, сообщению о преступлении следователь, дознаватель, орган дознания начинают производство по уголовному делу. Фактически в ней

предлагается полностью отказаться от института возбуждения уголовного дела, трансформировав его в институт начала уголовного судопроизводства [6].

Однако все-таки большинство ученых, правоведов, юристов полагают, что стадия возбуждения уголовного дела является самодостаточной, полезной и необходимой стадией в российском уголовном процессе.

Она, можно сказать, ограждает все последующие этапы уголовного процесса от рассмотрения фактов, в реальности не существующих, или же тех фактов, которые не являются преступными [2, с. 160].

Такое значение стадии возбуждения уголовного дела многие ученые называют своеобразным «фильтром». Ведь именно данный этап позволяет не допустить в уголовное судопроизводство нарушения, которые не влекут уголовную ответственность и уголовное наказание. Также такая стадия помогает сосредоточить усилия государственных органов и должностных лиц на борьбе с преступлениями [7, с. 206].

О. В. Химичева считает, что упразднение такой стадии уголовного процесса, как возбуждение уголовного дела, не сможет решить проблему производства проверочных действий по поступившему сообщению, а приведет только к тому, что они окажутся за рамками уголовно-процессуального регулирования, вне уголовно-процессуальных гарантий [11].

Подводя итог вышеизложенному, можно сказать, что мнения ученых в вопросе самостоятельности стадии возбуждения уголовного дела в российском уголовном процессе достаточно сильно разнятся. Представляется целесообразным сказать, что данная стадия просто необходима современному процессу, поскольку именно она выполняет множество полезных функций, о которых было упомянуто выше. Исходя из доводов ученых, являющихся сторонниками упразднения стадии возбуждения уголовного дела, необходимо доработать и более четко регламентировать законодательное регулирование такой стадии. Нужно это для того, чтобы избежать в будущем различного рода ошибок в деятельности, а также еще более подробно аргументировать самостоятельность данной стадии.

Список использованных источников:

1. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. – Москва, 2020. – URL: <https://genproc.gov.ru/stat/data/1795898/>. – (дата обращения: 05.03.2020). – Текст электронный/
2. Бастрыкин, А. И. Уголовный процесс : учебник для бакалавриата и специалитета / А. И. Бастрыкин, А. А. Усачева. – Москва : Юрайт, 2018. – 468 с.

3. Богатова, Е. В. Стадия возбуждения уголовного дела в системе обеспечения прав человека / Е. В. Богатова // Вестник СГУОА. – 2014. № 4.

4. Володина, Л. М. Проблема регламентации возбуждения уголовного дела / Л. М. Володина // Библиотека криминалиста. – 2013. – № 4.

5. Гуцев, В. Е. Народное обвинение в уголовном суде : учебное пособие / В. Е. Гуцев, А. С. Александров. – Н. Новгород : Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1998. – 160 с.

6. Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации : Проект от 04.02.2013. – Текст : электронный // Российская газета. – URL: <https://rg.ru/2013/02/04/karta-mvd-site-dok.html>. – Загл. с титул. экрана. – (дата обращения: 10.03.2020).

7. Карнеева, Л. М. Советский уголовный процесс : учебник / Л. М. Карнеева, П. А. Лупинская, И. В. Тыричев. – Москва : Юридическая литература, 1980. – 558 с.

8. Попов, А. П. Непосредственное обнаружение признаков преступления как повод к возбуждению уголовного дела : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. П. Попов. – Н. Новгород, 1999. – 166 с.

9. Сереброва, С. П. Проблемы рационализации досудебного производства : специальность 12.00.09 «Уголовный процесс» : дис. ... канд. юрид. наук / С. П. Сереброва. – Н. Новгород, 1995. – 291 с.

10. Смирнов, А. В. Уголовный процесс / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский. – Текст : электронный // Сайт Константина Калиновского. – СПб. : Питер, 2005. – Загл. с титул. экрана. – URL: http://www.kalinovsky-k.narod.ru/p/krat_kurs/9-1.htm. – (дата обращения: 07.03.2020).

11. Химичева, О. В., Шаров, Д. В. Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один – отрежь / О. В. Химичева, Д. В. Шаров. – Текст : непосредственный // Вестник ННГУ. – 2017. – № 4.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДОВОДОВ О ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© А.Ю. Гаранжа

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Относительно недавно Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) было вынесено очередное постановление о приемлемости жалоб заявителей против Российской Федерации, в обосновании которого ЕСПЧ указал, что

неоднократно устанавливал нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [4] (далее – Европейская Конвенция) со стороны Российской Федерации по жалобам заявителей на провокацию преступления «в связи с недостатками существующей в Российской Федерации процедуры санкционирования и проведения проверочных закупок наркотических средств и в связи с неспособностью судов Российской Федерации надлежащим образом рассмотреть доводы заявителей о провокации» [3].

Для того, чтобы в действительности убедиться в том, насколько эффективно суды выполняют требования ЕСПЧ о проверке доводов о провокации преступления правоохранительными органами, необходимо на примере изучить аргументацию выводов судов о наличии либо отсутствии провокации преступления с точки зрения выполнения предъявляемых требований. В соответствии с данными требованиями суды должны проверить следующее: мотивы назначения мероприятия; степень причастности правоохранительных органов к преступлению, характер провокации, давления, которому подвергался заявитель; наличие информации, которая явилась основанием для проведения оперативно-розыскного мероприятия («до первого контакта между негласным сотрудником и подозреваемым») [5].

Постановлению от 22.02.2018 «Дело «Парамонов и другие (Paramonov and Others) против России» [2], в котором ЕСПЧ признал нарушением права на справедливое судебное разбирательство проведенную в отношении одного из заявителей Д.А. Болотникова полицейскую провокацию, предшествовали два решения российских судов, из содержания которых следует, что довод о провокации преступления судами проверен не был [8, 1].

В соответствии с Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 27.06.2018 № 87П18 о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств эти решения были отменены, а уголовное дело отправлено на новое судебное рассмотрение в тот же суд в ином составе суда [7].

Новое судебное рассмотрение по данному уголовному делу в отношении Д.А. Болотникова было завершено вынесением Фурмановским городским судом Ивановской области обвинительного приговора [9]. Суд признал Д.А. Болотникова виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, то есть в незаконном хранении без цели сбыта психотропного вещества в крупном размере. На предмет наличия основания проведения ОРМ «проверочная закупка» суд указал, что основанием явилась информация о приобретении неким Д. для дальнейшей реализации психотропного вещества, отраженная в Выписке из справки о встрече агента с Д. Относительно мотивов назначения ОРМ «проверочная закупка» суд пришел к выводу о мотивированности и законности

назначения ОРМ, отметив, что проверочная закупка проведена в целях проверки оперативной информации о причастности Д. к незаконному обороту психотропного вещества. По поводу степени причастности правоохранительных органов к преступлению суд сделал вывод о том, что обстоятельствами дела установлено, что инициатива передачи психотропного вещества Д.А. Болотниковым агенту правоохранительных органов исходила именно от агента и сопровождалась повторяющимися просьбами агента. Вследствие этого суд не мог квалифицировать действия лица как покушение на незаконный сбыт ввиду «отсутствия достаточной совокупности доказательств того, что умысел Д.А. Болотникова на сбыт имеющегося у него психотропного вещества возник не в результате действий сотрудников правоохранительных органов». Тем самым, суд рассмотрел довод о провокации преступления, используя все три критерия, выделяемые ЕСПЧ.

При этом суд всё же признал результаты ОРМ «проверочная закупка» допустимыми доказательствами, опроверг доводы стороны защиты как несостоятельные о совершенной в отношении Д.А. Болотникова провокации правоохранительными органами и обосновал новый обвинительный приговор теми же доказательствами, что и предыдущий, в числе которых были и результаты ОРМ «проверочная закупка».

Подобный вывод суда кажется несколько противоречивым, учитывая, что суд рассматривал причастность правоохранительных органов к совершению преступления и установил, что инициатива в передаче вещества исходила именно от агента и сопровождалась повторяющимися просьбами агента, и умысел у подсудимого в таком случае мог возникнуть в результате действий правоохранительных органов, на основании чего суд и сделал вывод о невозможности квалифицировать действия подсудимого как незаконный сбыт. Однако сомнений в законности проведения ОРМ «проверочная закупка» у суда почему-то не возникло, хотя в соответствии с абз. 5 ч. 8 ст. 5 Федерального закона от 12 августа 1995 года № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [5] органам запрещается побуждать, подстрекать к совершению противоправных действий в прямой или косвенной форме при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Тем не менее, суд на этом основании не подверг сомнению законность проведения ОРМ и обосновал свое решение доказательствами, в отношении которых существуют сомнения в их допустимости.

Кроме того, несмотря на то, что основанием для проведения ОРМ «проверочная закупка» явилась информация о приобретении неким Д. для дальнейшей реализации психотропного вещества, отраженная в Выписке из справки о встрече агента с Д., требования ЕСПЧ о надлежащей проверке довода о провокации в этой части выполнены не были. Как следует из приговора, ОРМ «проверочная закупка»

предшествовало ОРМ «оперативное внедрение», во время которого был внедрен агент правоохранительных органов, непосредственно вступивший в контакт с подсудимым. Поэтому информация о том, что подсудимый приобрел для дальнейшей реализации психотропного вещества, появилась как раз в результате проведения ОРМ «оперативное внедрение». Вследствие этого возникает необходимость в проверке законности проведения ОРМ «оперативное внедрение» в соответствии с критериями ЕСПЧ. Законность ОРМ «оперативное внедрение» подобным образом проверена судом не была, несмотря на то что ЕСПЧ отмечает в своих решениях, что правоохранительные органы должны обладать достаточными основаниями к подозрению о том, что лицо, в отношении которого проводится оперативно-розыскное мероприятие, совершает преступные действия или совершает приготовление к преступлению, до первого контакта с подозреваемым лицом [5]. В данном случае такой первый контакт произошел во время проведения ОРМ «оперативное внедрение», а не ОРМ «проверочная закупка», то есть требование ЕСПЧ о проверке наличия информации, которая явилась основанием для проведения оперативно-розыскного мероприятия, судом надлежащим образом выполнено не было.

В соответствии с вышеизложенным при новом судебном рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции не были выполнены требования об эффективной проверке доводов о провокации преступления, а в основу обвинения были положены результаты ОРМ «оперативное внедрение» и ОРМ «проверочная закупка, правомерность проведения которых, согласно требованиям ЕСПЧ, проверена не была, то есть, в отношении которых все еще существуют сомнения в их допустимости.

Согласно практике Европейского Суда по правам человека, публичные интересы не могут оправдать использование в обоснование обвинительного приговора суда доказательств, полученных в результате провокации преступления [6]. В связи с этим сложно сказать, что постановление ЕСПЧ от 22.02.2018 «Дело «Парамонов и другие (Paramonov and Others) против России» было в полной мере исполнено Российской Федерацией.

Проблемы в понимании и восприятии российской практикой требований ЕСПЧ и ее внедрение в российскую правоохранительную и судебную практику связаны с отсутствием единообразия при рассмотрении судами доводов о возможной провокации преступления. Унификации судебной практики способствовало бы решение этого вопроса на уровне Верховного Суда РФ.

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Ивановского областного суда от 2 апреля 2014 года по делу № 22-0712 [Электронный ресурс] // СудАкт.ру. – Режим доступа: <https://sudact.ru>

2. Дело «Парамонов и другие (Paramonov and Others) против России» [Электронный ресурс]: Постановление ЕСПЧ от 22.02.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

3. Дело «Хасанов и другие (Khasanov and Others) против Российской Федерации» [Электронный ресурс]: Постановление ЕСПЧ от 27.06.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод [Электронный ресурс]: Заключена в г. Риме 04.11.1950 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

5. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 апреля 2014 г. «Дело «Лагутин и другие (Lagutin and Others) против Российской Федерации» // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2014. № 3 (03).

6. Постановление ЕСПЧ от 15.12.2005. «Дело «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7.

7. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 27.06.2018 № 87П18 о возобновлении производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

8. Приговор Фурмановского городского суда Ивановской области от 7 февраля 2014 года по делу №1-7/2014 (1-117/2013) [Электронный ресурс] // Поиск решений судов общей юрисдикции. – Режим доступа: <http://судебныерешения.рф/4992208/extended>

9. Приговор Фурмановского городского суда Ивановской области от 24 декабря 2018 года по делу № 1-64/2018 [Электронный ресурс] // Поиск решений судов общей юрисдикции. – Режим доступа: <http://судебныешения.рф/38201185/extended>

**ХОДАТАЙСТВО О ДОПРОСЕ СПЕЦИАЛИСТА ПО УГОЛОВНОМУ
ДЕЛУ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ**

© Ю.А. Гирба

Научный руководитель: С.И. Бушмин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Регламентированная гарантия привлечения специалиста стороной защиты, закрепленная в п. 3 ч. 1 ст. 53 Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее УПК РФ), показания и заключение которого признаются доказательствами (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ) [8], отражающая не только одно из правомочий адвоката-защитника, но и конституционный принцип состязательности и равноправия сторон при осуществлении уголовного судопроизводства вызывает трудности в своей реализации. Причина этого – несовершенные законодательные формулировки положений ст. 58, п. 3.1 ч. 2 ст. 74, ст. 80, 86, 159, 251, 270, 271 УПК РФ, в которых освещается юридическая природа специалиста. Одна из таких норм предусматривает обязанность суда удовлетворять ходатайство о допросе специалиста, вызванного в судебное заседание по инициативе сторон (ч. 4 ст. 271 УПК РФ).

Зачастую специалиста привлекают для оспаривания результатов экспертизы, проведенной на досудебных стадиях уголовного процесса. Сторона защиты приглашает в судебное заседание специалиста, давшего критическое заключение, ходатайствует о его допросе по обстоятельствам, изложенным в заключении. Данная возможность оказалась широко востребованной защитниками, но реализация данного права носит проблемный характер.

При рассмотрении уголовного дела в отношении К., осужденного Выгоничским районным судом Брянской области от 22 апреля 2019 г. по ч. 2 ст. 264 УК РФ, суд отказал в удовлетворении ходатайства о допросе специалиста, обосновывая тем, что результаты проведенных психофизиологических исследований, изложенных в заключении специалиста носят характер предположений и не опровергают выводы суда о виновности осужденного в инкриминированном ему деянии [4].

Енисейский районный суд Красноярского края, рассмотрев уголовное дело в отношении С., осужденного по ч.3 ст.260, ч.3 ст.191.1 УК РФ отклонил ходатайство защитника о допросе специалиста. Утверждая, что специалист, давший свое заключение, надлежащим образом об уголовной ответственности не предупредился, его компетенция не была удостоверена, не выяснено его отношение к подсудимому. В том числе заключение противоречит имеющимся в деле

доказательствам, и не ставят под сомнение выводы о виновности С. в совершении инкриминируемого ему преступления [6].

Анализ судебной практики показывает, несмотря на то, что заключение специалиста признается в ч. 2 ст. 74 УПК РФ одним из доказательств, суды рассматривают его как второстепенный источник, поскольку в УПК РФ отсутствует регулирование порядка привлечения специалиста. В частности, он не предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УК РФ), не определена форма закрепления полученных от него суждений и т.д.

Суд, препятствуя вовлечению специалистов в процесс исследования, не вызывая специалиста, включенного в список лиц, подлежащих вызову в суд, либо приглашенного по инициативе защитника выносит постановление на заявленное ходатайство стороны защиты об отказе в допросе специалиста, нарушает права на защиту доверителей, положения норм ст. ст. 58, 251, 270, 271, УПК РФ; а также на предоставление стороной доказательств – заключение и показания специалиста (ст. 80 УПК РФ) [1].

Мнения об обязательности допроса специалиста по ходатайству сторон придерживаются Л.Г. Татьяна и Е.И. Кузнецов, полагая, что его привлечение обеспечивает качественное производство по уголовному делу, возможность устранения возникших спорных вопросов в суде [7].

А.А. Давлетов подчеркивает необходимость приглашения в судебное заседание специалиста, давшего критическое заключение, для допроса по обстоятельствам, изложенным в заключении. Но, несмотря на закрепленную норму в ч. 4 ст. 271 УПК РФ, зачастую суды на позиции обвинительного уклона – отказывают в удовлетворении такого ходатайства, находя различные аргументы для отклонения: «Привычное движение дела на основе одних материалов предварительного расследования наталкивается на серьезное препятствие, для преодоления которого требуется приложить дополнительные, нередко значительные усилия – допросить явившегося специалиста, вызвать и допросить эксперта, давшего заключение, назначить повторную экспертизу и др. Результат всех этих действий становится не таким ясным, каким он видится по обвинительному заключению» [2].

Л.В. Лазарева отмечает, что практика идет по пути допроса специалиста в суде в качестве свидетеля до 30% случаев, приводя пример по уголовному делу, возбужденному по ч. 1 ст. 198 УК РФ, специалист был допрошен по правилам допроса свидетеля. В деле был протокол допроса свидетеля, в котором специалисту сначала разъясняли права и ответственность по ст. 56 УПК, он предупреждался об ответственности по ст. ст. 307 и 308 УК РФ, а затем в этом же протоколе специалисту разъясняли права и ответственность по ст. 58 УПК и его же предупреждали еще об ответственности по ст. 310 УК РФ [3].

Также необходимо обратить внимание на формулировку позиции п. 22 Постановления Пленума, которая указывает: «В силу положений ч. 4 ст. 271 УПК РФ суд не вправе отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве специалиста, явившегося в судебное заседание по инициативе любой стороны» [5].

В целях снижения отказов в удовлетворении ходатайств защитников о вызове специалиста на допрос предлагается несколько рекомендаций.

1. В адвокатском запросе защитник формулирует вопросы к специалисту, которые подтвердят его профессиональные навыки (стаж работы, квалификацию, научные достижения), а также отсутствие родственных связей с доверителем, необходимость подкрепления своих суждений ссылками на учебные публикации, примененные методики, их научное обоснование по заданному вопросу.

2. К полученному подробному исследованию специалиста на все поставленные вопросы предъявить обязательные формальные требования – номер заключения, инициалы специалиста с указанием должности (звания), подпись, печать, заверенные копии диплома (сертификатов), подтверждающих компетенцию.

4. Обеспечить явку специалиста на судебное следствие по ч. 4 ст. 271 УПК РФ.

5. Заявить о необходимости допроса явившегося в суд специалиста по ст. 274 УПК РФ.

б. Если последует отказ суда в привлечении специалиста к участию в исследовании доказательств, на основании, что в деле есть заключение эксперта по тем же вопросам, то обратиться к ч. 2 ст. 17 УПК РФ, согласно которой никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Заявить повторное ходатайство о его допросе.

С учетом изложенного для соблюдения принципа состязательности и равноправия сторон при осуществлении уголовного судопроизводства, ограничение которого недопустимо, поскольку это будет подрывать фундаментальные основы уголовного правосудия, необходимо дополнить ст. 282.1 в УПК РФ нормой о допросе специалиста в судебном производстве, следующего содержания: «Допрос специалиста»

«1. По ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса специалиста по вопросам входящим в его компетенцию и требующих разъяснения в области специальных знаний.

2. Допрос специалиста может быть проведен для дачи разъяснения заключения специалиста, а также по вопросам, которые не были предметом суждений специалиста, но входящие в его компетенцию.

3. После оглашения заключения специалиста ему могут быть заданы вопросы сторонами. При этом первой вопросы задает сторона, по инициативе которой было произведено заключение».

Список использованных источников:

1. Васяев, А.А. О введении специалиста в судебный процесс стороной защиты / А.А. Васяев // Заключение специалиста как доказательство защиты: сложности для адвокатов. – 2017. – № 6.

2. Давлетов А.А. Обязанность суда удовлетворять ходатайство стороны защиты о привлечении специалиста как условие обеспечения состязательности в уголовном судопроизводстве / А.А. Давлетов // Администратор суда. – 2018. – № 3.

3. Лазарева Л.В. Допрос специалиста в уголовном судопроизводстве: необходимо законодательное регулирование / Л.В. Лазарева // Российская юстиция. – 2011. – № 3.

4. Об апелляционной жалобе осужденного Ковалева А.В., защитника Колобаева С.Н. на приговор Выгоничского районного суда Брянской области от 22 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]: апелляционное постановление Брянского областного суда от 03.07.2019 г. по делу № 22-862/2019 // Режим доступа: <https://sudact.ru>.

5. «О судебной экспертизе по уголовным делам» [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 г. № 28 г. Москва. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

6. Приговор Енисейского районного суда Красноярского края от 28.06.2019 г. [Электронный ресурс]: приговор Енисейского районного суда Красноярского края от 28.06.2019 г. по делу № 1-54/2019 // Режим доступа: <https://sudact.ru>.

7. Татьяна Л.Г. Допрос специалиста в уголовном судопроизводстве / Л.Г. Татьяна, Е.И. Кузнецов // Вестник ЮУрГУ. – 2006. – № 13.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ ред. от 01.04.2019. Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

**ЦИФРОВИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

© А.А. Григорьева

Научный руководитель: Т.К. Бойко

Тульский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

На современном этапе развития электронных технологий процесс цифровизации коснулся всех сфер жизнедеятельности человека. Ввиду этого институты уголовно-процессуального права подверглись реформированию в части внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство. Данные события вызвали полемику среди научной общественности, поскольку необходимость применения электронных средств в уголовном процессе оправдана, однако вызывает ряд практических вопросов по реализации.

Сегодня использование цифровых технологий в уголовном судопроизводстве связано с успешным развитием и распространением программирования. Например, благодаря программированию созданы такие справочно-правовые системы, как:

- «КонсультантПлюс»;
- «Гарант»;
- ГАС РФ «Правосудие».

Кроме того, в последнее десятилетие интенсивно обновлялось уголовно-процессуальное законодательство в сфере применения цифровых технологий:

- 1) регламентировано использование системы видеоконференц-связи для проведения в ходе судебного разбирательства допроса свидетеля или потерпевшего (ст.ст. 240, 399 УПК РФ);
- 2) закреплён порядок процессуальных действий с электронным носителем (п. 5 ч. 2 ст. 82, ч. 9.1 ст. 182, ч. 3.1 ст. 183 УПК РФ);
- 3) созданы условия для реализации электронного документооборота;
- 4) и др.

Таким образом, цифровые технологии постепенно проникают в уголовный процесс, получая при этом законодательное закрепление. Однако это всего лишь малая часть тех достижений, которые могли бы использоваться в сложной и противоречивой процессуальной деятельности.

В качестве перспективных направлений цифровизации уголовного судопроизводства можно выделить следующие:

1. Переход на электронный документооборот.

Успешный опыт использования электронной формы подачи-приема искового заявления прослеживается в арбитражном судопроизводстве. Такая форма имеет ряд преимуществ: она экономит время всех участников процесса; повышает качество подаваемых документов, поскольку запрограммирована на формализованную конструкцию; как следствие – избавляет от необходимости возвращать заявления или оставлять их без движения; и пр.

Следовательно, подача и прием сообщений о преступлениях в электронном виде могли бы содействовать полной и гарантированной реализации права на доступ к правосудию (ст. 46 Конституции РФ), а также в решении существенных проблем уголовного процесса – несвоевременной регистрации заявлений; попытки тем или иным способом укрыть их от регистрации или неформальный, остающийся без соответствующего учета, но имеющий существенное распространение отказ от их принятия и регистрации путем уговоров заявителя, убеждения в безнадёжности и т.п. [2, с. 96].

Однако свободный доступ к электронной информации всегда будет подвергать сомнению ее достоверность и выступать лишним поводом к ее дополнительной проверке. Возрастет угроза фальсификации информации как сотрудниками правоохранительных органов, имеющими доступ к информации, так и киберпреступниками. По этой причине необходима дополнительная защищенность цифровой сферы.

2. Создание Электронного уголовного дела.

Разумеется, такой формат уголовного судопроизводства удобен, мобилен и легко управляем. Положительный опыт внедрения электронного правосудия прослеживается в зарубежных странах, таких как Бельгия, Саудовская Аравия, Грузия, республики Казахстан и Азербайджан. К примеру, в Саудовской Аравии производство по многим делам длится не более двух дней. В этом государстве практика Электронных уголовных дел применяется несколько лет, и за это время сроки расследования сократились на 80 %. В Бельгии с 2005 года реализуется проект электронного судопроизводства Phenix. Еще ряд стран (Германия, США, Канада) на пути к переходу на электронное правосудие.

3. Использование электронного помощника судьи для оценки фактических данных, имеющихся в уголовном деле, а также при назначении научно обоснованного и соразмерного совершенному противоправному деянию наказания [3, с. 120].

Однако важное свойство цифровизации уголовного процесса заключается в том, что ни один искусственный интеллект не способен заменить реального человека. При этом существуют достаточно радикальные мнения об использовании роботов в уголовно-процессуальной деятельности вместо следователей. Так, С. В.

Власова считает: «Поскольку “информационные преступления” оставляют информационные следы – следовать по ним (расследовать их) может специалист по информационным технологиям. Вместо следователя, сыщика, в традиционном смысле, субъектом расследования может быть программист, специалист по информационной безопасности (профессиональный “антихакер”), а также “робот” (компьютер)» [1, с. 15].

Участие человека в процессе уголовного судопроизводства детерминировано объективными причинами. Профессионализм и эмоциональная компетентность должностного лица, скажем судьи, позволяют анализировать поведение участников процесса, распознавать их подлинные и мнимые интересы, отличать ложные и сомнительные показания от правдивых. Машины с искусственным интеллектом не обладают подобными качествами, принятие ими решений будет сведено к формализации и прямолинейности, без какой-либо уникальности и индивидуальности, что нарушит основной принцип уголовного права – принцип справедливости.

Действительно, можно поддержать ряд исследователей, считающих, что использование искусственного интеллекта вместо судьи имеет преимущества, но только с той позиции, что он не склонен к коррупции и эмоциям, строго соблюдает законодательные нормы, оперирует большим объемом информации, нежели человек, и обрабатывает ее с другой скоростью. Во всех остальных аспектах машина уступает человеку потому, что в практике уголовного судопроизводства – каждое дело уникально, единично и неповторимо, и при разрешении конкретного дела только человек способен соблюсти требования правосудности, убедительности, справедливости [2, с. 99].

Все сказанное выше относится к судье в частности, а в общем и целом – ко всем должностным лицам, осуществляющим уголовное судопроизводство. К примеру, процессуальная деятельность следователя/дознателя по сбору и оценке доказательств на предмет относимости, допустимости и достоверности вряд ли выполнима машиной. В связи с этим машина должна рассматриваться не как замена, а как помощь следователю или судье для более быстрой и полной процессуальной деятельности.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что процесс внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство вполне перспективен. Вместе с тем данный процесс требует постоянного мониторинга, поскольку призван не разрушать, а более полно обеспечивать необходимые гарантии и исключать негативные последствия цифровизации. Электронные технологии необходимо использовать наряду с традиционными «человеческими» формами процессуальной деятельности, следуя основополагающим принципам уголовного

судопроизводства. Цифровая техника, в свою очередь, способна облегчить принятие процессуальных решений, снижая при этом субъективизм, предвзятость и коррупцию.

Список использованных источников:

1. Власова, С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности / С. В. Власова // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 9–18.

2. Воскобитова, Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости / Л. А. Воскобитова // Lex russica (Русский закон). – 2019. – № 5 (150). – С. 91–104.

3. Зуев, С. В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы / С. В. Зуев // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 4 (83). – С. 118–123.

**К ВОПРОСУ О ВВЕДЕНИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© А.А. Грицков

Научный руководитель: А.Д. Назаров

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Необходимость установления уголовной ответственности юридических лиц обусловлена современной природой социально-экономических отношений. На данный момент времени существует множество видов, способов организации деятельности и форм собственности. Всё это приводит не только к росту экономической составляющей государства, но и к увеличению преступлений, связанных как с участием юридических лиц, так и в их отношении. Однако при совершении таких преступлений под угрозу попадают не только юридические лица, но и безопасность граждан и государства.

Действующее российское законодательство в области противодействия преступности юридических лиц не только не отвечает мировым стандартам, но фактически не позволяет вести борьбу с этим явлением.

В конце XIX века в науке российского уголовного права предпринимались попытки решить вопрос об уголовной ответственности юридических лиц, но в связи с событиями начала XX века и созданием СССР данный вопрос перестал быть

актуален. Проблема уголовной ответственности юридических лиц снова стала обсуждаться лишь относительно недавно в конце прошлого столетия.

В действующем национальном законодательстве РФ отсутствует упоминание об уголовной ответственности юридических лиц. Согласно российскому законодательству, ответственности подлежат только вменяемые физические лица, которые достигли установленного в законе возраста. Понятие вины в соответствии с законом – это отношение лица к совершаемому общественно опасному действию или бездействию и его последствиям, выражающееся в форме умысла или неосторожности.

На данный момент времени существует несколько позиций по решению вопроса об ответственности юридических лиц. Авторы первой позиции, в том числе А. А. Ялин, утверждают, что субъектами преступления могут являться только физические лица[1]. В обоснование данной точки зрения они приводят понятие вины – это психическое отношения лица к деянию и его последствиям. К психической деятельности способно только физическое, но не юридическое лицо.

Второй подход основывается на разграничении понятий «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности». Субъектом преступления может являться только физическое лицо, тогда как субъектом уголовной ответственности наравне с физическим лицом выступает и юридическое лицо [2].

Сторонники третьей точки зрения утверждают, что юридическое лицо следует привлекать к уголовной ответственности не за совершение преступления, а за причастность к этому преступлению.

Авторы четвертого подхода говорят о необходимости уголовной ответственности юридического лица. Их обоснование, как и приверженцев первой позиции, строится на понятии вины, а точнее в ее изменении. Они считают, что в случае признания юридических лиц субъектами уголовной ответственности нет никаких видимых препятствий в корректировке и наполнении понятия вины новым содержанием. Сторонники данной точки зрения основываются на связи уголовного и административного права. Действительно, административное право давно содержит нормы, предусматривающие ответственность организаций за различные правонарушения. Если принять этот факт во внимание и признать его логичным, то с точки зрения системы права можно вынести положительное решение вопроса об ответственности этих субъектов и в уголовном праве.

На данный момент с точки зрения действующего УК РФ установление уголовной ответственности юридических лиц противоречило бы основополагающим принципам и понятиям уголовного права. Однако это не должно стать причиной, по которой рассмотрение вопроса об установлении уголовной ответственности в отношении юридических лиц будет откладываться.

В настоящее время вопрос об установлении ответственности в отношении юридических стал рассматриваться не только среди теоретиков уголовного права, но и перешел к обсуждению практиками. Об этом свидетельствует, например, проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ в связи с совершенствованием противодействия преступлениям, совершаемым в интересах и от имени юридических лиц».

Кроме того, проблема нерешенности вопроса уголовной ответственности юридических лиц стала более актуальна с момента ратификации РФ некоторых международно-правовых документов, которые посвящены вопросам взаимодействия государств в борьбе с организованной преступностью. Например, такими документами являются Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2001 г. [3], Конвенция ООН о борьбе с финансированием терроризма от 09.12.1999 г. [4], Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 г. [5].

Таким образом, мы видим, что Российская Федерация не отрицает существование организованной преступности и проблем, связанных с ней, а наоборот, принимает меры, направленные для изменения национального законодательства в этой сфере. Стоит отметить, что на протяжении нескольких десятилетий и на сегодняшний день уголовная ответственность юридических лиц предусмотрена законодательствами большинства стран мира.

Помимо осознания существования проблемы необходимо предпринимать попытки к её решению. Именно здесь и представляется одна из главных проблем вопроса об уголовной ответственности юридических лиц. В национальном законодательства элементарно отсутствует система наказаний для юридических лиц. Помимо этого, в литературе была выявлена проблема в сложности квалификаций преступлений, которые совершаются юридическими лицами, их отграничения от преступлений должностных лиц [6].

Исходя из изложенного выше, считаю необходимым внести ряд изменений в Уголовный кодекс РФ. Изменения должны быть связаны с установлением уголовной ответственности в отношении юридических лиц. Предлагаю добавить в УК РФ главу под названием «Ответственность юридических лиц», куда включить статьи под названием «основания применения мер уголовно-правового характера» и «меры уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц».

Применять к юридическому лицу меры уголовно-правового характера необходимо только в том случае, если физическим лицом (лицами), выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющие фактическое руководство, было совершено деяние или деяния, которые запрещены Особенной частью УК

РФ, с использованием либо посредством этого юридического лица или в его интересах.

Для юридических лиц, которые совершили преступления небольшой и средней тяжести, могут применяться следующие меры уголовно-правового воздействия:

- а) лишение финансовых льгот и субсидий;
- б) штраф;
- в) отзыв лицензии, лишения аккредитации;
- г) лишение права заниматься определённой деятельностью.

Для юридических лиц, которые совершили тяжкие и особо тяжкие преступления, должны быть предусмотрены следующие меры уголовно-правового воздействия:

- а) конфискация имущества;
- б) ликвидация юридического лица.

Решение данного вопроса и наличие уголовной ответственности юридических лиц позволит существенно улучшить систему правового регулирования борьбы с организованной преступностью. Благодаря принятым мерам должностные лица организаций будут вынуждены принимать более взвешенные решения и сократить факты злоупотребления полномочиями.

Безусловно, новеллы в уголовном законе об уголовной ответственности юридических лиц повлекут за собой существенные корректировки и дополнения в уголовно-процессуальные процедуры.

Список использованных источников:

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Революцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства РФ. – 2006. № 26. – Ст. 2780.
2. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Революцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // Собрание законодательства РФ. 2004. – № 40. – Ст. 3882.
3. Максимов А. М. Субъект преступления против животного мира (ст.ст. 256, 257, 258, 258.1, 259 УК РФ): целесообразность признания таковым юридического лица (аргументы за и против) // Российский следователь. – 2015. – № 18. С. 36-27.
4. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (Заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1099) // Собрание законодательства РФ. 2003 – № 12. – Ст. 1059

5. Наумов А. В. Уголовная ответственность юридических лиц / А. В. Наумов // LexRussica. – 2015. – № 7. с. 57-62.

6. Ялин А. А. Субъект преступления как условие уголовной ответственности /А. А. Ялин // Российская юстиция. – 2001. – № 2. – с. 32-35.

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОМ КОНТРОЛЕ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

© Г.П. Дмитриев

Научный руководитель: Н.Г. Логинова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Полномочие суда лишить человека естественного права на свободу раскрывается из смысла ст. 22 Конституции РФ. Положения этой статьи в совокупности со ст. 6 УПК РФ обуславливают возникновение на стадии досудебного производства такой категории, как судебный контроль, в первую очередь обеспечивающий соблюдение дополнительных процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства.

Между тем, правовая природа участия суда на досудебных стадиях уголовного судопроизводства является обсуждаемой. Дискуссионным остается вопрос и о единой сущности судебного контроля и правосудия.

Так, В. М. Бозров отмечает, что «процессуальная деятельность суда, связанная с производством по уголовным делам, причем на любой стадии, и есть не что иное, как правосудие» [2, с. 32]. Такого же мнения придерживается И. Б. Михайловская. Она полагает, что правосудие – это вся деятельность суда, осуществляемая в установленном законом порядке судопроизводства [6, с. 23].

Судебный контроль, занимая свое место над ходом предварительного расследования, по нашему мнению, не должен отождествляться с правосудием. На этих стадиях досудебного производства он выражается в своеобразной и характерной функции судебной власти – контрольной функции и не связан с вопросом разрешения дела по существу. Целью контрольной функции суда является, в первую очередь, проверка законности и обоснованности процессуальных решений органов, осуществляющих предварительное расследование и прокуратуры, затрагивающих конституционные права и свободы граждан.

Мнение о том, что судебный контроль и правосудие необходимо разграничивать между собой популярно среди ученых. На это указывают в своих работах Р. К. Шамсутдинов, В. А. Азаров и И. Ю. Таричко и др. [см., напр.: 9, с. 149; 1, с. 136].

Н. С. Каштанова и В. А. Колбина разделяют позицию о противоположности категорий судебный контроль и правосудие, ссылаются на то, что не все характерные для правосудия принципы имеют место при осуществлении судебного контроля. Так, не наблюдаются при его реализации принципы гласности, открытости, состязательности [3, с. 225].

В свою очередь В. А. Азаров и И. Ю. Таричко отмечают, что правосудие реализуется только на судебных стадиях уголовного процесса, тогда как судебный контроль осуществляется в основном на досудебных стадиях [1, с. 9, 139].

Непростой задачей является и установление сущностного определения судебного контроля и определение его границ при избрании меры пресечения. На протяжении длительного времени этот вопрос является объектом исследования ученых. Так, А.Е. Килымжанова в своей работе указывает, что под судебным контролем на стадии предварительного расследования следует понимать деятельность суда, выражающуюся в разрешительных и проверочных мерах в целях обеспечения законности и обоснованности решений и действий органов уголовного преследования, ограничивающих конституционные и иные права граждан [4, с. 86].

Разделяя позицию вышеуказанного автора, полагаем, что законодатель возлагает на суд не только узкую задачу разрешения спора, но и вводит такую категорию, как судебная защита прав и свобод человека и гражданина, что находит свое отражение в ст. 45, 46 Конституции РФ [5].

Не обошел стороной эти вопросы и высший судебный орган. Так, обоснованность, как объект судебного контроля при избрании меры пресечения, фигурирует в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога». Согласно п. 2 указанного постановления, избрание в качестве меры пресечения заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.) [7]. То есть, обоснованность предполагает наличие достаточных фактических данных, позволяющих сделать вывод о имеющихся или нет основаниях для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Основополагающее значение, наравне с обоснованностью, также имеет законность. Эта категория в целом характерна для всех институтов уголовного

процесса, ее суть заключается в беспрекословном следовании властных субъектов предписаниям закона.

Следовательно, судебный контроль при избрании меры пресечения – это упорядоченная законом деятельность суда по разрешению вопросов, связанных с избранием, продлением, отменой или изменением меры пресечения, сопровождающаяся проверкой законности и обоснованности действий (бездействий) дознавателя или следователя, в целях соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Судебный контроль не несет в себе цель рассмотрения дела по существу, он заключается в проверке судом законности и обоснованности действий органов предварительного расследования для соблюдения и уважения конституционных прав и свобод участников уголовного процесса.

Список использованных источников:

1. Азаров, В. А., Таричко, И. Ю. Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. Омск: Омск. гос. ун-т, 2004.
2. Бозров, В.М. Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов [Текст] / В.М. Бозров. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1999.
3. Каштанова, Н. С., Колбина, В. А. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2017. № 1 (50). Судебный контроль в уголовном процессе России.
4. Килымжанова, А.Е. Судебный контроль за законностью и обоснованностью избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу // Наука, техника и образование. 2017. №1 (31).
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)
6. Михайловская, И.Б. Судебная власть [Текст] / И. Б. Михайловская. М. 2003.
7. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 24.05.2016).
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.11.2019).
9. Шамсутдинов, Р. К. К вопросу о функциях судебной власти и формах её реализации в уголовном процессе России // Проблемы противодействия

преступности в современных условиях: материалы междунар. конф. (октябрь 2003 г.). Ч. 3. – Уфа: РИО БашГУ.

УСТАНОВЛЕНИЕ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© В.А. Задоркина

Научный руководитель: Т.К. Бойко

Тульский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

Под истиной в общем понимают результат процесса познания действительности, получение и извлечение достоверных знаний. Необходимость установить истину по конкретному делу имеет важное значение на всех стадиях уголовного судопроизводства. Прежде всего она нужна для выяснения достоверных обстоятельств по делу, для справедливого его разрешения в отношении конкретного лица, так как в российском законодательстве стоит задача защиты и охраны личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, а потерпевших – от преступлений.

Выяснение истины довольно полно прослеживается на стадии предварительного расследования в ее итоговых решениях, где изложены все обстоятельства о произошедшем событии и какое они имели место в действительности.

УПК РФ не предусматривает установление истины как цель уголовного судопроизводства, но и не отказывается от нее, потому что уголовный процесс стал бы относительным, необъективным. Истина, то есть достоверная информация, должна быть абсолютной при вынесении приговора. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – достаточности для разрешения уголовного дела [1].

Истина объективна, не зависит от воли и сознания. Она основывается на знаниях о конкретных сведениях, которые являются предметом доказывания, либо обстоятельствами, подлежащими доказыванию. Истина является точным соответствием выводов судьи, следователя, дознавателя обстоятельствам конкретного дела. Объективное исследование фактов по данному делу предназначает непредвзятое и беспристрастное расследование дела, которые позволяют выявить как обвинительные, так и оправдательные обстоятельства. Любые мнения и гипотезы о событии преступления будут истинными, если они не вызывают сомнений, то есть являются достоверными.

В суде используется принцип формальной истины, так как суд не занимается сборианием доказательств, а оценивает их, проверяет их законность, чтобы не были нарушены права и свободы сторон. Таким образом, суд регулирует процесс доказывания.

Объективность судей в установлении истины заключается в том, чтобы восполнять неполноту доказательств и сколько это возможно, не выступая на стороне обвинения или защиты.

Установление истины относится к обязанностям как правоохранительных органов, так и суда. Последний создает условия участникам уголовного судопроизводства для получения достоверных знаний.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 88.

2. Якишева, Е. З. Проблемы установления истины в уголовном судопроизводстве / Е. З. Якишева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 2. – С. 135–139. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/570029.htm> (дата обращения: 02.04.2020). – Текст : электронный.

3. Бастрыкин, А. И. Вернуть в уголовный процесс институт истины // Российская газета. – 2012. – № 5731.

ПРАВО НА УВАЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ, СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ В УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ. АНАЛИЗ ПРАКТИКИ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ

© А.Г. Зенгер, Е.С. Анохина

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Уголовное досудебное производство напрямую включает в себя реализацию различных следственных действий, осуществление которых, предполагает постоянное взаимодействие с гражданами, их правами, гарантиями и имуществом, принадлежащим им. И, не смотря на то, что в подавляющем большинстве стран, национальное право раскрывает порядок, поводы, общие условия и сроки подобных расследований, анализ практики Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) наглядно демонстрирует, насколько востребована защита

права на уважение частной, семейной жизни в уголовном производстве. В первую очередь, это связано с трудностью определения границ данных терминов.

Так, статья 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) посвящена уважению частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции. Наибольшую проблематичность представляет раскрытие понятия «частная жизнь». Европейская Комиссия по эффективности правосудия указала, что для большинства авторов это право гражданина жить, как хочется, поддерживая отношения с другими лицами с целью эмоционального развития и поддержки.[1] ЕСПЧ в своих решениях достаточно часто толкует данный термин расширительно. Например, в деле «Гилберг против Швеции» называет частую жизнь предельно мобильным понятием, которое иногда может включать в себя деловые или же профессиональные взаимоотношения, что не исключает публично-правовые аспекты.[2]

В целом, ЕСПЧ выделяет более 15 предметных областей, и суд четко указал на свою позицию, о том, что понятие нельзя ограничить некой «интимной» сферой. Мало того, в своем решении по делу «Нимитц (Niemietz) против Германии» (жалоба № 13710/88) суд указал, что «не считает возможным или необходимым дать исчерпывающее определение понятию».[3]

Такое широкое толкование получило отражение и в законодательстве нашей страны. В него следует включать, как психологическую, так и физическую неприкосновенность, то каким образом человек идентифицирует свою личность в социуме, реализуя свои права на имя и фамилию, семейное положение. Сюда же относятся все взаимоотношения людей между собой в обществе и окружающем нас мире, в том числе профессиональную и деловую деятельность, а также вопросы медицинской тематики. С развитием мира сюда так же необходимо относить информацию о сексуальной жизни, ориентации, смене пола, а так же иные данные, перечень которых определен нормами законодательства каждой отдельной страны и нормативно-правовыми актами, являющиеся источниками международного права.[4]

Не одно лишь определение термина «частная жизнь» вызывает сложности у правоприменителя и законодателей. Право на семейную жизнь так же не обладает точным и единым определением. [5]

Суду каждый раз необходимо изучить фактически наличествующие семейные связи, даже при отсутствии юридического признания такого положения. То есть речь идет о существовании связей, как между женатыми, так и неженатыми людьми, между родителями, детьми, и другими родственниками. Судьи анализируют доводы заявителя, и делают вывод о наличии или отсутствии связи. В своих актах ЕСПЧ анализирует многие правовые вопросы, которые вовсе не были

затронуты ранее не только в национальном законодательстве, но и так же в Конвенции. Что еще раз позволяет назвать решения ЕСПЧ неким ориентиром для развития практики и устранения пробелов в законе.

Вышеуказанная статья включает в себя такие объекты координирования как охрана от незаконного вмешательства, инициатором которого выступает публичная власть, а также существование позитивных обязанностей ради гарантии этих самых прав граждан. ЕСПЧ регулярно в своих решениях приходит к выводу, что частная жизнь охватывает неприкосновенность, как физическую, так и психическую, а власть обязана не допустить и ограничить такое вмешательство, в том числе со стороны обычных граждан государства.[6]

При анализе вмешательства и его соразмерности следует учитывать сведения, которые ранее уже были известны широкому кругу лиц. Важно отметить, что ЕСПЧ подчеркивает, что по причине своей деятельности «публичные фигуры», не имеют права рассчитывать на точно такой же уровень защиты, как и рядовой гражданин. ЕСПЧ так же изучает вмешательство с позиции того, насколько такое вмешательство существенно и представляется ли возможным его обоснование в интересах социума. Так, к примеру, в деле «Миткус против Латвии», вмешательство было правомерным вследствие того, что, колонка в журнале была посвящена инфицированию ВИЧ, то есть баланс между свободой журналистики и частой жизнью лица не был нарушен.[7]

Так же суд акцентирует свое внимание на необходимой осведомленности властей. Важно установить обладали ли они или должны были обладать информацией о наличии реальной угрозы для неприкосновенности, или же были не способны предпринять необходимые меры в рамках полномочий, которые могли бы способствовать избежанию риска.[8]

В данном деле речь идет о явной пассивности государства в отношении быстрого распространения инцидентов, в которых беспризорные животные напали на граждан, а тот факт, что СМИ регулярно освещали и осуждали данную явную проблему, означает, что власти так же обладали сведениями о произошедших трагичных событиях. Учитывая, что уважение частной жизни отхватывает не только достоинство, каждой отдельно взятой личности, но и удержание уровня жизни на достойном и качественном уровне, безынициативность органов государственной власти, по мнению ЕСПЧ, следует признавать явным и серьезным нарушением обязанностей.[9]

Проанализировав решения ЕСПЧ, можно сделать вывод о том, что толкование терминов частная и семейная жизнь, с которыми достаточно часто приходится сталкиваться в уголовном судопроизводстве, носит очень мобильный характер. Так, суд указывает на необходимую мобильность понятия «частная

жизнь», включая на данный момент в это поле более 15 областей. И, по причине развития технологий медицины, это явно не является пределом. Если же говорить, о семейной жизни, то перед судом каждый раз стоит сложная задача, по анализу в каждом отдельном деле доводов сторон и последующем сопоставлении семейных связей *de facto* и *de jure*. Важным моментом является тот факт, что право на уважение включает в себя не только обязанность государства защищать граждан в обществе, предотвращая нарушения, но и обязательство по охране от подобного вмешательства со стороны органов государственной власти, особенно, в плоскости уголовного судопроизводства. Необходимо признать, что перед каждым государством и мировым сообществом в целом стоит сложная задача, по соблюдению верного и достаточного баланса, между правом каждого отдельного человека и защитой всего общества в целом.

Список использованных источников:

1. Стандарты Совета Европы в области прав человека применительно к положениям Конституции Российской Федерации : избранные права / Институт права и публичной политики ; Науч. ред. Н. В. Варламова, Т. А. Васильева. – М., 2002. – 606 с.-
2. Постановление Европейского суда по делу «Гилберг против Швеции» (Gillberg v. Sweden) от 3 апреля 2012 г. (№41723/06), § 72. URL:<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-110144> (дата обращения 25.08.2012)
3. Постановление Европейского Суда по правам человека от 16 декабря 1992 года по делу «Нимитц (Niemietz) против Германии» [Электронный ресурс] // Постановление ЕСПЧ от 16.12.1992 «Дело «Нимитц (Niemietz) против Германии» – Доступ из справочно–правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.02.2017)
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – ст. 2954, статья 137
5. Килкэли У., Чефранова Е. А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Право на уважение частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции. Прецеденты и комментарии. М., 2001
6. Постановление Европейского суда по делу «Миткус против Латвии» (Mitkus v. Latvia) от 2 октября 2012 (№ 7259/03), § 125. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-113648> (дата обращения 04.10.2012)

7. Постановление Европейского суда по делу «Миткус против Латвии» (Mitkus v. Latvia) от 2 октября 2012 (№ 7259/03). URL:<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-113648> (дата обращения 3.12.12)

8. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Георгел и Георгета Стоическу против Румынии» (Georgel & Georgeta Stoicescu v. Romania) от 26 октября 2011 (№ 9718/03). URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-105820> (дата обращения 04.10.2012)

9. Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Л против Литвы» (L. v. Lithuania) от 11 сентября 2007 (№ 27527/03), § 56. URL:<http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-82243> (дата обращения 23.09.12)

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ С АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРЕЮДИЦИЕЙ

© К.А. Зубова

Научный руководитель: Н.Г. Логинова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В последние годы становится тенденцией преобразование в состав преступления, нескольких административных правонарушений при условии их повторности за определенный период времени, а также при наличии других особых признаков, предусмотренных уголовно-правовой нормой. На сегодняшний день, УК РФ содержит тринадцать составов преступлений с административной преюдицией.

Профессор Н.А. Колоколов отмечает, что данная категория преступлений является институтом межотраслевым, поэтому с неизбежностью порождает проблемы и коллизии в правоприменении [3, с. 9-10]. С этим нельзя не согласиться. Системный анализ действующего уголовно-процессуального закона позволил нам выделить ряд проблем, связанных с производством по уголовным делам данной категории.

Первое, что обращает на себя внимание, это необходимость доказывания преюдициальных актов. Данный вопрос является дискуссионным, однако большинство исследователей, в том числе А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский утверждают, что в статье 90 УПК РФ закреплена не принимаемая без проверки преюдиция, как особое правило доказывания, а частный случай опровержимой презумпции истинности конкретного судебного акта, так как термин «презумпция» происходит от латинского «*praesumptio*» – предположение [8, с. 51]. Вывод об

опровержимости преюдициальных актов следует и из Постановления Конституционного Суда от 21 декабря 2011 года №30–П, в котором допускается возможным наличие сомнений относительно преюдициального обстоятельства у прокурора, следователя, дознавателя и суда [6].

Не обошел стороной эти вопросы и высший судебный орган. Так, Верховный суд РФ в пункте 9 Постановления «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 УК РФ» отмечает, что «фактические обстоятельства, которые послужили основанием для назначения лицу административного предписания, не могут предопределять выводов суда о виновности» [5].

Между тем, вопросы проверки сообщений о преступлениях и производство по уголовным делам также представляют собой определённую сложность. В досудебном производстве, как в стадии возбуждения уголовного дела, так и предварительного расследования уже следует учитывать особенности данных составов преступлений. Необходим детальный анализ законности и обоснованности привлечения к административной ответственности в каждом из случаев такого привлечения. На наш взгляд, игнорирование такого анализа неминуемо приведет к нарушению принципа законности, поскольку есть вероятность лицу, производящему проверку сообщения о таком преступлении или предварительное расследование, сформулировать неверные выводы о наличии признаков преступления или доказанности обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

Немаловажной проблемой является и вопрос оценки административных материалов субъектом проведения проверки или предварительного расследования. Как действовать должностному лицу, пришедшему к выводу о незаконности привлечения к административной ответственности? К сожалению, действующее законодательство не содержит ответа на этот вопрос. Исследуя данную проблему, Н.В. Вишнякова полагает, что дознаватель, ввиду отсутствия процессуальной самостоятельности и невозможности отмены незаконного постановления, должен письменно уведомить районного прокурора, обосновав свои выводы. Полномочия прокурора по отмене акта о привлечении к административной ответственности недостаточно регламентированы. В свою очередь, претерпели существенное ограничение сроки подачи протеста на постановление, не вступившее в законную силу (ст. 30.10 КоАП РФ). Но, так как на момент проведения дознания данные постановления уже вступили в законную силу, право принесения протеста в соответствии с ч. 3 ст. 30.12 КоАП РФ принадлежит прокурорам субъектов РФ, Генеральному прокурору и их заместителям, что делает процесс отмены незаконного постановления еще сложнее [1, с. 9-10].

Разделяя вышеизложенную позицию автора, полагаем, что в такой ситуации более логичным выходом из проблемной ситуации является принятие решения

об отказе в возбуждении уголовного дела. Наиболее приемлемым в этой ситуации, на наш взгляд, будет применение основания, предусмотренного п.2 ч.1 ст. 24 УПК РФ – отсутствие в деянии состава преступления, а при наличии уже возбужденного уголовного дела – прекращение производства по тому же основанию.

Нельзя обойти стороной и проблему о надлежащем субъекте производства расследования. Порождается она следующим. Административное производство о правонарушениях, повторное совершение которых влечет за собой уголовную ответственность, преимущественно осуществляются должностными лицами органов исполнительной власти, например, органами внутренних дел, которые в соответствии со ст. 40 УПК РФ при наличии тому оснований, указанных в положениях той же статьи, могут наделяться статусом органа дознания. В этой связи им же может быть поручено рассмотрение сообщений в порядке ст. 144 УПК РФ и производство расследования по уголовным делам в тех случаях, когда изначально по этим же актам они проводили административное расследование. Это представляется не совсем логичным, поскольку в подобной ситуации дознаватель имеет уже сложившееся мнение о многих значимых обстоятельствах дела и вынужден проводить оценку своих собственных действий, что препятствует объективности исследования собранного материала. Полагаем, что участие в производстве по делу об административном правонарушении становится препятствием для участия в производстве по уголовному делу этим же лицом в силу его осведомленности и возможной заинтересованности.

Предлагая возможные пути решения проблемы заинтересованности субъектов доказывания, видится решение этого вопроса в самоотводе или отводе дознавателя и иных субъектов, участвовавших в административном разбирательстве в соответствии со ст. 67 УПК РФ. Однако, А.Г. Пономаренко, исследуя данный вопрос, отмечает, что на сегодняшний день ст. 61 УПК РФ не обеспечивает отстранение субъектов доказывания при наличии их заинтересованности в исходе конкретного уголовного дела при подобных обстоятельствах [7, с. 31-33]. Таким образом, возникает проблема отсутствия механизма отвода или самоотвода указанных субъектов доказывания, требующая разрешения на законодательном уровне.

В этой связи, можно было бы предложить законодателю устранить данный правовой пробел таким же образом, как он это сделал в ч. 2 ст. 41 УПК РФ, закрепив запрет на производство расследования в форме дознания на то лицо, которое проводило или проводит по данному уголовному делу оперативно-розыскные мероприятия. Учитывая возможную заинтересованность субъектов доказывания по делам с административной преюдицией, думается, что это способствовало бы повышению качества и единообразию в правоприменительной деятельности.

До решения проблемы на законодательном уровне этот вопрос можно урегулировать путем издания органом исполнительной власти приказа, возлагающего на начальника органа дознания запрет на поручение производства дознания по уголовным делам с административной преюдицией, а также поручения на проведение проверки сообщения в порядке ст. 144 УПК РФ на должностное лицо, проводившее по этому же факту административное расследование.

Нельзя не сказать о том, что проблема заинтересованности существовала и у судей, так как дела с административной преюдицией относились к подсудности не районных, а мировых судей. Это порождало серьезные проблемы ввиду того, что мировому судье, участвовавшему в административном производстве ранее, могло быть впоследствии передано для рассмотрения уголовное дело с преюдицией в отношении этого же лица, что влекло нарушение принципа независимости судей, закрепленный в ст. 8.1 УПК РФ. В настоящее время законодателем эта проблема решена путем внесения Федеральным законом от 27.12.2018 № 509-ФЗ поправок в ст. 31 УПК РФ и отнесения к подсудности городских и районных судов уголовных дел о преступлениях с административной преюдицией.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что исследование вопросов возникающих при расследовании уголовных дел с административной преюдицией указывает на необходимость комплексной теоретической проработки данного института, внесения изменений в текущее уголовно-процессуальное законодательство для устранения правовых пробелов и разрешения возникающих в практике вопросов, что, безусловно, положительно скажется на правоприменительной деятельности.

Список использованных источников:

1. Вишнякова, Н. В. Преступления с административной преюдицией: проблемы законодательного и правоприменительного характера / Н. В. Вишнякова // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 1.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях РФ : по состоянию на 01 апр. 2020 г. – Москва : АСТ, 2020. – 832 с.
3. Колоколов, Н. А. Новые правила преюдиции: как изменяется практика / Н. А. Колоколов // Уголовный процесс. – 2010. – № 3.
4. О внесении изменений в статьи 31 и 35 Уголовно-процессуального кодекса РФ [Электронный ресурс] : федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 509-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.04.2020).

5. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 314.1 УК РФ [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 г. № 21 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.04.2020).

6. По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой граждан В.Д. Власенко и Е.А. Власенко [Электронный ресурс] : Постановление Конституционного Суда РФ от 21 дек. 2011 г. № 30–П // Электронная база судебных и нормативных актов «СудАкт». – Режим доступа: <http://sudact.ru/> (дата обращения: 03.04.2020).

7. Пономаренко, А. Г. Уголовное дело возбуждено неправомочным должностным лицом / А. Г. Пономаренко // Право в Вооруженных силах. – 2004. – № 11.

8. Калиновский, К. Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / К. Б. Калиновский; под. ред. А. В. Смирнова. – Москва : Кнорус, 2007. – 992 с.

9. Уголовно-процессуальный кодекс РФ : по состоянию на 01 апр. 2020 г. – Москва : Эксмо-Пресс, 2020. – 288 с.

10. Уголовный кодекс Российской Федерации : по состоянию на 01 апр. 2020 г. – Москва : Эксмо-Пресс, 2020. – 352 с.

УСТАНОВЛЕНИЕ ДОСТОВЕРНОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ, ОСНОВАННОМ НА ПУБЛИЧНОМ НАЧАЛЕ

© А.А. Катаева

Научный руководитель: С.И. Гутник

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Основную часть уголовно-процессуальной деятельности составляет процесс доказывания – деятельность, которая направлена на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию, и получение знания о прошлом с использованием логических приёмов и методов (применением законов формальной и диалектической логики), то есть как единство мыслительной и практической деятельности субъектов доказывания. Для достижения данной цели мы должны быть уверены, что средства доказывания – доказательства – обладают всеми необходимыми свойствами и характеристиками, перечисленными в п. 1 ст. 88 УПК РФ. Одной из таких обязательных характеристик является достоверность доказательств.

Процесс доказывания можно разделить на следующие этапы. В самом начале проводится работа со следами преступления, снятие информации с носителей (источников) доказательственной информации. Далее мы переходим к

установлению необходимых связей между информационными доказательствами и на основании анализа блоков информации делаем промежуточные (логические) выводы. На основе анализа логических выводов, мы устанавливаем обстоятельства, подлежащие доказыванию, и получаем знание о событии прошлого. В статье 85 УПК РФ перечислены элементы доказывания – собирание, проверка и оценка доказательств, которые в своей мере преобладают на каждом из этапов в соответствии с его спецификой.

Практическая деятельность по установлению достоверности доказательств осуществляется на этапе выявления необходимых связей между информационными доказательствами, после работы по снятию информации со следов и установлению таких свойств доказательств, как относимость и допустимость, без которых отдельно взятое доказательство утрачивает свою суть. По данному вопросу Е. Карякин верно отмечает что, «только относимое доказательство может быть признано достоверным. Относимость же доказательства не предрешает вопроса о его достоверности, то есть относимые сведения могут быть как достоверными, так и недостоверными. Относимость сведений создает потенциальную возможность к установлению их достоверности. Между допустимостью и достоверностью доказательств существует однозначная связь, при которой второе свойство напрямую зависит от наличия первого. Только допустимое доказательство может быть достоверным или недостоверным, тогда как достоверные сведения непременно должны быть допустимыми» [1, с. 85-86].

Преобладающим элементом доказывания при установлении достоверности доказательств является проверка доказательств, которая производится путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство (ст. 87 УПК РФ). Оценка отдельного доказательства с точки зрения его достоверности, которая проводится без учета совокупности других доказательств, не позволяет сделать верный вывод о достоверности этого доказательства.

Относительно оценки достоверности доказательства В. Дорохов писал, что «анализ каждого доказательства (раздельное исследование различных сведений о факте, особенностей источника доказательств) и его синтез (исследование при соединении расчлененных сведений о факте) позволяют выявить такие черты и свойства доказательства, которые могут повлиять на оценку его достоверности. Но анализ существа отдельного доказательства при всей его важности никогда не может быть достаточным для признания доказательства достоверным. В результате анализа, например показаний свидетеля мы можем установить непротиворечивость его показаний, констатировать незаинтересованность свидетеля в

исходе дела и отсутствие обстоятельств, могущих исказить его показания (по тем сведениям, которые он сообщил о себе, и условиях наблюдаемого им события). Но мы не можем определить действительность этих обстоятельств и условий, в которых они происходили, только по сообщенным свидетелем данным. Даже при анализе таких доказательств, как протоколы осмотра, обыска, которые составляются следователем и удостоверяются понятыми, нельзя быть уверенным в том, что они полностью соответствуют действительности» [2, с. 69].

Как отмечает Т. Шаповалова, «достоверность устанавливается при оценке как отдельного доказательства, так и их совокупности. Оценка достоверности отдельного доказательства по своему юридическому значению носит предварительный характер. Появление новых доказательств может коренным образом изменить оценку достоверности сведений, которые содержит доказательство. Проверка доказательства включает в себя не только оценку правдоподобности и непротиворечивости заключенных в нем сведений, но и сопоставление этих данных с уже имеющимися доказательствами» [3, с. 98].

На наш взгляд, представляется не совсем верным связывать достоверность отдельного доказательства с подтвержденной доброкачественностью источника (носителя) доказательственной информации. Подтверждение тех фактов, что источник (носитель) способен воспринимать следы, запомнить (сохранить) их, и что возможно воспроизвести следы (снять их с носителя), является лишь свидетельством того, что мы можем вводить в процесс доказывания информацию, которую получили от такого источника (носителя). Если источник (носитель) доказательственной информации является доброкачественным, то и оформленный результат следственных действий по получению информационных доказательств, заключающихся в снятии такой информации со следов, будет в минимальной степени подвержен какому-либо искажению. Доброкачественность источников (носителей) доказательств выступает в определенной мере гарантом достоверности доказательств, но не может быть тождественна ей.

Также следует отметить, что установление доброкачественности источника (носителя) доказательственной информации должно в идеале проводиться в самом начале процесса доказывания, на этапе снятия информации со следов, когда мы только ещё получаем информационные доказательства и работаем над установлением их относимости и допустимости. У нас должно сформироваться твердое убеждение, что снятая со следов информация не подвержена искажению в той степени, насколько это в принципе возможно, и мы можем ввести данную информацию в процесс доказывания при надлежащем её оформлении.

По смыслу статьи 88 УПК РФ требование о достаточности доказательств относится лишь к их совокупности для разрешения уголовного дела. Однако для

установления достоверности доказательств, на наш взгляд, также необходимо применение формально-логического закона достаточного основания и закона диалектической логики – перехода количественных изменений в качественные. При работе с информационными доказательствами мы собираем в рамках проверки новые доказательства в целях подтверждения сведений из проверяемых информационных доказательств сведениями из новых доказательств. При этом мы будем проводить проверочные следственные действия до тех пор, пока у нас не отпадут все сомнения в подтверждении сведений из проверяемых информационных доказательств. И в каждом отдельном случае потребуется своё количество проверочных следственных действий. Здесь достаточность выступает не как характеристика совокупности информационных и логических доказательств, а как требование к доказательствам, полученным в результате проверочных следственных действий. Ведь мы должны быть абсолютно убеждены в соответствии проверяемого информационного доказательства реальной действительности и для формирования такого убеждения нужен определенный предел.

При выявлении необходимых связей между информационными доказательствами и переходе на новый этап доказывания, заключающийся в работе с логическими доказательствами (промежуточными логическими выводами), мы не можем осуществлять практическую деятельность по установлению достоверности логических доказательств. Проведение на данном этапе проверки доказательств в соответствии со ст. 87 УПК РФ не представляется возможным.

В. Дорохов верно отмечал, что «проверка знания посредством сопоставления одних мыслей с другими может в лучшем случае подтвердить логичность мышления, его соответствие правилам, законам логики. При этом он обращал внимание на то, что логический критерий не представляет собой самостоятельного критерия истины наряду с общественной практикой. Критерием истинности самой логики выступает также общественная практика... ибо сами по себе суждения, умозаключения, построенные по всем правилам логики, могут не содержать истины. Возможно построение заведомо ложной, но внутренне согласованной, логически стройной системы, если в основу рассуждений положить хотя бы одну ложную посылку» [2, с. 72].

Таким образом, информационное доказательство признается достоверным, когда оно в достаточной степени подтверждено сведениями из других информационных доказательств, собранных путём проведения проверочных следственных действий. Логическое доказательство следует считать достоверными при формировании убеждения о достоверности информационных доказательств, на основании которых были сделаны данные выводы. При этом сформировавшееся убеждение в достоверности информационных доказательств будет считаться в

полной мере подтвержденным, когда между логическими доказательствами обнаружится система связей и получится сделать выводы об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, и получить итоговое знание о событии прошлого.

Список использованных источников:

1. Карякин, Е. К вопросу о взаимосвязи достоверности с иными свойствами доказательств / Е. Карякин, В. Миронов // Уголовное право. – Москва, 2004. – № 3. – С. 85-86.

2. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Белкин Р.С., Винберг А.И., Дорохов В.Я., Карнеева Л.М., и др.; Редкол.: Жогин Н.В. (Отв. ред.), Миньковский Г.М., Ратинов А.Р., Танасевич В.Г., Эйсман А.А.. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – 736 с.

3. Шаповалова, Т. Соотношение достоверности и допустимости доказательств в уголовном процессе / Т. Шаповалова, Е. Бондар // Уголовное право. – 2007. – № 6. – С. 97-101.

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ**

© Н.П. Козина

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Несмотря на то, что в уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК) имеется часть 5, посвященная международному сотрудничеству в сфере уголовного судопроизводства, применение указанных норм на практике вызывают затруднения. С чем связаны данные затруднения: с недостаточной правовой регламентацией сферы международного сотрудничества или с отсутствием должного и надлежащего соблюдения международных норм должностными лицами иностранных государств и международными организациями, или же имеется другая причина ненадлежащего исполнения или вовсе не исполнения своих должностных обязанностей сотрудниками правоохранительных органов при международном сотрудничестве в уголовно-процессуальной сфере. Для эффективного применения и использования института международного сотрудничества необходимо разобраться в причинах неисполнения норм международного права. Указанный вопрос будет разрешен в рамках данной научной работы.

Итак, международное сотрудничество в области уголовного судопроизводства представляет собой деятельность компетентных органов государств по оказанию и получению помощи в ходе досудебного производства и судебного разбирательства по уголовному делу, а также в принятии иных мер, необходимых для правильного его разрешения [1].

Использование термина «оказание помощи» уместно в том случае, если речь идёт о преступлениях общеправового характера. Но если указанная помощь рассматривается по уголовным делам за совершение преступлений международного характера или международных преступлений, то в данном случае правильным будет говорить об обязанности государств оказать содействие в расследовании преступления. В современном мире, в условиях глобализации и интернационализации преступности, правоохранительные органы различных государств должны тесно взаимодействовать для того, чтобы обеспечить не только внутригосударственный, но и международный порядок.

При этом содействие может выражаться как в сборе доказательств (получение показаний, производство иных следственных действий), так и в принятии мер процессуального принуждения (например, наложение ареста на имущество), или же оказание содействия в целях установление личности и местонахождения лиц. Таким образом, содействие может быть оказано лишь в рамках уголовно-процессуального законодательства запрашиваемого государства.

В настоящее время, учитывая неопределенность в вопросах содействия иностранного государства, правоохранительные органы, рассматривая вопрос о возбуждении уголовного дела, руководствуются не только наличием повода и оснований для его возбуждения, а полным и своевременным оказанием помощи и содействия, как в сборе доказательств, так и в расследовании и судебном рассмотрении дела, наказания виновного иностранного гражданина [2].

Соответственно, в данном случае не приходится говорить о достижении целей уголовного процесса, о восстановлении нарушенных прав, как следствие совершения преступления, поскольку правоохранительные органы руководствуются не нормами права, а «перспективностью» уголовного дела, если есть уверенность, что все необходимые доказательства для привлечения лица к уголовной ответственности будут получены.

Ряд авторов указывают на такую проблему, как отсутствие детального механизма регулирования, как направления, так и исполнения поручений в УПК, в связи с чем у практических работников возникают трудности в реализации норм в сфере международного сотрудничества.

Так, например, М.И. Смирнов говорит о неопределенности процессуального статуса лиц, подлежащих выдаче, с точки зрения российского права. Он

указывает, что используемое словосочетание «выдача преступника» юридически некорректно, так как противоречит основополагающему принципу презумпции невиновности [3]. Кроме того, в том случае, если иностранное государство обращается в Российскую Федерацию с запросом о выдаче лица, которое на территории этого государства имеет статус подозреваемого или обвиняемого, то нет ясности, каков будет статус этого лица на *территории Российской Федерации*.

Институт международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства регламентируется не только нормами УПК, но и в Инструкцией по организации информационного обеспечения сотрудничества по линии Интерпола, утвержденной Приказом МВД РФ от 6 октября 2006 г. № 786, Минюста РФ № 310, ФСБ РФ № 470, ФСО РФ № 454, ФСКН РФ № 333, ФТС РФ № 971 (далее – Инструкция), которая также имеет свои недостатки и упущения.

Так, например, ст. 108 УПК предусмотрено избрание заключения под стражу в отношении лица без его присутствия лишь в случае объявления обвиняемого в международный розыск. Заочное избрание меры пресечения в виде заключения под стражу возможно, только если лицо имеет статус обвиняемого. При этом принципиальное значение имеет объявление обвиняемого в международный розыск, поскольку до этого момента мера пресечения в виде заключения под стражу заочно не избирается. В УПК не регламентирован порядок объявления в международный розыск. При этом безальтернативная необходимость объявления лица в международный розыск вызывает сомнения, так как у правоохранительных органов может иметься информация о том, что лицо находится на территории соседних государств. Так, согласно результатам опроса практических работников чаще всего запрашиваются для выдачи граждане стран СНГ. А в случае нахождения лица на территории одной из стран СНГ розыск является межгосударственным [4].

В связи с этим позиция Е.Н. Чемериловой о необходимости внесения изменений в Инструкцию видится верной [5]. Необходимо внести изменения, касающиеся регламентации процедуры заключения под стражу лиц, скрывающихся от правоохранительных органов на территории стран СНГ, что бы позволило ускорить их выдачу, и соответственно сократить срок расследования.

А.Г. Волеводз указывает на то, что проблемы реализации международного сотрудничества в сфере уголовной юстиции порождают также отсутствие у Российской Федерации двусторонних международных договоров о выдаче с рядом стран (например, Канада, Парагвай, США, Эквадор, ЮАР и др.), что в свою очередь влечет отказы в выдаче конкретных лиц, совершивших преступления на территории России [6].

При этом верно отмечают Е.В. Быкова и В.С. Выскуб: «осуществление международно-правовой помощи по уголовным делам напрямую зависит от уровня взаимоотношений государств, вовлеченных в данный процесс. И чем выше этот уровень, тем полнее будут обеспечены его законность и соблюдение требований, предъявляемых к нему международными договорами и национальным законодательством» [7]. С данным высказыванием нельзя не согласиться, как и в любом сотрудничестве и взаимодействии у контрагентов должны быть налажены нормальные взаимоотношения, у каждого из которых должно быть понимание в необходимости и обязательности такого сотрудничества.

Подводя итог, можно сказать, что отсутствие взаимодействия и своевременности исполнения поручений и запросов со стороны государств связано с отсутствием понимания в применении норм, как международного права, так и норм внутригосударственного права о международном сотрудничестве. Что возникает по причине недостаточной регламентации или вовсе её отсутствия по тем или иным вопросам. Во многом это объясняется характером международных документов (конвенций, договоров), где закрепляются лишь общие подходы, используются расплывчатые формулировки, отсылая страны к своему внутреннему законодательству. При этом учитывая его разнообразие, возникает ряд проблем, которые препятствуют надлежащему взаимодействию по уголовным делам, а следовательно, возможности привлечения виновного к ответственности.

Список использованных источников:

1. Давыдов, В. А. Основы уголовного судопроизводства: Учебник для бакалавров : учебник / В. А. Давыдов, В. В. Ершов; под общ. ред. В. А. Давыдова, В. В. Ершова. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2017. – 444 с.
2. Литвишко, П. А. Осуществление уголовно-процессуальной юрисдикции в зарубежных представительствах государств: дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00:09 / Литвишко Пётр Андреевич. – Москва, 2014. – 30 с.
3. Смирнов, М. И. Понятие и правовая природа выдачи (экстрадиции) / М. И. Смирнов // Современное право. – 2007. № 3. С. 12 – 17.
4. Балакшин, В. С., Клевцов, К. К. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении лиц, находящихся за пределами территории Российской Федерации / В. С. Балакшин, К. К. Клевцов // Вестник Саратовской юридической академии. – 2017. № 2. С. 176 – 180.
5. Чемерилова, Е. Н. Соотношение международного и межгосударственного розыска обвиняемых (подозреваемых) в совершении преступления / Е. Н. Чемерилова // Законодательство и практика. – 2014. № 2. С. 64-66.

6 Волеводз, А. Г. Взаимодействие следователя со сведущими в области права лицами при международном сотрудничестве в сфере уголовного судопроизводства / А. Г. Волеводз // Российский следователь. – 2016. № 11. С. 14-19.

7. Быкова, Е. В., Выскуб В.С. Международное сотрудничество или политика? / Е. В. Быкова, В. С. Выскуб // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2018. № 3. С. 3-5.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА ЗАЩИТНИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

© А.А. Косенкова

Научный руководитель: Т.К. Бойко

Тульский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

В настоящее время проблемы правового статуса участников уголовного процесса не теряют своей актуальности, поскольку правовое регулирование прав и свобод человека и гражданина перешло на качественно новый уровень, что свойственно и уголовному судопроизводству. Безусловно, защитник в этом плане исключением не является.

Как известно, все участники уголовного судопроизводства в зависимости от их правового положения дифференцируются. Согласно Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ) это «участники со стороны обвинения» и «участники со стороны защиты» [6]. Каждый из участников уголовного процесса наделен правами и обязанности, которые позволяют им вступать в уголовно-правовые отношения. Так, защитник, как один из практически обязательных субъектов уголовного процесса, относится к стороне защиты.

Момент вступления защитника в уголовное дело на стадии предварительного расследования имеет большое значение. Во-первых, это отражает высококачественную деятельность адвоката. Во-вторых, оказывает влияние на результат защиты прав подозреваемого или обвиняемого. И, наконец, в-третьих, определяет ход всего уголовного процесса. В целом, при ознакомлении с ч. 3 ст. 49 УПК РФ, касающейся участия защитника в уголовном судопроизводстве, можно заметить некоторые неточности.

В первую очередь, стоит рассмотреть правовую основу вступления защитника в уголовный процесс. Она представляет собой нормативные правовые акты, которые регулируют деятельность адвоката. Так, главными документами

являются Конституция РФ, УПК РФ, а также иные федеральные законы, которые затрагивают данную сферу деятельности.

Анализируя ст. 48 Конституции РФ, можно констатировать, что она закрепляет два важных положения [2]. Рассматривая данные положения, мы видим, что, во-первых, каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Во-вторых, каждый задержанный или заключенный под стражу, обвиняемый в совершении конкретного преступления имеет право пользоваться помощью защитника уже с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.

Согласно п. 3 ч. 3 ст. 49 УПК РФ защитник вступает в уголовное дело с момента фактического задержания лица, которое подозревается в совершении конкретного преступления. Этот момент определяется не только процессуальным задержанием, но и применением к лицу меры пресечения в виде заключения под стражу. Последнее регулируется ст. 100 УПК РФ. Акцентируем, что процессуальное задержание происходит позже, чем фактическое задержание. По идее, процессуальное задержание наступает, во-первых, когда лицо уведомлено, что имеет право на защитника, а, во-вторых, когда оно доставлено в орган предварительного расследования. Поэтому законодатель должен в данном пункте указать временной период, с которого подозреваемый имеет право на защиту. Следовательно, этот вопрос нуждается в правовом урегулировании.

Интересна позиция В. Ю. Мельниковой. Она считает, что между фактическим и процессуальным задержанием подозреваемого существует временной интервал, к примеру, от нескольких минут до нескольких часов, представляющий собой «правовую пустоту». С этим трудно не согласиться, поэтому данный вопрос нуждается в дальнейшем совершенствовании [3, с. 203].

В соответствии с п. 4 ч. 3 ст. 49 УПК РФ возможность воспользоваться услугами защитника появляется с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, постановления о назначении судебно-психиатрической экспертизы. При этом обратим внимание на ст. 438 УПК РФ, где сказано, что в производстве о применении принудительных мер медицинского характера участие защитника является обязательным с момента вынесения постановления о назначении в отношении лица судебно-психиатрической экспертизы, но при единственном условии – если защитник ранее не участвовал в данном уголовном деле. Иными словами, норма предусматривает участие защитника с более раннего этапа. В связи с этим А. П. Рыжаков предлагает внести уточнение в перечень ч. 3 ст. 49 УПК РФ [1, с. 752]. Из этого констатируем, что лицо в данной ситуации не может самостоятельно осуществить право на защиту, что обуславливает

необходимость обязательного участия защитника, а вступление адвоката на более раннем этапе служит дополнительной гарантией права на защиту.

Пункт 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ закрепляет, что защитник может участвовать в уголовном деле с момента начала осуществления процессуальных действий, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Подчеркнем, что уголовно-процессуальное законодательство не содержит норму о лицах, в отношении которых может производиться проверка сообщения о преступлении. В связи с этим Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» отмечает, что правом на защиту обладает любое лицо, права и свободы которого затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности независимо от процессуального статуса [5].

К. А. Наумов указывает, что правом на защиту обладают в том числе и лица, права и свободы которых затрагиваются при проведении проверочных мероприятий. Следовательно, возникает несколько вопросов. Во-первых, каким комплексом прав обладает лицо, права и свободы которых нарушаются при проведении проверочных действий и, во-вторых, в какой момент в уголовном деле может участвовать защитник. Мы видим, что законодатель не расширил понятие «лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, предусмотренного ст. 144 УПК РФ». А значит, появляются всевозможные трудности при применении данной нормы [4, с. 101–105].

В заключение можно сказать, что институт защиты в уголовном процессе не теряет своей актуальности, а напротив, занимает лидирующее положение в системе уголовно-правовых отношений. Это обусловлено не только совершенствованием уголовных и уголовно-процессуальных норм, но и тем, что в настоящее время защитник является практически неотъемлемым участником уголовного процесса со стороны защиты. Таким образом, вопросы, рассмотренные в настоящей статье, позволят стороне обвинения, а именно органам дознания, следователю, дознавателю создать правильные условия для соблюдения прав подозреваемого (обвиняемого) в уголовном судопроизводстве.

Список использованных источников:

1. Долгополов, Р. Г. Момент вступления защитника в уголовное дело / Р. Г. Долгополов, И. С. Мельников. – Научный журнал «Молодой учёный». – 2015. – № 23 (103). –1027 с.

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ). – Текст : электронный. – Москва : КонсультантПлюс, 2020. – Загл. с титул. экрана (дата обращения: 02.03.2020). – Режим доступа : по подписке.

3. Меры принуждения в уголовном процессе России : монография / В. Ю. Мельников. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 421 с.

4. Наумов, К. А. О праве на защиту лица, в отношении которого проводится следственная проверка / К. А. Наумов. – Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 4 (33). – 135 с.

5. О практике применения судами законодательства, обеспечивающего права на защиту в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2015 № 29. – Текст : электронный. – Москва : Гарант, 2020. – Загл. с титул. экрана (дата обращения: 04.03.2020). – Режим доступа : по подписке.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.02.2020). – Текст : электронный. – Москва : КонсультантПлюс, 2020. – Загл. с титул. экрана (дата обращения: 13.03.2020). – Режим доступа : по подписке.

ФИГУРА СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ ИНСТИТУТА СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ

© Д.С. Костенко

Научный руководитель: А.Д. Назаров

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Дискуссия о введении следственных судей в уголовный процесс России не является новой. Можно охарактеризовать порядок её возникновения как циклический ввиду возникновения интереса к данной проблеме через определенные промежутки времени и скором затухании внимания к ней. Подобную ситуацию можно связать с отсутствием политической воли, реальных законодательных мер и устремлений по оформлению фигуры следственного судьи в уголовном судопроизводстве. Причины, в особенности политические, подобной закономерности могут быть различными, однако, рассмотрев научные подходы можно попытаться привести проблему к общему знаменателю. Таким образом,

первоначально необходимо абстрагироваться от политических мотивов и рассмотреть правовой институт следственных судей, а в последующем рассмотреть возможность его адаптации по отношению к разным социальным и политическим моделям.

В научных работах [10] присутствует информация о том, что институт следственных судей уже находил своё отражение в законодательстве России XIX в. после реформ и преобразований Александра II. Однако подробное изучение Устава уголовного судопроизводства Российской Империи 1864 г. свидетельствует о том, что такой процессуальной фигуры в России не существовало. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. подразумевал производство предварительного расследования судебным следователем (ст. ст.250–260; 269–271 УУС), руководил предварительным расследованием прокурор, указания которого были обязательны [8, с. 25]. В то же время законодательство закрепляло судебный контроль, который осуществлялся окружными и мировыми судьями без надления статусом «следственного судьи». Отсутствовала фигура следственного судьи и в советском законодательстве.

В современной России, несмотря на существующую дискуссию в научном обществе, на уровне государственного управления вопрос об определении следственных судей был твердо обозначен в 2015 году. Именно тогда президент России В. В. Путин рекомендовал Верховному Суду России до 15 марта 2015 г. изучить вопрос о возможности введения института следственных судей [12]. Положительное мнение по отношению к возникновению данного института высказывал председатель Конституционного суда России В. Д. Зорькин [13]. Тем не менее, фактическая реализация института была отложена.

Внимание к рассмотрению этого института было обращено вновь на заседании совета по правам человека при Президенте РФ в 2019 г. Так, известный в России адвокат Г. М. Резник высказал один из ключевых тезисов, обосновывающих необходимость изменений: «фигура следственного судьи необходима, поскольку одни и те же судьи, которые должны обеспечивать соблюдение прав человека в досудебной стадии, которые рассматривают дело, ходатайство об избрании и продлении меры пресечения, об арестах [...] затем рассматривают дела по существу» [11].

Представляется, что вопрос о необходимости введения следственного судьи является частным выражением вопроса об осуществлении и функциях судебного контроля. Содержание и сущность судебного контроля является предметом активного изучения большого числа авторов уже достаточно продолжительное время. Сконцентрируемся на основных подходах к сущности этого явления. Некоторые авторы полагают, что судебный контроль представляет собой форму осуществления правосудия, осуществляемую на стадии предварительного

расследования [5, с. 8]. Основными аргументами для обоснования этой позиции представляется рассмотрение «контрольного вопроса» в рамках судебного заседания, существование единой процедуры пересмотра судебных решений, а также действие основных принципов уголовного судопроизводства.

Другая точка зрения распространяет на судебный контроль характеристики правосудия в связи с наличием взаимосвязанных признаков особого производства – осуществление судебной проверки законности и обоснованности избрания мер пресечения, а также условие отсутствия рассмотрения существа конфликта, разрешение которого характеризует судебную деятельность, как правосудие [9, с. 25].

Достаточно распространена позиция о том, что судебный контроль является самостоятельной, особой формой осуществления правосудия в уголовном судопроизводстве [4, с. 22–24]. Похожего мнения придерживаются ученые, которые характеризуют контроль как одно из проявлений судебной защиты в уголовном процессе и не включают его к числу необходимых для осуществления функций правосудия [6, с. 4, 9].

Полагаем, что судебный контроль можно охарактеризовать как самостоятельную функцию в рамках деятельности по осуществлению правосудия. При этом само правосудие не будет подразумеваться как функция, а предстанет как обобщающий правовой элемент. Данный тезис можно аргументировать наличием принципа осуществления правосудия только судом, закрепленным в уголовно-процессуальном законодательстве (ст. 8 УПК РФ), что подчеркивает системообразующее значение такого элемента, как «правосудие».

Актуальной и оригинальной является сформулированная в теории «модель динамичного судебного контроля за досудебным производством», одной из основных целей которой является устранение следственных ошибок. Данная модель включает следующие элементы: расширение юрисдикции судебного контроля через «депонированный контроль, то есть легализацию на досудебных стадиях отдельных видов доказательств, и «предсудебный контроль» с его особо значимыми для доказывания и рассмотрения уголовного дела по существу контрольными действиями на стадии назначения судебного заседания; усиление требований к «арестному контролю» по собиранию, проверке и оценке доказательств в части обоснованности подозрения лица в инкриминируемом ему деянии; перераспределение некоторых судебных полномочий в пользу прокурора, например, предусмотренных в ст. 165 УПК РФ [7, с. 200].

Таким образом, в зависимости от выбора смыслового и теоретического подхода к определению судебного контроля будет разрешен вопрос о значении и статусе следственного судьи в уголовном процессе.

Характерно, что подобный институт уже был реализован на территории постсоветского пространства, например в Украине и в Республике Казахстан. К полномочиям следственного судьи в соответствии со ст. 55 УПК Республики Казахстан отнесены: санкционирование следственных действий, принятие решений по реализации и закреплению доказательств (в т. ч. депонирование показаний), возложение иных ограничительных мер, рассмотрение жалоб на действия должностных лиц. В тоже время следственный судья в Республике Казахстан исключен из дальнейшего отправления правосудия, поскольку законодательно не имеет полномочий предрешать вопросы, которые могут быть предметом судебного разбирательства при разрешении дела по существу. На этом основании некоторые исследователи делают вывод об организации нового самостоятельного и независимого субъекта с исключительно юрисдикционным, а не следственным характером [1].

Разумно обратить внимание на критику подобной системы. Как отмечают некоторые юристы, лица, осуществляющие предварительное расследование, теряют свою автономность и самостоятельность, что увеличит срок предварительного расследования [2, с. 18]. Л. В. Головкин в свою очередь характеризует следственного судью как «нотариуса» при реализации этой модели [3].

Подводя итог можно отметить, что вопрос о введении следственного судьи имеет высокую актуальность и закономерность. В тоже время проведенный опрос юристов (судей, прокуроров, следователей, адвокатов) в 2017 г. позволяет сделать вывод о том, что на момент опроса практики не видели необходимости в создании такого института [7, с. 383]. Данные факты указывают на то, что введение новой фигуры в уголовный процесс, тем более связанной с деятельностью суда, не может не повлечь за собой изменение сложившегося баланса в правовой системе. На этом основании формирование новой системы и её упорядочивание должны строиться на углублённом изучении института судебного контроля России в прямой взаимосвязи с принципами уголовного судопроизводства.

Список использованных источников:

1. Адилов С. А. Следственный судья в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 1.
2. Белкин А. Р. Следственный СУДЬЯ или СЛЕДСТВЕННЫЙ судья? // Уголовное судопроизводство. 2015. № 3.
3. Головкин Л. В. Институт следственных судей: американизация путем манипуляции. URL: http://rapsinews.ru/legislation_publication/20150320/273362096.html.
4. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2002.

5. Лебедев В. М. Судебная защита свободы и личной неприкосновенности граждан на предварительном следствии. Учеб. пособие / Рос. акад. правосудия. М., 2001. – 160 с.

6. Лопаткина Н. А. Институт судебного контроля на досудебных стадиях уголовного процесса России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2002. – 168 с.

7. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы. Дис. ... д-р юрид. наук.: СПб, 2017. – 352 с.

8. Пиук А. В. «Следственный судья» или «судебный следователь»: какая реформа нужна? // Уголовная юстиция. – 2014. № 2(4).

9. Солодилов А. В. Судебный контроль в системе уголовного процесса России. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1997.

10. Чуприн Д. А. Необходимость введения следственного судьи в уголовный процесс России // Международный студенческий научный вестник. – 2018. – № 1.; URL: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=18121> (дата обращения: 06.04.2020).

11. Шувалова М. Разработка предложений по расширению подсудности судов присяжных и созданию института следственных судей – один из приоритетов работы СПЧ в 2020 году // СПС «ГАРАНТ».

12. Смирнов А. Докажите, ваша честь. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2015/01/13/sud.html>

13. Зорькин В. Конституция живёт в законах. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2014/12/18/zorkin.html>

КОНТРОЛИРУЕМЫЕ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ. СОЗДАНИЕ КОНТРОЛИРУЕМЫХ КОЛЛЕГИЙ, МЕТОДЫ ИХ КОНТРОЛЯ, СПОСОБЫ НИВЕЛИРОВАНИЯ

© Е.В. Логинова

Научный руководитель: А.А. Брестер

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Явление контролируемой коллегии присяжных имеет неюридическую природу, поэтому необходимо рассматривать данный вводимый термин посредством толкования его с точки зрения социологии.

Контролируемой коллегией присяжных заседателей является та коллегия, итоговое решение которой было целенаправленно сформировано под

воздействием иных, непроцессуальных, способов и методов, как в форме прямого, так и в форме косвенного или опосредованного контроля и влияния.

Проблема контролируемых коллегий неоднократно [8; 12] освещалась в СМИ, в публикациях учёных-юристов, адвокатов и правозащитников, ведь от того, будет ли коллегия присяжных заседателей беспристрастной и объективной либо будет подчинена стороне обвинения, зависит законность выносимого ею решения, а, следовательно, жизнь обвиняемого и судебная система в целом.

Создание коллегии регулируется УПК РФ [14] и ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [2].

Согласно регламенту процедура случайной выборки присяжных заседателей проводит секретарь суда, соответственно, суду доступна более полная информация о присяжных, нежели стороне защиты, вследствие чего появляется некоторая непрозрачность, которая проявляется в таких явлениях, как:

1) в число кандидатов попадают граждане, ранее бывшие присяжными и принявшие нужные для обвинения решения.

2) по особо резонансным делам в состав коллегии часто попадают граждане, имеющие отношение к органам власти – те, кто наиболее лоялен к ней (дело физика Сутягина [12] (обвинялся в шпионаже), где в составе коллегии присяжных согласно доводам [5] стороны защиты оказался бывший сотрудник Службы внешней разведки).

В связи с тем, что статьёй 327 УПК [14] определено минимальное количество кандидатов, из числа которых должен производиться отбор присяжных заседателей, на этапе формирования коллегий можно наблюдать такие действия со стороны председательствующего как:

- заявление собравшимся участникам процесса о том, что количество пришедших кандидатов меньше требуемого законом минимального. Так как судья не имеет обязанности предоставлять сторонам каких-либо списков вызываемых и явившихся граждан, это заявление невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть [11].

- постоянные переносы заседаний по различным причинам (ропуск коллегии по делу Пичугина-Пешкуна по причине постоянных переносов заседаний из-за болезни участников процесса [7]; дело против Поддубного и Бабкова, где председательствующий по делу временно распустил присяжных вследствие того, что он вспомнил, что ему необходимо рассмотреть другое дело [6]).

Сформировав коллегию присяжных, у суда и государственного обвинителя появляется возможность её прямого контроля. Под прямым контролем понимается непосредственное влияние на решения и непосредственный надзор за

действиями присяжных в рамках производства в суде с участием присяжных заседателей.

Основными методами прямого контроля являются:

1) Внедрение «агентов» («нужных» людей) в коллегии.

Данный метод прослеживается в деле по убийству С. Маркелова и А. Бабуровой, где, согласно заявлению бывшей присяжной по данному делу Анны Добрачевой, два присяжных заседателя агитировали остальных членов коллегии на вынесение обвинительного приговора [10], и в деле Игоря Сутягина (обвинявшегося в шпионаже), где среди присяжных, согласно аргументам представленным заявителем в деле ЕСПЧ Сутягин против России [5], оказался отставной сотрудник разведки и ФСБ.

2) Давление во время принятия присяжными решения.

После процесса в Ульяновском областном суде трое присяжных направили на имя председателя ВС РФ и руководителя СК РФ обращение, в котором сообщают об оказанном на них давлении со стороны гособвинителя и помощника судьи: изначально большинством голосов был дан ответ о невинности подсудимых, кроме эпизода на турбазе «Дача», но помощник судьи уносила куда-то опросный лист, это «происходило неоднократно, и каждый раз, когда ответы не устраивали, лист возвращался назад со словами, что нужно переделать, и так до тех пор, пока вердикт не стал обвинительным для всех» [9]. Защитники в апелляционной жалобе в ВС по делу Едигаряна А.С., Алиева Р.А [1] также указывали на давление со стороны судебного пристава, судебных секретарей и судьи во время обсуждения присяжными вердикта.

3) Беседы с присяжными вне зала суда.

В адресованной в президиум Верховного Суда РФ надзорной жалобе по делу Н. Воскресова отмечалось, что кассационной инстанцией были проигнорированы заявления граждан о встречах руководителя группы следователей гр-на Я. со старшиной присяжных заседателей во время процесса. Эти заявления были направлены Верховным судом для проверки в Ростовский областной суд, откуда их передали в прокуратуру Ростовской области. В итоге проверка производилась входившим в следственную группу по делу Н. Воскресова следователем С., подчиненным гр-на Я [4]. Данный факт подтверждает порочность системы контроля за возможным совершением государственным обвинителем противоправных действий и, как следствие, безнаказанность за нарушение закона.

4) Отводы неугодных присяжных из коллегий.

Отвод может быть осуществлен под любым, даже самым абсурдным предлогом: отвод присяжного заседателя при рассмотрении дела Павла Федулаева за

«нарушение объективности и непредвзятости», выразившейся в обыкновенной вежливости (присяжный поздоровался с одним из адвокатов подсудимого) [8].

Способами нивелирования этой проблемы, на мой взгляд, являются:

- открытая процедура формирования списков присяжных на конкретное дело (не единолично секретарём);
- закрепление в УПК обязанности судьи предоставлять сторонам списки вызванных граждан для формирования коллегии присяжных и явившихся по факту;
- увеличение количества немотивированных отводов;
- предоставление более полной информации стороне защиты о кандидатах в присяжные заседатели (для уравнивания в осведомленности о кандидатах в присяжные заседатели со стороны обвинения);
- введение уголовно-процессуального пододобия «эстоппеля» в рамках деятельности государственного обвинителя и суда (запрет недобросовестности и злоупотреблений – как в случае с держанием «про запас» информации о присяжных, которая может послужить основанием для отмены приговора [3] или расформирования коллегии [13], и использованием её только в случае, когда вынесенное решение не будет устраивать).

Список использованных источников:

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 07.02.2019 по делу № 45-АПУ19-2сп [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа : http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1742162.
2. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 20.08.2004 № 113-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 17.11.2009 № 1446-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капралова Станислава Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 326, 327 и 328 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, а также статей 5, 7 и 8 Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=131700#0611002417886243>.

4. Пашин, С.А. Суд присяжных: проблемы и тенденции [Электронный ресурс] / С.А. Пашин // Сайт электронной библиотеки правозащитной литературы. – Режим доступа: http://www.biblioteka.freepress.ru/doc/sud_pacshin.html.
5. Постановление ЕСПЧ по делу Сутягин (Sutyagin) против Российской Федерации от 03.05.2011 жалоба № 30024/02 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=277679#04537997628928885>.
6. СМИ: Бунт присяжных [Электронный ресурс] // Российская общественно-политическая газета. – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2004/11/04/20396-bunt-prisyazhnyh>.
7. СМИ: Дело Алексея Пичугина [Электронный ресурс] // Электронный сайт по делу Алексея Пичугина. – Режим доступа: <http://www.alexey-pichugin.ru>.
8. СМИ: Обвинение по делу бывших работников Павла Федулева разваливается [Электронный ресурс] // Информационное агентство. – Режим доступа : <https://eanews.ru/news/news/i173529>.
9. СМИ: Присяжные просят измерить давление [Электронный ресурс] // Российская ежедневная общественно-политическая газета. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/1967243>.
10. СМИ: Присяжных оставили в деле об убийстве адвоката [Электронный ресурс] // Российская ежедневная общественно-политическая газета. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/1624244>.
11. СМИ: Суд с девятой попытки собрал присяжных для пересмотра дела «приморских партизан» [Электронный ресурс] // Правовое интернет-издание. – Режим доступа: <https://pravo.ru/news/view/126375>.
12. СМИ: Сутягина посадили «присяжные в штатском»? [Электронный ресурс] // Российская общественно-политическая газета. – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2004/04/08/22456-sutyagina-posadili-prisyazhnye-v-shtatskom>.
13. Степанидзе Е. Скандал в деле Марусова: судья снят с процесса, коллегия присяжных распущена [Электронный ресурс] / Е. Степанидзе. – Режим доступа : <https://www.babr24.com/irk/?IDE=198060>.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от от 18.12.2001 № 174-ФЗ ред. от 07.04.2020. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.

РОЛЬ ПРОКУРОРА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

© А.Д. Лукашеева

Научный руководитель: А.Г. Трофимик

Сибирский федеральный университет

Прокурор – должностное лицо, уполномоченное в пределах своей компетенции осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия. Так определяет прокурора наш уголовно-процессуальный закон и характеризует его тремя основными функциями – уголовное преследование, надзор за деятельностью органов расследования, поддержание государственного обвинения.

О том, что прокурор является государственным обвинителем, нам говорит уже названный уголовно-процессуальный закон в ч. 3 ст. 37 и Федеральный закон «О прокуратуре РФ» в ч. 2 ст. 35. Но можем ли мы категорично относить прокурора к стороне обвинения и к органу, осуществляющему уголовное преследование? Для ответа на этот вопрос нам следует начать рассуждения с уголовно-процессуальных функций.

Статья 15 УПК РФ называет функции обвинения, защиты и разрешения уголовного дела, а также подчеркивает самостоятельность и независимость каждой из функций и их равенство между собой [1]. Названные в указанной статье функции производны из основных направлений деятельности. Однако В.П. Божьев полагает, что выделение в российском уголовном процессе только трех уголовно-процессуальных функций не соответствует реалиям. Поскольку функция уголовного обвинения осуществляется с появлением подозреваемого или обвиняемого, то появляется вопрос: какая же функция осуществляется до появления указанных процессуальных фигур в уголовном деле? Не отрицая того факта, что первоначально реализуется именно функция обвинения, а затем уже функция защиты и как следствие – функция разрешения дела по существу, В.П. Божьев полагает, что до обвинения реализуется функция расследования уголовного дела [2, с. 5]. В связи с этим автор отстаивает точку зрения о наличии четырех функций в уголовном судопроизводстве. Я согласна с его мнением и считаю, что наличие функции расследования уголовного дела можно обосновать.

Для дальнейших рассуждений следует развести понятия «функция обвинения» и «уголовное преследование».

Уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в

совершении преступления (п. 55 ст. 5 УПК). Думаю, что формулировка «сторона обвинения» в данном контексте нашего законодательства неуместна, поскольку «сторона обвинения» появляется несколько позже, а деятельность по расследованию и раскрытию преступлений должна основываться на принципе всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела. То есть речи о стороне обвинения (и стороне защиты) на этапе предварительного расследования быть не может.

Полагаю, что уголовное преследование начинается на этапе досудебного производства, а начальный момент досудебного производства определен законодателем с момента получения сообщения о преступлении (п. 9 ст. 5 УПК РФ). После проверки сообщения о преступлении орган дознания, дознаватель, следователь, руководитель следственного органа при достаточных данных, указывающих на признаки преступления, принимает решение о возбуждении уголовного дела. С момента вынесения решения о возбуждении уголовного дела начинается предварительное расследование, а, следовательно, и уголовное преследование. Думаю, что понятие «предварительное расследование» шире, чем «уголовное преследование», так как оно направлено на выяснение всех обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а уголовное преследование лишь на избрание подозреваемого и обвиняемого. Факт надения лица, совершившего преступление, процессуальным статусом подозреваемого, а затем и обвиняемого, следует рассматривать как этап деятельности по уголовному преследованию, но не как элементы, составляющие содержание функции обвинения. Функция обвинения – деятельность, направленная на доказывание виновности конкретного лица в конкретном уголовном деле, следовательно, она может быть реализована лишь на стадии судебного производства.

В настоящее время прокурор рассматривает поступившее от следователя или дознавателя уголовное дело с обвинительным заключением или с обвинительным постановлением (актом) и принимает по нему соответствующее решение о возбуждении государственного обвинения. В этом случае прокурор является адресатом доказывания, т.к. следователь или дознаватель доказывает ему законность и обоснованность обвинения, предъявленного конкретному лицу. После принятого решения о возбуждении государственного обвинения прокурор на стадии судебного разбирательства сам становится субъектом доказывания, так как обоснованность и законность обвинения он доказывает суду. Данные рассуждения не позволяют считать, что прокурор выполняет функцию обвинения на этапе досудебного производства, следовательно, «обвинение» не равно «уголовное преследование».

С этой точки зрения временные границы реализации уголовно-процессуальных функций могут быть определены таким образом: – функция расследования уголовного дела начинается с момента получения сообщения о преступлении и заканчивается принятым решением прокурора о передаче уголовного дела в суд; – функция обвинения начинает реализовываться с момента поступления уголовного дела в суд и заканчивается моментом вступления судебного решения в законную силу; – функция защиты начинает реализовываться с момента появления функции обвинения и заканчивается в судебных инстанциях, в том числе и по пересмотру судебного приговора суда первой инстанции; – функция разрешения уголовного дела начинает реализовываться с момента поступления уголовного дела в суд и заканчивается принятием судебного решения, вступившего в законную силу.

По моему мнению, и функций, осуществляемых прокурором, больше, чем это предусмотрено в ст. 37 УПК. Рассмотрим каждую из них.

Говоря о функции надзора, в первую очередь мы берем во внимание надзор за выполнением оперативно-розыскных мероприятий и проведением расследования, а также за законностью решений, принимаемых органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

На стадии предварительного расследования надзорная функция прокурора проявляется в том, что он руководствуется исключительно интересами исполнения закона, при этом, если потребуется, жертвуя результативностью уголовного преследования.

Так, одни ученые считают, что на стадии предварительного расследования прокурор осуществляет функцию «управления качеством расследования». Реализация цели уголовного процесса и задачи стадии предварительного расследования возможна лишь при высококачественной работе органов следствия и дознания, а так же лишь при исполнении закона.

Другие ученые рассматривают надзорную деятельность прокурора как форму осуществляемого им уголовного преследования [3, с. 93]. Цель уголовного преследования будет достигнута лишь при условии реализации функции надзора за точным исполнением уголовно-процессуального закона органами предварительного расследования. С этой точки зрения функция государственного обвинения на этапе судебного производства производна от функции уголовного преследования на этапе досудебного производства – поддерживая государственное обвинение в суде, прокурор продолжает осуществлять уголовное преследование.

Ст. 29 ФЗ «О прокуратуре РФ» называет предметом надзора и соблюдение прав и свобод человека и гражданина [4]. Такое положение тесно переплетается

с еще одной функцией прокурора, которую он осуществляет на протяжении всего уголовного процесса – с правозащитной функцией.

Всем известно, что нарушения уголовно-процессуального закона в досудебном производстве могут привести к постановлению несправедливого приговора, поэтому Генеральным прокурором РФ приказано считать ненадлежащим исполнением служебного долга: направление прокурором в суд дела, при расследовании которого были допущены существенные нарушения; требование о вынесении обвинительного приговора при отсутствии доказательств виновности подсудимого. В этом прослеживается правозащитная функция прокурора. Она требует, чтобы в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель, придя к убеждению, что представленные доказательства не подтверждают предъявленное подсудимому обвинение, отказывался от обвинения и излагал суду мотивы своего отказа. Кроме того, до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора прокурор может также изменить обвинение в сторону смягчения путями, предусмотренными в УПК [5, с. 71].

Правозащитная деятельность прокуратуры в уголовном судопроизводстве имеет место быть в первую очередь, так как главной задачей прокурорского надзора является защита прав и свобод человека.

Следующая функция, которой УПК наделяет прокурора, это уголовное преследование.

По УПК одной из форм уголовного преследования признается подача прокурором апелляционного или кассационного представления в суд второй инстанции на оправдательный приговор. Но это не говорит исключительно об обвинительном характере деятельности прокурора. Ч. 1 ст. 36 ФЗ «О прокуратуре РФ» дает прокурору право приносить протест в отношении решения, приговора, определения или постановления суда, которое он считает незаконным или необоснованным. Это говорит, в первую очередь, об осуществляемом прокурором надзоре за законностью, а не об обвинительном характере его деятельности.

Таким образом, прокурор на этапе досудебного производства осуществляет функцию прокурорского надзора (за законностью и обоснованностью действий и решений органов предварительного расследования; за соблюдением прав и свобод лиц, участвующих в уголовном деле), функцию государственного обвинения на этапе судебного производства; правозащитную функцию на протяжении всего уголовного процесса.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (часть I). – Ст. 4921.
2. Божьев В. П. Состязательность на предварительном следствии / В. П. Божьев // Законность. – 2004. – № 1. – С. 5-7.
3. Безрядин В.И. Процессуальное положение прокурора в уголовном судопроизводстве: некоторые дискуссионные вопросы // Юридическая наука: история и современность. – 2012. – № 10. – С. 92-97.
4. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 // Собрание законодательства РФ. – 20.11.1995. – № 47. – С. 4472.
5. Берова Д.М. К вопросу о функциях прокурора в сфере уголовного судопроизводства // Вестник академии экономической безопасности МВД России. – 2009. – № 12. – С. 68-72.

**ВЛИЯНИЕ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ НА ИЗМЕНЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ**

© М.Д. Луцаева, Т.В. Солонкина

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Присоединяясь к какой-либо конвенции государство, как правило, обязуется привести свое законодательство в соответствие с ней. Иначе в случае коллизии приоритетному применению подлежит международный договор, что прямо следует из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ [2, с. 5]. Следовательно, влияние такого источника как международный договор на изменения национального законодательства не вызывает сомнений. Однако статус практики Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) активно обсуждается. Тем не менее, постановления ЕСПЧ, вынесенные против РФ, подлежат обязательному исполнению, (с ограничениями введенными Постановлением Конституционного суда РФ в 2015 году [12]). Кроме того, на протяжении многих лет они оказывали существенное влияние на совершенствование нормативно-правовых актов РФ, в числе которых находится УПК РФ. Ведь государство должно принять как меры частного характера, чтобы

устранить нарушения прав человека, так и меры общего характера, чтобы в будущем предотвратить похожие ситуации [1, с. 36].

В связи с этим представляет интерес Указ Президента РФ № 657, в соответствии с которым Министерство юстиции РФ обязано проводить правоприменительный мониторинг в целях выполнения постановлений ЕСПЧ, в связи с которыми необходимо принятие, изменение или признание недействующими тех или иных нормативно-правовых актов [14]. Следовательно, на законодательном уровне влияние ЕСПЧ проявляется: 1) в дополнении УПК РФ новыми статьями, ранее неизвестными ему; 2) в изменении уже существующих положений уголовно-процессуального законодательства.

В качестве примеров дополнения УПК РФ новыми статья можно привести ст. 56.1, 281.1 и ст. 405.1 УПК РФ.

Так, федеральным законом РФ от 30.10.2018 № 376-ФЗ в УПК были введены ст. 56.1, определяющая статус нового субъекта уголовного процесса (далее – субъекта ст. 56), а так же ст. 281.1, устанавливающая порядок его допроса и оглашения показаний в ходе судебного разбирательства. Соответствующие изменения были внесены в ст. 113, 164, 264, 287, 288, 389.13 УПК РФ. Данные поправки были разработаны в целях реализации Постановления Конституционного Суда (далее – КС РФ) № 17-П, в котором суд обязал законодателя внести поправки в УПК РФ, касающиеся участия субъекта ст. 56 в судебном разбирательстве по основному делу в целях дачи показаний в отношении лиц, обвиняемых в том же преступлении в соучастии с ним [13]. В качестве обоснования КС РФ указал, что такое лицо не является обвиняемым по основному уголовному процессу, однако при этом его позиция не является процессуально нейтральной, как позиция свидетеля. В свою очередь, предпосылками такого Постановления КС РФ являлось Постановление ЕСПЧ «Навальный и Офицеров против РФ», в п. 105 которого ЕСПЧ установил, что обстоятельства, установленные на основании досудебного соглашения, не могут быть предметом правовой презумпции и, следовательно, не подлежат заимствованию в другом судопроизводстве без их тщательной проверки, с соблюдением принципа состязательности [6]. Такой вывод потребовал урегулирования как статуса соответствующего субъекта (ЕСПЧ назвал его свидетелем), так и других связанных с ним положений на законодательном уровне.

Что касается ст. 450.1 УПК РФ, то ее введение было обусловлено неоднократным обращением ЕСПЧ к вопросу в отношении обыска у адвоката в Российской Федерации. Значимыми в этой части можно назвать такие решения как «Александян против РФ» [4], «Колесниченко против РФ» [5], «Юдицкая и другие против РФ» [10], «Рожков против РФ» [7] и другие. Появление данной статьи в 2017 году предоставило дополнительные гарантии неприкосновенности адвокатской

тайны при производстве осмотра, обыска, выемки в отношении адвоката. Законодатель последовал правовой позиции ЕСПЧ, указанной в Постановлении «Юдицкая и другие против РФ», о том, что решение, в котором содержатся основания для проведения обыска, проверки личной корреспонденции адвоката и т.п., должно быть сформулировано настолько четко и определенно, насколько это возможно по обстоятельствам дела. Кроме того, такое решение должно позволять разграничить те материалы, которое относятся к предмету поиска, от материалов, защищенных адвокатской тайной [11, с. 16]. В свою очередь, в Постановлении ЕСПЧ «Колесниченко против РФ» были подняты вопросы о статусе присутствующих при производстве процессуальных действий независимых наблюдателей, ограничивающих адвокатскую тайну. По новым правилам ст. 450.1 УПК РФ осмотр, выемка обыск в отношении адвоката проводятся только в присутствии члена совета адвокатской палаты субъекта РФ, на территории которого проводятся следственные действия или же в присутствии иного представителя, уполномоченного президентом этой адвокатской палаты, обеспечивающих неприкосновенность предметов и сведений, составляющих адвокатскую тайну. Кроме того, законодатель закрепил в данной статье правило, по которому все вышеуказанные действия проводятся только после возбуждения уголовного дела в отношении адвоката или привлечения его в качестве обвиняемого. Таким образом, благодаря вышеупомянутым постановлениям ЕСПЧ и ряду других был устранен существующий правовой пробел в положениях об обыске у адвоката.

Как пример изменений и дополнений, внесенных в уголовное процессуальное законодательство, можно привести положения, касающиеся мер пресечения, в частности ч. 1 ст. 108 и ч. 4 и ч. 8 ст. 109 УПК РФ – заключение и сроки содержания под стражей, основанием которых послужили несколько Постановлений ЕСПЧ.

Первым из них было дело Шерстобитов против РФ [9]. Заявитель находился под стражей более четырнадцати месяцев, однако такой срок его заключения не имел под собой достаточных оснований. ЕСПЧ было установлено, что необходимость продления срока лишения свободы нельзя оценивать исключительно с абстрактной точки зрения, основываясь лишь на тяжести совершенного преступления. Кроме того, продление срока содержания под стражей также нельзя использовать в качестве меры пресечения на время ожидания вынесения приговора. В связи с этим были внесены изменения в ч. 4 ст. 109 УПК РФ, установившей пределы срока содержания под стражей и ч. 8 ст. 109 УПК РФ, в котором сказано о необходимости указания оснований и мотивов дальнейшего продления срока содержания обвиняемого под стражей. Более того, судья должен принять соответствующее решение, исходя из приведенных мотивов и учитывая правовую и фактическую сложность материалов уголовного дела, общую продолжительность досудебного

производства, эффективность действий должностных лиц органов предварительного расследования и своевременность производства процессуальных действий. Вышеупомянутое Постановление ЕСПЧ, а так же Постановление ЕСПЧ «Ананьев против РФ» [3] оказали влияние и на ч. 1 ст. 108 УПК РФ, где у суда появилась обязанность указывать в постановлении фактические обстоятельства, на основании которых он принял решение о заключении лица под стражу. ЕСПЧ подчеркнул значение вопроса об определении четких оснований для избрания данной меры пресечения, а также возможности применения альтернативных мер в рамках закона, если применение более жесткой меры не требуется для обеспечения надлежащего порядка судопроизводства. Кроме того, длительность срока содержания под стражей обвиняемого зависит от того, насколько основательны аргументы в пользу решения вопроса о продлении срока содержания под стражей – на что указал ЕСПЧ еще в 2005 году в Постановлении «Худоеров против РФ» [8].

Таким образом, практика ЕСПЧ оказывает огромное влияние на реформирование отечественного уголовно-процессуального законодательства, способствуя изменению существующих положений в УПК РФ или добавлению новых и исключению противоречащих основным положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод норм, что, безусловно, оказывает позитивное воздействие на правовое регулирование в целом.

Список использованных источников:

1. Амплеева Е.Е. Российская Конституция и международное право // Криминалист. 2013. № 2(13). С. 31-36.
2. Конституция Российской Федерации : офиц. текст. – Москва : Проспект, 2017. – 31 с.
3. Постановление ЕСПЧ от 10.01.2012 по делу Ананьев и другие против Российской Федерации [Ananyev and Others v. Russia]. Жалоба № 42525/07, 60800/08.
4. Постановление ЕСПЧ от 12.12.2008 г. по делу Алексанян против РФ [Aleksanyan v. Russia]. Жалоба № 46468/06.
5. Постановление ЕСПЧ от 09.04.2009 г. по делу Колесниченко против РФ [Kolesnichenko v. Russia]. Жалоба № 19856/04.
6. Постановление ЕСПЧ от 23.02.1016 г. по делу Навальный и Офицеров против РФ [Navalnyy and Ofitserov v. Russia]. Жалобы № 46632/13 и 28671/14.
7. Постановление ЕСПЧ от 31.01.2017 г. по делу Рожков против РФ [Rozhkov v. Russia]. Жалоба № 38898/04.
8. Постановление ЕСПЧ от 08.11.2005 г. по делу Худоеров против РФ [Khudoyorov v. Russia]. Жалоба № 6847/02.

9. Постановление ЕСПЧ от 10.06.2010 по делу Шерстобитов против РФ [Sherstobitov v. Russia]. Жалоба № 16266/03.

10. Постановление ЕСПЧ от 12.02.2012 г. по делу Юдицкая и другие против РФ [Yuditskaya and Others v. Russia]. Жалоба № 5678/06.

11. Слифиш М.В. О новых правилах защиты адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве в Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука, 2018. № 5. С. 15-25.

12. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней ... в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

13. По делу о проверке конституционности положений частей второй и восьмой статьи 56, части второй статьи 278 и главы 40.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Усенко : постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2016 № 17-П // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

14. Указ Президента РФ от 20 мая 2011 года № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

ПРАВО НА СПРАВЕДЛИВОЕ СУДЕБНОЕ РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В РАМКАХ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ

© И.П. Лысенко

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Право на справедливое судебное разбирательство является одним из основополагающих. Данное право закреплено в ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) [1]. Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) в большинстве дел затрагивает вопрос о справедливости судебного разбирательства – это подтверждает фундаментальность данной категории.

Объектом исследования ЕСПЧ является, в первую очередь, справедливость судебного разбирательства, а не вопрос об ошибке факта или права, которую мог

допустить национальный суд. В ст. 6 Конвенции содержатся общие положения о праве на справедливое судебное разбирательство. Не всегда данных положений достаточно для вынесения справедливого решения. Поэтому в нашей работе мы использовали позиции ЕСПЧ по отдельным вопросам.

В общем понимании категория справедливого судебного разбирательства, отметил ЕСПЧ, приравнивается к соблюдению равенства сторон в ходе процесса. Безусловно, такое понимание является общим – суд обязан учитывать характер и обстоятельства дела, его сложность. В частности, как указал суд, учитывается возможность представлять доказательства, либо же оспаривать представленные доказательства [2].

В пункте 2 статьи 6 закреплена презумпция невиновности. Обратимся к практике ЕСПЧ по данному вопросу.

В деле «Федоренко против России» ЕСПЧ признал нарушение данного принципа по следующим основаниям. Заявитель обращал внимание, что в постановлении суда, которым ему была избрана мера пресечения, констатировалось совершение преступления обвиняемым. Это может означать лишь одно – без вынесения приговора суда, по сути, причастность лица к совершению преступления презюмировалась. В этой части ЕСПЧ признал нарушение пункта 2 статьи 6 Конвенции [3].

В следующем абзаце речь пойдет о подпункте (а) пункта 3 статьи 6 Конвенции.

В своем решении по делу «Варела Хейс против Испании» ЕСПЧ высказался следующим образом. Лицам предоставлено право быть уведомленными «о деяниях, которые они предположительно совершили и на которых основано обвинение», а также о правовой квалификации таких деяний. ЕСПЧ отмечает, что в уголовном процессе это является существенной предпосылкой для справедливого судебного разбирательства. В решении суд верно отметил, что требований к порядку уведомления Конвенция не содержит, однако, такое уведомление должно быть «предсказуемым». Что касается уведомления на понятном языке – Конвенция отмечает, что у обвиняемого есть право пользоваться помощью переводчика, о чем пойдет речь чуть ниже [4].

Подпункт (b) пункта 3 статьи 6 предусматривает, что у обвиняемого должно быть достаточно времени и возможности для подготовки защиты.

В деле «Ангилов и другие против Российской Федерации» Хамовнический районный суд г. Москвы избрал заявителям меру пресечения в виде заключения под стражу. Заявители жаловались, что скоротечный судебный процесс, а также ограниченные правила посещения адвокатом СИЗО ограничивали возможность им согласовать с адвокатом линию защиты. В частности, отмечали заявители, в

судебном процессе они находились в клетках, на расстоянии 1,5–2 метра от своих адвокатов, а правила СИЗО не предусматривали право посещения заявителей по выходным [5].

ЕСПЧ нашел здесь нарушение подпункта (b) пункта 3 статьи 6 по следующим основаниям. Порядок работы залов судебных заседаний не обеспечивали конфиденциальности общения между адвокатами и их подзащитными – заявители могли общаться с защитником только во время краткосрочных перерывов под наблюдением сотрудников полиции. Что касается порядка посещения СИЗО – то заявители необоснованно были ограничены права на свидание с адвокатом. ЕСПЧ отметил, что данная ситуация является «необязательным ограничением права на конфиденциальное общение со своими адвокатами».

Подпункт (c) пункта 3 статьи 6 Конвенции формулирует общие права обвиняемого на защиту. Рассмотрим практику ЕСПЧ по данному вопросу.

В деле «Шехов против Российской Федерации» ЕСПЧ нашел нарушения вышеуказанного положения по следующим основаниям. В ходе судебного разбирательства заявитель был представлен адвокатом по назначению. Однако, адвокат на кассационном слушании не присутствовал, приговор в отношении заявителя не обжаловал. Суд отметил, что согласно законодательству Российской Федерации на судебные органы вне зависимости от того, требовал ли этого заявитель, возложена обязанность назначить адвоката. Поскольку заявитель никогда не отказывался от своего права на защиту, а суд не предпринял мер для участия адвоката, то подпункт (c) был нарушен [6].

Подпункт (d) пункта 3 статьи 6 Конвенции формулирует право обвиняемого на вызов и допрос свидетелей.

В деле «Сульдин против Российской Федерации» ЕСПЧ усмотрел нарушение данного подпункта по следующим основаниям. В ходе судебного разбирательства свидетели событий не присутствовали, заслушаны судом не были. Соответственно, сторона защиты не имела возможности допросить свидетелей, наблюдать за их поведением в ходе допроса, а, следовательно, сформировать собственное мнение о честности таких свидетелей, о достоверности их показаний. Тем не менее, показания свидетелей, данные ими в ходе предварительного расследования, были оглашены судом и приобщены в качестве доказательств, что является грубым нарушением закона [7].

Подпункт (e) пункта 3 статьи 6 предоставляет обвиняемому право «пользоваться бесплатной помощью переводчика, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке».

В деле «Хусаин против Италии» ЕСПЧ указал, что подпункт (e) не конкретизирует, в какой форме должна быть представлена соответствующая информация.

Европейский Суд отметил, что в данном подпункте имеется ввиду устный переводчик, а не письменный. Таким образом, устная помощь, оказанная заявителю, вполне соответствует положениям Конвенции. Однако, уточняет ЕСПЧ, такой перевод должен обеспечивать обвиняемому ознакомление с возбужденным против него делом. ЕСПЧ отмечает, что перевод должен быть таким, чтобы на его основании обвиняемый мог осуществить свою защиту, излагать суду свою версию событий [8].

Таким образом, хочется отметить, что право на справедливое судебное разбирательство есть категория системная, включающая в себя ряд основных критериев, выделенных в Конвенции. В своей работе мы привели примеры судебных решений, дающие более полное толкование ст. 6 Конвенции. В каждом своем решении ЕСПЧ даёт более полное толкование ст. 6 Конвенции применительно к особенностям отдельного уголовного дела, что позволяет точнее определиться с понятием справедливого судебного разбирательства.

Список использованных источников:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства РФ, 08.01.2001, № 2, ст. 163.
2. Решение ЕСПЧ от 30 ноября 1987 г. по делу *N. vs Belgium* // *Judgments and Decision, Volume 127 (1987)*.
3. Постановление ЕСПЧ от 20.09.2011 «Дело «Федоренко (Fedorenko) против Российской Федерации» (жалоба № 39602/05) // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2013, № 2.
4. Постановление ЕСПЧ от 05.03.2013 по делу «Варела Хейс (Varela Geis) против Испании» (жалоба № 61005/09) // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека», 2013, № 8.
5. Постановление ЕСПЧ от 17.04.2018 «Дело «Ангиров и другие (Angirov and Others) против Российской Федерации» (жалоба № 30395/06) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.
6. Постановление ЕСПЧ от 19.06.2014 «Дело «Шехов (Shekhov) против Российской Федерации» (жалоба № 12440/04) // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека». 2015. № 5.
7. Постановление ЕСПЧ от 16.10.2014 «Дело «Сулдин (Suldin) против Российской Федерации» (жалоба № 20077/04) // Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание. 2015, февраль. № 2 (14). С. 25 – 37.

8. Решение ЕСПЧ от 24.02.2005 по делу «Хусаин (Husain) против Италии» (жалоба № 18913/03) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 7.

ИТОГОВОЕ СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ КАК ПРЕДМЕТ СПЛОШНОЙ КАССАЦИИ

© С.А. Масарновская
Научный руководитель: А.Д. Назаров
д-р юрид. наук
Сибирский федеральный университет

В Российской Федерации с 01 октября 2019 года начали свою деятельность девять отдельных кассационных судов общей юрисдикции, созданные для повышения эффективности механизма обеспечения законности судебных решений, а также беспристрастности и независимости деятельности судей как внутри судебской корпорации, так и в контексте взаимоотношений с региональными властями.

С целью реализации положений Федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы в связи с созданием кассационных судов общей юрисдикции и апелляционных судов общей юрисдикции» Федеральным законом от 11 октября 2018 года №361-ФЗ были внесены изменения в положения Уголовно-процессуального кодекса РФ. Так, в статье 401³ УПК РФ появился термин «сплошная кассация», то есть новый порядок производства в суде кассационной инстанции с назначением судебного заседания суда кассационной инстанции без предварительного решения судьи о передаче кассационной жалобы (представления) для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. В порядке сплошной кассации пересматриваются только приговор и иное итоговое судебное решение [5].

Исходя из положений п. 53² ст. 5 УПК РФ, итоговым судебным решением уголовное дело разрешается по существу. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ дается расширительное толкование итогового судебного решения. Согласно указанному Постановлению, под итоговым судебным решением следует понимать не только решения суда, которыми уголовное дело разрешено по существу, но и «вынесением которых завершено производство по уголовному делу в отношении конкретного лица» [4]. Иные решения, данному признаку не соответствующие, автоматически признаются промежуточными.

При этом в порядке сплошной кассации подлежат пересмотру итоговые судебные решения, вступившие в законную силу со дня начала деятельности кассационных судов общей юрисдикции, то есть с 01 октября 2019 года. Если же решение вступило в законную силу ранее и осужденный не воспользовался правом на

подачу кассационной жалобы, он не лишен возможности обратиться с соответствующей жалобой в окружной кассационный суд. Однако данная жалоба уже будет рассматриваться в порядке выборочной кассации (с предварительным решением судьи о передаче кассационной жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции). Также следует отметить, что обращение в кассационный суд иного субъекта обжалования с жалобой на судебное решение, являвшегося предметом рассмотрения суда кассационной инстанции, в силу положений статьи 401¹⁷ УПК РФ не свидетельствует о повторности жалобы, в связи с чем не может являться препятствием к принятию на рассмотрение в установленном законом порядке судом кассационной инстанции (к примеру, если ранее с кассационной жалобой обращался законный представитель несовершеннолетнего осужденного, то обращение в кассационный суд с жалобой самого осужденного не может считаться повторным обращением в кассационную инстанцию).

Высшая судебная инстанция России постаралась дать полные разъяснения, регламентирующие кассационный порядок пересмотра вступивших в законную силу судебных решений в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 25 июня 2019 года. Однако на практике при реализации принципа сплошной кассации начали проявляться пробелы. Так, перед судами кассационной инстанции встал вопрос об определении правовой природы обжалования судебных решений в рамках уголовного дела, по которому приговор, постановленный судом первой инстанции, в последующем был отменен апелляционной инстанцией, материалы уголовного дела направлены на новое рассмотрение.

Отменяя итоговое решение суда первой инстанции (приговор) по основаниям, предусмотренным положениями статьи 389¹⁷ УПК РФ, и направляя материалы уголовного дела на новое рассмотрение, апелляционная инстанция указывает о незаконности принятого судом первой инстанции приговора. С учетом положений норм УПК РФ соответствующее апелляционное определение вступает в законную силу незамедлительно. Конечно же, решения по существу уголовного дела (итоговые) призваны определять уголовно-правовой статус подсудимого [3]. Отменяя приговор по уголовному делу, суд апелляционной инстанции аннулирует итоговое судебное решение суда первой инстанции. При этом в своем определении апелляционный суд уголовно-правовой статус подсудимого не определяет (он остается прежним), то есть вопрос о виновности не разрешается.

Итоговые решения основываются на доказательствах, подтверждающих наличие или отсутствие события преступления, виновность или невиновность лица в его совершении, обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание [8, с. 13]. Необходимо помнить, что положения ч. 4 ст. 389¹⁹ УПК РФ устанавливают

ограничения, в соответствии с которыми апелляционный суд при отмене приговора не вправе предрешать вопросы о доказанности или недоказанности обвинения, достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими, виде и размере наказания.

Можно ли считать в указанном случае апелляционное определение итоговым судебным решением? Конечно, с учетом положений закона и теоретических суждений ученых-правоведов, следует сказать, что нельзя. Тогда в каком порядке разрешать поступившую кассационную жалобу на апелляционное определение, которым проверялась законность итогового судебного решения? Будет ли являться правильным рассмотрение соответствующей жалобы в порядке выборочной кассации? Нельзя оставить без внимания суждение С. В. Бурмагина, который, анализируя понятие итогового судебного решения, указал, что «производства в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанций обладают всеми свойствами итоговых судебных решений» [1, с. 103]. Представляется, что однозначно разрешить указанные вопросы не представляется возможным, поскольку на законодательном уровне отсутствуют содержательные характеристики понятия «итогового судебного решения».

Необходимо констатировать, что правовое понятие итогового судебного решения, закрепленное в УПК РФ, нуждается в существенной корректировке по содержанию и объему охватываемых им судебных актов. Разработка обновленного нормативного определения, терминологически выверенного и согласующегося с действующими порядками обжалования судебных решений, требует взвешенного законодательного подхода.

Конечно, сплошная кассация в кассационных судах общей юрисдикции с обновленным судебским составом, зачастую территориально удаленных от нижестоящих судов, вселяет надежду на реализацию принципов независимости и самостоятельности кассационного производства. Однозначно, что все пробелы, значимые для разрешения уголовных дел, проверки законности вынесенных судебных решений, законодателем со временем будут устранены. Действуя в соответствующем направлении, Верховный Суд РФ внес в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проект федерального закона, в котором предложил, в том числе, ввести пресекательные сроки для обжалования итогового судебного решения в порядке сплошной кассации [6]. Так, срок обжалования судебного решения, вступившего в законную силу, нормами УПК РФ не ограничен временными рамками, за исключением положений ст. 401⁶, предусматривающих годичный срок пересмотра судебного решения по основаниям, влекущим ухудшение положения осужденного, лица, в отношении которого уголовное дело прекращено, оправданного. Однако сроки хранения уголовных дел в федеральных судах

общей юрисдикции зависят от тяжести совершенных преступлений [7], что, конечно же, в скором времени явилось бы препятствием для рассмотрения уголовных дел по правилам сплошной кассации, предусматривающей рассмотрение жалобы с материалами уголовного дела в судебном заседании. Конечно хочется, чтобы при определении соответствующих пресекательных сроков сохранилась актуальность введенной сплошной кассации, деятельность которой отдаленно, но включает в себя элементы предложенной А. Д. Назаровым «модели полноценной кассации» [2, с. 279–280]. Изменения в судебной системе свидетельствуют о стремлении законодателя к указанной «модели полноценной кассации» с целью укрепления гарантий независимости и объективности судебного разбирательства, повышения качества принятых судебных решений. Ведь процессуальная составляющая реформы – введение сплошной кассации, гарантирует участникам процесса обязательное рассмотрение третьей инстанцией в судебном заседании материалов уголовного дела по обжалованному судебному решению, что имеет большое значение для защиты законных прав личности.

Список использованных источников:

1. Бурмагин, С. В. Итоговые и промежуточные судебные решения в контексте единства и дифференциации судебных производств в уголовном процессе / С. В. Бурмагин // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – №9. – С. 97–105.
2. Назаров, А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы : дис. ... д-р юрид. наук / А. Д. Назаров. – СПб., 2017. – 745 с.
3. Определение Конституционного суда Российской Федерации от 25 сентября 2014 года № 2167–О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Крутова Дениса Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 20 статьи 1 Федерального закона от 29 мая 2002 года № 58–ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», город Санкт-Петербург, 25 сентября 2014 года» [Электронный ресурс] / URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision177428.pdf>
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 года № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» [Электронный ресурс] / URL: https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2012
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 25 июня 2019 года «О применении норм главы 47¹ Уголовно-процессуального

кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» [Электронный ресурс] / URL: https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2019&before=1

6. Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 54 от 10 декабря 2019 года «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] / URL: https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2019&before=1

7. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 9 июня 2011 г. № 112 «Об утверждении Перечня документов федеральных судов общей юрисдикции с указанием сроков хранения» [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

8. Червоткин, А. С. Промежуточные судебные решения в уголовном судопроизводстве : монография / А. С. Червоткин. – М. : Проспект, 2018. – 376 с.

ПОКАЗАНИЯ АНОНИМНЫХ СВИДЕТЕЛЕЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ И УСЛОВИЯ ПРАВОМЕРНОСТИ ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СУДЕ (НА ОСНОВЕ РЕШЕНИЙ ЕСПЧ)

© Х.Ю. Набиева, Ю.Ю. Смелянец

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Институт анонимных свидетелей широко распространен в правовых системах европейских стран, в частности в Австрии, Нидерландах, Швейцарии, а также в Польше и Италии. В настоящее время анонимность свидетеля характеризуется его определенным статусом, при котором изымаются достоверные данные из материалов уголовного дела. [4] Кроме того, профессором Л.В. Брусницыным в качестве синонима к данному понятию упоминается «псевдоним». [1] Российское законодательство, в свою очередь, не оперирует таким понятием при обеспечении безопасности свидетеля, других лиц, в том числе и близких свидетеля. Процедура «засекречивания» свидетеля установлена в ч. 9 ст. 166 УПК РФ (далее – УПК). [8]

Невозможность идентификации свидетеля посредством конфиденциальности персональных данных является гарантией законодательства европейских стран по вопросу о безопасности свидетеля. Присвоение псевдонима – достаточно распространенное явление за рубежом, а международно-правовые

документы закрепляют данный механизм. Так, например, п. 19 Рекомендации № R (2005) 9 Комитета министров Совета Европы «О защите свидетелей и лиц, сотрудничающих с правосудием» определяет исключительность данной меры.[2] Термин «анонимный» используется и в ряде решений Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Согласно положениям ЕСПЧ показания анонимного свидетеля могут оказать существенное влияние на вынесение оправдательных приговоров.

ЕСПЧ, ссылаясь на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, в ряде своих решений, таких как «В. Мехелен и другие против Нидерландов», «Доорсон против Нидерландов», «Костовски против Нидерландов», «Виндиш против Австрии», «Дельта против Франции», сформулировал следующие критерии допустимости использования показаний анонимных свидетелей. Во-первых, цель анонимности свидетелей заключается в обеспечении безопасности их жизни и здоровья, также здоровья и жизни их близких. Во-вторых, осуждение не должно основываться исключительно на анонимных утверждениях. Решения ЕСПЧ, в частности, «В. Доорсон против Нидерландов»[5], «Ван Мехелен и другие против Нидерландов»[6] свидетельствуют об этом. В-третьих, ограничения прав защиты, обусловленные засекречиванием свидетеля, должны быть минимально необходимыми. Так, в решении «Ван Мечелен и другие против Нидерландов»[6] ЕСПЧ установил, что в случае необходимости применения мер безопасности с целью защиты жизни и здоровья свидетелей, желательно применить процедуру допроса, которая сводит к минимуму ограничения прав стороны защиты. Последним же критерием является сбалансированность процедуры допроса, предполагающая возможность стороны защиты оценивать поведение анонимного свидетеля – «ограниченное участие» в допросе.

При соотношении положений УПК с изложенными критериями важно учитывать следующее:

Во-первых, в УПК нет конкретной нормы, определяющей значение показаний анонимных свидетелей по отношению к другим доказательствам по делу. Действуют общие положения об отсутствии заранее установленной силы доказательств, что теоретически допускает приговор, основанный на показаниях, как минимум, двух анонимных свидетелей.

Во-вторых, справедливо говорить о том, что перечень оснований для сокрытия данных свидетелей согласно позиции ЕСПЧ гораздо уже представленного в ч.3 ст.11 УПК [8] (дополнительно включает угрозу уничтожения или повреждения имущества либо совершение в их отношении иных противоправных действий).

В-третьих, на стадии предварительного расследования, согласно УПК, никак не исключается визуальный контакт стороны защиты со свидетелем. Более того, в

нашей правовой системе нет даже аналога «допрашивающего судьи», известного некоторым европейским странам, как лица, выполняющего функцию юстиции в предварительном следствии.

В-четвёртых, анонимность свидетельствования очевидно ограничивает права защиты, но в УПК нет механизмов, уравнивающих положение сторон на стадии предварительного расследования. Интереснее выглядит ситуация на стадии судебного разбирательства. Исключается только визуальное наблюдение, но остальные правила ведения допроса должны соблюдаться. Так, анонимный свидетель участвует в судебном заседании посредством технических средств, находясь в специальной комнате здания суда. Также специально используются аудио-помехи, чтобы предотвратить распознавание свидетеля.[10] При допросе судья не должен допустить вопросов, которые могли бы раскредитовать лицо. Одно из ключевых положений по данной теме – ч. 5 ст. 278 УПК также распространяет свой запрет на секретаря судебного заседания. Но несмотря на все меры анонимные показания могут быть оглашены в судебном заседании в случаях, упомянутых в ч.2 ст.281 УПК. [8]

К сожалению, на данный момент механизм «анонимного свидетельствования» не совершенен. Многие учёные указывают, что на практике использование псевдонимов распространено и без объективной угрозы безопасности по отношению к «засекреченному» свидетелю или его близким.[9]

Весьма закономерно, что в основном суды отклоняют ходатайства о раскредитовании свидетеля. И как уже было упомянуто, сокрытие сведений о свидетеле существенно влияет на право обвиняемого на защиту, так как значительно уменьшается возможность всесторонней проверки, оценки показаний на достоверность. Кроме того, не исключена заинтересованность свидетеля в исходе дела или же давление со стороны третьих лиц.[10]

Не менее важно, если в отношении свидетеля предприняты меры безопасности, то даже суд не может раскрывать персональные данные этого лица на стадии предварительного расследования. Многие видят в этом нарушение принципа свободы оценки доказательств. ЕСПЧ высказал свою позицию, допустив участие свидетелей под псевдонимом, но указал, что необходимо дополнительное подтверждение иными доказательствами, так как никакое решение не должно быть основано исключительно на анонимных показаниях.[3]

Но если обратиться к практике, то можно обнаружить жалобы подсудимых, в которых указывалось, что на самом деле одно и то же лицо дало показания за нескольких анонимных свидетелей.[2]

Подводя итог, следует указать на очевидную необходимость дальнейшей работы законодателя для устранения несовершенств функционирования данного

института, а также для достижения наиболее справедливой защиты прав участников уголовного судопроизводства. Чтобы достичь этих целей, не достаточно текущего регулирования в УПК, очевидно необходимо определение дефиниции «псевдонима», а также законодательное закрепление прав и обязанностей анонимного свидетеля.

Список использованных источников:

1. Брусницын, Л. В. К вопросу о надзоре за исполнением законодательства в сфере обеспечения безопасности участников уголовного процесса // *Законодательство*. - 2012. – № 9. – С. 7-11.
2. Зайцев, Е. О. Понятие анонимного свидетеля в уголовно-процессуальном законодательстве // *Вестник научных трудов юридического факультета «ЮРИСТЪ»*. – Казань: 2015.
3. Карибов, К. Ф. Проблема использования показаний анонимных свидетелей в уголовном процессе в свете решений Европейского суда по правам человека / К. Ф. Карибов // *Вестник Московского Университета*. – Сер. 11. Право. – 2001. – № 5. – С. 83-90.
4. Магомеднабиева, П. М. Правовой статус анонимного свидетеля в уголовном процессе // *Проблемы совершенствования законодательства*. – Махачкала: 2019. С. 386-390.
5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23.04.1997 г. «В.Доорсон против Нидерландов» по жалобе № 37024/02 // СПС «Консультант-Плюс». URL : <http://www.consultant.ru>.
6. Постановление Европейского Суда по правам человека от 23.04.1997 г. «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» по жалобе № 21363/93, 21364/93, 21427/93, 22056/93 // СПС «КонсультантПлюс». URL : <http://www.consultant.ru>.
7. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (под общ. ред. В.М. Лебедева). – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: «Издательство Юрайт», 2013.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ в ред. от 07.04.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>
9. Уруков, В. Н. К вопросу о доказательственной силе показаний анонимных свидетелей (с учетом прецедентов Европейского суда) // *Российская юстиция*. – 2009. – № 2.- С. 61 – 62.

10. Фирсов, С. Н., Домнина Е. В. Особенности проведения допроса свидетеля в условиях, исключающих его визуальное наблюдение // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. №7. С.76-78.

**ПРОВОКАЦИЯ ВЗЯТКИ И ЕЕ ОТГРАНИЧЕНИЕ
ОТ ОПЕРАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА НА ПРИМЕРЕ ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЙ
ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

© Д.А. Пипия

Научный руководитель: А.Д. Назаров

д-р юрид. наук.

Сибирский федеральный университет

Под провокацией взятки, в соответствии с российским уголовным законодательством, следует понимать попытку передачи должностному лицу, иностранному должностному лицу, должностному лицу публичной международной организации либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческих или иных организациях, без его согласия (денег, ценных бумаг, иного имущества или оказания ему услуг имущественного характера, предоставления иных имущественных прав в целях искусственного создания доказательств совершения преступления либо шантажа [6].

Европейский Суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) придерживается позиции, что провокацией следует считать действия должностных лиц, являющихся сотрудниками органов безопасности или лиц, действующих по их указанию, которые не ограничиваются расследованием уголовного дела по существу, а воздействуют на субъект с целью спровоцировать его на совершение преступления, которое в противном случае не было бы совершено, с тем чтобы сделать возможным выявление преступления, то есть получить доказательства и возбудить уголовное дело [2].

На международном уровне правового регулирования вопроса применения ОРМ следует обратить внимание на ст. 23 Конвенции Европы об уголовной ответственности за коррупцию, которая предусматривает, что каждая сторона принимает такие законодательные и иные меры, которые могут оказаться необходимыми, включая меры, допускающие использование специальных методов расследования в соответствии с внутренним законодательством, в целях содействия сбору доказательств, имеющих отношение к уголовным правонарушениям, а также для выявления, розыска, наложения ареста и изъятия орудий преступлений

и доходов от коррупции, либо имущества, стоимость которого эквивалентна таким доходам.

В пояснительном докладе к Конвенции также указано, что к «особым методам расследования» может относиться привлечение тайных агентов, прослушивание телефонных разговоров, перехват информации телекоммуникационных сетей и доступ к компьютерным системам [1].

Рост организованной преступности и трудностей, с которыми сталкиваются правоохранительные органы при выявлении и расследовании преступлений, может стать оправданием соответствующих принятых мер. ЕСПЧ подчеркивает, что правоохранительным органам все чаще требуется привлекать секретных агентов, осведомителей и использовать скрытые приемы, особенно в решении проблем организованной преступности и коррупции [2].

Тем не менее, ЕСПЧ постоянно напоминает, что право на справедливое судебное разбирательство, которое предполагает требование о надлежащем отпращивании правосудия, подлежит реализации применительно ко всем преступлениям, от самых очевидных до самых сложных. Право на справедливое осуществление правосудия занимает весьма значимое место в демократическом обществе, в связи с чем оно не может быть принесено в жертву целесообразности.

ЕСПЧ обращает внимание: в борьбе с незаконным оборотом наркотиков, коррупцией и другими уголовными преступлениями соображения процессуальной экономии и эффективности не могут препятствовать реализации основного права личности на справедливое судебное разбирательство, особенно в свете успешных усилий других европейских стран в данной области [5].

Анализируя правовую основу проведения оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации, необходимо обратиться, в первую очередь, к профильному закону, регламентирующему деятельность органов, осуществляющих ОРМ – Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», в соответствии с которым в задачи органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), входит выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших [7].

Основаниями проведения ОРМ являются, ставшие известными органам осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, сведения о «признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела».

Следует подчеркнуть, что сама формулировка закона об ОРД предусматривает в качестве основания проведения ОРМ признаки подготавливаемого

противоправного деяния, которые могут стать известны оперативному сотруднику как в ходе получения официального заявления со стороны какого-либо физического лица, так и информацию, полученную в ходе осуществления агентурной работы от информаторов, которые сотрудничают с оперативными службами.

В тех случаях, когда до проведения оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» у правоохранительных органов не было оснований подозревать лицо в распространении наркотических средств и сам сбыт наркотического средства явился результатом вмешательства оперативных работников, суды, как правило, признавали наличие провокации со стороны оперативных работников.

Граница между законным внедрением секретного агента и провокацией к совершению преступления, скорее всего, будет смещена в том случае, если в национальном праве не будет введена ясная и предсказуемая процедура санкционирования оперативных экспериментов, особенно в отсутствие надлежащего надзора.

ЕСПЧ по результатам рассмотренных жалоб констатирует, что поверхностное предварительное следствие в сочетании с недостатками в процедуре санкционирования оперативных экспериментов способно лишить лицо, в отношении которого проводится ОРМ, защиты от произвола компетентных органов и подорвать принцип справедливости разбирательства по уголовным делам [5].

Основанием отграничения провокации взятки от ОРМ «оперативный эксперимент», следует считать волевой вербальный аспект: случаи, при которых в ходе оперативных экспериментов давление на подозреваемое в коррупции лицо не оказывалось и это же лицо требует, либо соглашается на получение взятки без какого-либо насилия, либо принуждения и (или) уговоров, и получает взятку по своей собственной воле.

Именно такие действия следует считать безусловным преступлением, но никак не провокацией противоправного поведения в виде получения взятки. Вместе с тем, следует согласиться с мнением ЕСПЧ в утверждении, что национальные власти должны быть способны продемонстрировать на любой стадии уголовного судопроизводства, что они обладают достаточными основаниями для проведения оперативного мероприятия [12], то есть компетентные органы до проведения ОРМ «оперативный эксперимент» уже должны обладать некими накопленными сведениями о противоправной деятельности фигуранта (в деле оперативного учета), и суд, оценивая в совокупности все сведения, полученные от компетентных органов, решая вопрос правомерности и законности проведения ОРМ, должен взвешенно и всесторонне изучить не только сведения, полученные в ходе ОРМ, но и данные, послужившие поводом к проведению указанного ОРМ.

С учетом рассмотренных позиций ЕСПЧ, необходимо рассмотреть вопрос о значительном усилении прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, и с этой целью внести изменения в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», предусматривающие проведение проверочной закупки и оперативного эксперимента на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, согласованного с прокурором.

Подобный механизм правового регулирования позволит свести к минимуму случаи необоснованного привлечения лиц к уголовной ответственности, будет способствовать повышению профессионализма и правильности документирования представляющих интерес сведений, служащих основанием для проведения соответствующих ОРМ.

Список использованных источников:

1. Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (заключена в г. Страсбурге 27.01.1999), ратифицирована Федеральным законом от 25.07.2006 № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию» // СПС КонсультантПлюс.
2. Постановление ЕСПЧ от 05.02.2008 по делу «Раманаускас против Литвы» (Ramanauskas v. Lithuania) (жалоба № 74420/01) // СПС КонсультантПлюс.
3. Постановление ЕСПЧ от 30.10.2014 по делу «Носко и Нефедов против России» (жалобы №№ 5753/09 и 11789/10) // СПС КонсультантПлюс.
4. Постановление ЕСПЧ от 17.01.1970 по делу «Делькурт против Бельгии» (Delcourt v. Belgium) (жалоба № 2689/65). СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление ЕСПЧ от 2.10.2012 года по делу «Веселов и другие против России» (жалобы №№ 23200/10, 24009/07 и 556/10) // СПС КонсультантПлюс.
6. Постановление ЕСПЧ от 01.07.2008 по делу «Малининас против Литвы» (Malininas v. Lithuania) (жалоба № 10071/04) // СПС КонсультантПлюс.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Ст. 304 // СПС КонсультантПлюс.
8. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СПС КонсультантПлюс.

**ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ
ЗАКОНОВ ОРГАНАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ ОРД,
ПРИ РАССМОТРЕНИИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН**

© Н.Д. Плоских

Научный руководитель: А.Д. Назаров

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Надзор за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в работе органов прокуратуры имеет одно из приоритетных значений. Ежегодный показатель преступности, а также рост раскрываемости в определенных ее сегментах, свидетельствует о необходимости уполномоченным прокурорам принимать меры по усилению надзора в данном направлении в целях обеспечения неукоснительного исполнения действующих на территории Российской Федерации законов.

В правоприменительной практике часто встречаются случаи нарушения законодательства при проведении оперативно-розыскных мероприятий, которые допускаются оперативными подразделениями государственных органов в ходе реализации их полномочий.

Полномочия прокурора, его статус в рамках указанного надзора закреплены в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» [1], а также в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» [2]. Более подробно полномочия и направления деятельности прокурора отражены в Приказе Генерального прокурора Российской Федерации № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» (далее – Приказ) [3].

Пунктом 5 данного Приказа предусмотрено, что проверка исполнения законов в деятельности оперативных подразделений проводится в том числе на основании обращений граждан, юридических и должностных лиц.

Данные обращения должны рассматриваться в строгом соответствии с требованиями Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [4], а также в соответствии с Инструкцией о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденной приказом Генерального прокурора Российской Федерации № 45[5].

При рассмотрении обращений указанной категории можно выделить несколько этапов: 1) Подготовка к рассмотрению обращения; 2) Рассмотрение обращения по существу.

Подготовка к рассмотрению обращения включает в себя следующий комплекс мероприятий:

- при поступлении обращения в прокуратуру прежде всего следует установить, действия и решения должностных лиц какого правоохранительного органа обжалует заявитель и в чем они заключаются;

- поступали ли ранее аналогичные обращения от этого заявителя;

- давалась ли ранее судом оценка законности обжалуемых заявителем оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) в случае обжалования лицом, осужденным по приговору суда, правомерности проведения в отношении его ОРМ, которому судом в приговоре, вступившем в законную силу, уже была дана оценка;

При рассмотрении обращения по существу в целях всесторонней оценки законности оперативно-розыскной деятельности уполномоченный прокурор при необходимости может:

- истребовать из органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, сведения о результатах рассмотрения обращения заявителя;

- изучить дело оперативного учета и иные оперативно-служебные материалы, имеющие отношение к предмету обжалования, в том числе материалы по проведению отдельных ОРМ;

- изучить материалы уголовного дела, материалы доследственной проверки (если обжалуются действия сотрудников уполномоченных органов при осуществлении оперативного сопровождения по указанным уголовным делам и материалам проверок);

- для уточнения доводов, изложенных в обращении, опросить заявителя;

- получать объяснения сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, чьи действия обжалует заявитель, на предмет законности их действий при проведении оперативно-розыскных и оперативно-технических мероприятий, при ведении дел оперативного учета и т. д.

Особое внимание в ходе рассмотрения обращения необходимо акцентировать на факты необоснованных контактов оперативных сотрудников с подозреваемым (обвиняемым) в целях оказания на него давления и склонения к совершению определенных действий в их интересах.

В соответствии со статьей 5 Закона об ОРД, органам (должностным лицам), осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, запрещается подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий (провокация).

Таким образом при проверке обращения уполномоченный прокурор обязан установить наличие оснований и условий при проведении ОРМ, предусмотренных статьями 7 и 8 Закона об ОРД, характер действий со стороны правоохранительных органов при проведении ОРМ, количество проведенных ОРМ в отношении заявителя, их интенсивность, проведение ОРМ, исключающих провокационные риски.

Если в обращении обжалуется законность осуществления ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, уполномоченный прокурор должен проверить наличие судебного решения, санкционирующего проведение ОРМ, а также ходатайство органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, на основании которого вынесено судебное решение.

При этом особое внимание прокурорам следует уделять ОРМ, которые проводились неотложно на основании постановления руководителя органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. По данным ОРМ необходимо устанавливать наличие судебного решения о проведении такого оперативно-розыскного мероприятия, его законность.

При выявлении в ходе рассмотрения обращения нарушений требований законодательства в деятельности оперативных подразделений прокурор обязан незамедлительно принять соответствующие меры прокурорского реагирования к их устранению, а также причин и условий, им способствующих.

Подводя итог можно сказать, что перечень мероприятий на практике при рассмотрении обращений данной категории может изменяться, дополняться, поскольку доводы заявителя в каждом конкретном случае индивидуальны, и надзирающему прокурору необходимо неукоснительно требовать от оперативных подразделений соблюдения принципов законности, уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина, соблюдения принципов конспирации, сочетания гласных и негласных методов и средств. Действия оперативных сотрудников не должны нарушать установленные законом требования, в частности запрещающие подстрекать, склонять, побуждать в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий.

Список использованных источников:

1. О прокуратуре Российской Федерации : федер. закон Российской Федерации от 17.01.1992 № 2202-1 ред. от 06.02.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ ред. от 02.08.2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: Приказ Генпрокуратуры России от 15.02.2011 № 33 ред. от 20.01.2017 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации :федер. закон Российской Федерации 02.05.2006 № 59-ФЗ ред. от 27.12.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>

5. Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации: Приказ Генпрокуратуры России от 30.01.2013 № 45 ред. от 21.09.2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРЕПЯТСТВИЯ К ПРИМЕНЕНИЮ ПОЛОЖЕНИЙ Ч.5 СТ.62 УК РФ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В ПОРЯДКЕ ГЛ.40.1 УПК РФ

© П.А. Самойлик

Научный руководитель: А.Д. Назаров

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В соответствии с эссенциальными началами Уголовного и Уголовно-процессуального закона приговор суда должен отвечать требованиям законности, обоснованности и справедливости. При этом стоит отметить, что наличие таких ключевых характеристик возможно лишь в случае постановления приговора в строгом соответствии с требованиями действующего законодательства и при его правильном толковании и применении [1, ст. 297].

Не подвергается сомнению тезис о том, что нормы материального и процессуального уголовного закона тесно связаны между собой как взаимно дополняя друг друга, так и обеспечивая полноценное функционирование правовых институтов данных отраслей права.

В настоящей работе автор находит необходимым отметить взаимодействие на практике двух значимых институтов рассматриваемой отрасли, таких как институт назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств, а также

институт особого порядка принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Интерес автора направлен исключительно на рассмотрение положений ч. 5 ст. 62 УК РФ [2, ст. 62], поскольку применение остальных частей указанной статьи не вызывает затруднений ввиду наличия достаточного объема судебных решений, сформировавшего практику взаимодействия рассматриваемых институтов в указанной части, а также руководящих разъяснений высших судебных инстанций по данным вопросам, таких как Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 60 «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [3], Постановления Пленума ВС РФ № 16 «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [4].

Порядок проведения судебного заседания и постановления приговора в отношении лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, полностью регламентирован положениями ст. 317.7 УПК РФ. При этом само судебное заседание проводится в порядке, установленном ст. 316 указанного Кодекса, а приговор постановляется, в том числе с учетом положений ч. 2 и ч. 4 ст. 62 УК РФ.

Положениями указанной ст. 316 устанавливается порядок проведения судебного заседания и постановления приговора для гл. 40 УПК РФ, в том числе при постановлении обвинительного приговора лицу назначается наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Указанные положения закрепляются и в ч. 5 ст. 62 УК РФ.

Данные нормативные положения в их совокупности по отношению к возможности применения положений ч. 5 ст. 62 УК РФ при производстве по уголовным делам в порядке гл. 40.1 УПК РФ автор находит недостаточными для полноценного функционирования указанных институтов и предлагает их именовать законодательным пробелом в праве.

Так, на практике автор столкнулся с ситуацией производства по уголовному делу при заключении лицом досудебного соглашения о сотрудничестве, в ходе которого были установлены обстоятельства, отягчающие наказание.

Наличие обстоятельств, отягчающих наказание, исключает возможность применения положений ч. 2 ст. 62 УК РФ, а статья, по которой осуществлялась квалификация совершенного преступления, не предполагает возможности применения положений ч. 4 указанной статьи. Таким образом, на практике при рассмотрении дел в порядке, установленном гл. 40.1 УПК РФ, возникает вопрос о

возможности применения института назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств.

Поскольку дело рассматривается по правилам ст. 316 УПК РФ, то стоит принять во внимание положения ч. 7 указанной статьи, которые подтверждаются и положениями ч. 5 ст. 62 УК РФ. Однако Постановлением Пленума ВС РФ № 60 [3, п. 13] достаточно точно установлено, что указанные положения распространяются только на случаи рассмотрения уголовных дел в порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ.

Рассматриваемая ситуация также отражена в Постановлении Пленума ВС РФ № 16[4, п.24], где указано, что при разрешении вопроса о назначении наказания лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, суд не должен учитывать положения ч. 7 ст. 316 УПК РФ.

Попытка рассмотрения данного проблемного вопроса предпринята в одном из Определений Конституционного Суда РФ [5]. Так, по мнению суда высшей инстанции, само по себе заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, как особый процессуальный институт, обуславливает применение соответствующих особенностей и влечет прямо предусмотренное законодателем смягчение наказания (то, о котором ранее говорил автор – ч. 2 и ч. 4 ст. 62 УК РФ). При этом, по мнению суда, не предполагается назначение наказания по правилам части седьмой статьи 316 УПК РФ.

При таком положении дел в случае установления обстоятельств, отягчающих наказание, возникает вопрос о возможности назначения лицу, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, более строгого наказания, чем наказание, которое могло бы быть назначено этому же лицу при его согласии с предъявленным обвинением без заключения досудебного соглашения о сотрудничестве при постановлении приговора в особом порядке, то есть исключается возможность применения ч. 7 ст. 316 УПК РФ, а также института назначения наказания при наличии смягчающих обстоятельств в целом.

Установив данный проблемный вопрос, автор предлагает принять соответствующие изменения норм действующего УК и УПК РФ, которые будут направлены на устранение указанного пробела в праве в целях формирования единообразной судебной и правоприменительной практики.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: фед. закон от 18.12.2001 №174-ФЗ в ред. 01.04.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: фед. закон от 13.06.1996 №63-ФЗ в ред. 07.04.2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» [Электронный ресурс]: постановление от 05.12.2006 №60 в ред. 22.12.2015 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [Электронный ресурс]: постановление от 28.06.2012 №16 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мерззликина Руслана Николаевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 62 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью пятой статьи 317.7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 24 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» [Электронный ресурс]: определение от 20.12.2016 №2781-О // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА НА ЭТАПЕ ПРИЕМА, РЕГИСТРАЦИИ И РАССМОТРЕНИИ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

© Д.С. Седашов

Научный руководитель: А.С. Шагинян

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Существование правового и демократического государства невозможно без четко отлаженного функционирования системы правоохранительных органов, среди которых значимое место занимает прокуратура. Как верно отмечает Н.Э. Шабанов: «Прокурорский надзор – наиболее действенный и эффективный механизм обеспечения законности, соблюдения прав и свобод человека, а органы

прокуратуры, на которые возложены настоящие функции, на протяжении долгих лет являются системообразующим звеном в обеспечении соблюдения законности в различных сферах правового регулирования». Среди всех направлений прокурорской деятельности особый интерес у меня вызывает надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование, поскольку не редкими бывают ситуации, когда права и законные интересы граждан и организаций нарушаются тем, кто по характеру своей деятельности должен их охранять и пресекать эти нарушения.

Во время выступления на ежегодном докладе перед Федеральным собранием Российской Федерации Генеральный прокурор отметил, что за 2019 год было совершено 5 139 782 нарушений закона на досудебной стадии уголовного судопроизводства, из них 3 627 932 при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях, 1 511 850 – в ходе производства предварительного расследования. По сравнению с предыдущим годом общий показатель выявленных нарушений на указанной стадии уменьшился на 0,4%. Исходя из этого, можно сделать два вывода:

1) количество допускаемых нарушений на этой стадии остается стабильно высоким из года в год;

2) приведенные числа впечатляют своей масштабностью, однако, не смотря на имеющиеся высокие цифры нарушений, это не означает, что прокурорский надзор является неэффективным за данным направлением.

Я разделяю мнение М.В. Серебрянниковой и придерживаюсь схожей позиции о том, что эффективность и качество – это две основные оценочные категории прокурорского надзора за исполнением законов и всей деятельности прокуратуры, применяемые, в частности, к прокурорским проверкам, к актам прокурорского реагирования и другим надзорным действиям. От эффективности последних в определенной мере зависит эффективность прокурорского надзора за исполнением законов, которая выражается в реально достигнутом уровне состояния законности и определяется путем соотношения (сопоставления, сравнения) поставленных перед прокурором целей с фактически достигнутыми результатами в оцениваемом и предшествующем периодах. При этом под качеством надзора понимается совокупность свойств или состояний, его характеризующих и позволяющих судить о его достоинствах или недостатках.

В научной и практической среде выработаны критерии и отдельные свойства, с помощью которых определяется уровень эффективности прокурорского надзора. К ним относят критерии оценки и показатели измерения эффективности.

В большинстве случаев для дачи оценки эффективности прокурорского надзора используются собранные статистические данные текущего и

предыдущих периодов, как результаты проведенной работы. Однако будет ли данный метод практичным и можно ли с его помощью судить и говорить об эффективности прокурорского надзора? Скорее нет, чем да. Механическое увеличение/уменьшение показателей деятельности далеко не всегда свидетельствует о качестве достигнутого результата, поскольку происходит банальное наращивание статистических данных. Если исходить из подобной логики, то наибольшей продуктивностью будет выделяться тот прокурор, у которого будут наибольшие показатели. Это далеко неверное суждение, поскольку прокурор, прежде всего, должен ставить перед собой задачу выполнения работы качественно и результативно, а не работать на увеличение «статистической массы».

Для справедливой и объективной оценки не следует ограничиваться статистическими показателями, а использовать другие способы и методы для определения уровня эффективности прокурорского надзора. К ним можно отнести: анализ путем сопоставления статистических данных прокуратуры и других правоохранительных органов, ведомств, проведение дополнительных проверок, привлечение специалистов конкретной сферы и т.д.

Как известно, значительная доля нарушений на стадии досудебного производства осуществляется на этапе приема, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях. В.И. Безрядин обобщил следственную практику и выявил, что наиболее распространенное нарушение на данном этапе – сокрытие преступлений, осуществляемое путем отказа в приеме сообщения о преступлении либо в нарушение требований закона отказе в возбуждении уголовного дела. Как он пишет в своей работе: «Так, в приказах и указаниях Генерального прокурора РФ отмечается, что нередко жертвам преступлений отказывается в приеме заявлений, сообщений о преступлениях, принятые заявления не регистрируются и не рассматриваются; нередко работники полиции стремятся уговорить или заставить потерпевших не подавать заявления. Уголовно наказуемые деяния квалифицируются как административные проступки, при очевидных признаках состава преступления принимаются незаконные решения об отказе в возбуждении уголовных дел, в отдельных случаях учиняются подлоги и фальсифицируются материалы проверок. Ежегодно по результатам проверок возбуждается около 50 тыс. уголовных дел».

На мой взгляд, непривлечение лиц, совершивших преступление, к соответствующей уголовной ответственности не редко приводит к тому, что лицо вновь совершает преступление, которое может представлять собой большую общественную опасность, чем совершенное деяние ранее, и, тем самым, оказывая негативное влияние на рост общего уровня преступности.

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ привлекает внимание следующая неурегулированность: по смыслу п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, прокурор обязан проверять исполнение требований федерального законодательства при приеме и регистрации сообщения о преступлении. В то же время, исходя из содержания ст. 144 УПК РФ, следователь, руководитель следственного органа, дознаватель, орган дознания обязаны принять, рассмотреть и принять процессуальное решение по сообщению, однако, прямая обязанность зарегистрировать это обращение не упомянута. Также стоит отметить, что среди указанных в ст. 144 УПК РФ должностных лиц отсутствует упоминание прокурора, но обязанность разрешения заявления, жалобы и иных обращений, содержащих сведения о нарушении федеральных законов прямо указана в ст. 10 ФЗ «О прокуратуре».

Я считаю, что для урегулирования образовавшегося законодательного пробела и в целях повышения качества прокурорского надзора на этапе приема, регистрации и рассмотрения сообщений о преступлениях следует законодательно закрепить новое полномочие прокурора: требовать от правоохранительных органов предоставлять принятые заявления и обращения вместе с имеющимися материалами, указывающие на признаки преступления, но которые по какой-либо причине не были зарегистрированы. Указанное полномочие будет способствовать укреплению законности на территории нашего государства путем возбуждения сокрытых уголовных дел и привлечения к установленной уголовной ответственности виновных лиц, а также восстановлению нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций.

Кроме того, негативное влияние на качество осуществляемого прокурорского надзора за указанным этапом оказали результаты реформирования уголовно-процессуального законодательства, вследствие которого прокурор лишен права самостоятельно возбуждать уголовные дела.

В случае выявления нарушения должностного лица, которое образует состав преступления, прокурор не имеет должной меры реагирования. Вместо этого прокурор вправе направить в соответствующий орган предварительного расследования мотивационное постановление для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных нарушений. Можно ли в данном случае сказать, что принятые действия будут эффективны? Вряд ли. Следователь (дознаватель) самостоятельно должны изучить материалы, установить обстоятельства, которые послужат основанием для возбуждения уголовного, в то время как само постановление прокурора является не больше, чем поводом. Происходит распыление затраченных процессуальных средств и сил, своевременность и оперативность рассмотрения и принятия процессуального решения снижается в разы, а, между тем, права и законные интересы третьих лиц будут оставаться

нарушенными, и как отмечает С.Э. Воронин: «такой порядок <...> не способствует эффективности уголовного производства, поскольку затягивает процесс восстановления нарушенных прав заинтересованных лиц и организаций».

В уголовно-процессуальной среде существует позиция о возвращении прокурору полномочия самостоятельно возбуждать уголовные дела. В подтверждение данного мнения приводится достаточно аргументов, один из которых рассмотрен выше. Стоит отметить, что возврат утраченного права будет способствовать своевременному выявлению нарушений и привлечению виновных лиц к соответствующей ответственности. Исходя из этого, возвращение прокурору полномочия возбуждать уголовные дела является практической потребностью, реализация которой способствовала бы укреплению и повышению уровня законности в стране и в целом оказало бы положительное влияние на эффективность прокурорского надзора за уголовно-процессуальной сферой.

Таким образом, прокурорский надзор является эффективным инструментом государства для достижения и укрепления законности, в то же время данное средство далеко от идеала и нуждается в ряде изменений и доработок. На мой взгляд, принятие указанных мер, конечно, не может решить полностью существующие проблемы, не сделает прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование, абсолютно совершенным, но проведение реформирования в области его организации будет способствовать повышению его качества в разы.

Список использованных источников:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ ред. от 07.04.2020 // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.
2. О прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.
3. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации [электронный ресурс] : федер. закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ // Справочная правовая система «Консультант Плюс». – Режим доступа : <http://www.consultant.ru>.
4. Безрядин В.И. Проблемы эффективности прокурорского надзора в уголовном процессе [электронный ресурс] / В.И. Безрядин // Царскосельские чтения. – 2012. – № 4. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-effektivnosti-prokurorskogo-nadzora-v-ugolovnom-protsesse>.

5. Основные результаты прокурорской деятельности [электронный ресурс]. Режим доступа : http://www.genproc.gov.ru/upload/iblock/5fb/0112_2019.pdf.

6. Серебрянникова М.В. К вопросу об эффективности прокурорского надзора за исполнением законов [электронный ресурс] / М.В. Серебрянникова // Власть и управление на Востоке России. – 2011. – № 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-effektivnosti-prokurorskogo-nadzora-za-ispolneniem-zakonov>.

7. Скабелин А.В. Возвращение прокурору полномочий по возбуждению уголовных дел: за и против [электронный ресурс] / А.В. Скабелин // Legal Concept. – 2016. – № 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/vozvrashchenie-prokuroru-polnomochiy-po-vozbuzhdeniyu-ugolovnyh-del-za-i-protiv>.

8. Шабанов Н.Э. Прокурорский надзор за предварительным следствием: проблемы и перспективы развития [электронный ресурс] / Н.Э. Шабанов // Вестник Сибирского юридического института ФСКН России. – 2016. – № 2. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-za-predvaritelnym-sledstviem-problemy-i-perspektivy-razvitiya>.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛИГРАФА В СОВРЕМЕННОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

© К.С. Сидоренко

Научный руководитель: Н.М. Перетяцько

канд. юрид. наук

Саратовская государственная юридическая академия

Одной из важнейших задач уголовного судопроизводства является выявление лжи и определение достоверности показаний, даваемых свидетелем, потерпевшим или обвиняемым. В настоящее время в эпоху цифровизации в нашу жизнь все больше внедряются различные новые технологии, что нельзя не использовать в рамках уголовного судопроизводства. Традиционные криминалистические методы и процессуальные средства, которые используются правоприменителем для раскрытия и расследования преступлений становятся менее эффективными и недостаточными. Поэтому в теории уголовно-процессуального права высказываются мнения о возможности использования полиграфа («детектор лжи»), а также использовании полученных результатов в доказывании в уголовном судопроизводстве.

Полиграф представляет собой техническое средство, которое используется при проведении инструментальных психофизиологических исследований для

выявления скрываемой человеком информации путем контроля его физиологических реакций на задаваемые вопросы [1, с. 21]. В первую очередь применение такого технического устройства в рамках конкретного уголовного дела направлено на получение доказательственной информации. За правовую основу, регламентирующую применение полиграфа как технического средства в уголовном судопроизводстве можно считать ч. 4 ст. 164 УПК РФ. Конечно, прямого указания на использование полиграфа вышеупомянутая статья не содержит, однако исходя из ее содержания, следует, что при производстве следственных действий могут быть применены различные технические средства для обнаружения, фиксации или изъятия следов преступления или вещественных доказательств. Выходит, что следователь (дознатель) имеет право привлечь к участию в таком следственном действии специалиста-полиграфолога для обеспечения правильного применения данного технического устройства и дачи необходимых разъяснений. Результаты опроса с использованием полиграфа оформляются специалистом-полиграфологом в виде заключения, которое согласно ст. 74 УПК РФ является по своей сути доказательством [2]. Кроме того, важно отметить, что законодатель исходя из анализа ст. 46 и 47 УПК РФ предоставляет подозреваемому и обвиняемому право на защиту иными средствами и способами, которые не запрещены действующим кодексом. Можно сделать вывод, что использование полиграфа не запрещено УПК РФ, это значит, что подозреваемый, обвиняемый и подсудимый имеют возможность ходатайствовать о его применении с целью своей защиты.

Однако следует отметить, что единая практика по поводу оценки допустимости и достоверности доказательств, полученных с использованием полиграфа отсутствует. Чаще всего суды первой инстанции принимают показания полиграфа в качестве доказательств, однако если в дальнейшем данный приговор суда обжалуется в апелляционном порядке судья исключает такие доказательства из приговора. Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Самарского областного суда рассматривала апелляционную жалобу, в которой осужденная К. указывала что в ходе судебного заседания судом первой инстанции необоснованно было признано в качестве доказательства показания полиграфа. Однако ей было отказано в удовлетворении апелляционной жалобы, а приговор оставлен без изменения. Судебная коллегия обосновала это тем, что заключение психофизиологических исследований с использованием полиграфа в отношении осужденной К., проведенных с ее согласия, оценены судом не в качестве основанного доказательства, а в совокупности с иными доказательствами по делу, а само по себе данное доказательство не влияет на выводы суда о доказанности действий осужденной, в связи с чем ссылка на данные заключения в приговоре не противоречит требованиям уголовно-процессуального законодательства [3]. Верховный

суд Республики Мордовия в одном из своих апелляционных определений указал, что «УПК Российской Федерации не содержит такого доказательства как детектор лжи» [4].

По-иному дела обстоят в зарубежной практике, поскольку для некоторых стран Европы применение полиграфа при расследовании преступлений является обыденным делом. Как известно, США является первой страной, которая использовала полиграф как один из способов проведения психофизиологического исследования, причем как в уголовно-процессуальной сфере, так и в области гражданского судопроизводства. Сегодня США является лидером в мире по использованию полиграфа. Данное техническое средство применяется как в целях профилактики и предупреждения преступности, так и в оперативной деятельности правоохранительных органов и при доказывании в суде. В Японии также проводят исследования с помощью полиграфа, результаты которого затем применяются в качестве доказательств в суде. В Польше имеют место единичные случаи признания судом результатов исследования с применением полиграфа в качестве доказательств по уголовному делу, но это скорее исключение из общего правила. Во многих странах, таких как Испания, Франция и Италия были совершены попытки внедрения и использования полиграфа, однако это не увенчалось успехом и не получило должного развития. Исходя из анализа вышесказанного, международный опыт, хотя использует, но с осторожностью подходит к вопросу применения результатов, полученных с помощью полиграфа, в качестве доказательственной базы по конкретному уголовному делу [5, с. 132].

Таким образом, отсутствие единой сложившейся практики и четкого законодательного закрепления норм, регламентирующих использование полиграфа, порождает множество проблем. В первую очередь нарушает принцип равенства граждан перед законом и судом, что дает возможность судам произвольно принимать или отказывать по формальным критериям в оценке заключения специалистов-полиграфологов. Пленуму Верховного Суда РФ следует дать разъяснение, разработав единообразный подход к оценке достоверности рассматриваемых заключений, опираясь на международный опыт. А также допустить возможность использования результатов, полученных при проведении психофизиологических исследований с использованием полиграфа, не в качестве основного, а лишь в совокупности с другими. Кроме того, обозначить саму процедуру применения полиграфа на законодательном уровне.

Список использованных источников:

1. Ушаков А.Ю. О перспективах использования в судебно-следственной практике возможностей психофизиологических исследований, произведенных при помощи полиграфа // Российский следователь. 2015. № 7.
2. Селина Е.В. Заключение и показания специалиста в уголовном процессе [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 03.04.2020).
3. Апелляционное определение Самарского областного суда г. Самары от 28 июля 2015 года по делу № 22-3836/2015 // Архив судебных решений Самарского областного суда.
4. Апелляционное определение Верховного суда Республики Мордовия от 10 апреля 2013 года по делу № 22 746/2013 [Электронный ресурс] URL: <http://vs.mor.sudrf.ru/> (дата обращения: 03.04.2020).
5. Середнев, В.А. Полиграфные проверки в уголовном судопроизводстве: аргументы «Против» // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 4(34).

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В РОССИИ**

© А.А. Хроколова

Научный руководитель: Т.К. Бойко

Тульский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции

Уголовный процесс является одной из важнейших и древнейших форм судопроизводства. О применении самых первых вариантов уголовно-процессуальных норм говорится еще в Русской правде (1016 г.), являющейся старейшим памятником права в России. Она регулировала отношения, связанные с кровной мезтью, а именно определяла сферу её действия исключительно кровным родством и запрещала её применение без разрешения суда.

Необходимо отметить, что Русская правда уже в то время содержала нормы, предусматривающие ответственность за преступления, направленные против интересов судьи и участников уголовного процесса. При этом законодательство Древней Руси при охране интересов судебной власти ограничивалось специальной защитой жизни приближенных князя, в том числе осуществлявших судебные функции. [3, с. 34].

Под судом в тот исторический период понималось прежде всего вече, являющееся по сути собранием «мужей», т.е., изначально, взрослого мужского населения, в их числе был князь и феодалы. На вече обсуждались вопросы различной важности, среди них политические, вопросы торговли, позднее к функциям данного института добавилась судебная. Именно княжеская воля и решения вече долгое время являлись единственными источниками процессуального права. Целью судопроизводства в Древней Руси было прежде всего восстановление нарушенного права, т.е. реституция (лат. *restitutio*).

Так как Русь была разделена на множество княжеств, в каждом уделе был принят самостоятельный законодательный акт, регулирующий жизнь его населения, который в свою очередь тоже содержал в себе уголовно-процессуальные нормы. Например, Новгородская судная грамота содержала в себе нормы, запрещающие распространение материалов и сведений по делу и запрещающие участникам уголовного процесса брать взятки. Псковская судная грамота в свою очередь большое внимание уделяла пресечению деяний, препятствующих отправлению правосудия.

На протяжении многих веков на Руси появлялись различные виды законодательных актов, связанных с уголовным процессом, такие как Правовая грамота, являющаяся по сути задокументированным решением суда, Губная грамота, обозначающая собой появление такой формы уголовного процесса, как розыск, различные судебники и их редакции и т.д. Так, к XVII веку круг конкретных органов, обладающих судебными полномочиями, не был определен, суд и сыск могли осуществлять по сути все органы власти. По сути высшим звеном судебной системы являлся Царь и Боярская дума (конкретно – Расправный приказ), на местах судьями являлись губные старосты, продолжал свое существование церковный суд, к нему относился суд митрополита, епископа и др., орган, вершивший правосудие над крепостными крестьянам назывался вотчинным судом. В то же время определился примерный порядок ведения процесса.

Первым этапом было «вчитание», так назывался процесс внесения жалобы, т.е. челобитной, что являлось прототипом современного искового заявления. Далее ответчик вызывался в суд, также он мог представить своих поручителей, где они давали показания. Последним этапом являлось «вершение», т.е. принятие решения судом. [2, с. 24].

К делу приобщались следующие виды доказательств: свидетельские показания, письменные доказательства, крестоцеловальное обещание и т.д. Интерес представляет тот факт, что для процесса доказывания требовалось, как правило, не менее 10 свидетелей. В тот период появились новые процессуальные действия, такие как обыск, допрос, дознание и правож. Последнее является

специфической формой принуждения человека к выполнению своих обязательств. Данное процессуальное действие заключалось в систематическом избирении розгами ответчика в срок, определенный судом. Судоговорение протекало в форме диалога между истцом и ответчиком и в обязательном порядке протоколировалось, равно как и регламентированный на тот момент нормами права процесс пыток. Так как стадия возбуждения уголовного дела как таковая отсутствовала, разбирательство начиналось с челобитной, как уже было сказано выше, или с «молвы», т.е. с тех фактов, которые люди обсуждали между собой. Таким образом, случаи простого оговора не были редкостью для того времени.

К XVIII веку такая процессуальная форма, как розыск, приобрела решающее значение. Так, именным указом 21 февраля 1697 г. «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» Петр I полностью отменил состязательный процесс с заменой его по всем делам процессом следственным, инквизиционным [4, с. 310].

В 1711 году во главе не только судебных, но и всех без исключения административных учреждений был поставлен Правительствующий Сенат. В период правления Петра I данный орган приобрел множество различных функций, таких как фискальная, законодательная, военная и судебная, а также претерпел ряд изменений в своей работе. Так, в период с 1711 по 1718 гг., когда были организованы коллегии, все функции Сената – административные, судебные и надзорные, соединялись без всякого их распределения. Однако его небольшая численность не позволяла в полной мере реализовывать все возложенные на него функции. Ввиду этого произошло возвращение к Расправной палате, на которую в полной мере возложили судебные полномочия. Она принимала к рассмотрению только те дела, которые члены палаты после тщательного ознакомления с челобитной признавали существенными. Сенат в ряде случаев сам производил предварительное следствие, назначал пытки, занимался разрешением спорных вопросов о подсудности и решением дел, переданных ему государем, изданием указов о публичном прощении вины преступникам.

К XVIII веку уголовный и гражданский процесс все еще не были отделены друг от друга, нормы стали более четкими, но всё еще несли противоречивый характер. В свою очередь Екатерина II, приняв указ «Учреждениями для управления губерний», создала систему сословных судов и определила формы их деятельности. В том числе появилась система обжалования судебных решений, где высшей судебной инстанцией по-прежнему оставался Сенат. Наконец наметилось разграничение гражданского и уголовного процессов через введение на различных уровнях судебной системы департаментов и палат гражданских и уголовных дел.

В 1782 г. Екатериной II был подписан «Устав Благочиния», который достаточно подробно определял уголовно-процессуальные функции частного пристава, который должен был произвести первоначальные следственные действия и принять соответствующие меры вплоть до заключения обвиняемого под стражу [1, с. 583].

В начале XIX века уголовно-процессуальная система продолжала нести сословный характер. Частым явлением было оставление подсудимого под подозрением ввиду нехватки улик, из-за чего крестьяне могли подвергнуться ссылке.

Четко были выделены такие стадии уголовного процесса, как следствие, суд и исполнение приговора. Следствие производилось полицией, а его результаты направлялись в суд для проверки на предмет правильности и правомерности его проведения. Суд рассматривал дело по письменным материалам, без проведения судебного разбирательства в современном понимании – письменно, негласно и несостязательно. Приговор устанавливался на основе первичного материала следствия, повторных проверок и доказательств, которые делились на совершенные и несовершенные. Допрос обвиняемого был отдельной процедурой, которая заносилась в отдельный протокол. Таким образом в России сформировалась инквизиционная уголовно-процессуальная система, которую также носит название дореформенной.

Принятие Устава уголовного судопроизводства в 1864 г. стало важнейшим этапом в становлении российского уголовно-процессуального законодательства, т. к. он стал первой кодификацией уголовно-процессуального права. Также были приняты Основные положения уголовного судопроизводства, которые содержали в себе такие важнейшие принципы, как: отделение судебной власти от административной, разрешение судебных дел в двух инстанциях (апелляция и кассация), запрет на отказ в отправлении правосудия и т.д.

Принципиально важным изменением стало то, что с полиции были сняты следственные функции, кроме дознания, они были переданы в компетенцию судебного следователя. Так, важнейшей стадией расследования дела стало предварительное следствие. Стадия возбуждения уголовного дела полностью отделилась от других и могла начинаться по инициативе полиции, т. е. органа дознания, прокурора или судебного следователя.

Судебное разбирательство проходило гласно, устно и с участием сторон. Был введен суд присяжных заседателей, также принимавших участие в решении вопроса о виновности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отечественный уголовный процесс прошел через долгий путь развития со времен Русской правды до Судебной реформы 1864 года, проведенной Александром II. Она в значительной степени упорядочила и демократизировала существовавшую на тот момент судебную

систему. В дальнейшем положения принятых уставов подверглись контрреформированию, однако большинство правоведов сходятся во мнении о том, что Устав уголовного судопроизводства является одним из самых совершенных и полных документов, связанных с уголовным процессом за всю историю России.

Список использованных источников:

1. Алексеев, В. Б. Курс советского уголовного процесса. Общая часть. – М. : Юрид. лит., 1989. – 476 с.
2. Белозеров, Б. П. Соборное уложение 1649 года как памятник русского права : методические рекомендации. – Санкт-Петербург : Юриспруденция, 2002. – 32 с.
3. Линевиц, Я. В. История развития отечественного уголовного законодательства в сфере защиты правосудия и участников уголовного процесса // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2013. – С. 34–37.
4. Чистяков, О. И. История отечественного государства и права в 2 ч. Часть 1 : учебник для бакалавров. – М. : Юрайт, 2014. – 434 с.

**ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ РАСПОЗНАВАНИЯ ЛИЦ
(НА ПРИМЕРЕ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН)**

© И.А. Шашкова

Научный руководитель: В.В. Иванов

канд. юрид. наук

*Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева*

Система распознавания лиц – это технология, которая с помощью анализа алгоритмов компьютерного зрения позволяет определять личность человека на видео в реальном времени. Подобные системы существуют еще с конца 90-х годов.

Ранее технологию распознавания лиц в России могли использовать только крупные корпорации и государственные структуры, ведь стоимость разработки и поддержания жизнедеятельности такой системы очень высокая. Технология распознавания лиц применяется в целом перечне отраслей и сфер жизнедеятельности – от глобальных государственных систем безопасности до науки. В России за последние два года состоялось множество экспериментов, охватывающих большинство известных направлений. Часть из них можно назвать удачными, другие подверглись критике или вовсе использовались не по назначению.

Аналитики PreciseSecurity.com назвали десять стран с наибольшим количеством камер слежения. На первом месте с большим отрывом – Китай, в котором преобладает около 200 миллионов камер. На втором – США с 50 млн, на третьем Германия (5,2 млн). За ними следуют Великобритания, Япония, Вьетнам, Франция, Южная Корея, Нидерланды и Австралия. В этот рейтинг вошли государства, в которых количество камер превысило 1 млн.

Если характеризовать масштабы внедрения технологии распознавания лиц в России и сравнивать их с другими странами, то картина будет та же, что и в целом по цифровизации. Наша страна с 5% цифровой экономики от ВВП находится традиционно посередине между двумя крайностями, где на одном полюсе – Китай (34%), на другом – самые проблемные страны Африки[1].

Однако если принимать во внимание численность населения, на первое место выходят Соединенные Штаты. Здесь на каждые сто человек приходится 15,2 камеры слежения. В Китае чуть меньше – 14,3 камеры. На третье место выходит Британия с соотношением 7,5. Россия, Индия и Бразилия не раскрыли общего числа камер, есть только данные по нескольким крупным городам. Так, в Москве и Санкт-Петербурге всего около 196 000 камер. Почти столько же в Нью-Дели – 179 000 [2]. Но наличие камер слежения в общественных местах и на улицах, ведущих ставшую привычной видеофиксацию, следует отличать от ситуации при которой эти видеокамеры интегрированы в единую систему обладающую способностью к распознаванию лиц. В связи с появлением таких технологий возникают вопросы правового и этического характера – о возможности и границах применения этих технологий. Где находится грань, отделяющая этичное и правомерное вмешательство в частную жизнь человека, использование его внешности в целях машинного распознавания от недопустимого? Сегодня ряд авторов пытается нащупать и предложить эти границы допустимого [3]. Представляется, что до выработки итоговых правил пройдет еще некоторое время. В связи с этим в настоящей работе попробуем рассмотреть опыт регулирования проблемы в ряде зарубежных стран.

Интересным неоднозначным примером внедрения технологии распознавания лиц можно отметить систему в Великобритании. Так, осенью 2019 года 18 британских политиков (видные деятели разных поколений Дэвид Дэвис, Дайан Эбботт, Джо Суинсон и др.) и 25 общественных организаций (Amnesty International и Liberty) подписали коллективное письмо против системы распознавания лиц.

Распознавание лиц давно вызывает споры из-за того, насколько общественная опасность этой технологии окупается её пользой. Участники кампании за конфиденциальность говорят, что технология часто ошибается, слишком навязчива и нарушает права на частную жизнь. Именно сейчас вопрос обширного внедрения

системы выходит на передний план в Великобритании, и общество борется за приемлемое решение. Позиция Министерства внутренних дел здесь почти однозначна. Полиция приветствует технологию из-за её эффективности в поимке преступников. Риторика Министерства напоминает о «защите общества» от возможных угроз. Однако исследователи заметили тот факт, что система распознавания лиц часто неправильно идентифицирует женщин и темнокожих людей. Адвокат Эрик Чаудри говорит, что мы можем наблюдать ситуацию, когда система идентифицирует людей принадлежащих к каким-либо меньшинствам, и им приходится пройти опрос в полиции, которая к тому же хранит их фотографии, несмотря на то, что они невиновны.

Дело в том, что система распознавания лиц ещё недостаточно вошла в практику применения и, возможно, в основе её работы лежат какие-то сомнительные убеждения и ошибочные корреляции.

Зак Доффман, исполнительный директор компании Digital Barriers, которая занимается поставками камер с системой распознавания лиц британской полиции, заметил ВВС, что в нынешней ситуации «нет ясности». По словам Доффмана, «...если мы знаем, что в городе есть какая-то группа лиц, готовая причинить вред людям, все, наверное, согласятся, что применение распознавания лиц будет уместно, чтобы их задержать. В то же время, это будет совершенно неуместно в случае, если кто-то перебрал в пабе в субботний вечер, его лицо запомнили камеры и охрана больше не пускает его в свои заведения».

Компромиссную позицию выразил государственный комиссар по системе распознавания лиц Тони Портер, который следит за тем, чтобы работа системы соответствовала кодексам. Он говорит, что стране нужен чёткий стандарт использования и стандарт эффективности для данной системы. Чиновник считает, что общество должно быть гораздо больше, чем сейчас уверено, что преследование по этническим и иным признакам искоренено.

Стоит отметить, в Лондоне установлено рекордное для мегаполисов число уличных камер – около 400 тысяч, однако далеко не все из них оснащены системой распознавания лиц.

Но, несмотря на разногласия, которые происходили в общественности, в январе 2020 года в средствах массовой информации появляется информация о том, что служба полиции столицы Великобритании провела испытания камер с технологией распознавания лиц и объявила, что собирается начать их использовать повсеместно.

За последние четыре года, в течение которых полиция постепенно подходила к установке распознавания лиц на улицах Лондона, усилилось противодействие

этой технологии со стороны британских общественных организаций, таких как Liberty и Big Brother Watch.

Те, кто вводят распознавание лиц, также считают, что недавнее решение Высокого суда Лондона добавляет юридической силы их действиям: суд признал, что полиция Южного Уэльса не нарушила прав человека, отсканировав лицо с помощью технологии распознавания лиц. Сейчас дело направлено в Апелляционный суд[4].

Big Brother Watch, организация по защите конфиденциальности, заявила, что введение распознавания лиц означает «огромное расширение штата наблюдения и серьезную угрозу гражданским свободам в Великобритании».

Относительно системы распознавания лиц, Европейские законодатели, также в свою очередь опасаются злоупотреблений данными технологиями. В рамках законодательного урегулирования данной системы неоднозначная ситуация складывалась в начале 2020 г. в Европейском союзе (далее – ЕС). В январе 2020 г. стало известно, что Еврокомиссия рассматривает возможность запрета технологии распознавания лиц в общественных местах на срок до пяти лет, чтобы дать время выработать способы предотвращения злоупотреблений, связанных с использованием основанных на этой технологии систем. Еврокомиссия изложила соответствующие предложения на 18-страничном документе.

Предполагалось, что в течение пяти лет ЕС должен будет оценить последствия технологии для защиты персональных данных населения и его права на неприкосновенность частной жизни. Кроме того, документ предлагал странам ЕС назначить представителей, которые будут отвечать за выполнение новых правил. «Основанная на этих существующих положениях будущая нормативная база может пойти дальше и включить в себя ограниченный по времени запрет на использование технологии распознавания лиц в общественных местах», – говорится в докладе. Исключения планировалось сделать лишь для проектов в сфере безопасности и научных исследований. Открытые дебаты выявили разногласия. Мораторий пользовался поддержкой защитников прав человека, тогда как сторонники повышения мер безопасности выступали против. ЕК изучила отзывы на свои предложения и в представленном ею в феврале 2020 года новом проекте документа об искусственном интеллекте мораторий на распознавание лиц был снят. Вместо этого, Еврокомиссия призывает страны – участницы ЕС установить собственные правила и для оценки рисков должны быть сформированы независимые группы экспертов [5].

Регуляторы и официальные лица по всему миру пытаются внести ясность и порядок в вопросы распознавания лиц, которые вызывают общественную критику и подозрение. В Сан-Франциско эта технология попала под ограниченный

запрет, схожие меры обсуждались и в парламенте Великобритании, но были отклонены. Власти Швеции ввели штраф за неправомерное применение распознавания лиц в школах.

В настоящее время речь уже не идет об искоренении данных систем распознавания лиц, поскольку данная программа показала, что имеет немало положительных моментов. Сейчас необходимо важным моментом является надлежащая защита личных данных, в том числе от необоснованной передачи государству.

Список использованных источников:

1. https://www.gazeta.ru/tech/2020/01/04/12891704/faces_of_russia.shtml [Электронный ресурс] (дата обращения 05.03.2020).

2. <https://m.hightech.plus/2019/12/10/ssha-oboshli-kitai-po-plotnosti-kamer-slezheniya> [Электронный ресурс] (дата обращения 05.03.2020).

3. Иванов В.В. «Применение в уголовном процессе высоких технологий и гарантии прав человека» / Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов XXIV междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2019. С.130-132.

4. http://rapsinews.ru/international_news/20191121/305078513.html [Электронный ресурс] (дата обращения 07.03.2020).

5. <https://roskomsvoboda.org/54611/> [Электронный ресурс] (дата обращения 07.03.2020).

ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВЫДАЧИ ЛИЦА (ЭКСТРАДИЦИЯ)

© А.Л. Штейнгарт

Научный руководитель: Л.В. Майорова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одним из направлений международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, которое получило закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, является выдача лица для уголовного преследования. Данная проблема вызывает повышенное внимание у законодателя, и оно не случайно. Это вызвано острой потребностью Российской Федерации во взаимодействии с иностранными государствами в уголовно-процессуальной сфере. Данная потребность продиктована в первую очередь заинтересованностью нашего государства в выдаче находящихся за границей лиц, которые причастны к деяниям,

посягающим на те отношения, которые охраняются российским уголовным законом. Реализация этого интереса невозможна, без принятия на себя определенных обязательств по отношению к другим государствам, которые также пытаются самостоятельно привлекать виновных лиц к уголовной ответственности независимо от того, где последние находятся. Также к уголовно-процессуальному взаимодействию различных государств подвигает следующая ситуация, которая имеет место быть в текущих реалиях в крупных российских городах, а именно то, что часть преступлений в них совершается иностранными гражданами, которые в большинстве своем на территории страны находятся нелегально. Среди них присутствуют также те, кто вынужден скрываться на территории Российской Федерации от уголовной ответственности за преступления, совершенные за рубежом. Усиление уголовно-процессуального взаимодействия государств, которое направлено на борьбу с преступностью, в свою очередь не исключает, а наоборот, предполагает согласие в деятельности государств по обеспечению законных прав и интересов личности, потребность в которой, по мнению Р.А.Гурбанова, в текущее время лишь возрастает. Эти два существующих вида деятельности – обеспечение прав и законных интересов личности и борьба с преступностью, в применении к уголовному судопроизводству требуют их одновременного осуществления. Данное обстоятельство актуально не только для традиционных уголовно-процессуальных отношений в ходе движения уголовного дела в рамках уголовного судопроизводства, но также и для отношений, которые обусловлены реализацией норм, содержащихся в части пятой Уголовно-процессуального кодекса РФ «Международное сотрудничество». Особое значение для экстрадиционных отношений, в рамках которых защищаются права запрошенных к выдаче лиц, приобретает параллельное существование борьбы с преступностью и обеспечения законных прав и интересов личности. Это положение дел было исторически предопределено, так как, начиная с 19 века, когда сотрудничество государств в противостоянии с общеуголовными преступлениями стало превалировать над личными интересами правителя, субъектами экстрадиции, помимо государств стали также люди, чьи права стали подлежать защите в экстрадиционном процессе. В современном мире следовать указанной параллели требует не только национальное право, которое ориентировано на защиту прав личности (ст. 6 УПК РФ), но также и международное право, международные документы, содержащие общепринятые стандарты в указанной области. Именно по этой причине вызывает сомнение следующее утверждение Ю.Г. Васильева: «В то время как институт выдачи преступников ставит своей целью борьбу с международной преступностью, институт убежища направлен на обеспечение общепризнанных в императивном режиме прав и свобод человека». Полагаем, что данное противопоставление

применительно к уголовному судопроизводству, не берет во внимание тот факт, что при экстрадиции лица для уголовного преследования, как и при выполнении любого иного вида деятельности, защита прав, закрепленных в статье 6 УПК РФ является определяющим направлением. Тем более, что запрашиваемое к выдаче лицо, как и любое иное лицо, вовлекаемое в уголовно процессуальную деятельность, остро нуждается в защите от ограничения своих прав и свобод. Данный подход используют в своих исследованиях авторы, которые отстаивают мнение, что все участники уголовно процессуальных отношений должны быть обеспечены надлежащей защитой. Следовательно, и лицо, запрашиваемое к выдаче, должно подлежать уголовно процессуальной защите, не исключающей борьбы против международной преступности. К несчастью правоприменительная практика смещает акценты в целях, стоящих перед экстрадицией лиц, в сторону противостояния международной преступности, что влечет за собой ущерб интересам реализации прав этих лиц. Данное смещение явно дает о себе знать, когда оно сопровождается пренебрежением к праву на защиту лица, подлежащего экстрадиции. Следует сказать, что эта проблема является лишь одной частью общей проблемы, которая в свое время была достаточно точно обозначена В.Н. Синюковым, но, к сожалению, своего окончательного решения так и не нашла. Здесь речь идет об ухудшении ситуации по различным позициям и положениям правовой защищенности личности, что является одним из важнейших показателей здоровья международной правовой системы, и это учитывая то, что был введен ряд современных защитных механизмов. Указанная тенденция проглядывается и в отношении запрашиваемого к выдаче лица. Она проступает в тех местах, где возникают проблемы при реализации права данного лица на защиту. В подтверждение данной ситуации можно привести множество нарушений российского государства в этой сфере, которые были зафиксированы, в том числе и в решениях ЕСПЧ. При всем при этом число экстрадиционных дел, рассматриваемых в ЕСПЧ, неуклонно продолжает увеличиваться, при этом под угрозу ставится престиж и статус Российской Федерации. Комитет министров Совета Европы, в свою очередь, вынужден обсуждать вопросы исполнения российскими властями постановлений ЕСПЧ, о нарушении прав лиц, запрашиваемых другими странами для уголовного преследования. Данным комитетом было выдвинуто предложение, в котором России требовалось предоставить более подробную информацию о реализации действующего превентивного и защитного механизма в отношении указанных лиц на практике. Все это сигнализирует о важности проблемы эффективной реализации права на защиту при выдаче лиц для уголовного преследования в уголовном процессе России. Однако не только указанные особенности практики ЕСПЧ обуславливают необходимость решения обозначенной проблемы. Существуют и иные

обстоятельства, актуализирующие ее. К ним можно отнести: определенные положения международно-правовых документов, направленных на необходимость защиты прав лица; курс на защиту личности от ограничения ее прав и свобод, взятый российским законодателем (ч. 1 ст. 6 УПК РФ); формирующуюся практику Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, вектор которой в основном совпадает с указанным законодателем курсом.

Решение проблемы эффективности реализации права на защиту запрашиваемого к выдаче для уголовного преследования предполагает обязательную оптимизацию правового регулирования ряда вопросов выдачи лица. Это естественно, в силу того, что такая реализация не может рассматриваться отдельно от экстрадиционных отношений. Она призвана их сопровождать. Указанную оптимизацию, на наш взгляд, следует осуществлять в соответствии с уголовно процессуальным кодексом РФ, абстрагируясь от идеи издания отдельного федерального закона об экстрадиции, сторонники которой есть не только в России, но и за границей. Они считают эту меру в силу разных причин обязательной для своего национального уголовно процессуального законодательства. Против этого в литературе уже приводились убедительные доводы, одним из которых является присутствие в действующем уголовно процессуальном кодексе РФ главы, регламентирующей выдачу лица для уголовного преследования. Относительно довода сторонников принятия специализированного закона, обеспечивающего дальнейшее развитие института выдачи, ликвидации пробелов УПК РФ, устранения противоречий российских и международных норм, касающихся экстрадиционной процедуры, следует сказать, что эти проблемы разрешаемы и в рамках кодифицированного уголовно-процессуального закона.

Затронутая проблема остается актуальной и на современном этапе развития российского законодательства. Она протекает в рамках экстрадиционных отношений, подчиненных процедурным требованиям, предусмотренным главой 54 УПК РФ; осуществляется в интересах носителя этого права – запрашиваемого к выдаче лица; служит сбалансированию публично-правовых и частноправовых интересов в рамках экстрадиционного производства; происходит в форме правомерных действий и в форме правомерного бездействия; совершается зачастую с участием переводчика на стороне запрашиваемого к выдаче лица; опирается на сложную правовую базу (международные договоры, российское законодательство, зарубежное законодательство).

Список использованных источников:

1. Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. // Собрание законодательства РФ. 2000. № 23. Ст. 2348.
2. Васильев Ю.Г. Институт выдачи преступников (экстрадиция) в современном международном праве: Монография. М.: Современная экономика и право, 2003.
3. Корнилова Е.Ю. Некоторые аспекты международного сотрудничества России по вопросам экстрадиции // Евразийское Научное Объединение. 2015. Т. 1. № 4 (4).
4. Синуков В. Н. Рецензия на книгу Научные концепции развития российского законодательства (Монография. 7-е изд., доп. и перераб. / С. Е. Нарышкин, Т. Я. Хабриева, А. И. Абрамова и др.; отв. ред. Т. Я. Хабриева, Ю. А. Тихомиров. М., 2015. 544 С.) // Журнал российского права. – 2016. – № 3 (231). – С. 156–164.

**К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ИНЫХ ДОКУМЕНТОВ – ВЕЩЕСТВЕННЫХ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ИНЫХ ДОКУМЕНТОВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ**

© Н.С. Юрков

Научный руководитель: Н.Г. Логинова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 74 выделяет наряду с другими доказательствами называет вещественные доказательства и иные документы. Вместе с тем, законодатель, закрепив в качестве вида вещественного доказательства иные документы, привёл к проблеме содержательного разграничения иных документов – вещественных доказательств и иных документов как самостоятельного вида доказательств (п. 3 ч. 1 ст. 81 УПК РФ и ч. 4 ст. 84 УПК РФ).

Несовершенство юридической техники законодателя при формулировании рассматриваемых положений в виде такого терминологического единства не способствует правильному и единообразному применению закона.

Для разграничения понятий в первую очередь мы посчитали необходимым обратиться к системному анализу действующего уголовно-процессуального закона.

Так, в пункте 3 части 1 статьи 81 УПК РФ указывается, что вещественными доказательствами признаются: «иные предметы и документы, которые могут

служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела».

В свою очередь в ст. 84 УПК РФ законодатель формулирует положения, регламентирующие требования, предъявляемые к иным документам как самостоятельному виду доказательств, где указывается, что иные документы могут допускаться в качестве доказательств. Сведения, содержащиеся в иных документах, могут быть представлены в различных формах (письменная, аудио- и видеозаписи, фото- и киносъёмки и проч.).

В части 4 статьи 84 УПК РФ закреплено положение о том, что если документы обладают признаками, указанными в ч. 1 ст. 81 УПК РФ, они являются вещественными доказательствами. Буквально это означает, что документ является вещественным доказательством, если он служил орудием преступления, сохранил на себе следы преступления или был объектом преступных действий. При этом, в ч.3 ст. 81 УПК РФ отражен такой вид вещественных доказательств, как «иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления, установления обстоятельств уголовного дела». Изложенное позволяет говорить о правовой неопределённости.

Авторы курса лекций по уголовному процессу высказали мнение, что «иные документы» – это такие документы, которые не являются протоколами следственных и судебных действий, заключениями эксперта и специалиста [1, с. 518].

Ю.Н. Прокофьев, анализируя совокупность критериев отличия иных документов – вещественных доказательств от иных документов, отмечал, что свойство незаменимости документов вещественных доказательств обусловлено их непосредственной связью с событием преступления, с изменениями в окружающей среде, вызванными преступлением [2, с. 17].

С.В. Зуев и К.И. Сутягин отмечают, что «в случаях, когда документы обладают признаками вещественных доказательств (имеют исправления и подчистки, явились предметом, на который были направлены преступные действия и т.д.), они признаются вещественными доказательствами» [3, с. 394].

В большинстве своём, в случае утери, иные документы являются восполняемым материалом (часто документы существуют в нескольких экземплярах). Иные документы – вещественные доказательства при их утрате или уничтожении, восполнить, чаще всего, невозможно. Это в качестве разграничительного критерия рассматривает профессор Л.В. Головкин: «иной документ» всегда заменим» [1, с. 520]. Однако представляется, что в ряде случаев иные документы, всё же, при частичной либо полной потере восполнить также невозможно (к примеру, утрата запрашиваемых следователем (судом) материалов из архивов). Таким образом,

мы приходим к выводу, что данный критерий нельзя считать универсальным для разграничения конструкций.

При анализе конструкций считаем важным разграничить термины по признаку наличия либо отсутствия изначальной уголовно-процессуальной формы документа, а также по признаку лиц, составляющих документ. Иные документы собирают путем их истребования или представления, а это означает, что после собирания они в любом случае приобретают уголовно-процессуальную форму, однако при их начальном формировании об уголовно-процессуальной форме речи не идёт. Это отмечается А.В. Смирновым и К.Б. Калиновским: «иные документы составляются и удостоверяются не органами, ведущими уголовный процесс, а иными лицами (должностными лицами, гражданами), которые могут и не быть участниками судопроизводства. Следователь, дознаватель, прокурор и суд не могут быть источниками иных документов, поскольку должны фиксировать ставшие им известными сведения по делу в форме протоколов следственных и судебных действий, где отражаются данные, воспринятые ими непосредственно в ходе названных действий» [4, с. 206-207]. Также учёные отмечают целевое назначение иных документов: доведение до сведения официальных органов обстоятельств, имеющих значение для производства по уголовному делу» [4, с. 206-207].

Таким образом, под иными документами – вещественными доказательствами следует понимать полученные в результате производства следственных действий и оформленные в соответствующем процессуальном порядке документы, обладающие признаками вещественных доказательств, которые служат доказательствами по уголовному делу. В свою очередь, иными документами являются любые документы, полученные в результате истребования или представления, составленные и удостоверенные иными лицами, не являющимися участниками уголовного судопроизводства, и имеющие целевым назначением доведение до сведения официальных органов обстоятельств, имеющих значение для производства по уголовному делу.

Резюмируя изложенное, хотелось бы отметить, что проблема рассматриваемая проблема имеет не только теоретическое, но и практическое значение. В теоретическом плане ее решение позволяет выявить некоторую несогласованность, а в отдельных случаях и явное противоречие между положениями норм Уголовно-процессуального кодекса и таким образом обосновать перед законодателем необходимость внесения соответствующих изменений. Представляется, что встречающиеся в практической деятельности случаи нарушения законности, связанные с введением в уголовное судопроизводство иных документов вещественных доказательств и иных документов, в немалой степени напрямую связаны с пробелами в правовом регулировании данных уголовно-процессуальных

категорий. Следовательно, в практическом аспекте исследование данного вопроса может способствовать единообразному применению норм уголовно-процессуального закона.

Список использованных источников:

1. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. – Москва, 2016. – 1278 с.
2. Прокофьев Ю.Н. Использование документов доказательств в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... к-та юрид. наук. – М. 1976. – 19 с.
3. Уголовный процесс: учебник / С.В. Зуев, К.И. Сутягин. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. – 563 с.
4. Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под общ. ред. проф. А.В. Смирнова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : КНОРУС, 2008. – 704 с.

ПОНЯТИЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ

© Е.А. Яковлев

Научный руководитель: Я.М. Плошкина

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Актуальность работы обусловлена использованием в законодательстве РФ термина «квалифицированная юридическая помощь», отсутствием легального определения понятия и его различными трактовками. Целью работы является обобщение и систематизация имеющихся трактовок указанного понятия в законодательстве РФ и практике Конституционного Суда РФ (далее также – КС РФ) и выявление в них общего и различного.

Прежде чем переходить к специализированному толкованию этого понятия имеет смысл разложить его на составные элементы (по словам) и привести определения по толковым словарям. Толковый словарь Ожегова определяет слово «квалифицированный» как «Требующий специальных знаний», большой толковый словарь определяет слово «квалифицированный» как «Требующий специальных знаний, подготовки» [9]. Слово «юридический» определяется большим толковым словарем как «[от лат. *juridicus* – судебный] 1. Связанный с правовыми нормами, правовым законодательством и практическим применением их. Соответствующий законам, праву, требованиям законодательства. Относящийся к изучению правоведения, юриспруденции. ... 3. Относящийся к работе юриста,

юристов.” [1]. Термину “помощь” большой толковый словарь дает следующее определение: “содействие, поддержка” [1]. В результате объединения приведенных определений составляющих элементов конструкции, можно сказать, что “квалифицированная юридическая помощь” – это требующая специальных знаний, подготовки, относящаяся к праву, законодательству, юриспруденции содействие или поддержка.

Конституция РФ использует этот термин в ч. 1 ст. 48 в контексте гарантированности каждому права на получение квалифицированной юридической помощи. Однако само определение понятия в Конституции РФ не дается. Остается за рамками конституционной нормы содержательная сущность квалифицированной юридической помощи в виде: 1) специальных знаний, подготовки, 2) относящаяся к праву, законодательству, юриспруденции 3) содействие или поддержка.

Однако, 1) даже сам факт закрепления права на эту помощь в ст. 48 Конституции РФ дает возможность подготовки и принятия нормативно-правовых актов, регламентирующих реализацию рассматриваемого права. 2) осуществляется реализация государственной программы «Юстиция» [6], подготовлена Концепция реформирования рынка профессиональной юридической помощи [7]. 3) квалифицированной юридической помощи уделяется внимание общественных и негосударственных организаций, в первую очередь адвокатуры. 4) она исследуется учеными, в первую очередь в аспекте проблем реализации права на нее; правоведы исследуют причины их возникновения и ищут пути их разрешения.

Характеристику этого понятия можно увидеть в ряде нормативно-правовых актов, таких как: 1) Конституция РФ, 2) ФЗ от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре», согласно ст. 1 которого адвокатская деятельность является разновидностью квалифицированной юридической помощи. Согласно ст. 6 «Адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим ФЗ...». В ст. 7 ФЗ от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» дается перечень субъектов, оказывающих такую помощь. Таким образом, законодательство характеризует квалифицированную юридическую помощь опосредовано – указанием на субъектов ее оказания, через статусные характеристики этих лиц, установление условий допуска этих лиц для ее оказания. Конечная цель такой помощи связана с обеспечением прав и свобод человека и гражданина, это подразумевает наличие специальных знаний, практического опыта. В то же время оценка качества именно самой помощи не может быть закреплена исчерпывающим образом путем установления общеобязательных критериев. Однако частично они раскрыты в правовых позициях КС РФ.

Так, п. 3 Постановления КС РФ от 28 января 1997 г. Суд обязывает государство обеспечить условия для подготовки квалифицированных юристов, установить профессиональные и иные квалификационные требования и критерии. В особом мнении судьи КС РФ В.О. Лучина к этому решению указывается на то, что смысл ч.2 ст. 48 Конституции РФ состоит не в ограничении права лица пользоваться помощью лиц, не являющихся адвокатами, а в обязанности государства обеспечить обвиняемому возможность воспользоваться именно адвокатской помощью.

Определение КС РФ от 05.12.2003 № 446-О не уточняет, кем именно должна быть обеспечена такая помощь, но в п. 3 Определения Суд указывает на конституционную обязанность государства обеспечить каждому достаточно высокий уровень любого из видов предоставляемой юридической помощи, поэтому нельзя трактовать право на квалифицированную юридическую помощь как обязанность пользоваться помощью только адвоката, иное фактически приводило бы к ограничению свободы выбора.

В Постановлении КС РФ от 23.01.2007 № 1-П Суд закрепляет право обратиться помимо адвоката к другим лицам. Иное привело бы к понуждению их использовать только один способ защиты, что не согласуется со ст. 45 (часть 2) Конституции РФ. Такое ограничение вопреки ст. 48 (часть 1) Конституции РФ сузило бы возможность выбирать способ защиты и право на доступ к правосудию (ст. 46, ч. 1, Конституции РФ).

В п. 2.1 Определения КС РФ от 26.04.2016 № 708-О Суд закрепляет, что для допуска неадвоката в качестве защитника выясняются его способности осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу.

В п. 2.1 Определения КС РФ от 28.09.2017 № 1843-О Суд закрепляет, что требование к представителю (по Кодексу административного судопроизводства РФ) – наличие высшего юридического образования направлено на обеспечение конституционного права каждого на квалифицированную юридическую помощь.

Таким образом, обобщив судебную практику КС РФ о толковании этого понятия в судебных процессах, можно сделать следующий вывод: под квалифицированной юридической помощью понимается деятельность защитника или представителя в судебном процессе, соответствующая минимальным требованиям к оказанию юридической помощи. Гарантированное Конституцией РФ право на такую помощь реализуется посредством представителя, соответствующего установленным законодателем (и дополненным судом) критериям путем определения соответствующих условий допуска тех или иных лиц в качестве защитников или представителей. Требования к адвокатам напрямую установлены в законе, а для юристов, не имеющих статус адвоката, исходя из указанных решений КС РФ

(Определение КС РФ от 26.04.2016 № 708-О, Определение КС РФ от 28.09.2017 № 1843-О и др.), они следующие: при разрешении ходатайства обвиняемого о допуске иного лица в качестве защитника суду следует учитывать характер, особенности обвинения, а также согласие и возможность данного лица осуществлять в установленном законом порядке защиту прав и интересов обвиняемого и оказывать ему юридическую помощь при производстве по делу. В ряде решений (по определенным категориям дел) указывается на обязательное наличие высшего юридического образования. Кроме того, допуск к защите лиц, не обладающих статусом адвоката на стадии досудебного производства недопустим. КС РФ дополняются законодательные нормы указанием на признак конституционно надлежащего характера (качества) оказываемой помощи.

Как указывает Любобенко Е.С., стандарты качества не должны ограничиваться статусной характеристикой публично обязанных лиц, а также регламентацией особенностей и условий допуска тех или иных лиц в качестве защитников или представителей в конкретных видах судопроизводства. Необходимо законодательно установить основополагающие требования к качеству предоставляемой юридической помощи с тем, чтобы гарантировать ее надлежащий уровень [4].

Мы согласны с этой позицией и считаем необходимым сформировать в понятии квалифицированной юридической помощи и критерии ее качества, для обеспечения прав и свобод, законных интересов человека и гражданина.

Список использованных источников:

1. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014 года.
2. Киреева С. А., Асанова Д. Н. Генезис института квалифицированной юридической помощи // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – №. 3А. – С. 45. <http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2019-3/journal-law-2019-3a.pdf#page=55>
3. Ленкауцан Д. В. Проблемы толкования понятия квалифицированной юридической помощи // Молодой ученый. – 2018. – №7. – С. 133-136. – URL <https://moluch.ru/archive/193/48400/>
4. Любобенко Елена Сергеевна. Конституционное право на получение квалифицированной юридической помощи и механизм его гарантирования : российский и зарубежный опыт : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.02 / Любобенко Елена Сергеевна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова].- Тверь, 2008.- 192 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-12/118

5. Марков-Вяземский А. В. Конституционное право граждан на получение квалифицированной юридической помощи //Свобода и право. – 2018. – С. 52-54. <https://elibrary.ru/item.asp?id=32461857>

6. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Юстиция». // <http://ivo.garant.ru/document/70644218/paragraph/1:0>

7. Проект Распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Концепции регулирования рынка профессиональной юридической помощи» (по состоянию на 24.10.2017) (подготовлен Минюстом России) {КонсультантПлюс} // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=34527#027690799875639627>

8. Симакينا Г. С. Соглашение об оказании юридической помощи как форма реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи //Право и общество в условиях глобализации: перспективы развития. – 2018. – С. 51-54.

9. Толковый словарь Ожегова // <https://slovarozhegova.ru/>.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ

**ЛИЧНОСТЬ ВЗЯТОКОЛУЧАТЕЛЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ВЗЯТНИЧЕСТВА,
СОВЕРШАЕМОГО СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ**

© М.В. Биллер

Научный руководитель: И.А. Журавлева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Изучение личности взяточполучателя может помочь в выявлении и раскрытии категории уголовных дел, относящихся к взяточничеству.

Для большей конкретизации сведений о личности в настоящей статье будут рассмотрены научные исследования различных авторов, а также следственная практика и практика судов Российской Федерации.

Так, по мнению большинства исследователей в большинстве случаев сотрудник правоохранительных органов, получающий взятку, является мужчиной в возрасте от 30 до 50 лет. При этом лица более молодого возраста, получающие взятку идут на совершение преступления спонтанно (ситуационный тип личности) [1, с. 51]. Такие показатели можно объяснить, тем, что именно в этом возрасте лицо добиваются высокого карьерного роста и соответствующего служебного положения [7, с. 35].

Однако следует отметить, что согласно проведенным исследованиям, сотрудники ОВД совершают рассматриваемый вид преступления в основном в возрасте 20-30 лет (50-70 %), 31-40 лет (20-40 %). Следовательно, стаж службы сотрудников ОВД составляет примерно до 10 лет [3, с. 113].

Если обратиться к статистическим данным, то по половому признаку проценты осужденных за взяточничество будут выглядеть следующим образом: мужчины – 87 %, женщины – 13 % [6, с. 75].

Рассматривая социальные характеристики сотрудника правоохранительных органов, следует отметить, что зачастую такое лицо будет иметь высшее образование (почти 100 %).

Как правило, они состоят в браке, имеют детей. Такой человек обычно положительно характеризуется на службе (имеет поощрительные награды, грамоты, благодарственные письма). По месту жительства он также характеризуется положительно, не злоупотребляет спиртными напитками. Обладает энергичностью, стрессоустойчивостью, коммуникабельный.

При анализе уголовных дел и судебных решений было установлено, что почти 96 % осужденных совершали преступление впервые, но на наш взгляд это объясняется, прежде всего, требованиями, предъявляемым к сотрудникам

правоохранительных органов при трудоустройстве. При этом лишь в 65 % случаев взятополучатели признавали свою вину.

Согласно портрету среднестатистического российского коррупционера, составленного Генеральной прокуратурой РФ, взяточник обычно имеет хорошее материальное положение, лишь треть осужденных по статьям, связанных с взятками, признались, что имели низкое материальное обеспечение, а две трети хотели жить еще лучше, чем могли себе позволить[9].

Согласно изученной следственной и судебной практики, а также работ исследователей по данной теме, причины по которым сотрудник правоохранительных органов готов пойти на совершение преступления, а именно получение взятки, связаны с низким уровнем социальной защищенности[5, с. 129], а также низким уровнем материальной обеспеченности. Хотя данная причина на наш взгляд применима не ко всем сотрудникам правоохранительных органов, из этого перечня мы бы исключили сотрудников следственного комитета РФ и ФСБ РФ, так как низкий уровень материальной обеспеченности в этих случаях исключается. В большинстве случаев сотрудников этих структур устраивает их материальное положение, к тому же процент совершения взяточничества здесь на много ниже и составляет менее 1 % по отношению к другим правоохранительным органам. Так больше всего преступлений, связанных с взяточничеством было совершено в структуре МВД (около 29 %).

Исходя из вышеизложенных позиций, можно предположить, что основным фактором, толкающим на совершение преступления, будет не только корысть, жадность, но и возможность самоутвердиться, повысить собственную значимость и силу власти. А также жажда наживы, пренебрежительное отношение к законам, моральным нормам и игнорирование последствий от своих действий таких как, подрыв авторитета для своих подчиненных, дискредитация деятельности государственных органов.

Как отмечают некоторые исследователи, для взятополучателей характерен протекционизм, психология потребительства, которая чаще превалирует над остальными [4, с. 45]. Им присуща приспособляемость к различным социальным ситуациям, они чувствуют систему отношений в учреждениях, хорошо ориентируются в нюансах социальных взаимодействий, достаточно общительны.

Хотелось бы отметить, что изучение личности взятополучателя в ходе расследования преступления не должно сводиться к сбору лишь формальных характеристик с места работы и жительства. Такие характеристики, в большинстве случаев, являются положительными. В первую очередь из-за того, что сотрудники правоохранительных органов имеют большой положительный жизненный опыт,

обладают организаторскими и ораторскими способностями, а также иными положительными качествами, которые они демонстрируют во время службы.

В ходе изучения уголовных дел, а также научных работ других авторов установлено, что зачастую поведение в быту, взаимоотношения с коллегами по работе, времяпровождение, отклонения от морального поведения, хобби, которое в большинстве случаев оказывается дорогостоящим, и другие признаки, объективно характеризующие взяточполучателя, либо вообще не изучались, либо изучались довольно поверхностно.

Следует также отметить, что важно изучить и данные, свидетельствующие о жизни взяточполучателя не по средствам, для этого должны быть собраны данные (это могут быть документы, свидетельские показания) о финансовом положении, как самого взяточполучателя, так и его родственников.

Результаты применения данного способа эффективно используются при изучении личности взяточполучателя, мотивов его деяния, если имеются сведения о передаче взятки, но не установлен конкретный предмет взятки или способ его передачи.

Изучая научные исследования ученых, мы пришли к выводу, что большинство авторов выделяют следующие группы признаков, характеризующих личность взяточполучателя: 1. признаки, характеризующие взяточполучателя на службе; 2. признаки, характеризующие личностные качества, такие как увлечения, черты характера и тому прочее; 3. смешанные (связи). Если в ходе расследования преступления придерживаться такого комплексного подхода изучения не только взяточполучателя, но и взяткодателя, и посредника, то можно избежать многочисленных ошибок, допускаемых в процессе расследования.

Таким образом, взяточполучатель в структуре правоохранительных органов, в большинстве случаев – это лицо (обычно мужчина), которое имеет достаточно большой опыт в служебной деятельности, положительно характеризующийся на работе, обладающий высоким уровнем интеллекта, высшим образованием, состоящий в браке и имеющий детей, обычно является примерным семьянином. Он довольно эффективно умеет организовывать преступную деятельность из-за своих высоких организаторских способностей, он способен принимать эффективные меры к сокрытию такой деятельности, маскировать ее под законную деятельность.

В заключение хотелось отметить, что взяточничество в системе правоохранительных органов наиболее опасный вид преступления. Главным образом из-за того, что сотрудники владеют профессиональными знаниями, связями, а это позволяет наиболее тщательно скрывать следы преступлений и избегать предусмотренную законом ответственность. Именно поэтому внимание мы должны уделять

не только расследованию получения взяток, но и причинам, по которым сотрудник правоохранительных органов согласился на совершение данного преступления, то есть уделять внимание личности преступника с целью предотвращения подобных преступлений.

Список использованных источников:

1. Ваймер, Е.В. Тип личности взяткодателя, взяткополучателя и посредника при даче взятки/ Е. В. Ваймер, А. В. Музалевская//Алтайский Вестник государственной и муниципальной службы. – 2015. – № 12. – С. 50-52.
2. Кожина, Ю.А. Этические проблемы борьбы с коррупцией в органах внутренних дел / Ю. А. Кожина // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2017. – № 17. -С. 15-20.
3. Кокурин, А. В. Психолого-криминологическая характеристика личности сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности / А. В. Кокурин, В. Е. Петров // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 7. – С. 111-123.
4. Леонов, Е.М. О внедрении стандарта антикоррупционного поведения сотрудников органов внутренних дел / Е. М. Леонов // Труды Академии управления МВД России. – 2009. – № 2. – С. 129-133.
5. Марданов, А. Н. Взаимодействие следователя и оперативных подразделений в процессе расследования взяточничества при наличии посредника : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Марданов Альберт Наилевич. – Санкт-Петербург, 2017. – 187 с.
6. Перцев, Д.В. Особенности криминологической характеристики взяточничества / Д. В. Перцев // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 1 (55). – С. 73-77.
7. Чупахин, Р. В. Особенности субъектов взяточничества и коммерческого подкупа (криминалистический и криминологический аспекты) / Р. В. Чупахин // Безопасность бизнеса. – 2009. – № 2. – С. 33–36.
8. Шагиахметова, Л. О. Психолого-криминалистическое исследование личности сотрудника правоохранительных органов, совершивших преступления коррупционной направленности / Л. О. Шагиахметова // Юридический институт Южно-Уральского государственного университета. – 2018. – № 11.8. – С. 138-140.
9. Составлен портрет типичного российского коррупционера // Новостной портал «Лента.ру» // URL: <https://lenta.ru/news/>(дата обращения – 06.03.2020).

ВЫЯВЛЕНИЕ КРИМИНАЛЬНЫХ ИНСЦЕНИРОВОК

© Ю.О. Евстафьева
Научный руководитель: И.Г. Иванова
канд. юрид. наук
Сибирский федеральный университет

Инсценировка преступления – это система действий преступника по предупреждению возникновения следов, уничтожению, фальсификации, утаиванию, маскировке возникших в результате преступного события изменений, созданию новых следов, подтверждающих версию субъектов сокрытия. Еще основоположник криминалистики Г. Гросс указывал на возможность обнаружения на месте происшествия признаков, «которые имеют место в том случае, когда эта обстановка была создана обманном образом, так, как будто она произошла в действительности» [1, с. 801], т.е. отмечал возможность обнаружения инсценировки.

Сущностью инсценировки является создание искусственным путем обстановки определенного события, сочетающееся с притворным поведением и сообщением ложных сведений лицом, создавшим эту инсценировку, с целью сокрытия действительно происшедшего события и совершивших его лиц.

Полагаем, что криминальную инсценировку необходимо изучать в двух аспектах: как деятельность по сокрытию подготавливаемых или уже совершенных преступлений и как итог (результат) этой деятельности.

Мы придерживаемся широкого подхода к пониманию сущности инсценировки и полагаем, что инсценировка способна также выполнять роль не только способа сокрытия, но и способа совершения преступления [2, с. 15]. У многих ученых-криминалистов, кто придерживается узкого подхода к пониманию инсценировки (только как способа сокрытия преступления), возникают трудности с определением цели инсценировки [3, с. 108]. Такой ограниченный (узкий) подход к сущности инсценировки преобладает в научной теории довольно давно и нередко критикуется правоприменителями: преступники в большинстве случаев тщательно разрабатывают будущее преступление и очень часто прибегают к использованию преступной инсценировки как одному из средств, способствующих совершению преступления, и направленных на других лиц (потерпевшего).

Способ совершения и способ сокрытия преступлений – это две группы действий с различной направленностью. Однако при инсценировке убийства способ совершения и способ сокрытия следов объединены в единую

конструкцию, отличающую ее от традиционных представлений о способах убийства. Чаще всего преступники желают утаить факт убийства определенного лица, но известны случаи, когда при совершении преступлений, преступники, желая избежать уголовной ответственности, скрывают лишь конкретную причину гибели жертвы.

Некоторой спецификой обладают также инсценировки преступлений в области компьютерной информации. Еще при подготовке к совершению преступления будущий преступник продумывает варианты по их последующему сокрытию с помощью достаточно сложных технических средств и программных решений. Профессиональность способа инсценировки здесь обусловлена технической оснащенностью преступника и его навыками работы в области программирования и компьютерных технологий.

Выявление преступных инсценировок возможно путем анализа материальной обстановки места происшествия и оставленных следов. На месте происшествия можно получить информацию о личности преступника, его психологических особенностях, связанных с созданием криминальной инсценировки. Основным доминирующим мотивом создания преступных инсценировок является страх перед наказанием. С позиции психологии инсценировочная деятельность складывается из следующих стадий: 1) принятие решения об инсценировке; 2) анализ различных вариантов инсценировки и выбор наиболее целесообразного; 3) создание мысленной модели события, которое предполагается инсценировать; 4) реализация разработанной модели; 5) подготовка показаний, рассчитанных на то, чтобы убедить следователя в реальности инсценированного преступления и его причин. В юридической психологии создание ложной обстановки места происшествия трактуется как ситуация, совокупность условий и обстоятельств, детерминирующих тот или иной характер протекания деятельности. Преступник, подготавливая и осуществляя инсценировку, обычно находится в состоянии эмоционального напряжения, поэтому даже если заранее он тщательно продумал все действия, то он не всегда полностью их воспроизведет. Тем более, что субъект-инсценировщик допускает определенную импровизацию в ходе осуществления своего плана. Все это делает преступную инсценировку уязвимой и открывает следователю возможность для полного распознавания и установления реально происшедшего противоправного деяния.

Выявить признаки инсценировки можно также при допросе лица, подозреваемого в совершении преступления, замаскированного преступной инсценировкой. Здесь следователь должен обратить внимание на излишне эмоциональное поведение допрашиваемого. Давая ложные показания, «подтверждающие» инсценировку, лицо стремится оказать воздействие на следователя за счет

эмоционального поведения. Анализ такого поведения может служить основанием для выдвижения версии об инсценировке, что влияет на последующую корректировку тактики допроса (постановка косвенных и повторных вопросов и т.п.).

Исходя из изложенного, можно сделать вывод о том, что распознавание и выявление криминальных инсценировок – это кропотливый и трудоемкий процесс, основанный на тщательном анализе выявленных следов, умении анализировать и вычленять факты (обстоятельства), которые не укладываются в общую картину произошедшего события, а также требующий от следователя психологических навыков диагностики эмоционального поведения лиц в ходе производства следственных действий.

Список использованных источников:

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей, чинов общей жандармской полиции / Г. Гросс. – Смоленск, 1895. Вып.1. – 814 с.
2. Фадеев В.И. Расследование криминальных инсценировок / В. И. Фадеев. – М.: Норма, 2009. – 160 с.
3. Глотов Д.А. Инсценировка: преступление или право на защиту / Д.А. Глотов // Закон и право. — 2013. — № 9. — 109 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НАЗНАЧЕНИЯ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ПРАВУ РОССИИ И ФРГ (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

© И.А. Ероцкая

Научный руководитель: И.Г. Иванова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В соответствии со ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса РФ, заключение и показания эксперта являются доказательствами в уголовном процессе [9]. Однако они являются специфическим видом доказательств, поскольку основаны на использовании специальных знаний, которыми не обладает лицо, ведущее предварительное расследование, и суд.

Отсутствие нормативного закрепления термина «специальные знания» приводит к правовой неопределенности в вопросе о том, в каких случаях необходимо назначать экспертизы, а в каких случаях достаточно производства следственных действий с привлечением специалиста. По мнению Е.Р. Россинской, нередко при расследовании уголовных дел судебные экспертизы назначаются и том случае,

когда этого не требуется, а вопросы, поставленные пред экспертом, могли бы быть решены уже при осмотре места происшествия [7, с. 90].

Согласно ст. 2 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», задачей вышеназванной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства и ремесла [5]. Исходя из анализа указанной нормы, под специальными знаниями можно понимать информированность, опытность конкретного субъекта в науке, технике, искусстве или ремесле.

В научной литературе можно встретить различные подходы к содержанию данного понятия. Так, например, А.А. Эйсман понимает под таковыми не общеизвестные, не общедоступные знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов [11, с. 91]. Другие авторы относят к специальным знаниям проверенные практикой профессиональные знания компетентных лиц, их умение пользоваться научно-техническими средствами и приемами для обнаружения, фиксации и исследования доказательств в ходе следственного действия [1, с. 81]. Наиболее удачным и детализированным нам видится подход, согласно которому к специальным знаниям относят подготовку и профессиональный опыт носителя, применяющего данные знания [8, с. 4].

Помимо правовой неопределенности с понятием «специальные знания», при расследовании преступлений возникают сложности практического плана, связанные с неправильной постановкой вопросов эксперту, что оказывает влияние на результат исследования. Неумение корректно и точно сформулировать вопросы эксперту объясняется недостаточной информированностью следователей о современных возможностях судебных экспертиз, а также с низкой подготовкой кадров следствия [7, с. 91].

Многие российские следователи, слабо информированные о возможностях экспертиз, не обращающиеся к специальным источникам и справочникам при расследовании преступлений, пренебрегающие консультациями со специалистами при постановке вопросов на экспертное исследование, испытывают значительные трудности при решении вопроса о том, когда и какую экспертизу целесообразно назначать в конкретной ситуации расследования.

Согласно российскому уголовно-процессуальному законодательству, только следователи, дознаватели и суд наделены правом назначать судебные экспертизы по уголовному делу. Адвокат-защитник в этот круг субъектов не включен, что вызывает серьезные дискуссии в научной литературе [3, 6, 2]. Подобный подход

законодателя фактически лишает адвоката возможности ведения параллельного расследования, так как защитник не может обратиться к специальным познаниям, что, в свою очередь, ведет к правовому дисбалансу и нарушению принципа состязательности.

Из содержания ст. 195 УПК РФ следует, что необходимость назначения судебной экспертизы обуславливается отсутствием специальных знаний у следователя, то есть именно следователь, несмотря на отсутствие специальных знаний, должен решить вопрос о моменте назначения экспертизы в ходе расследования и определить ее вид. Иначе к решению данного вопроса подходит уголовно-процессуальное законодательство ФРГ. Согласно § 73 УПК ФРГ, выбор эксперта(-ов) и их количество определяется судьей [10, с. 126]. В соответствии с § 161a УПК ФРГ на стадии дознания выбор эксперта осуществляется прокурором и, по ходатайству прокуратуры, соответствующий эксперт заслушивается судьей [10, с. 127]. Таким образом в Германии к субъектам, определяющим назначение экспертизы, не отнесены лица, непосредственно ведущие расследование.

Такой подход германского законодательства имеет свои преимущества. Во-первых, делегирование названных полномочий по назначению экспертизы специальному судье снимает проблему неравноправия сторон и отсутствия состязательности, поскольку стороны обвинения и защиты будут поставлены в равное положение при назначении экспертизы: они равны при формулировании вопросов, решение о включении которых принимает судья, в определении экспертов и экспертных организаций, в предложении исследовать конкретные объекты. Во-вторых, инициация использования специальных знаний при расследовании преступлений принадлежит лицу, которое обладает большей квалификацией в этой сфере (судье), а не следователю.

Как в российском, так и в германском уголовном процессе, другие участники процессуальных правоотношений обладают правом ходатайствовать о проведении судебной экспертизы, не смотря на отсутствие у них специальных знаний (ст. 119 УПК РФ, §244 УПК ФРГ). Однако содержание такого ходатайства уголовно-процессуальным правом ФРГ и России регулируется по-разному. Так, статья 122 УПК РФ содержит указания лишь на правовые последствия заявления такого ходатайства: полное или частичное удовлетворение ходатайства или отклонение ходатайства. В УПК ФРГ раскрывается ряд свойств ходатайства о представлении доказательств (в том числе и о назначении экспертизы), которое будет отклонено: 1) недопустимость собирания доказательств; 2) очевидность; 3) незначительность; 4) факт уже доказан; 5) полная непригодность доказательства; 6) недостижимость доказательства; 7) намерение затянуть процесс; 8) утверждение в качестве истинного [10 с. 256-258]. §244 IV 2 УПК ФРГ указывает, что ходатайство о заслушивании

других экспертов может быть отклонено по тому основанию, что факт доказан предыдущим заключением (но не другими доказательствами). Это положение не действует, если: возникли сомнения в компетентности эксперта если первое заключение основано на неверных исходных данных, при противоречивости заключения, если новый эксперт обладает превосходящими средствами [10, с. 257].

Таким образом, уголовно-процессуальное право Германии содержит конкретные основания отклонения ходатайства о представлении доказательств (назначении экспертизы), в отличие от российского уголовно-процессуального права. Заимствование такой детальной регламентации оснований отклонения ходатайств, как видится нам, разрешит проблему необоснованных отказов в инициировании проведения судебных экспертиз в российском уголовном процессе.

Список использованных источников:

1. Закатов, А.А. Использование научно-технических средств и специальных знаний в расследовании / А.А. Закатов, Ю.Н. Оропай. – Киев: РИО МВД УССР, 1980. – 104 с.
2. Ларинков, А.А. К вопросу о полномочиях защитника по собиранию доказательств в уголовном судопроизводстве / А.А. Ларинков // Криминальсьть. – 2011. – № 1(8). – С. 47-51.
3. Мельников, В.Ю. Участие защитника в ходе досудебного производства / В.Ю. Мельников // Евразийская адвокатура. – 2013. – № 2(3). – С. 35-41.
4. Петрухина, А.Н. Специальные знания как необходимый элемент заключения эксперта в уголовном процессе [Электронный ресурс] / А.Н. Петрухина // Российский судья. – 2007. – № 8. – Режим доступа: <https://centerbereg.ru/f1592.html>
5. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 31.05.2001 года № 73-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 05 июн.
6. Осьмаков, М.А. Адвокатское расследование в современном уголовном процессе автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Осьмаков Михаил Александрович. – Владимир, 2007. – 25 с.
7. Россинская, Е.Р. Факторы, определяющие результативность и доброкачественность заключений судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве / Е.Р. Россинская // Вестник Московского университета МВД России. – 20019. – № 1. – С. 89-93.

8. Россинская, Е.Р. Специальные юридические знания и судебно-нормативные экспертизы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mbe2009.ru/rossinskaya_e.r._specialnye_yurid

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 18.12.2001 года № 174-ФЗ // Российская газета. – 2001. – 22 дек.

10. Бойльке, В. Уголовно-процессуальное право ФРГ: Учебник. 6-е изд., с доп. и изм./ Вернер Бойльке; Пер. с нем. Я.М. Плошкиной; Под ред. Л.В. Майоровой. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. – 352 с.

11. Эйсман, А.А. Заключение эксперта. Структура и научное обоснование / А.А. Эйсман. – М:Юрид. лит., 1967. – 152 с.

УСТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА МЕТОДОМ ДНК-АНАЛИЗА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УБИЙСТВ, СОВЕРШЕННЫХ НА СЕКСУАЛЬНОЙ ПОЧВЕ

© М.Д. Кабанова

Научный руководитель: И.Г. Иванова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Убийства, совершенные на сексуальной почве, являются наиболее опасными и жестокими среди преступлений, указанных в главе 18 Уголовного кодекса РФ. Одной из главных проблем при их раскрытии и расследовании является неочевидность и недостаточная разработанность соответствующих методических рекомендаций и программ.

Раскрытие и расследование убийств на сексуальной почве является сложной и многоаспектной темой, которая изучается такими науками, как криминалистика, уголовный процесс, теория оперативно-розыскной деятельности, теория судебной экспертизы, психология, криминология, судебная психология, психиатрия, сексология. Тем не менее, не смотря на пристальное внимание представителей разных наук и практиков к этому явлению, здесь имеется ряд проблем, в том числе касающихся установления личности преступника.

При расследовании убийств на сексуальной почве особое значение для установления личности преступника имеют следы биологического происхождения, так как идентификация человека по генам является самым точными эффективным методом. Эффективность изучения молекулы ДНК в криминалистической идентификации обусловлена ее уникальностью и стабильностью, генетическим постоянством живого организма и высокой чувствительностью методов исследования. Повышенная устойчивость молекулы ДНК к воздействиям окружающей среды

позволяет идентифицировать объект исследования даже в тех случаях, когда исследование другими методами становится невозможным.

В настоящее время самые точные результаты исследования следов биологического происхождения дает молекулярно-генетический анализ, который проводится в рамках генетической экспертизы. В медико-генетическом анализе используются самые различные методы, по которым можно комплексно изучать генетический материал. Объектами изучения являются такие выделения человека, как сперма, слюна и эпителиальные клетки. Однако использование данного метода возможно только при соблюдении условия своевременности назначения генетической экспертизы, поскольку биологические материалы становятся непригодными для исследования по прошествии определенного периода времени.

Не смотря на высокую идентификационную значимость следов биологического происхождения для геномного анализа, в российских нормативно-правовых актах отсутствуют методические рекомендации для судебно-медицинских экспертов, касающиеся правил и порядка изъятия биологических объектов для проведения исследований и генетических экспертиз, что может приводить к ошибочной тактике изъятия и утрате важного доказательственного материала [1, с. 34].

Согласно исследованию, проведенному Я.В. Комиссаровой, установлено, что генетические экспертизы не того биологического объекта, который необходим для получения надлежащих результатов, а также неправильное его изъятие, доставка и хранение, приводили к получению ложных либо отрицательных результатов геноскопирования [2, с. 125].

Шагом в сторону решения указанной проблемы послужило принятие федерального закона «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», который определяет виды, цели и принципы государственной геномной регистрации в Российской Федерации, а также устанавливает основные требования к ее проведению, хранению и использованию биологического материала и геномной информации [3].

Однако без стандартизации (в том числе международной) методик ДНК-анализа при проведении судебно-генетических экспертиз применение данного высокоточного метода идентификации будет не столь эффективным. Основная проблема заключается в том, что в созданных базах данных в разных странах существуют свои стандарты применения количественных и качественных параметров ДНК. Например, в США в базу данных для проведения медико-генетических обследований (программа «CODIS») вносятся тринадцать фрагментов ДНК, в Европе используются десять фрагментов ДНК и т.п.

В Российской Федерации судебно-генетические экспертизы проводятся в четырех ведомствах: Минздрав, МВД, МО и ФСБ России. Анализ экспертной

практики в различных лабораториях вышеперечисленных ведомств показал, что используемые методики, оборудование, расходные материалы и реактивы сильно различаются между собой, а это, в свою очередь, затрудняет создание единого национального стандарта проведения ДНК-анализа. Указанная проблема усугубляется на фоне отсутствия отечественных производителей стандартизированного оборудования и реактивов для проведения ДНК-анализ, которое приводит к увеличению стоимости производства таких исследований и влечет зависимость от импорта, что особенно опасно в условиях международных санкций.

Указанные выше проблемы могут быть решены путем принятия национального единого стандарта проведения ДНК-анализа, путем накопления опыта производства генетических исследований, расширения базы ДНК-образцов, обязательным генотипоскопированием лиц, задержанных по подозрению в совершении насильственных преступлений против личности.

Список использованных источников:

1. Абдулина, Е.В. Особенности изъятия биологических объектов трупов для проведения генетических исследований по материалам уголовных и гражданских дел / Е.В. Абдулина, В.В. Зыков // Вятский медицинский вестник. – 2018. – № 1. – С. 34-37.
2. Комиссарова, Я.В. О профессиональном статусе эксперта в Российской Федерации / Я.В. Комиссарова // Юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 124-128.
3. О государственной геномной регистрации в Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 03.12.2008 года № 242-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 08.12.2008. – № 49. – Ст. 5740.

**ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ТАКТИКИ ДОПРОСА ПОТЕРПЕВШЕЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ИЗНАСИЛОВАНИЯ, СОВЕРШЕННОГО
ГРУППОЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

© С.Л. Копытов

Научный руководитель: Н.Н. Ильин

канд. юрид. наук

Московская академия Следственного комитета РФ

Преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, совершенные группой несовершеннолетних, все чаще мелькают в новостных

сюжетах и статьях в связи с особенностями молодежного досуга, инфантильностью и незрелостью молодого поколения. Расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними – одно из приоритетных направлений работы СК России.

Изнасилования относятся к числу наиболее опасных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Опасность их определяется тем, что они влекут за собой тяжкие последствия, вредно сказываются на психике и здоровье потерпевших, отрицательно влияют на дальнейшую жизнь в социуме, нередко приводят к суициду, способствуют распространению разврата, снижают культурный уровень общества. При совершении данных видов преступлений группой несовершеннолетних повышается их опасность за счет нестабильной психики субъектов преступлений, особенности совершения преступления под влиянием «массовой психологии толпы», циничности, сопровождающейся сценами глумления, унижения, которые зачастую заканчиваются различными преступлениями [1, с. 53-55], например убийством, причинением тяжкого и среднего вреда здоровью, доведением до самоубийства, нарушением неприкосновенности частной жизни, незаконным изготовлением и оборотом порнографических материалов или предметов [2, с. 238-246].

Одним из важнейших следственных действий при расследовании изнасилований, совершенных группой, является допрос потерпевшей, без проведения которого невозможно представить расследование преступлений данного рода, и который обладает различными специфическими особенностями и тактическими приемами. Специфика проведения допроса имеет множество аспектов в случае участия несовершеннолетнего лица в качестве жертвы насилия. Именно эта особенность вносит в следственное действие ряд определенных трудностей при получении достоверных и полных показаний. Для преодоления трудностей в процессе допроса несовершеннолетней следователю рекомендуется использовать различные методики проведения допроса, а в случае явных ложных показаний вовремя пресекать их, а из дальнейших взаимодействий с потерпевшей исключить факторы дискомфорта с целью эффективного проведения следственного действия.

При проведении допроса трудно получить от потерпевшей объективные показания даже при изнасиловании, совершенном одним преступником, поскольку жертва насилия находится в протрации, эмоциональной подавленности, вытекающей из осуждения родителями, близкими, а обстановка допроса следователем с неудобными, а зачастую и постыдными для жертвы вопросами еще более усугубляет обстановку. При первичном допросе у жертвы возникает чувство стыдливости за произошедшее, подавленности, безразличия к окружающим, боязнь

последствий изнасилования. Вследствие чего у жертвы образ насильника приобретает мнимый образ без каких-либо отличительных черт, особенностей внешнего вида и прочего. В случае группового изнасилования задача следователя по получению сведений о конкретных участвующих в преступлении лицах усложняется в разы.

При расследовании группового изнасилования, следователю необходимо поставить ряд вопросов, касающихся сведений о внешности преступника, особых приметах, особенности речи, имени, прозвища и т.п. При этом в ходе допроса следует учитывать ряд характерных для несовершеннолетних особенностей дачи показаний, таких как:

- 1) возможное преувеличение в представлении пережитого события;
- 2) обобщенность показаний о действиях преступников, выраженная в информации о проведенном изнасиловании, удержании жертвы, устными угрозами или с использованием оружия всеми участвующими лицами без конкретики и т.п.;
- 3) упущение важных фактов при описании произошедшего, будь то маршрут или посткриминальное поведение группы насильников и т.п.;
- 4) спутанность последовательности развития событий, действия конкретных участников (кто применял силу, кто вел видеозапись, кто смотрел, кто начал, и кто закончил преступное действие, кто и каким способом совершал насилие и т.п.).

Помимо указанных особенностей, способных повлиять на объективность и результативность проведенного следственного действия, следователю необходимо исследовать ряд аспектов, касающихся личности потерпевшей и круга ее общения.

Зачастую при расследовании изнасилований, совершенных группой несовершеннолетних, преступники выбирают в качестве жертвы девушку примерно аналогичного возраста, с явными признаками «доступности», имеющей в компании несовершеннолетних друзей и знакомых. Следует также отметить провоцирующий фактор жертв, стимулирующих сексуальное посягательство, выраженных в ношении откровенных нарядов, раскованным общением в компании молодых людей, затрагивающих в беседах половую и любую другую интимную сторону жизни, сидении на коленях, поцелуи и другие действия по отношению к окружающим, хотя и не предусматривая дальнейшего развития событий, чем и пользуются молодые люди у которых создалось впечатление, что девушки согласны на интимную близость с ними, а встретив сопротивление, стремятся преодолеть его [4, с. 5-6]. При допросе свои личные действия, предшествующие преступлению, часто замалчиваются, а после предъявления доказательств по конкретному факту отказываются от дальнейшего объяснения мотивируя тем, что опасаются огласки со стороны родственников и друзей, снижения своего статуса.

Тактически правильно осуществлять допрос с преодолением различного рода психических барьеров, выраженных в замкнутости, заторможенности и прочих посредством свободного рассказа потерпевшей, для достижения полного рассказа и адаптации после совершенного насилия [3, с. 89-91]. Допрос условно можно разделить на два этапа, из которых первый будет рассчитан на расположение к себе потерпевшую и адаптацию к поставленным вопросам, а наиболее сложные вопросы задавать с некоторой подготовкой и последующей помощью в ориентировании по совершенному событию. Помимо применения традиционно используемого «свободного рассказа» на первом этапе ведения допроса, может быть выбрана любая другая тактика не травмирующая жертву изнасилования без предъявления фотографий возможных преступников и минимизируя «острые вопросы». Это не только поможет получить полные и достоверные показания непосредственно в короткие сроки после совершенного события, но и исключит необходимость проведения повторного допроса.

Формулирование вопросов является одним из важных составных элементов подготовительной стадии допроса несовершеннолетней потерпевшей. Расположение вопросов в логической последовательности и «эмоциональной подводкой» (приготовлением) позволяет по деталям составить картину совершенного преступного деяния. При этом заданные вопросы не должны быть вызывающие и оскорбительные, а вызванное смущение жертвы насилия следует минимизировать.

Допрос по факту совершения изнасилования группой должен обязательно включать учет таких обстоятельств как:

1) количество участвующих в преступлении лиц, в случае со знакомыми лицами указать их данные;

2) действия и роли конкретных лиц во время совершения преступления.

Роли преступников в процессе допроса желательно разделять на первостепенные (активные) и второстепенные не применяющих явные действия (пассивные). Изучаются конкретные действия данных групп, а также по возможности фиксируются в план-схеме для использования указанной потерпевшей информации в иных следственных действиях.

В целом допрос несовершеннолетнего потерпевшего от изнасилования группой лиц весьма сложен и подразумевает множество не только процессуальных, тактических и организационных аспектов для достижения поставленной следователем цели. Так, по данным делам рекомендуется получение показаний желательно одним опытным, в данных уголовных делах, следователем и конфиденциально, в целях расположения к себе жертвы и пресечения возможных неточностей, которые могут возникнуть при получении показаний множеством незнакомых для жертвы насилия сотрудниками правоохранительных органов. Следует

ограничить круг лиц по взаимодействию с потерпевшей, а при допуске инструктировать о недопустимости выходящих за предел компетенции вопросов и травмирующих факторов. При работе с потерпевшей и ее законными представителями делать акцент на сохранение тайны следствия, а также по возможности ограничить воздействие на потерпевшую заинтересованной в исходе дела стороны.

Список использованных источников:

1. Дикусар Я.С. Особенности совершения насильственных половых преступлений несовершеннолетними // Российское право: Образование. Практика. Наука. 2016. №3. С. 53-55.

2. Ильин Н.Н. О комплексном исследовании материалов или предметов с изображениями порнографического характера // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 2 (37). С. 238-246.

3. Сажаев А.М. Организация и тактика допроса потерпевшей по делам об изнасиловании, совершенной группой несовершеннолетних // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. №16-1. – С. 89-91.

4. Сорокотягина Д.А. Собрание и использование данных о личности потерпевшего с целью расследования преступлений: автореферат дис. ... канд. юр. наук. – Свердловск. – 1978. – С. 5-6.

**К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ
СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ**

© А.А. Махновская

Научный руководитель: Л.П. Климович

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Одной из наиболее актуальных для следователя в контексте раскрытия и расследования преступлений экономической направленности является проблема понимания источников возникновения судебно-экономической информации. Как известно, любое преступление неизбежно и закономерно формирует следы, которые могут быть обнаружены, зафиксированы, исследованы и изъяты и по которым может быть получена информация об объектах, оставивших данные следы и обстоятельства следообразования [1].

То есть воздействие преступной деятельности на какой-либо объект обязательно имеет свои последствия – преступный результат, который может проявляться в: повреждении уже установленных связей, усугублении или нестыковке экономических показателей, понижении качества продукции и иных подобных последствиях, которые с течением времени становятся достаточно устойчивыми и отражаются как в объективных, так и в субъективных сведениях.

При изучении указанного преступного результата можно проследить его механизм, то есть алгоритм целенаправленной деятельности преступника, направленный на достижение определенного преступного результата, что, в свою очередь, позволяет с большой степенью достоверности установить объективную сторону преступления.

С другой стороны, экономическая информация, являясь одной из составляющих внешней среды по отношению к преступной деятельности, влияет на характер и выбор способа совершения преступных действий, заставляет преступников приспосабливаться к изменениям, происходящим в ней [2].

В целях настоящего исследования необходимо, прежде всего, описать источники возникновения судебно-экономической информации, под которыми следует понимать результат отражения следовой картины, обусловленной преступной деятельностью в сфере экономики, в учетных данных и в показателях хозяйственной деятельности организации. Указанное необходимо для последующего предварительного исследования судебно-экономической информации с целью ее декодирования и, тем самым, отыскания в ней признаков состава преступления.

Механизм следообразования в ходе осуществления преступной деятельности складывается из целого ряда элементов, имеет этапы, которые представляют собой модель преступной деятельности.

Нельзя не отметить, что в процессе следообразования немаловажную роль играют условия, которые либо способствуют совершению преступления, либо предотвращают его. При этом, к первой группе относятся наличие согласованной преступной группировки, осведомленность в определенных отраслях права и экономики. Ко второй группе, в свою очередь, относятся, к примеру, строгая учетная политика, проводимая государственными органами, всеобъемлющий контроль со стороны проверяющих органов, внутренний контроль, а также благоприятная экономическая ситуация, которая предполагает приоритетное развитие предприятий в правовом поле.

В этой связи особую роль в расследовании и раскрытии преступлений экономического профиля играет четкое и последовательное понимание следователем алгоритма совершения преступления, который наиболее точно отражен М.К. Каминским [3], предложившим рассматривать преступную деятельность в динамике.

Другими словами, необходимо «разложить» преступную деятельность на алгоритм в хронологическом порядке.

При этом следует учитывать специфическую особенность экономической деятельности, которая заключается в ее систематическом характере, повторяемости экономически целесообразных действий, направленных на получение различного рода благ. Учитывая непосредственную связь экономической деятельности и преступной экономической деятельности, в последней также присутствует многократность повторения сделок, приносящих криминальный доход. «Сама природа преступлений в сфере экономики, – считает И.И. Рожков, – требует многократного повторения циклов, с тем чтобы максимально нарастить финансовые и материальные ценности, нажитые преступным путем, действуя по определенной схеме» [4].

Из указанного следует заключить, что традиционный элементный подход не противоречит фазовому, однако существенно дополняет его содержательно, способствует скорейшему раскрытию преступлений в сфере экономики.

При этом большинство ученых, в том числе А.Ф. Лубин [5], сходятся во мнении, что в преступной деятельности в сфере экономики следует выделять четыре основных фазы, первая из которых включает анализ текущей обстановки, который позволяет ответить на вопрос о целесообразности совершения преступления, рисках. Указанную фазу принято называть информационно-поисковым этапом. Немаловажную роль в оценке ситуации играет изучение уголовного и налогового законодательства, специальной литературы, обязательное установление связей, формирование (при необходимости) преступной группы, тщательное изучение взаимодействий между различными элементами структуры организации, получение преступного опыта от сведущих лиц, а также получение представления о последующем сокрытии следов преступления, подготовка кадров, получение поддержки от недобросовестных сотрудников правоохранительных органов. Данная фаза характеризуется также тем, что подготовительная деятельность тщательно и всесторонне скрывается от внимания со стороны контролирующих и правоохранительных органов.

На второй фазе проанализированная ранее текущая обстановка искусственным образом видоизменяется для того, чтобы создать удобные предпосылки для совершения преступления. В указанную фазу относятся, в том числе, подбор членов преступной группировки, подготовка средств совершения преступления, планирование, корректировка замысла.

Следует детально остановиться на той деятельности, которая может совершаться на данном этапе. Она может включать в себя в том числе:

- назначение на должности, имеющие значение при осуществлении преступного замысла (например, те, которые связаны с несением административно-

хозяйственных полномочий), близких друзей, родственников, иных лиц, способных оказать содействие в совершении преступления;

- открытие у предприятия нескольких расчетных счетов;
- изменение юридического и (или) фактического адреса предприятия с осуществлением перехода в другой регион с целью «заметания» следов;
- составление подложных приказов, договоров, иных документов;
- создание системы совмещения должностей как внутри предприятия, так и на нескольких предприятиях одновременно (как правило, должностей руководителей и (или) главных бухгалтеров);
- разрешение иных задач, необходимость в разрешении которых возникнет в процессе подготовки к совершению преступления.

На третьем этапе происходит непосредственное совершение преступления, в форме действия или бездействия, в результате чего члены преступной группировки завладевают имуществом, доходами, ценностями, а также распределяют указанное между собой. Указанная фаза носит название реализационной.

И, наконец, четвертый этап включает в себя создание условий для систематического повторения реализованного преступления, что соответствует тезису о цикличности преступной деятельности в сфере экономики. Указанный этап включает в себя, в том числе непосредственное расширение преступных связей, расширение масштаба преступных операций, совершенствование средств и процедур преступления. На этой фазе сохраняются практически все указанные ранее действия с учетом увеличения их масштаба.

В связи с вышеизложенным, на протяжении всего механизма реализации преступной деятельности будут возникать следы преступления – так называемые учетно-экономические несоответствия, которые иначе называют судебно-экономической информацией.

Исходя из вышеизложенного, следы преступной деятельности могут находить свое отражение в следующих видах экономической информации:

1. Внутренние распорядительные документы организации. К ним, в частности, относятся учредительный договор, штатное расписание, положения о премировании и материальном стимулировании, правила внутреннего трудового распорядка, инструкции, письма, телефонограммы, факс.

2. Первичные учетные документы, как подтверждение проведения операции. Указанные документы используются как первоочередной источник доказательств в уголовном деле.

3. Регистры аналитического и синтетического учета, применяемые для регистрации и накоплению информации, содержащейся в принятых к учету первичных документах.

4. Бухгалтерская отчетность. Исследуется как система данных о финансовом положении организации, финансовых результатах ее деятельности.

5. Внеучетная информация. Отдельные документы организации, переписка компании.

Таким образом, в настоящее время при раскрытии и расследовании преступлений экономической направленности наиболее актуальным является рассмотрение через анализ источников судебно-экономической информации механизма следообразования, который представляет собой алгоритм преступной деятельности в ее динамике.

Список использованных источников:

1. Шумак Г.А. Криминалистический анализ должностных хищений // Право и демократия : Межвед. сб. науч. тр. Мн, 1990. Вып. 3.

2. Скворцова Н.Н. Судебно-экономическая информация в методике расследования налоговых преступлений [Электронный ресурс] :Дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09. Н. Новгород: РГБ, 2006.

3. Каминский М. К. Криминалистическое учение о механизме преступления, способах его подготовки, совершения и сокрытия//Криминалистика. Т.1: История, общая и частная теории. М., 1995.

4. Рожков И.И. Родовая криминалистическая модель процесса раскрытия экономических преступлений и ее практическое использование: автореф. дис. . канд. юрид. наук. Ижевск, 2001.

5. Лубин А.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика: Расследование преступлений в сфере экономики. Н. Новгород, 1995.

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И США

© М.С. Родионова

Научный руководитель: И.Г. Иванова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

При выполнении сотрудниками полиции правоохранительной функции крайней мерой предотвращения продолжения преступной деятельности является причинение смерти нарушителю закона. В этой связи остро встает проблема законности и адекватности подобных действий имевшему место правонарушению.

Основанием для применения огнестрельного оружия в России являются условия, при которых иные способы не обеспечивают обязанность полиции по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан, по противодействию преступности, охране общественного порядка, собственности влечет дисциплинарную либо уголовную ответственность сотрудников полиции. В ряде случаев сотрудникам полиции позволяется при отсутствии у них необходимых специальных средств или огнестрельного оружия использовать любые подручные средства, и даже оружие, не состоящее на вооружении полиции, например, спортивное, охотничье, наградное. В законе дается исчерпывающий перечень таких случаев: состояние необходимой обороны, крайней необходимости и задержание лица, совершившего преступление. После производства выстрела и причинения смерти сотрудник обязан в течение 24 часов уведомить близких родственников гражданина, прокурора, непосредственного начальника или руководителя ближайшего территориального органа или подразделения полиции, а также составить об этом подробный рапорт[2].

В Соединенных Штатах Америки этапы использования огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных подразделений регламентированы специальной инструкцией, именуемой шкалой «ForceContinuum» [1]. В данной инструкции закреплены следующие этапы применения огнестрельного оружия: 1) «Устный приказ» – выдвижение при задержании устных требований (в том числе неоднократных), которые правонарушитель обязан выполнить. 2) «Физическая сила» – применение при задержании болевых приемов. 3) «Перцовый баллончик» – использование перцового баллончика при продолжении сопротивления. 4) «Дубинка/Дробовик с нелетальным зарядом» («BeanBag») – производство выстрела ружейными патронами, заряженными не картечью, а горохом. 5) «TaserGun» – использование оружия, стреляющего острыми иглами. 6) «Смертельное оружие» – использование огнестрельного оружия для поражения живой цели. В законе не предусмотрена обязанность предупредительного выстрела в воздух, огонь открывается сразу по корпусу правонарушителя, куда производится не менее двух выстрелов. Описанная выше последовательность действий сотрудника, согласно инструкции, носит условный характер, означающая, что полицейский имеет право пропустить все предшествующие этапы и сразу перейти к последнему пункту – прямому использованию огнестрельного оружия. Там же закреплено правило, в соответствии с которым полицейский обязан стрелять для исполнения закона.

Анализ описанного выше правового регулирования позволяет прийти к выводу о том, что в США нормативно закреплены случаи и порядок обязательного применения полицейскими огнестрельного оружия для предотвращения

преступления. В России, наоборот, применение огнестрельного оружия и причинение смерти гражданину при задержании является крайней мерой, сотрудник должен минимизировать применение не только огнестрельного оружия, но и физической силы. В случае убийства при задержании сотруднику полиции необходимо пройти множество бюрократических процедур для того, чтобы доказать невозможность предотвращения преступления иным способом.

Согласно статистическим данным, в 2018 году полицейские США застрелили из огнестрельного оружия 992 человека [3]. Анализируя данную статистику, можно сделать вывод, что американская полиция предпочитает не задерживать подозреваемых в совершении преступлений, а сразу вести огонь на поражение. Это говорит о том, что правоохранительные органы США не справляются с основной возложенной на них миссией – «охранять и защищать» граждан. Подобные действия сотрудников правоохранительных органов лишь увеличивают уровень насилия в стране.

Подводя итоги, можно отметить, что в России количество смертей, причиненных сотрудниками правоохранительных органов при выполнении их профессиональных функций, значительно ниже соответствующих показателей в США. Полагаем, что это обусловлено законодательным закреплением возможности (а не обязанности!) и обеспечению общественной безопасности. Так, применению оружия должно предшествовать четко выраженное предупреждение об этом лица, против которого применяется оружие, за исключением случаев, когда промедление в применении оружия создает непосредственную опасность для жизни людей или может повлечь за собой иные тяжкие последствия. Чаще всего предупредительной мерой является выстрел в воздух. При этом применение оружия не должно причинить вред третьим лицам.

Пределами применения специальных средств и огнестрельного оружия являются законодательно установленные границы применения силы и оружия, выход за которые использования огнестрельного оружия при задержании преступников только как крайней и исключительной меры. Такие оправданные законодательные ограничения позволяют повысить чувство защищенности граждан и уровень доверия к правоохранительной системе.

Список использованных источников:

1. В каких случаях американский полицейский стреляет? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pawdelo.ru/zakony-o-policii-v-ssha.html>.
2. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 года № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 14.02.2011. – № 7. – Ст. 900.

3. Полиция США убивает больше американцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riafan.ru/1204140-policiya-ssha-ubivaet-bolshe-amerikancev-chem-ikh-gibnet-v-irake>

НЕКОТОРЫЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА

© А.И. Семеновский

Научный руководитель: И.А. Журавлева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Психологическая типология является системой индивидуальных установок и поведенческих стереотипов, образованной с целью объяснения разницы между людьми. В целом, психотипология представляет собой попытку объединить в группы, на основе метода типологии, наиболее часто встречающиеся вместе особенности личности. Говорить о типологическом методе изучения личности возможно в силу следующего. Во-первых, поведение личности вписывает в концепцию гомеостаза (то есть, нет «запредельной» индивидуальности поведения, оно всегда в определенных рамках, стремится к определенной норме), во-вторых, личность все же обладает индивидуальностью (несмотря на концепцию гомеостаза, разные лица ведут себя по-разному в однотипных ситуациях, но поведение некоторых из них, обычно, схожее) [2, с. 39-41].

В тактических рекомендациях следственных действий, психотипологический подход (основанный как на собственно криминалистических, так и заимствованных из психологии типологиях личности) усматривается давно [2, с. 43]. На сегодняшний день, перспективной психотипологией личности, выступает психотипология характерологической специализации (личностной акцентуации). Данная типология представлена следующими основными, наиболее ее встречающимися психотипами: истероидный, эпилептоидный, параноидальный (параноидный, паранояльный), эмотивный (сенситивный), шизоидный, гипертимный, конформный (тревожно-мнительный) [2, с. 46; 5]. Среди ее достоинств можно выделить следующие. Это удобство ее восприятия не специалистами психологического профиля (так как в данном случае приведено 7 психотипов, что составляет удобное число объектов, воспринимаемых сознанием) [2, с. 43]. Также основанием типологизации выступает совокупность наиболее развитых черт личности (как уязвимых, так и сильных, значит, имея представления об уязвимых чертах личности, можно целенаправленно на них воздействовать с целью повышения эффективности

общего тактико-психологического воздействия), что следует отнести к положительным сторонам данной психотипологии, так как позволяет в силу присущей каждому психотипу поведенческой уникальности оказывать высокую эффективность тактико-психологического воздействия [2, с. 43]. Поведенческая уникальность дает возможность эффективно идентифицировать каждый отдельный психотип данной типологии. Кроме того, характер отражает в себе остальные свойства личности, то есть данная типология отражает в своей базе и иные свойства личности, кроме характера. Глубинно в основании рассматриваемой психотипологии личностных акцентуаций лежит объективный критерий – типологические различия высшей нервной деятельности[5]. Обладание типичными особенностями речи и поведения, присущими для каждого отдельного психотипа данной типологии, позволяет эффективно идентифицировать тот или иной психотип [2, с. 44]. Особенности речи и поведения психотипов описаны как в юридической литературе, так и в литературе по психологии.

На сегодняшний день типология характерологической специализации (личностных акцентуаций) вводится в криминалистику из психологии для решения криминалистических задач, в частности, для решения задач допроса, как то: установление и поддержание психологического контакта с допрашиваемым, оказание психологического воздействия, направленное на преодоление негативной установки допрашиваемого [1]. Следует отметить, что в адвокатской деятельности достаточно часто встречается ситуация, когда доверители адвоката дают частично ложную информацию адвокату (особенно на стадии заключения соглашения об оказании юридической помощи, зачастую, когда адвокат только вступает в досудебное производство по уголовному делу), не договаривают нужную информацию [3, с. 88]. Это считается аксиомой адвокатской действительности. Тем не менее, на той информации, которая поступила от клиента, адвокат вынужден рефлексивно предполагать, какой информацией располагает следствие в отношении клиента, из каких источников и какую информацию следствие может получить в дальнейшем [3, с. 89]. Тактической рекомендацией адвокату, в данном случае, является предупреждение своего клиента о том, что адвокат строит свои предположения по интересующим того правовым проблемам исключительно исходя из объяснений и представленных ему клиентом материалов[3, с. 87]. Однако, представляется, что данная рекомендация носит довольно общий характер. Кроме того, исходя из самой рассмотренной рекомендации, получается, адвокат должен переубедить клиента от дачи ложной ему информации, что соответствует задаче оказания психологического воздействия, направленное на преодоление негативной установки, на допросе. Адвокат проводит интервьюирование клиента, основой чего, безусловно, является межличностное общение между клиентом и

адвокатом по поводу правовой проблемы клиента. И стоит отметить, что неотъемлемым атрибутом межличностного общения является психологический контакт [2, с. 89]. В литературе, посвященной адвокатской деятельности отмечается, что для надлежащего интервьюирования клиента и дальнейшей с ним эффективной работы, выстроить с ним доверительные отношения [4, с. 30]. Таким образом, адвокат в процессе интервьюирования клиента выполняет, фактически, еще одну задачу допроса – установление психологического контакта с клиентом.

Для решения указанных задач в адвокатской деятельности, представляется целесообразно применять следующие криминалистические рекомендации по установлению контакта с лицом, в зависимости от психотипа рассмотренной психотипологии, и «настраиванию» лица на правдивый рассказ об обстоятельствах случившегося. В силу схожести указанных решаемых задач адвокатом с допросом, представляется возможным взять такие рекомендации из криминалистической тактики допроса, которые были бы приемлемы в адвокатской деятельности. Возможность применения данных рекомендаций в криминалистическом обеспечении деятельности адвоката также обуславливается тем, что данная типология не чисто криминалистическая, не разработанная специально для следственных органов. Также психотопологический подход в деятельности обеспечивает повышение эффективности тактического воздействия. Необходимо такое воздействие и адвокату для получения наиболее полной и правдивой информации от клиента и для расположения клиента к себе [3, с. 88].

Так, для установления психологического контакта с эпилептоидом необходимо позволить ему расположится более удобно, сделать акцент на важности поступающей от него информации, дать возможность сказать все, что он хочет, даже если это не совсем относится к делу. Чтобы такой клиент ненароком не утаил нужную информацию, имеет смысл задавать как можно больше уточняющих вопросов, попросить повторить какие-то отдельные моменты или неоднократно задавать один и тот же вопрос. Гипертимные лица сами всегда расположены к собеседнику, но если решаться сообщить ложную информацию, то будут описывать свое поведение как благовидное или больше говорить о действиях в деле других лиц.

Для расположения к себе истероида, необходимо акцентировать внимание на его внешнем виде истероида, сделав комплимент или оценив выбор стиля. Преодолеть недосказанность с их стороны также помогут детализирующие вопросы, но стоит иметь в виду, что лица с данным психотипом могут выдумывать сложные истории, в которые сами же, с течением времени, поверить. Общаясь с лицом параноидного психотипа, следует помнить, что данное лицо будет скрывать информацию личного характера, зачастую, даже если ее необходимо будет получить для дела. Рассматриваемый психотип предпочитает разговаривать «по делу», ему

свойственна конкретика, что благоприятно скажется на психологическом контакте. Адвокату необходимо показать свою принципиальную позицию на оказание помощи клиенту по его делу, убедить, что адвокату важно отстоять интересы клиента. Стоит отметить, что данный клиент плохо меняет занятую им позицию, даже если она для него губительна. Лицо с таким психотипом может переубедить (если адвокат все же захочет убедить такого клиента во вредности занимаемой им позиции) настойчивое оперирование фактами, подтверждающими позицию адвоката. Для расположения лица с конформным психотипом, необходимо проявить ему свое расположение и доброжелательное отношение, готовность поддержать при любых обстоятельствах. Для повышения уровня доверия и поступаемой информации от данного лица, необходимо адвокату указать такому лицу, что в данном вопросе он является «авторитетным специалистом» (то есть, являясь специалистом в праве, он лучше знает, какую информацию от клиента ему необходимо получить, значит, клиенту необходимо выдать наиболее полную информацию по конкретным обстоятельствам, которые адвокат желает узнать). Как у конформного психотипа, такая же особенность вхождения в контакт с лицом шизоидного психотипа. Если по внешним признакам будет видно, что лицо с данным психотипом не договаривает информацию, необходимо предупредить его о возможных негативных последствиях недоговоренности. Лица эмотивного психотипа живут чувствами. Для установления с ними контакта необходимо выразить им сочувствие и показать уверенность, что адвокат сможет помочь лицу в рамках закона (с учетом, что о гарантии результата адвокат промолчит в силу требований этики).

В целом, следует отметить одну психологическую особенность общения, отмеченную в криминалистической тактике. Открытости со стороны партнера по коммуникации и установлению с ним психологического контакта способствует демонстрация психологической идентификации с ним.

Список использованных источников:

1. Алексеева, Т.А. Индивидуализация тактических приемов при производстве допроса: поддержание психологического контакта / Т.А. Алексеева // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 399. – С. 156-159.
2. Ахмедшин, Р.Л. Тактика коммуникативных следственных действий // Р.Л. Ахмедшин, науч. ред. Н.Т. Ведерников. – Томск: Издательский Дом ТГУ, 2014. – 294 с.
3. Баев, М.О. Адвокат-защитник в досудебном производстве по уголовному делу (процессуально-тактические основы деятельности): монография / М.О. Баев, О.А. Куницина, О.Ю. Цурлуй. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 256 с.

4. Воскобитова, Л.А. Адвокат. Навыки профессионального мастерства / Л.А. Воскобитова, И.Н. Лукьянова, Л.П. Михайлова. – М.: WoltersKluwer, 2006. – 341 с.

5. Пономаренко, В.В. Практическая характерология с элементами прогнозирования и управления поведением (методика «семь радикалов») / В.В. Пономаренко. – Ростов н/Д: Феникс, 2006. – 252 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАВОДЯЩИХ ВОПРОСОВ В РОССИЙСКОМ И ЗАРУБЕЖНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

© С.К. Сенченко

Научный руководитель: А.И. Баянов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Допрос является неотъемлемой частью не только этапа предварительного расследования, но и судебного разбирательства. Одним из проблемных аспектов на обоих этапах является запрет на «наводящий вопрос». Судебный допрос отличается обстановкой, характеризующейся гласностью и открытостью, непродолжительностью по времени, достаточно большим кругом допрашивающих лиц и т.д. От правильности постановки вопросов в ходе допроса зависит не только достижение его цели, но и какая картина произошедшего события сформируется у суда, рассматривающего дело по существу.

Актуальность проблемы «наводящего вопроса» проявляется в отсутствии в уголовно-процессуальном законодательстве его понятия и отличительных признаков. Однако уголовно-процессуальный закон Российской Федерации запрещает постановку наводящих вопросов в стадии досудебного производства (ч.2 ст.189 УПК РФ) и обязывает председательствующего отклонять наводящие вопросы, адресованные подсудимому (ч.1 ст.275 УПК РФ). Запретительные меры, предусмотренные законодательством в РФ для постановки наводящих вопросов, ставят закономерный вопрос о понятии «наводящего вопроса». С аналогичной проблемой можно встретиться и в уголовно-процессуальном законодательстве других стран. Отсутствие правового понятия «наводящий вопрос» может повлечь следующие последствия:

- возникновение спора между сторонами о признании полученного ответа на наводящий вопрос недопустимым доказательством.

- злоупотребления со стороны суда, когда «неудобный» вопрос адвоката будет отводиться как наводящий.

-отсутствие возможности у лиц, участвующих в допросе, заявить ходатайство об отклонении наводящего вопроса ввиду незнания его признаков.

Разрешить такие ситуации возможно, только сформулировав и закрепив в уголовно-процессуальном законодательстве понятие и признаки наводящего вопроса, предусмотрев ответственность должностных лиц за неправомерное отклонение вопроса, не являющегося таковым. Сделать это следует на основании доктринальных источников и сравнительного анализа зарубежного законодательства, содержащего понятие «наводящего вопроса» и определяющего его признаки.

Обратившись к доктрине, можно обнаружить следующее. Так, Т.В. Аверьянова указывает в качестве признака наводящего вопроса наличие в его содержании ответа, желаемого для допрашивающего [1, с. 591]. А.В. Гриненко в научно-практическом комментарии к УПК РФ отмечает, что к наводящим вопросам относятся те, которые содержат в себе ответ, часть ответа или подсказку [3, с. 490].

Проанализировав эти определения, можно выделить признаки наводящего вопроса:

1. Наличие в вопросе части или полностью ответа, который предполагается получить от допрашиваемого лица.
2. Наличие в вопросе открытой вербальной подсказки-ответа, который устраивает задающего вопрос.
3. Совершение невербальных скрытых действий допрашивающим лицом (условные знаки, жесты и т.д.).

Исходя из вышеизложенного, следует, что в научной литературе в качестве основного признака наводящего вопроса указывается наличие в его содержании готового ответа.

Является ли данный признак единственным при характеристике наводящего вопроса?

В научной литературе выделяют также и лингвopsихический признак, выражающийся в том, что допрашивающее лицо при помощи средств лингвopsихического воздействия получает необходимый ответ. Средствами такого воздействия являются грамматическая форма вопроса, выражающаяся в порядке слов, интонация, с которой он задается. В качестве средства лингвopsихического воздействия следует рассматривать акцент допрашивающего лица на тех или иных словах при постановке вопроса, а также различного рода речевые акты, в зависимости от того, кем именно, как и в каком контексте задается вопрос.

В результате изучения приведенных выше теоретических положений, возникает вопрос, должны ли указанные признаки присутствовать одновременно или допускается наличие лишь одного из них для признания вопроса наводящим?

Для решения этого вопроса, признаки можно разделить на основные и факультативные. Основными являются признаки, заключающиеся в наличии ответа или подсказки в самом вопросе. Факультативные признаки, к которым относится лингвопсихическое воздействие, рассматриваются как необязательные. Факультативный признак не может существовать отдельно от основного, поскольку, в таком случае, наводящим может быть признан практически любой вопрос, заданный с определенной интонацией, темпом, порядком слов и т.д., ведь лингвопсихическое воздействие в той или иной мере присутствует при любом допросе, в том числе и в суде, где сама обстановка оказывает влияние на допрашиваемого. Отвод вопроса по причине наличия лингвопсихического воздействия повлечет нарушение права лица, привлекаемого к уголовной ответственности, на защиту, принципа состязательности уголовного процесса и не позволит защитнику оказывать квалифицированную юридическую помощь. Таким образом, лингвопсихическое воздействие как признак возможно рассматривать только для того, чтобы дополнительно убедиться в наводящем характере вопроса.

Рассмотрим понятие «наводящий вопрос» в законодательстве некоторых зарубежных стран.

Как отмечает А.И. Баянов, на основе анализа уголовно-процессуального закона зарубежных стран, по отношению к проблеме допустимости или недопустимости наводящего вопроса можно выделить следующие подходы: во-первых, страны, где отсутствует какое-либо упоминание в законе о наводящем вопросе и соответственно запрет на его постановку (Китай, Корея, Латвия и др.); во-вторых, страны, где в законодательстве существует полный запрет на постановку наводящего вопроса без каких-либо исключений (Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и др.); в-третьих, страны, где допускается постановка наводящего вопроса только в процессе перекрестного допроса, проводимого в судебном заседании в некоторых случаях, ограничивая при этом круг субъектов-адресатов постановки наводящего вопроса (Украина, Эстония и др.) [2].

Обратившись к правовым источникам стран, полностью запрещающих постановку наводящего вопроса (Беларусь и Казахстан), следует отметить, что законодатель не раскрывает понятие «наводящий вопрос». Поэтому, для анализа нормативного регулирования наводящего вопроса обратимся к Уголовно-процессуальным кодексам Украины и Эстонии.

По УПК Эстонии наводящие вопросы при прямом допросе запрещены, но, в соответствии со ст. 288 УПК Эстонии, допускаются при перекрестном допросе. Постановка таких вопросов допустима при допросе противной стороной и только в целях проверки показаний, данных при допросе первым допрашивающим. После допроса оппонентом, первый допрашивающий также может задавать наводящие

вопросы, но только о новых обстоятельствах, рассмотренных при допросе другой стороной. Таким образом, в законодательстве Эстонии можно выделить два вида наводящих вопросов: касающиеся новых обстоятельств и направленные на проверку показаний, данных ранее. Точного определения наводящего вопроса УПК Эстонии не дает.

Как и в УПК Эстонии, по УПК Украины, наводящие вопросы допускаются только при перекрестном допросе, но не выделяются отдельные виды таких вопросов. В ч.6 ст. 352 УПК Украины законодатель дает определение наводящим вопросам, прямо указывая, что в их формулировке содержится ответ, часть ответа или подсказка к нему. Таким образом, понятие наводящего вопроса в украинском законодательстве идентично его трактовке, содержащейся в научных источниках. Следует отметить, что наличие определения наводящего вопроса является более правильным, по сравнению с выделением отдельных видов таких вопросов в УПК Эстонии, создающее определенные сложности в единообразном применении. Определение наводящего вопроса, данное в УПК Украины, по нашему мнению, следует внести и в отечественное законодательство.

Прежде чем подвести итог, необходимо обратить внимание на ответственность суда за неправомерное отклонение вопроса. Подобные ситуации следует рассматривать в качестве злоупотребления правом. Для этого предлагается ввести понятие «мнимого наводящего вопроса», т.е. вопроса, объективно не соответствующего признакам наводящего, но отклоненного судом. За отклонение такого рода вопроса необходимо установить дисциплинарную ответственность для судей.

Подводя итог вышесказанному, полагаем необходимо внести в редакцию ст.275 УПК РФ понятие наводящего вопроса, определив его как вопрос, содержащий в себе ответ, часть ответа или подсказку, а также ответственность председательствующего за отклонение мнимого наводящего вопроса.

Список использованных источников:

1. Аверьянова, Т.В. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. – 928 с.
2. Баянов, А.И. Наводящие вопросы при проведении допросов: проблемы и пути их разрешения / А.И. Баянов // Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: материалы Международной научно-практической конференции, 26-27 сентября 2019 г., НИСХОР (БОЛЬШАЯ ЯЛТА) / отв. Ред. М. А. Михайлов, Т.В. Омельченко; Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского.-Симферопль: ИТ «АРИАЛ», 2019.- С. 8-12.

3. Гриненко, А.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий: учебное пособие, 2-е изд., перераб. и доп. / А.В. Гриненко. – М.: Проспект, 2019.- 968 с.

ВЕРСИЯ, КАК ЭЛЕМЕНТ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© Е.В. Скачко, Н.Р. Раммуханова

Научный руководитель: Т.М. Коваленко

Саратовская государственная юридическая академия

Чтобы определиться со значимостью и местом версии в процессе расследования преступления, необходимо понимать, о чем идет речь. Версия – это обоснованное предположение компетентного лица, относительно обстоятельств, имеющих значение для расследования, служащая для целей установления объективной истины[1]. На первоначальном этапе расследования следователь обладает минимумом информации и данных по обстоятельствам совершенного преступления и предположения, которые он, основываясь на имеющихся сведениях, выдвигает, и являются тем механизмом, который и запускает процесс расследования. Следовательно, из вышесказанного можно сделать вывод о центральном положении версии в процессе расследования. Но, для того, чтобы версия продолжала сохранять своё значимое положение, она должна удовлетворять нескольким критериям: во-первых, версия должна основываться на реально имеющихся данных; во-вторых, версия должна быть реальной, т.е. событие может объясняться научным путём; в-третьих, она должна быть объективной. На наш взгляд, именно критерий объективности является наиболее сложным для соблюдения, а при их несоблюдении версия теряет свою актуальность в механизме расследования.

При формировании и проверке версий следователь применяет логические приемы и методы, фактические данные, свой опыт расследования, интуицию, данные из других источников, которые содержат правомерную информацию. Объективность же заключается в выдвижении всех возможных версий, их проверке и выявлении достоверной версии, т.е. следователю нельзя останавливаться на одной даже, по его мнению и опыту, наиболее вероятной и умалять значение других предположений по делу.

Проблема выдвижения версии заключается в сложности самого процесса познавательной деятельности следователя. Он не наблюдал события преступления, и свои выводы может делать лишь по следам-отображениям, которые сохранились на материальных объектах либо в памяти других лиц. Но при этом, следователь должен из всей имеющейся информации выбирать лишь ту, которая имеет значение

для расследования конкретного дела. Для этого необходимо соблюдать правило причинно-следственной связи, которая не всегда прослеживается напрямую[5]. Причинно-следственная связь должна прослеживаться не только между конкретным фактом и событием, она представлена сложной разветвленной цепочкой, в которой отдельные следствия сами по себе могут стать причиной для других событий, а могут и порождать новые предположения по расследуемому делу. Поэтому важно отметить, что версия – это динамическое явление, которое дополняется, изменяется в процессе получения новых сведений, что способствует установлению одной, достоверной версии.

На наш взгляд, говорить о имеющихся у следователя фактах, как о основе выдвигаемой версии[4], не совсем правильно. Как только следователь сталкивается с фактами и данными по делу, они вступают во взаимосвязь с теми теоретическими данными, которые уже имеются у следователя в силу его опыта. Интересным является факт, что каждая новая версия дополняет уже имеющийся у следователя опыт, хотя строится с использованием ранее выдвинутых, проверенных или опровергнутых предположений.

Чтобы продемонстрировать всю сложность процесса построения версий в данной статье будут рассмотрены особенности выдвижения версий по таким категориям преступления, как убийство матерью новорожденного ребенка, убийство по найму и изнасилование.

Что касается детоубийства, то следует сказать, что на первоначальном этапе расследования имеет место обнаружение трупа новорожденного ребенка. По статистике, большинство преступлений данной категории совершается самими матерями новорожденных. Типичными версиями, выдвигаемыми сотрудниками правоохранительных органов в данном случае, могут быть следующие:

1. Убийство совершено матерью новорожденного в связи с ее тяжелым материальным положением и, по этой причине, нежеланием иметь ребенка.
2. Убийство совершено матерью новорожденного с целью скрыть беременность и роды от родственников, т.к. мать, возможно, является несовершеннолетней.
3. Мать ребенка может быть алкоголе-наркозависимой. По этой причине у нее возникло желание избавиться от ребенка для беспрепятственного продолжения ведения уже привычного образа жизни.
4. Мать ребенка является пострадавшей в результате изнасилования, мотив убийства – нежелание иметь незапланированного ребенка.
5. Убийство было совершено иным лицом[2].

На практике встречаются случаи, когда наряду с матерями новорожденных к убийству причастны и иные лица: отцы новорождённых, родители и иные родственники матерей новорождённых; лица, производившие им поздние криминальные

аборты, закончившиеся рождением живого ребенка. Исходя из этого, типичными версиями, направленными на установление личности преступников, будут:

- 1) преступление совершено только матерью новорожденного;
- 2) преступление совершено матерью новорожденного в соучастии с кем-либо из вышеперечисленных лиц.

Следующая категория преступлений – это убийство по найму. В первую очередь, в данном случае, необходимо удостовериться, что действительно имело место заказное убийство. На это, в частности, могут указывать следующие признаки:

1. Применение, как правило, автоматического и полуавтоматического стрелкового оружия или иных предметов, специально предназначенных для нанесения повреждений.

2. Отсутствие признаков иных преступлений, кроме убийства (например, нет признаков ограбления, т.к. при жертве были обнаружены деньги, иные ценные предметы).

3. Непринятие мер, направленных на сокрытие орудия преступления.

4. Оставление трупа на месте преступления.

5. Повреждения жертве, как правило, наносятся в жизненно важные органы (что исключает вероятность убийства неподготовленным человеком), в ряде случаев присутствует контрольный выстрел.

6. Тщательное сокрытие следов преступления при наличии иных предметов, оставленных преступником (например, стреляные гильзы).

7. Высокий статус жертвы (известность, служебное положение, положение в криминальном мире) и т.д.

Чаще всего, именно последний признак является ориентиром для сотрудников правоохранительных органов. Так, если говорить об убийстве криминального авторитета, «вора в законе», то заказчиком может быть:

- а) лидер конкурирующей преступной группировки;
- б) руководитель предприятия, учреждения, фирмы, предприниматель;
- в) член группировки.

Мотивы совершения преступления могут быть самые разные. Исходя из этого, сотрудниками будут выдвигаться различные версии, например,

1. Убийство в целях устранения конкурентов.
2. Убийство из мести (например, за донос в правоохранительные органы).
3. Убийство как средство наказания за невыполнение каких-либо обязанностей (например, за невозврат денежных средств, необеспечение безопасности).
4. Убийство из страха перед каким-либо лицом (например, перед вымогателем).
5. Убийство в целях занятия более высокого (или даже лидирующего) положения в преступной группировке и т.д.

Следственные версии, выдвигаемые при совершении изнасилования, также имеют свои особенности. Так, например, в первую очередь сотрудниками правоохранительных органов будет выясняться, совершено изнасилование знакомым потерпевшей лицом или нет. В случае, если потерпевшая знакома с насильником, сотрудниками выдвигаются следующие версии:

1. Изнасилование имело место в действительности и совершено лицом, на которое указывает заявительница.
2. Изнасилования не было, но было другое преступление (например, покушение на изнасилование).
3. Не было никакого преступления, заявление является ложным [3].

Последняя версия должна быть проверена достаточно тщательно, т.к. на практике достаточно часто встречаются подобные случаи. Следователь может выдвинуть данную версию в большинстве случаев уже после первого допроса потерпевшей, когда ее поведение явно свидетельствует о ложном характере ее показаний (например, фальшивая нервозность, искусственное создание видимости того, что она глубоко переживает случившееся). Если потерпевшей по «преступлению» является несовершеннолетняя, то на ложность показаний может указывать чрезмерно детальная (применительно к возрасту) осведомленность девочки в вопросах половой жизни, когда очевидно, что она дает показания с подачи взрослых.

После анализа приведенных примеров, мы пришли к выводу о том, что качество выдвигаемой версии не всегда зависит от фактов, имеющих у следователя, её качество в большей степени зависит от самого следователя. Чем опытнее работник, чем объективнее и даже творчески он подходит к процессу выдвижения версий, тем повышается её качество. Не стоит забывать о том, что психика преступников зачастую кардинально отличается от психики добропорядочных граждан, а, следовательно, способы совершения преступлений могут быть самыми разными. Именно все эти нюансы и должен учитывать следователь для достижения положительного результата в процессе построения версий.

Список использованных источников:

1. Баев О.Я. Криминалистическая тактика и уголовно-процессуальный закон / О.Я. Баев. – Воронеж: 1977. – 235 с.
2. Веселков К.В. Некоторые аспекты построения исходных версий как основа эффективного планирования и производства расследования убийства матерью новорожденного ребенка // Кубу. №101(07). 2014.
3. Кропотов В.В. Криминалистическая характеристика изнасилований несовершеннолетних. Магистерская диссертация. Томский Государственный Университет.

4. Медведева С.Н. Версии и криминалистическая теория причинности // экономика Право Печать Вестник КСЭИ, 2004. – №6.
5. Пещак Я. Следственные версии \ Я. Пещак. – М.: Прогресс, 1969. – 228 с.

**ПАРАЛЛЕЛЬНОЕ (АДВОКАТСКОЕ) РАССЛЕДОВАНИЕ В ДОСУДЕБНОМ
ПРОИЗВОДСТВЕ: ОПЫТ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН И ВОЗМОЖНОСТЬ
РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

© М.А. Суханов

Научный руководитель: И.Г. Иванова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В начале двухтысячных годов в России были приняты новый Уголовно-процессуальный кодекс РФ и Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», которые были ориентированы на демократизацию уголовного процесса.

Демократизация уголовного процесса была заложена в Концепции судебной реформы, утверждённой в 1991 году. В ней же говорилось и о развитии адвокатуры и указывалось, что именно адвокатура является индикатором состояния демократии в обществе, является признаком реальной защищённости прав человека [2]. В Концепции судебной реформы не раз упоминается о расширении полномочий адвокатов, о проведении ими собственного (параллельного) расследования и независимости адвокатуры. В частности, допускается возможность введения института адвокатского расследования на стадиях досудебного производства.

Данная Концепция, предусматривающая возможность осуществления адвокатского расследования, привела к разделению ученого сообщества на два противоположных лагеря: на тех, кто выступает за введение данного института, и тех, кто выступает против. Так, например, О.Я. Баев, выступая против введения адвокатского расследования, отмечал, что, если адвоката наделить правом собирать доказательства, это будет означать, что ему позволено осуществлять параллельное следствие [3, с. 98].

В ст. 86 УПК РФ закреплены такие полномочия защитника, как право собирать и представлять доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений; опроса лиц с их согласия; истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и организаций (п. п. 1, 2, 3 ч. 3 ст. 86 УПК

РФ). Полагаем, что таким образом законодатель обозначил возможность проведения адвокатского расследования.

Однако подобные полномочия не дают адвокату полную свободу действий. Связано это с историческими особенностями развития уголовного процесса в России – его публичностью. Так возможно ли в реалиях российского уголовного процесса введение подобного института?

В зарубежных странах, таких как США, Великобритания, существование института адвокатского (параллельного) расследования характеризуется сложившейся состязательностью, когда разрешение конфликтной ситуации было сугубо личным делом самого человека. Во Франции широкие полномочия адвокатов объясняются историческими причинами – адвокатура, начиная с XIII века, сложилась в особое состояние, влияющее на политическую и общественную жизнь страны.

Так, французское законодательство предоставляет обвиняемому и стороне защиты такие же права на предварительном следствии, как и прокурору: защитник допускается к участию в деле с момента первого вызова обвиняемого к следственному судье, имеет право участвовать во всех допросах и очных ставках, имеет право знать все улики обвинения, обладает полнотой прав по заявлению ходатайств. Реализация принципа состязательности во Франции имеет свои особенности, которые проявляются в пропорциональном распределении бремени доказывания между сторонами: если обвиняемый что-либо утверждает, то он и несёт бремя доказывания утверждаемых обстоятельств [1, с. 11].

В российском же законодательстве закреплена презумпция невиновности, согласно которой бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения (ст. 14 УПК РФ), т.е. на государстве, что ещё раз подчёркивает публичный характер уголовного процесса и ограниченные возможности адвоката при отстаивании интересов подзащитного.

В Великобритании адвокаты (барристеры и солиситоры) в рамках осуществления функции представительства интересов обвиняемого имеют право собирать оправдательные и иные доказательства (информацию) в пользу обвиняемого [4, с. 179].

В США широко применяется институт адвокатского расследования. Например, если на стадии предварительного расследования уже приглашен адвокат-защитник, то его роль сводится в основном к наблюдению за тем, чтобы расследование не нарушало прав клиента; в данном случае защитник просто ждёт предъявления официального обвинения, и после этого начинает своё расследование. Если подзащитному сам факт предъявления обвинения может нанести ущерб личной репутации и бизнесу: адвокат-защитник в этом случае занимается

упреждающим сбором информации до того, как будет предъявлено обвинение. В этом случае адвокат-защитник должен сам собрать все доказательства в пользу своего клиента, при этом обвинитель обязан предъявить ему для ознакомления любые собранные обвинением оправдательные доказательства, а также любые сведения, которые могут быть использованы на суде с целью подвергнуть сомнению надежность свидетелей обвинения. Для сбора собственных доказательств, например, таких как показания свидетелей, установление их личности, адвокат имеет право нанимать частных детективов[5].

Как уже отмечалось ранее, подобные полномочия адвокатов стали возможными в результате исторического развития состязательного процесса в зарубежных странах на протяжении нескольких веков, на что влияло географическое положение государств, общество, традиции. Для этих стран адвокатское расследование является действенным способом отстаивания прав и законных интересов подзащитных. Однако, если допустить возможность введения подобного института в досудебное производство нашего государства, то придётся коренным образом изменить весь наш уголовный процесс.

Статус адвоката-защитника в уголовно-процессуальном доказывании имеет довольно много спорных моментов, которые необходимо разрешить. И введение полноценного адвокатского расследования должно быть предусмотрено только после выравнивания положения адвоката в уголовном процессе. Необходимо сначала отследить, как будет работать система правосудия вследствие изменений, и лишь затем решать вопрос о введении полноценного института адвокатского (параллельного) расследования, или позаимствовать отдельные хорошо показавшие себя элементы данного института в зарубежных странах, и в целях максимально эффективного обеспечения прав, свобод и законных интересов подзащитных адаптировать их применительно к нашему уголовному процессу, развивавшемуся по пути публичного начала.

Список использованных источников:

1. Калиновский, К.Б. Основные черты уголовного процесса зарубежных государств: Учебное пособие / К.Б. Калиновский. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. – 48 с.
2. Концепция судебной реформы в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_40216_DocumIsPrint__Page_2.html.

3. Мартынчик, Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования / Е.Г. Мартынчик. – М.: Юрист, 2009. – 258 с.

4. Стойко, Н. Г. Уголовный процесс западных государств и России: сравнительное теоретико-правовое исследование англо-американской и романо-германской правовых систем: Монография / Н.Г. Стойко. – СПб: Издательский дом С.-Петербурб. гос. ун-та, 2006. – 264 с.

5. Трунов, И.Л. Адвокатская деятельность и адвокатура в России: Учебник для академического бакалавриата [Электронный ресурс]; под редакцией И.Л. Трунова. – М.: Юрайт, 2014. – Режим доступа: https://studme.org/1595021016424/pravo/gonorarnaya_praktika#155.

КРИПТОВАЛЮТА КАК ПРЕДМЕТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

© И.И. Федоров

Научный руководитель: И.Г. Иванова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Еще несколько лет назад криптовалюта расценивалась как явление, доступное только экспертам в области программирования и IT-технологий. С переходом в эру финансовой цифровизации правительства многих стран предпринимают попытки дать законодательное осмысление криптовалюте.

Впервые термин «криптовалюта» был предложен межправительственной организацией FATF (Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег), где под криптовалютой (виртуальной валютой) понималось «цифровое выражение стоимости, которым можно торговать в цифровой форме и которое функционирует в качестве средства обмена; и(или) расчётной денежной единицы; и(или) средства хранения стоимости, но не обладает статусом законного платёжного средства ни в одной юрисдикции» [6, С. 4].

Цифровая валюта имеет возможность выступать как в качестве цифрового выражения стоимости виртуальной денежной единицы, которую иначе называют нефтяная валюта, так и электронных денег, которые, в свою очередь, классифицируются как фиатная валюта. Применение такого термина, как «цифровое выражение стоимости», создает определенные проблемы на практике, связанные с конвертацией фиатной валюты в виртуальную. Данная проблема отсутствует при использовании электронных денег, которые по определению уже являются формой фиатной валюты [1].

Криптовалюта в настоящее время в большинстве стран мира (в том числе и в России) является нефтяной виртуальной валютой. Однако до сих пор не разработан единый подход к правовому статусу данной технологии (далее мы будем рассматривать существующие подходы на примере криптовалюты Bitcoin). Так, в Германии это частные деньги, безналичный расчет которыми разрешается на территории всей страны. В Японии криптовалюта подлежит официальному налогообложению, а правительство детально исследует возможность использования криптовалюты для расчетов на межгосударственном уровне. В США криптовалюта рассматривается как имущество и, соответственно, облагается налогом. В Швейцарии криптовалюта имеет статус иностранной валюты [3, С. 1]. После анализа российского законодательства полагаем, что в России также отсутствуют законодательные препятствия для внедрения технологии блокчейн и криптовалюты на финансовый рынок.

Выше приведены примеры тех стран, которые решили не бороться с развитием технологий и не просто запрещать криптовалюту, а изучить ее возможности и использовать на финансовых рынках. Однако во многих странах запрещено использовать криптовалюту при расчете между физическими и юридическими лицами (например, в Боливии и Эквадоре).

Физические свойства криптовалюты приводят к тому, что она может выступать, и предметом совершения преступления, и способом его совершения. К таким свойствам можно отнести следующие:

1. Исключается централизация, доступность для любого человека. Система Bitcoin – это совокупность клиентских программ (кошельков) и базы данных blockchain (блокчейн, цепочка блоков).

2. Прозрачность расчетов: данные о прохождении любого платежа можно проследить от первоначального до окончательного момента превращения электронной валюты в монеты. По адресу Bitcoin можно проследить все транзакции этого адресата.

3. Свободный выбор участия в системе Bitcoin: либо это официальный клиент BitcoinCore, либо это легкий мобильный кошелек, либо аппаратный кошелек с дополнительными степенями защиты для оплаты покупок и услуг.

4. Отсутствие администратора, неподконтрольность сети. Отсутствие контролирующего центра исключает возможность «заморозить» счёт, заблокировать или совсем отменить платёж, поэтому такие сделки всегда безвозвратны.

5. Анонимность расчетов. Номер счёта – это строка длиной примерно 34 символа, например: 1GXPWTNnVC8boQeX6HEiaimGNf374iJZmj (обычный Bitcoin-кошелек начинается с цифры 1). Данные номера существуют для идентификации

кошелька для производства расчетов с его использованием. Такой номер достаточно просто передать своему контрагенту.

6. Новые биткойны поступают в обращение «запечатанные» сложной криптографической подписью. Следующий блок вычисляется на основе подписи предыдущего, что даёт гарантию безвозвратности транзакций. Так блоки сцепляются между собой, образуя цепочку – блокчейн.

7. Качественная криптографическая защита.

Сегодня Bitcoin – это наиболее успешный пример использования криптовалюты в виртуальной среде, где «криптовалюта Bitcoin становится финансовым инструментом виртуальной, а в более широком смысле – инновационной экономики» [4, С. 89]. Если первоначально это был всего лишь эксперимент, доказывающий возможность оборота электронных денег, то сейчас это успешный и действенный экономический инструмент.

Вместе с тем, наряду с вышеуказанными достоинствами Bitcoin, её свойства используются теневым бизнесом и преступными элементами для уклонения от уплаты налогов путем перевода финансовых средств в криптовалюту, для анонимного финансирования террористической деятельности, наркобизнеса, работодладельческого бизнеса, незаконной трансплантации органов и т.д. Все это препятствует официальному признанию криптовалюты как средства платежа.

Несмотря на неопределенность гражданско-правового статуса криптовалюты, она уже занимает свое место в российской финансовой системе, а также нередко выступает предметом и (или) средством преступного посягательства. Например, Министерство финансов РФ относит криптовалюту к имуществу. Соответственно, при хищении или ином преступлении, в котором криптовалюта рассматривается как предмет совершения преступления, расширяется возможность применения норм, предусматривающих уголовно-правовую защиту собственности [5, С. 172].

Российская практика уголовного преследования в этой части достаточно скромна и противоречива. В России имеются факты возбуждения уголовных дел, связанных с обналачиванием биткоинов. Так, сотрудниками Управления уголовного розыска УМВД России по Костромской области и УФСБ России по Костромской области задержаны трое участников группы, осуществлявших незаконную банковскую деятельность путем использования одной из международных платежных систем и площадки по обмену биткоинов [2]. Здесь интерес вызывает то обстоятельство, что задержанным лицам инкриминировано осуществление незаконной банковской деятельности, на фоне того, что биткойны официально не признаны валютой или платежным средством. Полагаем, это может

свидетельствовать о том, что правоприменитель придал биткоинам данный статус, признавая проводимые операции незаконной, но банковской деятельностью.

Когда же речь идет о хищении криптовалют, то тут судебная практика также не отличается однообразием. Чаще всего правоприменитель отказывает в возбуждении уголовного дела, так как в традиционном понимании отсутствует предмет хищения, следовательно, и нет состава кражи.

Полагаем, что указанные правоприменительные проблемы возникают из-за того, что в настоящее время отсутствует надлежащее закрепление гражданско-правового статуса криптовалюты в национальном законодательстве, а в уголовном законе отсутствует специальная норма, предусматривающая ответственность за незаконный оборот криптовалюты. Все указанные проблемы нуждаются в скорейшем разрешении путем принятия соответствующих нормативных актов.

Список использованных источников:

1. Базовое пособие по выявлению и расследованию отмывания преступных доходов, совершенного посредством виртуальных валют [Электронный ресурс]: UNODC. 2014. – Режим доступа: https://www.imolin.org/pdf/UNODC_Virtual_Currencies_final_RU_Print.pdf

2. Костромские полицейские направили в суд уголовное дело в отношении злоумышленников, которые нелегально зарабатывали на обналичивании и продаже криптовалюты : [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/11019155/>

3. Николайчук О.А. Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов / О.А. Николайчук // JOURNAL OF ECONOMIC REGULATION. – 2017. – № 1.

4. Попиков А.А. Криптовалюта Bitcoin как финансовый инструмент виртуальной экономики / А.А. Попиков // Вопросы инновационной экономики. – 2016. – № 2.

5. Рубцова А.С. Криптовалюты: предмет и средство совершения преступления / А.С. Рубцова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2018. – №12

6. Virtual Currencies: Key Definitions and Potential AML/CFT Risks: [Электронный ресурс]: FATF, Paris 2014.–Режим доступа <http://www.fatf-gafi.org/publications/methodsandtrends/documents/virtual-currency-definitions-aml-cft-risk.html>

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ НЕВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

© И.А. Фунтусова

Научный руководитель: И.Г. Иванова

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Важнейшим носителем познавательно значимой информации, вовлекаемым в сферу следствия, является человек (антропологический носитель) [7, с. 57]. Человек передает сообщения посредством речи, то есть основного, присущего только человеку способа коммуникации. Вместе с тем, существует и другой канал трансляции информации от человека к человеку, получивший название «невербальный».

Исследователями установлено, что в процессе речевого общения лишь 7% информации передается непосредственно словами, тогда как звуками и интонацией передается до 38%, а жестами, позой, телодвижениями, перемещением в пространстве – до 55% полезной информации [5, с. 319]. Т.В. Губаевой отмечено, что «слова необходимы, чтобы координировать социальное взаимодействие в юридически значимых ситуациях и достичь согласования интересов различных участников правоотношений» [1, с.1].

Невербальная коммуникация имеет особую ценность вследствие своего бессознательного и спонтанного характера. В науке она рассматривается в широком и в узком смысле. В широком смысле она понимается как «коммуникация без слов» [8, с.105], «поведение, атрибуты и предметы, не относящиеся к словам, которые передают сообщения и имеют общее социальное значение» [9, с. 110]. Данный подход позволит рассмотреть вопрос об элементах коммуникации более детально.

Основой невербального поведения являются инстинкты человека, что находит свое выражение в жестикуляции, мимике человека, манерах и т.п. Некоторые жесты человека являются культурно приобретенными продуктами социализации личности. Количество их невелико, они контролируются сознанием и «представляют для субъектов криминалистического наблюдения меньшую познавательную ценность» [5, с. 324]. Иное значение имеют генетически врожденные жесты «биологического наследия человека» (подача ладони, положение головы, наклон корпуса тела), которые являют собой важный информационный источник о личностной сути конкретного человека вообще и внутреннем его состоянии в данный конкретный момент в частности [7, с. 59].

Д. Наварро и М. Карлинс отмечают, что «самые выразительные моменты невербального поведения называют эмблемами (они позволяют безошибочно определить истинное душевное состояние человека). Так как люди не всегда сознают, что используют средства невербальной коммуникации, язык тела часто оказывается более правдивым, чем произносимые слова, которые сознательно подбираются для получения нужных для говорящего результатов» [4, с. 21, 23]. Также, авторы подчеркивают: «Чтобы успешно читать невербальное поведение, необходимо сначала научиться распознавать и расшифровывать формы успокаивающего поведения. Почему? Потому что они всегда рассказывают о том, что творится на душе у человека в данный момент, и делают это с поразительной точностью» [4, с. 66].

Изучение основ невербального общения и применение полученных знаний на практике может действительно помочь в раскрытии преступлений. Поэтому при проведении допроса, обыска и других следственных действий, следователь должен очень внимательно следить за тем, как допрашиваемый реагирует на его вопросы, ибо часто именно проявления успокаивающего поведения помогают увидеть тщательно скрываемую ложь. Формы проявления успокаивающего поведения, на которые необходимо обратить внимание следователю:

1. Прикосновение к шее, ее поглаживание. Это один из самых распространенных типов успокаивающего поведения при стрессе, так как именно на шее находится много нервных окончаний. Поглаживание замедляет пульс, снижает кровяное давление. Женщины в качестве средства успокоения прикасаются рукой к надгрудной ямке, либо шейным украшениям, если они имеются.

2. Прикосновение к лицу или его поглаживание. Это еще одна успокоительная реакция на стресс. При этом человек может облизывать губы, прикасаться пальцами к мочке уха и шее, поглаживать волосы.

3. Скрещивание рук на груди и потирание ладонями плеч. При этом создается впечатление, что человек мерзнет.

4. Поглаживание человеком ног ладонями своих рук во время проведения допроса. Такое поведение является верным признаком того, что задаваемые вопросы вызывают у допрашиваемого нервное напряжение и состояние дискомфорта. Также это может означать, что человек лжет или он владеет какими-либо знаниями о совершенном преступлении [6, с. 130].

Из этого следует, что при проведении допроса необходимо учитывать вышеуказанные формы поведения для более быстрого и успешного раскрытия преступления. Следователь должен понимать, что чем интенсивнее люди используют успокаивающие формы поведения, тем сильнее они испытывают состояние стресса и дискомфорта.

В свою очередь при проведении обыска на поведение обыскиваемого влияют: его интеллектуальное развитие; познавательные интересы; особенности личности (эгоизм, жадность, аккуратность и т.д.); приобретенные человеком привычки; профессиональные знания и навыки.

Так, при расследовании убийства гражданина М. экспертизой было установлено, что гражданин М. был убит путем нанесения ему ударов в область головы тупым твердым предметом с ограниченной поверхностью, предположительно молотком либо гирей. При обыске в квартире подозреваемого был обнаружен ящик с инструментами, но молотка в нем не было. Производящий обыск следователь заметил, что при разговоре на отвлеченные темы обыскиваемый держался довольно уверенно, сидел на стуле, его корпус был подан немного вперед, при этом обе руки лежали на коленях (жесты готовности, сигнализирующие о желании скорее закончить разговор или встречу). Вместе с тем, когда следователь поинтересовался, как же у такого «хозяйственного мужика» не оказалось молотка среди инструментов, обыскиваемый явно занервничал: внезапно выпрямился, скрестил руки на груди таким образом, что ладоней не было видно, вжал голову в плечи, устремил взгляд в пол и перекинул ногу за ногу нервно подергивая носком (все эти жесты в совокупности выдавали напряжение, нервозность и угнетенность). Далее следователь постарался опять перейти на отвлеченную тему, и вскоре обыскиваемый принял прежнее, не столь напряженное, положение тела. Продолжая беседовать с подозреваемым, следователь стал передвигаться по залу. Когда же он подошел к балконной двери, обыскиваемый вновь повел себя неестественно, стал явно взволнован. Это выразилось: в непроизвольном оттягивании воротничка, наклонении корпуса вперед, сжатии ног «лодыжка к лодыжке» с фиксированием одной стопы на другую, а также вновь скрещиванием рук, причем по мере приближения к балконной двери следователя ладони крепче сжимались в кулаки. Обыск продолжился на балконе, где под цветочным ящиком был найден молоток, на котором в последствии при проведении судебно-биологической экспертизы была обнаружена кровь гражданина М., а эксперт, проводивший физико-техническую экспертизу, подтвердил, что удары нанесли именно этим молотком [3, с. 140].

Таким образом, при производстве различных следственных действий, проявляются разные формы невербального поведения, имеющие порой решающее значение при расследовании уголовного дела. Важно отметить, что анализ телодвижений и мимики должен осуществляться посредством изучения их совокупности, так как отдельные жесты не могут свидетельствовать о чем-либо конкретном.

В юридической литературе существует мнение, что применение знаний о невербальной коммуникации в сфере расследования преступлений требует

систематизации, выделении в новую отрасль знания. Предложено определение криминалистической невербалики, как междисциплинарной отрасли знаний о возможностях интерпретации невербальной информации, ее использования в организационно-тактических целях для получения достоверных данных, а также рассмотрены возможности установления достоверности получаемых сведений с использованием возможностей невербалики при раскрытии преступлений [2, с. 345].

Безусловно, поступающая от субъекта следственного действия невербальным путем информация доказательственного, процессуального значения не имеет. Прежде всего, данная информация имеет ориентирующий характер и организационно-тактическое значение, в том числе и для построения версий, решения распознавательных задач, определения тактики следственных действий. Но все, что относится к человеку, с которым мы вступаем в коммуникацию, воспринимаемое нашим зрением и слухом, имеет немаловажное значение и, как показывает практика, порой выступает единственным вспомогательным фактором при раскрытии преступления.

Список использованных источников:

1. Губаева, Т.В. Язык и право. Искусствовладения словом в профессиональной юридической деятельности / Т.В. Губаева. – М.: Норма, 2004. – 160 с.
2. Луценко, О.А. Значение вербальных и невербальных коммуникаций в расследовании преступлений / О.А. Луценко // Ученые записки: Сборник научных трудов. – Вып. 3. – Ростов-на-Дону: Проф-пресс, 2004. – С.343-361.
3. Луценко, О.А. Невербальные коммуникации при расследовании преступлений / О.А. Луценко // Актуальные проблемы современной криминалистики: Материалы научно-практической конференции. – Симферополь, 2002. – С. 137-144.
4. Наварро, Д. Явижу, о чем вы думаете / Д. Наварро, М. Карлинс; перевод с английского О.Г. Белошеева. – Минск: Попурри, 2009. – 336 с.
5. Образцов, В.А. Криминалистическая психология / В.А. Образцов, С.Н. Богомолова. – Москва: Закон и право, 2002. – 448 с.
6. Прокурова, С.В. О роли невербального общения в профессиональной деятельности следователя / С.В. Прокурова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2012. – № 4(23). – С. 127-132.
7. Сычева, О.А. Тактика судебного следствия: Монография / О.А. Сычева. – Ульяновск: Вектор-С, 2012. – 239 с.
8. DeVito, J.A. Human communication: The basic course / J.A. DeVito. – Boston; London: Pearson / Allyn & Bacon, 2005. – 480p.

9. Morreale, S. Human communication: motivation, knowledge, and skills / S. Morreale, B. Spitzberg, J. Barge. – Belmont, CA: Thomson Wadsworth, 2007. – 490 p.

**ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ МАТЕРИАЛОВ
НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ
ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ**

© Е.В. Шаргина

Научный руководитель: Е.Е. Космодемьянская

канд. юрид. наук

Сибирский юридический институт МВД России

Причинение вреда здоровью – это собирательное понятие для целого ряда преступлений, отличающихся по форме вины, степени тяжести и обстоятельствам совершения преступления. Таковыми являются противоправные деяния, уголовная ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 111–119 УК РФ. Несмотря на разнообразие составов, общим для них является то, что вследствие совершения преступления наносится вред здоровью человека.

Об актуальности тематики данного исследования свидетельствуют официальные статистические данные о состоянии преступности за 2018 и 2019 годы, согласно которым количество преступлений, связанных с причинением тяжкого вреда здоровью, в 2019 году увеличилось на 13,7 % (335973 – 2018 год, 389373 – 2019 год).[5]

Рассматриваемые мной преступления имеют особенности в стадии возбуждения уголовного дела, которые заключаются, в первую очередь, в том, что сообщения о данных преступлениях имеют особые средства доследственной проверки, которые условно можно разделить на два вида: средства проверки заявления, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) и предусмотренные иными нормативными правовыми актами. К первой группе относятся: получение объяснений, получение образцов для сравнительного исследования, назначение судебно-медицинской экспертизы (далее – СМЭ), осмотр места происшествия, предметов, документов, трупов, освидетельствование. Во вторую группу средств проверки сообщений, связанных с причинением вреда здоровью, входят медицинское освидетельствование живых лиц (на состояние алкогольного, наркотического или иного опьянения), а также обследование потерпевших, обвиняемых и других лиц, исследование трупа.[4, п.7]

Как показывает анализ литературных источников, одним из средств предварительной проверки может выступать судебно-медицинская экспертиза (далее СМЭ). [2, с.21]

На практике встречаются случаи, когда на этапе проверки сообщения о преступлении, связанном с причинением вреда здоровью, назначается судебно-медицинская экспертиза. Представляется, что данный вид экспертизы должен назначаться в 100 % случаев выявления данной категории преступлений, однако, следует отметить, что выводы экспертов имеют прямую связь с предоставленными материалами (если на СМЭ предоставлено малое количество необходимых документов либо предоставлены документы, имеющие нарушения в описании повреждений, то эксперт не может дать полные ответы на заданные ему вопросы). Поэтому определить степень тяжести вреда здоровью судебно-медицинским экспертам удастся не всегда.

По мнению авторитетных авторов, являющихся действующими сотрудниками Красноярского краевого Бюро СМЭ, к таким причинам относятся:

1. Предоставленные медицинские документы на экспертизу не содержат в себе достаточных сведений, без которых не представляется возможным судить о характере и степени тяжести вреда, причиненного человеку (например, отсутствие рентгеновских снимков, без которых невозможно судить о переломе костей);

2. Неграмотное описание врачами телесных повреждений в предоставленных на экспертизу документах (нарушение требований алгоритма написания данных документов), что не позволяет судебно-медицинским экспертам ответить на поставленные им вопросы;

3. Неполное описание или отсутствие морфологических особенностей телесных повреждений (при наличии нескольких видов повреждений ограничиваются указанием одного вида – ушибы мягких тканей, без указания ссадин);

4. Краткое описание повреждений (при наличии раны нет описания ее краев, стенок, дна и т.п.);

5. Отсутствие указания на точную локализацию раны в соответствии с общепринятыми анатомическими ориентирами;

6. Отсутствие описания количества, формы, размеров повреждений;

7. Отсутствие сведений о динамике изменений телесных повреждений (кобочка ссадины – цвет, четкость, интенсивность прокрашивания кровоподтеков);

8. Ошибочная диагностика телесных повреждений (при наличии раны в документах указывается на ссадину).[1]

К каким правовым последствиям это может привести? Во-первых, сотрудники органов внутренних дел (далее –ОВД) испытывают сложности в применении норм, предусматривающих ответственность за причинение вреда здоровью. В частности,

трудности возникают при возбуждении уголовного дела, а именно при квалификации совершенного деяния, когда длительность заболевания или степень утраты трудоспособности потерпевшего еще неизвестна. Например, следователь, возбуждая уголовное дело по ст. 111 УК РФ (Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью) по факту, не может предугадать ни длительность заболевания, ни степень утраты трудоспособности. В результате лечения становится ясно, что совершенное деяние необходимо переqualифицировать на ст. 115 УК РФ (Умышленное причинение легкого вреда здоровью). И здесь возникает вторая проблема: как же продолжать расследование уголовного дела, если ст. 115 УК РФ, согласно ч. 2 ст. 20 УПК РФ, относится к делам частного обвинения, для возбуждения уголовного дела по которой необходимо заявление потерпевшего, которого в данном случае нет. А это, в свою очередь, требует прекращения уголовного дела.

В качестве примера переqualификации на практике можно привести уголовное дело в отношении К., которому суд первой инстанции вынес приговор по ч.1 ст. 111 УК РФ. Обстоятельства дела заключались в следующем: К. повздорил со своим знакомым и дважды ударил его кулаком в лиц. От удара потерпевший упал и, ударившись головой, потерял сознание. СМЭ у потерпевшего был определен тяжкий вред здоровью, вызванный травмой головы, возникшей при ударе головой о дорожное покрытие. Потерпевший был доставлен в больницу, где ему была оказана медицинская помощь. Подозреваемый К. в рамках возбужденного уголовного дела был заключен под стражу.

Следователь квалифицировал действия К. по ч. 1 ст. 111 УК и все заявления и ходатайства адвоката о переqualификации действий обвиняемого с ч.1 ст.111 на ч. 1 ст. 118 УК РФ отклонил. Аналогичным образом поступил и судья, рассматривавший дело, который признал К. виновным в совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 111 УК РФ и назначил ему наказание в виде 3 лет лишения свободы.

В суде второй инстанции в ходе судебного следствия стороне защиты удалось обосновать и доказать, что умысел К. не был направлен на причинение тяжкого вреда здоровью, а травма головы, возникшая в результате падения, стала для обвиняемого неожиданным последствием своих действий, результат которых предвидеть было невозможно. В дальнейшем был допрошен ряд экспертов и свидетелей, обращено внимание на ряд обстоятельств, которые суд первой инстанции не принял во внимание.

В результате суд второй инстанции согласился с доводами защиты и переqualифицировал действия подсудимого К. с ч. 1 ст. 111 УК РФ на ч. 1 ст. 118 УК РФ. Осужденному было назначено наказание в виде ограничения свободы, которое он отбыл за время нахождения под стражей до вынесения апелляционного приговора суда.

И таких примеров в практике расследования рассматриваемого вида преступлений большое количество. Как видим, на момент возбуждения уголовного дела у следователя недостаточно информации для однозначного решения вопроса о квалификации деяния, а возможности судебно-медицинской экспертизы как средства проверки первоначальной информации ограничены в силу физических (физиологических) закономерностей, что приводит к невозможности разрешения данных проблем на практике.

Список использованных источников:

1. Зиненко, Ю.В. К вопросу о проблеме определения тяжести вреда здоровью при расследовании насильственных преступлений / Ю.В. Зиненко // Вестник Сибирского юридического института МВД России, 2019. № 3(36).
2. Космодемьянская, Е.Е. Расследование преступлений, связанных с причинением вреда здоровью : учебное пособие / Е.Е. Космодемьянская. – Красноярск :СибЮИ ФСКН России, 2015. – 72 с.
3. Об утверждении медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека :Приказ Минздравсоцразвития Российской Федерации от 24 апреля 2008 г. № 194н // СПС КонсультантПлюс
4. Об утверждении требований к организации и выполнению работ (услуг) при оказании первичной медико-санитарной, специализированной (в том числе высокотехнологичной), скорой (в том числе скорой специализированной), паллиативной медицинской помощи, оказании медицинской помощи при санаторно-курортном лечении, при проведении медицинских экспертиз, медицинских осмотров, медицинских освидетельствований и санитарно-противоэпидемических (профилактических) мероприятий в рамках оказания медицинской помощи, при трансплантации (пересадке) органов и (или) тканей, обращении донорской крови и (или) ее компонентов в медицинских целях : Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации (Минздрав России) от 11 марта 2013 г. № 121н.
5. Портал правовой статистики. [Электронный ресурс] : http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 20.02.2020).
6. Судебные и нормативные акты РФ. URL: sudact.ru (дата обращения 10.03.2020).
7. Шелудько, Б.А. Особенности возбуждения уголовных дел по фактам умышленного причинения вреда здоровью / Б.А. Шелудько // Общество и право, 2011. №3(35).

**ОСОБЕННОСТИ ПОСТАНОВКИ НАВОДЯЩИХ ВОПРОСОВ
ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ (США)**

© Е.А. Эрли

Научный руководитель: А.И. Баянов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Законодательство стран мира по-разному регулирует постановку наводящих вопросов при проведении следственных и судебных допросов. В ряде стран отсутствует понятие наводящего вопроса и, соответственно, запрет на их постановку (Армения, Латвия, Корея и т.д.). В таких странах как Беларусь, Казахстан установлен запрет на постановку наводящих вопросов в стадии досудебного и судебного производств. Законодательство некоторых стран, устанавливая общий запрет на постановку наводящих вопросов, допускает их постановку при перекрестных допросах в суде (Россия, Эстония, Венгрия и др.). Кроме этого, определяется круг лиц, которым постановка наводящих вопросов запрещена (Эстония) [1, с. 9].

Законодательство США характеризуется достаточно сложным подходом к проблеме постановки наводящих вопросов и требует отдельного исследования.

Соединенные Штаты Америки — страна с федеративным государственным устройством. Данный факт обуславливает существование двух уровней нормативно-правовых актов — федерального законодательства и законодательства штатов. Стоит отметить, что законодательство штатов, как правило, приводится в соответствие с федеральным, в связи с чем различия в уголовном процессе на двух уровнях не значительны. Таким образом, в США не существует единообразной регламентации уголовного процесса, однако это не означает, что расследование по уголовным делам не регламентировано вообще, а его формы и методы целиком зависят от свободного усмотрения детективов[2].

FederalRulesofEvidence (*пер. англ.* Федеральные правила доказывания, далее — Правила) представляют собой свод правил, регулирующих представление доказательств в гражданских и уголовных процессах в федеральных судах США. Акт был принят Конгрессом в 1975 году после нескольких лет разработки Верховным судом. Кроме того, в Правилах присутствуют NotesofAdvisoryCommitteeonProposedRules (*пер. англ.* Примечания Консультативного комитета по предлагаемым правилам, далее — Примечания).

Согласно Правилу 611, «ModeandOrderofExaminingWitnessesandPresentingEvidence» (*пер. англ.* Способ и порядок допроса свидетелей и представления доказательств), наводящие вопросы не должны использоваться при прямом

допросе свидетеля, за исключением необходимости выяснения показаний свидетеля. Обычно наводящие вопросы должны быть разрешены на перекрестном допросе. Когда сторона вызывает «враждебно настроенного свидетеля», противоположную сторону или свидетеля, отождествляемого с противоположной стороной, допрос может проводиться с использованием наводящих вопросов.

Формулировка «обычно должны быть разрешены при перекрестных допросах», согласно Примечаниям, служит обеспечением основания для отказа в использовании наводящих вопросов, когда перекрестный допрос представляет собой перекрестный допрос только по форме, а не фактически, как, например, перекрестный допрос одной из сторон его собственным адвокатом после вызова оппонентом.

Что касается формулировки «за исключением того, что может быть необходимым для выяснения показаний свидетеля», то в данном случае, согласно Примечаниям к Правилу 611, речь идет о свидетеле, который враждебен, не желает давать показания или предвзят; ребенке-свидетеле или взрослом с проблемами общения; свидетеле, чье воспоминание исчерпано; или в бесспорных предварительных порядках разбирательства.

Возможность применения наводящих вопросов по отношению к несовершеннолетним является самым разработанным в законодательстве США аспектом на уровне штатов. Так, в различных законодательствах существуют разные нормы о возможности использования наводящих вопросов по отношению к несовершеннолетним. Например, законодательство штата Алабама говорит о том, что в любом уголовном преследовании за физическое или сексуальное преступление, когда предполагаемой жертвой является ребенок в возрасте до 16 лет, и в любом уголовном преследовании за сексуальную эксплуатацию ребенка в возрасте до 16 лет, суд может разрешить наводящие вопросы на судебном разбирательстве со стороны обвинения или защиты любой жертве или свидетелю по делу, *который является старше 10 лет*, если суд определит, что разрешение наводящих вопросов будет способствовать интересам справедливости. Суд может по ходатайству обвинения или защиты, или по его собственному усмотрению, ограничить сферу и масштаб любых наводящих вопросов. В Аризоне же данный вопрос не охватывался законодательством штатов, но был решен Верховным Судом Аризоны, когда в деле *State v. Godsoe (Ariz. 1973) (пер. англ. Штат против Гадсоу)* обвиняемый был осужден за приставание к малолетнему. Пострадавшему было девять лет, и при непосредственном рассмотрении суд первой инстанции позволил прокурору использовать наводящие вопросы. В апелляции Верховный суд Аризоны постановил, что это не было ошибкой. Опираясь на три дела 1940-х годов, судьи постановили, что наводящие вопросы в суде первой инстанции могут быть

заданы детям- свидетелям на усмотрение суда или «в случаях, когда деликатный характер предмета мешает подробным ответам на общие вопросы». Подобным образом вопрос был решен также в Колорадо, Флориде, Иллинойсе, Род-Айленде. Интересен случай в штате Арканзас, когда Верховный суд посчитал возможным допущение постановки наводящих вопросов, обосновав это шестью причинами: 1) серьезностью преступления, 2) естественным смущением свидетеля об этом инциденте, 3) страхом ребенка оказаться в зале суда, полном людей, 4) необходимостью свидетельских показаний от жертвы, 5) угрозой в отношении потерпевших от преступников, 6), чтобы предотвратить возможность того, что обвиняемый может избежать наказания за серьезное преступление только из-за нежелания жертвы свидетельствовать. В других случаях, когда законодательство штата в отношении наводящих вопросов идентично федеральному законодательству, допущение наводящих вопросов по отношению к детям осуществляется на усмотрение судей, которые, как правило, разрешают постановку таких вопросов.

Последнее предложение Правила 611 касается категорий свидетелей, которые автоматически рассматриваются как «враждебные». Согласно Примечаниям, Правило 43 (b) Федеральных гражданско-процессуальных норм включало только «враждебную сторону или должностное лицо, директора или управляющего агента публичной или частной корпорации или партнерства или ассоциации, являющейся враждебной стороной». Считается, что это ограничение является неоправданно узким понятием тех, кого можно безусловно считать «враждебными» без доказывания. Фраза Правила «свидетель, отождествляемый с противоположной стороной», предназначена для увеличения категории лиц, которым могут быть поставлены наводящие вопросы. Позднее была применена поправка, согласно которой последнее предложение этой части также было изменено, чтобы охватить как уголовные, так и гражданские дела. Комитет принял эту поправку, но отметил, что в уголовных делах может быть трудно определить, когда свидетель «идентифицирован с противоположной стороной», и, следовательно, правило следует применять с осторожностью.

Что касается допущения постановки наводящих вопросов во время предварительного расследования уголовного дела, то в США предварительное расследование может проводиться как органами полиции, ФБР, так и Управлением по борьбе с наркотиками, однако вне зависимости от органа, проводящего предварительное расследование, норма, запрещающая постановку наводящих вопросов в ходе допроса, отсутствует.

Таким образом, можно подчеркнуть следующие особенности нормативного и прецедентного регулирования постановки наводящих вопросов в США:

1. Существование запрета на использование наводящих вопросов в суде при производстве прямого допроса, за исключением необходимости выяснения показаний свидетеля при наличии факторов, препятствующих их получению.

2. Допущение постановки наводящих вопросов при перекрестных допросах в суде в случаях, необходимых при вызове «враждебно настроенного свидетеля», противоположной стороны или свидетеля, отождествленного с противоположной стороной.

3. Отсутствие нормы, запрещающей постановку наводящих вопросов при производстве предварительного расследования.

Список использованных источников:

1. Баянов А. И. Наводящие вопросы в допросах: проблемы и пути их разрешения /А. И. Баянов// Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации: материалы Международной научно-практической конференции, 26 – 27 сентября 2019 года, Мисхор (Большая Ялта) / отв. ред. М.А. Михайлов, Т.В. Омельченко точка с запятой Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. – Симферополь: И.Т. «АРИАЛ», 2019. – С. 8-12.

2. Пастухов П.С. Особенности полицейского дознания в уголовном судопроизводстве США[Электронныйресурс] / П. С. Пастухов // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2013. – № 5. – Режим доступа: <http://center-bereg.ru/o516.html>

3. Federal Rules of Evidence [Электронныйресурс] – USA, 1975. – Режимдоступа:<https://www.law.cornell.edu/rules/fre>

4. Jackson v. State, 290 Ark. 375[Электронныйресурс] –1986. – Режимдоступа:<https://ndaa.org/wp-content/uploads/Leading-Questions-and-Child-Witnesses6-2011.pdf#page4>

5. Statev. Godsoe, 498 P. 2d 4 [Электронныйресурс] –Ariz. 1973.– Режимдоступа: <https://ndaa.org/wp-content/uploads/Leading-Questions-and-Child-Witnesses6-2011.pdf>

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО
И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА**

ОСНОВНЫЕ НОТАРИАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Т.Т. Абдрахимов

Научный руководитель: Д.С. Рымарев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Согласно ч. 1 ст. 1 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 г. № 4462-1 (далее по тексту – Основы) [7] нотариат призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, указанными Основами защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц посредством совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации. Кроме того, нотариат является институтом превентивного правосудия, поскольку его деятельность предупреждает необходимость обращения к правосудию, а также содействует облегчению и упрощению судебной процедуры [1].

Несмотря на то, что к сфере деятельности нотариата в большей части относятся гражданско-правовые отношения, туда также входят и некоторые публичные правоотношения, в частности по организации и проведению выборов и референдумов. Это можно объяснить тем, что избирательный процесс является состязательным и сопровождается высокой степенью конфликтности его участников.

Статья 35 Основ содержит перечень нотариальных действий, совершаемых нотариусами. Данный перечень не является исчерпывающим, и нотариальные действия могут быть установлены иными законодательными актами.

К нотариальным действиям в избирательном процессе относятся:

- 1) удостоверение подлинности подписи кандидата, который болен или содержится в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, на заявлении выдвинутого лица о согласии баллотироваться по соответствующему избирательному округу (ч. 5 ст. 33 Федерального закона от 12.06.2002г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее по тексту – Федеральный закон № 67-ФЗ) [4]);
- 2) удостоверение сведений о лицах, осуществляющих сбор подписей, и подписей этих лиц (ч. 16 ст. 37 ФЗ № 67-ФЗ, ч. 8.1 ст. 36 Федерального закона от 10.01.2003г. № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» (далее по тексту – Федеральный закон № 19-ФЗ) [3]);

3) удостоверение протокола регистрации членов группы избирателей при проведении собрания в поддержку самовыдвижения кандидата на должность Президента РФ (ч. 5 ст. 34 Федерального закона № 19-ФЗ);

4) свидетельствование подлинности подписи депутата представительного органа муниципального образования и (или) избранного на муниципальных выборах главы муниципального образования на листе поддержки кандидата на должность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) (ч. 18 ст. 37 Федерального закона № 67-ФЗ);

5) удостоверение полномочий лица, оказывающего помощь кандидату-инвалиду в заполнении или заверении заявления и сведений о размере и об источниках доходов кандидата, а также об имуществе, принадлежащем кандидату на праве собственности (в том числе совместной), о вкладах в банках, ценных бумагах (ч. 5.1 ст. 33 Федерального закона № 67-ФЗ);

6) удостоверение копии документа о государственной регистрации избирательного объединения, выданного федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на осуществление функций в сфере регистрации общественных объединений, а если избирательное объединение не является юридическим лицом – также решения о его создании (ч. 14.1 и ч. 14.5 ст. 35 Федерального закона № 67-ФЗ);

7) удостоверение копии соглашения политической партии и зарегистрированного общественного объединения, не являющегося политической партией, создавшего объединение или союз, целью деятельности которых является совместное формирование списков кандидатов на выборах депутатов представительных органов муниципальных образований (ч. 14 ст. 35 Федерального закона № 67-ФЗ);

8) удостоверение доверенности от кандидата, избирательного объединения на осуществление полномочий уполномоченного представителя по финансовым вопросам (ч. 1 ст. 59 Федерального закона № 19-ФЗ, законами субъектов Российской Федерации (например, ч. 3 ст. 27 Закона г. Москвы от 06.07.2005г. № 38 «Избирательный кодекс Москвы») [2]);

9) удостоверение доверенности от имени избирателя, участника референдума на получение открепительного удостоверения (ч. 6 ст. 62 Федерального закона № 67-ФЗ).

В Федеральном законе № 67-ФЗ и Федеральном законе № 19-ФЗ применяются термины «нотариальное удостоверение подписи» и «нотариальное удостоверение копии документа», тогда как согласно положениям Основ нотариус может только засвидетельствовать подлинность подписи лица и засвидетельствовать

верность копии документа. Таким образом, совершая данные действия, нотариусы руководствуются положениями ст. 77 и ст. 80 Основ соответственно.

Важнейшим вопросом при свидетельствовании подлинности подписи является проверка нотариусом содержания документа, на котором она свидетельствуется. С одной стороны, согласно ст. 80 Основ, совершая данное действие, нотариус не обязан проверять содержание документов, на которых свидетельствуется подлинность подписи, а только удостоверяет тот факт, что подпись на документе сделана определенным лицом. С другой стороны, это может привести к негативным последствиям, таким, например, как отказ избирательной комиссии в приеме документов вследствие обнаружения ошибки (в дате рождения, паспортных данных и др. сведениях о кандидатах) в заявлении о согласии баллотироваться, на котором была засвидетельствована подлинность подписи кандидата. На наш взгляд, исходя из превентивной функции нотариата, нотариусам при свидетельствовании подлинности подписи следует проверять соответствие данных, указанных в нотариально оформляемых документах, данным содержащимся в документах, предъявляемых нотариусу при совершении данного действия, а также соответствие нотариально оформляемых документов всем требованиям, установленным законодательными актами, которыми такие нотариальные действия предусмотрены (например, ч. 8.1 ст. 36 Федерального закона № 19-ФЗ, ч. 18 ст. 37 Федерального закона № 67-ФЗ).

Похожее мнение было высказано и Федеральной нотариальной палатой (далее по тексту – ФНП) в письме от 28.01.2011г №149/07-17 «Об оформлении нотариусами документов для субъектов избирательного процесса» (далее по тексту – письмо ФНП № 149/07-17) [5], где ФНП просила обратить внимание нотариусов на недопустимость расхождения данных, указанных в нотариально оформляемых документах, с данными, содержащимися в документах, предъявляемых нотариусу при совершении нотариального действия.

На практике уже возникали ситуации, когда основанием для отказа гражданину в регистрации в качестве кандидата служили пороки нотариально оформленного документа. Так, определением Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2011 г. № 46-Г11-32 правомерным был признан отказ в регистрации в качестве кандидата в связи с тем, что в представленном заявителем нотариально оформленном списке лиц, осуществляющих сбор подписей избирателей, не содержалось сведений о наименовании органов, выдавших паспорта указанным лицам [6].

Согласно ст. 40 Основ все вышеуказанные нотариальные действия могут совершаться любым нотариусом, а в некоторых случаях должностными лицами местного самоуправления. При совершении любого нотариального действия

нотариус устанавливает личность обратившегося за совершением нотариального действия гражданина, его представителя или представителя юридического лица. Установление личности указанных лиц производится на основании паспорта или других документов, которые исключают сомнения относительно их личности. Кроме того, при удостоверении доверенностей согласно ст. 43 Основ нотариусы также осуществляют проверку дееспособности граждан и правоспособности юридических лиц, обратившихся за совершением нотариального действия.

Таким образом, в основном необходимость совершения нотариальных действий в избирательном процессе возникает на стадии выдвижения и регистрации кандидата (списка кандидатов), однако некоторые нотариальные действия предусмотрены и на других стадиях избирательного процесса. Полагаем, что увеличение числа возможных нотариальных действий, которыми могут воспользоваться кандидаты, политические партии и избиратели в период избирательной кампании, позволит предотвратить возможные конфликтные ситуации на выборах и создать дополнительные гарантии для реализации гражданами своих избирательных прав, предусмотренных Конституцией Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Жуйков В.М. Нотариат как институт превентивного правосудия: общие цели, принципы и полномочия. – Режим доступа: СПС «Гарант». Дата обращения 03.04.2020.

2. Избирательный кодекс города Москвы : Закон г. Москвы от 06 июля 2005 года № 38. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 03.04.2020.

3. О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 10 января 2003 года №19-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 2. – Ст. 171. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 03.04.2020.

4. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 03.04.2020.

5. Об оформлении нотариусами документов для субъектов избирательного процесса : письмо Федеральной нотариальной палаты от 28 января 2011 года № 149/07-17. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения. 03.04.2020.

6. Определение Верховного Суда РФ от 28 ноября 2011 года по делу № 46-Г11-32. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 03.04.2020.

7. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате : Федеральный закон от 11 февраля 1993 года № 4462-1 // Российская газета. – 1993. – 13 марта. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 03.04.2020.

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ «ДНЯ ТИШИНЫ»
В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

© В.О. Карбутин

Научный руководитель: Д.С. Рымарев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Демократические выборы по своей сути являются возможностью привести к власти политические силы, которые выражают определенные политические взгляды или идеологии. Но для того, чтобы выбор избирателя был осознанным, необходимо донести до него содержание соответствующей политической программы. С этой ролью традиционно справляется предвыборная агитация. Пункт 4 ст. 2 Федерального закона от 12.06.2002 №6 7-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 67-ФЗ) [1] устанавливает определение предвыборной агитации. Под ней понимается деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список кандидатов или против него (них).

Более детально признаки предвыборной агитации перечислены в п. 2 ст. 48 ФЗ № 67-ФЗ. Стоит отметить подробность и проработанность данных критериев, в частности, включающих в себя, согласно подп. «г» пункта 2 указанной статьи, распространение информации обо всех участниках предвыборной агитации, но с преобладанием информации об одном из них или с наличием позитивных и негативных комментариев в адрес тех или иных кандидатов, избирательных объединений. Также стоит отметить то, что в действующем избирательном законодательстве указывается возможность проводить агитацию любыми другими не запрещенными законом методами (пп. «г» п. 3 ст. 48 ФЗ № 67-ФЗ). Однако у предвыборной агитации есть свои законодательные ограничения. И помимо достаточно очевидных законодательных запретов на использование экстремистской риторики (лозунгов) или использование материала, защищенного авторским правом, в российском избирательном праве присутствует ограничение агитационного периода. По общему правилу он начинается со дня выдвижения кандидата

(списка кандидатов), а в средствах массовой информации – за 28 дней до дня голосования, и завершается так называемым «днем тишины». Последний заключается в том, что за день до голосования и в день его проведения запрещается любая предвыборная агитация. Мотивом законодателя в данном случае выступает возможность дать избирателю принять решение о том, кому отдать свой голос на выборах, в условиях, свободных от «информационного шума», создаваемого кандидатами и политическими партиями.

Одной из причин, почему данная идея, несмотря на свои благие намерения, не слишком успешно реализуется и не может быть полноценно реализована в настоящее время, является массовое использование информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Если избирательные комиссии, на которые возложены обязанности по контролю за соблюдением правил предвыборной агитации, в том числе в «день тишины», могут отследить традиционные агитационные формы, количество которых в конечном счете ограничено, то отследить все интернет-ресурсы, на которых могут быть размещены агитационные материалы, не представляется возможным (даже с ресурсами ЦИК России, не говоря уже о региональных и местных избирательных комиссиях). Кроме того, федеральный законодатель, на наш взгляд, чрезмерно лояльно относится к агитационным материалам, размещенным ранее на рекламных конструкциях или иных стабильно размещенных объектах, разрешая оставлять их на своих местах (п. 4 ст. 49 ФЗ № 67-ФЗ).

В связи с обозначенными проблемами, неудивительно то, что не раз звучали предложения об отмене «дня тишины» в российском избирательном законодательстве. В частности, 13 апреля 2017 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен соответствующий законопроект. Пояснительная записка к данному законопроекту содержит в себе следующий комментарий: «Законодательное закрепление запрета предвыборной агитации за день до выборов характеризует и патерналистски-снисходительное отношение законодателя к российским избирателям, которые якобы настолько подвержены агитации, что если не дать им подумать в «день тишины», то они, скорее всего, не проголосуют в результате взвешенного обдумывания» [2]. Авторы законопроекта видели результатом его принятия повышение электоральной активности. При этом они ссылались на примеры Германии, Швеции и Великобритании, в которых аналогичное ограничение отсутствует. Также согласно результатам социологического исследования, проведенного С.Н. Слободчиковой, более 80 процентов опрошенных выступают за отмену данного ограничения, что в какой-то степени подтверждает мысль авторов законопроекта [3].

Представляется интересным также международный опыт правового регулирования данного вопроса. В США, например, в решении *Burson v. Freeman* (1992) Верховный Суд постановил, что в день выборов агитационные материалы не должны содержаться только на самих избирательных участках, в то время как любое иное ограничение будет противоречить Конституции США [4]. Некоторые страны, например, Австралия, ввели более широкие периоды электоральной тишины – 2 или 3 дня до дня голосования, включая сам день голосования [5].

Выводом данной статьи видится необходимость, если не полной отмены «дня тишины» в российском избирательном законодательстве, то как минимум снятие ограничений на Интернет-сегмент агитации, многочисленные нарушения в котором пресечь невозможно в силу объективных причин. В этом отношении, на наш взгляд, следует на законодательном уровне разрешить проведение предвыборной агитации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в день, предшествующий дню голосования, а также в день голосования.

Список использованных источников:

1. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ ред. от 01.04.2020 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу прекращения агитационного периода [Электронный ресурс] : законопроект №149797-7 от 13.04.2017 // Портал Государственной Думы РФ. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/>.

3. Слободчикова, С.Н. Свободные выборы как избирательный стандарт (Конституционно-правовое исследование) : дис. канд. юрид. наук : 12.00.02 / Слободчикова Светлана Николаевна. – Иркутск, 2019 г. – 218 с.

4. *Burson v. Freeman*, 504 U.S., 191 (1992) [Электронный ресурс] : Решение Верховного Суда США // Портал Верховного Суда США. – Режим доступа: <https://supreme.justia.com/>

5. Campaign Finance: Australia [Электронный ресурс] // Library of Congress. – Режим доступа: <https://www.loc.gov/>

**ПАРЛАМЕНТСКАЯ ОППОЗИЦИЯ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ**

© А.Ю. Ковалев

Научный руководитель: Д.С. Рымарев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Как отмечается в литературе, парламентская оппозиция представляет собой институт современного парламентаризма и вид политической оппозиции, демонстрирующий цивилизованное противостояние депутатов, депутатских групп, представительных органов и партий официальному политическому курсу. «Это необходимый элемент демократического общества, где основой его жизнедеятельности является политический плюрализм (многопартийность). Парламентская оппозиция своими действиями заявляет о своем принципиальном намерении бороться если не за власть, то как минимум за влияние на нее, завоевание голосов избирателей. Это качественный противовес политическим силам, находящимся у власти» [1, с. 4–6].

При демократических парламентарных режимах парламентская оппозиция имеет конкретный политико-правовой статус. В частности, конституцией страны и текущим законодательством могут быть определены организационные формы деятельности, задачи и функции, квоты представительства членов парламентской оппозиции в парламенте, условия финансового обеспечения лидеров парламентской оппозиции. При этом существуют различные формы и виды политической оппозиции: парламентская и не парламентская, лояльная и нелояльная, постоянно действующая и временная [2, с. 78–81].

Конкурирующая парламентская оппозиция является альтернативой политике, стратегии и тактике правящей партии, способом предотвращения опасной поляризации существующих в обществе сил, некомпетентности официального государственного руководства. Основой существования парламентской оппозиции является многопартийность (политический плюрализм), предполагающий свободное существование в обществе различных политических взглядов, школ, идеологий, политических партий и организаций с разными целями и программами. Политический плюрализм является закономерным следствием таких конституционных прав и свобод человека и гражданина, как свобода мысли и слова, свобода совести, прав на объединение, на политическое участие в движениях и организациях, и является важной конституционно-правовой гарантией деятельности парламентской оппозиции при закреплении в основном законе страны.

Так, ст. 13 Конституции Российской Федерации утверждает важность идеологического и политического многообразия, многопартийности и специально подчеркивает, что никакая идеология не может устанавливаться как государственная или обязательная. Гарантиями данного принципа являются запрет цензуры, свобода информации, издательской деятельности, преподавания. При этом палитру политического многообразия дополняют правовые предпосылки для создания в Российской Федерации общественных объединений, политических партий для участия в политической жизни [3].

С учетом провозглашения данного принципа в Конституции Российской Федерации определенный интерес для нашей страны может представлять опыт правового закрепления гарантий деятельности парламентской оппозиции в конституциях зарубежных стран.

Например, во Франции парламентская оппозиция в какой-то степени однородна, поскольку голосование там происходит на основе партийного деления, что приводит к совпадению формальной и реальной оппозиции, с не частыми исключениями в отдельных случаях.

Официальное признание политической оппозиции во Франции отсутствует, но фактически она функционирует, используя отдельные правовые нормы. Оппозиционный Кабинет Министров во Франции впервые был сформирован в 1981 году [4, с. 71–74].

Как указывает В.Е. Чиркин, в результате крупной конституционной реформы, которая была осуществлена Конституционным законом от 23 июля 2008 г. № 2008–724, статья 4 Конституции Франции 1958 г. была дополнена положением о том, что «закон гарантирует плюрализм в выражении мнений и равное участие партий и политических группировок в демократической жизни нации». Также в основной закон Французской Республики была включена ст. 51-1, устанавливающая норму о том, что «в регламентах палат парламента должны признаваться специфические права групп оппозиции и групп меньшинства». По мнению В.Е. Чиркина, это первая норма об оппозиции в данной Конституции [5, с. 103–104].

Как полагает В.Е. Чиркин, можно констатировать, что развитие института парламентской оппозиции во Франции происходил с «отставанием» от аналогичных процессов в Великобритании и ФРГ. По его мнению, это вызвано, скорее всего, постоянной трансформацией партийной системы этой страны, которая сдерживала партийную структуризацию как общества в целом, так и парламента в отдельности.

На наш взгляд, для Российской Федерации было бы позитивным перенять французский опыт функционирования парламентской оппозиции по отношению к политике, проводимой главой государства. Также представляет интерес

механизм участия парламентской оппозиции в деятельности парламента, который выражается в прямой трансляции дебатов с Правительством Франции. При этом вопросы от парламентского большинства и оппозиции данному органу должны чередоваться.

В ст. 114 Конституции Португалии в рамках конституционно-правовых гарантий деятельности оппозиции предусмотрено, что за меньшинством, которое составляют представители определенных политических партий в органах, сформированных путем выборов, признается «право на демократическую оппозицию», а за оппозиционными партиями в парламенте – «право на регулярное получение информации непосредственно от правительства». При этом в Португалии действует многопартийная система. Однако основная политическая борьба происходит между двумя партиями: социалистической и социал-демократической [6].

Таким образом, с провозглашением политического и идеологического многообразия как основы конституционного строя, необходимой для формирования политической системы страны, важно также создать на конституционном уровне особые гарантии деятельности парламентской оппозиции, которые не позволят нивелировать данный институт при смене политических сил в стране. Вместе с тем следует отметить, что хотя степень участия населения Российской Федерации в политической жизни страны значительно ниже, чем в большинстве европейских стран, Конституция Российской Федерации создает необходимую правовую основу для деятельности парламентской оппозиции в нашей стране.

Список использованных источников:

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стромм К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор: Учебное пособие: Пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 2012. – 537 с.
2. Бачинин, В.А. Политология: Энциклопедический словарь / В.А. Бачинин – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2015. – 288 с.
3. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 октября 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
4. Керимов, А. Д. О своеобразии государственной системы современной Франции / А.Д. Керимов // Государство и право. – 2015. – № 1. – С. 71–74.
5. Чиркин, В.Е. Вызовы современности и развитие французской конституции / В.Е. Чиркин // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2008. – № 1. – С. 100–

107. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyzovy-sovremennosti-i-razvitie-frantsuzskoy-konstitutsii>.

6. Португалия. Конституция и законодательные акты. М., 1979.

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕАМБУЛЫ КОНСТИТУЦИИ РФ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© И.Н. Кузнецов

Научный руководитель: И.В. Тепляшин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В настоящее время в Российской Федерации полным ходом идет конституционная реформа. Предлагаются соответствующие поправки в социальной сфере, в структуре, порядке формирования и взаимодействия высших органов государственной власти, создании новых властных структур (Государственного совета) и др. В данной работе обратим внимание на предложения о внесении изменений в преамбулу Конституции РФ.

Но, прежде чем перейти к рассмотрению предлагаемых поправок, необходимо определиться с тем, что преамбула является частью Конституции РФ. Преамбула (от лат. *praebulus* – идущий впереди, предшествующий) – вводная часть важного документа, определяющая повод его издания. Преамбула, как правило, отражает исторический момент принятия Конституции, пройденный страной, характеризует уровень развития общества [6]. Кроме того, преамбула отражает наиболее общие цели и задачи развития общества и в целом провозглашает принятие Конституции. Для преамбулы характерны такие признаки, как: доступность, краткость, общий характер, непротиворечивость, связь с общечеловеческими и национальными ценностями и т.д. [8].

Помимо сказанного, следует отметить и то, что преамбула не является чисто декларативным положением, напротив, она имеет юридическую силу наравне с другими положениями Конституции, вследствие чего на нее неоднократно ссылается в своих решениях Конституционный Суд РФ. К примеру, в Постановлении от 07.06.2000 № 10-П преамбула рассматривается в единстве с рядом других положений Конституции, для обоснования ее верховенства в правовой системе Российской Федерации, в том числе и в отношении правовых актов субъектов РФ [5]. Как справедливо отмечает Б.С. Эбзеев преамбула должна восприниматься судами в качестве оселка, при помощи которого оценивается адекватность толкования правовых норм [9, с. 2164].

На фоне процесса конституционных преобразований неизбежно возникает вопрос – каков статус преамбулы в части возможности внесения в нее изменений. В 2015 году предлагалось принять Федеральный закон, регулирующий порядок внесения изменений в преамбулу [3]. Однако, он был отклонен на основе заключения Комитета Государственной Думы по конституционному строительству и законодательству. В частности, указывалось на особую значимость преамбулы и ее неразрывной связи с 1 главой Конституции РФ, ввиду ее сущности – вводной части, отражающей все вышеуказанные аспекты принятия Основного закона. Из этого следует, что внесение изменений в преамбулу возможно только в особом порядке, предусмотренном статьей 135 Конституции РФ [1]. Особую роль преамбулы в своих решениях обозначает и Конституционный Суд РФ, с точки зрения которого основы конституционного строя коренятся как в преамбуле, так и в главе 1 Конституции РФ [9, с. 2164]. На сегодняшний день споры на этот счёт возобновились, в том числе в самой рабочей группе по подготовке поправок. Сопредседатель рабочей группы П.В. Крашенинников высказался о том, что внесение изменений в преамбулу возможно и допустимо [10]. С другой стороны, спустя некоторое время А.А. Клишас, сообщал о возможности внесения предлагаемых поправок в «основную» часть Конституции [11].

По прошествии почти 2 месяцев с момента создания в рабочей группе высказывался целый ряд предложений об изменении преамбулы. Рассмотрим некоторые из них. Имело место предложение закрепить понятие брака как союза мужчины и женщины. Высказывались идеи о закреплении за Россией статуса державы-победительницы во Второй мировой войне [12]. Также интерес представляют идеи относительно положений о вере в бога, ответственности государства за воспитание детей и многодетности [13].

Внесенные предложения представляются спорными и требуют научного осмысления.

Во-первых, само по себе внесение изменений в преамбулу вызывает определенные сомнения в своей правомерности и законности. Процедура никак не регулируется в законодательстве. При этом весомым аргументом в данном споре была бы позиция Конституционного Суда РФ, который до сегодняшнего дня никак не высказывался по данному вопросу.

Во-вторых, изменение преамбулы нарушает ее сущность, ее цель как вводной части к Конституции, отражающей исторические реалии момента принятия Основного закона. Ценность преамбулы заключается именно в том, что она закрепляет в самом общем виде те идеи, которые легли в основу принятия новой Конституции. С другой стороны, мнение о необходимости изменения преамбулы ввиду изменения тех самых идей с течением времени также представляется

заслуживающим внимания. Об этом в контексте всего Основного закона высказывался и С.А. Авакьян, считая принятие новой или изменение существующей Конституции символическим завершением определенной эпохи политического развития России [7, с. 43-44].

В-третьих, сами по себе предложенные положения уже и так глубоко укоренились в менталитете россиян и по большей части являются неотъемлемой частью мировоззрения наших соотечественников, что подтверждает в своем заключении и Конституционный Суд РФ [4, с. 16-18]. Закрепление их в Конституции РФ видится лишь как «отягощение» последней, ее переполнение положениями, которые не имеют собственно юридического значения и не нуждаются в дополнительном закреплении, помимо вышеописанного.

В итоге, однако, изменения в преамбулу внесены не были, но предлагаемые идеи получили свое воплощение в отдельных статьях Конституции, главным образом в ст. 67 [2, с. 3-4]. Так, конечная редакция, подписанная Президентом РФ, содержит в ч. 2 ст. 67 упоминание о вере в Бога, а ч. 3 говорит о защите исторической памяти и почитании памяти защитников Отечества. В ч. 4 указывается на приоритетность детей для политики России. Также брак получил законодательное закрепление в качестве союза мужчины и женщины, согласно п. «ж¹» ч. 1 ст. 72 [2, с. 7-8]. Все перечисленные изменения, согласно заключению Конституционного Суда РФ, содержательно в полной мере соответствуют главам 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации [4, с. 11-18].

Таким образом, законодатель пошел на компромисс, не изменяя преамбулу, но учтя предложения включил их в наиболее общем виде в основной текст Конституции РФ.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // URL: <http://consultant.ru>
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru>
3. Законопроект № 814077-6 О внесении изменений в Федеральный закон «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» (об установлении возможности изменять Преамбулу Конституции Российской Федерации) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/885214-7>

4. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16.03.2020 № 1-3 о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037>

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Конституционный Суд РФ URL: <http://www.ksrf.ru>

6. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – М., 2000. – 211 с.

7. Авакьян С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 31-44.

8. Артемьева Р.В. Преамбула к КРФ: нормативное содержание и проблемы реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. // URL: https://www.mosgu.ru/nauchnaya/publications/2007/abstract/Artemieva_RV

9. Кокотов А.Н. Право конституции в российском праве // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 10 (47). С. 2161-2168.

10. В Госдуме допустили внесение поправок в преамбулу Конституции // Интерфакс URL: <https://www.interfax.ru/russia/693050>

11. Рабочая группа по Конституции не планирует менять ее преамбулу / Москва, 25 февраля, ТАСС // URL: <https://tass.ru/politika/7830517>

12. Рабочая группа предложила больше ста новых поправок в Конституцию / Москва, 28 января, ИНТЕРФАКС // URL: <https://www.interfax.ru/russia/692963>

13. В преамбулу Конституции предлагают добавить слова о народе-победителе. Это законно? / 30 января, Русская служба Би-би-си // URL: <https://www.bbc.com/russian/features-51316020>

**ОПУБЛИКОВАНИЕ И ОБНАРОДОВАНИЕ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ АКТОВ**

© Д.М. Меньщикова

Научный руководитель: О.В. Роньжина

канд. юрид. наук

Сибирский Федеральный университет

Чтобы донести до субъектов правоотношений содержание норм права, которые им адресованы, должны существовать определенные процедуры. Важнейшей из таких процедур выступает официальное опубликование (обнародование).

Положения, согласно которым законы подлежат официальному опубликованию закреплены Конституцией РФ, в которой содержится запрет на применение законов, которые не были опубликованы определенным образом, а именно – официально и для всеобщего сведения. Аналогичные нормы предусмотрены ст. 47 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» для муниципальных нормативных актов, которые затрагивают права, свободы и обязанности человека и гражданина, устанавливают правовой статус организаций, учредителем которых выступает муниципальное образование.

В этой связи необходимо определиться с понятиями «опубликование» и «обнародование».

Упомянутой статьей предусмотрено, что официальным опубликованием муниципального правового акта считается первая публикация его полного текста в периодическом печатном издании, распространяемом в соответствующем муниципальном образовании. Кроме того, для официального опубликования (обнародования) муниципальных правовых актов и соглашений органы местного самоуправления вправе также использовать сетевое издание.

Определение понятия «обнародование» в данном Законе отсутствует.

Однако в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» дано его толкование. Так, проанализировав п. 31 данного постановления, можно дать описание содержания процедуры официального обнародования: это размещение текста правового акта в порядке, установленном уставом муниципального образования и правовыми актами представительного органа муниципального образования, в целях обеспечения права населения и

иных лиц, чьи права и свободы затрагивает принятый акт на ознакомление с его содержанием [6, с. 40].

Однако данное толкование всё еще не даёт ни точного определения, ни точного разграничения данных понятий. Во многих нормативных актах они рассматриваются как синонимы (как, например, в вышеупомянутой статье, где «обнародование» стоит в скобках).

Ни практика, ни теория не выработали единого подхода к данному вопросу.

Однако можно сказать, что традиционно опубликование рассматривают в качестве одного из способов (форм) обнародования (или, по-другому, оглашения) нормативных правовых актов.

Например, А.С. Пиголкин писал, что существуют и другие способы официального оглашения нормативного акта, например, официальная рассылка исполнителям акта, которые не подлежат опубликованию, вывешивание текста на видных местах, передача по радио и др. [5, с. 17].

И.Д. Тиновицкая и М.Н. Николаева указывали на то, что опубликование является наиболее эффективной формой обнародования [4, с. 41].

Таким образом, опубликование осуществляется, как и сказано в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ, путём размещения текста нормативного акта в печатном издании, а обнародование – иными способами доведения содержания акта до субъектов.

Иными способами обнародования, кроме опубликования, являются использование сетевого издания, а также вывешивание текста акта на стендах в общедоступных местах, передача по радио, телевидению, оглашение на собраниях граждан и др., хотя последние способы практически не используются в наше время и вряд ли можно сказать, что они доступны для ознакомления всеми лицами, чьи права данные акт затрагивает.

Именно поэтому основными источниками опубликования (обнародования) являются печатные и сетевые издания.

Примером официального печатного издания в г. Красноярск, в котором публикуются муниципальные правовые акты, является газета «Городские новости».

В современный информационный период наиболее важным источником правовой информации становятся именно сетевые издания. К тому же иные перечисленные выше способы предоставления информации требуют огромных финансовых и человеческих ресурсов. Более того, такие способы затрудняют процесс актуализации информации, содержащейся в них. Такая ситуация может привести к неправомерным действиям со стороны граждан и юридических лиц.

На сегодняшний день, любое лицо, имеющее доступ в сеть «Интернет», а это, по данным ВЦИОМ от 2019 года, 77 % граждан РФ, может в любое время

ознакомиться с опубликованной правовой информацией. Данная информация актуальная, т.к. постоянно обновляется по мере внесения законодателем поправок в нормативные правовые акты. Помимо действующих актов, лицо может также ознакомиться с устаревшими и даже еще не вступившими в силу правовыми актами.

В качестве официального сетевого издания в г. Красноярске используется Официальный интернет-портал правовой информации г. Красноярска – <http://pravo.admkrsk.ru>.

Стоит отметить, что сетевое издание — это не просто официальный сайт муниципального образования, оно должно быть обязательно зарегистрировано в качестве СМИ. При этом для признания его опубликованным, текст нормативного акта, выложенный в сетевом издании, должен соответствовать как форме самого нормативного акта, так и его особенностям отражения на бумажном носителе. Причем лицо должно иметь возможность не только внимательно прочитать текст акта, но и вернуться к уже прочитанному, сохранить или сделать его копию. Таким образом, в виде «бегущей строки» или иного способа быстрого отражения текстовой или графической передачи информации, текст акта представлен быть не может [1, с. 39].

Необходимо так же отметить, что в развитом демократическом государстве особое внимание придается тому, чтобы информация об изменениях в действующем законодательстве была доступна для ознакомления всеми его гражданами.

Так, например, формальное опубликование какого-либо нормативного акта в официально изданном источнике еще не говорит о том, что, как указано в Конституции РФ, данные акты доведены до всеобщего сведения. Это лишь создает предпосылку для потенциального ознакомления с текстом акта. Таким образом, данная информация может остаться недоступной гражданам, для которых она предназначалась. Об этом высказывался в своем Постановлении от 24.10.1996 г. № 17-П Конституционный Суд РФ. Граждане должны иметь возможность приобретения источника, в котором содержится текст нормативного акта, через организации торговли, либо бесплатного ознакомления с ним в библиотеках и т.п. [2, с. 109].

В связи с этим, формальный подход к установлению даты официального опубликования нормативного правового акта недопустим и противоречит самому принципу обнародования, изначально установленного Конституцией. При этом, не исключены ситуации, когда дата официального опубликования может быть установлена судом.

С развитием электронных сетевых технологий значительная часть социальной жизни перешла на электронные площадки, социальные сети. Использование

таких технологий позволит добиться прорывных результатов в распространении правовой информации, а именно, повышению правовой культуры граждан всей страны, снизить нагрузку на бюджет, максимально ускорить донесение до народных масс сути правовых актов, и, что не маловажно, позволит вывести на новый уровень такой инструмент, как обратная связь между обществом и властью и снизить социальную напряженность [3, с. 320].

Однако, чтобы полностью внедрить систему электронного предоставления информации для всех граждан, необходимо прежде всего обеспечить этим гражданам доступ в сеть «Интернет», что пока не достигнуто, а также научить пользоваться источниками этой информации. Действующее муниципальное законодательство не учитывает в полной мере эти обстоятельства, а потому нуждается в пересмотре установленного в настоящее время порядка официального опубликования и обнародования муниципальных правовых актов.

Список использованной источников:

1. Анциферов, Н.В. Понятие официального опубликования нормативного правового акта в конституционном праве России // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 29. С. 37-41.
2. Княгинин, К.Н. Правовая информация и проблемы обеспечения доступа к ней // Право и информация: вопросы теории и практики. 2019. С. 106-122.
3. Муниципальное правотворчество в IT-мерах антикоррупционной транспарентности : монография / Е.А. Акунченко, М.А. Волкова, П.А. Вырва и др.; под ред. И.А. Дамм, О.В. Роньжиной, Н.В. Щедрина. – М.: Проспект, 2020. – 352 с.
4. Николаева, М.Н. Подготовка, издание и опубликование ведомственных нормативных актов / М.Н. Николаева, И.Д. Тиновицкая // Закон и ведомственные нормативные акты в СССР. 1989. № 46. С. 33-47.
5. Пиголкин, А.С. Официальное оглашение нормативных актов – самостоятельная стадия правотворческого процесса // Правоведение. 1976. № 6. С. 16-23.
6. Роньжина, О.В. Развитие информационно-коммуникационных технологий на территориях муниципальных образований и доступ к информации о деятельности органов публичной власти // Право и информация: вопросы теории и практики. 2019. С. 27-42.

БАЛАНС ЧАСТНЫХ И ПУБЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ ПРИ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

© А.М. Морозов

Научный руководитель: А.А. Кондрашев

д-р юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Свобода слова является одной из основ демократического общества и важным элементом человеческого взаимодействия. Само по себе ограничение права является дискуссионной проблемой, но говоря об ограничении прав в сети Интернет, мы сталкиваемся с большим количеством трудностей, одной из которых, например, является анонимность пользователей – зачастую анонимно совершаются действия, нарушающие права других лиц, что должно влечь за собой наказание, но как можно наказать того, кого нельзя идентифицировать? В этой связи государство предпринимает попытки введения ограничений на осуществление права на свободу слова в сети Интернет. Подобные действия не приносят результатов и лишь усложняют ситуацию, так как некоторые виды деятельности в сети Интернет почти не поддаются регулированию.

Согласно ст. 29 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)[4], каждому гарантируется свобода мысли и слова (1); не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства (2); никто не может быть принужден к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (3); каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (4); гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается (5).

Ограничение прав допускается в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Ограничение права на свободу слова в сети Интернет рассматривается с позиции соотношения частных и публичных интересов.

Из положений ст. 2 Конституции РФ можно сделать вывод, что частные интересы ставятся выше публичных, о чем свидетельствует формулировка «являются высшей ценностью». В нашем законодательстве нет нормативного определения «частных интересов» и «публичных интересов», что несколько затрудняет исследование. Конституционный Суд в своих решениях также не дает четкого

определения указанным категориям, рассматривая публичные интересы сквозь призму указанных в ст. 55 Конституции РФ целей ограничения прав.

Многие авторы описывают свое видение «публичного интереса». Ю.А. Тихомиров, например, рассматривает публичный интерес как «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития»[5, с.55]. К.Ю. Тотьев пишет, что публичный интерес можно рассматривать как жизненно необходимое состояние больших социальных групп (включая общество в целом), обязанность по реализации которого лежит на государстве[6]. Публичный интерес можно рассматривать как защищаемый государством, регулируемый правовыми нормами, интерес общества (в том числе и небольших социальных групп), имеющий значение для его сохранения и развития. Говоря о соотношении публичного и государственного интересов я придерживаюсь мнения, что государственный интерес, отображающий интерес общества, есть публичный.

Частный интерес принадлежит отдельному лицу и возникает по поводу определенной ценности. К сожалению, стоит отметить, что в современных условиях ограничение свободы слова в Интернете осуществляется в качестве недопущения неугодных высказываний в отношении власти и отдельных ее представителей, прикрываясь категорией публичных интересов.

Баланс частных и публичных интересов имеет значение при оценке правомерности налагаемых ограничений. При реализации права на свободу слова конкретного лица, могут быть затронуты интересы определенной общности людей, что приводит к необходимости определения баланса и оценке введенных ограничений. Концепция получила применение в решениях ЕСПЧ, который оказывает определенное влияние на национальные правовые системы, что не раз отмечалось Конституционным Судом РФ. ЕСПЧ разработал тест для определения правомерности вмешательства в осуществление прав человека по ст. 10 Европейской конвенции:

- Ограничения должны быть предусмотрены законом. При рассмотрении данного критерия Суд оценивает качество закона, на основании которого было наложено ограничение, закон должен быть доступным, предсказуемым, ясно указывать объем дискреционных полномочий компетентных органов и способ их использования для обеспечения лицу адекватной защиты от произвольного вмешательства;

- Ограничения должны быть необходимы в демократическом обществе. В данном случае происходит поиск баланса между публичными и частными интересами. Ст. 10 Европейской конвенции защищает не только «положительную» с точки зрения закона информацию, но также и ту, что вызывает возмущение и

носит критический характер. В демократическом обществе необходимо соблюдение требований терпимости и плюрализма. Так, согласно тесту пропорциональности в деле *Belkacem v. Belgium* [7] Судом было указано, хоть в практике и был признан выдающийся и существенный характер свободы выражения мнений в демократическом обществе, но также были определены и пределы, а также некоторые заявления, исключенные из защиты упомянутой статьи.

В деле *Каблис против России* [1] заявитель, после подачи в органы власти заявления о проведении пикета, с целью обсуждения важных вопросов политического характера, опубликовал несколько записей в своем блоге, написав о целях пикета, а также подверг критике вопрос о назначении губернатора. Позже был опубликован пост с информацией об отсутствии разрешения на проведение публичного мероприятия. По приказу Генеральной прокуратуры РФ доступ к записям пользователя был ограничен, а сам аккаунт в социальной сети заблокирован. ЕСПЧ указал, что свобода выражения представляет собой одну из основ демократического общества и одно из основных условий его прогресса, а также самореализации каждого человека. Осуществляемое Интернет-пользователями активное выражение своей позиции в Интернете предоставляет небывалую до селе платформу для осуществления свободы выражения мнений [2]. Кроме того, в данном деле Суд отметил, что для вмешательства государства недостаточно факта подпадания предмета вмешательства под действие конкретной правовой нормы, сформулированной в общих или абсолютных понятиях, вместо этого требуется наличие необходимости вмешательства в конкретных обстоятельствах. Как было указано Судом, п. 2 ст. 10 Конвенции [3] не предоставляет возможностей для ограничения политических высказываний или выражения мнений по вопросам, представляющим собой предмет общественного интереса.

В целях установления справедливого баланса между конкурирующими интересами необходима система четких правил, ясных и не допускающих злоупотребления при ограничении прав. Сами по себе ограничения являются крайней мерой вмешательства государства в осуществление права, а потому для их введения необходимо проводить всестороннюю проверку фактических обстоятельств каждого конкретного дела. Одним из возможных путей решения данной проблемы могло бы стать принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащего разъяснения случаев конфликтов частных и публичных интересов, а также принципов, которыми судам надлежит руководствоваться при установлении баланса между ними.

Список использованных источников:

1. Каблис против России. Жалобы №№ 48310/16 и 59663/17. Постановление ЕСПЧ от 30 апреля 2019 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://european-court-help.ru/delo-%E2%84%96%E2%84%96-48310-16-i-59663-17-kablis-protiv-rossii/>
2. «Компания «Делфи АС» (Delfi AS) против Эстонии». Жалоба № 64569/09. Постановление ЕСПЧ от 16 июня 2015 [Электронный ресурс] – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=446110#043102256391252347>
3. «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/
4. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
5. Тихомиров Ю.А. Публичное право. Учебник. – М.: Издательство БЕК, 1995.
6. Тотьев К.Ю. Публичный интерес в правовой доктрине и законодательстве [Электронный ресурс] – URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/k&t69980ob/direct/73593802>
7. Belkacem v. Belgium. Жалоба 34367/14. Постановление ЕСПЧ от 20 июля 2017 г. [Электронный ресурс] – URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng-press?i=003-5795519-7372789>

ПРЕДЕЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА КВАЛИФИЦИРОВАННУЮ ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА И КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© И.Ю. Пузынин

Научный руководитель: Д.С. Рымарев

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Статья 48 Конституции Российской Федерации гласит: «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента

соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения.» [1]. При рассмотрении вопроса о пределах реализации права на квалифицированную юридическую помощь следует обратить внимание как на российское законодательство и акты высших судов России, раскрывающие и толкующие это право, так и на позиции и стандарты, выработанные в отношении этого права Европейским судом по правам человека (далее – ЕСПЧ, Европейский Суд).

В постановлениях ЕСПЧ по делам о нарушении прав, охраняемых Конвенцией о защите прав человека и основных свобод [2] (далее – Конвенция), как правило, речь может идти о праве на справедливое судебное разбирательство (статья 6 Конвенции), праве на эффективное средство правовой защиты (статья 13 Конвенции). Вместе с этим само по себе право, предусмотренное статьей 13 Конвенции, является связанным, поэтому оно может рассматриваться только в связи с нарушением других прав, предусмотренных Конвенцией. Особый интерес в этой связи представляет дело Сакит Захидова против Азербайджана (*Sakit Zahidov v. Azerbaijan*). Оно затрагивает оба права, предусмотренных статьями 6 и 13 Конвенции. Сакит Захидов был задержан по подозрению в незаконном хранении наркотиков. Однако, обыск подозреваемого и изъятие наркотиков были проведены спустя продолжительное время (около 20 минут) после задержания и транспортировки на служебном автомобиле сотрудников правоохранительных органов. Заявитель в рамках национального суда, а также в жалобе в Европейский Суд выдвинул утверждение о том, что наркотики были ему подкинuty. По мнению ЕСПЧ, вывод о виновности заявителя был основан исключительно на вещественном доказательстве, без которого прийти к такому выводу было бы невозможно [3].

Европейский Суд в данном деле рассмотрел существо права, предусмотренного статьей 6 Конвенции, в двух аспектах. С одной стороны, насколько качественным было само доказательство (в том числе его достоверность), с другой стороны – была ли у заявителя возможность оспорить данное доказательство в процессе. Так, основные правовые позиции ЕСПЧ по первому вопросу заключаются в том, что промежуток времени около 20 минут, прошедших с момента задержания до обыска, вызывает обоснованное опасение, что доказательство было подброшено. Это вызвано, в том числе, тем, что заявитель все это время находился под полным контролем сотрудников полиции. Также, по мнению Европейского Суда, нет никаких оснований полагать, что какие-либо особые обстоятельства делали невозможным проведение обыска немедленно после задержания заявителя.

Что касается возможности оспаривания заявителем достоверности доказательства, Европейский Суд пришел к выводу, что заявителю не была предоставлена возможность поднять данный вопрос, поскольку его претензии на этот счет

не были рассмотрены национальными судами без приведения соответствующего обоснования. Принимая во внимание обозначенные правовые позиции, ЕСПЧ пришел к выводу о нарушении статьи 6 Конвенции. Исходя из данного Европейским Судом толкования рассматриваемого права, крайне важным является правильное определение того момента, когда в дело может и должен вступить защитник, а также понимание в этом контексте того, как должны производиться следственные действия в отношении лица.

Говоря о российской практике реализации права на квалифицированную юридическую помощь, следует прежде всего отметить пункт 17 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8, в котором отмечено, что в соответствии с ч. 2 ст. 48 Конституции РФ и на основании п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ каждое лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы этого лица [4].

Таким образом, Верховный Суд РФ обращает внимание на то, что каждое лицо, которое даже до возбуждения в отношении него уголовного дела подверглось изобличающему воздействию правоохранительной системы, имеет право на помощь адвоката.

Об этом также говорится в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П по жалобе гражданина В. И. Маслова. Из указанного обращения заявителя следует что в рамках расследования по уголовному делу, был произведен обыск по месту жительства гражданина В. И. Маслова, после чего он был принудительно доставлен в региональное управление по борьбе с организованной преступностью, где удерживался более 16 часов. За это время в отношении него был проведен ряд других следственных действий (опознание, допрос в качестве свидетеля, очная ставка). В ответ на ходатайство В.И. Маслова об обеспечении помощи адвоката следователь разъяснил ему, что в соответствии с частью первой статьи 47 УПК РСФСР такая помощь предоставляется только обвиняемому (с момента предъявления обвинения) и подозреваемому (с момента объявления ему протокола задержания или постановления о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу). Поскольку В.И. Маслов в данный момент по своему процессуальному положению является свидетелем, его просьба не может быть удовлетворена. Протокол задержания в качестве подозреваемого был объявлен В.И. Маслову после того, как он уже длительное время находился в положении фактически задержанного и в отношении него были проведены упомянутые выше следственные действия [5]. Рассмотрев данное дело, Конституционный Суд РФ отметил, что лицо, в отношении которого

производятся изобличающие его действия, должно обладать правом на юридическую помощь не только с момента придания ему официального процессуального статуса, предусматривающего обеспечения ему права на защиту, но и с момента начала таких изобличающих действий.

Конституция Российской Федерации определяет начальный, но не конечный момент осуществления обвиняемым права на помощь адвоката (защитника). Данное право должно обеспечиваться ему на всех стадиях уголовного процесса, в том числе при производстве в надзорной инстанции, а также при исполнении приговора. Само по себе осуждение лица за совершенное преступление и даже назначение ему в качестве наказания лишения свободы не могут признаваться достаточным основанием для ограничения его в праве на защиту своих прав и законных интересов путем обжалования приговора и других решений по уголовному делу, заявления ходатайств о смягчении назначенного по приговору суда наказания, возражения против представления администрации учреждения, исполняющего наказание, об изменении назначенного судом наказания на более тяжкое или об изменении режима отбывания наказания.

Таким образом, пределы реализации права на квалифицированную юридическую помощь не могут и не должны ограничиваться формальными рамками возбужденного уголовного дела. Любое лицо, в отношении которого совершаются действия, носящие изобличающий характер, имеет право на вступление в это дело адвоката. Исходя из установленных в российском законодательстве начальных пределов этого права, следует сделать вывод, что лицо может реализовывать данное право как на стадии производства его дела в надзорной инстанции, так и при исполнении приговора. При это не имеет значения, в каком режиме лицо отбывает наказание и в каких условиях содержания находится.

Список использованных источников:

1. Конституция Российской Федерации : принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 октября 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.
3. Sakit Zahidov v. Azerbaijan : European Court of Human Rights' Judgment of 2 February 2016, (№51164/07) // European Court of Human Rights' Official Database «HUDOC». – URL: <http://www.hudoc.echr.coe.int> (дата обращения: 10.04.2020).

4. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.04.2020).

5. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова : постановление Конституционного суда Российской Федерации от 27 июня 2000 № 11-П // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 10.04.2020).

ОБЩЕРОССИЙСКОЕ ГОЛОСОВАНИЕ КАК НОВАЯ ФОРМА ВСЕНАРОДНОГО ГОЛОСОВАНИЯ

© С.С. Сытник

Научный руководитель: И.В. Тепляшин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

В настоящее время широко обсуждается предстоящее внесение изменений в действующую Конституцию РФ (далее – КРФ). Дискуссия охватывает не только содержательные аспекты изменений, но и процедуру принятия данных поправок.

В соответствии со ст. 136 КРФ [3] поправки к главам 3-8 принимаются в порядке, предусмотренном для принятия ФКЗ. Порядок принятия и вступления в силу поправок к КРФ урегулирован ФЗ от 04.03.1998 № 33-ФЗ «О порядке принятия и вступления в силу поправок к КРФ» (далее – Закон о порядке принятия и вступления в силу поправок) [7]. Из приведенного конституционного положения, а также положений названного Федерального закона следует, что процедура принятия поправок не предусматривает проведение референдума, всенародного голосования.

Взаимосвязанные изменения конституционного текста охватываются одним законом РФ о поправке к КРФ, получающим наименование, отражающее суть данной поправки [6]. В связи с этим, чтобы охватить все поправки, касающиеся разных положений КРФ, необходимо принятие нескольких законов РФ о поправке к КРФ [1].

Президентом РФ было подписано распоряжение от 14.02.2020 №32-рп об организации подготовки проведения общероссийского голосования по вопросу

одобрения изменений в КРФ [13], принят ФЗ от 27.02.20 №27-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» [5].

Позднее был принят Закон РФ о поправке к КРФ от 14.03.2020 №1-ФЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» (далее – Закон о поправке) [11].

Закон о поправке закрепил особый порядок вступления в силу предложенных изменений в КРФ. Так, для вступления в силу поправок необходимо: 1) заключение Конституционного Суда РФ о соответствии положениям глав 1,2 и 9 КРФ поправок, а также порядка их вступления в силу; 2) проведение общероссийского голосования; 3) официальное опубликование результатов общероссийского голосования (изменения должны получить одобрение на голосовании).

Конституционный Суд РФ в своем заключении от 16 марта 2020 № 1-3 [12] отметил, что общероссийское голосование представляет собой форму непосредственного народного волеизъявления при принятии государственного решения и не заменяет собой реализацию в порядке статьи 136 КРФ правомочий Федерального Собрания и органов законодательной власти субъектов РФ. Проведение общероссийского голосования, целью которого является конституционная легитимация решения, отвечает принципу народовластия, являющимся одной из важнейших основ конституционного строя.

Представляется интересным соотношение новой процедуры «общероссийское голосование» с уже существующими институтами референдума и всенародного голосования.

Референдум, согласно ст. 1 ФЗ от 28.06.2004 № 5 «О референдуме Российской Федерации» – всенародное голосование граждан РФ, обладающих правом на участие в референдуме, по вопросам государственного значения [9]. Представляется, что референдум необходимо рассматривать как одну из форм всенародного голосования. Так, всенародное голосование может проходить: 1) в форме референдума; 2) в иной форме (всенародное голосование по проекту новой КРФ по смыслу ч.3 ст. 135 КРФ и п.1 ст.6 Закона о референдуме).

Истории известно иное, отличное от указанных форм всенародное голосование по проекту КРФ 12.12.1993 г., имеющее сходство с референдумом, но не тождественное ему. Справедливо отмечается, что всенародное голосование 12.12.1993 г. не было референдумом [2, с. 45]. Причины этого следующие: во-первых, оно проводилось в соответствии с Положением, утвержденным Указом Президента РФ от 15.10.1993 г. [8]; во-вторых, право назначения референдума принадлежало Съезду народных депутатов РФ, а в период между Съездами – Верховному Совету РФ, всенародное голосование было назначено Президентом РФ; в-третьих, существуют различия и в определении результатов: согласно ч.4 ст. 35

Закона РСФСР от 16.10.1990 №241-1 «О референдуме РСФСР» [9], решения считаются принятыми, если за них проголосовало более половины граждан РСФСР, внесенных в списки для участия в референдуме, напротив, п. 2 ст.22 Положения закреплял, что КРФ считается принятой, если за ее принятие проголосовало более 50 процентов избирателей, принявших участие в голосовании. Следует упомянуть, что существует иной подход к природе всенародного голосования по проекту КРФ 12.12.1993 г.: предполагается, что КРФ 1993 была вынесена на референдум, но с изменением требований к порядку определения результатов референдума [1, с. 32].

Сравнив институт референдума и всенародное голосование по проекту КРФ 12.12.1993 г., можно выявить ряд существенных различий в правовом регулировании, субъектах назначения, определении результатов, из чего следует, что всенародное голосование по проекту КРФ 12.12.1993 г. не являлось референдумом.

Кроме того, вероятно, не является референдумом и процедура всенародного голосования, предусмотренная ч.3 ст. 135 КРФ и п.1 ст. 6 Закона о референдуме. Так, предметом всенародного голосования может быть только проект новой КРФ; субъект, уполномоченным вынести на всенародное голосование проект новой КРФ – Конституционное Собрание; порядок проведения определяется ФКЗ, принятым в соответствии со ст. 135 КРФ; согласно ч. 3 ст. 135 КРФ для принятия КРФ необходимо, чтобы за нее проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании, при условии, что в нем приняло участие более половины избирателей (аналогичный порядок определения результатов был закреплен в Положении о Всенародном голосовании по проекту КРФ 12.12.1993 г.).

Исходя из вышесказанного, любой референдум – это всенародное голосование или голосование всего населения определенной территории, но не всякое всенародное голосование может выступать в форме референдума [4, с. 403].

Общероссийское голосование не является референдумом [10]. Во-первых, на порядок проведения общероссийского голосования не распространяется Закон о референдуме. Согласно распоряжению Президента РФ от 14.02.2020 [13] и Закону о поправке [11], организация подготовки проведения общероссийского голосования по вопросу изменений в КРФ возложена на ЦИК РФ. Во-вторых, общероссийское голосование назначает Президент РФ, что исключено при проведении референдума. В-третьих, на референдуме граждане принимают решение, предметом общероссийского голосования является одобрение уже принятого решения.

Кроме того, общероссийское голосование нельзя отождествлять со всенародным голосованием (ч. 3 ст. 135 КРФ, п. 1 ст. 6 Закона о референдуме). Природа общероссийского голосования характеризуется некоторыми особенностями. Так,

предметом общероссийского голосования является одобрение изменений, которые уже приняты, но не вступили в силу. Всесоюзный референдум 17.03.1991 и Всероссийский референдум 25.04.1993, а также всенародное голосование по проекту КРФ 12.12.1993 г. были направлены на принятие решения, носящее общеобязательный характер.

Таким образом, общероссийское голосование необходимо рассматривать как новую форму всенародного голосования, отличную от уже существующих форм: референдума, всенародного голосования по проекту КРФ, имеющую свои отличительные особенности в правовом регулировании; субъектном составе; порядке вступления в силу.

Список использованных источников:

1. Авакьян, С.А. Проекты законов о поправках к Конституции Российской Федерации: грядет раунд четвертый?/С.А. Авакьян// Конституционное и муниципальное право.2020.№ 1.С. 31-44.

2. Колюшин, Е.И. Конституционное (государственное) право России: Курс лекций. М.: Изд-во МГУ, 1999. 381 с.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (ред.21.07.2014) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

4. Кочев, В.А., Ромашов, П.А. Конституционно-правовая природа института референдума // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. Вып. 45. С. 386-417.

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: ФЗ от 27.02.2020 № 27-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 9.Ст. 1119.

6. О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации: ФЗ от 4.03.1998 №33-ФЗ (ред.08.03.2015) // СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.

7. О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации : ФЗ от 4.03.1998 №33-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 10. Ст. 1146.

8. О проведении всенародного голосования по проекту Конституции Российской Федерации: указ Президента РФ 15.10.1993 № 1633 // Российские вести. № 204. 21.10.1993.

9. О референдуме Российской Федерации: ФКЗ от 28.06.2004 № 5-ФКЗ (ред. 18.06.2017) // СЗ РФ. 2004. № 27. Ст. 2710.

10. О референдуме РСФСР: Закон РСФСР от 16.10.1990 № 241-1 // СПС «КонсультантПлюс».

11. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 №1-ФКЗ // СЗ РФ. 2020. № 11. Ст. 1416.

12. О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации : Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 // Российская газета. 2020. № 56.

13. Об обеспечении участия граждан Российской Федерации в решении вопросов о внесении изменений в Конституцию Российской Федерации: распоряжение Президента РФ от 14.02.2020 № 32-рп // СЗ РФ. 2020. № 7. Ст. 822.

МИГРАЦИОННАЯ ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

© Ф.Т. Уматкулова

Научный руководитель: И.В. Тепляшин

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Современный мир характеризуется системным перемещением товаров, услуг, технологий и людей через суверенные границы государств. Во всем мире 272 миллиона человек, или 3,5 % мирового населения, живут за пределами страны своего рождения [1, с. 44]. Численность мигрантов на территории Российской Федерации с каждым годом растет, в силу этого можно говорить о формировании миграционной правовой политики, что является одним из приоритетных направлений в политической и экономической деятельности нашего государства. Осуществляется она в рамках «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы», в которой Россия ставит перед собой такие задачи, как стимулирование для переселения в Россию на постоянное место жительства, соотечественников, проживающих за рубежом, содействие их адаптации, а также борьба с незаконной миграцией и т.д. [2]. Все же стоит отметить, что миграционная привлекательность России по сравнению с другими странами, принимающими мигрантов, невысока и распространяется преимущественно на граждан государств – участников Содружества Независимых

Государств.

Так, согласно докладу Международной организации по миграции за 2018 год, первое место по числу мигрантов из европейских стран заняла Германия — более 13 млн. человек. Во Франции и Великобритании по 9,5 млн., в Италии и в Испании около 6 млн. [3, с. 219].

Департамент по экономическим и социальным вопросам ООН (далее ДЭСВ ООН) является одним из центральных учреждений Секретариата ООН. Статистический отдел ДЭСВ ООН производит оценку численности международных мигрантов во всем мире, основываясь на данных, предоставленных государствами.

В рекомендациях ООН по статистике международной миграции дается определение понятия «мигрант» как любого лица, изменившего свою страну обычного проживания. В этих рекомендациях подчеркивается, что мигрантов необходимо различать от «краткосрочных мигрантов» (те, кто сменил страну своего обычного проживания не менее чем на три месяца, но менее одного года) и «долгосрочных мигрантов» (те, кто сделал это хотя бы на один год).

Глава ДЭСВ ООН Лю Чжэньминь считает, что не все страны используют данные определения на практике. Эти различия в понятиях и определениях, а также в методологии сбора данных между странами препятствуют полной сопоставимости национальных данных со статистическими данными о международных мигрантах [4].

По данным Росстата, с 2000 года по настоящее время миграционный прирост в значительной степени компенсировал естественную убыль населения. Число прибывших на территорию России иностранных граждан в 2018 году составило более 3 млн. человек [5].

Выработкой миграционной политики России занимаются самые различные органы государственной власти. Среди этих государственных структур особое место отводится Президенту Российской Федерации и органам, создаваемым при главе государства (Комиссии по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации и др.). Также представленные вопросы реализуются МВД России, МИД России, дипломатическими представительствами и консульскими учреждениями, находящиеся другими федеральными органами исполнительной власти (например, Департамент занятости и трудовой миграции при Федеральной службе по труду и занятости).

Российская Федерация, как и любое иное государство, стремится обеспечить национальную безопасность, максимальную защищенность, комфортность и благополучие всего населения. Исходя из этого, в настоящее время правовую основу национального миграционного законодательства Российской Федерации составляют следующие источники: Конституция Российской Федерации, федеральный

закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», федеральный закон от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах», федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных», указ Президента Российской Федерации «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы».

Кроме того, в 2019 году на Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ был разработан Миграционный кодекс СНГ – систематизированный правовой акт рекомендательного характера. Данный акт состоит из 25 глав и закрепляет правовое положение иностранных граждан на территории государств-участников СНГ, принципы внутренней и внешней миграции, порядок въезда и выезда, налогообложение и госпошлины, социальное обеспечение мигрантов и пр. [6].

В свою очередь специалисты в области миграционного права уверены в необходимости принятия Миграционного кодекса Российской Федерации, так как подобный кодифицированный нормативный правовой акт обеспечит внутрисистемное единство миграционного законодательства, повысит его эффективность [7, с. 204-205]. Кроме этого, действующее законодательство не содержит соответствующих терминов: «мигрант», «миграция», «миграционная политика», а также не закрепляет в полной мере классификацию миграции [8, с. 9-11].

Полагаем, что принятие Миграционного кодекса в Российской Федерации может способствовать упорядочению и согласованности нормативно правовых источников, исключению устаревших и дублирующих себя норм, что благоприятно отразится в будущем на взаимоотношениях между органами власти, гражданским обществом и мигрантами.

Таким образом, миграционные процессы играют значимую роль в социально – экономическом и демографическом развитии Российской Федерации. Национальная миграционная правовая политика это комплекс организационно-управленческих, информационно-идеологических и правовых мер, направленных на обеспечение эффективной реализации миграционного законодательства, укрепление национальной безопасности и формированию условий для положительных миграционных процессов. В специальной литературе также подчеркивается задача стабилизации и увеличения численности постоянного населения России, содействие российской экономике в рабочей силе, инновационное развитие и повышение конкурентоспособности её отраслей [9, с. 26]. В целом, миграционная правовая политика знаменует совершенно новый вид системных мероприятий и решений, обеспечивающих развитие процессов формирования миграции, а

также дает возможность более качественно развивать систему миграционного законодательства Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. World Migration Report 2020 // International Organization for Migration. 2019. № 1. 498 p.
2. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 45. Ст. 6917.
3. World Migration Report 2018 // International Organization for Migration. 2017. № 1. 364 p.
4. Официальный сайт Департамента по экономическим и социальным вопросам // URL: <http://www.un.org>
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики // URL: <http://www.gks.ru>
6. Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств // URL: <http://iacis.ru>
7. Константинов А.В., Дульнев М.В. Миграционный кодекс Российской Федерации как результат систематизации миграционного законодательства // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 203-206.
8. Андриченко Л.В. Миграционное законодательство в системе российского законодательства // Журнал российского права. 2018. № 3. С. 5-16.
9. Цинделиани И.А., Никифорова И.А. Миграционное право России: учебник для бакалавров / под ред. И.А. Цинделиани – М.: Проспект, 2018. – 464 с.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА**

**СИСТЕМА МЕДИКО-СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ:
АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

© В.А. Алесов

**Научный руководитель: А.Ф. Васильева
канд. юрид. наук**

Сибирский федеральный университет

Правовая основа современной службы медико-социальной экспертизы в России была заложена Федеральным законом от 24.11.1995 г. №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Система государственных учреждений медико-социальной экспертизы (далее-МСЭ) на протяжении двадцати пяти лет своего существования постоянно совершенствуется, изменяется в поиске наиболее оптимальной модели, а также согласования частного, общественного, государственного интереса.

Органы исполнительной власти осуществляют общее руководство деятельностью системы МСЭ, разрабатывают и принимают приказы, регламенты, утверждают критерии, а также комплекс иных документов как нормативного, так и организационного характера. Это необходимо, прежде всего, для защиты прав и законных интересов граждан, обращающихся в бюро МСЭ в целях получения государственной услуги и, как её результат, установления различных юридических фактов. Специалисты МСЭ принимают индивидуальные правовые акты, имеющие большое социально-юридическое значение в вопросах, касающихся оценки здоровья граждан (наличия или отсутствия инвалидности), а также необходимости применения конкретных реабилитационных мер и мер социальной поддержки. Таким образом, МСЭ может быть реализована и иметь правовые последствия благодаря комплексу административно-правовых процедур, закрепленных в законах и иных нормативных-правовых актах, обеспечивающих согласованные действия субъектов по реализации соответствующих функций, полномочий и компетенций.

МСЭ представляет собой важную часть механизма реализации социальной функции государства. Поэтому изучение государственного управления социальной сферой в рамках административного права не может дать полную картину без подробного анализа административной правосубъектности элементов, составляющих систему МСЭ. К ним можно отнести, во-первых, руководящие федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, во-вторых, бюро МСЭ, существующие в организационно-правовой

форме федеральных казённых учреждений и непосредственно осуществляющие полномочия по проведению МСЭ.

В соответствии с пунктом 1 Приказа Министерства труда и социальной защиты России от 11.10.2012 г. № 310н «Об утверждении Порядка организации и деятельности федеральных государственных учреждений медико-социальной экспертизы» единая система учреждений МСЭ включает в себя Федеральное бюро МСЭ, главные бюро МСЭ по соответствующему субъекту Российской Федерации, а также бюро МСЭ в городах и районах, являющимися филиалами главных бюро. Каждое учреждение МСЭ состоит из экспертных составов общего и специального профиля.

Вопросы правового положения госучреждений в системе государственного управления остаются актуальными в отечественной науке административного права, а также практике правового регулирования. Эти субъекты являются частью механизма реализации функций государства в установленной сфере общественных отношений [2, С. 56-63]. Они выступают в качестве своеобразного организационно-правового инструмента, с помощью которого конкретный орган исполнительной власти оказывает государственные услуги, а также осуществляет иные полномочия в области, требующей специальных знаний и компетенций. Тем самым реализуются отдельные функции государства, связанные с важными социально-экономическими потребностями общества, а министерство, его главный аппарат и руководство сосредоточено на принятии административно-управленческих и иных решений.

МСЭ, как один из видов медицинских экспертиз, предусмотренных федеральным законом, представляет собой комплекс мероприятий, направленных на установление у лица инвалидности и определению у него в установленном порядке потребности в мерах социальной защиты. По своей правовой природе она урегулирована в законодательстве в качестве государственной услуги, порядок организации которой определен Приказом Министерства труда России от 29.01.2014 № 59н «Об утверждении Административного регламента по предоставлению государственной услуги по проведению медико-социальной экспертизы».

Система МСЭ имеет двойственную правовую природу, обусловленную её социальным назначением и набором функций и полномочий, которые ей были переданы государством. С одной стороны, такие учреждения наделены правом медицинского вмешательства в целях «оценки ограничений жизнедеятельности, вызванных стойким расстройством функций организма», на что требуется специальное согласие гражданина. С другой стороны, Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» устанавливает требование, согласно которому соответствующие учреждения были

подведомственны федеральному органу исполнительной власти, осуществляющему функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере социальной защиты населения, которым в настоящее время является Министерство труда и социальной защиты России. Таким образом, Бюро МСЭ имеет признаки как медицинского учреждения, так и органа социальной защиты.

Двойственность правового положения федеральных бюро МСЭ отражается на деятельности этих учреждений и задачах, стоящих перед ними. Так по итогам проведения МСЭ в отношении конкретного лица специалистам экспертного состава необходимо установить несколько юридически значимых обстоятельств, влияющих на принятие итогового решения о присвоении группы инвалидности или отказе в её присвоении. Их можно разделить на две группы: 1) обстоятельства, необходимые для оценки состояния здоровья гражданина; 2) обстоятельства, касающиеся определения мер социального обеспечения.

В управленческой системе взаимоотношений с участием федерального министерства и подведомственных ему учреждений качество исполнения функции нормативно-правового регулирования играет важную роль. От этого зависит как надлежащее состояние системы учреждений МСЭ, выполнение ею вышеназванных задач, так и уровень удовлетворенности граждан от получения самой государственной услуги. Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 № 95 «О порядке и условиях признания лица инвалидом» предусматривает, что признание лица инвалидом осуществляется на основе классификаций и критериев, утверждаемых Министерством труда и социальной защиты России. Юрико-техническое использование категории «утверждает» не даёт представление о процессе разработки этого документа, требующего глубокой научной обоснованности и проработки специалистами в области медицины и социальной работы, что необходимо для приведения российского законодательства к международному стандарту выявления инвалидности в структуре населения [3, С. 22-43]. Следовательно, можно прийти к выводу, что ведомство самостоятельно разрабатывает и принимает критерии и классификации, которыми руководствуются специалисты бюро МСЭ при принятии решений.

И.Н. Соловьев дал негативную оценку новому Приказу Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 27 августа 2019 г. № 585н «О классификациях и критериях, используемых при осуществлении медико-социальной экспертизы граждан федеральными государственными учреждениями медико-социальной экспертизы», вступившего в силу с 1 января 2020 года, охарактеризовав его как «один из наиболее неудачных ведомственных нормативных актов в новейшей российской истории». Это связано с уже упомянутой категорией

«оценки ограничений жизнедеятельности, вызванных стойким расстройством функций организма», часто используемой в названном подзаконном нормативно-правовом акте. По мнению ученого, такие формулировки дают широкие основания специалистам бюро МСЭ для неправомερных отказов в присвоение инвалидности гражданам, которые действительно нуждаются в мерах социальной поддержки. Необходимость в принятии новых классификаций и критериев, – продолжает И.Н. Соловьев, – может быть вызвана желанием искусственно занижить статистику распространенности инвалидности среди населения для достижения показателей, установленных Стратегией развития здравоохранения, а также борьбой с незаконными случаями назначения инвалидности здоровым гражданам путем ужесточения критериев признания лица инвалидом [4].

Можно согласиться с мнением ученого, обратив внимание на то, что при проведении МСЭ неизбежно возникает проблема соотношения объективной и субъективной стороны таких «оценок». Усмотрение специалистов бюро МСЭ играет важную роль при определении процентного показателя степени ограничения жизнедеятельности человека в результате нарушения функций организма наряду с объективным аппаратным обследованием и иными медицинскими методами диагностики. Поэтому важно продолжить работу по совершенствованию нормативно-правового регулирования таких вопросов, а также создавать эффективную систему взаимодействия между Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации и Министерством здравоохранения Российской Федерации, обладающим всеми необходимыми научными и материально-техническими ресурсами для проведения исследований, разработки методических инструкций и рекомендаций.

Таким образом, требуется принятие мер, направленных на повышение объективности и качества оказания гражданам медико-социальных экспертных услуг.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 02.12.19) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» // URL: <http://www.consultant.ru>
2. Ельцов Н.С. К вопросу о субъективном составе механизма реализации функций государства / Н.С. Ельцов // Вестник Тамбовского университета. – 2015 г. – Т.20. – С. 56-63.
3. Бурдяк А.Я. Измерение инвалидности и положение инвалидов: российский и международный подходы / А.Я. Бурдяк, А.О. Тындык // Вестник НГЭУ. – 2016 г. – № 1. – С. 22-43.

4. Новый приказ о назначении инвалидности / И.Н. Соловьёв. URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 16.01. 2020 г.)

**СОСТАВ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО
ЧАСТЯМИ 3, 3.1 СТАТЬИ 14.13 КОАП РФ ПРИ НАРУШЕНИИ АРБИТРАЖНЫМ
УПРАВЛЯЮЩИМ ТРЕБОВАНИЙ РАЗУМНОСТИ И ДОБРОСОВЕЩНОСТИ**

© А.В. Бабкова

Научный руководитель: А.В. Жильцов

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Положениями ч. 3 ст. 14.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) предусмотрена административная ответственность за неисполнение арбитражным управляющим обязанностей, установленных законодательством о несостоятельности (банкротстве), если такое действие (бездействие) не содержит уголовно наказуемого деяния. Повторное совершение данного административного правонарушения влечет привлечение лица к административной ответственности по части 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ. Частью 4 ст. 20.3 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) установлена обязанность арбитражного управляющего действовать добросовестно и разумно в интересах должника, кредиторов и общества при проведении процедур, применяемых в деле о банкротстве.

Неослабевающий интерес к установлению сущности и разграничению категорий добросовестности и разумности в научной литературе связан со сложностью применения оценочных понятий на практике и большой свободой усмотрения правоприменительного органа при оценке поведения субъекта по самым различным (в основном, субъективным) критериям. Между тем, в отличие от гражданско-правовых отношений, построенных на осознанном, самостоятельном риске хозяйствующих субъектов, публичные отношения основаны на детальной законодательной регламентации действий их участников. Возникает объективная необходимость установления конкретных критериев соответствия поведения субъекта требованиям разумности и добросовестности [2].

Верховным Судом РФ в постановлении от 18.12.2015 по делу № А53-571/2015 изложен следующий подход. В отношении арбитражного управляющего принцип разумности предполагает соответствие его поведения стандартам, установленным не только законодательством о банкротстве, но и правилами

профессиональной деятельности арбитражного управляющего, утвержденными Правительством РФ, либо выработанными судами в процессе применения законодательства о банкротстве. Добросовестность действий арбитражного управляющего заключается в отсутствии умысла ответственного лица причинить вред кредиторам, должнику и обществу. Из приведенного толкования следует, что разумность действий арбитражного управляющего необходимо соотносить с соблюдением установленных стандартов поведения, то есть исследовать объективную сторону административного правонарушения. Добросовестность же связывается с отсутствием умысла арбитражного управляющего причинить вред охраняемым законом интересам, то есть с субъективной стороной административного правонарушения.

Объективная и субъективная стороны административного правонарушения, наряду с субъектом и объектом противоправного посягательства, образуют состав административного правонарушения, который является необходимым и достаточным основанием привлечения лица к административной ответственности. Наименьшее количество вопросов в данном случае вызывает субъект административной ответственности. Так, в состав административного правонарушения, предусмотренного ч.ч. 3, 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, входит специальный, прямо указанный в данной норме субъект административной ответственности – арбитражный управляющий, признаваемый таковым с учетом особенностей своего правового положения и выполняемых профессиональных функций.

Объект административного правонарушения представлен общественными отношениями, урегулированными нормами права и охраняемыми мерами административной ответственности [1, С. 553]. Следовательно, объектом административного правонарушения, ответственность за которое предусмотрена ч.ч. 3, 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, являются общественные отношения, которые возникают в ходе проведения процедур банкротства и регулируются законодательством Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве). Объективная сторона состава административного правонарушения представляет собой проступок как акт внешнего поведения правонарушителя и включает, в частности, такие признаки состава административного правонарушения, как противоправное деяние (действие или бездействие), наступившие в результате деяния вредные последствия, а также причинно-следственную связь между ними [1, С. 554].

Учитывая позицию Верховного Суда РФ, изложенную в указанном выше постановлении от 18.12.2015 по делу № А53-571/2015, о наличии состава административного правонарушения, предусмотренного ч.ч. 3, 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, при установленном факте неисполнения арбитражным управляющим обязанностей,

предусмотренных законодательством о несостоятельности (банкротстве), можно сделать вывод о том, что состав данного правонарушения является формальным.

Практика нижестоящих судов также придерживается подхода, согласно которому существенная угроза охраняемым КоАП РФ общественным отношениям выражается именно в пренебрежительном отношении арбитражного управляющего к исполнению своих публично-правовых обязанностей, а не в наступлении каких-либо материальных последствий правонарушения (постановления Третьего арбитражного апелляционного суда от 29.08.2018 по делу № А33-33319/2017, Девятого арбитражного апелляционного суда от 12.11.2019 по делу № А40-123101/2019, Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10.04.2017 по делу № А50-26540/2016).

Таким образом, объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного ч.ч. 3, 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, выражается в действиях (бездействии) арбитражных управляющих, направленных на нарушение установленного порядка проведения процедур банкротства. При этом не возникает трудностей с определением объективной стороны административного правонарушения, предусмотренного ч.ч. 3, 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, при нарушении арбитражным управляющим конкретного запрета или невыполнения конкретного предписания, установленного законодательством о несостоятельности (банкротстве). Между тем, фактически недобросовестное или неразумное поведение арбитражного управляющего может быть внешне (относительно императивных запретов и предписаний) абсолютно правомерным, особенно в тех случаях, когда арбитражный управляющий действует в рамках диспозитивных норм (использует предоставленные ему законом правомочия).

Учитывая регулятивную функцию права, необходимо сделать акцент на том, что в целях повышения эффективности воздействия правовых норм необходимо сформировать у субъектов правового воздействия четкое осознание характера производимых действий (как правомерных либо противоправных). При размытии границ разумного и неразумного, добросовестного и недобросовестного поведения у субъекта не складывается устойчивого понимания законодательного запрета, что в значительной мере снижает его регулирующее воздействие.

Таким образом, во избежание правовой неопределенности представляется целесообразным привлекать арбитражного управляющего к административной ответственности, предусмотренной ч.ч. 3, 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, за несоблюдение требований разумности и добросовестности лишь в тех случаях, когда данные нарушения с очевидностью следуют из сложившихся обстоятельств и влекут явное нарушение целей законодательного регулирования.

Еще одним проблемным элементом состава административного правонарушения, предусмотренного ч.ч. 3, 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ является субъективная сторона. Под субъективной стороной административного правонарушения традиционно понимается психическое отношение субъекта к противоправному действию (бездействию) и его последствиям [1, С. 558]. В постановлении от 24.02.2015 по делу № А27-4014/2014 Верховный Суд Российской Федерации высказал позицию, согласно которой субъективной стороной административного правонарушения, предусмотренного ч.ч. 3, 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, является умышленное или неосторожное невыполнение правил, применяемых в соответствующей процедуре банкротства. Между тем, обосновывая наличие вины арбитражного управляющего в каждом конкретном случае, суды приводят следующую аргументацию. Требования законодательства РФ о несостоятельности (банкротстве) предусматривают профессиональную подготовку арбитражного управляющего, который в силу должной квалификации не может остаться не осведомленным о противоправном характере собственных действий. При этом конструкция вины арбитражного управляющего схожа с изложенной в части 2 статьи 2.1 КоАП РФ конструкцией вины юридического лица: арбитражный управляющий признается виновным в совершении вменяемого правонарушения при наличии реальной возможности добросовестно осуществлять возложенные на него обязанности, и принятии всех возможных мер, способствующих их надлежащему осуществлению.

Привлечение арбитражного управляющего к административной ответственности за формальное и незначительное отступление не только от императивных правовых предписаний, но и от общих требований к поведению арбитражного управляющего, препятствует эффективной реализации профессиональной деятельности последнего, так как переносит расстановку приоритетов с реализации целей процедуры дела о банкротстве на соблюдение всех возможных (и по большей части субъективных) критериев добросовестности и разумности.

Учитывая изложенное, обоснованным представляется подход о возможности привлечения арбитражного управляющего к административной ответственности, предусмотренной ч.ч. 3, 3.1 ст. 14.13 КоАП РФ, не за любое нарушение принципов добросовестности и разумности, а только за умышленное деяние, которое влечет явное нарушение целей законодательства о банкротстве.

Список использованных источников:

1. Бахрах Д.Н. Административное право : учебник для ВУЗов / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Стариков. – 3-е изд. – изм. и доп. – М.: Норма, 2007. – 816 с.

2. Морозова Н.А. Недобросовестные и неразумные действия арбитражного управляющего как объективная сторона административного правонарушения, предусмотренного частью 3 статьи 14.13 КоАП РФ // Административное право и процесс, 2016. – № 7. – С. 19 – 23.

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ ЗАПРЕТА НА ПОСЕЩЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

© Д.В. Бельский

Научный руководитель: А.Ф. Васильева

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Современное российское административное законодательство развивается в направлении ужесточения мер ответственности. Эта тенденция затронула и сферу спорта, где введена административная и уголовная ответственность. Повышенное внимание к механизму административной ответственности привело к разработке проекта нового КоАП РФ [1], который предусматривает существенные изменения в структуре Кодекса, декриминализацию и криминализацию составов административных правонарушений [10]. В работе будет проведен анализ ст. 32.14 КоАП РФ с последующим сопоставлением соответствующих норм проекта КоАП РФ.

За нарушение правил поведения [3] зрителями при проведении официальных спортивных соревнований установлен такой вид административного наказания, как «Административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения» [2] (ст. 3.14 КоАП РФ). Суть данного наказания заключается во временном запрете (от шести месяцев до семи лет) на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения. При анализе же проекта нового КоАП РФ, можно сразу обнаружить ужесточение содержания самого запрета, выраженного во временном ограничении права нарушителя на выезд из Российской Федерации в период проведения международного официального спортивного соревнования, то есть гражданин не может покинуть Российскую Федерацию, дабы посетить спортивное мероприятие в другой стране, причем действует именно российское административное наказание. Из этого следует, что произошло усиление наказания, выраженное в установлении дополнительной ответственности за нарушение правил посещения соревнований не только федерального уровня. Однако, в исполнении этого наказания есть некоторые моменты, которые могут породить

определенные вопросы процессуального характера, которые законодатель должен был урегулировать. Дабы понять, почему ужесточение наказания имело место, необходимо углубиться в специфику сферы применения данного состава. Согласно ч. 3 ст. 23.1 КоАП РФ, в компетенцию мировых судей [6] входит рассмотрение дел о правонарушениях, влекущих наказание в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований. Порядок исполнения решений об административном запрете на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований регулируется ст. 32.14 КоАП РФ и назначается правонарушителю. В ст. 32.14 КоАП РФ описана процедура учета лиц органами внутренних дел. Это необходимо для того, чтобы обеспечить успешное исполнение решения об административном запрете. В дни, когда проводят спортивные соревнования (официальные) сотрудники полиции проверяют у граждан и других посетителей мероприятия документы, удостоверяющие личность. И в случаях, предусмотренных Федеральным законом № 3-ФЗ от 07.02.2011 «О полиции» [4], это делается, чтобы проверить у посетителей наличие административного наказания в виде административного запрета на посещение официальных спортивных мероприятий в дни их проведения. Такая подробная регламентация процедуры позволяет устранить произвол со стороны сотрудников полиции и защитить права граждан. Однако, в этой норме имеется пробел, ибо официальные спортивные соревнования могут проводиться не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов, муниципальном и т.д. Вполне целесообразно предусмотреть ответственность за нарушение правил посещения спортивных мероприятий на разных уровнях [7].

Данные проблемы не остались незамеченными для законодателя. В проекте КоАП РФ была расширена сфера применения наказания: теперь ответственность может быть установлена не только за нарушение правил официальных спортивных соревнований на федеральном уровне. Причем, вид спортивных соревнований, которые нарушитель не может посещать, определяет непосредственно суд. Среди них в том числе соревнования уровня субъектов, а также соревнования международного уровня. Вот последний пункт помогает понять, почему законодатель в проекте КоАП РФ установил запрет, выраженный во временном ограничении права нарушителя на выезд из Российской Федерации в период проведения определенного международного официального спортивного соревнования. Возвращаясь к вопросу об экстерриториальном действии запрета на посещение спортивных мероприятий, сложно сказать насколько запрет будет эффективен, это может показать судебная практика, а вот насколько он целесообразен и правомерен: вопрос весьма актуальный уже на стадии обсуждения проекта КоАП РФ и его изменений. Ибо данный запрет существенно ограничивает право лица на

выезд из Российской Федерации. Возможно, можно было бы смягчить данное наказание: оповещать власти другого государства, что у данного субъекта имеется запрет на посещение официальных соревнований, однако, в другом государстве может и не быть ответственности за правонарушение, за которое субъект получил данный запрет, либо может не быть самого наказания, как запрет на посещение официальных спортивных соревнований. Данная ситуация может вызвать массу вопросов и сложностей в реализации, что требует максимально тщательного исследования потенциальной проблемы.

Однако, стоит отметить, что в действующей на данный момент статье есть и другие проблемы, которые актуальны и требуют урегулирования. Так, например, в ст. 32.14 КоАП РФ описано, что непосредственно правонарушитель является субъектом исполнения постановления о запрете. Законодатель принял такое решение, которое является новеллой для российского административного законодательства. Возникает вопрос, а в какой момент подлежит исполнению постановление об административном правонарушении: в момент вступления в силу или в момент вынесения решения? Это безусловно является проблемой [5]. Которая к тому же часто поднималась в теории, где есть три наиболее популярных теории о моменте возникновения юридической обязанности: с момента совершения правонарушения; с момента обнаружения правонарушения в процессе оценочной деятельности компетентных органов и выявлению подозреваемого лица; с момента вынесения правового акта, где определена ответственность. В практической ситуации судья обязан вручить лицу постановление по делу об административном правонарушении. Есть интересный момент, если будет отсутствовать потенциальный правонарушитель в момент оглашения решения. Постановление будет вынесено без правонарушителя. И кто в этой ситуации будет исполнять это постановление? В сложившейся практике, в компетенцию судей входит обязанность приведения решения в исполнение. Помимо поднятых проблем, на практике возникает вопрос, как проверить исполнение постановления ответственным лицом. В КоАП РФ указано, что необходимо вести перечень лиц федеральными органами исполнительной власти в сфере внутренних дел, но при этом нет указаний на исполнение данного наказания. В проекте КоАП РФ появилась новая ст. 3.19, посвященная правилам назначения административного наказания в виде административного запрета на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований. Данная статья по своей сущности регулирует непосредственно правила назначения наказания [8], а также через возложение обязанностей на нарушителя урегулируются вопросы, освещенные в ст. 32.14. действующего законодательства. А именно: в действующем законодательстве указано, что сам нарушитель исполняет постановление о запрете, в проекте этот вопрос более

детально урегулирован, и через обязанности показано, как именно данный запрет должен исполняться, а также контролироваться со стороны государственных властей: субъект обязан уведомлять специализированный орган о своем местонахождении когда идут спортивные соревнования, к которым вход запрещен для субъекта, либо являться в специализированный орган для проведения профилактических мероприятий.

Подводя итоги, стоит отметить, что изменения в проекте КоАП РФ позволят устранить многочисленные проблемы, которые сейчас крайне актуальны, что позволит повысить эффективность применения норм административной ответственности. Однако, имеются спорные решения, которые могут породить новые проблемы, которые возможно будет решить даже сложнее, чем нынешние. В целом, на многие вопросы сможет дать корректные ответы судебная практика [9].

Список использованных источников:

1. «Проект нового Кодекса РФ об административных нарушениях» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/law/doc/pr_koan/
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Российская газета – № 256 – 2001.
3. Постановление Правительства РФ от 16.12.2013 №1156 (ред. От 30.01.2014) «Об утверждении Правил поведения зрителей при проведении официальных спортивных соревнований» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 №3-ФЗ// Справочная правовая система «КонсультантПлюс». Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/
5. Брунер Р. А. Особенности исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях, влекущих наказание в виде административного приостановления деятельности // Современное право. – № 4 – 2013.
6. Брунер Р. А., Кивич Ю. В. Критерии отнесения дел об административных правонарушениях к юрисдикции мировых судей // Современное право. № 1 – 2016.
7. Брунер Р. А. Административное приостановление деятельности. Вопросы теории и практики: монография: научная специальность 12.00.14 «Административное право; финансовое право». Москва – 2011. – Сер. Научные издания для юристов.

8. Нащиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника. – М., 1974.
9. Бахрах Д. Н. Административное право России: Учебник для вузов. – 949 с.
10. «Обсуждение КоАП: «По одним статьям декриминализация, по другим – наоборот» [сайт] // Режим доступа: https://pravo.ru/court_report/view/126003/

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ НАКАЗАНИЯ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

© А. С. Дукарт

Научный руководитель: С.В. Ведяшкин

канд. юрид. наук

Томский государственный университет

Для оптимизации системы наказания необходима оценка его воздействия на правонарушителя и общество в целом, то есть определение эффективности административно-принудительных мер. Официальная оценка проводится отдельно по каждому направлению в соответствии с целью наказания. Для частнопредупредительного направления можно использовать следующие показатели: рецидив, неисполнение наказания, совершение правонарушения.

Рецидив – это повторность совершения однородного правонарушения одним и тем же лицом в течение определенного срока, установленного в законе [2, С.670].

Важность рецидива, как показателя эффективности административного наказания состоит в том, что он наглядно иллюстрирует нерезультативность влияния первого наказания на человека, поэтому рецидив может иметь следующее юридическое значение:

- отягчать ответственность;
- быть квалифицирующим признаком состава правонарушения;
- являться основанием для привлечения лица к уголовной ответственности (административная преюдиция).

Некоторых административистов беспокоит, что ужесточение наказания на основании повторного совершения правонарушения возможно только, если деяние однородное, совершено в весьма короткий, установленный законом срок. Данные условия мешают назначению наказания, которое бы способствовало исправлению правонарушителя, наказание становится привычным для него и перестает его сдерживать, поэтому существует идея об ужесточении наказания не только за совершение повторно однородных правонарушений, но и

разнородных. Данное нововведение способствовало бы выявлению и исправлению лиц, склонных к антиобщественному поведению [1, С. 152].

Вторым показателем для оценки частнопредупредительного направления является неисполнение наказания или нарушение предписаний, установленных им [2, С.670]. Например, управление транспортным средством при лишении водительских прав. Наиболее ярко иллюстрирует данный критерий неуплата штрафа как вид административного правонарушения. Установлено, согласно ежегодному отчету Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Основные статистические показатели судов общей юрисдикции», что в 2018 и 2017 году неуплата административного штрафа (ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ) является лидером по месту в общем объеме всех административных правонарушений, при этом доля данного правонарушения неуклонно растет [3]. Эта негативная тенденция особенно опасна в связи с тем, что штраф является ведущим наказанием в административном праве. Согласно экспертным данным, полученным на основе анализа качественного состава видов наказаний по делам об административных правонарушениях, штраф занимает примерно 70% от общего числа наказаний. Данные показатели объясняются тем, что в большинстве статей особенной части КоАП РФ предусматривается наказание в виде штрафа; оно является универсальным, так как его можно назначить как гражданам, так и юридическим и должностным лицам.

Ещё один показатель – совершение правонарушения лицами, ранее подвергнутыми административным наказаниям. Основное отличие от рецидива состоит в совершении неоднородного правонарушения [2, С.670].

На основе вышеизложенного можно выявить ряд проблем, которые необходимо разрешить для установления эффективной системы наказания: во-первых, внедрить нововведения в систему назначения наказания, которые позволили бы более эффективно воздействовать на лицо, склонное к антиобщественному поведению. Во-вторых, разработать программу по снижению количества неуплаченных штрафов.

Список использованных источников:

1. Бежанов В.О. Рецидив административного правонарушения // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2011. № 8.
2. Братановский С.Н. Административное право: учебник. М.: Директ-Медиа, 2013. 921 с.
3. Павлова З. Самое распространенное правонарушение – неуплата административного штрафа // Адвокатская газета. 2018.

**КАТЕГОРИЯ «ОПЬЯНЕНИЕ» ПРИ СОВЕРШЕНИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 12.8 КОАП РФ**

© Е. А. Дядичкина

Научный руководитель: Л. А. Мицкевич

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Проблема безопасности дорожного движения является одной из наиболее актуальных в современном мире. Большинство дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) происходит по вине водителей, находящихся в состоянии опьянения. Так, с января 2019 по декабрь 2019 количество таких ДТП на территории Российской Федерации составило около 14 051 тыс., при этом каждое четвертое ДТП со смертельным исходом [7]. Поэтому исследование правовых аспектов категории «опьянение» является весьма актуальным.

Опьянение представляет собой временное расстройство функций организма, нервной системы (психики) под воздействием определенных веществ [4].

Согласно п. 2.7. Правил дорожного движения водителю запрещается управлять транспортным средством, находясь в состоянии опьянения (алкогольного, наркотического или иного), под воздействием лекарственных препаратов, ухудшающих реакцию и внимание, в болезненном или утомленном состоянии, ставящем под угрозу безопасность движения [5]. В соответствии с примечанием ст. 12.8 КоАП РФ, водителю запрещается управление автомобилем в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, либо под воздействием психотропных или иных вызывающих опьянение веществ [3].

Алкогольное опьянение – самый распространенный вид опьянения ввиду доступности продукции, содержащей алкоголь. Факт употребления веществ, вызывающих алкогольное опьянение, считается установленным в случае наличия абсолютного этилового спирта в концентрации, превышающей возможную суммарную погрешность измерений, а именно 0,16 миллиграмма на один литр выдыхаемого воздуха, либо при наличии абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови.

Установленный законодателем уровень в 0,16 миллиграмм связан с возможными погрешностями приборов определения количественного содержания этанола в выдыхаемом воздухе. У таких приборов, как «Алкотестор PRO-100 combi», «Alcotest 7410 Plus Com», «Alcotest 6810» погрешность прибора составляет 0,04 – 0,05 мг/л воздуха, и может быть вызвана температурой воздуха [6, с. 126]. Нередко наличие определенной концентрации этанола может быть связано с

употреблением накануне определенных продуктов: квас, конфеты, сок, которые, по мнению большинства граждан, не влияют на уровень алкоголя. В качестве подтверждения влияния продуктов можно обратиться к судебной практике. Так, в одном из апелляционных решений содержатся сведения о том, что в качестве специалиста в ходе судебного заседания был допрошен врач психиатр-нарколог, который пояснил, что после употребления кваса алкометр может показать незначительное количество алкоголя в выдыхаемом воздухе [1]. Однако следует учитывать тот факт, что погрешность приборов уже включена законодателем, поэтому, если прибор покажет 0,161 миллиграмм, факт употребления вещества, вызывающего алкогольное опьянение будет считаться установленным.

До 2018 года примечание к ст. 12.8 КоАП РФ не содержало указания на наличие абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на один литр крови. Такое нововведение позволило исключить коллизию при привлечении водителей, находящихся в бессознательном состоянии, которые в силу объективных возможностей не могут подышать в алкотестер [9, с. 100].

Другим основанием привлечения лица к административной ответственности в соответствии со ст. 12.8 КоАП РФ является наличие в организме человека наркотических средств или психотропных веществ. Однако примечание ст. 264 УК РФ содержит более широкий перечень и включает в качестве основания наличие в организме аналогов наркотических и психотропных веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, которые также влияют на состояние лица, управляющего транспортным средством [8]. В данном случае можно говорить о необходимости унифицирования норм, касающихся перечня веществ, наличие которых в организме свидетельствует об опьянении.

В Правилах дорожного движения, как было уже сказано выше, предусмотрен запрет на управление транспортным средством под воздействием лекарственных препаратов, вызывающих ухудшение реакции и внимания, который не предусмотрен примечанием ст. 12.8 КоАП РФ. По мнению Якимова А.Ю. данный запрет не связан с категорией опьянения и не вызывает его [10, с. 46]. Такие авторы как Баканов К.С и Бурцев А.А., в свою очередь, рассматривают лекарственные средства двух видов. К первому относятся такие лекарственные препараты, которые включают в свой состав наркотические и психоактивные вещества, к ним могут относиться определенные обезболивающие, противоаллергические. Ко второму виду относятся лекарственные препараты, не содержащие таких веществ, но влияющие на определенные функции, реакции человеческого организма [2, с. 72].

Таким образом, складывается ситуация при которой лицо может быть привлечено к административной ответственности по ст. 12.8 КоАП РФ, за то, что оно

принимает лекарство, содержащее определенную концентрацию наркотических или психотропных веществ, по назначению врача. Следовательно, необходимо определить на законодательном уровне количественный критерий содержания в организме человека данных веществ, с целью сокращения привлечения к ответственности лиц, которые в силу своих познаний не знают время выведения из организма лекарственных препаратов. Однако установленный уровень концентрации должен быть определен таким образом, чтобы при его наличии человек не находился в состоянии опьянения.

В заключение следует сказать, что, несмотря на постоянное совершенствование законодательства, в настоящее время имеется несогласованность между КоАП РФ и УК РФ в части определения категории «опьянения». Помимо этого, необходимо установить предельно допустимые концентрации наркотических и психотропных веществ, превышение которых свидетельствует о снижении безопасности управления транспортным средством.

Список использованных источников:

1. Апелляционное решение Ленинградского районного суда Краснодарского края от 10.11.2015 по делу № 12-137/2015 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>.

2. Баканов, К. С., Бурцев, А. А. Административная ответственность за управление транспортным средством в состоянии наркотического и иного токсического опьянения, а также под воздействием лекарственных средств (состояние и перспективы развития) / К. С. Баканов, А. А. Бурцев // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 11. – С. 67 – 79.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – 7 янв. – № 1. – Ч. 1. – Ст. 1.

4. Медицина [Электронный ресурс] : Большая медицинская энциклопедия / Н.А. Семашко. – Москва, 1970. – Режим доступа : <http://med.niv.ru/doc/encyclopedia/med/index.htm>

5. О Правилах дорожного движения: Постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090 // Российские вести. – 1993. – 23 нояб. – № 227.

6. Панкова, О. В. Административные правонарушения в области дорожного движения: комментарий к главе 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный) / О.В. Панкова. – Москва : Статут, 2016. – 606 с.

7. Показатели состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] : статистические сведения о ДТП. – Режим доступа : <http://stat.gibdd.ru/>

8. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

9. Шкеля, О. В. Сравнительные аспекты порога трезвости водителей транспортных средств / О. В. Шкеля // Общество и право. – 2019. – № 1. – С. 98 – 101.

10. Якимов, А. Ю. Состояние опьянения как обязательный признак составов административных правонарушений (сравнительно-правовой анализ) // А. Ю. Якимов // Административное право и процесс. – 2014. – № 10. – С. 44 – 50.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

©А.В. Евдокименко

Научный руководитель: И.А. Кузьмин

канд. юрид. наук

Иркутский государственный университет

XXI век характеризуется развитием целого ряда масштабных устойчивых тенденций, например, таких, как: сохранение природно-ресурсного наследия и окружающей среды, урбанизация, формирование информационной культуры общества. Все большую популярность набирает идея, лежащая в концепции информатизации общества. Эта идея, главным образом, основывается на том, что информация выступает современным двигателем общественного прогресса, обеспечивает нормальное функционирование и взаимодействие всех сфер жизни. Скорость ее распространения стала настолько велика, что привела к такому глобальному процессу, как цифровизация общества.

Процесс цифровизации, в настоящее время, играет важную роль в социально-экономическом развитии государства. Но для внедрения цифровых технологий в какие-либо социальные или экономические процессы необходимо обеспечить, в первую очередь, цифровизацию в сфере государственного управления.

В России цифровизация государственной власти началась с подписания в 2000 году Окинавской Хартии Глобального Информационного Общества, направленной на решение проблемы международного цифрового неравенства. Следующим шагом, была разработка, а затем принятие целевой программы «Электронная Россия на 2002-2010 годы», которая включала в себя следующие задачи: повышение уровня оказания электронных государственных услуг; предоставление открытого доступа к информации о деятельности государственных органов; рост

эффективности государственного управления и т.д. При реализации программы были выявлены недостатки в ее содержании, вследствие чего, в период с 2008 по 2010 год, она была трижды подвергнута доработке. Особое внимание, на наш взгляд, следует уделить редакции от 2008 года, в которую был включен термин «электронное правительство». В результате реализации Программы, на тот момент, уже были заложен базис для повсеместного использования ИКТ в деятельности органов государственной власти, дан сильный рывок формированию электронного правительства в России.

Основная работа была начата с момента принятия государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011-2020 годы)», утв. 20 октября 2010 г. распоряжением Правительства РФ № 1815-р, в соответствии с которой был выполнен комплекс работ по созданию единой системы электронного правительства.

Третьим этапом развития концепции электронного правительства на территории РФ стала реализация государственного системного проекта «Электронное правительство 2020». В основу программы лег принцип: «ноль бумаги», «ноль чиновников», «ноль проблем взаимодействия». На основании данного принципа можно говорить, о максимальной эффективности и перспективности электронного правительства, в котором все традиционные процедуры работы полностью автоматизированы. Помимо этого, субъективный компонент в принятии решений, в осуществлении государственного контроля и надзора сведен к минимальным показателям. При этом поддерживается непрерывное электронное взаимодействие на всех уровнях компетенций, так что необходимость использования бумажных документов практически отсутствует. Однако, на сегодняшний день, предоставление государственных и муниципальных услуг все еще носят заявительный характер, поскольку до сих пор существует необходимость предоставления бумажных документов при непосредственном контакте с представителем органа власти, что в значительной мере снижает оперативность работы.

По мнению М.А. Положихина, существует еще одно препятствие стабильного функционирования системы электронного правительства: «низкая цифровая культура населения, значительное территориальное и возрастное «цифровое неравенство» [1]. Данное явление наиболее широко распространено среди населения старшего возраста и в значительной мере замедляет процесс цифровизации правительства, занижая преимущества перед традиционным методом осуществления его деятельности. В связи с этим, на наш взгляд, возникает необходимость повышения медиацифровой грамотности населения, путем увеличения масштаба работы таких социальных проектов, как «Тимуровцы информационного общества», «Бабушка и дедушка онлайн» и т.д.

О.Ю. Овчухова отмечает, что наиболее заинтересованным населением выступают лица в возрасте от 18 до 35 лет, поскольку их опыт пользования сетью «Интернет» и потребность в сокращении затрат личного времени в совокупности способны повысить уровень востребованности электронных услуг. Для этого необходимо выстроить «очень тщательную и выверенную стратегию работы с такими гражданами, и особенно с теми, кто, в общем, доверяет органам власти и не слишком часто посещает государственные учреждения» [2]. В этом ключе, перед нашим государством стоит задача – сформировать позитивную связку «ожидаемая польза от электронного правительства — легкость освоения новых навыков» и направить силы на то, чтобы создать устойчивую двустороннюю связь общества и государства, как равноправных участников. Создание такой связи является одним из основных важнейших направлений работы всей административной системы российского государства.

Институт электронного правительства выступает одним из способов демократизации современного общества. В первую очередь, это происходит через обеспечение права граждан на доступ к информации. Согласно статье 8 Федерального закона от 27.08.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (далее – Закон) граждане и организации вправе осуществлять поиск и получение любой информации в любых формах и из любых источников, если это не нарушает требования действующего российского законодательства. Реализуется, также, один из самых важных демократических принципов – принцип гласности в деятельности государства, обеспечивающий прозрачность и открытость в работе органов государственной власти и органов местного самоуправления. На любом уровне власти создаются условия, обеспечивающие выражение и учет мнения населения. С помощью этого принципа население может непосредственно само контролировать законность и эффективность работы органов власти, что представляется достаточно сильным «оружием» против проблемы, связанной с коррупцией и злоупотреблением должностными полномочиями в нашей стране. Информация, предоставляемая органами власти о своей деятельности, должна быть полной, качественной и достоверной, своевременно сформированной и размещенной на государственных информационно-коммуникационных платформах. Несоблюдение перечисленных требований влечет административную ответственность должностных лиц – участников информационного обмена. Таким образом, мы можем говорить о том, что благодаря электронному правительству соблюдается еще один важный принцип – принцип ответственности государственных и муниципальных органов власти.

Электронное правительство отличается от традиционного проявления демократии, поскольку принятие решений государственного управления находится на

уровне цифрового, информационного обеспечения. Такая форма в научной литературе получила название «цифровая демократия» – форма политического устройства государства, существующая в рамках информационного общества, объединяющая в себе свойства непосредственной и референдумной демократии, а также возможности информационных технологий [3]. Процесс цифровой демократизации гораздо шире, чем электронное правительство, но именно оно является предпосылкой к ее формированию. Учитывается активная социальная позиция каждого гражданина, в отличие от принципа традиционной демократии, когда мнение большинства преобладает над меньшинством. В значительной мере меняются требования, предъявляемые к должностным лицам, деятельность различных политических институтов, например, общественных организаций, политических партий, в каком-то смысле переносится в цифровое пространство. Таким образом, электронное правительство и явление цифровой демократии выступают ключевым направлением в политической модернизации государства и общества.

Но различные организационные проблемы значительно затрудняют процесс внедрения электронного правительства. Так, например, несовершенство нормативно-правовой базы, касающееся норм, которые еще не до конца позволяют заменить бумажные документы электронными, можно решить путем принятия новых законов и подзаконных актов, способных расширить положения в данной области и создать условия для эффективного правоприменения. Необходимо нормативно урегулировать межведомственное взаимодействие, которое в полной мере обеспечит открытость и прозрачность их работы. Особо внимание следует уделить повышению квалификации и компетентности должностных лиц в данной области, например, с помощью разработки новых информационных методик, учебных пособий, различных курсов повышения квалификации.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что электронное правительство – это концептуально новая форма государственного управления, основанная на информационно-коммуникационных технологиях, обеспечивающая экономическое, политическое и гражданское единство страны, эффективное административно-правовое регулирование правоотношений, складывающихся в публичном управлении, повышение качества предоставления государственных услуг, и регулирующая электронное взаимодействие исполнительных органов власти, граждан и организаций. электронное правительство создает благоприятные условия для всех сфер жизни, поскольку оно, в первую очередь, направлено на удовлетворение потребностей и учет мнения каждого гражданина.

Список использованных источников:

1. Положихина М.А. Некоторые итоги и препятствия формированию в России «Электронного государства» // Россия: тенденции и перспективы развития. 2015. № 10.

2. Овчухова О.Ю. Современное состояние и перспективы развития электронного правительства в России // Государство и право: теория и практика: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Чита, март 2013 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2013.

3. Татманян Д. В. Электронное правительство и политическая модернизация современной России // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2011. № 1.

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПОБОИ
В ОТНОШЕНИИ БЛИЗКИХ ЛИЦ В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ
СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ**

© И.А. Казанцева

Научный руководитель: А.В. Ляшук

канд. юрид. наук

Омская академия МВД России

В настоящее время ответственность за нанесение побоев предусмотрена как уголовным законодательством (далее – УК РФ), так и законодательством об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Однако необходимо иметь в виду, что если имеют место хулиганские побуждения, мотивы политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, мотивы ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, то данное деяние является уголовно наказуемым. Если же побои совершены по каким-либо иным причинам, в том числе, на почве семейно-бытовых конфликтов, то здесь речь идет об административной ответственности. Однако так было не всегда.

До середины 2016 года любые побои считались преступлением. Но с 15 июля 2016 года произошли определенные изменения. Преступлением считались только те побои, которые нанесены из хулиганских побуждений, по экстремистским мотивам или в отношении близких лиц. Однако данная норма просуществовала совсем недолго. 7 февраля 2017 года снова были внесены корректировки в УК РФ. Теперь побои в отношении близких лиц не содержат состав преступления, а являются административным правонарушением.

Явление декриминализации побоев в отношении близких лиц потрясло многих: как правозащитников, так и представителей власти. В обществе произошел раскол: одни выступают за декриминализацию, аргументируя невысокой степень общественной опасности, другие высказываются негативно, поскольку принятая поправка на руку домашним садистам. На наш взгляд, декриминализация побоев оказала положительное влияние на профилактическую работу полиции, направленную на предупреждение тяжких и особо тяжких преступлений против личности.

Это отражается и в статистических показателях. Если в 2016 году количество преступлений, зарегистрированных в отчетный период, составило 81646, то в 2017 году было пресечено 224328 административных правонарушения по ст. 6.1¹ КоАП РФ, по ним составлено протоколов 154500. В 2018 году количество пресеченных административных правонарушений выросло и составило 248257, по ним было составлено 159686 протоколов. Как итог, к 2018 году количество зарегистрированных деликтов выросло ровно в три раза по сравнению с количеством преступлений в 2016 г. Вероятнее всего, такое увеличение произошло потому, что побои стало легче фиксировать.

Поскольку ранее, когда побои в сфере семейно-бытовых отношений были уголовно наказуемым деянием, они относились к категории дела частного обвинения. Женщины не обращались за помощью, так как это сопряжено со сложной процедурой доказывания. Институт частного обвинения, несмотря на свою упрощенность в связи с тем, что не имеет этапа предварительного расследования, является не столь уж и простым и имеет ряд проблем, начиная от составления юридически грамотного заявления, адресованного мировому судье. Тем самым, в эту же минуту и в этот же час преступление не пресекалось.

Сейчас, когда произошла декриминализация, полиция уже не разводит руками и не отправляет жертву к мировому судье, а оформляет протокол и передает дело в суд. Также прибывшие на место совершения, теперь уже, административного правонарушения сотрудники полиции имеют право изолировать виновного до 48 часов на основании ч. 3 ст. 27.5 КоАП РФ [1], поскольку одной из санкций за совершение правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ, выступает административный арест.

Представляется, что административная ответственность за побои является вполне разумной, она указывает виновному, что он оступился, тем самым позволяет исправиться и дает возможность подумать над дальнейшим поведением. Как известно, уголовная ответственность не проходит бесследно, ее последствием является судимость, которая ломает судьбу человеку, откладывает серьезный отпечаток на его биографии, лишает его должностей. При этом данные

последствия отражаются не только на виновном, но и на его детях, у которых в будущем могут появиться проблемы, связанные с поступлением в учебное заведение. Если же человека не остановило административное наказание, если он склонен к насилию, жестокости, систематически, без повода избивает жену, то, в данном случае, ответственности уголовной не избежать в силу существования статьи 116¹ УК РФ [2].

В настоящее время всё большую популярность в среде правозащитных организаций приобретает идея о необходимости принятия в Российской Федерации закона о профилактике домашнего насилия. Более того, законопроект «О профилактике семейно-бытового насилия» [3] был внесен в Государственную Думу Российской Федерации в 2016 году, однако был отклонен, что, по нашему мнению, является вполне оправданным.

В российском законодательстве имеется достаточно норм, позволяющих защитить женщину от семейно-бытового насилия. В частности, УК РФ содержит ряд норм, которые позволяют квалифицировать соответствующим образом действия семейного агрессора. Если речь идет о сексуальном насилии, то это целая глава, посвященная преступлениям против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Если это психологические и физические формы семейно-бытового насилия, то им корреспондирует глава 16 УК РФ, объектом которой являются жизнь и здоровье личности.

Таким образом, корень зла, как представляется, кроется не столько в отсутствии норм, сколько в правоприменительной деятельности. Механизм правоприменения по защите женщин от бытового насилия действует неэффективно в основном из-за организационных моментов, например, отсутствия взаимодействия государственных органов, нежелания правоприменителей использовать в своей деятельности уже имеющиеся способы и средства защиты.

Список использованных источников:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 18.03.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 18.02.2020) // Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. Законопроект №1183390-6 «О профилактике семейно-бытового насилия» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1183390-6> (дата обращения: 11.03.2020).

СООТНОШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНОГО ДОГОВОРА, АДМИНИСТРАТИВНОГО АКТА, ПУБЛИЧНОГО ДОГОВОРА И ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА

© Э.М. Клят

Научный руководитель: Л.А. Мицкевич

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Институт административного договора является одним из самых неоднозначных и дискуссионных в административном праве. В современном законодательстве России отсутствует его легальная дефиниция, не определены основные признаки, порядок заключения, а также не решен вопрос об определении места административного договора в системе инструментов государственного управления. Существующее на сегодняшний день законодательное регулирование соглашений, которые могли бы называться административными договорами, отличается своей скудностью и противоречивостью. Однако в современных условиях законодательное регулирование указанного института является необходимым.

Наиболее общее определение административного договора можно сформулировать следующим образом: соглашение сторон, одной из которых является орган или должностное лицо органа исполнительной власти (или иной субъект, наделенный властными полномочиями), заключаемое в публичных, общественно-полезных целях, направленное на возникновение, изменение или прекращение административных отношений. Для более точного понимания сущности административного договора необходимо сопоставить признаки административного договора с аналогичными понятиями административного и гражданского права, с которыми у него имеются определенные сходства и различия.

Важнейшим является соотношение административного и публично-правового договоров. По мнению большинства исследователей, административный договор, наряду с такими видами публичных договоров как соглашение о делегировании полномочий, соглашение о разграничении компетенции, международный договор, представляет собой разновидность публично-правового договора [5]. Из этого следует, что любой административный договор относится к публично-правовым, однако не каждый публично-правовой договор является административным. В зарубежной науке, в частности в Германии, такие публично-правовые договоры, как международные договоры, соглашения о делегировании полномочий и о разграничении компетенции к административным договорам не относят [2].

Необходимо выявить соотношение административного договора и административного акта. Важнейшее их совпадение и одновременно отличие заключается в субъектном составе: одной из сторон договора является властный субъект, но другой стороной может быть как властный, так и не обладающий властными полномочиями субъект. Наличие согласования, консенсуса воле сторон договора – также является отличием административного договора от классического административного акта [4]. В административном акте выражается одностороннее волеизъявление властного субъекта, поскольку только властный субъект уполномочен принять акт. Однако формированию волеизъявления у субъекта, обладающего властными полномочиями, могут или должны способствовать невластные субъекты. Например, разрешение на строительство выдается органами исполнительной власти или органами местного самоуправления, которые, безусловно, являются властными субъектами. Но чтобы властный субъект выдал застройщику (частному лицу) такое разрешение, частное лицо должно подать заявление о выдаче разрешения на строительство и необходимые для получения разрешения документы [1].

Важно рассмотреть и то, как административный договор соотносится с гражданско-правовым. Главный критерий разграничения – предмет договора – вытекает из характера передаваемых и принимаемых на себя прав и обязанностей или, иными словами, из содержания договора [3]. По своей отраслевой принадлежности права и обязанности, передаваемые и принимаемые сторонами по договору, могут быть гражданско-правовыми, а могут быть и публично-правовыми. Если же обязательства, содержащиеся в договоре, являются «нейтральными», т.е. их нельзя отнести ни к публично-правовым, ни к частноправовым, то необходимо проводить разграничение по характеру и цели договора. Сложности возникают также и потому, что существуют смешанные договоры, объединяющие в себе публично-правовые и частноправовые начала.

Что касается цели административного договора, властный субъект всегда заключает его в публичных интересах. Когда второй стороной выступает частное лицо, во многих случаях можно говорить о том, что с его стороны преследуются частные интересы, в том числе получение прибыли. Но не исключается ситуация, при которой обе стороны административного договора действуют в общественном интересе. Кроме того, такой договор может заключаться частным лицом при реализации им своего публичного права или исполнении публичной обязанности. При заключении гражданско-правового договора стороны обычно действуют исходя, в первую очередь, из собственных интересов.

Следующим критерием разграничения выступает отраслевая принадлежность нормативно-правовых актов, на основании и во исполнение которых

заключен договор. Основой административного договора служат нормы административного, а не гражданского права. Причем эти нормы могут быть закреплены как в законах, так и в подзаконных актах. Заключение же гражданско-правовых договоров по большей части осуществляется в соответствии с ГК РФ. В то же время при заключении и исполнении административного договора целесообразно использовать в разумных пределах общие требования к договорам, устанавливаемые нормами гражданского законодательства. Речь идёт, например, о требованиях к форме договора, случаях, когда договор может быть признан недействительным, обеспечении исполнения обязательств.

Существенные различия административно-правового и гражданско-правового договоров выделяют и в субъектном составе. В административном договоре одной из сторон выступает властный субъект. К гражданско-правовым договорам такое требование не предъявляется. Однако властные субъекты могут заключать и гражданско-правовые договоры. Например, договор между органом государства и художником об организации выставки, который хотя и направлен на реализацию публичного интереса, но заключается в частноправовой форме [3]. Указанный критерий разграничения можно рассматривать в качестве такового только в совокупности с другими признаками, отличающими административный договор от гражданско-правового. Отграничить административно-правовой договор от гражданско-правового, опираясь лишь на субъектный состав, не представляется возможным.

Итак, в качестве критериев разграничения административного и гражданско-правового договоров следует отметить различия в субъектном составе, нормативно-правовых актах, на основании которых они заключаются и исполняются, содержание взаимных прав и обязанностей, а также цели заключения. Главным же критерием выступает предмет указанных договоров. На субъектный состав следует обращать внимание и при разграничении административного договора и административного акта.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. (в ред. от 27 декабря 2018 г.). – 2004. – №190. – Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2005 г.
2. Мицкевич Л.А. Основы административного права Германии: монография. – 2002. – С. 181.
3. Мицкевич Л.А. Очерки теории административного права: современное наполнение: монография. – 2016.

4. Стариков Ю.Н., Давыдов К.В. Административный договор: к общей характеристике правового феномена // Юридические записки. – 2013. – №3 (26).

5. Шевченко К.Ю. Административный договор: сущность правового феномена // Юридические науки. – 2017. – №10.

ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© В.Г. Мамедова

Научный руководитель: Л.А. Мицкевич

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Административные правонарушения – самый распространенный вид правонарушений в Российской Федерации. В связи с изменчивостью норм и институтов административного права, регулирующих охраняемые отношения, институт административной ответственности с необходимостью вынужден претерпевать постоянные изменения, что приходит в противоречие с принципом правовой стабильности и определенности.

Административная ответственность несовершеннолетних внутри института административной ответственности характеризуется серьезными особенностями. Возраст административной ответственности наступает с 16 лет, лица от 16 до 18 лет несут ответственность в особом порядке.

В соответствие с официальными статистическими данными на 1 января 2020 года население составляет 146 748 590 человек, из них 6 750 435 человек в возрасте от 15 до 19 лет (4,6 % от всего населения РФ), 196 850 несовершеннолетних совершили административные правонарушения за 2019 год, данные взяты с официального сайта Федеральной службы государственной статистики «ЕМИСС» — государственная статистика», всего было совершено 1 917 845 административных правонарушений, из которых около 10% правонарушителей – несовершеннолетние[1]. При этом общепризнанным фактом является то, что официальные данные могут отличаться от реального количества совершенных административных правонарушений, поэтому количество несовершеннолетних, нарушающих закон в действительности может быть значительно больше.

Одной из главных задач государства в этом направлении является сокращение числа административных правонарушений несовершеннолетних, но несмотря на принимаемые меры, официальные статистические данные

свидетельствуют о неустойчивости положительных тенденций, в отдельные периоды наряду с сокращением можно отметить и рост числа правонарушений.

В современных условиях можно выделить две противоречивые тенденции, влияющие на рост числа правонарушений несовершеннолетних. Во-первых, активное использование подростками интернет-сетей, где они могут коммуницировать на расстоянии, объединяться, выкладывать в сети фото(видео)материалы, делиться опытом (в том числе, негативным, связанным с совершением правонарушений). Во-вторых, недостаток жизненного опыта и информированности о реальных негативных последствиях совершенных ими правонарушений. Все это усугубляется тем, что некоторые подростки много времени проводят в «виртуальном» мире и переносят некоторые навыки и представления игрового мира на мир реальных социальных отношений.

Основные возрастные особенности подростков – психофизиологическое состояние, психологическая неустойчивость, подверженность стрессу, раздражению, требует специальных мер защиты при привлечении к ответственности. Впервые, о необходимости особых мер охраны ребенка и заботы о нем ввиду психофизической незрелости было написано в «Декларации прав ребенка» от 20 ноября 1959 года [2]. В соответствии с данными положениями, при издании законов (в том числе, об ответственности несовершеннолетних) главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка. Поэтому в деятельности правоприменителей, в первую очередь органов внутренних дел, преобладающим направлением должна быть индивидуализированная профилактическая и воспитательная деятельность, а для достижения цели наказания – превенции, органам необходимо учесть целый комплекс сопутствующих факторов, в первую очередь, опираясь на современные психологические исследования и применяя специальные методики общения с подростками.

В соответствии с КоАП РФ для подростков не выделено специальных видов наказаний, к ним применяются предупреждение и административный штраф. Сложность применения предупреждения в отношении несовершеннолетних заключается в возможной недостаточной эффективности этой меры, поскольку психологическое принуждение является привычным для подростков, они не осознают всей серьезности и всех правовых последствий государственного принуждения, у них возникает иллюзия, что можно совершать правонарушения постоянно. Как указывается в специальной литературе, «определенная конкретизация в законодательстве характерных особенностей неблагоприятных последствий для несовершеннолетних, совершивших правонарушение, позволит усовершенствовать гарантии защиты их прав и законных интересов» [5].

Административный штраф как мера наказания имеет двойственный характер, с одной стороны, ответственность несет несовершеннолетний, поскольку он является деликтоспособным с 16 лет. С другой стороны, при отсутствии самостоятельного заработка, штраф уплачивают его родители или иные законные представители. В реальной ситуации весьма незначительное количество несовершеннолетних в таком возрасте имеет собственный доход, следовательно, косвенным образом, административную ответственность несовершеннолетние разделяют с родителями. Если же несовершеннолетний официально трудоустроен, самостоятельно зарабатывает себе на жизнь, то, как правило, это уже сформировавшаяся личность со своими представлениями о жизни и определенными ценностями, как правило, с законопослушным поведением.

Среди ученых-административистов обсуждался вопрос о введении альтернативных административному штрафу наказаний в отношении несовершеннолетних. Предлагалось введение привлечения несовершеннолетних правонарушителей к общественно-полезным работам (например, в течение 3 часов) по уборке общественных мест и благоустройству территории. Необходимость такой альтернативы обусловлена условиями материального положения лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста. Кроме того, принятие таких мер принудительного воздействия явилось бы действенным средством воспитания несовершеннолетних и формирования у них уважительного отношения к труду [5].

Институт административной ответственности несовершеннолетних затрагивает не только вопросы привлечения к ответственности самих несовершеннолетних, но и проблемы соотношения с ответственностью их законных представителей, в том числе, привлечение их к ответственности за невыполнение обязанностей по воспитанию в случаях совершения подростками правонарушений.

Таким образом, в вопросе о привлечении несовершеннолетних к административной ответственности можно выделить ряд проблем:

- изменение условий и причин, способствующих совершению правонарушений в связи с процессами компьютеризации;
- отсутствие специальных мер наказания, разработанных исключительно для применения к несовершеннолетним,
- недостаточность альтернативных наказаний при применении административной ответственности к несовершеннолетним,
- соотношение ответственности несовершеннолетних их родителей.

Одним из путей решения этих проблем может быть предложенное учеными включение в КоАП РФ отдельного раздела «Административная ответственность несовершеннолетних» [4], в котором целесообразно закрепить особенности и порядок привлечения несовершеннолетних к административной ответственности, а

также определить перечень мер, применяемых к несовершеннолетним и механизм их реализации.

Список использованных источников:

1. Количество несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения 31.12.2019 г. [Электронный ресурс] // «ЕМИСС» — государственная статистика». – Режим доступа: <https://www.fedstat.ru>.

2. Декларация прав ребенка (от 20.11.1959 г.) // принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН. – 1959. – 1386 (XIV).

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2020) // Собрание Законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.

4. Мазурин, С.Ф. Административные правонарушения несовершеннолетних на транспорте: состояние, тенденции и предупреждение органами внутренних дел : автореф. дис. ... канд.юрид. наук : 12.00.14 / Мазурин Станислав Федорович. – Санкт-Петербург. – 1997. – 19 с.

5. Ильина, Т. А. К проблеме административной ответственности несовершеннолетних / Т. А. Ильина. // Административное и муниципальное право. – 2012. – № 10. – С. 57-62.

6. Беженцев, А. А. Административная ответственность несовершеннолетних: проблемы интерпретации и применения / А. А. Беженцев. // Вопросы ювенальной юстиции. – 2012. – № 1. – С. 23 – 24.

ЗЛУОПТРЕБЛЕНИЕ СУБЪЕКТИВНЫМ ПУБЛИЧНЫМ ПРАВОМ

© В.В. Погорельцев

Научный руководитель: Л.А. Мицкевич

канд. юрид. наук.

Сибирский федеральный университет

Актуальность исследования обусловлена тем, что в современной правовой системе Российской Федерации отсутствует такая правовая конструкция, как «злоупотребление правом» в сфере функционирования органов исполнительной власти. Действующее в российском праве понятие «злоупотребление правом» содержится в ст. 10 ГК РФ и распространяет свое действие, на гражданские, а не на административные правоотношения.

Действующая позиция законодателя по вопросу определения злоупотребления правом закреплена в п. 1 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ), согласно которому под злоупотреблением правом понимается заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав. Кроме того, указаны следующие признаки иных способов злоупотребления правом: осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу и действие в обход закона с противоправной целью.

Законодатель устанавливает, что лицо, осуществляющее гражданские права, действует заведомо недобросовестно. Это означает, что управомоченный субъект при реализации субъективных прав или до начала их реализации в полной мере осознает то, что его действия являются недобросовестными. Под «недобросовестностью» можно понимать следующее:

1. Осуществление субъектами гражданских правоотношений своих прав и обязанностей с нарушением закона.

2. Наличие у участников гражданских правоотношений стремления нарушить своими действиями или бездействием субъективные права и законные интересы других лиц.

3. Непредоставление полной, достоверной информации необходимой для осуществления сделки, без утаивания каких-либо юридически значимых фактов и так далее.

Учитывая особенности административных отношений и опыт правоприменения, полученный в сфере гражданских правоотношений, представляется возможным сформулировать следующее определение: злоупотребление правом в процессе функционирования исполнительных органов государственной власти Российской Федерации – это умышленное (т.е. виновное) деяние (действие, бездействие), состоящее в недобросовестном и ненадлежащем использовании органами исполнительной власти, их должностными лицами, государственными служащими, а также гражданами при обращении в органы исполнительной власти, принадлежащего им права, внешне отвечающее требованиям правовых норм, но совершаемое с корыстным и личным мотивом, которое в соответствии с действующим законодательством не является правонарушением либо преступлением, но причиняет вред интересам человека, общества, государства.

Необходимо отметить, что злоупотребить своим правом орган исполнительной власти или его должностное лицо может только в гражданских отношениях (например, в отношениях, вытекающих из договора подряда), так как в административных отношениях право является полномочием. Однако данное полномочие, которое в гражданских отношениях имеет вид права, присутствует у властного субъекта в силу его статуса. Иными словами, в силу административной

природы властного субъекта и наличия дополнительного правового регулирования, наделяющего его большим объемом прав, данный субъект может злоупотребить ими в гражданских отношениях.

В литературе существует дискуссия по вопросу наличия или отсутствия субъективного публичного права у органа исполнительной власти или его должностного лица, некоторые ученые утверждают, что субъективное публичное право может быть только у частного лица [3]. Но существует другое мнение, согласно которому предлагается распространять данную категорию на полномочия органов власти [4].

В современной правовой действительности вопрос определения форм злоупотребления правом в сфере административных отношений остается открытым, так как нет соответствующего правового регулирования.

Предлагается выделить следующие формы:

1) Недобросовестное отношение к выполнению обязанностей, т.е. поверхностный подход к делу со стороны должностных лиц органов исполнительной власти.

Данное явление может выражаться в отсутствии усилий для осуществления должного рассмотрения дела. Например, нежелание государственных служащих собирать недостающую информацию, необходимую для полного рассмотрения дела. Служащие не вникают в суть дела, не выделяют из его содержания предмет возникших правоотношений, не учитывают возражения и доказательства противоположной стороны. Исходя из этого у лица, обратившегося в орган исполнительной власти, формируется устойчивое мнение о том, что его обращение (жалоба, заявление, предложение) не будет должным образом рассмотрено. Падает авторитет государственного органа и ценность его для общества.

2) Превышение должностных полномочий, злоупотребление служебным положением, злоупотребление властью.

Такие деяния, как превышение должностных полномочий и злоупотребление служебным положением охватываются статьями 286 и 285 Уголовного кодекса Российской Федерации, однако, необходимым условием для привлечения должностного лица к ответственности за данные преступления является существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства. При этом под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации (например, права на уважение чести

и достоинства личности, личной и семейной жизни граждан, права на неприкосновенность жилища и тайну переписки и т.д.) [2]. Однако данные составы не охватывают отношения, являющиеся менее существенными, но также затрагивающие права и законные интересы граждан и юридических лиц. Например, преднамеренный односторонний отказ от исполнения договора подряда между администрацией города и частным подрядчиком в связи с нарушением подрядчиком срока выполнения работ, при этом заведомо не допуская подрядчика на объект под формальными предложениями. Думается, что составы, которые не подпадают под квалификацию по УК РФ, необходимо перенести в КоАП РФ.

К формам злоупотребления правом во взаимодействии с органами исполнительной власти со стороны граждан и их объединений можно отнести злоупотребление правом на подачу заявления в делах, возникающих из публичных правоотношений.

Действующая позиция законодателя по вопросу злоупотребления правом на обращение отражена в ч. 3 ст. 11 Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», злоупотребление правом на обращение — это письменное обращение, содержащее нецензурные либо оскорбительные выражения, угрозы жизни, здоровью и имуществу должностного лица, а также членов его семьи.

Учитывая вышесказанное, логично дополнительно к формулировке законодателя выделить еще две формы обращений граждан, которые можно квалифицировать как злоупотребление правом: обращение, соответствующее установленной форме, но направленное на причинение вреда другому лицу, и обращение, заведомо совершаемое без надлежащего основания (например, оспаривание нормативного правового акта, который формально затрагивает интересы заявителя, но фактически не нарушает его прав).

Если говорить об ответственности за злоупотребление правом со стороны властного субъекта, то можно сказать, что обжалование решения субъекта, которое незаконно нарушило чье-либо право не является надлежащим способом nivelирования последствий данного акта, так как для лица, чье право было нарушено, не последовало никакой компенсации, хотя вполне вероятно, что материальный ущерб мог быть нанесен. В данном случае необходимо установить легальную возможность требовать с органа власти компенсацию вреда, нанесенного злоупотреблением правом. Для этого необходимо на законодательном уровне закрепить определение злоупотребления правом в сфере административно-правового регулирования и, при наличии всех признаков злоупотребления, перечисленных в определении, лицо будет приобретать право в судебном порядке

требовать компенсации вреда, нанесенного органом исполнительной власти или его должностным лицом.

Данная конструкция предполагает процесс доказывания факта злоупотребления правом стороной, чье право было нарушено, при этом доводы оцениваются судом, присутствует право органа исполнительной власти возражать и доказывать обратное. В данном случае можно обеспечить объективность и справедливость вынесенного судом решения, состязательность в процессе, а также согласованность с теоретическими основами категории злоупотребления правом.

Список использованных источников:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (в ред. от 29.12.2017) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 октября 2009 г. № 19 г. Москва «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий».

3. Талапина Э. В. Право на информацию в свете теории субъективного публичного права // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 6. С. 70–83 (СПС «Консультант Плюс»).

4. Зеленцов А. Б. Субъективное публичное право: учеб. пособие. М., 2012. 146 с.

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ

© С.С. Сытник

Научный руководитель: Л.А. Мицкевич

канд. юрид. наук

Сибирский федеральный университет

Особое внимание к изучению института административных процедур объясняется тем, что именно административные процедуры являются формой взаимодействия исполнительной власти с гражданами и организациями, в рамках которой затрагиваются права, свободы и законные интересы невластной стороны.

На сегодняшний день в науке нет единого подхода к определению административной процедуры. К основным подходам можно отнести: 1) управленческий (широкий подход); 2) позитивный (специальный) подход; 3) технологический (узкий) подход [4, с.235].

Сторонники управленческого подхода полагают, что административные процедуры являются формой осуществления органами исполнительной власти как регулятивной, так и охранительной функции. [З;с.40]. В рамках рассматриваемого подхода можно выделить управленческие процедуры (позитивные, бесконфликтные), которые в свою очередь подразделяются на нормотворческие (направленные на принятие нормативного правового акта) и правоприменительные (направленные на разрешение индивидуальных административных дел) процедуры, и юрисдикционные процедуры (негативные, связанные с административным принуждением). Кроме того, все административные процедуры по направленности отношений можно подразделить на внешненаправленные (между исполнительной властью и частными лицами) и внутриорганизационные процедуры (внутри аппарата исполнительной власти).

Согласно специальному подходу, под административной процедурой понимается только позитивная, бесконфликтная деятельность органов исполнительной власти. Таким образом, исключаются юрисдикционные процедуры (производства), опосредующие охранительную деятельность органов исполнительной власти. Здесь можно также выделить внешнеуправленческие и внутриорганизационные процедуры.

При технологическом подходе административной процедурой является отдельное действие, операция, совершаемые органом исполнительной власти при реализации полномочий (например, регистрация заявления).

Для выявления сущности правоприменительных административных процедур необходимо определить их место в системе административных процедур. Во-первых, правоприменительные процедуры — это вид позитивных процедур (в правоотношениях отсутствует спор, административное принуждение), имеющих внешненаправленный характер. Во-вторых, правоприменительные процедуры направлены на подготовку, принятие и исполнение индивидуальных административных актов.

Таким образом, под правоприменительными административными процедурами предлагается понимать нормативно установленный порядок последовательных действий органа исполнительной власти по разрешению индивидуальных дел, в целях реализации прав и законных интересов граждан и организаций.

Отсутствие единства в терминологии, в определении отношений, формой которых выступают административные процедуры, порождает дискуссии, связанные с правовым регулированием данного института. В настоящее время административные процедуры осуществляются в порядке, предусмотренном многочисленными федеральными законами и подзаконными актами (регламентами).

Ученые едины во мнении относительно необходимости принятия унифицированного нормативного правового акта об административных процедурах.

Можно выделить несколько подходов к правовому регулированию административных процедур. Первый подход связан с отождествлением административных процедур с правоприменительными процедурами. Таким образом, авторы предлагают урегулировать позитивную, внешненаправленную деятельность органов исполнительной власти по разрешению индивидуальных дел посредством принятия федерального закона «Об административных процедурах» (далее – Закон) [2]. Из сферы регулирования данного Закона исключаются внутриорганизационные процедуры, поскольку при реализации этих процедур не затрагиваются права и обязанности невластных субъектов, следовательно отсутствует необходимость в закреплении процессуальных гарантий [1, с.118]. Исключаются также нормотворческие процедуры, так как специфика процедур требует отдельной правовой регламентации (например, принятие федерального закона о нормотворчестве [5, с.42]), а также и юрисдикционные процедуры – цель и содержание данного вида процедур не позволяет включить их в предмет регулирования Закона [1, с.115].

Для второго подхода характерно стремление к регламентации в одном нормативном правовом акте (Законе или Административно-процессуальном Кодексе) правоприменительных, нормотворческих [8, с.127], внутриорганизационных [9, с.4-5], юрисдикционных процедур [6, с.78]. Безусловно, представляется сложным выделить основные положения таких разных по правовой природе административных процедур. Но назначение Закона заключается в закреплении основ института административных процедур, которые в полной мере можно распространить на все виды процедур. Вызывает сомнения исключение, например, внутриорганизационных процедур из предмета правового регулирования. Осуществление внутриорганизационных процедур, оказывающих влияние на реализацию внешнеуправленческих процедур, должно быть в соответствии с основными положениями об административных процедурах.

Кроме того, нет определенности в степени должной детализации административных процедур в Законе. Некоторые авторы предлагают выделить в Особенной части отдельные виды процедур [8, с.132]. Другие, напротив, предлагают строить концепцию Закона на установлении единой административной процедуры независимо от сферы управления, субъектов управления и закрепить только основы административных процедур, а детальное регулирование, учитывающее функциональные, отраслевые, региональные особенности различных процедур может осуществляться посредством принятия специальных федеральных законов, законов субъектов РФ, административных регламентов [6, с.143].

Подводя итог, следует отметить, что вопросы определения места, природы административных процедур являются дискуссионными в научном сообществе. Существующая неопределенность отражается на состоянии правового регулирования в административном институте. Не вызывает сомнений, что административные процедуры, в особенности правоприменительные процедуры, нуждаются в должном правовом регулировании на уровне федерального закона. В законе «Об административных процедурах» необходимо закрепить основные положения (понятия, принципы, субъекты, их права и обязанности, стадии), только тогда можно говорить о существовании реальных гарантий реализации прав и законных интересов частных лиц в отношениях с исполнительной властью.

Список использованных источников:

1. Давыдов, К.В. Административные процедуры: проблемы классификации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. 2017. № 2. С. 116-122.
2. Давыдов, К.В. Проект федерального закона «Об административных процедурах и административных актах в Российской Федерации» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 5. С. 57-91.
3. Ефремов, М.О. Административные процедуры как форма реализации компетенции органов публичной власти во взаимоотношениях с частными лицами: дис. канд.юрид. наук: 12.00.14. М., 2005. 203 с.
4. Мицкевич, Л.А. Очерки теории административного права. Современное наполнение: монография. М.: Проспект, 2015. 293 с.
5. Морозова, О.В. Административные процедуры в РФ, США, ФРГ: дис. канд. юрид. наук: 12.00.14. М., 2010. 215 с.
6. Овчарова, Е.В. Административная процедура налогового контроля в механизме правового регулирования // Труды Института государства и права РАН. 2019. № 2. С. 137-158.
7. Попов, Л.Л. Нужен ли нам Административно-процессуальный кодекс Российской Федерации? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 8. С. 75-78
8. Сорокин, В.Д. Административно-процессуальное право: Учебник. СПб.: Издательство «Юридический центр пресс», 2004. 540 с.
9. Тихомиров, Ю. А. Бачило И.Л., Талапина Э. В. Административные процедуры для публичной власти и граждан // Законодательство и экономика. 2002. № 6. С.4-7.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА	3
<i>Ануфриева Е.А.</i> К вопросу о понятии земельного участка	4
<i>Божкова Д.К.</i> О правовой природе решений собраний	8
<i>Боричевский С.В.</i> Обращение в доход государства имущества, приобретенного с нарушением законодательства: некоторые проблемы доказывания	12
<i>Горбачев П.А., Русанова С.Ю.</i> Некоторые особенности раздела индивидуального жилого дома между собственниками его долей	15
<i>Довгополая А.В.</i> К вопросу об ответственности членов органов управления юридических лиц	19
<i>Касимова И.Д.</i> К вопросу о возможности признания действий государства в условиях пандемии крайней необходимостью	23
<i>Маилов Т.М., Никитина К.С.</i> Защита прав кредиторов при банкротстве	27
<i>Маркова Е.А.</i> К вопросу о нотариальном удостоверении решений очных собраний обществ с ограниченной ответственностью	31
<i>Муртазаева А.А.</i> К проблеме о легализации самовольных построек	35
<i>Овечкина П.А.</i> Удаление информации в сети «Интернет» как способ защиты деловой репутации корпорации	38
<i>Олифиренко Е.П.</i> Проблемы гражданско-правового регулирования договора дарения	43
<i>Поспелова В.В., Хроколова А.А.</i> Актуальные вопросы защиты оригинального контента в сети «Интернет»	46
<i>Смакотина А.С.</i> Предоставление полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества нескольким лицам: некоторые спорные вопросы	50
<i>Тоцкий В.А.</i> Некоторые проблемы уведомления кредиторов при реорганизации юридического лица-должника	54
<i>Фалилеева А.С.</i> Рамочный договор или договор с открытыми условиями	58
<i>Фунтусова И.А.</i> К вопросу о применении судебной неустойки (астрента) к денежным обязательствам	62
<i>Хачбулагян В.Н.</i> Правовая природа ответственности лиц, входящих в состав органов управления юридического лица	66
<i>Шиховцова К.Е.</i> Оценка субъективной стороны в спорах о применении последствий предоставления недостоверных заверений	70
<i>Шляга П.А.</i> Наследование пережившим супругом доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью	74
<i>Щупакова М.Е.</i> К вопросу о правовой природе совместного завещания	77
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	82
<i>Аракелян М.С.</i> К вопросу об обязанности раскрытия доказательств в гражданском процессе	83

<i>Атакулова С.Ш.</i> Институт медиации: достоинства и недостатки	86
<i>Белан Д.В.</i> Эволюция взглядов на природу института процессуального соучастия в гражданском процессе России	91
<i>Васильева К.А.</i> Проблема назначения финансового управляющего и конституционная гарантия судебной защиты гражданина	94
<i>Володин И.В.</i> Предпосылки права на обращение в суд в гражданском и арбитражном процессе РФ	98
<i>Дмитриева П.И.</i> Наследственный договор как основание наследования: проблемы правового регулирования	102
<i>Евдюнина Е.С.</i> К вопросу о независимости арбитражных заседателей как самостоятельном принципе арбитражного процесса	105
<i>Еремина Ю.О.</i> О проблеме доступности правосудия во время эпидемии COVID-19	109
<i>Жулакашвили Г.Н.</i> О понятии и сущности мирового соглашения	113
<i>Зиновьева М.В., Кулакова А.О.</i> К вопросу о возможности применения эстоппеля в цивилистическом процессе	117
<i>Иванченко Д.Е.</i> Проблемы применения аудио- и видеозаписей в гражданском процессе	121
<i>Кравцов А.В.</i> Обращение прокурора в защиту интересов Российской Федерации	125
<i>Кухаренко Л.В.</i> Проблемы применения электронного доказательства в арбитражном процессе	129
<i>Лещинский А.С.</i> К некоторым вопросам о свойстве преюдициальности в контексте субъективных пределов законной силу судебного решения	133
<i>Мамедов Р.Р.</i> Правовая природа производства по делам о несостоятельности (банкротстве)	137
<i>Манукян М.Г.</i> Отличие процессуальных сроков от сроков материального права	141
<i>Машинская Д.А.</i> Проблемы соблюдения претензионного порядка при обращении в арбитражный суд	143
<i>Мурзина М.С.</i> Преюдиция в арбитражном процессе	147
<i>Надольская А.А.</i> К вопросу об особенностях процессуального статуса субъектов иска в защиту прав и законных интересов группы лиц	151
<i>Осипов В.В.</i> Аудио- и видеозаписи как судебные доказательства в гражданском процессе	155
<i>Петряков Н.Д.</i> Несоблюдение принципа гласности при рассмотрении дела как основание для отмены судебного акта	160
<i>Подлесный А.Д.</i> К вопросу о правовой природе упрощенного производства в арбитражном процессе	164
<i>Пузырева А.Д.</i> Мировое соглашение как примирительная процедура	168

<i>Рязанова Д.А.</i> Отдельные проблемы упрощенного производства в арбитражном процессе	172
<i>Сорокин А.А.</i> Использование технологии распределенного реестра (блокчейн) в цивилистическом процессе и блокчейн-арбитраж	177
<i>Струков В.Я.</i> Проблематика финансирования процедуры банкротства физических лиц	180
<i>Тихонов Е.А.</i> Проблемы нотариального удостоверения решений общих собраний обществ с ограниченной ответственностью	184
<i>Трифонова Е.Л.</i> Цифровизация процедуры медиации	188
<i>Тришин Н.А.</i> К вопросу о факультативных стадиях нотариального производства	192
<i>Фунтусова И.А.</i> К вопросу о взыскании судебной неустойки (астрента) арбитражными судами	196
<i>Холявко Д.С.</i> Преюдициальные обстоятельства как факты и правоотношения	199
<i>Чайка О.В.</i> О понятии и значении элементов иска	203
<i>Ягупова Е.В.</i> Участие прокурора в арбитражном процессе	207
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ И ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ	211
<i>Brünjes A., Werning J.</i> Einflussnahme der elektronischen Aufenthaltsüberwachung in der Bewährungshilfe	212
<i>Meyer L.</i> Gefahren in den sozialen Medien am Beispiel Cybermobbing	214
<i>Анциферова А.Р., Карпухин Е.А.</i> Ресоциализация как форма профилактического воздействия	218
<i>Буров Р.В.</i> Достоинства и недостатки обучения детей коренных малочисленных народов Российской Федерации в кочевых школах и школах-интернатах	222
<i>Быкова К.И.</i> Предупреждение как принудительная мера воспитательного воздействия, применяемая в отношении несовершеннолетних	225
<i>Васильева К.А.</i> Проблема международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности против несовершеннолетних	227
<i>Викторова М.С.</i> Уголовная ответственность за доведение до самоубийства несовершеннолетних лиц посредством социальных сетей	231
<i>Кочетова П.О.</i> Личность электорального преступника: понятие, криминологическая характеристика и типологизация	233
<i>Кременецкая Н.Е., Подковальников Д.М.</i> Общественная опасность личности осужденного как категория уголовно-исполнительного права	237
<i>Кужугет С.Х.</i> Профилактика влияния криминальной субкультуры АУЕ на подростков	241
<i>Лукашеева А.Д., Мажинский В.А.</i> К вопросу о смертной казни в Российской Федерации	245

<i>Мешкова Н.Д.</i> Роль общеобразовательных организаций в процессе формирования в обществе нетерпимости к коррупционному поведению	249
<i>Пасько Д.В., Седов М.А.</i> Использование криптовалюты в незаконном обороте наркотиков	252
<i>Савинцева Н.В., Шаргина Е.В.</i> Криминологическая обусловленность оптимизации законодательных мер противодействия домашнему насилию в отношении женщин	256
<i>Сухоносова В.А.</i> Правовой режим детско-родительских отношений в Российской Федерации.....	260
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИНОСТРАННОГО ПРАВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ	265
<i>Захарова С.Е.</i> Удостоверение Российских официальных документов в соответствии с Гаагской конвенцией 1961 года, отменяющей требования легализации иностранных официальных документов: практические сложности проставления апостиля	266
<i>Pastuschtschik A.W.</i> Heutiges Urheberrecht Deutschlands: Rechtsquellen, grundlegende Vorschriften, Probleme des wissenschaftlichen Plagiats	270
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	274
<i>Barinova A.A.</i> Green Bonds Overview. How “Green” is Russia?	275
<i>Buyda A.D., Sidorova E.A.</i> Renewable Energy Use: the Role of Artificial Intelligence	277
<i>Gributskaya O.V.</i> Artificial Intelligence and World Affairs: Monopoly, Duopoly or Multipolarity?.....	280
<i>Ващенко Н.В.</i> К вопросу о целях международно-правовой ответственности	284
<i>Денисова Т.Э.</i> Общая визовая политика УС в контексте поправок к Визовому кодексу	288
<i>Дмитриева М.Ю.</i> Концепция «Food Safety» в практике Всемирной торговой организации	291
<i>Дубова А.С.</i> Арбитрабельность корпоративных споров в международном коммерческом арбитраже	294
<i>Захарова С.Е.</i> Проблемные вопросы проставления апостиля на российских официальных документах, подлежащих вывозу за пределы территории российской федерации	298
<i>Злотникова Д.А.</i> Правосубъектность транснациональных корпораций в доктрине международного и национального права.....	303
<i>Рузанова П.Д.</i> Мусорная реформа в российском и зарубежном опыте	306
<i>Сушко М.И.</i> К вопросу о дипломатическом убежище	310
<i>Файз Я.</i> Понятие электронных ценных бумаг в международном праве	313

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ БИЗНЕСА	318
<i>Авакян Ю.А.</i> Предпринимательская деятельность несовершеннолетних	319
<i>Алиев К.А.</i> Ретроспективный анализ форм недобросовестной конкуренции	323
<i>Горелик Д.Ю., Уставщикова А.А.</i> Прокурорский надзор за исполнением законодательства о закупках товаров (работ, услуг) для государственных и муниципальных нужд в сфере образования.....	327
<i>Горюнова М.В.</i> Налоговая тайна	331
<i>Кухаренко Л.В.</i> Проблемы реализации конституционных принципов в сфере предпринимательского права	335
<i>Мамедов Р.Р.</i> Проблемы правового регулирования использования товарных знаков в предпринимательской деятельности	339
<i>Мантуровская А.Д.</i> Недобросовестная реклама продажи лекарственных средств как вид недобросовестной конкуренции	343
<i>Петренко О.П.</i> Квалифицирующие признаки недобросовестной конкуренции путем дискредитации как основание для привлечения к юридической ответственности	348
<i>Романцова М.А.</i> Об опыте внедрения системы антимонопольного комплаенса	351
<i>Солдатова М.А.</i> Анализ судебной практики по вопросам реализации Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. От 01.04.2020) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»	355
ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ И ПРАКТИКА	360
<i>Астальцев А.А.</i> Позитивная юридическая ответственность как форма реализации юридической ответственности	361
<i>Выборова В.О.</i> К вопросу о соотношении понятий нормативных и правовых обобщений	365
<i>Овчинников И.Л.</i> Соотношение понятий злоупотребление правом и правонарушение.....	369
<i>Осипов В.В.</i> Отечественные и иностранные военнослужащие в городе Красноярске на территории военного городка с 1908 по 1922 год: вопросы правового регулирования	373
<i>Очередько Н.В.</i> Участие и роль нотариуса при удостоверении брачного договора.....	377
<i>Павлова О.А.</i> О неопределенности формы правового акта на примере решения о переводе земель или земельных участков в составе таких земель из одной категории в другую	381
<i>Тользак А.Е.</i> Место и роль политики в механизме правового воздействия	385
<i>Чойропова С.А.</i> Гендерная дискриминация или забота о здоровье?	389

<i>Шадрина А.В.</i> Влияние иностранных источников права на право московские государства XV-XVII вв.	392
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ .	397
<i>Баасанжаргал Л.</i> Семейная политика в России и в Средней Азии	398
<i>Бородулина С.Е.</i> Социальная работа с осужденными женщинами, имеющими детей в исправительном учреждении	401
<i>Голобурдина К.С.</i> Одинокое отцовство как новый тип родительства	406
<i>Гурьянова В.С.</i> Ювенальные технологии в России: правовой аспект.....	410
<i>Зимонина Ю.О.</i> Неблагополучная семья как фактор социального сиротства..	414
<i>Сыроковаш Д.Г.</i> Профессиональное выгорание: анализ терминологии	417
<i>Ткач М.О.</i> Актуальность внесения изменений в профессиональный стандарт специалиста по социальной работе.....	421
<i>Янова В.В.</i> Правовой аспект жизнеустройства совершеннолетних молодых людей с расстройством аутистического спектра	424
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА	429
<i>Абрамова И.Е.</i> Уголовная ответственность за дезертирство в годы великой отечественной войны	430
<i>Асташкова Ю.Г.</i> Понятие «пытка» в международном праве	432
<i>Атакулова С.Ш.</i> К вопросу о субъективной стороне халатности	436
<i>Байрамова Э.М.</i> Значительный имущественный ущерб как признак ст.205 УК РФ	440
<i>Балезина Н.В.</i> О некоторых проблемах определения субъекта несообщения о преступлении (ст. 205.6 УК РФ).....	444
<i>Барабаш А.А.</i> Субъект преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ	448
<i>Бегриш И.С.</i> О понятии ошибки в уголовном праве.....	452
<i>Бойко И.А.</i> Проблематика правового регулирования оборота гомеопатических средств в России	456
<i>Буданова В.С.</i> Квалификация преступлений против мира безопасности человечества	459
<i>Волкова Н.С.</i> Целесообразность разграничение насильственного грабежа от разбоя.....	463
<i>Газенкамф А.В.</i> Субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 122 Уголовного кодекса РФ	466
<i>Глухман Д.С.</i> Проблемы толкования признаков состава преступления, предусмотренного статьей 210.1 УК РФ	470
<i>Дерменев В.Е.</i> О некоторых вопросах определения субъекта мошенничества в сфере предпринимательской деятельности	475
<i>Дядина А.В.</i> К вопросу о форме вины при доведении до самоубийства	479
<i>Зайковская Ю.А.</i> Проблема разграничения убийства с косвенным умыслом и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть человека	483

<i>Золотой Н.В.</i> Проблемы применения состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ	487
<i>Капаева К.В.</i> О законодательной конструкции ч. 2 ст. 213 УК РФ	492
<i>Китиа Р.Р.</i> Убийство по найму – убийство организованной группой?	496
<i>Киюцина И.А.</i> Проблема соотношения понятий жестокости, жестокого обращения и особой жестокости в уголовном праве	500
<i>Климатов П.Д.</i> Принуждение к даче показаний: проблема квалификации соучастия	504
<i>Кулешова Д.П.</i> К вопросу о способах склонения к совершению самоубийства	507
<i>Лебедева О.В.</i> Рецидив преступлений и наступление тяжких последствий в результате совершения преступления как обстоятельства, отягчающие наказание	511
<i>Мельников А.А.</i> Проблемы толкования цели «дестабилизация деятельности органов власти» при совершении террористического акта	514
<i>Мокина Е.Е.</i> Теоретическая и практическая обоснованность новых положений постановления Пленума «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» в контексте применения норм, предусмотренных статьей 291.1 УК РФ	519
<i>Обмётко М.А.</i> Разграничение вымогательства и принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения	523
<i>Петрова А.А.</i> Понятие сильнодействующих и ядовитых веществ для целей ст. 234 УК РФ «Незаконный оборот сильнодействующих и ядовитых веществ в целях сбыта»	527
<i>Пичев К.Д.</i> Признаки добровольного отказа (на примере некоторых форм хищения)	530
<i>Рукомасов Д.С.</i> Понятие лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (ч. 4 ст. 210, ст. 210.1 УК РФ)	533
<i>Савченко К.О.</i> Имущество, находящееся в общей совместной и долевой собственности, как предмет хищения	538
<i>Сидиропуло М.М.</i> Сравнительно-правовое исследование назначения наказания несовершеннолетним в зарубежном уголовном законодательстве и в уголовном праве России	542
<i>Смолина Е.А.</i> Актуальные проблемы правового регулирования деятельности букмекерских контор в сети «Интернет»	545
<i>Терновой Л.В.</i> Понятие социальной группы в объективной стороне состава преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ	548
<i>Федорова Т.А.</i> О субъекте преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 131 УК РФ	552
<i>Фокина К.В.</i> Понятие превышения пределов обоснованного риска	555

<i>Хамидуллин С.А.</i> Вопросы реализации уголовной политики при совершении преступлений с использованием цифровых финансовых активов	559
<i>Шахова А.С.</i> Об определении понятия «оскорбление» в составах преступлений против государственной власти.....	561
<i>Шихова Е.А.</i> Квалифицирующие признаки преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ.....	566
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	571
<i>Абдулкарим Ф.А., Масарновская С.А.</i> Судебная экспертиза в уголовном судопроизводстве: подходы иракских и российских законодателей и практиков.....	572
<i>Алексеев С.А.</i> О некоторых вопросах ведомственного контроля следователя и его взаимоотношение с процессуальной самостоятельностью следователя	576
<i>Баженов А.В.</i> Право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в свете правовых позиций ЕСПЧ	580
<i>Борева Р.Е., Пастущик А.В.</i> Обеспечение подозреваемому и обвиняемому права на защиту в свете правовых позиций ЕСПЧ	583
<i>Борисенков Н.В.</i> Правомерность отнесения преднамеренных незаконных действий лица, ведущего расследование по уголовному делу, к следственным ошибкам	587
<i>Гантман А.О.</i> Актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации	591
<i>Гаранжа А.Ю.</i> Некоторые проблемы российской судебной практики при рассмотрении доводов о провокации преступления	594
<i>Гирба Ю.А.</i> Ходатайство о допросе специалиста по уголовному делу в судебном заседании	599
<i>Григорьева А.А.</i> Цифровизация уголовного судопроизводства: перспективы развития	603
<i>Грицков А.А.</i> К вопросу о введении уголовной ответственности юридических лиц в Российской Федерации.....	606
<i>Дмитриев Г.П.</i> К вопросу о судебном контроле в досудебном производстве.....	610
<i>Задоркина В.А.</i> Установление истины в уголовном судопроизводстве.....	613
<i>Зенгер А.Г., Анохина Е.С.</i> Право на уважение частной, семейной жизни в уголовном производстве. Анализ практики решений ЕСПЧ	614
<i>Зубова К.А.</i> К вопросу о проблемах производства по уголовным делам о преступлениях с административной преюдицией	618
<i>Катаева А.А.</i> Установление достоверности доказательств в уголовном процессе, основанном на публичном начале	622
<i>Козина Н.П.</i> Проблемы реализации норм уголовно-процессуального законодательства о международном сотрудничестве.	626

<i>Косенкова А.А.</i> Проблемы правового статуса защитника в уголовном судопроизводстве	630
<i>Костенко Д.С.</i> Фигура следственного судьи как ключевой элемент института судебного контроля.....	633
<i>Логинова Е.В.</i> Контролируемые коллегии присяжных заседателей. Создание контролируемых коллегий, методы их контроля, способы нивелирования ...	637
<i>Лукашьева А.Д.</i> Роль прокурора в уголовном процессе.....	642
<i>Луцаева М.Д., Солонкина Т.В.</i> Влияние решений ЕСПЧ на изменения уголовно-процессуального законодательства РФ	646
<i>Лысенко И.П.</i> Право на справедливое судебное разбирательство в рамках решений ЕСПЧ.....	650
<i>Масарновская С.А.</i> Итоговое судебное решение как предмет сплошной кассации	654
<i>Набиева Х.Ю., Смелянец Ю.Ю.</i> Показания анонимных свидетелей по уголовным делам и условия правомерности их использования в суде (на основе решений ЕСПЧ).....	658
<i>Пипия Д.А.</i> Провокация взятки и ее ограничение от оперативного эксперимента на примере правовых позиций европейского суда по правам человека	662
<i>Плоских Н.Д.</i> Вопросы организации прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими орд, при рассмотрении обращений граждан	666
<i>Самойлик П.А.</i> Процессуальные препятствия к применению положений ч. 5 ст. 62 УК РФ при производстве по уголовным делам в порядке гл. 40.1 УПК РФ.....	669
<i>Седашов Д.С.</i> Некоторые вопросы эффективности прокурорского надзора на этапе приема, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлениях ..	672
<i>Сидоренко К.С.</i> Проблемы использования полиграфа в современном уголовном процессе России	677
<i>Хроколова А.А.</i> О некоторых вопросах истории становления и развития уголовного процесса в России	680
<i>Шашкова И.А.</i> Применение технологий распознавания лиц (на примере опыта зарубежных стран)	684
<i>Штейнгатт А.Л.</i> Проблемы осуществления выдачи лица (экстрадиция)....	688
<i>Юрков Н.С.</i> К вопросу о соотношении иных документов – вещественных доказательств и иных документов в уголовном процессе	692
<i>Яковлев Е.А.</i> Понятие квалифицированной юридической помощи.....	695
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИКИ	700
<i>Биллер М.В.</i> Личность взяткополучателя при расследовании взяточничества, совершаемого сотрудниками правоохранительных органов	701
<i>Евстафьева Ю.О.</i> Выявление криминальных инсценировок	705

<i>Ероцкая И.А.</i> Некоторые вопросы назначения экспертиз по уголовно-процессуальному праву России и ФРГ (сравнительный аспект).....	707
<i>Кабанова М.Д.</i> Установление личности преступника методом ДНК-анализа при расследовании убийств, совершенных на сексуальной почве.....	711
<i>Копытов С.Л.</i> Особенности организации и тактики допроса потерпевшей при расследовании изнасилования, совершенного группой несовершеннолетних.....	713
<i>Махновская А.А.</i> К вопросу об источниках возникновения судебно-экономической информации	717
<i>Родионова М.С.</i> Практика применения огнестрельного оружия сотрудниками правоохранительных органов на примере России и США.....	721
<i>Семеновский А.И.</i> Некоторые рекомендации психологической типологии в криминалистическом обеспечении деятельности адвоката	724
<i>Сенченко С.К.</i> Некоторые вопросы нормативного регулирования наводящих вопросов в российском и зарубежном законодательстве.....	728
<i>Скачко Е.В., Раммуханова Н.Р.</i> Версия, как элемент расследования преступления	732
<i>Суханов М.А.</i> Параллельное (адвокатское) расследование в досудебном производстве: опыт зарубежных стран и возможность реализации в Российской Федерации	736
<i>Федоров И.И.</i> Криптовалюта как предмет совершения преступления	739
<i>Фунтусова И.А.</i> О некоторых аспектах невербальной коммуникации	743
<i>Шаргина Е.В.</i> Проблемные аспекты предварительной проверки материалов на первоначальном этапе расследования причинения вреда здоровью	747
<i>Эрли Е.А.</i> Особенности постановки наводящих вопросов по законодательству Соединенных Штатов Америки (США).....	751
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА	755
<i>Абдрахимов Т.Т.</i> Основные нотариальные действия в избирательном процессе в Российской Федерации.....	756
<i>Карабутин В.О.</i> Особенности правового регулирования «дня тишины» в избирательном законодательстве Российской Федерации и зарубежных стран ...	760
<i>Ковалев А.Ю.</i> Парламентская оппозиция: конституционно-правовые гарантии в Российской Федерации и зарубежных странах	763
<i>Кузнецов И.Н.</i> Изменение преамбулы конституции РФ: юридический аспект	766
<i>Меньщикова Д.М.</i> Опубликование и обнародование муниципальных нормативных актов	770
<i>Морозов А.М.</i> Баланс частных и публичных интересов при ограничении права на свободу слова в сети интернет.....	774

<i>Пузынин И.Ю.</i> Пределы реализации права на квалифицированную юридическую помощь в правовых позициях Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации	777
<i>Сытник С.С.</i> Общероссийское голосование как новая форма всенародного голосования.....	781
<i>Уматкулова Ф.Т.</i> Миграционная правовая политика современной России: институциональные аспекты	785
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА	789
<i>Алесов В.А.</i> Система медико-социальной экспертизы: административно-правовой аспект.....	790
<i>Бабкова А.В.</i> Состав административного правонарушения, предусмотренного частями 3, 3.1 статьи 14.13 КоАП РФ при нарушении арбитражным управляющим требований разумности и добросовестности	794
<i>Бельский Д.В.</i> Особенности назначения и исполнения запрета на посещение публичных спортивных мероприятий.....	798
<i>Дукарт А.С.</i> Оценка эффективности наказания в административном праве..	802
<i>Дядичкина Е.А.</i> Категория «опьянение» при совершении правонарушений, предусмотренных ст. 12.8 КоАП РФ	804
<i>Евдокименко А.В.</i> Перспективы развития электронного правительства в эпоху цифровизации.....	807
<i>Казанцева И.А.</i> Эффективность административной ответственности за побои в отношении близких лиц в контексте профилактики семейно-бытового насилия.....	811
<i>Клят Э.М.</i> Соотношение административного договора, административного акта, публичного договора и гражданско-правового договора	814
<i>Мамедова В.Г.</i> Проблемы привлечения несовершеннолетних к административной ответственности	817
<i>Погорельцев В.В.</i> Злоупотребление субъективным публичным правом	820
<i>Сытник С.С.</i> Правоприменительные административные процедуры	824

СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

